

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнева

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ТРУДА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

*Материалы IX Международной научно-практической конференции
(22 ноября 2025 г., Красноярск)*

CURRENT PROBLEMS WORK PSYCHOLOGY: THEORY AND PRACTICE

*Materials of the IX International scientific and practical conference
(on November 22, 2025, Krasnoyarsk)*

Электронное издание

Красноярск 2025

© СибГУ им. М. Ф. Решетнева, 2025

УДК 330.16 (082)
ББК Ю94.1я43
А437

Редакционная коллегия:

Ю. Ю. Логинов (председатель),
Н. С. Ливак, Е. А. Мухамедвалеева (заместители председателя)

Публикуется по решению редакционно-издательского совета
университета

Актуальные проблемы психологии труда: теория и практика [Электронный ресурс] : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (22 ноября 2025 г., Красноярск). – Электрон. текстовые дан. (1 файл: 2,1 МБ). – Систем. требования : Internet Explorer; Acrobat Reader 7.0 (или аналогичный продукт для чтения файлов формата .pdf) ; СибГУ им. М. Ф. Решетнева. – Красноярск, 2025. – Режим доступа: <https://www.sibsau.ru/scientific-publication/>. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-86433-895-7

Представлены результаты научных исследований в области психологии труда студентов, аспирантов и специалистов высших учебных заведений России и зарубежья.

В статьях сохранен авторский стиль изложения.

**УДК 330.16 (082)
ББК Ю94.1я43**

Подписано к использованию: 12.12.2025. Объем: 2,1 МБ. С 354/22.

Корректura, макет и компьютерная верстка *П. С. Бороздов*.

Редакционно-издательский отдел СибГУ им. М. Ф. Решетнева.
660037, г. Красноярск, просп. им. газ. «Красноярский рабочий», 31.
E-mail: rio@mail.sibsau.ru. Тел. (391) 201-50-99.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Азарёнок Н. В. Особенности жизнестойкости студентов-психологов.....	10
Альшевская А. М., Байгулова Н. В. Моделирование программы социально-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков.....	17
Альшевская А. М., Байгулова Н. В. Профессиональные пробы как одна из эффективных форм профессиональной ориентации подростков.....	23
Аминева И. Р., Мешкова С. С. Психологическая готовность личности к профессиональной деятельности в условиях постоянных изменений.....	27
Банщикова И. А., Малышева Г. И. Самосострадание как предиктор сохранения психологического благополучия подростков.....	34
Беляева А. В., Талипова О. А. Психологическое здоровье как ресурс семейного благополучия: уровни саморазвития, критерии и ценностные основания.....	40
Бобровникова Н. С., Хрипкова А. Д. Возможности онлайн-платформ в профориентации подростка.....	45
Василенко С. И. Формирование универсальных компетенций студентов посредством воспитательной работы.....	51
Гадилия А. М. Мотивационная направленность студентов в контексте развития их предпринимательских способностей.....	57
Гриднев А. О. Профессиональная готовность студентов-психологов с разной выраженностью склонности к профессиям типа «человек-человек».....	62
Голова Д. А., Ливак Н. С. Исследование ценностных ориентации подростков.....	71
Гудкова М. И., Гайфуллин А. Ю. Мотивация молодёжи при выборе профессии.....	78
Гусева Н. А. Совершенствование организации дополнительного образования, в том числе профессионального.....	85
Дронь М. И. Управление образовательным процессом в цифровой среде как учебная программа и деятельность учреждения образования.....	90
Егорова Э. Э., Талипова О. А. Копинг-стратегии и психологические защиты при осложненной беременности: теоретико-методологический анализ.....	97
Егорова Э. Э., Талипова О. А. Связь уровня стресса, социальной адаптации и депрессивных проявлений у беременных с угрозой прерывания беременности.....	103
Завьялова Д. Д., Леснянская Ж. А. Развитие мотивации достижения успеха у студентов первого курса как залог профессионального становления.....	109
Иванова А. М., Талипова О. А. Стрессоустойчивость студентов в условиях информационной и городской перегрузки: теоретический анализ.....	115
Ильина Е. В., Томилова С. А. Архетип «раненого целителя» в юнгианском анализе.....	121
Исмагилова А. Т., Талипова О. А. Особенности психоэмоционального развития и девиантного поведения в подростковом возрасте.....	127
Каверзин И. И., Мухамедвалеева Е. А. Становление личности учащегося в условиях кадетского образования.....	133
Капустина Т. О. Проблемы формирования психологической готовности к профессиональной деятельности.....	139
Киришина А. М., Талипова О. А. Психологические защиты родителей, воспитывающих детей с расстройством аутистического спектра: механизмы, особенности и пути поддержки.....	145

Кудрявцев Н. Д., Ватлецова Е. К. Поколение Z и феномен «плавающей идентичности»: особенности профессионального самоопределения современной молодежи	152
Кузьмина А. А., Талипова О. А. Темперамент и эмоциональная регуляция в контексте аддиктивного поведения	157
Кулько Е. И. Адаптация как фактор профессионального становления	164
Кутякова А. А., Плотников К. И., Иванова И. П. Психологические барьеры профессиональной самореализации в условиях экономической нестабильности	169
Кутякова А. А., Плотников К. И., Иванова И. П. Профессиональное выгорание: профилактика при неопределённости	176
Лунегова В. А., Талипова О. А. Особенности личности младших школьников с синдромом дефицита внимания и гиперактивности	181
Лукашова М. А. Методологические аспекты трекинга студенческого стартапа.....	188
Новаш В. А., Ковальчишина Н. И. Образ идеального психолога-консультанта в представлении студентов младших и выпускных курсов.....	194
Новичук К. Н., Гудовский И. В. Работа с суицидальным поведением у подростков как этап профессионального становления для педагога-психолога.....	200
Олимжонова К. У. Влияние учебной мотивации на профессиональное самоопределение студентов.....	208
Омарова Е. В. Факторы профессионального выгорания у студентов старших курсов в период обучения и подготовки к трудовой деятельности	215
Ранский М. А., Пискорская С. Ю. Роль мягких навыков в эпоху искусственного интеллекта.....	222
Ревуцкая И. В. Фрустрационные факторы профессионального становления будущих психологов	229
Рыбакова Я. В., Пискорская С. Ю. Профессиональное становление личности в учреждениях культуры: социокультурный подход	236
Пиневич А. А., Ливак Н. С. Копинг-стратегии в кризисных ситуациях	242
Пыжова Н. Н. Актуальные проблемы профессионального развития личности государственных гражданских служащих в условиях цифровизации.....	251
Сафронов В. В. Роль поведенческого фактора в профессиональном становлении личности юриста	257
Серебряков Б. А., Портнягина А. М. Влияние акцентуаций характера на выбор профессионального пути старшеклассника.....	267
Ситдилов Д. И. Роль эмоционального интеллекта в формировании профессиональной идентичности и мотивации молодых сотрудников	272
Спиглазова М. В., Аболина Е. О. Исследование психологического здоровья студентов.....	279
Спиглазова М. В., Пимченко А. А., Девятловский Д. Н. Профилактика аддиктивного поведения в подростковом возрасте	285
Стрельникова Н. И., Юрьева М. В. Психологическая устойчивость сотрудников в стрессовых ситуациях.....	291
Темерова Е. И., Мешкова С. С. Взаимосвязь тревожности и психологической готовности старшеклассников к профессиональному самоопределению.....	297
Тимохин Н. Н. Трансформация регуляторных механизмов профессиональной коммуникации в условиях цифровизации	304
Федоровская Д. А., Бобровникова Н. С. Развитие soft skills как психолого-педагогическая задача профессиональной подготовки молодых специалистов	309
Хазырова О. Н., Асадуллина Г. Р. Влияние современных трендов на формирование профессиональных предпочтений у молодежи.....	315
Чепрасова М. С., Аболина Е. О. Социальная компетентность обучающихся	322

Чугунов А. О., Аболина Е. О. Гендерные особенности конфликтной компетентности студентов ВУЗа	322
Шершнёва Т. В. Психолого-педагогические метакомпетенции как фактор профессионального становления студентов технического университета	334
Шитакова О. Ю., Гуськов А. Ю., Иванов П. Н. Формирование у студентов и курсантов основ культуры наставничества	341
Яцкая Д. Д. Влияние ии на профессиональное становление и психологическое состояние специалистов	348

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аброров Ф. А., Пискорская С. Ю. Развитие межкультурной компетентности у специалистов по коммуникациям	356
Амельченко В. В., Девятловский Д. Н. Психологические барьеры на пути к акме и способы их преодоления	362
Аминева И. Р., Дулинец Г. Г. Психологические условия эффективности профессиональной деятельности в эпоху цифровизации труда	368
Ареськина В. Е., Аболина Е. О. Гендерные особенности жизнестойкости студентов	373
Бегалинова К. К., Ашилова М. С., Бегалинов А. С. Психологические основы профессиональной деятельности педагога в условиях цифровизации	379
Белозерцева П. П. Личностные характеристики управленцев в сфере реабилитации зависимых как предиктор эффективности управленческой деятельности	383
Белякович В. С., Ливак Н. С. Психологические аспекты профессиональной мотивации педагогов высшей школы	390
Бикташева А. Е., Смирная А. А. Профилактика эмоционального выгорания у сотрудников организации	397
Боярова О. Я., Ахметишина Э. Н. Эмоциональный интеллект как ресурс профилактики эмоционального выгорания у специалистов помогающих профессий	402
Брасс А. А. Руководитель и подчиненный: факторы уважения	408
Бобкова Е. А., Байгулова Н. В. Коррекция детско-родительских отношений как направление деятельности социального педагога	414
Василовский Г. Р., Пискорская С. Ю. Психологические условия эффективности работы специалиста по таргетированной рекламе	420
Величко В. П., Богданов В. В. Сходства и различия системных семейных и организационных расстановок	427
Веремейчик Л. А., Делец В. В., Захаренко К. М. Психологические аспекты поведения населения в условиях пожара	436
Веремейчик Л. А., Лагун М. Л., Ряжских М. Д. Психология поведения человека при наводнении	442
Власюк Ю. И., Девятловский Д. Н. Детерминанты профессионального успеха	442
Волошина А. А. Копинг-стратегии и личностные ресурсы психологов в условиях военного конфликта: факторы профессиональной устойчивости	455
Вострых А. В. Оценка эффективности психологических условий профессиональной деятельности в it индустрии	461
Гиоев Г. Э., Чашина А. А. Диагностика и профилактика синдрома эмоционального выгорания у сотрудников следственных изоляторов (на примере СИЗО-1 ГУФСИН по Красноярскому краю)	467
Гаврилова Я. В., Голова Д. А., Девятловский Д. Н. Эмоциональное выгорание у преподавателей высших учебных заведений	474

Грицук Е. Д., Микелевич Е. Б. Диагностика мотивационных ориентаций и стратегий поведения в конфликтах в женском педагогическом коллективе.....	481
Денисов А. В., Девятловский Д. Н. Психологические аспекты проблемы мотивации	486
Добрынина В. В., Ватлецова Е. К. Психологическое выгорание: причины, признаки и способы профилактики.....	493
Долгих Е. Д. Мотивационные и стрессовые аспекты работы государственных гражданских служащих	500
Журавель Д. В., Богданов В. В. Подходы к определению профессиональной деятельности человека через определение психологического типа	506
Зограф М. М., Мартин Д.-В. А., Пискорская С. Ю. Особенности формирования лояльности к бренду у представителей поколений Z и Alpha	514
Иванов Д. А., Богданов В. В. Морфогенетические поля предприятий: метафора или новая парадигма управления?	520
Качаев А. А., Девятловский Д. Н. Взаимосвязь профессионального стресса социальных работников и организационной культуры	526
Качаев А. А., Девятловский Д. Н. Особенности профессионального стресса социальных работников	532
Кивайко В. Н. Мотивация как фактор принадлежности и самоутверждения персонала в организации	538
Климов А. А., Пискорская С. Ю. Анализ методов психологической поддержки сотрудников компании	545
Козырь Т. А. Удаленная работа как риск профессионального выгорания	551
Костюк С. В. Стрессоустойчивость как ключевая компетенция современного фитнес-тренера.....	557
Кудрина Е. О., Гудовский И. В. Психология принятия решений в условиях стресса	564
Кудрина Е. О., Савченко Я. В., Портнягина А. М. Влияние социального одобрения на самооценку.....	570
Кудрина Е. О., Девятловский Д. Н. Саморегуляция и мотивация как психологические факторы эффективности деятельности.....	575
Кузина Е. М., Мешкова С. С. Психологические аспекты профессионального выгорания у сотрудников службы безопасности.....	581
Кузина Е. М., Мешкова С. С. Психологический климат в коллективе как условие эффективности совместной деятельности	587
Кулько Е. И., Рубец С. Г. Дополнительное образование – сфера деятельностной мысли.....	593
Леоненко О. А., Мешкова С. С. Синдром эмоционального выгорания у машинистов локомотивных бригад: актуальность и теоретические предпосылки исследования (на примере эксплуатационного локомотивного депо тайшет).....	599
Ливак А. М. Психолого-педагогические условия развития эмоционального интеллекта обучающихся высшего учебного заведения.....	606
Лукинова Алла А. Внутренняя и внешняя трудовая мотивация как условие профессионального долголетия.....	611
Лукинова Алла А. Профессиональное выгорание как следствие нарушения психологических условий труда: диагностика и профилактика.	617
Лукинова Алла А. Роль эмоционального интеллекта руководителя в профилактике профессионального выгорания сотрудников	623
Лукинова Анна А. Цифровой баланс: как сохранить психическое здоровье в условиях постоянной онлайн-активности.....	628
Лукинова Анна А. Эмоциональный интеллект, как основной фактор в профессиональной деятельности: как управление эмоциями повышает эффективность в процессе управления	634

Мананкова А. А., Фомина Н. Н. Обратная связь как инструмент формирования цифровой организационной культуры.....	639
Матюшина М. А., Мустафина Л. Ф. Специфика работы социального педагога в детском доме	644
Морозова А. А., Ливак Н. С. Развитие эмоционального интеллекта в младшем школьном возрасте	649
Непомнящих В. В., Пискорская С. Ю. Профилактика эмоционального выгорания педагогов.....	655
Новиков С. Д., Пискорская С. Ю. Современные социальные проблемы при трудоустройстве	661
Рихтгофен Э. Е., Титова В. Д., Портнягина А. М. Искусственный интеллект как инструмент психодиагностики	667
Пономарева М. А. Психологическая готовность к управленческой деятельности как фактор эффективности руководства	673
Пчелкина А. Ю., Ливак Н. С. Психология KPI: как ключевые показатели формируют ментальное состояние.....	678
Радько Т. А., Полещук Ю. А. Психологические особенности самооценки и мотивации шахматистов в зависимости от уровня спортивного мастерства	684
Самарина Т. А., Девятловский Д. Н. Личностные детерминанты профессионального выгорания преподавателей вуза	688
Самсонов Н. О., Ливак Н. С. Профилактика кибербуллинга и формирование этичного поведения в сети.....	695
Селеверстова С. И., Ливак Н. С. Влияние арт-терапевтических техник на самооценку младших школьников в театральной студии.....	700
Семенова М. С., Столярова С. А. Профессиональная деформация как фактор снижения работоспособности у специалиста по социальной работе	706
Терещенко Е. С., Ватлецова Е. К. Психологические предпосылки успеха в профессиональной деятельности.....	713
Чашин Д. А., Васильцова Е. В., Девятловский Д. Н. Творческий потенциал как фактор профессионального развития педагога-психолога	720
Харченкова С. С., Фомина Н. Н. Влияние трудоголизма и презентеизма на психологическое благополучие сотрудников	726
Холодилова А. И., Ливак Н. С. Теоретические подходы к изучению особенностей мнестических процессов в условиях профессионального стресса в сервисных профессиях.....	732
Шаньгина Е. А., Пискорская С. Ю. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и профессионального выгорания сотрудников МЧС	739
Швечикова В. С., Банщикова И. А. Эмпатия как профессиональное качество адвоката	745
Юрковская Г. И. Проблемы адаптации молодых специалистов на предприятиях наукоемкого производства	751
Юшкова Е. П. Карьерные ориентации и психологическое благополучие как факторы профессиональной эффективности	758

РОЛЬ ПСИХОЛОГИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Авакян Т. А., Банщикова И. А. Психондокринологический подход в педагогической практике	765
Баранов Г. А., Зотин В. В. Психолого-педагогические аспекты профессионального самоопределения учащихся	770

Гаврилова Я. В., Аболина Е. О. Психологические особенности стрессоустойчивости студентов.....	778
Дуденко Н. А., Ливак Н. С. Цифровая среда как фактор формирования профессиональной идентичности студентов: эмпирическое исследование.....	783
Емельянова М. Н. Выявление и анализ субъективных факторов удовлетворенности преподавателей работой в вузе	788
Кутякова А. А., Плотников К. И., Иванова И. П. Стратегии снижения когнитивной нагрузки в цифровом обучении	794
Петунина А. Г., Томилова С. А. Тревожность как привычка: как мозг учится беспокоиться и как его переучить	800
Рачинский Е. А., Гудовский И. В. Влияние уровня социального интеллекта на межличностное взаимодействие в студенческом возрасте.....	807
Рачинский Е. А., Мухамедвалеева Е. А. Педагогический юмор и его влияние на организацию образовательного процесса	815
Цуцкарев Г. М., Гудовский И. В. Психологическая гибкость как системный ресурс адаптации в современном образовании	822
Чугунов А. О., Кудрина Е. О., Портнягина А. М. Детективная игра как средство развития логического мышления	830
Сведения об авторах	837

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Международная научно-практическая конференция

**«Актуальные проблемы
психологии труда:
теория и практика»**

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Н. В. Азарёнок

доцент кафедры психологии и конфликтологии,
кандидат психологических наук, доцент,
Филиал ФГБОУ ВО РГСУ в г. Минске Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: azarionoknv@mail.ru

В статье проводится анализ понятий «профессии социномического типа», «профессионально-важные качества психолога», «интегральный показатель жизнестойкости» и его составляющих (вовлеченность, контроль и склонность к риску). Материалы содержат описание результатов исследования особенностей жизнестойкости студентов-психологов одного из ВУЗов Республики Беларусь.

Ключевые слова: профессии социномического типа, профессионально-важные качества психолога, жизнестойкость, вовлеченность, контроль, принятие риска.

This article analyzes the concepts of «socioeconomic professions», «professionally important qualities of a psychologist» and «the integral resilience indicator» and its components (engagement, control, and risk propensity). The materials describe the results of a study examining the resilience characteristics of psychology students at a university in the Republic of Belarus.

Key words: socioeconomic professions, professionally important qualities of a psychologist, resilience, involvement, control, risk acceptance.

Вопросы профессионального становления молодого специалиста не теряют своей актуальности, несмотря на достаточно обширный круг исследований. Особую категорию в этих исследованиях занимают профессии социномического типа, деятельность в рамках которых основана на общении типа «человек-человек». «Специфика социномических профессий заключается в том, что человек или общность людей здесь не выступают как социальная среда, условие деятельности, а рассматриваются в качестве объекта и предмета деятельности... Стремление представителей помогающих профессий сделать мир «светлее и чище», является самой адекватной мотивацией работы» [8, с. 186]. С.Н. Сорокоумова и В.П. Исаев отмечают «мы понимаем профессиональную деятельность специалистов социномических профессий как деятельность, при которой профессиональные компетенции осознанно используются специалистом (при непосредственном взаимодействии с человеком, обратившимся за помощью) с целью оказания физической, социальной и психологической помощи для улучшения качества его жизнедеятельности» [8, с. 189]. Именно к такой деятельности относится работа психолога, профессиональные компетенции которого становятся особенно востребованными в период экономической и социальной неустойчивости, приводящей к стрессу и другим психологическим проблемам у членов современного общества. «В связи с этим одной из важнейших задач высшего профессионального образования выступает подготовка психологов, готовых к работе в ситуации неопределенности, способных разрабатывать и внедрять инновационные практики, адаптированные к потребностям общества, и решать актуальные проблемы современности в области образования, здравоохранения, социальной сферы, управления и производства» [3, с.50].

Ряд исследователей обращают внимание на наличие специальных способностей, необходимых для эффективной деятельности специалистов социэкономических профессий, которые подразделяются на общие (например, альтруистическая направленность, желание работать с людьми) и профессиональные (эмоциональная устойчивость, эмпатия, рефлексия, наблюдательность и ряд других). Отдельно отмечается, что специалист сферы типа «человек-человек» должен обладать определенным набором морально-нравственных качеств, связанных с соблюдением конфиденциальности, уважением к личности. Относительно работы психолога это сформулировано следующим образом: «психолог должен стремиться содействовать открытости науки, обучения и практики в психологии. В этой деятельности психолог должен быть честным, справедливым и уважающим своих коллег» [11].

Обзор исследований позволяет выделить профессионально-личностный компонент профессионально-важных качеств психолога. Т.А. Егоренко в роли таковых описывает «социально-рефлексивные личностные черты – индивидуальные, относительно устойчивые паттерны реагирования на социальную среду, а также рефлексия и эмпатия как специфичные профессионально-важные качества» [5, с. 2]. В продолжении автор указывает, что «центральный смысловым компонентом профессиональной деятельности психолога является психологическое благополучие личности» [5, с. 2]. Достичь такого благополучия достаточно трудно, если психолог не научился совладать с возникающими собственными проблемами и не сформировал у себя высокий уровень жизнестойкости.

Анализ исследований позволяет сделать вывод, что чаще всего под жизнестойкостью понимается «способность человека успешно преодолевать неблагоприятные условия внешней среды и демонстрировать высокую устойчивость к стрессорам» [2, с. 31]. Само понятие «hardiness», которое с английского чаще переводят как «выносливость» (возможны варианты «устойчивость», «закаленность», «крепость», «стойкость» и «смелость»), было предложено научному сообществу в 80-х годах XX века американскими психологами Сальвадором Мадди и Сьюзен Кобейс, и употреблялось в контексте концепции, где термин обозначал особое интегративное качество, систему установок и представлений о себе и о мире, позволяющих выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя при этом внутреннее равновесие и гармонию. Фактически это способность человека справляться с трудностями и восстанавливаться после них. С точки зрения авторов-основателей концепции, «hardiness» «облегчало признание человеком своих реальных возможностей и принятие им собственной уязвимости» [7, с. 213]. «Данное качество представляло собой своеобразную базу, помогающую перерабатывать стрессовые воздействия и трансформировать негативные впечатления в новые возможности» [4, с. 73].

Именно Д.А. Леонтьев, увлеченный результатами исследований С. Мадди и С. Кобейс, перевел слово «hardiness» как «жизнестойкость». Такой вариант перевода обогатил понятие эмоциональным контекстом и связал слова «жизнь» и «стойкость» в единое. Д.А. Леонтьев описал данный феномен как свойство, характеризующееся уровнем преодоления личностью самой себя, представляющее «собой систему убеждений о себе, о мире, об отношениях с миром. Это диспозиция, включающая в себя три сравнительно автономных компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска. Выраженность этих компонентов и жизнестойкости в целом препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания (hardy coping) со стрессами и восприятия их как менее значимых» [6, с. 5].

Таким образом по мнению Д.А. Леонтьева, жизнестойкость личности включает в себя следующие компоненты:

– *вовлеченность*, означающую увлеченность событиями своей жизни и деятельности, получение удовольствия от этого, в противном случае человек ощущает свою отстраненность от жизни;

— *контроль*, соответствующий понимаю личности своего влияния на результаты происходящих вокруг него событий, самостоятельности выбора в противовес собственной беспомощности;

— *принятие риска* как активное стремление действовать даже в ситуации отсутствия гарантий успеха этой деятельности. В основе принятия риска лежит концепция развития через активное усвоение знаний из опыта и последующее их использование [6].

М.А. Фризен рассматривает жизнестойкость, как особый паттерн структуры установок и навыков личности, который позволяет превращать изменения в возможности. Исследователь считает, что это катализатор, способствующий трансформации негативных впечатлений в новые возможности, и обращает внимание на важную функцию жизнестойкости личности – потенциальный адаптивный ресурс [10].

В контексте адаптации определяет жизнестойкость Л.А. Александрова. С точки зрения указанного автора, жизнестойкость интерпретируется как особая интегральная способность, способствующая успешной адаптации личности, включающая в себя блок общих способностей (базовые личностные установки, интеллект, самосознание, смысл и ответственность) и блок специальных способностей (навыки взаимодействия с людьми, а также навыки преодоления различных типов сложных ситуаций) [1].

С целью изучить особенности жизнестойкости у студентов-психологов был использован тест жизнестойкости (методика С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева), который позволяет оценить способность и готовность человека активно и гибко действовать в ситуации стресса, сохраняя при этом внутренний баланс и высокую работоспособность. Исследование проводилось на базе одного из учреждений высшего образования Республики Беларусь. Выборка состояла из 60 студентов 2 и 4 курсов специальности «Психология» (35 девушек и 25 юношей) в возрасте 17–23 лет.

Интенсивность проявления всех показателей жизнестойкости у нашей группы респондентов оказалась на среднем уровне (рисунок 1), что позволило сделать вывод о частичной сформированности умений «успешно переносить стрессовые ситуации, при этом поддерживая оптимальную работоспособность и сохраняя внутренний баланс» [4, с. 77]. Такой навык формируется «благодаря ориентации на будущее и сокрытой в ней активности, привносящей в жизнь человека новый опыт и возможности, стимулирующей его к дальнейшему личностному развитию» [4, с. 77].

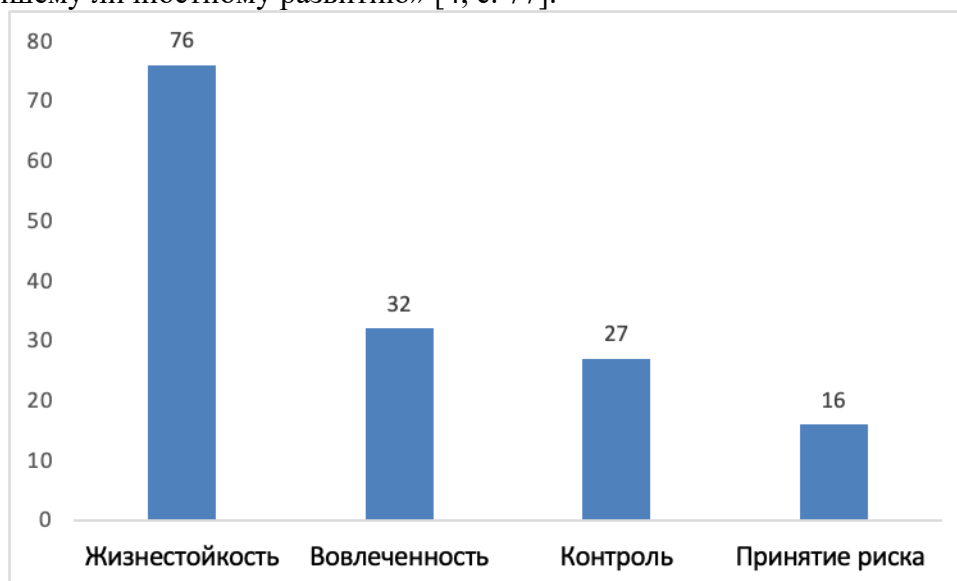

Рисунок 1 – Среднее значение по шкалам Теста жизнестойкости (методика С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева)

Выраженность уровней непосредственно интегративного личностного качества жизнестойкости в нашей выборке студентов-психологов представлена в виде рисунка 2.

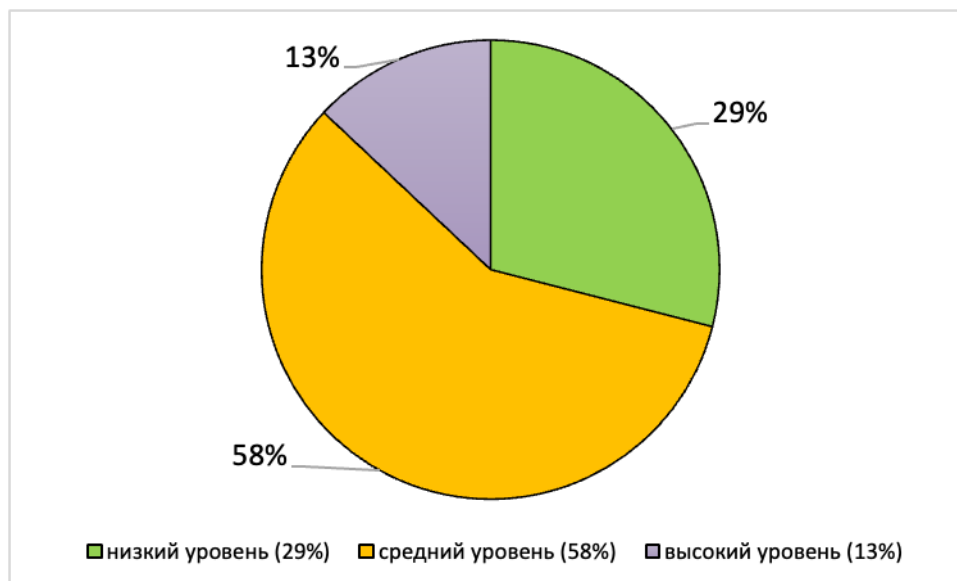

Рисунок 2 – Выраженность уровней жизнестойкости у студентов-психологов

Как видно из полученных данных, почти треть студентов-психологов обладают низким уровнем жизнестойкости, что говорит об ограниченных возможностях совладания со стрессом. На наш взгляд, это достаточно высокий показатель, учитывая, что это будущие специалисты, профессиональной компетентностью которых является способность научить других совладать со стрессовыми ситуациями. Корреляции данного показателя с возрастом не выявлено, поэтому говорить о зависимости сформированности данного качества от возраста (или курса получения образования) не приходится. Если исходить из понимания, что жизнестойкость способствует активному преодолению трудностей, то третья часть опрошенных студентов-психологов на данный момент пока не готова справляться с возникающими трудностями в полном объеме.

Сразу стоит отметить, что статистически значимых различий в выраженности жизнестойкости и ее компонентов в зависимости от пола не обнаружено. Однако определилась тенденция в различиях критерия Вовлеченности в зависимости от пола ($t = -0,54$, при $p = 0,08$). У девушек нашей выборки среднее значение по показателю равно 32,34, а у юношей – 30,88, что в обоих случаях соответствует среднему уровню, но у девушек он чуть выше. Если исходить из понимания, что вовлеченность как компонент жизнестойкости указывает на включенность личности в события своей жизни и свою деятельность, получение удовольствия от этого процесса, то можно предположить, что человек с развитым компонентом вовлеченности получает удовольствие и от собственной профессиональной деятельности. В противоположность этому отсутствие подобной убежденности порождает чувство отвергнутости, ощущение себя «вне» жизни. Результаты нашего исследования по этому показателю представлены на рисунке 3.

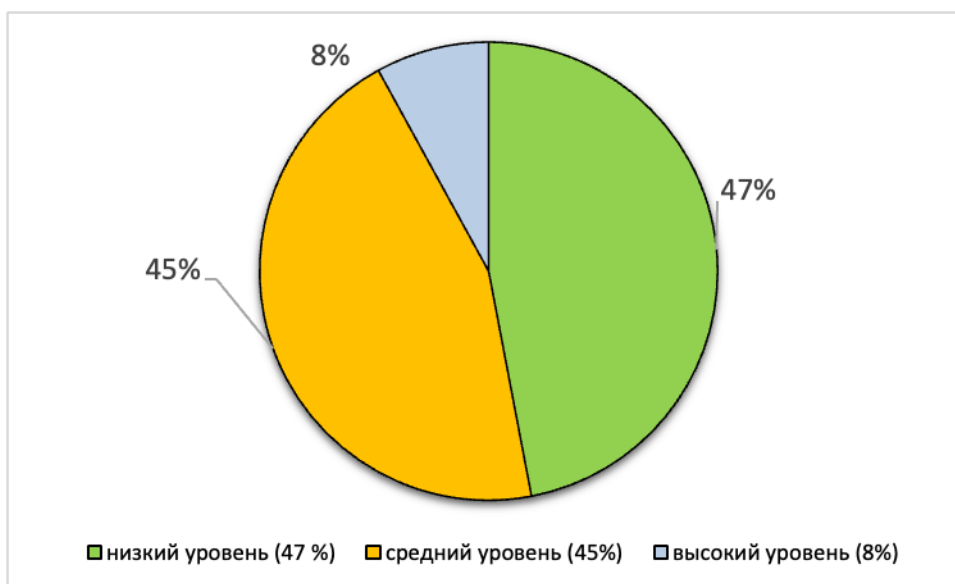

Рисунок 3 – Выраженность уровней вовлеченности у студентов-психологов

Из данных видно, что почти половина опрошенных будущих психологов имеют низкий уровень вовлеченности, что может порождать ощущение своей ненужности, «никчемности» и предположение того, что человек находится «вне жизни». В контексте будущей профессиональной деятельности это тревожный маркер, требующий отдельной коррекционной работы. Стоит отметить, что именно по этому показателю был получен наибольший объем данных по низкому уровню. Считаем, что сей аспект требует отдельного изучения и может быть объяснен возможным состоянием фрустрации перед дальнейшей взрослой самостоятельной профессиональной деятельностью.

Самая минимальная выраженность низкого уровня была зафиксирована по критерию «Принятие риска» (7%). Этот же показатель отличается максимальным проявлением высокого уровня (33 %). Следовательно, у студентов-психологов присутствует убежденность, «что все то, что с ним случается, способствует развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, – неважно, позитивного или негативного. Человек, рассматривающий жизнь как способ приобретения опыта, готов действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, на свой страх и риск, считая стремление к простому комфорту и безопасности обедняющим жизнь личности» [9]. На наш взгляд, это позитивный момент, позволяющий надеяться на изменение ситуации в сторону эффективного использования личностного ресурса для формирования высокого уровня жизнестойкости.

Относительно такого компонента жизнедеятельности как «Контроль» доминирующее значение (68%) приобрел средний уровень. Поэтому можно сделать вывод, что у нашей выборки студентов-психологов сформирована определенная направленность, позволяющая поддерживать активную жизненную позицию и самостоятельно выбирать свой жизненный путь. Ощущение собственной беспомощности и невозможности повлиять на результат происходящего (низкий уровень контроля) испытывают 22% опрошенных. Полностью самостоятельно выбирать свою деятельность и нести за нее ответственность (высокий уровень контроля) в настоящий момент готовы только 10 % студентов-психологов.

Исходя из полученных результатов можно сделать вывод, что несмотря на актуальность жизнестойкости как важного интегративного качества личности, выражающегося в способности успешно преодолевать неблагоприятные средовые условия, демонстрируя высокую устойчивость к стрессогенным факторам, данное качество у

выборки наших студентов-психологов сформировано не в полном объеме. Жизнестойкий человек способен эффективно использовать собственные ресурсы, включая навыки и способности избирательно подходить к выбору копинг-стратегий в той или иной ситуации, извлекать уроки из жизненных трудностей, приобретать полезный опыт. Однако, несмотря на весь пройденный путь профессиональной подготовки, таких навыков пока хватает не всем студентам-психологам.

Преподавателям психологического профиля в ВУЗе известно, что часть абитуриентов поступает на данную специальность с целью совладать с собственными внутренними переживаниями и проблемами. Возможно, часть студентов их так и не разрешила, а может не хватило практической базы и навыков для их преодоления, что отражается на общем уровне жизнестойкости. В качестве рекомендаций можно предложить проводить диагностические срезы в рамках практических занятий, позволяющие отслеживать динамику изменений жизнестойкости и ее компонентов, усилить формирования прикладных психолого-педагогических умений, направленных на развитие личной эффективности.

В заключении хотелось бы отметить, что не смотря на проводимую работу, актуальным остается разработка путей психологического сопровождения молодежи, позволяющих успешно противостоять стрессу, неудачам и испытаниям, сохраняя при этом позитивный настрой, умение адаптироваться к переменам, преодолевать препятствия, не терять веру в себя и свои возможности, а также совершенствование умений извлекать уроки из неудач и использовать их для роста и развития, включая профессиональное.

Библиографические ссылки

1. Александрова, Л.А. К концепции жизнестойкости в психологии – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hpsy.ru/public/x2636.htm> (дата обращения: 14.10.2025).
2. Бараболя, Е.В. Исследование феномена «жизнестойкости» в психологической науке // Чтения молодых ученых. Материалы VIII Международной очно-заочной научно-практической конференции, Горловка, 07–08 апреля 2022 года, С. 31-32.
3. Гайдамашко, И.В, Егоренко Т.А. Предикторы успешности профессионального становления психолога на адаптационном этапе профессиональной подготовки в вузе // Психолого-педагогический поиск. 2024. №1 (69). С.49-56. DOI: 10.37724/RSU.2024.69.1.005
4. Евтушенко, Е.А. Жизнестойкость личности как психологический феномен // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. № 1 (58), 2016 г. – С. 72-78.
5. Егоренко, Т.А. Психологические детерминанты успешности профессионального становления психолога на стадии профессиональной подготовки // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т. 12. – № 1. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/27PSMN124.pdf> (дата обращения: 14.10.2025)
6. Леонтьев, Д.А., Рассказова, Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. - 63 с.
7. Наливайко, Т.В. К вопросу осмысления концепции жизнестойкости С. Мадди // Вестник интегративной психологии: журнал для психологов. Ярославль, 2006. № 4. С. 211–216.
8. Сорокоумова, С.Н., Исаев В.П. Специфика профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 186-190.
9. Тест жизнестойкости. – Текст : электронный // Псилаб – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://psylab.info/%D0%A2%D0%B5%D1%81%D1%82_%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%

BD%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B9%D0%BA%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8.

10. Фризен М.А. Взаимосвязь субъективной оценки качества жизни личности и ее субъективной активности в плане собственного развития // Вестник КРА-УНЦ: Гуманитарные науки. 2014. № 1(23). С. 106–114.

11. Этический кодекс психолога. Российское психологическое общество – Текст : электронный. – Режим доступа: <https://psyrus.ru/rpo/documentation/ethics.php>. (дата обращения 14.10.2025).

© Азарёнок Н.В., 2025

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

А. М. Альшевская

студент 5 курса

ФГБОУ ВО «ТГПУ»

г. Томск, Россия

E-mail: aalsevskaa7@gmail.com

Н. В. Байгулова

к.пед.н., доцент, ФГБОУ ВО «ТГПУ», г. Томск, Россия

E-mail: baigulovanv@tspu.ru

В статье рассматривается вопрос, связанный с социально-педагогическим сопровождением профессионального самоопределения подростков в условиях общеобразовательной организации. Авторами представлена программа по данному виду сопровождения. Рассматривается использование кинопросмотра как средства развития самопознания, ценностной рефлексии и формирования представлений о себе и мире профессий.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение подростков, социально-педагогическое сопровождение.

This article examines the issue of social and pedagogical support for adolescents' professional self-determination in a comprehensive school setting. The authors present a program for this type of support. Film viewing is explored as a means of developing self-knowledge, value reflection, and shaping understanding of oneself and the world of professions.

Key words: adolescent professional self-determination, social and pedagogical support.

Одной из важнейших задач современной общеобразовательной организации является не только передача знаний по конкретным общеобразовательным предметам, но и сопровождение самоопределения обучающихся: как личностного, так и профессионального. Особую значимость данный процесс приобретает в подростковом возрасте, который является ключевым периодом формирования ценностных ориентаций, самоидентификации и первых осознанных шагов к будущему профессиональному выбору. Согласно исследованиям, ВЦИОМ, 70% россиян считают, что активное сопровождение профессионального самоопределения подростков необходимо начинать с 6 класса [2]. Также стоит отметить, что из 400 опрошенных обучающихся, 17% подростков не хватает адресной помощи в самоопределении, 14% не хватает информации о различных профессиях. Имеющиеся данные дают понимание того, что необходимо проводить более активную работу по сопровождению профессионального самоопределения подростков в условиях общеобразовательной организации во избежание таких отрицательных проявлений, как отсутствие у обучающихся в дальнейшем необходимых представлений о профессиях и инструментах для рефлексии, эмоционального и ценностного осмысления своего места в мире труда и, как итог, непонимания, какой выбор сделать при выпуске из общеобразовательной организации.

Необходимость развития системы сопровождения профессионального самоопределения подростков подтверждается официальными документами, где на государственном уровне указано о постановке задач по систематизации и обогащении

имеющимися практиками профориентационной деятельности, которая является важным аспектом общего процесса профессионального самоопределения. Также в Письме Министерства просвещения РФ указывается то, что настоящих методов и мер, применяемых школами и регионами в данный период времени – недостаточно [1]. Таким образом, возникает объективная необходимость в разработке новых программ сопровождения.

В качестве одного из возможных решений данной проблемы, нами была разработана программа социально-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков в условиях общеобразовательной организации «КиноКадры профессий». Актуальность данной программы заключается в том, что существует необходимость более глубокого понимания подростками своих интересов и склонностей. Данная программа призвана помочь подросткам осмыслить ценности, лежащие в основе профессионального выбора, углубить самопознание через просмотр и анализ современных кинофильмов, погружаясь в профессии вместе с известными героями. Важной составляющей данной программы является наличие упражнений и заданий, направленных на развитие гибких навыков, определение наиболее подходящей профессиональной среды на основе личных интересов, постановку целей обучения на следующей ступени образования. Помимо этого, в рамках программы предполагается создание сообщества заинтересованных в профессиональном самоопределении подростков, которые смогут взаимодействовать между собой и поддерживать друг друга.

В рамках работы нами был определен предполагаемый срок освоения программы, который составляет 6 месяцев. Программа рассчитана на 48 академических часов со следующей продолжительностью и периодичностью занятий: 1 раз в неделю по 2 академических часа.

Адресатом программы являются обучающиеся 15-16 лет. Данный возрастной период соответствует 9 классу общеобразовательной организации. Согласно периодизации развития человека как субъекта труда, подростки в этом возрастном периоде находятся на стадии «оптации» [3, с. 22]. Это именно та стадия, когда у обучающихся повышается интерес к своим способностям, межличностным отношениям и саморазвитию. Они начинают все больше задаваться вопросами о своем будущем, обсуждать, в каких профессиях могли бы наиболее полно реализовать себя и почему. Это стадия подготовки к трудовой деятельности. Также на данном этапе начинается планирование своей будущей профессиональной траектории и дальнейшего пути образования. Соответственно, главной задачей сопровождения будет следующее: помочь подростку разобраться в себе, выявить свои сильные стороны и определить, какие направления деятельности, типы профессий являются наиболее подходящими под его особенности и требования.

Нами была определена цель программы – формирование готовности обучающихся к профессиональному самоопределению с учетом их интересов и способностей посредством использования метода кинопедагогики. Также определены задачи программы:

- расширить представления обучающихся об их личных интересах и склонностях к определенным типам профессий;
- формировать представления обучающихся о профессиях будущего и об атласе новых профессий;
- ознакомить обучающихся с принципами построения профессиональной и образовательной траектории, особенностями основных типов профессий;
- развивать заинтересованность в построении будущих профессиональных планов и трудовой деятельности.

Ожидаемые результаты программы можно охарактеризовать сформированностью у обучающихся понимания мира профессий, позволяющего осознанно выбирать наиболее

подходящую сферу профессиональной деятельности на основе личных интересов и способностей. В результате успешного освоения данной программы обучающийся должен:

- **знать:** компетенции и навыки основных типов профессий и профессий будущего, ключевые понятия трудовой деятельности, особенности построения профессиональной и образовательной траектории;
- **уметь:** анализировать типы профессий и сопоставлять их особенности с собственными профессиональными склонностями, проводить самооценку своих сильных и слабых сторон в контексте выбора профессии;
- **владеть:** методами исследования собственных интересов, навыками презентации профессиональных планов, навыками осознанного выбора дальнейшей ступени образования.

Достижение поставленной цели и обеспечения представленных ожидаемых результатов реализация программы «КиноКадры профессий» основывается на ключевых принципах: принцип гуманизма – под данным принципом следует понимать то, что реализация данной программы способствует личностному развитию обучающихся, принимает во внимание индивидуальные интересы и способности подростка, а также необходимость разностороннего развития личности; принцип толерантности – реализация данной программы должна проходить в атмосфере взаимопонимания, уважения и принятия индивидуальных особенностей и различий обучающихся; принцип активности субъектов социально-педагогической деятельности – данный принцип представляет собой активное и вовлеченное сопровождение профессионального самоопределения подростков со стороны педагогов общеобразовательной организации. Действие данных принципов в совокупности создает безопасную, развивающую и личностно-ориентированную образовательную среду, необходимую для эффективного сопровождения профессионального самоопределения подростков.

Для оценки эффективности программы и измерения достижения представленных выше ожидаемых результатов была разработана система критериев и показателей, которая позволяет объективно оценить динамику в развитии профессионального самоопределения подростков.

Когнитивный критерий включает в себя такие показатели, как знания о мире профессий, требованиях профессиональной среды и ключевых понятиях. Его сформированность представлена следующими уровнями:

- **Высокий:** обучающийся знает структуру и содержание профессиональной деятельности; владеет информацией о требованиях профессий; знает ключевые понятия, такие как предмет труда, цель труда, орудия производства, и представляет их взаимосвязь в общей системе.
- **Средний:** обучающийся имеет фрагментарные знания о структуре и содержании профессиональной деятельности; знает отдельные требования к некоторым профессиям; имеет фрагментарные знания о ключевых понятиях, но не представляет их взаимосвязь в системной форме.
- **Низкий:** обучающийся имеет минимальные или искаженные знания о структуре и содержании профессиональной деятельности; не знает ключевых понятий.

Эмоционально-личностный критерий включает в себя такие показатели, как принятие ответственности за свои действия и решения; навык адаптивного отношения к неопределенности и изменениям. Его сформированность представлена следующими уровнями:

- **Высокий:** обучающийся имеет устойчивую установку на личную ответственность за собственное будущее; оптимистично оценивает как собственные ресурсы, так и возможности внешней среды; воспринимает неопределенность как вызов и возможность

роста, а не угрозу. Сохраняет позитивный, созидательно направленный эмоциональный фон даже в условиях неясности.

- Средний: обучающийся имеет частичную установку на личную ответственность за свое будущее. Оценка собственных ресурсов и возможностей среды нестабильна. Отношение к неопределенности носит амбивалентный характер, сочетает интерес и внутреннюю неуверенность. Эмоциональный настрой преимущественно ситуативный, зависит от внешних обстоятельств.

- Низкий: обучающийся не воспринимает себя как субъекта, способного влиять на будущее, и склонен полагаться на решения других (родителей, педагогов). Пессимистически оценивает как собственные возможности, так и ресурсы внешней среды. Воспринимает неопределенность как угрозу. Эмоциональное отношение к будущему характеризуется тревогой или равнодушием.

Деятельностный критерий включает в себя такие показатели, как целеполагание и планирование; активная информационно-поисковая деятельность; осознание и решение проблемы выбора профессии. Его сформированность представлена следующими уровнями:

- Высокий: обучающийся самостоятельно формулирует профессиональную цель и план ее достижения. Активно и целенаправленно собирает и анализирует информацию о профессиях и путях получения образования.

- Средний: обучающийся формулирует предварительную профессиональную цель, но не разрабатывает устойчивого плана ее достижения. Собирает информацию о профессиях и путях получения образования, но делает это без системного анализа.

- Низкий: обучающийся не формулирует профессиональную цель и не предпринимает попыток построить план ее достижения. Не собирает самостоятельно информацию о профессиях и путях получения образования.

Также разработаны критерии эффективности программы: низкий уровень – 15% обучающихся, средний уровень – 60% обучающихся, высокий уровень – 25% обучающихся. Эффективность программы высока, если низкого уровня результатов достигает не более 15% обучающихся, среднего и высокого – не менее 60% и 25% соответственно.

При реализации данной программы необходимо использовать следующие методы социально-педагогической деятельности – методы сбора информации (педагогическое наблюдение, беседа), методы формирования сознания (интерактивная лекция, обсуждение), методы стимулирования деятельности и поведения (упражнение, анализ ситуаций, тренинг, метод кинопедагогики), тестирование. Среди основных форм работы мы выбрали такие, как кинопросмотр, защита эссе, презентация доклада, «встреча с интересным человеком», викторина, сюжетно-ролевая игра, экскурсия, создание видеоматериала.

Занятия программы представлены конкретными темами и логически разделены на три блока: вводный, основной и итоговой. В рамках вводного блока обучающиеся знакомятся с педагогом и между собой, если ранее они не знали друг друга, устанавливают конкретные правила, актуализируют имеющиеся знания по теме, узнают свои склонности и интересы, а также обсуждают влияние родителей на профессиональное становление. Основной блок призван погрузить обучающихся в профессии разных типов посредством просмотра и анализа кинофильмов, прохождения тренингов; в рамках него обучающиеся также рассматривают вопросы развития гибких навыков, способов поиска информации об учебных организациях, изучения требований к кандидатам, навыки целеполагания и профессионального планирования. Итоговый блок включает занятия исключительно практической направленности. Ниже представлен тематический план.

Таблица 1 – Тематический план программы социально-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков в условиях общеобразовательной организации «КиноКадры профессий»

№	Тема	Количество часов			Формы, методы работы
		Всего	Теоретических	Практических	
	Вводный блок	12	4,5	7,5	
1	Давай знакомиться!	2	0,5	1,5	Беседа, игра, упражнение
2	Что я знаю о профессиях?	2	1	1	Беседа, упражнение, тестирование
3	Профессии моих родителей	2	1	1	Обсуждение, презентация доклада
4	Мои интересы и способности	6	2	4	Кинопросмотр, тренинг, беседа, тестирование
	Основной блок	28	9	19	
5	ТехноФокус	4	1	3	Кинопросмотр, упражнение, экскурсия
6	Кадры из будущего	2	1	1	Интерактивная лекция, игра, кинопросмотр
7	Творческий объектив	6	2	4	Кинопросмотр, «встреча с интересным человеком»
8	Зеленый кадр	6	2	4	Интерактивная лекция, упражнение, экскурсия, кинопросмотр
9	Шифры в фокусе	6	2	4	Кинопросмотр, анализ ситуаций, экскурсия, игра
10	Кинолента души	4	1	3	Интерактивная лекция, сюжетно-ролевая игра, «встреча с интересным человеком», упражнение, кинопросмотр
	Итоговый блок	8	0	8	
11	Самая интересная профессия	4	0	4	Создание видеоматериала
12	В собственном киномире профессий	2	0	2	Кинопросмотр, викторина
13	Мои представления о будущем	2	0	2	Эссе, обсуждение

К каждой теме предусмотрен свой теоретический и практический материал, необходимый для более полного погружения в тему и эффективного усвоения материала. Примерное содержание двух тем из программы представлено ниже.

Для темы «Творческий объектив» теоретическая часть включает следующее: интерактивные лекции на такие темы, как «Качества, необходимые для творческих

профессий», «Что такое альтернативный вариант при выборе профессионального пути?», «Образовательные организации региона по подготовке кадров в сфере творчества и искусства». Практическая часть включает следующее: просмотр и обсуждение кинофильма «Лёд», тематическая викторина, «встреча с интересным человеком» (актриса местного театра). Упражнение «А что, если ...? Сценарии альтернативного выбора».

Тема «Зеленый кадр» в теоретическом аспекте подразумевает проведение таких интерактивных лекций, как «Актуальные профессии, связанные с природой, родного региона», «ВУЗы по данному направлению в регионе», «Мотивация и целеполагание как важная составляющая успешной профессиональной деятельности в будущем». Практика представлена просмотром и обсуждением фрагментов мультфильма «Чебурашка», составлением таблицы-описания кандидата для профессии данного типа, сюжетно-ролевой игрой «Экологический кризис», экскурсией в местный ботанический сад, упражнением на отработку навыков целеполагания.

Таким образом, программа «КиноКадры профессий» рассматривается как один из возможных инструментов совершенствования социально-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков в условиях общеобразовательной организации. Представленная программа является попыткой интегрировать метод кинопедагогики в традиционный процесс сопровождения профессионального самоопределения и профориентации. Просмотр и анализ кинофильмов является не развлекательным, а рефлексивным элементом, позволяющим подросткам в безопасной эмоциональной обстановке проецировать на себя профессиональные и личностные модели поведения киногероев. Реализация программы, построенной на принципах гуманизма, толерантности и активности субъектов сопровождения направлена на достижение конкретных образовательных результатов, выраженных в системе критериев и показателей результативности. Комплексное сочетание кинопросмотра с интерактивными лекциями, тренингами, встречами с профессионалами и проектными заданиями создает среду, закладывающую основу для более осознанного профессионального выбора в будущем.

Библиографические ссылки

1. О внедрении Единой модели профессиональной ориентации : Письмо Министерства просвещения РФ от 1 июня 2023 года № АБ-2324/05 // Гарант.ру – информационно-правовое обеспечение : официальный сайт компании «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406995316/> (дата обращения: 04.11.2025)
2. Профориентация: хорошо, но мало! // Аналитический центр ВЦИОМ : [сайт]. – 2024. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proforientacija-khorosho-no-malo> (дата обращения: 04.11.2025).
3. Пряжников, Н. С. Профессиональное самоопределение: теория и практика : учебно-методическое пособие / Н. С. Пряжников. – Москва : Академия, 2007. – 503 с.

© Альшевская А.М., Байгулова Н.В., 2025

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЫ КАК ОДНА ИЗ ЭФФЕКТИВНЫХ ФОРМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ПОДРОСТКОВ

А. М. Альшевская

студент 3 курса,

ФГБОУ ВО «ТГПУ»,

г. Томск, Россия

E-mail: aalsevskaa7@gmail.com

Н. В. Байгулова

к. пед. н., доцент, ФГБОУ ВО «ТГПУ», г. Томск, Россия

E-mail: baigulovanv@tspu.edu.ru

В данной статье авторы анализируют понятие профессиональной пробы и её значение как одной из эффективных форм профессиональной ориентации подростков. Обозначаются особенности, уровни реализации, основные этапы проведения и предполагаемые результаты профессиональных проб.

Ключевые слова: профессиональная проба, профессиональная ориентация подростков, профориентационная работа.

In this article, the authors analyze the concept of professional trial and its significance as one of the effective forms of vocational guidance for adolescents. Features, levels of implementation, main stages and expected results of professional trials are indicated.

Key words: professional trial, vocational guidance for adolescents, career guidance work.

В современном мире задача профессиональной ориентации подростков остается актуальной. Наиболее четкое понимание своего профессионального пути является важным аспектом успешного развития человека в будущем. Однако согласно статистике, 42% обучающихся в российских школах к 11 классу еще не имеют представлений о том, какую профессию хотели бы для себя выбрать [2]. Нередко это связано с тем, что подростки не обладают необходимой информацией о том, какие особенности есть у той или иной профессии, какое необходимо образование, чем именно занимается человек с интересующей их профессиональной деятельностью. Это свидетельствует о необходимости профессиональной ориентации подростков во время обучения в общеобразовательных организациях, чтобы иметь положительный результат к выпускному классу.

Со стороны государства уделяется большое внимание данному вопросу. Так, Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» определяет одной из приоритетных задач «создание условий для развития профориентационной работы среди молодежи и построение эффективной траектории профессионального развития» [4]. Это подтверждает то, что в данной сфере есть актуальные проблемы, и помощь подросткам и молодежи в сфере профессионального выбора действительно необходима.

На сегодняшний день наиболее эффективными формами профессиональной ориентации подростков являются те, в которых в явной степени преобладает практический компонент. Стоит отметить, что достаточно важно выходить за пределы исключительно теоретических форм профориентационной работы и давать реальную возможность

погрузиться в интересующую обучающегося профессию, оценить свои возможности в соответствии с теми требованиями и задачами, которые предъявляет конкретная работа.

Одной из эффективных форм, которая может погружать подростка в определенную профессию с ее правилами и сложностями, является профессиональная проба. С.Н. Чистякова дает следующее определение данному понятию: «профессиональная проба – это профессиональное испытание, моделирующее элементы конкретного вида профессиональной деятельности, имеющее заверченный вид, способствующее сознательному, обоснованному выбору обучающимися профессии» [3]. Ее можно рассматривать как полноценную ситуацию, которая имитирует определенные аспекты конкретно выбранной деятельности, что необходимо при профориентационной работе.

Профессиональная проба как форма профессиональной ориентации подростков – это активное погружение подростка в определенную профессиональную деятельность или отдельные условия этой деятельности, позволяющее получить опыт и знания о специфике профессии, сформировать представление о ней, практически апробировать, оценить свои возможности в данной сфере, а также определить то, насколько такие условия перспективны и привлекательны для подростка.

Данная форма так же включена в профориентационный минимум, который был внедрен в образовательные организации, реализующие основные общеобразовательные программы, с 1 сентября 2023 года, что доказывает необходимость включения практических форм работы в процесс образования и самоопределения.

Профессиональные пробы могут реализовываться на двух уровнях, что дает возможность использования данной формы работы в различных условиях: моделирующий уровень – в основе находится модель деятельности. Эта модель может быть разной по своим характеристикам: тренажер, деловая игра или решение конкретной задачи. Например, при изучении профессии пилота могут использоваться тренажеры, имитирующие полет, что позволяет подростку практиковаться в управлении самолетом и решении различных непредвиденных ситуаций.

Второй уровень – это, непосредственно, практический. На данном уровне предполагается реальная практическая деятельность, когда подросток использует необходимые средства труда и погружается в условия данной профессии. В качестве примера приведем такую профессиональную пробу, как «психолог», в рамках которой подросток может попрактиковаться в обработке анкет, изучении различных методик, провести интервью или беседу для построения индивидуального плана работы с клиентом. С помощью предложенных вариантов работы подросток имеет возможность основательно погрузиться в работу психолога и понять, насколько ему это интересно.

Организация профессиональных проб на первом уровне может найти свое применение в общеобразовательных организациях, поскольку не всегда требует наличие специальных приборов, техники или инструментов. Организация профессиональных проб на втором уровне зачастую используется в системе дополнительного образования, которая обладает более широкими возможностями для создания ситуации, схожей с настоящей профессиональной деятельностью.

Данная форма профориентационной работы дает возможность как интегрировать имеющиеся знания, так и получить новые. В ходе проведения профессиональных проб подростки:

1. Применяют накопленные у них теоретические знания о профессии.
2. Осваивают практические навыки и умения в рамках выбранной профессиональной сферы.
3. Учатся принимать решения в процессе выполнения профессиональных задач.
4. Оценивают свои способности и интересы с точки зрения выбранной профессии;
5. Приобретают опыт работы в условиях, максимально приближенных к реальным.

6. Имеют возможность сравнить свои ожидания от профессии с действительными условиями труда.

7. Знакомятся с требованиями и перспективами развития выбранной профессии.

Профессиональные пробы, как правило, организуются в соответствии с 5 типами профессий, представленных в классификации Е.А. Климова, и проводятся в три основных этапа:

- вводно-ознакомительный этап, в рамках которого определяются интересы подростков, их предпочтения, способности. Специалисты на данном этапе определяют, насколько подросток готов к профессиональной пробе;

- подготовительный этап, в рамках которого подростки наблюдают за тем, как происходит профессиональная деятельность специалистов в реальных условиях работы. На данном этапе участники могут посещать предприятия, либо для них организовываются встречи с представителями профессий;

- исполнительский этап, в рамках которого подросткам предлагаются конкретные задачи, связанные с определенной профессиональной областью: изготовление продукта, выполнение задания, деловая игра [6].

При соблюдении правильной организации всех этапов подростки на выходе обладают глубокими теоретическими знаниями и практическими навыками. Профессиональные пробы заканчиваются подведением результатов и итоговой рефлексией участников. Помимо этого, после данной формы профориентационной работы подростки должны:

1. Знать характер труда в данной профессиональной области.
2. Знать правила безопасности, которые характерны для конкретной работы.
3. Уметь использовать необходимые в данной профессиональной деятельности инструменты и оборудование.
4. Выполнять простейшие трудовые действия, характерные для профессии, по которой проводилась профессиональная проба [5].

Наиболее благоприятным вариантом для профориентационной работы с подростками является включение проведения серии профессиональных проб, а не одной пробы. Это позволяет познакомиться с несколькими форматами работы, рассмотреть разные профессии, самостоятельно сравнить области работы и подходы для определения того, что лучше соответствует их ценностям. Не менее важным является получение навыка принятия решения, поскольку подростки будут определяться с профессиональной деятельностью на основе реального опыта, полученного благодаря прохождению нескольких профессиональных проб.

Также стоит отметить, что эффективность данной формы профориентационной работы заключается в том, что при организации учитываются следующие условия, выделяемые в своем исследовании А. А. Белоусовым и Г. Н. Некрасовой, а именно:

- учет возрастных особенностей;
- обеспечение организационной, управленческой, материальной и технической составляющих;
- анализ того, насколько профессия востребована на данный момент в регионе, на территории которого организовывается профессиональная проба [1].

При учете представленных условий, а особенно того, что касается возрастных особенностей подросткового возраста, использование данной формы в профориентации будет иметь наиболее положительные результаты, поскольку варианты работы будут наиболее подходящими под интересы и умения подростков.

Таким образом, профессиональные пробы являются одной из эффективных форм профессиональной ориентации за счет своей интерактивности и активного погружения

подростков в определенную профессиональную сферу, где они могут получить практический опыт, выявить плюсы и минусы профессии и установить контакты со специалистами данной области. Это помогает подросткам лучше понять свои интересы и цели, а также принять решение по поводу того, как составить план своего дальнейшего пути относительно образования и профессиональной деятельности.

Библиографические ссылки:

1. Белоусов, А. А. Проектирование системы профессиональных проб для школьников / А. А. Белоусов, Г. Н. Некрасова // Концепт. – 2018. – №10. – С. 899-912.
2. Информационное агентство ТАСС : официальный сайт. – Москва. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 09.10.2023).
3. Организация профессиональных проб для старшеклассников в профессиональных образовательных организациях : методические рекомендации / И. А. Килина, Н. Т. Рылова, И. Ю. Вершинин, В. Ф. Белов. – Кемерово : ГБУ ДПО «КРИПО», 2016. – 88 с. – ISBN 978-5-9572-0152-6.
4. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства РФ №2403-р: [утвержден распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 г.] // КонсультантПлюс : официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/5416a7ecef3afe3ff052deb74264bbf282e889ef/ (дата обращения 10.10.2023).
5. Рудаков, В. А. Организация и содержание профессиональных проб для учащихся школ на базе учреждений профессионального образования : методические рекомендации / В. А. Рудаков. – Ханты-Мансийск, 2013. – 46 с.
6. Рылова, Н. Т. Профессиональная проба и ее роль в формировании готовности обучающихся к выбору профессии / Н. Т. Рылова // Образование. Карьера. Общество. – 2014. - №3 (42). – С. 32-34.

© Альшевская А.М., Байгулова Н.В., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОСТОЯННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

И. Р. Аминова

студентка 4 курса,

АНО ВО СИБУП,

г. Красноярск, Россия

E-mail: amineva.ir03@icloud.com

С. С. Мешкова

доктор биологических наук, доцент АНО ВО СИБУП,

г. Красноярск, Россия

E-mail: dixi-1972@yandex.ru

В статье рассматривается феномен психологической готовности личности к профессиональной деятельности в контексте нестабильной и быстро меняющейся среды. Анализируются ключевые структурные компоненты данной готовности: когнитивный, мотивационно-волевой, эмоциональный и поведенческий. Особое внимание уделяется таким качествам, как психологическая гибкость, толерантность к неопределенности, готовность к непрерывному обучению и стрессоустойчивости. Определяются возможные пути развития и формирования психологической готовности на организационных и индивидуальных уровнях.

Ключевые слова: психологическая готовность, профессиональная деятельность, изменения, неопределенность, гибкость, стрессоустойчивость, непрерывное обучение.

The article examines the phenomenon of a person's psychological readiness for professional activity in the context of an unstable and rapidly changing environment. Key structural components of this readiness are analyzed: cognitive, motivational-volitional, emotional and behavioral. Particular attention is paid to such qualities as psychological flexibility, tolerance to uncertainty, readiness for continuous learning and stress resistance. Possible ways of development and formation of psychological readiness at organizational and individual levels are determined.

Key words: psychological readiness, professional activity, changes, uncertainty, flexibility, stress resistance, continuous learning.

Современная профессиональная среда характеризуется высокой динамичностью, нестабильностью и неопределённостью, вызванными процессами глобализации, цифровизации и постоянными технологическими сдвигами. В этих условиях традиционные карьерные траектории и стабильные профессиональные роли уступают место проектному труду, частой смене видов деятельности и необходимости постоянного обновления знаний и компетенций. Успешность личности в такой среде в значительной степени определяется не только её профессиональными знаниями и навыками, но и её психологической готовностью эффективно функционировать в ситуации постоянных изменений [4, с. 177]. Данная статья посвящена анализу структуры, содержания и путей формирования этой готовности.

Рассматривая эволюцию понятия психологической готовности, необходимо отметить фундаментальный вклад К.К. Платонова, который определял это состояние как сложное, стойкое и прочное образование временного характера. В его понимании психологическая готовность представляет собой не статичное, а динамическое состояние, предполагающее активную мобилизацию всех ресурсов личности. Платонов подчёркивал, что это состояние

характеризуется не просто суммой знаний и умений, а их интеграцией в единую систему, готовую к немедленной реализации в профессиональной деятельности. Особое значение он придавал процессу активизации, который охватывает не только когнитивную сферу, но и эмоционально-волевые компоненты личности. Согласно его концепции, психологическая готовность включает в себя несколько взаимосвязанных уровней: от физиологической готовности организма до высших форм психологической регуляции деятельности. При этом он отмечал, что это состояние носит временный характер и требует постоянного поддержания и обновления в соответствии с изменяющимися условиями профессиональной среды [8, с. 264].

Значительный вклад в развитие теории психологической готовности внесли Л.А. Кандыбович и М.И. Дьяченко, которые рассматривали ее как целостное системное образование. В их понимании психологическая готовность представляет собой сложную, иерархически организованную структуру, включающую мотивационные, ориентационные, операционные и энергетические компоненты. Они подчеркивали, что эффективность профессиональной деятельности обеспечивается не отдельными навыками и умениями, а их слаженной системой, способной к гибкой перестройке в зависимости от конкретных условий. Особое внимание исследователи уделяли процессу формирования готовности, выделяя этапы от первоначального ознакомления с профессиональными требованиями до полной интеграции всех компонентов в единую систему. Кандыбович и Дьяченко отмечали, что сформированная психологическая готовность характеризуется единством осознаваемых и неосознаваемых компонентов, что позволяет специалисту эффективно действовать даже в условиях дефицита времени и информации. Важным аспектом их теории является положение о том, что психологическая готовность не только обеспечивает успешное выполнение текущих профессиональных задач, но и создает основу для дальнейшего профессионального развития личности [9, с. 25].

Особый интерес представляет деятельностный подход С.Л. Рубинштейна, который рассматривал психологическую готовность как результат активного взаимодействия личности с профессиональной средой. В его концепции готовность представляет собой синтез побудительных и исполнительных компонентов деятельности, формирующий особое психическое состояние, направленное на достижение поставленных целей. Рубинштейн подчёркивал, что это состояние характеризуется не просто наличием определённых качеств и способностей, а их активной мобилизацией и направленностью на решение профессиональных задач. Он рассматривал психологическую готовность как динамическое образование, постоянно развивающееся и преобразующееся в процессе профессиональной деятельности. Важным аспектом его подхода является идея о том, что психологическая готовность обеспечивает не только эффективное выполнение деятельности, но и личностное развитие специалиста, поскольку в процессе её формирования происходит переосмысление профессиональных ценностей и целей. Рубинштейн особо отмечал роль сознательной регуляции в поддержании состояния готовности, подчёркивая, что это активный процесс, требующий от личности постоянного самоконтроля и саморегуляции [10, с. 26].

Особенностью современного понимания психологической готовности является акцент на ее адаптационной функции – способности личности не только эффективно выполнять профессиональные задачи в стандартных условиях, но и быстро перестраиваться в ответ на изменяющиеся требования профессиональной среды. Это предполагает развитие таких качеств, как психологическая гибкость, толерантность к неопределённости, способность к непрерывному обучению и саморазвитию. Современные исследования показывают, что эффективность профессиональной деятельности в значительной степени определяется именно уровнем сформированности психологической

готовности, которая позволяет специалисту не только адаптироваться к изменениям, но и активно реагировать на них, опережающий возможные вызовы и заранее готовясь к ним.

Психологическую готовность к профессиональной деятельности в условиях изменений можно определить как интегративное психическое состояние, представляющее собой систему установок, качеств и способностей личности, обеспечивающих её активную и продуктивную адаптацию к новым профессиональным требованиям, задачам и контекстам. В структуре данного феномена целесообразно выделить несколько взаимосвязанных компонентов.

1. Когнитивный компонент предполагает адекватное восприятие реальности, понимание объективной необходимости и неизбежности изменений. Это включает способность к анализу тенденций, прогнозированию потенциальных рисков и возможностей, а также открытость к новым знаниям. Ключевым аспектом здесь является готовность к непрерывному обучению, когда человек воспринимает процесс профессионального развития как перманентный, а не завершённый на определенном этапе. Кроме того, важной составляющей является толерантность к неопределённости – способность сохранять эффективность деятельности в ситуации отсутствия полной информации, четких инструкций и гарантированных результатов [2, с. 70]. Определение структуры мотивационного компонента психологической готовности к профессиональной деятельности является одной из наиболее актуальных проблем в области мотивации, так как от её решения зависит нахождение эффективных путей формирования самого мотивационного компонента. В работах В.Г. Асеева присутствуют два определения структуры мотивационного компонента готовности к деятельности: в более широком контексте она характеризуется двумя составляющими её сторонами – содержательной и динамической; в более узком – потребностью в деятельности и внешним по отношению к деятельности мотивом, который «определяет конкретную целевую установку» [7, с. 104]; противоречивое единство этих двух составляющих является движущей силой всякой конкретной деятельности. По мнению Л.И. Божович, в структуру мотивационного компонента включаются потребности и мотивы, различающиеся не только по содержанию и динамическим свойствам, но и по строению – непосредственные, где побуждение идет от потребности, или опосредствованные сознательно поставленной целью.

2. Мотивационно-волевой компонент представляет собой центральный элемент психологической готовности, поскольку именно он обеспечивает внутренний импульс и энергию для осуществления изменений. Этот компонент характеризуется не просто отсутствием сопротивления переменам, а наличием активного стремления к ним, основанного на глубокой внутренней мотивации. Такой тип мотивации проявляется в осознанном принятии необходимости изменений как лично значимой ценности и возможности для профессионального роста. Сотрудники с развитым мотивационно-волевым компонентом демонстрируют активную жизненную позицию, выражающуюся в постоянном поиске новых путей решения профессиональных задач, инициативности в предложении улучшений и готовности брать на себя ответственность за результаты своей деятельности. Особое значение приобретает способность к самостоятельному проектированию профессиональной траектории, когда специалист не просто реагирует на изменения, а активно формирует свое профессиональное будущее. Волевая регуляция в этом контексте проявляется как способность сохранять целеустремленность и настойчивость в условиях неопределённости, противостоять сиюминутным искушениям в пользу долгосрочных профессиональных целей, а также мобилизовывать внутренние ресурсы для преодоления неизбежных трудностей, сопровождающих любой процесс изменений. Развитие этого компонента предполагает формирование устойчивой системы профессиональных ценностей, где непрерывное развитие и адаптивность воспринимаются как неотъемлемая часть профессиональной идентичности.

3. Эмоциональный компонент характеризуется стрессоустойчивостью и эмоциональной стабильностью. Играет критически важную роль в поддержании психологической готовности, поскольку постоянные изменения в профессиональной среде являются мощным и продолжительным стресс-фактором. Эмоциональная устойчивость в этом контексте предполагает не просто отсутствие негативных эмоциональных реакций, а способность сохранять психологическое равновесие и эффективность деятельности в условиях повышенной неопределенности и постоянного давления изменений. Психологически готовый специалист обладает развитым эмоциональным интеллектом, позволяющим не только точно распознавать и понимать собственные эмоциональные состояния, но и эффективно управлять ими, трансформируя потенциально деструктивные эмоции, такие как тревога и страх перед неизвестностью, в конструктивную энергию для адаптации. Навыки саморегуляции включают в себя способность к эмоциональной пластичности – быстрому переключению между различными эмоциональными состояниями в соответствии с требованиями ситуации, а также умение минимизировать интенсивность и продолжительность негативных переживаний. Особое значение имеет способность к эмоциональной предвидению – ожидание эмоциональных последствий предстоящих изменений и заблаговременная подготовка к ним. Развитый эмоциональный компонент позволяет специалисту сохранять ясность мышления и способность к принятию взвешенных решений даже в условиях сильного психологического давления, что особенно важно в кризисных ситуациях, сопровождающих масштабные организационные преобразования [1, с. 45].

4. Поведенческий (деятельностный) компонент проявляется в реальной способности личности адаптировать своё поведение под новые условия. Это, прежде всего, психологическая гибкость – способность быстро перестраивать навыки, менять стратегии поведения и осваивать новые роли. Сюда же относится развитая способность к коммуникации и кооперации в новых, зачастую виртуальных и межкультурных, командах, а также навыки эффективного решения нестандартных задач [3, с. 143]. В условиях цифровой трансформации особую значимость приобретает способность к эффективной коммуникации и кооперации в виртуальных и межкультурных командах, что требует владения специфическими навыками дистанционного взаимодействия, понимания особенностей межкультурной коммуникации и способности выстраивать доверительные отношения без непосредственного личного контакта.

Формирование психологической готовности – это сложный процесс, на который влияет совокупность внешних и внутренних факторов. К внутренним факторам относятся личностные особенности (такие как открытость опыту, добросовестность, нейротизм в рамках «Большой пятерки»), система ценностей, предыдущий опыт успешного или неуспешного преодоления изменений, а также общий уровень психологического благополучия.

Внешние факторы связаны с организационной средой: культурой организации, поддерживающей инновации и инициативу, стилем руководства; наличием программ обучения и развития сотрудников; системой мотивации и признания, прозрачностью коммуникации в периоды трансформаций. Организация, которая сама не готова к изменениям, будет скорее подавлять, чем развивать эту готовность у своих сотрудников [5, с. 112].

Процесс адаптации личности к изменениям в профессиональной среде опирается на ряд психологических механизмов, обеспечивающих способность конструктивно взаимодействовать с новыми условиями. Одним из ключевых механизмов является саморегуляция, позволяющая человеку управлять поведением, эмоциями и мыслями с целью достижения поставленных целей. Саморегуляция помогает поддерживать внутреннее равновесие даже при высокой внешней турбулентности, сохраняя

эффективность деятельности. Другой важный механизм – когнитивная переработка информации. В условиях быстро меняющейся реальности человеку необходимо уметь переоценивать имеющиеся стратегии деятельности и при необходимости заменять их новыми. Способность к когнитивной перестройке снижает психологическое сопротивление переменам и ускоряет процесс адаптации. Большую роль играет также интернальность – личностная установка, при которой человек воспринимает себя как источник контроля над событиями своей жизни. Интерналы легче адаптируются к изменениям, так как склонны рассматривать их не как угрозу, а как задачу, требующую решения. Наоборот, экстерналы чаще испытывают стресс, поскольку воспринимают изменения как навязанное извне давление.

Психологическая готовность включает комплекс личностных качеств, установок и состояний, обеспечивающих эффективное функционирование человека в непредсказуемой профессиональной ситуации. Одним из ключевых элементов психологической готовности является мотивационная направленность, которая формирует стремление к профессиональному росту, освоению новых знаний и конструктивному преодолению трудностей. В условиях постоянных изменений устойчивой становится не та личность, которая сопротивляется новому, а та, которая проявляет гибкость и воспринимает изменения как естественный и неизбежный компонент профессиональной жизни.

Наряду с мотивационным аспектом важную роль играет когнитивная готовность, включающая способность анализировать сложные ситуации, быстро осваивать новую информацию и прогнозировать последствия принимаемых решений. Современный специалист должен уметь работать в многофакторной среде, где устоявшиеся знания быстро устаревают, и требуется постоянное самообучение. Это делает жизненно важным сформированное у человека мышление роста и готовность к непрерывному развитию.

Значимым компонентом готовности является и эмоционально-волевая сфера. Умение управлять собственными эмоциями, сохранять продуктивность в стрессовых ситуациях, преодолевать тревожность и неопределённость напрямую влияет на профессиональную устойчивость. Развитая стрессоустойчивость позволяет минимизировать риск профессионального выгорания – явления, которое всё чаще сопутствует деятельности в условиях быстрого темпа и высокой нагрузки.

Однако психологическая готовность формируется не только на индивидуальном уровне – рабочая среда играет критически важную роль в её становлении. Современные организации, осознающие значение человеческого капитала, создают условия, способствующие повышению адаптивности сотрудников.

Прежде всего, этому способствует культура поддержки. Организации, где поощряется открытость, возможность обсуждать трудности, делиться опытом и получать обратную связь, формируют у сотрудников уверенность в собственных силах. Атмосфера психологической безопасности уменьшает страх ошибок и способствует готовности активно включаться в инновационные процессы.

Не менее важным является обучение. Систематическое обновление знаний, доступ к курсам, тренингам и профессиональным ресурсам помогает поддерживать актуальность компетенций. Регулярное обучение снижает стресс перед новыми задачами и позволяет сотруднику чувствовать себя уверенно в изменяющихся условиях.

Наставничество также играет весомую роль в повышении психологической готовности. Поддержка более опытного специалиста помогает быстрее адаптироваться к изменениям, усвоить новые требования, развить профессиональную идентичность. Наставник становится проводником, который помогает сотруднику ориентироваться в сложных условиях и видеть перспективы развития.

Необходимо выделить и возможности роста, которые формируют у сотрудника чувство перспективы и профессиональной осмысленности. Понимание того, что труд

оценивается, а усилия приводят к карьерному и личностному развитию, усиливает внутреннюю мотивацию и повышает готовность к переменам.

Важно подчеркнуть, что адаптация – это двусторонний процесс. Не только личность должна быть готова к переменам, но и сама организация обязана трансформироваться, обеспечивая гибкость процессов, поддержку инноваций и развитие корпоративной культуры. Взаимодействие этих факторов формирует устойчивую, психологически зрелую профессиональную среду, в которой человек может успешно функционировать даже в условиях высокой неопределённости.

Развитие психологической готовности личности к изменениям требует целенаправленных усилий как со стороны самой личности, так и со стороны организаций и образовательных институтов.

На индивидуальном уровне эффективными являются:

1. Целенаправленное развитие метакомпетенций: рефлексия, критическое мышление, эмоциональный интеллект.
2. Расширение зоны комфорта: сознательный поиск новых профессиональных задач, участие в проектах за пределами основных обязанностей.
3. Систематическое непрерывное обучение: прохождение курсов, тренингов, чтение профессиональной литературы, что формирует уверенность в своей способности осваивать новое.
4. Развитие навыков саморегуляции и управления стрессом через техники mindfulness, тайм-менеджмента и др. Построение и поддержание широких профессиональных сетей (networking), что повышает доступ к информации и ресурсам поддержки.

На организационном уровне необходимо: создание «обучающейся организации», где поощряется экспериментирование, обмен знаниями и анализ ошибок, внедрение программ наставничества и коучинга для поддержки сотрудников в периоды изменений, обеспечение доступа сотрудников к ресурсам для непрерывного профессионального развития, формирование открытой организационной культуры, основанной на доверии и прозрачной коммуникации, использование гибких систем мотивации, вознаграждающих инициативу и готовность к освоению нового [6, с. 160].

Таким образом, психологическая готовность к профессиональной деятельности в условиях постоянных изменений представляет собой комплексный, многокомпонентный феномен, выступающий критически важным ресурсом профессиональной успешности и адаптивности в XXI веке. Она базируется на единстве когнитивной открытости, мотивационной готовности, эмоциональной устойчивости и поведенческой гибкости. Ее формирование является не спонтанным процессом, а результатом целенаправленной работы личности по саморазвитию и продуманной кадровой политики организаций, ориентированной на создание поддерживающей и развивающей среды. Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на разработку валидных диагностических инструментов для оценки уровня готовности и на изучение эффективности конкретных тренинговых программ по её развитию в различных профессиональных группах.

Библиографические ссылки

1. Лещенко, Ю. П. Теоретические подходы к изучению эмоциональной устойчивости будущих педагогов в процессе обучения в вузе / Ю. П. Лещенко : Молодой ученый, 2018. – 280 с. – Текст: непосредственный.

2. Вайтулевич С. Н. Сущность и пути развития критического мышления преподавателя высшей школы / С. Н. Вайтулевич, Т. В. Михайлова, К. О. Петрова: Современные наукоемкие технологии, 2008. – 70 с. – Текст: непосредственный.
3. Мозговая А. В., Яишников А. Ю. Способность к трудоустройству как ресурс профессиональной адаптации личности / А. В. Мозговая, А. Ю. Яишников: Вестник института социологии, – 2018. – 143 с. – Текст: непосредственный.
4. Кознов А.Б. Влияние цифровизации на рынок труда / А.Б. Кознов: Международный журнал гуманитарных и естественных наук, – 2019. – с. 177 – Текст: непосредственный.
5. Леонтьев, Д. А. Современные вызовы психологии труда: личность в мире неопределённости / Д. А. Леонтьев: Психология труда, – 2020. – с. 11. – Текст: непосредственный.
6. Занковский А.Н. Организационная психология / А.Н. Занковский: Учебное пособие для вузов по специальности «Организационная психология». – 2-е изд. – М.: Флинта: МПСИ, 2002. – 648 с. – Текст: непосредственный.
7. Асеев, В. Г. Структурные особенности ценностно-мотивационной системы личности / В. Г. Асеев: Проблема деятельности в советской психологии: Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду Общества психологов. – М., 1977. – 100 с. – Текст: непосредственный.
8. Платонов, К. К. Вопросы психологии труда / К. К. Платонов. – 2-е изд доп. – М.: Медицина, 1970. – 264 с. – Текст: непосредственный.
9. Дьяченко, М. И. Психологические проблемы готовности к деятельности: учебное пособие для вузов / М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович. – Минск: Изд-во БГУ, 1976. – 175 с. – Текст: непосредственный.
10. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург: Издательство: Питер, 2002. – 720 с. – Текст: непосредственный.

© Аминева И.Р., Мешкова С.С., 2025

САМОСОСТРАДАНИЕ КАК ПРЕДИКТОР СОХРАНЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПОДРОСТКОВ

И. А. Банищикова

старший преподаватель кафедры
общеобразовательных дисциплин
ПФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»
г. Нижний Новгород, Россия
E-mail: irisha-banshchikova@mail.ru

Г. И. Малышева

старший преподаватель кафедры
общеобразовательных дисциплин
ПФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»
г. Нижний Новгород, Россия
E-mail: malyyshevagalka@gmail.com

В статье рассматриваются теоретические аспекты самосотрадания как условия сохранения психологического благополучия подростков при совладании с трудными ситуациями. В целях полного раскрытия темы исследования рассмотрены особенности старшего подросткового возраста. Психологические возрастные особенности старшего подросткового возраста обуславливают важность обучения навыкам самосотрадания.

Ключевые слова: самосотрадание, предиктор, стресс, эмоциональная реакция, подростковый возраст, психокоррекционная работа.

The article discusses the theoretical aspects of self-compassion as a condition for maintaining the psychological well-being of adolescents in coping with difficult situations. In order to fully explore the topic of the study, the characteristics of late adolescence are examined. The psychological age-related features of late adolescence highlight the importance of teaching self-compassion skills.

Keywords: self-compassion, predictor, stress, emotional response, adolescence, psychocorrectional work.

Некоторые люди обладают умением накапливать ресурсы, чтобы справиться с трудностями, благодаря отлично развитым навыкам саморегуляции. Человеческое мышление нацелено на выявление проблем и оперативный поиск решений, зачастую без должного внимания к способам достижения желаемого. Многие люди обладают способностью накапливать ресурсы для преодоления препятствий и демонстрируют развитые навыки саморегуляции. Конечно, тактика самоконтроля уместна в особых ситуациях: в экстремальных условиях, при опасности для жизни или при выполнении профессиональных задач, она помогает адаптироваться. Но фразы типа «не переживай», «перестань жаловаться», «вспомни о себе» могут привести к появлению строгого внутреннего голоса-критика.

По мнению психологов, самокритика, хотя и может быть полезна в определенных ситуациях, мешает проявлению доброты и сочувствия к себе. Когда мы переживаем трудные времена и испытываем негативные эмоции, вместо того чтобы оказать себе поддержку, мы подвергаем себя самобичеванию, тем самым лишь усугубляя свои страдания.

Такое отношение формируется на основе убеждений, что сочувствие к себе недопустимо, что непрерывное стремление к успеху является обязательным; сострадание – признак слабости; а помощь себе после неудач приведет к повторению ошибок и замедлению прогресса. Такая реакция (часто неосознанная) обусловлена нелогичными автоматическими убеждениями: сочувствие к себе неприемлемо, нужна постоянная мотивация к успеху; сострадание – это слабость и беззащитность; поддержка себя после ошибок приведет к их повторению и помешает развитию.

В трудные времена самосострадание может выступать в роли «спасательного круга», помогая сохранить ясность ума и жизненные силы.

Эффективная помощь другим во многом зависит от личного здоровья и эмоционального состояния [2, с. 215]. Доброе отношение к себе облегчает переживание сложностей, помогая сохранить концентрацию и силы, в то время как самокритика лишь усугубляет проблемы.

Поддержание личного благополучия является обязательным условием качественной поддержки окружающих. Самосострадание действует как защитный инструмент в трудные времена, помогая сохранить когнитивные способности и необходимые ресурсы. Напротив, самобичевание лишь ухудшает положение.

Современные подростки, в возрасте от 14 до 18 лет, все чаще сталкиваются с повышенной тревожностью. Это время активного поиска себя, желания обрести свое место в обществе и предвкушения взрослой жизни. Интересы в этот период могут быть переменчивы, а процесс формирования устойчивой самоидентификации идет полным ходом. Нередко подростки в этот период ощущают себя изолированными, испытывают угрызения совести или переживают сильные эмоциональные бури. Осознание закономерностей и нюансов подросткового развития, а также знание благоприятных условий для формирования личности, существенно расширяет возможности специалистов в образовании и психологии для наставничества и поддержки молодых людей на их пути к самоопределению и развитию.

Подростковый возраст является периодом особой чувствительности, когда происходят значительные изменения в системе ценностей и смыслов, что может приводить к проявлениям юношеского максимализма. Этот феномен выражается в склонности к самокритике и формированию негативной Я-концепции, что способствует развитию неуверенности в себе и социальной дезадаптации. Психолог Дэвид Элкиндр ввел понятие "воображаемой аудитории", обозначающее тенденцию подростков переоценивать значимость своего восприятия со стороны окружающих, что усиливает социальную тревожность.

Особые психологические черты, присущие подросткам, часто объединяют под общим названием «*подростковый комплекс*». В чем же заключается его суть? Рассмотрим ключевые характеристики (Табл. 1).

Исследования показывают прямую связь между уровнем самосострадания у подростков и их способностью справляться с жизненными трудностями: чем выше уровень самосострадания, тем большую жизнестойкость демонстрируют подростки и лучшую мотивацию к личностному росту.

В педагогике необходимо руководствоваться мнением российского психолога Т.П. Гавриловой, отмечавшей, что подростковый возраст является благоприятным периодом для развития эмпатии и самосострадания. Специалист в области психологии развития К. Нефф обращала внимание на то, что внутреннее принятие является более надежным внутренним ресурсом, чем оценка, напрямую зависящая от непрерывно меняющихся внешних параметров и субъективных суждений. Таким образом, самосострадание характеризуется снижением негативных эмоциональных реакций в ситуациях унижения или при воспоминании о травматических событиях [3, с. 245].

Таблица 1 – Ключевые характеристики «подросткового комплекса»

<i>Черты</i>	<i>Характеристика</i>
Повышенная чувствительность к внешности	Острая реакция на восприятие окружающими внешности подростка, что может вызывать чувство уязвимости и тревоги. В психологии существует понятие «воображаемой аудитории», демонстрирующее особенность подростков переоценивать то, как их воспринимают другие. Это усиливает социальную тревожность.
Юношеский максимализм	Твердая уверенность подростка в своей правоте и категоричность суждений о других. Это связано с стремлением к самореализации. Максимализм может также, выражаться в самокритике, что ведет к формированию негативного «образа-Я» и способствует развитию неуверенности и трудностям в адаптации к социальной среде.
Противоречивость поведения	Парадоксальность поведения подростка проявляется в одновременном сочувствии, но при этом быть эмоционально отстраненными. Застенчивость может соседствовать с развязностью. Желание быть признанным и одобренным сочетается с демонстративной независимостью от чужого мнения.
Отрицание авторитетов и норм	Подростки могут ставить под сомнение авторитеты и общепринятые правила и одновременно восхищаться случайными кумирами.

Концепция самосострадания имеет корни в буддийской философии, где осознанность и сострадание рассматриваются как взаимодополняющие элементы, способствующие достижению психологического благополучия. Самосострадание предполагает принятие себя в ситуациях неудач без осуждения, осознание их общечеловеческой природы и интеграцию в личный опыт.

К сожалению, в школе отсутствует практика, способствующая повышению устойчивости подростков к стрессу, снижению склонности к самокритике, перфекционизму, а также ослаблению эгоистических и нарциссических тенденций. Уже давно ведутся разговоры о необходимости проведения на факультативной основе занятий с школьным психологом (не индивидуальные беседы, а групповые занятия)

Существует ряд действенных способов, которые можно использовать чтобы развить доброжелательное отношение подростка к себе. Вот некоторые полезные методы (Табл. 2).

Кристин Нефф, видный эксперт в области психологии, определяет три фундаментальных компонента самосострадания: доброжелательность к себе, осознание общей человеческой природы опыта и принятие настоящего момента [4, с. 98].

Дружелюбное отношение к себе выступает основополагающим элементом самосострадания. Это подразумевает внимательное и поддерживающее отношение к собственному «я», противоположное привычной склонности к самокритике. Рассмотрим ситуацию, когда обучающийся получил неудовлетворительную оценку на уроке/экзамене. Вместо того чтобы обвинять себя в недостатке способностей или недостаточно приложенных усилиях, он проявляет к себе сострадание, признавая, что сделал всё от него зависящее, а неудачи – это естественная часть обучающего процесса. Это предполагает заботливое и поддерживающее отношение к себе, в отличие от распространенной тенденции к самокритике. Допустим, студент получил неудовлетворительную оценку на экзамене. Вместо того, чтобы критиковать себя за недостаток способностей или

приложенных усилий, он проявляет сочувствие к себе, признавая, что приложил максимум усилий, и что неудачи являются закономерной частью процесса обучения. Такой подход создает благоприятную обстановку для личностного роста и развития.

Таблица 2 – Методы развития доброжелательное отношение подростка к себе

<i>Метод</i>	<i>Характеристика</i>
Медитация «Метта»	Помогает успокоить ум и развить заботливое отношение к себе. Необходимо выбрать тихое место, удобно сесть и закрыть глаза. Начните с мыслей о благополучии для себя: «Я надеюсь, что я буду счастлив, здоров и в безопасности». Школьникам перед началом занятий можно посетить комнату отдыха и мысленно повторить эту фразу. К сожалению, в большинстве образовательных учреждений отсутствуют такая возможность.
Осознанное дыхание	Простой, но эффективный способ восстановить контроль в стрессовых ситуациях, успокоить ум и улучшить эмоциональное состояние. Подростку рекомендуется течение пяти минут сосредоточиться на своем дыхании, не пытаясь его изменить.
Внутренний диалог, как с другом	Этот метод помогает изменить негативный внутренний диалог, уменьшить самокритику. Подросток должен представить себе, что друг обратился к вам с аналогичной проблемой. Что бы вы ему сказали? Скажите это себе.
Самомассаж	Телесные практики для снятия напряжения, успокаивают нервную систему и позволяют почувствовать себя в безопасности. При напряжении можно рекомендовать подростку положить руку на сердце или обнять себя. Необходимо направить тепло «внутрь себя».
Карта заботы о себе	Данный метод позволяет определить областей жизни, нуждающейся в большем внимании. Подростку необходимо нарисовать круг, определив в нем долю важных для себя областей. 1. Здоровье (свое и близких) 2. Учеба. 3. Увлечения. 4. Общение и отношения с друзьями 5. Отношения с семьей Далее при возникновении кризисных ситуаций, понять, насколько стоит концентрироваться на проблеме и страдать, если это не самое важное в жизни конкретного подростка.

Данный подход формирует благоприятные условия для личностного роста и развития.

Принятие того, что неудачи неизбежны, и проявление к себе сочувствия позволяют осознать, что ошибки – это часть жизни. Умение признать это и спокойно относиться к своим неудачам без чрезмерных эмоциональных реакций открывает возможности для извлечения уроков из ошибок и уверенного движения дальше. Принятие неизбежности неудач и проявление сочувствия критически важны для поддержания самосострадания, позволяя понять, что ошибки неизбежны. В течение жизни случаются отклонения от запланированного, и ошибки являются неотъемлемой частью жизненного опыта. Способность признать этот факт и смириться со своими неудачами без излишней драматизации дает возможность учиться на своих ошибках и двигаться вперед.

Представим предпринимателя, чей стартап не достиг запланированных результатов. Вместо того, чтобы предаваться отчаянию, понимание и сочувствие помогут ему извлечь уроки, не теряя уверенности в себе, рассматривая неудачи как этапы на пути к конечному успеху.

Следующий важный компонент – осознанность, которая позволяет наблюдать за своими эмоциями без критики и осуждения. Она помогает воспринимать внутренние переживания открыто, не подавляя их и не считая чрезмерными. Например, если подросток чувствует гнев или разочарование после конфликта с окружающими, осознанность способствует осознанию этих эмоций и их корней, без самобичевания, а затем помогает найти решения для устранения проблемы и восстановления эмоционального баланса.

Осознанность предлагает принимать личные переживания открыто, не подавляя их и не оценивая их как чрезмерную реакцию. Например, если человек испытывает гнев или разочарование в результате конфликта с окружающими, он может использовать осознанность, чтобы понять свои чувства и их причины, не занимаясь самобичеванием, а затем найти способы решения проблемы и восстановления эмоционального равновесия.

Работа с подростками по развитию самосострадания должна быть направлена на формирование положительного отношения к себе, преодоление самоизоляции и развитие внимательности к своим мыслям и чувствам. Важно, чтобы подростки понимали, что неудачи являются частью человеческого опыта, и все люди совершают ошибки, что способствует смягчению защитных механизмов эго и формированию более адаптивного восприятия себя и окружающего мира.

Таким образом, самосострадание представляет собой важную характеристику личности, определяющую способность подростка справляться с жизненными трудностями и поддерживать психологическое благополучие. Развитие самосострадания является важным компонентом психокоррекционной работы с подростками, направленной на профилактику эмоциональных травм, буллинга, депрессии и суицидальных мыслей, а также на формирование позитивной самооценки и социальной адаптации.

Таким образом, самосострадание выступает как важный личностный ресурс, позволяющий подросткам эффективно справляться с жизненными вызовами, это путь к обретению внутренней опоры. Подросткам важно понять, что ошибаться – это не признак слабости, а часть общего человеческого опыта. Это помогает им смягчить внутренние барьеры и научиться видеть себя и мир более открыто и принимающе. Самосострадание становится своего рода компасом, помогающим подросткам ориентироваться в жизненных бурях и сохранять внутреннюю гармонию. Поэтому его развитие – это фундамент психокоррекционной работы. Внедрение программ по развитию самосострадания в психокоррекционную работу с подростками является критически важным для профилактики эмоциональных травм, буллинга, депрессивных состояний и суицидальных тенденций, а также для формирования устойчивой самооценки и успешной адаптации в обществе.

Библиографические ссылки

1. Абросимов И.Н. Осознанность и самосострадание в психологическом сопровождении пациентов с хроническими заболеваниями // Клиническая психология лечебного процесса / ред. Сирота Н.А. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2023. – С. 297–306.
2. Гермер К. Трудные чувства. Понять себя, простить других. – СПб: Питер, 2021. – 336 с.
3. Нефф К. Самосострадание. О силе сочувствия и доброты к себе. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 495 с.

4. Нефф К., Гермер К. Как пережить трудные минуты жизни. Целительное сочувствие к себе. – СПб: Питер, 2021. – 256 с.

5. Чистопольская К.А., Осин Е.Н., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Мысина Г.А., Дровосеков С.Э. Концепт «Сочувствие к себе»: российская адаптация опросника Кристин Нефф // Культурно-историческая психология. – 2020. – Т. 16. – №4. – С. 35–48.

© Банщикова И.А., Малышева Г.И., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК РЕСУРС СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ: УРОВНИ САМОРАЗВИТИЯ, КРИТЕРИИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ

А. В. Беляева

Магистрант Казанский инновационный
университет им. В.Г. Тимирязова
г. Нижнекамск, Россия, Республика Татарстан
e-mail: anibla2@mail.ru

О. А. Талипова

Кандидат психологических наук, доцент
Казанский инновационный
университет им. В.Г. Тимирязова
г. Нижнекамск, Россия, Республика Татарстан
e-mail: otalipova@ieml.ru

Статья рассматривает психологическое здоровье как многослойный и динамический феномен, определяющий устойчивость семьи и индивидуальное благополучие. На основе интеграции классических и современных подходов психологическое здоровье трактуется как согласованность телесно-психофизиологических, когнитивно-аффективных и рефлексивно-ценностных измерений личности. Обсуждается модель уровней саморазвития (базовый, деятельностно-творческий, трансформационный) и критерии психологической зрелости: эмоциональная устойчивость, возрастная адекватность чувств, саморегуляция, рефлексия и готовность к разумному самоограничению. Показано, что согласование когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов ценностного отношения к здоровью формирует позитивную самоидентичность и повышает семейную адаптивность.

Ключевые слова: психологическое здоровье; семейное благополучие; личностная зрелость; эмоциональная устойчивость; саморефлексия; самоидентичность; уровни саморазвития; когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты; ценностное отношение к здоровью; профилактика и психообразование.

The article examines psychological health as a multilayered, dynamic phenomenon that determines family resilience and individual well-being. Integrating classical and contemporary approaches, psychological health is construed as the coherence of the somatic-psychophysiological, cognitive-affective, and reflexive-axiological dimensions of personality. The paper discusses a three-level model of self-development (basic, activity-creative, transformational) and the criteria of psychological maturity: emotional stability, age-appropriate maturity of feelings, self-regulation, reflection, and readiness for reasonable self-restraint. It is shown that aligning the cognitive, emotional, and behavioral components of a value-based attitude toward health shapes positive self-identity and enhances family adaptability.

Keywords: psychological health; family well-being; personal maturity; emotional stability; self-reflection; self-identity; levels of self-development; cognitive, emotional, and behavioral components; value-based attitude toward health; prevention and psychoeducation.

Рождение детей и крепкие семейные отношения важны для развития страны, благополучия общества и личного роста людей. Надёжная семья создаёт детям условия для спокойного и гармоничного развития, помогает родителям расти как личности и в целом

движет общество вперёд. Поэтому поддержка и улучшение семейных практик остаются приоритетом, особенно когда меняются общественные нормы и ценности.

Учёные до сих пор по-разному определяют «психологическое здоровье» – исследования показывают много подходов. Чтобы говорить об этом явлении, сначала нужно понять основы общего здоровья человека. Согласно формулировке, закреплённой Всемирной организацией здравоохранения в 1948 году, психическое здоровье представлено в качестве «состояния благополучия, в котором человек реализует свои способности, может противостоять обычным жизненным стрессам, продуктивно работать и вносить вклад в свое сообщество» [ВОЗ].

Современная медицина рассматривает здоровье через призму множества критериев. А.В. Шувалов в своем исследовании отмечает, что ключевой принцип психологического здоровья состоит в стремлении человека «стать и оставаться самим собой, несмотря на перипетии и трудности индивидуальной жизни» [8, с. 90].

В монографии А.В. Алёшичевой психологическое здоровье описывается как сложная многослойная система – согласованное благополучие человека в телесной, умственной, социальной и духовной сферах [1, с.215]. Показатели здоровья человека показывают, что изучать его нужно комплексно и на всех уровнях проявлений.

В работах Н.Ю. Ланцевской подчёркивается, что согласованная работа личностных структур создаёт устойчивую защиту от деструктивных внешних влияний и поддерживает психологическую целостность. Исследовательница отмечает, что негативные эмоции отражаются на функционировании внутренних органов, что нарушает баланс и внутреннее равновесие личности [5, с. 91].

Модель личностного развития, предложенная К.Я. Вазиной, представляет собой целостную систему, описывающую индивидуальность человека в динамике её формирования, функционирования и самоосуществления. Центральным положением данной модели является рассмотрение личности как целостного образования, развитие которого возможно только при сохранении норм психологического здоровья и внутренней согласованности всех её компонентов. Вазина подчёркивает, что личность развивается не изолированно, а во взаимодействии с окружающей средой, культурными ценностями и собственным внутренним опытом. При этом ключевым критерием зрелости личности выступает интеграция мотивационно-смысловых, когнитивных и волевых структур в единую систему, обеспечивающую устойчивое чувство идентичности и внутренней гармонии.

Автор выделяет три взаимосвязанных уровня саморазвития психологически благополучного человека:

1. Базовый уровень включает совокупность фундаментальных свойств и предпосылок индивидуальности – потребностей, способностей, темпераментных и характерологических особенностей. Он отражает осознанное включение личности в жизненную деятельность, способность к самопониманию и принятию собственных возможностей и ограничений. На этом этапе формируются базовые установки, ценности и мотивация, определяющие направление дальнейшего роста.

2. Деятельностно-творческий уровень охватывает процессы познавательной, созидательной и преобразующей активности. Он проявляется в осмыслении целей жизнедеятельности, самостоятельном выборе и реализации средств достижения, выполнении действий и анализе их результатов. Важным компонентом данного уровня является развитие способности к саморегуляции, креативности и рефлексии, что обеспечивает не только выполнение конкретных задач, но и личностный рост, расширение опыта, осмысление своего места в профессиональной и социальной среде.

3. Трансформационный уровень представляет собой наиболее высокий этап саморазвития. Он связан с постоянным преобразованием и обновлением личностных

качеств, с превращением потребностей и способностей в активное познание и творческое освоение «целевого пространства» собственной деятельности. Этот уровень включает два подуровня – поисково-продуктивный, характеризующийся стремлением к новому опыту и экспериментированию, и рефлексивный, выражающийся в глубоком осмыслении жизненного пути, формировании мировоззренческих позиций и личностной ответственности. Таким образом, трансформационный уровень отражает переход личности к состоянию самотрансценденции, способности выходить за пределы уже достигнутого и стремиться к внутреннему совершенству.

К телесно-психофизической основе человека относятся такие фундаментальные элементы, как телесное самочувствие, безусловные и условные рефлексы, врожденные влечения, а также устойчивые поведенческие схемы, формирующиеся в процессе взаимодействия организма со средой. Этот уровень отражает природно-биологическую основу личности и служит фундаментом для проявления психических и поведенческих особенностей. Он обеспечивает базовые механизмы выживания, адаптации и регуляции активности, включая автоматические реакции организма, эмоциональные отклики и инстинктивные формы поведения.

Психические характеристики телесно-психофизического уровня оказывают прямое влияние на общее физическое состояние человека, определяя степень его соматического и психофизиологического благополучия. Через внешние формы поведения, двигательные реакции, мимику, жесты и внутренние физиологические процессы (сердечный ритм, дыхание, мышечное напряжение) проявляется взаимосвязь тела и психики. Нарушения или дисбаланс на этом уровне могут приводить к телесным зажимам, хронической усталости, психосоматическим реакциям, что свидетельствует о необходимости гармонизации физической и психической сфер. Таким образом, телесно-психофизическая основа представляет собой важнейший компонент целостного развития личности, обеспечивающий прочную опору для формирования эмоциональной устойчивости, психического равновесия и способности к дальнейшему саморегулированию.

Второй уровень психической активности формируется на пересечении восприятия внешней реальности и внутренних побуждений личности. Он отражает процесс согласования поступающей из окружающего мира сенсорной информации с внутренними установками, потребностями и мотивами человека. На этом уровне происходит переработка впечатлений, формирование когнитивных образов, оценка ситуаций и выработка стратегии поведения, что обеспечивает адаптацию к изменяющимся условиям среды.

Адаптивные ментальные схемы выполняют регулирующую функцию, способствуя сохранению психического равновесия, гибкости мышления и адекватной поведенческой реакции. Они помогают человеку рационально воспринимать события, прогнозировать последствия своих действий и сохранять внутреннюю устойчивость при эмоциональных нагрузках. Благодаря этим схемам личность может эффективно взаимодействовать с социальной и профессиональной реальностью, контролировать импульсы и выбирать конструктивные способы решения жизненных задач.

В то же время деструктивные представления, возникающие при искажении восприятия, недостаточной осознанности или негативном жизненном опыте, могут становиться источником внутреннего конфликта. Они снижают адаптационные возможности личности, усиливают тревожность, создают предпосылки для неадекватных поведенческих реакций и развития патологических психических состояний. Таким образом, качество психических структур на этом уровне определяет не только степень адаптации человека к реальности, но и устойчивость его личности к стрессовым воздействиям и внутренним кризисам.

Глубинный уровень личностного развития представляет собой внутреннее ядро самосознания человека. Он включает в себя базовые механизмы саморефлексии, которые обеспечивают возможность критически и трезво оценивать собственные качества, мотивы, поступки и способности. На этом уровне человек осознает причинно-следственные связи между своими мыслями, эмоциями и поведением, что открывает путь к осмысленному самоизменению и личностному росту. Способность к самоанализу и внутреннему наблюдению формирует предпосылки для выработки устойчивых моральных и мировоззренческих ориентиров, определяющих стратегию жизни.

Через процесс самопознания формируется индивидуальная система ценностей, отражающая уникальную структуру личности. Эта система задает внутренние критерии оценки реальности, помогает принимать ответственные решения и сохранять целостность «Я» в сложных жизненных обстоятельствах. Осознание собственных возможностей, ограничений и потенциала делает человека более устойчивым к внешним влияниям, позволяет выстраивать реалистичные цели и развивать внутреннюю мотивацию достижения. Таким образом, глубинный уровень личностного развития служит основой для формирования зрелого самосознания, нравственной устойчивости и конструктивного отношения к себе и окружающему миру. Он объединяет когнитивные, эмоциональные и ценностно-смысловые аспекты личности, обеспечивая ее внутреннюю целостность и направленность на саморазвитие.

Опираясь на базовые принципы изучения психических состояний, В.Я. Горбунков предлагает критерии психологического здоровья: эмоциональную устойчивость, возрастную зрелость чувств, умение справляться с негативными переживаниями, естественную и свободную выраженность эмоций при сохранении привычного самочувствия [4, с. 122]. В целом психологическая зрелость проявляется в развитой рефлексии и бережном отношении к внутреннему миру, умении согласовывать собственные потребности с готовностью к разумному, ситуационно оправданному самоограничению без разрушительного отказа от личных интересов.

И.В. Белашева трактует психологическое здоровье как эмоциональное здоровье и рассматривает его как результат личностного развития; это интеграция рефлексивных, эмпатийных и регуляторных процессов и свойств, обеспечивающих адекватное самовосприятие и отношение к себе [2, с. 406]. Мудрость принятия жизненных обстоятельств состоит в признании ограниченности контроля над событиями: человеческая жизнь неизбежно включает случайность и неопределённость, что требует спокойного отношения к неожиданностям. Психологически здоровый человек ясно различает границы собственной влияния и берёт ответственность лишь за то, чем действительно способен управлять.

Ценностное отношение человека к собственному здоровью занимает ключевую позицию. По структурной модели Н.А. Шмойловой выделяются три взаимосвязанных компонента этого отношения [7, с. 9]:

1. Когнитивный – трезвая оценка реального состояния здоровья и знание факторов, влияющих на психологическое благополучие.
2. Эмоциональный – система ценностей личности и общества; глубинное принятие здоровья как базовой ценности, признание уникальности каждого человека и его полноценной включённости в мир.
3. Поведенческий – конкретные поступки и практики, направленные на сохранение и приумножение здоровья.

Согласованность этих компонентов ведёт к позитивной самоидентификации. Личностная зрелость проявляется в реалистичном самовосприятии и принятии других вне зависимости от демографических, социальных или этнических особенностей, а также в

толерантности к собственным несовершенствам при сохранении позитивного взгляда на себя и окружающее.

Таким образом, было определено, что динамическое взаимодействие различных составляющих психологического здоровья личности проявляется через множество аспектов. Позитивное восприятие собственной личности служит фундаментальной основой для формирования конструктивных форм самоанализа, минуя невротические проявления. Процесс становления индивидуального самовосприятия характеризуется существенной трансформацией под влиянием жизненного опыта. Личностный самоанализ выступает ключевым фактором психологического здоровья. Многогранная природа психологического здоровья раскрывается через непрерывное взаимное влияние самовосприятия, рефлексивных процессов и личностного совершенствования.

Проведённый теоретический анализ подтверждает: психологическое здоровье – это не сумма отдельных качеств, а согласованная система, объединяющая телесно-психофизиальные основы, адаптивные когнитивно-аффективные схемы и глубинные рефлексивно-ценностные механизмы. Именно системность позволяет личности выдерживать жизненные стрессы без утраты целостности, поддерживать конструктивные формы самоанализа и строить зрелые отношения в семье.

Ключевым механизмом выступает позитивная и реалистичная самоидентификация. Она опирается на рефлекссию, эмоциональную регуляцию и готовность к ситуационно оправданному самоограничению без разрушительного отказа от собственных потребностей. Такое сочетание повышает семейную устойчивость: родители лучше распознают и регулируют собственные состояния, чувствительнее к сигналам ребёнка, снижают риск эскалации конфликтов и формируют доверительную коммуникацию.

Библиографические ссылки

1. Алёшичева, А. В. Психологическое здоровье личности: монография / А.В. Алёшичева, Н. Г. Самойлов. – М. : Когито-Центр, 2019. – 215 с.
2. Белашева, И. В., Колесникова, А. С. Эмоциональное здоровье личности в контексте осознанности её потребности в психологической помощи / И. В. Белашева, А. С. Колесникова // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – №4. – С. 406-410.
3. Вазина, К. Я. Саморазвитие человека: духовная сфера жизни (новая парадигма) / К.Я. Вазина. – М. : Московский государственный университет печати, 2024. – 236 с.
4. Горбунова, Н. В., Фетисов, А. С. Психологическое здоровье личности: состояние и механизмы сохранения / Н. В. Горбунова, А. С. Фетисов // Гуманитарные науки. – 2022. – №5. – С. 122-128.
5. Ланцевская, Н. Ю. Приемы саморегуляции эмоционального состояния как важный ресурс психологического здоровья личности / Н. Ю. Ланцевская // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2022. – №1. – С. 91-95.
6. Понятие психологического здоровья. Всемирная организация здоровья [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/factsheets/detail/mental-health-strengthening-our-response>.
7. Шмойлова, Н. А. Ценностное отношение к здоровью как фактор развития личности : дис. ... к.псих.н. / Н. А. Шмойлова. – М., 2024. – 241 с.
8. Шувалов, А. В. Психологическое здоровье человека / А. В. Шувалов // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. – 2009. – №4. – С. 87-101

© Беляева А.В., Талипова О.А., 2025

ВОЗМОЖНОСТИ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ В ПРОФОРИЕНТАЦИИ ПОДРОСТКА

Н. С. Бобровникова

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого»

г. Тула, РФ

E-mail: vicious.angel@yandex.ru

А. Д. Хрипкина

студентка 4 курса,

ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого»

г. Тула, РФ

E-mail: nastkhr@gmail.com

Авторы рассматривают понятие «цифровизация», изучая влияние на сферу образования, выделяя положительные и негативные аспекты. Материал дает характеристику ключевых цифровых инструментов, таких как профориентационное онлайн-тестирование, виртуальные туры и игровые симуляторы. В статье раскрывается их дидактический потенциал, а также уделяется внимание психолого-педагогическим рискам, связанным с их использованием, включая необходимость профессиональной интерпретации результатов.

Ключевые слова: цифровизация, профориентации, подросток, онлайн-платформы, образование.

The authors consider the concept of "digitalization", studying the impact on the field of education, highlighting positive and negative aspects. The material describes key digital tools such as online career guidance testing, virtual tours, and game simulations. The article reveals their didactic potential, as well as pays attention to the psychological and pedagogical risks associated with their use, including the need for professional interpretation of the results.

Key words: digitalization, career guidance, teenagers, online platforms, education.

Современный этап социально-экономического развития характеризуется глобальным процессом цифровизации, который, выступая системообразующим фактором, трансформирует все сферы жизнедеятельности общества, включая рынок труда и систему образования. Формирование цифровой экономики и появление новых профессий, требующих соответствующих компетенций, детерминируют изменение традиционных представлений о профессиональном пути и карьере. В этих условиях актуализируется проблема поиска актуальных и эффективных средств профориентации, соответствующих требованиям динамично развивающегося информационного общества.

В условиях формирования цифровизации общества и появления новых профессий, требующих цифровых компетенций, традиционные методы не теряют своей важности, однако не всегда являются достаточно эффективными. Трансформация рынка труда, появление новых профессий детерминирует необходимость поиска новых средств профориентации, соответствующих динамике развития современного информационного общества. Особую значимость данному вопросу придает необходимость учета специфики подросткового возраста, для которого цифровые технологии являются естественной средой существования.

Цифровая среда, как часть повседневной жизни современных подростков предлагает принципиально новые возможности. К ним относятся симуляторы профессиональной деятельности, алгоритмы персонализированных рекомендаций на основе анализа больших данных, а также интерактивные форматы (такие как виртуальные туры на предприятия и онлайн-стажировки), которые способны преодолеть абстрактность профессиональных представлений у школьников.

Актуальность темы также обосновывается спецификой подросткового периода. Ведущий вид деятельности, социальная ситуация развития и психические новообразования данной возрастной категории обуславливают необходимость проведения профориентационной работы в рамках психолого-педагогического сопровождения. Однако нельзя рассматривать процесс становления профессионального самосознания, изолируя глобальные общественные явления, в частности, цифровизацию. Таким образом, информатизация не только оказывает влияние на рынок труда и представления о профессиях, но и становится инновационным инструментом профориентационной деятельности

Так, по мнению Т.А. Герасимовой и Н.В. Москвитиновой, цифровизация – «процесса, включающего внедрение и использование инновационных технологий, а также принципы цифровой экономики в контексте социально-экономической жизни общества, сопровождающейся абсолютной автоматизацией, роботизацией и внедрением искусственного интеллекта» [2] не поняла связи

Н.Н. Мещерякова и Е.Н. Роготнева приходят к выводу, что понятие «цифровизация» является неоднозначным, поскольку определение варьируется в зависимости от конкретной сферы [5]. Обобщая научное знание в целом, можно сказать, что цифровизация – это формирование цифрового общества и последующий цивилизационный прогресс, знаменующий переход от постиндустриальной стадии, обеспечиваются цифровизацией, которая обрела черты системно-деятельностного процесса. Информатизация как глобальный процесс затрагивает все сферы жизнедеятельности, в т. ч. систему образования.

Цифровизация образования, по мнению, Ю.С. Зверевой, – это процесс обеспечения системы образования теорией и практикой разработки и использования новых информационных технологий, ориентированных на реализацию целей обучения и воспитания [4]. Такой процесс оказывает комплексное воздействие на когнитивные процессы обучающихся. Интерактивные и мультимедийные форматы подачи информации (например, геймифицированные задания) способствуют более глубокому кодированию учебного материала в долговременной памяти. Удобство поиска и доступность образовательного контента снижают когнитивную нагрузку, связанную с рутинными операциями, упрощая многие задачи. С мотивационной точки зрения, цифровая среда создает условия для повышения учебной вовлеченности. Интерактивность и немедленная обратная связь активируют систему внутреннего подкрепления, стимулируя познавательный интерес и поддерживая познавательные потребности. Персонализация образовательных траекторий на основе цифровых платформ позволяет учитывать особенности протекания когнитивных психических процессов и темп обучения, что способствует повышению эффективности и качества образовательного процесса.

Однако цифровизация имеет и негативные аспекты в образовательном пространстве. Например, снижается значимость знаний в условиях их легкодоступности, а также подавление волевой регуляции из-за привычки к внешней стимуляции, что может затруднять выполнение учебных задач, требующих длительных усилий в условиях отсутствия стимулов.

Одним из ключевых негативных эффектов остается формирование «клипового мышления», для которого характерны поверхностность, фрагментарность восприятия

информации и снижение способности к концентрации внимания и глубокой смысловой обработке текстов. Это препятствует развитию критического мышления, абстрактно-логических операций и системного анализа, которые являются основой фундаментального образования [8; 10].

Согласно Д. Б. Эльконину, ведущей деятельностью в этот период является интимно-личностное общение со сверстниками, которое становится главной средой для развития самосознания и усвоения системы моральных норм, регулирующих взаимоотношения между людьми [11]. В процессе этой деятельности формируются ключевые психические новообразования:

- стремление к «взрослости» (потребность в равноправии, уважении и самостоятельности);
- потребность в самоуважении;
- самооценка;
- критическое отношение к окружающим.

Профориентационная работа с подростками обусловлена формированием готовности к профессиональному выбору. Поэтапное выстраивание теоретической базы о мире профессий и собственных склонностях, интересах создает фундамент для дальнейшего становления целостного профессионального самосознания. Профориентация обеспечивает планомерный и осознанный переход от учебной деятельности к профессиональной.

Таким образом, эффективная профориентация должна не только предоставлять информацию о профессиях, но и создавать социальные ситуации, где подросток может попробовать себя в различных профессиях, глубже изучая специфику каждой, осознавая собственные интересы.

По мнению Н.С. Пряжникова, профориентация рассматривается как обоснованная система социально-экономических, психолого-педагогических, медико-биологических, производственно-технических мер, направленных на оказание помощи учащимся и молодежи в профессиональном самоопределении» [6].

Система профориентационных методов, по Н. С. Пряжникову, подразделяется на четыре основных категории [6]. Одну из них образуют методы морально-эмоциональной поддержки, способствующие формированию позитивного отношения к труду и уверенности в себе через коммуникативные тренинги, групповую психотерапию и демонстрацию положительных примеров. Следующую категорию формируют методы помощи в конкретном выборе, разработка определенного алгоритма действий, способствующего профессиональному самоопределению. Не менее важны информационно-справочные средства, такие как ярмарки профессий, просветительские фильмы и профессиограммы, которые обеспечивают необходимую базу знаний о рынке труда. Так же исследователь выделяет методы профессиональной психодиагностики, включающие не только стандартизированные тесты и опросники, но и проективные методики, а также моделирование профессиональной деятельности в игровых ситуациях. Так, данная классификация подчеркивает необходимость сочетания диагностического, информационного, консультационного и развивающего компонентов в процессе профориентации.

Содержание профориентационной деятельности раскрывается через последовательную реализацию взаимосвязанных задач. Первым этапом, как правило, является диагностика индивидуально-психологических особенностей личности (способностей, интересов, склонностей, ценностных ориентаций) и их соотнесение с требованиями профессиональной среды. Следующим этапом выступает формирование у субъекта адекватных представлений о мире профессий и собственных профессиональных перспективах, что обеспечивает основу для осознанного выбора. Завершающим звеном является развитие способности к проектированию профессионального жизненного пути

(прогнозирование будущего), включая формирование навыков целеполагания, планирования и принятия ответственных решений. Таким образом, профориентационная деятельность представляет собой целенаправленный процесс содействия личностному и профессиональному становлению индивида.

По мнению И.П. Шкрябко и А.А. Поповой, целью профориентационной работы психолога с подростками является формирование у них реалистичного и осознанного профессионального выбора [9]. Этот выбор может быть отражен в построении оптимальной образовательной стратегии, интегрирующей данные, полученные с помощью психодиагностических методов, возможности образовательных учреждений и текущие потребности на рынке труда.

Продукты цифровизации могут представлять инструментарий для достижения этой цели. Специализированные онлайн-платформы и цифровые сервисы позволяют проводить углубленную психодиагностику и анализировать личностный потенциал подростков с высокой точностью. Интерактивные базы данных и системы на основе искусственного интеллекта дают возможность оперативно сопоставлять индивидуальные профили учащихся с актуальными вакансиями и образовательными программами. Таким образом, интеграция цифровых решений делает процесс профессионального ориентирования более персонализированным, объективным и эффективным, выступая удобным и современным средством для всех участников этого процесса.

Широкое распространение онлайн-сервисов профориентации опережает научное осмысление их педагогической и психологической эффективности, что формирует исследовательский запрос на комплексную оценку их потенциала и ограничений. Современные исследователи выделяют несколько ключевых типов онлайн-сервисов, трансформирующих профориентацию. В их числе: онлайн-тестирование, виртуальные туры на предприятия, онлайн-курсы по профессиям, игровые симуляторы и тренажеры, а также портфолио-платформы [3]:

- онлайн-тестирование представляется как компьютерный аналог традиционных профориентационных опросников, направленный на диагностику интересов, склонностей, способностей и личностных качеств подростка. Его ключевыми преимуществами являются автоматизированная обработка результатов, обеспечивающая оперативную обратную связь;
- виртуальные туры на предприятия можно рассматривать как интерактивные цифровые симуляции, позволяющие удаленно ознакомиться с реальной рабочей средой, технологическими процессами и атмосферой конкретной компании или отрасли. Данный инструмент помогает изучить более подробно интересующую профессию, обеспечивая эффект присутствия и наглядно демонстрируя содержание труда, что способствует формированию более реалистичных профессиональных ожиданий;
- онлайн-курсы по профессиям – это структурированные образовательные программы, знакомящие учащихся с основами конкретной профессиональной области, ее ключевыми понятиями, инструментами и практическими задачами. Проходя такие курсы, подросток не только получает информацию, но и приобретает начальный опыт применения профессиональных знаний;
- игровые симуляторы и тренажеры или интерактивные платформы, моделирующие профессиональные ситуации и проблемы, требующие от пользователя принятия решений и выполнения действий, близких к реальным трудовым операциям. Привлекая внимание игровой формой, они позволяют оценить каждую профессию, привлекая к ней школьников;
- портфолио-платформы представлены в качестве среды для сбора, структурирования и презентации подростком своих образовательных и внеучебных достижений, проектов и формирующихся компетенций. Такой инструмент помогает

развить подросткам рефлексию, осознать свои сильные и слабые стороны, чтобы выбрать наиболее подходящую профессию.

Цифровизация традиционного профориентационного тестирования придает ему новые свойства: автоматизацию обработки результатов, их наглядную визуализацию и возможность мгновенного получения обратной связи, что соответствует запросу подростков на высокую динамику и интерактивность [1]. Однако ключевым преимуществом является не скорость, а глубина. Таким образом, эффективная платформа выходит за рамки разовой диагностики и поддерживает весь процесс профессионального самоопределения.

Некоторые онлайн-платформы предполагают наличие игровой составляющей, которая позволяет преодолеть основное ограничение традиционной профориентации – абстрактность знаний о профессии. Посредством погружения в виртуальную профессиональную среду подросток получает возможность сыграть любую профессиональную роль, что способствует формированию более реалистичных представлений. Этот опыт обладает высоким личностным смыслом, так как основан на принципе субъектной включенности и переживания [7]. Для подростка, находящегося в поиске своей идентичности, такой опыт является мощным инструментом рефлексии и оценки своих склонностей и способностей.

Несмотря на очевидные достоинства цифровых инструментов профориентации, использование диагностических методик в цифровом формате имеет определенные сложности. Так, возникает потребность в профессиональной интерпретации диагностических данных, зависящая от квалификации специалиста. Обусловленная возрастной спецификой, ограниченная способность школьников к объективному анализу результатов, полученных в результате тестирования, делает необходимым организацию психолого-педагогического сопровождения. Именно помощь субъектов образовательной деятельности в формировании профессиональной идентичности служит основой для успешного самоопределения подростков. Не менее значимой представляется проблема организации системного информирования обучающихся о возможностях цифровых сервисов, что также относится к просветительской деятельности педагога-психолога. [3].

Можно сделать вывод, что эффективность онлайн-платформ в профориентации подростков носит комплексный и неоднозначный характер. С одной стороны, исследования демонстрируют, что интеграция цифровых инструментов (таких как онлайн-платформы, симуляторы профессиональной деятельности, алгоритмы персонализированных рекомендаций и интерактивные форматы) в профориентационную работу обладает значительным дидактическим и развивающим потенциалом. Данные технологии способствуют преодолению абстрактности профессиональных представлений за счет создания необходимых подросткам условий, виртуальной «примерки» профессиональных ролей и получения соответствующего опыта. Кроме того, цифровизация придает традиционным методам, в том числе в контексте психодиагностики, новые свойства: автоматизацию, оперативную обратную связь и наглядную визуализацию результатов, что соответствует психологическим особенностям развития современных подростков.

С другой стороны, технологический инструментарий не может быть эффективно применен вне психолого-педагогического сопровождения, ведь его эффективность напрямую зависит от специалистов. Также к рискам и ограничениям цифровых методов можно отнести формирование «клипового мышления» и снижение способности к волевой регуляции в условиях отсутствия внешней стимуляции.

Таким образом, наиболее эффективная модель современной профориентации должна представлять собой синтез традиционного психолого-педагогического сопровождения, основанного на классических классификациях методов (информационных,

диагностических, развивающих, консультационных), и инновационного цифрового инструментария. Такой интегративный подход, учитывающий как ведущую деятельность подросткового периода и социальную ситуацию развития, так и их погруженность в цифровую среду, позволяет обеспечить планомерный, осознанный и приближенный к реальным условиям характер профессионального выбора, способствуя становлению целостного профессионального самосознания личности. Так, продуктивной представляется смешанная модель профориентации, в которой онлайн-платформы берут на себя функцию информационного и диагностического ресурса, организатора виртуальных профессиональных проб, а педагог-психолог выполняет роль наставника.

Библиографические ссылки

1. Алтухов В. В., Шаповалова Д. Н. Профориентация в режиме онлайн: новые сервисы и инструменты // Профессиональное образование и рынок труда. 2017. № 2.
2. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация в сфере государственного управления» // Социальная реальность виртуального пространства: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: ИГУ, 2019. С. 310-315.
3. Громова Е. М., Беркутова Д. И., Горшкова Т. А. Цифровые сервисы профориентации: возможности и риски // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. №4 (44).
4. Зверева, Ю. С. Информатизация образования // Молодой ученый. – 2016. – № 6.3 (110.3). – С. 23-26.
5. Мещерякова Н. Н., Роготнева Е. Н. Цифровизация: новые риски для людей с инвалидностью. Постановка проблемы // Цифровая социология. 2021. № 4 (3). С. 44.
6. Пряхников Н.С. Теория и практика профессионального самоопределения. Учебное пособие. - М.: МГППИ, 2007. - 348 с.
7. Сидоров С.В. Онлайн-профориентация: возможности и риски // Молодой ученый. – 2021. – № 12. – С. 70-75.
8. Такиуллин, Т. Р. Влияние цифровизации на систему образования // Молодой ученый. – 2021. – № 47 (389). – С. 5-8.
9. Шкрятко И. П., Попова А. А. Профориентационная работа педагога-психолога с учащимися 9-х классов // Science Time. 2016. №4 (28).
10. Шуминская С. И., Гусельникова А. С. Положительное и отрицательное влияние цифровизации на развитие личности современного школьника // Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2023. №2.
11. Эльконин Д. Б. Детская психология. - 4-е изд. - М.: Издательский центр «Академия», 2007. - 331 с.

© Бобровникова Н.С., Хрипкова А.Д., 2025

ФОРМИРОВАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ПОСРЕДСТВОМ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

С. И. Василенко

старший преподаватель,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

E-mail: lana040882@mail.ru

В статье рассматривается вопрос об особенностях формирования универсальных компетенций студентов посредством воспитательной работы обучающихся. Формирование универсальных компетенций является важной составляющей платформой для применения профессиональных компетенций. Именно такое сочетание компетентностного состава будущих специалистов ожидает работодатель. Интеграция изложения дисциплин сквозь призму воспитательной работы помогает формированию компетенций. Особенно это актуально в рамках изложения гуманитарных дисциплин. Акцентируется внимание на социокультурную адаптацию студентов, как часть воспитательной работы. Эта модель помогает формированию коммуникативной компетенции, умения работать в команде, восприятие своих интересов сквозь призму чужих интересов, что делает данную методику важной частью процесса формирования универсальных компетенций.

Ключевые слова: универсальные компетенции, воспитательная работа, социокультурная адаптация, коммуникативная активность, профессиональные компетенции.

The article addresses the issue of the features of forming students' universal competencies through educational work with learners. The formation of universal competencies is an important foundation for the application of professional competencies. It is this combination of competencies in future specialists that employers expect. Integrating the presentation of disciplines through the lens of educational work helps in the development of competencies. This is particularly relevant in the teaching of humanities disciplines. Attention is focused on the socio-cultural adaptation of students as part of educational work. This model helps the formation of communicative competence, the ability to work in a team, the perception of their interests through the prism of other people's interests, which makes this technique an important part of the process of forming universal competencies.

Key words: universal competencies, educational work, sociocultural adaptation, communicative activity, professional competencies

Современная молодежь является наиболее динамично развивающейся частью общества, которая в наиболее короткие сроки реагирует на все изменения, обусловленные его развитием. Однако умение креативно мыслить, реагировать на современные вызовы в обязательном порядке должно быть подкреплено знанием, которое включает в себя особенности исторического генезиса общества и возможных вызовов современного мира.

Формирование универсальных компетенций имеет даже более глобальное значение, чем формирование профессиональных, поскольку являются основой для применения профессиональных знаний, навыков и умений в будущей работе. А. Кудрин считает, что российские студенты будут востребованы на рынке труда при условии формирования у них креативного мышления, гибких навыков, возможности генерирования идей, создания новых продуктов и смыслов, работать на стыке hard skills и soft skills. [1, с. 30]

Современные федеральные государственные образовательные стандарты поколения 3++ построены на интеграции изложения учебных дисциплин сквозь призму процесса воспитания. Особенно в разрезе изложения гуманитарных дисциплин.

Формирование личности как мини-модели общества – это основная задача всех субъектов образовательного процесса. Основная модель, к которой следует стремиться в организации воспитательной работы, – понимание себя как части государства и общества и познание государства с целью познания себя.

Акцентируем внимание на том, что воспитательная работа является не просто одним из стратегических направлений деятельности любого отечественного вуза, но и неотъемлемой частью образовательного процесса. Этому способствовала сложившаяся обстановка и современные вызовы, в которых развивается российское сообщество, которая характеризуется необходимостью не просто формированием самоидентичности личности, но и ее идентичности с народом России.

Воспитательная работа в вузах современной России регламентируется Федеральным законом от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся».

Организационные основы процесса воспитания студентов при освоении ими основных образовательных программ в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, на основании данного нормативного правового акта предполагает включение в состав основных профессиональных образовательных программ рабочей программы воспитания, а также календарного плана воспитательной работы, которые разрабатываются и утверждаются самостоятельно вузами.

Вышеназванный нормативный-правовой акт закрепил и обосновал необходимость воспитательной работы в высших учебных заведениях: «...гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности, воспитание гражданственности и любви к Родине».

Данный федеральный закон легализовал также дефиницию понятия «воспитание» как деятельность, направленную на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства.

Сложность внедрения этой модели состоит в том, что молодежная среда не развивается рафинированно или в лабораторных условиях, которые создали бы возможность изоляции еще несформированного критически мыслить молодого обучающегося оградить себя от некачественного контента информации. Поэтому одним из основных принципов современной воспитательной работы является вступление в диалог с обучающимися с целью выработки навыков критического мышления в отборе информации, которая составляет основу мышления.

Все это обуславливает необходимость формирования принципов воспитательной работы исключительно с учетом внедрения новых и динамичных подходов в ее организационную основу. За последние годы в подготовке будущих специалистов произошла значительная переоценка акцентов формировании компетенций будущих кадров. Следует отметить, что последние исследования, которые были проведены среди работодателей, выпускников и обучающихся старших курсов, показали особую востребованность формирования у обучающихся универсальных компетенций. [2, с 23].

Универсальные компетенции, как ни одна из групп, призваны формировать не просто востребованность на рынке труда, но и включенность в социальные проблемы российского общества и формируют достойного его представителя с позиции гражданственности. А это именно те личностные характеристики, которые наиболее необходимы для работы в будущей профессии.

Основополагающими проблемами при реализации образовательного процесса в сфере образования являются ориентация и концентрация на дисциплинах, формирующих в большей степени профессиональные знания, что приводит на практике к сокращению гуманитарных дисциплин в учебных планах, а также ориентированность преподавателей на модель изложения дисциплин, при которой преподаватель остается «единственной авторитетной инстанцией знания», что в значительной степени снижает активность студентов в формировании универсальных компетенций [3, с. 44].

Однако условия современной рыночной экономики, при которой уровень конкуренции растет день ото дня, вынуждает прибывать не просто в статусе конкурентоспособности, но и обладать возможностями к разрешению вопросов междисциплинарного характера исследований, обладать навыками коммуникации как внутри коллектива, так и с потенциальными заказчиками и потребителями, уметь заинтересовать их своим продуктом, а также заверить их в своей исключительности [4, с. 38].

В данном случае необходимо формировать компетенцию познания, которая связана с умением креативного мышления, генерирования идей и переноса идей в новые контексты и запросы современного общества. Более того, современный специалист обязан учитывать в своей деятельности социальную адаптацию техники и запрос на системное проектирование, которые ориентированы на социальные запросы. Это требует от него разрешение вопросов, связанных с обоснованием экономической эффективности и экологической безопасности проектов. Не следует забывать о такой группе компетенций, как умение работать в команде. Речь идет о формировании навыков моделирования своего поведения при реализации проектов, которые требуют командного подхода. Следует формировать умения к моделированию своего поведения с точки зрения восприятия чужих интересов, отстаивания своей позиции, а также навыков быть исполнителем и проявлять лидерские качества при необходимости руководства командой инженеров.

Данные требования к будущему специалисту лежат в плоскости формирования таких компетенций как адаптация к изменениям, креативное мышление, а также формирование компетенций, направленных на познание себя (умение работать с собственными эмоциями и управлять ими, умение планировать свое время и ставить цели).

Еще одной проблемой формирования универсальных компетенций в образовании лежит в неправильном понимании содержания этих компетенций и сведению их к гуманитарным знаниям. Однако, при разборе группы универсальных компетенций, которые связаны с формированием навыков познания, мы обнаружим, что здесь требуется наложить на гуманитарные навыки способ мышления с применением математических знаний. Например, выбирать способ решения сложных задач, включая открытые задачи с несколькими решениями. Из этого следует вывод о том, что компетентностный состав необходимо тщательно адаптировать к учебному процессу в сфере образования и активно внедрять в образовательный процесс. Это можно сделать через раскрытие содержания индикаторов сформированности компетенций применительно к навыкам работы будущего специалиста.

Переосмыслить на уровне преподавания дисциплин, которые направлены на формирование универсальных компетенций методы изложения учебной дисциплины с внедрением в учебный процесс методик групповых заданий, проектной работы, работ, требующих статистического мышления, а не ассоциативного и метафорического, заданий многозадачного типа, а также внедрение в образовательный процесс опыта работы с цифровыми платформами.

Основным принципиальным подходом к формированию образовательного процесса является профессионально-ориентированный подход, основанный на интегрированном

осуществлении образовательной функции с одновременным формированием компетенций, которые предполагаются воспитательной работой.

На сегодняшний день существует острая необходимость формирования принципов воспитательной работы исключительно с учетом внедрения новых и динамичных подходов в ее организационную основу.

Ранее было отмечено, что в качестве основного документа, регламентирующего организационный аспект воспитательной работы, является программа воспитания. Этот документ призван структурировать данное направление деятельности.

Существуют универсальные подходы к структуризации направлений воспитательной работы, которые включаются вузами в программу воспитания. В целом можно выделить следующие разделы программы воспитания: по развитию личности, формирование компетенций, направленных на самоопределение, а также социализацию студентов; посвященные мероприятиям, направленных на развитие патриотизма и гражданской позиции, в том числе истории героев Отечества и их подвигам; по формированию трудовых компетенций; по правовой культуре и законности; уважения к культурно-историческому наследию России; уважению семьи, обществу и государству; по формированию компетенций в сфере экологической культуры и сохранения окружающей природной среды.

В едином пространстве воспитательной работы необходимо присутствие демонстрации практической реализации компетенций. Это наглядно иллюстрирует повседневную деятельность государства в практическом ее воплощении, а также дает понимание и формирование статистической информации о развитии общества.

Не следует также забывать о таком важном компоненте как коммуницирование государства с основополагающими гражданскими институтами, например, некоммерческим сектором экономики.

С одной стороны это наглядно демонстрирует обучающимся о поддержке государства социальных инициатив, с другой стороны, это процесс формирования гражданско-правового компонента отдельного студента через реализацию социальной ответственности.

Формирование навыков управленческих компетенций универсального характера, а также навыков коммуницирования осуществляется через реализацию института студенческого самоуправления.

Данный институт давно стал частью управления в современных вузах. Это дает возможность ознакомиться студентам с основными направлениями организации деятельности образовательных организаций, получения навыков осуществления координации совместных действий администрации и обучающихся, своевременной информированности студентов о жизни их вуза и возможности ее совершенствования через систему организации мониторинга деятельности вуза через студенческие инициативы и опросы.

Важной частью воспитательной работы является реализация процесса социокультурной адаптации обучающихся. Социокультурная адаптация студентов представляет собой систему методов, форм, приемов и средств, с помощью которых обучающиеся вовлекаются в единое социокультурное пространство в рамках образовательного процесса.

Среди основных социокультурных проблем обучающихся в процессе адаптации можно отметить следующие: отсутствие наработанных навыков реализации общих принципов и правил этики общения; ограниченность условий, способствующих социальной востребованности и продвижению обучающихся; отсутствие внедренных практических форм и технологий системы гарантий социальной занятости, культурной адаптации и культурного развития обучающихся.

Социокультурная адаптация состоит из двух направлений: «социальное» и «культурное».

Социальная адаптация направлена на формирование у обучающегося такого уровня компетентности, при котором он имеет возможность свободной формы вступления в обычные контакты, а также предполагает внедрение различных формы взаимодействия с окружающей средой.

Культурная адаптация представляет собой систему средств и способов проявления и реализации обучающихся своего духовного, творческого потенциала, а также освоение данными лицами культурных ценностей, норм и традиций, при использовании различных видов и жанров искусства. Данная система опосредуется понятием «коммуникативная эффективность», под которой автор работы понимают формирование компетенций (совокупности знаний, навыков и умений) эффективного общения лиц в процессе обучения.

Коммуникативная эффективность представляет собой основополагающий инструмент, который должен быть внедрен в образовательный процесс и процесс социокультурной адаптации в том числе.

Конечным результатом реализации коммуникативной эффективности является формирование компетенций у участников данного процесса.

Компетенции коммуникативной эффективности представляют собой совокупность знаний, навыков и умений взаимодействия участников образовательного процесса.

В состав компетенций, которые должны быть сформированы у участников процесса коммуникативной эффективности, включаются следующие знания, навыки и умения:

- 1) умение внимательно слушать и слышать своего партнера;
- 2) умения по управлению и контролю собственных эмоций, которые возникают в процессе взаимодействия с окружающими;
- 3) умение противостоять манипулированию
- 4) способность избегать и нивелировать конфликтные ситуации.

Результативность социокультурной работы напрямую зависит от уровня организации творческой работы. При этом нужно построить данную работу в нормальных эстетических условиях, учитывая поэтапный характер, который постепенно позволит проявить данному лицу свои творческие способности и потенциал, а также развить коммуникативность и социальные связи.

Таким образом, стремление к активным формам самовыражения нацеливает обучающихся на обогащение и расширение их социальной включенности. Различные виды творчества являются эффективным инструментом в процессе адаптации в общекультурное пространство вуза. Творчество оказывает на них социализирующее влияние, расширяет возможности для саморазвития и самореализации, социальной адаптации. Приобщение обучающихся к культурной сфере жизни расширяет коммуникативные связи, возможности их интеллектуального и физического развития.

Таким образом, воспитательная работа в вузах современной России с учетом общегосударственной политики, осознанием особенностей современного студента и его потребностей и учетом вызовов современного российского общества, способствует формированию универсальных компетенций и вырабатывает возможности к полипрофессиональной адаптации.

Библиографические ссылки

1. Котляр М., Губернаторов Е. Кудрин назвал способ попасть в международные рейтинги российским вузам [Электронный ресурс].

URL: https://www.rbc.ru/society/18/02/2021/6_02dd76c9a79475831756c8b?from=from_main_1 (дата обращения: 30.10.2025).

2. Исследовательская компетенция специалиста как надкомпетентностный феномен: теоретические основы/ Чжан Сюань, Янь Цзянь и др. // Известия ВГПУ. 2023. № 1 (174). С. 20-25.

3. Михеев С.А. Универсальные компетенции в подготовке современного инженера // Научное обозрение. 2025. № 3. С. 45 – 50.

4. Культура коммуникации преподавателя и студента как матрица формирования «soft skills» выпускника / Н.Г. Чевтаева, А.С. Никитина и др. // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 12. С. 33-44. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-12-33-44> (дата обращения: 10.09.2025).

© Василенко С.И., 2025

МОТИВАЦИОННАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ

А. М. Гадилия

доцент кафедры экономической социологии и
психологии предпринимательской деятельности
Белорусского государственного
экономического университета
БГЭУ, г. Минск, Беларусь

Рассматривается проблема развития предпринимательских способностей студентов на этапе обучения в высшем учебном заведении. Обращается внимание на их роль в обеспечении востребованности, конкурентоспособности, инициативности и готовности к профессиональной деятельности будущего специалиста в изменяющихся условиях рынка. Приводятся результаты исследования мотивационной направленности студентов экономического профиля обучения.

Ключевые слова: предпринимательские способности, профессиональная деятельность, направленность личности, мотивация к достижению успеха, мотивация к избеганию неудач.

The article discusses the development of students' entrepreneurial abilities during their studies at a higher educational institution. It highlights the importance of entrepreneurial skills in ensuring the demand, competitiveness, initiative, and readiness of future specialists for professional activities in a changing market environment. The article presents the results of a study on the motivational orientation of students studying economics.

Keywords: entrepreneurial abilities, professional activities, personality orientation, motivation to achieve success, and motivation to avoid failure.

В условиях возрастающей конкуренции в усложняющемся экономическом пространстве актуальным и значимым становится рассмотрение психологических феноменов, составляющих основу профессиональной и социальной успешности личности. Для построения образовательной траектории будущего специалиста, развитие его как субъекта производительной эффективной деятельности, осознание себя как особой экономической силы практическую ценность приобретают исследования, направленные на изучение характеристик личности, определяющих ее потенциал. Именно в студенческом возрасте, в условиях обучения в высшем учебном заведении, молодые люди имеют возможность совершенствовать свои предпринимательские способности.

Система непрерывного образования способствует созданию уникальной гуманистической среды, где «каждый субъект оказывается включенным в новое образовательное пространство, которое не только предоставляет большие возможности для социализации и гармоничного развития личности, но и для развития предпринимательских способностей, формированию активной, компетентной, конкурентоспособной, духовно-нравственной личности, готовой к успешной самореализации в обществе [6, с.4].

Анализ проблемы предпринимательских способностей позволяет говорить о том, что это один из сложных ресурсов человека, который формируется и развивается постоянно на основе расширения знаний, опыта, компетентности, включает набор определенных качеств и навыков, помогающих человеку успешно осуществлять экономическую деятельность,

видеть возможности, создавать новое, имеющее социальную ценность, планировать, управлять.

Наличие предпринимательских способностей является предпосылкой принятия успешных экономических решений для любого вида хозяйственной деятельности в условиях рыночной экономики, поскольку предполагает анализ рыночной информации и комплексную оценку факторов внешней среды, оценку рисков и принятие самостоятельных эффективных решений [4].

Специфика содержательных и структурных особенностей предпринимательских способностей находит отражение также в определении понятия «предприниматель». И. Шумпетер указывает, что «предприниматель - это человек, отличающийся, во-первых, особым взглядом на вещи, волей, способностью выделять определенные моменты действительности и видеть их в реальном свете; во-вторых, способностью идти вперед в одиночку, не пугаясь связанных с этим неопределенности и возможности сопротивления, в-третьих, воздействием на других людей, определяемым словами «иметь вес, обладать авторитетом, уметь заставлять повиноваться» [9, с. 231].

Малинин В.А. рассматривает понятие «предпринимательские способности обучающихся в условиях интеграции школы и вуза» как личностный ресурс в процессе непрерывного формирования готовности обучающихся, направленный на созидание и рефлексию продуктов собственной деятельности, позволяющий реализовывать социально значимые и экономически выгодные проекты. Предпринимательские способности обучающихся как интегральная характеристика личности имеет несколько компонентов готовности к предпринимательской деятельности: готовность к эффективной коммуникации; готовность к организации деятельности и развитию лидерских качеств; готовность к творческой и инновационной деятельности» [6, с. 20].

Способность находить новаторские решения в условиях жестких ограничений, справляться с неблагоприятными обстоятельствами, способность к действию, настойчивость в достижении целей и решении текущих проблем, способность видеть проблемы и преодолевать их. выделяются как компоненты предпринимательских способностей.

Будущему специалисту экономического профиля важно обладать такими характеристиками личности и ее познавательной, эмоциональной, волевой, мотивационной сферы, которые обеспечат возможность профессионального роста, самореализации, достижения высоких результатов. Следует отметить, что направленность мотивов личности и их содержательные особенности определяют стратегию ее поведения в сложных и неопределенных ситуациях профессиональной деятельности. Мотивация представляет собой многоуровневый регулятор различных аспектов жизни, включена во все психологические процессы обучаемого и оказывает воздействие на его систему мотивационных отношений [3, с.116].

Главное внимание, как отмечает Божович Л.И., в период юности должно быть сосредоточено на развитии мотивационной сферы личности: определение своего места в жизни; формирование мировоззрения и его влияние на познавательную деятельность (мотивы самообразования); самосознание и моральное сознание [1].

Студенчество ориентировано на выполнение профессиональных ролей и реализацию себя в них, что требует поиска возможностей в рамках образовательного пространства для усиления содержательной стороны развития их предпринимательского потенциала. Исследование и обоснование содержательных компонентов склонности к предпринимательской деятельности позволяет определить направления их развития в контексте формирования специалиста в вузе [2]. Обращается внимание, отличительной особенностью успеха человека в деятельности является мотивация достижения цели,

выраженное преобладание мотивации достижения успеха над мотивацией избегания неудач.

В современной профессиональной среде, где конкуренция становится более жесткой, способность формулировать цели и стремиться к их достижению является одним из ключевых факторов успеха. Как субъект трудовой деятельности человек сталкивается с множеством задач и вызовов, и четкая мотивация помогает ему сосредоточиться на ее ключевых аспектах, способствует преодолению трудностей. Когда личность верит в свою способность достичь поставленных целей, она становится проявляет готовность и упорство к поиску решений в различного рода сложных ситуациях.

Толчком к активности в любой деятельности в равной степени могут стать как желание достичь успеха, так и страх перед неудачей. По мнению Реана А.А., это контуры двух важных типов мотивации – мотивации успеха и мотивации боязни неудачи. Мотивация успеха носит положительный характер и действия человека направлены на то, чтобы достичь конструктивных, положительных результатов. Личностная активность здесь зависит от потребности в достижении успеха. Мотивация боязни неудачи менее продуктивна, человек стремится, прежде всего, избежать порицания, наказания. Ожидание неприятных последствий определяет его деятельность. Еще ничего не сделав, человек уже боится возможного провала и думает, как его избежать, а не как добиться успеха [7].

Характерными чертами людей, с выраженной мотивацией достижения является предпочтение работать в условиях максимального побуждения мотива достижения. При этом мотивация достижения не всегда приводит к более высоким, чем у других результатам. Социум с преобладающей мотивацией к достижениям способен породить большое количество активных, предприимчивых и инициативных предпринимателей, которые, в свою очередь, способны ускорить рост экономических показателей этого социума. Люди, которые боятся неудач (высокий уровень защиты), предпочитают малый или, наоборот, чрезмерно большой риск, где неудача не угрожает престижу [5].

Исследования констатируют, что для достижения психологического успеха в период ранней взрослости в различных сферах жизнедеятельности необходимо несколько составляющих: личностный рост, позитивные отношения, цели в жизни, умение наладить групповую работу, четкие ценности, реалистичный уровень притязаний, адекватная мотивация достижения, определенный уровень социального и эмоционального интеллекта [8].

Цель нашего исследования состояла в изучении мотивационной направленности студентов экономических специальностей. В выборку вошли студенты 1 курса экономического профиля обучения (объем выборки составил 58 человек, возраст испытуемых – 17-18 лет). В качестве необходимого исследовательского инструментария нами использовались: Опросник мотивации к достижению цели, к успеху (автор Т. Элерс), Опросник мотивации к избеганию неудач, к самозащите (Т. Элерс). Методика Элерса основана на теории о балансе двух ведущих мотивов личности – мотиве к достижению успеха и мотиве к избеганию неудачи. Считается, что соотношение данных мотивов определяет поведение человека при встрече с препятствиями к достижению цели.

Полученные нами результаты показывают, что студентам экономического профиля обучения свойственно проявление среднего и низкого уровня к избеганию неудач и высокого и среднего уровня мотивации к успеху.

Дальнейший анализ данных, направленный на выявление особенностей мотивационной направленности в мужской и женской выборке, продемонстрировал, что для юношей характерен высокий уровень мотивации к успеху (81%). Средний и низкий уровни мотивации к успеху свойственны 16% и 3% испытуемых юношей соответственно.

У 70 % девушек выявлен высокий уровень мотивации к успеху, у 26 % средний и у 4% низкий уровень мотивации к успеху.

Можно говорить о том, что по всей выборке первокурсники показывают высокую мотивацию к достижению успеха. Студенты с такой мотивационной направленностью ставят большие цели, которых хотят достичь, они амбициозны, целеустремлённые, трудолюбивы, инициативны, планируют свою деятельность. Продуктивность их деятельности и степень активности в меньшей степени зависят от внешнего контроля. Предпочитают брать на себя средние по трудности или же слегка завышенные задачи. Для их активности, даже в рискованных ситуациях, характерна продуманность и расчетливость. В тоже время, они склонны переоценивать свои неудачи и на эмоциональном уровне даже незначительные неудачи переносятся болезненно.

При этом, испытуемые со средним уровнем мотивации к успеху более планомерны в своих желаниях и решениях, предпочитают действовать сообразно обстоятельствам, не испытывают серьёзных разочарований при недостижении цели. Для студентов с умеренной и сильной ориентацией на успех предпочтителен средний уровень риска. У небольшой части испытуемых выявлен низкий уровень мотивации к успеху. Что указывает на то, что их желания скромны, они довольствуются тем, что есть, достаточно стабильны.

Сопоставим результаты по изучению мотивации достижения успеха с результатами, полученными по мотивации к избеганию неудач. Для 18 % юношей характерен высокий уровень склонности к избеганию неудач, для 41% средний уровень склонности к избеганию неудач и 41% низкий уровень склонности к избеганию неудач. У девушек результаты распределились следующим образом: 35% высокий уровень склонности к избеганию неудач, 42% средний уровень склонности к избеганию неудач и 23% низкий уровень склонности к избеганию неудач. Высокий уровень мотивации к избеганию неудач указывает на боязнь ошибки, стремление к получению сиюминутных результатов, Испытуемые этой группы не всегда адекватно оценивают свои возможности, ставят перед собой либо завышенные цели, либо отказываются от выполнения трудных задач. Как показывают исследования, те, кто боится неудач (высокий уровень защиты), предпочитают малый или, наоборот, чрезмерно большой риск, где неудача не угрожает престижу. Люди с высоким уровнем защиты, то есть страхом перед несчастными случаями, чаще попадают в неприятные ситуации, чем те, которые имеют высокую мотивацию на успех. В нашем исследовании выявлено, что девушки больше направлены на избегание неудач, нежели юноши.

В целом, для студентов экономического профиля обучения свойственен средний уровень проявления мотивации к избеганию неудач, что указывает на то, что они предусмотрительны и осторожны в своих действиях, поскольку понимают цену неудачи и ошибки.

Низкий уровень мотивации к избеганию неудач более выражен у юношей. В их стремлении действовать в меньшей степени обнаруживается боязнь ошибки. Для них интересен новый опыт, поскольку без неудач, не бывает успеха. Тем не менее, испытуемые с данным уровнем мотивационной направленности, могут обнаруживать поспешность в действиях, излишнюю самоуверенность при решении задач, что приводит к большей вероятности неудачи.

Основываясь на анализе проблемы и полученных результатах, следует отметить, что современная социально-экономическая ситуация демонстрирует востребованность активной, целеустремленной, мотивированной на социально значимые достижения, предприимчивой, творческой личности, выступающей источником преобразовательной активности. Актуализация проблематики предпринимательских способностей дает возможность прогнозировать успешность будущего субъекта профессиональной деятельности в различных сферах. Изучение направленность

мотивации позволяет определить содержание работы по развитию потенциала студентов. И мотивация достижения успеха, и мотивация избегания неудач отражают такую важнейшую характеристику личности как степень активности в достижении своих целей. При этом способы и характер поведения будут существенно отличаться и оказывать влияние на достижение прогнозируемых результатов.

Библиографические ссылки

1. Божович, Л.И. Проблемы формирования личности / Л.И. Божович. - М.: Просвещение, 2002. - 206 с.
2. Гадилия, А.М. Проявление склонности к предпринимательской деятельности у студентов разных профилей обучения /А.М. Гадилия // Научные труды Республиканского института высшей школы: исторические и психолого-педагогические науки. Сборник научных статей. Вып. 22. В 4 ч. Часть 3. – 2022. – С. 90-95.
3. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2002. – 512 с.
4. Кастосов, М.А., Иванова, Н.Ю. Предпринимательские способности как фактор экономического роста / М.А. Кастосов, Н.Ю. Иванова // Вестник Московского университета. Серия 21. - Управление (государство и общество). – 2006. – № 1. – С. 1-8.
5. Макклелланд, Д. Мотивация человека / Д. Макклелланд. – СПб.: Питер, 2009. – 672 с.
6. Малинин, В.А. Теория и практика формирования предпринимательских способностей, обучающихся в системе «школа-вуз»: дис. ... доктора педагогических наук: 13.00.08 / В.А. Малинин – Нижний Новгород, 2020. – 262 с.
7. Реан, А.А. Психология изучения личности / А. А. Реан. - СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. – 288 с.
8. Софьина, В. Н. Анализ психологического успеха личности в период ранней взрослости / В. Н. Софьина, Э. П. Мирошников, П. А. Расторгуева // Современное образование: содержание, технологии, качество: материалы XXIX международной научно-методической конференции, Санкт-Петербург, 19 апреля 2023 г. / Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина). – Санкт-Петербург, 2023. – С. 501–504.
9. Шумпетер, Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й.А. Шумпетер. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.

© Гадилия А.М., 2025

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ С РАЗНОЙ ВЫРАЖЕННОСТЬЮ СКЛОННОСТИ К ПРОФЕССИЯМ ТИПА «ЧЕЛОВЕК-ЧЕЛОВЕК»

А. О. Гриднев

аспирант 2 года обучения

преподаватель кафедры психологии

ФГБОУ ВО «НИ МГУ им. Н. П. Огарёва»

г. Саранск, Россия

E-mail: satat15@yandex.ru

В статье представлены результаты исследования особенности профессиональной готовности студентов-психологов с разной выраженностью склонности к профессиям типа «человек–человек». В исследовании выявлено, что у студентов со сформированной профессиональной готовностью наблюдаются более высокие показатели выраженности профессиональных склонности по шкале «человек-человек».

Ключевые слова: профессиональная готовность, профессиональные склонности, студенты-психологи, профессиональное самоопределение.

The article presents the results of a study of the features of professional readiness of psychology students with varying degrees of inclination to professions of the “human-to-human” type. The study revealed that students with formed professional readiness have higher indicators of the severity of professional inclinations on the «human-to-human» scale.

Keywords: professional readiness, professional inclinations, psychology students, and professional self-determination.

Важным фактором профессионального становления личности выступает процесс профессионального самоопределения и формирования готовности к осознанному выбору своего дальнейшего профессионального пути.

Несмотря на достаточную изученность проблемы профессионального самоопределения в психологической науке, особую актуальность приобретает исследование феномена профессиональной готовности в контексте развития профессиональных склонностей у студентов. Актуальность данного направления обусловлена, во-первых, значимостью профессиональных склонностей в процессе профессионального становления, а во-вторых, недостаточной теоретической и эмпирической разработанностью проблемы профессиональной готовности в процессе профессионального самоопределения.

В рамках настоящего исследования наибольший интерес представляют особенности профессиональной готовности у студентов-психологов с разной степенью выраженности склонности к профессиям типа «человек-человек». Проблематика профессиональной готовности и профессионального самоопределения и склонностей разрабатывалась в трудах таких отечественных психологов, как Е.А. Климов, Э.Ф. Зеер, Ю.П. Поваренков, А.П. Чернявская, В.Д. Шадриков, Л.М. Попов, И.М. Пучкова и др. [4], [5], [6], [7], [8].

Согласно Л.М. Попову, «профессиональная готовность представляет собой системное свойство субъекта учебно-профессиональной деятельности, включающее регулятивные, когнитивные и коммуникативные характеристики, которое способствует успешному овладению профессиональной деятельностью» [6].

Л.М. Попов и И.М. Пучкова разработали общую модель психологической готовности к профессиональной деятельности, включающую следующие структурные компоненты:

- 1) профессиональную Я-концепцию;
- 2) мотивационный блок;
- 3) личностные качества;
- 4) деятельностно-значимые свойства.

Таким образом, сформированная профессиональная готовность представляет собой комплекс, включающий развитую профессиональную «Я-концепцию», устойчивую профессиональную мотивацию и сформированное целеполагание [6].

Л.Б. Шнейдер в контексте концепции профессиональной идентичности рассматривала профессиональную готовность как внешний фактор профессионализма индивида, а также как готовность личности к профессиональной идентификации себя в процессе деятельности. Таким образом, профессиональная готовность является определённым психологическим регулятором деятельности в процессе профессионального становления [12]. А.О. Гриднев и М.С. ИONOва отмечают, что на достижение оптимального статуса профессиональной идентичности, и, следовательно, на формирование профессиональной готовности, влияет выраженность у индивида отрицательного прогноза в общении и деятельности [1], [2].

А.П. Чернявская в рамках диагностического подхода к исследованию профессиональной готовности в юношеском возрасте представила структуру данного феномена. Согласно автору, «профессиональная готовность – это способность к осуществлению осознанного и адекватного профессионального выбора». В структуру профессиональной готовности включены следующие компоненты: автономность как качество, позволяющее осуществлять профессиональный выбор на основе собственных мотивов и убеждений; информированность как осведомлённость о профессиональных требованиях и способность к соотнесению собственных качеств с этими требованиями; принятие решения как способность определить единственный путь профессионального становления при наличии множественных альтернатив; планирование как умение формулировать цели профессионального развития и разрабатывать стратегию их достижения; эмоциональное отношение как комплекс аффективных реакций к ситуации профессионального выбора, представителям профессии и образу профессионала [10].

Важным для нашего исследования является обращение к феномену профессионального самоопределения и профессиональных склонностей.

Согласно Е.А. Климову, «профессиональное самоопределение – это процесс формирования личностью своего отношения к профессиональной деятельности и способа её реализации на основе осознания собственных качеств и их соотнесения с требованиями профессии». Учёный определял вторичное профессиональное самоопределение как процесс, в ходе которого взрослый человек принимает решение о смене сферы или направления профессиональной деятельности [5]. Е.А. Климов разработал классификацию профессиональных склонностей, включающую следующие типы: «человек-человек», «человек-техника», «человек-природа», «человек-знак», «человек-художественный образ». Согласно данной концепции, доминирующая группа склонностей определяет профессиональную предрасположенность личности. В настоящем исследовании особый интерес представляет склонность к типу «человек-человек», поскольку профессия психолога относится к данной группе профессий [4].

Ю.П. Поваренков определял профессиональное самоопределение как процесс структурно-динамического развития субъекта профессионального пути. В течение этого процесса у личности формируются профессионально ориентированные качества и подструктуры, адекватно соотносящиеся с требованиями профессиональной деятельности. Автор подчеркивал, что профессиональное самоопределение не завершается на стадии

первичного выбора профессии в подростковом возрасте, но продолжается на более поздних этапах профессионализации. В качестве единицы анализа процесса профессионального самоопределения Ю.П. Поваренков предлагал рассматривать акт профессионального выбора из ряда существующих альтернатив [6].

Э.Ф. Зеер трактует профессиональное самоопределение как непрерывный процесс поиска баланса между индивидуальными особенностями человека и объективными требованиями профессии. Примечательно, что этот процесс не завершается первоначальным выбором специальности, а сопровождает специалиста на протяжении всей карьеры. Особую глубину концепции Э.Ф. Зеера придает акцент на ценностно-смысловой составляющей профессионального выбора – именно личностные смыслы во многом определяют траекторию профессионального развития [7]. На более зрелых этапах профессионального пути, согласно концепции Э.Ф. Зеера, возникает феномен вторичной профессионализации. Это закономерный этап качественного преобразования профессиональной деятельности, проявляющийся не только в формальном повышении квалификации, но и в глубокой индивидуальной переработке профессионального опыта. Стоит отметить, что данное понятие шире вторичного профессионального самоопределения, между ними прослеживается очевидная взаимосвязь: переосмысление профессионального выбора часто становится важным фактором профессионального развития [8].

Такой подход позволяет рассматривать профессиональное развитие как многоуровневый процесс, где профессионально-техническое совершенствование неотделимо от личностного становления. Это особенно значимо для понимания кризисных моментов в профессиональном становлении, когда пересмотр профессиональной идентичности становится источником актуального этапа профессионального развития.

Цель исследования – изучение особенностей профессиональной готовности студентов-психологов с разным уровнем выраженности склонности к профессиям типа «человек-человек». Исследование проведено на базе ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва». Выборку составили 40 студентов, обучающихся по направлению подготовки «Психология» в возрасте от 18 до 20 лет.

В исследовании были использованы следующие методики:

- дифференциально-диагностический опросник Е.А. Климова (модификация А.А. Азбель), направленный на изучение профессиональных склонностей и интересов личности [5];
- опросник «Профессиональная готовность» А.П. Чернявской, предназначенный для диагностики индивидуальных особенностей профессиональной готовности [8].

Для статистической обработки данных применялся корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции r -Спирмена. Результаты диагностики по шкале «человек-человек» методики ДДО представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Уровни выраженности профессиональных склонностей к профессиям типа «человек - человек» у студентов-психологов

Выраженность склонности к типу профессий «человек-человек»	Абс.	%
Ярко выражена	6	15
Есть склонность	9	22,5
Средняя выраженность	21	52,5
Нет склонности	4	10
Отвержение	0	0

Наглядные результаты применения методики ДДО (Е.А. Климов) по шкале «человек-человек» представлены в рисунке 1.

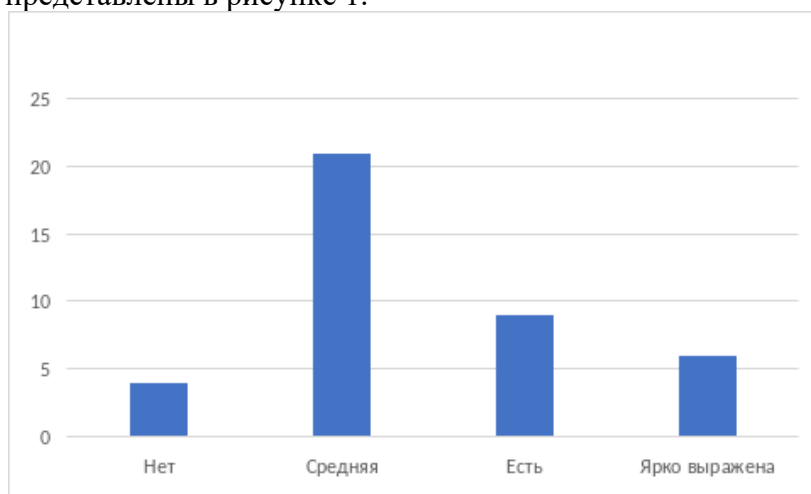

Рисунок 1 - Уровни выраженности профессиональных склонностей к профессиям типа «человек - человек» у студентов-психологов (по результатам применения методики ДДО Е. А. Климова)

Анализ эмпирических данных позволяет определить, что наибольшая часть респондентов демонстрирует средний уровень выраженности склонности к профессиям типа «человек–человек». Меньшая часть опрошенных обладает высокой степенью выраженности данной склонности, при этом лишь 15% студентов обнаруживают ярко выраженную склонность и интерес к профессиям этого типа. Наименьшая группа респондентов не проявляет склонностей и интересов к профессиям типа «человек–человек».

Полученные результаты свидетельствуют, что большинство студентов-психологов не обладают ярко выраженной склонностью к профессиям типа «человек–человек» (к которому относится профессия психолога), а демонстрируют средний уровень её выраженности. Данное обстоятельство может оказывать существенное влияние на формирование и динамику процесса вторичного профессионального самоопределения у обследованных студентов.

Согласно теоретическим положениям Е.А. Климова, ярко выраженная склонность к определённому типу профессий свидетельствует о повышенном интересе к данной профессиональной сфере. Однако следует подчеркнуть, что выявленные склонности не определяют непосредственно способности личности к профессиональной деятельности, а отражают систему её отношений к конкретной группе профессий [5].

Результаты по методике «Профессиональная готовность» (А.П. Чернявская) представлены в таблице 2.

Таблица 2 - Результаты исследования компонентов профессиональной готовности с применением методики «Профессиональная готовность» (А.П. Чернявская)

Шкала методики	Средние значения по шкалам (М)	Максимальное значение шкалы
Автономность	16	20
Информированность	10,45	17
Принятие решения	13,725	20
Планирование	15,2	20
Эмоциональное отношение	16,55	22

Согласно психодиагностическому подходу, реализованному в опроснике «Профессиональная готовность» А.П. Чернявской, оценка производится без градации на уровни выраженности. В связи с этим для анализа были рассчитаны средние значения по выборке и максимальные показатели по каждому структурному компоненту профессиональной готовности:

- шкала «Автономность»: $M = 16$ баллов;
- шкала «Информированность»: $M = 10,45$ балла;
- шкала «Принятие решений»: $M = 13,725$ балла;
- шкала «Планирование»: $M = 15,2$ балла;
- шкала «Эмоциональное отношение»: $M = 16,55$ балла.

Сравнительный анализ средних значений позволяет выявить дифференцированную выраженность компонентов профессиональной готовности у студентов-психологов. Наиболее развитым компонентом оказалось «Эмоциональное отношение», что свидетельствует о сформированном позитивном аффективном отношении к профессиональному выбору и образу профессии. Высокие показатели по шкале «автономность» отражают способность к независимому профессиональному самоопределению.

В то же время наименьшие значения зафиксированы по шкале «Информированность», что может указывать на недостаточную осведомлённость студентов о требованиях профессии и особенностях профессиональной деятельности [10].

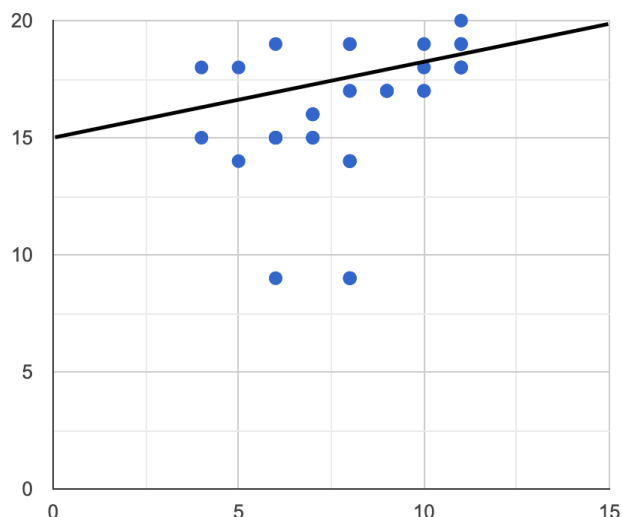
Показатели шкал «Принятие решений» и «Планирование» занимают промежуточное положение, демонстрируя среднюю степень сформированности соответствующих компонентов профессиональной готовности.

Для установления статистически значимых корреляционных связей между уровнем выраженности профессиональных склонностей к профессиям типа «человек-человек» и компонентами профессиональной готовности был применён корреляционный анализ с использованием коэффициента ρ -Спирмена. Результаты статистической обработки представлены в таблице 3.

Таблица 3 - Взаимосвязь склонности к профессиям типа «человек-человек» и профессиональной готовностью

Значение коэффициента корреляции ρ -Спирмена	Компоненты профессиональной готовности				
	Автономность	Информированность	Принятие решения	Планирование	Эмоциональное отношение
	Значение коэффициента корреляции ρ -Спирмена				
Склонность к профессиям типа «человек-человек»	0,503	0,02	0,47	0,043	0,604
Вид корреляционной связи	Сильная прямая $0.5 < \rho < 0.69$	Очень слабая прямая $\rho < 0,1$	Умеренная прямая $0.30 < \rho < 0.49$	Очень слабая прямая $\rho < 0,1$	Сильная прямая $0.5 < \rho < 0,69$

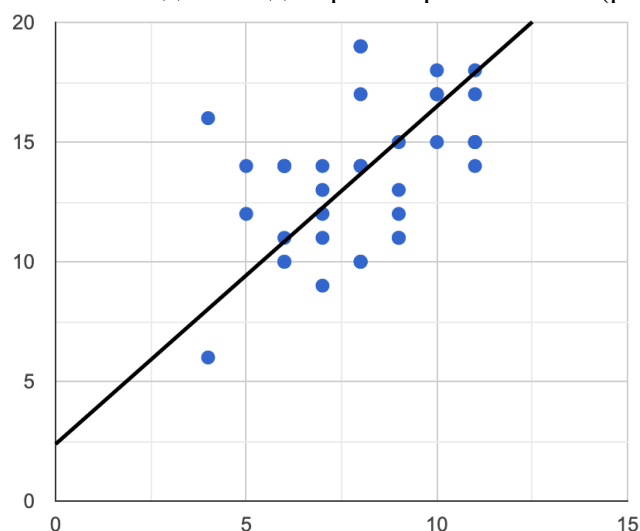
Применение коэффициента корреляции ρ -Спирмена позволила выявить заметную прямую корреляционную связь между выраженностью склонности к типу профессий «человек-человек» и уровнем выраженности по шкале «Автономность» у студентов ($\rho = 0,503, 0.5 < \rho < 0.69$). Таким образом возрастанию значений склонности к типу профессий «человек-человек» значения по шкале «Автономность» будут возрастать. Наглядно корреляционную взаимосвязь можно наблюдать на диаграмме рассеивания (рис. 2).

*Условные обозначения: по оси X значения склонности к типу профессий «человек-человек»; по оси Y значения по шкале «Автономность».

Рисунок 2 - Диаграмма рассеивания корреляционной связи между значениями по шкале профессиональной склонности к типу профессий «человек-человек» и значениями шкалы «Автономность» как компонента профессиональной готовности

С помощью корреляционного анализа была выявлена умеренная прямая корреляция между показателями склонности к профессиям типа «человек-человек» и показателями выраженности по шкале «Принятие решения» у респондентов ($p = 0,47, 0.30 < p < 0.49$). Соответственно возрастанию значений склонности к типу профессий «человек-человек» значения по шкале «Принятие решения» будут возрастать. Наглядно данную корреляционную связь можно наблюдать на диаграмме рассеивания (рис. 3).

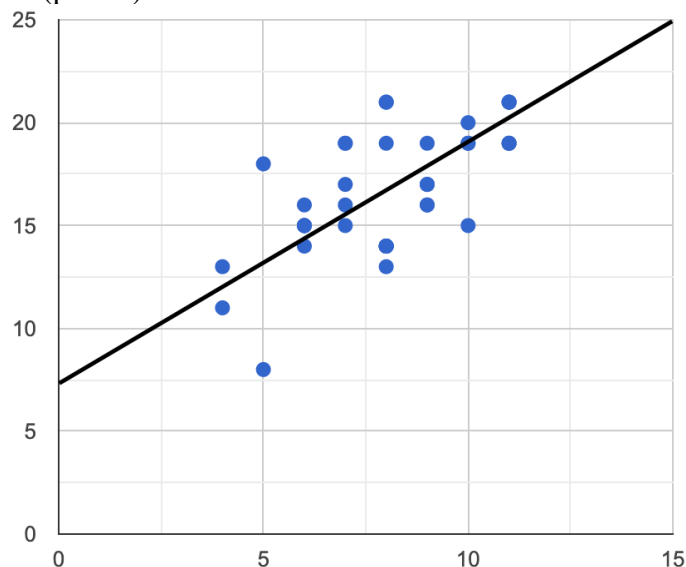

*Условные обозначения: по оси X значения склонности к типу профессий «человек-человек»; по оси Y значения по шкале «Принятие решения».

Рисунок 3 - Диаграмма рассеивания корреляционной связи между значениями по шкале профессиональной склонности к типу профессий «человек-человек» и значениями шкалы «Принятие решения»

Исходя из статистической обработки можно констатировать, что между показателями склонности к профессиям типа «человек-человек» и показателями выраженности по шкале «Эмоциональное отношение» у студентов имеется сильная прямая корреляционная связь ($r = 0,604$, $0.5 < r < 0.69$). Таким образом возрастанию значений склонности к типу профессий «человек-человек» значения по шкале «Эмоциональное отношение» будут возрастать. Наглядно данную корреляционную связь можно наблюдать на диаграмме рассеивания (рис. 4).

*Условные обозначения: по оси X значения склонности к типу профессий «человек-человек»; по оси Y значения по шкале «эмоциональное отношение».

Рисунок 4 - Диаграмма рассеивания корреляционной связи между значениями по шкале профессиональной склонности к типу профессий «человек-человек» и значениями шкалы «Эмоциональное отношение»

При использовании метода корреляционного анализа коэффициента r -Спирмена удалось выявить значимые корреляционные связи между склонностью к профессиям типа «человек-человек» и тремя компонентами профессиональной готовности: автономностью, способностью к принятию решений и эмоциональным отношением к профессиональному выбору у студентов-психологов. При этом связи с показателями планирования и информированности статистически не значимы.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы.

Студенты-психологи с наибольшей склонностью к профессиям типа «человек-человек» характеризуются автономностью и независимостью в процессе профессионального становления. Выбор собственного профессионального пути обусловлен внутренними мотивами и самостоятельным выбором без особого влияния на этот выбор со стороны значимого окружения. Респонденты данной группы демонстрируют наиболее развитую способность принимать решения, связанные с профессиональным становлением. Данная способность обуславливает наибольшую вероятность успешности выбора своего профессионального пути, принятие оптимального решения своего дальнейшего профессионального будущего при наличии других альтернативных путей, а также учитывать все возможные факторы и перспективы. Студенты этой группы отличаются наиболее позитивным эмоциональным отношением к собственному

профессиональному выбору и ситуациям своего профессионального будущего и к представителям профессионального сообщества.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости целенаправленного психологического сопровождения студентов с низким уровнем профессиональной готовности в процессе профессиональной подготовки в условиях вуза. Развитие компонентов профессиональной готовности и компонентов профессиональных склонностей в процессе профессиональной подготовки может выступать как благоприятный фактор оптимизации процесса профессионального самоопределения будущего специалиста. Таким образом, целесообразны организация и проведение психологических тренингов, профориентационных мероприятий, профессиональных консультирования и других психологических программ сопровождения с целью развития профессиональной готовности и профессиональных склонностей будущих специалистов.

Библиографические ссылки:

1. Андронов, В. П. Значение прогностических способностей для профессионального самоопределения старшеклассников / В. П. Андронов, М. С. Ионов // Интеграция образования. – 2015. – Т. 19, № 1(78). – С. 118-123. – DOI 10.15507/Inted.078.019.201501.118. – EDN TLIOTN.
2. Гриднев А. О. Особенности профессиональной идентичности студентов ссуза с разным уровнем выраженности отрицательного прогноза / А. О. Гриднев, М. С. Ионов // Актуальные проблемы исследования массового сознания : Материалы 8-й Международной научно-практической конференции, Пенза, 21–22 марта 2025 года. – Пенза: Издательство "Перо", 2025. – С. 31-41. – EDNVQSWZB.
3. Завоеванная Н. С. Профессиональная готовность: краткая история, основные понятия и подходы к изучению / Н. С. Завоеванная // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2014. – Т. 4, № 11. – С. 6-13. – EDN WHJUCT.
4. Зеер Э. Ф. Профессиональное самоопределение человека: смена парадигмы в профориентационной деятельности / Э. Ф. Зеер // Профессиональное образование и рынок труда. – 2014. – № 1. – С. 36-37. – EDNVVWKRX.
5. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям: 031000 - Педагогика и психология, 031300 - Социальная педагогика, 033400 - Педагогика / Е. А. Климов ; Е. А. Климов. – 4-е изд., стер.. – Москва : Академия, 2010. – (Высшее профессиональное образование. Педагогические специальности). – ISBN 978-5-7695-5690-6. – EDNQXYWQX.
6. Поваренков Ю. П. Профессиональное самоопределение старшеклассников сельских и городских школ / Ю. П. Поваренков // Педагогика сельской школы. – 2021. – № 4(10). – С. 5-18. – DOI 10.20323/2686-8652-2021-4-10-5-18. – EDNZMZLNK.
7. Попов Л. М. Теоретико-экспериментальное обоснование модели психологической готовности студентов к профессиональной деятельности / Л. М. Попов, И. М. Пучкова // Образование и саморазвитие. – 2015. – № 1(43). – С. 53-58. – EDNTMOCHZ.
8. Приложение 4 Методика «Профессиональная готовность» (А. П. Чернявская) // Мониторинг допрофессиональной педагогической подготовки школьников : учебно-методическое пособие / ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2021. – С. 77-86. – EDNGJIIMR.

9. Старикова Д. В. Особенности вторичного самоопределения экономистов с различным стажем работы по специальности / Д. В. Старикова // Актуальные проблемы психологического знания. – 2012. – № 2(23). – С. 56-61. – EDNPEYHHH.

10. Чернявская А. П. Психологическое консультирование по профессиональной ориентации : (Психология для всех) / А. П. Чернявская. – Москва : Издательство ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. – 96 с. – ISBN 5-305-00007-6. – EDNRWHS�T.

11. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности / В. Д. Шадриков ; Ответственный редактор К.А. Абульханова-Славская. – Москва : Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр Российской академии наук "Издательство "Наука", 1982. – 185 с. – EDNUIANEJ.

12. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики / Л. Б. Шнейдер. – Москва : Московский психолого-социальный университет, 2007. – 128 с. – (Библиотека психолога). – ISBN 978-5-9770-0074-1. – EDNSWDCQD.

© Гриднев А.О., 2025

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИИ ПОДРОСТКОВ

Д. А. Голова

студент 3 курса

СибГУ им. М.Ф.Решетнева

г.Красноярск, Россия

Email: diana5555qqq@gmail.com

Н. С. Ливак

доцент, СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

E-mail: nlivak@mail.ru

В статье рассматриваются особенности формирования ценностных ориентаций у подростков в условиях трансформации духовно-нравственной сферы современного общества. Раскрыты теоретические подходы к пониманию ценностей как устойчивых личностных структур. Обоснована преобладающая роль инструментальных ценностей как отражения стремления подростков к самореализации и активному взаимодействию с социальной средой.

Ключевые слова: ценностные ориентации, подростковый возраст, социализация, терминальные и инструментальные ценности, личность.

The article examines the specifics of the formation of value orientations in adolescents amid the transformation of moral and spiritual foundations in modern society. Theoretical approaches to values as stable personal structures are analyzed. The dominance of instrumental values is justified as a reflection of adolescents' desire for self-realization and active social interaction.

Keywords: value orientations, adolescence, socialization, terminal and instrumental values, personality.

Процесс взросления современных подростков происходит в условиях разрушения традиционных норм и ценностей, снижения общей культуры, усиления влияния медийного пространства. Трансформация духовной сферы общества оказывает влияние на формирование ценностных ориентаций подростков и их жизненные цели.

В результате в молодежной среде наблюдается их деформация, что вызывает развитие различных форм асоциального поведения, внедрение криминальной субкультуры и т.п. С другой стороны, приходится признать, что требования, предъявляемые к подрастающему поколению, постоянно растут. От молодежи ожидают развитого сознания, ответственности, понимания того, какие условия предъявляет современное общество и где необходимо себя реализовать. В этой связи важным становится вопрос изучения ценностных ориентаций подростков и оценки их качественного состояния.

В связи с этим требуется постоянно изучать новые грани развития личности, разрабатывать новые схемы образования, обучения и воспитания. Современные подростки обладают новыми психологическими качествами, формируемыми под влиянием новых жизненных условий, поэтому проблема изучения их личностных особенностей и ценностных ориентаций, взаимосвязи этих двух категорий на сегодняшний день особенно актуальна.

Понятие «ценностные ориентации», возникшее на стыке философии, социологии, социальной и общей психологии, является многоаспектным и сложным для теоретико-методологического анализа.

Обращая внимание на междисциплинарный характер исследования ценностных ориентаций, Б.Г. Ананьев писал, что «...имеется общий центр, в котором сходятся исследования социологов, социальных психологов и психологов... Этим общим центром являются ценностные ориентации групп и личности, общность целей деятельности, жизненная направленность или мотивация поведения людей» [2, С.187].

Понятие ценности в психологии и социологии интерпретируется как устойчивая личностная структура, отражающая предпочтения индивида в отношении целей, смыслов и форм поведения. А.Н. Леонтьев указывает, что всякая ценность обладает двойственной природой – общественным значением и личностным смыслом, где первое формируется социокультурной средой, а второе – субъектной интерпретацией индивида [6].

Первыми исследователями ценностных ориентаций личности в отечественной психологии стали В.Б. Ольшанский, А.Г. Здравомыслов и В.А. Ядов. Так, В.Б. Ольшанский рассматривал ценностные ориентации как устремление личности или группы к разным формам социальной значимости. А.Г. Здравомыслов и В.А. Ядов связывали их с ориентациями и установками личности на те или иные стороны материальной и духовной культуры общества [8, С.78].

Следует отметить, что до сих пор нет четкого и устоявшегося определения ценностных ориентаций. Остается неясным, что отличает ценностные ориентации от установок, мотивов, потребностей, интересов и других компонентов сознания, выражающих направленность поведения и деятельности личности.

Изучению ценностных ориентаций посвящены многочисленные работы, образующие два уровня исследований ценностной проблематики: теоретический и прикладной. Основной трудностью для исследователей выступает многозначность терминологии, обусловленная переплетением понятийных аппаратов смежных дисциплин при исследовании феномена ценностных ориентаций.

А.Н. Бердяев в работе «Самопознание» отмечает, что ещё на пороге отрочества и юности был потрясён однажды мыслью: «Пусть я не знаю смыслы жизни, но искание смысла уже даёт смысл жизни, и я посвящу жизнь этому исканию смысла» [5, С.32].

Классические подходы к исследованию ценностных ориентаций предложены Г. Олпортом и Ф. Вертоном, которые рассматривали ценности через призму интересов личности, фундаментальных для её развития (наука, религия, политика, искусство) [10]. М. Рокич структурировал ценности на терминальные (цели жизни) и инструментальные (способы достижения целей), предложив методику количественного измерения предпочтений, получившую широкое распространение в психодиагностике подростков.

С.Л. Коптев, опираясь на данную методику, предложил деление ценностей на социальные, личные и деловые. Так же опираясь на методику М. Рокича, Н.В. Куницина и З. Раушенбах группируют ценности личности в три содержательных блока:

- 1) ценности способствующие общему развитию личности;
- 2) самоутверждению личности;
- 3) отражающие специфические свойства конкретной профессиональной деятельности.

А.Н. Бердяев отмечал, что ценностные ориентиры формируются как отклик личности на поиск смысла, подчеркивая их экзистенциальное значение в процессе взросления.

Д.Н. Узнадзе связывал механизм формирования ценностей с установками, возникающими в процессе социальной деятельности, где поведение закрепляется в форме устойчивых ориентаций, интегрированных в сознание индивида [9].

Подростковый возраст – критический этап формирования личности, характеризующийся поиском идентичности и усиленной потребностью в самоутверждении. В этот период особое значение приобретают такие ценности, как дружба, любовь, свобода, справедливость, самореализация.

Характеристика подросткового возраста включает несколько ключевых аспектов: физическое развитие, психическое и эмоциональное становление, социальные изменения и поиск идентичности. В таблице 1 представлен обзор по основным характеристикам подросткового возраста.

Таблица 1 - Характеристика подросткового возраста

№	Характеристика	Содержание
1.	Физическое развитие	стремительный рост тела, половое созревание и гормональные изменения; повышенная потребность во сне, изменения аппетита и энергии; развитие координации движений и физической выносливости, иногда повышенная утомляемость
2.	Психическое и эмоциональное развитие	поиск собственной идентичности, вопросов «кто Я» и «каким хочу быть»; эмоциональная лабильность: резкие перепады настроения, повышенная чувствительность к критике; развитие абстрактного мышления, способности к планированию, рефлексии и рассмотрению альтернатив; формирование стиля мышления: черная/белая картины мира сменяется более нюансированным восприятием
3.	Социальные изменения	усиление роли сверстников и поиск принадлежности к группе. отделение от семьи: стремление к автономии, принятие решений и ответственности; влияние социальных сетей и цифровых коммуникаций на самооценку и общение; рекомендуемая поддержка: ясные границы, уважение к личности, конструктивная критика
4.	Развитие ценностей и идентичности	формирование моральных и этических ориентиров, взглядов на образование, карьеру и будущее; примерение разных ролей: друг, ученик, участник кружков, волонтер; возможность сомневаться в родительских и культурных нормах, поиск собственного мировоззрения
5.	Учебная и профессиональная ориентация	интерес к выбору профессии и учебного пути, проба разных занятий; нужна поддержка в постановке целей, планировании обучения и выборке ресурсов

Л.И. Божович подчеркивала, что именно в подростковом возрасте ценности становятся основой формирования внутренней позиции личности. В это время происходит становление сознательного отношения к действительности, развивается чувство взрослости и самостоятельности [3].

Согласно подходу В.Г. Алексеевой, ценностные ориентации выступают фактором не только адаптации личности, но и её саморазвития [1]. А.В. Серый указывает, что ценности тесно связаны с системой смыслов личности, определяя её активность и направленность [7].

В целом, ориентируясь на социально-психологический уровень анализа данного феномена, можно определить ценностные ориентации как элемент внутренней структуры личности, характеризующие содержательную сторону её направленности.

Особую роль ценностные ориентации играют в подростковом возрасте, поскольку именно в этот возрастной период происходят изменения в личностной сфере, которые оказывают непосредственное влияние на самоопределение подростка.

Всестороннюю и качественную оценку ценностных ориентаций подростков можно выполнить, имея соответствующую систему координат, каковой является система ценностей современного идеального человека.

С учётом иерархической соподчинённости ценностей личности используется следующая их классификация:

- 1) абсолютно независимые ценности, выступающие в качестве конечных целей деятельности;
- 2) ценности, имеющие лишь временное, ситуативное значение и выступающие в качестве средств, условий, промежуточных (тактических) целей деятельности;
- 3) автономные ценности [4, С.96].

Как показывают исследования, ценностные ориентации подростков обусловлены не только возрастными особенностями, но и уровнем сформированности мотивационно-ценностной сферы. Л.Э. Комарова отмечает, что психологическая структура ценностных ориентаций включает в себя оценочную и ориентировочную деятельность, направленную на выбор значимых объектов из среды.

Структура ценностей у подростков строится иерархически: одни ценности играют системообразующую роль, другие являются производными. Уровень зрелости личности можно оценивать по степени упорядоченности этой иерархии.

Учёные рассматривают ценности современных подростков как компонент структуры личности:

- 1) характеризующий направленность и содержание активности подростка;
- 2) определяющий отношение подростка к миру и к себе;
- 3) придающий смысл и направление личностным позициям, поведению и поступкам [7, С.68].

Ценностные ориентиры подростка персонифицированы в идеальных личностных образцах, которые относятся к разным сферам общественной жизни.

В этой связи, разные уровни ценностно-нормативной сферы подростка могут быть представлены следующим образом:

- личностные качества, значимые для подростков;
- жизненные ценности;
- представления подростка об идеальном сверстнике;
- конкретные персоналии, которые выступают для подростков в качестве идеалов.

К личностным качествам, значимым для подростков, относятся: здоровье, красота, чистоплотность, физическая сила, сообразительность, терпеливость, благоразумие, доброта, честность, справедливость, мужество, совесть, милосердие.

К жизненным ценностям относятся: уважение, понимание, отзывчивость, умение слушать, умение прощать, профессионализм, высокая зарплата, высокое социальное положение, хорошее поведение, успешность, гостеприимность, спокойствие, заботливость, счастье.

К качествам идеального сверстника могут относиться: уникальность, любознательность, хорошая успеваемость, находчивость, талант, умение многое делать своими руками, трудолюбие, бережное отношение к природе, самоконтроль, эрудированность, обаяние, аккуратность, уравновешенность, спортивность, высокие моральные качества (долг, честь, ответственность).

Обзор ключевых ценностей современных подростков, позволил определить наиболее чаще встречающиеся в исследованиях, интервью и образовательной практике:

- 1) самоидентификация и личная автономия: поиск и подтверждение своей идентичности, включая интересы, талант и ценности; желание самостоятельности в принятии решений и ответственности за собственную жизнь;

2) модернизация и технологическая грамотность: умение ориентироваться в цифровом мире: критическое отношение к информации, навыки цифровой безопасности; интерес к технологическим и креативным сферам: программирование, дизайн, медиа-производство;

3) социальные связи и принадлежность: значимость дружбы, поддержки сверстников и онлайн-сообществ; поиск мест, где можно быть принятым и услышанным, формирование групп по интересам;

4) здоровье и благополучие: важность физического и ментального здоровья, профилактика стресса, навыки преодоления тревожности; интерес к балансу между активностью и отдыхом, качественный сон, здоровое питание;

5) саморазвитие и достижения: стремление к новым знаниям, навыкам, достижениям в школе, кружках и проектах; ориентация на процесс обучения и личный рост, а не только на оценки;

6) этические принципы и ответственность: размышления о своих действиях и их последствиях для других людей и общества; честность, ответственность и уважение к другим мнениям.

7) гибкость и адаптивность: умение адаптироваться к изменениям, новым форматам обучения и коммуникациям; творческий подход к решению проблем и поиску альтернатив; влияние онлайн-образа на восприятие себя; поиск баланса между самопрезентацией и реальной жизнью; развитие критического отношения к идеалам в соцсетях и формирование здоровых привычек восприятия.

Уровень развития системы ценности подростка оценивается по следующим параметрам:

1) степень сформированности иерархической структуры ценностей как единого целого (системообразующим фактором единства являются личностные характеристики подростка);

2) содержание ценностных ориентаций, которое характеризуется совокупностью конкретных ценностей, входящими в структуру, и её направленностью.

Нами было организовано и проведено эмпирическое исследование на базе МАУО школа-интернат №1 им. В.П. Синякова г. Красноярск. В выборку вошли 24 подростка в возрасте 14-16 лет. В рамках нашего исследования была выбрана методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, которая позволила определить иерархию жизненных ценностей подростков.

Проведённое исследование выявило особенности формирования и структуры ценностных ориентаций современных подростков в условиях трансформации духовно-нравственной сферы общества. Теоретический анализ показал, что ценностные ориентации представляют собой сложное, многоуровневое образование, интегрирующее общественные и личностные смыслы, а их формирование тесно связано с процессами социализации, поиском идентичности и самоопределением в подростковом возрасте.

Результаты эмпирического исследования, проведённого среди учащихся школы-интерната, показали, что в структуре ценностей подростков преобладают такие терминальные ценности, как активная деятельность, здоровье, любовь и счастливая семейная жизнь. Среди инструментальных ценностей наибольшее значение имеют аккуратность, жизнерадостность, воспитанность и независимость. Это свидетельствует о стремлении подростков к личностному и профессиональному развитию, гармоничным отношениям с окружающими, а также о важности для них эмоционального благополучия и социальной адаптации.

В то же время отмечается снижение значимости таких ценностей, как красота природы и искусства, власть, развлечения, что отражает специфику жизненных условий и социокультурного контекста современной молодёжи.

Таким образом, ценностные ориентиры, которые часто встречаются у современных подростков могут варьироваться в зависимости от контекста страны, культуры и личного опыта, в целом выделяются следующие направления:

- 1) *аутентичность и принятие себя*: желание быть собой, выражать индивидуальность и принимать свою уникальность; важность эмоциональной честности и искренности в отношениях;
- 2) *влияние цифровых технологий и медиа*: поиск смысла и идентичности в онлайн-пространстве, с критическим отношением к контенту; интерес к цифровой грамотности, этике онлайн-взаимодействий и защите приватности;
- 3) *социальная ответственность и инклюзивность*: поддержка равных возможностей, уважение к различиям, противодействие дискриминации; готовность участвовать в волонтерской деятельности, социальных проектах и экологических инициативах;
- 4) *саморазвитие и карьерная ориентация*: интерес к практике, стажировкам, проектной деятельности и выбору профессий будущего; осознанность в отношении баланса между учёбой, хобби и личной жизнью;
- 5) *эмпатия и взаимопомощь*: готовность поддерживать друзей и близких, умение слушать и сопереживать; значение доверий и здоровых границ в отношениях;
- 6) *здоровье и благополучие*: осознание психического и физического здоровья, поиск устойчивых способов поддержания благополучия; внимание к гармонии между цифровой жизнью и реальными активностями (спорт, творчество, сон);
- 7) *справедливость и участие в общественных процессах*: интерес к гражданской активности, правам человека, прозрачности институций; желание влиять на решения, которые касаются их будущего;
- 8) *творчество и самовыражение*: признание творчества как способа понять себя и мир, поиск площадок для самовыражения; гибкость в отношении тем и форм самовыражения: музыка, искусство, кодинг, дизайн и т.д.
- 9) *баланс с окружением и устойчивые привычки*: стремление к устойчивым привычкам, умеренности в потреблении, заботе о планете; поиск баланса между онлайн и офлайн активностями, избегание перегрузки.

Полученные данные подтверждают актуальность дальнейшего изучения ценностных ориентаций подростков, а также разработки эффективных психолого-педагогических программ, направленных на поддержку и развитие позитивных жизненных установок и смыслов.

Таким образом, ценностные ориентации современных подростков формируются под влиянием как традиционных, так и новых социокультурных факторов, отражая сложный процесс адаптации личности к изменяющимся условиям окружающего мира.

Библиографические ссылки:

1. Алексеева, В.Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности / В.Г. Алексеева // Психол. журн. – 1984. – Т. 5. – № 5. – С. 63-70.
2. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. – 2-е изд., СПб.: Питер, 2001. – 272 с.
3. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте: монография, цикл статей / Л.И. Божович. – СПб.: Питер, 2009. – 400 с.
4. Мамедова, Ж.С. Ценностные ориентации в структуре личности / Ж.С. Мамедова // Межвузовский сборник научных трудов. «Российское общество: цивилизационные горизонты трансформации». Выпуск 1. Саратов, 2004. – С. 96-100.

5. Пряжников, Н.С. Профориентация в школе: игры, упражнения, опросники / Н.С. Пряжников, Е.Ю. Пряжникова. – М.: ВАКО, 2005. – 288 с.
6. Психология личности в трудах отечественных психологов / Сост. Л.В. Куликов. – СПб.: Питер, 2001. – 480 с.
7. Серый, А.В. Ценностно-смысловая сфера личности: учебное пособие / А.В. Серый, М.С. Яницкий. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999. – 92 с.
8. Социальная психология / Сост. и ред. А.Л. Свенцицкого. – СПб.: Питер, 2000. – 336 с.
9. Узнадзе, Д.Н. Общая психология / Д.Н. Узнадзе; пер. с грузинского Е.Ш. Чомахидзе. – М.: Смысл, 2004. – 413 с.
10. Хьел, Л. Теории личности / Л. Хьел, Д. Зинглер. – СПб.: Питер, 1999. – 608 с.

© Голова Д.А., Ливак Н.С., 2025

МОТИВАЦИЯ МОЛОДЁЖИ ПРИ ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ

М. И. Гудкова,

Студент 4 курса

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»,

г. Уфа, Россия,

E-mail: Good6404@mail.ru.

А. Ю. Гайфуллин,

доцент, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»,

г. Уфа, Россия,

E-mail: gayfullin_a@mail.ru.

Способность организации эффективно использовать свой кадровый потенциал во многом определяется тем, насколько осознанно молодые люди выбирают свою профессию. В статье рассматриваются факторы, влияющие на мотивацию при выборе профессии, анализ поможет создать действенную систему профориентации для молодёжи. Отмечается важность такой системы для самоопределения молодых людей.

Ключевые слова. Мотивация; молодёжь; образование; способности; профориентация; цифровизация.

The ability of an organisation to effectively use its human resource potential is largely determined by how consciously young people choose their profession. The article considers the factors influencing motivation in choosing a profession, the analysis will help to create an effective system of career guidance for young people. The importance of such a system for self-determination of young people is noted.

Key words. Motivation; youth; education; ability; career guidance; digitalisation.

Сегодня остро стоит вопрос о мотивации молодёжи в определении профессии. Этот этап является важной частью жизни индивида, поскольку определяет его дальнейший жизненный путь, а также основной род деятельности. Вообще стоит отметить, что данный вопрос характерен для любого возраста человека. Неправильный выбор может привести к различным последствиям, например, к высокому уровню неудовлетворённости работника трудом, что отрицательно влияет на трудовую мотивацию в целом; к низкой производительности труда, не позволяющей раскрыть таланты и способности работника и пр. [1, с. 1546]. Всё это так или иначе обуславливает необходимость изучения факторов мотивации индивида к выбору профессии.

Говоря о возможных факторах, влияющих на выбор рода деятельности, разные исследователи выделяют множество вариантов. Так, В.Е. Чаринцова в своей статье ссылается на труд Н.А. Бакшаевой и А.А. Вербицкого «Психология мотивации студентов», где выделяется две группы факторов при определении профессии - внешние и внутренние [2, с. 843]. Внешние факторы формируются на основе экономических и социальных принципов. Сюда можно отнести: размер заработной платы, дальнейшая занятость, востребованность и престиж, наставления семьи, а также советы и опыт друзей и знакомых. Внутренние же формируются на основе моральных ценностей таких, как талант и способности, заинтересованность в определённой деятельности, самореализация и карьерный рост. Н.И. Зубова в своей статье отмечает, что самым популярным фактором на 2022 год стал ориентир молодых людей на собственные увлечения и способности (25%). При этом не менее популярными вариантами стали ориентация на высокооплачиваемость

профессии (19%), а также её популярность и статусность (18%). Помимо этого, профессия должна вызывать у индивида интерес (12%) [3, с. 52]. То есть большее внимание уделяется более субъективному восприятию индивидом своей возможной будущей профессии. И это вполне объяснимо, ведь работа занимает большую часть жизнедеятельности индивида, поэтому она должна находить некий отклик от души человека.

В ходе опроса, результаты которого описаны в работе А.В. Зинич, были выявлены варианты взаимодействия образовательных учреждений и бизнеса, которые могут поспособствовать профориентации. Среди факторов, способных оказать ключевое воздействие на состояние профессионального самоопределения и направления трудовой занятости, выделяют закрепление определённого предприятия как базы практики для студентов, непосредственное участие представителей бизнеса и организаций в образовательном процессе, а также финансирование ВУЗов со стороны бизнеса [12, с. 136]. Так, всё это в той или иной степени, по мнению молодёжи, влияет на выбор студентов и на решение о дальнейшем пути развития в сфере, специальности, на которую индивид отучился в высшем учебном заведении.

Мало того, что выбор профессии напрямую влияет на жизнь самого индивида, так этот выбор ещё и оказывает влияние на экономическую и трудовую сферы государства. Возможности реализации кадрового потенциала организаций во многом зависят от осознанности совершенного выбора профессии [1, с. 1546]. Потому что только люди, заинтересованные в своём деле, способны стать профессионалами, по-настоящему компетентными людьми.

Необходимо учитывать и тот факт, что молодёжь является социально уязвимой группой населения, им сложно войти в «поток»: они могут быть достаточно неустойчивыми, порой маргинальными; они только вступают в период социальной зрелости, им трудно найти работу и самореализоваться. Однако здесь важно отметить, что несмотря на такую неустойчивую позицию в мире, молодые люди очень гибкие. Они могут уловить появляющийся в обществе тренд, тенденцию к развитию какого-либо направления и подстроиться под эти реалии. Константиновский Д.В. в своей статье приводит пример как в 1980-х годах более трети молодёжи было занято в промышленном секторе, а к середине 2000-х годов эта доля уменьшилась до четверти (даже немного меньше), учитывая тот факт, что данная область как оставалась, так и остаётся одной из ведущих [4, с. 163]. Таким образом, со стороны государства должна оказываться определённая поддержка в виде различных социальных программ, чтобы нивелировать подобную ситуацию.

Как ранее уже было отмечено, вопрос, который встаёт перед каждым представителем молодёжи в плане совершения выбора в достаточно юном возрасте. Подростковый период, когда индивид должен начать представлять своё возможное будущее через осуществление какого-либо вида профессиональной деятельности, характеризуется высокой нестабильностью и повышенным уровнем критичности в восприятии окружающего мира. Результатом же такого решения должно стать получение качественного образования и устраивающей его профессии, что в моменте происходит достаточно сложно [6, с. 93]. Считается, что на выбор деятельности оказывает влияние процесс социализации. Молодой человек вынужден делать выбор, отталкиваясь от своих ценностей, норм и убеждений, когда эмоциональный интерес к каким-то видам деятельности синтезируется со множеством субъективных и объективных элементов реального мира [4, с. 162]. Этот этап знаменует переход на новую стадию жизни человека как взрослого индивида, способного взять за себя ответственность.

Неоспорим тот факт, что молодой человек так или иначе попадает под влияние своей семьи, а именно родителей как ключевых фигур, оказывающих непосредственное воздействие на восприятие окружающего мира подрастающего, неокрепшего ума.

Избавиться от этого влияния или проигнорировать его почти что невозможно, поскольку дети растут вбирая в себя установки родителей, внимая их словам о том, где престижнее себя реализовать, а где больше заработать; личный пример родителей точно также может послужить отправной точкой при выборе будущего рода деятельности. Поэтому родителям необходимо вести разговоры об интересах своего ребёнка, о возможных путях развития его талантов. Благодаря этим советам и рекомендациям можно расширить представления ребёнка об окружающей его среде, в которой он может проявить себя.

Подбор профессии под способности склонности подростка – это идеальная картина, поскольку процент людей, которые с ранних лет понимают, куда направить свои силы, что можно привнести в мир. Нередко случается, что возникает социальное противоречие между ребёнком и родителями, когда выбранная им профессия не соответствует ожиданиям родителей [15, с. 288]. Этот фактор в состоянии оказать сильное воздействие на дальнейшую жизнь молодого человека.

В действительности же всё происходит далеко не так просто. Сегодня, в век технологий, период взросления отодвигается по сравнению с прошлыми годами и жизнью прошлых поколений. Связано это с тем, что благодаря современным технологиям, которые предоставляют широкий доступ к всевозможным информационным ресурсам. Социальные сети в какой-то степени заменили реальную жизнь, из-за чего сознание молодых людей становится ещё более неустойчивым [13, с. 166]. Нереализовавшийся молодой человек, не понимающий, в какую сторону ему двигаться, уходит в виртуальную реальность, где он может на какое-то время сбежать от действительности и освободиться от обязательств взрослой жизни. Из-за чего его вступление в эту самую «взрослую жизнь» отстывает.

При этом можно сказать, что само общество ставит молодых людей в такое положение. Так, главной задачей, которая встаёт перед ними, становится добыча средств к существованию.

Молодые люди вылетают из «родительской гнёзда», становятся самостоятельными и вынуждены искать работу для того, чтобы иметь средства к существованию [3, с. 52]. Однако как показывает практика зачастую молодые люди разочаровываются в своём выборе, рабочая деятельность в реальности часто отличается от ожиданий молодёжи. Одна из проблем, способствующая этому, – низкая информированность. Даже о тех профессиях, которые вызывают интерес и желание освоения, 76% опрошенных знают только поверхностно [3, с. 52]. Одна треть (36,3%) приняла случайное решение перед самым поступлением в ВУЗ по определённой специальности. Необдуманность впоследствии привела многих к сомнению в правильности сделанного выбора, внутренней неудовлетворённости и, как следствие – к желанию сменить получаемую профессию [7, с. 156]. Становится вполне ожидаемым, что и в процессе обучения в ВУЗах у молодёжи пропадает какая-либо мотивация к учебной деятельности для дальнейшей реализации своих способностей и навыков в профессиональной сфере.

Прочие трудности встречают молодых людей уже после окончания высшего учебного заведения. Мы уже затрагивали тему того, что молодёжи необходимо получать средства к существованию. Осложняется это тем, что существует определённый дисбаланс, а именно неравенство между уровнем оплаты труда высококвалифицированных специалистов и работников средней квалификации. Выходит ситуация, при которой выпускник ВУЗа может получать заработную плату, значительно уступающую доходу рабочего на производстве. Впоследствии молодые люди от недостатка перспектив и низкой оплаты труда вынуждены менять сферу деятельности. Особенно это видно по таким государственным секторам, как образование и наука. Формируются определённые устойчивые тенденции: молодые специалисты из-за низкого уровня материального стимулирования и неочевидной карьерной лестницей либо меняют свой род деятельности, либо эмигрируют в поисках лучших условий, что негативно

сказывается на человеческом и научном потенциале страны [13, с. 169]. Таким образом, становится очевидно, что подобный кризис требует применения мер, направленных на сохранение и стимулирование человеческого потенциала за счёт создания условий для развития в профессиональной среде, а также за счёт достойной оплаты труда и совершенствования кадровой политики государства.

Научно-технический прогресс также оказал влияние на мотивацию молодёжи при выборе профессии. Сегодня особенно заметно как молодые люди становятся всё более ориентированными на работу с современными технологиями. В приоритете у старшеклассников стоят профессии, позволяющие проявить свой творческий потенциал, а также профессии в сфере IT-технологий [14, с. 34]. Такая ситуация является отражением запросов постиндустриальной экономики и постиндустриального общества в целом, где доминируют информация, знания и сфера услуг, а не промышленное производство.

В эпоху цифровизации почти везде от сотрудников требуется хорошее ознакомление с информационными технологиями [5, с. 1377]. Например, НТП привёл к появлению онлайн-специальностей и распространению фриланса, когда человек может работать на себя и самостоятельно определять свою работу, а также её место и время исполнения. Молодёжь в это же время оказывается под влиянием угрозы, которая связана с тем, что время внедрения цифровых инструментов короче, чем время, в течение которого молодые люди получают профессию [11, с. 70]. У них вовсе может не быть определённой последовательности событий.

В советский период очень была распространена линейная модель, которая характеризовалась тем, что человек сначала получает необходимое образование, затем устраивается на работу, со временем, повышая свою квалификацию или разряд, добивается повышения. Согласно исследовательским данным, полученным ещё в 1960-е гг. Прошлого столетия, можно наблюдать существенную разницу в профессиональном самоопределении между старшими классами того периода и старшеклассниками нашего времени. Так, в середине прошлого века подавляющее большинство учеников (а именно 84% опрошенных респондентов) на момент окончания школы уже имели чётко сформированное представление о своей будущей карьере и могли уверенно назвать профессию, в которую планировали погрузиться и которую намеревались освоить [14, с. 33]. Становится очевидно, что сегодня мы наблюдаем совершенно иную тенденцию, которая разительно отличается от показателей современной статистики среди подростков и их профессионального выбора, показатель уверенности в своём будущем значительно отличается от сверстников прошлого.

Однако линейность более стабильного советского времени была нарушена. Сегодня открылось много новых возможностей как, например, человек в состоянии работать по очень гибкому графику без привязки к определённому месту. Можно говорить о появлении «виртуальных работников» и «виртуальных работодателей» [5, с. 1380]. Рабочее место перешло в виртуальное пространство, к которому молодёжь всё-таки смогла адаптироваться.

Научно-технический прогресс также привёл к тому, что получение образования является непрерывным. Даже после окончания ВУЗа индивид не обязан продолжать обучение или работу по этой же специальности. Анализ положения молодых людей на рынке труда показал, что 30% выпускников 2017-2019 гг., то есть молодые люди в возрасте 20-24 лет, трудоустроены на работу, не связанную с полученной профессией [11, с. 64]. Наоборот, индивид может кардинально изменить область деятельности с помощью различных курсов или программ переквалификации. Как пишет журнал Forbes, исследователи платформы «Зарплата.ру» и аналитики направления «Высшее образование» школы IT-профессий Skillfactory выяснили, что 75% россиян задумываются о смене специальности в 2024 году, а 39% уже готовы решиться на этот шаг [10]. Таким образом,

становится ясно, что люди не хотят работать по специальности, которая им не интересна или не приносит желаемый доход, то есть они обладают определённой мотивацией при смене профессии.

Действительно, люди имеют возможность изменить свою жизнь и сферу деятельности, однако это занимает достаточно много времени. По сути, как уже было выявлено, мотивы являются мобильной системой, на которую можно оказывать влияние извне. Целенаправленно формируя устойчивую систему мотивов деятельности, мы можем помочь будущему специалисту в профессиональной адаптации и профессиональном становлении [8, с. 194]. Так, изучение мотивов выбора, способностей и стремлений индивида станет значимым шагом к определению рода деятельности. Мероприятие, которое этому способствует, называется профориентацией.

Профориентация – это определённый катализатор осуществления выбора при определении профессии. Непрерывное образование способно стать основой для осуществления ориентации школьников на будущую профессиональную деятельность, а также организации пробы сил в предпрофессиональной деятельности и допрофессиональной подготовки [9, с. 163]. Таким образом, все звенья образовательной системы будут направлены на воспитание и обучение действительно компетентного, а что самое главное – заинтересованного, специалиста.

Помимо самого индивида в профориентации должно быть заинтересовано и само государство, поскольку по его заказу образовательные учреждения как школы, так и высшие учебные заведения смогут формировать хороший кадровый потенциал для закрытия потребностей правительства и общества. Так, необходимо отметить изменения в рамках рынка труда, который подвергается существенной трансформации. Суть заключается в росте престижа педагогических профессий в сознании молодёжи. Так, можно выделить отличия между ситуацией 2000-х годов, когда педагогическая деятельность из раза в раз оказывалась на последних позициях в списке профессиональных выборов старшеклассников и текущим положением дел [14, с. 35]. В настоящее время наблюдается заметное возрождение имиджа сферы образования. Мало того, что профессия в этой сфере является социально одобряемой, так и само государство нуждается в педагогических кадрах.

Выходит, что проблему профориентации теперь необходимо рассматривать в единой системе взаимодействующих субъектов школа-ВУЗ, нацеленной на формирование устойчивых профессиональных интересов, развитию растущего человека [9, с. 164]. То есть школа должна организовать деятельность учащегося так, чтобы он смог продолжить обучение в ВУЗе по выбранному направлению. Поскольку зачастую случается так, что студентами становятся люди, случайным образом выбравшие те или иные специальности, которые даже не соответствуют их способностям и интересам. Поэтому школа, как первое звено цепи, должна помочь индивиду в раннем возрасте определить для себя области интереса, подтолкнуть к изучению материала необходимого на пути к выбранной профессии (или по меньшей мере определённому направлению).

Такой системный подход станет залогом того, что выбор специальности обретёт определённую обоснованность, основываясь на реальных способностях индивида, и перестанет быть случайным. Подобные меры будут также способствовать формированию адекватного представления о будущей профессии и дальнейшей трудовой деятельности в целом. В конечном счёте принятые меры способны повысить качество всего кадрового потенциала российского общества.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что вопрос мотивации молодёжи к выбору профессии крайне важен и актуален, на него влияет множество различных факторов. Воздействие на мотивацию при выборе профессии индивида, лежащее в основе непрерывного процесса образования, обуславливает необходимость работы со

школьниками и студентами через учебную деятельность, чтобы в дальнейшем получаемое образование было реализовано в виде профессиональной трудовой деятельности, которая будет вызывать интерес.

Библиографические ссылки

1. Цыганкова, И.В. Факторы мотивации молодёжи при выборе профессии / И.В. Цыганкова, В.Ф. Потуданская, Я. Цзывэй // Экономика труда. – 2019. – Т. 6, № 4. – 1545-1554 с. – DOI 10.18334/et.6.4.41349. – EDN EHANII. – Текст: непосредственный.
2. Чаринцова, В.Е. Мотивация студенческой молодёжи при выборе профессии / В.Е. Чаринцова // Аллея науки. – 2021. – Т. 1, № 12(63). – 842-845 с. – EDN FSRXJD. – Текст: непосредственный.
3. Зубова, Н.И. Мотивация молодёжи при выборе профессии / Н.И. Зубова // Научное отражение. – 2022. – № 1(27). – 52-55 с. – EDN JAHVBXV. – Текст: непосредственный.
4. Константиновский, Д.Л. Отношение к профессиям как индикатор социальных изменений / Д.Л. Константиновский // Вестник Института социологии. – 2021. – Т. 12, № 4. – 155-166 с. – DOI 10.19181/vis.2021.12.4.757. – EDN CCOSZF. – Текст: непосредственный.
5. Винокурова Н.А. Взгляды студентов-гуманитариев на будущую карьеру, их приоритеты и мотивация / Н.А. Винокурова, И.С. Гудович // Экономика труда. – 2023. – Т. 10, № 9. – 1367-1386 с. – DOI 10.18334/et.10.9.118946. – EDN YKKUWK. – Текст: непосредственный.
6. Захарова, А.А. Проблемы современной молодёжи при самореализации в сфере образования и профессии / А.А. Захарова // Научное пространство современной молодёжи: приоритетные задачи и инновационные решения : Сборник статей участников IV Всероссийской молодёжной научно-практической конференции, Челябинск, 05–06 апреля 2023 года. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2023. – 92-94 с. – EDN ZQTAOH. – Текст: непосредственный.
7. Кох, И.А. Ценности и профессиональное самоопределение студенческой молодежи / И.А. Кох, В.А. Орлов // Образование и наука. – 2020. – Т. 22, № 2. – 141-169 с. – DOI 10.17853/1994-5639-2020-2-143-170. – EDN ZCAWVN. – Текст: непосредственный.
8. Ротару, Н.Ф. Профессиональное воспитание как фактор повышения учебной мотивации студентов технологического колледжа / Н.Ф. Ротару // Современные векторы в образовании: теория и практика : Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Коломна, 24 декабря 2020 года / Под общей редакцией С.А. Ермолаевой. – Коломна: Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет», 2021. – 190-199 с. – EDN XVLXYV. – Текст: непосредственный.
9. Шамсиддинов, М.И. Формирование профессиональных интересов учащихся в оптимальных условиях взаимодействия субъектов школа - вуз / М.И. Шамсиддинов, Д.М. Юсупова // Учёные записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2016. – № 1(46). – 163-169 с. – EDN WGCBNP. – Текст: непосредственный.
10. Forbes / Больше трети россиян намерены сменить специальность в 2024 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/505179-bol-se-treti-rossian-namereny-smenit-special-nost-v-2024-godu> (дата обращения: 22.03.25). – Текст: непосредственный.
11. Гриненко Т.Г. Молодёжь на рынке труда: возможности и угрозы // Управленческое консультирование, 2022. – № 5. – 62–71 с. – DOI 10.22394/1726-1139-2022-5-62-71. – Текст: непосредственный.

12. Зинич, А.В. Мотивы и социально-профессиональные ориентации молодёжи при выборе профессии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность, 2023. – Т.8. – № 4. – 133–138 с. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-133-138. – Текст: непосредственный.
13. Луговой А.А., Куракина Е.В. Проблема самореализации молодёжи в современном российском обществе // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России», 2016. - №4. – 166-171 с. [Электронный доступ] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-samorealizatsii-molodyozhi-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve> (дата обращения: 12.11.2025) – Текст: непосредственный.
14. Данилова Е.Е. Мотивация выбора будущей профессии у старшеклассников мегаполиса / Е. Е. Данилова // Актуальные проблемы психологического знания, 2021. – № 1-2(55). – 31-38 с. – EDN AJFUTR. – Текст: непосредственный.
15. Янгальшева Г.Х. Влияние семьи как социального фактора на профессиональное самоопределение молодёжи // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд, 2010. - №1-2. - 286-290 с. [Электронный доступ] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-semi-kak-sotsialnogo-faktora-na-professionalnoe-samooopredelenie-molodezhi> (дата обращения: 12.11.2025). – Текст: непосредственный.

© Гудкова М.И., Гайфулин А.Ю., 2025

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, В ТОМ ЧИСЛЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО

Н. А. Гусева,
магистрант

Бакинского славянского университета,
г. Баку, Азербайджан
E-mail: Guse-va.N@hotmail.com

В статье исследуются направления совершенствования организации дополнительного профессионального образования (ДПО) на примере Азербайджана. Актуальность работы обусловлена вызовами глобализации, цифровизации и необходимостью интеграции национальной системы образования в мировое образовательное пространство. Цель исследования – выявление эффективных организационных моделей, методов цифровизации и практико-ориентированных программ для повышения качества ДПО. В основе методологии – сравнительно-аналитический, системный и структурно-функциональный подходы. Результаты показали, что ключевыми факторами повышения качества ДПО являются цифровизация, внедрение практико-ориентированных программ и развитие сетевого взаимодействия. На основе проведенного анализа сформулированы рекомендации по оптимизации организационно-управленческих процессов в системе дополнительного образования Азербайджана.

Ключевые слова: дополнительное образование, профессиональное развитие, цифровизация, управление образованием, инновации

The article examines ways to improve the organization of additional and professional education, focusing on the experience of Azerbaijan. The relevance of the study is determined by globalization, digitalization, and the need to integrate national education systems into the global educational space. The aim is to identify effective organizational models, methods of digitalization, and practice-oriented programs that enhance the quality of additional professional education. Comparative, systemic, and structural-functional methods were applied. Results demonstrate that digitalization, practice-oriented programs, and network cooperation significantly improve the quality of education. Recommendations are provided for optimizing organizational and managerial processes in Azerbaijan's additional education system.

Keywords: additional education, professional development, digitalization, education management, innovations

Дополнительное профессиональное образование (ДПО) представляет собой неотъемлемый элемент системы непрерывного образования, играя ключевую роль в формировании профессиональных и личностных компетенций. Эта значимость отражена в международной практике, в частности, в документах UNESCO, которые концепцию «обучения на протяжении всей жизни» (lifelong learning) [11;12] определяют как ключевой механизм адаптации к динамичным требованиям глобального рынка труда и технологическим трансформациям.

В Азербайджане система ДПО находится в стадии активного развития, что проявляется в формировании многоуровневой структуры, интегрирующей университетские центры повышения квалификации, дистанционные образовательные платформы и государственные программы профессиональной переподготовки. Реализация

этих направлений иллюстрируется рядом конкретных инициатив, таких как платформа «e-Universitet», предлагающая комплекс курсов повышения квалификации для преподавателей и специалистов различных отраслей; Цифровая образовательная платформа Министерства образования и науки (МОН) [1], обеспечивающая удалённый доступ к лекциям, вебинарам и системам тестирования; программа переподготовки специалистов, включающая курсы по таким востребованным направлениям, как IT, менеджмент, финансы и педагогика; а также участие в международных проектах, таких как Erasmus+ и Tempus, способствующее академическому обмену и внедрению передовых форматов, в том числе модульных и дуальных программ.

Международный опыт демонстрирует, что наиболее эффективные модели дополнительного профессионального образования (ДПО) базируются на ряде ключевых принципов. К их числу относятся: гибкая модульная структура, успешно реализованная в Финляндии и позволяющая выстраивать индивидуальные образовательные траектории [4;11]. Кроме того, дуальная система, классическим примером которой является Германия. Она обеспечивает тесную интеграцию теоретического обучения с практикой на предприятиях [6;9]. Корпоративно-государственные модели активно развиваются в Южной Корее, бизнес и корпоративные университеты непосредственно участвуют в подготовке кадров [7;10]. Повсеместная цифровизация и сетевое взаимодействие широко применяются в США и Великобритании [12], что обеспечивает доступность дистанционного обучения и признание онлайн-сертификации.

Для успешной модернизации системы ДПО в Азербайджане необходим комплексный подход, который предусматривает адаптацию передового международного опыта к национальным условиям. Стратегическими направлениями данной трансформации должны стать ускоренная цифровизация образовательных процессов, развитие практико-ориентированных и модульных программ, а также укрепление государственно-частного партнерства для обеспечения непосредственной связи между подготовкой специалистов и потребностями экономики.

Методология данного исследования включает применение комплекса взаимодополняющих подходов. Сравнительно-аналитический метод был использован для сопоставления национальной и международных моделей ДПО (Табл. 1). Это позволило выявить ключевые различия и сходства в моделях дополнительного профессионального образования в Финляндии, Германии и Азербайджане.

Для изучения взаимосвязей и взаимовлияний элементов системы ДПО в разных странах был использован структурно-функциональный анализ. Он позволяет рассматривать систему образования как целостную структуру, в которой взаимодействуют образовательные учреждения, государственные органы, предприятия и участники образовательных программ.

Этот метод используется для изучения организационных механизмов и процессов управления в сфере ДПО. С помощью структурно-функционального анализа рассматриваются различные модели управления образовательными программами, системы аккредитации и порядок сертификации специалистов в каждой из выбранных стран.

Особое внимание уделяется тому, как в разных странах выстраиваются профессиональные стандарты, кто является основными игроками на рынке ДПО и как формируются механизмы мониторинга качества образования.

В Финляндии, например, активно развиваются модульные образовательные программы и гибкие формы обучения, что способствует высокому уровню персонализации образования [4;11]. Система ДПО интегрирована с требованиями рынка труда, а профессиональное обучение часто проводится в партнерстве с предприятиями. Использование неформального образования и признание его наравне с формальным обучением также является важным аспектом финской модели.

Таблица 1 - Сравнительно-аналитический метод сопоставления национальной и международных моделей ДПО

Критерии	Финляндия	Германия	Азербайджан
Структура программ образования	различные модульные программы, гибкость в выборе курсов и времени проведения	дуальная система и строго регламентированные курсы	традиционные программы, однако развиваются онлайн-курсы, гибридные формы
Гибкость обучения	высшая гибкость: обучающиеся сочетают различные модули	гибкость только в рамках дуальной системы	развитие гибридных форм, но предпочтение традиционному образованию
Роль страны или государства	государство тщательно контролирует программы поддержки	несмотря на поддержку государства, имеется значительная роль частного сектора	государственная поддержка, но ограниченные ресурсы и инфраструктура
Интеграция рынки труда	тесная связь с рынком труда, программы рассчитаны на текущие потребности	дуальная система тесно связана с предприятиями	интеграция с предприятиями, однако небольшой охват
Неформальное образование	практика признания неформального образования	используется система признания неформальных квалификаций и опытов	неформальное образование находится на начальной стадии
Цифровые технологии	использование цифровых платформ и онлайн-курсов	онлайн-курсы работают с частью программ, но основной акцент делается на очное обучение	онлайн-обучения, однако зависимость от традиционных методов
Дуальная система	развитая, в основном в технических и профессиональных областях	в основном дуальная система: обучение на предприятии и в учебных заведениях	дуальная система в начальной стадии, но в основном в крупных городах
Университеты корпоративные	развиваются корпоративные университеты, тесная связь с работодателями	многие компании поддерживают распространение корпоративных университетов	корпоративные университеты находятся на ранней стадии развития развиваться
Обновление программ	регулярные обновления программ с учётом изменений на рынке труда	программы обновляются с учётом потребностей отраслей и рынка труда	обновление программ на стадии активного внедрения [1;3;4;5;8]

Важно отметить, что система дуального образования позволяет студентам не только получать теоретические знания, но и применять их на практике, что способствует быстрой адаптации выпускников к рабочей среде.

Германия известна своей дуальной системой образования, которая активно используется для подготовки специалистов через сочетание теоретического обучения и практической работы на предприятиях. Сравнительный анализ позволяет выделить четкую роль корпоративных университетов, которые напрямую вовлечены в процесс повышения квалификации сотрудников.

В Германии также акцент на модульных и гибких образовательных программах для специалистов, что позволяет получить дополнительные квалификации без длительных перерывов в карьере. Признание неформального обучения и система сертификаций позволяют гражданам и работникам строить свою карьеру на основе реальных навыков и умений.

В Азербайджане, в отличие от Финляндии и Германии, ещё продолжается процесс формирования устойчивой системы дополнительного профессионального образования. Но

уже имеются различные платформы для повышения квалификации, которые помогают гибким формам обучения активно развиваться [1;8]. Важным аспектом является внедрение системы электронного обучения и курсов для взрослых, что позволяет гибко реагировать на потребности рынка труда.

Азербайджан активно работает над признанием неформального образования и интеграцией его в систему профессиональных квалификаций. Это особенно важно для развития малого и среднего бизнеса, где требуется высококвалифицированный персонал, готовый обучаться и адаптироваться к изменениям.

Использование сравнительно-аналитического метода позволяет не только выявить сходства и различия в моделях ДПО в Финляндии, Германии и Азербайджане, но и определить ключевые векторы для адаптации успешных практик и программ в разных странах. Методология включает системный и структурно-функциональный подходы, что позволяет глубже понять, как работает образовательная система в каждой стране и какие механизмы управления и сертификации используются для повышения эффективности дополнительного профессионального образования.

Анализ современного состояния системы ДПО в Азербайджане выявил наличие разнообразных форм обучения: очные (традиционные курсы при университетах), дистанционные (онлайн-платформы «e-Universitet», порталы МОН) и смешанные, комбинирующие онлайн-лекции с практическими тренингами [1;5]. Содержательный аспект представлен такими востребованными программами, как повышение квалификации для IT-специалистов (программирование, кибербезопасность), переподготовка педагогов с акцентом на цифровые компетенции, а также курсы менеджмента и финансов для госслужащих и сотрудников частного сектора [1; 5].

Сравнительный анализ с международным опытом (Табл. 2) демонстрирует ключевые векторы для потенциальной адаптации. Здесь наблюдаются и модульные программы, и признание неформального обучения в Финляндии. Кроме того, дуальная система, интегрированная с предприятиями, в Германии, а также активное участие корпоративных университетов в Южной Корее в рамках национального проекта «Образование».

Таблица 2 - Сравнительный анализ с международным опытом

Ключевые элементы	Финляндия	Германия	Южная Корея
Модульные программы	используются модульные программы, позволяющие обучающимся выбирать и группировать курсы по интересующим направлениям.	присутствуют и модульные курсы, но они больше ориентированы на конкретные профессиональные квалификации и направления.	модульные программы адаптированы к потребностям рынка труда, акцентируются на высокие технологии.
Признание неформального обучения	признаны и неформальное и независимое обучение, куда относятся программы для взрослых, а также онлайн-курсы, с возможностью сертификации.	в рамках переподготовки, а также повышения квалификации. в том числе и через систему ИНК имеет признание неформальное обучение	используются онлайн-курсы, сертификации, которые помогают в повышении гибкости образовательной системы.
Дуальная система	Здесь востребована дуальная система образования, в которой обучение и практика интегрированы, что немаловажно для молодежи и студентов.	распространена дуальная система образования, а обучение в образовательных учреждениях тесно связано с предприятиями, и это играет роль в высокой трудовой интеграции.	развивается дуальное образование, интегрируются предприятия и учебные учреждения, в том числе в технических и инженерных специальностях.
Участие	корпоративные	корпоративные	ключевую роль играют

корпоративных университетов	университеты работают во взаимосвязи с государственными образовательными учреждениями с целью создания гибких образовательных программ.	университеты, разрабатывающие программы, которые ориентированы на потребности конкретных отраслей и предприятий.	корпоративные университеты, благодаря, которым осуществляется повышение квалификации сотрудников различных крупных компаний.
Сетевые программы	университеты и колледжи страны поддерживают программы и активно вовлекают международные обмены и исследования.	Принимает активное участие в международных сетевых программах, которые находятся в тесной связи с техническим образованием и рабочими специальностями	В рамках международных сетевых программ, особенно с США и странами ЕС, проходит обмен образовательными ресурсами. [3;4;8]

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что ключевыми факторами повышения эффективности системы ДПО являются ее глубокая цифровизация, внедрение гибких, практико-ориентированных программ и развитие сетевого взаимодействия. Для устойчивого развития национальной системы дополнительного образования в Азербайджане необходима консолидация усилий вузов, государства и работодателей, что позволит обеспечить подготовку конкурентоспособных специалистов, отвечающих текущим и перспективным требованиям экономики.

Библиографические ссылки

1. Закон Азербайджанской Республики «О дополнительном профессиональном образовании» (2010) / [elektronresurs] [/:https://constcourt.gov.az/ru/legislation/29?utm_source=chatgpt.com](https://constcourt.gov.az/ru/legislation/29?utm_source=chatgpt.com)
2. Змеев, С.И. Теория и практика образования взрослых. – М.: Академия, 2002.
3. Кейси, М., Керн, Х. «Education and Training in Germany: The Dual System» (2017)
4. Хаксли, Р. «Higher Education in Finland» (2020)
5. Əlavətəhsil: / [elektronresurs] / <https://edu.gov.az/az/additional-education>
6. Cedefop. «Updating Qualifications and Learning Outcomes» (2020).
7. Lee, K. «The Integration of Industry and Education: The Case of South Korea» (2021).
8. Ministry of Science and Education of the Republic of Azerbaijan. State Strategy for the Development of Education in the Republic of Azerbaijan (2013-2025). – Baku, 2013.
9. OECD, «Curriculum Design and Assessment: A Framework for the Future.» (2016)
10. OECD, «Education at a Glance: South Korea» (2020)
11. UNESCO, Institute for Lifelong Learning. Global Report on Adult Learning and Education (GRALE 5). – Hamburg, 2022
12. UNESCO, Lifelong Learning Policy and Practice. – Paris, 2020.

© Гусева Н.А., 2025

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ КАК УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

М. И. Дронь

доцент кафедры «Психология»

Белорусского национального технического университета,

г. Минск, Республика Беларусь

e-mail: dronmi@yandex.ru

В статье рассмотрены особенности создания и применения учебной программы по дисциплине «Управление образовательным процессом в цифровой среде» и соответствующего электронного методического комплекса для подготовки магистрантов. Раскрыта деятельность высшего учебного заведения, его администрации и преподавательского состава по практической реализации управления в цифровой среде.

Ключевые слова: управление, образовательный процесс, цифровая среда, искусственный интеллект, информация.

The article discusses the features of the creation and application of the curriculum in the discipline «Management of the educational process in a digital environment» and the corresponding electronic methodological complex for the training of undergraduates. The activities of the higher educational institution, its administration and teaching staff on the practical implementation of management in the digital environment are disclosed.

Key words: management, educational process, digital environment, artificial intelligence, information.

Современное общество ориентировано на развитие всех сфер его жизнедеятельности средствами цифровых технологий.

В Республике Беларусь утверждена и реализуется Концепция обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года [1].

Действует указ Президента Республики Беларусь «О цифровом развитии» № 381 от 29 ноября 2023 г [2].

Управление в стране выстраивается в соответствии с Национальной стратегией устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года и другими законодательными и нормативными документами [3].

В системе образования разработана, утверждена и реализуется Концепция цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019-2025 годы [4].

Принято Постановление Министерства образования от 24 октября 2025 г. № 181 «О дистанционной форме получения образования» и другие документы, в соответствии с которыми осуществляется управление образовательным процессом в современной цифровой среде [5].

Учитывая эти и другие законодательные и нормативные документы Республики Беларусь, общую направленность мирового развития на цифровизацию общества и всех составляющих его деятельности, нами разработана учебная программа по учебной дисциплине «Управление образовательным процессом в цифровой среде» в соответствии с учебным планом подготовки магистров по специальности – 7-06-0111-01 Научно-педагогическая деятельность. Профилизация – Психология управления образовательной средой.

Изучение учебной дисциплины «Управление образовательным процессом в цифровой среде» направлено на формирование у будущих магистров универсальных психолого-педагогических компетенций, обеспечивающих решение широкого круга научных, психолого-педагогических, социальных, научно-исследовательских задач в управлении образовательным процессом в цифровой среде на основе реализации современных психолого-педагогических подходов: системного, синергетического, информационно-педагогического, личностного, деятельностного и других.

Задачи освоения учебной дисциплины «Управление образовательным процессом в цифровой среде» заключаются в усвоении магистрантами обобщенных психолого-педагогических знания, умений и навыков, конкретных операций, составляющих основу выше приведенных универсальных компетенций психолого-педагогической направленности.

В результате изучения учебной дисциплины обучающийся должен знать: понятия и категории, значение и роль управления в функционировании и развитии цифровой образовательной среды; историю становления и развития управленческой деятельности образовательной средой, в теории и практике образовательных учреждений; основные подходы к управлению образовательной средой, в том числе в ее цифровом представлении; управление цифровой образовательной средой как информационно-инновационный процесс; сущность и особенности управления образовательной средой; методы и средства управления образовательной средой; сущность управления в аналоговой и цифровой формах ее реализации; виды и способы обратных связей в процессах управления образовательной средой; диагностика и измерение как способы реализации управления цифровой образовательной средой; достоинства и издержки цифровых форм управленческого взаимодействия в образовательной среде;

Должны быть сформированы у обучающегося умения: учитывать возможности современных цифровых технологий в повышении уровня управления образовательным процессом; принимать управленческие решения на основе современных подходов к управленческой деятельности. реализовывать цифровые способы решения управленческих задач на всех этапах и уровнях управления; применять в планировании, организации, осуществлении и подведении итогов управленческой деятельности информационно-цифровые способы и средства современного информационного общества, в том числе программы функционирования искусственного интеллекта и интернет-технологии.

Изучение учебной дисциплины должно привести к сформированности следующих навыков: планирования, организации, коррекции и контроля образовательного процесса в цифровой среде; применения современных средств управления и использования современных подходов в осуществлении управленческой деятельности; реализации обратной связи на основе цифровых информационных потоков; реализации законодательной и нормативной информации в цифровой форме на всех уровнях управления образовательным процессом; эффективного сочетания традиционных способов управления с современными цифровыми информационно-инновационными технологиями управленческой деятельности.

Опираясь на проанализированный опыт управления образовательными системами и исходя из развиваемой нами информационной педагогики [8] мы представили содержание учебной дисциплины «Управление образовательным процессом в цифровой среде» следующим образом:

Тема 1. История становления и развития управления в природе и социуме, в естественных и искусственных системах: Понятие управления. Управление как система, иерархический ее характер. Управление на различных этапах развития природы, техники, социума. История развития управления процессами жизнедеятельности человека.

Становление менеджмента в деятельности человека. Этапы развития менеджмента в человеческой деятельности, в обучении и воспитании человека.

Тема 2. Методологические и теоретические подходы к становлению и развитию процессов управления в современных системах: Уровни методологии в теории и практике управления системами различной природы. Развитие теории управления. Технологические подходы к управлению, к реализации основных положений менеджмента как науки управления. Среда и ее влияние на управленческие процессы. Объект и предмет учебной дисциплины «Управление образовательным процессом в цифровой среде». Методологические и теоретические подходы к рассмотрению и реализации управленческой деятельности в образовательной среде и в ее цифровом контенте.

Тема 3. Правовые аспекты управленческой деятельности в ее классическом и цифровом представлении в образовательной среде: Законодательные и нормативные аспекты управленческой деятельности в классическом и цифровом ее представлении, и выражении. Правовые и нормативные аспекты управления функционированием и развитием образовательных систем в цифровой среде. Значение правовой составляющей в современном и перспективном применении систем искусственного интеллекта в образовательной цифровой среде.

Тема 4. Концептуальные подходы, принципы и формы реализации управления образовательным процессом в современной среде: Системный, синергетический, информационно-педагогический подходы к функционированию образовательного процесса в цифровой и аналоговой среде. Влияние цифровой составляющей информации на принципы реализации образовательного процесса и его управления. Особенности форм реализации образовательного процесса в цифровой среде.

Тема 5. Методы реализации образовательного процесса в условиях современной образовательной среды: Влияние цифровой и непрерывной составляющей информации на методы реализации образовательного процесса. Вариации методов обучения, воспитания и управления в зависимости от соотношения элементов образовательной среды. Позитивное и негативное влияние современной среды на развитие и жизнедеятельность человека.

Тема 6. Методика реализации обратных связей и коррекции образовательной деятельности в условиях ее цифровизации: Сущность и значимость реализации обратных связей в управлении образовательным процессом. Положительные и отрицательные связи. Особенности их реализации в условиях современной образовательной среды. Особенности компьютерных образовательных программ, реализующих специфику современной образовательной среды. Технологии цифрового контроля образовательного процесса, как условия эффективного управления.

Тема 7. Управление научно-исследовательской работой в условиях современной образовательной среды: Научное исследование как стратегический фактор развитие личности человека и социума. Методы научного исследования, их вариация в условиях цифровой среды. Современные технологии осуществления научных исследований. Влияние интернет-технологий на процессы управления осуществлением научно-исследовательской работы.

Тема 8. Цифровая среда как фактор управления развитием, социализацией и воспитанием личности человека: Расширение возможностей современной среды в оказании воздействия на процессы становления личности. Позитивное и негативное влияние цифровой среды на современного человека. Ускорение профессиональной подготовки и повышение ее эффективности средствами цифровой среды. Возникновение различных форм зависимости в условиях превышения норм взаимодействия с цифровым контентом. Влияние цифровой среды на различные составляющие воспитания человека.

Тема 9. Цифровая среда как фактор административного многоуровневого управленческого взаимодействия в образовательных системах: Функционирование

образовательного процесса как многоуровневой информационно-синергетической целенаправленной системы. Статика и динамика. Открытость и закрытость. Дискретно-цифровой и аналого-непрерывный характер образовательного процесса. Расширение возможностей цифровой формы административного функционирования образовательной системы как для администраторов, так и для клиентов. Усложнение системного обеспечения обработки цифрового контента. Проблема управленческих рисков. Организационное и программно-аппаратное решение.

Таково содержание учебной дисциплины «Управление образовательным процессом в цифровой среде», читаемой нами для магистрантов-психологов из Китайской Народной Республики. Наш опыт преподавания данной учебной дисциплины показывает достаточно высокую ее эффективность.

Но управление образовательным процессом – не только программа учебной дисциплины, но и реальная деятельность всей системы управления образованием, от президентского уровня, законодательной и исполнительной власти, администрации образовательных учреждений, до профессорско-преподавательского состава, обучающихся и других структур учебных заведений и социума в целом.

Каковы же структурные компоненты цифровой образовательной среды, которые приведут в движение всю систему образования к более высоким уровням функционирования не только ее, но и социума в целом?

Во всех государственных документах самого высокого уровня: директивных, законодательных, нормативных, инструктивных на острие воздействия цифровой среды в современных условиях выдвигается искусственный интеллект, робототехника, нейротехнологии, виртуальная и дополненная реальность, блокчейн технологии и др.

В Концепции цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019-2025 годы к прорывным технологиям отнесены: блокчейн, уберизация, наборы сенсоров, формирующие «умные учреждения», технологии больших данных, искусственный интеллект, технологии виртуальной и дополненной реальности [4].

Постановлением Совета Министров Республики от 9 октября 2025 года № 555 «О перечне государственных программ научных исследований на 2026–2030 годы» утвержден перечень государственных программ научных исследований на 2026–2030 годы, включающих 12 тем, среди которых «Интеллектуальные информационные и космические технологии, безопасность человека, общества и государства» и «Механика, машиностроение, роботизированные, беспилотные и интеллектуальные системы» [6].

Итак, интеллектуальные информационные технологии и роботизированные, беспилотные и интеллектуальные системы включены в программы исследований в Республике Беларусь, и они дадут выход на дальнейшее развитие цифровой образовательной среды.

Для создания и функционирования цифровой образовательной среды широко используется дистанционное образование, которое в Республике Беларусь утверждено в качестве формы получения образования Кодексом Республики Беларусь об образовании: по состоянию на 1 сент. 2025 г. и регламентировано в Постановлении Министерства образования Республики Беларусь «О дистанционной форме получения образования» от 24 октября 2025 г. № 181.

Дистанционная форма образования выступает как вид заочной формы получения образования, когда обучение осуществляется преимущественно с использованием современных коммуникационных и информационных технологий, но дистанционное обучение применяется и при дневном обучении, в том числе и при обучении магистрантов.

Важное значение имеет и тот факт, что вопросы деятельности человека в цифровой образовательной среде решаются в Республике Беларусь также введением специальности

0-09-0114-17 «технологии цифрового образования» и специальности 6-05-0611-03 «искусственный интеллект».

Цифровая среда в вузе на уровне преподаватель-студент-магистрант-аспирант создается, прежде всего, средствами смартфонов, нетбуков, ноутбуков, настольных компьютеров преподавателей и обучающихся. В дополнение нужны проекторы и экраны для демонстрации презентаций, передачи видео- и звуковой информации в аудитории.

Важную роль играют программы, обеспечивающие перевод информации с одного языка на другой, особенно при работе с иноязычными магистрантами.

Экспериментальная работа по изучению эффективности современной цифровой образовательной среды проводилась нами в процессе преподавания учебной дисциплины «Управление образовательным процессом в цифровой среде» для магистрантов из Китайской Народной Республики и учебных дисциплин «Психология труда», «Основы психологии и педагогики» для студентов дневного и заочного отделения машиностроительного, механико-технологического, строительного, энергетического, спортивно-технического и других факультетов Белорусского национального технического университета. Сравнивалось влияние цифровых технологий на магистрантов и студентов.

Результаты измерялись средствами тестирования и анкетирования, прежде всего реализуемыми через программы Google Формы, Yandex Формы.

Опыт показывает, что цифровой вариант измерения образовательных достижений обучающихся гораздо эффективней ручного сбора анкетных данных и результатов тестирования, как по скорости, времени получения и обработки полученных результатов, так и по объему проанализированного статистического материала.

Наряду с опытной работой с магистрантами для сравнения проводилась экспериментальная работа со студентами в процессе преподавания учебной дисциплины «Психология труда», изучаемой студентами БНТУ.

Психология труда имеет важное значение в подготовке любого специалиста [12]. Все создается трудом. Особую значимость, как показывает наш опыт, эта учебная дисциплина имеет для подготовки инженерных кадров, обеспечивающих и организующих производственную деятельность на предприятиях разной промышленной направленности.

Наряду со средствами создания цифровой образовательной среды, отмеченными выше, и ставшими уже традиционными, особую значимость на данный момент имеют: искусственный интеллект, робототехника, нейротехнологии, виртуальная и дополненная реальность и другие.

Кратко рассмотрим сущность и структуру искусственного интеллекта, находящего в современных условиях все более широкое применение и представленного для изучения в рассмотренной выше программе.

С наших позиций, искусственный интеллект – это устройство, система и действующее на их основе программное обеспечение, моделирующее интеллектуальную деятельность человека, которые обеспечивают в своей совокупности выполнение функций и решение интеллектуальных задач различного уровня сложности, присущих человеку.

Система искусственного интеллекта может состоять из следующих подсистем:

1) диалогового общения, обеспечивает взаимодействие с пользователем в интерактивном режиме. Имеет собственную базу знаний по правилам анализа и синтеза естественно-языковой и графической информации;

2) формирования цели, обрабатывающая формализованное задание и определяющая возможность его выполнения при имеющихся ресурсах;

3) основной базы знаний, содержащей формализованное описание среды, которую должна изменить система для выполнения задания. Знания о среде формируются подсистемой извлечения знаний, дополнительные знания о проблеме – подсистемой обучения и самообучения. В основной базе создается полная модель о среде.

4) подсистемы вывода на знаниях (машина логического вывода), выполняющей поиск решения, используя при этом собственную базу знаний, содержащую правила интерпретации знаний. Поиск решения сопровождается коррекцией модели среды для проверки правильности решений.

5) подсистем обработки внешней и внутренней информации, осуществляющих анализ текущих изменений информации, Обобщенная информация используется в подсистеме извлечения знаний, контроля и диагностики.

Рассмотренная модель интеллектуальной системы является обобщенной. Конкретная реализация рассмотренных выше подсистем определяется методами представления знаний в базах знаний и ориентацией системы на определенную проблему.

При создании интеллектуальных систем используются семантическая, фреймовая и формально-логическая модели знаний [10].

Во многих странах мира сейчас пристальное внимание уделяется цифровизации функционирования технических и социальных систем, созданию прорывных цифровых технологий во всех сферах жизнедеятельности человека. Наш опыт создания спутниковых роботов, цифровой образовательной среды, широкого применения интернет-технологий в обучении магистрантов и других категорий слушателей показывает большие возможности информационно-цифровых технологий в переводе образовательных процессов на более высокие уровни их функционирования.

В Российской Федерации разработана и действует «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». Утверждена указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 [7].

Совершенствование процесса социализации обучающихся, их профессиональной подготовки [12], повышение уровня воспитанности [9], сформированности коммуникативной компетентности [11], в том числе и средствами цифровых технологий – актуальная педагогическая задача сегодняшнего дня.

Библиографические ссылки

1. Концепция обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года. Утверждена. Постановление Совета Министров Республики Беларусь 31 декабря 2024 г. № 1074 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22401074>. – Дата доступа: 16.10.2025.
2. О цифровом развитии. Указ Президента Республики Беларусь № 381 от 29 ноября 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32300381>. – Дата доступа: 30.10.2025.
3. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года. Протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 4 февраля 2020 г. № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR-2035.pdf>. – Дата доступа: 09.11.2025.
4. Концепция цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019-2025 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/1T0v7iQqQ9ZoxO2IIwR_OlhqZ3rjKVqY-/view. – Дата доступа: 09.11.2025.
5. О дистанционной форме получения образования. Постановление Министерства образования Республики Беларусь 24 октября 2025 г. № 181 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22544126>. – Дата доступа: 12.11.2025.
6. О перечне государственных программ научных исследований на 2026-2030 годы. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 09.10.2025 г. № 555

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500555>. – Дата доступа: 12.11.2025.

7. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утверждена указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://meganorm.ru/Index2/1/4293726/4293726917.htm>. – Дата доступа: 21.10.2025.

8. Дронь, М.И. Введение в информационную педагогику. Монография / М.И. Дронь. – Минск: РИВШ, 2020. – 320 с.

9. Гудовский, И. В. Мотивация трудовой деятельности: учебное пособие / И.В. Гудовский. – Красноярск: СибГТУ, 2006. – 167 с.

10. Корпоративные информационные системы / Л.К. Голенда, Г.Н. Говядинова, А.М. Седун [и др.]; под общ. ред. Л.К. Голенда, Г.В. Говядиновой. – Минск: БГЭУ, 2011. – 291 с.

11. Ливак, Н.С. Особенности коммуникативной компетенции психолога в сфере образования / Н. С. Ливак. – Педагогическое образование в России. – 2019.– № 1.– С. 100-104.

12. Пискорская, С.Ю. Социальная инженерия в сфере профессионального образования / С. Ю. Пискорская / Профессиональное образование в современном мире. – 2019. – № 9(4). – С. 3158-3166.

© Дронь М.И., 2025

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТЫ ПРИ ОСЛОЖНЕННОЙ БЕРЕМЕННОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Э. Э. Егорова

магистрант Казанского инновационного
университета им. В.Г. Тимирязова
г. Нижнекамск, Россия, Республика Татарстан
e-mail: elzaegorova85@gmail.com

О. А. Талипова

кандидат психологических наук, доцент
Казанского инновационного университета
им. В.Г. Тимирязова
г. Нижнекамск, Россия, Республика Татарстан
e-mail: otalipova@ieml.ru

В статье рассматриваются особенности копинг-стратегий и механизмов психологической защиты у беременных женщин с угрозой прерывания беременности. Проанализированы различия между адаптивными и дезадаптивными копинг-стратегиями, выявлены преобладающие неконструктивные стратегии совладания со стрессом (уход, отрицание, соматизация, избегание). Рассмотрена роль психологических защит (рационализация, проекция, вытеснение) в патологизации процесса беременности. Подчеркнута необходимость разработки специализированных программ психологической коррекции поведенческих паттернов для женщин с осложненной беременностью.

Ключевые слова: копинг-стратегии, психологические защиты, угроза прерывания беременности, неконструктивные стратегии совладания, психологическая адаптация, стресс при беременности.

The article examines the characteristics of coping strategies and psychological defense mechanisms in pregnant women experiencing a threat of miscarriage. Differences between adaptive and maladaptive coping strategies are analyzed, and predominant non-constructive coping patterns (withdrawal, denial, somatization, avoidance) are identified. The role of psychological defenses (rationalization, projection, repression) in the pathologization of the pregnancy process is discussed. The need for developing specialized psychological correction programs aimed at modifying behavioral patterns in women with complicated pregnancies is emphasized.

Keywords: coping strategies, psychological defenses, threat of miscarriage, non-constructive coping strategies, psychological adaptation, stress during pregnancy.

Беременность представляет собой уникальный период в жизни женщины, характеризующийся одновременно физиологическими, психосоциальными и личностными изменениями. Однако осложнения течения беременности, особенно такие как угроза прерывания, создают дополнительный психологический стресс, требующий от женщины активации механизмов совладания и психологической защиты.

Современные исследования демонстрируют, что психологические факторы играют значительную роль в генезе осложнений беременности. Женщины с угрозой прерывания беременности демонстрируют специфический паттерн копинг-поведения,

характеризующийся преобладанием неконструктивных стратегий совладания со стрессом. Это перспективная область для исследования адаптивных и дезадаптивных механизмов совладания, разработки и внедрения эффективных программ психологической коррекции.

Актуальность данного исследования обусловлена высокой распространенностью невынашивания беременности (10-25% от всех беременностей), значительным влиянием психосоциальных факторов на репродуктивные исходы и недостаточной разработанностью комплексных подходов к психологической поддержке этого контингента женщин.

Копинг-поведение (от англ. coping – совладание, преодоление) понимается как система адаптивных и неадаптивных действий и когнитивных процессов, направленных на преодоление стрессовой ситуации [3, с. 114]. В контексте беременности копинг-стратегии представляют собой осознанные и бессознательные попытки личности поддерживать баланс между требованиями внешней среды и внутренними ресурсами, необходимыми для адаптации [2, с. 5].

Теоретическую базу исследования копинга составляют работы Р. Лазаруса и С. Фолькман, которые выделили две основные категории копинг-стратегий [3, с. 115]:

1. Проблемно-ориентированные стратегии направлены на изменение стрессовой ситуации через планирование решения проблемы, поиск информации, активное действие [3, с. 115]. Данные стратегии включают поиск информации о проблеме, планирование действий и их реализацию, что позволяет человеку активно влиять на ситуацию [2, с. 6].

2. Эмоционально-ориентированные стратегии направлены на снижение эмоционального напряжения через переоценку ситуации, поиск эмоциональной поддержки, отвлечение [3, с. 115]. Они функционируют через механизмы когнитивного переформатирования и регуляции эмоций, позволяя человеку справиться с отрицательными переживаниями [2, с. 6].

Кроме того, выделяются стратегии избегания, характеризующиеся отрицанием проблемы, отвлечением от ситуации, бегством [3, с. 116]. Эти стратегии представляют собой дезадаптивный тип копинга, когда личность избегает конфронтации с проблемой вместо её решения.

В практическом плане различают адаптивные (конструктивные), относительно-адаптивные и неадаптивные (деструктивные) копинг-стратегии [4, с. 147]. Адаптивные стратегии способствуют снижению стресса и разрешению проблемной ситуации, в то время как неадаптивные стратегии усугубляют психологический дистресс и приводят к дисфункциональным последствиям.

Беременность как сложная жизненная ситуация предъявляет особые требования к копинг-ресурсам женщины [2, с. 8]. Исследования показывают, что на протяжении беременности происходит определенная динамика в использовании копинг-стратегий, связанная с прогрессированием беременности, возрастанием тревожности и адаптацией к изменяющемуся физическому и социальному статусу [3, с. 117].

У беременных женщин без осложнений преобладают адаптивные стратегии, включающие планирование решения проблемы, поиск социальной поддержки, эмоциональную разрядку, компенсацию [2, с. 9]. Эти женщины характеризуются [3, с. 118]:

- интернальным локусом контроля по шкалам достижений, семейных и межличностных отношений;
- высокой фрустрационной толерантностью;
- широким репертуаром копинг-поведения;
- активной социальной интеграцией;
- положительным отношением к материнской роли.

Напротив, женщины с осложненной беременностью, особенно с угрозой прерывания, демонстрируют иной паттерн копинг-поведения, характеризующийся преобладанием неконструктивных стратегий [4, с. 149]. Результаты исследований показывают, что у этой группы женщин значительно выше показатели использования дезадаптивного копинга в сравнении с беременными без осложнений [3, с. 119].

Исследования выявили специфический набор неконструктивных копинг-стратегий, характерных для женщин с угрозой прерывания беременности:

Стратегия «Бегство-избегание» является одной из наиболее выраженных дезадаптивных стратегий. Она проявляется в форме отрицания наличия проблемы, избегания мыслей о возможном неблагоприятном исходе, отвлечения от ситуации через погружение в посторонние дела или самоотвлечение. Такая стратегия, хотя кратковременно может снять эмоциональное напряжение, не решает проблему и препятствует конструктивному совладанию.

Стратегия «Уход» проявляется в психологическом отстранении от ситуации, нежелании активно участвовать в коррекции своего состояния, передаче ответственности на окружающих (супруга, врачей, близких).

Стратегия «Отрицание» характеризуется неприятием факта наличия угрозы, минимизацией серьезности ситуации, отказом от выполнения медицинских рекомендаций. Особенно часто отрицание используется на ранних сроках беременности при диагностировании угрозы прерывания.

Стратегия «Соматизация» представляет собой трансформацию психологического дистресса в телесные ощущения и симптомы, усугубляющие клиническую картину осложнения беременности.

Эмоционально-ориентированные деструктивные стратегии включают подавление эмоций, агрессивность, косвенное агрессивное поведение (истерики, скандалы, психологическое давление на окружающих).

Выбор женщиной неконструктивных копинг-стратегий детерминирован несколькими факторами:

Личностные характеристики:

- низкая самооценка и неуверенность в себе;
- высокий уровень личностной тревожности;
- экстернальный локус контроля;
- маркированная импульсивность;
- слабая фрустрационная толерантность.

Психологические факторы:

- наличие депрессивных тенденций;
- история предыдущих репродуктивных потерь;
- амбивалентное отношение к беременности;
- неприятие себя в роли матери;
- неразрешенные внутриличностные конфликты;

Социальные факторы:

- недостаточная социальная поддержка;
- конфликты в семье;
- профессиональные сложности;
- сложное материальное положение;
- социальная стигматизация.

Медицинские факторы:

- хронические заболевания беременной;
- предыдущие акушерские осложнения;
- продолжительный постельный режим;

- необходимость частых медицинских процедур;
- неопределенность в отношении исхода беременности.

Психологические защиты представляют собой бессознательные механизмы, активирующиеся в ответ на психологическую угрозу. В отличие от осознанных копинг-стратегий, защиты функционируют автоматически и часто искажают восприятие реальности.

При осложненной беременности наиболее часто используются следующие защитные механизмы:

Рационализация – защитный механизм, посредством которого личность предоставляет логическое объяснение своему поведению, эмоциям или событиям, замаскировав при этом истинные мотивы. Женщина может рационализировать угрозу прерывания, находя «логические» оправдания стрессовым факторам или минимизируя медицинские рекомендации.

Проекция – приписывание собственных недопустимых мыслей, желаний и чувств другим людям. Женщина может обвинять супруга, врачей или обстоятельства в своих психологических проблемах и сложностях беременности.

Вытеснение – активное исключение из сознания болезненных или неприемлемых мыслей, чувств и воспоминаний. Может проявляться в "забывчивости" относительно медицинских рекомендаций или отсутствии эмоциональной реакции на диагноз угрозы.

Регрессия – возврат к более примитивным, детским способам реагирования и поведения. Женщина может проявлять повышенную зависимость, демонстративное поведение, плаксивость.

Компенсация – бессознательная попытка компенсировать чувство неполноценности преувеличением своих достоинств в других сферах жизни.

Между осознанными копинг-стратегиями и бессознательными защитными механизмами существует сложное взаимодействие. Неадаптивные копинг-стратегии часто являются выражением базисных защитных механизмов. Например, стратегия "избегание" может быть поведенческой манифестацией вытеснения, а "агрессивность" – выражением проекции.

При осложненной беременности часто происходит усиление обоих типов адаптационных процессов, когда кассадрирующие защитные механизмы поддерживаются неконструктивными копинг-стратегиями. Это создает "замкнутый круг", затрудняющий конструктивное совладание со стрессом.

Интеграция глубинных защитных механизмов и поверхностных копинг-стратегий может привести к хроническому психологическому дистрессу, который влияет на физиологические процессы беременности через механизмы гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой (ГГН) оси.

Психологический стресс и неконструктивное копинг-поведение влияют на течение беременности через несколько механизмов:

1. Нейроэндокринные механизмы: Активация симпатической нервной системы и ГГН оси приводит к повышению уровня кортизола, адреналина и норадреналина. Хронически повышенный кортизол может нарушить функцию плаценты, изменить состояние миометрия и повысить риск преждевременного прерывания беременности.

2. Иммунные механизмы: Стресс вызывает сдвиги в цитокиновом профиле, активирует провоспалительные процессы, может привести к нарушению толерантности иммунной системы к плоду.

3. Вазоваскулярные механизмы: Хронический стресс вызывает спазм сосудов, нарушает плацентарную перфузию, может привести к внутриутробной задержке развития плода.

4. Поведенческие механизмы: Неконструктивное копинг-поведение часто сопровождается нарушениями здорового образа жизни (нездоровое питание, отсутствие физической активности, нарушение сна), что дополнительно отягощает течение беременности.

Женщины с преобладанием неконструктивных копинг-стратегий демонстрируют повышенную дезрегуляцию функций организма. Кумулятивное воздействие психосоциальных стрессоров в сочетании с плохими навыками совладания приводит к увеличению «аллостатической нагрузки» (англ. *allostatic load*) – физиологической цены адаптации к хроническому стрессу.

В контексте психологической поддержки беременных с угрозой прерывания целесообразно выделить следующие адаптивные копинг-стратегии:

Проблемно-ориентированные адаптивные стратегии: активное совладание (информирование, планирование, прямое действие); поиск инструментальной поддержки; планирование решения проблемы.

Эмоционально-ориентированные адаптивные стратегии: поиск эмоциональной поддержки; положительная переоценка ситуации; принятие ответственности за совладание; духовный поиск и религиозность.

Стратегии, обеспечивающие готовность к действию: когнитивная переоценка; принятие; юмор и творческое самовыражение.

Развитие адаптивного копинг-поведения зависит от наличия следующих ресурсов:

Личностные ресурсы: интернальный локус контроля; высокая самооценка; оптимизм и жизненная активность; психологическая устойчивость (*resilience*); когнитивная гибкость.

Социальные ресурсы: поддержка семьи; социальная сеть и друзья; доступ к профессиональной помощи; культурные ценности, поддерживающие материнство.

Информационные ресурсы: знания о беременности и процессе развития плода; понимание факторов риска и защитных факторов; навыки решения проблем; знания о техниках релаксации и самопомощи.

Эффективная коррекция копинг-стратегий у беременных с угрозой прерывания требует многоуровневого подхода:

Индивидуальный уровень: когнитивно-поведенческая терапия для реструктурирования дисфункциональных мыслей; обучение техникам релаксации (прогрессивная мышечная релаксация, медитация, дыхательные упражнения); развитие личностных копинг-ресурсов; работа с защитными механизмами.

Парный уровень: семейная психотерапия для укрепления партнерских отношений; обучение супругов техникам поддержки беременной партнерки; разрешение внутрипарных конфликтов.

Групповой уровень: группы поддержки беременных с осложнениями; психообразовательные группы; группы, ориентированные на развитие копинг-навыков.

Рекомендуется разработка специализированной программы, включающей:

1. Скрининг и диагностика (оценка копинг-стратегий, психического состояния, социальной поддержки).

2. Психообразование (информирование о роли стресса в беременности, о здоровых копинг-стратегиях).

3. Развитие навыков совладания (тренинги релаксации, проблем-фокусированного копинга, эмоциональной регуляции).

4. Когнитивная коррекция (работа с убеждениями, связанными с беременностью и материнством).

5. Укрепление социальной поддержки (вовлечение семьи, развитие социальной сети).

6. Медико-психологическое сотрудничество (интеграция медицинского лечения с психологической поддержкой).

Копинг-стратегии и психологические защиты при осложненной беременности, особенно при угрозе прерывания, представляют собой важный предмет психологического исследования и практического вмешательства. Преобладание неконструктивных копинг-стратегий (уход, отрицание, избегание, соматизация) в сочетании с незрелыми защитными механизмами (рационализация, проекция, вытеснение) способствует хронизации психологического дистресса и может неблагоприятно влиять на исходы беременности.

Развитие адаптивных копинг-стратегий и укрепление личностных и социальных копинг-ресурсов должны стать центральной целью программ психологической поддержки этого контингента женщин. Многоуровневый подход, включающий индивидуальные, парные и групповые интервенции, может обеспечить эффективную коррекцию поведенческих паттернов и улучшение психологической адаптации к беременности.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку, апробацию и валидацию специализированных программ психологического сопровождения, оценку их эффективности в улучшении как психологических исходов, так и медицинских показателей беременности.

Библиографические ссылки

1. Гурунги, К. Копинг-стратегии как психологический фактор риска антенатальной тревоги, беспокойства и депрессии у греческих женщин / К. Гурунги, Д. Сифаки, С. Вассилаки, М. Коккиниди [и др.] // Archives of Women's Mental Health. – 2013. – Т. 16, № 5. – С. 353–361. DOI: 10.1007/s00737-013-0338-y
2. Коппо, М. Беременность и восприятие тревоги / М. Коппо, М. Кандини, Л. Кенни [и др.] // Scientific Reports. – 2017. – Т. 7. – 12737. DOI: 10.1038/s41598-017-13093-w
3. Ройан-Уоллес, А. Совладание при беременности: систематический обзор и рекомендации / А. Ройан-Уоллес, А. Макфарлейн, Р. Винкелс [и др.] // Journal of Psychosomatic Obstetrics & Gynecology. – 2014. – Т. 35, № 4. – С. 114–125. DOI: 10.3109/0167482X.2014.926436
4. Цапов, Е. Г. Особенности копинг-стратегий у беременных женщин с угрозой прерывания беременности / Е. Г. Цапов // Вестник Магнитогорского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 145–152.
5. Чапюис-де-Андрате, С. Психологические факторы и копинг-стратегии при беременностях, осложненных гипертензией: кластерно-аналитический подход / С. Чапюис-де-Андрате, И. Лернер, Х. Дёдерлейн [и др.] // Journal of Affective Disorders. – 2022. – Т. 296. – С. 89–94. DOI: 10.1016/j.jad.2021.09.049
6. Чои, К. У. Дезадаптивный копинг опосредует влияние травмы детства на депрессию и расстройство, связанное с посттравматическим стрессом, во время беременности / К. У. Чои, М. Хиндер, С. Ирвин [и др.] // Depression and Anxiety. – 2015. – Т. 32, № 1. – С. 23–31. DOI: 10.1002/da.22222
7. Сунцова, Я. С. Психологические защиты и копинг-стратегии у женщин во время беременности / Я. С. Сунцова // Молодой ученый. – 2020. – № 20(260). – С. 375–378.
8. Дементий, Л. И. Психологический компонент «привычного невынашивания беременности» / Л. И. Дементий, Г. Л. Лёушкина // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7, № 38. – С. 2–16.

СВЯЗЬ УРОВНЯ СТРЕССА, СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И ДЕПРЕССИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ У БЕРЕМЕННЫХ С УГРОЗОЙ ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ

Э. Э. Егорова

магистрант Казанского инновационного
университета им. В.Г. Тимирязова
г. Нижнекамск, Россия, Республика Татарстан
e-mail: elzaegorova85@gmail.com

О. А. Талипова

кандидат психологических наук, доцент
Казанского инновационного университета
Им. В.Г. Тимирязова
г. Нижнекамск, Россия, Республика Татарстан
e-mail: otalipova@ieml.ru

Беременность является кризисным периодом в жизни женщины, требующим перестройки психоэмоциональной сферы и социальной адаптации. При осложнённом течении, в частности при угрозе прерывания, эмоциональная нагрузка возрастает, что повышает риск тревожных и депрессивных состояний, нарушает адаптацию и влияет на соматическое здоровье матери и плода. Цель исследования – выявить взаимосвязь уровня стресса, социальной адаптации и депрессивных проявлений у беременных с угрозой прерывания беременности.

Ключевые слова: беременность, угроза прерывания, стресс, социальная адаптация, депрессия, тревожность, психоэмоциональное состояние.

Pregnancy is a crisis period in a woman's life that requires a restructuring of the psycho-emotional sphere and social adaptation. In complicated cases, particularly with a threatened miscarriage, the emotional burden increases, raising the risk of anxiety and depressive states, disrupting adaptation, and affecting the somatic health of both mother and fetus. The aim of this study is to identify the relationship between stress level, social adaptation, and depressive manifestations in pregnant women with threatened miscarriage.

Keywords: pregnancy, threatened miscarriage, stress, social adaptation, depression, anxiety, psycho-emotional state.

Беременность – совершенно естественный, но вместе с тем психологически нагруженный и эмоционально непростой период в жизни женщины. Даже если беременность протекает без осложнений и с физиологической точки зрения считается нормальной, большинство женщин сталкиваются с различными эмоциональными переживаниями. Они могут отмечать у себя частые и непредсказуемые перепады настроения, повышенную тревожность, внутреннее напряжение и беспокойство, а также ощущение неуверенности в себе и неопределённости относительно будущего. Особенно часто возникают опасения и страхи, связанные с ожиданием родов, возможной болью, изменениями тела и ролями в семье.

Если же в процессе беременности возникают осложнения, например, угрожающее прерывание, плацентарные нарушения или другие медицинские проблемы, уровень эмоционального напряжения значительно возрастает. В подобных ситуациях

психологические реакции, такие как тревога, страх и чувство уязвимости, становятся более выраженными и могут превратиться в устойчивое состояние стресса. Это, в свою очередь, приводит к очевидным трудностям с адаптацией, снижению повседневной активности, нарушению сна, ухудшению самочувствия и нередко требует профессионального внимания со стороны специалистов как медицинского, так и психологического профиля.

Хронический стресс оказывает комплексное воздействие на организм беременной женщины, активируя нейроэндокринные механизмы, которые играют ключевую роль в регуляции обменных и сосудистых процессов. При продолжительном эмоциональном напряжении повышается уровень кортизола и катехоламинов, что приводит к изменению тонуса сосудов и нарушению адаптивных реакций организма. Эти изменения могут негативно отражаться на маточно-плацентарном кровотоке, уменьшая снабжение плода кислородом и необходимыми питательными веществами. В условиях длительного стресса повышается риск различных осложнений, включая угрозу прерывания беременности, преждевременные роды и задержку внутриутробного развития плода.

Помимо физиологических последствий, хронический стресс оказывает выраженное влияние на психоэмоциональное состояние женщины. Ощущение постоянного внутреннего напряжения, беспокойства и утраты контроля над ситуацией способствуют возникновению тревожных и депрессивных симптомов. Если при этом снижается уровень социальной поддержки со стороны партнёра, семьи или медицинских специалистов, то эмоциональные трудности становятся ещё более ощутимыми. Чувство одиночества, изоляции и непонимания усугубляет внутренние переживания, делает женщину более уязвимой к дистрессу и снижает её способность к саморегуляции. Такое сочетание биологических и психологических факторов может привести к длительным нарушениям адаптации и негативно отразиться на состоянии матери и ребёнка после родов.

Современные исследования подчеркивают роль психологической помощи в снижении тревожности, профилактике депрессии и повышении стрессоустойчивости.

Цель настоящего исследования – изучить взаимосвязь стресса, социальной адаптации и депрессивных проявлений у беременных с угрозой прерывания беременности.

Материалы и методы

Выборка: 60 женщин, разделённых на две группы.

Группа 1 (n=30): диагноз «угроза прерывания беременности» (8–30 недель гестации).

Группа 2 (n=30): беременные без осложнений, сопоставимые по возрасту (22–31 год, M=25,5).

Методы:

- SRRS (Holmes–Rahe Social Readjustment Rating Scale) для оценки уровня стресса и социальной адаптации.

- MFI-20 – диагностика астенических проявлений.

- Опросник тревожности Спилбергера–Ханина – личностная и реактивная тревожность.

- Beck Depression Inventory – выраженность депрессии.

Результаты

1. Стресс и социальная адаптация

У женщин с угрозой прерывания уровень стресса по SRRS значительно выше (M=304,8 балла) по сравнению с контрольной группой (M=129,3; $p \leq 0,01$). 64% женщин первой группы имели очень высокий стресс, что ассоциируется с риском психосоматических осложнений (по Холмсу–Раге). Женщины контрольной группы в большинстве (73%) продемонстрировали низкий стресс и удовлетворительную адаптацию.

2. Астеническое состояние

В группе с угрозой прерывания выявлены средние показатели по всем шкалам MFI-20, наибольшие – по «психической астении» (M=13,8) и «общей астении» (M=11,6). Это

указывает на хроническую усталость, эмоциональное истощение и снижение мотивации. У контрольной группы показатели астении низкие ($M \approx 5-6$ по всем шкалам), что свидетельствует о хорошем физическом и психическом ресурсе.

3. Тревожность

Личностная тревожность у женщин с угрозой прерывания – высокая (63% – высокий уровень). Реактивная тревожность также превышает показатели контрольной группы ($M=26,2$ против $M=18,3$; $p \leq 0,01$). У здоровых беременных преобладает средний и низкий уровень тревожности (93% – средний личностный, 83% – низкий реактивный).

4. Депрессия

По шкале Бека женщины с угрозой прерывания имели высокий уровень когнитивно-аффективных проявлений ($M=25$) и соматических симптомов ($M=18,1$). В контрольной группе эти показатели оставались в пределах нормы ($M=7,6$ и $M=1,3$ соответственно).

Обсуждение

Полученные данные подтверждают, что осложнённая беременность является мощным стрессором, запускающим комплекс психоэмоциональных реакций [6, с. 37–38]. Высокий уровень стресса сочетается с низкой социальной адаптацией, что согласуется с наблюдениями Ериной (2020, с.165), подчеркивающей важность социальной поддержки в этот период [2].

Психическая и общая астения у женщин с угрозой прерывания могут объясняться длительным напряжением, гормональными изменениями и чувством угрозы утраты беременности [4, с. 67–69].

Депрессивные проявления усиливаются на фоне хронического стресса и недостаточной поддержки [1, с. 55–57]. Комаровская (2019, с.1029) также отмечала, что угроза прерывания беременности увеличивает риск тревожно-депрессивных расстройств.

Социальная адаптация тесно связана с субъективным ощущением безопасности и контролем над ситуацией [3]. Женщины, получающие психологическую помощь и поддержку семьи, демонстрируют меньшую тревожность и депрессивность [7, с. 362–363].

Практические рекомендации

1. Ранняя диагностика стресса и психоэмоциональных нарушений (I–II триместр)

Цель: своевременно выявить высокий стресс, тревожность и депрессию, чтобы предотвратить их хронизацию.

Скрининг при каждом визите (5–10 минут):

- SRRS – оценка стрессовых событий за последние 12 месяцев.
- Краткая анкета тревоги/депрессии (2–4 вопроса по ключевым симптомам).
- Короткая шкала усталости/астении (5–10 пунктов).

Порог вмешательства:

- SRRS > 300 баллов или выраженные жалобы на усталость, плаксивость, бессонницу – направление к психологу в течение 1 недели.
- При наличии суицидальных мыслей или выраженной безнадёжности – экстренная консультация психиатра/психотерапевта в день обращения.

Мониторинг динамики:

- Повторные замеры каждые 4–6 недель (чаще при осложнениях).
- В карте беременной фиксировать баллы и краткий клинический комментарий (изменения, план поддержки).

2. Психообразование (короткое, регулярное, предметное)

Цель: снизить неопределённость и катастрофизацию, повысить чувство контроля.

Темы для обсуждения (5–7 минут на приёме):

- Нормальные эмоциональные колебания и «критические точки» беременности (конец I и III триместров).

- Как стресс ощущается телом (пульс, сон, напряжение) и почему это состояние обратимо.

- Роль режима: сон (7–9 часов), питание по графику, мягкая физическая активность (ходьба, растяжка по разрешению врача).

Обучение самопомощи (раздатка 1–2 страницы):

- Диафрагмальное дыхание: вдох носом 4 счёта – пауза 2 – выдох ртом 6–8; 5 минут, 2–3 раза в день и перед сном.

- Мышечная релаксация (по Джекобсону, щадящий вариант): поочерёдное напряжение и расслабление основных мышечных групп без задержки дыхания.

- Заземляющие техники при тревоге: 5 видимых предметов + 4 тактильных + 3 звука + 2 запаха + 1 вкус.

- «План на плохой день»: заранее прописанные 3 простых действия (душ, прогулка, звонок близкому).

Формат: короткие беседы, чек-листы, QR-карточки с упражнениями; повторение ключевых тезисов каждые 4–6 недель.

3. Психотерапия: индивидуальная и групповая

Цель: уменьшить тревогу и депрессию, укрепить копинг и мотивацию, повысить социальную адаптацию.

Индивидуальная работа (6–12 встреч, по 45–50 минут):

Модули КПТ:

- Реструктуризация автоматических мыслей («я не справлюсь», «со мной обязательно случится плохое») с заменой на реалистичные формулировки.

- Поведенческая активация при астении: микро-шаги (5–10 минут активности), шкала усилий 0–10, система наград.

- Тренинг сна: ритуал засыпания, исключение экранов за 60 минут до сна, дыхание 4–7–8.

- Навыки самосострадания: фразы-якоря («я делаю достаточно», «я имею право на поддержку») и мягкие телесные практики.

- План кризисной ситуации: кому звонить, что делать в первые 10 минут, безопасные места и контакты.

Групповая поддержка (6–8 участниц, 60–90 минут, 6–8 недель):

- Обмен опытом, нормализация тревоги, обучение расслаблению и эффективному взаимодействию с близкими.

- Отдельная встреча: подготовка к родам с психологом и акушером, работа со «страшными сценариями» и планом действий.

Дистанционные элементы: короткие аудио-скрипты дыхания и релаксации (5–7 минут), напоминания в мессенджере.

4. Усиление социальной поддержки

Цель: снизить чувство одиночества и повысить адаптацию.

Вовлечение партнёра и семьи:

- 1–2 совместные консультации: как говорить о страхах и как поддерживать без обесценивания («всё нормально» → «я рядом, что тебе поможет сейчас?»).

- Распределение нагрузки: составление списка задач, которые близкие берут на себя (закупки, сопровождение, бытовые дела).

«Сеть помощи» на случай ухудшения:

- 3 контакта для быстрого звонка; заранее определённые роли (кто приедет, кто останется с детьми и т. д.).

Группы взаимопомощи:

- Онлайн или локальные форматы, простые правила безопасности (избегать «страшных историй», модерировать дискуссию, делиться только проверенной информацией).

5. Междисциплинарное взаимодействие (акушер-гинеколог ↔ психолог)

Цель: раннее выявление рисков, согласованные решения, непрерывная поддержка пациентки.

Единый маршрут:

- При высоком уровне стресса/тревоги акушер направляет к психологу (заявка-направление в электронной карте).

- Психолог возвращает врачу краткую обратную связь: уровень риска, план вмешательства, частоту встреч.

Сигнальные критерии для врача:

- Нарушение сна более 2 недель, выраженная астения, потеря мотивации, плаксивость, снижение аппетита, панические эпизоды.

- Любые признаки угрозы самоповреждения – немедленная передача пациентки специалисту по психическому здоровью.

Короткие скрипты для врача на приёме (1–2 минуты):

- Нормализация: «многим на этом сроке тревожно, это не означает слабость».
- Предложение ресурса: «давайте я дам вам памятку с дыханием и запишу к нашему психологу на ближайшую неделю».

Ежемесячные короткие консилиумы (10–15 минут):

- Разбор сложных случаев, корректировка планов поддержки и координация действий специалистов.

Проведённое исследование подтвердило выдвинутую гипотезу о том, что беременные женщины, у которых наблюдается угроза прерывания беременности, отличаются более высоким уровнем психоэмоционального напряжения по сравнению с женщинами, чья беременность протекает физиологически благополучно. У данной группы отмечались повышенные показатели хронического стресса, что проявлялось в выраженной истощаемости, снижении работоспособности, нарушении сна и повышенной чувствительности к внешним раздражителям. Также наблюдались трудности социальной адаптации – женщины сообщали о снижении уверенности в себе, чувстве беспомощности, трудностях в общении с близкими и ощущении недостаточной поддержки со стороны окружающих. На фоне этого чаще фиксировались симптомы астении, тревожности и депрессии, что отражает как психологическую, так и физиологическую уязвимость в условиях осложнённого течения беременности.

Полученные данные подчёркивают значимость комплексного подхода к ведению беременных с угрозой прерывания. В подобных случаях требуется не только тщательный медицинский контроль, но и постоянная психологическая поддержка, направленная на стабилизацию эмоционального состояния, повышение чувства безопасности и восстановление доверия к собственным ресурсам. Социальный компонент поддержки, включающий активное участие семьи, партнёра и специалистов службы сопровождения, играет не менее важную роль, так как способствует снижению чувства изоляции и повышает уровень адаптации к текущей ситуации.

Применение научно обоснованных, валидных диагностических инструментов позволяет своевременно выявлять эмоциональные и личностные особенности, требующие коррекции, а также отслеживать динамику состояния женщины в процессе лечения и наблюдения. Разработка и внедрение профилактических программ, ориентированных на укрепление психологических ресурсов, обучение навыкам саморегуляции и повышение стрессоустойчивости, способны значительно снизить риск развития неблагоприятных эмоциональных последствий. Это, в свою очередь, способствует сохранению

беременности, улучшению качества жизни будущей матери и повышению вероятности благоприятного исхода родов.

Библиографические ссылки:

1. Болзан В. А. Психологическое благополучие женщины в период беременности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Познание. 2021. № 5. С. 53–58.
2. Ерина А. С. О важности оказания психологической помощи женщинам в период беременности // Вестник науки. 2020. Т. 4. № 11 (32). С. 163–166.
3. Комаровская А. И. Влияние беременности на психологическое состояние в норме и патологии // Forcipe. 2019. № 1. С. 1029–1030.
4. Ледовских Я. В., Шпикс Т. А. Особенности эмоционального состояния женщины в период беременности // Педагогический профессионализм в современном медицинском образовании: материалы конф. Новосибирск, 2018. С. 67–74.
5. Лустин С. И., Щука Е. А. Психологические особенности беременных женщин // Царскосельские чтения. 2016. Т. 3, № 20. С. 241–244.
6. Мешвелиани Г. Р., Тарасова А. Ю., Петров Ю. А., Палиева Н. В. Психологическое здоровье женщины в период беременности // Главный врач Юга России. 2023. № 1 (87). С. 37–40. EDN: LSPPGA.
7. Роготнева А. В. Анализ страхов у женщин на разных триместрах беременности // Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований: сб. науч. ст. 2018. С. 362–365.
8. Саидниезова Н. К. Психоэмоциональное состояние женщины во время беременности и перед родами // Theory and practice of scientific research. 2018. С. 228–230.
9. Семенова М. В., Набеева Д. А. Психологические особенности и состояние здоровья беременных женщин, угрожаемых на преждевременные роды // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. С. 1–4.
10. Сюсюка В. Г. Психоэмоциональный статус и изменения гормонального профиля беременных женщин // Акушерство и гинекология. 2016. № 5. С. 76–81.

© Егорова Э.Э., Талипова О.А., 2025

РАЗВИТИЕ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ УСПЕХА У СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА КАК ЗАЛОГ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

Д. Д. Завьялова

студент 4 курса,

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»,

г. Чита, Россия

E-mail: zavyalova1364@yandex.com

Ж. А. Леснянская

кандидат психологических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»,

г. Чита, Россия

E-mail: zzanussi@mail.ru

В статье рассматривается проблема развития мотивации достижения успеха у студентов первого курса как залога профессионального становления. По заявленной проблеме было осуществлено диагностическое исследование. Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что мотивация достижения успеха у студентов первого курса нуждается в развитии. На основании результатов была разработана программа развития мотивации достижения успеха у студентов первого курса с применением психологических тренинговых занятий. После реализации программы была проведена повторная диагностика, полученные результаты свидетельствуют об эффективности программы.

Ключевые слова: *мотивация, мотивация достижения успеха, развитие мотивации достижения успеха, профессиональное становление, психологический тренинг, студенты первого курса.*

The article discusses the problem of developing motivation for success among first-year students as a key to professional development. A diagnostic study was carried out on the stated problem. The results obtained led to the conclusion that the motivation for success among first-year students needs to be developed. Based on the results, a program was developed to develop motivation for success among first-year students using psychological training sessions. After the program was implemented, a re-diagnosis was carried out, the results indicate the effectiveness of the program.

Keywords: *motivation, motivation to achieve success, development of motivation to achieve success, psychological training, first-year students.*

Для того, чтобы состояться в профессии важно совершить правильный профессиональный выбор. И, если этот шаг уже сделан, то кажется, что осталось только поступить туда, куда хочется и дальше весь путь профессионального становления сложится сам собой. Однако, это не так. На деле человек, поступивший учиться, первокурсник, встречается с множеством новых для него обстоятельств: возникновение новых академических требований; снижение внешнего контроля над учебной деятельностью; приобретение нового социального статуса – студент. В совокупности, перечисленные обстоятельства носят внешний характер, но влияют на формирование мотивов, которые теперь неразрывно связаны и пересекаются с его профессиональным становлением. Для любой деятельности нужна мотивация.

Вопросами изучения мотивации многие десятилетия занимались как отечественные, так и зарубежные психологи. Л.А. Зенкова, анализируя: исторические подходы к пониманию феномена учебной мотивации, пишет, что первый, кто упомянул термин «мотивация» был А. Шопенгауэр, «в его понимании мотивация – это причина, видимая изнутри, ощущаемая как внутренняя воля, которая выражается в видимых действиях и поступках» [4, с. 114].

Для учебной деятельности мотивация также является отправным пунктом. Согласно Л.И. Божович, «мотивация учебной деятельности представляет собой совокупность побуждений, характеризующих личность обучающегося и определяющих ее основную направленность, сформированную в течение жизни, как в семье, так и в образовательном учреждении» [2, с. 178]. А.К. Марковой учебная мотивация трактуется как «интеграция внутренних и внешних детерминант, стимулирующих индивида к познавательной активности» [6, с. 96].

Известно, что учебная мотивация бывает разной. В данном исследовании мы отталкиваемся от идеи выделения мотивации достижения успеха и избегания неудачи. Мотивация достижения успеха – это устойчивая причина, осознаваемая субъектом, которая проявляется в потребности к стремлению и успешному выполнению деятельности, к улучшению результатов, преодолению трудностей, основанная на личностно-значимых целях, оценке собственных возможностей и ожидании успеха. Безусловно, для профессионального становления нужна именно мотивация достижения успеха.

Учебная деятельность сложна, она требует много времени и сил. Овладение профессией – задача не только индивидуальная, она напрямую пересекается с запросами общества. Послешкольное образование всегда касается профессионального становления. Профессиональное становление, согласно Е.А. Климову, представляет собой «динамический процесс формирования личности, адекватно выполняемой профессиональной деятельности. Он включает развитие профессиональной направленности и компетентности, формирование профессионально значимых качеств и совершенствование психофизиологических свойств, важных для конкретной профессии. Важной составляющей является поиск оптимальных путей качественного и творческого осуществления профессионально значимых видов деятельности с учетом индивидуально-психологических особенностей субъекта» [5, с. 154]. По словам В.А. Бодрова, «Становление предполагает необходимость в развитии и саморазвитии, возможность и реальность их удовлетворения, а также потребность в профессиональном самосохранении» [1, с. 112]. Необходимость в саморазвитии у субъекта – это и есть его учебная мотивация.

Проблема изучения мотивационной сферы студента не остается без внимания в педагогической психологии. И тем не менее, не хватает практических инструментов для поддержания и развития учебной мотивации.

Как пишут Н.В. Буравцова, В.И. Коваленко: «Многие студенты первого курса переживают сомнения в правильном выборе будущей профессии. Эти сомнения связаны с незнанием собственных способностей, с нехваткой физических и психологических сил для успешного освоения учебной программы, с неумением быстро восстанавливаться после стрессовых ситуаций, с ориентацией на мнение и решение родителей и других членов их семьи. При этом, большинство студентов, даже при наличии всех благоприятных условий, учатся хуже, чем могли бы, так как не владеют эффективными стратегиями учения и возможностями их развития» [3, С. 13]. Это свидетельствует о необходимости развития учебной мотивации у первокурсников. Для профессионального становления – развития именно мотивации достижения успеха у первокурсников.

На наш взгляд, у студентов первого курса необходимо развивать мотивацию достижения успеха по нескольким причинам: в период обучения в ВУЗе формируется потребность и готовность к непрерывному профессиональному росту; высокий уровень

мотивации гарантирует успешность учебной деятельности студента; мотивация способствует развитию познавательной активности; мотивация достижения успеха оказывает влияние на формирование профессиональных умений и компетенций. Однако, мотивация достижения успеха не возникает сама по себе, только из-за поступления в ВУЗ и начала обучения в нём.

Осуществив теоретический анализ проблемы, мы организовали и провели исследование мотивации достижения успеха у студентов первого курса и её развития.

Гипотезой нашего исследования служит предположение о том, что:

- 1) мотивация достижения успеха у студентов первого курса нуждается в развитии;
- 2) целенаправленная работа по развитию мотивации достижения успеха у студентов первого курса будет эффективной, если будет включать в себя развитие уверенности в себе, осознания в понимании учебных целей и поддержание благоприятного психологического климата.

Для исследования мотивации достижения успеха у студентов первого курса нами был использован метод тестирования с применением комплекса методик, представленных далее. Обработка данных производилась с использованием Т-критерия Вилкоксона.

В исследовании приняли участие студенты первого курса Забайкальского государственного университета (ЗабГУ). Общее количество испытуемых составило 16 человек - 3 юноши и 13 девушек.

Обратимся к результатам.

Результаты по методике С.А. Пакулиной «Мотивация достижения успеха студентов в ВУЗе» таковы. Автор выделяет внешнюю и внутреннюю мотивацию. По параметру внутренней мотивации у 36,25% опрошенных студентов отмечается низкий уровень мотивации достижения успеха, По параметру внешней мотивации: у 68,75% респондентов выражен средний уровень внешней мотивации достижения успеха, у них есть достаточный ряд факторов, повлиявших на выбор профессиональной деятельности. Низкая внешняя мотивация достижения успеха наблюдается у 19,25%, что указывает на отсутствие значительных факторов и причин, оказавших влияние на выбор профессиональной деятельности.

По результатам методики Т. Элерса «Методика диагностики личности на мотивацию к успеху», можно отметить, что ведущий уровень мотивации достижения успеха у студентов первого курса - средний, его процентное содержание составляет 56,25%, таким студентам свойственна постановка целей, адекватное оценивание своих возможностей. Студентов со слишком высоким уровнем мотивации к достижению успеха 6,25%. Несмотря на название «слишком высокий», в котором можно усмотреть нечто нежелательное и чрезмерное, этот уровень мотивации является самым оптимальным, и, по своим характеристикам, как раз соответствующим мотивации достижения успеха. Таким студентам присущ высокий познавательный интерес, положительное отношение к обучению, стремление проявить себя в различных сферах студенческой жизни и активная социальная позиция. Низкий уровень мотивации достижения успеха показали 6,25%. Им не интересен процесс обучения, у них отсутствуют перспективы обучения данной профессиональной деятельности, нет стимулов к получению знаний. Умеренно высокий уровень мотивации принадлежит 31,25%, для таких студентов типична склонность к планированию своего будущего как профессионала, немало важную роль играет одобрение со стороны педагогов.

Для выявления особенностей мотивации профессионального выбора студентами нами была использована методика С. Гриншпуна «Мотивы выбора профессии». Доминирующим мотивом выбора профессии является «Материальное благополучие», процентное содержание которого составило 43,75%. Мы полагаем, что такие высокие проценты материального благополучия объясняются тем, что, выбирая ВУЗ, студенты

руководствовались условием, чтобы их работа, в первую очередь, удовлетворяла материальные потребности, без учета пользы развитию способностей и знаний, соответствия профессиональным предпочтениям. У 37,5% преобладает мотив «Деловое отношение». Можно полагать, что это связано со стремлением создания условий для плодотворной работы в коллективе, направленностью на дело. Мотив «Творческое отношение» определен у 12,5%, они замотивированы в реализации своего потенциала в выбранной профессии, приобретению новых навыков. Наименьшее процентное содержание среди опрошенных студентов показал результат мотива «Престиж профессии», он определен у 6,25%. Данный мотив характеризуется стремлением занять высокую должность в выбранной профессии.

Опираясь на полученные результаты на констатирующем этапе, можно сделать вывод о том, что у большей части опрошенных студентов отмечается низкий уровень развитости мотивации, что может говорить о недостаточной заинтересованности в учебной деятельности, незамотивированности на успех в развитии себя как профессионала, недостаточной мотивации достижения успеха в профессиональном становлении.

С учетом полученных результатов нами была разработана программа развития мотивации достижения успеха у студентов-первокурсников. В ходе реализации программы были поставлены следующие задачи:

- 1) создание благоприятного психологического климата, способствующего эффективному взаимодействию между членами группы, а также повышению самооценки;
- 2) обучение навыку постановки адекватных своим возможностям целей;
- 3) формирование целеполагания.

Все занятия программы имели одинаковую структуру, включали в себя беседы, дискуссии, рефлексию, упражнения на сплочение, снятие эмоционального напряжения, формирования навыка целеполагания, развития мотивации, представление и обогащение «Я-концепции»; релаксационных упражнений.

В программу вошли следующие занятия:

1. «Ознакомительное занятие».

Цель занятия: активизация и сближение членов группы, создание благоприятного психологического климата, установление контакта с участниками группы.

2. «Мы - одна команда».

Цель занятия: формирование эффективного взаимодействия между членами группы.

3. «Я в себе уверен» день первый.

Цель занятия: повышение самооценки студентов первого курса.

4. «Я в себе уверен» день второй.

Цель занятия: повышение самооценки студентов первого курса.

5. «Я все смогу!».

Цель занятия: формирование целеполагания.

6. «Вперед к цели! Я хочу добиться успеха».

Цель занятия: обучение студентов постановки высоких, но адекватных целей для достижения, повышение мотивации.

После реализации программы, которая проходила в течение двух месяцев, была проведена контрольная диагностика для оценки эффективности программы.

По результатам контрольного этапа, наблюдаются изменения среди показателей по методике С.А. Пакулиной «Мотивация достижения успеха студентов в ВУЗе», в показателях внутренней мотивации контроля «успех—личный успех» процентное содержание с констатирующего этапа 81% возросло до 93,75%, это свидетельствует о том, что студенты стали более уверены в своих возможностях при постановке высоких целей. Также отмечаются изменения параметра мотивации «успех как преодоление препятствий» с 50% констатирующего этапа до 69% на контрольном этапе. Это говорит о том, что после

реализации программы студенты более чутко осознают свои способности через разрешение трудностей на пути достижения целей.

Наблюдаются изменения по методике Т. Элерса «Методика диагностики личности на мотивацию к успеху». Высокий уровень мотивации вырос с 6,25% до 31,25%. Низкий показатель личностной направленности на успех после программы вовсе сошел на нет.

Мотивацию профессионального выбора повторно мы не диагностировали, поскольку его диагностика носит ретроспективный характер и иных, отличающихся от констатирующего этапа, результатов получить нельзя.

Для оценки эффективности программы нами был применен метод математико-статистической обработки – Т-критерий Вилкоксона. Им были обработаны данные, полученные на констатирующем и контрольном этапах с помощью методики С.А. Пакулиной «Мотивация достижения успеха у студентов в ВУЗе». Достоверные различия наблюдаются по параметрам внешней мотивации (экстериоризации успеха). Это указывает на то, что у студентов первого курса после реализации программы возросла важность развития себя как личности, достижение и постановка адекватных своим возможностям целей как в учебной, так и профессиональной деятельности.

Помимо изменений параметров внешней мотивации, наблюдается динамика внутренней мотивации. На основе произошедших изменений, можно смело делать вывод, что студенты не только много узнали нового в теории, но и приобрели умения, овладели навыками, развились как профессионалы, активные, творческие личности. Они обучились навыку оперирования полученными знаниями и применению их на практике; приобрели умение целеполагания.

Обобщая и сравнивая результаты, полученные на констатирующем и контрольном этапе диагностики, мы пришли к выводу, что развитию мотивации достижения успеха способствуют совокупность созданных в ходе реализации программы специальных условий.

Также отметим, что после реализации программы у студентов стали более выражены внутренние мотивы достижения успеха, о чем свидетельствуют результаты по методике С.А. Пакулиной «Мотивация достижения успеха студентов в ВУЗе», то есть студенты стали более внимательны к себе и своим предпочтениям, замотивированы в личностном развитии, оценивании своих возможностей при постановке целей, собственном профессиональном становлении.

Подводя итоги проведенного исследования, можно отметить, что гипотеза нашего исследования была подтверждена, цель исследования достигнута.

Студенты первого курса нуждаются в развитии мотивация достижения успеха. Для высокого уровня мотивации достижения успеха необходимо создавать условия для ее развития, так как мотивация достижения успеха является залогом профессионального становления.

Библиографические ссылки:

1. Бодров, В.А. Психология профессиональной пригодности: учеб. пособие для вузов / В.А. Бодров. - 2-е изд. - Москва: Per Se, 2006 (Екатеринбург: Уральский рабочий). - 511 с.: табл.; 21 см. - (Современное образование).; ISBN 5-9292-0156-0. Текст: непосредственный.
2. Божович, Л.И. Божович Л.И. Изучение мотивации поведения детей и подростков / под ред. Л. И. Божович и Л. В. Благонадежиной. – М.: «Педагогика», 1972. – 440 с. Текст: непосредственный.
3. Буравцова, Н.В. Мотивация учебно-познавательной деятельности студентов первого курса / Н.В. Буравцова, В.И. Коваленко. – Текст: электронный. // Мир науки,

культуры, образования. 2014. – №4. – С. 13–15. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-uchebno-poznavatelnoy-deyatelnosti-studentov-pervogo-kursa>. (дата обращения: 09.11.2025).

4. Зенкова, Л.А. Учебная мотивация: исторические подходы к пониманию феномена и современное состояние проблемы / Л.А. Зенкова. – Текст: электронный. // Мир науки, культуры, образования. 2017. – №4. – С. 114. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-motivatsiya-istoricheskie-podhody-k-ponimaniyu-fenomena-i-sovremennoe-sostoyanie-problemy> (дата обращения: 09.11.2025).

5. Климов, Е.А. Психология профессионального самоопределения / Е.А. Климов. – М.: Академия. 2004. – 304 С. Текст: непосредственный

6. Маркова, А.К. Формирование мотивации учения: Пособие для учителя / А.К. Маркова. – М.: Просвещение. 1983. – 96 с. Текст: непосредственный.

© Завьялова Д.Д., Леснянская Ж.А., 2025

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ И ГОРОДСКОЙ ПЕРЕГРУЗКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. М. Иванова

магистрант Казанского инновационного
университета им. В.Г. Тимирязова

г. Нижнекамск, Россия, Республика Татарстан
E-mail: Gimadieva.95@inbox.ru

О. А. Талипова

кандидат психологических наук, доцент
Казанского инновационного университета
Им. В.Г. Тимирязова

г. Нижнекамск, Россия, Республика Татарстан
E-mail: otalipova@ieml.ru

Статья посвящена теоретическому осмыслению стрессоустойчивости студентов в контексте нарастающих информационных и организационных нагрузок и ускоренного ритма городской среды. Стресс трактуется как интегративный феномен с взаимосвязанными физиологическими и психологическими компонентами; аналитически выделяются эмоциональный и информационный стресс и их последствия для соматического благополучия, эмоциональной сферы и академической результативности.

Ключевые слова: стресс; стрессоустойчивость; студенты; информационная перегрузка; эмоциональный стресс; копинг-стратегии; саморегуляция; адаптационные механизмы; психосоматическое здоровье; городская среда.

The article is devoted to the theoretical conceptualization of students' stress resilience in the context of escalating informational and organizational demands and the accelerated pace of the urban environment. Stress is conceptualized as an integrative phenomenon with interrelated physiological and psychological components; emotional and informational stress are analytically distinguished, along with their consequences for somatic well-being, the emotional sphere, and academic performance.

Keywords: stress; stress resilience; students; information overload; emotional stress; coping strategies; self-regulation; adaptive mechanisms; psychosomatic health; urban environment.

В условиях современной жизни стресс становится постоянным фоном, особенно для студентов, проходящих этап профессионального становления, что напрямую влияет на соматическое благополучие, эмоциональную сферу и академическую результативность. Усиление информационных и организационных нагрузок, ускорение ритма городской среды и необходимость оперативного освоения новых компетенции повышают требования к гибкости, саморегуляции и социальным навыкам личности. Современные подходы трактуют стресс как широкую категорию, объединяющую физиологические и психологические ответы на неблагоприятные воздействия, при этом аналитическое разведение физиологического и психологического аспектов носит условный характер и используется для более точного описания механизмов реагирования. В рамках этой проблематики особое значение приобретает феномен стрессоустойчивости как

интегративного качества, обеспечивающего сохранение ресурсов и эффективность деятельности в сложных условиях.

В условиях современной жизни стресс становится постоянным фоном повседневного существования человека, особенно остро проявляясь в период обучения в вузе, когда индивид проходит этап профессионального и личностного становления. Студенты сталкиваются с большим количеством стрессовых факторов: необходимостью усвоения значительных объёмов информации, постоянной оценкой их деятельности.

Актуальность исследования стрессоустойчивости и способов ее формирования определяется условиями современного общества, где действует широкий спектр стрессоров и постоянно меняются требования к личности. Информатизация, технологизация и цифровизация жизненной среды существенно повышают уровень нагрузки на психику, усиливая потребность в самоорганизации, гибкости и навыках саморегуляции. В условиях конкуренции, высокой скорости обмена информацией и постоянных внешних изменений человеку необходимо быстро адаптироваться, принимать решения в условиях неопределенности, осваивать новые компетенции и эффективно работать с большими объемами данных в сжатые сроки. Существенное влияние оказывают и социальные факторы: расширение городского пространства, рост плотности населения, ускорение ритма жизни и изменение структуры межличностных отношений, что приводит к росту психоэмоционального напряжения и повышению тревожности.

Феномен стресса уже на протяжении нескольких десятилетий является объектом пристального изучения в психологии, физиологии и смежных дисциплинах. Научные исследования в данной области позволили накопить значительный объем данных о природе, механизмах и проявлениях стрессовых реакций, а также о способах их регуляции. Современная психологическая наука располагает достаточной теоретической и эмпирической базой для формирования целостного представления о феномене стрессоустойчивости, ее структурных компонентах, детерминантах и возможностях развития в процессе личностного и профессионального становления.

В нынешних условиях стресс рассматривается как широкая категория, охватывающая не только специфическую физиологическую реакцию на неблагоприятные воздействия, но и совокупность психологических факторов, способных прямо или опосредованно запускать ответы психики и организма [5, с. 94-102]. Современное понимание стресса включает в себя комплексное взаимодействие биологических, когнитивных и социально-психологических компонентов, определяющих индивидуальное восприятие и переработку стрессоров. Он может проявляться на разных уровнях – от кратковременных эмоциональных реакций до устойчивых нарушений адаптации, влияющих на общее самочувствие и эффективность деятельности. В зависимости от интенсивности и длительности стрессового воздействия последствия могут быть как мобилизующими, способствующими развитию личности и формированию адаптивных стратегий, так и деструктивными, приводящими к физическому и эмоциональному истощению. Таким образом, современная наука рассматривает стресс не только как негативное явление, но и как необходимый элемент жизнедеятельности, выполняющий регулирующую и адаптационную функцию в процессе взаимодействия человека с изменяющейся средой.

В современной психологии разграничение физиологического и психического стресса считается во многом условным, поскольку воздействие стрессоров, как правило, проявляется комплексно – через взаимосвязанные соматические и психологические симптомы. Организм человека реагирует на напряженные ситуации как на уровне биологических систем, так и на уровне субъективных переживаний, что делает границу между этими видами стресса относительной. Тем не менее аналитическое различение возможно и полезно для научного анализа: физиологический стресс традиционно связывают с воздействием объективных внешних раздражителей, таких как боль, холод,

шум, физическое перенапряжение, тогда как психологический стресс возникает преимущественно из-за субъективных факторов – тревожных ожиданий, эмоциональных конфликтов, внутренней неопределенности и предположений о будущих событиях, нарушающих ощущение безопасности [2, с. 163-167].

Кроме того, психологический стресс часто формируется под влиянием индивидуальных когнитивных установок и особенностей восприятия, что делает центральным элементом его возникновения не сам стрессор, а отношение личности к нему. Таким образом, важную роль в различении этих форм играет уровень осознанности, эмоциональная регуляция и способность человека к адаптивной переработке стрессовой информации, что открывает возможности для психокоррекции и профилактики стрессовых состояний.

Шогенов Б.Ю., анализируя специфику стрессогенных факторов в современном обществе, разделяет стресс эмоциональный и информационный. Причиной информационного стресса является перегрузка потоками информации, в связи с чем человек не успевает качественно воспринимать, обрабатывать информацию и принимать осознанные решения на основе сделанных выводов. Эмоциональный стресс является последствием длительного и усиленного воздействия на личность негативных эмоциональных состояний, угрожающих психологическому благополучию обиды, злости, разочарований и т.д. При невозможности самостоятельно или с поддержкой других людей разрешить сложные эмоциональные переживания повышается симптоматика тревожных расстройств личности, создается риск возникновения депрессии, проявляется общая напряжённость и беспокойство, ухудшаются показатели сна [7, с. 917-929].

В современной психологии подчёркивается, что разделение физиологического и психического стресса во многом условно, поскольку воздействие стрессоров обычно проявляется одновременно и в телесных, и в эмоциональных симптомах. Тем не менее аналитическая граница возможна: физиологический стресс вызывается объективными внешними раздражителями, тогда как психологический связан с тревожными ожиданиями и воображаемыми или предстоящими ситуациями, подрывающими чувство безопасности.

Следовательно, адаптационные ресурсы личности по отношению к стрессорам приобретают особую значимость в современном социуме. В условиях постоянно повышающихся требований к скорости реакции, способности к самоорганизации и эмоциональной устойчивости умение эффективно справляться с трудностями становится неотъемлемым компонентом психологического благополучия. Именно развитые адаптационные механизмы позволяют человеку сохранять внутреннее равновесие и продуктивность даже при воздействии интенсивных или длительных стрессовых факторов.

Копинг-стратегии и уровень стрессоустойчивости выполняют защитную функцию для психического состояния и соматического здоровья, способствуя оптимальной мобилизации ресурсов и снижению риска дезадаптации. Они определяют характер поведенческих и эмоциональных реакций человека, обеспечивают гибкость в ситуациях неопределенности и играют ключевую роль в поддержании личностного развития. Развитие эффективных стратегий совладания со стрессом рассматривается современной психологией как важнейшее направление профилактики психосоматических расстройств, депрессии и профессионального выгорания, а также как условие успешной социализации и профессиональной самореализации в динамично изменяющемся обществе.

Н.А. Новикова в своих исследованиях приходит к выводу, что ключевая роль стресса состоит в формировании устойчивых адаптационных механизмов. Исходя из трактовки стресса как неотъемлемого компонента социального функционирования, автор отмечает: проживание стрессовых эпизодов повышает резистентность к внешним неблагоприятным воздействиям и способствует развитию саморегуляции. Возрастающая стрессоустойчивость укрепляет осознанность и активизирует защитные механизмы

личности. В то же время чрезмерная сила и длительность стрессора подрывают даже высокий уровень стрессоустойчивости, нанося ущерб физическому здоровью и увеличивая риск психосоматических нарушений [4, с. 95-101].

Опираясь на анализ стресса, стрессогенных ситуаций, а также механизмов и последствий негативных влияний на личность, целесообразно подробнее раскрыть содержание категории «стрессоустойчивость» в современной психологии. Этот феномен рассматривается как многомерное образование, включающее в себя когнитивные, эмоционально-волевые и поведенческие аспекты адаптации человека к неблагоприятным условиям. Под стрессоустойчивостью понимают не только способы совладания, поддерживающие процессы адаптации и саморегуляции, но и совокупность индивидуально-личностных характеристик, способствующих сохранению внутренних ресурсов и эффективной деятельности в условиях эмоционального и физического напряжения [8, с. 256].

В контексте психологической теории стрессоустойчивость трактуется как динамическое свойство личности, формирующееся под воздействием жизненного опыта, социальной среды и уровня развития самосознания. Она обеспечивает способность человека противостоять стрессорам без разрушения личностной целостности, поддерживать адекватный уровень самооценки, уверенности и мотивации к действию. Ключевыми компонентами стрессоустойчивости считаются эмоциональная стабильность, толерантность к неопределенности, развитые навыки саморегуляции и умение рационализировать сложные ситуации.

Кроме того, исследователи отмечают, что стрессоустойчивость тесно связана с когнитивным стилем личности: от того, как человек интерпретирует события и оценивает собственные возможности, во многом зависит интенсивность переживаемого стресса. Таким образом, высокий уровень стрессоустойчивости отражает не только наличие эффективных копинг-стратегий, но и глубокую психологическую зрелость, которая позволяет личности конструктивно использовать даже стрессовые ситуации для саморазвития, формирования внутренней устойчивости и укрепления психологического потенциала.

Л.В. Фархутдинова рассматривает стрессоустойчивость как комплексную личностную характеристику, позволяющую сохранять продуктивность и достигать поставленных целей деятельности даже при значительном неблагоприятном воздействии внешней среды [6, с. 136]. Подчеркивается, что стрессоустойчивость проявляется не только в способности противостоять трудностям, но и в умении мобилизовывать внутренние ресурсы, поддерживать оптимальный уровень мотивации, а также адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам без потери эффективности. Такой подход акцентирует внимание на активной роли личности в преодолении стрессовых ситуаций и раскрывает стрессоустойчивость как динамическое свойство, формирующееся в процессе жизненного опыта.

Б.Х. Варданян трактует стрессоустойчивость как уникальное свойство личности, обеспечивающее согласованность когнитивных, эмоциональных и волевых компонентов психики в стрессовой ситуации, что в итоге способствует успешному решению задач и достижению поставленных целей. По его мнению, гармоничное функционирование этих компонентов позволяет личности сохранять внутреннее равновесие, рационально оценивать ситуацию и выбирать оптимальные пути ее преодоления. Таким образом, стрессоустойчивость выступает индикатором зрелости личности, способной к конструктивному взаимодействию с внешней средой, даже если та предъявляет чрезмерные требования.

Наиболее объемное и системное толкование данной категории предлагает Н.К. Илларионова, рассматривающая стрессоустойчивость как сложную, многоуровневую

систему, включающую характеристики эмоциональной, когнитивной и волевой сфер личности [3, с. 152]. Автор подчеркивает, что сбалансированность и взаимное влияние этих сфер создают основу для устойчивости человека перед стрессом. При этом уровень стрессоустойчивости определяется не только степенью выраженности отдельных характеристик, но и их согласованностью, что обеспечивает способность личности эффективно реагировать на внешние воздействия. В рамках этого подхода стрессоустойчивость предстает как результат интеграции эмоционального самоконтроля, рациональной оценки ситуации и целенаправленного поведения, позволяющих сохранять стабильность и внутреннюю гармонию даже в условиях высокой стрессовой нагрузки.

В.А. Бодров отмечает, что один и тот же стрессор вызывает разные реакции у представителей различных личностных типов. Это связано с особенностями строения и функционирования нервной системы, набором индивидуально-психологических черт и субъективной значимостью неблагоприятных событий для человека. Кроме того, прослеживается связь между способом реагирования, наследуемыми свойствами личности и спецификой её социального развития [1, с.528].

Таким образом, теоретический анализ позволяет заключить, что стрессоустойчивость является многогранным свойством личности, состоящим из различных компонентов и определенных механизмов эмоционального и поведенческого реагирования. Подобная интерпретация стрессоустойчивости как интегративного качества позволяет разрабатывать эффективные методы её формирования и развития, что имеет важное значение для повышения адаптационных возможностей личности в условиях стресса.

Теоретический анализ показал, что стресс в современной студенческой среде выступает комплексным феноменом, объединяющим физиологические и психологические компоненты реакции на широкий спектр внешних и внутренних воздействий. Эмоциональные и информационные перегрузки выделяются как наиболее значимые стрессоры, нарушающие качество переработки информации, эмоциональную устойчивость и сон, повышающие риск тревожных и депрессивных проявлений. При этом стресс не является исключительно деструктивным: в умеренных дозах он выполняет адаптационную функцию, способствует формированию устойчивых механизмов саморегуляции и повышает резистентность к неблагоприятным факторам; однако чрезмерная сила и длительность стрессоров подрывают даже высокий уровень устойчивости и несут соматические и психосоматические риски

Библиографические ссылки

1. Бодров, В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление // М.; ПЕР СЭ, 2006. 528 с.
2. Долбышев, А. В. Нейрофизиологические механизмы стресса // StudNet, 2020. №7. С. 163–167.
3. Илларионова Н. К. Стрессоустойчивость как интегративное свойство личности: теоретический анализ // Инновационная наука, 2025. №1-2-2. С.152-154.
4. Новикова, Н.А. Стресс и жизнестойкость // Психологические проблемы смысла жизни и акме, 2021. №1. С. 95–101
5. Розенова М. И. Стресс и страх в чрезвычайных ситуациях / М. И. Розенова, В. И. Екимова, А. В. Кокурин, А. С. Огнев, О. С. Ефимова // Журнал современной зарубежной психологии, 2020. Том 9. № 1. С. 94–102.
6. Фархутдинова Л. В. Психофизиологические и нейропсихологические параметры, определяющие понятие "стрессоустойчивость" // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, 2022. №1-4 (62) С.136-146.

7. Шогенов, Б. Ю. Влияние стресса на человека / Шогенов Б. Ю., Кумахова Д. Б. // Экономика и социум, 2020. №1 (68). С. 917–929.

8. Щербатых, Ю.В. Психология стресса и методы коррекции: учебное пособие для студентов, преподавателей и аспирантов психологических факультетов // СПб: Питер, 2022. 256 с.

© Иванова А.М., Талипова О.А., 2025

АРХЕТИП «РАНЕНОГО ЦЕЛИТЕЛЯ» В ЮНГИАНСКОМ АНАЛИЗЕ

Е.В. Ильина

студент 2 курса,

СибГУ им. М.Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: ilina.lenochka@internet.ru

С.А. Томилова

доцент, СибГУ им. М.Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: sunlusia@mail.ru

В статье рассмотрен архетип «раненый целитель» исходя из контрпереноса в юнгианском анализе. Данный архетип демонстрирует возможность получить конструктивный опыт от травмы через возможность встретиться с ней и осознанно пережить ее. Посредством травмы личность специалиста может овладеть инструментом помощи, найти новые алгоритмы или методы исцеления.

Ключевые слова: архетип; «раненый целитель»; психолог; клиент; анализ.

The article discusses the archetype of the «wounded healer» based on counter-transference in Jungian analysis. This archetype demonstrates the possibility of gaining a constructive experience from trauma through the opportunity to confront and consciously experience it. Through trauma, the personality of a specialist can master the tool of assistance and find new algorithms or methods of healing.

Keywords: archetype; «wounded healer»; psychologist; client; analysis.

С позиции гуманистической психологии, отношения между психологом и клиентом представляют собой глубоко личный контакт двух равных людей, в которых специалист создает условия для раскрытия и развития клиента, обратившегося за помощью. Эффективно работающий психолог по отношению к клиенту проявляет эмпатию и контактирует с ним искренне.

Модель терапевтических отношений между психологом и клиентом, из которых складывается терапевтический альянс – связь, подразумевающая согласие о совместном выполнении целей и задач. В такой модели отношений между психологом и клиентом главное – взаимопонимание, доверие и уважение. Через отношения с психологом клиент сможет научиться выстраивать здоровые связи в жизни, вера в специалиста помогает поверить в себя и искренне работать над проблемами. Это важно для создания доверительных отношений, которые основаны на эмпатии и общей цели – решение проблемы клиента.

Бихевиористический подход в отношениях психолога и клиента предполагает акцент на наблюдаемом поведении клиента и его изменении. Психолог вместе с клиентом анализирует причины и характер поведенческих недостатков, планирует мероприятия по устранению болезненных особенностей поведения и помогает сформировать новые навыки. Также акцент делается на окружении, психолог вместе с клиентом анализирует жизненные условия и пытается изменить их в нужном направлении для решения поставленной цели. Выявить все возможные проблемы в поведенческих ситуациях и

научить регулировать мысли и чувства, которые могут быть использованы в выстраивании положительных социальных связей.

Психолог Н.В. Самоукина выделила следующие позиции психолога в консультировании [3, с 157]:

1. «Нейтральный советчик». Тот, кто внимательно слушает, задает вопросы, дает рекомендации. Нейтральный не значит равнодушный, психолог в этой позиции старается поддержать, сопереживает клиенту и при этом сохраняет объективность.
2. «Программист». Изучает анамнез клиента и составляет для него индивидуальную программу. Психолог задает вопросы и помогает клиенту понять – что можно сделать для решения проблемы, какой алгоритм или терапия помогут для достижения цели.
3. «Слушатель». Внимательно и активно слушает, сопереживает. Минимум рекомендаций и вопросов. Помогает клиенту почувствовать себя понятым и принятым, наладить контакт с собой, изучает точку зрения и в атмосфере поддержки клиент сам находит решение проблемы.
4. «Зеркало». Отражает внутреннее состояние клиента, убеждения и модели поведения. Объективно описывает ситуацию и роль клиента в ней, помогает разобраться в себе, понять свои эмоции, мотивы, а также построить гармоничные отношения с окружающими. Человек со стороны смотрит на себя, свою жизнь и проблему замечает то, что ускользало раньше, и находит решение.
5. «Катализатор». Главная цель определить слабое место клиента (то, что мешает и не дает ему действовать) и помогает найти в этом ресурс. Если клиент в процессе терапии понимает, что ему нужно сделать для решения проблемы, но не может решиться из-за неуверенности в себе, психолог помогает ему обрести ее.

В психотерапии также существует терапевтический альянс – это союз между пациентом и психотерапевтом, созданный для того, чтобы эффективно справиться с запросом пациента. Альянс строится на взаимном уважении и эмпатии. Это особые отношения, не похожие на деловые или дружеские. Терапевтический альянс отличается и от взаимодействия «учитель – ученик», где педагог находится в верхней позиции, у него больше возможностей для управления посредством педагогических манипуляций, оценивания.

Терапевтический альянс – это больше сотрудничество на равных: созданы условия для того, чтобы клиент сам мог принимать решения, двигаться к своей цели и эффективно решать свои проблемы.

В классических психотерапевтических отношениях существует ролевая модель, определяющая место психолога и клиента. Клиент приходит к психологу из позиции «раненого», с некой проблемой или болью, психолог выступает в роли «целителя», поскольку клиент обращается к нему за помощью и, в итоге, если всё складывается удачно для клиента и психолога, клиент эту помощь получает. Также стоит отметить, что на иррациональном уровне психолог для клиента выступает как тот, кто поможет исцелиться, «врачеватель душ».

В роли психолога есть много сходств с ролью врача [2, с. 75], за одним исключением, он работает без физического воздействия на организм (медикаменты или хирургия), но более тонким способом, душевного и психического воздействия на клиента, в психотерапии это называется интервенцией. У психолога, как и у врача есть этический кодекс, которым он руководствуется. Точно также, как и перед врачом, перед психологом стоит задача не навредить своему клиенту, а помочь справиться со своими проблемами [1, с. 215].

По мнению экспертов до 75% специалистов приходят в профессию после получения психологической травмы, либо получили ее ранее. Это говорит о том, что архетип

«раненого целителя» имеет под собой вполне логичное обоснование. Быть раненым значит активировать в себе целительную силу, что, не будучи раненым, человек никогда не нашел бы в себе, цель раны - помочь осознать, что силы исцелиться есть в каждом.

Помимо этих ролей, распределение которых регламентировано терапевтической ситуацией, в юнгианском анализе принято обращать внимание и на бессознательную сторону процесса, где происходит обратный обмен - в каждом психологе есть внутренний «раненый», а в каждом клиенте - «внутренний целитель». Наличие у психолога «раненой» части позволяет ему быть чутким и эмпатичным, помнить о том, что он и сам когда-то попадал в кризисные ситуации, иногда нуждался в помощи, проходил личную терапию, прорабатывал свои травмы. Опираясь на этот опыт и помня о том, каково быть раненым, он сопереживает клиенту, находит нужные слова, старается помочь и вывести клиента на путь выздоровления [6].

Когда у клиента присутствует «внутренний целитель», это означает, что в нем есть ресурсы, которые помогут ему выбраться из кризисной ситуации, улучшить качество своей жизни. Как только клиент входит в психотерапию, он еще не знает, как воспользоваться этими ресурсами и доступ к ним может быть просто заблокирован, но постепенно в процессе терапии он все больше будет открывать их в себе, учиться управлять этими ресурсами, опираться на них. Но, пока этого не произошло, психолог для клиента выступает в роли опоры, и психолог воспринимается как внутренняя фигура «целителя» [5, с. 247].

Сама по себе фигура «целителя» уже выполняет терапевтическую функцию, позволяя клиенту довериться и постепенно открыться в процессе психотерапии. Пока этого не произошло, психолог выполняет для него роль вынесенного вовне его «внутреннего целителя», с которым можно поговорить и он выслушает, поддержит, находится в трудные минуты рядом. С помощью этого «внутренний целитель» обретает реальный образ в виде психолога. Постепенно клиент обретает способность более уверенно находить в себе опоры, для того чтобы поддержать себя в нужный момент и сам становится для себя «внутренним целителем».

По мнению Ролло Мэй травмы и трагедии, которые переживают люди в детстве, формируют особый взгляд и восприятие на мир. По сравнению с другими людьми, в непредвиденных ситуациях или стрессовых событиях они действовали более эффективно. Описываемые механизмы преобразовали болезненные переживания в опыт, который стал основой для роста в будущем [6]. Травма также способна нанести непоправимый вред психике, вызвать перестройку нейронных связей в мозге и изменить образование нейропластичности. Человеку становится трудно приспособиться к новым ситуациям, тяжело восстанавливаться после стресса. Важной частью мозга является гиппокамп, он помогает обработать и контекстуализировать информацию, которая связана с опасностью. Нарушения в гиппокампе после травмы способны приводить к проблемам с обработкой и памяти травмирующих событий.

Травма способна нарушить выработку серотонина, адреналина, и кортизола. Это ключевые гормоны, которые помогают справиться со стрессом, мобилизовать энергию и обеспечить адаптивные реакции на угрозы. Высокие уровни кортизола и адреналина при стрессе способны оказывать негативное влияние на работу мозга и его нейронные связи. Человеку трудно сосредоточиться, ощущение постоянной тревоги, которая только усиливается, иррациональный страх.

В момент получения травмы мозг выходит из равновесия, нейробиологические процессы нарушаются, активируется стрессовая ось. Это система, которая управляет гормонами, они помогают организму справиться со стрессом и успокоиться. В стрессовой оси тоже присутствует кортизол, и его чрезмерная выработка лишний раз стимулирует выработку адреналина.

Существует архетип «раненый целитель» – модель контракта, но также есть и его противоположность «расщепленный архетип целителя» – модель властной манипуляции. Расщепление происходит, когда психотерапевт теряет контакт со своей «раненой» частью. Избегая дискомфорта и страданий, в результате появляется ощущение неуязвимости, находящейся в другом измерении, чем клиент. Такой психолог не сможет способствовать проявлению положительной динамики в работе, у него отсутствует эмпатия.

«Расщепление» может происходить как с психологом, так и с клиентом, тогда такой альянс называется «Расщепленный целитель-пациент». Психолог продолжает проецировать «раненые» стороны архетипа, а клиент проецирует своего «внутреннего целителя» стремясь исцелиться с его помощью. На ранних стадиях это может быть нормальной практикой, но в последствии целостность архетипа должна быть восстановлена психологом. Если это не произошло и модель контракта не восстановилась между психологом и клиентом, стоит говорить о неспособности психолога помочь с проблемой и запросами клиента.

Кроме того, в позиции «расщепления» психолог может прибегнуть к принуждению, навязыванию своего мнения, критике действий со своего «внутреннего целителя» и проецировать это на клиента. Как правило клиент становится пассивным, у него перестает активизироваться исцеляющий фактор, сессии становятся непродуктивными.

Ликвидируется «расщепление» архетипа с помощью власти. Психолог рассматривает в качестве больного только клиента, перестает ощущать свои возможности, не желает замечать свои слабости, тем самым принижая клиента, добивается своей власти не благодаря своим сильным сторонам и достоинствам, а по причине психологической несостоятельности. Другими словами, одна из полярностей архетипа вытесняет другую и психолог становится несостоятельным и неэффективным для продолжения психотерапии.

Чтобы этого избежать специалисты всегда должны проходить личную психотерапию и супервизию с другими психологами и психотерапевтами. Это позволит посмотреть на ситуацию с другой стороны, увидеть ошибки и предотвратить негативные последствия для себя и своих клиентов в будущем.

Архетип «раненого целителя» содержит, как было сказано выше, две стороны. Без травмы нет исцеления, это та травма, которая вмещает в себя способность и энергию исцеления. Парадокс, но именно в парадоксе истинна, где активна мощь архетипа. Иная полярность проявления архетипа в личности психолога – инфляция «Эго», как следствие идентификации с архетипом «целителя», где архетипическая сила завладевает «человеческим Эго» [3, с. 207]. Контрперенос или эмоциональное заражение неизбежно, так как в работе происходит изначальное соприкосновение бессознательного психолога и клиента. Соприкасаясь с травмами, бессознательное откликается на знакомые события, слова, разговоры, несмотря на то что травмы у всех субъективны (нет двух одинаковых психик, точно также как нет двух одинаковых людей), то и реакции будут разные. Бывает, что из памяти стирается какое-то событие, но остается аффект – в виде необъяснимой реакции, которая неожиданно появляется и также неожиданно пропадает. Таким образом, аффект, оторванный от события, может всплывать в самых разных ситуациях, которые напоминают забытую травму, он ищет разрядки и находит места, где защита работает слабее или совсем не была проработана.

Помимо клиента, терапевтический процесс является целительным и для психолога, во время контакта работает как сознательная часть психики, так и бессознательная. В такой работе иногда могут встретиться две раненых фигуры, когда клиент рассказывает трудную или не совсем понятную для психолога тему. В таком случае, если психолог не проработал свои травмы и вошел в работу, не имея внутренней опоры, на которую можно опереться, сталкиваясь со своими травмами в других людях, это может закончиться для психолога ретравматизацией, либо ему понадобится время чтобы проработать эту травму,

для того чтобы вернуться к работе. Точно также, клиент может открыть психологу что-то новое, в чем психолог до этого не разбирался, не имел дело или не задумывался, в этом смысле клиент может быть ресурснее, чем психолог [2, с. 103].

Взаимодействие всех четырёх фигур (сознательный «раненый» клиента и бессознательный «раненый» терапевта; сознательный целитель терапевта и бессознательный целитель клиента) придаёт терапевтическому процессу объём и динамику. Осознание, что в терапии участвуют все эти фигуры, порой позволяет открыть новые грани процесса, если задаться вопросом «какая часть архетипа «раненого целителя» сейчас более активна у терапевта и у клиента и почему?». Например, если у терапевта включился внутренний «раненый», это может быть сигналом, что сейчас пытается пробудиться «внутренний целитель» клиента. Или, наоборот, если в процессе участвуют оба «раненых», для психолога это может быть сигналом того, как окружающих клиента людей порой затягивает в сценарий его травмы.

Следует отметить, в каких ситуациях клиент чувствует себя наиболее «раненым», а в каких – может выступить в роли «целителя», либо иногда совмещать эти роли, возможно будучи «целителем», он чувствует себя более уязвленным и раненым, не имея внутренних ресурсов чтобы исцелять.

Осознание, что у психолога и клиента есть общая «раненая» сторона, позволяет достичь большего прогресса в психотерапии и понимания в процессе, открытости и близости. Понимание того, что «целитель» – это не только психолог, позволяет клиенту быть независимым от психолога и опираясь на него, находить опоры в себе.

Существует теория «травма притягивает травму», которая описывает путь психолога и клиента, от начала и до конца. Этот путь начинается с поиска психолога, который притягивает клиента своими травмами, работой и конечным результатом. Согласно этой теории, клиент ищет психолога по схожим травмам, которые должны откликнуться в процессе работы, таким образом клиент может быть в поисках «своего» психолога очень долгое время. Как правило работа у такого альянса продуктивная и эффективная, клиент охотно идет на контакт и сотрудничает на сессиях.

Таким образом в психотерапии, психолог погружается во внутренний мир клиента, с целью обнаружения причины травмы, поиском того, что послужило для нее началом. Специалист рассматривает ту часть «Души», которая больна, и когда он ее находит, то вербально возвращает ее клиенту. Происходит переосмысление, которое, может быть, с разными состояниями и чувствами, а затем идет принятие – тут происходит исцеление [4, с. 97]. Психолог же, который сам находился или находится в личной терапии, который осознанно работает со своими травмами и трудностями, имеет внутренние опоры, отслеживает свои эмоции и понимает, когда должен остановиться, каких клиентов он еще не готов брать, а каких уже есть ресурсы выслушивать и работать с ними, находится в контакте с самим собой, с бессознательным, имеет полное право работать с внутренним миром другого человека. Именно благодаря личному опыту исцеления, психолог может оказать помощь и исцелить другого.

Библиографические ссылки

1. Габбард, Г., Лестер Э. Психоаналитические границы и их нарушения / пер. с англ. Немировского К. М.: Независимая фирма «Класс», 2014. – 272 с. – Текст: непосредственный.
2. Донцов, Д.А., Сенкевич, Л.В., Луковцева, З.В., Огарь, И.В.; Общая психология. Введение в общую психологию: учебное пособие для вузов / под научной редакцией Д. А. Донцова, З. В. Луковцева. М.: Издательство Юрайт, 2024. – 178 с. – Текст: непосредственный.

3. Самоукина, Н.В. Психология профессиональной деятельности. Санкт-Петербург: Издательство - Питер Москва, 2004. – 224 с. – Текст: непосредственный.
4. Сэдзвик, Д. Раненый целитель: Контрперенос в практике юнгианского анализа. - М.: Независимая фирма «Класс», 2018. – 232 с. – Текст: непосредственный.
5. Юнг, К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления / пер. с нем. – Киев: AirLand, 1994. – 405 с. – Текст: непосредственный.
6. Мэй, Р. Раненый целитель. Консультативная психология и психотерапия / Р. Мэй. – Текст: электронный // PsyJournals5(2), Статья 6. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/1997_n2/ (дата обращения: 03.10.2025).

© Ильина Е.В., Томилова С.А., 2025

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

А. Т. Исмагилова

магистрант Казанского инновационного
университета им. В.Г. Тимирязова

г. Нижнекамск, Россия, Республика Татарстан
E-mail: alia.cgi66@gmail.com

О. А. Талипова

кандидат психологических наук, доцент
Казанского инновационного университета
им. В.Г. Тимирязова

г. Нижнекамск, Россия, Республика Татарстан
E-mail: otalipova@ieml.ru

В статье рассматриваются ключевые аспекты психоэмоционального развития в подростковом возрасте и его связь с особенностями поведения и формированием девиантности. Проанализирован вклад социальных и аффективных факторов в процессы формирования идентичности, эмоционального интеллекта и реакций подростков на социальную среду. Отдельное внимание уделено влиянию группы сверстников, развитию подростковых субкультур, специфике эмоциональной лабильности, а также причинам возникновения деструктивных моделей поведения, в том числе зависимостей и асоциальных проявлений. Приведён анализ отечественных и зарубежных исследований, раскрывающих многогранность переходного периода между детством и взрослостью и подчеркивающих важность комплексного подхода к профилактике и психологическому сопровождению подростков.

Ключевые слова: подростковый возраст; эмоциональное развитие; девиантное поведение; эмоциональный интеллект; аффективная нестабильность; социализация.

This article addresses the main aspects of psychoemotional development in adolescence and its connection with behavioral features and the formation of deviant patterns. The role of social and affective factors in the processes of identity formation, emotional intelligence, and adolescent reactions to the social environment is analyzed. Special attention is given to the influence of peer groups, the rise of adolescent subcultures, the peculiarities of emotional lability, and the causes of destructive behavioral models, including dependencies and antisocial manifestations. The article reviews Russian and international studies highlighting the complex transition from childhood to adulthood, emphasizing the importance of an integrated approach to prevention and psychological support for adolescents.

Keywords: adolescence; emotional development; deviant behavior; emotional intelligence; affective instability; socialization

Подростковый период считается одним из наиболее противоречивых и эмоционально насыщенных этапов человеческой жизни. В это время юноша или девушка стремятся к независимости, нередко обесценивая авторитет родителей и других взрослых, желая ощущать себя равными взрослому миру. Поведение подростка становится менее открытым – он может замыкаться в себе, ограничивать общение с семьёй, предпочитая более тесные контакты со сверстниками в цифровом пространстве или при личных встречах. Современные подростки заметно отличаются от предыдущих поколений: если раньше

главным было живое общение, совместные прогулки и искренние беседы, то сегодня значительная часть их внимания сосредоточена на социальных сетях, где они часто стремятся подражать своему идеалу и сформировать привлекательный образ.

О.В. Хухлаева предлагает рассматривать подростковый возраст как неоднородный период, разделяя его на две основные стадии [9]. Первая стадия, называемая «младшим подростковым возрастом», характеризуется началом пубертатного кризиса. К этому времени начинают активно запускаться процессы полового созревания, что сопровождается значительными физиологическими и психоэмоциональными изменениями. Обычно данный этап охватывает возраст от 11 до 13 лет у девочек и от 12 до 14 лет у мальчиков. В этот период ребёнок начинает осознавать происходящие в его теле изменения, что может вызывать повышенную тревожность, чувствительность и интерес к собственной внешности.

Следующий этап, который исследователь называет «старшим подростковым возрастом», связан с завершением пубертатных изменений и постепенной адаптацией к ним. Он включает возрастные границы примерно от 13 до 15 лет у девочек и от 14 до 16 лет у мальчиков. На данном этапе происходит формирование более устойчивого самовосприятия, укрепление личностной идентичности и развитие способности к самоконтролю. Подросток активно ищет своё место среди сверстников, вырабатывает собственные убеждения и жизненные установки. Таким образом, начало подросткового возраста тесно связано с физиологическим запуском процессов полового созревания, что становится отправной точкой для глубоких личностных и социальных преобразований.

Согласно мнению исследователя П. Лафренье, подростковый возраст представляет собой важный период в когнитивном развитии личности, в ходе которого формируются и совершенствуются сложные формы аналитико-синтетической деятельности. В этот период происходит переход от конкретного к абстрактному мышлению, что является ключевым процессом в становлении мышления подростка. Развиваются гипотетико-дедуктивные способы рассуждения, позволяющие подростку рассматривать различные гипотезы, строить логические выводы и прогнозировать последствия своих действий.

Такой этап мышления называют стадией «формальных операций», когда подросток уже способен оперировать абстрактными понятиями и строить умозаключения не только на основе непосредственного опыта, но и в рамках воображаемых и теоретических конструкций. Это открывает новые возможности для решения сложных задач, критического анализа информации и творческого подхода к обучению и жизни в целом. Таким образом, подростковый возраст не только характеризуется биологическими изменениями, но и становится временем значительного качественного скачка в интеллектуальном развитии, который является фундаментом для дальнейшей взрослой деятельности и социального становления личности [4, с. 78].

Подростковый возраст, наряду с ранней юностью, рассматривается исследователями как особая социально-психологическая и демографическая категория, обладающая собственной системой ценностей, норм и установок. В этот период формируется уникальный стиль поведения и восприятия мира, который отличает подростков от детей и взрослых. Становление личности сопровождается поиском своего места в социуме, что нередко выражается в стремлении к идентификации с определённой группой сверстников, разделяющих сходные взгляды, интересы и модели поведения.

Возникновение подростковой субкультуры выступает как отражение потребности молодых людей в самовыражении и самоутверждении. Эта субкультура включает характерные формы общения, особенности внешнего облика, язык и символику, выступающие важными средствами групповой идентификации. Принадлежность к определённой группе становится для подростка значимым фактором, влияющим на самооценку, уровень уверенности в себе и чувство социальной поддержки. Она

обеспечивает ощущение сопричастности и стабильности в период, когда личностные и мировоззренческие ориентиры находятся в процессе активного формирования. Таким образом, подростковая субкультура играет существенную роль в социализации и развитии идентичности, способствуя формированию самосознания и индивидуальной системы ценностей.

Ю.А. Фесенко отмечает, что нормы и ценности, принятые внутри подростковой группы, воспринимаются самим подростком как собственные. Это означает, что социальные установки и правила поведения сверстников становятся для него значимым ориентиром, заменяя или даже противопоставляясь нормам, свойственным миру взрослых. Такое расхождение между ценностными системами различных возрастных групп отражает естественную потребность подростка в независимости, стремление к личностной автономии и осознанию своей индивидуальности [8].

Период подросткового возраста связан не только с внутренним стремлением управлять собственной жизнью и принимать самостоятельные решения, но и с потребностью в признании этого взрослыми. Для юношей и девушек важно ощущать, что их мнение имеет значение, а их права и возможности уважаются наравне с правами взрослых. Признание со стороны значимых взрослых становится подтверждением зрелости и способствует укреплению уверенности в себе, развитию чувства ответственности и социальной зрелости.

В подростковом возрасте ведущая роль принадлежит социально значимой деятельности, которая становится основным средством самореализации и формирования личностной идентичности. Согласно исследованиям, именно такая деятельность способствует развитию ответственности, самостоятельности и способности к социальной адаптации. К числу её основных форм относят учебную активность, межличностное общение и участие в общественно полезном труде, позволяющие подростку ощутить собственную значимость и влияние на окружающий мир. Через выполнение социальных ролей и взаимодействие с другими людьми подросток осваивает нормы поведения, учится сотрудничеству и формирует внутреннюю мотивацию к достижениям.

Однако в процессе возрастного развития могут проявляться аффективные трудности, особенно заметные у так называемых трудных подростков. Эти особенности выражаются в повышенной эмоциональной возбудимости, неустойчивости настроения и сниженной способности контролировать собственные импульсы. Ю.А. Фесенко [8, с. 59] отмечает, что основными причинами неадекватного поведения школьников выступают отклонения в развитии их аффективной сферы, включающие психическую нестабильность, чрезмерную эмоциональную возбудимость и расторможенность влечений. Подобные состояния затрудняют социальную адаптацию и часто приводят к конфликтам с окружающими, нарушению дисциплины и трудностям в учебной деятельности.

А.Л. Венгер отмечает, что в подростковом возрасте существенно возрастает потребность в эмоциональном общении, особенно с представителями противоположного пола, а также в периодах уединения. Этот этап характеризуется постепенным ослаблением влияния семьи на формирование личности, в то время как основным социальным пространством для самовыражения и развития эмоционального интеллекта становится группа сверстников. Именно она выступает своеобразной «обогащённой средой», где подросток получает опыт эмоциональных взаимодействий, учится понимать чувства других людей и регулировать собственные эмоциональные реакции. Поэтому влияние группы сверстников на развитие эмоционального интеллекта оказывается гораздо сильнее, чем воздействие семьи. В современных условиях это проявляется в том, что уровень эмоциональной осознанности у молодого поколения зачастую выше, чем у их родителей. В молодежной среде особую роль приобретают субкультурные объединения, где подростки ощущают себя принятыми, понятыми и свободными от оценок взрослых. При этом

эмоциональная сфера подростков отличается значительной лабильностью: им бывает трудно распознавать собственные эмоции, отслеживать изменение настроения, контролировать вспышки раздражения и агрессии [2, с. 117].

И.Ю. Кулагина подчёркивает, что психическая нестабильность подростков проявляется прежде всего в их эмоционально-волевой сфере, а с точки зрения социальной характеристики – в моральной незрелости. Для данного возрастного периода типична повышенная внушаемость и подверженность влиянию со стороны, что нередко приводит к неадекватным или рискованным формам поведения. Подростки часто испытывают трудности в самоконтроле и подчинении социальным требованиям, включая школьную дисциплину. При отсутствии внешней поддержки и контроля они быстро теряют мотивацию к обучению, утрачивают интерес к учебному процессу и не способны длительно сосредотачиваться на выполнении задач, требующих волевых усилий [3, с. 69].

Г.Н. Тигунцева обращает внимание на то, что подростки с выраженной аффективной возбудимостью склонны к вспыльчивости, агрессивным проявлениям и эмоциональным срывам, нередко приводящим к асоциальным поступкам. Повышенная нервная возбудимость в сочетании с гормональной перестройкой организма и личностными изменениями данного периода создаёт предпосылки для нарушения эмоционального равновесия. Это затрудняет объективную оценку возникающих ситуаций и мешает выбору адекватных способов реагирования [7, с. 106].

Особую группу составляют подростки с расторможенностью влечений. Поведение таких школьников нередко определяется спонтанными желаниями и внутренними импульсами, при этом преобладают действия, мотивированные непосредственными потребностями, а не осознанными целями. Подобные формы поведения во многом обусловлены возрастными особенностями и природной склонностью к подражанию, которая усиливается в процессе социализации через механизм имитации. Это делает подростков особенно уязвимыми к групповому влиянию и культурным стереотипам, формирующимся в молодежной среде.

Согласно исследованиям А.И. Подольского [6]: «для подростков наиболее значимыми являются 7 базовых потребностей:

- потребность быть отличным от других;
- потребность в компетентности и успешности;
- потребность в положительном взаимодействии со сверстниками и взрослыми;
- потребность в развитии и стабильности.
- потребность в самоизучении и самоопределении;
- потребность в физической активности;
- потребность иметь значимую деятельность в школе и за ее пределами».

Если данные потребности не могут быть удовлетворены, то можно ожидать активизации защитных механизмов и трансформации нормативного поведения в отклоняющееся. Нарушения поведения могут формироваться на основе искажения вполне нормальных специфических реакций подростков [6 с. 93]. Так искажение реакции эмансипации могут привести к развитию чрезмерного стремления поступать только в соответствии с собственным мнением.

По мнению Т.П. Авдуловой, процессы группирования, характерные для подросткового периода, могут носить как адаптивный, так и деструктивный характер. В зависимости от особенностей социальной среды и личностных установок подростка, реакция на группирование способна привести к формированию зависимости от референтной, в том числе антисоциальной, группы. В подобных сообществах нередко закрепляются деструктивные модели поведения, отрицание норм и ценностей общества. На основе реакций, связанных с поиском развлечений и стремлением к новизне, могут развиваться различные формы химической зависимости – употребление психоактивных

веществ, алкоголя или табака. Кроме того, трансформация реакций отказа, оппозиции и компенсации нередко приводит к возникновению устойчивых личностных особенностей, формирующих специфические черты характера и предрасположенность к девиантным способам поведения.

Г.Н. Тигунцева рассматривает девиантное поведение подростков как многогранное явление, которое может включать широкий спектр проявлений – от антидисциплинарных и антисоциальных поступков до делинквентных, противоправных или аутоагрессивных действий. Под делинквентностью исследователь понимает аморальные проступки, не доходящие до нарушений законодательства, однако способные привести к социальным и личностным проблемам. Причины подобных нарушений поведения могут иметь разную природу: психологическую, физиологическую или социально-педагогическую. Так, одни формы девиантного поведения обусловлены отклонениями в личностном развитии, что требует вмешательства психолога или психоневролога; другие связаны с особенностями физического состояния организма, требующими медицинской коррекции; третьи – с неблагоприятными условиями воспитания и социального окружения, где эффективными являются меры психолого-педагогической поддержки [7, с. 106].

С.В. Молчанов выделяет ряд характерных особенностей поведения подростков, определяющих специфику этого возрастного периода. Среди них акцентируется внимание на резких изменениях эмоций и поведения: даже незначительный повод или случайное слово способны вызвать бурную реакцию, вплоть до агрессии или истерики. Подростки обладают выраженной любознательностью и стремлением к приобретению новых знаний, однако часто не уделяют внимание систематизации информации. Их эмоциональное состояние отличается нестабильностью и подвержено резким перепадам. Особенностью является острая чувствительность к критике, сильное переживание любых оценочных суждений со стороны взрослых. В этот период также проявляется активный поиск себя – подростки начинают задумываться о своём предназначении, целях и жизненных ориентирах. Расширяется круг интересов, появляется стремление попробовать себя в различных сферах деятельности. Вместе с тем наблюдается феномен подросткового максимализма, выражающийся в полярных установках «всё или ничего», «сейчас или никогда», что существенно влияет на характер принимаемых решений [5, с. 78].

Подростковый возраст представляет собой сложный, многогранный этап развития, в котором происходит качественная перестройка личности и системы социальных отношений. Именно в этот период закладываются основы самостоятельности, определяются ценностные ориентации, формируется идентичность. Особенности эмоциональной сферы подростков – повышенная лабильность, моральная и волевая незрелость – способствуют высокой уязвимости к внешним влияниям, что в сочетании с потребностью в признании, поиском себя и включённостью в субкультурные сообщества нередко приводит к возникновению девиантных проявлений. В статье подчёркивается важность своевременной психологической поддержки и профилактической работы, направленной на формирование конструктивных стратегий поведения, развитие эмоционального интеллекта и адаптационных ресурсов личности подростка. Комплексный подход, учитывающий биологические, психические и социальные аспекты подросткового развития, позволяет снизить риск формирования устойчивых нарушений поведения и способствует гармоничному становлению личности.

Библиографические ссылки

1. Авдулова Т.П. Психология подросткового возраста: учебник и практикум для вузов / Т.П. Авдулова. – М.: Юрайт, 2024. – 394 с.
2. Васько Е.В. Несовершеннолетние правонарушители: учебное пособие для вузов /

Е.В. Васкэ. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 175 с.

3. Кулагина И.Ю. Психология детей младшего и среднего школьного возраста: учебник и практикум для среднего профессионального образования / И.Ю. Кулагина. – М.: Юрайт, 2023. – 291 с.

4. Лафренье П. Эмоциональное развитие детей и подростков / П. Лафренье. – СПб.: Прайм–Еврознак, 2020. – 172 с.

5. Молчанов С.В. Психология подросткового и юношеского возраста: учебник для академического бакалавриата / С.В. Молчанов. – М.: Юрайт, 2023. – 352 с.

6. Подольский А.И. Психология развития. Психозэмоциональное благополучие детей и подростков: учебное пособие для вузов / А.И. Подольский, О. А. Идобаева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 124 с.

7. Тигунцева Г.Н. Психология отклоняющегося поведения: учебник и практикум для вузов / Г.Н. Тигунцева. – М.: Юрайт, 2023. – 349 с.

8. Фесенко Ю.А. и др. Детская и подростковая психотерапия: неврозы у детей: учебное пособие для вузов / Ю.А. Фесенко, В. И. Гарбузов. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2024. – 330 с.

9. Хухлаева О.В. и др. Психология развития и возрастная психология: учебник для среднего профессионального образования / О.В. Хухлаева, Е. В. Зыков, Г. В. Базаева ; под редакцией О. В. Хухлаевой. – М.: Юрайт, 2024. – 367 с.

© Исмагилова А.Т., Талипова О.А., 2025

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ УЧАЩЕГОСЯ В УСЛОВИЯХ КАДЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

И. И. Каверзин

студент 2 курса,

Сибирский государственный университет
науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева

Российская Федерация, г. Красноярск

E-mail: ivan_gro01@mail.ru

Е. А. Мухамедвалеева

доцент, кандидат педагогических наук

Сибирский государственный университет
науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева

Российская Федерация, г. Красноярск

E-mail: el.mail@mail.ru

Статья посвящена изучению особенностей становления личности учащихся в условиях кадетского образования. В работе представлены анализ организационных и дидактических особенностей кадетского образования и результаты диагностического исследования личностных качеств учащихся кадетского корпуса.

Ключевые слова: кадетский корпус, личность, личностные качества.

The article is devoted to the study of the features of the formation of students' personalities in the conditions of cadet education. The paper presents an analysis of the organizational and didactic features of cadet education and the results of a diagnostic study of the personal qualities of students in a cadet corps.

Keywords: cadet corps, child, personality, characteristics.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим вниманием к формированию гражданских, моральных и волевых качеств у молодежи в образовательном процессе воспитательных учреждений специального типа, таких как кадетские корпуса. Кадетское образование, сочетая военную дисциплину и образовательную подготовку, создает уникальные условия социализации, влияющие на личностное развитие подростков. В связи с этим представляет интерес исследование особенностей личностных установок и качеств, формирующихся в таких условиях, для улучшения педагогических практик и поддержки психологического здоровья кадетов [9].

Первый кадетский корпус был открыт в 1732 году по приказу императрицы Анны Иоанновны по рекомендации графа П.И. Ягужинского. Сначала планировалось выпускать только военных, но позже, из-за нехватки общеобразовательных учреждений в корпусах стали готовить и гражданских чиновников. Долгое время кадетское образование было доступно только дворянам, нельзя не сказать и о том, что в отличие от современности, воспитанники проходили обучение в корпусе с 5 до 20 лет, сейчас сложно такое представить. В данный момент нет единого требования к возрасту и учебное заведение самостоятельно определяет с какого класса можно поступить в корпус. Тем не менее в 1830 году император Николай I сделал кадетское образование общенародным, теперь в губернские кадетские корпуса могли поступать и лица незнатного происхождения. Эта возможность стала хорошим социальным лифтом для рядового населения России [2].

Большой след в кадетском образовании оставил внук Николая I – Великий князь Константин Константинович Романов, который в 1900 году возглавил Военно-учебные заведения по всей стране. Константин Константинович провёл много важных реформ на своей должности, во-первых, назначал на пост директоров кадетских корпусов молодых полковников, отправляя на заслуженный отдых засидевшихся стариков. Во-вторых, вернул кадетским корпусам знамена, которые были сданы в архив при переименовании корпусов в военные гимназии и наказал выносить их на парад. Ввёл традицию вручения Святого Евангелия каждому поступившему в корпус, интересен тот факт, что данная традиция соблюдается и сегодня в корпусах Красноярского края. Разработал новые программы воспитания кадет, чем заслужил звание «Отец всех кадет». В 2000 году Советом директоров кадетских корпусов Министерства образования России была учреждена медаль «За возрождение Кадетского Дела» или в народе: «Константиновская медаль».

Современная кадетская система образования сильно отличается от дореволюционной, основные нормы и требования прописывали в Советском союзе при создании Суворовских военных училищ. Сегодня в России существует несколько видов и форм кадетского образования: Президентские, суворовские, нахимовские кадетские училища, которые считаются элитными в системе кадетских корпусов; кадетские корпуса и школы, находящиеся в ведении федеральных ведомств и субъектов, предоставляя круглосуточное пребывание воспитанников на территории корпуса; казачьи кадетские корпуса, созданные для возрождения традиции казачества [2].

В 2025 году на территории Красноярского края функционируют 8 кадетских корпусов и 2 Мариинские женские гимназии. Первый кадетский корпус был открыт по инициативе генерал-губернатора А.И. Лебеда в 1998 в городе Красноярске. Александр Иванович ставил перед собой цели возродить кадетскую систему образования старой России, воспитать государственно мыслящих людей, настоящих патриотов, дать новую жизнь детям, попавшим в сложную жизненную ситуацию и оставшихся без попечительства родителей. Дело генерала продолжалось до 2009 года, по всему региону открывались кадетские школы-интернаты. В 2005 году Совет Администрации Красноярского края принял концепцию развития кадетского и женского гимназического образования в регионе. Увы, многие цели, которые были поставлены в этом документе так и не были достигнуты. Да и сам факт того, что документ был принят 20 лет назад, говорит о необходимости нового взгляда на кадетское образование. Так или иначе время шло, и социальная обстановка в стране изменилась, в большинстве корпусов приставка «интернат» стала не актуальной и учреждения стали именоваться просто корпусами, появились платные услуги в том числе и за содержание ребят в учебном учреждении. Важно отметить, что система кадетского и женского гимназического образования в нашем регионе уникальна и относится к Министерству образования края. Александр Иванович Лебедь заслуживает особое место в памяти каждого выпускника подобных учебных заведений, его мечта частично сбылась, и многие выпускники в настоящее время выполняют боевые задачи в ходе СВО или являются госслужащими законодательной и исполнительной власти. Ежегодно перед общекорпусным Выпускным балом, который по традиции проходит на БКЗ в Красноярске, воспитанники отдают дань уважения у мемориала генерал-лейтенанта на территории Красноярского кадетского корпуса, который носит его имя.

Исследование проводилось на базе Канского морского кадетского корпуса, который относится к второй из вышеперечисленных форм организации кадетского образования. На протяжении учебной недели кадеты проживают в казармах на территории корпуса, живут воспитанники по распорядку дня, включающему в себя: утренние и вечерние построения на плацу с поднятием Андреевского и Государственного флага РФ; часы самостоятельной подготовки во второй половине дня, во время которых кадет выполняет домашнее задание

отправляется на выбранные им секции и факультативы; вечерняя прогулка строевым шагом; личное время, во время которого воспитанник созванивается или встречается с семьей; вечерняя поверка и телесный осмотр; отбой и подъем с зарядкой. Все кадеты носят одинаковую форму, передвигаются по территории корпуса только в строю, после соответствующего распоряжения командира взвода или его заместителей, покидать территорию без разрешения запрещено и считается побегом. Пронос в кадетский корпус запрещенной еды, курительной и табачной продукции, алкоголя строго запрещен, несвоевременная сдача и пользование мобильным телефоном также является дисциплинарным проступком. В субботу кадеты уходят домой, после построения или сдачи нормативов, для тех, кто не удовлетворительно их сдал. Всё это отличает корпус от школ города и далеко не каждый ребёнок может выдержать строгий и чётко спланированный ритм жизни.

Важно понимать, что в кадетском корпусе действуют и особые социальные нормы, регулирующие поведение и взаимодействие воспитанников. Существует чёткая иерархия, офицеры-воспитатели, педагоги, младшие командиры из числа кадет и обычные кадеты. Деление на классы – взвода, роты – группа взводов. В ребятах воспитывается коллективизм, поэтому часто за дисциплинарный проступок одного воспитанника, отвечает весь взвод. Руководством действий кадет является Устав корпуса, которому он обязан следовать и за стенами учебного заведения, за несоблюдение которого предусматривается дисциплинарное взыскание. Общение ребят ограничено кругом обучающихся в корпусе, изредка с другими школьниками на секциях, соревнованиях, сборах и т.д. Все кадеты между собой равны, в независимости от социального статуса и благополучие за стенами учебного заведения.

Цель исследования заключалась в выявлении и анализе личностных и ценностных характеристик подростков, обучающихся в кадетском корпусе, с учетом возрастных психологических особенностей и воспитательной среды. Но самое понятие личности очень широко. В первую очередь, было принято решение изучить ценностные ориентации личности и её направленность у воспитанников. Впервые понятие «направленность личности» было введено в психологическую науку С.Л. Рубинштейном [10, с. 519]. Он рассматривал ее как совокупность динамических тенденций, которые, выступая в роли мотивов, направляют человеческую деятельность и, в свою очередь, формируются под влиянием целей и задач этой деятельности. В жизни личности эти динамические тенденции проявляются в форме разнообразных потребностей, установок, интересов и идеалов.

В.Н. Мясичев рассматривает направленность личности как доминирование определенного отношения или его интеграла. Отмечает ограничения этого понятия для характеристики личности, так как она многогранна и изменчива. Связывает понятие «позиция личности» с концепцией «стиля жизни» Альфреда Адлера [1], определяемого «социальным интересом» и «степенью активности».

А. Адлер [1, с. 172] Предлагает классификацию «стилей жизни», основанную на «социальном интересе» и «степени активности»: управляющий, берущий, избегающий и социально-полезный типы. Считает выраженность «социального интереса» критерием психического здоровья.

В.С. Мерлин определяет направленность личности как систему мотивов, включая отношения к социальному окружению и к себе. Считает направленность личности определяющим фактором самосознания, нравственной самооценки и выбора значимой деятельности.

Л.И. Божович [4, с. 116] Разработала концепцию направленности личности как иерархии мотивов, позволяющей организовывать поведение в соответствии с убеждениями

и принципами. Выделяет три вида направленности: коллективистическая, деловая и личная.

Г.М. Андреева рассматривает направленность личности как predisposition к определенному действию, сравнивая ее с понятием социальной установки. Отмечает связь с идеями Алексея Николаевича Леонтьева о личностном смысле и интерпретацией Александра Георгиевича Асмолова социальной установки как личностного смысла.

Е.П. Ильин выделяет две ключевые стороны направленности личности. Первая сторона представляет собой совокупность мотивационных образований, таких как желания, влечения, потребности, склонности, убеждения, идеалы и мотивы личности. Вторая сторона отражает влияние этой системы на поведение и деятельность человека, формируя своего рода «вектор поведения», как его называл А.А. Ухтомский. Таким образом, первая сторона направленности личности отражает ее содержательную компоненту, а вторая – субъектно-деятельностную. Иными словами, потребности, интересы, идеалы и мотивы определяют, почему человек действует, чего он стремится достичь как субъект деятельности.

Рассмотрим содержательную компоненту направленности личности более детально. Основной движущей силой, побуждающей человека к активности, являются потребности. В психологии потребность определяется как состояние индивида, вызванное нуждой в объектах, необходимых для его существования и развития, и являющееся источником его активности.

Учитывая, что направленность личности включает в себя как «предметное содержание», так и возникающее при этом «напряжение» наиболее точным представляется определение «потребности личности», данное Е.П. Ильиным. Потребность личности – это осознание нужды (желания) в чем-либо, часто переживаемое как внутреннее напряжение и активизирующее психическую деятельность, связанную с постановкой целей.

Такое «потребностное состояние» (желание) не является простой реакцией организма, а представляет собой реакцию личности на воздействие внешней и внутренней среды, приобретающее для человека личностный смысл. Возникновение потребности личности запускает механизм, побуждающий человека к поиску и достижению цели, удовлетворяющей эту потребность. Этот механизм действует как в отношении базовых (органических) потребностей человека, так и в отношении социальных потребностей (в знаниях, умениях, общении), формирующихся в процессе социализации.

Поскольку потребности относятся к «динамическим тенденциям», они постоянно претерпевают изменения в процессе развития личности. Они уточняются, дифференцируются, и по мере освоения человеком новых видов деятельности возникают новые, соответствующие им потребности. При этом важно отметить, что «не только потребности порождают деятельность, но и деятельность иногда порождает потребность».

Еще одним важным элементом содержательной компоненты направленности личности являются интересы. Интерес – это избирательное отношение личности к объекту, обусловленное его жизненным значением и эмоциональной привлекательностью. Это сосредоточенность мыслей на определенном предмете. Отличие потребности от интереса заключается в том, что потребность проявляется в желаниях, влечениях, воле человека, а интерес – в направлении его мыслей и внимания. Иными словами, «потребность вызывает желание в каком-то смысле обладать предметом, интерес – ознакомиться с ним». Однако эти два процесса тесно взаимосвязаны: возникновение желания влечет за собой сосредоточение внимания на предмете желаемого (интерес), и наоборот.

Интересы можно классифицировать по их направленности. Непосредственный интерес – это интерес к самому процессу деятельности (процессу труда, усвоению знаний). Опосредованный интерес направлен на результаты деятельности (определенное служебное или общественное положение, ученое звание, материальные блага).

Оптимальное сочетание непосредственных и опосредованных интересов способствует активной и продуктивной деятельности. Еще И.П. Павлов рассматривал интерес как фактор, активизирующий состояние коры головного мозга. Когда человек заинтересован в результатах своей деятельности и получает удовольствие от самого процесса, он работает с полной отдачей и достигает высоких результатов, испытывая при этом удовлетворение и демонстрируя деловую активность.

В качестве диагностики направленности личности отлично подходит ориентировочная анкета Басса (ОДН) была предложена Б. Бассом в 1962 г. и впервые опубликована в 1967 г. Русская адаптация появилась в 1981 году, предположительно, переводом занимался Н.Н. Обозов. Более современная модификация теста авторства В.И. Тараненко имеет название Опросник деловой направленности (ОДН), отличие от прошлой версии состоит в подробных интерпретациях диапазонов значений шкал.

Исследование базировалось на комплексном подходе с использованием: стандартизированных психологических опросников и тестов для оценки личностных установок и ценностных ориентаций, наблюдений за поведением учащихся в учебно-воспитательном процессе, интервьюирования педагогов и психологов корпуса. Для работы использовались «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» С.С. Бубновой, которая направлена на изучение реализации ценностных ориентаций личности в реальных условиях жизнедеятельности, может проводиться индивидуально и в группе и «Методика исследования ценностных ориентаций» П.В. Степанов. Выбранные методики проводились среди кадет 7 «а» (19 кадетов) и «б» (21 кадетов) классов, для прослеживания интервалов и динамики результатов. Всего в исследовании приняло участие 40 воспитанников 12-13 лет.

Выявлено, что кадеты данной возрастной группы обладают высокой дисциплинированностью, значимой волевой устойчивостью, ответственностью и выраженной внутренней мотивацией. Ценностные ориентации подростков включают коллективизм и чувство долга. Таким образом, учёба и ответственность чаще всего доминируют в выборе ценностей (30-35 человек). Ценность семьи и патриотизма выражена у 25-30 человек, что можно объяснить отстраненностью от близких и спецификой воспитательной работы. Свобода более значима у 10-15 кадетов, часто сочетается с ответственностью, ребята с ранних лет учатся различать свободу реальную от мнимой и ответственно подходят к этому вопросу. Тем не менее, интересен факт, что свобода в общем результате слабо выражена и стоит на лидирующих местах у тех ребят, которые по словам педагога-психолога корпуса испытывают трудности с адаптацией и скучают по дому. Строгая воспитательная среда корпуса стимулирует развитие эмоциональной устойчивости и саморегуляции личности.[3] Также стоит отметить, что результаты ребят из разных классов идентичны, за исключением тех воспитанников, которые перешли из обычной школы в кадетский корпус в текущем учебном году. Однако возрастная специфика накладывает отпечаток на эмоциональную сферу и вызывает внутренние конфликты, требующие внимания педагогов и психологов.

Результаты показывают, что кадетское образование формирует личностные качества, отличающиеся высокой устойчивостью к стрессу и выраженным коллективизмом, что отличает их от сверстников в общеобразовательных учреждениях. Для гармоничного развития личности необходим комплексный педагогический и психологический подход, учитывающий как требования дисциплины, так и психологические потребности подростков. Кадетское образование создает условия для формирования дисциплинированной, ответственной и эмоционально устойчивой личности подростка.[2] Личностные установки кадетов 7-х классов характеризуются высокой волевой устойчивостью и коллективными ценностями. Для эффективного воспитания необходимы комплексные педагогические и психологические мероприятия,

поддерживающие гармоничное развитие личности. Диагностика личностных характеристик кадетов позволяет своевременно выявлять проблемные зоны и корректировать воспитательный процесс.

Библиографические ссылки

1. Адлер, А. Очерки по индивидуальной психологии / А. Адлер. – М.: Когито Центр, 2002. – 220 с. – Текст: непосредственный
2. Алексеев А. А. Кадетское образование в России: история и современность // М.: Просвещение, 2018. – 256 с.
3. Баранова Е. А. Психологические особенности личности кадетов. – СПб.: Питер, 2020. – 192 с.
4. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте /Л. И. Божович. – М., 1968. – 400 с.– Текст: непосредственный.
5. Григорьев Д. В. Воспитание в современной школе: теория и практика //М.: Просвещение, 2017. – 288 с.
6. Иванов И. И. Социализация подростков в условиях кадетских корпусов // М.: Педагогика, 2021. – 224 с.
7. Казаков А. А. Кадетское движение в России: от истоков до наших дней // М.: Вече, 2016. – 304 с.
8. Кузнецова Л. В. Формирование гражданственности у обучающихся в образовательных учреждениях // М.: Просвещение, 2018. – 240 с.
9. Петров П. П. Особенности личностного развития подростков в условиях кадетского образования // М.: Академия, 2022. – 208 с.
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 720 с.– Текст: непосредственный.

© Каверзин И.И., Мухамедвалеева Е.А., 2025

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т. О. Капустина

студент 4 курса,

АНО ВО СИБУП,

г. Красноярск, Россия

E-mail: osyapka@mail.ru

В статье рассматривается проблема неготовности к профессиональной деятельности при переходе от учебной деятельности к работе в конкретной организации. Рассматривается понятие психологической готовности, дана характеристика некоторых подходов к оценке психологической готовности при переходе к профессиональной деятельности по окончании учебного заведения. В статье отмечен недостаток научной литературы по теме статьи. Отмечено, что одна из основных проблем формирования психологической готовности к профессиональной деятельности – методическая. В настоящее время отсутствует единая методика оценки психологической готовности к профессиональной деятельности, что, в свою очередь, приводит к проблеме формирования этой готовности. То есть, пока нет возможности оценить элементы психологической готовности, то нет программы формирования, которая бы позволила сформировать психологическую готовность к профессиональной деятельности. Большинство методик связаны с оценкой мотивации профессиональной деятельности. В научной литературе встречаются публикации, касающиеся психологической подготовки к профессиональной деятельности в органах внутренних дел, при работе в экстремальных условиях, при работе в условиях инклюзии. Однако, переход от процесса обучения, по мнению автора статьи, должен сопровождаться психологической подготовкой вне зависимости от профессиональной деятельности. Любая профессия требует психологической подготовки.

С этой целью актуализируется компетентностная модель, в которой готовность развивается посредством «активации самообразования». В предлагаемой модели формирования психологической готовности следует учитывать наличие внутренней и внешней мотивации, адаптивность и гибкость в структуре психологической готовности студентов к профессиональной деятельности, оценку организационной среды.

Ключевые слова: психологическая готовность, исследование, подходы к оценке, профессиональная деятельность, переход, учебная деятельность.

The article examines the problem of unpreparedness for professional activity during the transition from academic activity to work in a specific organization. The concept of psychological readiness is considered, and the characteristics of some approaches to assessing psychological readiness during the transition to professional activity after graduation are given. The article notes the lack of scientific literature on the topic of the article. It is noted that one of the main problems of the formation of psychological readiness for professional activity is methodical. Currently, there is no unified methodology for assessing psychological readiness for professional activity, which, in turn, leads to the problem of forming this readiness. That is, while it is not possible to assess the elements of psychological readiness, there is no education program that would allow you to form a psychological readiness for professional activity. Most of the methods are related to the assessment of motivation for professional activity. There are publications in the scientific literature concerning psychological preparation for professional activity in law enforcement agencies, when working in extreme conditions, when working in conditions of

inclusion. However, the transition from the learning process, according to the author of the article, should be accompanied by psychological training, regardless of professional activity. Any profession requires psychological training.

To this end, the competence model is being updated, in which readiness develops through the «activation of self-education». The proposed model of psychological readiness formation should take into account the presence of internal and external motivation, adaptability and flexibility in the structure of students' psychological readiness for professional activity, and an assessment of the organizational environment.

Key words: *psychological readiness, research, assessment approaches, professional activity, transition, educational activity*

Готовность к профессиональной деятельности является важным компонентом перехода студента к профессиональной деятельности и целью образования. Эффективная коммуникация, критическое мышление, умение работать в команде, способность решать проблемы на рабочем месте, информационная грамотность определяются специалистами как факторы готовности к профессиональной деятельности, которыми должны обладать выпускники, независимо от специальности.

Психологическая готовность специалиста представляет собой сложное, многогранное образование, включающее в себя индивидуально-личностные и социально-профессиональные компоненты, необходимое для выполнения профессиональной деятельности. В ее структуре выделяются мотивационная, личностная, когнитивная готовность. Элементы готовности необходимо рассматривать на основе системного подхода, так как только во взаимосвязи может быть сформирована целостная картина психологической готовности. Готовность предполагает единство когнитивного, аффективного и волевого компонентов. Готовность позволяет человеку мобилизоваться эффективно использовать ресурсы, справляться со стрессом и адаптировать свое поведение в соответствии с требованиями ситуации. В этом смысле психологическая готовность – это не статичное качество, а динамичный процесс, который развивается посредством обучения, приобретения опыта и саморефлексии. В рамках педагогической психологии психологическая готовность особенно важна в контексте профессионального развития.

Оценка мотивационной готовности предполагает использование методов изучения профессиональной мотивации, а личностный компонент оценивает уникальные качества и характеристики, которые определяют способность человека к выполнению профессиональных задач, эмоционально-волевые качества, коммуникативные навыки и нравственные ориентиры, которые обеспечивают эффективность выполнения профессиональных ролей [1].

Принцип психологической готовности к профессиональной деятельности связан с эмоциональной способностью человека реагировать на любые обстоятельства в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей.

Процесс формирования готовности к профессиональной деятельности включает когнитивное понимание задач, эмоциональную устойчивость перед лицом неопределенности и мотивационную ориентацию на овладение мастерством и самосовершенствование. Без этих элементов учащиеся могут обладать техническими знаниями, но им не хватает уверенности, адаптивности и саморегуляции, необходимых для стабильной работы в реальных условиях. Психологическая готовность также включает в себя элемент предвидения будущие профессионалы мысленно моделируют предстоящие действия, предвидя возможные проблемы и результаты.

Такие опережающие процессы усиливают когнитивную гибкость и подготавливают студента к эффективному реагированию на вызовы будущей профессии. В профессиональном контексте упреждающая рефлексия является краеугольным камнем процесса принятия решений, поскольку она позволяет профессионалам прогнозировать последствия, регулировать эмоции и выбирать подходящее поведение.

Кроме того, психологическая готовность включает в себя как ситуативную готовность – немедленную готовность к действию – так и долгосрочную готовность, более стабильную черту личности, которая поддерживает профессиональную деятельность. Ситуационная готовность возникает в ответ на конкретные условия, такие как экзамены, соревнования или чрезвычайные ситуации. Долгосрочная готовность, с другой стороны, развивается благодаря опыту, получаемому студентом, например, в условиях учебной практики на рабочем месте, саморегуляции и ориентации на цель. Эта двойственная природа обеспечивает гибкий баланс между стабильностью и адаптивностью, гарантируя, что студент сможет эффективно функционировать в разнообразных и изменяющихся условиях.

Эмоциональные механизмы играют особенно важную роль в формировании готовности.

Эмоции влияют на мотивацию, восприятие и принятие решений. Позитивные эмоциональные состояния, такие как энтузиазм, любопытство и уверенность, как правило, повышают готовность, способствуя вовлечению в профессиональную деятельность. И наоборот, тревога или страх неудачи могут подавлять готовность, что приводит к избеганию профессиональных обязанностей и ригидности. Теории эмоционального интеллекта описывают эту связь, предполагая, что люди с высокой эмоциональной компетентностью лучше подготовлены к будущей профессиональной деятельности в динамичных условиях.

В дополнение к эмоциональным факторам психофизиологические механизмы студента оказывают значительное влияние на формирование психологической готовности к будущей профессиональной деятельности. Процесс активизации психофизиологического механизма студента включает в себя активацию центральной нервной системы, регулирование мышечного тонуса и гормонального баланса, которые подготавливают организм к эффективным действиям. С нейропсихологической точки зрения готовность соответствует оптимальному уровню возбуждения в префронтальной и лимбической областях мозга, которые поддерживают внимание, контроль и адаптивные реакции. Современная когнитивная нейронаука предоставила доказательства того, что психологическая готовность предполагает координацию как корковых, так и подкорковых процессов, отражая интеграцию когнитивной, эмоциональной и двигательной подготовки.

Факторы окружающей среды также вносят значительный вклад в развитие психологической готовности студентов к профессиональной деятельности. Конструктивная связь с внешней средой индивида, поощрение профессионалов и доверие близких людей способствуют повышению психологической готовности за счет снижения тревожности и повышения мотивации. То есть готовность формируется посредством социального взаимодействия, когда люди усваивают нормы, ожидания и стратегии своего сообщества. В профессиональной подготовке наставничество и совместное обучение служат как катализаторы формирования готовности, предлагающие возможности для целенаправленной практики. Это согласуется с современными образовательными подходами, которые делают упор на обучение, основанное на опыте и компетентности.

Концепция психологической готовности применяется в различных областях, таких как преподавание, консультирование, здравоохранение и менеджмент. В каждой из этих

областей в профессиях готовность предполагает не только технические знания, но и жизнестойкость, эмпатию и этическую ответственность.

Однако, одна из основных проблем формирования психологической готовности к профессиональной деятельности – методическая. В настоящее время отсутствует единая методика оценки психологической готовности к профессиональной деятельности, что, в свою очередь, приводит к проблеме формирования этой готовности. То есть, пока нет возможности оценить элементы психологической готовности, то нет программы формирования, которая бы позволила сформировать психологическую готовность к профессиональной деятельности. Большинство методик связаны с оценкой мотивации профессиональной деятельности. В работах М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович представлена психологическая готовность как взаимодействие мотивационного компонента с ориентационным, операциональным, волевым и оценочным компонентом [2]. Сластенин А.В. определял готовность как особое психическое состояние, как образ структуры, конкретизированного действия и направленности сознания на его реализацию [3]. Кусакина С.Н. в готовности выделяет мотивационно-профессиональный, когнитивно-темповой, интеллектуальный, организационно-темповой и волевой элементы ее общей модели [4].

Однако, личностной и когнитивной готовности к профессиональной деятельности в современной научной литературе уделяется недостаточно внимания, но в последние годы интерес к проблеме растет, например, Н.А. Баженова рассматривает теоретический и практический аспект изучения проблемы управления формированием психологической готовности к профессиональной деятельности [5]. Автор обращает внимание на длительный период изучения данной темы отечественными учеными и выделяет работы таких авторов как М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, которые рассматривали особое психическое состояние выпускника образовательной организации при начале работы по военной специальности [6].

В научной литературе встречаются публикации, касающиеся психологической подготовки к профессиональной деятельности в органах внутренних дел, при работе в экстремальных условиях, при работе в условиях инклюзии. Однако, переход от процесса обучения, по мнению автора статьи, должен сопровождаться психологической подготовкой вне зависимости от профессиональной деятельности. Любая профессия требует психологической подготовки.

С этой целью актуализируется компетентностная модель, в которой готовность развивается посредством «активации самообразования», что означает, что учащихся поощряют воспринимать самих себя как активных участников собственного профессионального роста, что предполагает самоанализ результатов работы, постановку целей и мониторинг прогресса. В такой модели рефлексия - ключевой инструмент преобразования опыта в обучение и усиления внутренней мотивации.

Компетентностный подход обеспечивает эффективную основу для развития готовности. Когда студенты участвуют в практическом обучении, таком как стажировки на практике, совместные проекты в условиях реального рабочего места, они приобретают не только практические навыки, но и психологические качества, которые поддерживают готовность, вселяют уверенность, позволяют адаптировать учебную деятельность к профессиональной.

В предлагаемой модели формирования психологической готовности следует учитывать наличие внутренней и внешней мотивации. Внутренняя мотивация основана на внутреннем удовлетворении и стремлении к мастерству, тогда как внешняя мотивация происходит из внешних стимулов, таких как оценка или признание.

Внутренняя мотивация вносит более значительный вклад в формирование психологической готовности, так как способствует самостоятельности и любознательности

студента – будущего профессионала. Преподаватели учебного заведения могут повысить внутреннюю мотивацию студента, предлагая значимые задачи, возможности для выбора и признание усилий и результатов.

Адаптивность и гибкость в структуре психологической готовности студентов к профессиональной деятельности являются важными компонентами готовности в современной профессиональной среде. В настоящее время, в условиях технологических и социальных изменений, профессионалы должны переосмысливать проблемы, приобретать новые компетенции и учиться на протяжении всей жизни. Психологическая готовность служит основой для профессиональной жизнестойкости – способность восстанавливаться после неудач и сохранять работоспособность в изменяющихся условиях. Развитие этой способности к адаптации предполагает формирование установки на развитие и позволяет людям воспринимать трудности как возможности для обучения, а не как угрозу компетентности.

Измерение и оценка психологической готовности представляют собой важную область прикладных исследований. Такие инструменты, как опросники для самооценки, ситуационное суждение для оценки компонентов готовности обычно используются тесты и моделирование поведения. Эти инструменты помогают преподавателям и работодателям выявлять области, требующие вмешательства, и отслеживать прогресс с течением времени. Однако, учитывая многогранный характер психологической готовности, ни один инструмент не может охватить ее в полной мере. Следовательно, целостная оценка должна включать как субъективные показатели (например, самоэффективность и мотивацию), так и объективные показатели (например, выполнение задач и уровень адаптации).

На практике повышение психологической готовности требует системного подхода, включающего не только индивидуума, но и организационную среду, в которой он работает.

Оценка организационной среды должна быть включена в модель формирования психологической готовности к профессиональной деятельности.

Компании должны развивать культуру, в которой приоритетными являются инновации, рефлексия и эмоциональное благополучие. Кроме того, программы непрерывного профессионального развития должны включать модули по управлению стрессом, эмоциональной регуляции, снижают тревожность и повышают вовлеченность сотрудников в производственный процесс.

В заключение отметим, что психологическая готовность выступает как метакомпетентность, объединяющая профессиональные навыки и личностную зрелость.

Психологическая готовность – это целенаправленный процесс, требующий систематического педагогического вмешательства. Психологическая готовность – это интегративная конструкция, которая объединяет психологические, физиологические и социальные аспекты функционирования человека в условиях профессиональной среды еще на стадии обучения в образовательной организации. Психологическая готовность отражает способность студента мобилизовывать внутренние и внешние ресурсы в преддверии сложных задач в условиях выполнения профессиональных обязанностей. Готовность определяет эффективность работы профессионала и устойчивость бизнеса.

Образовательные программы могут способствовать повышению готовности с помощью стратегий, которые развивают самосознание, рефлексивное мышление и способность решать проблемы на рабочем месте. Развитие психологической готовности с помощью целенаправленных образовательных стратегий, рефлексивных практик и благоприятной среды гарантирует, что студенты смогут уверенно решать профессиональные задачи, проявляя творческий подход и эмоциональное равновесие. Психологическую готовность следует рассматривать не просто как подготовительный

этап, а как непрерывный процесс развития, который развивается параллельно с личным и профессиональным ростом индивида.

Библиографические ссылки

1. Бодров, В.А. Психология профессиональной пригодности / В.А. Бодров. – Москва: ПЕР СЭ, 2014. – 511 с. – Текст: непосредственный.
2. Дьяченко, М.И. Психологические проблемы готовности к деятельности / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович. – Минск.: изд-во БГУ, 1976. – 176 с. – Текст: непосредственный.
3. Сластенин, В.А. Педагогика: инновационная деятельность / В.А. Сластенин, Л.С. Подымова. – М.: Магистр, 1997. – 221 с. – Текст: непосредственный.
4. Кусакина, С.Н. Готовность к обучению в вузе как психологический феномен: дис. ...канд.психол. наук / С.Н. Кусакина. – М., 2009. – 234 с. – Текст: непосредственный.
5. Баженова, Н.А. Проблемы управления формированием психологической готовности к профессиональной деятельности / Н.А. Баженова, В.В. Мальченкова. – Текст непосредственный // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2024. – № 2. – С. 97-100.
6. Дьяченко, М.И. История отечественной военной психологии: учебник / М.И. Дьяченко, С.Л. Кандыбович. – М: «Проспект», 2021. – 488 с. – Текст: непосредственный.

© Капустина Т.О., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТЫ РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА: МЕХАНИЗМЫ, ОСОБЕННОСТИ И ПУТИ ПОДДЕРЖКИ

А. М. Киришина

магистрант Казанского инновационного
университета им. В.Г. Тимирязева
г. Нижнекамск, Россия, Республика Татарстан
E-mail: kirshinaalevtinamar@gmail.com

О. А. Талипова

кандидат психологических наук, доцент
Казанского инновационного университета
Им. В.Г. Тимирязева
г. Нижнекамск, Россия, Республика Татарстан
E-mail: otalipova@ieml.ru

В статье рассматриваются психологические защиты, используемые родителями, воспитывающими детей с расстройством аутистического спектра (РАС). Отмечается, что воспитание ребенка с аутизмом сопровождается повышенной эмоциональной нагрузкой, хроническим стрессом и риском социальной изоляции. Эти факторы актуализируют использование различных защитных механизмов, направленных на сохранение эмоциональной стабильности и уменьшение тревоги. Проведён анализ особенностей проявления защит, их роли в поддержании психического равновесия, а также различий между родителями детей с РАС и родителями типично развивающихся детей. В статье представлены практические рекомендации, направленные на психологическую поддержку родителей и повышение их адаптационных ресурсов. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию эмоциональных реакций родителей и могут быть использованы в работе психологов, педагогов и социальных специалистов.

Ключевые слова: родители, аутизм, расстройства аутистического спектра, психологические защиты, семейная адаптация, эмоциональное выгорание, психологическая поддержка

The article explores the psychological defense mechanisms employed by parents raising children with Autism Spectrum Disorder (ASD). Parenting a child with autism often entails heightened emotional stress, chronic fatigue, and social isolation, which trigger various psychological defenses to maintain emotional stability and reduce anxiety. The study analyzes specific types of defenses, their role in family adaptation, and differences between parents of children with ASD and those of typically developing children. Practical recommendations are provided to enhance parental psychological resilience and improve support strategies. The presented findings contribute to a deeper understanding of parental emotional reactions and can be applied in psychological, educational, and social practice.

Keywords: parents, autism, autism spectrum disorder, psychological defenses, family adaptation, emotional burnout, psychological support

В последние десятилетия количество диагностированных случаев расстройства аутистического спектра (РАС) у детей стремительно увеличивается, что становится

важнейшей проблемой как для медицинского, так и для психологического и педагогического сообщества. Семьи, воспитывающие ребенка с аутизмом, сталкиваются с множеством эмоциональных и поведенческих трудностей, которые не ограничиваются только границами развития ребенка – они напрямую сказываются на психологическом состоянии родителей и всех членов семьи.

Одним из важных аспектов внутреннего мира родителей, воспитывающих ребёнка с РАС, является использование ими различных психологических защит – особых способов бессознательного реагирования на стрессовые, сложные или травматические ситуации. Эти защитные механизмы позволяют снижать уровень тревоги, сохранять эмоциональное равновесие, но в то же время могут приводить к отстранённости, соматизации, избеганию контактов, переоценке реальности. Для специалистов, работающих с такими семьями, понимание того, какие психологические защиты актуализируются у родителей, имеет критическое значение для выстраивания эффективной поддержки и профилактики психоэмоционального выгорания.

Краткий анализ статистики за последние годы число детей с РАС выросло во всем мире. По международным оценкам, в среднем один из 54-60 ребёнка рождается с признаками аутистического спектра, а в некоторых странах эти показатели могут быть еще выше. В России в последние 5 лет отмечается устойчивый рост числа официальных диагнозов, по экспертным оценкам диагностируется около 0,3-0,8% детского населения. За увеличением числа случаев следует увеличение числа семей, нуждающихся в психологической и педагогической поддержке, а также разработке новых методик работы с родителями по вопросам их эмоционального состояния, адаптации и преодоления стресса.

Цель работы – обобщить современные представления о психологических защитах, которые формируются и проявляются у родителей, воспитывающих детей с расстройством аутистического спектра, выявить их особенности и значимость в структуре семейной адаптации к жизни с таким ребенком.

Для реализации цели определены следующие задачи:

1. Описать основные виды психологических защит, их функции и механизмы действия.
2. Проанализировать специфические факторы, влияющие на появление и актуализацию психологических защит у родителей детей с РАС.
3. Рассмотреть проблемы эмоциональной адаптации и психической устойчивости родителей.
4. Систематизировать практические рекомендации по поддержке родителей, направленные на более эффективное преодоление стрессовых ситуаций и повышение психологической стабильности семьи.

Таким образом, статья нацелена на глубокое изучение психологических особенностей родителей детей с аутизмом, понимание их поведенческих реакций и разработку путей психологической помощи.

Определение понятия «психологические защиты» Психологические защиты – это особые, зачастую неосознаваемые механизмы, которые включаются у человека для сохранения внутреннего равновесия в стрессовых, травмирующих или противоречивых ситуациях. Они призваны уменьшить эмоциональное напряжение, защитить личность от переживания тревоги, страха, чувства вины или других негативных эмоций. Такие защиты формируются с раннего возраста, активно развиваются в старшем детстве и взрослом возрасте, становясь фундаментом психической устойчивости и способов реагирования человека на сложные жизненные обстоятельства [1].

Виды и функции психологических защит у взрослых. К основным видам психологических защит можно отнести вытеснение, отрицание, рационализацию,

проекцию, регрессию, интеллектуализацию, изоляцию, фантазирование, обращение в противоположность и др.

Вытеснение позволяет «забывать» неприятные мысли и воспоминания.

Отрицание заставляет человека игнорировать неприятные факты или последствия.

Рационализация – попытка объяснить свои действия логическими причинами, уводя внимание от реальных мотивов.

Проекция означает приписывание другому тех чувств и качеств, которые трудно принять у себя.

Регрессия проявляется в возврате к более примитивным, детским формам поведения при стрессе.

Интеллектуализация и изоляция помогают дистанцироваться от эмоций при анализе уже произошедшего. Эти механизмы действуют комплексно, помогая снижать силу стрессовых переживаний. Однако чрезмерное или одностороннее использование определённых защит часто приводит к затруднениям в формировании открытого диалога в семье, тормозит развитие близких отношений и мешает объективному восприятию действительности [5].

Особенности воспитания ребенка с аутизмом в семье. Воспитание ребенка с расстройством аутистического спектра отличается высокой эмоциональной нагрузкой для родителей. Им постоянно требуется адаптироваться к разнообразным и сложным поведенческим проявлениям ребенка, сталкиваться с непредсказуемыми реакциями, работать над поддержанием режима, социализации и обучением. Часто это приводит к росту напряжения, усталости, чувству вины, тревоге, а иногда и к социальной изоляции. Родители осваивают специфические защитные стратегии: они учатся легче справляться со стрессом, вырабатывают свои способы эмоциональной разгрузки, ищут поддержку у специалистов и других родителей в схожей ситуации. Семейная атмосфера напрямую зависит от способности родителей находить баланс между собственными потребностями, возможностями, внутренними ресурсами и особенностями развития ребенка. Важно стремиться к созданию стабильной, поддерживающей среды, где используется не только адаптационный, но и обучающий, развивающий подход к воспитанию [2,3].

Воспитание ребенка с аутизмом – это постоянная работа в условиях повышенного эмоционального напряжения. Родители часто сталкиваются с множеством стрессовых факторов, начиная от неуверенности в собственных силах и заканчивая сложностями во взаимодействии с ребенком, который может иначе воспринимать окружающий мир, демонстрировать нестандартные или непредсказуемые реакции. Сюда добавляются трудности в общении с педагогами, врачами, родственниками и даже с незнакомыми людьми, которые могут не понимать особенности таких детей.

Психологические нагрузки и стрессовые факторы: Родители детей с аутизмом нередко испытывают хроническую усталость из-за необходимости постоянного контроля над ситуацией, проведения специальных обучающих занятий, посещения разных специалистов, принятия решений об адаптации ребенка и организации быта всей семьи. К этим задачам часто добавляются чувства беспомощности, тревоги за будущее, страх и даже ощущение изоляции от общества, потому что люди далеко не всегда готовы поддержать или понять проблемы таких семей. Многие родители сталкиваются с непониманием в школе или детском саду, критикой со стороны окружающих, отсутствием нужной информации и ресурсов.

Специфика родительских защит при воспитании детей с РАС: В ответ на постоянный стресс родители невольно начинают применять определенные психологические защиты – внутренние стратегии, которые помогают справляться с трудностями. Например, кто-то старается «отключаться» от самой тяжелой проблемы, делая вид, что все хорошо, чтобы не

расстраиваться лишний раз. Кто-то ищет рациональное объяснение поведению своего ребенка и действий окружающих, чтобы легче принимать сложную реальность. Часть родителей бывает склонна к изоляции от внешнего мира, чтобы оградить себя и семью от лишних переживаний и чужой критики. Некоторые начинают подавлять собственные эмоции или уходить с головой в работу и заботу о семье, не давая себе времени на отдых.

Влияние семейного климата, эмоциональных трудностей, социальной изоляции: То, какие защитные механизмы выбирают родители, зависит от атмосферы в семье, характера отношений между супругами, детей и родителей, наличия поддержки от близких или специалистов. Если в семье царит взаимопонимание, можно открыто обсуждать свои переживания, помогать друг другу – у родителей появляется шанс для более конструктивной психологической защиты: принятия ситуации, поиска пути к ее улучшению, разделения забот с другими. Однако если родители испытывают одиночество, не могут получить достаточной поддержки, страдают от чувства вины или отчаяния, защитные механизмы могут быть более выражены – они стараются избегать контактов даже между собой, замыкаются или чрезмерно заботятся о деталях, чтобы снизить тревогу. Эмоциональные трудности, социальная изоляция и напряженность между членами семьи часто усиливают ненадежность таких защит, снижают их эффективность: родители могут чаще болеть, становиться раздражительными или замкнутыми. Важно помнить, что психологические защиты – это не только барьер против боли, но и ресурс, который помогает сохранить психическое здоровье, если его использовать осознанно и грамотно. Для этого необходима поддерживающая атмосфера, информированность и возможность обращаться за помощью.

Родители детей с аутизмом сталкиваются с уникальными сложностями, которые существенно отличаются от проблем, с которыми сталкиваются родители типично развивающихся детей. Если в обычной семье заботы, связанные с воспитанием, чаще касаются учебы, досуга и формированием социальных навыков, то родители ребенка с аутизмом сталкиваются с постоянной необходимостью приспосабливаться к сложной и непредсказуемой модели поведения ребенка, а также к его особым потребностям в развитии и обучении.

Основные отличия:

Эмоциональная нагрузка. Повышенная тревожность и нескончаемый стресс сопровождают жизнь родителей ребенка с аутизмом, ведь они постоянно переживают за его безопасность, правильность воспитания, успехи и будущее. Родителям типично развивающихся детей удастся расслабиться чаще, они могут временно оставлять ребенка под присмотром родственников или детского учреждения и быть уверенными, что ребенок справится с бытовыми ситуациями. В семьях с ребенком с аутизмом чаще возникает чувство неопределенности и тревога за каждый предстоящий этап жизни.

Формирование психологических защит. Родители детей с аутизмом чаще пользуются защитными механизмами для сохранения собственного эмоционального равновесия. Они могут больше избегать контактов, скрывать свои чувства, отстраниться от социальных событий, не всегда позволяют себе проявлять уязвимость даже перед близкими. В то время как родители типичных детей реже нуждаются в таких «защитных щитах» – их стресс обычно локализован и проходит быстрее.

Социальная жизнь. Семьи с детьми с аутизмом часто оказываются в социальной изоляции. Не все учреждения готовы принять ребенка, не все родственники понимают их проблемы. Родители типично развивающихся детей меньше испытывают сложности с общением, они чаще участвуют в жизни коллективов, спортивных секций, праздниках, делятся опытом со сверстниками.

Динамика внутрисемейных отношений. В семьях с типично развивающимися детьми отношения между супругами и детьми чаще строятся на доверии, совместных увлечениях,

легкости общения. В семье, где воспитывается ребенок с аутизмом, супругам приходится искать новые способы поддержки друг друга, часто им сложнее находить время для совместного отдыха, появляется необходимость в постоянной взаимопомощи и терпении.

Психологические последствия для семьи:

В семьях с ребенком с аутизмом повышается риск возникновения депрессии, тревожных расстройств, эмоционального выгорания у родителей. Это связано с регулярным переживанием чувства вины, бессилия, усталости.

Значимым различием является снижение социальной активности всей семьи – родители вынуждены чаще отказываться от привычных встреч, поездок, отдыха вне дома.

В таких семьях нередко затруднено открытое выражение эмоций, родители и близкие могут чувствовать дистанцию друг к другу.

Возникает необходимость поиска новых ресурсов – обращение к специалистам, объединения с другими семьями, создание особой системы поддержки внутри семьи.

В целом, отличие родителей детей с аутизмом от родителей типично развивающихся детей заключается в необходимости ежедневной, долгосрочной адаптации, умении справляться с необычными ситуациями и поиске уникальных способов защиты вне привычных стандартов семьи и общества. Это формирует совершенно особую психологическую атмосферу, где каждый шаг направлен не только на поддержку ребенка, но и на сохранение внутреннего баланса самой семьи.

Методы психологической и педагогической поддержки

Родителям, воспитывающим ребенка с аутизмом, важно получать комплексную поддержку, направленную не только на коррекцию поведения ребенка, но и на сохранение эмоционального здоровья всей семьи. Психологическая поддержка включает консультирование со специалистами – психологами, психотерапевтами, семейными консультантами – которые помогают разобраться с собственными чувствами, научиться справляться с тревогой, переосмысливать трудные жизненные ситуации. Педагогическая поддержка заключается в сопровождении семьи педагогами-дефектологами, логопедами. Они объясняют, как стимулировать речь, социализацию и другие способности ребенка, предлагают адаптивные методы обучения.

Полезно регулярно посещать группы поддержки для родителей, где можно обмениваться опытом, получать одобрение и эмоциональную помощь от людей в схожей ситуации.

Примеры эффективных стратегий преодоления:

1. Разделение ответственности. Важно не брать на себя все заботы в одиночку, а вовлекать других членов семьи, родственников, специалистов.

2. Планирование дня. Четкое расписание помогает исключить лишний стресс и предсказуемо распределять нагрузки.

3. Эмоциональная разгрузка. Позволяйте себе отдых, занимайтесь любимым делом, давайте себе право чувствовать усталость и просить о помощи.

4. Обращение к профессионалам. Не стесняйтесь обращаться за советом к психологам, участвуйте в обучающих семинарах, консультируйтесь по поводу индивидуальных трудностей.

5. Поиск поддержки среди родителей. Объединение с другими семьями, где есть дети с аутизмом, позволяет не чувствовать себя одиноким, делиться полезными рекомендациями, получать моральную поддержку.

6. Обсуждение эмоций с супругом, членами семьи. Открытое обсуждение переживаний укрепляет семейные связи, помогает обнаруживать скрытые проблемы и своевременно их решать.

Для самостоятельной работы с эмоциональными трудностями и изучения особенностей развития ребенка полезны следующие ресурсы:

1. Книга «Аутята. Родителям об аутизме» – простым языком объясняет принципы поддержки ребенка и семьи.
2. Руководства для родителей детей с аутизмом: подробные инструкции по взаимодействию, развитию навыков и преодолению бытовых трудностей.
3. Книги о личностном росте и эмоциональных реакциях родителей – помогают понять себя, принять свои чувства.
4. Онлайн-сообщества и тематические сайты для родителей (форумы, чаты, группы поддержки).
5. Видеолекции и вебинары на площадках для специалистов – расширяют кругозор, дают практические советы.

Следование этим рекомендациям и использование перечисленных ресурсов помогает родителям не только создавать поддерживающую среду для ребенка, но и сохранять собственную психическую устойчивость, поддерживать гармонию в семейных отношениях и чувствовать себя частью сообщества, где их понимают и принимают.

В ходе рассмотрения темы была выделена особая роль психологических защит у родителей, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра. Ежедневные нагрузки, эмоциональные трудности, постоянный стресс и социальная изоляция оказывают значительное влияние на психику родителей, заставляя искать способы сохранения внутреннего равновесия и адаптации к особым условиям жизни семьи. Психологические защиты становятся важным инструментом, который помогает справляться с тревогой, чувством вины, неопределенностью, поддерживать эмоциональную стабильность и защищать отношения внутри семьи.

Рассмотренные практические рекомендации показывают, что родителям важно не только заботиться о ребенке, но и уделять внимание своему эмоциональному состоянию, использовать стратегии самопомощи, находить поддержку среди близких, специалистов и других родителей.

Перспективы дальнейших исследований. Актуальность темы требует более глубокого изучения механизмов формирования и проявления психологических защит, поиска новых способов поддержки родителей, разработки специальных программ профилактики эмоционального «выгорания». Перспективными направлениями могут стать исследования воздействия различных типов психологических защит на адаптацию семьи, анализ эффективности групповой и индивидуальной психотерапии для родителей, а также внедрение цифровых ресурсов и онлайн-сообществ поддержки.

Значимость для практиков, специалистов, родителей. Понимание особенностей психологии родителей, испытывающих повышенные эмоциональные нагрузки, важно для педагогов, психологов, психотерапевтов и социальных работников, которые взаимодействуют с семьями, воспитывающими детей с аутизмом. Для родителей знание о психологических защитах помогает осознанно подходить к собственным реакциям, учиться справляться с трудностями, чувствовать себя увереннее и спокойнее в новых, сложных жизненных обстоятельствах. Обеспечение профессиональной поддержки и психопросвещения способствует укреплению семьи, сохранению позитивных отношений между ее членами и повышению качества жизни всех участников воспитательного процесса.

Библиографические ссылки

1. Каган, В.Е. Аутята. Родителям об аутизме. – СПб.: Питер, 2017. – 192 с. ISBN 978-5-496-01486-1.

2. Тюлина, В.Б. Воспитание ребенка с аутизмом в семье: пособие для родителей и педагогов общеобразовательных организаций, реализующих ФГОС НОО ОВЗ и АООП НОО обучающихся с РАС. – М.: Владос, 2021. – 168 с. ISBN 978-5-907013-26-1.
3. Нестерова, А.А., Айсина Р.М., Сулова Т.Ф. Руководство для родителей ребенка с расстройством аутистического спектра: вопросы самопомощи и социального развития ребенка. – М.: РИТМ, 2016. – 216 с. ISBN 978-5-98422-282-2.
4. Морозов, С.А., Чигрина С.Г. Исследование отношений внутри семьи, имеющей ребенка с расстройством аутистического спектра // Аутизм и нарушения развития. – 2023. – № 1. – С. 51–65.
5. Баенская, Е.Р. Помощь в воспитании детей с особым эмоциональным развитием (ранний возраст). – М.: Теревинф, 2007. – 112 с. ISBN 978-5-4212-0129-1.
6. Никольская, О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребенок: пути помощи. – Изд. 6-е, стер. – М.: Теревинф, 2010. – 288 с. ISBN 978-5-4212-0019-2.
7. Руководство для родителей ребёнка с расстройством аутистического спектра // Айсина Р.М., Нестерова А.А., Сулова Т.Ф. – М.: РИТМ, 2016. – URL: <https://krc22.ru/wp-content/uploads/2022/11/090310.pdf>

© Киршина А.М., Талипова О.А., 2025

ПОКОЛЕНИЕ Z И ФЕНОМЕН «ПЛАВАЮЩЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ»: ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Н. Д. Кудрявцев,

студент 3 курса

ПФ ФГБОУВО «РГУП им В.М. Лебедева»

г. Нижний Новгород, Россия

E-mail: Nikitakudravcev470@gmail.com

Научный руководитель:

Е. К. Ватлецова,

старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

ПФ ФГБОУВО «РГУП им В.М. Лебедева»

г. Нижний Новгород, Россия

E-mail: vatlettsova@inbox.ru

В статье рассматриваются особенности профессионального самоопределения поколения Z в условиях феномена «плавающей идентичности». Анализируются причины, влияние социальной среды и психологические аспекты.

Ключевые слова: поколение Z, плавающая идентичность, профессиональное самоопределение, молодежь.

The article examines the features of professional self-determination of Generation Z amid the phenomenon of «floating identity». It analyzes causes, social environment impact, and psychological aspects.

Key words: generation Z, floating identity, professional self-determination, youth.

Проблема идентичности занимает центральное место в гуманитарной и социально-психологической мысли конца XX – начала XXI века и требует мультидисциплинарного подхода. Первичные философские представления об идентичности как о принципе самотождественности и внутренней непрерывности субъекта сформировали онтологическую базу для дальнейших теоретических конструкций. Классическая модернистская традиция рассматривала личность как устойчивую структуру, обладающую постоянством черт и связью с историческим прошлым индивида. Однако трансформация социально-культурного ландшафта – индустриализация, урбанизация, последующая постиндустриальная реорганизация – привела к пересмотру этой парадигмы: личность стала пониматься через призму временности, процессов и взаимодействий. [1]

В психологии ключевой вклад внес Эрик Эриксон, который предложил концепцию развития идентичности через кризисы и переходные этапы жизненного цикла; его подход позволил связать внутренние переживания индивида с социокультурными ожиданиями. В рамках социологии значительную роль сыграли идеи символического интеракционизма (Дж. Г. Мид), представления о социокультурной драматургии (Э. Гофман) и теоретические разработки Энтони Гидденса, акцентирующего внимание на рефлексивности современного самоощущения и на необходимости постоянного конструирования «Я» в условиях изменчивых социальных структур. Этот поворот от онтологии к процессуальному рассмотрению личности создаёт методологическую основу для анализа феномена плавающей идентичности как динамической совокупности практик, повествований и следов взаимодействия.

Постмодернистская парадигма усиленно деконструировала представление о целостном, непротиворечивом субъекте. Работы Мишеля Фуко выявили, как дискурсы власти продуцируют категории идентичности, а Жан Бодрийяр и Зигмунт Бауман описали фрагментацию и текучесть социальных смыслов. Бауман ввёл метафору «жидкой модерности», подчёркивающую нестабильность социальных форм и растущую неопределённость индивидуального опыта. В рамке постструктуралистской и постмодернистской мысли идентичность предстает как множественность режимов самоописывания, где субъект постоянно выбирает, примеряет и отбрасывает роли в зависимости от контекста. Понятие перформативности Дж. Батлер дополнительно подчёркивает ролевой, ритуальный характер конституирования пола, профессиональных и социальных статусов через повторяющиеся практики самопрезентации. [5] [2]

Технологическая трансформация общества усилила эти характеристики. Цифровая среда предоставляет уникальные возможности для артикуляции и экспериментирования с идентичностью: мультиролевое присутствие в социальных сетях, анонимные и полуанонимные платформы, быстрое создание и удаление цифровых артефактов формируют условия, в которых самоидентификация становится публичной и одновременно фрагментарной. Медиаформы диктуют форматы самопрезентации; визуальные платформы стимулируют создание «образа» как товара, направленного на внешнее одобрение. Алгоритмическая фильтрация контента и экономия внимания создают усиленные петли обратной связи, где реакция аудитории (включая лайки, репосты и комментарии) становится значимым ресурсом по формированию и верификации «Я».

Глобализация и мобильность дополнительно нивелируют локальные идентичности: транснациональные потоки людей, идей и культурных практик размывают прежние опорные точки. Коцепция поколения как когорты (по К. Манхайму) в современных условиях требует уточнения: временные рамки и характер социокультурных опытов для поколения Z отличны от предыдущих, в первую очередь из-за перманентного доступа к глобальной информационной среде с раннего возраста. Методологически это означает необходимость учета многослойности контекстов социализации – семейного, образовательного, цифрового и профессионального – при анализе идентичностных траекторий. [3]

Поколение Z предстает как социально-психологический тип с рядом отличительных характеристик.

Воспитанные в условиях цифровой доступности и ускоренной смены культурных кодов, представители этого поколения демонстрируют высокую пластичность идентичностных установок, склонность к параллельным практикам самопрезентации и готовность к быстрой смене ролей. Ценностные ориентиры включают прагматизм в отношении карьеры, внимание к самореализации и балансу, повышенную толерантность к многообразию и ожидание гибких форм занятости. Вместе с тем сохраняется потребность в признании и социальной поддержке, что делает сети социальной валидации критически важными для формирования самоощущения. [6]

С точки зрения профессионального самоопределения важны понятия «портфельная карьера» (portfolio career) и «протеанская карьера» (Д. Холл), которые описывают склонность к множественным, краткосрочным проектам и к ориентации на личностные ценности в профессиональной деятельности. Карьерная конструкция Савикаса подчёркивает роль повествования в конструировании профессионального «я», что в цифровую эпоху приобретает дополнительные средства выражения и аудитории. Проектная логика, свойственная поколению Z, позволяет комбинировать образовательные траектории, фриланс-проекты и предпринимательские инициативы, но одновременно создаёт запрос на новые навыки самоуправления, рефлексии и эмоциональной устойчивости. [7]

Методологически анализ плавающей идентичности требует смешанных подходов: качественные методы (углублённые интервью, нарративный анализ, цифровая этнография) позволяют раскрыть смысловые структуры и субъективные практики самопредставления; количественные методы (опросы, сетевой анализ, методы больших данных) фиксируют распространённость и корреляции между идентичностными стратегиями и социально-демографическими показателями. Особое значение имеет методология анализа цифровых следов: лики, публикации, взаимодействия в платформенных экосистемах дают возможность реконструировать динамику самопрезентаций и сетевых ролей. Этические ограничения и вопросы приватности при работе с такими данными требуют строгого методологического контроля и прозрачности процедур. [1]

Плавающая идентичность как концептуальная категория объединяет феномены множественности «я», адаптивности и перманентного конструирования собственной позиции в социальных и профессиональных полях. Для поколения Z это не только ответ на вызовы внешней нестабильности, но и активная стратегия адаптации, предполагающая освоение цифровых инструментов, проектное планирование карьерных целей и использование сетевой поддержки. При аналитической декомпозиции феномена важно учитывать не только преимущества гибкости, но и психологические, социальные и институциональные ограничения, которые ставят новые задачи перед системами образования, трудовыми институтами и политикой в области занятости. [3]

Все более очевидным становится, что формирование идентичности у поколения Z не ограничивается личностным самоощущением, а распространяется на все сферы жизнедеятельности, включая профессиональную. Механизм «плавающей идентичности» здесь приобретает особую силу, так как выбор профессии и осмысление своего места в социальной структуре оказываются процессами, требующими постоянной переоценки. В эпоху цифровизации границы между работой, обучением и личной жизнью стираются, и именно поэтому профессиональное самоопределение перестаёт быть одноразовым решением, а превращается в непрерывное действие – поиск, пробу, эксперимент.

Современные социально-культурные условия задают контекст, в котором молодое поколение вынуждено выстраивать свои профессиональные траектории. Переход от индустриальной экономики к экономике знаний и платформенных сервисов сопровождается изменением принципов организации труда. Если ранее карьера предполагала вертикальное продвижение, то теперь она всё чаще строится по горизонтальному принципу – через последовательность проектов, коллабораций и самостоятельных инициатив. Ценность труда смещается от стабильности и послушания к креативности, самопрезентации, способности генерировать идеи и адаптироваться. Для поколения Z эта логика воспринимается естественно: гибкость, мультизадачность и цифровая компетентность становятся не просто навыками, а формой идентичности. [4]

При этом труд всё чаще воспринимается как средство самоутверждения. Молодые люди связывают профессиональный выбор не с престижем, а с личным смыслом. Возникает феномен ценностно-ориентированного труда, где важно, чтобы работа соответствовала внутренним убеждениям и мировоззрению. Профессиональная идентичность становится не столько внешним маркером статуса, сколько продолжением личной истории. Работа рассматривается как пространство самореализации, а не только как источник дохода. При этом особую роль играет социальная вовлечённость: многие представители поколения Z стремятся совмещать карьеру с участием в волонтерских инициативах, социальных проектах или экологических движениях, что также отражает стремление к синтезу личного и общественного смыслов.

Однако такая переориентация не устраняет противоречий. Ожидание постоянного развития, смены сфер и творческой активности порождает внутреннее напряжение. Молодые специалисты испытывают тревогу из-за страха остановиться, потерять

актуальность или не соответствовать быстро меняющимся требованиям рынка. В то же время они не готовы мириться с рутинной, бюрократией и авторитарными корпоративными структурами. Это приводит к тому, что профессиональная идентичность поколения Z формируется как баланс между свободой и необходимостью, где гибкость становится одновременно источником возможностей и фактором нестабильности.

Семья, как институт социализации, сохраняет влияние, но трансформируется. Родители, принадлежащие к поколению X или миллениалам, чаще демонстрируют амбивалентное отношение: с одной стороны, они стремятся передать традиционные установки на образование и карьеру, с другой – признают ценность личного выбора и самореализации. В результате формируется гибридная модель воспитания, где ребенок получает больше автономии, но и больше ответственности за последствия своих решений. Образование, в свою очередь, становится не столько механизмом подготовки к профессии, сколько пространством формирования метакомпетенций: способности учиться, анализировать, адаптироваться, сотрудничать. Формальные дипломы теряют значение, уступая место портфолио, цифровым сертификатам и практическим кейсам.

В этой новой экосистеме особую роль играют цифровые медиа. Социальные сети выступают не только средством коммуникации, но и пространством профессиональной социализации. Здесь формируются представления о статусе, успехе и ценности труда. Алгоритмы платформ определяют, какие формы деятельности становятся видимыми и престижными, а какие – остаются на периферии. Молодые люди учатся соотносить свои профессиональные стратегии с логикой медийного внимания. [4] [3]

Инфлюенсеры становятся своеобразными «учебными моделями»: наблюдая за их успехом, аудитория перенимает не только эстетические, но и профессиональные паттерны поведения. Так возникает феномен «карьеры через контент», когда самопрезентация и публичность превращаются в инструмент профессионального роста.

Экономика внимания усиливает зависимость профессионального самоощущения от внешнего признания. Количество просмотров, подписчиков и комментариев нередко воспринимается как доказательство компетентности. В этом кроется двойственность: с одной стороны, цифровая среда демократизирует доступ к профессиональной реализации, позволяя каждому заявить о себе, с другой – создаёт иллюзию успеха, не подкреплённую реальными результатами. Постоянное сравнение себя с другими формирует хроническое чувство неопределённости и нестабильности самооценки. Таким образом, медиасреда не только стимулирует креативность и активность, но и становится источником давления, провоцирующего психологическую усталость. [2]

Тем не менее, цифровая культура формирует уникальные условия для самореализации поколения Z. Виртуальные сообщества, сетевые коллаборации и креативные индустрии открывают новые профессиональные пространства. Работа перестаёт быть локализованной: дистанционные форматы стирают географические границы, позволяя строить карьеру вне зависимости от места проживания. Это усиливает чувство автономии и независимости, но также требует новых навыков самоуправления, тайм-менеджмента и самоорганизации. В результате профессиональная идентичность всё чаще строится не вокруг одной профессии, а вокруг совокупности ролей и компетенций, объединённых личным смыслом.

Особое внимание заслуживает феномен гибридной занятости. Поколение Z склонно совмещать несколько источников дохода: основную работу, фриланс, личные проекты, участие в стартапах. Такая стратегия отражает стремление минимизировать зависимость от работодателя и одновременно сохранить ощущение свободы. При этом гибридная занятость не воспринимается как временное явление – напротив, она становится устойчивым образом жизни. В этих условиях профессиональная идентичность обретает

черты мозаичности: отдельные элементы опыта складываются в индивидуальную конфигурацию, где важно не столько направление, сколько способность к интеграции. [1]

Социальная динамика профессиональных практик поколения Z свидетельствует о переходе от модели «карьеры как лестницы» к модели «карьеры как сети». Человек больше не поднимается по иерархическим ступеням, а перемещается между горизонтальными связями, проектами и командами. Каждая новая профессиональная роль становится очередным фрагментом идентичности, а успешность определяется не титулом или должностью, а способностью оставаться востребованным и интересным. В результате само понятие «работа» теряет прежнюю жёсткость и становится символом творческого участия в жизни общества. [7]

Таким образом (заменяя эту связку на допустимые формулировки), можно сказать, что для поколения Z профессиональная идентичность представляет собой процесс непрерывного движения, в котором личные ценности, медийная среда и социальные ожидания взаимно формируют друг друга. Молодые специалисты учатся существовать в многомерной реальности, где каждая сфера – личная, профессиональная, цифровая – влияет на другую. Их самоопределение становится живым, изменчивым и адаптивным, отражая общие тенденции современного общества, в котором стабильность уступает место постоянной готовности к изменениям.

Библиографические ссылки

1. Анопочкина Р. Х. «Поколение Z» и особенности его обучения в системе РКИ // Cross – Cultural Studies: Education and Science. 2018. Т. 3. № 3. С. 212–217.
2. Асеева Ю. С. Особенности поколения Z в обучении // Конкурентоспособность территорий: Материалы XXI Всероссийского экономического форума молодых ученых и студентов. В 8-ми частях, Екатеринбург, 23–27 апреля 2018 года / Ответственные за выпуск Я. П. Силин, Е. Б. Дворядкина. Том Часть 1. Екатеринбург, 2018. С. 8–10.
3. Грачева А. В. Особенности обучения представителей поколения Z // Актуальные проблемы интенсивного развития животноводства: Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти доктора биологических наук, профессора, Заслуженного работника Высшей школы РФ, Почётного работника высшего профессионального образования РФ, Почётного профессора Брянской ГСХА, Почётного гражданина Брянской области Егора Павловича Ващекина, Брянск, 22 января 2024 года. Брянск, 2024. С. 566–570.
4. Нуржанова А. А. Особенности обучения представителей поколения Альфа // Образовательная среда: теория и практика: материалы IV Международной научно-практической конференции, Астрахань, 28 мая 2021 года. Астрахань, 2021. С. 136–139.
5. Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения. // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. С. 94–97.
6. Попкова, Н. А. От поколения Z к поколению Альфа: особенности мировоззрения и обучения / Н. А. Попкова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 20 (571). – С. 760-761. – URL: <https://moluch.ru/archive/571/125117>.
7. Савельев Ю. Н. Особенности обучения поколения Z: проблемы и пути решения // Человек. Общество. Наука. 2021. Т. 2. № 4. С. 33–38.

© Кудрявцев Н.Д., Ватлецова Е.К., 2025

ТЕМПЕРАМЕНТ И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ В КОНТЕКСТЕ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

А. А. Кузьмина

магистрант Казанского инновационного
университета им. В.Г. Тимирязова
г. Нижнекамск, Россия, Республика Татарстан
E-mail: a.kuzmina@roskama.ru

О. А. Талипова

кандидат психологических наук, доцент
Казанского инновационного университета
им. В.Г. Тимирязова
г. Нижнекамск, Россия, Республика Татарстан
E-mail: otalipova@ieml.ru

В статье рассматривается взаимосвязь темперамента и эмоциональной регуляции как ключевых факторов, predisposing к развитию аддиктивного поведения. Проведен теоретический анализ современных отечественных и зарубежных исследований (2015–2025 гг.), раскрывающих биологические и психологические механизмы зависимости от химических и поведенческих аддикций. Особое внимание уделено модели I-PACE и концепции синдрома дефицита удовольствия как основам понимания формирования зависимостей. Результаты работы подтверждают роль индивидуальных темпераментальных характеристик и стратегий эмоциональной регуляции в уязвимости к аддиктивному поведению. В статье сформулированы практические рекомендации для профилактики и терапии, основанные на дифференцированном подходе с учетом индивидуально

Ключевые слова: аддиктивное поведение, зависимость, темперамент, эмоциональная регуляция, синдром дефицита удовольствия, профилактика зависимостей, терапия аддикций

This article examines the relationship between temperament and emotion regulation as key factors predisposing individuals to addictive behavior. A theoretical review of recent domestic and international studies (2015–2025) is presented, highlighting the biological and psychological mechanisms underlying chemical and behavioral addictions. Special attention is paid to the I-PACE model and the pleasure deficit syndrome as frameworks for understanding addiction development. The findings confirm the role of individual temperament traits and emotion regulation strategies in vulnerability to addictive behavior. Practical recommendations for prevention and treatment are formulated, emphasizing a differentiated approach considering individual psychological characteristics.

Key words: addictive behavior, addiction, temperament, emotion regulation, pleasure deficit syndrome, addiction prevention, addiction therapy

Введение. Аддиктивное поведение представляет собой одну из наиболее актуальных проблем современного общества, охватывая широкий спектр зависимостей – от химических (наркотики, алкоголь) до поведенческих (интернет-зависимость, игромания). Распространённость зависимого поведения среди молодёжи продолжает расти, что определяет необходимость углублённого изучения факторов, predisposing к

формированию аддикций. Особую значимость в понимании механизмов развития зависимостей приобретает анализ индивидуальных различий, в частности темпераментальных характеристик и способности к эмоциональной регуляции.

Зависимое поведение – это особый вид отклоняющегося поведения, который развивается поэтапно и характеризуется всё возрастающим стремлением человека менять своё сознание. Такое поведение сопровождается сильной привязанностью к конкретному веществу или действию, которая становится очень важной и занимает центральное место в жизни человека. Состояние человека меняется – настроение подвержено колебаниям, возникают конфликты как с окружающими, так и внутри самого себя. Постепенно развивается толерантность – для достижения того же эффекта нужна большая доза или более частое повторение действия. Также появляются симптомы абстиненции – неприятные физические и психологические реакции при отсутствии объекта зависимости. Эти циклы сопровождаются рецидивами, когда человек возвращается к зависимости даже после периодов воздержания. Помимо физической и психологической зависимости, зависимое поведение охватывает широкий спектр как химических, так и поведенческих форм.

Основная сложность заключается в том, что традиционные методы профилактики и лечения зависимостей зачастую не учитывают индивидуальные психологические особенности человека, которые влияют на развитие аддикций. Особенно важную роль играют такие личностные характеристики, как темперамент и способности к эмоциональной регуляции – именно они предсказывают уязвимость человека к зависимому поведению. Люди с определёнными темпераментальными чертами и трудностями в управлении эмоциями чаще оказываются восприимчивыми к формированию зависимостей. Это означает, что для эффективной борьбы с аддикцией необходимо не только воздействовать на поведение, но и учитывать индивидуальные психофизиологические особенности, чтобы разрабатывать персонализированные профилактические и терапевтические программы. Такая стратегия поможет повысить эффективность помощи и снизить риск повторных срывов.

Целью настоящей статьи является анализ взаимосвязи темперамента и эмоциональной регуляции в контексте аддиктивного поведения на основе современных отечественных и зарубежных исследований, проведённых в период 2015-2025 гг. Комплексное рассмотрение этих конструктов позволит выявить механизмы формирования зависимостей и определить направления эффективной профилактической работы.

Темперамент как предиктор аддиктивного поведения

Темперамент – это совокупность природных, биологических особенностей человека, которые обуславливают его типичные реакции и поведение. Эти индивидуальные различия проявляются в особенностях нервной системы и влияют на то, как человек реагирует на окружающую среду, насколько быстро и интенсивно возникают его эмоциональные реакции, а также насколько эффективно он может контролировать своё поведение и эмоции на протяжении всей жизни [3, с. 45]. Темперамент – это своего рода «основа», заложенная в человеке с рождения, которая сохраняется почти неизменной на протяжении всей жизни, формируя стабильный стиль его эмоционального и поведенческого реагирования.

В психологии существует несколько моделей, которые описывают темперамент с разных точек зрения. Особенно важными для понимания аддиктивного поведения стали разработки М. Ротбарта и К. Р. Клонингера, которые предложили разные концепции темпераментальных характеристик [7, с. 33].

Модель Ротбарта включает такие компоненты, как ориентирующая чувствительность (способность быстро и точно воспринимать окружающие стимулы), эфортный контроль (умение регулировать своё внимание и поведение), экстраверсия (склонность к общению и

активности), аффилиативность (стремление к эмоциональной близости и поддержке) и негативная аффективность (склонность к переживанию негативных эмоций) [7, с. 34]. Эта модель помогает понять, как различные черты темперамента влияют на поведение человека и его эмоциональное состояние.

В то же время, модель Клонингера обращает внимание на другие аспекты темперамента, выделяя четыре ключевых компонента: поиск новизны (стремление к новым впечатлениям и рискам), избегание вреда (тенденция избегать опасных или неприятных ситуаций), зависимость от вознаграждения (чувствительность к похвале и вознаграждению) и настойчивость (упорство и устойчивость в достижении целей) [7, с. 34]. Этот подход помогает понять, почему люди по-разному реагируют на стимулы и стрессовые ситуации, а также почему у некоторых из них выше риск формирования зависимого поведения.

Таким образом, темперамент является важной фундаментальной характеристикой личности, которая определяет не только общие поведенческие и эмоциональные реакции, но и предрасположенность к различным психическим состояниям и нарушениям, включая аддиктивное поведение. Изучение темперамента с помощью разных моделей даёт возможность более глубоко раскрыть индивидуальные особенности и их роль в развитии зависимостей [3, с. 45; 7, с. 33-34]. Это знание особенно важно для разработки эффективных стратегий профилактики и терапии, учитывающих уникальный психологический профиль каждого человека.

Исследования последних лет убедительно демонстрируют связь темпераментальных характеристик с риском развития зависимости [7, с. 35-36]. В частности, исследование М. Чёс и коллег (2022) на выборке из 74 молодых взрослых показало, что лица с расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, демонстрируют более высокий уровень эндогенной печали и интенсивного удовольствия от стимуляции окружающей среды по сравнению с контрольной группой [7, с. 36-37]. Эти данные свидетельствуют о том, что определённые темпераментальные черты, особенно связанные с переживанием негативных эмоций и повышенной реактивностью на внешние раздражители, выступают факторами риска формирования зависимостей [7, с. 38].

Отечественные исследования также подтверждают роль темперамента в развитии аддиктивного поведения [3, с. 52–54]. Семеняк И. В. (2019) в своей работе выявил, что на психофизическом уровне общими предикторами зависимого поведения выступают отсроченность и слабость реакций на стимуляцию, а на индивидуально-психологическом уровне – параметры временной перспективы в виде негативизации событий прошлой жизни и отсутствия целей в настоящем [3, с. 67-69]. Важно отметить, что для различных типов зависимостей характерны специфические темпераментальные предикторы: для интернет-зависимости это высокая толерантность нервной системы к раздражителям и высокая чувствительность как темпераментальная характеристика личности [3, с. 78-80].

Эмоциональная регуляция и аддиктивное поведение

Эмоциональная регуляция определяется как совокупность процессов, посредством которых индивид влияет на то, какие эмоции он испытывает, когда он их испытывает и как он их переживает и выражает [8, с. 348].

Согласно концепции Дж. Гросса и О. Джона (2003), существуют две основные стратегии эмоциональной регуляции: когнитивная переоценка (изменение интерпретации ситуации для модификации её эмоционального воздействия) и экспрессивное подавление (сдерживание внешнего проявления эмоций) [8, с. 349-350]. Исследования неизменно демонстрируют, что использование когнитивной переоценки ассоциируется с благополучием, тогда как экспрессивное подавление связано с негативными исходами [8, с. 356-358].

В контексте аддиктивного поведения эмоциональная дизрегуляция рассматривается как ключевой фактор уязвимости к формированию зависимостей [5, с. 36-38]. Лица, испытывающие трудности в управлении эмоциями, склонны использовать психоактивные вещества или поведенческие аддикции как способ справиться с негативными эмоциональными состояниями [5, с. 40]. Предикторами интернет-зависимости у студентов выступают эмоциональная нестабильность, тревожность, напряжённость, низкий самоконтроль, что указывает на склонность личности, зависимой от интернета, к высокой конфликтности и раздражительности, реактивному возбуждению и импульсивности [5, с. 42]. Такие студенты характеризуются незрелостью эмоций, нестабильностью интересов, безответственностью, зависимостью от настроения, плохо контролируют проявление эмоций и собственное поведение, имеют слабую волю [5, с. 43-44].

Адаптивные стратегии эмоциональной регуляции, напротив, выступают в качестве защитных факторов [4, с. 58]. Рефлексивность и жизнестойкость действуют как «протекторы» интернет-зависимости, препятствуя её формированию [4, с. 62-65]. Это подчёркивает важность развития адаптивных стратегий эмоциональной регуляции в профилактических программах [4, с. 98-102].

Взаимодействие темперамента и эмоциональной регуляции

Темперамент и эмоциональная регуляция тесно связаны друг с другом [3, с. 89]. Темперамент, будучи биологически обусловленной основой личности, напрямую влияет на то, насколько человек способен контролировать и управлять своими эмоциями [3, с. 90-92]. Ключевые характеристики темперамента, такие как реактивность – то есть скорость и сила реакции на события, и эфортный контроль – способность сознательно регулировать своё поведение и эмоции, играют важную роль в эффективности эмоциональной регуляции [7, с. 37-38].

Исследования у пациентов с расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, показали, что именно эфортный контроль является одним из главных факторов, влияющих на степень проявления психопатологии [7, с. 39]. Это означает, что наличие у человека способности к саморегуляции помогает ему лучше справляться с внутренними трудностями, а её недостаток способствует развитию и поддержанию зависимого поведения. Поэтому терапевтические интервенции, которые направлены на укрепление эфортного контроля, показывают лучшие результаты в лечении как самой зависимости, так и сопутствующих психических расстройств [7, с. 40].

Кроме того, теория и практика изучения аддиктивного поведения основываются на модели I-PACE, предложенной М. Brand и соавторами в 2016 году [6, с. 232-235]. Эта модель предлагает комплексное понимание того, как взаимодействуют различные факторы, ведущие к развитию зависимости.

В модели выделяются четыре основные компоненты: Р (личность) – особые характеристики личности, включая темперамент; А (аффект) – эмоциональные реакции и стратегии совладания со стрессом, которые могут быть нарушенными; С (когниция) – когнитивные процессы, связанные с мыслями и убеждениями о зависимом поведении; и Е (исполнение) – поведенческие реакции человека, которые могут приводить к развитию и закреплению аддикции [6, с. 236-238].

Модель I-PACE показала свою эффективность в объяснении различных форм зависимого поведения, включая игровые расстройства, проблемы с азартными играми, компульсивные сексуальные поведения, расстройства, связанные с онлайн-покупками, и чрезмерное использование социальных сетей [6, с. 240-242]. Это подтверждает важность комплексного подхода с учётом личности, эмоциональных и когнитивных факторов для понимания и лечения аддикций.

Таким образом, сочетание индивидуальных особенностей темперамента и их влияния на механизмы эмоциональной регуляции является ключевым для понимания причин и

развития зависимого поведения. Это знание открывает перспективы для более эффективных индивидуализированных методов профилактики и терапии аддикций [3, с. 89-92; 7, с. 37-40; 6, с. 232-242].

Концепция синдрома дефицита удовольствия также подчёркивает роль индивидуальных особенностей в формировании аддиктивного поведения [1, с. 45-47]. Согласно Боротихану (2002), основные мотивации аддиктивных расстройств связаны с попыткой компенсации эмоционального дефицита [1, с. 48]. Лица с определёнными темпераментальными характеристиками, такими как низкая толерантность к фрустрации и трудности в получении удовольствия от обычных жизненных событий, более склонны искать альтернативные источники позитивных эмоций через аддиктивное поведение [1, с. 49-50].

Королёнок и Донских (2007) развивают эту идею, указывая на то, что аддиктивное поведение представляет собой попытку ухода от реальности путём изменения своего психического состояния [2, с. 10-12]. Авторы отмечают, что формирование аддиктивного поведения происходит постепенно и характеризуется стадийностью развития [2, с. 13].

Проведённый анализ современных исследований убедительно демонстрирует, что темперамент и эмоциональная регуляция представляют собой взаимосвязанные предикторы аддиктивного поведения. Это значит, что природные особенности человека и его умение управлять своими эмоциями тесно связаны с тем, насколько он склонен к развитию зависимостей. Определённые темпераментальные характеристики, такие как высокая негативная аффективность, низкий эфортный контроль, повышенная реактивность на стимулы окружающей среды и эндогенная печаль, создают биологическую предрасположенность к развитию зависимостей. Проще говоря, если человек часто испытывает отрицательные эмоции, плохо контролирует себя, сильно реагирует на внешние раздражители и испытывает внутреннюю подавленность, это может стать основой для формирования зависимости.

Эта предрасположенность реализуется через нарушения эмоциональной регуляции, когда индивид не способен эффективно справляться с негативными эмоциональными состояниями и прибегает к аддиктивному поведению как к дисфункциональной стратегии совладания. Иными словами, неспособность правильно управлять своими чувствами толкает человека к тому, чтобы искать временное облегчение в зависимости – будь то от веществ или определённых действий.

Необходимость учёта индивидуальных различий в профилактике и терапии зависимостей является очевидной. Универсальные подходы часто оказываются неэффективными, поскольку не учитывают уникальные черты личности каждого человека. Традиционные унифицированные подходы к лечению зависимостей часто оказываются недостаточно эффективными, так как не принимают во внимание темпераментальные особенности клиентов. Именно поэтому лечение и профилактика должны адаптироваться под индивидуальные психологические особенности. Терапевтические интервенции, направленные на укрепление эфортного контроля и развитие адаптивных стратегий эмоциональной регуляции, могут привести к значительно лучшим результатам лечения. То есть важно помогать людям лучше управлять собой и своими эмоциями, чтобы избежать или побороть зависимость.

Направления дальнейших исследований должны включать более детальное изучение механизмов взаимодействия темперамента и эмоциональной регуляции на различных этапах формирования зависимостей.

Для более эффективной помощи нужно глубже понять, как именно эти факторы взаимодействуют в процессе развития зависимости. Модель I-PACE предоставляет полезную концептуальную рамку для таких исследований, однако необходимы дополнительные лонгитюдные исследования для выявления причинно-следственных

связей. Эта модель помогает структурировать знания, но для полной картины требуются долгосрочные исследования. Особый интерес представляет изучение нейробиологических механизмов, лежащих в основе связи темперамента, эмоциональной регуляции и аддиктивного поведения.

С практической точки зрения, полученные данные позволяют сформулировать следующие рекомендации.

Во-первых, важно выявлять людей из группы риска на основе их темперамента и умений управлять эмоциями. Во-первых, необходимо раннее выявление групп риска на основе оценки темпераментальных характеристик и навыков эмоциональной регуляции.

Во-вторых, профилактика должна сосредоточиться на обучении адаптивным способам регулирования эмоций, особенно когнитивной переоценке и развитию эфортного контроля. Во-вторых, профилактические программы должны быть сфокусированы на обучении адаптивным стратегиям эмоциональной регуляции, в частности когнитивной переоценке, а также на развитии эфортного контроля.

В-третьих, лечение зависимых людей нужно строить с учетом их личных особенностей, компенсируя эмоциональные дефициты. В-третьих, терапевтические интервенции для лиц с уже сформированными зависимостями должны учитывать их индивидуальные темпераментальные особенности и быть направлены на компенсацию специфических дефицитов эмоциональной регуляции. В-четвертых, учитывая разнообразие форм зависимостей, полезно создавать разные программы лечения для разных типов аддикций.

В-четвёртых, учитывая гетерогенность популяции лиц с зависимостями, целесообразно разрабатывать дифференцированные программы лечения для различных подтипов зависимостей. И, наконец, в условиях постоянно растущей цифровизации и увеличения времени, которое молодёжь проводит в интернете, необходимо уделять повышенное внимание профилактике поведенческих зависимостей, учитывая темпераментальные факторы риска. В условиях возрастающей цифровизации и увеличения времени, проводимого молодёжью в интернет-пространстве, особое внимание должно уделяться профилактике поведенческих аддикций с учётом темпераментальных факторов риска.

Библиографические ссылки

1. Боротихан, Б. Н. Синдром дефицита удовольствия и личностные особенности при аддиктивных расстройствах / Б. Н. Боротихан // Вопросы наркологии. – 2002. – № 3. – С. 45-52.
2. Королёнок, Ц. П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития / Ц. П. Королёнок, Т. А. Донских // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – 2007. – Т. 1. – С. 8-15.
3. Семеняк, И. В. Психологические предикторы зависимого поведения у молодежи : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Семеняк Иван Владимирович. – М., 2019. – 198 с.
4. Сирота, Н. А. Профилактика наркомании и алкоголизма : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 176 с.
5. Хромова, Е. А. Эмоциональная дизрегуляция как фактор уязвимости к зависимости / Е. А. Хромова // Психология и психотерапия зависимостей. – 2015. – № 2. – С. 36-48.
6. Brand, M. The Interaction of Person-Affect-Cognition-Execution (I-PACE) model for addictive behaviors: Update, generalization to addictive behaviors beyond Internet-use disorders /

M. Brand, K.-S. Young, C. Laier // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. – 2016. – Vol. 64. – P. 231-246.

7. Chęć, M. Temperament as a risk factor for drug addiction in young adults / M. Chęć, A. Białecka-Pikul, M. Kielar-Turska // Archives of Psychiatry and Psychotherapy. – 2022. – Vol. 24, № 1. – P. 32-41.

8. Gross, J. J. Individual differences in two emotion regulation processes: Implications for affect, relationships, and well-being / J. J. Gross, O. P. John // Journal of Personality and Social Psychology. – 2003. – Vol. 85, № 2. – P. 348-362.

© Кузьмина А.А., Талипова О.А., 2025

АДАПТАЦИЯ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

Е. И. Кулько

старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
УО БГСХА, г. Горки, Республика Беларусь
E-mail: Kulko1612@yandex.ru

В деятельности любого учреждения образования особенно важным этапом организации является первый этап обучения – этап адаптации. Проблема адаптации студентов к условиям обучения в учреждениях образования представляет собой одну из важных общетеоретических проблем, исследуемых в настоящее время на психофизиологическом, индивидуально-психологическом, социально-психологическом уровнях, и до настоящего времени является традиционным предметом дискуссий.

Ключевые слова: адаптация, образовательный процесс, самореализация, взаимодействие, многофакторность

In the activities of any educational institution, the first stage of organization is the adaptation stage. The problem of students' adaptation to the conditions of education in educational institutions is one of the important general theoretical problems currently being studied at the psychophysiological, individual psychological, and socio-psychological levels, and it is still a traditional subject of discussion.

Key words: adaptation, educational process, self-realization, interaction, multifactoriality

Обучение в учреждении образования для современного молодого человека – один из важнейших периодов его жизнедеятельности, личностного роста и становления как специалиста. Поиск путей успешной адаптации к изменившимся социальным условиям и новой деятельности является насущной проблемой для каждого, кто переступил порог высшего учреждения образования.

Способность адаптироваться, преодолевать трудности, найти свое место в жизненном пространстве является решающим фактором успешного развития молодого человека, а в будущем – специалиста.

В начале образовательного пути процесс обучения первокурсников налаживается непросто, характеризуется большой динамичностью психических процессов и состояний, которые обусловлены изменением социальной среды. В частности, знакомство с учебным заведением у значительной части молодежи сопровождается дезадаптацией, которая вызвана новизной учебного статуса, повышенными требованиями со стороны преподавательского состава, напряженностью и жестким режимом обучения, увеличением объема самостоятельной работы. Все это требует от первокурсника значительной мобилизации своих возможностей для успешного вхождения в новое окружение и качественно иной ритм жизнедеятельности.

Базисом нашего теоретического исследования проблемы адаптации первокурсников к образовательной среде являются философские идеи о приспособленности как свойстве, присущем всему живому, разработанные в натурфилософской части учений И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, Ф.В.И. Шеллинга и их последователей; биосоциальные идеи Ж.Б. Ламарка, Г. Спенсера; концепция психических уровней и социализации личности (А.Ф. Лазурский, А.В. Петровский, А.В. Мудрик, Л.И. Божович, Л.С. Выготский); концепции гуманистической, личностно-ориентированной педагогики и психологии (Г. Олпорт, А. Маслоу, К.Роджерс, В.И. Андреев, В.А. Беликов); теория преемственности,

отражающая закономерности перестройки структуры учебного материала и оптимизации методов обучения, развитая в трудах как классиков педагогики (Я.А. Коменский, К.Д. Ушинский), так и их последователей (Ю.А. Кустов, СМ. Годник, Д.В. Колесов); психолого-педагогические разработки в области обучения в профессиональной школе (Ю.А. Самарин).

Юноши и девушки, окончив школу, переходят на новый жизненный этап. Этот этап включает в себя смену не только места учебы, места жительства, но и смену уже устоявшегося коллектива. Новоиспеченным студентам нужно привыкнуть, адаптироваться как к новой группе, где им зачастую придется находиться в течение 4 – 5 лет, так и к новым правилам и нормам. Психологические особенности студентов характеризуются эмоциональной незрелостью, открытостью, внушаемостью. Исходя из вышесказанного, можно считать, что процесс адаптации студентов первого курса очень значимый, сложный и долгий.

Понятие «адаптация» было введено в научный оборот в 1865 г. немецким физиологом Г. Аубертом для обозначения изменения чувствительности при длительном воздействии адекватного раздражителя. Данное понятие стало одним из центральных понятий в науках о жизни – философии, физиологии, медицине, психологии. В общественном виде адаптация описывается как приспособление, необходимое для адекватного существования в изменяющихся условиях, а также как процесс включения индивида в новую социальную среду, освоение им специфики новых условий [1, с. 75].

Феномен «адаптация», чрезвычайно популярный в первой половине XX века, до сих пор является предметом пристального внимания ученых. Существует много определений данного понятия. В обобщенном виде адаптация описывается как приспособление, необходимое для адекватного существования в изменяющихся условиях, а также, как процесс включения индивида в новую социальную среду, освоение им специфики новых условий. Социальная адаптация представляет собой процесс интегрирования индивида в социальную группу, предполагающее принятие им групповых норм, ценностей, стандартов, стереотипов и требований.

В научной литературе выделяют два вида социальной адаптации студентов-первокурсников:

1. Социально-психологическая адаптация, под которой понимается приспособление индивида к группе, взаимоотношения с ней, выработка собственного стиля поведения. У подростка формируется потребность быть взрослым, осознавать себя личностью, отличной от других людей. Отсюда стремление к самоутверждению, самореализации, самоопределению, которые могут стать причиной неадекватных реакций.

2. Социально-профессиональная адаптация – это вхождение в специальность и общество, т.е. овладение нормами и функциями будущей профессиональной и социальной деятельности.

Социологи выделяют в адаптации личности студента-первокурсника и соответственно учебной группы, в которую он входит, к новой для него социокультурной среде учреждения образования следующие стадии:

- начальная стадия, когда индивид или группа осознают, как они должны вести себя в новой для них социальной среде, но еще не готовы признать и принять систему ценностей новой среды и стремятся придерживаться прежней системы ценностей;

- стадия терпимости, когда индивид, группа и новая среда проявляют взаимную терпимость к системам ценностей и образцам поведения друг друга;

- аккомодация, т.е. признание и принятие индивидом основных элементов системы ценностей новой среды при одновременном признании некоторых ценностей индивида, группы новой социокультурной средой;

- ассимиляция, т.е. полное совпадение систем ценностей индивида, группы и среды.

Адаптация происходит на протяжении всех лет обучения, но наиболее важным периодом, своеобразным фундаментом, является период обучения на младших курсах. Поэтому именно в этот период необходимо создать оптимальные условия для успешной адаптации учащихся [3, с.40].

Каждый человек за свою жизнь переживает несколько периодов адаптации. Первый «адаптационный опыт» он получает в группе детского сада, затем в первом классе школы. Следующий «переломный» момент – это переход от начальной школы к средней и, наконец, наступает момент профессионального самоопределения. Сложность адаптации при переходе от общего к профессиональному образованию заключается не только в смене социального окружения, но и в необходимости принятия решения, возникновении тревоги по поводу правильности самоопределения, которое для многих тождественно нахождению смысла жизни.

Будет ли студент овладевать знаниями с радостью и желанием и будет ли тем самым обеспечена высокая успеваемость, не в последнюю очередь зависит от того, как сложатся отношения внутри учебных коллективов, между студентами и преподавательским составом, между студенчеством и администрацией на начальном этапе обучения.

К социологическим факторам адаптации относятся возраст учащегося, его социальное происхождение и тип образовательного учреждения, которое он уже закончил. Существует понятная тенденция – чем крупнее город, тем для его жителя – абитуриента адаптация к студенческой жизни оказывается более простой и менее длительной. Между тем соотношение абитуриентов из разных городов (крупных или средних, малых) несколько меняется в пользу последних. Те из абитуриентов – жителей небольших городов, кто успешно преодолевает трудности конкурсного отбора, чаще всего оказываются более мотивированными к последующей учебе. Очевидно, что для них основными в адаптации являются не учебные или социально-психологические трудности, а материально-бытовые.

Психологический блок содержит индивидуально-психологические, социально-психологические факторы: интеллект, направленность, личностный адаптационный потенциал, положение в группе. Будет ли учащийся овладевать знаниями с радостью и желанием и будет ли тем самым обеспечена высокая успеваемость, не в последнюю очередь зависит от того, как сложатся отношения внутри учебных коллективов, между учащимися и преподавательским составом, между студенчеством и администрацией колледжа на начальном этапе обучения.

Педагогический блок факторов влияния на адаптацию включает в себя уровень педагогического мастерства, организацию среды, материально-техническую базу. Главные трудности у первокурсников связаны с большой нагрузкой, о чём не раз приходится слышать и от них самих. Как следствие, из-за нехватки времени и неумения самостоятельно перерабатывать изучаемые материалы, часто приходится сталкиваться со списыванием из учебников, причём бездумным; отсутствием собственных мыслей по изучаемым предметам, отражаемых студентами, как в устной, так и в письменной речи; практически полным копированием работ друг друга. Более того, некоторые вдумчивые, самостоятельные, грамотные первокурсники даже не понимают, что они должны не переписать материал из какого-либо источника, а творчески его осмыслить и высказать своими словами собственное мнение по изучаемой проблеме. Практически никто из студентов первого курса не знает, что используемые ими материалы какого-либо автора необходимо включать в свои работы как цитаты. В данной проблеме, в первую очередь, речь идёт о выработке у молодых людей умения логически мыслить и алгоритмизировать различные, в т.ч. учебные задачи и жизненные ситуации.

Корни проблемы таких негативных явлений, как правонарушения, употребление алкоголя, наркотиков связаны с невостребованностью учащихся. Студенты, особенно

первокурсник, сталкивается с рядом проблем, связанных с условиями обучения, проживания, быта, отдыха и не находя поддержки и помощи со стороны преподавателя, куратора, воспитателя общежития, зачастую находит решение проблем в компании с асоциальной направленностью. Отсюда распитие спиртных напитков, употребление наркотиков, нарушение правопорядка, учебной дисциплины, слабая успеваемость. По сути, у молодежи формируется собственная социокультурная среда, со своими «правилами» и «порядками».

Хорошие отношения с друзьями, в родительской семье – важный ориентир для организации внеучебной работы с первокурсниками. Необходимые помощь и контроль со стороны взрослых в процессе адаптации к студенческой жизни могут реализовываться в более тесных контактах кураторов студенческих групп, руководства кафедр, деканата с родителями.

Необходима и специальная работа по формированию благоприятного социально-психологического климата в студенческих группах. Во многом успешность студенческой социализации зависит от характера взаимоотношений первокурсников, наличия в группе лиц – тех, с кем можно обсуждать самые сложные личные проблемы.

Слабая и низкая вовлеченность студентов в общую жизнь группы – одна из проблем для организаторов внеучебной работы с ними. Основные направления этой работы могут заключаться в увеличении числа внеучебных мероприятий, организации секций, кружков, клубов, привлечении учащихся к научной работе.

Таким образом, для более успешной адаптации первокурсников, на наш взгляд, необходимо:

- использовать различные методы обучения, ориентированные не на зазубривание изучаемых дисциплин, а, в первую очередь, на обучение учащихся умению выявлять главные и второстепенные причины, следствия и другие стороны изучаемых проблем;
- проведение курса «Введение в специальность», в рамках которого учащиеся первого курса должны получить четкое представление о выбранной специальности, методах и формах обучения, видах, представляемых формах отчетных документов, организации их содержания, периодах сдачи текущего и итогового контроля знаний и др.;
- развить умения конструктивных способов общения, понимания друг друга;
- овладеть знаниями об эффективных способах межличностного воздействия, расширить свое понимание о составляющих своего внутреннего мира;
- активно привлекать первокурсников к социально-культурной жизни учреждения образования, к участию в социальных и образовательных проектах.

Таким образом, адаптация – это общенаучная проблема, которая затрагивает интересы всего человечества. Адаптация как проблема является предметом исследования целого ряда наук, включая все гуманитарные и медико-биологические науки. Представители различных наук формируют свой понятийный аппарат, делают акценты на те закономерности, которые рассматриваются в данной науке.

Библиографический ссылки

1. Андреева, Г.М. Социальная психология: учебник / Андреева Г.М. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 378 с.
2. Авдиенко, Г.Ю. Влияние мероприятий психологической помощи студентам в начальный период обучения на успешность адаптации к образовательной среде вуза / Г.Ю. Авдиенко // Вестник психотерапии. – 2017. – № 24. – С. 8-14.
3. Виноградова, А.А. Адаптация студентов младших курсов к обучению в вузе / А.А. Виноградова // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования. – 2018. – № 3. – С. 37-48.

4. Кулько Е.И. Социализирующие возможности современного образования / Е.И. Кулько, С.Г. Рубец / Сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. «Психология в системе социально-производственных отношений», СибГУ им. М. Ф. Решетнева. – Красноярск, 2022 г. – С. 145-148.

© Кулько Е.И., 2025 г.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

А. А. Кутякова

магистрант 1 курса,

ОмГАУ им. П.А. Столыпина

г. Омск, Россия

E-mail: aa.kutyakova2116@omgau.org

К. И. Плотников

магистрант 1 курса,

ОмГАУ им. П.А. Столыпина

г. Омск, Россия

E-mail: ki.plotnikov2116@omgau.org

И. П. Иванова

канд. с.-х. наук, доцент

ОмГАУ им. П.А. Столыпина, г. Омск, Россия

В статье анализируются психологические барьеры профессиональной самореализации в контексте экономической нестабильности. Рассматриваются внутренние (личностные кризисы, снижение самооценки, статусная неопределенность) и внешние (финансовые трудности, объективные стрессоры рынка труда) факторы. Предложены возможные пути психологической поддержки и преодоления выявленных барьеров.

Ключевые слова: профессиональная самореализация, психологические барьеры, экономическая нестабильность, профессиональный кризис, финансовая тревожность, психологическая устойчивость, статусная неопределенность.

The article analyzes the psychological barriers to professional self-realization in the context of economic instability. It examines internal (personal crises, decreased self-esteem, status uncertainty) and external (financial difficulties, objective stressors of the labor market) factors. Possible ways of psychological support and overcoming the identified barriers are suggested.

Key words: professional self-realization, psychological barriers, economic instability, professional crisis, financial anxiety, psychological resilience, status uncertainty.

Современная социально-экономическая ситуация, характеризующаяся высокой турбулентностью, пандемийными последствиями и геополитической напряженностью, создает беспрецедентные вызовы для профессиональной реализации личности. Экономическая нестабильность проявляется в росте безработицы, трансформации привычных форматов труда, снижении реальных доходов населения и усилении финансовой уязвимости домохозяйств. Эти объективные факторы становятся мощным катализатором специфических психологических барьеров, которые блокируют или существенно затрудняют профессиональную самореализацию индивида. В условиях неопределенности традиционные жизненные и карьерные стратегии теряют свою эффективность, что провоцирует внутренние кризисы, рост тревожности и ощущение потери контроля над профессиональной перспективой. Профессиональная самореализация, понимаемая как процесс раскрытия личностного потенциала в профессиональной деятельности и достижения субъективного чувства удовлетворенности от труда,

оказывается под угрозой. Личность сталкивается не только с внешними ограничениями, но и с внутренними конфликтами, порожденными новой реальностью.

Целью данной статьи является комплексный анализ психологических барьеров профессиональной самореализации, актуализирующихся в условиях экономической нестабильности, и выявление возможных направлений их психолого-акмеологического преодоления. [1, с. 102]

Понятие «психологический барьер профессионального развития» трактуется в научной литературе как состояние временной стагнации, возникающее вследствие невозможности реализации личностью профессионального плана. Это состояние сопровождается стрессом и актуализацией потребности в преодолении и новом самоопределении. В контексте профессиональной самореализации барьеры можно классифицировать на внутренние (интрапсихические) и внешние (средовые), однако в условиях системного кризиса граница между ними становится проницаемой, и они образуют взаимно усиливающую связку. Внешние барьеры (потеря работы, снижение доходов) инициируют и усугубляют внутренние (снижение самооценки, тревожность), которые, в свою очередь, затрудняют преодоление внешних трудностей, создавая порочный круг профессиональной дезадаптации.

Ключевым теоретическим конструктом для понимания динамики барьеров является профессиональная идентичность – комплексная характеристика многопараметрического соответствия субъекта и деятельности. По мнению Е.П. Ермолаевой, профессиональные кризисы, вызванные внешними обстоятельствами, по своей сути являются кризисами идентичности, ставящими перед личностью задачу переидентификации и нового личностного выбора. В условиях экономической нестабильности привычная профессиональная идентичность разрушается, что порождает тяжелое психологическое состояние, описываемое как «статусная неопределенность» – амбивалентность и неясность в понимании своего положения в социально-экономической иерархии. [2, 3] Это состояние усугубляется тем, что в современном обществе профессиональный статус является одной из ключевых составляющих социальной идентичности личности.

Следует отметить, что психологические барьеры не являются статичными образованиями. Они имеют динамический характер и проходят в своем развитии несколько фаз: латентную (накопление напряжения), фазу актуализации (осознание препятствия) и фазу разрешения (преодоление или фиксация на барьере). В условиях хронической нестабильности высока вероятность фиксации на барьере, что приводит к формированию устойчивых дезадаптивных схем профессионального поведения, таких как профессиональное избегание или «трудоустройство вопреки» – принятие низкоквалифицированной работы, не соответствующей потенциалу личности. Динамическая модель барьеров позволяет рассматривать их не как непреодолимые препятствия, а как вызовы, требующие мобилизации личностных ресурсов и поиска новых стратегий.

Классификация и характеристика основных психологических барьеров.

1. Барьеры, обусловленные финансовой тревожностью и хозяйственной неуверенностью.

Финансовые волнения представляют собой один из наиболее мощных дестабилизирующих факторов. Как показывают исследования, более высокий уровень финансовых тревог напрямую коррелирует с повышением психологического дистресса. Субъективное восприятие финансовой ситуации оказывает даже большее влияние на ментальное здоровье, чем объективные долговые показатели. Стойкие финансовые трудности, такие как невозможность оплатить жилье, коммунальные услуги или питание, ассоциируются с трех-четыреждыкратным увеличением риска развития депрессивной

симптоматики. Это состояние, в свою очередь, истощает психоэнергетические ресурсы, необходимые для активного поиска работы, переквалификации или инновационного поведения в профессии, формируя порочный круг беспомощности. Постоянное финансовое давление приводит к состоянию хронического стресса, при котором организм функционирует в режиме «выживания», оставляя мало ресурсов для долгосрочного планирования и развития.

Финансовая тревожность часто сопровождается когнитивными искажениями, такими как катастрофизация (ожидание наихудшего сценария) и генерализация (распространение финансовых трудностей на все сферы жизни). Это приводит к сужению когнитивного поля, затрудняя поиск нестандартных решений для профессионального развития. Индивид, находящийся в состоянии постоянной финансовой озабоченности, склонен отказываться от долгосрочного карьерного планирования, ориентируясь на сиюминутные, часто неэффективные, стратегии выживания, такие как поиск случайных заработков вместо построения карьеры. Кроме того, финансовая тревожность может провоцировать импульсивные и нерациональные финансовые решения, которые лишь усугубляют ситуацию, например, взятие займов на невыгодных условиях для покрытия текущих расходов.

2. Барьеры, связанные с кризисом профессиональной идентичности и статусной неопределенностью.

Экономические потрясения провоцируют масштабные профессиональные кризисы, которые приводят к утрате или резкому обесцениванию прежней профессиональной идентичности. У лиц, для которых профессия была ведущей основой самоотождествления, это вызывает наиболее тяжелые переживания. Вхождение в новую, часто более низкую социально-экономическую страту сопровождается статусной неопределенностью, которая подрывает чувство академической и профессиональной эффективности. Личность теряет четкие ориентиры, испытывает трудности в формулировании своих карьерных амбиций и страдает от неопределенности будущего, что парализует волю к профессиональной самореализации. Ситуация усугубляется социальными сравнениями: наблюдая за более успешными коллегами или знакомыми, человек может испытывать чувство стыда, неполноценности и социальной исключенности.

Кризис идентичности в профессиональной сфере может проявляться в нескольких формах: диффузия идентичности (полное отсутствие профессиональных целей и привязанностей), мораторий (активный, но незавершенный поиск себя) и преждевременная идентичность (ригидное следование устаревшей профессиональной роли). В условиях экономической нестабильности наиболее распространенными являются диффузия и мораторий, что отражает трудности формирования новой устойчивой профессиональной «Я-концепции». Например, опытный менеджер, потерявший работу в крупной компании, может долгое время находиться в состоянии моратория, пробуя себя в фрилансе, малом бизнесе или смежных профессиях, но не находя новой точки опоры. Диффузия же может выражаться в апатии, отказе от поиска работы и уходе от профессиональной деятельности.

3. Барьеры, вызванные снижением самооценки и мотивации достижений.

Длительные экономические трудности оказывают разрушительное воздействие на самооценку. Корейское лонгитюдное исследование продемонстрировало, что стойкие финансовые трудности напрямую связаны со снижением самооценки, которая выступает ключевым медиатором в развитии депрессии. В профессиональной сфере это проявляется как «страх неудачи» – ожидание невозможности достичь поставленных целей. Особенно ярко этот барьер выражен у женщин, которые склонны приписывать успех внешним обстоятельствам, а неудачу – внутренним недостаткам, что способствует формированию низкого самоуважения и избеганию ситуаций, связанных с достижениями и конкуренцией. Однако и мужчины в ситуации потери статуса кормильца или основной

работы переживают глубокий удар по самооценке, что может маскироваться под агрессию, раздражительность или социальную замкнутость.

Снижение самооценки тесно связано с феноменом «выученной беспомощности», когда человек, столкнувшись с чередой профессиональных неудач, прекращает попытки изменить ситуацию, даже когда появляется такая возможность. В контексте профессиональной самореализации это приводит к отказу от амбициозных проектов, занижению карьерных притязаний и добровольной маргинализации на рынке труда. Мотивация достижений сменяется мотивацией избегания неудач, что кардинально ограничивает профессиональный рост. Человек начинает бессознательно саботировать свои усилия, например, опаздывая на собеседования или составляя невыразительное резюме, тем самым подтверждая свою «несостоятельность» и избегая потенциального нового провала.

4. Барьеры, порожденные трансформацией рынка труда и необходимостью смены профессии.

Социально-экономическая нестабильность ускоряет структурные изменения в экономике, приводя к исчезновению одних профессий и появлению других. Это вынуждает миллионы людей сталкиваться с необходимостью болезненной профессиональной переориентации. Как показало исследование различных профессиональных групп в период пандемии, безработные, планирующие поиск работы, демонстрируют неуверенность в себе, недовольство своей низкой квалификацией и склонность к обвинению внешних обстоятельств. При этом часто присутствует внутреннее сопротивление изменению привычного образа жизни, что создает дополнительный барьер для освоения новых компетенций. (таб. 1) [4, 5, 6].

Таблица 1 - Характеристика основных психологических барьеров

Тип барьера	Основные проявления	Потенциальные последствия
Финансовая тревожность	Постоянный стресс, связанный с деньгами; трудности с концентрацией; психологическое истощение	Рост психологического дистресса; риск депрессии; профессиональная стагнация
Кризис профессиональной идентичности	Потеря профессионального «Я»; неясность своего места в профессиональном сообществе; статусная неопределенность	Снижение профессиональной эффективности; трудности в постановке карьерных целей; маргинализация
Снижение самооценки	Чувство некомпетентности; страх неудачи; приписывание неудач внутренним причинам	Избегание карьерных вызовов; отказ от амбициозных целей; усиление депрессивной симптоматики
Необходимость смены профессии	Сопротивление изменениям; ощущение обесценивания прежнего опыта; низкая вера в собственные силы для переобучения	Длительная безработица; вынужденное принятие неквалифицированного труда; социальная дезадаптация

Психологически смена профессии сопряжена не только с необходимостью освоения новых знаний, но и с «профессиональным трауром» – переживанием утраты старой профессиональной роли, привычного социального круга и образа будущего.

Данный барьер усугубляется возрастными особенностями. Для специалистов зрелого возраста необходимость смены профессии воспринимается как крах жизненной стратегии и обесценивание многолетнего опыта. У молодежи, напротив, наблюдается фрустрация из-за несоответствия полученного образования требованиям быстро меняющегося рынка труда. Это порождает общую неопределенность образовательных и карьерных траекторий.

Преодоление выявленных барьеров требует комплексного подхода, сочетающего меры на уровне личности, организаций и общества в целом. Эффективность вмешательств повышается при их адресном и своевременном применении, учитывающем фазу развития барьера и индивидуальные особенности человека.

Развитие психологической устойчивости и личностных ресурсов. Исследования показывают, что такие не когнитивные навыки, как добросовестность, эмоциональная стабильность и экстраверсия, универсально повышают удовлетворенность трудом и способность адаптироваться к изменениям. Целенаправленное развитие этих качеств, а также навыков саморегуляции через тренинги личностного роста и психотехники, позволяет сформировать внутренний опорный каркас, необходимый для противостояния внешнему давлению. [7, 8]

Эффективными практиками являются когнитивно-поведенческая терапия для работы с негативными автоматическими мыслями, техники осознанности для снижения тревожности и методы принятия решений в условиях неопределенности. Важным аспектом является развитие карьерной адаптируемости – способности адаптироваться к непредсказуемым изменениям в карьере, которая включает в себя такие компоненты, как озабоченность, контроль, любопытство и уверенность. Развитие этих компетенций позволяет человеку воспринимать карьеру не как заданную траекторию, а как управляемый им самим процесс, полный возможностей для роста и изменений даже в неблагоприятных условиях.

Оказание специализированной психологической и карьерной поддержки. Крайне важным является создание доступных служб, предоставляющих не только психологическое консультирование для работы с тревогой и кризисом идентичности, но и программы финансового консультирования, помогающие снизить уровень финансового стресса. Карьерное консультирование должно быть ориентировано на помощь в построении новой профессиональной идентичности и поиске ресурсов для переориентации в условиях неопределенности.

Современные подходы к карьерному консультированию, такие как теория хаоса карьеры или нарративный подход, помогают клиенту воспринимать карьеру не как линейную траекторию, а как сложную, динамическую систему, в которой возможны множественные повороты и изменения. Это позволяет снизить уровень фрустрации от несоответствия реальности первоначальным планам и сформировать более гибкое и устойчивое профессиональное «Я». Консультант помогает клиенту «переписать» его профессиональную историю, найти в ней скрытые ресурсы, компетенции и паттерны успешного преодоления трудностей, которые могут быть использованы в новой ситуации.

Создание и активизация социальных поддерживающих сетей. Социальная поддержка является одним из наиболее мощных буферов, смягчающих негативные последствия статусной неопределенности и финансовых трудностей. Поощрение профессиональных сообществ, менторских программ и групп взаимопомощи позволяет создать среду, в которой индивид может получить не только эмоциональную поддержку, но и практические советы, а также доступ к новым профессиональным возможностям. [9, с. 610]. Поддержка может быть эмоциональной (эмпатия, забота), инструментальной

(материальная помощь, услуги), информационной (советы, обратная связь) и оценочной (помощь в самооценке).

Особую роль в современном мире играют онлайн-сообщества и профессиональные социальные сети, которые могут служить платформой для нетворкинга, обмена опытом и получения поддержки от коллег, находящихся в схожей ситуации. Развитие корпоративных программ наставничества и психологической поддержки сотрудников также способствует снижению уровня стресса и профилактике профессиональных кризисов. Для людей, потерявших работу, важным ресурсом могут стать клубы ищущих работу, где участники совместно отрабатывают навыки самопрезентации, делятся вакансиями и оказывают друг другу моральную поддержку.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что экономическая нестабильность порождает комплекс взаимосвязанных психологических барьеров, основными среди которых являются барьеры, вызванные финансовой тревожностью, кризисом профессиональной идентичности, снижением самооценки и вынужденной необходимостью смены профессии. Эти барьеры образуют систему, которая может приводить к профессиональной стагнации, маргинализации и ухудшению психического здоровья. Динамика их взаимодействия такова, что один барьер усиливает другой, создавая порочный круг, разорвать который без целенаправленной помощи бывает крайне сложно.

Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке дифференцированных акмеологических и психологических программ, направленных на преодоление данных барьеров с учетом специфики различных профессиональных и социально-демографических групп. Особого внимания заслуживает изучение роли цифровой трансформации экономики, которая, с одной стороны, создает новые возможности для профессиональной самореализации, а с другой – порождает новые формы неуверенности и требований к компетенциям. Преодоление психологических барьеров профессиональной самореализации является не только индивидуальной задачей личности, но и важным условием поддержания социально-экономической стабильности общества в целом. Инвестиции в программы поддержки на уровне организаций и государства являются не только гуманитарной задачей, но и экономически целесообразной мерой, способствующей сохранению человеческого капитала и повышению производительности труда.

Библиографические ссылки

1. Ахмадеева, Е.В. Особенности самопредъявления личности с разным уровнем саморегуляции / Е.В. Ахмадеева // Научное мнение. – 2023. – № 11. – С. 102-105. – Текст : непосредственный.
2. Зеер, Э.Ф. Цифровое поколение в контексте прогнозирования профессионального будущего / Э.Ф. Зеер, Н.Г. Церковникова, В.С. Третьякова // Образование и наука. – 2021. – № 6. – С. 153-184. – Текст : непосредственный.
3. Ковтуненко, Л.В. Факторы и барьеры творческого саморазвития вузовского преподавателя / Л.В. Ковтуненко, О.Б. Мазкина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2021. – № 4. – С. 49-52. – Текст : непосредственный.
4. Куликова, Е.А. Психологические барьеры в инновационной деятельности / Е.А. Куликова, Е. Куликова // Научно-методический электронный журнал "Концепт". – 2020. – № 8. – С. 149-158. – Текст : непосредственный.

5. Психология общения в профессиональной деятельности: практикум : учебное пособие / сост. Е.В. Харчевникова. – Хабаровск : ДВГУПС, 2023. – 139 с. – Текст : непосредственный.
6. Подымов, Н.А. Когнитивные барьеры и стратегии их преодоления в учебной деятельности иностранных студентов / Н.А. Подымов // Высшее образование сегодня. – 2022. – № 3-4. – С. 101-104. – Текст : непосредственный.
7. Посохова, А.В. Психология личностного и профессионального роста : учебное пособие / А.В. Посохова. – Москва : РТУ МИРЭА, 2024. – 86 с. – Текст : непосредственный.
8. Сташкова, Т.В. Специфика проявлений эмоционального выгорания личности с разной направленностью в условиях мобильности / Т.В. Сташкова, Т.В. Сташкова // Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология. – 2024. – № 2. – С. 18-27. – Текст : непосредственный.
9. Человек в условиях социальных изменений: сборник научных статей Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 16 апреля 2025 г.) : материалы конференции / под ред. Л.Р. Халикова, Г.Р. Фаттахова. – Уфа : БГПУ имени М. Акмуллы, 2025. – 1153 с. – Текст : непосредственный.

© Кутякова А.А., Плотников К.И., Иванова И.П., 2025

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ: ПРОФИЛАКТИКА ПРИ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

А. А. Кутякова

магистрант 1 курса,
ОмГАУ им. П.А. Столыпина
г. Омск, Россия

E-mail: aa.kutyakova2116@omgau.org

К. И. Плотников

магистрант 1 курса,
ОмГАУ им. П.А. Столыпина
г. Омск, Россия

E-mail: ki.plotnikov2116@omgau.org

И. П. Иванова

канд. с.-х. наук, доцент
ОмГАУ им. П.А. Столыпина, г. Омск, Россия

В статье анализируются феномены профессиональных деструкций и выгорания в контексте повышенной неопределённости. Рассматриваются ключевые симптомы, стадии развития и психологические механизмы данных состояний. Предложен комплекс профилактических мер, направленных на минимизацию деструктивных последствий для личности и организации, включая развитие саморегуляции и создание поддерживающей рабочей среды.

Ключевые слова: профессиональные деструкции, эмоциональное выгорание, неопределённость, профилактика, саморегуляция, психологическое благополучие, организационная культура.

The article analyzes the phenomena of professional destructions and burnout in the context of increased uncertainty. It examines key symptoms, developmental stages, and psychological mechanisms of these conditions. A set of preventive measures is proposed to minimize destructive consequences for the individual and the organization, including the development of self-regulation and the creation of a supportive work environment.

Key words: professional destructions, burnout, uncertainty, prevention, self-regulation, psychological well-being, organizational culture.

Современная профессиональная среда характеризуется высокой степенью нестабильности и неопределённости, что выступает мощным катализатором для развития деструктивных изменений личности. В условиях быстро меняющихся требований рынка, цифровой трансформации и социальной турбулентности проблема профессиональных деформаций и синдрома эмоционального выгорания приобретает особую актуальность. Эти состояния не только снижают продуктивность и качество трудовой жизни, но и порождают стойкие негативные изменения в структуре личности, затрудняя дальнейшее профессиональное развитие.

Профессиональная деструкция понимается как нарушение и деформация сложившейся психологической структуры личности в процессе профессиональной деятельности. В свою очередь, профессиональное выгорание представляет собой специфический тип длительной стрессовой реакции, возникающий в ответ на хронические рабочие стрессы средней интенсивности. Всемирная организация здравоохранения

признала выгорание фактором, влияющим на состояние здоровья, включив его в Международную классификацию болезней (МКБ-11).

Цель настоящей статьи – проанализировать механизмы формирования профессиональных деструкций и выгорания в условиях неопределённости и разработать комплекс научно обоснованных мер профилактики. [1, с. 20]

Теоретические аспекты профессиональных деструкций и выгорания

Профессиональные деструкции представляют собой деструктивные изменения личности, возникающие после многолетнего выполнения одной и той же профессиональной деятельности. Э.Ф. Зеер классифицирует профессиональные деформации на основании четырех уровней их проявлений, в то время как А.К. Маркова – по основным тенденциям развития деструкций. В педагогической деятельности, например, распространены такие виды деструкций, как выученная беспомощность, профессиональный маргинализм и профессиональная стагнация.

Выученная беспомощность проявляется в привычке жить, не оказывая сопротивления обстоятельствам, не принимая ответственности на себя. Профессиональный маргинализм характеризуется позицией непричастности и неприятием профессиональной морали, а профессиональная стагнация – снижением уровня профессиональной активности или полной ее остановкой. [2, с. 164]

Современная психология рассматривает профессиональное выгорание как многокомпонентный синдром. К. Маслач и С. Джексон в своей многофакторной теории выделили три ключевых компонента (Табл. 1):

1. Эмоциональное истощение – чувство опустошенности, истощенности эмоциональных ресурсов;
2. Деперсонализация – циничное, обезличенное отношение к коллегам и клиентам;
3. Редукция личных достижений – снижение чувства собственной компетентности и продуктивности. [3, с. 86].

Таблица 1 - Стадии профессионального выгорания

Стадия	Характерные проявления	Последствия
1. «Медовый месяц» (энтузиазм)	Повышенная продуктивность, энтузиазм, погруженность в работу	Постепенное истощение ресурсов, нарушение баланса
2. «Недостаток топлива» (напряжение)	Снижение продуктивности, накопление усталости, первые симптомы стресса	Появление зависших проектов, снижение мотивации
3. Хронические симптомы	Постоянная усталость, раздражительность, обострение хронических заболеваний	Ухудшение отношений с коллегами и близкими
4. Кризис (истощение)	Чувство полного эмоционального истощения, апатия, потеря интереса к работе	Значительное снижение профессиональной эффективности
5. «Пробивание стены»	Серьезные проблемы со здоровьем, ощущение безысходности	Угроза профессиональной непригодности, развитие депрессии

Условия повышенной неопределенности создают благоприятную почву для ускоренного развития как профессиональных деструкций, так и синдрома выгорания. Неопределенность проявляется в нескольких аспектах:

- нестабильность профессиональной среды и требований к специалисту;
- размывание границ между личным и рабочим временем в условиях дистанционной работы;
- отсутствие четких перспектив карьерного роста.

Эти факторы способствуют возникновению хронического стресса, который истощает адаптационные ресурсы личности. В условиях, когда сотрудник не может прогнозировать результаты своих усилий и контролировать внешние обстоятельства, формируется тот самый феномен выученной беспомощности, который является одной из базовых деструкций. [4, с. 72]

Механизмы и стратегии профилактики

Профилактика профессиональных деструкций и выгорания в условиях неопределенности должна носить комплексный характер, включая как организационные меры, так и индивидуальные стратегии саморегуляции.

Создание здоровой рабочей среды является ключевым фактором предотвращения профессиональных деструкций. К организационным мерам относятся:

1. Формирование поддерживающей организационной культуры. Исследования показывают, что реже выгорание встречается у тех, кто работает в организациях с сильным корпоративным духом, с преобладанием «клановой» и "адхократической" организационной культуры. [5, с. 18]
2. Обеспечение баланса между рабочей и личной жизнью. Нормированный рабочий день, ограничение сверхурочных работ, соблюдение права на отдых – необходимые условия профилактики.
3. Система признания и поощрения. Регулярная обратная связь, признание достижений сотрудников, справедливая система оплаты труда помогают поддерживать мотивацию и предотвращать чувство обесценивания.
4. Предоставление возможностей для профессионального развития. Обучение, стажировки, ротация кадров, участие в интересных проектах предотвращают профессиональную стагнацию и поддерживают интерес к работе.
5. Организация психологической поддержки. Создание служб психологической помощи, проведение тренингов и лекций, обучение техникам управления стрессом. [6, с. 149]

Личная ответственность специалиста за свое профессиональное благополучие не менее важна. Эффективные индивидуальные стратегии включают:

1. Развитие навыков саморегуляции и управления эмоциями. В.В. Бойко рекомендует экономно расходовать эмоционально-энергетические ресурсы, для чего необходим интеллектуальный и волевой контроль за «включением» эмоций, нейтрализация отрицательного влияния многих внешних событий благодаря рационализации и позитивному мышлению.
2. Соблюдение правил эмоциональной гигиены. Проявление заботы о привлекательности своего внешнего облика, преодоление двойственности и неопределенности выражения эмоций при общении, отказ от «мимических масок», скрывающих истинное отношение к происходящему.
3. Разделение личной жизни и профессиональной деятельности. Когда вы выходите с работы, оставляйте все проблемы, нерешенные задачи и мысли в офисе, старайтесь полностью переключиться на бытовые дела и взаимоотношения с близкими.

4. Развитие в других сферах жизни. Найдите интересные хобби, начните прокачивать свои слабые стороны. Работайте на контрасте: чем напряженнее у вас работа, тем спокойнее должно быть ваше хобби.

5. Развитие творческого потенциала. Развитие творческого потенциала – путь к преодолению выгорания. Чем выше творческий потенциал, тем меньше риск неэффективных коммуникаций, значительно больше креативность в ситуациях межличностного взаимодействия и – как следствие – меньше пресыщение и утомление в ситуациях делового общения. (таб. 2) [7, с. 106].

Таблица 2 - Методы профилактики профессиональных деструкций

Уровень профилактики	Конкретные методы и техники	Ожидаемый эффект
Организационный	Создание комфортной рабочей среды, программы поддержки сотрудников, тренинги	Снижение уровня стресса, повышение лояльности и продуктивности
Индивидуальный	Тайм-менеджмент, развитие эмоционального интеллекта, хобби	Повышение стрессоустойчивости, поддержание баланса
Социально-психологический	Формирование поддерживающих связей в коллективе, корпоративные мероприятия	Укрепление социальной поддержки, снижение риска деперсонализации

В условиях повышенной неопределенности современной профессиональной среды проблема профессиональных деструкций и выгорания приобретает системный характер. Проведенный анализ демонстрирует необходимость комплексного подхода к профилактике этих состояний, включающего как организационные меры, так и развитие индивидуальных навыков саморегуляции.

Ключевыми направлениями профилактики являются: создание поддерживающей организационной культуры, обеспечивающей сотрудникам признание, автономию и возможности для роста; развитие системы психологической помощи; формирование у специалистов навыков управления эмоциями, тайм-менеджмента и поддержания баланса.

Перспективой дальнейшего исследования может стать разработка дифференцированных программ профилактики для различных профессиональных групп с учетом специфики их деятельности и основных факторов риска развития деструктивных изменений личности. Особого внимания заслуживает изучение влияния цифровизации и удаленной работы на динамику профессиональных деструкций в условиях неопределенности.

Библиографические ссылки

1. Нарусова, Е.Ю. Основы комплексной безопасности. Психологическая безопасность : учебное пособие / Е.Ю. Нарусова, А.М. Кашевская. – Москва : РУТ (МИИТ), 2022. – 165 с. – Текст : непосредственный.
2. Проблема профессиональной дезадаптации в условиях современных социальных вызовов : материалы конференций. – Липецк : Липецкий ГПУ, 2021. – 324 с. – Текст : непосредственный.

3. Психозэмоциональное выгорание субъектов образования в условиях информационной трансформации : учебное пособие / Н.И. Виноградова, М.В. Семина, Л.А. Бобылева [и др.]. – Чита : ЗабГУ, 2022. – 135 с. – Текст : непосредственный.
4. Рачицкая, Н.В. Толерантность к неопределенности и профессиональное выгорание у педагогов / Н.В. Рачицкая, С.В. Андриевская // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. – 2023. – № 1. – С. 72-79. – Текст : непосредственный.
5. Сташкова, Т.В. Специфика проявлений эмоционального выгорания личности с разной направленностью в условиях мобильности / Т.В. Сташкова // Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология. – 2024. – № 2. – С. 18-27. – Текст : непосредственный.
6. Сулаева, Ж.А. Технология делового общения : учебник для вузов / Ж.А. Сулаева. – Санкт-Петербург : Лань, 2026. – 164 с. – Текст : непосредственный.
7. Формирование психологически комфортной и безопасной образовательной среды : учебное пособие / О.С. Погребная, Е.Н. Францева, О.С. Никабадзе [и др.] ; под ред. С.Г. Корляковой. – Ставрополь : СГПИ, 2020. – 110 с. – Текст : непосредственный.

© Кутякова А.А., Плотников К.И., Иванова И.П., 2025

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С СИНДРОМОМ ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И ГИПЕРАКТИВНОСТИ

В. А. Лунегова

магистрант Казанского инновационного
университета им. В.Г. Тимирязова
г. Нижнекамск, Россия, Республика Татарстан
E-mail: Vera_tigra@mail.ru

О. А. Талипова

кандидат психологических наук, доцент
Казанского инновационного университета
им. В.Г. Тимирязова
г. Нижнекамск, Россия, Республика Татарстан
E-mail: otalipova@ieml.ru

В статье представлен теоретический анализ особенностей личности младших школьников, как развивающихся в норме, так и имеющих синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ). Рассмотрены ключевые различия между этими группами детей на основе современных исследований и практических наблюдений. Характеристики детей с СДВГ включают трудности с концентрацией, импульсивность, повышенную эмоциональную возбудимость и сложности во взаимодействии со сверстниками, что затрудняет их социальную адаптацию.

Ключевые слова: СДВГ; младший школьный возраст; личностные особенности; нормативное развитие; когнитивные функции; эмоциональная регуляция; социальная адаптация.

The article presents a theoretical analysis of the personality characteristics of primary school children, both those developing typically and those with attention-deficit/hyperactivity disorder (ADHD). Key differences between these groups are examined on the basis of contemporary research and practical observations. Children with ADHD are characterized by difficulties with concentration, impulsivity, heightened emotional reactivity, and challenges in peer interactions, which complicate their social adaptation.

Keywords: ADHD; primary school age; personality characteristics; typical development; cognitive functions; emotion regulation; social adaptation.

Введение. Синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) – одно из наиболее часто диагностируемых нейropsychологических состояний среди детей младшего школьного возраста. Это расстройство характеризуется устойчивым сочетанием нарушений концентрации внимания, повышенной двигательной активности и импульсивного поведения. На практике родители, педагоги и медицинские специалисты всё чаще отмечают, что ребёнок не может сосредоточиться на выполнении учебных заданий, быстро теряет интерес к деятельности, часто переключается с одного действия на другое и с трудом завершает начатое. Подобные проявления нередко воспринимаются как простая непоседливость или недостаток воспитания, однако в действительности они связаны с особенностями функционирования нервной системы и регуляции поведения.

Из-за таких трудностей ребёнку становится сложно усвоить учебный материал, соблюдать правила школьного поведения и поддерживать длительное внимание на уроках. В результате снижается успеваемость, возникают конфликты с педагогами и

одноклассниками, а процесс обучения превращается в источник постоянного напряжения. Не менее значимым последствием является ухудшение эмоционального состояния ребёнка: ощущение непонимания со стороны взрослых, частые замечания и неудачи формируют чувство несостоятельности и снижают уверенность в себе. На фоне постоянных неудач может развиваться негативное отношение к школе и обучению в целом.

Специалисты подчёркивают, что СДВГ не ограничивается проблемами поведения – это системное нарушение, затрагивающее когнитивную, эмоциональную и социальную сферы личности. При отсутствии своевременной помощи у таких детей повышается риск формирования тревожных и депрессивных состояний, трудностей адаптации и проблем с самооценкой. Вовремя организованная психологическая и педагогическая поддержка, участие семьи, а также использование индивидуальных образовательных стратегий способны смягчить проявления синдрома и помочь ребёнку адаптироваться к требованиям школы, сохранив мотивацию и положительное отношение к обучению.

СДВГ – это нейроразвитийное расстройство, которое по данным международных исследований встречается у 5–10% детей младшего школьного возраста. Разброс оценок объясняется различиями диагностических критериев, методик скрининга и культурных особенностей систем образования, однако сам факт высокой распространённости не вызывает сомнений. В России статистика схожа: специалисты отмечают, что признаки гиперактивности и невнимательности фиксируются не менее чем у 8% младших школьников; показатели могут колебаться в зависимости от региона, возраста и выборки, но общая тенденция совпадает с мировой.

При этом мальчики страдают СДВГ чаще, чем девочки, что связывают с особенностями созревания центральной нервной системы и тем, что более заметная двигательная расторможенность у мальчиков чаще привлекает внимание взрослых; у девочек нередко преобладает невнимательный тип, из-за чего случаи могут оставаться нераспознанными [2, с. 90–92; 6, с. 8–10]. Клинически СДВГ проявляется трудностями удержания внимания, импульсивностью, повышенной активностью, нарушениями планирования и самоконтроля, что отражается на учебной успеваемости и отношениях со сверстниками и взрослыми.

Чем раньше начинают работать с такими детьми, тем легче скорректировать проявления СДВГ и помочь им научиться учиться и общаться; своевременный старт уменьшает риск вторичных трудностей – тревожности, падения самооценки и школьной дезадаптации. При первых сигналах важно обратиться за консультацией к специалистам, провести наблюдение в разных ситуациях (дома, в классе, на переменах) и составить индивидуальный план поддержки с понятными целями.

Раннее выявление и поддержка включают информирование родителей и педагогов, создание предсказуемого режима дня и ритуалов начала/завершения работы, структурирование заданий с дроблением на короткие шаги, использование визуальных подсказок и таймеров, планирование регулярных кратких двигательных пауз и баланс нагрузки и отдыха. Эффективны поведенческие техники: чёткие правила и ожидания, система поощрений и жетонов, мгновенная обратная связь, похвала за конкретные усилия, а также обучение навыкам саморегуляции и организации.

Сотрудничество школы с семьёй предполагает согласование требований, ведение «дневника успехов», регулярное обсуждение прогресса с учителем и участие школьного психолога. Своевременные меры снижают частоту конфликтов и учебных трудностей, укрепляют мотивацию, повышают уверенность и успеваемость, уменьшают риск проблем в подростковом возрасте и в перспективе улучшают качество жизни ребёнка и его близких, а также атмосферу в классе и дома.

Понимание причин и проявлений СДВГ менялось со временем. Если раньше считалось, что гиперактивность – это лишь временная трудность в поведении ребёнка, то современные специалисты выделяют целый комплекс факторов, влияющих на развитие этого синдрома. Исследования последних лет показали, что СДВГ связан не только с особенностями воспитания, но и с биологическими, нейрофизиологическими причинами [6, с. 5-8; 9, с. 58-62]. Благодаря этому отношение к СДВГ стало более внимательным и деликатным.

На смену упрощённым трактовкам пришёл взгляд на СДВГ как на нейроразвитийное состояние с вариативными проявлениями, зависящими от возраста, контекста и требований среды. Уточнение диагностических критериев и выделение подтипов (преимущественно невнимательного, гиперактивно-импульсивного и комбинированного) позволили точнее описывать индивидуальные профили ребёнка и подбирать адресные стратегии помощи. Нарастающий массив данных указывает на вклад наследственности и особенностей работы лобно-стриарных и дофаминергических систем мозга, а также на роль средовых модификаторов – режима сна, уровня стресса, когнитивной нагрузки, – которые не «вызывают» СДВГ сами по себе, но могут усиливать или ослаблять симптомы. Важно и то, что проявления СДВГ не ограничиваются детством: у части людей они сохраняются во взрослом возрасте, чаще проявляясь трудностями планирования, саморегуляции и устойчивости внимания. Такой научный сдвиг – от объяснений «плохим поведением» к пониманию нейробиологических механизмов – способствовал развитию доказательных подходов, междисциплинарному взаимодействию специалистов и отказу от стигматизирующих ярлыков. На практике это выразилось в большей готовности школ и семей адаптировать образовательную среду, использовать поведенческие методы, обучать навыкам организации и самоконтроля, а также опираться на сильные стороны ребёнка. В результате качество поддержки повышается, а общественная дискуссия становится более взвешенной и уважительной, что помогает детям с СДВГ и их окружению.

Определить, что у ребёнка имеется синдром дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ), сегодня можно по целому ряду поведенческих и эмоциональных признаков. Это состояние характеризуется устойчивым сочетанием невнимательности, чрезмерной подвижности и импульсивности, которые проявляются постоянно и в разных сферах жизни – не только дома, но и в учебной деятельности, в общении со сверстниками, на занятиях, прогулках и во время игр. Важно подчеркнуть, что такие особенности не зависят исключительно от характера ребёнка или стиля воспитания, а отражают особенности функционирования его нервной системы и процессов саморегуляции.

К типичным проявлениям СДВГ относятся трудности концентрации внимания на задании, особенно если оно требует длительных или однообразных действий. Ребёнку бывает сложно завершить начатое, он теряет нить объяснения, отвлекается на звуки, предметы или собственные мысли. Часто наблюдаются ошибки из-за невнимательности, спешки или пропуска деталей. При этом ребёнок может хорошо понимать задание, но не успевать довести работу до конца, так как внимание быстро истощается. Для некоторых детей характерно состояние «растерянности» при выполнении нескольких задач одновременно – им трудно распределять внимание и организовывать последовательность действий.

Проявления гиперактивности отмечаются в постоянной двигательной активности: ребёнок суетится, ерзает на стуле, встаёт даже тогда, когда ожидается, что он будет сидеть, испытывает внутреннюю потребность двигаться. Импульсивность выражается в том, что ребёнок быстро реагирует, не подумав, перебивает взрослых и сверстников, отвечает не дослушав вопрос, с трудом ждёт своей очереди. Часто встречается забывчивость, потеря школьных принадлежностей и игрушек, нарушение режима дня, что создаёт дополнительные трудности в обучении и взаимодействии.

Особое диагностическое значение имеет то, что симптомы СДВГ проявляются системно и сохраняются в течение длительного времени – обычно не менее шести месяцев. Они начинают проявляться в детском возрасте, иногда уже в дошкольный период, и выражены значительно сильнее, чем это характерно для возрастной нормы. Кроме того, признаки должны наблюдаться не в одной, а как минимум в двух сферах жизни ребёнка – например, одновременно в школе и дома. Это помогает отличить стойкие нейropsychологические особенности от временных трудностей, вызванных стрессом или внешними обстоятельствами. Только при наличии этих условий специалисты могут говорить о высокой вероятности СДВГ и переходить к углубленной диагностике.

Специалисты используют стандартизированные психодиагностические методики, тесты и опросники, чтобы максимально точно определить наличие синдрома дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ) и не ошибиться в постановке диагноза. Это необходимо, поскольку проявления СДВГ могут быть схожи с другими особенностями развития или эмоционального состояния ребёнка – например, с повышенной тревожностью, задержкой речевого развития, интеллектуальными трудностями или последствиями хронического стресса. Стандартизированные методики позволяют собрать объективные данные, сопоставимые между специалистами, и снизить влияние субъективных оценок педагогов или родителей.

В процессе диагностики используются разные источники информации. Помимо опросников, которые заполняют родители и учителя, важную роль играет клиническая беседа с ребёнком, позволяющая оценить особенности его внимания, импульсивности и эмоциональных реакций. Психолог наблюдает за поведением ребёнка в естественной обстановке – на уроках и во время перемен, фиксируя длительность концентрации внимания, уровень активности, реакцию на замечания и изменения правил. Дополнительно анализируются педагогическое заключение и образцы учебных работ, по которым можно судить о работоспособности, аккуратности и стабильности результатов.

При необходимости подключается нейropsychологическое обследование, направленное на более глубокую оценку внимания, памяти, моторного контроля и межполушарного взаимодействия. Такой подход помогает выявить слабые стороны когнитивной сферы и понять, связаны ли трудности ребёнка с нейродинамическими или регуляторными нарушениями. В обязательном порядке проводится дифференциальная диагностика: исключаются нарушения слуха и зрения, проблемы со сном, побочные эффекты лекарственных препаратов, а также другие эмоциональные и поведенческие расстройства. Особое внимание уделяется возможным коморбидным состояниям – тревожным и депрессивным расстройствам, тикам, специфическим трудностям обучения, аутистическим чертам. Только после комплексного анализа всех данных специалист может сделать обоснованное заключение и определить оптимальную стратегию помощи.

Для младших школьников без СДВГ характерны такие черты, как желание учиться, способность усваивать правила, стремление дружить, доверие к взрослым и готовность проявлять усилия для достижения цели.

У детей формируются базовые личностные качества: уверенность в себе, способность управлять эмоциями, развиваются навыки сотрудничества, накапливается жизненный опыт [5, с. 234-238]. Все это создает хорошую основу для дальнейшего успешного учебного и личностного роста.

У детей с СДВГ формирование личности может идти иным путём. Часто отмечается снижение самооценки, быстрая утомляемость, трудности в самоконтроле, повышенный уровень тревожности и импульсивности. Им может быть сложно прислушиваться к советам взрослых, выстраивать доверительные отношения, соблюдать режим дня или выполнять домашние задания. Нередко они становятся менее общительными, чаще оказываются в конф

ликтных ситуациях [1, с. 190–192; 3, с. 7-12]. Всё это требует особого подхода обучению и воспитанию таких детей.

Несмотря на большое количество научных работ, многие аспекты сравнения личностных особенностей младших школьников с СДВГ и без пока недостаточно освещены. Недостаточно известно, какие черты являются ключевыми для адаптации таких детей, в чём разница конкретно на уровне личности, как лучше строить обучение и воспитание. Эти

вопросы продолжают оставаться актуальными и требуют тщательного анализа научной литературы.

Когда ребёнок начинает учиться в школе, он не просто постигает математику или русский язык – происходит формирование его личности. В психологии выделяют особенности младшего школьного возраста, которые делают этот этап особенно важным для будущего самочувствия и успеха человека. Прежде всего, дети начинают осознавать себя среди других, учатся работать в коллективе и постепенно развивают чувство ответственности. К этому времени формируются основы самостоятельности и умения справляться с различными задачами [5, с. 235-240].

На личностное развитие влияет целый ряд факторов. Сюда входят семья, отношения с родителями, школьная среда, а также примеры взрослых. Если ребёнок видит положительные модели поведения и получает поддержку, его личность развивается гармонично.

Важно отметить, что именно школа становится пространством, где ребёнок учится не только знаниям, но и навыкам общения, самоорганизации и преодоления ошибок.

Если у ребёнка диагностирован СДВГ, его характер и поведение нередко отличаются от нормативной картины. Для таких детей характерны выраженные сложности с самоконтролем и выполнением инструкций. Им трудно планировать свои действия, удерживать внимание на одном задании, следовать правилам игры или учебной деятельности [1, с. 190–192].

Дети с СДВГ могут испытывать проблемы в общении и совместной работе, часто ссорятся с одноклассниками, чувствуют себя одинокими или не принятыми в группе. Иногда им сложно выразить свои чувства словами, что приводит к недопониманию со стороны сверстников и взрослых [3, с. 9-13].

Эти трудности могут со временем сказаться на самооценке, мотивации и общем настрое к учебе.

Одним из центральных проявлений СДВГ является дефицит внимания. Ребёнок легко отвлекается, забывает задания, не может долго концентрироваться на одной задаче, перескакивает с одной мысли на другую [4, с. 50-65].

Эти сложности влияют не только на школьную успеваемость, но и на то, как ребёнок воспринимает себя и окружающий мир.

Также часто отмечаются нарушения рабочей памяти – то есть способности удерживать и использовать необходимую информацию для текущей деятельности. Это проявляется в трудностях с запоминанием инструкций, пересказом прочитанного или выполнением последовательных заданий [4, с. 70–85].

Анализируя труды различных авторов, можно увидеть, что представления о личности младших школьников – как с СДВГ, так и без – во многом сходятся относительно базовой возрастной динамики и влияния школьных и семейных факторов. В то же время специфика СДВГ выделяется как отдельная группа признаков. Практически все исследования согласны с тем, что дефицит внимания и гиперактивность приводят к выраженным трудностям – и в учёбе, и во взаимодействии с другими детьми. При этом, по мнению Гопуровой Г. Ф., даже обычные дети сталкиваются с проблемами адаптации и формированием индивидуаль-

ого стиля общения [5, с. 236]. Группа ребят с СДВГ испытывает дополнительные сложности из-за частых конфликтов и импульсивности, как отмечено в работах Катуновой В. В. и Балашовой Е. Ю. [3, с. 10].

В заключении отметим, что синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) у детей младшего школьного возраста характеризуется целым комплексом нарушений, связанных с недостаточной сформированностью саморегуляции, повышенной импульсивностью, а также постоянным внутренним беспокойством. Ребёнку бывает трудно контролировать свои действия и эмоции, он часто действует под влиянием момента, не задумываясь о последствиях, что нередко приводит к конфликтным ситуациям в классе и дома. Одновременно отмечаются выраженные трудности удерживать внимание на одном виде деятельности: ребёнок быстро теряет интерес, перескакивает с одного задания на другое, не доводя начатое до конца. Эти особенности поведения создают значительные препятствия не только в учебном процессе, но и в процессе социализации, формируя у ребёнка чувство неуспеха, неуверенность в себе и стремление к изоляции от сверстников.

Отдельного внимания заслуживают когнитивные особенности, которые выступают одним из ключевых факторов, определяющих трудности детей с СДВГ. К ним относятся повышенная утомляемость, неспособность долго концентрироваться на заданиях, частая забывчивость, нарушение последовательности действий и недостаточная развитость рабочих механизмов памяти. Кроме того, у таких детей нередко снижен уровень произвольного внимания и способности к планированию, что затрудняет выполнение даже простых многоступенчатых инструкций. В результате они быстрее совершают ошибки при выполнении учебных заданий, испытывают трудности при усвоении нового материала и требуют более длительного времени для понимания и закрепления информации.

Эти когнитивные и эмоционально-поведенческие особенности в совокупности оказывают существенное влияние на становление личности ребёнка. Низкие учебные результаты, частые замечания со стороны взрослых и непонимание со стороны сверстников могут привести к снижению мотивации, развитию тревожности и стойкому негативному отношению к учебной деятельности. Поэтому важно, чтобы работа с детьми, имеющими СДВГ, включала не только педагогическую коррекцию, но и систематическую психологическую поддержку, направленную на развитие навыков саморегуляции, повышение концентрации внимания и укрепление позитивной самооценки.

Библиографические ссылки

1. Конева, И. А., Зайцева, С. А., Семенова, Л. Э. Особенности аффективно-личностного развития и его коррекция у младших школьников с синдромом дефицита внимания и гиперактивности // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 75–2. – С. 190-193. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-affektivno-lichnostnogo-razvitiya-i-ego-korreksiya-u-mladshih-shkolnikov-s-sindromom-defitsita-vnimaniya-i> (дата обращения: 27.10.2025).
2. Набойченко, Е. С. Синдром дефицита внимания и гиперактивности в младшем школьном возрасте: медико-психологический аспект // Вестник Курганского государственного университета. – 2019. – № 4 (55). – С. 90-95. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-defitsita-vnimaniya-i-giperaktivnosti-v-mladshem-shkolnom-vozhraze-mediko-psihologicheskii-aspekt> (дата обращения: 27.10.2025).
3. Катунова, В. В. Проявления агрессии у учащихся с синдромом дефицита внимания (и гиперактивности) // Современная зарубежная психология. – 2019. – Т. 8, № 3. – С. 7-15. – DOI: 10.17759/jmfp.2019080301. – URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2019_n3/Katunova (дата обращения: 27.10.2025).

4. Лебедева Т. А. Особенности когнитивной сферы у младших школьников с СДВГ: автореф. магистерской диссертации. – М.: МГППУ, 2013. – 123 с. – URL: <https://psychlib.ru/mgppu/studworks/LebedevaTA/LOk-ma-012.htm> (дата обращения: 27.10.2025).
5. Гопурова Г. Ф. Личность и межличностные отношения младших школьников // Молодой учёный. – 2015. – № 4 (84). – С. 234–240. – URL: <https://moluch.ru/archive/83/14898> (дата обращения: 27.10.2025).
6. Заваденко Н. Н. Синдром дефицита внимания и гиперактивности // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2014. – Т. 14, № 1. – С. 5–16. – URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/22ab/f074ce12fc943fac49c4d548c5551cb7e617.pdf> (дата обращения: 27.10.2025).
7. Иванова А. Е. Валидизация опросника поведенческих характеристик детей младшего школьного возраста // Современная зарубежная психология. – 2018. – Т. 7, № 3. – С. 45–56. – URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2018_n3/Ivanova (дата обращения: 27.10.2025).
8. Балашова Е. Ю., Конева И. А. Диагностика личностных особенностей младших школьников с СДВГ // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 72. – С. 185–188. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-lichnostnyh-osobennostey-mladshih-shkolnikov-s-sdvg> (дата обращения: 27.10.2025).
9. Пылаева О. А., Заваденко Н. Н. Синдром дефицита внимания и гиперактивности: современные подходы к диагностике // Русский журнал детской неврологии. – 2018. – Т. 13, № 3. – С. 58–68. – URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/8721/8be7a21b444d43f4aa21e00e8e6611411b19.pdf> (дата обращения: 27.10.2025).

© Лунегова В.А., Талипова О.А., 2025

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРЕКИНГА СТУДЕНЧЕСКОГО СТАРТАПА

М. А. Лукашова

к.э.н., доцент, доцент кафедры СЭиТД, ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», г. Тула, Россия

E-mail: maria.maria20121990@mail.ru

В статье исследуется роль трекинга как инструмента сопровождения студенческих стартапов в условиях цифровой экономики. Рассмотрены ключевые подходы к трекингу (Lean Startup, Customer Development, Agile, OKR), специфика студенческих проектов и их потребности. Обоснована значимость трекинга для повышения жизнеспособности стартапов, коммерциализации разработок и формирования предпринимательской экосистемы в вузах.

Ключевые слова: *трекинг, студенческие стартапы, предпринимательство, акселерационные программы, методология, коммерциализация, инновации.*

This article explores the role of tracking as a tool for supporting student startups in the digital economy. Key approaches to tracking (Lean Startup, Customer Development, Agile, OKR), the specifics of student projects, and their needs are discussed. The importance of tracking for increasing startup viability, commercializing developments, and developing an entrepreneurial ecosystem at universities is substantiated.

Keywords: *tracking, student startups, entrepreneurship, acceleration programs, methodology, commercialization, innovation.*

Современные экономические условия, которые характеризуются ускоренной цифровизацией и высокой степенью неопределённости, предъявляют особые требования к подготовке современных предпринимательских кадров. В этих условиях студенческие стартапы становятся важнейшим механизмом трансляции научных разработок в реальный сектор экономики и формирования предпринимательской культуры среди молодёжи. Однако статистика показывает, что до 90 % стартапов на ранних стадиях прекращают существование из-за отсутствия системной поддержки.

Так, в данном контексте современных дискуссий о траекториях антропосоциального развития особую значимость приобретает проблема профессиональной трансформации в условиях ускорения научно-технического прогресса. Концепция человеческого будущего детерминирована не только технологическими инновациями, но и эволюцией профессиональных ролей, формирующих новые сегменты рынка труда.

Сегодня ключевым инструментом сопровождения студенческого стартапа выступает трекинг, который представляет собой структурированный процесс мониторинга, анализа и коррекции траектории развития стартапа.

Согласно «Атласу новых профессий» - альманаху профессий будущего, актуальных для российской экономики, профессия трекера (ментора) трактуется как «...профессионал с опытом реализации собственных стартап-проектов, курирующий команды новых стартапов, обучающий их на практике собственных проектов ведению предпринимательской деятельности» [1].

Так, актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации методологических подходов к сопровождению студенческих стартапов, а также разработки адаптивных моделей трекинга, учитывающих специфику академической среды высших учебных заведений. Целью исследования выступает необходимость обоснования

методологических аспектов трекинга студенческих стартапов, обеспечивающих повышение их жизнеспособности и коммерциализации.

Анализ современной литературы показал, что на данный момент не существует единой точки зрения к определению категории трекинга. Достаточно общее определение трекингу дают Ю. В. Бабанова и А. К. Кулясова, согласно мнению ученых трекинг это «... это метод контроля исполнения, который организует поток событий в компании, повышает эффективность исполнителей за счет построения прозрачной системы мотивации и значительно экономит время руководителя, так как избавляет его от постоянного операционного контроля» [2, с. 19].

Безусловно трекинг представляет собой комплексную управленческую технологию, обеспечивающую баланс между контролем и автономией через систематизированное отслеживание процессов. Его ценность заключается в трансформации хаотичных операционных потоков в предсказуемую, измеримую и мотивирующую среду исполнения.

Применительно к стартап-командам вопросы трекинга в своей работе рассматривает Ю. А. Сальникова. Так в своей статье ученый отмечает, что «... трекинг, или сопровождение стартапов, является процессом предоставления возможности управления, осуществления поддержки и консультаций молодым предпринимателям и их стартап-командам, чтобы помочь им быстро и эффективно достигать нужных показателей в бизнес-проектах» [3, с. 14].

Эмпирический анализ существующих кейсов реализации акселерационных программ в стенах высших учебных заведений позволяет выделить два доминирующих сегмента концентрации компетенций, релевантных функционалу трекера (Рис. 1).

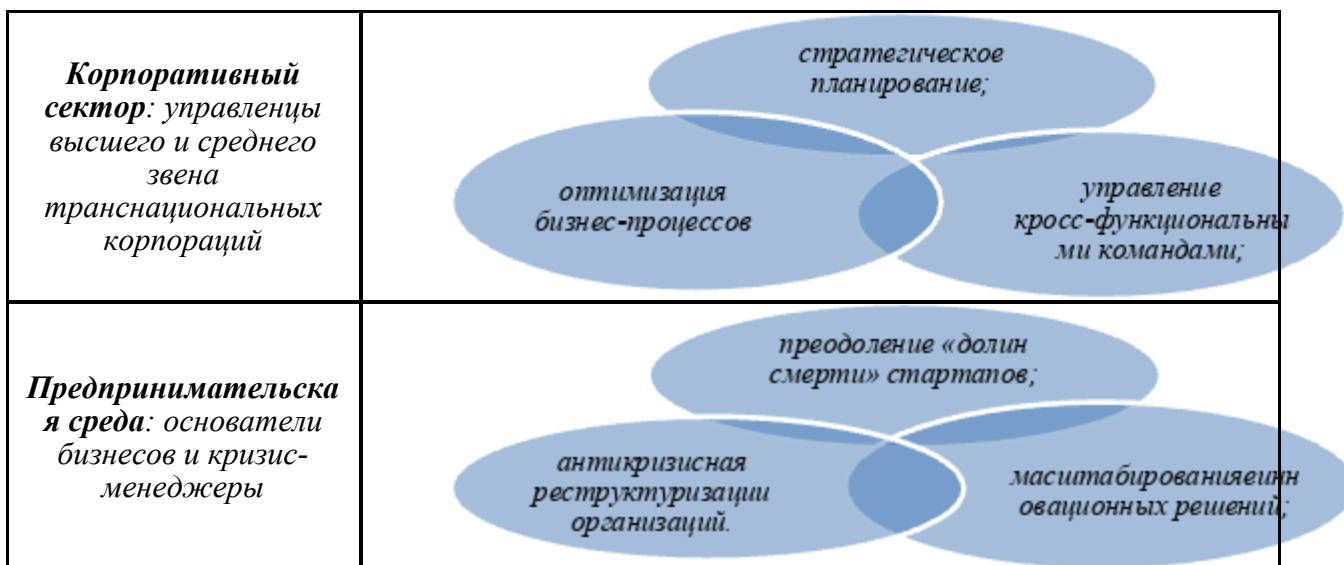

Рисунок 1 – Доминирующие сегменты концентрации компетенций трекера

Безусловно трекинг стартапа представляет собой комплексный процесс сопровождения проекта, включающий регулярный мониторинг ключевых показателей, корректировку бизнес-модели, помощь в преодолении критических барьеров и подключение экспертных ресурсов. В отличие от классического менторства, трекинг характеризуется системностью, измеримостью и цикличностью обратной связи.

Студенческие стартапы как объект трекинга отличаются ограниченностью ресурсов (финансовых, временных, кадровых), высокой текучестью участников команд и дисбалансом компетенций: при сильной технической экспертизе участники зачастую не обладают достаточными знаниями в маркетинге, финансах и юридическом сопровождении. Кроме того, их деятельность встроена в академическую среду высших

учебных заведений, где приоритет отдаётся учёбе, а мотивация нередко носит экспериментальный характер – проект рассматривается не только как бизнес, но и как способ получения опыта, выполнения учебной задачи или привлечения гранта. Специфика студенческих стартапов как объекта трекинга представлена на рисунке 2.

Рисунок 2 - Специфика студенческих стартапов как объекта трекинга
(обобщено автором на основе [5, 6])

Студенческие стартапы играют важную роль в инновационном развитии и создании новых рабочих мест. В России их поддержка реализуется через государственные программы, такие как «Платформа университетского технологического предпринимательства», которая направлена на формирование плеяды серийных предпринимателей и трансфер научных разработок в экономику. Трекинг в этом контексте становится инструментом, который помогает студентам превращать идеи в жизнеспособные бизнес-модели, ускоряя их выход на рынок [7, с. 4].

Трекинг позволяет студентам развивать практические навыки, которые востребованы в профессиональном мире: управление проектами, маркетинг, финансы, анализ данных. В рамках университетских программ и акселераторов (например, «Физтех.Идея» в МФТИ и ТулГУ TEX в Тульском государственном университете) трекинг используется для проработки гипотез, формирования команд и привлечения ресурсов. Исследование его методологии помогает понять, как оптимизировать образовательный процесс и повысить эффективность студенческих проектов. Трекинг студенческих команд в университете – это системное сопровождение проектных групп, направленное на превращение идей в жизнеспособные продукты с учётом специфики академической среды. Он предполагает адаптацию гибких методологий (Lean, Agile, OKR) к ограниченным ресурсам и учебному графику студентов, а также сочетание экспертного наставничества с самостоятельной работой команды. Ключевая задача трекера – помочь участникам преодолеть типичные барьеры (нехватка бизнес-компетенций, текучесть состава, слабая проработка рынка) и довести проект до стадии пилотного внедрения или коммерциализации.

Так, анализ источников и изучение опыта проведения акселерационных программ методологическую базу трекинга формируют четыре ключевых подхода (рисунок 3).

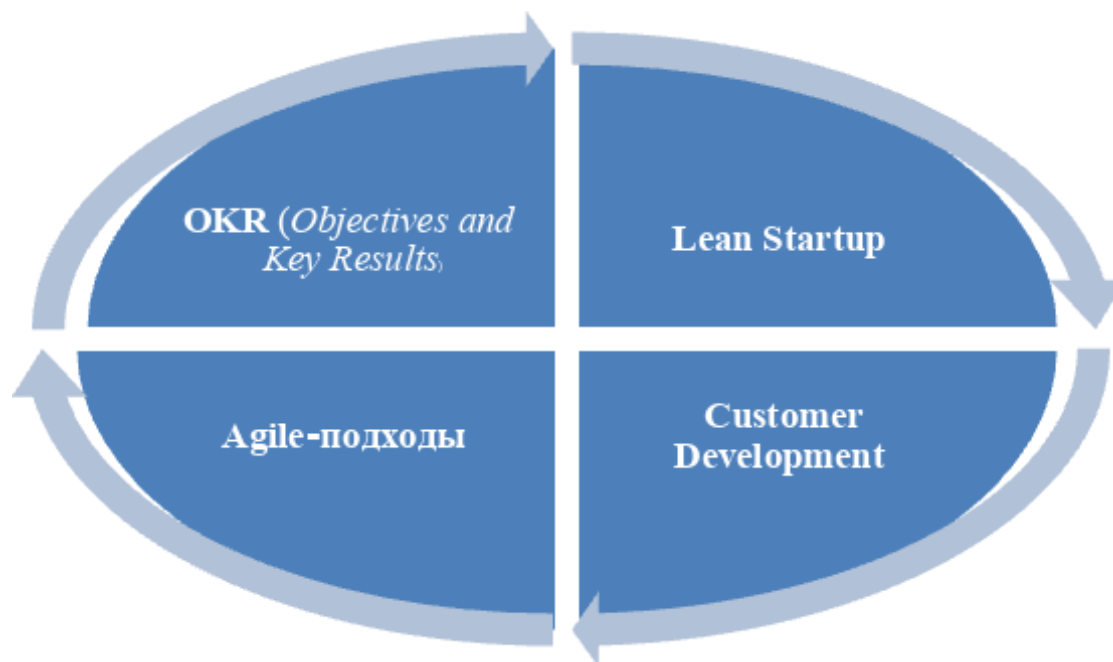

Рисунок 3 - Методологическая база трекинга
(обобщено автором на основе [8-11])

Так, подход Lean Startup – основывается на принципе «создай – измерь – узнай» (Build–Measure–Learn). Ключевым инструментом выступает MVP (Minimum Viable Product), позволяющий тестировать гипотезы с минимальными затратами. Итеративная разработка обеспечивает быструю адаптацию продукта к рыночным запросам.

Следующий подход это Customer Development – фокусируется на верификации проблемы и решения через прямые интервью с потенциальными клиентами. Метод предполагает картирование пути пользователя (Customer Journey Map) и выявление «точек боли», что критично для студенческих проектов, часто создаваемых без глубокого понимания рынка.

Подходы Agile вводят циклы спринтов (1-4 недели), ежедневные стендапы и ретроспективы. Гибкость методологии позволяет студенческим командам оперативно реагировать на изменения, распределять ограниченные ресурсы и поддерживать мотивацию.

OKR (Objectives and Key Results) подход обеспечивает постановку амбициозных целей и измеримых ключевых результатов. Для студенческих стартапов это особенно важно, так как помогает фокусироваться на приоритетных задачах в условиях многозадачности.

Методологические аспекты трекинга студенческих стартапов создают необходимую основу для системного сопровождения инновационных проектов в академической среде, позволяя выстраивать последовательный и управляемый процесс развития идей. Ключевыми элементами эффективной модели трекинга выступают адаптация классических методологий – таких как Lean, Agile и OKR – к специфике студенческих команд, поэтапный мониторинг с чётко определёнными критериями перехода между стадиями проекта, а также сбалансированное сочетание экспертного сопровождения и самостоятельной работы участников. Реализация этих методологических подходов способна существенно повысить жизнеспособность студенческих стартапов, ускорив тем самым коммерциализацию научных разработок. Кроме того, она будет способствовать

формированию устойчивой предпринимательской экосистемы в вузах, стимулируя инновационную активность и подготовку кадров для экономики знаний.

Важным аспектом методологии трекинга студенческих стартапов становится разработка метрик, позволяющих объективно оценивать прогресс проектной команды. В условиях академической среды, где участники стартапов совмещают учёбу, научные исследования и предпринимательскую активность, классические бизнес-метрики требуют адаптации. Так, вместо показателей выручки или величины привлечённых инвестиций целесообразно использовать образовательные и проектные KPI: количество подтверждённых клиентских гипотез, степень готовности MVP, уровень вовлечённости команды, результаты пилотного тестирования, объём сформированного интеллектуального капитала. Данные метрики формируют основу для принятия трекером управленческих решений о корректировке траектории развития и выборе оптимальных инструментов поддержки.

Особую роль в процессах трекинга играет формирование предпринимательских компетенций, которые интегрируют знания из различных дисциплинарных областей – экономики, менеджмента, маркетинга, ИТ и soft skills. Трекер, выступая мостом между академической и бизнес-средой, помогает студентам осваивать навыки критического мышления, командной коммуникации, оценки рыночных рисков и разработки продуктовых стратегий. В условиях цифровизации эти навыки приобретают дополнительное значение, так как современные стартапы всё чаще строятся на технологиях искусственного интеллекта, больших данных и инженерных разработках. Таким образом, трекинг способствует формированию у студентов гибридной компетентности, необходимой для успешной интеграции в инновационную экономику.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о роли университетской инфраструктуры в эффективности трекинга. Исследования показывают, что наличие акселераторов, бизнес-инкубаторов, центров трансфера технологий и Fab-lab лабораторий существенно повышает вероятность успешного развития студенческих стартапов. Трекер в данном контексте выступает координатором, направляющим команды к корпоративным партнёрам, экспертам отрасли, инвесторам, а также обеспечивающим взаимодействие с внутренними ресурсами вуза – научными школами, лабораториями, центрами компетенций. Такой экосистемный подход делает процесс трекинга более продуктивным и ускоряет развитие стартапов, что подтверждается практикой ведущих российских и зарубежных университетов.

Значительным барьером в развитии студенческих проектов остаётся несформированность мотивации и недостаточная предпринимательская зрелость участников. Поэтому в методологию трекинга всё чаще включаются элементы поведенческого управления и коучинговые практики. Современный трекер не ограничивается постановкой задач и контролем их исполнения – он формирует у команды ориентацию на результат, помогает преодолевать психологические барьеры, поддерживает устойчивость к неудачам, развивает способность к самостоятельному принятию решений. Студенты, вовлечённые в процессы трекинга, быстрее осваивают принципы продуктового мышления и приобретают навыки, востребованные не только в предпринимательстве, но и в проектной деятельности крупных компаний.

Перспективным направлением развития трекинга в университетской среде является внедрение цифровых инструментов сопровождения стартапов. Платформы для управления проектами, трекинговые сервисы, CRM-системы, инструменты аналитики и искусственный интеллект дают возможность автоматизировать сбор данных, планирование задач и мониторинг ключевых показателей. Это особенно актуально в условиях масштабных акселераторов, где трекеру необходимо сопровождать десятки команд одновременно. Использование цифровых трекинговых систем способствует

повышению прозрачности процессов, улучшает качество управленческих решений и обеспечивает более объективную оценку динамики развития проектов.

В то же время дальнейшее развитие методологии трекинга требует учёта особенностей междисциплинарных студенческих команд, выполняющих работы на стыке наук. Такие проекты отличаются длительными циклами разработки, высоким уровнем технологической неопределённости и необходимостью привлечения экспертов из различных областей знаний. В этом контексте трекеру требуется обладать широким спектром компетенций и владеть инструментами фасилитации междисциплинарного взаимодействия, что позволяет эффективно управлять сложными инновационными процессами.

Таким образом, расширение методологических оснований трекинга и их адаптация к условиям университетской среды создаёт благоприятные предпосылки для повышения результативности студенческих стартапов. Это способствует не только успешному выполнению проектов и коммерциализации разработок, но и формированию в вузах культуры инноваций, ориентированной на развитие человеческого капитала и подготовку специалистов для цифровой экономики.

Библиографические ссылки

1. Атлас новых профессий [Электронный ресурс]
<https://atlas100.ru/catalog/obrazovanie/mentor-startapov/>
2. Бабанова, Ю.В., Кулясова, А. К. Методологические аспекты трекинга как инструмента контроля в современном бизнесе // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. 2014. №1 (14). – С. 19-23.
3. Сальникова, Ю. А. Технология трекинга в сопровождении стартап-проектов: ключевые роли и их функции // Научные записки НГУЭУ. – 2023. – № 2. – С. 13-17.
4. Стажарова, Д. М., Хамылева У. А., Травин Д. Н., Сысоенко М. В. Перспективы студенческих стартапов как источник инноваций // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 3(62). – С. 412-419.
5. Стажарова, Д. М. Основные этапы создания студенческих стартапов и мероприятия, способствующие этим процессам // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17, № 2. – С. 597-614.
6. Стажарова, Д. М., Будрина Е. В. Динамика развития студенческих стартапов на базе инновационной инфраструктуры ВУЗа // Экономика и экологический менеджмент. 2022. №3. – С. 3-12.
7. Бурмистрова, Е. П. Влияние метода LEAN STARTUP на показатели эффективности проекта // Интерактивная наука. 2020. №7 (53).- С. 80-82.
8. Прима, Я. Г., Сальников А. К. Предпроектные исследования при создании цифрового продукта в рамках методологий Customer Development И LEAN STARTUP // ЭСГИ. 2021. №1 (29). - С. 34-45.
9. Горина, Т. В. Разработка интегрированного подхода к управлению проектами цифровизации и цифровой трансформации в банковской сфере, основанной на принципах Agile, Lean Startup и Design Thinking // Региональная и отраслевая экономика. 2025. №4. - С. 213-221.
10. Орлова Ю. А. Применение методологии Lean startup как инструмента снижения риска при разработке продукта проекта / Ю. А. Орлова // Экономика будущего: тренды, вызовы и возможности / Под редакцией А.В. Гумерова, М.Ф. Сафаргалиева. – Казань: Общество с ограниченной ответственностью "АРТИТЕХ", 2023. – С. 347-350.

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО ПСИХОЛОГА-КОНСУЛЬТАНТА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ И ВЫПУСКНЫХ КУРСОВ

В. А. Новаш

студент 4 курса,
Филиал РГСУ в г. Минске,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: novash.lera@bk.ru

Н. И. Ковальчишина

к. пс. н., доцент, Филиал РГСУ в г. Минске,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: nkovalchishina@mail.ru

В статье рассматривается образ идеального психолога-консультанта в представлении студентов-психологов. Для исследования была разработана анкета, позволившая выявить, что у первокурсников образ идеального психолога-консультанта недостаточно выражен, их представления основаны в большей степени на личностных стереотипах. Представления студентов-выпускников имеют более выраженную картину, образ психолога-консультанта базируется на теоретических знаниях, а также на практических навыках, полученных в период обучения.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, идеальный образ, психолог-консультант, образование, студент.

This article examines the image of the ideal counseling psychologist as perceived by psychology students. A questionnaire was developed for the study, revealing that first-year students have a less-defined image of the ideal counseling psychologist, their perceptions being based largely on personal stereotypes. Graduating students, on the other hand, have a more defined image, with their image of the ideal counseling psychologist based on both theoretical knowledge and practical skills acquired during their studies.

Key words: professional competencies, ideal image, psychologist-consultant, education, student.

Профессиональное становление студентов в период обучения в ВУЗе осуществляется посредством целенаправленной учебной деятельности, ориентированной на их обеспечение необходимым объемом общенаучных, гуманитарных и специальных знаний, формирование профессиональных умений и развитие личностных качеств, а также на освоение основ профессиональной этики [2].

В современной науке наблюдается повышенный интерес к изучению глубинных детерминант развития профессиональной компетентности психолога, в частности, к движущим силам и механизмам этого процесса (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Вачков, И.Б. Гриншпун, Э.Ф. Зеер, Е.А. Климов, А.К. Маркова, Н.С. Пряжников, Э.Э. Сыманюк и др.).

Профессиональная компетентность рассматривается многими авторами как мастерство в организации и системном осмыслении профессиональных проблем, умение формулировать задачи и способность к организации их решения [1; 2; 3].

Важнейшую роль в становлении профессионализма играет формирование образа будущей профессии, профессиональной направленности и мотивации в период обучения в вузе, которая детерминируется в качестве совокупности побуждений, определяющих

выбор профессии и устойчивое выполнение профессиональных обязанностей. Как утверждает С.Л. Леньков, профессиональная направленность психологов «увеличивает вариативность, наблюдая как на этапе вузовского обучения, так и для профессиональных специалистов» [4, с. 79].

Деятельность психолога-консультанта заключается в оказании помощи клиентам, у которых есть личностные проблемы. Специалист старается направить человека, прежде всего, к пониманию себя, своих эмоций, осознанию обстоятельств, в которых он оказался. Для разрешения возникших трудностей, он анализирует вопросы с разных сторон и помогает человеку найти пути выхода из трудной ситуации.

Учитывая специфику работы психолога, связанную с оказанием помощи людям, важно исследовать представления студентов о профессиональной компетентности психолога-консультанта. Для реализации данной цели была разработана анкета, вопросы которой отражали представления студентов об уровне образования, профессиональном и личном опыте, навыках и качествах идеального, по их мнению, психолога-консультанта, то есть некоего собирательного образа, к которому они планируют стремиться в профессиональной деятельности. В анкетировании приняли участие 85 студентов-психологов: 46 первокурсников и 39 студентов-выпускников.

Результаты опроса показали, что среди студентов-первокурсников лишь 17,4% имеют опыт работы в качестве психолога, а среди студентов 4-го курса профессиональный опыт имеют уже 46% респондентов.

По мнению большинства первокурсников (67,4%) психологу-консультанту достаточно уровня образования «Бакалавр». Почти треть респондентов (32,6%) считает, что данный специалист должен закончить магистратуру. Многие подчеркивают, что для психолога-консультанта важен опыт работы в учреждении до начала индивидуальной, частной практики (71,7%). Временной диапазон получения профессионального опыта может быть, на взгляд первокурсников, от года до 5-ти лет (1 год – 52,2%, 3-5 лет – 41,3%).

В соответствии с представлениями студентов-первокурсников, помимо непосредственной работы с людьми, идеальный психолог-консультант также должен: регулярно проходить дополнительные курсы и обучение (43,5%); получать образование в других сферах (медицина, педагогика, менеджмент) (23,9%); заниматься научной деятельностью (участвовать в конференциях, писать научные статьи, преподавать) (32,6%); придерживаться ЗОЖ и заниматься спортом (16,3%).

Почти половина студентов-выпускников (48,7%) посчитали, что опыт работы психолога-консультанта в профильном учреждении до начала частной практики скорее не важен.

На вопрос анкеты «Какой опыт работы в профильном учреждении необходим для психолога-консультанта?» около половины студентов 4-го курса (43,5%) ответили, что опыт работы не нужен, достаточно вузовских знаний, почти треть респондентов (30,8%) считают, что достаточно года, четверть выпускников (25,7%) полагают, что нужен поработать в профессии 3 и более лет.

Возможно, такая тенденция в ответах студентов выпускного курса может быть связана с осознанием посредственности и формальности работы психолога во многих профильных, муниципальных учреждениях (школы, детские сады). Студенты 4 курса имеют опыт работы или прохождения учебной и производственной практики в таких организациях, зная обо всех трудностях и препятствиях для оказания психологической помощи в таких условиях, у студентов складывается впечатление, что получить реальный полезный опыт работы с клиентами им не удастся, а значит, не стоит тратить время на работу в профильных учреждениях.

Современные студенты ищут возможности получить нужные профессиональные навыки и знания, опыт другими способами (участие в психологических сессиях с

клиентами, обучение посредством трансформационных игр, изучение новых психологических техник и др.).

Аналогично с 1-м курсом, будущие выпускники считают, что психологу-консультанту достаточно уровня образования «Бакалавр» (61,5%), у более трети (35,9%) – это магистратура, по мнению одного респондента психолог-консультант должен иметь степень кандидата или доктора психологических наук. Для большинства выпускников (53,5%) идеальный психолог-консультант должен, помимо работы с людьми, проходить дополнительные курсы и обучение; заниматься научной деятельностью (участвовать в конференциях, писать научные статьи, преподавать) (35,8%); придерживаться ЗОЖ и заниматься спортом (30,8%); получать образование в других сферах (медицина, педагогика, менеджмент) (20,7%).

Помимо прочего, для психолога-консультанта студенты 4-го курса посчитали важным «проводить лекции вне учебных заведений, организовывать встречи, выступать на мероприятиях в качестве спикера».

В представлениях студентов младших и выпускных курсов, идеальный психолог-консультант должен активно вести профессиональную страницу в социальных сетях, выкладывать в сеть контент, связанный с психологическими знаниями или его личным опытом работы с клиентами. Большая половина студентов-психологов считает, что подобная деятельность необходимая часть профессионального образа психолога-консультанта в наш век цифровых технологий.

Также, в ходе исследования, осуществлена попытка определить, какие личные и профессиональные качества, знания, умения и навыки необходимы идеальному психологу-консультанту, по мнению студентов 1-го и 4-го курсов.

Для изучения выбора студентами приоритетных качеств психолога-консультанта были детерминированы самые важные, по мнению многих специалистов, работающих в этой сфере: эмпатия, эмоциональная устойчивость, профессиональный опыт, способность к активному слушанию, конфиденциальность, коммуникабельность, гибкость мышления.

Результаты представлений студентов-психологов 1-го и 4-го курсов о профессионально важных качествах психолога-консультанта отражены на рисунке 1.

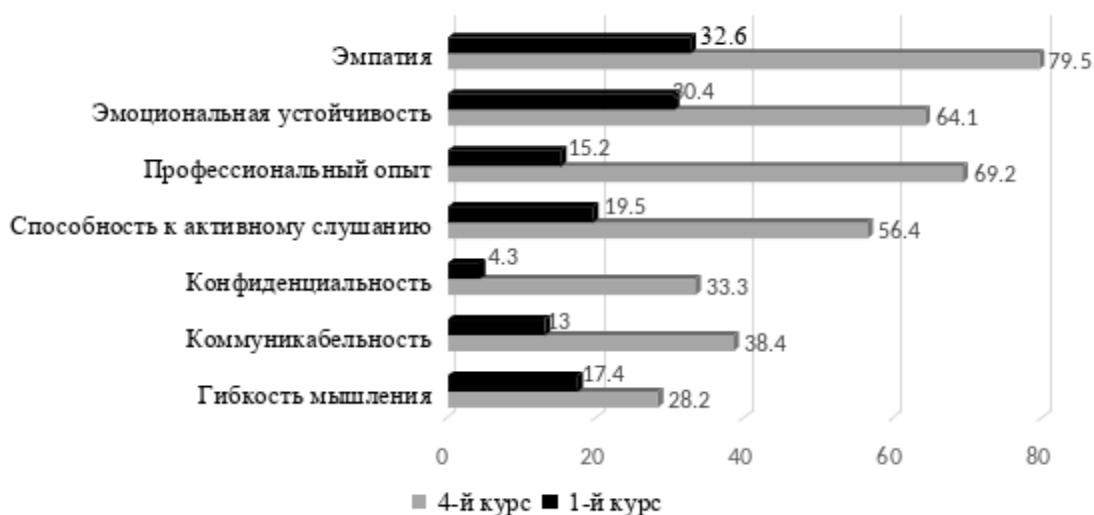

Рисунок 1 – Выраженность представлений студентов-психологов 1-го и 4-го курсов о профессионально важных качествах психолога-консультанта, %

Как видим на рисунке, почти треть студентов 1-го курса выделили важность для психолога-консультанта таких качеств как эмпатия (32,6%) и эмоциональная устойчивость (30,4%). Остальные, выделенные экспертами качества, считают важными лишь небольшое количество первокурсников. Студенты-психологи первого курса также выделили значимость следующих качеств: внимательность, доброжелательность, искренность, ответственность, открытость, чуткость и др.

При этом, студенты, имеющие некоторый опыт работы по специальности, дополнительно выделяли главные для специалиста навыки: непрерывно обучаться и саморазвиваться, стремление к познанию нового в профессиональной деятельности, качественно проводить психодиагностику, критическое мышление. Студенты 1-го курса, не имеющие профессионального опыта, считают важным для психолога-консультанта: умение слушать и сопереживать клиенту, соблюдать этические правила, опираться на научные знания в работе, стрессоустойчивость и толерантность (безоценочное отношение к любым особенностям людей).

Результаты студентов 4 курса показывают, что они более реально представляют свою будущую деятельность, поэтому у большинства выбор важных качеств психолога-консультанта совпадает с экспертными оценками: эмпатия (79,5%), эмоциональная устойчивость (64,1%), профессиональный опыт (82%), способность к активному слушанию (56,4%), коммуникабельность (38,4%), конфиденциальность (33,3%), гибкость мышления (28,2%).

Важно подчеркнуть, что студенты-психологи (4-й курс), имеющие опыт работы в этой сфере, также определили значимость следующих аспектов в деятельности психолога-консультанта: желание непрерывно обучаться и саморазвиваться, полимодальность (умение применять различные подходы и техники в работе с клиентами), умение задавать конструктивные вопросы. Для студентов-выпускников, не имеющих опыта работы в качестве психолога, наиболее значимыми являются: навыки рефлексии и осознанности, уверенность в своих действиях и смелость, отзывчивость и др.

Следует подчеркнуть, что студенты 1-го курса обучения делали акцент в большей степени на личностных качествах, которые важны для психолога-консультанта, в то время как студенты 4-го курса, чаще выделяли навыки и профессионально важные качества, которые необходимы специалисту непосредственно во время работы с клиентами.

Ответы студентов младших и выпускных курсов, не имеющих опыт работы в сфере психологии, на наш взгляд, являются более абстрактными и обобщенными. Вероятнее всего, эти студенты основывают свои представления об идеальном психологе-консультанте только на теоретических знаниях и контенте в социальных сетях, что не дает им возможности полностью осознать значение профессионально важных качеств и навыков, необходимых в работе данного специалиста.

В ходе исследования, студентам также предлагалось перечислить личные и профессиональные качества, эпизоды биографии, которые, по их мнению, несовместимы с образом идеального психолога-консультанта. Студенты-выпускники предположили, что для идеального психолога-консультанта недопустимы какие-либо взаимоотношения с клиентами, кроме терапевтических (дружеские, романтические, совместная работа и т. д.); судимость; неразрешенные психологические проблемы (отсутствие личной терапии для психолога); дискриминация и предвзятое отношение к клиентам; импульсивность; нарушение конфиденциальности терапевтического процесса.

Студенты-первокурсники отметили следующие факторы, неприемлемы для идеального психолога-консультанта: судимость; проявление агрессии или насилия по отношению к каким-либо людям; дискриминация и предвзятое отношение к клиентам; нарушение конфиденциальности терапевтического процесса; наличие зависимости; импульсивность и неуравновешенность; наличие ментальных нарушений и учет в

психиатрическом диспансере. В данном случае студентам-психологам младших и выпускных курсов удалось прийти к относительному согласию, определив, что идеальный психолог-консультант непременно должен соблюдать границы терапевтического процесса, этические нормы и правила, законодательство в целом, а также разрешать собственные ментальные проблемы до начала оказания психологической помощи другим людям.

На основании, полученных в ходе исследования, данных мы можем предположить, каким является обобщенный образ идеального психолога-консультанта в представлении студентов младших и выпускных курсов, обучающихся на направлении подготовки «Психология». Также, данные представления могут служить профессиональным ориентиром для будущих психологов, то есть представлять собой некий «идеал», к которому стоит стремиться в период профессионального становления, обучаясь в вузе.

Таким образом, можно заключить, что в представлении студентов-психологов 1-го курса, идеальный психолог-консультант – это человек, который получил соответствующее высшее образование, работал в профильном учреждении психологом несколько лет, регулярно проходит дополнительные курсы и обучения в сфере психологии и получает навыки в других научных сферах (например, медицина, педагогика, менеджмент), ведет социальные сети для продвижения своих услуг. Это, прежде всего, ответственный, добрый и искренний человек, который умеет выстраивать доверительные отношения с людьми, поддерживать и располагать к себе, уважительно относящийся к клиентам.

При этом, в представлениях студентов 4 курса, идеальный психолог-консультант, получив высшее образование по специальности, проходит дополнительные специализированные курсы, чтобы изучить различные подходы в работе с клиентами, занимается научной деятельностью (участвует в конференциях, публикует статьи), проходит личную психотерапию и работает с клиентами в рамках частной практики, не имея опыта работы в профильном учреждении.

Для привлечения клиентов и популяризации темы психологического здоровья он ведет аккаунт в социальных сетях. Данный специалист уважительно относится к окружающим, умеет налаживать контакт с разными людьми и стремится их понять, обладает высоким уровнем эмпатии, коммуникации, критическим мышлением и стрессоустойчивостью. Он четко следует правилам взаимодействия с клиентом, соблюдает конфиденциальность в общении, использует в практике только проверенные, научно-обоснованные методы, способен адекватно анализировать и объективно оценивать ситуацию в работе с клиентами, особенно в стрессовых условиях.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в период получения психологического образования студенты имеют представление о деятельности психолога-консультанта, образ которой от первого до выпускного курса позитивно трансформируется, приобретая более четкие профессиональные ориентиры.

Библиографические ссылки

1. Вачков, И.В. Введение в профессию "психолог" : учебное пособие / И.В. Вачков, И.Б. Гриншпун, Н.С. Пряжников ; под ред. И. Б. Гриншпуна ; Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ун-т. - 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Изд-во Московского психолого-социального ун-та ; Воронеж : МОДЭК, 2015. – 520 с. – Текст : непосредственный.
2. Зеер, Э.Ф. Стратегии преодоления кризисов профессионального становления личности педагога / Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк. – Текст : непосредственный // Мир психологии. – 2002. – № 4. – С. 194-202.

3. Кузнецова, О.В. Введение в профессию: психолог : учебник и практикум для академического бакалавриата / О. В. Кузнецова ; под редакцией Л. Ф. Обуховой. – Москва : Издательство Юрайт, 2017. – 440 с. – Текст : непосредственный.

4. Ленков, С.Л. Личностное и профессиональное развитие психологов / С.Л. Ленков, Н.Е. Рубцова. – Текст : непосредственный// Интеграция психологической науки и практики: основные проблемы и новые перспективы развития: сб. трудов Международной научно-практической конф., Мытищи, 10 февраля 2022 г. – СПб.: НИЦ АРТ, 2022. – С. 79-86.

© Новаш В.А., Ковальчишина Н.И., 2025

РАБОТА С СУИЦИДАЛЬНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ У ПОДРОСТКОВ КАК ЭТАП ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ДЛЯ ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА

К. Н. Новичук

магистрант 1 курса,
СибГУ им. М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: novicukk@gmail.com

И. В. Гудовский

доцент, СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия
E-mail: igud@mail.ru

В данной статье рассматривается феномен работы с суицидальным поведением у подростков в качестве критически важного этапа профессионального и личностного становления педагога-психолога. Анализируется высокая актуальность проблемы подросткового суицида в современном обществе и подчеркивается, что столкновение с подобными случаями является для специалиста не только профессиональным вызовом, но и точкой роста, формирующей его профессиональную идентичность, этическую зрелость и практическую компетентность. В статье описываются ключевые навыки, которые развивает психолог в процессе такой работы. Делается вывод о том, что успешное преодоление сложностей, связанных с работой с суицидальным поведением, способствует переходу педагога-психолога на качественно новый уровень мастерства и ответственности.

Ключевые слова: педагог-психолог, профессиональное становление, суицидальные риски, подростковый суицид, профессиональные компетенции, психологическая помощь подросткам, профилактика суицидального поведения.

This article examines the phenomenon of working with suicidal behavior in adolescents as a critical stage in the professional and personal development of educational psychologists. It analyzes the high relevance of the problem of adolescent suicide in modern society and emphasizes that encountering such cases is not only a professional challenge for specialists but also a point of growth, shaping their professional identity, ethical maturity, and practical competence. The article describes the key skills that psychologists develop through this work. It concludes that successfully overcoming the challenges associated with working with suicidal behavior helps educational psychologists reach a qualitatively new level of skill and responsibility.

Key words: educational psychologist, professional development, suicide risks, adolescent suicide, professional competencies, psychological assistance to adolescents, prevention of suicidal behavior.

Актуальность темы подросткового суицида и профессиональной подготовки педагогов-психологов к работе с ним сложно переоценить. Глобальный показатель смертности от суицида составляет 10,5 на 100 тысяч человек. Россия, с результатом в 26,5 случаев, занимает третье место в мире по частоте самоубийств, уступая лишь Лесото (28,9) и Гайане (30,2). Согласно оценкам Всемирной организации здравоохранения, в 2023 году около 45 тысяч граждан России лишили себя жизни, в среднем каждые 12 минут в нашей стране происходит самоубийство [2]. Каждый год во всем мире миллионы людей умирают, принимая решение о добровольном прекращении жизни, в том числе дети и подростки. В

настоящее время Российская Федерация лидирует в европейском регионе по числу суицидальных происшествий среди несовершеннолетних. Относительно недавнего периода, статистика детского суицида и случаев покушений на свою жизнь возросла примерно на 35-37%. Основными факторами, способствующими уходу из жизни несовершеннолетних, могут являться следующие причины: сложности в семейных отношениях, конфликты с ровесниками и учителями, отсутствие негативного восприятия смерти и самоубийства, случаи буллинга в школах, а также самоубийства поклонников после гибели кумиров [2]. Проблема добровольного ухода подростков из жизни требует активного включения всех институтов социализации, и самую главную роль в предотвращении возникновения суицидальных рисков играют системы образования.

Педагог-психолог в школе находится на передовой этой работы. Он первый специалист, который может распознать тревожные сигналы, оказать первичную поддержку и организовать помощь. Однако в программах вузовской подготовки этой теме часто уделяется недостаточно внимания, и молодой специалист оказывается не готов к столкновению с подобными случаями. Поэтому анализ данного направления работы как этапа профессионального становления позволяет переосмыслить его значение: не как травмирующую нагрузку, а как мощный ресурс для развития ключевых профессиональных компетенций, формирования стрессоустойчивости и осознания высокой социальной миссии своей профессии. Подготовленность педагога-психолога к взаимодействию с подростками, демонстрирующими суицидальные наклонности, существенно повышает результативность его работы в образовательной среде, особенно в контексте возрастающих сложностей, касающихся воспитания, интеграции в социум и приспособления к окружающему миру [8].

Речь идёт о развитии у будущих педагогов-психологов компетенций по своевременному выявлению признаков суицидального поведения у несовершеннолетних посредством диагностических мероприятий, а также разработку и внедрение индивидуальных и групповых программ профилактики, направленных на формирование навыков адаптивного поведения, эффективное взаимодействие с родителями, учителями и медицинскими работниками.

Превентивные меры против суицидальных намерений у подростков должны акцентироваться на предотвращении личностных проблем, рискованного поведения, оказании помощи в преодолении трудностей социализации (учебные неудачи, проблемы с психическим состоянием, конфликты со сверстниками и взрослыми, выбор профессионального пути, сложности в самовыражении и т.д.) и вместе с тем на поддержке ребенка в сложных жизненных обстоятельствах [8].

Первоначально педагог-психолог должен в полной мере осознавать, что такое суицид и суицидальное поведение у молодёжи. Знание фундаментальных терминов необходимо для дальнейшей работы с подростками. Впервые термин «суицидальное поведение» был предложен психологом Г. Дээ в 1947 году [1]. Данное понятие имеет более широкое значение, охватывая не только самоубийство, но и суицидальные акты и различные проявления. В российской психиатрии определение суицидального поведения было впервые сформулировано А.Г. Амбрумовой в 1978 году [9]. Согласно ее определению, суицидальное поведение представляет собой психологическую дезадаптацию индивида в условиях острого микросоциального конфликта и включает в себя внутренние компоненты – антивитальные переживания, пассивные мысли о самоубийстве, суицидальные планы и намерения, а также внешние проявления, такие как суицидальная попытка и завершённый суицид.

В суицидальном поведении принято выделять следующие этапы: предсуицидальный этап, этап реализации суицидальных намерений и постсуицидальный этап – в случае, если предпринятые суицидальные действия не закончились летальным исходом (рис 1) [3].

Предсуицидальный этап простирается от первичного возникновения мыслей о самоубийстве и суицидальных импульсов до момента принятия окончательного решения о совершении самоубийства. Как правило, решению о добровольном уходе из жизни предшествует некое событие, часто именуемое «последней каплей», представляющее собой дополнительную психологическую травму. Этот инцидент лишь укрепляет человека в ощущении полной безнадежности и уверенности в неминуемом крахе. Точный момент совершения суицида зачастую обусловлен именно этой самой «последней каплей» – событием, которое становится тем самым спусковым крючком, подталкивающим молодого человека к фатальному решению.

Этап реализации суицидальных намерений включает в себя разработку плана будущего самоубийства (выбор наиболее подходящего метода, локации и времени для осуществления суицидального акта), подготовку к нему (завершение незавершенных дел, составление предсмертного письма и т.д.), а также поэтапное воплощение суицидальных действий.

Постсуицидальный этап занимает отрезок времени от месяца до трех месяцев после предпринятой попытки самоубийства. Если попытка была не завершена, после медикаментозного лечения, есть шанс проанализировать предшествующие события, подтолкнувшие человека к этому шагу. Важно на этом этапе предоставить поддержку и помочь подростку преодолеть чувство отчаяния. В противном случае, если ощущение безнадежности сохранится, риск повторной попытки суицида остается достаточно высоким [3].

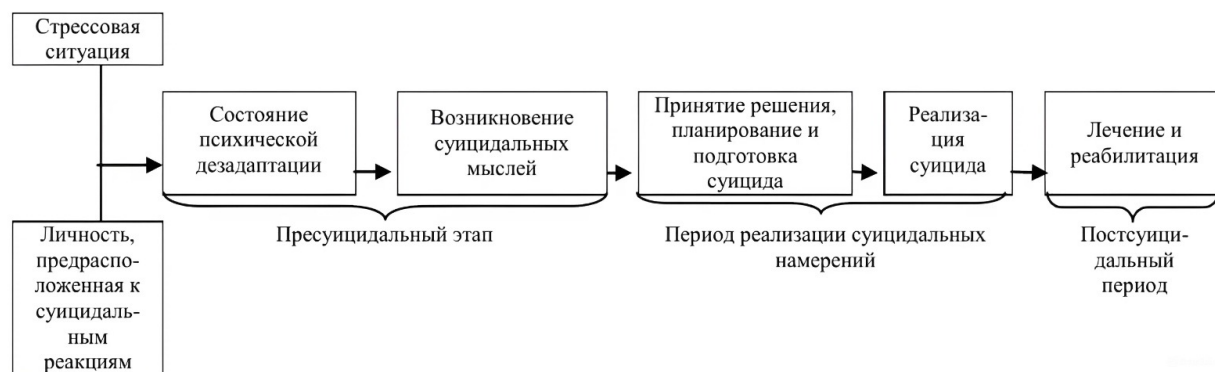

Рисунок 1 – Этапы суицидального поведения

Таким образом ориентация в профессиональных терминах и знание этапов суицидального поведения – не просто желательное, а безусловно необходимое условие квалификации, подобно тому, как для медика критично распознавать признаки сердечного приступа. Отсутствие этих знаний делает деятельность педагога-психолога не просто ограниченной, но и потенциально вредоносной. Осведомленность дает возможность идентифицировать опасность, поскольку без осознания характерных черт (высказываний, действий, обстоятельств) специалист рискует не заметить сигнал бедствия, ошибочно интерпретировав его как «временную грусть» или «возрастной кризис».

Для эффективной работы с подростками, проявляющими суицидальные тенденции, педагогу-психологу крайне важно владеть информацией о ключевых индикаторах, позволяющих идентифицировать риск суицида. Н.В. Калинина [4] разделяла эти индикаторы на следующие группы:

1. Вербальные признаки: подросток выражает свои переживания, мрачно шутит о смерти, обсуждает способы лишения себя жизни, проявляет склонность к самоубийству и обвинению окружающих, его речь становится монотонной и апатичной.

2. Эмоциональные признаки: ощущение глубокой печали, чувство вины, разнообразные страхи и тревоги, дезориентация, проявляющиеся в форме плача, рыданий и затруднений в речи.

3. Поведенческие признаки: заметное ухудшение поведения, действия, представляющие угрозу для жизни и здоровья, злоупотребление психоактивными веществами, состояние депрессии, отказ от значимых вещей в пользу других, размышления о смысле жизни и её завершении, подведение жизненных итогов.

Кроме того, согласно точке зрения Н. Е. Антиповой [3], признаками сложившегося внутреннего настроя «готовности» к принятию радикального решения по поводу лишения себя жизни, могут служить следующие факторы:

- изоляция: ощущение отсутствия интереса и понимания со стороны окружающих;
- невозможность повлиять на ситуацию: состояние, при котором человек чувствует утрату контроля над собственной жизнью. Данное переживание особенно свойственно молодым людям, ощущающим, что их действия определяются другими, и их личное участие не имеет значения;
- отсутствие перспектив: восприятие будущего как лишённого позитивных событий;
- ощущение собственной неважности: негативная самооценка, чувство некомпетентности или стыда за себя.

В случае выявления хотя бы одного из перечисленных параметров внутреннего состояния, требуется предоставление психологической поддержки. Ведь указанные признаки суицидального поведения у подростков играют критически важную роль, поскольку они позволяют педагогу-психологу и другим специалистам вовремя распознать тревожные сигналы и предпринять своевременные вмешательства. Работа по выявлению этих признаков является первым и самым важным звеном в цепочке профилактических мер, направленных на сохранение жизни и психологического благополучия несовершеннолетнего.

Педагогу-психологу необходимо знать, как правильно устанавливать контакт с подростком, находящимся на грани суицидального риска. Это является ключевым и первоочередным шагом, ведь без налаживания доверительных отношений невозможно будет непосредственное определение степени суицидальной угрозы. Чтобы помочь человеку, находящемуся в состоянии безысходности, значение имеет разговор с ним. Д.В. Солдатов [7] предлагает следующую поэтапную структуру индивидуальной беседы:

1. Создание атмосферы доверия и установление эмоциональной связи. Важно дать человеку возможность высказаться, внимательно слушая его и не прерывая.
2. Анализ цепочки событий, приведших к кризисной ситуации, и облегчение психологического напряжения. Здесь можно применять метод «акцентирования на достижениях».
3. Совместный поиск путей выхода из сложившейся ситуации. Определяются дальнейшие шаги и дается возможность проявить самостоятельность, используя технику «паузы для размышления».
4. Разработка конкретного плана действий и оказание психологической поддержки на протяжении всего периода его реализации. На этом этапе полезны приемы «аргументация с помощью логики» и «рациональное убеждение в собственных силах».

Молодой человек, борющийся с мыслями о самоубийстве, зачастую страдает от невероятного чувства изоляции, уверенности, что его проблемы игнорируются и не находят отклика. Уже то, что взрослый (психолог) готов спокойно, без упреков и тревоги, выслушать самые мучительные его откровения, дает мощный импульс: «Твои страдания реальны. Ты ценен. Я рядом». Это формирует союз доверия и защищенную среду, без

которых дальнейшее оказание помощи становится невозможным. Склонность к суициду нередко является следствием подавленной, невыраженной и невыносимой эмоциональной боли. Озвучивание этих чувств в обстановке безопасности само по себе оказывает лечебное воздействие. Подросток получает шанс «высвободить эмоции», уменьшив внутреннее напряжение, которое подталкивает его к суицидальным попыткам. Разговор выступает как инструмент срочного вмешательства, позволяя «разрядить» кризисную ситуацию в данный момент.

Благодаря честной и непредвзятой беседе о самоубийстве помогает развенчать несколько распространенных и опасных заблуждений. Распространено ошибочное мнение, что обсуждение темы суицида может спровоцировать человека на этот шаг. Однако, откровенная беседа, наоборот, уменьшает напряжение и даёт возможность поделиться самыми сложными эмоциональными переживаниями. Другой устоявшийся стереотип гласит, что человек, говорящий о суициде, никогда не решится на него. Но, как показывает практика, значительная часть людей, совершающих самоубийство, тем или иным способом сообщали о своих намерениях окружающим. Поэтому любое подобное заявление следует воспринимать с максимальной серьёзностью.

В ходе беседы педагог-психолог овладевает навыком постановки прямолинейных вопросов по типу «Посещали ли тебя мысли о смерти?», «У тебя есть конкретный план?», «Что мешает тебе совершить задуманное?». В самом начале такие беседы могут порождать у начинающего специалиста беспокойство и боязнь «навредить» или «подтолкнуть к действию», однако систематическая практика формирует профессиональную непоколебимость и стрессоустойчивость. Психолог переступает через личные запреты и убеждается на практике, что откровенный разговор о суициде не провоцирует его, а, наоборот, уменьшает стресс и дарит подростку ощущение понимания и принятия его переживаний.

В системе психолого-педагогического сопровождения несовершеннолетних, переживающих суицидальный кризис, особое место занимают методы обеспечения немедленной безопасности. Одним из таких структурированных инструментов является заключение «соглашения о не нанесении вреда себе», также известного как «соглашение о безопасности». Данная техника представляет собой не просто устную договорённость, а целенаправленно выстраиваемый совместно с подростком план действий, направленный на предотвращение суицидальных действий как в процессе терапии, так и в интервалах между сессиями. Ключевая цель данного соглашения выходит за рамки простого запрета. Она заключается в целенаправленной когнитивно-аффективной интервенции, призванной посеять в сознании подростка семена сомнения в неотвратимости и единственности суицида как способа решения проблем. Это создает возможность выиграть критически важное время, необходимое для разработки и реализации долгосрочной, ресурсной стратегии работы [6].

Этап составления соглашения позволяет специалисту работать не «над», а «вместе с» подростком. Это способствует формированию терапевтического альянса, основанного на взаимном доверии и разделенной ответственности. Подросток из пассивного объекта воздействия превращается в активного субъекта, соавтора своего плана безопасности, что способствует повышению его самооффективности и способности действовать самостоятельно и осознанно. Для самого педагога-психолога этот метод является мощным инструментом профилактики профессиональных деформаций. Он способствует осознанию границ своей компетенции и ответственности, препятствуя развитию «синдрома спасателя» и профессиональной мании величия, когда специалист берет на себя непосильную ношу решения всех проблем клиента. Вместо этого роль психолога меняется в сторону фасилитации и активации: его задача не «спасти» подростка единолично, а

помочь ему мобилизовать собственные внутренние и внешние ресурсы, найти опору в себе и своем социальном окружении.

Также одной из важных частей в работе педагога-психолога выступает информирование родителей подростка, который пытался покончить с собой. Известить родителей о вероятности суицида у их ребенка является сложной задачей, с которой столкнется начинающий специалист. Важно уметь говорить прямо, но не вызывая паники, с сочувствием, но избегая чрезмерной деликатности, которая может умалить серьезность ситуации. Родители нередко реагируют отрицанием, раздражением, перекладывая вину на школу или психолога («Этого не может быть!», «Вы преувеличиваете!», «Это из-за плохой успеваемости!»). Психологу необходимо сохранять спокойствие, осознавая, что за этими реакциями скрываются страх, вина и ощущение беспомощности. Это помогает эффективно работать с сопротивлением. Помимо этого, психолог должен иметь в своих навыках правильно интерпретировать проявления подросткового отчаяния, обращая их в понятный для родителей язык. Необходимо разъяснять, что за словами «Я устал» может скрываться мысль о бессмысленности существования, а нанесение себе повреждений является не способом манипулировать, а попыткой справиться с невыносимой душевной болью [5].

Опытный профессионал понимает, что для оказания действенной помощи подростку необходимо взаимодействовать не только с ним, но и с его семьей, которая зачастую выступает как источником напряжения, так и важным ресурсом для восстановления. Он развивает способность распознавать деструктивные модели коммуникации (чрезмерный контроль, эмоциональное отторжение, вседозволенность), которые усугубляют проблему. Педагог-психолог стремится не просто оказывать поддержку родителям, но и деликатно, ненавязчиво стимулировать позитивные изменения в семейном взаимодействии. Это чрезвычайно сложная задача, требующая выдержки и деликатности.

В подобных обстоятельствах родители сами переживают сложный период. Поэтому педагог-психолог должен не только контролировать собственное эмоциональное состояние, но и уметь влиять на эмоциональный фон клиентов, смягчая напряжение для облегчения принятия обоснованных решений. Многие родители не сразу готовы обратиться за психологической помощью или пересмотреть существующие методы воспитания, соответственно начинающий специалист изучает методы мотивационного консультирования, чтобы облегчить переход от неприятия к принятию и активным действиям [5].

Профессиональная готовность педагога-психолога к взаимодействию с подростками, демонстрирующими суицидальные наклонности, представляет собой сложную структуру личности, состоящую из взаимосвязанных элементов [8]. В рамках этого понятия выделяют несколько ключевых компонентов:

1. Мотивационно-личностный аспект. Данный компонент включает в себя сильную заинтересованность в работе, развитые профессионально важные качества, сформированную систему ценностей и мотивов, а также психологическую устойчивость к сложностям, возникающим при работе с подростками, находящимися в зоне риска. Существенными личными качествами, необходимыми для работы с этой группой подростков, являются сострадание, терпимость, внимательность, чуткость, сердечность, доброжелательность, развитые коммуникативные навыки, способность объективно оценивать информацию и умение слушать, эмпатия, готовность к сопереживанию и помощи, аналитические способности, высокий уровень самоконтроля и стрессоустойчивости, а также позитивный взгляд на мир.

2. Теоретический аспект. Он подразумевает наличие у специалиста системы знаний в области психологических и социально-педагогических дисциплин, необходимых для эффективной работы с подростками данной категории. Важно обладать пониманием сущности суицидального поведения, возрастных особенностей его проявления, факторов

риска, способов, которыми подросток сообщает о своих намерениях, маркеров суицидального состояния, способов преодоления кризисных ситуаций, ресурсов, доступных ребенку и педагогу, видов профилактики, возможностей получения помощи и диагностического инструментария для выявления подростков группы риска в школе.

3. Практический аспект. Включает развитие необходимых умений, навыков и компетенций в области диагностики суицидальных намерений, разработки корректирующих программ, проведения психологических тренингов, использования техник эффективного общения, а также реабилитационной работы с подростками, склонными к суициду. Он включает в себя формирование способностей в следующих областях: проведение диагностических исследований для выявления аутодеструктивных процессов, выявление подростков в трудной ситуации и их вовлечение в программы помощи сверстникам, разработка программ индивидуальной и групповой работы по профилактике суицида, реагирование и сопровождение подростков в кризисных ситуациях, проведение индивидуальных бесед, направленных на формирование адаптивного поведения, использование интерактивных форм работы, вовлечение школьников в профилактическую работу, оказание помощи родителям в воспитании и информирование об эффективных стратегиях семейного воспитания.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод, что работа с суицидальным поведением у подростков, при всей своей сложности и эмоциональной нагрузке, является неотъемлемым и крайне важным этапом профессионального становления педагога-психолога. Она трансформирует теоретические знания в практическое мастерство, формирует системное мышление и воспитывает высокую степень профессиональной и человеческой ответственности. Пройдя через этот кризисный «огонь», психолог выходит обновленным специалистом, способным оказывать реальную, жизненно важную помощь и вносящим значительный вклад в сохранение психического здоровья подрастающего поколения. Следовательно, преодоление вызовов, связанных с суицидальными рисками, не только закаляет личность специалиста, но и служит краеугольным камнем для построения эффективной системы психолого-педагогического сопровождения в образовательной среде.

Библиографические ссылки

1. Ахапкин, Р. В. Суицидальное поведение несовершеннолетних (факторы риска, предикторы развития, диагностика). Методические рекомендации / Р. В. Ахапкин, Е. Г. Дозорцева, Е. Б. Любов, Г. С. Банников – М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского», 2024. – 38 с. – Текст: непосредственный.
2. Буняева, К. В. Суицидологическая ситуация в России и мире: статистика и эпидемиология / К. В. Буняева, Я. Ю. Томащук, О. В. Подорванова. Текст: непосредственный // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 12. – С. 610-613.
3. Горбушина, А. В. Суицидальное поведение подростков: диагностика и профилактика: учебное пособие / А. В. Горбушина, А. С. Власов – Киров: МЦИТО, 2021. – 118 с. – Текст: непосредственный.
4. Калинина, Н. В. Организация профилактической работы с несовершеннолетними, склонными к суицидальному поведению. Методические рекомендации для педагогов-психологов и социальных педагогов образовательных организаций / Н. В. Калинина, С. А. Игумнов, Е. Г. Артамонова, О. И. Ефимова, Н. В. Коренский. – М.: ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2020. – 48 с. – Текст : непосредственный.
5. Калинина, Н. В. Работа с родителями обучающихся образовательных организаций по проведению профилактической деятельности с несовершеннолетними, склонными

к суицидальному поведению. Методические рекомендации для педагогов-психологов и социальных педагогов образовательных организаций / Н. В. Калинина, С. А. Игумнов, О. И. Ефимова, Н. В. Коренский – М.: ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2020. – 38 с. – Текст: непосредственный.

6. Масляев, А. С. Алгоритм очной работы на консультации с клиентом, проявляющим суицидальные тенденции. Памятка для психологов / А.С. Масляев, Л.В. Барченкова, Н.М. Иванова, А.И. Ильин, А.В. Киселёва, А.В. Шпилевская. – СПб.: Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение социального обслуживания социальный приют для детей «Транзит», 2023. – 12с. – Текст: непосредственный.

7. Солдатов, Д. В. Методическое обеспечение профилактики суицидального поведения детей и подростков в образовательных учреждениях: методическое пособие / Д. В. Солдатов, С. В. Солдатова. – М.: МГОГИ, 2020. – 128 с. – Текст: непосредственный.

8. Чемерилова, И. А. Формирование готовности будущих педагогов-психологов к работе с подростками, склонными к суицидальному поведению / И. А. Чемерилова. Текст: непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 9 – С. 1-6.

9. Ханина, Ю. Ю. Теоретический обзор факторов и причин подросткового суицидального поведения в России и за рубежом / Ю. Ю. Ханина, М. Ю. Елагина. Текст: непосредственный // Молодой исследователь Дона. – 2020. – № 4 – С. 84-89.

© Новичук К.Н., Гудовский И.В., 2025

ВЛИЯНИЕ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ

К. У. Олимжонова

магистрант 1 курса

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: kolimzhonova@mail.ru

Статья посвящена исследованию взаимосвязи учебной мотивации и профессионального самоопределения студентов. Рассматриваются ключевые аспекты формирования этих понятий, а также механизмы их взаимного влияния. Анализируются основные типы учебной мотивации и их роль в процессе выбора будущей профессии.

Ключевые слова: мотивация, учебная мотивация, студент, профессиональное самоопределение, академическая успеваемость, карьерные ориентации.

The article is devoted to the study of the relationship between educational motivation and professional self-determination of students. The key aspects of the formation of these concepts, as well as the mechanisms of their mutual influence, are considered. The main types of educational motivation and their role in the process of choosing a future profession are analyzed.

Keywords: motivation, academic motivation, student, professional self-determination, academic performance, career orientations.

Профессиональное самоопределение является одним из важнейших этапов развития личности, особенно в период обучения в высшем учебном заведении. Этот процесс представляет собой комплексное явление, включающее осознание своих способностей, интересов, ценностей и их соотнесение с требованиями рынка труда и возможностями получения соответствующего образования. Неотъемлемой частью успешного профессионального самоопределения является учебная мотивация – внутренний движущий фактор, определяющий активность, направленность и настойчивость студента в освоении знаний и навыков, необходимых для будущей профессиональной деятельности [8, с. 38].

Студенческий возраст – это период активного формирования профессиональной идентичности, когда студенты сталкиваются с необходимостью выбора дальнейшего пути, зачастую не имея четкого представления о своих возможностях и желаниях [10, с. 450]. В этот момент учебная мотивация выступает не просто как стимул к получению образования, но и как индикатор зрелости личности, ее готовности к решению сложных задач, связанных с построением карьеры.

Термин «студент» имеет значение «усердно-работающий, занимающийся», что отражает суть его миссии – глубокое освоение знаний. Особый интерес представляет рассмотрение студенческого возраста как уникального периода развития личности. По сравнению с другими возрастными группами, юношеский возраст (ориентировочно 17-22 года) характеризуется пиковыми показателями в области познавательных процессов: ускоренной оперативной памятью, высокой способностью к переключению внимания и эффективным решением вербально-логических задач [6, с. 180]. Таким образом, «студенческий возраст» становится апогеем развития многих когнитивных функций, создавая благоприятную основу для достижения максимальных результатов во всех сферах – биологической, психологической и социальной. Этот период можно охарактеризовать

как время наиболее высокого уровня развития познавательных процессов. Если взглянуть на студента как на развивающуюся личность, то юношеский возраст предстает как критический этап интенсивного формирования нравственных установок, кристаллизации характера и формирования устойчивого мировоззрения.

Согласно точке зрения Б.Г. Ананьева, достижение пика интеллектуального и физического развития именно в студенческие годы делает этот период исключительно благоприятным для образовательной деятельности и профессионального становления. В это же время закладываются основы индивидуального стиля будущей деятельности.

Ведущей деятельностью в студенческом возрасте, по мнению Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова, является учебно-профессиональная. Её суть заключается в освоении обобщенных способов действий в сфере научных понятий [6, с. 250]. Такая деятельность, по своей природе, требует наличия адекватных мотивов, побуждающих к активному участию. Следовательно, при организации образовательного процесса крайне важно глубоко анализировать составляющие этой учебно-профессиональной деятельности, уделяя особое внимание её мотивационному компоненту.

Исследование данной взаимосвязи актуально в контексте современных вызовов, связанных с динамично меняющимся рынком труда, необходимостью непрерывного обучения и развития. Понимание того, как учебная мотивация влияет на профессиональное самоопределение, позволяет разработать более эффективные программы поддержки студентов, направленные на повышение их академической успеваемости и осознанности в выборе профессионального пути [3, с. 105].

Одной из центральных проблем в психологии и педагогике является проблема мотивации. Б.Ф. Ломов отмечает, что в психологических исследованиях вопросам мотивации и целеполагания принадлежит ведущая роль [14, с. 250].

Многие учёные занимались проблемой мотивации. Исследователи данной проблемы признали мотивацию в качестве движущей силы, как в поведение человека, так и в процессе овладения им профессии и профессиональных навыков и умений. Особую значимость формирование и активизация мотивации имеет у студентов, так как именно она гарантирует формирование познавательной активности, развитию мышления и приобретение знаний и навыков, необходимых для успешной профессиональной деятельности человека.

Мотивация – это общее название для процессов, методов, средств побуждения учащихся к познавательной деятельности, активному освоению содержания образования. Мотивация основывается на мотивах, под которыми имеются ввиду конкретные побуждения, стимулы, заставляющие личность действовать и совершать поступки. Также это понимание студентом целей и ожидаемых результатов своей учебной деятельности. Если обучающийся правильно мотивирован, то он должен иметь желание учиться, иметь потребность в обучении или осознавать необходимость в учебной деятельности [3, с. 88].

Учебная мотивация – это совокупность внутренних и внешних движущих сил, побуждающих студента к учебно-познавательной деятельности, направленной на освоение знаний, умений и навыков [2, с. 40].

По мнению многих исследователей (например, А.К. Маркова, А.А. Реана, В.Г. Левицкого), учебная мотивация имеет сложную структуру, включающую [11, с. 120] :

- **познавательные мотивы:** связанные с интересом к самому процессу познания, стремлением к приобретению новых знаний и умений;
- **социальные мотивы:** обусловленные потребностью в общении, стремлением занять определенное место в системе межличностных отношений, желанием заслужить одобрение;
- **мотивы саморазвития:** связанные со стремлением к личностному росту, самосовершенствованию, реализации своего потенциала;

- **прагматические мотивы:** направленные на получение диплома, успешное трудоустройство, обеспечение материального благополучия.

Профессиональное самоопределение – это непрерывный процесс формирования индивидом своего отношения к профессиональной сфере, активное освоение и преобразование себя в соответствии с требованиями профессиональной деятельности и собственными потребностями [5, с. 30]. Это не одномоментный акт, а скорее динамический процесс, протекающий на протяжении всей жизни, но имеющий критические периоды, одним из которых является студенчество. Ключевыми компонентами профессионального самоопределения выступают [9, с. 150]:

- **профессиональные интересы:** склонность к определенным видам деятельности;
- **профессиональные способности:** потенциал к овладению и успешному выполнению конкретной профессиональной деятельности;
- **профессиональные ценности:** значимость тех или иных аспектов профессиональной деятельности для личности (содержание труда, возможности роста, социальный статус, уровень дохода и т.д.);
- **профессиональные намерения:** осознанный выбор будущей профессии и план действий по ее достижению.

Одним из ключевых выражений профессионального самоопределения является формирование профессиональной идентичности. Студент постепенно начинает воспринимать себя не просто как индивида, осваивающего учебную программу, а как будущего представителя конкретной профессиональной общности. Это трансформирует его самосознание и самооценку, побуждая к интеграции в новую социальную роль. В рамках данного процесса происходит усвоение и принятие ценностных ориентиров, присущих избранной профессии. Так, будущий врач может начать ценить ответственность и гуманизм, инженер – точность и инновационность, а педагог – стремление к развитию личности и служение обществу. Параллельно с этим, углубляются и стабилизируются профессиональные интересы. Студент проявляет активное стремление к изучению специализированной литературы, анализу профессиональных тенденций и углублению своих знаний в выбранной сфере.

Наряду с этим, профессиональное самоопределение выражается в осознании профессиональных целей и мотивов. Студенты начинают формировать конкретные карьерные устремления, определяя желаемое место в профессиональной иерархии, уровень мастерства или возможность самореализации в рамках предпринимательской деятельности. Важным аспектом является и осмысление мотивов, побудивших к выбору именно этой специальности, будь то личный интерес, стремление к социальному престижу, желание применить свои таланты или влияние семейных традиций. Осознание целей и мотивов, в свою очередь, подталкивает к разработке конкретных планов действий, направленных на их достижение, включая выбор траекторий дополнительного обучения, практической подготовки и развития необходимых компетенций [7, с. 80].

Важным компонентом является и принятие ответственности за свой профессиональный выбор. Это выражается в повышении уровня учебной мотивации, осознании прямой взаимосвязи между качеством освоения образовательной программы и будущими карьерными перспективами [10, с. 53]. Студенты, демонстрирующие признаки профессионального самоопределения, не ограничиваются рамками учебного плана, а активно ищут дополнительные источники знаний, возможности для практического применения полученных навыков, участвуют в профессиональных мероприятиях и конкурсах. Они демонстрируют готовность к преодолению трудностей и анализу собственного опыта, воспринимая неудачи как возможность для роста.

Наконец, профессиональное самоопределение находит свое внешнее выражение в конкретных действиях и предпочтениях студента. Это может проявляться в осознанном

выборе специализации, тематики курсовых и дипломных работ, которые соответствуют его профессиональным интересам. Активное участие в работе студенческих научных обществ, профессиональных клубов и ассоциаций, стремление к практическому применению полученных знаний через стажировки и проектную деятельность, а также установление контактов с представителями профессионального сообщества – все это является видимыми индикаторами процесса самоопределения.

Взаимосвязь между учебной мотивацией и профессиональным самоопределением носит двусторонний характер. С одной стороны, сильная учебная мотивация, особенно связанная с познавательными и саморазвития мотивирующими факторами, способствует более глубокому освоению студентом учебного материала, развивает его критическое мышление, исследовательские навыки, что, в свою очередь, облегчает процесс профессионального выбора и подготовки [2, с. 70]. Студенты с выраженной учебной мотивацией, как правило, более активны в поиске информации о будущей профессии, активно участвуют в практических занятиях, стажировках, что способствует формированию у них более реалистичных представлений о выбранной специальности.

С другой стороны, осознанное профессиональное самоопределение, наличие четких карьерных ориентаций могут выступать мощным стимулом для повышения учебной мотивации. Когда студент видит прямую связь между изучаемыми дисциплинами и будущей профессиональной деятельностью, его интерес к учебе возрастает, он начинает воспринимать знания не как самоцель, а как средство достижения своих профессиональных устремлений [7, с. 120].

Академическая среда высшего учебного заведения играет критическую роль в динамике учебной мотивации и эффективности процесса профессионального самоопределения. Качество педагогического процесса, стиль коммуникации преподавательского состава, уровень оснащенности образовательных ресурсов, а также возможности для получения практического опыта – все эти элементы формируют сложный контекст, в котором происходит становление студента.

Педагоги, обладающие высоким уровнем профессионализма, владеющие современными образовательными технологиями и способные вызывать искренний интерес к предмету, выступают в качестве ключевых агентов мотивации. Их наставничество и пример могут оказать решающее воздействие на формирование профессиональных интересов и ценностных ориентаций. Использование интерактивных образовательных технологий, проектной деятельности и методов проблемного обучения не только способствует более глубокому усвоению знаний, но и развивает критическое мышление, навыки командного взаимодействия, что является неотъемлемым условием успешности в будущей профессиональной деятельности. Практико-ориентированное обучение, включая стажировки и производственную практику, позволяет студентам «примерить» на себя будущую профессию, получить реальный опыт и скорректировать свои карьерные устремления, что минимизирует риск неверного профессионального выбора. Создание поддерживающей психологической и педагогической атмосферы в вузе, включающей профориентационные мероприятия и консультационную помощь, является неотъемлемой частью комплексного подхода к профессиональному становлению [6, с. 110].

Тем не менее, на практике студенты нередко сталкиваются с комплексом проблем, препятствующих их успешному профессиональному самоопределению. Низкая учебная мотивация, выражающаяся в формальном отношении к образовательному процессу и ориентации исключительно на получение диплома, может быть следствием неверного выбора специальности, недостаточной профориентационной работы на довузовском этапе или неудовлетворительного качества преподавания. Неопределенность профессионального выбора, обусловленная отсутствием четкого представления о будущей профессии, своих способностях и требованиях рынка труда, зачастую приводит к растерянности и снижению

мотивации к целенаправленному обучению. Кроме того, наблюдается разрыв между содержанием образовательных программ и актуальными потребностями работодателей, что затрудняет последующее трудоустройство. Ограниченный доступ к практическому опыту также является существенным препятствием на пути формирования реалистичных представлений о профессиональной деятельности. Преодоление этих вызовов требует системного подхода, включающего совершенствование системы профориентации, повышение качества образовательных услуг, развитие практико-ориентированных форм обучения и усиление психолого-педагогической поддержки студентов.

Так, можно выделить основные аспекты влияния учебной мотивации на профессиональное самоопределение [8, с. 60]:

1. Формирование реалистичных представлений о профессии: Студенты с высокой учебной мотивацией, как правило, более склонны к изучению не только теоретических аспектов своей будущей специальности, но и практических, связанных с реалиями профессиональной деятельности. Они ищут информацию о рынке труда, возможностях трудоустройства, сталкиваются с проблемами и вызовами, которые существуют в выбранной сфере. Это помогает им сформировать более реалистичные, а не идеализированные, представления о профессии, что является важным шагом на пути к осознанному самоопределению.

2. Развитие профессиональных компетенций. Успешное освоение учебных дисциплин напрямую связано с формированием базовых профессиональных компетенций. Высокая учебная мотивация стимулирует студентов к более глубокому изучению материала, развитию аналитических и практических навыков, что создает фундамент для будущей профессиональной деятельности. Таким образом, учебная мотивация выступает как предиктор развития профессиональных способностей.

3. Повышение уровня профессиональных интересов и ценностей. Процесс углубленного изучения предмета, поиск новых знаний, участие в проектах – все это может способствовать выявлению и развитию у студентов более устойчивых профессиональных интересов. Изучая различные аспекты своей будущей профессии, студенты начинают осознавать, какие аспекты для них наиболее значимы, какие профессиональные ценности они готовы отстаивать. Это влияет на формирование их карьерных ориентаций.

3. Снижение уровня неуверенности и страха перед будущим: Студенты, демонстрирующие устойчивую учебную мотивацию и добивающиеся успехов в учебе, как правило, чувствуют себя более уверенно в отношении своего будущего. Они видят, что способны справляться с учебными задачами, что дает им основание полагать, что они смогут успешно адаптироваться и в профессиональной сфере. Это снижает уровень тревожности, связанной с выбором профессии и дальнейшим карьерным путем.

4. Активность в поиске профессионального самоопределения: Высокая учебная мотивация часто коррелирует с общей активностью личности. Такие студенты более склонны к поиску дополнительной информации, участию в профессиональных мероприятиях, стажировках, общению с представителями профессии. Эта активность напрямую способствует более глубокому и осознанному профессиональному самоопределению.

Для повышения эффективности процесса профессионального самоопределения студентов, вузы могут предпринять следующие шаги, направленные на стимулирование учебной мотивации [4, с. 160]:

1. Интеграция учебной и профессиональной деятельности: Максимально показывать студентам связь изучаемых дисциплин с будущей профессией через примеры из практики, кейс-стади, приглашение специалистов.

2. Развитие познавательных мотивов: Использовать разнообразные формы и методы обучения, стимулирующие интерес к предмету, исследовательскую активность (проектная работа, дискуссии, научные конференции).

3. Создание поддерживающей среды: Организовать систему психологического консультирования, нацеленную на помощь студентам в самоопределении, развитии мотивации к учебе и будущей профессии.

4. Индивидуализация обучения: Учитывать индивидуальные особенности студентов, их интересы и склонности при выборе форм и методов работы.

5. Система профориентационных мероприятий: Регулярное проведение встреч с представителями различных профессий, экскурсии на предприятия, ярмарки вакансий, тренинги по развитию soft skills.

Таким образом, мы делаем вывод о том, что учебная мотивация является одним из ключевых факторов, влияющих на успешность профессионального самоопределения студентов. Студенческий возраст представляет собой период с высоким потенциалом для развития познавательных процессов и формирования личности, что делает его оптимальным для профессионального самоопределения. Высокая и устойчивая учебная мотивация способствует формированию реалистичных представлений о профессии, развитию необходимых компетенций, осознанию своих профессиональных интересов и ценностей, снижению тревожности и повышению общей активности в поиске своего профессионального пути. Вузовские учреждения играют значимую роль в создании условий для развития как учебной мотивации, так и успешного профессионального самоопределения студентов, что является залогом их будущей успешной карьеры и личностной реализации.

Библиографические ссылки

1. Ананьев Б.Г. К психофизиологии студенческого возраста / Б.Г. Ананьев // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. 1974. – Вып. 2. Л.: ЛГУ. С. 3–15. – Текст: непосредственный.
2. Асеев, В.Г. Мотивация поведения и формирование личности / В.Г. Асеев. – М.: Просвещение, 1976. – 375 с. – Текст: непосредственный.
3. Божович, Л.И. Избранные психологические труды. Проблемы формирования личности / Л.И. Божович // М.: Педагогика, 1995. – 304 с. – Текст: непосредственный.
4. Выготский, Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский // М.: Изд-во «Издательство АСТ», 2005. – 1136 с. – Текст: непосредственный.
5. Голомшток, Е.А. Профессиональное самоопределение как фактор развития личности / Е.А. Голомшток // Вопросы психологии. – 1990. – № 6. – С. 54-60. – Текст: непосредственный.
6. Давыдов В.В. Избранные психологические труды / В.В. Давыдов, Д.Б. Эльконин // М.: Педагогика –1989. – 560 с. – Текст: непосредственный.
7. Дружинин, В.Н. Психодиагностика общих способностей / В.Н. Дружинин // СПб.: Питер, 2001. – 224 с. – Текст: непосредственный.
8. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы человека / Е.П. Ильин // СПб.: Питер, 2006. – 512 с. – Текст: непосредственный.
9. Крылов, Н.А. Ценностно-ориентационная модель профессионального развития личности / Н.А. Крылов, Н.В. Кузьмина // Вопросы психологии. – 1993. – № 4. – С. 37-45. – Текст: непосредственный.
10. Кузьмина, Н.В. Профессиональное становление учителя / Н.В. Кузьмина // Л.: Ленинградский государственный университет, 1990. – 176 с. – Текст: непосредственный.

11. Маркова, А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте / А.К. Маркова // М.: Просвещение, 1983. – 96 с. – Текст: непосредственный.
12. Никулина, И.В. Психологические особенности студенческого возраста: учебное пособие / И.В. Никулина. – Самара: Издательство «Универс групп», 2009. – 100 с.
13. Пряжников, Е.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика / Е.С. Пряжников // М.: Академия, 2008. – 320 с. – Текст: непосредственный.
14. Реан, А.А. Психология адаптации личности: учебное пособие / А.А. Реан // М.: АСТ, 2004. – 300 с. – Текст: непосредственный.
15. Самоукина, Н.В. Психология профессиональной ориентации / Н.В. Самоукина // М.: Ассоциация авторов и издателей «Тандем», 1997. – 288 с. – Текст: непосредственный.
16. Ядов, В.А. Социальные исследования: методология, методы, математические модели. – М.: Наука, 1995. – 344 с. – Текст: непосредственный.

© Олимжонова К.У., 2025

ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СТУДЕНТОВ СТАРШИХ КУРСОВ В ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ И ПОДГОТОВКИ К ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. В. Омарова

канд. пед. наук, доцент,

Кубанский институт профессионального образования,

г. Краснодар, Россия

E-mail: omarova_ev@kipro.ru

В статье проводится комплексный анализ ключевых факторов, способствующих развитию синдрома профессионального выгорания у студентов старших курсов в период завершения обучения и перехода к профессиональной деятельности. Подробно рассматривается взаимосвязь академической нагрузки, личностных характеристик, социально-экономических условий и организационных аспектов образовательной среды. Особое внимание уделяется методологическим подходам к профилактике и коррекции данного явления через совершенствование психолого-педагогического сопровождения учебного процесса.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, студенты старших курсов, перфекционизм, академическая нагрузка, наставничество.

The article provides a comprehensive analysis of the key factors contributing to the development of professional burnout syndrome among senior students during the completion of their studies and transition to professional activities. The relationship between academic load, personal characteristics, socio-economic conditions and organizational aspects of the educational environment is considered in detail. Special attention is paid to methodological approaches to the prevention and correction of this phenomenon through the improvement of psychological and pedagogical support of the educational process.

Key words: professional burnout, senior students, perfectionism, academic load, mentoring.

Актуальность исследования факторов профессионального выгорания в студенческой среде обусловлена значительным усложнением требований к подготовке специалистов в системе высшего образования. Современные образовательные стандарты и стремительно изменяющиеся условия профессиональной деятельности предъявляют повышенные требования к психологической устойчивости и адаптационным возможностям выпускников вузов. Период завершения обучения представляет собой критический этап профессионального становления личности, характеризующийся многокомпонентной психоэмоциональной нагрузкой. Студенты старших курсов одновременно решают комплекс взаимосвязанных задач: подготовку к итоговой государственной аттестации, формирование профессиональных намерений, начало трудовой деятельности и социально-профессиональную адаптацию. Многоаспектность этих задач создает системные предпосылки для развития синдрома профессионального выгорания, который традиционно изучался в контексте профессиональной деятельности, но в последние годы все чаще обнаруживает специфические проявления в студенческой среде.

Методологической основой исследования выступили системный и комплексный подходы к анализу феномена профессионального выгорания. В работе использовались

теоретические методы анализа научной литературы, синтеза эмпирических данных, сравнительного анализа результатов современных исследований. Особое внимание уделялось междисциплинарному рассмотрению проблемы с интеграцией знаний из психологии, педагогики, социологии и медицины. Эмпирическую базу исследования составили научные публикации за последние пять лет, отражающие различные аспекты профессионального выгорания в студенческой среде.

Центральным аспектом проблемы выступает исследование взаимосвязи эмоционального выгорания и личностных характеристик студентов. Исследование Д.П. Ганоцкой и С.В. Яремчук демонстрирует устойчивую корреляцию между дисфункциональным перфекционизмом и симптомами эмоционального истощения у студентов с разными профессиональными намерениями.

Дисфункциональный перфекционизм, проявляющийся в завышенных требованиях к себе, чрезмерной критичности к результатам деятельности и страхе неудачи, является значимым предиктором развития выгорания [2]. У старшекурсников это личностное качество усугубляется стремлением к идеальным результатам в дипломной работе и в начале карьеры, что приводит к хроническому стрессу и дезадаптации. При этом перфекционизм может выступать как ресурс развития, когда он ориентирован на высокие стандарты без избыточной самокритики, однако в условиях интенсивной нагрузки чаще проявляется в деструктивной форме (Табл 1) (на основе исследования Д.П. Ганоцкой и С.В. Яремчук [2]).

Таблица 1 – Сравнительная характеристика конструктивного и дисфункционального перфекционизма у студентов

Критерий	Конструктивный перфекционизм (адаптивный)	Дисфункциональный перфекционизм (дезадаптивный)
Фокус целей	Ориентация на высокие стандарты и личный рост	Ориентация на избегание неудач и критики
Реакция на ошибки	Восприятие ошибок как части обучения	Катастрофизация ошибок, чрезмерная самокритика
Уровень тревоги	Умеренный, мобилизующий	Высокий, дезорганизирующий, хронический стресс
Влияние на мотивацию	Поддержание интереса и вовлечённости	Снижение мотивации, прокрастинация
Риск выгорания	Низкий (является ресурсом)	Высокий (ключевой фактор риска)

Существенным фактором риска выступает интенсивная академическая нагрузка, совмещенная с необходимостью приобретения первого профессионального опыта. Современные образовательные программы требуют от студентов одновременного освоения значительных объемов теоретического материала и развития практических компетенций, что создает предпосылки для хронического стресса. Накопительный эффект академического напряжения приводит к снижению учебной мотивации, эмоциональному опустошению и деперсонализации в отношениях с преподавателями и сокурсниками.

Особенно остро эта проблема проявляется у студентов, совмещающих обучение с работой, что характерно для старших курсов.

Важным социально-экономическим аспектом проблемы выгорания является финансовое положение студентов. Исследование А.А. Александрова, Л.Т. Баранской и А.С. Малышевой выявило прямую зависимость между финансовым статусом студентов медицинского университета и развитием синдрома эмоционального выгорания [1]. Студенты, испытывающие финансовые трудности, часто вынуждены совмещать учебу с подработкой, что значительно увеличивает психоэмоциональную нагрузку. Кроме того, финансовые проблемы создают дополнительный источник тревоги и неуверенности в будущем, усугубляя стресс, связанный с учебной деятельностью и профессиональным самоопределением.

Особого внимания заслуживает проблема неопределенности профессиональных перспектив и кризиса профессиональной идентичности, которые вносят существенный вклад в генезис выгорания. А.В. Петрушкин обоснованно указывает на феномен «шока от реальности», когда профессиональные ожидания и представления студентов сталкиваются с реалиями профессии [7]. Автор аргументированно обосновывает необходимость внедрения модели «бесшовного обучения», предполагающей раннюю и последовательную интеграцию студентов в профессиональную среду через систему стажировок, проектной деятельности и менторства. Такой подход позволяет смягчить переход от учебы к работе и существенно снизить риск выгорания за счет формирования адекватных профессиональных ожиданий и развития адаптационных ресурсов.

В контексте профилактики выгорания значительный потенциал имеет целенаправленная организация воспитательной работы и системы наставничества в вузе. А.В. Ломоносов убедительно доказывает, что проектный подход в деятельности куратора студенческой группы создает условия для своевременного выявления признаков психологического неблагополучия и оказания адресной поддержки [5]. Роль наставника в современном образовательном пространстве выходит за рамки академического сопровождения и включает помощь студенту в построении индивидуальной профессиональной траектории, развитии карьерной компетентности и адаптации к будущей трудовой деятельности [6]. Системная диагностика воспитательной работы, как обоснованно отмечает исследователь, должна включать регулярный мониторинг психологического состояния студентов для раннего выявления факторов риска и оценки эффективности профилактических мероприятий [4]. Сравнительный анализ ключевых внешних факторов профессионального выгорания у студентов приведен в таблице 2.

Таблица 2 – Сравнительный анализ ключевых внешних факторов профессионального выгорания у студентов

Фактор	Проявления в учебной среде	Последствия для студента	Потенциальные меры смягчения
Академическая нагрузка	Большой объём теории, множество дедлайнов, совмещение учебы и работы	Хронический стресс, эмоциональное истощение, деперсонализация	Гибкие учебные траектории, смешанное обучение, оптимизация расписания
Социально-экономический фактор	Финансовые трудности, необходимость подработки	Повышенная тревожность, дефицит времени на учёбу, усталость	Программы материальной поддержки, стипендии, гибкий график занятий
Неопределённость профессиональных перспектив	Кризис профессиональной идентичности, «шок от реальности»	Тревога о будущем, снижение учебной мотивации, цинизм	Программы наставничества, стажировки, «бесшовное обучение» [7]

Важным направлением профилактики выступает целенаправленное развитие профессионального креативного мышления, которое может служить эффективным средством предупреждения выгорания. А.А. Зимарева, И.В. Шаврин и Р.В. Козьяков рассматривают креативность как значимый психологический ресурс, позволяющий студентам гибко и нестандартно подходить к решению профессиональных и академических задач, снижая тем самым уровень стресса и эмоционального напряжения [3]. Формирование креативной компетентности создает основу для преобразования потенциально стрессовых ситуаций в задачи развития, что принципиально меняет характер взаимодействия с профессиональными вызовами.

Следует особо отметить роль организационной культуры образовательного учреждения в профилактике выгорания. Создание психологически безопасной среды, поощрение открытого обсуждения трудностей, развитие системы взаимной поддержки между студентами выступают важными буферными факторами. Интеграция психологических служб в образовательный процесс, проведение регулярных скрининговых исследований эмоционального состояния студентов, организация тематических тренингов и супервизионных групп позволяют выстраивать системную работу по предупреждению выгорания.

На основе проведенного комплексного анализа детерминант профессионального выгорания у студентов старших курсов представляется возможным сформулировать развернутые практические рекомендации для образовательных учреждений высшего образования. Во-первых, необходима разработка и последовательное внедрение комплексных многоуровневых программ психолого-педагогического сопровождения студентов старших курсов, органично интегрированных в основной образовательный процесс. Такие программы должны включать регулярный мониторинг психофизиологического состояния с использованием валидизированного диагностического инструментария, проведение индивидуальных консультаций с элементами коучинга и карьерного ориентирования, а также организацию цикла групповых тренингов, направленных на развитие навыков стрессоустойчивости, эмоциональной саморегуляции и эффективного целеполагания. Особое значение приобретает создание системы кризисного вмешательства для студентов группы риска с признаками выраженного эмоционального истощения.

Во-вторых, представляется целесообразным создание целостной системы тьюторского сопровождения и института наставничества, ориентированной на комплексную помощь в профессиональном самоопределении, построении индивидуальной образовательной траектории и успешной адаптации к будущей трудовой деятельности. Данная система должна предусматривать подготовку тьюторов из числа наиболее опытных преподавателей и успешных представителей профессионального сообщества, разработку методических материалов и проведение супервизий для обеспечения качества сопровождения. Особое внимание следует уделить организации сетевого взаимодействия с потенциальными работодателями для создания программ стажировок и практик, способствующих постепенной интеграции студентов в профессиональную среду.

В-третьих, важным стратегическим направлением является системная оптимизация учебной нагрузки и рациональное распределение академических заданий с учетом индивидуальных психофизиологических возможностей и образовательных потребностей студентов. Это предполагает внедрение гибких образовательных траекторий, использование технологий смешанного обучения для снижения аудиторной нагрузки, пересмотр подходов к формированию учебных планов с целью исключения параллельных пиковых нагрузок, а также разработку прозрачной системы критериев оценки учебных достижений, минимизирующей субъективизм и стрессовое воздействие на студентов.

Перспективными направлениями дальнейших научных изысканий могут стать: углубленное изучение специфики профессионального выгорания у студентов различных направлений подготовки с выделением отраслевых факторов риска и защитных факторов; разработка дифференцированных адресных программ профилактики с учетом индивидуально-типологических особенностей личности и копинг-стратегий; лонгитюдное исследование долгосрочных последствий студенческого выгорания для дальнейшей профессиональной карьеры, включая анализ влияния на профессиональную эффективность, карьерный рост и личностное развитие; сравнительный анализ эффективности различных моделей психолого-педагогического сопровождения в условиях цифровой трансформации образования; исследование потенциала телемедицинских и цифровых платформ для организации профилактической работы; изучение влияния организационной культуры вуза и психологического климата в студенческих группах на динамику выгорания; разработка и апробация скрининговых программ раннего выявления рисков профессионального выгорания с использованием технологий искусственного интеллекта и предиктивной аналитики. Отдельного внимания заслуживает исследование ресурсов развития психологической устойчивости студентов через интеграцию практик осознанности, программы развития эмоционального интеллекта и методы когнитивно-поведенческого подхода в образовательный процесс.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что феномен профессионального выгорания у студентов старших курсов представляет собой сложное многокомпонентное явление, детерминированное совокупностью взаимосвязанных факторов разной природы. Полученные данные убедительно демонстрируют, что факторы профессионального выгорания у студентов старших курсов носят комплексный системный характер и включают широкий спектр личностных особенностей, таких как дисфункциональный перфекционизм, повышенная тревожность, низкая самооценка и специфические копинг-стратегии. Существенное влияние оказывают внешние условия образовательной среды, выраженные в высокой академической нагрузке, совмещении учебной и профессиональной деятельности, а также в неопределенности профессионального будущего и кризисе профессиональной идентичности. Значимую роль играют социально-экономические аспекты, включая финансовую нестабильность, необходимость совмещения работы с учебой и отсутствие социальных лифтов. Не менее важны организационные характеристики образовательной среды, проявляющиеся в недостатках психолого-педагогического сопровождения, неразвитости системы наставничества и неадекватности организационной культуры вуза современным вызовам. Направления и меры профилактики профессионального выгорания у студентов представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Направления и меры профилактики профессионального выгорания у студентов: комплексный подход

Уровень воздействия	Основная цель	Конкретные меры и инструменты
Организационно-педагогический	Оптимизация образовательной среды	Внедрение гибких траекторий, мониторинг нагрузки, развитие психологических служб, скрининг групп риска
Психолого-педагогическое сопровождение	Развитие личностных ресурсов	Тренинги стрессоустойчивости, эмоционального интеллекта; индивидуальное консультирование, коучинг
Социально-профессиональный	Облегчение перехода "вуз-профессия"	Развитие института наставничества [5, 6], организация стажировок, сетевое взаимодействие с работодателями
Личностно-ресурсный	Формирование адаптивных стратегий	Развитие креативного мышления [3], практик осознанности, обучение эффективным копинг-стратегиям

Эффективная профилактика и коррекция профессионального выгорания требуют системной интеграции усилий по многомерному психолого-педагогическому сопровождению, предусматривающему регулярный мониторинг психологического состояния, индивидуальное консультирование и групповые тренинги стрессоустойчивости. Необходимо последовательное развитие целостной системы наставничества и тьюторского сопровождения, ориентированной на помощь в профессиональном самоопределении и построении индивидуальной образовательной траектории. Приоритетным направлением является создание условий для плавного поэтапного перехода от обучения к профессиональной деятельности через организацию стажировок, проектной деятельности и сетевого взаимодействия с работодателями. Особое значение приобретает целенаправленное формирование личностных ресурсов стрессоустойчивости через развитие эмоционального интеллекта, когнитивной гибкости и адаптационного потенциала.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку дифференцированных адресных программ психологической поддержки и сопровождения с учетом специфики направлений подготовки, индивидуально-типологических особенностей студентов и этапов профессионального становления. Перспективным представляется изучение эффективности различных моделей психолого-педагогического сопровождения в условиях цифровой трансформации образования, исследование долгосрочных последствий студенческого выгорания для профессиональной карьеры и личностного развития, а также анализ влияния организационной культуры и психологического климата на динамику эмоционального состояния студентов. Особого внимания заслуживает разработка скрининговых программ раннего выявления рисков профессионального выгорания с использованием технологий искусственного интеллекта и предиктивной аналитики, что позволит перейти от реагирования к упреждающему воздействию. Не менее важным является исследование ресурсов развития психологической устойчивости через интеграцию практик осознанности, методов когнитивно-поведенческого подхода и программ развития эмоционального интеллекта в образовательный процесс высшей школы.

Библиографические ссылки

1. Александров, А. А. Финансовый статус студентов медицинского университета и его влияние на формирование профессионального синдрома эмоционального выгорания / А. А. Александров, Л. Т. Баранская, А. С. Малышева // Психология и медицина: пути поиска оптимального взаимодействия. Здоровье и психологическое благополучие личности: Сборник материалов X Международной конференции студентов и молодых ученых, Рязань, 23–24 ноября 2023 года. – Рязань: Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова, 2024. – С. 27-31. – EDN ZLYOVL.
2. Ганоцкая, Д. П. Взаимосвязь эмоционального выгорания и перфекционизма у студентов с разными профессиональными намерениями / Д. П. Ганоцкая, С. В. Яремчук // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2024. – № 3. – С. 10-14. – EDN ZHUTYI.
3. Зимарева, А. А. Профессиональное креативное мышление как средство профилактики выгорания студентов волонтерской организации / А. А. Зимарева, И. В. Шаврин, Р. В. Козьяков // Вестник Академии управления и производства. – 2023. – № 3. – С. 306-336. – EDN HTKDQA.
4. Ломоносов, А. В. Диагностика воспитательной работы в высшем учебном заведении / А. В. Ломоносов // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации :

материалы XII Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 01–03 ноября 2023 года. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2024. – С. 69-71. – EDN XERKTO.

5. Ломоносов, А. В. Процессный и проектный подходы к деятельности куратора студенческой группы / А. В. Ломоносов // Классный руководитель и куратор студенческой группы: обновление стратегии и методики подготовки : Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 25–27 октября 2022 года / Под редакцией З.И. Лаврентьевой. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2022. – С. 397-399. – EDN ZJATLC.

6. Ломоносов, А. В. Роль наставника в воспитательной системе регионального высшего учебного заведения / А. В. Ломоносов // Инновационная деятельность педагога: традиции и современность : Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году педагога и наставника, Владикавказ, 19 мая 2023 года. – Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, 2023. – С. 742-745. – EDN LYSQBJ.

7. Петрушкин, А. В. Бесшовное обучение: как раннее знакомство с профессиональными навыками поможет избежать выгорания студентов-соискателей / А. В. Петрушкин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – № 4-2. – С. 114-117. – DOI 10.37882/2223-2982.2025.04-2.28. – EDN JANRWS.

© Омарова Е.В., 2025

РОЛЬ МЯГКИХ НАВЫКОВ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

М. А. Ранский

магистрант 1 курса

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: maxim.ranskiy@mail.ru

С. Ю. Пискорская

профессор,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: piskorskaya1@rambler.ru

Статья посвящена анализу трансформации роли гибких навыков (soft skills) в профессиональном становлении личности в условиях развития искусственного интеллекта. Исследуется структурный сдвиг на рынке труда России, связанный с автоматизацией рутинных операций и появлением новых гибридных профессий. Особое внимание уделяется классификации наиболее востребованных компетенций, включая навыки работы с ИИ, критическое мышление и эмоциональный интеллект. На примере практик российских компаний показана системная переориентация корпоративных программ на развитие метапрофессиональных качеств сотрудников. Обосновывается необходимость обновления образовательных стандартов для формирования комплексной системы развития гибких навыков как стратегического ресурса конкурентоспособности в цифровой экономике.

Ключевые слова: мягкие навыки, искусственный интеллект, профессиональное становление личности, цифровая экономика, российский рынок труда, критическое мышление, эмоциональный интеллект

The article analyzes the transforming role of soft skills in professional development in the context of the development of artificial intelligence. It examines the structural shift in the Russian labor market associated with the automation of routine operations and the emergence of new hybrid professions. Particular attention is paid to the classification of the most in-demand competencies, including AI skills, critical thinking, and emotional intelligence. Using examples from Russian companies, it demonstrates the systematic reorientation of corporate programs toward developing employees' meta-professional competencies. The need to update educational standards is substantiated to create a comprehensive system for developing soft skills as a strategic resource for competitiveness in the digital economy.

Keywords: soft skills, artificial intelligence, professional development, digital economy, Russian labor market, critical thinking, emotional intelligence

На нынешнем витке технологической эволюции наблюдается стремительная интеграция искусственного интеллекта во все сферы профессиональной деятельности. В текущей фазе технологического прогресса алгоритмы машинного обучения демонстрируют впечатляющие результаты в решении сложных аналитических задач, генерации программного кода и создании творческого контента. В современный период развития цифровых технологий происходит фундаментальное переосмысление традиционных представлений о профессиональных компетенциях. Для настоящего момента характерно смещение акцентов в системе профессиональных требований – на

первый план выходят способности, остающиеся исключительной прерогативой человека. В контексте сегодняшнего дня критическое мышление, эмоциональный интеллект, креативность и навыки коллаборации приобретают особую значимость, становясь определяющими факторами профессиональной успешности в условиях повсеместной цифровизации. Российский рынок труда демонстрирует растущий спрос на эти компетенции, что находит отражение в кадровой политике ведущих компаний и трансформации образовательных программ. В современной профессиональной среде гибкие навыки превращаются в важнейший ресурс конкурентоспособности, позволяющий специалистам не только адаптироваться к технологическим изменениям, но и находить новые возможности для профессионального роста в условиях цифровой трансформации.

Целью данной статьи является комплексный анализ трансформации роли и значения гибких навыков в процессе профессионального становления личности в контексте активного внедрения технологий искусственного интеллекта в экономику и социальную сферу.

Современный этап технологического развития, характеризующийся активным внедрением искусственного интеллекта в профессиональную сферу, создает новую парадигму профессионального становления личности. В условиях цифровой трансформации экономики происходит переоценка значимости различных категорий компетенций. Как отмечают российские исследователи, наблюдается парадоксальная ситуация: по мере автоматизации алгоритмизируемых операций возрастает ценность сугубо человеческих, надпрофессиональных качеств. Профессиональное становление личности, традиционно понимаемое в отечественной психологии труда и акмеологии как поэтапный процесс формирования профессионала от выбора профессии до мастерства в современных условиях претерпевает фундаментальную трансформацию.

Как подчеркивают современные исследователи, профессиональное становление сегодня – это, прежде всего, процесс построения «самоопределяющейся» карьерной траектории, требующей от личности постоянной рефлексии, готовности к смене профессиональных ролей и видов деятельности. В этом контексте на первый план выходит категория гибких навыков (*soft skills*), которые в работах современных авторов интерпретируются как система универсальных метапредметных компетенций, выполняющих функцию ключевого психологического ресурса и «инструментария» для управления этим нелинейным процессом. Структурно они включают в себя:

1. Когнитивный блок (критическое и системное мышление, креативность), позволяющий работать с информационными потоками и сложными проблемами.

2. Социально-коммуникативный блок (эмоциональный интеллект, кооперация, коммуникация), обеспечивающий эффективное взаимодействие в коллективах и распределенных командах.

3. Личностно-регулятивный блок (адаптивность, обучаемость, осознанность, саморегуляция), который формирует внутренний стержень личности, способной к постоянному саморазвитию и преодолению профессиональных кризисов.

Именно эта триада компетенций становится критически важной в эпоху искусственного интеллекта, которая характеризуются как среда, где рутинный интеллектуальный труд делегируется алгоритмам, а ценность человеческого вклада смещается в область эвристической деятельности. Все это порождает запрос на такие человеческие качества, как способность к постановке проблем, смысловому творчеству, этической оценке решений, предлагаемых ИИ, и работе в условиях «двойной» рефлексии – не только над предметом деятельности, но и над взаимодействием с интеллектуальным агентом. Таким образом, в рамках данной теоретической конструкции гибкие навыки выступают не просто дополнением к цифровым компетенциям, а системообразующим элементом новой профессиональной идентичности, обеспечивающим

конкурентоспособность и устойчивость личности в условиях симбиоза с искусственным интеллектом [2].

Важно отметить, что на российском рынке труда наблюдается структурный сдвиг: массовая автоматизация затрагивает не только физический труд, но и рутинные когнитивные операции в сферах бухгалтерского учета, юридического сопровождения, стандартизированного анализа данных, что ведет к сокращению соответствующих традиционных позиций и одновременно – к возникновению принципиально новых гибридных профессий на стыке дисциплин, таких как инженер-когнитолог, дизайнер эмоций или менеджер по устойчивому развитию, компетенциальный профиль которых требует глубокой интеграции технических и гуманитарных знаний.

В этом новом профессиональном пространстве гибкие навыки перестают быть факультативным довеском и выстраиваются в четкую иерархическую систему, где на первый план выходят компетенции, обеспечивающие эффективную коллаборацию человека и машины, среди которых особенно востребованы:

1. Навыки работы с ИИ, включающие промпт-инжиниринг – искусство точного формулирования задач для искусственного интеллекта, и критическую верификацию его выводов, поскольку слепое доверие к данным, сгенерированным алгоритмом, может приводить к катастрофическим ошибкам в принятии решений.

2. Человеческие компетенции, недоступные машине. Эмоциональный интеллект, понимаемый как способность к эмпатии, распознаванию тонких эмоциональных состояний коллег и клиентов и управлению групповой динамикой, становится ключевым для лидеров и специалистов в сферах управления, образования, психологии и медицины.

3. Креативность, выходящая за рамки комбинаторики известных паттернов, оказывается востребованной не только в искусстве, но и в бизнесе для генерации инновационных продуктов и стратегий.

4. Системное и критическое мышление, позволяющие человеку оставаться «архитектором» сложных проектов, определяя цели, этические рамки и интерпретируя данные, предоставленные ИИ, в контексте глобальных вызовов и долгосрочных последствий.

Роль этих навыков оказывается дифференцированной на различных этапах профессионального пути: на стадии выбора профессии развитые навыки саморефлексии и понимания своих сильных сторон (например, склонность к аналитике или коммуникации) позволяют человеку осуществлять более осознанный и, что важно, устойчивый к автоматизации выбор, ориентируясь не на сиюминутный «престиж», а на свои подлинные склонности и долгосрочные тренды [7].

На этапе обучения и адаптации именно коммуникабельность, обучаемость и эмоциональный интеллект обеспечивают быструю интеграцию в коллектив и эффективное усвоение лавинообразно нарастающих объемов новой информации и технологий.

На этапе профессионального мастерства и карьерного роста именно лидерство, наставничество, стратегическое видение и управление сложными проектами, основанные на развитых гибких навыках, становятся трамплином для вертикального роста и трансформации специалиста в эксперта и визионера. В дополнении, важно отметить положительную корреляцию между уровнем развития гибких навыков (особенно адаптивности и критического мышления) и такими показателями, как карьерная удовлетворенность и успешность прохождения периодов организационных изменений, связанных с цифровой трансформацией. Таким образом, гибкие навыки проявляют себя не как статичный набор умений, а как динамическая система, обеспечивающая «антихрупкость» профессиональной траектории личности, позволяя не просто адаптироваться к изменениям, но и использовать турбулентность, создаваемую

внедрением ИИ, для собственного роста и перехода на новые, более сложные и творческие уровни профессиональной деятельности [5].

В контекст анализа структурных изменений на рынке труда, представляется целесообразным выделить emerging-феномен, формирующий принципиально новый класс компетенций, определяющий эффективность профессиональной деятельности в условиях симбиоза с искусственным интеллектом.

Так наблюдается возникновение принципиально нового класса компетенций – гибридных навыков. Данный феномен представляет собой синтез технического мастерства и надпрофессиональных качеств, формирующий основу для эффективного симбиоза специалиста с технологиями ИИ. Если традиционная дихотомия «человек или машина» предполагала конкурентное взаимодействие, то гибридные навыки реализуют парадигму «человек-в-симбиозе-с-машиной», что соответствует появлению новых гибридных профессий, упомянутых в исследовании.

К числу наиболее релевантных гибридных компетенций можно отнести комплексный промпт-инжиниринг. Данная компетенция выходит за рамки технического формулирования запросов к ИИ. Она представляет собой синтез лингвистической точности, глубокого предметного знания и эмоционального интеллекта, направленный на понимание имплицитной логики и когнитивных ограничений конкретной нейросетевой архитектуры. Эффективный промпт-инженер осуществляет итеративный процесс взаимодействия с искусственным интеллектом, корректируя семантику и прагматику запроса на основе анализа промежуточных результатов, что методологически сближается с процессами совместного творчества [1].

Также этико-техническая экспертиза решений ИИ, подразумевающая способность проводить комплексную оценку решений, генерируемых искусственным интеллектом, не только на предмет операционной эффективности, но и на соответствие этико-правовым нормам и социальным импликациям. Навык интегрирует системное и критическое мышление с фундаментальными знаниями в области этики и юриспруденции, позволяя идентифицировать алгоритмические смещения и минимизировать риски дискриминационных или социально-деструктивных сценариев применения технологий [1].

В дополнении, стоит отметить Data Storytelling (Визуализация данных и сторителлинг). В условиях экспоненциального роста объемов данных, обрабатываемых системами ИИ, ключевое значение приобретает способность не только к их аналитической обработке, но и к содержательной интерпретации, облеченной в форму убедительного нарратива. Данная компетенция синтезирует технические способности к анализу и визуализации данных с креативностью, эмпатией и коммуникативной эффективностью, обеспечивая трансляцию сложных информационных паттернов в доступные для стейкхолдеров смысловые конструкции [1].

Гибридные навыки репрезентируют собой следующий эволюционный этап в развитии профессиональных компетенций. Они выступают в роли системообразующего элемента, обеспечивающего интеграцию технологического потенциала искусственного интеллекта с человеческими ценностями, смыслопорождением и стратегическим целеполаганием.

Важно отметить, что в условиях стремительной цифровизации и внедрения искусственного интеллекта гибкие навыки трансформируются из факультативного элемента в системообразующий фундамент профессиональной конкурентоспособности и устойчивости личности, формируя своего рода «компетентностный иммунитет» против профессионального обесценения, что подтверждается в практике ведущих российских компаний, которые за последние 3 года активно перестраивают свои системы оценки, найма и развития персонала, смещая акцент с узкоспециализированных технических знаний на метапрофессиональные компетенции.

Ярким примером является стратегия «экосистемы» Сбера, где в рамках корпоративного университета «СберУниверситет» реализуются масштабные программы развития лидерства, эмоционального интеллекта и командной работы для сотрудников всех уровней, поскольку, по признанию руководства компании, именно эти качества определяют способность организации к инновациям в условиях, когда технологии ИИ становятся товаром массового потребления [8].

Аналогичные тенденции наблюдаются и в других технологических гигантах, где внедрены системы 360-градусной оценки, где значительный вес имеют именно гибкие навыки, а в процессе найма промпт-инжиниринг и способность к критическому мышлению проверяются наравне с программированием [3].

В промышленном секторе, в таких корпорациях, как «Ростех» или «Росатом», в рамках реализации программ цифровой трансформации производств особое внимание уделяется развитию у инженеров и технических специалистов навыков кросс-функционального взаимодействия, коммуникации и адаптивности, поскольку внедрение «цифровых двойников» и предиктивной аналитики коренным образом меняет характер их работы, превращая их из узких исполнителей в участников междисциплинарных проектных команд [6].

На государственном уровне осознание этой повестки проявилось в инициативах, подобных федеральному проекту «Разработка и внедрение системы подготовки кадров для цифровой экономики», в рамках которого ведется работа по интеграции компетенций будущего в образовательные стандарты. Таким образом, можно утверждать, что формирование развитой системы гибких навыков становится не просто индивидуальной задачей профессионала, а стратегическим национальным приоритетом, определяющим способность страны сохранять технологический суверенитет и человеческий капитал в глобальной конкуренции.

В дополнении, согласно результатам совместного исследования рекрутинговой платформы HeadHunter и II Международного симпозиума «Изобретая будущее», в котором приняли участие 2644 респондента, наблюдается выраженная тенденция к осознанному развитию метакомпетенций. Так, 73% опрошенных россиян планируют целенаправленно развивать свои компетенции в ближайшие 2-3 года, причем акцент делается именно на мягких навыках, что свидетельствует о формировании новой парадигмы профессионального развития в условиях цифровой трансформации [4].

Структура приоритетных компетенций раскрывается через следующие количественные показатели: критическое мышление идентифицировано как ключевой навык для освоения в эпоху ИИ 53% респондентов. На втором месте по значимости находятся адаптивность и стрессоустойчивость, которые выбрали 49% участников исследования. Коммуникативные навыки, включая публичные выступления и ведение переговоров, считают необходимыми для развития 47% опрошенных. Также в число наиболее востребованных компетенций вошли эмоциональный интеллект (42%) и креативность (41%) [4].

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в российском профессиональном сообществе происходит переоценка значимости различных категорий навыков в контексте технологических изменений. Доминирование когнитивных и адаптационных компетенций в структуре приоритетов свидетельствует о формировании запроса на развитие способностей, которые остаются исключительной прерогативой человеческого интеллекта и не могут быть полностью алгоритмизированы. Это указывает на становление новой модели профессиональной компетентности, в которой технические навыки (hard skills) интегрируются с развитыми метакомпетенциями, обеспечивающими устойчивость профессиональной траектории в условиях неопределенности.

Выводы анализа однозначно свидетельствуют: дальнейшая эффективная профессиональная самореализация личности в эпоху ИИ невозможна без целенаправленного развития комплекса гибких навыков, что требует консолидированных усилий со стороны самой личности, образовательных институтов и бизнес-сообщества по созданию непрерывной образовательной среды, ориентированной на воспитание креативной, критически мыслящей и эмоционально зрелой личности, способной к продуктивному симбиозу с технологиями искусственного интеллекта.

В контексте активного внедрения технологий искусственного интеллекта происходит переосмысление роли мягких навыков в профессиональной деятельности. Из дополнительных компетенций они трансформируются в ключевой элемент профессиональной успешности, определяющий способность специалистов адаптироваться к быстро меняющимся условиям цифровой экономики, а также наблюдается устойчивая тенденция к смещению приоритетов в развитии профессиональных компетенций. На первый план выходят такие навыки, как критическое мышление, адаптивность и коммуникативные способности, которые становятся основой для эффективного взаимодействия с технологиями искусственного интеллекта. Анализ практик ведущих российских компаний подтверждает системный характер этой трансформации, проявляющийся в переориентации корпоративных программ развития персонала.

Сложившаяся ситуация требует консолидации усилий образовательных организаций и бизнес-сообщества для создания комплексной системы формирования мягких навыков. Разработка интегрированных подходов к развитию метапрофессиональных компетенций на всех уровнях образования становится необходимым условием обеспечения конкурентоспособности специалистов в условиях цифровой трансформации.

Библиографические ссылки

1. AI Smart Hub: Разработка и внедрение искусственного интеллекта – Разработка «гибридного» интеллекта: симбиоз человека и машины. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aismarthub.ru/articles/view/razrabotka-gibridnogo-intellekta-simbioz-cheloveka-i-mashiny>
2. Добрякова М.С., Фрумина И.Д. Универсальные компетентности и новая грамотность: национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» / М. С. Добрякова, И. Д. Фрумина – Москва.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 472 с. – Текст: непосредственный.
3. Интернет-издание КлеркОценка 360 градусов – 3 примера из практики российских компаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.klerk.ru/blogs/ispring/633362/#chapter-principy-metoda-360-v-ocenke-sotrudnikov>.
4. Национальный центр РОССИЯ: Эпоха soft skills [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.russia.ru/news/era-gibkix-navykov-rossiane-delaiut-stavku-na-licnostnye-kacestva-v-epoxu-iskusstvennogo-intellekta>.
5. Никулин И.В. Эмоциональный интеллект: инструменты развития: учебное пособие / И.В. Никулина. – Самара: Издательство Самарского университета, 2022. – 82 с. – Текст: непосредственный.
6. Попова Т.С., Волгина С.В. / Значение надпрофессиональных компетенций студентов технических вузов при формировании отраслевого кадрового резерва ГК «Росатом» // Т.С. Попова, С.В. Волгина // Глобальная ядерная безопасность. – 2024; – № 14(3) – 101–108 с.

7. Рулевская Л. П. Профессиональная идентичность в цифровую эпоху: психологические аспекты профориентации / Л. П. Рулевская // Молодой ученый. – 2024. – № 46 (545). – 391-396 с.

8. СберУниверситет – бизнес-образование для руководителей и топ-менеджеров: Портфель программ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sberuniversity.ru/learning/>.

© Ранский М.А., Пискорская С.Ю., 2025

ФРУСТРАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ

И. В. Ревуцкая

канд. психол. наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

г. Донецк, Россия

E-mail: irina.revutskaja@yandex.com

В статье представлено теоретическое обоснование и эмпирическое исследование особенностей фрустрационных факторов профессионального становления будущих психологов. Обоснованы факторы фрустрации: личностный, поведенческий и эмоциональный. Показаны различия между особенностями переживания фрустрации у студентов первого и четвертого курса обучения.

Ключевые слова: фрустрация, студенты-психологи, факторы, профессиональное становление.

The article presents a theoretical justification and an empirical study of the features of the frustration factors of the professional development of future psychologists. The factors of frustration are substantiated: personal, behavioral, and emotional. The differences between the features of the experience of frustration in first-year and fourth-year students are shown.

Keywords: frustration, psychology students, factors, professional development.

Стадия адепта, или период профессиональной подготовки (примерно от 15-18 до 16-23 лет), обычно совпадает со студенческими годами. Когда человек определяет для себя профессию, он начинает воспринимать её как неотъемлемую часть себя (от лат. adeptus – «достигший»). Главная цель этого этапа – усвоить базовые операционные навыки и сформировать ценностный фундамент выбранного ремесла. Переход от общего к профессиональному образованию сопровождается внутренними изменениями в системе самосознания и личностных установках, а также внешними поведенческими корректировками, по этой причине период часто называют учебно-производственной адаптацией.

Фрустрация у студентов-психологов возникает, когда на пути к выполнению поставленных целей появляются непредвиденные помехи, препятствующие удовлетворению их потребностей. В результате появляется внутреннее напряжение, чувство безнадежности и раздражения, которые могут перерасти в гнев, направленный на будущую профессию и связанное с ней обучение учащегося. С другой стороны, фрустрация может стать важным фактором профессионального роста будущих психологов: способность преодолевать препятствия и находить выход из сложных ситуаций является ключевым условием для успешного достижения целей в их будущей практике.

Исследованиями фрустрации студентов занимались такие отечественные психологи, как: О. А. Цветкова, изучала фрустрацию базовых потребностей у студентов как фактор риска искажений самореализации на этапе обучения в вузе; А. А. Любякин, А. М. Вильгельм, О. И. Гревцева, исследовали субъективное ощущение одиночества и фрустрации у студентов; А. Т. Иванова изучала уровень и содержание фрустрации у студентов.

Понятие «фрустрация» Е. Н. Ильин предлагает трактовать в двух значениях: как акт блокирующего или прерывающего поведения, направленного на достижение значимой цели и как психическое состояние человека, возникающее после неудовлетворенности значительной жизненной потребностью, неудачи, которая может сопровождаться возникновением негативных интенсивных эмоциональных состояний враждебности, агрессии, вины, тревоги и т.д. [2]. С. Розенцвейг рассматривал фрустрацию как явление, которое происходит в организме и заключается в его адаптации к окружающей среде [4]. Н. Д. Левитов считает, что фрустрацию следует рассматривать как переживание, включающее в себя эмоциональную и мотивационно-поведенческую составляющие и происходящее в условиях личностно значимой деятельности, которая объективно или субъективно не может быть осуществлена [3]. В. В. Бойко указывает, что у студентов личностная фрустрация обычно возникает в процессе адаптации первокурсников к учебной и профессиональной деятельности. При этом важным фактором является индивидуально-психологический профиль (характеристики) личности студента [1].

Таким образом мы можем выделить следующие факторы фрустрации:

Личностный – особая ситуация или внутренний конфликт, при котором индивид на пути к достижению своих целей (сознательных или вытесненных в подсознание) встречается с определенными препятствиями, причины возникновения и механизмы проявления которых проявляются в таких качествах личности, как: тревожность, раздражительность, отчаяние, снижение производительности труда.

Поведенческий – состояние фрустрации возникает, когда индивид сталкивается в той или иной степени с непреодолимыми препятствиями на пути к реализации (удовлетворению) важной или менее важной жизненной потребности. По направленности поведенческие реакции делятся на: экстрапунитивные (обвинение социума); интропунитивные (самообвиняющее поведение); импунитивные (отсутствие обвинений, агрессии и требований).

Эмоциональный – тяжелое, эмоционально заряженное состояние, отмеченное определенной сложностью и выражающееся в дезорганизации сознания, деятельности и общения; является результатом блокировки целевой активности. Переживание, возникающее в ситуации недостижения цели проявляющееся в напряжении, тревоге, агрессии, ригидности и стрессе.

Опираясь на данные теоретические исследования и выделенные факторы, нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого стало изучение особенностей проявления фрустрирующих факторов в профессиональном становлении будущих психологов.

Исследование проводилось в 2025 году на базе ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет». Выборку составили 40 студентов-психологов. Сформированы две исследуемые группы: в группу А вошли 20 студентов первого курса; в группу Б вошли 20 студентов четвертого курса. Возраст испытуемых составил от 18 до 22 лет.

В психодиагностический инструментарий вошли методики: «Экспресс-диагностика уровня личностной фрустрации» В. Бойко; «Тест фрустрационных реакций» С. Розенцвейга с целью изучения поведенческого фактора; тест «Самооценка психических состояний» Г. Айзенка с целью определения эмоционального фактора; t-критерий Стьюдента для не связанных выборок, как метод статистического анализа эмпирического материала.

Исследование проходило в три этапа.

На первом этапе исследования нами был установлен личностный, субъективный фактор фрустрация с помощью методики «Экспресс-диагностика уровня личностной фрустрации» В. В. Бойко.

При установлении разницы личностного фактора фрустрации, полученные результаты – $t_{\text{Эмп}} = 3.3$ ($p \leq 0,01$) указывают наличие статистически значимых различий на высоком уровне между уровнем личностной фрустрации студентов первого и четвертого курсов.

Результаты нашего исследования показали, что в группе А, высокий уровень личностной фрустрации выявлен у 10 % первокурсников. Данные студенты переживают личностную фрустрацию, как неудовлетворенность и напряженность. Сильнейшими фрустраторами для первокурсников является сложность изучаемого материала, лень и дезорганизация, чрезмерная эмоциональность и волнение при ответе на вопросы, разнообразие и иногда отсутствие совпадений в собственных интересах, а также негативное отношение преподавателя. Общим следствием фрустрации и одновременно ее причиной может стать адаптационный процесс к обучению.

Причины переживания фрустрации студентов четвертого курса (30 %), которые носят субъективный характер, индивидуализированы и определяются их недостаточной эффективностью в решении задач на данном этапе учебно-профессионального процесса. На четвертом курсе сохраняется стабильность достигнутых показателей эффективности, они могут носить мотивационные компоненты, которые становятся разочаровывающими в процессе объективного препятствия в образовательной и профессиональной деятельности или субъективно доминирующими барьерами (характер, волевые качества, уровень притязаний и т.д.).

Однако в целом результаты подтверждают преимущество среднего уровня изучаемого явления у 40 % первокурсников и 50 % будущих выпускников, что свидетельствует о доминировании устойчивой тенденции к личностным фрустрациям независимо от курса обучения.

Почти вдвое меньше студентов четвертого курса испытывают низкий уровень фрустрации (20 %) по сравнению с первым (50 %). Исходя из особенностей личности периода ранней взрослости, удовлетворения личных потребностей, в частности, материальных, семейных, коммуникативных потребностей и т.д., испытывают фрустрацию больше, чем на этапе «увлечения» профессией и формирования профессиональных ожиданий и мечтаний.

На втором этапе эмпирического исследования нами изучался поведенческий фактор фрустрации с помощью теста фрустрационных реакций С. Розенцвейга.

Было установлено, что экстрапунитивные реакции (Е) или реакции, направленные во вне, преобладают среди всех испытуемых (55 %). На первом курсе этот тип фрустрации проявляется в поведении 45 % студентов, на четвертом – у 65 %. Такое фрустрированное поведение характеризуется оскорбительными и агрессивными действиями, выражающимися в угрозах, враждебных высказываниях, в активном отрицании собственной вины.

Так, в первый год экстрапунитивное поведение функционально имеет природу, связанную с проецированием неудовлетворенных потребностей в обучении на педагогов и других значимых людей. Точно так же и у студентов – будущих психологов старших курсов экстрапунитивные реакции сопровождаются гневом, злостью, недовольством. Преимущество данного вида реакции свидетельствует о том, что учащиеся в фрустрационных ситуациях не учитывают собственную субъективность как источник собственной деятельности (общения и обучения) в условиях сотрудничества с преподавателем на первом курсе и взаимодействия со сверстниками на четвертом. Именно так большинство студентов бессознательно перекладывают ответственность за фрустрацию на других людей или другие события, усиливая негативный тип реакции.

Импунитивный (М) тип фрустрированного поведения выражен у 30 % всех исследуемых. На первом курсе этот тип фрустрации проявляется в поведении 35 %

студентов, на четвертом – в 25 %. Для импунитивной реакции характерно безразличие и незаинтересованность в решении проблем. Такие реакции студента свидетельствуют о безразличном отношении к неприятной ситуации, его девальвации или, в некоторых случаях, принятии неприятной ситуации или обвинений. Можем сказать, что такие черты присущи аутентичному психологу, ведущим качеством которого, среди прочих, является чрезмерно почтительное отношения к клиенту.

Другим вариантом импунитивного поведения является реакция студента на фрустрирующую ситуацию как на незначительную, когда нет ответственности, доминирует бездействие и присутствует ожидание, что ситуация «разрешится сама собой». Считаем важным тот факт, что импунитивная реакция, зафиксированная у студентов 4 курса, направлена на профессиональную потребность будущего психолога не только переосмыслить собственную личность, но и ощутить свои слабоосознаваемые чувства, скрытые мотивы, психологическую травму, что возможно в состоянии рефлексивного осознания при условии идентификации с фрустрирующим состоянием, проблемной ситуацией и стереотипным поведением, не имеющим эффективности.

Интропунитивный тип (I) самообвиняющего поведения или реакций выявлены у наименьшего количества студентов (15 %). Студенты с доминирующим интропунитивным типом реакций в ситуациях фрустрации винят только себя, это может приводить к невротическим расстройствам разных типов, и проявляется в осуждении себя, недовольстве собой, жалобах на себя, признание собственной вины. Такие ситуации сопровождаются чувством стыда и вины, раскаяния. Однако, в ситуациях образовательной и профессиональной деятельности, эти студенты могут быть готовы к конструктивному и адекватному выходу из проблемной ситуации.

На первом курсе этот тип фрустрации способствует активизации к ответственной деятельности и поиску новых потенциальных возможностей для достижения поставленных целей. Именно такой тип реакции может быть вполне наиболее эффективным (конструктивным) для будущего психолога, однако, высокая ответственность за результат своего профессионализма, а также ожидания положительного результата клиента, может приводить к эмоциональному напряжению и разочарованием себе, как специалисте, зачастую на следующем этапе (стадии адаптанта) профессионального становления.

Фиксация на удовлетворении потребностей (NP) присуща наибольшему числу всех исследуемых (40%). На первом курсе этот тип фиксации проявляется в поведении 45 % студентов, на четвертом – в 35%. В своей образовательно-профессиональной деятельности будущим психологам с данным видом фиксации свойственно желание найти результативный способ решения трудных задач, если не самостоятельно, то с помощью одногруппников или преподавателей. Такое стремление говорит об проактивном отношении к трудностям, встречающимся в учебной деятельности, и желании непременно преодолевать их любым путем. Такая фиксация может быть побочным эффектом, добиваться положительного результата всегда, в будущей профессиональной деятельности может помешать специалисту помогать клиенту, так как потребности клиента при этом бессознательно будут игнорироваться психологом.

Фиксация на препятствии (OD) характерна для 25% всех испытуемых. На первом курсе этот тип фиксации проявляется в поведении 25 % студентов, так же, как и на четвертом – 25%. Поведение с фиксацией на препятствии подразумевает реальное или мнимое наличие барьера, вызывающего или провоцирующего фрустрацию. Препятствие может быть значимым для студента и выступать в роли фрустрирующего или быть недостаточно значимым и не вызывать никаких эмоциональных состояний.

Этот тип реакции указывает на конфликт между двумя типами реакций – с фиксацией на самозащите и с фиксацией на удовлетворении потребности. Для будущего психолога препятствием может стать отсутствие или несознательность ожидаемого

результата в той или иной ситуации, помощь, противоположное поведение клиента, его уклонение от сосредоточенности на сотрудничестве, доверии и открытости, другие факторы, в частности, внутренние – антипатия, собственные негативные переживания и т.д.

Фиксация на самозащите (ED) присуща 35 % всех испытуемых. На первом курсе этот тип фиксации проявляется в поведении 25 % студентов, на четвертом – в 45 %. Фрустрированное поведение с фиксацией в самозащите проявляется в повышенной склонности учащихся к эго-защитным реакциям, активизация которых тесно связана с эмоциями тревоги и страха. Следовательно, для таких учащихся характерна повышенная склонность сознательно испытывать негативные эмоции и оценивать ситуацию как враждебную. Субъект фрустрации склонен воспринимать мир как опасный, а социальную среду как враждебную. Такие будущие специалисты, к сожалению, имеют низкий уровень толерантности к фрустрациям и не умеют выдерживать трудности, испытывая неуверенность в себе. Они могут агрессивировать на ближний социум, доминировать над своими сокурсниками, проявлять неуважительное превосходство в отношении преподавателей. Будущему специалисту обычно сложно преодолеть эту фиксацию, так как клиент бессознательно превращается в причину (провоцирует самозащиту) психолога от угрозы даже в тех случаях, когда ее объективно не существует.

Ниже мы приводим краткую характеристику фрустрации будущими психологами по доминирующим комбинациям критериев фрустрации поведения (формы реакции). Установлено, что тип фиксации на удовлетворении потребностей (NP) в сочетании с экстрапунитивной направленностью (ED) доминирует в 24,0% всех испытуемых, что является самым высоким показателем среди всех остальных комбинаций. Эта категория студентов, на наш взгляд, является группой риска и характеризуется ожиданиями в разрешении фрустрационной ситуации с помощью окружающих или любым другим способом без активного личного вмешательства. Этот тип реакции проявляется в перекладывании ответственности за решение проблемы на партнера в соответствии с ситуацией или в виде ожидания того, что ситуация со временем «разрешится». Таким образом, студент-психолог проявляет ригидность по отношению к трудным ситуациям и не в состоянии адекватно различить доминирующие потребности среди второстепенных. Как правило, такие студенты рассчитывают на то, что кто-то исправит фрустрирующую ситуацию. Вместо решения проблемы, ищут объяснение осложнений, виновного, настаивают на компенсации, привлекают к ответственности третьих лиц. Могут проявлять агрессию, как защитный механизм, стараясь замаскировать свою несостоятельность в решении проблемы.

Обвинительные реакции (ED) с фиксацией на препятствии (OD) выявлены у 14,7% обеих исследуемых выборок. В данной комбинации фрустрационных реакций студенты могут агрессивировать, обвинять, насмехаться, угрожать тому, кто стал причиной фрустрирующей ситуации, при этом не чувствовать собственной вины за сложившуюся ситуацию.

При установлении разницы поведенческой фрустрации получены следующие результаты – $t_{эм} = 1,9$, которые указывают на отсутствие статистически значимых различий между группами студентов первого и четвертого курса.

Таким образом, по результатам нашего исследования были выявлены потенциальные группы риска студентов, которые независимо от учебных курсов испытывают трудности с переживанием фрустрации на уровне ее проявления. Фрустрированное поведение таких студентов характеризуется внешней ориентацией с фиксацией на удовлетворении потребности или на препятствии, что противоречит требованиям к профессии психолога и может нанести вред как личности будущего специалиста, так и его профессиональной

деятельности и социальному окружению в референтных микрогруппах, в семье, среди друзей и т.д.

На третьем этапе эмпирического исследования нами изучался эмоциональный фактор фрустрации с помощью методики «Самооценка психических состояний» А. Айзенка.

В результате изучения частоты переживания негативных эмоциональных состояний как «ядра» фрустрации выявлена наиболее многочисленная группа испытуемых, а именно со средним уровнем как фрустрации, так и тревожности, агрессивности и ригидности. В этом случае мы представим только уровень фрустрации как функциональную неудовлетворенность потребностью в обучении.

Установлено, что переживание высокого уровня фрустрации характерно в основном для студентов четвертого курса (25 %) это почти вдвое больше, чем первокурсников (10 %). У первокурсников преобладают познавательные мотивы, и в тоже время студенты могут испытывать фрустрацию очень быстро, так как при высоком уровне притязаний на академическую успешность они еще не умеют преодолевать трудности в учебной и профессиональной деятельности. Они испытывают фрустрацию потому, что еще не овладели навыками и способностями эмоциональной саморегуляции и самоорганизации в ситуации академического образования. Высокий уровень фрустрации студентов независимо от курса переживается как депрессивное напряжение, тревожные предчувствия, безнадежность и отчаяние. Неспособность реализовать ту или иную потребность в образовательных, коммуникативных и бытовых ситуациях воспринимается испытуемыми группы Б как неизбежная угроза в достижении значимой цели. То есть интенсивность эмоционального переживания фрустрации зависит от степени значимости деятельности или действия, которое блокируется. Обозначим, что на первом курсе приоритетной является познавательная деятельность, а на четвертом – социально значимая работа по специальности или профессиональная самореализация.

Наибольшее количество студентов (50 %) первокурсников имеют средний уровень фрустрации. И 30 % будущих выпускников. Именно средний уровень фрустрации показывает, что студенты могут использовать эмоциональную компенсацию как альтернативный выход из напряжения.

При установлении разницы эмоционального фактора фрустрации установлено, что $t_{\text{от эм}} = \text{от } 0,2 \text{ до } 1,4$, это указывают на отсутствие статистически значимых различий между группами студентов первого и четвертого курса.

Но, в нашем исследовании было установлено, что наиболее выраженным является средний уровень проявления негативных эмоциональных переживаний, которые интерпретируются как потенциально вызывающие фрустрированное поведение. То есть учащиеся со средним уровнем тревожности, агрессивности и ригидности могут выражать фрустрационные реакции в своем поведении как ответ на переживание не только неудовлетворенной потребности, но и неудовлетворенности фактическим негативным опытом. Кроме того, эти негативные состояния взаимодействуют друг с другом с разной частотой в рамках одной и той же неудовлетворенной потребности и в случае длительных переживаний усиливают ее фрустрационное напряжение, которое все больше направлено на преодоление этих состояний в поведенческой составляющей.

Таким образом, можем утверждать о том, что различия существуют только между показателями личностной фрустрацией у студентов на разных курсах обучения. Те студенты, которые на этапе выпуска ставили перед собой недостижимые цели и стремились к их достижению, несмотря на препятствия и трудности, чаще испытывали фрустрацию, чем те, кто ситуативно, непоследовательно относился к результатам своей деятельности. Когда такой студент встречает препятствия на своем пути и не может найти их решение, он впадает в состояние фрустрации, так как достижение цели будущего специалиста – для него самое главное. Таким студентам не хватает адаптивных

способностей, им трудно адаптироваться к условиям поиска работы и пытаться продолжить свою деятельность в качестве практикующего психолога или учиться или работать по другой специальности. Возможно, именно начало работы как социального вызова для старшекурсников становится внутренней мотивацией, личностно значимой потребностью. Особенно это усугубляется у будущих психологов, которые по сравнению со студентами других специальностей лучше знают свои потребности и ожидания общества.

Библиографические ссылки

1. Бойко, В.В. Энергия эмоций: [эмоции в общении. Эмоции в проявлениях личности. Созидаящая и разрушающая сила эмоций. Методики для изучения эмоций] / В.В. Бойко. – 2-е издание, дополненное и переработанное. – Санкт-Петербург: Питер, 2004. – 474 с.
2. Ильин Е.П. Психофизиология состояний человека /Е.П. Ильин. Санкт-Петербург: Питер, 2005. –412с.
3. Левитов Н.Д. Фрустрация как один из видов психических состояний / Н.Д. Левитов. Вопросы психологии, 1967. № 6. –С. 118–128.
4. Rosenzweig S. Adolescent Form supplement to the basic manual of the Rosenzweig Picture-Frustration (P-F). Study. St. Louis, MO: Rana House, 1981.

© Ревуцкая И.В., 2025

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД

Я. В. Рыбакова

магистрант 2 курса

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: yana.nikita2016@yandex.ru

С. Ю. Пискорская

директор ИСИ,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: piskorskaya1@rambler.ru

В статье исследуется процесс профессионального становления личности в учреждениях культуры через призму социокультурного подхода. Актуальность работы обусловлена растущей социальной значимостью культурной сферы и потребностью в высококвалифицированных специалистах. В результате исследования выявлены основные этапы профессионального становления (адаптация, самоактуализация, мастерство, наставничество) и его специфические особенности, включая ценностно-смысловую мотивацию, преобладание неформального образования и необходимость сочетания профессиональных и универсальных компетенций. Делается вывод о ключевой роли учреждений культуры как агентов непрерывного профессионального развития, эффективность которого определяется целенаправленной кадровой политикой, созданием креативной среды и внедрением системы наставничества.

Ключевые слова: профессиональное становление, учреждения культуры, специалист социокультурной сферы, профессиональная идентичность, компетенции, непрерывное образование, социокультурный подход, кадровая политика, наставничество.

The article examines the process of professional development of the individual in cultural institutions through the prism of a socio-cultural approach. The relevance of the work is determined by the growing social significance of the cultural sphere and the need for highly qualified specialists. The study identifies the main stages of professional development (adaptation, self-actualization, mastery, mentoring) and its specific features, including value-based motivation, the predominance of non-formal education, and the need to combine professional and universal competencies. It is concluded that cultural institutions play a key role as agents of continuous professional development, the effectiveness of which is determined by a targeted personnel policy, the creation of a creative environment, and the implementation of a mentoring system.

Keywords: professional development, cultural institutions, specialist in the socio-cultural sphere, professional identity, competencies, lifelong learning, socio-cultural approach, personnel policy, mentoring.

Современная культурная политика направлена на трансформацию учреждений культуры в открытые общественные центры, ориентированные на проектную деятельность. Это предъявляет новые, повышенные требования к кадрам. От современного специалиста сферы культуры ожидают не только глубоких профильных знаний, но и

развитых коммуникативных навыков, управленческих способностей, проектного мышления, умения работать с разнородной аудиторией и адаптироваться к цифровой среде. В этих условиях процесс профессионального становления приобретает особую значимость, превращаясь из стихийного в управляемый и целенаправленный.

Целью данной статьи является комплексный анализ процесса профессионального становления личности в учреждениях культуры с позиций социокультурного подхода.

Основное внимание в исследовании уделяется выявлению сущности и специфики понятия «профессиональное становление» применительно к сфере культуры, характеристике основных этапов данного процесса, а также определению ключевых факторов, условий и проблем, влияющих на его эффективность.

Ведущим методологическим основанием исследования выступил социокультурный подход, который рассматривает профессиональное становление как сложный, многогранный процесс, детерминированный системой социальных отношений и культурных ценностей. Данный подход позволяет преодолеть ограниченность узкофункционального взгляда на специалиста, раскрывая процесс его профессионального формирования как становление целостной личности, чья деятельность неразрывно связана с миссией сохранения, трансляции и производства культурных смыслов. В рамках этого подхода профессиональное развитие понимается как процесс вхождения индивида в профессиональное сообщество через усвоение не только специальных знаний и навыков, но и ценностно-нормативной системы, определяющей смыслы и цели профессиональной деятельности в сфере культуры. Такой ракурс исследования позволяет выявить глубинные взаимосвязи между личностным развитием профессионала, формированием его профессиональной идентичности и социальной миссией учреждений культуры в современном обществе [1].

В исследовании использовались общенаучные методы: анализ и синтез, сравнение, обобщение научной литературы по психологии труда, социологии культуры и педагогике; системный подход для рассмотрения учреждения культуры как целостной среды развития.

Под профессиональным становлением личности в учреждениях культуры понимается сложный, многомерный и непрерывный процесс, имеющий длительный временной горизонт и характеризующийся нелинейной динамикой развития. Данный процесс представляет собой качественное преобразование системы профессионально значимых характеристик личности, включающее формирование комплекса специальных компетенций, развитие ценностно-смысловых ориентаций и становление профессиональной идентичности. Сущностной особенностью этого процесса является его двойственная направленность: с одной стороны, он обеспечивает эффективное и творческое выполнение профессиональных задач в специфической среде учреждения культуры, с другой - создает необходимые условия для полноценной личностной самореализации в контексте социокультурного пространства. Такой подход позволяет рассматривать профессиональное становление не только как приобретение узкоспециальных знаний и навыков, но и как глубокую личностную трансформацию, в ходе которой происходит органичное соединение индивидуальных способностей и потребностей личности с социальной миссией и ценностями культурной институции [2].

Отличительной чертой профессионального становления в сфере культуры является его глубокая ценностно-смысловая насыщенность, где мотивация к труду зачастую носит экзистенциальный, а не материальный характер, будучи неразрывно связанной с идеей служения культуре, искусству и просвещению. Существенной особенностью выступает преобладание неформального и информального образования, при котором основной массив профессиональных компетенций формируется не в рамках формального обучения, а в процессе практической деятельности – через наблюдение, профессиональное общение с коллегами и наставниками, а также постоянное самообразование. Неотъемлемым условием

успеха является органичное сочетание узкопрофессиональных знаний, таких как искусствоведение или музееведение, с развитыми универсальными навыками (soft skills), среди которых критическую важность приобретают умение работать с людьми, креативность, эмоциональный интеллект и стрессоустойчивость. Наконец, публичная природа этой деятельности, когда результат труда непосредственно презентуется аудитории, обуславливает необходимость безупречного владения навыками публичной коммуникации и развитой способности к профессиональной рефлексии [3].

Профессиональное становление в учреждении культуры можно рассматривать как поэтапную трансформацию, последовательно проходящую через четыре взаимосвязанных этапа развития. На стадии профессиональной адаптации происходит интеграция начинающего специалиста в организационную среду, включающая усвоение корпоративных норм, применение теоретических знаний в практической деятельности и выстраивание конструктивных отношений в коллективе, где первостепенной задачей выступает преодоление «синдрома новичка». Последующий этап самоактуализации и специализации отличается активным поиском сотрудником индивидуальной профессиональной ниши, определением сферы персональных интересов и переходом к самостоятельной реализации проектов, что способствует кристаллизации индивидуального стиля и формированию профессиональной идентичности. Достигнув стадии мастерства, специалист приобретает статус признанного эксперта, демонстрирующего стабильно высокие результаты профессиональной деятельности и способность решать наиболее сложные профессиональные задачи. Завершающей ступенью профессиональной эволюции становится стадия наставничества, в рамках которой опытный профессионал систематизирует и передает накопленный опыт, участвует в подготовке кадрового резерва и ведет методическую работу, реализуя таким образом свою социальную и профессиональную ответственность перед профессиональным сообществом [4].

Дополняя рассматриваемую модель профессионального становления, важно отметить, что в условиях современной культурной политики развитие специалистов всё более тесно связано с процессами цифровизации, межсекторального взаимодействия и формированием новых культурных практик. Культурные институции выступают не только площадками хранения и трансляции культурного наследия, но и центрами инновационной деятельности, где включённость сотрудников в цифровые и коммуникативные процессы становится неотъемлемой частью профессиональной компетентности. В этих условиях профессиональное становление приобретает характер постоянного расширения профессиональных границ: специалист вынужден осваивать новые форматы взаимодействия с аудиторией, цифровые инструменты проектирования и визуализации, формы гибридной коммуникации. Это приводит к увеличению роли метакомпетенций – таких как самоорганизация, умение работать в условиях высокой информационной плотности, способность к быстрой переориентации профессиональных задач.

Значительно возрастает значимость междисциплинарной подготовки: специалисту необходимо не только владение профильно-культурологическими знаниями, но и понимание основ менеджмента, маркетинга, социальной психологии, медиакommunikаций, что позволяет эффективно адаптироваться к новым требованиям культурной среды. Одновременно усиливается роль эмоционально-ценностного компонента: работа в сфере культуры предполагает глубокую включённость в социальные процессы, высокую эмпатийность и способность выстраивать доверительные отношения с различными социальными группами. Всё это делает профессиональное становление процессом личностного усложнения, предполагающим постоянное расширение внутреннего ресурса специалиста.

Отдельного внимания заслуживает феномен вовлечённости специалиста в создание и поддержание культурного пространства учреждения. Речь идёт не только о

выполнении функциональных обязанностей, но и о деятельном участии в формировании творческой атмосферы, развитии уникального стиля работы организации, создании её культурного «лица». Таким образом, профессиональное становление включает в себя не только индивидуальное развитие, но и коллективное конструирование профессиональной среды, где каждый сотрудник выступает активным субъектом культурного воспроизводства. В такой среде формируются профессиональные традиции, складываются механизмы передачи опыта, появляется возможность естественного профессионального роста через участие в совместной творческой деятельности.

Наконец, важным направлением современного профессионального становления является развитие культуры профессиональной рефлексии. Способность анализировать собственную деятельность, выявлять причины успехов и затруднений, соотносить личные профессиональные цели с миссией учреждения культуры становится критически значимым фактором устойчивого развития специалиста. Рефлексивная практика способствует осознанному построению индивидуальной траектории профессионального роста, предотвращает эмоциональное выгорание, формирует готовность к инновациям и повышает уровень профессиональной ответственности. В результате профессиональное становление в учреждениях культуры предстает не только как последовательное освоение профессиональных функций, но и как осмысленное формирование собственной профессиональной философии, определяющей отношение специалиста к культурной деятельности и к её общественному значению.

Профессиональное становление в сфере культуры представляет собой сложное многомерное явление, успешная реализация которого обусловлена сбалансированным взаимодействием индивидуально-личностных характеристик специалиста и целенаправленно созданных институциональных условий. Данный феномен охватывает не только формирование специальных знаний и умений, но и развитие ценностно-смысловой сферы личности, её профессионального самосознания и культурной идентичности. Основой продуктивного профессионального развития выступают внутренние предпосылки, среди которых наиболее значимыми являются: устойчивая профессиональная мотивация, основанная на осмысленном выборе жизненного пути; сформированная система ценностных ориентаций, соответствующая миссии учреждения культуры; установка на непрерывное образование и профессиональное самосовершенствование; развитые творческие способности, позволяющие генерировать и реализовывать инновационные проекты; коммуникативная гибкость, обеспечивающая эффективное взаимодействие с различными аудиториями; а также психологическая устойчивость, необходимая для работы в условиях неопределенности и повышенных требований [5].

Существенное влияние на эффективность профессионального становления оказывают внешние институциональные факторы, создающие необходимую среду для развития специалистов. Ключевое значение имеет продуманная кадровая стратегия, которая должна включать комплексную систему адаптации новых сотрудников, индивидуальное карьерное планирование и непрерывные программы профессионального развития. Не менее важна созидательная рабочая атмосфера, основанная на принципах коллегиальности и взаимоподдержки, стимулирующая инновационную деятельность и предоставляющая свободу для творческой самореализации. Особую роль играет хорошо отлаженная система наставничества, гарантирующая преемственность знаний и практического опыта между поколениями специалистов. Важным условием является обеспечение полноценного ресурсного сопровождения профессиональной деятельности, включающего доступ к современным технологическим решениям, актуальным методическим разработкам и различным формам профессионального роста. Вместе с тем, процесс профессионального становления сталкивается с системными барьерами, среди

которых наиболее деструктивными являются: неконкурентоспособный уровень оплаты труда, приводящий к профессиональному выгоранию и высокой текучести кадров; формализованный подход к организации повышения квалификации, не учитывающий реальные потребности специалистов; излишне бюрократизированная структура управления, сковывающая инициативу сотрудников; а также недостаточное внимание к формированию благоприятного социально-психологического климата в трудовом коллективе [6]. Данные проблемы требуют комплексного решения на институциональном уровне для создания устойчивой системы профессионального развития кадров в сфере культуры.

В заключение можно сказать, что проведенное исследование позволило осуществить комплексный анализ процесса профессионального становления личности в учреждениях культуры через призму социокультурного подхода. В ходе исследования была раскрыта сущность и специфика данного процесса, который представляет собой нелинейный, динамичный и многомерный феномен, интегрирующий личностное развитие и профессиональное совершенствование специалиста.

Основные теоретические и практические результаты исследования заключаются в следующем: выявлены и системно охарактеризованы ключевые особенности профессионального становления в сфере культуры, включая ценностно-смысловую насыщенность мотивации, преобладание неформального и информального образования, необходимость сочетания профессиональных (hard skills) и универсальных компетенций (soft skills), а также публичный характер деятельности; определены и детализированы четыре последовательные стадии профессионального становления: адаптация, самоактуализация и специализация, мастерство и наставничество, каждая из которых имеет специфические задачи, характеристики и риски; установлен комплекс факторов, детерминирующих успешность профессионального становления, включающий внутренние (личностные) предпосылки и внешние (институциональные) условия, а также выявлены системные барьеры, препятствующие эффективному развитию специалистов.

Практическая значимость исследования состоит в том, что разработанные теоретические положения и выводы могут служить основой для формирования эффективной кадровой политики в учреждениях культуры. Предложенный этапный подход к профессиональному становлению может позволить разрабатывать адресные программы сопровождения профессионального развития специалистов на разных стадиях их карьерного роста.

Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке дифференцированных моделей управления профессиональным становлением для различных типов учреждений культуры, изучении влияния цифровой трансформации на профессиональные компетенции специалистов, а также в исследовании специфики формирования профессиональной идентичности в условиях меняющейся социокультурной реальности.

В целом, профессиональное становление специалистов учреждений культуры представляет собой стратегический ресурс развития культурной сферы, требующий системного управления и инвестиций, что в итоге будет способствовать повышению качества культурных услуг и усилению социальной значимости культурных институтов в современном обществе.

Библиографические ссылки

1. Демченко, А. В. Социокультурные основания профессионального становления личности / А. В. Демченко // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2018. – № 2 (82). – 44–52 с. – Текст: непосредственный.

2. Жаркова, Л. С. Профессиональное развитие менеджера социокультурной сферы: теория и практика: монография / Л. С. Жаркова – М.: МГУКИ, 2017. – 210 с. – Текст: непосредственный.
3. Марков, А. П. Проектирование маршрутов профессионального роста специалистов сферы культуры / А. П. Марков, О. В. Соколова // Культура и образование, 2021. – № 3 (38). – 78–85 с. – Текст: непосредственный.
4. Ярошенко, Н. Н. Педагогические аспекты профессионального становления специалиста социокультурной сферы / Н. Н. Ярошенко // Педагогика искусства, 2020. – № 1. – 112–119 с. – Текст: непосредственный.
5. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального развития: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Э. Ф. Зеер, – 4-е изд., стер. – М.: Академия, 2019. – 320 с. – Текст: непосредственный.
6. Шекова, Е. Л. Управление человеческими ресурсами в сфере культуры: учебное пособие / Е. Л. Шекова, Д. А. Щеглов. – СПб.: Лань, 2022. – 256 с. – Текст: непосредственный.

© Рыбакова Я.В., Пискорская С.Ю., 2025

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ

А. А. Пиневиц

Студент 2 курса,
СибГУ им. М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: pates.11@mail.ru

Н. С. Ливак

Доцент,
СибГУ им. М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: nlivak@mail.ru

В статье «Копинг-стратегии для решения кризисных ситуаций» сосредоточено внимание на теоретическом понимании различных копинг-стратегий. Автор анализирует ключевые концепции и модели копинга, исследуя их классификацию на эмоциональные, поведенческие и когнитивные стратегии. Рассматриваются механизмы действия каждой стратегии и их роль в преодолении кризисных ситуаций. Статья также объясняет, как теоретические основы копинга могут применяться на практике для разработки эффективных методов вторичной адаптации. Освещаются основные исследования и эксперименты, подтверждающие эффективность различных подходов, а также их влияние на психологическое благополучие. В заключение, подчеркивается необходимость глубокого теоретического понимания копинг-стратегий для повышения устойчивости к стрессу и адаптации в современных условиях.

Ключевые слова: копинг-стратегии, кризисные ситуации, стресс, дезадаптивные стратегии, адаптивные стратегии.

The article "Coping-strategies for crisis situations" focuses on theoretical understanding of different coping-strategies. The author analyzes key concepts and models of coping, exploring their classification into emotional, behavioral and cognitive strategies. The mechanisms of each strategy and their role in crisis management are discussed. The article also explains how the theoretical basis of Coping can be applied in practice to develop effective methods of secondary adaptation. The main studies and experiments confirming the effectiveness of different approaches, as well as their influence on psychological well-being are highlighted. Finally, the need for a deep theoretical understanding of coping strategies to increase stress resilience and adaptation in modern conditions is emphasized.

Key words: coping strategies, crisis situations, stress, maladaptive strategies, adaptive strategies.

В условиях повышенного уровня стресса у современного населения, вызываемого высоким темпом жизни, нестабильной экономической и социальной ситуацией в стране, постоянно меняющимися условиями и требованиями профессиональной деятельности и прочее. Особую актуальность и значимость приобретает теоретическое и практическое исследование копинг-стратегий личности как фактора сопротивляемости стрессу. Копинг-стратегии определяются как совокупность когнитивных, эмоциональных и поведенческих стратегий личности, суть которых состоит в достижении адаптации к жизненным событиям и стрессовым ситуациям; как то, как человек справляется с трудностями, стрессом; актуальные ответы личности на воспринимаемую угрозу, способы управления

стрессом. Главная задача копинг-стратегий заключается в обеспечении и поддержании благополучия человека, физического и психического здоровья и удовлетворенности социальными отношениями.

В зарубежной психологии копинг-стратегии изучали Л. Мерфи, а затем – Дж. Амирхан, П. Виталиано, Е. Коплик, Р. Лазарус, Р. Моос, Л. Перлин, С. Фолкман, И. Фрейденберг, Э. Хейм, Д. Шеффер, К. Шулер и др. В отечественной науке используется чаще понятие «совладающее поведение», которое изучалось Л.И. Анцыферовой, Р.М. Грановской, А. Либиным, В.С. Мерлином, И.М. Никольской, К.К. Платоновым, Б.М. Тепловым, Л.И. Уманским, С.В. Фроловой и др.

Исследованию проблемы копинг-стратегий уделяется внимание и в психологии коллективов: так, способность индивида противостоять неблагоприятным воздействиям оказывает существенное влияние на эффективность его профессиональной деятельности. Учитывая то, что копинг-стратегии могут быть конструктивными и неконструктивными, результативность труда работника будет также различной. Копинг-стратегии реализуются личностью в различных ситуациях профессиональной деятельности, связанных с возникшими трудностями, стрессом – в т.ч. в конфликтных ситуациях. В ходе анализа литературы обнаруживается противоречие между восприятием конфликта как некой нормы в функционировании организации и влиянием конструктивности совладания с конфликтной ситуацией на профессиональную деятельность сотрудников. Можно сделать вывод о том, что важным фактором благополучного функционирования организации является применение конструктивных копинг-стратегий сотрудниками в конфликтных ситуациях. Для достижения такой цели можно задействовать психолого-педагогический ресурс – обучение сотрудников конструктивным копинг-стратегиям в конфликтных ситуациях.

В условиях нестабильности возникает необходимость в разработке практических инструментов для улучшения способности справляться с трудностями. Рабочая тетрадь станет полезным ресурсом, предоставляя методы и техники для формирования эффективных копинг-стратегий. Это позволит не только повысить уровень психологической устойчивости, но и поддержать людей в сложных ситуациях. Таким образом, проект имеет значительный потенциал для практического применения и способствует улучшению общего психического состояния общества.

Население в современном мире сталкивается с множеством экстренных и кризисных ситуаций, включая экономические, экологические, социальные и политические кризисы. Многие организации, компании и отдельные лица не готовы к их быстрому и эффективному разрешению. Это приводит к значительным потерям, ухудшению репутации и даже угрозе безопасности.

Основные проблемы можно описать следующим образом:

1. Отсутствие четких планов действий и стратегий реагирования на кризисы.
2. Невозможность быстро оценить ситуацию и принимать обоснованные решения.
3. Недостаточная подготовленность персонала к кризисным ситуациям.
4. Сложности в коммуникации как внутри организации, так и во внешнем мире.

Одной из основных проблем, напрямую связанных с психическим здоровьем во время кризиса и чрезвычайных ситуаций, становится способность людей обратиться к своим психосоциальным потребностям и возможность преодолеть внутренние и внешние трудности. Под копинг-стратегией понимается комплекс навыков, используемых для контроля и управления любыми сложными обстоятельствами. Люди, группы и организации, которые находятся под воздействием дистрессового события, прибегают к различным копингам.

Базовые стратегии личности при возникновении кризисных ситуаций (по-старому больше не могу, но как может быть по-новому еще не представляю), имеющие название – копинг-стратегии.

Это действия, которые направлены на разрешение ситуации, ставшей для человека стрессовой, имеющие когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты.

При возникновении ситуации, описанной выше, люди, как правило могут действовать по-разному, в связи с чем и выделены стратегии двух типов: адаптивные и дезадаптивные. Адаптивные стратегии имеют благотворный эффект на способность пострадавшего преодолеть стрессовую ситуацию. В свою очередь дезадаптивные приводят к негативным изменениям в поведении человека, соответственно несут неблагоприятное воздействие на способность функционировать в ситуации кризиса.

Рассмотрим характеристики обоих типов стратегий:

- поведение человека адекватно кризисной ситуации и его личности;
- сопровождается долговременным позитивным эффектом;
- стратегия направлена на поиск решения проблемы, она направлена как на внутренний ответ, так и на внешние проблемы;
- действия предпринимаются своевременно и в целом направлены на взаимодействие с людьми;
- стратегия оказывает благоприятное влияние на здоровье, психическое и физическое;
- поведение в данном случае повышает устойчивость человека к стрессу.

Говоря простыми словами, адаптивные стратегии выхода из кризиса способствуют купированию симптома нездорового реагирования на ту или иную ситуацию, путем решения проблем «по мере поступления», позволяют научиться адекватно реагировать на подобное в будущем.

Дезадаптивные стратегии:

- поведение неадекватно кризисной ситуации и личности человека;
- успокаивающий эффект непродолжителен, отдаленные последствия всегда отрицательны;
- стратегия ориентирована на саму реакцию человека, направлена на коррекцию эмоционального состояния в данное время, а не на внешние обстоятельства;
- поведение носит деструктивный и манипулятивный характер;
- стратегия поведения оказывает негативное влияние на психическое и физическое состояние, а также в целом на благополучие;
- поведение снижает устойчивость к стрессу.

Если стратегия преодоления носит дезадаптивный характер, то она направлена на успокоение здесь и сейчас, когда как правило последствия, не принесут радости и ввергнут человека в дисфорическое состояние.

Копинговые стратегии – это то, что предпринимает человек, когда находится в стрессовой или трудной жизненной ситуации и ему необходимо ее преодолеть. Так же они используются, чтобы снизить или же вовсе снять психологическое напряжение во время ситуации, которая приносит дискомфорт.

Для русской психологической школы в отношении к копинг-стратегиям применяется слово переживание, означающее преодоление отрицательных воздействий стресса на личность и жизнь, которое ввел отечественный психолог Ф.Е. Василюк [1].

Впервые это понятие было применено в 1962 Л. Мэрфи, которая изучала преодоление детьми кризисов развития. [по 2] Р. Лазарус, позднее, в 1966 году, использовал это понятие в своей работе «Психологический стресс и процесс совладания с ним». В ней он описывал деятельность личности, которая преодолевает стрессовые ситуации [3].

Стресс – нормальная реакция организма на воздействие различных внешних или внутренних факторов, провоцирующих изменения в нервной системе организма. Понятие впервые было введено У. Кэнноном в работах реакции «Бороться или бежать». В 1936 году Г. Селье говорил об общем адаптационном синдроме, но только в 1946 году он начал применять понятие стресс, когда говорил об общем напряжении в адаптации [4].

Важно отметить, что у стресса есть три фазы.

Реакция тревоги – психика начинает активировать доступные психические механизмы защиты, для преодоления ситуации, что вызвала физиологическую реакцию.

Стадия сопротивляемости – в этот момент организм становится более устойчивым к другим воздействиям.

Стадия истощения – характеризуется упадком сил и появляются признаки тревоги.

Стресс влияет на организм и психику по-разному:

- эустресс (оказывает положительное воздействие на личность, то есть мотивирует на продуктивные действия);
- дистресс (оказывает негативное воздействие на личность).

Р. Лазарус описывает стресс, как дискомфортное состояние, которое каждой личностью воспринимается индивидуально, с учетом имеющихся ресурсов и общей ситуации. В 1966 году он создал транзакционную модель стресса. Которая главным компонентом в психике во время стрессовой ситуации делает когнитивные процессы [2].

Эта модель предполагает, что, когда происходит стимул в виде стресса, которая после процесса отбора позволяет личности дать ситуации оценку: благоприятная ситуация – она дает личности ценные ресурсы и общий рост; опасная ситуация – характеризуется угрозой безопасности, жизни, здоровью и психологическому комфорту.

На стадии вторичного оценивания происходит оценка наличия или нехватки ресурсов для разрешения ситуации. При нехватке ресурсов у человека начинается стрессовое состояние с последующими физиологическими реакциями.

Стресс приводит к тому, что личность активизирует свой копинг:

- проблемный – человек меняет ситуацию, которая привела к стрессу;
- эмоциональный – человек пересматривает свое отношение к стрессовой ситуации [5].

Последним и важным этапом в модели транзакционного стресса является переоценка личностью стрессовой ситуации – человек учится чему-то новому и подстраивается под новые жизненные процессы.

Личность использует различные стратегии в совладении со стрессом, которые выработала для себя в течении всей жизни. Иногда эти стратегии имеют произвольный характер, то есть контролируются личностью непосредственно в моменте происходящего. В случае, когда стратегия уже была приобретена ранее или зависит от темперамента, имеет непроизвольный характер. Так же, есть моменты, когда характер использования совладающих стратегий комбинированный [6].

В зависимости от ситуации и личностных особенностей человека он выбирает различные способы совладения с трудной ситуацией. Исследования, проводимые психологами, показали, что главными причинами в выборе определенных стратегий являются такие личностные особенности как:

- самооценка и ее составляющие;
- возраст и гендер;
- социальное положение.

Эффективность копинг-стратегий считается в современном состоянии науки спорным вопросом. Так как одна часть исследователей считает, что они могут быть продуктивными и непродуктивными, а другая же считает, что главная характеристика

понятия копинг-стратегии состоит в том, что это полезные реакции личности на стрессовую ситуацию [7].

Единой классификации копинг-стратегий, к сожалению, пока не существует. Это обусловлено тем, что психологами эта тема пока еще мало изучена и появилась в фокусе внимания научных исследователей не так давно. Первой классификацией будет рассматриваться классификация Лазаруса и Фолкмана, которая предполагает дихотомичность своей направленности.

Проблемно-фокусированные стратегии насчитывают 11 действий совладения и подразумевают под собой работу с первоисточником проблемы, человек ищет как устранить или изменить ситуацию, чтобы она больше не приносила дискомфорт.

Конфронтация. Человек решает проблему с помощью разжигания конфликтов с людьми, которые так или иначе связаны со стрессовой ситуацией или с тем, кто использует этот копинг.

Контролирование эмоций. Распространенная копинг-стратегия, которую используют люди, когда считают, что в данный момент необходимо сдерживать эмоциональные порывы с различными целями.

Поиск одобрения. Стрессовая ситуация решается с помощью других людей. Человек, пользующийся данным типом может нуждаться как в простом участии, так и в конкретном совете.

Избегание. Люди, которые используют этот тип переживания стресса склонны к различным аддикциям уходя в игроманию, алкоголизм, трудовголизм и тому подобное. Хотелось бы отметить, что избегание не решает проблему, а отодвигает ее в бессознательное, чтобы потом она вернулась с еще большими проблемами для личности.

Эмоционально-фиксированные стратегии, которых насчитывается 62, под ними понимается эмоциональная и когнитивная переоценка отношения личности к ситуации, что вызвала стрессовое состояние.

Замещающая деятельность. Это похоже на психологический механизм защиты сублимацию, однако она имеет более широкий диапазон выбора деятельности.

Творчество. С помощью различного рода искусства личность может снять напряжение, которое было вызвано стрессовой ситуацией. Визуализируя или используя другие методы, человек больше понимает суть происходящего и это может быть его сильнейшим ресурсом.

Фантазирование. Когда личность пользуется одним из свойств мышления, а именно воображением, есть большая вероятность того, что не придется тратить много личного ресурса для поиска наименее энергозатратных действий, для разрешения стрессовой ситуации.

Выплеск эмоций. Порой, деструктивные проявления эмоций и чувств позволяют облегчить страдания, которые испытывает личность во время стресса. Однако, не стоит забывать о других людях и не нарушать их границы, пользоваться нужно социально-приемлемыми выплесками эмоций.

Сдерживание. Ситуация уходит в бессознательное и личность может продолжать существовать дальше. Также она характеризуется сменой деятельности.

Разрядка. Все разрушительные эмоции и чувства личность выплескивает на материальные вещи – будь то занятие спортивный инвентарь или разрушение вещей, которые находятся в поле внимания человека, который пользуется данной стратегией.

Отстранение. Человек воспринимает ситуацию отдельно, как бы со стороны. Эмоционально не реагирует.

Моос и Шеффер выделяли следующие стратегии совладания со стрессом.

Фокус на оценке – личностью оценивается сама проблема, ее значимость в данный момент и собственные ресурсы, для проработки проблемы. Фокус на проблеме –

личностью выделяется то, как решить проблему и делаются конкретные действия для преодоления стресса.

Фокус на эмоциях – личность меняет отношение к ситуации в целом и ресурсы направлены на восстановление эмоционального равновесия.

Перлин и Шулер согласны с Моосом и Шеллер и создают схожую с ними классификацию.

Изменение видения проблемы – сознательными усилиями личностью меняется мнение и чувства по поводу ситуации, которая привела к стрессу.

Изменение проблемы – личность ищет способы решить проблему самостоятельно. Даже если способа решить проблему нет, личность может принять решение уйти от стрессовой ситуации.

Управление эмоциональным дистрессом – сознательно человек ищет способы разрядить напряжение, которое вызвано стрессом. Эмоций могут мешать человеку видеть решение, поэтому эта стратегия не менее важна.

Последние классификации практически идентичны классификации, которые предложили Лазарус и Фолкман: главное отличие в том, что они разделяют проблемно-фокусированные стратегии на когнитивные и поведенческие. В принципе, все схожие классификации выделяют эти стратегии по принципу: работа со внутренним миром человека и работа со внешним миром человека.

Следующие классификации разделяют копинг-стратегии на когнитивные, поведенческие и эмоциональные стратегии совладания со стрессом. На этой основе Никольская и Грановская выделили уровни копинг-стратегий, которые мы рассмотрим далее [8].

Поведение. Для снятия эмоционального напряжения личность пользуется различными действиями, которые ранее использовались в схожих ситуациях – в зависимости от ситуации: будь то внешняя или внутренняя.

Познание. Изменение отношения к ситуации позволяет снять большое напряжение, которое обусловлено стрессовой ситуацией. Также в эту стратегию входит контроль личностью ситуации.

Эмоциональная проработка. Личность снимает напряжение или просит о помощи через эмоциональную реакцию на стрессовую ситуацию.

Общим в классификациях по данному типу копинг стратегий можно выделить тот факт, что все эти стратегии зависят от типа процессов, происходящих в личности во время стрессовой ситуации.

Сейчас мы рассмотрим классификацию копинг стратегий по степени их эффективности и неэффективности. Вторую группу копинг стратегий обычно считают «избегающим» копингом. Рассмотрим эту классификацию авторки О. М. Фрайденберг, которая объединила стратегии совладающего поведения в такие группы.

Обращение к другим – личность самостоятельно просит помощь или не отказывается от предлагаемой помощи от других людей, которые помогают справиться со стрессовой ситуацией. В этом смысле многие исследователи выделили социальную активность отдельно, так как его невозможно разграничить как положительный (продуктивный) или отрицательный (непродуктивный) копинг.

Непродуктивный копинг характеризуется, в основном тем, что личность использует избегающие действия или стратегии, которые в данный момент неуместны, так как напряжение не снимается, а откладывается в подсознательное.

Продуктивный копинг отличается тем, что личность делает активные шаги по устранению ситуации, которая вызвала стресс, снимая напряжения с помощью сохраненного оптимизма и не отказываясь от общения [9].

Так же нельзя не рассмотреть классификацию, которая рассматривает копинг-стратегии с точки зрения контроля над ситуацией. В данной классификации мнение исследователей сходится в том, что личность может произвольно выбирать и планировать в тот или иной момент более эффективное поведение. Одна из классификаций называется «Руководство по стратегическому контролю поведения» (BISC) и разделяет стратегии совладающего поведения.

Активная деятельность. Имеется в виду, что личность сознательно и целенаправленно избирает те или иные способы решения работы над стрессовой ситуацией.

Косвенная деятельность. Отличается тем, что личность подсознательно использует ранее приобретенные копинг стратегии, которые эффективно показали себя в других схожих ситуациях.

Просоциальное поведение. Индивидуум избирает копинг-стратегии, которые принесут выгоду обществу или отдельному значимому человеку.

Антисоциальное поведение. Индивидуум настроен на общество негативно и противодействует нормам и правилам, которые диктуются обществом на основах морали или права [4].

Следующая классификация была предложена Хобфоллом, в теории которого отмечается шесть осей в поведении совладающего характера. Эта теория дополняет прошлую классификацию и разделяет их попарно:

- просоциальное – антисоциальное;
- прямое – не прямое;
- пассивное – активное.

Это все, что хотелось бы рассказать об основных классификациях стратегий совладающего поведения со стрессовой ситуацией. Далее мы разберем ресурсный подход к копинг стратегиям.

Ресурсы человека – важное понятие в психологии, которое означает возможности и энергию для выполнения задач, которые встают перед человеком в разные периоды жизни. Сходное понятие «потенциал» является одним из важных понятий, изучаемых такими отечественными и зарубежными психологами, как А. Адлер, Э. Фромм, З. Фрейд, С.Л. Рубинштейн и других.

Ресурсы человека бывают внешними и внутренними. Для каждого индивидуума существует свой определенный ресурс. Обычно, внутренние ресурсы врожденные или приобретенные по мере развития. Внешние 16 ресурсов рассматриваются как то, что не контролируется человеком, например, забота близких.

Ресурсный подход к вопросу о копинг стратегиях рассматривается с точки зрения процесса распределения имеющихся ресурсов личности для преодоления стрессовых состояний. В психике человека, по мнению Хобфолла есть главный ресурс, который распределяет все имеющиеся возможности человека так, чтобы ресурсы не растрачивались впустую. Ресурсы – важная составляющая в становлении копинг-стратегий человека. К сожалению, если детство человека не наполнило его ресурсами, то выбор копинг-стратегий будет невелик. Однако, сознательно он может создать и отыскать для себя ресурсы, которые будут помогать ему в дальнейшей жизни [5].

Психологами Фрайденбергом и Левисом отмечалось, что для самопомощи могут помочь как личностные, так и социальные ресурсы.

Хобфолл предлагает теорию сохранения ресурсов, где отмечает, что главными ресурсами являются материальные вещи или социальные связи (личностные ценности). Селигман в своей теории центральное место отдавал такому ресурсу, как оптимизм [6].

Подобные теории помогают определить, что ресурсы и копинги взаимодополняют и оказывают влияние друг друга.

Современные исследования копинг-стратегий не обходятся без корреляции с ними различных сферах жизнедеятельности личности и общества в целом. При этом главным критерием является снижение стрессового состояния личности [10].

Данные, полученные путем исследования копинг-стратегий, говорят нам о том, что проблемно-фокусированные копинги склонны использовать люди, которые меньше испытывают отрицательных эмоций в стрессовых ситуациях. И отмечается, что они не склонны к девиантному поведению. Эмоционально-фокусированные копинги используют люди с девиантным поведением и склонные к тревожным расстройствам личности.

Копинги, связанные с агрессией и социальной поддержкой, по данным исследований, коррелируют со способностью личности к адаптации. Более адаптивными оказались люди, которые используют копинг активное решение проблемы [11].

Стратегия избегания неоднозначно расценивается исследователями. Одни утверждают, что эти копинги разрушительно воздействуют на личность, появляются депрессивные состояния, дезадаптация. Другие, напротив, говорят о том, что они положительно влияют на социальную активность и поведение в целом.

Многие исследователи склонны ко мнению, что копинги необходимо комбинировать, для более быстрого и эффективного разрешения дискомфортной ситуации.

Говоря о копинг-стратегиях, нельзя не отметить некоторое их очевидное сходство с механизмами психологической защиты личности. [10].

Механизмы психологической защиты – важная часть бессознательного человека, которая регулирует поступающую информацию, вызывающую тревогу или иные травмирующие чувства для личности. Основная их необходимость состоит в адаптации личности к неблагоприятным меняющимся условиям для жизни личности. Сходные механизмы защиты с копинг стратегиями мы рассмотрим далее.

Вытеснение. Ситуация, вызвавшая стресс, забывается, но может еще вернуться из-за определенных триггеров. Психикой затрачиваются множество ресурсов, чтобы забыть ее полностью.

Проекция. Свои личностные особенности приписываются другому человеку, что помогает не брать на себя ответственность.

Интроекция. Человек замещает свои мысли и желания на мысли и желания другого человека. Чужое мнение становится своим собственным и снижается критичность ко внешним факторам.

Слияние. Человек перестает видеть себя отдельно от другого и все планы распределяет только исходя от того, будет ли удобно это делать обоим. По сути границы размываются и становится непонятно: где заканчивается один человек и где начинается другой.

Рационализация. Она позволяет снять себя ответственность за происходящее и перенести ее на внешние обстоятельства. Иногда поиск виновных проявляется обесцениванием.

Отрицание. Отказ от дискомфортной информации. Таким образом первичное напряжение снимается, но рано или поздно воздействие стрессового фактора не проходит незаметно.

Регрессия. Человек использует более старые модели поведения для совладения со стрессовой ситуацией. Да, эмоциональное проявление чувств может помочь снять психологическое напряжение, но оно не решит проблему.

Сублимация. От некоторых стрессовых ситуаций человеку может помочь смена деятельности, которая раньше не была интересной. Так снимается фокус внимания со стрессовой ситуации и создается якорь безопасности для личности.

Реактивное образование. Человек представляет работу со стрессом с точки зрения отзеркаливания ситуации – делать противоположные вещи, для снятия стресса.

Однако, не смотря на сходства, у них есть важные отличия. Психологическая защита возникает бессознательно, а копинг стратегии контролируются сознанием человека.

Психологическая защита снимает первичное напряжение, а копинг позволяет личности создавать новые реакции на ситуации, сопровождающие стресс.

Психологическая защита срабатывает мгновенно, а копинг постепенно раскрывается.

Психологическая защита говорит о том, что у личности закончились ресурсы для решения проблемы, а копинг работает для ресурса.

Базовые стратегии личности при возникновении кризисных ситуаций (по-старому больше не могу, но как может быть по-новому еще не представляю), имеющие название - копинг-стратегии.

Отметим также, что проблематика, связанная с изучением копинга, является наиболее разрабатываемой в зарубежной и отечественной психологии. И вполне вероятно появление новых подходов и новых методов диагностики стресса и его преодоления.

Библиографические ссылки

1. Когнитивные процессы и психологический стресс // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 4. С. 64–74.
2. Одинцова, М. А. Механизмы психологической защиты подростков с установкой «жертва» // Вестник практической психологии образования. 2008 - № 3. с. 67-70.
3. Лазарус, Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / Под ред. Л. Леви. Л.: Медицина, 1970. С. 178-208.
4. Рыбников, В. Ю., Ашанина Е. Н. Психология копинг поведения специалистов опасных профессий: монография. СПб: ВЦЭРМ, 2011. 120 с.
5. Бусыгина, И. С., Распопин Е. В. Внутриличные ресурсы стрессоустойчивости личности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2013. Т. 6. № 2. С. 93–96.
6. Вассерман, Л. И., Исаева Е. Р., Новожилова М. Ю., Щелкова О. Ю. Психологические механизмы совладания со стрессом профессиональной деятельности (на модели лиц «опасных» профессий) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 12. Вып. 4. С. 364-372.
7. Одинцова, М. А., Рогова Е. А. Особенности преодолевающего поведения подростков колледжа в стрессовых ситуациях
8. Никольская, И. М., Грановская Р. М. Психологическая защита у детей. С - Пб: Речь, 2000. С. 70.
9. Рябченко, И. В. Психология совладающего поведения сотрудников ОВД // Педагогика в правоохранительных органах. 2007. № 2(29). С. 59–61.
10. Ковтун, Е. В. Совладание со стрессом и саморегуляция в экстремальных условиях деятельности // Психология стресса и совладающего поведения: материалы III Междунар. науч.-практ. конф: в 2 т. Т. 2. (Кострома, 26–28 сент. 2013 г.) / Отв. ред. Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. Кострома: КГУ имени Н. А. Некрасова, 2013. С. 240-242.
11. Крюкова Т. Л. Стили совладания с жизненными трудностями // Актуальные проблемы психологии личности: сб. науч. ст. в 2 ч. Ч. 1 / Науч. ред. К. В. Карпинский. Гродно: ГрГУ имени Я. Купалы, 2012. 405 с.

© Пиневиц А.А., Ливак Н.С., 2025

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Н. Н. Пыжова

доцент кафедры кадровой политики и психологии управления
Академия управления при президенте Республики Беларусь
Г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: pyzhova@bk.ru

В статье рассматриваются трансформационные процессы в системе профессионального развития государственных служащих, обусловленные вызовами цифровизации. Акцентируется внимание на то, что традиционные модели обучения уступают место гибким, непрерывным и интегрированным в практику форматам. Цель статьи – охарактеризовать ключевые факторы, обуславливающие изменения требований к компетенциям государственных служащих, и акцентировать внимание на новой концептуальной модели их профессионального развития в современной цифровой реальности. На основе анализа литературных источников и лучших практик выделяются системные проблемы и предлагаются пути их решения через синтез институционального и компетентностного подходов.

Ключевые слова: цифровизация, государственная служба, профессиональное развитие, компетенции, цифровая грамотность, большие данные, институциональные изменения

This article examines the transformational processes in the professional development system of civil servants, driven by the challenges of digitalization. It emphasizes that traditional training models are giving way to flexible, continuous, and practice-integrated formats. The article aims to characterize the key factors driving changes in civil servant competency requirements and to highlight a new conceptual model for their professional development in the modern digital reality. Based on an analysis of literary sources and best practices, systemic problems are identified, and solutions are proposed through a synthesis of institutional and competency-based approaches.

Key words: digitalization, civil service, professional development, competencies, digital literacy, big data, institutional change

Современные условия становления и развития профессионала характеризуются высокой динамикой всех сфер общественной, политической, экономической жизни; глобальными технологическими изменениями; неопределенностью и насыщенностью информационной среды. Усиление конкурентных условий на рынке труда предполагает постоянное повышение профессиональных стандартов и личной эффективности людей. Для человека такие вызовы могут быть достаточно стрессогенными, поскольку повышают его ответственность за поддержание своих компетенций на соответствующем уровне.

Одновременно с этим открываются новые возможности для реализации индивидуального потенциала личности при условии повышения ее гибкости, адаптивности, способности быстро реагировать на изменения, эмоциональной устойчивости и других социально важных профессиональных качеств. Соответствовать современным требованиям – это достаточно большой труд для человека, он требует

инвестиций в саморазвитие и непрерывное обучение новым навыкам, которые довольно быстро устаревают.

Понятие профессионализма многогранно, в психологии труда существуют различные подходы к описанию и объяснению его природы. Профессионализм исследуют: как систему профессиональных норм, социального статуса; как развитие личности, включая ее профессиональный рост, становление, обретение необходимых компетенций; как социальные роли, определяющие профессиональное поведение и др. [2]. Однако проблема профессионализма государственных гражданских служащих в условиях цифровизации часто рассматривается фрагментарно: одни авторы фокусируются на технических аспектах, другие – на управленческих и организационных вопросах, третьи – на методах обучения персонала. Научных работ, предлагающих комплексный, системный взгляд, объединяющий трансформацию институтов государственной службы с индивидуальным развитием личности служащего, пока еще недостаточно. Нам представляется актуальным проанализировать возможность разработки концептуальной модели профессионального развития личностных компетенций государственного гражданского служащего, адекватную вызовам цифровой трансформации.

Одним из наиболее разработанных современных подходов к исследованию профессионализма является компетентностный подход. Он фокусируется на определении и развитии набора знаний, умений, навыков и личностных качеств, необходимых для достижения профессиональных результатов. Структурированное описание компетенций, индикаторов поведения человека на рабочем месте дает возможность их измерять, оценивать и развивать. Теория моделей компетенций получила значительное распространение в практике управления человеческими ресурсами. Книга Л. М. Спенсер и С. М. Спенсер «Компетенции на работе», переведенная на русский язык, стала широко используемым источником информации в сфере управления персоналом [6].

Однако концепции и теории, касающиеся профессиональной деятельности, довольно быстро устаревают, как и сами компетенции. В быстро меняющемся мире некоторые модели, предложенные авторами, выглядят недостаточно адаптированными к современным вызовам и требованиям. В них слабо учитывается специфика профессиональной деятельности государственных гражданских служащих в условиях цифровой трансформации. Повышенные требования к профессионалам в сфере государственного управления касаются не только информационной грамотности в использовании цифровых технологий, но и фундаментального изменения мышления, ценностей и профессиональных моделей поведения. Существующие системы обучения и развития компетенций госслужащих зачастую отстают от скорости технологических изменений, что создает разрыв между ожиданиями граждан и реальными возможностями государства по удовлетворению потребностей общества.

Цифровая трансформация общества не только расширяет инструментарий профессионала, но и меняет саму суть работы. Например, она смещает акценты с административной и исполнительской видов деятельности на аналитическую: рутинные функции быстро автоматизируются, а основной продукт государственного служащего рождается в интеллектуальном и творческом пространстве, в проектной и коммуникационной деятельности. Так, работа в сфере электронного правительства включает большую долю аналитической составляющей. Государственные гражданские служащие все чаще должны принимать решения на основе анализа данных, и это новый качественный уровень управленческой деятельности. Интуиция и опыт – полезные качества, но их сочетание с объективной информацией делают подход к принятию решений более основательным, позволяющим строить прогностические модели для оценки рисков и возможностей на долгосрочную перспективу [5].

Таким образом, для разработки нового подхода к профессиональному развитию личности государственных гражданских служащих требуется переход от узконаправленных знаний к гибкому набору цифровых и социальных компетенций. Мы придерживались принципа «необходимости и достаточности», чтобы, с одной стороны, не упустить профессионально важные качества, с другой, – модель не должна быть перегруженной, иначе это затруднит ее использование. Новая компетентностная модель может включать три уровня:

- 1) цифровые компетенции;
- 2) меткомпетенции (надпрофессиональные компетенции);
- 3) ценностно-мотивационные компетенции.

Цифровые компетенции. В структуре цифровых компетенций можно выделить несколько составляющих (блоков), каждый из которых включает как технические навыки, так и личностные качества.

Во-первых, это *грамотность в работе с данными*, но не столько знание цифровых платформ, сколько системное видение, касающееся комплексного представления о методологии получения данных: об источниках информации, методах сбора данных в общую базу, их верификации, а также умение анализировать, описывать и объяснять полученные результаты. Часто возникает необходимость в визуализации данных, чтобы провести презентацию в доступном формате, объяснить структуру, динамику полученных данных, спрогнозировать возможные изменения и т.п. Для владения этими навыками необходимо знать методологию сбора и обработки информации, иметь развитое критическое мышление, которое позволяет понимать вероятностный характер любого исследования, ограниченность самого исследователя, его возможную предвзятость в интерпретации данных. Грамотность в работе с информацией во многом основывается на личностной зрелости профессионала.

Во-вторых, это *цифровая гигиена*: не только знание основ информационной безопасности и защиты персональных данных (это – база), но и владение навыками безопасного использования цифровых сервисов, бдительность по отношению к непроверенным источникам информации, осторожность в использовании социальных сетей, осмотрительность при передаче данных в онлайн-режиме и контроль за цифровым следом, оставляемым в Интернет-пространстве.

В-третьих, это *проектное мышление* как системный целенаправленный и планомерный подход к решению профессиональных задач. Проектное мышление включает грамотное целеполагание, умение осуществлять поэтапное планирование деятельности, генерировать идеи, работать в системе многозадачности, быть гибким и адаптивным в непредвидимых ситуациях, выстраивать эффективное взаимодействие с другими участниками проекта, а также доводить его до завершения, получая нужные результаты.

Метакомпетенции. В зарубежной литературе их часто называют *универсальными* или *гибкими навыками* [3]. Это компетенции вне времени и вне специфики деятельности, которые определяют эффективность взаимодействия с другими людьми. И, прежде всего, к ним относятся:

- 1) коммуникативная компетентность человека как совокупность умений слушать, говорить (речевые навыки), публично выступать, аргументировать и выбирать наиболее подходящие способы коммуникации в сложившейся ситуации;
- 2) эмоциональный интеллект как способность идентифицировать эмоции людей (в том числе свои собственные), понимать их, управлять ими в процессе коммуникации, а также обладать саморегуляцией в стрессовых ситуациях [4].

Для государственных служащих – это ключевые навыки, которые позволяют эффективно взаимодействовать с гражданами, справляться с конфликтными ситуациями,

быстро возвращаться в устойчивое психологическое состояние и принимать обоснованные решения.

Во-вторых, к метакомпетенциям можно отнести *готовность к обучению и обучаемость*. Готовность к обучению нами рассматривается как позитивная установка на получение новых навыков, на расширение своих компетенций, открытость новому опыту и ответственность за собственное развитие. Обучаемость – это способность к быстрому усвоению новых знаний и навыков, связанная с динамикой психических познавательных процессов.

В-третьих, для государственного служащего важной метакомпетенцией будет *ориентация на нужды граждан*. Основу этой компетенции составляет понимание интересов граждан, эмпатия по отношению к людям, желание решить актуальную для человека проблему качественно, быстро и надежно. Во многом, это смена парадигмы мышления: от бюрократического подхода к сервисному – осуществлению государственных услуг. Она отвечает истинному пониманию миссии «служения» как высшего уровня проявления профессионализма служащего. Такая установка позволяет сформировать правильную направленность личности государственного служащего на принесение пользы обществу, сохраняет его профессиональную мотивацию, снижает уровень эмоционального выгорания и помогает принимать верные решения.

К метакомпетенции современного государственного служащего можно также отнести *стратегическое мышление* как способность видеть ситуацию целостно и понимать причинно-следственные связи между элементами системы, прогнозировать, как будет развиваться ситуация, если в настоящий момент принять то или иное решение.

Ценностно-мотивационные компетенции. Ценностно-мотивационная сфера государственного служащего должна характеризоваться *интересом к содержанию задач*, их сложности, проблемному характеру, что является важным показателем профессиональной ориентации и сформированной профессиональной самоидентичности.

Кроме того, государственный служащий должен иметь *выраженную ориентацию на публичную деятельность*, разделять социально-политические ценности, обеспечивающие безопасность страны и ее национальные интересы, иметь зрелую гражданскую позицию, осознавать ценность служения обществу, соблюдать этику поведения.

Описание компетенций как параметров поведения, которые можно оценить простым наблюдением (экспертная оценка), является наиболее эффективным подходом для прогноза успешности человека, готовности к выполнению конкретных профессиональных задач. С помощью описания компетенций легко синхронизировать разные направления кадровой работы: отбор, оценку, назначение на должность, мотивацию и развитие персонала.

Однако в настоящее время существует ряд барьеров для применения современных технологий в оценке и развитии личностных компетенций государственных служащих. Эти барьеры, в основном, связаны с ригидностью системы государственной службы, в которой пока еще преобладают традиционные и консервативные методы оценки соответствия госслужащих требованиям должности. Такие методы не поощряют инновационное поведение, гибкость в отношении применения цифровых технологий, открытость новому опыту.

Еще М. Вебер разработал теорию рациональной бюрократии с ее иерархическими структурами, правилами, процедурами, обезличенностью по отношению к сотрудникам, которые становятся серьезными институциональными барьерами в ситуациях перемен. Современные исследователи проблем управления в эпоху цифровизации акцентируют внимание на слишком жестких системах контроля и регулирования государственных структур при использовании платформенных технологий и социальных сетей, в результате

чего государственные органы не успевают своевременно внедрять изменения в организационные процессы.

Еще один барьер создает сопротивление самого персонала. Психологический феномен сопротивления, описанный рядом авторов в области исследования организационного поведения, рассматривается как нормальная реакция людей на изменения, вызванные неопределенностью. Все новое воспринимается мозгом как потенциальная опасность, и ситуационная тревожность в таких случаях, как правило, возрастает. М. Армстронгом указывал на ряд причин, по которым люди сопротивляются изменениям: страх потери статуса, контроля над ситуацией, неуверенность в своих способностях выполнять в новых условиях должностные обязанности с той же эффективностью, как прежде и другие [1].

Иногда люди остаются за рамками процессов цифровизации из-за нежелания вникать в сложные, с их точки зрения, непонятные технологии, которые побуждают их выйти из зоны комфорта, изменить привычные методы и годами выработанный темп работы. Часть людей не могут принять мысль о том, что цифровизация – это не вопрос будущего, это реальность, происходящая в настоящем. Инерционность людей, отсутствие готовности жить в условиях, когда скорость обработки информации техническими устройствами не соизмерима с динамикой человеческих психических процессов, – это серьезные барьеры на пути внедрения технологических изменений.

Сопротивление может быть вызвано также страхом вероятного снижения востребованности ряда профессий на рынке труда, что может угрожать сокращением рабочих мест, особенно в тех областях, где более эффективными оказываются современные поисковые системы. В жестких организационных структурах к описанным психологическим проблемам добавляется еще и страх допустить ошибку, отсутствие навыков преодоления неудач. Причина не в боязни новых навыков, а в страхе оказаться неспособными их освоить и, в результате этого, потерять достигнутый уровень компетентности и авторитета.

Успех профессионального развития в условиях цифровизации возможен только при синхронном изменении двух групп факторов: личностных компетенций государственных гражданских служащих и институциональной среды. В государственных органах необходимо создавать соответствующую информационную культуру открытости, направленную на восприятие нового как пространства для осуществления прорывов, актуальных современным вызовам.

Цифровая трансформация требует системного подхода к профессиональному развитию государственных служащих на основе внедрения гибких организационных структур, поощряющих инновационное поведение, учитывающих ограничения традиционных систем оценки и обучения персонала. Аналитическая и цифровая зрелость государственных органов проявляется в их способности адаптировать применяемые методики под новые вызовы и учитывать психологические реакции сопротивления людей, являющиеся нормой в условиях информационной неопределенности при внедрении изменений. Результаты появятся только в том случае, если наряду с расширением личностных компетенций государственных служащих будет меняться и организационная среда, а корпоративная культура будет становиться более лояльной к экспериментам, терпимой по отношению к ошибкам и тревогам людей.

Библиографические ссылки

1. Армстронг, М. Практика управления человеческими ресурсами / М. Армстронг / пер. с англ. С.К. Мордовина. – СПб. : Питер. – 848 с.

2. Дружилов, С.А. Психология профессионализма. Инженерно-психологический подход / С.А. Дружилов. – Харьков : Изд-во «Гуманитарный Центр», 2017. – 360 с.
3. Гибкие навыки: компетенции новых ФГОС. Материалы вебинаров, бесед и исследований Юрайт-академии. Выпуск 7. Зимняя школа преподавателя 2023 / Д. М. Антипина [и др.] ; сост. Д. М. Антипина, Э. Т. Кокая, А. А. Сафонов, А. О. Стрельникова ; под общ. ред. Н. В. Рыбкиной. М. : Изд-во Юрайт, 2023. – 157 с.
4. Карузо, Д. Эмоциональный интеллект руководителя: как развивать и применять / Д. Карузо, П. Сэловей. – СПб. : Питер, 2017. – 320 с.
5. Миллнер, Д. HR-аналитика. Практическое руководство по работе с персоналом на основе больших данных / Д. Миллнер, Х. Надин. – М. : ООО «Альпина Паблишер, 2022. – 377 с.
6. Спенсер, Л. М. Компетенции на работе. Модели максимальной эффективности / Л. М. Спенсер, С. М. Спенсер. – М. : Изд-во Гиппо, 2010. – 384 с.

© Пыжова Н.Н., 2025

РОЛЬ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО ФАКТОРА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ ЮРИСТА

В. В. Сафронов

Заведующий кафедрой правоведения,
СибГУ им. М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: pravo-sibsau@mail.ru

В статье рассматривается аспект влияния поведенческих элементов на становление личности юриста. Исследуется система поведенческого фактора в процессе формирования профессионального правосознания юриста.

Ключевые слова: поведение, личность юриста, профессиональное правосознание.

The article examines the aspect of the influence of behavioral elements on the formation of a lawyer's personality. The system of the behavioral factor in the process of forming a lawyer's professional legal consciousness is investigated.

Key words: behavior, personality of a lawyer, professional legal awareness.

Поведенческий компонент выступает одним из трех, наряду с идеологией и психологией, базовых компонентов правового сознания личности. Поведение человека формируется под влиянием комплекса взаимосвязанных факторов, которые включают биологические, психологические и социальные аспекты. Личность не является статичной и неизменной, её развитие происходит в результате сложного взаимодействия этих факторов. Правосознание субъектов проявляет свое реальное содержание в их поведении [11]. К числу поведенческого фактора в структуре правосознания личности целесообразно выделять следующие элементы: правовые установки; ценностные ориентации субъектов; готовность к деятельности в сфере правового регулирования; цели; мотивы; привычки; убеждения; правовую активность.

Поведенческий компонент правосознания, его структура, субъективный и объективный факторы изучаются многими науками о человеке, его мышлении и поведении (А.Н. Арлычев, Д. Бэкхерст, В.Я. Вильчинский, А.Н. Леонтьев, Б.А. Парыгин, Г.В. Суходольский). Результат, полученный данными учеными-исследователями необходимо использовать в качестве исходного при изучении правосознания гражданина, в том числе в его соотношении с различными уровнями и структурными элементами правосознания.

Деятельность всегда индивидуальна. Поэтому поведенческие, практические компоненты обнаруживаются в основном в индивидуальном правосознании, соотносящим удовлетворение потребности индивида в конкретной жизненной ситуации с требованиями норм права и реальной деятельностью. «У человека все побудительные силы, вызывающие его действия, неизбежно должны пройти через его голову, должны превратиться в побуждения его воли» [29]. Точно так же усвоение индивидами правовых норм, принципов, содержание субъективных прав и обязанностей, иными словами, формирование у индивида правового сознания является неременным условием деятельности в сфере правового регулирования (правомерной деятельности). В основе взаимодействия и взаимосвязи идеологических и психологических элементов правового

сознания лежит отражение этими структурными элементами единого комплекса объективных процессов и явлений общественного развития [9].

«Едва ли будет правильным выделять лишь моральные качества личности как его социально обусловленную направленность, а опыт, психические особенности, свойства личности выводить за пределы социальной обусловленности» [1].

Думается, что не всегда можно раскрыть внутреннюю структуру личности через его социальную деятельность, функции (роли). Внутренняя структура личности интегрирована в его сознании. Однако известно, что одинаковая по степени активности форма деятельности может определяться различными мотивами, установками, различной направленностью.

«Деятельность, поведение человека далеко не всегда является зеркальным отражением его сознания» [23].

Точно так же нередко наблюдается и обратная картина. Часто не проявляется соответствие между взглядами, намерениями людей и их реальным поведением. Поэтому всестороннюю характеристику структуры личности можно получить лишь с учётом неразрывной связи всех элементов сознания, поведения, деятельности. При рассмотрении вопроса о регулирующей роли правосознания гражданина нужно постоянно иметь в виду неотделимость правосознания от социальной правовой деятельности, а также его неразрывное единство с другими формами сознания индивида. Правосознание личности возникает и развивается на основе различных структурных элементов личности и элементов отражения объективной действительности – интересов, мотивов и психических свойств гражданина, т.е. особенностей характера; его идеологических свойств – установок, направленности; наконец, биологически обусловленные особенности также оказывают определённое воздействие на качество правосознания гражданина, в частности на его социально-психологические свойства [12].

Л.И. Петражицкий писал, что действие права состоит в возбуждении или подавлении мотивов к разным действиям и воздержаниям (мотивационная или импульсивное действие права) [21].

Развиваясь на основе определённой структуры личности, правосознание личности, в процессе познания правовой деятельности, оказывает влияние на формирование интересов, мотивов, целей, на развитие и изменение установок и ценностно-нормативной ориентации. Поэтому при анализе правосознания личности следует учитывать влияние на его формирование не только социальной среды, больших и малых социальных групп, в которых протекает жизнедеятельность гражданина, но и тесное взаимодействие правосознания с иными формами сознания, с практической деятельностью, со всеми элементами структуры личности. А.М. Яковлев правильно подчёркивает, что для установления закономерностей поведения, структуры правосознания человека необходимо исследовать его общения и контакты с окружающими людьми в рамках социальных групп и общностей и связанную с этим взаимодействием совокупность социально-психологических явлений, которые связывают индивида с окружающей средой [30].

Посредством поведенческих элементов правосознания личности (мотивы, цели, привычки и т.д.) выражается субъективное отношение к соблюдению правовых предписаний, основанное на убеждении в необходимости, правильности, целесообразности норм права, личной заинтересованности в их соблюдении. Это наиболее яркий отличительный показатель зрелого правосознания личности, по которому отличается правосознание юриста [3].

Высказывание «Личностью не рождаются, личностью становятся» принадлежит А.Н. Леонтьеву – советскому психологу, основоположнику теории деятельности. Теория деятельности Леонтьева представляет собой комплексное понимание того, как человек взаимодействует с миром. В центре этой теории лежит понятие «деятельности», которое

включает в себя не только физические действия, но и когнитивные процессы. Личность – это психологическое образование особого типа, которое приобретает индивидом в процессе социального развития (онтогенеза). От рождения человек является просто индивидом, у него ещё нет характера, он не умеет мыслить, и только со временем в процессе социализации у него появляются представления, формируется мировоззрение, а также личностные качества характера.

А.Н. Леонтьев выделяет четыре элемента в теории деятельности.

Во-первых, мотивы и цели. Леонтьев выделял два уровня мотивации - первичный (основной) и вторичный (производный). Первичные мотивы связаны с удовлетворением базовых потребностей, тогда как вторичные мотивы формируются в процессе социализации и обучения.

Во-вторых, структура деятельности. Деятельность включает в себя три элемента: субъект (индивид), объект (то, на что направлена деятельность) и средства (инструменты и методы). Эти элементы взаимодействуют друг с другом, создавая динамическую систему.

В-третьих, исторический аспект. Леонтьев подчеркивал важность исторического контекста для понимания деятельности. Он утверждал, что каждый этап развития общества влияет на формы и содержание человеческой деятельности.

В-четвертых, когнитивные процессы. Важным аспектом теории является то, что когнитивные процессы (восприятие, внимание, память) не существуют отдельно от деятельности, а формируются в процессе выполнения различных задач [17].

Итак, рассмотрим основные компоненты поведенческого фактора в профессиональном становлении личности юриста.

Первый компонент - правовая установка. Понятие установки раскрывает характер связи между личностью и различными видами ее деятельности, указывает на «предрасположение» личности ориентировать свою деятельность в каком-то определенном направлении. Причем социальная установка обеспечивает единое восприятие объектов установки, единое к нему отношение и готовность к единому поведению. Особенностью такого вида установок является их ярко выраженный осознанный характер [19]. Специфика правосознания личности заключается в том, что от личности требуется наличие осознанных установок, которые лишь в том случае могут выступать адекватными внутренними факторами, когда в их основе лежат правовые знания, положительные правовые чувства, умения, навыки. В своей совокупности они образуют готовность к правореализующей деятельности.

Правореализующие способности по своему строению есть единство элементарных и сложных частных правовых способностей. Компонентами первых являются личностные качества человека, соотносимые с их предметной правореализующей деятельностью. К ним относятся интеллектуальные, характерологические, психофизиологические: самостоятельность, наблюдательность, настойчивость, самоорганизованность, выдержанность, психическая выносливость и прочее. Являясь психологическими личностными качествами, элементарные способности приобретают характер частных при формировании готовности к правореализующей деятельности и в сочетании со сложными способностями обеспечивают предметную правореализующую деятельность, стимулируют ее активность. Правовая практикология тесно связана с волевым аспектом правосознания и отражает его деятельную сторону. Правовая практикология есть совокупность представлений о том, каковы пути и средства воздействия на правовую ситуацию в обществе, и о том, как себя нужно вести в той или иной правовой ситуации [4]. В психической структуре готовности к правовому действию можно выделить на разных уровнях регуляции поведения неосознаваемые установки относительно простейших правовых ситуаций и сложные правовые установки, регулирующие правовые действия на основе ценностных ориентаций личности и определенной правовой идеологии. Поэтому

правовая установка может проявляться, как в нежелании субъекта отстаивать свои законные права, так и в сознательном нарушении установленных правовых запретов (правовая установка Раскольникова в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»). Однако сами по себе ценностные отношения как интеллектуально-эмоциональные образования без наличия сил, играющих роль пусковых и движущих механизмов деятельности, еще не обладают способностью практической реализации. Такую роль выполняет волевой компонент, формирующий готовность действовать в определенном направлении. Включение этого компонента приводит к новым, теперь уже интеллектуально-эмоционально-волевым образованиям, социальным установкам.

Второй компонент - ценностные ориентации. Это устойчивая система установок, определенным образом ориентированная на социальные ценности и направляющая поведение людей по отношению к этим ценностям в условиях их сложного взаимодействия. Доминирующие установки образуют направленность личности, определяют ее жизненную позицию и характеризуют содержательную сторону ценностных ориентаций [8]. Правовая ориентация есть интегрированная совокупность правовых установок индивида или общности, непосредственно формирующая внутренний план, программу деятельности в юридически значимых ситуациях. Таким образом, регулятивная функция правосознания осуществляется посредством правовых установок и ориентации, синтезирующих и стабилизирующих все иные источники правовой активности. Формирование убежденности в необходимости соблюдения закона на основе правовых знаний и положительного отношения к нему является основным способом формирования правомерного поведения. Говоря о правосознании личности, нельзя не отметить, что оно формируется под влиянием объективных факторов, в результате воздействия политических, социально-экономических, культурно-исторических предпосылок. Но это не означает, что на процесс формирования правосознания личности невозможно оказывать целенаправленное воздействие. Наоборот, в современных условиях оно просто нуждается в совершенствовании, привитии положительного восприятия правовых норм.

Третий компонент – правовые убеждения и привычки в сфере правового регулирования. Они рассматриваются как результат познавательной-эмоциональной активности гражданина в сфере правового регулирования. О высокоразвитом правосознании свидетельствует лишь наличие убежденности в справедливости закона, внутренней потребности неукоснительно следовать его велениям. Уровень правового сознания человека определяется наличием именно этих свойств и качеств его личности, а не только пониманием целей и назначения права, требований конкретных норм.

Правовые убеждения – это внутренне воспринятые и усвоенные правовые воззрения, порождающие готовность к действию. По мнению некоторых исследователей, убеждение не может существовать без того, чтобы не проявляться в активной деятельности. Поэтому правовые убеждения в целесообразности и справедливости правовых предписаний, идея соблюдения правопорядка как ценности служат одним из главных источников правовой активности личности [13]. Правовые убеждения определяют общую направленность практической деятельности личности в сфере правового регулирования. Поэтому они являются одним из главных источников правовой активности [18]. Известно, что направленность поведенческих актов определяется внутренними социально-психологическими факторами. Выявление характера оценочной деятельности позволяет во многом предсказать возможное поведение. Однако при этом важно и другое, а именно: определение выработанных у личности критериев для оценки конкретной ситуации. Высшим социально-психологическим основанием оценок выступают убеждения. Исследуя место и значение убеждений в структуре правосознания гражданина, а также анализируя отдельные их стороны, мы выдвигаем тезис о том, что убеждения выступают в качестве

важнейшей духовной детерминанты в социальной ориентации и поведении. Для того чтобы переориентировать сознание, нужно стимулировать активность мышления. Многие знания, получив распространение, тем не менее, не переходят в убеждение. Убеждением они становятся в результате переосмысления, перерастания в продукт мыслительной деятельности личности. Таким образом, глубокие убеждения формируются в результате развития мышления. Правовое мышление личности должно быть связано с его социально-ролевой, практической, профессиональной деятельностью. В процессе обучения можно заложить его основы. Правовое мышление личности должно быть направлено, прежде всего, на выявление потенциала сознательно-активного правомерного поведения, выработку у человека умения использовать возможности права в своей жизни, практической деятельности и целенаправленно их применять. С содержательной стороны правовое мышление личности должно базироваться на идеалах правового государства, а также принципах гуманизма и социальной справедливости.

Правовая привычка – устойчивая внутренняя потребность личности в постоянном соблюдении и исполнении правовых требований и возможностей. В них откладывается и «прессуется» фактическое знание гражданином права. Степень развитости и распространенности правовых привычек в обществе – зримый и весомый показатель его правовой культуры.

Четвертый компонент – цели и мотивы. «Цель – идеальное, мысленное предвосхищение результата деятельности» [25]. В качестве непосредственного мотива в сфере правосознания цель направляет и регулирует человеческую деятельность. «Цель деятельности неизбежно появляется тогда, когда потребность порождает интерес» [6]. Цель как поведенческий компонент правосознания является мысленной моделью будущего результата деятельности. Например, целью участия гражданина в работе правоохранительных органов в качестве сотрудника полиции может быть борьба с преступностью, охрана правопорядка.

«Между потребностями, интересами и целями находится следующее звено – мотивы человеческой деятельности» [15]. Мотив (от лат. *motus* – движение; англ. *motive*; фр. *motif*) – в широком смысле побудительная причина, повод к какому-либо действию, довод в пользу чего-либо; в психологии потребность, инстинкт, влечение. В криминологии мотив рассматривается как внутреннее состояние личности, определяемое ее потребностями и являющееся побуждением к активным действиям по достижению преступной цели» [27]. «В юриспруденции понятие “мотив” использовалось прежде всего для характеристики правонарушения. Дальнейшее развитие юридической науки показало, что важно исследовать не только мотивы, свидетельствующие о психологической направленности личности на негативную деятельность, но и мотивы, информирующие о направленности на правомерную и активную правомерную деятельность» [28]. В сфере правосознания личности мотив – это внутренние побуждения гражданина, которые вызывают в нем готовность к совершению деятельности. Мотивы могут быть позитивными (патриотические побуждения, единство общественной и личной заинтересованности, высокая правовая активность) и негативными (корысть, ревность, низменные побуждения).

Положительное поведение человека не всегда обусловлено позитивным мотивом – предварительным осмыслением, осознанием конкретных юридических предписаний, порядка их осуществления и т.д., а является иногда лишь следствием поверхностных сведений о них, полученных путем ознакомления с правоприменительной практикой или из разговоров родителей, соседей и т.п. [16] «Мотивы правомерного поведения охватывают огромный диапазон взглядов, чувств, начиная от сознания общественного долга, преданности Родине и кончая привычкой к повиновению велениям власти, страхом перед наказанием и т.д.» [26].

Пятый компонент – правовая активность личности. Конституция РФ, принятая на референдуме 12 декабря 1993 года, знаменует собой высокую ступень в дальнейшем развитии правового статуса личности. В ней значительно углублены и расширены конституционные положения о социально-экономических, политических и личных правах и свободах граждан, упрочнены гарантии этих прав и свобод. Тем самым созданы реальные возможности для повышения роли гражданина, его активности в укреплении и преобразовании всех сфер общественной жизни.

Существует позиция некоторых ученых-правоведов (Ю.Ф. Бухаталов, В.А. Сапун, Е.А. Якуба), которые считают, что степень зрелости правосознания личности, состояние его основных компонентов выражается в правовой активности субъектов [5].

Правовая активность личности – это обусловленное правовой возможностью (способностью) субъективное отношение и внутренняя психологическая готовность к деятельности в сфере права, проявляющаяся в самостоятельном, интенсивном, направленном на достижение юридического результата, выражающего единство общественных и личных интересов, и усиленном инициативой, творчеством, систематичном правомерном поведении субъектов.

Далее рассмотрим роль поведенческого фактора в становлении профессионального сознания юриста.

Правосознание – это совокупность идей, теорий, чувств, эмоций, взглядов, настроений в которых выражается отношение человека к праву действовавшему, действующему и желаемому.

Юрист – это лицо, носитель юридического образования, которое реализует свои знания в разных отраслях права (гражданского, трудового, семейного, административного, таможенного, налогового, финансового, конституционного, уголовного, земельного и пр.).

Профессиональное сознание юриста – разновидность правового сознания, представляющее отношение юриста к праву, ориентирующее субъекта в социально-правовой ситуации, позволяющее ему осуществлять выбор и принимать юридически значимые решения, выступает своеобразным «внутренним» механизмом регулирования деятельности юриста.

Юрист, как лицо, обладающее знаниями законов и подзаконных нормативно-правовых актов, с учетом поведенческого фактора в профессиональном сознании, применяет полученные компетенции на практике для защиты прав и законных интересов физических лиц, организаций и государства [7].

Особый, специально-юридический характер поведенческого фактора в профессиональном сознании юриста определяется следующими основными чертами:

Во-первых, правовое сознание юриста проявляется в правовом опосредовании действий и поступков субъектов. Предпосылкой проявления правового поведения служат юридические факты. С достижением определенных целей в процессе правового поведения непосредственно связано решение субъекта о выборе той или иной нормы права либо комплекса норм, пригодных для решения конкретных задач, содержащих соответствующий набор правовых средств регулятивного и охранительного характера [3].

Во-вторых, правовое поведение юриста выражается в осознании необходимости выбора и использования правовых средств, психологической готовности к использованию юридических механизмов, правовых способностях, умениях и навыках оптимального использования правовых средств, т.е. в определенном уровне развития поведенческих элементов правосознания юриста [19].

В-третьих, правовое поведение юриста предполагает свободу выбора правовых средств для достижения практических результатов, что означает самостоятельное включение их в структуру действий и поступков субъекта. Правовое поведение предполагает особый характер отношений, содержанием которых является как оценка

требований, содержащихся в правовых предписаниях, так и оценка деятельности по их использованию. Положительная оценка правовых средств и признание необходимости их использования не всегда свидетельствует о правовой активности юриста. Отношение к правовым предписаниям может проявляться двояким образом. Во-первых, декларативное признание правовых требований и возможностей. Во-вторых, осознание потребности использования правовых средств в юридически значимых ситуациях – это наиболее активное отношение к правовым явлениям, прежде всего, к субъективным правам и юридическим обязанностям [14].

В-четвертых, правовое поведение юриста выражается в его правовой активности, которая представляет единство двух сторон – объективной и субъективной. В юридической литературе высказано мнение, что правовая активность юриста включает не только деятельность по осуществлению правовых требований, но и поведение не соответствующее правовым предписаниям, т.е. противоправное поведение [14]. Думается, что подобный взгляд на правовую активность юриста, по существу, не приемлем. Правовая активность юриста определяется ее социальной направленностью на пользу как себе, так и обществу и выражается в претворении в жизнь правовых предписаний. Активность правонарушителя – это негативная активность, которая в противоположность правовой активности может именоваться как «правовая реактивность» [28]. Но любое ли правомерное поведение является объективной стороной правовой активности юриста? Ответить на этот вопрос следует отрицательно. Во-первых, особенностью объективной стороны правовой активности юриста служит его потенциально – инициативная, внутренне осознанная деятельность по реализации права, а не любое правомерное поведение в сфере правового регулирования, определяемое некоторыми авторами как правовая активность юриста. Во-вторых, правовую активность юриста следует рассматривать, как специфическую правомерную деятельность субъектов по реализации прав и обязанностей, критерии возможности и предметная направленность которой связана с функционированием механизма правового регулирования [2]. С этой стороны правовая активность юриста отличается от иных видов социальной активности: производственной, общественно-политической, нравственной и др. В связи с чем следует критически относиться к чрезмерно широкой трактовке правовой активности юриста как любой инициативной деятельности, связанной с правовым регулированием, иначе такое понимание правовой активности юриста не будет выявлять ее специфики и приведет к отождествлению с общественно-политической, нравственной и некоторыми другими видами социальной активности. Так, к правовой активности можно причислить участие юриста в различных видах деятельности (правотворческой, правоприменительной, правоохранительной и т.д.), в сферах государственной деятельности и местного самоуправления, в непосредственной реализации права. При этом презумируется активность в осуществлении не только прав, но и обязанностей, хотя следует отметить, что активность в реализации прав (личных, политических, социально-экономических, духовных) преобладает над исполнением обязанностей. Это, например, заключение гражданско-правового договора, участие в обсуждении законопроектов, оказание помощи компетентным государственным органам в охране общественного порядка и осуществлении правоприменительной деятельности (работа общественным помощником следователя, в опорных пунктах милиции, внештатными сотрудниками уголовного розыска). Также правовая активность юриста может проявляться в актах правомерного поведения и представляет собой инициативную деятельность по реализации правовых предписаний [24].

Уровень правовой активности юриста при исполнении юридической обязанности зависит от степени осознания юристом общественных и личных интересов, его правовых способностей. Несовместимы с правовой активностью юриста, в частности,

узкорыстные, эгоистические мотивы исполнения юридических обязанностей, либо их исполнение из боязни неблагоприятных последствий, применения мер государственного принуждения [22].

Таким образом, поведенческие компоненты правосознания юриста являются необходимыми субъективными звеньями процесса формирования субъективных прав и юридических обязанностей, служат как бы посредниками между нормой права и поведением субъектов в стадии ее действия [10]. Определяющим в этом процессе является готовность к деятельности по реализации субъективных прав и юридических обязанностей. Готовность складывается из следующих психологических действий в юридически значимых ситуациях, обусловленных состоянием рационально-эмоциональных компонентов правосознания юриста:

1) осознание своих потребностей в использовании субъективного права, а также требований отдельных лиц, общества, государства в соблюдении и исполнении юридических обязанностей;

2) осознание целей, достижение которых приведет к удовлетворению своих потребностей и требований других лиц;

3) осмысление и оценка условий, в которых будут протекать предстоящие действия, актуализация опыта, связанного с реализацией прав и обязанностей в прошлом [20].

В итоге юристы обеспечивают определенный вид деятельности в сфере правового регулирования, осознают свои права и обязанности и подготавливаются к их реализации.

Но одно лишь знание норм права, правовых принципов и идей не гарантируют их претворение в жизнь. Важна также эмоциональная позиция субъектов по отношению к праву, их готовность к правомерному поведению. Психологическая готовность субъектов к правовой активности определяется с субъективной стороны личностными возможностями и правовыми способностями к такому виду деятельности. Последние определяют успешный выбор и использование правовых средств в процессе правовой активности. Готовность, как поведенческий компонент правосознания юриста по степени ее устойчивости и целенаправленности, наиболее ярко выражен в правовой деятельности. Структура правовых способностей юриста включает следующие компоненты:

1) знание и усвоение содержания используемых правовых явлений;

2) осознанное отношение к правовым средствам как лично значимым;

3) умение и навыки практического использования правовых средств в соответствии с их целевым назначением;

4) наличие у субъекта целевых установок, фиксирующих готовность действовать определенным образом в соответствии с правовыми возможностями и требованиями.

Итак, можно выделить следующие показатели профессионального становления личности юриста: профессиональное знание правовых, политических, нравственных норм и принципов; профессиональное отношение к нормам права и практике их применения (солидарность с ними, убеждение в справедливости, необходимости); профессиональное умение, приемы и навыки (применительно к методике, тактике и технике); привычка соблюдать закон; профессиональный этикет; научная организация труда.

Библиографические ссылки

1. Анищенко, А. И. Общественное сознание и его структура. – М., 1973. – С. 260.
2. Артемьева, Т.И. Развитие личности и ее способностей. – М., 1982. – С.169-172.
3. Бабаев, В.К., Баранов В.М., Гойман В.И. Логико-гносеологический и онтологический аспекты социалистического правосознания и правовой активности //

Обеспечение охраны социалистической собственности в современных условиях. – Горький, 1986. – С.184.

4. Бельский, К.Т Социалистическое правосознание: Диалектика формирования и развития. – Ярославль, 1979. – С.12.

5. Бухалов, Ю.Ф., Якуба, Е.А. Общественная активность, ее содержание и критерии // Философские науки. – 1968 – №4 – С.78.

6. Вичев, В. Мораль и социальная психика. – М.: Прогресс, 1978. – С.171.

7. Генезис правосознания гражданина: монография / В.В. Сафронов; Сиб. гос. Аэрокосмич. ун-т. – Красноярск, 2012. – 108 с.

8. Дробницкий, О.Г. Некоторые аспекты проблемы ценностей. – М.: Наука, 1966. – С.27.

9. Ефремова, Г.Х., Ратинов, А.Р. Изучение правосознания и общественного мнения о преступности и деятельности правоохранительных органов: Пособие по методол. и методике исслед. / ВНИИ пробл. Укрепления законности и правопорядка. – М., 1989. – С. 60.

10. Игашев, К.Е. О содержании и структуре психологии социалистического правосознания. – М., 1971. – С.104.

11. Кемеров, В.Е. Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл. – М.: Политиздат, 1977. С.80- 81.

12. Ковалёв, А. Б., Мясичев В. Н. Психические особенности человека. Т. I. (характер), Изд-ва ЛГУ, 1957. – С. 151.

13. Ковалев, А.К. Психология личности. 3-е изд., переработ. и доп. – М., 1970. – С.231.

14. Кожевников, С.Н. Советский образ жизни и правовая активность личности как фактор его совершенствования // Вопросы теории государства и права: личность, право, правовая система. – Саратов, 1988 – С.45.

15. Кон, И.С. Социология личности. – М.: Политиздат, 1967. – С. 26-27.

16. Кудрявцев, В.Н. Право и поведение. - М.: Юрид.лит., 1978. – С.79-80.

17. Леонтьев, А.Н. «Деятельность. Сознание. Личность» М.: Политиздат, 1975, с.126.

18. Моральная философия: Избран. труды / О.Г. Дробницкий; Сост. Р.Г. Апрексян. – М.: Гардарики, 2002. – С.27.

19. Мурашин А.Г. Роль институтов непосредственной демократии в повышении политической и правовой активности // Проблемы правоведения. – Киев, 1988. – Вып.49. – С.10.

20. Парыгин, Б.Д. Социальная психология как наука. – Л., Изд. Ленинградского университета, 1965. –С.18.

21. Петражицкий, Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. – СПб., 1909. – С. 3.

22. Сабо Имре. Основы теории права. Перевод с венгерского. – М.: Прогресс, 1974. – .с.20.

23. Селюков, Ф. Т. Мотивация в правовом регулировании // Советское государство и право. – 1970. – № 11. – С.85.

24. Смирнов, Г.Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. – М., 1971. – С.28.

25. Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет: А.М.Прохоров (пред.). М.: Советская Энциклопедия, 1981. – С.1480.

26. Теория государства и права. (Учебник для юридических ин-тов Н.Г. Александров, И.С. Самощенко, А.В. Мицкевич и др.) Изд. 2, доп. и перераб. – М.: Юрид. лит., 1974. – С.612.

27. Тихомиров, Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. Издание 5-е, дополненное и переработанное / Под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 2002. – С. 508.
28. Шафиров, В.М. Правовая активность граждан в развитом социалистическом обществе. – Красноярск: Изд. КГУ, 1982. – С. 10.
29. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // К.Маркс. Ф.Энгельс. – Т. 21. – С. 310.
30. Яковлев, А.М. Преступность и социальная психология (Социально – психологич. закономерности противоправного поведения). – М., 1971. – С. 50.

© Сафронов В.В., 2025

ВЛИЯНИЕ АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА НА ВЫБОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПУТИ СТАРШЕКЛАСНИКА

Б. А. Серебряков

студент 2 курса,

СибГУ им. М.Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: lebovsky1709@gmail.com

А. М. Портнягина

Старший преподаватель, СибГУ им.

М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

E-mail: anastasy08@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о связи акцентуации характера у старшеклассников с их профессиональным выбором.

Ключевые слова: характер, акцентуация характера, подростковый возраст, особенности подросткового возраста.

The article examines the relationship between character accentuation in high school students and their professional choice.

Key words: character, character accentuation, adolescence, characteristics of adolescence.

Все профессии, существующие в нашем обществе и практике, принято условно подразделять на две крупные, значимые и самостоятельные категории или основные группы. Первая из этих групп объединяет те профессии, в которых ключевую, фундаментальную и определяющую роль играет именно технология, являющаяся основой производства и организации труда. Вторая группа включает в себя профессиональные направления, где главенствующим и значимым фактором выступает человеческий фактор, то есть влияние личностных, психологических и социальных качеств, которое зачастую по своим последствиям оказывается более важным, чем технологический аспект. Современные исторические события и факторы развития общества демонстрируют, что именно данный человеческий фактор зачастую выступает в роли «слабого звена», существенно влияющего на надёжность и устойчивость всей системы профессиональной деятельности и процессов. Для того чтобы осуществить укрепление этого слабого звена, в первую очередь необходимо его выявить, определить, локализовать и понять его природу. Обширный многолетний опыт развития профессиональной диагностики, насчитывающий более столетия постоянных исследований и практических применений, наглядно свидетельствует, что обнаружить и оценить «слабое место» в человеке значительно сложнее и более трудоёмко, чем выявить и исправить дефекты в технической конструкции или механизме. До сегодняшнего дня специалисты в области психологии, занимающиеся профессиональной диагностикой, продолжают использовать модель, разработанную в 1908 году выдающимся американским учёным Фрэнком Парсонсом. Согласно его представлениям, для выбора подходящей профессии достаточно «просчитать» человека с применением специализированных психодиагностических тестов, определить требования и характеристики каждой профессии, а затем сопоставить их с индивидуальными параметрами человека для подбора наиболее соответствующего профессионального направления. В течение длительного времени учёные и практики активно создавали

профессиограммы – подробные и детальные описания профессиональной деятельности, характеризующие требуемые для профессии качества и навыки. Чтобы составить идеальный портрет профессионала, психологи проводили тестирование успешных представителей различных профессий, используя методики, выявляющие ключевые и существенные личностные качества, а профессиональная пригодность оценивалась путём сопоставления полученных данных с «эталонным» образцом. Считалось, что чем меньше различие между «эталоном» и результатами конкретного человека, тем выше вероятность его успешности в выбранной профессии. Однако практика показывает, что многие исследователи отмечают важный феномен: работники, которые формально не соответствуют установленным «эталонам» и стандартам, зачастую при этом успешно и эффективно выполняют свои профессиональные обязанности. Наоборот, некоторые конкуренты, показатели результатов деятельности которых близки к «эталону», тем не менее, не оправдывают ожиданий работодателей и демонстрируют низкую продуктивность и эффективность в своей работе. В области школьной профориентации модель Парсонса традиционно изображают в виде трёх пересекающихся кругов: «хочу», «могу» и «надо». Логическая суть данной модели очень проста, интуитивно понятна и убедительна: оптимальный выбор профессии должен базироваться на сочетании трёх важных аспектов – выбранная профессия должна нравиться человеку, то есть соответствовать его внутренним желаниям и интересам («хочу»), одновременно должна соответствовать его реальным возможностям, способностям и качествам («могу»), а кроме того – быть востребованной и актуальной с точки зрения потребностей общества и рынка труда («надо»). Тем не менее, в реальной жизни подростки часто оказываются в ситуации, когда они стремятся к профессиям, освоение которых им объективно не под силу либо которые не соответствуют современным потребностям и запросам общества. Даже при наличии самой совершенной диагностики профориентации нельзя рассчитывать на эффективную помощь, если при этом не учитывается такое важное обстоятельство, как мировоззрение, мотивы и личностные ценности индивида – то, что принято называть «человеческим фактором». Этот фактор выходит за рамки простых компетенций, знаний и умений и при этом играет решающую роль в достижении профессионального успеха. Кроме того, диагностика чаще всего носит исключительно констатирующий характер – то есть ограничивается установлением фактов без предоставления дальнейшей поддержки и сопровождения личности. Насколько полезен врач, который только ставит диагноз, но при этом не предлагает никакого лечения? Аналогично, диагностика, которая не создаёт условий для стимулирования личностного развития и профессионального роста, теряет свой первоначальный смысл и может даже становиться этически спорной и безнравственной. Нельзя ожидать значимой пользы от профориентационных тестов, которые опираются на упрощённую модель личности и учитывают лишь ограниченный набор характеристик, таких как интересы, темперамент и особенности мышления, без глубокого анализа характерологических особенностей и личного мировоззрения человека. Известный русский психолог Борис Григорьевич Ананьев подчёркивал, что эффективное воспитание и развитие личности невозможно планировать без учёта не только возрастно-половых особенностей, но и высших структур личности – мировоззрения, системы ценностей и жизненных целей, которые определяют направление дальнейшего развития и успеха человека.

Таким образом, современная практика профориентации требует комплексного и всестороннего подхода, который учитывает не только формальные компетенции и способности, но и внутренние мотивации, ценности, смыслообразующие установки, а также социальный контекст, в котором развивается личность и реализуется её профессиональный потенциал. Только такой подход может обеспечить действительно эффективную поддержку подростков в выборе профессии и построении успешной карьеры

[3]. Само понятие «акцентуация» и первая классификация были предложены немецким психиатром Карлом Леонгардом. Акцентуация характера - это высокая степень выраженности отдельных черт характера и их сочетаний, представляющая крайний вариант нормы, граничащий с психопатией [1]. Акцентуации характерны своей временной, чаще всего подростковой природой, после чего они, как правило, ослабевают.

При рассмотрении видовых характеристик акцентуации характера личности следует обратиться к типологии характеров, предложенной отмеченным немецким ученым К.Леонгардом и которая основана на оценке стиля общения индивида с окружающими его людьми. Краткое описание двенадцати типов акцентуаций по К. Леонгарду представляется необходимым отразить следующим образом:

Гипертимный: тип акцентуации, обусловленной хроническим нарушением работы сердечно-сосудистой системы, проявляющееся повышением артериального давления человека (от 5 до 10% всех случаев гипертензий – вторичные, вызванные осложнениями других заболеваний; остальные являются первичными, в виде эссенциальной (существенной) формы гипертензии). Для данного типа акцентуации личности характерны ее активность, общительность, инициативность, конфликтность и раздражительность.

Дистимический тип личности: данный тип акцентуации, как правило, серьезен, добросовестен, справедлив, пассивен, медлителен, пессимистичен.

Циклоидный тип личности: для этого типа акцентуации характерны резкие и циклические перепады настроения: от подавленности до состояния душевного подъема. «При спаде настроения такие люди проявляют повышенную чувствительность к укорам, плохо переносят публичные унижения и проявляют склонность к «забрасыванию дел». Однако в период подъема они инициативны, жизнерадостны и общительны».

Возбудимый тип личности: тип акцентуации, основными психологическими параметрами которого являются добросовестность, заботливость, неторопливость, властность, раздражительность, вспыльчивость, ориентация на инстинкты.

Застревающий тип личности: тип акцентуации с такими признаками как целеустремленность, воля, требовательность, подозрительность, обидчивость, мстительность, ревнивость.

Педантичный тип личности: тип акцентуации, характеризующийся как неконфликтный, аккуратный, добросовестный, надежный, скучный, нерешительный, формалист.

Тревожный тип личности: тип акцентуации, для которого наиболее выраженными признаками являются дружелюбие, исполнительность, самокритичность, боязливость, робость, скромность.

Эмоциональный тип личности: тип акцентуации, отличающийся внешним проявлением таких свойств как доброта, сострадание, справедливость, плаксивость, чрезмерная уязвимость, мягкосердечность.

Демонстративный тип личности: тип акцентуации, наделенный проявлением таких свойств как сознательность, неординарность, харизматичность, уверенность в себе, эгоизм, тщеславие, хвастливость, лицемерие, склонность к обману.

Экзальтированный тип: тип акцентуации, для которой наиболее характерны эмоциональность, альтруизм, непостоянство, изменчивость, склонность к панике и преувеличению [4].

Анализ характера акцентуаций в процессе выбора профессионального пути и карьерного развития на данный момент изучен недостаточно полно и требует комплексных исследований. Современные учёные высказывают предположение, что при правильном контроле и осознанном подходе акцентуации характера не только становятся ориентирами на пути к профессиональному успеху, но даже могут служить значимым ресурсом, способствующим эффективной профессиональной деятельности и развитию

уникальных компетенций. Особое значение придается данному аспекту именно в подростковом возрасте, который принято считать решающим и фундаментальным этапом в жизни личности. Этот период характеризуется активным процессом самоопределения, когда подростки формируют свои профессиональные интересы, ценностные ориентации и достигают успешного социального прогресса в различных сферах жизни и деятельности.

Тип акцентуации характера позволяет психологам и педагогам выявлять контролируемые проблемные зоны в развитии личности, которые могут негативно влиять на выбор профессии или вызывать внутренние конфликты. Знание этого явления дает возможность своевременно предупреждать травмирующие ситуации, возникающие в результате несоответствия между индивидуальными личностными качествами и внешними факторами выбранной профессиональной сферы. Это важно для создания условий, в которых человек сможет реализовать максимальные достижения и избежать профессионального выгорания или разочарования.

Немаловажным и общепризнанным является факт, что именно в подростковом возрасте происходит наиболее активное и интенсивное профессиональное самоопределение, когда формируются фундаментальные представления о будущем труде, карьере и профессиональных целях. Особый вклад в изучение процессов профориентации внес знаменитый советский и российский психолог Е.А. Климов, создавший один из наиболее распространенных в России диагностических инструментов – «Дифференциально-диагностический опросник профориентации». Основной причиной данного опросника является определение предрасположенности человека к определенному типу профессиональной деятельности, причём это делается на основе тщательного индивидуального анализа характера, склонностей и особенностей личности. Это позволяет более точно прогнозировать профессиональные успехи и стабильность в выбранной сфере [2].

В подростковом возрасте акцентуация характера проявляется наиболее ярко и интенсивно, что значительно влияет на процесс профессионального самоопределения личности. В этот период возрастает выраженность отдельных черт характера, иногда достигая крайних вариантов нормы, что обуславливает как индивидуальные особенности поведения, так и уязвимость личности к внешним воздействиям. Поскольку характер в этом возрасте еще не сформирован окончательно, активное проявление акцентуаций становится важным фактором, влияющим на выбор профессионального пути. В связи с этим, мы выдвинули гипотезу о возможной взаимосвязи акцентуации характера при выборе профессионального пути.

Для доказательства выдвинутой гипотезы было проведено экспериментальное исследование в условиях одиннадцатого класса. Исследование подразумевало проведение методики К. Леонгарда на выявление акцентуации характера и проведение методики Климова «Дифференциально-диагностический опросник», их сравнение и выявление взаимосвязи.

На основании проанализированных и полученных данных, можно сделать вывод о том, что существует значимая взаимосвязь между выбором профессии и типом акцентуации характера. В частности, среди различных типов профессий наметились определенные тенденции, отражающие особенности личности. Так, можно выделить распространение на более частое проявление признаков демонстративного типа акцентуации характера у представителей профессий, относящихся к категории «Человек-человек» – этот показатель достигает 53%. Такое обстоятельство может свидетельствовать о том, что люди, выбирающие профессии такого типа, такие как актер, учитель или воспитатель, часто демонстрируют ярко выраженные черты артистизма, склонность к легкости в установлении контактов, жажде внимания и другим характеристикам.

Кроме того, исследование выявило преобладание признаков тревожного типа акцентуации у представителей профессий типа «Человек-знаковая система», где данный показатель достигает 80%. Это может свидетельствовать о том, что люди, выбирающие профессию, связанную с работой с информацией и знаками (например, бухгалтер, веб-мастер, программист), склонны к пониженной контактности, часто имеют минорное настроение, соблюдают необходимый уровень ответственности и строго соблюдают свои моральные ценностные ориентиры.

Среди респондентов, занятых в профессиях типа «Человек-техника», наблюдается тенденция к проявлению признаков педантичного типа акцентуации. Здесь показатель составляет около 50%. Такие профессии, как токарь, плотник, металлург, предъявляют к человеку высокие требования к порядку, аккуратности и усидчивости и другими характеристиками, что и отражается в характерных чертах их обладателей.

Наконец, у респондентов, работающих в сфере «Человек-природа», была выявлена тенденция к гипертимному типу акцентуации. Это позволяет предположить, что представители таких профессий – лесник, ветеринар, ландшафтный дизайнер – отличаются высокой общительностью, оптимистичным настроением, а также недостатком чувства дистанции в отношении с другими и другими характеристиками.

Проведенное исследование в целом показало, что взаимосвязь между наличием определенных признаков типа акцентуации характера и типа профессии по предмету труда действительно существует. Обнаружены четкие общие тенденции, характерные для различных профессий, которые особенно важны в современных условиях разнообразия и широты выбора профессионального пути, с проблемами сегодняшних соискателей.

Библиографические ссылки

1. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. Большой психологический словарь – 4-е изд., расширенное – Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, - 2009. – С. 782-811.
2. Денисова Ю. Ю. Исследование склонностей к определенному типу профессий школьников и студентов по методике Е. А. Климова // Образовательный процесс. 2019. №5 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sklonnostey-k-opredelennomu-tipu-professiy-shkolnikov-i-studentov-po-metodike-e-a-klimova> (дата обращения: 13.11.2025).
3. Резапкина Г. В. Акцентуация и выбор профессии // Школьные технологии 2011. – С. 10.
4. Чимаров С. Ю. Акцентуация характера личности и её основные виды// Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №11-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktsentuatsiya-haraktera-lichnosti-i-ee-osnovnye-vidy> (дата обращения: 13.11.2025).

© Серебряков Б.А., Портнягина А.М., 2025

РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И МОТИВАЦИИ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ

Д. И. Ситдиков

магистрант 1 курса
СибГУ им. М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: damir220790@icloud.com

Статья посвящена анализу роли эмоционального интеллекта (ЭИ) в формировании профессиональной идентичности и мотивации молодых сотрудников (поколений Millennials и Z) в современной трудовой среде. На основе ключевых теоретических моделей ЭИ, идентичности и мотивации рассматриваются механизмы влияния ЭИ на адаптацию, преодоление стрессоров и переход от внешней к внутренней мотивации. Уделяется внимание факторам риска демотивации и выгорания, гендерным и культурным различиям. Подчеркивается стратегическая значимость ЭИ для организаций в условиях цифровизации и глобализации. Обзор синтезирует современные исследования, предлагая направления для дальнейшего изучения.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, профессиональная идентичность, мотивация, молодые сотрудники, карьерная адаптация, эмоциональное выгорание, корпоративная культура, самоэффективность.

Abstract. The review article analyzes the role of emotional intelligence (EI) in forming professional identity and motivation of young employees (Millennials and Z generations) in the modern labor environment. Based on key theoretical models of EI, identity and motivation, the mechanisms of EI's influence on adaptation, overcoming stressors and the transition from external to internal motivation are considered. Attention is paid to the risk factors of demotivation and burnout, gender and cultural differences. The strategic importance of EI for organizations in the conditions of digitalization and globalization is emphasized. The review synthesizes modern research, suggesting directions for further study.

Keywords: emotional intelligence, professional identity, motivation, young employees, career adaptation, emotional burnout, corporate culture, self-efficacy.

Профессиональная идентичность и мотивация молодых сотрудников (в возрасте 18-35 лет, преимущественно представителей поколений Millennials и Z) выступают в качестве фундаментальных психологических конструктов, определяющих эффективность их интеграции в современную трудовую среду [6].

В контексте ускоренной цифровизации, глобализации и волатильности рынка труда, молодые специалисты сталкиваются с комплексом вызовов, включая неопределенность карьерных перспектив, интенсивную конкуренцию и необходимость оперативной адаптации к изменяющимся условиям [7]. Эмоциональный интеллект, концептуализированный как способность к восприятию, оценке, пониманию и регуляции эмоций в себе и окружающих, выступает как ключевой фактор, опосредующий эти процессы [8].

Согласно модели Д. Гоулмана, ЭИ интегрирует компоненты самоосознания, саморегуляции, внутренней мотивации, эмпатии и социальных навыков, что позволяет индивидам эффективно навигировать в межличностных взаимодействиях и достигать

профессиональных целей [9]. Эта способность не только способствует эмоциональной устойчивости, но и усиливает когнитивные процессы, связанные с принятием решений и стратегическим планированием карьеры, делая ЭИ неотъемлемым элементом психологической адаптации в динамичной рабочей среде [10].

Эмоциональный интеллект способствует формированию навыков эмоциональной саморегуляции, которые помогают справляться с повседневными вызовами, тем самым укрепляя общую психологическую резилиентность индивида [11]. Литература подчеркивает, что в условиях быстрых изменений, ЭИ становится ресурсом для поддержания баланса между личными и профессиональными аспектами жизни, способствуя предотвращению эмоционального истощения на ранних этапах карьеры [12]. Современные обзоры показывают, что ЭИ особенно важен для поколения Z, которое ценит эмоциональное благополучие и гибкость в работе, помогая им преодолевать барьеры входа в профессию и формировать устойчивую идентичность специалиста [13].

Актуальность обзора обусловлена наблюдаемым разрывом между ожиданиями молодых поколений, ориентированных на баланс работы и жизни, и традиционными структурами корпоративной среды [14]. Данные из обзоров литературы указывают на то, что низкий уровень ЭИ ассоциируется с повышенной текучестью кадров среди молодежи, достигающей значительных показателей в первые годы трудовой деятельности [15].

В противоположность этому, высокий ЭИ коррелирует с усилением внутренней мотивации, лояльностью к организации и устойчивостью к стрессорам, способствуя формированию долгосрочных карьерных ориентаций [16]. Профессиональная идентичность, в соответствии с теорией Д. Супера, представляет собой динамический эволюционный процесс, охватывающий этапы исследования, кристаллизации и реализации карьерных ролей [17].

Для молодых сотрудников чья идентичность еще не консолидирована, ЭИ функционирует как катализатор, способствующий интеграции личностных ценностей с профессиональными требованиями и минимизации риска эмоционального выгорания [18]. В постпандемийном контексте, где дистанционная работа усилила социальную изоляцию, ЭИ приобретает дополнительную значимость для поддержания мотивации через эффективное управление эмоциональными состояниями, предотвращая развитие негативных аффектов и способствуя психологическому благополучию [18].

Более того, ЭИ влияет на межпоколенческие взаимодействия в организациях, где молодые сотрудники часто сталкиваются с различиями в ценностях и стилях коммуникации, требуя от них повышенной эмпатии и адаптивности, что в итоге способствует более гармоничной интеграции в коллектив и укреплению чувства принадлежности [18]. ЭИ помогает преодолевать барьеры в командной работе, усиливая коллективную эффективность и способствуя формированию устойчивой корпоративной культуры [1]. В условиях глобализации ЭИ также способствует культурной адаптации, позволяя молодым специалистам лучше понимать и интегрировать разнообразные перспективы в своей профессиональной деятельности [2].

Цель настоящей обзорной статьи заключается в проведении анализа роли эмоционального интеллекта в формировании профессиональной идентичности и мотивации молодых сотрудников на основе синтеза теоретических моделей и ключевых находок из литературы [3]. Задачи включают: обзор фундаментальных теорий; анализ факторов риска и проблем демотивации; синтез основных выводов из исследований [4]. Структура статьи организована следующим образом: введение, теоретические основы, механизмы влияния, проблемы и риски, обзор литературы, заключение [5]. Подход ориентирован на обзорный характер, фокусируясь на интеграции существующих знаний без эмпирических данных, учитывая специфику современных вызовов, включая цифровизацию и гибридные формы занятости, а также гендерные и культурные

дифференциации в проявлениях ЭИ, что позволяет обеспечить комплексное понимание феномена в различных социально-экономических контекстах [6]. Такой анализ позволяет не только описать теоретические основы, но и выявить направления для дальнейших исследований, связанных с развитием ЭИ как ресурса для личностного и профессионального роста в условиях изменяющегося рынка труда [7]. Обзор подчеркивает, что в эпоху AI и автоматизации ЭИ становится конкурентным преимуществом, помогая молодым сотрудникам сохранять человеческий фактор в работе [8].

Теоретический фундамент обзора опирается на интеграцию моделей эмоционального интеллекта, профессиональной идентичности и мотивации [9]. Концепция ЭИ, первоначально разработанная П. Саловеем и Дж. Мэйером, трактует его как способность к восприятию, ассимиляции, пониманию и управлению эмоциями, что отличает ее от когнитивного интеллекта [10]. Расширенная модель Д. Гоулмана подчеркивает роль ЭИ в лидерстве и межличностных отношениях, где он объясняет значительную часть вариаций в карьерном успехе, превосходя вклад IQ [11]. Для молодых сотрудников, находящихся на этапе входа в профессию, ЭИ критически важен для эмоциональной регуляции в условиях неудач и конфликтов, способствуя формированию профессиональной идентичности, которая включает не только когнитивные, но и аффективные компоненты самооценки [12]. ЭИ интегрируется с концепциями эмоциональной грамотности, позволяя индивидам лучше понимать динамику эмоций в профессиональной среде и использовать их для достижения целей [14]. В контексте теории Р. Барона ЭИ рассматривается как комбинация внутриличностных и межличностных компетенций, что особенно актуально для молодых сотрудников, стремящихся к балансу между индивидуальными целями и командной работой [16].

Профессиональная идентичность, в рамках психосоциальной теории Э. Эриксона, интегрируется в общую структуру идентичности через разрешение кризисов и принятие обязательств [17]. У молодых специалистов она часто характеризуется нестабильностью, что приводит к поиску смысла в трудовой деятельности и необходимости баланса между личными aspirationами и внешними требованиями [18]. Теория самодетерминации (SDT) Э. Деси и Р. Райана связывает мотивацию с удовлетворением базовых психологических потребностей в автономии, компетентности и связанности, где ЭИ усиливает эти нужды посредством эмпатии и саморегуляции [18]. Мета-анализы подтверждают, что ЭИ положительно коррелирует с мотивацией, повышая вовлеченность через улучшение социальных связей и снижение восприятия барьеров [18]. SDT также подчеркивает континуум мотивации от амативной до внутренней, где ЭИ способствует сдвигу в сторону автономной регуляции, повышая устойчивость к внешнему давлению и способствуя долгосрочному психологическому благополучию [1]. Эта теория позволяет анализировать, как ЭИ влияет на восприятие задач как значимых и соответствующих личным ценностям, тем самым усиливая внутреннюю мотивацию и предотвращая отчуждение от работы [2]. Литература показывает, что в контексте молодых поколений, SDT помогает объяснить, как ЭИ поддерживает мотивацию в условиях высокой неопределенности [3].

Двухфакторная теория мотивации Ф. Херцберга дифференцирует мотиваторы (достижения, признание, ответственность) и гигиенические факторы (условия труда, зарплата), где ЭИ преимущественно влияет на мотиваторы, позволяя интерпретировать обратную связь конструктивно и трансформировать внешнюю мотивацию во внутреннюю [5]. В контексте молодых сотрудников, часто сталкивающихся с рутинными задачами, ЭИ способствует минимизации демотивации, усиливая ощущение компетентности и принадлежности [6]. Теория ожидания ценности Дж. Аткинсона постулирует, что мотивация детерминирована ожиданиями успеха, где самоэффективность (по А. Бандуре) усиливается ЭИ через адекватную оценку эмоциональных состояний [7]. Интеграция ЭИ с

теорией социальной идентичности Г.Тэджфела демонстрирует, как эмоциональные компетенции способствуют принадлежности к профессиональной группе, формируя идентичность через коллективные аффекты [8]. Эти теоретические рамки иллюстрируют ЭИ как многоуровневый ресурс, влияющий на мотивацию и идентичность через индивидуальные и социальные механизмы, с акцентом на его роль в предотвращении диссонанса между личными и профессиональными ролями [9]. Кроме того, такие модели подчеркивают, что ЭИ может быть интегрирован в более широкие теории поведения, включая аспекты когнитивно-поведенческой психологии, где управление эмоциями становится инструментом для изменения паттернов мышления и действий [10]. Эти теории особенно релевантны для молодых сотрудников, сталкивающихся с переходными периодами в карьере, и подчеркивают необходимость учета культурных контекстов.

Роль эмоционального интеллекта в формировании профессиональной идентичности молодых сотрудников реализуется через ряд психологических механизмов [12]. Во-первых, самоосознание позволяет рефлексировать личные ценности и соотносить их с профессиональными ролями, минимизируя идентификационные кризисы [13]. Молодые специалисты с высоким ЭИ быстрее преодолевают этап «исследования» по Суперу, консолидируя идентичность в более короткие сроки [14]. Самоосознание также способствует интеграции эмоциональных переживаний в когнитивную структуру идентичности, позволяя индивидам лучше понимать свои сильные и слабые стороны в профессиональном контексте, и способствует развитию метакогнитивных навыков, необходимых для саморефлексии [15]. Во-вторых, эмпатия способствует сетевым взаимодействиям, усиливая социальную идентичность и мотивацию к профессиональному росту, путем развития навыков понимания перспектив других и построения конструктивных отношений [17]. Гендерные дифференциации проявляются в том, что у женщин ЭИ чаще ориентирован на реляционные аспекты идентичности, у мужчин – на достижительные, что подчеркивает необходимость учета индивидуальных различий в формировании идентичности [18]. Эти механизмы говорят о том, что ЭИ действует как медиатор между внешними условиями и внутренними процессами, способствуя гармоничному развитию идентичности [18]. Более того, через механизм социальной идентичности ЭИ способствует формированию групповой принадлежности, что критично для молодых специалистов в многокультурных организациях, где эмоциональные навыки помогают преодолевать культурные барьеры и строить доверительные отношения [1].

Влияние ЭИ на мотивацию молодых сотрудников проявляется в усилении внутренней мотивации, трансформируя работу в источник самоактуализации [2]. Согласно SDT, ЭИ удовлетворяет потребность в связанности через эффективные коммуникации, повышая вовлеченность [3]. Молодые сотрудники используют ЭИ для целеполагания и преодоления барьеров, что способствует развитию автономной регуляции и снижению зависимости от внешних вознаграждений, а также помогает в интеграции мотивационных факторов на разных уровнях – от индивидуального до организационного [4]. Мета анализы демонстрируют, что ЭИ положительно ассоциирован с мотивацией, снижая текучесть [5]. Низкий ЭИ усиливает демотивацию, приводя к выгоранию среди молодежи [6]. Факторы риска включают токсичную корпоративную культуру, где ЭИ выступает буфером, смягчая негативные воздействия и способствуя эмоциональной резилентности, что позволяет индивидам лучше справляться с неопределенностью и поддерживать стабильный уровень мотивации в долгосрочной перспективе [7]. В контексте теории ожидания-ценности ЭИ помогает переоценивать эмоциональные реакции на неудачи, превращая их в возможности для роста, что особенно важно для молодых специалистов, сталкивающихся с высокой конкуренцией [9].

Эмоциональное выгорание представляет собой одну из ключевых проблем, антагонистичных мотивации и идентичности молодых сотрудников [10]. По модели

К. Маслак, выгорание включает эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию достижений, часто провоцируемые эмоциональной перегрузкой [11]. Среди молодежи с неконсолидированной идентичностью низкий ЭИ усиливает эти эффекты, приводя к оттоку кадров и снижению продуктивности [12]. Демотивация возникает из-за диссонанса ожиданий и реальности: бюрократия, отсутствие признания и низкая автономия создают условия для хронического стресса, который снижает мотивацию и подрывает профессиональную самооценку [13]. Хронический стресс, в свою очередь, приводит к накоплению негативных эмоций, усугубляя проблемы с самоэффективностью и приводя к циклам прокрастинации, где молодые специалисты откладывают задачи, усугубляя чувство вины и некомпетентности [14].

Внешние факторы, особенно актуальны в динамичных организациях, где молодые специалисты часто сталкиваются с высокой нагрузкой без адекватных ресурсов для восстановления, что приводит к накоплению усталости и снижению энтузиазма к работе [15]. Культурные аспекты добавляют сложности: в коллективистских обществах демотивация чаще связана с групповыми конфликтами и нарушением гармонии в коллективе, что усиливает ощущение изоляции, в то время как в индивидуалистических – с личными неудачами и ощущением изоляции, где фокус на индивидуальных достижениях приводит к самообвинению [16]. Профилактика требует интеграции ЭИ в программы онбординга, чтобы усилить эмоциональную регуляцию и предотвратить накопление негативных аффектов. Кроме того, выгорание может быть рассмотрено через призму теории ресурсов, где ЭИ выступает как ключевой ресурс, помогающий восполнять эмоциональные затраты и поддерживать баланс между требованиями работы и личными возможностями, предотвращая истощение внутренних резервов [18].

Гендерные различия в выгорании подчеркивают, что женщины чаще испытывают эмоциональное истощение из-за баланса ролей, что приводит к конфликтам приоритетов и повышенному стрессу, в то время как мужчины – из-за давления достижений, где неудачи воспринимаются как личный провал, и ЭИ смягчает эти эффекты, способствуя персонализированным копинг стратегиям, таким как переосмысление целей или поиск поддержки [1].

Выгорание часто проявляется в форме «тихого ухода», когда мотивация падает без явного конфликта, и ЭИ позволяет выявлять ранние признаки, способствуя вмешательствам, таким как корректировка задач или обратная связь [3]. Кроме того, в условиях экономической нестабильности ЭИ помогает адаптироваться к изменениям. В итоге, интеграция ЭИ в корпоративные стратегии не только предотвращает выгорание, но и способствует созданию благоприятной среды, где молодые сотрудники могут развивать идентичность без риска эмоционального краха, повышая общую эффективность и удержание талантов [6]. Мета анализы выявляют корреляции ЭИ с идентичностью и мотивацией. Исследования показывают, что ЭИ повышает мотивацию среди Millennials через усиление социальной связанности и саморегуляции, где развитие эмпатии способствует лучшему пониманию командных динамик и снижению конфликтов [9].

Исследования лидерского ЭИ демонстрируют, что воспринимаемый ЭИ лидера усиливает ЭИ сотрудников, особенно в командах с преобладанием молодежи, где эмоциональное лидерство вдохновляет на рост [11].

Эти данные иллюстрируют многофакторность влияния ЭИ, интегрируя его с другими переменными для повышения благополучия, с акцентом на его роль в различных культурных и гендерных контекстах. Кроме того, лонгитюдные обзоры демонстрируют, как развитие ЭИ со временем влияет на траектории карьеры, подчеркивая его значение для долгосрочного профессионального развития и предотвращения стагнации, с примерами из образовательной сферы, где ЭИ помогает формировать идентичность будущих лидеров [15].

Кластерные анализы среди студентов показывают три группы по ЭИ, с сильными сторонами в самоосознании и нуждой в мотивации, что релевантно для молодых сотрудников на этапе входа в профессию, предлагая персонализированные подходы к развитию [16].

Современные исследования фокусируются на влиянии ЭИ на психологическое благополучие в условиях угроз, где ЭИ выступает предиктором снижения тревоги и прокрастинации, помогая молодежи балансировать амбиции и отдых через эмоциональную саморегуляцию [17]. В целом, обзоры синтезируют, что ЭИ является стратегическим фактором для организаций, стремящихся к удержанию талантов, с рекомендациями по интеграции программ развития ЭИ в HR-практики, включая тренинги и оценку [18].

Дополнительно, исследования подчеркивают влияние ЭИ на креативность и инновации, где эмоциональная регуляция помогает молодежи генерировать идеи в стрессовых ситуациях, способствуя конкурентоспособности [1]. В обзорах подчеркивается необходимость междисциплинарного подхода, интегрирующего психологию, менеджмент и социологию для полного понимания роли ЭИ, с акцентом на эмпирические модели для будущих исследований [4]. Кроме того, анализ гендерных аспектов показывает, что ЭИ помогает женщинам в балансе ролей, а мужчинам – в управлении ожиданиями, способствуя равенству в карьерном росте [5]. Психологические аспекты роли эмоционального интеллекта в формировании профессиональной идентичности и мотивации молодых сотрудников интегрируют теории самодетерминации, самоэффективности и социальных взаимодействий, с учетом рисков выгорания и внешних факторов [6]. Развитие ЭИ способствует адаптации, минимизации демотивации и повышению вовлеченности, позиционируя его как ключевой ресурс [7]. Будущие обзоры должны акцентировать модели в контексте ИИ и гибридной работы [8].

Библиографические ссылки

1. Бандура, А. Теория социального научения / А. Бандура. – СПб.: «Евразия», 2000. – 320 с. – Текст: непосредственный.
2. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман. – М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2009. – 512 с. – Текст: непосредственный.
3. Григорьева М.В. Профессиональная идентичность и эмоциональный интеллект будущего учителя / М.В. Григорьева. – ResearchGate, 2025. – Текст: электронный.
4. Деси, Э.Л., Райан Р.М. Теория самодетерминации: базовые психологические потребности в мотивации, развитии и благополучии / Э.Л. Деси, Р.М. Райан. – М.: «Диалектика», 2019. – 448 с. – Текст: непосредственный.
5. Зинченко, В.П. Эмоциональный интеллект как ресурс профессионального здоровья педагога / В.П. Зинченко. – CyberLeninka, 2020. – Текст: электронный.
6. Иванова, Е.А. Эмоциональный интеллект как фактор социально-психологической адаптации молодых специалистов / Е.А. Иванова. – DissersCat, 2015. – Текст: электронный.
7. Кочетов, А.Н. Развитие эмоционального интеллекта как фактор профессиональной компетентности педагога / А.Н. Кочетов. – ResearchGate, 2025. – Текст: электронный.
8. Кочетова, Ю.А., Климакова М.В. Эмоциональный интеллект и типы межличностных отношений у студентов / Ю.А. Кочетова, М.В. Климакова. – Психологическая наука и образование, 2021. – Т. 26, №3, с. 44-56. – Текст: непосредственный.

9. Леонтьев, Д.А. Психология смысла / Д.А. Леонтьев. – М.: «Смысл», 2007. – 511 с. – Текст: непосредственный.
10. Маслак, К. Синдром эмоционального выгорания / К. Маслак. – М.: «Академия», 1998. – 288 с. – Текст: непосредственный.
11. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: «Питер», 2003. – 352 с. – Текст: непосредственный.
12. Морозов, А.П. Профессиональная идентичность и мотивация работы в НКО / А.П. Морозов. – 2022. – Текст: электронный.
13. Петрова, И.В. Профессиональная идентичность специалиста по работе с молодежью / И.В. Петрова. – Intelgr, 2020. – Текст: электронный.
14. Сидорова, Н.Г. Мотивация и рефлексия личности / Н.Г. Сидорова. – Togudv, 2022. – Текст: электронный.
15. Скиннер, Б.Ф. Наука о поведении / Б.Ф. Скиннер. – М.: «Рефл-бук», 2003. – 416 с. – Текст: непосредственный.
16. Тихонов, А.И. Профессиональная мотивация будущих учителей: психологический и педагогический аспект / А.И. Тихонов. – ResearchGate, 2021. – Текст: электронный.
17. Тэджфел, Г. Социальная идентичность и межгрупповые отношения / Г. Тэджфел. – М.: «Прогресс», 1982. – 240 с. – Текст: непосредственный.
18. Федоров, А.А. Особенности профессиональной идентичности начинающих специалистов / А.А. Федоров. – Мми, 2024. – Текст: электронный.

© Ситдилов Д.И., 2025

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ

М. В. Спиглазова

студент 3 курса,
СибГУ им. М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия

E-mail: spiglazovam2003@gmail.com

Е. О. Аболина

доцент, СибГУ им. М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия

В статье рассматривается психологическое здоровье студентов как ключевой фактор их успешности в учебе и жизни, учитывая интенсивные личностные и социальные изменения в студенческом возрасте. Анализируются внутренние и внешние факторы, влияющие на эмоциональную устойчивость, адаптацию и мотивацию, а также подчеркивается важность комплексной поддержки для сохранения и укрепления психологического здоровья в образовательной среде.

Ключевые слова: образование, психологическое здоровье, рефлексия, самосовершенствование, сохранение, стресс, структура, студент, эмоции.

The article examines the psychological health of students as a key factor in their academic and personal success, taking into account the intense personal and social changes that occur during the student years. It analyzes the internal and external factors that influence emotional resilience, adaptation, and motivation, and emphasizes the importance of comprehensive support for maintaining and promoting psychological health in the educational environment.

Keywords: education, psychological health, reflection, self-improvement, preservation, stress, structure, student, emotions.

Психологическое здоровье студентов – важнейшая составляющая их общего благополучия и успешности в учебной, профессиональной и личной сферах. Студенческий возраст характеризуется интенсивными изменениями: происходит формирование личности, закладываются основы профессионального самоопределения, расширяется круг социальных контактов. Однако именно в этот период молодые люди сталкиваются с повышенными интеллектуальными и эмоциональными нагрузками, необходимостью адаптации к новым условиям жизни, самостоятельности, а также с проблемами межличностных отношений и самоорганизации. Всё это делает вопрос изучения и поддержания психологического здоровья студентов особенно значимым и актуальным [9].

Актуальность исследования психологического здоровья студентов обусловлена несколькими факторами. Во-первых, современная образовательная среда предъявляет к учащимся всё более высокие требования, что сопровождается ростом учебных нагрузок и уровня стресса. Во-вторых, психологическое здоровье напрямую влияет на успеваемость, профессиональное становление, способность к самореализации и успешной адаптации к быстро меняющимся условиям жизни. В-третьих, в последние годы отмечается рост числа обращений студентов за психологической помощью, что свидетельствует о необходимости комплексного подхода к поддержке и профилактике нарушений психологического здоровья в студенческой среде. Изучение факторов, влияющих на психологическое здоровье студентов, позволяет не только выявить основные риски и проблемы, но и разработать эффективные рекомендации для их преодоления, что имеет важное

теоретическое и практическое значение для системы образования и общества в целом [1].

Термин «психологическое здоровье» впервые был введен в научный лексикон И.В. Дубровиной, понимающей под этим концепцией психического здоровья, относящиеся к личности в целом и находящиеся в тесной связи с высшими проявлениями человеческого духа [5].

Схожая позиция обнаруживается у В.Э. Пахальяна, утверждающего, что психологическое здоровье – это состояние субъективного, внутреннего благополучия личности, обеспечивающее оптимальный выбор действий, поступков и поведения в ситуациях ее взаимодействия с окружающими объективными условиями, другими людьми и позволяющее ей свободно актуализировать свои индивидуальные и возрастно-психологические возможности.

Первоначальное изучение психологического здоровья было начато З. Фрейдом, который трактовал многие психические нарушения как следствие внутриличностных конфликтов.

З. Фрейд рассуждает о том, что психическое здоровье – это любовь и труд: способность эффективно работать и поддерживать доброжелательные межличностные отношения [5].

К. Роджерс предложил пять признаков психологического здоровья: открытость опыту и переживаниям; ведение экзистенциального, то есть, полноценного насыщенного существования; организмическое доверие; эмпирическая свобода; креативность [3].

Ф. Перлз рассматривает как психологический рост личности путём расширения зон самосознания, её зрелость как способность перейти лишь от опоры на себя к равновесию в себе и между собой и средой через осознание потребностей; как самостоятельность; как способность к саморегуляции [2].

Проблема психологического здоровья личности рассматривалась и в исследованиях российских учёных с начала XX века. Большая заслуга в постановке проблемы принадлежит академику В.М. Бехтереву, который формулирует тему психологического здоровья ещё в самом начале своей творческой деятельности. Главные мысли В.М. Бехтерева относительно требований формирования здоровой личности и главной роли социального начала в функционировании человека значительно опередили во времени близкие по смыслу рассуждения в современной гуманистической психологии.

В конце XX – начале XXI века появились различия между понятиями «психическое» и «психологическое» здоровье. И.В. Дубровина, вводя понятие «психологическое здоровье», отметила разницу между психическим и психологическим здоровьем. Психическое здоровье, по сути, имеет отношение к отдельным психическим процессам и механизмам, а психологическое здоровье характеризует личность в целом и находится в естественной связи с проявлением человеческого духа [4].

Психология здоровья – это наука о психологических причинах здоровья, о методах и средствах его сохранения, укрепления и развития. В психологию здоровья входит практика поддержания здоровья человека от его зачатия до смерти. Объектом её изучения является «здоровая», но не «больная» личность [8].

По мнению В.А. Ананьева, психологически здоровая личность характеризуется: физическим здоровьем, развитым самоконтролем и умением адекватно реагировать на жизненные ситуации; умением различать реальные и идеальные цели, а также границы между различными аспектами своей личности; способностью контролировать поступки и поведение в соответствии с социальными нормами [8].

Выделяют три уровня психического здоровья человека: психофизиологический (состояние и функционирование центральной нервной системы); индивидуально-психологический (состояние и функционирование психической деятельности);

личностный (соотношение потребностей человека с возможностями и требованиями социальной среды). Каждый уровень психического здоровья человека имеет свою медико-психологическую и социально-ценностную систему критериев нормы и отклонений от нормы. Негативные изменения могут происходить как на одном, так и на двух и всех трёх уровнях психического здоровья [8].

Успешное обучение студента зависит от адаптации к особенностям вузовского образования, что снимает внутренний дискомфорт и предотвращает конфликты. Формирование студенческого коллектива, развитие логического мышления, осмысление профессионального пути, создание оптимального режима жизни и самообразования – важные аспекты для успешного старта в вузе [7].

Психологическое здоровье, по мнению В.И. Слободчикова и А.В. Шувалова, опирается на развитие онтогенеза согласно с той возрастной нормой, которая будет считаться наилучшим вариантом для человека на определенном этапе взросления.

Психологическое здоровье является одной из ключевых составляющих полноценной и гармоничной жизни человека. Современные исследования подчеркивают, что психологическое здоровье не ограничивается только отсутствием расстройств, а включает в себя широкий спектр личностных проявлений: эмоциональное равновесие, умение планировать свою деятельность, позитивную самооценку, способность к саморегуляции, эмпатии и рефлексии.

Для комплексного изучения психологического здоровья мы выбрали ряд методик:

1. Методика «Оценка тревожности» (Ч.Д. Спилбергер; Ю.Л. Ханин).

Данная методика является наиболее информативным способом самооценки уровня тревожности в данный момент (реактивная тревожность, как состояние) и личностной тревожности (как устойчивая характеристика человека).

2. Методика «Рисуночной фрустрации» (С. Розенцвейга).

Методика предназначена для исследования реакций человека на неудачу способов выхода из ситуаций, препятствующих деятельности или удовлетворению потребностей личности.

Базой исследования стал Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева, в исследовании в качестве респондентов принимали участие 19 студентов 2 курса очной формы обучения, обучающиеся по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование», в возрасте от 19 до 22 лет, 14 девушек, 5 юношей. Исследование осуществлялось в образовательной среде, в ходе ежедневной учебной деятельности и социальной активности студентов. По методики «Оценка тревожности» Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина представлены следующие результаты (рисунок 1,2).

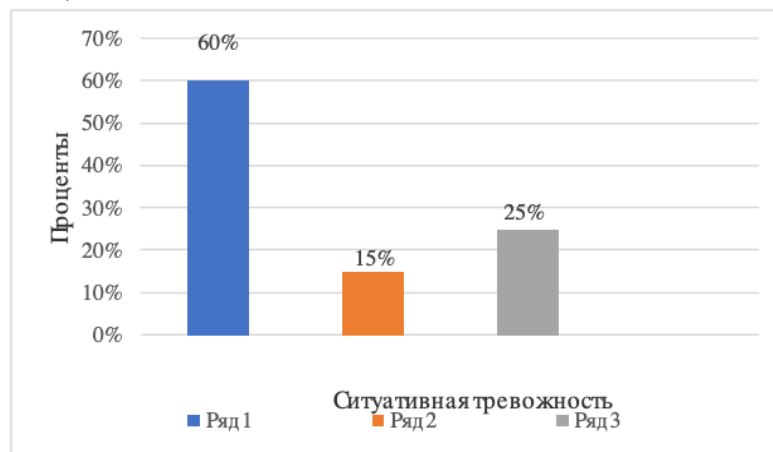

Рисунок 1 – Результаты по методики «Оценка тревожности»

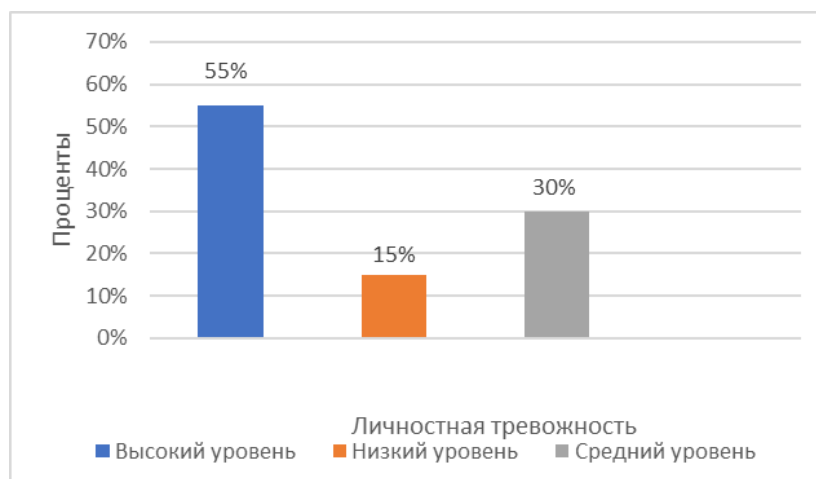

Рисунок 2 – Результаты по методике «Оценка тревожности» (Ч.Д. Спилбергер; Ю.Л. Ханин) - личностная тревожности

По результатам методики «Оценка тревожности» (шкала ситуативной тревожности) большинство студентов, а именно 60%, демонстрируют средний уровень ситуативной тревожности – 30 баллов. Это вполне ожидаемо и типично для студентов, находящихся в условиях постоянной учебной нагрузки и необходимости адаптироваться к новым социальным и академическим требованиям. Средний уровень тревожности отражает нормальную реакцию организма на стрессовые ситуации, такие как экзамены, контрольные работы, выступления и взаимодействие с преподавателями и сверстниками. В таком состоянии студент испытывает определённое эмоциональное напряжение, которое может служить стимулом для мобилизации ресурсов, повышения концентрации и улучшения учебной деятельности.

Низкий уровень тревожности - 20 баллов, зафиксированный у 25% студентов, что свидетельствует о хорошей эмоциональной устойчивости и способности эффективно справляться со стрессовыми ситуациями. Такие студенты, как правило, обладают высокой стрессоустойчивостью, умеют контролировать свои эмоции и сохранять спокойствие даже в напряжённых обстоятельствах. Однако следует обратить особое внимание на 15% студентов, у которых выявлен высокий уровень ситуативной тревожности – 50 баллов. Для этой группы характерно выраженное эмоциональное напряжение, которое может проявляться в виде постоянного беспокойства, страха неудачи, затруднённого сосредоточения и даже соматических симптомов, таких как учащённое сердцебиение, головные боли или нарушения сна. После чего, был проведена методика «Рисуночной фрустрации» С. Розенцвейга. Результаты представлены на рисунке 3.

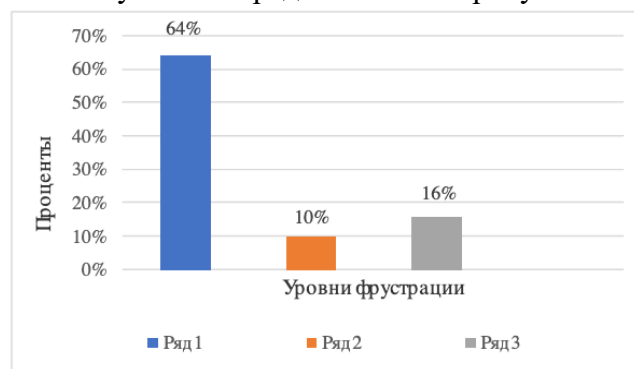

Рисунок 3 – Результаты по методике «Рисуночной фрустрации» (С. Розенцвейга)

Средний уровень фрустрации в группе составляет 4 балла по шкале от 0 до 10, что свидетельствует о преобладании умеренного эмоционального напряжения и определённой степени неудовлетворённости у большинства студентов. Такой уровень фрустрации типичен для учебной аудитории, где студенты регулярно сталкиваются с различными трудностями, связанными с учёбой, социальной адаптацией и личностным ростом. Умеренный уровень фрустрации может выступать в качестве стимула к активному поиску решений и преодолению возникающих препятствий, однако при длительном сохранении без должной поддержки он может негативно сказаться на эмоциональном состоянии и мотивации обучающихся.

Высокий уровень фрустрации выявлен у 3 студентов, что составляет 16% от общей численности группы. Максимальные значения фрустрации у этих студентов составляют 5,5; 6; 6,2 балла (студенты № 4, 7, 11). Такой показатель указывает на выраженную склонность к фрустрированным реакциям, которые могут проявляться в виде сильного эмоционального дискомфорта, раздражительности, чувства безысходности и снижения способности эффективно справляться с возникающими проблемами. Для этих студентов характерны серьёзные трудности в преодолении барьеров на пути к достижению учебных и личностных целей, что требует особого внимания со стороны педагогов и психологов для оказания своевременной поддержки и коррекции.

Средний уровень фрустрации, находящийся в диапазоне от 3 до 5 баллов, характерен для 14 студентов, что составляет 74% от всей группы. Это свидетельствует о наличии у большинства обучающихся умеренных стрессовых реакций, которые являются естественной и ожидаемой реакцией на учебные нагрузки и социальные вызовы. Такой уровень фрустрации обычно не препятствует успешной адаптации и учебной деятельности, однако требует формирования у студентов навыков стрессоустойчивости и эффективных стратегий преодоления трудностей.

Низкий уровень фрустрации, менее 3 баллов, отмечен у 2 студентов (10%), с минимальными значениями 1 и 1,5 балла (студенты № 14, 15). Это свидетельствует о хороших адаптационных механизмах, высокой эмоциональной устойчивости и способности сохранять внутреннее равновесие даже в условиях повышенных требований и стрессовых ситуаций. Такие студенты, как правило, демонстрируют уверенность в своих силах, оптимизм и способность конструктивно реагировать на возникающие проблемы, что способствует их успешной социальной и учебной адаптации.

По результатам двух методик выявлена существенная взаимосвязь между уровнем тревожности и фрустрации у студентов. Студенты с высоким уровнем тревожности чаще испытывают повышенное эмоциональное напряжение и негативные реакции на жизненные трудности, что проявляется в повышенной фрустрации - состоянии психологического дискомфорта, вызванного препятствиями на пути к удовлетворению потребностей и достижению целей. Это состояние может сопровождаться негативными проявлениями, такими как раздражительность, агрессия, страх неудачи и снижение способности к эффективной самоорганизации и учебной деятельности. В то же время у студентов с низким уровнем тревожности обычно наблюдается и низкий уровень фрустрации, что свидетельствует о более гармоничном и стабильном психологическом состоянии, хорошей эмоциональной устойчивости и способности справляться со стрессовыми ситуациями. Таким образом, данные результаты подчеркивают важность комплексной психологической поддержки, направленной на снижение тревожности и развитие навыков адаптации для улучшения общего психоэмоционального состояния студентов и повышения их учебной и социальной успешности.

Библиографические ссылки

1. Альфред, А. Наука жить / А. Адлер. - 3-е издание. - Киев: Знания, 1997. - 286 с.- (серия «Бестселлеры психологии») – Текст: непосредственный.
2. Васильева, О.С. Психология здоровья человека / О.С. Васильева, Ф.Р. Филатов. – М.: Академия, 2001. -352с. - Текст: непосредственный.
3. Дубровина, И.В., Данилова, Е.Е. Психология: учебник для студ. сред. проф. учеб. заведений / И.В. Дубровина, Е.Е. Данилова. – М.: Академия, 2008. – 446с. – Текст: непосредственный.
4. Жигинас, Н.В. Психическое здоровье студентов: монография / Н.В. Жигинас, В.Я. Семке. - Томск: ТГПУ, 2009. -180 с. - Текст: непосредственный.
5. Крутецкий, В.А. Психология: учебник для учащихся пед. училищ / В.А. Крутецкий. - 3-е издание. - М.: Просвещение, 1980. - 352с. - Текст: непосредственный.
6. Немов, Р.С. Общая психология / Р.С. Немов. - 2-е издание, - М.: Владос, 2019. - 400с. -Текст: непосредственный.
7. Никифоров, Г.С. Психология здоровья / Г.С. Никифоров. - Санкт-Петербург: Универс, 2002. - 192 с. - Текст: непосредственный.
8. Хватова, М.В. Феноменологический подход к исследованию здоровья личности молодежи / М.В. Хватова. – Вестник магистратуры. - 2012. - № 1 (19) - 22 - 26с. - Текст: непосредственный.

© Спиглазова М.В., Аболина Е.О., 2025

ПРОФИЛАКТИКА АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

А. А. Пимченко,
студент 3 курса,
СибГУ им. М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: pimchenko05@list.ru

М. В. Спиглазова
студент 3 курса,
СибГУ им. М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: spiglazovam2003@gmail.com

Д. Н. Девятловский
профессор, СибГУ им. М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия

В статье рассматривается актуальность профилактики аддиктивного поведения у подростков в современных условиях социальных и информационных вызовов. Особое внимание уделяется причинам возникновения аддиктивного поведения, его различным видам, а также рекомендациям по защите от негативных последствий аддикций. Подчеркивается важность своевременного выявления факторов риска и комплексного подхода к профилактике, направленного на формирование устойчивых личностных механизмов и здоровых моделей поведения у подростков.

Ключевые слова: аддикция, аддиктивное поведение, подростки, профилактика.

The article discusses the relevance of preventing addictive behavior among adolescents in today's social and informational challenges. Special attention is given to the causes of addictive behavior, its various types, and recommendations for protecting adolescents from the negative consequences of addictions. The article emphasizes the importance of timely identification of risk factors and a comprehensive approach to prevention, aimed at developing stable personal mechanisms and healthy behavioral patterns among adolescents.

Key words: addiction, addictive behavior, adolescents, prevention.

В настоящее время является актуальной проблема аддиктивного поведения подростков. Специалисты из различных сфер занимаются её изучением. Следует подчеркнуть, что у большинства людей присутствует определённая зависимость. Она может проявляться как непреодолимое влечение к пище, так и в таких формах, как алкоголизм и наркомания. Зависимости встречаются как у взрослых, так и у подростков. Аддиктивное поведение в подростковом возрасте представляет собой особенно опасное явление как для общества в целом, так и для каждого человека отдельно.

Аддиктивное поведение относится к видам отклоняющегося поведения. При этом человек стремится уйти от реальности, меняя своё психическое состояние. Это достигается с помощью употребления различных веществ или сосредоточенности на определённых видах деятельности, чтобы сохранить возникшие эмоции [4].

Аддиктивное поведение, как явление, затрагивающее людей разного возраста и социального происхождения, особенно актуально в подростковом возрасте. Подростковый комплекс проявляется через беспокойство, тревогу, стремление к резким изменениям настроения, меланхолию, импульсивность, негативизм, конфликтность, противоречивость

чувств и агрессивность. Психологические особенности подросткового возраста включают перепады настроения, категоричные высказывания и суждения, стремление к признанию и оценке, показное хвастанье и желание быть независимым, противостояние авторитетам и идеализацию кумиров. Эгоизм в этом возрасте сочетается с преданностью и готовностью к самопожертвованию. Грубость и бесцеремонность по отношению к другим соседствует с высокой собственной ранимостью, а ожидания меняются от яркого оптимизма до глубокого пессимизма. В этот сложный период жизни у подростков усиливается чувствительность к оценке окружающих их внешности, способностей, силы и умений, что сочетается с чрезмерной самоуверенностью, склонностью к излишней критике и пренебрежительным отношением к мнению взрослых. Для подростков характерно сочетание эмоциональной восприимчивости с удивительной черствостью, а также болезненной застенчивости с нахальством. Желание быть признанным проявляется вместе с демонстрацией независимости, а отказ от общепринятых норм - с идеализацией случайных кумиров. Их чувственные фантазии соседствуют с сухими рассуждениями. Подросток тяготеет к философским обобщениям, внутри него заметна психологическая противоречивость, неопределённость требований к себе, склонность к крайностям, эгоцентризм мышления и любовь к теоретизированию. Внутренний конфликт личности проявляется в борьбе с ролевой неразберихой, неопределённостью и нарушением восприятия времени. Подросток отличается оппозиционным настроением, максимализмом в оценках, неприятием опеки, разнообразием переживаний, связанных с пробуждением сексуальности, и частыми необоснованными перепадами настроения.

В своей работе «Психология девиантного поведения» профессор Менделевич В.Д. указывает, что девиантное поведение подростка представляет собой анализ его взаимодействия с окружающей действительностью. Главным критерием нормы он считает способность индивида адаптироваться к своему реальному окружению. Как правило, отрешенность от реальности выбирают те, кто негативно и оппозиционно относится к ней и не в состоянии к ней приспособиться. «При этом может присутствовать нежелание приспосабливаться действительности по причине ее несовершенства, консервативности, единообразия, подавления экзистенциальных ценностей или откровенно антигуманной деятельности» [6, с. 49].

Особенность аддиктивного поведения подростка состоит в том, что, уходя от реальности, он искусственно меняет свое психическое состояние, что дает иллюзию безопасности и восстановления равновесия, в результате процесс начинает управлять личностью и пристрастие уже руководит ею.

Б.Г. Мещеряков определяет аддиктивное поведение как один из видов деструктивного поведения. Данное поведение выражается в возможности выйти из реального путем психического состояния [4].

А.А. Реан характеризует аддиктивное поведение как употребление химических веществ, приводящее к изменению сознания. В зарубежных исследованиях термин «аддикция» трактуется как синоним слова «зависимость», а аддиктивное поведение - как зависимое поведение [7]. Российские ученые считают, что аддиктивное поведение не является полностью сформировавшимся заболеванием.

А.В. Худяков выделяет 4 критерия аддиктивного поведения: социальный, психологический, физиологический и клинический:

- социальный критерий характеризуется употреблением психоактивных веществ в группе, где это служит способом решения проблем и влечет за собой физиологические, психологические и социальные последствия;
- психологический критерий заключается в ослаблении мотива, который препятствует приему запрещенных веществ;

- физиологический критерий проявляется отсутствием рвотного рефлекса при групповых приемах психоактивных веществ;
- клинический критерий выявляет амнестические расстройства, возникающие при алкогольном, токсическом и наркотическом опьянении.

В современном мире, где изменения происходят стремительно во всех сферах жизни, уход от проблем становится для зависимой личности легким способом выживания. Это приводит к нарушению естественных механизмов адаптации на психофизиологическом уровне и возникновению психологического дискомфорта, вызванного как внутренними, так и внешними факторами [9].

Н. Пезешкиан предложил другую классификацию аддиктивного поведения, выделив 4 его вида:

- 1) «бегство в тело» - переориентация на деятельность, направленную на физическое или психическое совершенствование, выражающееся в чрезмерной увлеченности спортом, здоровым питанием и т.п.;
- 2) «бегство в работу» - полное погружение в трудовую деятельность, которая занимает большую часть жизни человека;
- 3) «бегство в контакты или одиночество» - когда общение становится либо основной потребностью и способом удовлетворения желаний, либо наоборот – сокращается до минимума;
- 4) «бегство в фантазии» - склонность к религиозному фанатизму и жизни в мире иллюзий и фантазий [8].

В работах Ц.П. Короленко, аддикт определяется как человек, который избегает реальности через проблему, сопровождающуюся зависимостью от веществ, явлений или объектов [2].

Аддикция представляет собой патологическую потребность, которую человек испытывает при выполнении определенных действий. Для аддикта мир – это тюрьма, оттуда не вырваться, поэтому лучше уйти от решения этой проблемы любым доступным способом. Для удовлетворения этой потребности он обращается к любому стимулу, способным искусственно изменить его психическое состояние и улучшить настроение. Важно подчеркнуть, что с течением времени человеку становится необходимо больше новых стимулов или их повышенная интенсивность для достижения этого состояния.

Исходя из классификаций различных авторов, можно выделить следующие типы аддиктивного поведения: азартные игры, компьютерные игры, алкоголизм, наркомания, табакокурение, нарушение пищевого поведения, длительное прослушивание музыки, токсикомания. Остановимся на их рассмотрении более подробно.

Азартные игры являются формой аддикции – зависимостью, которая приводит к разрушению жизни человека на различных уровнях. Могут вызывать зависимость по нескольким причинам. Во-первых, многие люди ищут способ отвлечься от повседневных забот и стресса. Онлайн-казино и игорные заведения создают атмосферу, которая усиливает чувство удовольствия и волнения. Кроме того, механизм «вознаграждения», основанный на системе случайных выигрышей, может создать зависимость аналогичную наркотической. Азартные игры имеют не только личные, но и социальные последствия. В обществах с высокой распространенностью азартных игр наблюдается рост преступности, связанной с долговыми обязательствами. Это также создает нагрузку на системы здравоохранения и социальной защиты, которым приходится решать проблемы, возникающие вследствие игровой зависимости [3].

Профилактика и лечение: когнитивно-поведенческая терапия (КПТ), семейное консультирование, медикаментозная поддержка (антидепрессанты, стабилизаторы настроения), а также программы самопомощи и реабилитации.

Аддикция к компьютерным играм проявляется чрезмерным временем, проведённым в игровом процессе, вплоть до социальной изоляции, нарушений сна и психоэмоционального истощения. Этот тип зависимости часто наблюдается у подростков и молодых взрослых. Многие люди используют игры как способ избежать реальности, стрессов и проблем. Увлекательные игровые миры позволяют отвлечься от повседневных забот и почувствовать себя успешным. Онлайн-игры предлагают возможность общения и взаимодействия с другими игроками. Однако иногда это общение становится заменой реальным межличностным связям, что может углубить зависимость. Часто затрагивают механизмы вознаграждения – прогресс, достижения, победы. Это создает ощущение удовлетворения и может привести к неконтролируемой тяге продолжать играть [1].

Профилактика и лечение: ограничение времени игры, создание альтернативных форм досуга, психотерапия (КПТ, мотивационное интервью), семейная терапия и, при необходимости, медикаментозная коррекция сопутствующих расстройств.

Алкоголизм представляет собой хроническое заболевание, которое приводит к множеству серьезных негативных последствий для здоровья, психики и социальной жизни человека. Злоупотребление алкоголем вызывает разрушение внутренних органов: развивается жировая дистрофия печени, алкогольный гепатит и цирроз, которые часто необратимы и смертельны. Постоянная интоксикация приводит к дегенеративным изменениям в головном мозге, снижая когнитивные функции, память и концентрацию внимания. Кроме того, ведет к разрушению семейных отношений, утрате трудоспособности и социальной изоляции [4].

Профилактика и лечение: мотивационные программы, детоксикация, медикаментозное лечение (антагонисты опиоидных рецепторов, алкогольдегидрогеназные ингибиторы), психотерапия и участие в общественных группах поддержки (например, «Анонимные алкоголики»).

Наркомания – это серьезная форма аддиктивного поведения, которая приводит к разрушительным последствиям как для личности, так и для общества. Зависимость от наркотиков может вызвать ухудшение физического и психического здоровья, приводя к заболеваниям, передающимся через кровь, разрушению органов и хроническим расстройствам. Она также серьезно влияет на социальные отношения, часто приводя к изоляции, потере работы и разрушению семей. Кроме того, наркомания может способствовать росту преступности и напряженности в обществе, создавая дополнительные нагрузки на системы здравоохранения и социальной помощи [5].

Профилактика и лечение: комплексный подход, включающий детоксикацию, заместительную терапию, психотерапию (КПТ, мотивационные техники), социальную реабилитацию и профилактические мероприятия среди уязвимых групп.

Табакокурение является одной из наиболее распространенных форм аддикции, обладающей выраженной никотиновой зависимостью. Зависимость от никотина вызывает серьезные заболевания, такие как рак легких, сердечно-сосудистые заболевания и хронические заболевания органов дыхания. Кроме того, курение наносит вред не только самому курильщику, но и окружающим через пассивное курение, которое также связано с серьезными рисками для здоровья. Социальные и экономические последствия включают повышение затрат на медицинское обслуживание и снижение производительности труда, что негативно сказывается на обществе в целом [9].

Профилактика и лечение: использование никотинозаместительной терапии, медикаментозная поддержка (бупропион, варениклин), поведенческая терапия, образовательные программы и общественные инициативы по ограничению курения в общественных местах.

Нарушение пищевого поведения приводит к тяжелым последствиям для физического и психического здоровья. Эти расстройства могут вызывать значительные проблемы с

метаболизмом, нарушение работы органов, остеопороз и сердечно-сосудистые заболевания. Психологические последствия включают депрессию, тревожность и низкую самооценку, что усугубляет социальную изоляцию и затрудняет межличностные отношения. В конечном итоге, нарушение пищевого поведения не только разрушает здоровье индивида, но и создает нагрузки на системы здравоохранения и поддержки, необходимым для помощи страдающим от этих расстройств.

Профилактика и лечение: психотерапия (КПТ, семейная терапия), медикаментозное лечение при сопутствующих психических расстройствах, диетологическая поддержка и образовательные программы.

Хотя прослушивание музыки чаще всего рассматривается как позитивная и полезная форма досуга, оно также может стать аддиктивным поведением в некоторых случаях. Чрезмерное увлечение музыкой может привести к социальной изоляции, когда человек предпочитает проводить время с наушниками, игнорируя личные отношения и общественные взаимодействия. Кроме того, постоянное увлечение музыкой на фоне стресса или депрессии может служить способом избегания реальных проблем, что препятствует их решению. В некоторых случаях такая зависимость может также повлиять на физическое здоровье, если, например, ведет к недостаточной активности или нарушению сна из-за постоянного прослушивания.

Профилактика и лечение: психотерапия для контроля связанных с этим симптомов, развитие социальных навыков, переключение внимания на разнообразные виды активности.

Токсикомания связана с использованием токсичных веществ, таких как растворители, газированные жидкости и другие химические соединения, с целью получения эйфории. Эта зависимость приводит к серьезным нарушениям здоровья, включая повреждение органов (например, печени, почек и легких), неврологические расстройства и риск развития психозов. Поскольку токсикомания часто приводит к социальным и психологическим проблемам, то зависимые люди могут страдать от изоляции, разрушения семейных отношений и снижения качества жизни. Кроме того, наркозависимые могут вовлекаться в преступную деятельность для получения средств на наркотики, что создает дополнительные проблемы как для них самих, так и для общества в целом.

Профилактика и лечение: социальная реабилитация, психологическая поддержка, медикаментозное лечение интоксикаций, образовательные программы и контроль доступа к токсичным веществам.

Каждый из рассмотренных типов аддикции требует дифференцированного и комплексного подхода, объединяющего медицинские, психотерапевтические и социально-реабилитационные стратегии для достижения максимально устойчивого результата.

Из вышеперечисленного можно сделать вывод, что аддиктивное поведение – это разновидность девиантного поведения, при котором человек стремится уйти от реальности, искусственно изменяя своё психическое состояние с помощью употребления веществ или постоянной фокусировки внимания на определённых занятиях, чтобы вызвать и поддерживать сильные эмоции. Причины его возникновения многообразны: важную роль играют неправильно построенное воспитание в семье, уровень психологического комфорта ребёнка, индивидуально-типические особенности личности, а также различные социальные факторы.

В мотивационной сфере аддиктивного человека доминирует желание избежать реальных проблем, неспособность справляться с трудностями, а также склонность к поиску ярких эмоциональных переживаний и рисковому поведению.

Профилактика аддиктивного поведения является ключевым аспектом борьбы с негативным влиянием на подростков. Эффективные превентивные меры должны

затрагивать всех, кто влияет на подростка: самого подростка, взрослых близких и педагогов, а также его окружение сверстников как в неформальных, так и в организованных группах. В работе с подростками применяются такие методы как арт-терапия, дискуссии, ролевые игры, поведенческая психотерапия и другие.

Библиографические ссылки

1. Карпухин, А.А. Компьютерная игромания у подростков: историко-теоретический аспект / А.А. Карпухин. - Вестник магистратуры. - 2018. - № 12-2 (87) – Текст: электронный <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternaya-igromaniya-u-podrostkov-istoriko-teoreticheskiy-aspekt>.
2. Короленко, Ц.П., Дмитриева, Н.В. Психосоциальная аддиктология / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. - Новосибирск: Олсиб, 2001. - 251 с. – Текст: непосредственный.
3. Колесникова, Л.И. Азартно-игровая и интернет-зависимость среди подростков / Л.И. Колесникова. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. - 208 с. – Текст: непосредственный.
4. Мещеряков, Б.М., Зинченко, В.П. Аддиктивное поведение / Большой психологический словарь / Б.М. Мещеряков. – СПб.: ПРАЙМ – ЕВРОЗНАК, 2007. - 672. - Текст: непосредственный.
5. Менделевич, В.Д. Наркозависимость и коморбидные расстройства поведения / В.Д. Менделевич. - М.: МЕДпресс-информ, 2003. – 328 с. – Текст: непосредственный.
6. Менделевич, В.Д. Психология девиантного поведения / В.Д. Менделевич. - СПб.: Речь, 2005. – 445 с. – Текст: непосредственный.
7. Пезешкиан, Н. Психосоматика и позитивная психотерапия: Пер. с нем. / Н. Пезешкиан. - 2-е издание. – М.: Институт позитивной психотерапии, 2006. – 464 с. – (серия «Позитивная психотерапия») – Текст: непосредственный.
8. Реан, А.А. Психология человека от рождения до смерти / А.А. Реан. - М.: Прайм - Еврознак, 2012. - 475 с. – Текст: непосредственный.
9. Смагин, С.Ф. Аддикция, аддиктивное поведение/ С.Ф. Смагин. - СПб.: МИПУ, 2000. – 250 с. – Текст: непосредственный.

© Пимченко А.А., Спиглазова М.В., Девятловский Д.Н., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ СОТРУДНИКОВ В СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЯХ

Н. И. Стрельникова

студент 4 курса,
ТГТУ,

г. Тамбов, Россия

М. В. Юрьева

доцент,

МичГАУ,

г. Мичуринск, Россия

В статье рассматривается понятие психологической устойчивости, изучаются ее компоненты и их характеристики. Рассматривается взаимосвязь между стрессом и профессиональной деятельностью, выявляются причины возникновения стресса. Представлены методы диагностики психологической устойчивости, а также методы развития психологической устойчивости.

Ключевые слова: психологическая устойчивость, стресс, профессиональная среда, источники стресса, методы диагностики психологической устойчивости, методы развития психологической устойчивости.

The article discusses the concept of psychological stability, examines its components and their characteristics. It also explores the relationship between stress and professional activities, identifying the causes of stress. The article presents methods for diagnosing psychological stability and developing psychological resilience.

Keywords: psychological stability, stress, professional environment, sources of stress, methods of psychological stability diagnostics, methods of psychological stability development.

Существование современного человека, когда темп жизни все быстрее набирает обороты, насыщена разнообразными ситуациями, которые сопровождаются массой переживаний и эмоций. Ежедневно мы сталкиваемся с всевозможными обстоятельствами, которые могут приносить не только удовлетворение и радость, но и тревогу, даже панику и расстройства. Особенно остро подобное встречается в профессиональной среде, где под давлением строгих временных рамок, огромного количества информации (информационной перегрузки), постоянных обязанностей, необходимости как можно быстрее принимать решения повседневная работа превращается в ужасный источник стресса.

В таких условиях важно понимать, что стресс является естественной реакцией организма на давление и вызовы. В психологии изучение стресса и его влияния на эмоциональное и физическое состояние человека занимает одно из ключевых мест. И это касается не только анализа причин стресса – разрабатываются методы его управления и снижения, профилактики эмоционального выгорания.

Психология помогает нам осознать, как именно можно справляться с эмоциями, как находить здоровые способы релаксации и как повышать свою устойчивость к стрессовым воздействиям, увеличивать уровень личной и коллективной психологической устойчивости перед лицом сложностей, снижать риски заболеваний, вызванных в том числе хроническими переживаниями.

Что же такое психологическая устойчивость? Психологическая устойчивость – это способность человека поддерживать наилучший режим функционирования психики даже

при изменении условий и воздействии стресса. Она служит основным ресурсом для поддержания физического и психического благополучия, помогает людям адаптироваться в социальной среде и справляться с жизненными трудностями, сохраняя эффективность в разных обстоятельствах [2]. «Это свойство личности, формирующееся одновременно с ее развитием, зависит от: типа нервной системы человека; опыта человека, профессиональной подготовки; навыков и умений поведения и деятельности; уровня развития основных познавательных структур личности» [4, с. 72].

Психическое состояние человека играет ключевую роль в определении того, как именно он реагирует на внешние раздражители и негативные ситуации. Именно оно определяет уровень психологической устойчивости и влияет на поведение и адаптацию индивида в сложных жизненных условиях.

Стоит сказать, что чаще всего психологическую устойчивость понимают как умение выдерживать негативные воздействия (тревожность; испуг; паника; депрессивное состояние; ужас и т.д.) [3].

Основные составляющие психологической устойчивости включают стойкость, уравновешенность и сопротивляемость [5].

1. Стойкость отражает способность сохранять позитивный настрой и четкую цель, даже сталкиваясь с проблемами, что достигается наличием ясных жизненных ориентиров и удовлетворенностью основными потребностями.

2. Уравновешенность показывает, насколько человек способен контролировать свое эмоциональное состояние и соотносить уровень напряжения с доступными внутренними ресурсами.

3. Сопротивляемость (она же резистентность) характеризует способность противостоять внешнему давлению, сохранять автономию и самостоятельно решать проблемы.

Не менее важны и такие качества, как самодостаточность – это способность полагаться на собственные силы и убеждения, не подвергаясь сильному влиянию внешнего мнения; оптимизм – положительное мировосприятие, характеризующееся убежденностью в достижении желаемого результата и видением света впереди, даже в сложных обстоятельствах; обучаемость – способность непрерывно усваивать новые знания и навыки, адаптируясь к изменениям и открывая новые горизонты для дальнейшего развития; коммуникабельность – умение устанавливать и поддерживать контакты с окружающими, формировать надежные социальные связи, способные обеспечить поддержку в трудные минуты.

А что происходит в профессиональной среде? Как она сказывается на уровне стресса сотрудников?

Работа занимает значительное место в жизни современного человека, оказывая мощное влияние на его психическое и физическое состояние. Многие исследователи отмечают, что профессиональная деятельность становится одной из ключевых причин появления стресса, усталости и снижения уровня удовлетворенности жизнью. Регулярное пребывание в неблагоприятных профессиональных условиях создает хроническую нагрузку на нервную систему, снижает мотивацию и способствует развитию депрессивных расстройств [6].

Проблема усугубляется еще и отсутствием адекватных механизмов защиты работников от чрезмерных нагрузок и несоответствия ожиданий реальности. Молодые специалисты особенно уязвимы: столкнувшись с низкой зарплатой, плохими условиями труда, недостатком социальных гарантий, они испытывают сильный стресс и демотивацию. Эти обстоятельства формируют порочный круг, в котором низкая заработная плата вынуждает сотрудников оставаться на невыгодных позициях, испытывая постоянные переживания и страх потерять источник дохода.

Профессиональное выгорание и депрессия становятся распространенными явлениями, препятствующими личностному росту и полноценному участию в общественной жизни. Важно понимать, что подобные тенденции представляют серьезную проблему для общества в целом, поскольку ведут к снижению качества жизни населения и увеличению числа заболеваний, связанных с хронической усталостью и стрессом. Необходим комплекс мер, направленных на улучшение условий труда, поддержку молодых специалистов и развитие системы профессиональной ориентации, чтобы предотвратить распространение негативных последствий трудовой деятельности.

Стресс сотрудников – явление комплексное. Оно зависит от воздействия множества внешних и внутренних факторов.

Одним из существенных источников стресса являются высокие рабочие нагрузки и установленные руководством жесткие сроки выполнения задач, что, в свою очередь, приводит к постоянному напряжению и чувству нехватки времени. Дополнительным фактором стрессового состояния является ограниченная свобода сотрудников при принятии решений, что связано с отсутствием ощущения самостоятельности.

Еще одним мощным катализатором стресса является нестабильность на рабочем месте, будь то изменения в структуре компании, сокращение штата или общая экономическая неопределенность. Такие факторы ещё больше усиливают тревогу и неуверенность в будущем, делая ежедневную работу ещё более стрессовой.

Между тем, внутренняя атмосфера коллектива тоже играет огромную роль: конфликты с коллегами, интриги и скрытые соперничества зачастую создают атмосферу недоверия и напряжения, дополнительно осложняющую профессиональный путь.

Кроме того, важно учитывать, что несоответствие квалификации сотрудника профессиональным требованиям способно стать весомой причиной повышенной тревожности и неуверенности в собственных силах. Например, сотрудник, работающий на позиции, превышающей его реальные компетенции, неизбежно, рано или поздно, столкнется с повышенным риском ошибок и критики, что обычно резко повышает уровень стресса. Помимо этого, неблагоприятные условия труда – физический дискомфорт, шум, пыль, нерегулярный график работы – действуют угнетающе, истощая организм и делая человека менее устойчивым к любым стрессорам.

Нельзя забывать и о внутреннем отклике каждого отдельного сотрудника на внешние обстоятельства. Различные типы личности, в зависимости от воспитания, характера и темперамента, накопленного жизненного опыта, возраста, по-разному реагируют на одни и те же обстоятельства, ситуации и препятствия: для кого-то задача станет испытанием, другим эта же задача покажется более чем простым препятствием. Немаловажны и такие аспекты, как баланс между работой и личной жизнью, а также отдых и поддержка со стороны руководства и коллег. Если человек погружён исключительно в рабочую сферу, страдает его личное пространство, накапливается усталость, возрастает чувство неудовлетворенности и появляется раздражение.

И наконец, глобальная цифровизация охватывает практически все аспекты человеческой жизни: дистанционное обучение, удалённую работу, онлайн-покупки, виртуальное общение, широкое применение искусственного интеллекта и многое-многое другое. Сейчас трудно представить повседневную жизнь без смартфонов, интернета и разнообразных цифровых сервисов. Современный технологический прогресс приносит дополнительные стрессовые элементы: автоматизация и цифровизация меняют традиционные подходы к выполнению задач, оставляя сотрудников в роли догоняющих, теряющих связь с новыми тенденциями и боящихся оказаться ненужными рынку труда [7].

Именно поэтому компании обязаны внимательно подходить к разработке мероприятий по снижению стресса среди сотрудников, уделять внимание улучшению

условий труда, а также проводить различные диагностики уровня психологической устойчивости.

Методы диагностики уровня психологической устойчивости сотрудников представляют собой важный инструмент для оценки их способности справляться со стрессом и адаптироваться к изменениям, и одним из распространенных подходов является использование всевозможных тестов, анкет и опросников, которые позволяют сотрудникам самооценить уровень своего стресса и устойчивости. Параллельно с этим тесты на трудоспособность, имитирующие стрессовые ситуации, помогают проанализировать, как сотрудники будут реагировать на давление в реальных условиях.

Чтобы лучше понимать, как сотрудники реагируют на стресс, следует изучать их реакции на столкновение с трудностями, выстраивать систему поддержки и обратной связи от коллег и руководства, организовывать тренинги, разрабатывать оптимальные стратегии для преодоления стрессов, отслеживать рабочее время и нагрузку для выявления факторов, которые могут сказываться на психологической устойчивости,

Небольшие стрессы иногда даже полезны, потому что помогают человеку расти и развиваться. Но если напряжение становится постоянным и длительным, оно может негативно сказываться на здоровье организма.

Ганс Селье, венгерско-канадский патолог и эндокринолог, которого называют «отцом биологического стресса», начал первым изучать стресс в 1936 году. По его теории стресс – ответ организма и психики на предъявляемое ему требование. Г. Селье разделял стресс на два вида: диастресс и аустресс. Аустресс автор связывал с положительным влиянием стресса на организм человека, полученное от преодоления негативного влияния. Диастресс рассматривался как продолжительное давление отрицательных факторов, способствующих вызывать у человека чувство беспомощности, невозможность преодолеть стрессовую ситуацию.

Полностью исключить стрессовые ситуации невозможно, да и не нужно, если речь идет об эустрессе. В любом случае, человеку необходимо эффективно противостоять и уметь преодолевать стресс» [1, с. 262].

Развитие психологической устойчивости сотрудников требует комплексного подхода, сочетающего методы индивидуальной и групповой работы. Организация интересных тренингов по управлению стрессом и эмоциональной регуляции однозначно может помочь освоить практические инструменты снятия напряжения и предупреждения выгорания, а проведение семинаров и лекций по здоровому образу жизни, в том числе по правильному распорядку дня, способствовать укреплению физических ресурсов и сохранению хорошего самочувствия.

Уместными будут и реализация наставнических программ и коучинга – молодые специалисты смогут получить своевременную поддержку опытных коллег, научиться эффективно разрешать сложные ситуации и повышать свою квалификацию. Создание комфортных условий труда, включая эргономичную организацию рабочего пространства (т.е. удобное расположение вещей и предметов на рабочем месте) и соблюдение норм охраны труда, снижает риск переутомления и поддерживает высокий уровень работоспособности. Хорошим методом является привлечение профессионалов-психологов для консультирования сотрудников – это поможет вовремя выявлять и устранять психологические барьеры, мешающие успешной деятельности.

Компаниям полезно регулярно обучать своих сотрудников эффективному целеполаганию и планированию времени, т.к. это поможет им научиться разумнее распоряжаться своими ресурсами, избегать переутомления и эмоционального выгорания. Работников также следует информировать о преимуществах ведения здорового образа жизни (занятиях спортом, правильном питании, важности сна) и поддерживать стремление к нему. Всё это формирует здоровый коллектив и повышает устойчивость к стрессам.

В очередной раз отметим, что психологическая устойчивость способствует сохранению жизнестойкости.

Человек не должен полагаться исключительно на компанию, в которой работает, или вышестоящее руководство. Главное – научиться прислушиваться к собственным эмоциям и уметь их анализировать. Для развития этих навыков нужна тщательная и непрерывная работа над собой (регулярное чтение книг, получение новых знаний, развитие критического мышления, расширение кругозора). И конечно нельзя забывать о том, что принятие полной ответственности за свою жизнь, судьбу, понимание того, что успех, счастье находятся в руках самого человека, являются неотъемлемой частью уверенности и психологической устойчивости.

Как именно сотрудники демонстрируют психологическую устойчивость, сталкиваясь со стрессом?

Можно представить следующую, вполне типичную ситуацию: крупная компания внедряет новую стратегию бизнеса, которая кардинально меняет структуру подразделений и вводит новые критерии оценки эффективности сотрудников. Некоторые работники оказываются неподготовленными к таким масштабным переменам, начинают сомневаться в своей профессиональной пригодности и чувствуют растущую тревогу.

Однако некоторые сотрудники, наоборот, демонстрируют высокий уровень психологической устойчивости – они не паникуют и не опускают руки, а напротив, стремятся изучить нововведения, участвуют в обучающих программах, консультируются с коллегами и руководствуются здравым смыслом. Благодаря своему опыту, уверенности в собственных силах и, в том числе, оптимизму, они находят оптимальные пути адаптации к новым условиям, принимают решения взвешенно и продолжают качественно выполнять свои обязанности, несмотря ни на что.

Именно такой подход свидетельствует о высоком уровне психологической устойчивости, которая проявляется в способности эффективно справляться с изменениями, контролировать эмоции и демонстрировать ответственное отношение к делу даже в условиях стресса.

В заключение подчеркнем значимость развития психологической устойчивости сотрудников, выступающей основой для эффективного преодоления профессиональных стрессов. Устойчивость представляет собой сложный феномен, тесно связанный с особенностями профессиональной деятельности и индивидуальной спецификой личности.

Повышение уровня психологической устойчивости обеспечивается не только персональной работой сотрудников над собой, но и организацией комплексной профилактики, реализуемой посредством специализированных тренингов, психологических консультаций, спортивной активности, а также созданием условий для комфортного и продуктивного взаимодействия в коллективе. Все это способствует повышению уверенности сотрудников в своих силах, снижению уровня стресса и усилению их профессионально-личностного потенциала.

Следовательно, развитие психологической устойчивости должно стать неотъемлемой частью кадровой политики организаций, заинтересованных в обеспечении стабильно высокой производительности и сохранении здоровья своих сотрудников.

Библиографические ссылки

1. Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: материалы конференции / под ред. Ж. В. Мурзиной, А. В. Кузнецова. – Чебоксары: 2022.
2. Векторы психологии: психолого-педагогическая безопасность и здоровье личности: VI Международная заочная научно-практическая конференция (Гомель, 27

июня 2024 г.). Сборник материалов / гл. ред. Т. Г. Шатюк. – Гомель: ГГУ имени Ф. Скорины, 2024.

3. Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы IX Международной научной конференции (Донецк, 15–17 октября 2024 г.): в 10 т. / под общ. ред. С. В. Беспаловой. – Донецк: ДонГУ, 2024. – Т. 9: Философские и психологические науки.

4. Жесткова, Н. А. Кризисные коммуникации: учебное пособие / Н. А. Жесткова. – Самара: ПГУТИ, 2022.

5. Использование артпедагогических технологий в коррекционной работе: учебное пособие / Т. Г. Неретина, С. В. Клевесенкова, Е. Е. Угринова [и др.]; под общ. ред. Т.Г. Неретиной. – 6-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2019.

6. Соловьев М. Н. Психологическая устойчивость личности как фактор эффективного преодоления профессиональных стрессов // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2019. №3.

7. Тихомирова, Е. В., Самохвалова, А. Г. (составители); Крюкова, Т. Л. [и др.] (научные редакторы). Психология стресса и совладающего поведения: устойчивость и изменчивость отношений, личности, группы в эпоху неопределенности: материалы VI Международной научной конференции (г. Кострома, 22–24 сентября 2022 г.) / сост. Е. В. Тихомирова, А. Г. Самохвалова ; науч. ред. Т. Л. Крюкова [и др.]. – Кострома: КГУ, 2022.

© Стрельникова Н.И., Юрьева М.В., 2025

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРЕВОЖНОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ

Темерова Е.И.

студент 4 кур,

АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»

АНО ВО СИБУП

г. Красноярск, Россия

E-mail: Jenu-1308@yandex.ru

Мешикова С.С.

Д-р. биол. н., доцент, профессор кафедры психологии

АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»

АНО ВО СИБУП

г. Красноярск, Россия

E-mail: dixi-1972@yandex.ru

В статье анализируется проблема взаимосвязи тревожности и психологической готовности к профессиональному самоопределению старшеклассников в современном мире. На основе теоретического исследования раскрывается сущность и структурные компоненты психологической готовности, а также ключевые факторы, влияющие на ее формирование. Особое внимание уделяется противоречию между объективной социальной потребностью в раннем и осознанном профессиональном самоопределении молодежи и недостаточной изученностью психологических факторов, в частности уровня и характера тревожности, которые могут существенно тормозить или искажать этот процесс. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов для разработки коррекционно-развивающих программ и совершенствования системы психолого-педагогического сопровождения учащихся.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, психологическая готовность, старшеклассники, тревожность, личностное развитие, образовательная среда.

The article analyzes the problem of the relationship between anxiety and psychological readiness for professional self-determination of high school students in the modern world. Based on theoretical research, the essence and structural components of psychological readiness are revealed, as well as the key factors influencing its formation. Particular attention is paid to the contradiction between the objective social need for early and conscious professional self-determination of young people and insufficient knowledge of psychological factors, in particular the level and nature of anxiety, which can significantly inhibit or distort this process. The practical significance of the work lies in the possibility of using its results to develop correctional development programs and improve the system of psychological and pedagogical support for students.

Key words: professional self-determination, psychological readiness, high school students, anxiety, personal development, educational environment.

Актуальность данной статьи обусловлена комплексом социальных, педагогических и психологических факторов, определяющих важность проблемы профессионального самоопределения старшеклассников в современном мире. С социальной точки зрения,

динамичность и нестабильность современного рынка труда, появление новых профессий и стремительное устаревание других, предъявляют к выпускникам школ повышенные требования. От молодого человека ожидается не просто единовременный выбор профессии, а сформированная способность к проектированию профессионального пути, готовность к постоянному обучению и саморазвитию. Этот вызов современности делает процесс профессионального выбора чрезвычайно сложным и напряженным, повышая субъективную значимость этого решения для старшеклассника и, как следствие, его тревожность.

С педагогической и психологической точек зрения старший школьный возраст (ранняя юность) является сензитивным периодом для формирования профессиональной идентичности. По мнению Э. Эриксона, именно на этой стадии развития личности решается ключевой кризис «Идентичность/ смещение ролей» [14, с. 13]. Успешное разрешение этого кризиса напрямую связано с осуществлением осознанного и самостоятельного профессионального выбора. Однако, как показывают многочисленные исследования (Н.С. Пряжников, Е.А. Климов, А.К. Осницкий), большая часть старшеклассников оказывается психологически не готовой к этому шагу, что проявляется в диффузности профессиональных интересов, нереалистичности выборов, зависимости от мнения родителей и склонности к пассивной тактике «плыть по течению» [4, с. 304].

В этом контексте тревожность становится ключевым психологическим фактором, способным как мобилизовать ресурсы личности на поиск решения, так и дезорганизовать деятельность, провоцируя избегающее поведение и защитные механизмы психики. С одной стороны, умеренный уровень тревожности может способствовать повышению ответственности и активности в сборе информации о профессиях. С другой стороны, высокий уровень ситуативной тревожности, связанный с ситуацией выбора, может блокировать когнитивные процессы, приводить к доминированию эмоциональных реакций, снижению самооценки и в конечном итоге препятствует формированию зрелой и осознанной психологической готовности к профессиональному самоопределению [8, с. 192].

Как следствие, возникает очевидное противоречие: между объективной социальной потребностью в раннем и осознанном профессиональном самоопределении молодежи и недостаточной изученностью психологических факторов, в частности, уровня и характера тревожности, которые могут существенно тормозить или искажать этот процесс у старшеклассников.

На фоне значимых психофизиологических изменений, присущих подростковому периоду, современное обучение предлагает детям весьма стрессогенные ситуации: введение основного и единого государственных экзаменов (ОГЭ, ЕГЭ); необходимость профессионального самоопределения в этот же период; комплексные изменения в сфере профессионального образования, требующие от подростка быстрой ориентации в ситуации, но зачастую не дающие достаточно информации; отсутствие у людей старшего поколения компетентности, позволяющей эффективно помочь подростку в решении данных проблем и т.п. Эти и другие факторы приводят к тому, что одним из доминирующих эмоциональных состояний современных подростков является тревога. При постоянном нахождении человека в определенном эмоциональном состоянии оно постепенно перерастает в качество личности, в нашем случае – в тревожность [6, с. 361].

Позиция отечественных психологов относительно природы и проявления тревоги во многом совпадает с позицией зарубежных психологов. Так А.И. Захаров отмечает, что тревожность как личностная черта формируется только в школьном возрасте, тогда как в дошкольном тревожность носит преимущественно ситуативный характер и поддается коррекции [3, с. 218].

Как известно психологическим симптомом подросткового возраста является чувство взрослости, о котором говорил Л.С. Выготский ещё в 1931 году. Его основой является осознание подростком физиологических сдвигов в собственном организме, так и субъективное переживание социальных изменений (в частности, в отношениях с родителями). Испытывая это чувство, подросток выражает свою жизненную позицию по отношению к себе, людям, миру, определяет содержание социальной активности и особенности внутренней жизни. Своеобразие чувства взрослости заключается в том, что подросток, имея потребность в признании окружающими, отвергает свою принадлежность к детям, но не имеет при этом полноценной взрослости [12, с. 223].

Стремление подростка занять определённую социальную позицию, осуществлять социально одобряемую деятельность порождает главную потребность этого периода – быть значимым в обществе и, прежде всего, в сообществе сверстников. На первый план выступает освобождение от родительской опеки и постепенное вхождение в группу сверстников [12, с. 223].

Интимно-личностное общение со сверстниками помогает проиграть самые разнообразные стороны человеческих отношений. И не случайным является тот факт, что даже ухудшение успеваемости напрямую зависит от нарушения общения со сверстниками и наоборот, снятие напряжения в отношениях, избавление от личностных проблем влечёт за собой улучшение успеваемости [12, с. 223].

Пора юности является напряжённым периодом формирования устойчивого мировоззрения, гражданских качеств личности, выработки ценностных ориентаций и идеалов. Главным в жизни становится определение дальнейшего жизненного пути, выбор профессии. По мнению Л.И. Божович, старший школьник смотрит на настоящее с позиции будущего, в отличие от подростка, смотрящего на будущее с позиции настоящего [12, с. 223].

Если говорить о возникновении тревожности в подростковом возрасте, то важно отметить следующее: даже для здоровых подростков характерны перепады настроения, депрессия, излишняя ранимость, сниженная самооценка. И это не случайно, ещё С. Холл указывал на то, что подростковый возраст считается кризисным периодом, в который подросток испытывает бурные внутренние переживания и эмоциональные трудности (период «бури и натиска»), преодолев которые он приобретает чувство индивидуальности [12, с. 223].

Отрицательные эмоциональные и поведенческие проявления в подростковом возрасте коррелируют с биологическим созреванием, гормональной перестройкой, а также переживанием, связанным с отношением к себе, к своей личности – подростки становятся застенчивыми, придают большое значение недостаткам внешности (действительным и мнимым), что приводит к формированию чувства неполноценности, замкнутости и даже неврозу [12, с. 223].

Повышенный уровень тревожности в подростковом возрасте также может быть связан с фрустрацией потребности устойчивого удовлетворительного отношения к себе со стороны «значимых» людей и с формированием психастенической акцентуации характера, отличительной особенностью которой являются тревожно-мнительные черты [12, с. 223].

Довольно часто в практике школьной жизни дети с выраженной тревожностью считаются наиболее «удобными» для учителей и родителей: они всегда готовят уроки, стремятся выполнять все требования педагогов, не нарушают правила поведения в школе. С другой стороны, это не единственная форма проявления высокой школьной тревожности; зачастую это проблема и наиболее «трудных» детей, которые оцениваются родителями и учителями как «неуправляемые», «невнимательные», «невоспитанные», «наглые». Такое разнообразие проявлений школьной тревожности обусловлено неоднородностью причин, приводящих к школьной дезадаптации [7, с. 248].

Обладея настойчивым чувством взрослости, подросток не имеет реальной возможности утвердить себя среди взрослых – возникает противоречие между желанием и возможностями, несущее за собой целую вереницу отрицательных эмоциональных состояний, в том числе и тревожность. Следует отметить, что тревожность может настолько парализовать социальную жизнь подростка, что он достаточно часто отказывается от большинства форм групповой активности [12, с. 224].

Именно в подростковом возрасте тревожность становится устойчивым личностным образованием, а высокий уровень тревожности способствует развитию астении и психосоматических заболеваний. При этом отмечается преобладание эмоциональных расстройств у девочек – депрессия, страхи, тревожные состояния; для мальчиков – нарушения в поведении [12, с. 224].

А.М. Прихожан предлагает дифференциацию тревожности в зависимости от ситуации на самооценочную, межличностную и учебную. Мы говорим о самооценочной тревожности, когда ситуация или обстоятельства испытывают на прочность наши представления о себе. Межличностная тревожность характерна для ситуаций межличностных взаимодействий и учебная – для ситуаций обучения [9, с. 169]. А.М. Прихожан также предложила выделять открытые и закрытые формы тревожности. К открытым относятся культивируемая тревожность, острая, нерегулируемая тревожность и регулируемая, компенсирующая тревожность. К закрытым формам автор отнесла так называемые маскированные формы тревожности, где в качестве масок могут выступать агрессивность, лживость, чрезмерная мечтательность, лень и видимое безразличие [10, с. 64].

Е.В. Новикова и Б.И. Кочубей отмечали связь тревожности с деятельностью и выделили три вида тревоги: деструктивный, недостаточный и конструктивный. Деструктивный вид тревоги отрицательно влияет на общую продуктивность выполняемой деятельности и ухудшает при этом общее психологическое состояние человека. Недостаточный вид тревоги, напротив, проявляется в низком уровне – там, где она объективно необходима. Конструктивный вид тревоги характеризуется оптимальным уровнем, положительно влияющим на общую эффективность деятельности [5, с. 80].

Итак, рост тревожности в подростковом и юношеском возрасте детерминирован комплексом факторов, среди которых ключевыми являются социально-психологические и учебно-профессиональные. Важно отметить, что в структуре школьных страхов у старшеклассников преобладают фобии, связанные с социальным взаимодействием и оценкой со стороны значимых других.

Далее раскрою феномен психологической готовности к профессиональному самоопределению, её структуру, критерии и факторы формирования у старшеклассников.

Эффективность выбора профессии, подобно другим видам сложных решений, определяется множеством факторов, среди которых особую значимость приобретает психологическая готовность к профессиональному самоопределению.

Вопрос профессионального самоопределения возникает у подростков задолго до готовности сделать осознанный выбор будущей специальности. Их представления о будущем часто имеют абстрактный, мечтательный оттенок и слабо соотносятся с реальной перспективой трудоустройства. Синхронизация представлений о своем месте в мире, когда складываются смысловые ориентиры, адекватная оценка личностных особенностей и непосредственно самого решения о профессиональном пути, происходит позже, примерно в конце юношества или с наступлением зрелости, совпадая с этапом обучения в вузе либо с первыми шагами в профессии. Именно эта временная рассогласованность создает потенциальные риски неверного выбора направления профессиональной деятельности.

Понятие «самоопределение» вполне соотносится с такими модными ныне понятиями как самоактуализация, самореализация, самоосуществление, самотрансценденция. Сущность профессионального самоопределения можно трактовать как поиск и нахождение личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности, а также – нахождение смысла в самом процессе самоопределения [11, с. 21].

Готовность к профессиональному самоопределению – это состояние, характеризующееся активацией внутренних качеств и личностных конструктов для осуществления непосредственно осознанного выбора профессиональной траектории [13, с. 189].

Проанализировав работы исследователей (Л.И. Божович, С.Н. Чистякова, Е.И. Головаха, В.В. Чебышева и др.), можно отметить, что большинству ученых присуще мнение о том, что профессиональное самоопределение является длительным процессом, проходящим практически через всю жизнь человека, и имеет некоторые отличительные признаки:

1. процесс, в ходе которого формируется комплекс потребностей определенной личности и потребностей современной профессиональной действительности;
2. процесс становления профессиональной составляющей индивидуального стиля жизни [2, с. 3].

М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, М.А. Дмитриевой, А.А. Крылова, А.А. Нафтульева выделяют, что готовность включает следующие компоненты: а) мотивационные (потребность успешно выполнить поставленную задачу, интерес к деятельности); б) познавательные (понимание обязанностей, задач, оценки ее значимости, знание средств достижения цели); в) эмоциональные (чувство ответственности, уверенности в успехе, воодушевления); г) волевые (управление собой и мобилизация сил, сосредоточение на задаче, отвлечение от посторонних воздействий) [1, с. 234].

Е.М. Борисова предлагает включить в структуру психологической готовности к профессиональному самоопределению следующие составляющие: а) наличие знаний о мире профессий и их динамике; б) развитые интересы и склонности к разным видам деятельности, которые могут иметь выход на профессиональную деятельность; в) развитые профессиональные намерения; г) адекватная оценка своих возможностей по отношению к разным видам деятельности; д) умение соотносить свои интересы и способности с миром профессий; е) активность в стремлении познать себя; ж) определенная самостоятельность, независимость суждений относительно своих профессиональных намерений; з) определенная зрелость личности [1, с. 234].

Основные факторы профессионального самоопределения Е.А. Климов раскрывает в структуре следующей модели – «восьмиугольнике основных факторов выбора профессии», которые характеризуют ситуацию профессионального самоопределения и определяют само качество профессиональных планов подростка:

- 1) учет своих склонностей;
- 2) учет способностей, внешних и внутренних возможностей;
- 3) учет престижности выбираемой профессии;
- 4) учет информированности о ней;
- 5) учет позиции родителей;
- 6) учет позиции одноклассников, друзей и сверстников;
- 7) учет потребностей производства («рынка»), а также
- 8) наличие определенной программы действий по выбору и достижению профессиональных целей – с личной профессиональной перспективы [11, с. 25].

Итак, готовность к профессиональному самоопределению подростков – это сформированная у подростков установка на осознанный выбор профессии, осуществление

нравственной, психологической подготовки, овладение знаниями, умениями, необходимыми для будущей профессиональной деятельности, которая завершается актом реализации профессионального намерения. Структуру готовности к профессиональному самоопределению представляет совокупность следующих компонентов: мотивационно-потребностный (профессионально значимые потребности, мотивы деятельности, позитивное отношение к деятельности), когнитивный (знания материала учебных предметов, связанного с будущей профессиональной деятельностью; профориентационные сведения общего характера; конкретные знания об избранном виде профессиональной деятельности; знания о себе, о своих личностных качествах, о состоянии здоровья), деятельностно-практический (общеинтеллектуальные умения; коммуникативные умения; профессиональная мобильность), эмоционально-ценностный [2, с. 5].

Таким образом, проведенный теоретический анализ позволяет заключить, что готовность к профессиональному самоопределению представляет собой комплексное, многокомпонентное образование, интегрирующее личностные и деятельностные характеристики старшеклассника. Её сущность заключается в сформированной способности к осознанному и самостоятельному построению профессиональных перспектив, основанных на адекватной самооценке, знаниях о мире профессий и устойчивой мотивации.

Структура данного феномена включает взаимосвязанные компоненты: мотивационно-потребностный (позитивное отношение к труду, осознанные профессиональные намерения), когнитивный (информированность о профессиях и знания о своих способностях), эмоционально-волевой (уверенность, ответственность, способность к саморегуляции) и деятельностно-практический (умения соотносить свои способности с требованиями профессии). Формирование готовности детерминировано широким спектром факторов, среди которых ключевыми выступают внутренние (склонности, способности, самооценка) и внешние (социальное окружение, престиж профессии, потребности рынка труда).

Особую актуальность проблема формирования психологической готовности приобретает в старшем школьном возрасте, который является сензитивным периодом для построения личной профессиональной перспективы. При этом тревожность выступает психологическим фактором, способным как мобилизовать ресурсы личности на поиск решения, так и дезорганизовать деятельность, препятствуя формированию зрелой готовности. Своевременное и целенаправленное развитие всех структурных компонентов готовности, а также психопрофилактическая работа, направленная на оптимизацию уровня тревожности, создает основу для успешного и ответственного выбора профессии, что в итоге способствует не только профессиональной реализации, но и личностному становлению в целом.

Библиографические ссылки

1. Арон, И.С. Психологическая готовность к профессиональному самоопределению / И.С. Арон // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2010. – № 1. – С. 233-236.
2. Варданян, В.А. Сущность и структура готовности к профессиональному самоопределению подростков / В.А. Варданян, А.П. Русяев // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – Т. 7, № 5. – С. 1-7.
3. Дерманова, И.Б. 5. Диагностика эмоционально-нравственного развития / И.Б. Дерманова. – СПб : Питер, 2002. – 218 с.
4. Климов, Е.А. Психология профессионального самоопределения : учебно-методическое пособие / Е.А. Климов. – Москва : Издательский центр «Академия», 2018. – 304 с.

5. Кочубей, Б.И. Эмоциональная устойчивость школьника / Б.И. Кочубей. – Москва : Знание, 1988. – 80 с.
6. Малолеткова, А.В. Взаимосвязь тревожности и профессиональных склонностей у детей старшего подросткового возраста / А.В. Малолеткова // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 6. – С. 361.
7. Микляева, А.В. Школьная тревожность: диагностика, коррекция, развитие / А.В. Микляева, П.В. Румянцева. – СПб : Речь, 2004. – 248 с.
8. Прихожан, А.М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст / А.М. Прихожан. – СПб : Питер, 2019. – 192 с.
9. Прихожан, А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика / А.М. Прихожан. – Москва-Воронеж : НПО «МОДЭК», 2000. – 301 с.
10. Прихожан, А.М. Тревожность: явление, причины, диагностика / А.М. Прихожан // Школьный психолог. – 2004. – № 8. – С. 64-73.
11. Пряжников, Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика : учебно-методическое пособие / Н.С. Пряжников. – Москва : "Академия", 2020. – 499 с.
12. Стрижиус, Е.И. К проблеме формирования тревожности в переходный период (от подросткового к юношескому возрасту) / Е.И. Стрижиус // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 12. – С. 223-225.
13. Холостова, Н.Б. Психологические факторы готовности к профессиональному самоопределению подростка / Н.Б. Холостова, Э.Н. Гилемханова // Казанский педагогический журнал. – 2019. – № 1. – С. 188-192.
14. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – Москва : Прогресс, 1996. – 344 с.

© Темерова Е.И., Мешкова С.С., 2025

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГУЛЯТОРНЫХ МЕХАНИЗМОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Н.Н. Тимохин

Аспирант

ФГАО ВО ЮФУ,

г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: timokhin@sfedu.ru

Статья представляет теоретический анализ трансформации регуляторных механизмов профессиональной коммуникации в условиях цифровизации. На основе интегративного подхода выявлены изменения на когнитивном, эмоционально-аффективном и социально-нормативном уровнях, ведущие к регуляторному перенапряжению. Определены перспективные направления развития регуляторной гибкости для повышения эффективности профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, регуляторные механизмы, цифровизация, саморегуляция, профессиональная эффективность, психология труда.

The article presents a theoretical analysis of the transformation of regulatory mechanisms in professional communication under digitalization conditions. Based on an integrative approach, changes at the cognitive, emotional-affective, and socio-normative levels leading to regulatory overload are identified. Promising directions for developing regulatory flexibility to enhance professional effectiveness are determined.

Key words: professional communication, regulatory mechanisms, digitalization, self-regulation, professional effectiveness, labor psychology.

Цифровая трансформация общества, носящая тотальный характер, реконфигурирует ключевые социальные практики, среди которых профессиональная коммуникация занимает одно из центральных мест. Традиционные, сложившиеся в эпоху доминирования офлайн-взаимодействий, модели общения замещаются гибридными и полностью дистанционными форматами, опосредованными цифровыми платформами, мессенджерами и корпоративными системами на основе искусственного интеллекта. Это порождает принципиально новую коммуникативную среду, характеризующуюся асинхронностью, мультиканальностью, сжатостью временных циклов и алгоритмической регуляцией.

Подобная трансформация объективно требует пересмотра сложившихся регуляторных механизмов, обеспечивающих устойчивость, адекватность и эффективность коммуникации. Однако наблюдается структурный разрыв между скоростью технологических изменений и адаптацией психологических механизмов регуляции, что обуславливает актуальность данного исследования. Проблема заключается в фундаментальном рассогласовании между эволюционно сложившимися формами саморегуляции и нормативного контроля и требованиями, предъявляемыми цифровой средой.

Особую остроту эта проблема приобретает в контексте профессиональной деятельности, где эффективность коммуникации напрямую определяет продуктивность и конкурентные преимущества организаций. Цифровая среда создает парадоксальную ситуацию: с одной стороны, она предоставляет беспрецедентные возможности для оперативного взаимодействия, с другой - порождает новые виды когнитивных нагрузок и

эмоциональных вызовов. Многозадачность, фрагментация внимания, необходимость постоянного контекстного переключения и дефицит невербальных сигналов создают условия для возникновения «регуляторного разрыва» – ситуации, когда традиционные механизмы психической регуляции оказываются неадекватными новым коммуникативным реалиям. Этот регуляторный разрыв проявляется в росте коммуникативных «сбоев», профессионального выгорания и эмоциональной дезадаптации [9]. Технологический стресс становится значимым фактором снижения производительности и удовлетворенности трудом в цифровой среде. Однако существующие исследования часто носят фрагментарный характер, фокусируясь на отдельных аспектах проблемы без учета системного характера трансформации регуляторных механизмов.

Таким образом, возникает необходимость в целостном теоретическом анализе трансформации регуляторных механизмов профессиональной коммуникации, учитывающем взаимосвязь когнитивных, эмоциональных и социально-нормативных аспектов данной проблемы. Такой анализ позволит не только выявить системные закономерности происходящих изменений, но и разработать научно обоснованные подходы к оптимизации профессиональной коммуникации в условиях цифровизации.

Целью настоящего исследования является теоретический анализ трансформации регуляторных механизмов профессиональной коммуникации в условиях цифровизации и выявление системных взаимосвязей между изменениями на когнитивном, эмоционально-аффективном и социально-нормативном уровнях.

Теоретико-методологическое основание исследования составляет интегративный подход, синтезирующий достижения нескольких теоретических направлений:

1. Концепции саморегуляции и когнитивного контроля позволяют анализировать интраиндивидуальные процессы управления поведением и вниманием в условиях цифровых помех и многозадачности [3, 5, 8]. В данном контексте саморегуляция понимается как системный процесс, направленный на достижение профессиональных целей через управление когнитивными ресурсами, эмоциональными состояниями и поведенческими паттернами;

2. Теория обработки социальной информации (Дж. Уолтер) формирует концептуальную основу для анализа трансформации социальной информации в каналах с редуцированной социальной присутствия [10]. Данный подход акцентирует внимание на компенсаторных стратегиях, которые субъекты коммуникации вырабатывают для преодоления дефицита невербальных сигналов;

3. Ресурсный подход и теория сохранения ресурсов С. Хобфолла [7] служит объяснительной моделью для феномена «регуляторного перенапряжения», возникающего, когда психические ресурсы индивида истощаются в попытках соответствовать высоким когнитивным и эмоциональным требованиям многоканальной цифровой среды;

4. Теория социального конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман) выступает в качестве макросоциологической рамки [6]. Она показывает, как в профессиональных сообществах стихийно возникают и легитимируются новые нормы цифровой коммуникации. Эта динамичная трансформация нормативного поля создает ситуацию неопределенности и постоянной адаптации, которая и порождает исследуемые интрапсихические трудности.

Теоретический анализ позволяет выделить три взаимосвязанных уровня трансформации регуляторных механизмов профессиональной коммуникации, отражающих системную перестройку когнитивных, эмоциональных и социально-нормативных процессов:

1. На когнитивном уровне наблюдается усиление роли когнитивного контроля в условиях перманентной когнитивной нагрузки, характеризуемой многозадачностью, фрагментацией информационных потоков и необходимостью постоянного переключения

контекстов. Традиционный механизм фокусного внимания становится недостаточным, что актуализирует потребность в интенсивном использовании когнитивного контроля – способности к селекции релевантной информации, подавлению интерферирующих воздействий и гибкому перераспределению ресурсов внимания в условиях цифровых помех [1]. Это порождает новые регуляторные задачи, включая управление информационной перегрузкой посредством селективной фильтрации, противодействие клиповости мышления и распределение внимания между множеством параллельных коммуникативных каналов. Основным риском данного уровня выступает фрагментация сознания со снижением способности к концентрации, что закономерно ведет к снижению эффективности профессиональной деятельности;

2. На эмоционально-аффективном уровне трансформация приобретает парадоксальный характер: с одной стороны, цифровая среда демонстрирует дефицит эмоциональных сигналов вследствие отсутствия невербалики и паралингвистики, с другой – провоцирует высокую аффективную напряженность в условиях анонимности, асинхронности и культуры мгновенной реакции. Это обуславливает кардинальную перестройку эмоционально-регуляторных механизмов, выражающуюся, во-первых, в актуализации компенсаторной функции, требующей атрибуции эмоциональных состояний партнеров на основе ограниченных текстовых и графических данных с опорой на контекст и социальные схемы. Во-вторых, резко возрастает значимость контроля над импульсивными реакциями, где отсутствие мгновенной невербальной обратной связи создает иллюзию «безопасности» для спонтанных высказываний (феномен онлайн-расторженности). Ключевыми механизмами регуляции становятся сознательная модуляция эмоционального тона сообщений и использование стратегий когнитивного переоценивания для снижения воздействия цифровых стрессоров. Таким образом, дефицит невербальных сигналов создает двойной регуляторный вызов: с одной стороны, он провоцирует коммуникативную неопределенность, закономерно ведущую к эскалации конфликтов на почве ошибок эмоциональной атрибуции; с другой – требует постоянного сознательного контроля над спонтанными реакциями, что ведет к эмоциональному обеднению и снижению эмпатии.

3. На социально-нормативном уровне цифровизация инициирует интенсивный пересмотр устоявшихся регламентов профессионального взаимодействия, где традиционные иерархически закрепленные нормы уступают место спонтанно формирующимся и ситуативно обусловленным правилам. Данный процесс характеризуется тремя ключевыми тенденциями: стихийным формированием цифрового этикета, регулирующего временные параметры ответа и уместность коммуникативных стилей [2]; нормативной неопределенностью и ролевой гибкостью, требующими развитой социальной перцепции; становлением культуры «always on» с её имплицитным требованием постоянной включенности в профессиональные коммуникации [4]. Основные риски заключаются в нормативной неопределенности, порождающей напряженность в коллективах, и институционализации практик, провоцирующих профессиональное выгорание.

Выявленная трансформация порождает ряд значимых последствий. На индивидуальном уровне ключевым дезадаптивным сценарием выступает феномен регуляторного перенапряжения, когда когнитивные и эмоциональные ресурсы индивида истощаются в попытках соответствовать противоречивым требованиям цифровой среды, что проявляется в симптомах хронической усталости, снижении производительности и эмоциональном выгорании. На организационном уровне следствием является снижение эффективности командного взаимодействия, увеличение количества конфликтов и падение лояльности сотрудников.

В качестве ответа на эти вызовы формируются перспективные векторы развития:

1. Целенаправленное развитие когнитивного контроля и цифрового эмоционального интеллекта, направленное на формирование у профессионалов способности к управлению вниманием, точной интерпретации эмоций партнеров и регуляции собственных эмоциональных состояний в цифровой среде;

2. Формирование гибких нормативных систем в организациях, предполагающее переход к созданию адаптивных кодексов цифровой коммуникации, разработанных с участием сотрудников;

3. Интеграция ИИ-ассистентов как внешних регуляторов, использование которых позволяет разгрузить когнитивную и эмоциональную сферу человека за счет поддержки процессов коммуникации;

4. Развитие цифровой ассертивности как компетенции, позволяющей сотрудникам аргументированно регулировать свою доступность и объем цифровых взаимодействий.

В результате проведенного теоретического анализа нами выделены ключевые психологические механизмы, опосредующие трансформацию регуляторных систем в цифровой среде:

1. Механизм компенсаторной регуляции проявляется в развитии способности к атрибуции эмоциональных состояний на основе ограниченных сигналов (текст, эмодзи, временные задержки ответа) и обеспечивает восполнение дефицита невербальной информации, хотя требует значительных когнитивных ресурсов и может приводить к ошибкам интерпретации;

2. Механизм селективного игнорирования, формируясь как адаптивная реакция на информационную перегрузку, проявляется в способности фильтровать и ранжировать входящие сообщения по степени значимости, но в крайней форме может приводить к пропуску важной информации и коммуникационным провалам;

3. Механизм нормативной импровизации отражает процесс спонтанного создания и принятия новых правил цифрового взаимодействия внутри профессиональных сообществ. Этот механизм обеспечивает необходимую гибкость, но одновременно создает риски нормативной неопределенности и ролевой неоднозначности, когда сотрудники сталкиваются с противоречивыми ожиданиями относительно их поведения в цифровом пространстве;

4. Ресурсосберегающая эмоциональная регуляция проявляется в сознательном упрощении эмоционального выражения в цифровых сообщениях для снижения регуляторных затрат, что, с одной стороны, защищает от эмоционального истощения, с другой – может восприниматься как эмоциональная холодность и снижать качество межличностного контакта;

5. Механизм ритмической синхронизации обеспечивает адаптацию индивидуальных рабочих ритмов к асинхронному характеру цифровой коммуникации через выработку личных стратегий управления временем ответа и доступностью.

Выделенные механизмы носят двойственный характер: с одной стороны, они представляют собой адаптивные ответы на вызовы цифровой среды, с другой – сами становятся источниками новых регуляторных напряжений. Их динамическое взаимодействие определяет траекторию трансформации регуляторных систем профессиональной коммуникации в каждом конкретном случае.

Проведенный теоретический анализ позволил выявить системный характер трансформации регуляторных механизмов профессиональной коммуникации в условиях цифровизации. Установлено, что данная трансформация затрагивает три взаимосвязанных уровня функционирования: когнитивный (переход к распределенному вниманию и селективной фильтрации информации), эмоционально-аффективный (компенсация дефицита невербальных сигналов и контроль импульсивных реакций) и социально-нормативный (становление гибких нормативных систем цифрового взаимодействия).

Выявленные изменения носят не адаптивный, а структурный характер, порождая феномен регуляторного перенапряжения как следствия рассогласования между традиционными механизмами саморегуляции и требованиями цифровой среды. Это обуславливает ряд дезадаптивных последствий - от когнитивной фрагментации и эмоционального выгорания до нормативной неопределенности в профессиональных коллективах.

Перспективы преодоления выявленных рисков связаны с целенаправленным развитием регуляторной гибкости через:

- 1) формирование навыков когнитивного контроля и цифрового эмоционального интеллекта;
- 2) проектирование адаптивных нормативных систем организационной коммуникации;
- 3) развитие практик цифровой асертивности и границ профессиональной доступности.

Полученные выводы создают теоретическую основу для разработки программ психолого-педагогического сопровождения профессионального становления и организационных моделей управления коммуникативными процессами в цифровой среде. Дальнейшие исследования могут быть продуктивно направлены на эмпирическую верификацию выявленных закономерностей и разработку конкретных технологий развития регуляторной гибкости специалистов.

Библиографические ссылки

1. Величковский Б.Б., Гусев А.Н., Виноградова В.Ф., Арбекова О.А. Когнитивный контроль и чувство присутствия в виртуальных средах //Экспериментальная психология. – 2016. – Т. 9. – №. 1. – С. 5-20
2. Мамина Р.И., Елькина Е.Е. Сетевое общество и его реалии: цифровой этикет //Дискурс. – 2019. – Т. 5. – №. 2. – С. 24-34.
3. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как психологический ресурс достижения целей //Теоретическая и экспериментальная психология. – 2014. – Т. 7. – №. 4. – С. 62-78.
4. Руднев А.В. Увеличение информационных потоков и их воздействие на человека постиндустриальной эпохи //Гуманитарные исследования. – 2008. – №. 3. – С. 19-22.
5. Сергиенко Е.А. Контроль поведения как основа саморегуляции //Южно-российский журнал социальных наук. – 2018. – №. 4. – С. 130-146.
6. Berger P., Luckmann T. The social construction of reality //Social theory re-wired. – Routledge, 2016. – С. 110-122.
7. Hobfoll S.E. The influence of culture, community, and the nested-self in the stress process: Advancing conservation of resources theory // Applied Psychology. – 2001. – Vol. 50. – No. 3. – P. 337–421.
8. Miller E.K., Cohen J.D. An integrative theory of prefrontal cortex function //Annual review of neuroscience. – 2001. – Т. 24. – №. 1. – С. 167-202.
9. Tarafdar M., Tu Q., Ragu-Nathan T.S., & Ragu-Nathan B.S. The impact of technostress on role stress and productivity //Journal of management information systems. – 2007. – Т. 24. – №. 1. – С. 301-328.
10. Walther J. B. Interpersonal effects in computer-mediated interaction: A relational perspective //Communication research. – 1992. – Т. 19. – №. 1. – С. 52-90.

РАЗВИТИЕ SOFT SKILLS КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Д.А. Федоровская

студент 2 курса

ФГБОУ ВО “Тульский государственный

педагогический университет имени Л.Н. Толстого”

г. Тула, Россия

E-mail: your.lilbooo@gmail.com

Н.С. Бобровникова

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО “Тульский

государственный педагогический университет

имени Л.Н. Толстого”, г. Тула, Россия

E-mail: vicious.angel@yandex.ru

В статье рассматривается развитие soft skills как психолого-педагогическая задача в профессиональной подготовке молодых специалистов. Анализируются различные определения soft skills как социально-психологических навыков и личностных качеств, повышающих эффективность трудовой деятельности. Исследуется вклад вузов и практические модели внедрения обучению мягким навыкам в школах и университетах. Обобщаются эффективные методы развития soft skills.

Ключевые слова: мягкие навыки, hard skills, образование, профессиональная подготовка, молодые специалисты.

The article examines the development of soft skills as a psychological and pedagogical task in the professional training of young specialists. It analyzes various definitions of soft skills as socio-psychological skills and personal qualities that increase the efficiency of work. The article explores the contribution of universities and practical models for implementing soft skills training in schools and universities. It summarizes effective methods for developing soft skills.

Key words: soft skills, hard skills, education, professional training, and young professionals.

Современные социально-экономические условия характеризуются не только модернизацией имеющихся технологий, но и общей цифрофизацией всех сфер жизни. В связи с этим экономическая обусловленность профессионального образования ставит перед системами подготовки кадров новые задачи. Ключевым фактором конкурентоспособности специалиста становятся soft skills – гибкие навыки, обеспечивающие адаптивность, эффективное взаимодействие с другими сотрудниками и умение работать в команде, а также нестандартное решение задач и креативность мышления. Необходимость развития этих навыков в системе профессионального образования обусловлена не только требованиями рынка труда, но и психолого-педагогическими аспектами: они формируют способность к непрерывному обучению, саморегуляции, критическому мышлению и творческому подходу, что позволяет личности успешно адаптироваться к меняющимся условиям и реализовывать свой потенциал в профессиональной деятельности. Именно поэтому развитие soft skills в профессиональной подготовке является важной психолого-педагогической задачей, требующей переосмысления традиционных подходов к обучению и воспитанию.

Термин *soft skills* появился одновременно с термином *hard skills*. Термин «мягкие навыки» возник в армии США в конце 1960-х годов для обозначения любых навыков, не связанных с использованием техники. Военные признали важность таких социальных навыков, как руководство подразделением и мотивация солдат, однако их изучению уделялось мало внимания.

С 1959 года в армии США началась активная разработка учебных программ для подготовки офицеров и солдат. В 1968 году была официально введена учебная доктрина «Системная организация обучения», описанная в документе CON Reg 350-100-1 [2]. Этот документ подчеркивал значимость навыков, не связанных с академическими знаниями, которые позволяют обучаемому успешно выполнять задачи. Система проектирования военной подготовки поясняла, что *hard skills* представляют собой навыки работы с машинами, а *soft skills* – с людьми и документацией.

В 1970 году R. Morgan и R. Branson получили заказ на разработку учебной программы подготовки кадров для армии. Их задачей было выявить наилучший подход к организации обучения и разработать процедуры для его реализации [11]. Они обратились к R. Gagne, который разрабатывал программу ISD (проектирование учебных систем). Эта программа описывала три области результатов обучения (когнитивную, аффективную, психомоторную) и пять результатов обучения (вербально-информационный и интеллектуальный навыки, когнитивная стратегия, жизненная позиция, двигательные навыки), а также девять событий обучения [12]. В когнитивной области программа ставила шесть целей: помнить, понимать, применять, анализировать, оценивать, создавать.

Доказав свою эффективность, программа нашла применение не только в сухопутных войсках, но и в военно-морском флоте и авиации. К 1978 году ISD была реорганизована в IPISD (Межведомственные процедуры разработки учебных программ) и стала применяться не только в вооруженных силах, но и на предприятиях военно-промышленного комплекса [11].

В 1972 году в учебных пособиях армии США официально появился термин «*soft skills*». Он был определен как «важные навыки, связанные с работой, которые не связаны с взаимодействием с машинами и широко применяются в работе» [9]. В дальнейшем положительный эффект от развития *soft skills* был распространен на все профессиональное образование, и было проведено множество исследований об определении самих навыков, их эффективности и стадиях формирования в процессе онтогенеза.

В настоящее время не существует общепринятого определения и исчерпывающего перечня *soft skills* [6]. Они рассматриваются как социально-психологические навыки, полезные в различных ситуациях (коммуникативные, лидерские, навыки командной работы и др.), универсальные компетенции (коммуникабельность, креативность, умение работать в команде и др.), социально-трудовые характеристики, необходимые для успешной работы, которые изменчивы и ситуативны. Также, *soft skills* определяют как унифицированные навыки и личные качества, повышающие эффективность работы и взаимодействия, подразделяющиеся на внутренние (управление эмоциями) и внешние (взаимодействие и руководство) [13]. В различных контекстах *soft skills* часто синонимичны понятиям «навыки для трудоустройства», «навыки общения с людьми», «непрофессиональные навыки», «ключевые навыки», «жизненные навыки» и, в последнее время, «навыки для социального прогресса» [14]. Во многих контекстах *soft skills* используются в качестве синонима таких понятий, как «навыки для трудоустройства» (*employability skills*), «навыки общения с людьми» (*people skills*), «непрофессиональные навыки» (*non-professional skills*), «ключевые навыки» (*key skills*), «жизненные навыки» (*life skills*), в последнее время – «навыки для социального прогресса» (*skills for social progress*) [14].

В современном понимании под мягкими навыками подразумевают личностные качества, определяющие эффективное взаимодействие с другими людьми [7], в отличие от жестких навыков, связанных с профессиональной компетентностью. Мягкие навыки акцентируют эмоциональную составляющую, дополняя интеллектуальную, представляющую собой *hard skills*, и в совокупности обеспечивают успех специалиста [3].

Ф. Альмейда и Х. Морайс [1] включают в перечень мягких навыков ассертивность, кооперацию, эмпатию, навыки решения проблем, критическое мышление, принятие решений, самооценку и управление эмоциями, отмечая их связь с эмоциональным интеллектом. Д.Б. де Кампос и др. [4] выделяют навыки решения проблем, критическое мышление, коммуникацию, командную работу, эмоциональный интеллект и креативность. У. Кентон [8] подчеркивает, что мягкие навыки – это атрибуты и личностные черты, способствующие эффективному взаимодействию и успеху на рабочем месте.

Интерес к *soft skills* только растет. Так, например, 21 октября 2017 года президент РФ Владимир Путин на презентации сессии «Молодежь 2030. Образ будущего», проходящей в рамках Всемирного фестиваля молодежи и студентов, произнес следующую речь: «Конкурентные преимущества получают те люди, которые не просто обладают набором интересных и важных знаний, а обладают тем, что сегодня называют *soft skills*, обладают и креативным, и плановым, и другими видами мышления». А также В. Путин отметил, что в эпоху динамичных изменений ключевым фактором успеха для специалистов станет не узкая специализация, а способность к интеграции знаний и навыков из различных областей. Он подчеркнул, что будущее принадлежит тем, кто умеет комбинировать компетенции, адаптироваться к новым вызовам и постоянно обогащать свой профессиональный арсенал на протяжении всей жизни. По мнению президента, абсолютные конкурентные преимущества будут иметь люди, способные не только мыслить инновационно, но и выстраивать собственные маршруты обучения, позволяющие им эффективно аккумулировать и применять знания для решения задач любой сложности. Таким образом, акцент смещается с обладания конкретным набором знаний на умение учиться, адаптироваться и интегрировать информацию из разных источников [16].

Позже, в 2023 году ВЭФ (Всемирный экономический форум) опубликовал доклад под названием “Будущее рабочих мест”, в котором были озвучены и выделены 10 наиболее важных качеств сотрудника будущего, наиболее востребованные рынком труда. Так называемые *soft skills* заняли первые 5 позиций. В десятке есть только один пункт, связанный с технологиями, – технологическая грамотность на шестом месте. По версии ВЭФ наиболее важными в ближайшем будущем будут следующие качества сотрудников на рынке труда:

1. Аналитическое мышление.
2. Творческое мышление.
3. Устойчивость и гибкость.
4. Мотивация.
5. Любознательность и обучение на протяжении всей жизни.
6. Технологическая грамотность.
7. Надежность и внимание к деталям.
8. Эмпатия и активное слушание.
9. Лидерство и социальное влияние.
10. Контроль качеств.

Аналитические данные показали высокую востребованность мягких навыков на рынке труда [5].

Возрастающий интерес к *soft skills* понятен и обусловлен множеством факторов. Мягкие навыки, в отличие от узкоспециализированных, профессиональных компетенций, не связаны с конкретной профессией, а являются универсальными инструментами,

способствующими эффективному выполнению любой работы и играющими важную роль в построении успешной карьеры. Вне зависимости от сферы деятельности, каждому специалисту необходимо уметь эффективно общаться с коллегами, партнерами, клиентами, договариваться, ясно и четко излагать свои мысли, аргументировать свою точку зрения. Soft skills также помогают ориентироваться в информационном потоке, оставаться в курсе актуальных тенденций, непрерывно совершенствоваться в своей профессии и адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Эти навыки важны для представителей самых разных профессий, от преподавателей до маркетологов. Стоит отметить, что работодатели всегда высоко ценили сотрудников, обладающих способностью быстро адаптироваться в коллективе, непрерывно учиться, находить креативные решения в сложных ситуациях, проявлять инициативу и брать на себя ответственность, даже задолго до появления и широкого распространения термина «soft skills». Фактически, эти качества всегда являлись залогом успешной работы и профессионального роста.

Д. Филпот [10] исследовал развитие мягких навыков у студентов вузов через призму преподавания. Он полагает, что преподаватели могут способствовать развитию этих навыков, моделируя межличностное общение, включая в учебные планы командную работу и задачи, требующие решения проблем. Важную роль играет демонстрация эффективного лидерства, профессиональное общение с обучающимися и предоставление своевременной обратной связи. Педагог должен демонстрировать доброжелательность, уважение и достоинство, создавая ситуации успеха для студентов, способствующие их развитию.

Ф. Альмейда и Х. Морайс [1] изучали вклад португальских вузов в развитие мягких навыков студентов. Они проанализировали образовательные программы четырех вузов и провели полуструктурированные интервью с членами исполнительных советов в период с 27 января по 29 мая 2020 года, используя преимущественно качественный анализ. Исследование показало, что количество дисциплин, направленных на развитие soft skills, ограничено (1-3), а основную роль играет стажировка. К развитию этих навыков способствуют такие предметы, как «Управление людьми и командой», «Психология конфликтов», «Социальная ответственность» и «Бизнес и технологии». Однако, структура каждого курса определяется координатором, и отсутствуют единые стратегии развития soft skills на уровне университета.

Л.К. Раицкая и Е. Тихонова провели исследование, чтобы выяснить, как понимают, принимают и готовы развивать мягкие навыки в российских университетах, а также оценить уровень их внедрения в учебные программы. В исследовании приняли участие 135 преподавателей из МГИМО, РУДН, ВШЭ, МГУ, МГЛУ и Самарского государственного университета, а также 312 их студентов. Опрос показал, что 60% преподавателей и 38,8% студентов знакомы с понятием «мягкие навыки». Небольшая часть респондентов знала об этом под другими названиями. Анализ определений, предложенных участниками, выявил отсутствие системных знаний о мягких навыках в российской академической среде. Их воспринимают как коммуникативные, когнитивные навыки и личностные качества. Самыми эффективными дисциплинами для развития soft skills академическое сообщество считает иностранные языки, менеджмент и социально-гуманитарные предметы, а наиболее эффективными технологиями - кейс-стади, имитации, групповые и мультимедийные проекты, и интернет-технологии [14].

Несмотря на отсутствие системных знаний о мягких навыках у российских студентов, появляются новые практические модели, направленные на развитие этих навыков. Так, группой отечественных ученых под руководством Е.А. Сергиенко при поддержке Благотворительного фонда Сбербанка была разработана образовательная программа по развитию социально-эмоциональных способностей (СЭР), охватывающая

детей от 4 до 17 лет, то есть внедренная в весь процесс обучения. Программа апробируется в ряде московских и региональных школ и демонстрирует высокую эффективность. В практической части программы учитель использует подход, помогающий учащимся развивать социальные и эмоциональные способности, способствующие личностному росту и развитию мягких навыков. Особенностью программы является единство эмоционального и психического интеллекта, позволяющее целостно воспринимать и понимать социальный мир. СЭР включает в себя развитие пяти основных компетенций: саморегуляции, самосознания, социальной компетентности, способности устанавливать позитивные взаимоотношения с людьми, и ответственного принятия решений. Данные компетенции являются мягкими навыками. Программа развития социальных и эмоциональных способностей является одной из наиболее продолжительных, междисциплинарной и грамотно интегрированной в образовательный процесс [15].

Несмотря на актуальность темы, как российские, так и зарубежные студенты часто не имеют четкого представления о мягких навыках, что связано с отсутствием единого подхода к их определению.

В настоящее время разрабатываются методические рекомендации и оцениваются подходы к развитию soft skills в школьном и высшем образовании такими учеными как Сергиенко Е.А., Раицкая Л.К., Ф. Альмейда и тд. Обобщая результаты исследований, можно выделить эффективные методы, включающие методики раннего развития, использование учебных заданий, связанных с анализом информации, наличие социально-гуманитарных дисциплин, моделирование необходимых навыков педагогом, специальные дисциплины (например, «командообразование»), цифровые платформы с заданиями для развития критического мышления, саморегуляции и командной работы. Разрабатываются также проекты уроков и методы оценки soft skills. Однако, единой программы развития этих навыков на уровне образовательных программ пока не существует. Для развития soft skills у студентов важен уровень развития этих навыков и у педагога, так как он служит примером и использует их для организации эффективной работы.

Активная разработка понятия "мягкие навыки" и отсутствие единого подхода к их пониманию и оценке создают трудности для исследователей, такие как сложность конкретизации, оценки и сопоставления данных из-за различий в наборе качеств, относимых к soft skills.

Библиографические ссылки

1. Almeida F., Morais J. Strategies for developing soft skills among high reengineering courses [Текст] / Almeida F., Morais J. // Journal of Education. – 2023. – № Vol. 203. № 1. – С. 103–112..
2. CON Reg 350-100-1 Fort Monroe // Virginia: UNITED STATES CONTINENTAL ARMY COMMAND. 1968.
3. D. Sancho-Cantus, L. Cubero-Plazas, M.B. Navas, E. Castellano-Rioja, M.C. Ros Importance of Soft Skills in Health Sciences Students and Their Repercussion after the COVID-19 Epidemic: Scoping Review [Текст] / D. Sancho-Cantus, L. Cubero-Plazas, M.B. Navas, E. Castellano-Rioja, M.C. Ros // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2023. – № Vol. 20. № 6.. – С. 10.
4. De Campos D.B., Redende L.M., Fagundes A.B. The importance of soft skills for the engineering [Текст] / De Campos D.B., Redende L.M., Fagundes A.B. // Creative Education. – 2020. – № Vol. 11. № 8.. – С. 1504–1520.
5. Future of Jobs Report 2023 / [Электронный ресурс] // World Economic Forum : [сайт]. – URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2023.pdf (дата обращения: 9.11.2025).

6. Matteson, M. L., Anderson, L., Boyden, C. "Soft Skills": A Phrase in Search of Meaning [Текст] / Matteson, M. L., Anderson, L., Boyden, C. // portal Libraries and the Academy. – 2016. – № 16 (1). – С. 71-88.
7. Noah J.B., Aziz A.A. A Systematic review on soft skills development among university graduates [Текст] / Noah J.B., Aziz A.A. // EDUCATUM Journal of Social Sciences. – 2020. – № Vol. 6. № 1. – С. 53-68.
8. OECD skills outlook 2019: Thriving in a digital world / [Текст] // Organisation for Economic Cooperation and Development. – Paris:OECD Publishing, 2019. – С. 274.
9. Paul G. What are soft skills? / Paper presented at the CONARC Soft Skills Conference. Texas, 12–13 December, 1972
10. Philpot D. Soft skills: more important than you might think! / Philpot D. [Электронный ресурс] // TEA Career and Technical Education : [сайт]. – URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2023.pdf (дата обращения: 11.11.2025).
11. Silber, Kenneth H. Foshay, Wellesley R. Handbook of Improving Performance in the Workplace, Instructional Design and Training Delivery: 01 [Текст] / Silber, Kenneth H. Foshay, Wellesley R. – 1. – : Wiley, 2009 – 800 с.
12. The definition of skills / [Электронный ресурс] // Dictionary.com : [сайт]. – URL: <https://www.dictionary.com/browse/skills> (дата обращения: 9.11.2025).
13. Ермаков, Д. С., Амантай, Ж. А. Изучение и развитие «гибких» навыков как психолого-педагогическая проблема. / Ермаков, Д. С., Амантай, Ж. А. [Текст] // Образование и психолого-педагогическая наука: системность, преемственность, инновационность.. – Алматы: Қазақ университеті., 2020. – С. 17-20.
14. Раицкая, Л. К., Тихонова, Е. В. Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта. / Раицкая, Л. К., Тихонова, Е. В. [Текст] // Серия : Психология и педагогика, 15(3). – Москва:Вестник РУДН., 2018. – С. 350-363.
15. Сергиенко Е.А Социально-эмоциональное развитие: программа становления личностного потенциала / Сергиенко Е.А [Электронный ресурс] // Образовательная политика : [сайт]. – URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2023.pdf (дата обращения: 11.11.2025).
16. Сессия «Молодёжь-2030. Образ будущего» / [Электронный ресурс] // Президент России : [сайт]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55890> (дата обращения: 9.11.2025).

© Федоровская Д.А., Бобровникова Н.С., 2025

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТРЕНДОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ У МОЛОДЕЖИ

О. Н. Хазырова

студент 2 курса,

УУНУТ,

г. Уфа, Россия

Email: khazyrova05@mail.ru

Г. Р. Асадуллина

доцент, УУНУТ, г. Уфа, Россия

Email: asadullina-guzeliya@yandex.ru

В статье исследуется трансформация профессионального самоопределения молодежи под влиянием современных трендов. Анализируется переход от традиционной модели к гибкому подходу. На основе данных социологических исследований раскрываются предпочтения молодежи. Выявлены системные противоречия между запросами молодежи и предлагаемыми образовательными программами, а также риски социальной незащищенности. Обоснована необходимость адаптации образовательных институтов и работодателей к новым требованиям в условиях неопределенности.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, молодежь на рынке труда, цифровизация.

The article examines the transformation of professional self-determination of youth under the influence of modern trends. The transition from the traditional model to a flexible approach is analyzed. Based on the data of sociological research, the preferences of young people are revealed. Systemic contradictions between the demands of young people and the proposed educational programs, as well as the risks of social insecurity, have been identified. The necessity of adaptation of educational institutions and employers to new requirements in conditions of uncertainty is substantiated.

Key words: professional self-determination, young people in the labor market, and digitalization.

Современный этап социально-экономического развития характеризуется экспоненциальным нарастанием динамики изменений во всех сферах человеческой деятельности. Технологический прогресс, эволюция социальных институтов и модификация коммуникативных практик претерпевают интенсивную и непрерывную трансформацию. Под влиянием таких макротрендов, как цифровизация, глобализационные процессы и внедрение инновационных технологий, наблюдается формирование принципиально новых профессиональных ниш.

Данный процесс сопровождается параллельным явлением – постепенной архаизацией и последующей элиминацией ряда традиционных специальностей. В результате современный рынок труда приобретает свойства высокой степени волатильности и непредсказуемости. Происходит размывание прежде четких межпрофессиональных границ, что приводит к возникновению гибридных профессиональных моделей. В связи с чем успешное построение карьеры перестает соответствовать устоявшейся линейной модели, предполагающей последовательное завершение образования с последующим трудоустройством в одну организацию на продолжительный временной период. На смену ей приходят нелинейные и адаптивные

карьерные траектории, требующие от специалиста постоянного обучения и профессиональной реориентации.

Именно поэтому современным молодым людям – поколению Z (родившихся в период примерно с середины 1990-х до начала 2010-х гг.) и поколению Альфа (родившихся в период примерно с 2011 по 2024) – выбрать профессию стало и сложнее, и интереснее одновременно [6].

Актуальность исследования обусловлена дисфункциональностью традиционных моделей профориентации, базирующихся на парадигме однократного и окончательного профессионального выбора, в условиях современной динамичной экономики. Возникает системный разрыв: в то время как институты общего и высшего образования зачастую ретранслируют релевантные устаревшим экономическим укладам компетенции, требования рынка труда детерминируются необходимостью обладания принципиально новыми навыками.

Данный дисбаланс порождает ряд негативных последствий на разных уровнях. На микроуровне, для индивида, это выливается в высокие риски реализации «инвестиций в человеческий капитал»: многолетние образовательные траектории могут не привести к успешной трудовой адаптации, обуславливая возникновение психологического дистресса, состояний фрустрации и профессиональной дезориентации. На макроуровне, для экономики, формируется структурный перекоп, парадоксальным образом сочетающий рост безработицы среди выпускников учебных заведений с перманентным дефицитом кадров в сегментах, ассоциированных с технологическим прогрессом (например, в сфере информационных технологий). Таким образом, процесс профессионального самоопределения в современном контексте следует концептуализировать не как линейный выбор статичной траектории, а как непрерывный итеративный процесс навигации и адаптации в условиях высокой степени неопределённости и турбулентности внешней среды.

Настоящее исследование нацелено на анализ воздействия актуальных социально-экономических и технологических трендов на механизмы и стратегии профессионального выбора.

Профессиональное самоопределение в настоящее время не имеет однозначного определения. В теоретическом плане профессиональное самоопределение обычно рассматривают как «проявление профессионального самосознания, как форму общего самоопределения личности, как проявление ее активности ответственности» [11]. Е.А. Климов определял профессиональное самоопределение как деятельность человека, принимающая то или иное содержание в зависимости от этапа развития как субъекта труда. А.К. Маркова относил профессиональное самоопределение к внутриличностному процессу, развитие которого проявляется в появлении новообразований в представлениях учащихся и собственном профессиональном становлении и изменении осознанности и активности в отношении процесса выбора будущих вариантов профессионального труда [2].

Профессиональное самоопределение представляет собой сложный, многогранный и длящийся на протяжении всей жизни человека процесс. Это не просто разовый выбор учебного заведения или первой работы, а глубокая, динамичная деятельность личности по поиску своего места в профессиональном мире. Его суть заключается в осознанном и ответственном выборе, основанном на понимании своих интересов, способностей и ценностей, а не на пассивном следовании внешним обстоятельствам или давлению окружения.

Существует множество факторов, влияющих на профессиональное самоопределение молодежи. По мнению А.В. Сперанской, выбирая профессию, молодые люди опираются на три ряда факторов. Во-первых, это личные склонности и интересы. Сюда входят

удовлетворение материальных и духовных потребностей, престиж и общественная оценка профессии, возможность профессионального роста и т.д. Общественные интересы здесь, как правило, доминируют. Второй ряд связан с пониманием человека, где он и его навыки необходимы, понимаем места выбираемой профессии в структуре общества. Второй уровень отражает уровень ознакомления с потребностями общества в каких-либо профессиях. Третий ряд факторов связан с понимаем человека конкретно своих навыков, способностей и возможностей. Это во многом определяется культурой психологических знаний [9].

Безусловно, процесс профессионального самоопределения исторически детерминирован комплексом факторов, включая индивидуальные когнитивные способности, социокультурное влияние семьи и её социально-экономический статус. Однако в нынешних условиях приоритетная роль смещается в сторону динамичных макротрендов, обусловленных глобальными технологическими и социально-экономическими трансформациями. Данные тренды не просто экстенсивно расширяют номенклатуру профессий, но и качественно трансформируют саму парадигму профессионального выбора. Они индуцируют смену статической модели карьерного планирования на динамическую, требующую постоянной когнитивной гибкости и готовности к множественным профессиональным трансформациям. В этой связи, представляется необходимым акцентирование анализа именно тех современных тенденций, которые формируют императив своевременной и непрерывной адаптации, детерминируя формирование принципиально новых адаптивных карьерных стратегий.

По данным исследований, современная молодежь не боится инноваций на рынке труда и демонстрирует принципиально новые подходы к построению карьеры [7]. На смену традиционной модели приходит гибкая стратегия профессионального развития, основанная на цифровых возможностях и смене ценностных ориентиров.

Ключевым трендом современного рынка труда выступает трансформация трудовой мотивации, характеризующаяся смещением акцента с материальных стимулов на нематериальные детерминанты. В структуре мотивации приоритетное значение приобретают стремление к самореализации и экзистенциальной наполненности, значимость креативных и сложных задач, а также ценности автономии, проявляющиеся в требованиях к гибкости графика и свободе выбора формата деятельности. В иерархии профессиональных предпочтений установка на баланс между профессиональной и личной сферами жизни зачастую доминирует над перспективой получения более высокого материального вознаграждения, сопряженного с тотальной занятостью.

Данная ценностная переориентация детерминирует рост спроса на альтернативные, нестандартные формы занятости, такие как фриланс, проектная работа и самозанятость. Эти гибридные формы занятости репрезентируют собой новую карьерную парадигму, в которой индивид принимает на себя ответственность за управление своей профессиональной траекторией.

Цифровая среда, в данном контексте, выступает не просто каналом дистрибуции вакансий, но и мощным агентом формирования профессиональных предпочтений. Под воздействием контента, циркулирующего в социальных медиа, происходит легитимация и популяризация новых профессиональных ниш (SMM-менеджер, контент-мейкер). Наблюдается феномен «осознанного карьеризма», при котором представители молодого поколения рассматривают трудовые отношения не в парадигме «пожизненного найма», а как стратегическое партнерство с работодателем, нацеленное на аккумуляцию человеческого капитала и приобретение релевантных компетенций.

Однако распространение данных тенденций сопровождается возникновением системных диссонансов. Наиболее существенным из них является дивергенция между запросом рынка труда на практические, «рыночные» навыки и содержанием

образовательных программ, предлагаемых институтами высшего образования. Кроме того, выбор в пользу гибкости и автономии порождает сопутствующие риски, связанные с потерей социальных гарантий и повышенной уязвимостью к профессиональному выгоранию.

Таким образом, гибкий график работы трансформировался из маргинальной прерогативы в нормативную модель организации трудовой деятельности, репрезентирующую собой один из ключевых элементов новой трудовой этики, где примат управления собственным временем и пространством становится осознанной стратегией.

По данным ВЦИОМ (17 апреля, 2025 год. Москва) 56% всех опрошенных предпочли бы гибкий график работы, когда можно приходить и уходить с работы в любое время, если решена поставленная рабочая задача. Интересно, что среди опрошенных молодых специалистов с СПО также набралось больше половины (53%) тех, кто желал бы подобной «гибкости» [4]. Этот тренд вызван сочетанием социальных, технологических и культурных изменений.

Для репрезентантов поколения Z трудовая деятельность представляет собой интегрированный, но не тотальный компонент жизненной стратегии. Использование гибких графиков выступает инструментом конструирования временного режима, позволяющего оптимизировать распределение ресурсов между профессиональной реализацией, досуговыми практиками, социальными интеракциями и инвестициями в человеческий капитал, что минимизирует риски возникновения синдрома эмоционального выгорания. Данный подход рефлексирован как вопрос обеспечения личного комфорта и поддержания агентности в управлении персональным жизненным пространством.

Кроме того, когорта молодых специалистов концептуализирует трудовые отношения через призму модели стратегического партнерства, основанного на принципе реципрокности. Для них характерен отказ от альтруистической модели трудового поведения, предполагающей жертвенность личным временем ради неартикулированных перспектив или нарратива о корпоративной лояльности. В структуре трудовой мотивации детерминирующую значимость приобретают такие факторы, как четкая операционализация задач, транспарентность условий контракта и уважение к приватности, которые обладают большей весомостью, чем абстрактные концепты организационной культуры [3].

Удалённая работа прочно вошла в нашу жизнь и продолжает набирать популярность. Это уже не временная мера, а полноценный формат занятости, который выбирают миллионы людей.

По данным ВЦИОМ (4 марта, 2025г. Москва), каждый четвертый работающий россиянин сегодня полностью или частично трудится из дома (25%), что немногим больше, чем в 2022 г. (19%) [5]. Основные причины такой популярности кроются в преимуществах, которые этот формат даёт сотрудникам. Согласно опросам, люди ценят в удалённой работе возможность не тратить время и средства на дорогу до работы, а также на обед и офисную одежду, возможность самостоятельно планировать свой рабочий день, работа в удобном и привычном пространстве, у себя дома, а также возможность проводить больше времени с семьей и заниматься домашними делами.

Конечно, у этого формата есть и свои вызовы. Главные недостатки, которые отмечают россияне, – это дефицит живого общения с коллегами и снижение самодисциплины. Кроме того, не все отрасли одинаково подходят для удалённой работы. Например, в сферах IT, финансов, онлайн-маркетинга и образования такие вакансии встречаются часто, тогда как в здравоохранении, гостиничном или ресторанном бизнесе они практически недоступны [10].

Гибридный формат работы, сочетающий удалённую и офисную занятость, стал новой нормой, но является сложным компромиссом со своими сильными и слабыми

сторонами. Его главные преимущества включают гибкость и автономию для сотрудника, который может лучше балансировать между работой и личной жизнью, экономить время и деньги на дорогу, а также работать в комфортной обстановке в часы своей максимальной продуктивности. Для работодателя это снижение операционных затрат (аренда, коммуналка), расширение пула талантов за счёт географии и мощный инструмент для удержания ценных кадров, для которых гибкость – ключевой приоритет. На макроуровне это также даёт экологический эффект (меньше выбросов от транспорта) и способствует развитию регионов [8].

Однако у модели есть существенные недостатки и риски. Для сотрудника это размывание границ между работой и отдыхом, ведущее к синдрому «всегда на связи» и выгоранию, профессиональная изоляция и ослабление социальных связей в коллективе, а также потенциальные карьерные риски из-за «эффекта отсутствия» в офисе. Для компании ключевыми вызовами становятся сложности управления и поддержания корпоративной культуры, риски для кибербезопасности и необходимость инвестиций в новую цифровую инфраструктуру.

В современном мире выбор профессии молодежью сильно изменился под влиянием цифровых технологий, новых социальных запросов и трансформации рынка труда. Если раньше мечтали стать космонавтами и врачами, то сейчас на первый план выходят IT, цифровой креатив и экология. По данным ВЦИОМ, рейтинг престижных профессий по версии россиян сегодня возглавляют сразу две профессии – специалисты в сфере информационных технологий и врачи (по 32%), они удерживают лидерство второй год подряд (2023 г. – 31% и 30% соответственно).

Значительный прирост показателя у IT-специалистов пришелся на 2021-2023 гг. – с 16% до 31%. Эта карьерная трансформация происходит не случайно, а под влиянием нескольких мощных факторов. Во-первых, влияние оказывает цифровая среда – современные подростки выросли в интернете, где блогер, SMM-менеджер или разработчик игр – такие же реальные профессии, как врач или учитель. Соцсети и онлайн-платформы стали для них основным источником информации о мире профессий. Сферы вроде IT и биотехнологий предлагают высокий доход и стабильную занятость. Прогнозы показывают, что спрос на таких специалистов будет только расти. При этом многие молодые люди хотят, чтобы их работа имела значение – помогала людям, решала глобальные проблемы, улучшала планету. Это объясняет популярность экологии и психологии [1].

Современные социально-трудовые тренды, включая распространение нестандартных форм занятости, дистанционной работы и трансформацию критериев профессионального статуса, индуцируют радикальную перестройку ценностно-нормативной системы профессионального самоопределения молодежи. На смену линейной карьерной парадигме, основанной на принципе однократного выбора, приходит гетерогенная система ориентиров, где возможность автономного управления временными и пространственными аспектами трудовой деятельности трансформируется из факультативного преимущества в императивное условие профессионального выбора.

Молодое поколение демонстрирует сдвиг в структуре трудовой мотивации, выражающийся в приоритете возможности интеграции профессиональной реализации с личностными интересами и ценностными установками над формальными атрибутами успеха. Престижность профессии в новой системе координат детерминирована не только уровнем материального вознаграждения, но и комплексом факторов: степенью предоставляемой автономии, соответствием экологическим и социальным принципам, а также потенциалом для непрерывного обучения и личностного роста.

Данный ценностный сдвиг генерирует новые институциональные требования к работодателям: обеспечение прозрачности корпоративных коммуникаций, трансформация систем контроля с процессуальных на результативные показатели, а также готовность к

интеграции гибких форматов занятости в организационную структуру. Вместе с тем, новая парадигма порождает и системные вызовы для самого индивида: необходимость развития компетенций саморегуляции и самодисциплины, риски профессиональной и социальной изоляции при дистанционном формате работы, а также осознанная необходимость перманентной адаптации и приобретения новых навыков.

Современный рынок труда, характеризующийся высокой турбулентностью, цифровой трансформацией и размыванием традиционных профессиональных границ, формирует для нового поколения принципиально новые вызовы. В ответ на них у молодежи формируется набор ключевых адаптационных стратегий.

Во-первых, формальный диплом более не является достаточным гарантом успеха. На первый план выходит сформированное портфолио практических достижений – реализованные проекты, кейсы, рекомендации. Цель – сделать свои компетенции осязаемыми и востребованными в открытой цифровой среде.

Во-вторых, это эксперимент вместо долгосрочных обязательств: тестовый запуск карьеры. Стратегия заключается в отказе от мгновенного «окончательного» выбора в пользу апробации. Молодые люди все чаще проверяют профессиональные гипотезы через «пет-проекты» – фриланс, волонтерство, микро-стартапы. Это описывается как реализация экспериментальных профессиональных проб, позволяющих с минимальными рисками верифицировать соответствие личных склонностей, навыков и реального содержания работы до принятия долгосрочных образовательных или карьерных решений.

В-третьих: цифровая гигиена как навык выживания: постоянная онлайн-доступность в гибридном формате работы стала источником хронического стресса и синдрома «всегда на связи». В ответ актуализируется практика осознанной цифровой гигиены – не бытовой совет, а комплексная практика саморегуляции. Она включает тайм-менеджмент, основанный на принципах глубокой работы, и целенаправленное выстраивание границ между рабочим и личным пространством для сохранения психического ресурса.

В-четвертых, осмысленность как новый критерий успеха: материальное вознаграждение перестает быть единственным драйвером выбора. Все большее значение приобретает ценностное соответствие работы личным убеждениям. Это сдвиг мотивации от внешних стимулов к внутренним, где ключевую роль играет воспринимаемая значимость труда, его социальная или экологическая полезность.

В-пятых, агентность как базовая компетенция: в условиях, когда ни одно учреждение не гарантирует пожизненной занятости, центральным навыком становится личная агентность – способность самостоятельно ставить профессиональные цели, инициировать обучение, выстраивать сеть полезных контактов (нетворкинг) и нести ответственность за периоды успеха и переориентации.

Таким образом, современные адаптационные стратегии молодежи представляют собой не набор разрозненных советов, а целостную систему проактивного управления карьерой. Их объединяет общий вектор: превращение неопределенности из угрозы в ресурс для построения уникальной, осмысленной и устойчивой профессиональной биографии, где человек выступает не пассивным соискателем, а активным архитектором своего будущего в труде.

В результате, процесс профессионального самоопределения конституируется как непрерывный акт построения персональной карьерной экосистемы. В рамках данной экосистемы фокус смещается с иерархических статусов и формальных должностей на аккумуляцию трансферабельных компетенций, повышение качества жизни и достижение социально значимого воздействия через профессиональную деятельность. Эта трансформация требует от образовательных институтов и работодателей фундаментального пересмотра устоявшихся моделей подготовки и интеграции кадров, а от самой молодежи – активного развития определенных компетенций, таких как цифровая

грамотность, эмоциональный интеллект и способность к осуществлению осознанного выбора в условиях нарастающей неопределенности.

Библиографические ссылки

1. Ангел, О.Ю. Профессии актуальные в будущем // Евразийский Союз Ученых. 2020. №11-4 (80). 1-3 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professii-aktualnye-v-buduschem> // Текст: непосредственный.
2. Буров, К.С. Профессиональное самоопределение как научное понятие // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2017. №4. 4 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-samooopredelenie-kak-nauchnoe-ponyatie> // Текст: непосредственный.
3. Вешнякова, Т. С., Гасанлы Г. Н., Хрипунова Е. В. Развитие гибких режимов рабочего времени // Экономика и социум. 2014. №2-5 (11). 2-7 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-gibkih-rezhimov-rabochego-vremeni> // Текст: непосредственный.
4. ВЦИОМ Поиск работы во время дефицита кадров // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/poisk-raboty-vo-vremja-deficita-kadrov> // Текст: непосредственный
5. ВЦИОМ Работа из дома как новая норма // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-iz-doma-kak-novaja-norma> // Текст: непосредственный.
6. Зайцева, Н.А. Теория поколений: мы разные или одинаковые? // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. №2 (3), 3-4 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-my-raznye-ili-odinakove> // Текст: непосредственный.
7. Макаров, В. К., Борисова, Е. А. Факторы выбора профессии старшеклассниками // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2010. №1. 6 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-vybora-professii-starsheklassnikami> // Текст: непосредственный.
8. Мирзабалаева, Ф.И., Кузьмина, А.С. Перспективы развития гибридной занятости на современном рынке труда // Экономика труда. 2024. №9. 6 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-gibridnoy-zanyatosti-na-sovremennom-rynke-truda> // Текст: непосредственный
9. Митрофанова, Е.А. Молодежь на рынке труда // УПИРР. 2021. №6. 1-7 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-na-rynke-truda-2> // Текст: непосредственный.
10. Уфимцева, Е.В. Удаленная работа: современные реалии трудовой сферы // Экономика труда. 2021. №1. 7-8 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/udalennaya-rabota-sovremennye-realii-trudovoy-sfery> // Текст: непосредственный.
11. Цветкова, Н.А. Профессиональное самоопределение личности на разных этапах становления профессионала // Ярославль 2005 г. – 10 с. – Текст: непосредственный.

© Хазырова О.Н., Асадуллина Г.Р., 2025

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ

М. С. Чепрасова

студент 3 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: marinaceprasova10@gmail.com

Е. О. Аболина

доцент, СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

E-mail: abolina@yandex.ru

Статья посвящена изучению социальной компетентности обучающихся, а также в ней представлены результаты проведенного исследования, направленного на выявление сильных и слабых сторон социальной компетентности обучающихся.

Ключевые слова: социальная компетентность, образование, социальные навыки, ценности, личность.

The article is devoted to the study of students' social competence, and it also presents the results of a study aimed at identifying the strengths and weaknesses of students' social competence.

Keywords: social competence, education, social skills, values, personality.

Социальная компетентность обучающихся становится все более актуальной в современном образовательном процессе. В условиях быстро меняющегося мира, где взаимодействие и сотрудничество играют ключевую роль, умение эффективно общаться и строить отношения с окружающими становится необходимым навыком для успешной жизни.

Исторически социальные навыки формировались в процессе естественного общения в семьях и сообществах. Однако с развитием технологий и изменением образа жизни, эти навыки стали требовать специального внимания в образовательных учреждениях. Важно понимать, что социальная компетентность не является чем-то врожденным – это набор умений, которые можно развивать и улучшать.

Современные образовательные стандарты акцентируют внимание на развитии не только академических знаний, но и социальных навыков. Важность этих компетенций возрастает с учетом того, что успешное обучение включает в себя умение применять знания в реальных жизненных ситуациях, а также взаимодействовать с окружающими. Исследование социальной компетентности позволяет выявить эффективные методы и подходы, которые способствуют этому процессу, создавая более гармоничную образовательную среду.

Формирование социальной компетентности сегодня рассматривается как одно из приоритетных направлений функционирования современной системы образования. Во-первых, в этот период личность получает профессию и гуманитарные знания, профессиональную, личностную и общекультурную подготовку. Во-вторых, в этот возрастной период осуществляется процесс интенсивного мировоззренческого поиска главных жизненных ценностей, образа своего «я», личного образа жизни.

Также важно отметить, что развитие социальной компетентности способствует формированию активной гражданской позиции у молодежи. В условиях глобальных

вызовов, таких как экологические проблемы и социальная справедливость, важно воспитывать у обучающихся чувство ответственности за общество и мир в целом.

Студенческая пора – тот благоприятный период, когда индивид, уже имея представления об определенных культурных нормах общества, осознает себя как личность с определенными интересами, «открыт» для сбалансированной интеграции в систему общественных отношений, имеет определенный уровень сформированности социальной компетентности [2].

Многочисленные исследователи уделяли внимание этой теме, среди которых можно выделить таких авторов, как А.Н. Афанасьев, В.И. Байденко, И.А. Зимняя и Ю.М. Жуков. Эти ученые внесли значительный вклад в развитие теории компетентностного подхода, который подчеркивает необходимость формирования ключевых компетенций у обучающихся для их успешной адаптации в обществе. Также важно упомянуть работы Ю.Н. Емельянова и Л.А. Петровской, которые сосредоточились на изучении коммуникативной компетентности как важного аспекта социального взаимодействия.

Л.О. Филатова выделяет ряд признаков компетентности, которые позволяют глубже понять ее многогранность [5].

Во-первых, она подчеркивает, что компетентность объединяет в себе интеллектуальную и навыковую составляющую образования. Это утверждение акцентирует внимание на том, что для эффективного взаимодействия в обществе недостаточно лишь теоретических знаний; необходимы также практические навыки, которые можно применять в реальных социальных ситуациях.

Кроме того, Филатова отмечает, что понятие компетентности включает не только когнитивную и операционально-технологическую составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную и поведенческую. Это расширяет рамки традиционного понимания компетентности и подчеркивает важность личностных качеств и ценностных ориентиров. Социальная компетентность, таким образом, включает в себя не только умение взаимодействовать с другими, но и понимание этических норм, мотивацию к сотрудничеству и способность к саморегуляции.

Социальная компетентность имеет динамический характер; она не является статичной характеристикой личности, а развивается и адаптируется в зависимости от контекста. Компетентности формируются в процессе обучения не только в школе, но и под воздействием окружающей среды. А.Г. Бермус рассматривает компетентность как системное единство, интегрирующее личностные, предметные и инструментальные особенности и компоненты. Это определение подчеркивает важность комплексного подхода к развитию социальной компетентности, который включает в себя как социальные навыки, так и личностные качества, такие как эмпатия и ответственность. Такой подход позволяет обучающимся не только овладевать конкретными навыками взаимодействия с окружающими, но и развивать целостное восприятие себя и своей роли в обществе [1].

А.В. Хуторской различает понятия «компетенция» и «компетентность», предлагая четкие определения для каждого из них. Компетенция включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков), необходимых для качественной продуктивной деятельности. В этом контексте социальная компетентность может рассматриваться как набор навыков и знаний, необходимых для успешного взаимодействия с окружающими. Компетентность же обозначает владение соответствующей компетенцией с учетом личностного отношения к ней и предмету деятельности. Это отличие подчеркивает, что наличие знаний и умений само по себе не гарантирует успешного взаимодействия; важно также осознавать свою роль в процессе и быть готовым применять эти знания на практике [6].

Социальная компетентность обучающихся представляет собой ключевой компонент их общего развития, который охватывает навыки взаимодействия с окружающими,

управление своими эмоциями и разрешение конфликтов. Важным аспектом этого процесса является учет особенностей самих обучающихся, так как они могут существенно влиять на формирование этих навыков. Одной из значимых характеристик является возраст. Социальная компетентность развивается по мере взросления: у младших школьников акцент делается на освоение базовых навыков общения и сотрудничества, в то время как подростки начинают осваивать более сложные аспекты, такие как эмпатия и управление конфликтами.

Кроме того, индивидуальные различия между обучающимися играют важную роль в этом процессе. Каждый ребенок уникален, и его личные качества, такие как уровень эмоционального интеллекта, уверенность в себе и коммуникативные способности, могут значительно влиять на развитие социальной компетентности. Некоторые дети могут быть более открытыми и общительными, что помогает им легче устанавливать контакты, тогда как другие могут сталкиваться с трудностями в общении, что требует дополнительного внимания и поддержки.

Социальная среда также оказывает значительное влияние на формирование социальных навыков. Взаимодействие с семьей, сверстниками и образовательным учреждением создает контекст, в котором развиваются навыки взаимодействия и сотрудничества. Поддерживающая и безопасная атмосфера способствует тому, чтобы обучающиеся чувствовали себя уверенно и могли свободно выражать свои мысли и эмоции. Важно учитывать и культурные особенности, так как различия в культурных контекстах могут влиять на восприятие социальных норм и ценностей. Обучающиеся из разных культур могут иметь различные подходы к общению, что необходимо учитывать при разработке программ по развитию социальной компетентности.

Наконец, мотивация и интересы обучающихся также играют важную роль в их участии в социальных взаимодействиях. Высокая мотивация к участию в групповых проектах или волонтерских инициативах может способствовать более активному развитию социальных навыков. Для эффективного обучения социальным навыкам важно использовать разнообразные методы и подходы, такие как ролевые игры, групповые обсуждения и проектная деятельность, которые позволяют обучающимся практиковать эти навыки в безопасной обстановке. Регулярная обратная связь помогает им осознавать свои сильные стороны и области для улучшения.

Таким образом, развитие социальной компетентности обучающихся является комплексным процессом, который требует внимательного учета их индивидуальных особенностей, социальной среды и культурного контекста. Создание поддерживающей атмосферы в учебном заведении и формирование культуры взаимопомощи и уважения способствует успешному развитию социальной компетентности у всех обучающихся. Важность социального взаимодействия в процессе формирования личности подчеркивается в работах многих исследователей.

Одним из ключевых аспектов является то, что социализация происходит через взаимодействие с окружающими, что делает социальную компетентность важным компонентом образовательного процесса. Личностное развитие невозможно без учета социальных факторов, что подтверждает необходимость формирования у обучающихся навыков эффективного общения и взаимодействия.

В рамках данного исследования были выбраны две методики: «Самоанализ личности» О.И. Мотков и «Шкала социальной компетентности» А.М. Прихожан [4].

Методика «Самоанализ личности» О.И. Моткова предназначена для оценки уровня социально значимых качеств личности обучающихся, что позволяет выявить их сильные и слабые стороны, а также способствует развитию навыков самоанализа и рефлексии. Это особенно актуально для формирования социальной компетентности, необходимой для успешной адаптации в обществе [3].

Шкала социальной компетентности А.М. Прихожан является эффективным инструментом для оценки социальных навыков. Методика позволяет не только определить уровень социальной компетентности, но и выявить области, требующие внимания и развития.

Эти методики были выбраны не случайно, так как они позволяют глубже понять как личностные качества, так и навыки саморегуляции, необходимые для эффективного взаимодействия в социальной среде.

Исследование проводилось на базе Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева. В нем участвовала студенческая группа, состоящая из 20 студентов, обучающихся на 2 курсе по направлению «Психология трудовой деятельности». Все испытуемые находились в возрасте от 18 до 22 лет, что соответствует типичному возрастному диапазону для студентов данной образовательной программы.

В ходе проведенного исследования были получены интересные и значимые результаты, которые позволяют глубже понять уровень развития социальных навыков у обучающихся. Из общего числа испытуемых 60% продемонстрировали положительный коэффициент социальной компетентности, что говорит о наличии уверенности в своих социальных взаимодействиях и активном участии в учебной среде. Это свидетельствует о том, что большинство студентов способны эффективно коммуницировать, устанавливать контакты и работать в команде, что является важным аспектом их образовательного процесса.

В то же время 20% студентов показали отрицательный коэффициент, что может свидетельствовать о трудностях в общении и недостаточной адаптации к социальным условиям. Эти результаты подчеркивают необходимость дополнительной поддержки и внимания к таким студентам, чтобы помочь им преодолеть барьеры в общении и развить необходимые социальные навыки. Оставшиеся 20% оказались в нейтральной категории, что указывает на отсутствие выраженных социальных навыков как в положительном, так и в отрицательном направлении. Это также может говорить о том, что некоторые студенты находятся на стадии формирования своих социальных компетенций.

Кроме того, было проведено исследование социально-ценных качеств студентов, результаты которого показали достаточно высокие средние баллы по различным параметрам. Активность нравственной позиции составила высокий уровень, что свидетельствует о высоком уровне ответственности и моральной осознанности среди обучающихся. Это говорит о том, что студенты понимают важность этических норм и активно стремятся следовать им в своей жизни.

Показатель коллективизма оказался несколько ниже – на среднем уровне, что указывает на необходимость дальнейшего развития навыков совместной деятельности. Студенты не всегда осознают важность работы в команде и могут испытывать трудности при взаимодействии с другими. Гражданственность в труде и трудолюбие также получили высокие оценки – средний уровень соответственно, что подчеркивает важность профессиональной этики и стремления к выполнению своих обязанностей.

Однако творческая активность оказалась наименьшей – низкий уровень, что может говорить о недостатке возможностей для самовыражения и реализации творческого потенциала студентов. Это является тревожным сигналом, так как творческое мышление и способность к инновациям играют ключевую роль в современном образовании и профессиональной деятельности. Волевые качества получили оценку на среднем уровне, что подтверждает наличие у обучающихся настойчивости и способности преодолевать трудности.

В заключение можно отметить, что результаты исследования демонстрируют высокий уровень социальной компетентности у большинства студентов, что позволяет им

успешно адаптироваться в учебной среде и взаимодействовать с окружающими. Тем не менее, выявленные средние значения по коллективизму и творческой активности подчеркивают необходимость дополнительной работы в этих областях.

Результаты исследования подчеркивают важность комплексного подхода к развитию социальных навыков у студентов. Рекомендуется внедрение дополнительных программ и мероприятий, направленных на укрепление коллективизма и стимулирование творческой активности. Это позволит создать более гармоничную образовательную среду, способствующую всестороннему развитию студентов и подготовке их к успешной профессиональной деятельности в будущем.

Библиографические ссылки

1. Бермус, А.Г./ Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании // Интернет-журнал «Эйдос» – 2005. – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm>
2. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия. И.А.Зимняя // Труды методологического семинара «Россия в Болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы». – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 87 с – Текст: непосредственный.
3. Мотков, О.И. /Методика «Самоанализ личности»// Психология самопознания личности. М., 1993. С.182 – Текст: непосредственный.
4. Прихожан А. М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. – М.: АНО «ПЭБ», 2007. – 56 с. – Текст: непосредственный.
5. Филатова, Л.О. / Компетентностный подход к построению содержания обучения как фактор развития преемственности школьного и вузовского образования//Дополнительное образование.-2005.-№7.-С.9-11. – Текст: непосредственный.
6. Хуторской, А.В. / Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов". - <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm> – Текст: электронный.

© Чепрасова М.С., Аболина Е.О., 2025

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

А.О. Чугунов

студент 3 курса, СибГУ им. М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия

E- mail:

chugunov_05@internet.ru

Е.О. Аболина

к.п.н., доцент, СибГУ им. М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия

E- mail: Abolina@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению феномена конфликтной компетентности. В статье представлена характеристика компонентов конфликтной компетентности, а также результаты практического исследования гендерных особенностей конфликтной компетентности студентов вуза.

Ключевые слова: конфликт, конфликтная компетентность, гендерные особенности конфликтной компетентности.

The article is devoted to the phenomenon of conflict competence. The article presents the characteristics of the components of conflict competence, as well as the results of a practical study of the gender characteristics of the conflict competence of university students.

Key words: conflict, conflict competence, and gender-specific aspects of conflict competence.

В настоящее время конфликты занимают особое место, как в жизни отдельной личности, так и всего человечества. Они содержатся в любой системе социальных отношений и взаимодействий людей. Являясь разрушительной силой, конфликты, тем не менее, способствуют созиданию, общественному и индивидуальному развитию. Данная амбивалентность подчеркивает необходимость более глубокого изучения феномена конфликта.

Это, в свою очередь, делает актуальным исследование рационального противодействия конфликтам, то есть конфликтную компетентность личность. Вследствие того, что в образовательном процессе высшей школы существует широкое пространство для возникновения различных конфликтных ситуаций, особый интерес представляет исследование конфликтной компетентности студентов вуза. При этом важным является анализ гендерного аспекта данной проблемы, поскольку мужчины и женщины, могут находиться под влиянием гендерных стереотипов, влияющих на формирование паттернов конфликтного поведения, придерживаются разных стратегий поведения в конфликте. Существуют различия в эмоциональной регуляции и когнитивной оценке конфликтных ситуаций у разных полов.

Отечественные учёные, занимающиеся исследованием конфликтной компетентности М.В. Башкин, А.А. Деркач, О.И. Денисов, Г. Зазыкин, С.Р. Петрухина, Петровская Л.А., В.В. Рогачев, Л.Н. Цой, В.П. Позняков, М.М. Рыбакова, Н.В. Самсонова, П.А. Сергоманов, Т.В. Майорова, Б.И. Хасан.

Под конфликтной компетентностью понимают наличие у индивидуума некоторого объёма теоретической осведомлённости в вопросах конфликтологии и практических навыков наиболее рационального преодоления конфликтных ситуаций.

Л.А. Петровская рассматривает конфликтную компетентность как комплексное явление, которое включает в себя ситуационную компетентность и «Я-компетентность» [1]. Она определяет конфликтную компетентность как интегративное образование, состоящее из нескольких уровней:

1. Уровень ценностей личности – играет ключевую роль, поскольку ценности влияют на выбор форм и средств общения.
2. Уровень мотивов личности – служит ориентиром при выборе методов и стратегий взаимодействия в конфликтной ситуации.
3. Уровень установок личности – отражает степень влияния социальных установок общества на человека и его отношение к конфликтному взаимодействию.
4. Уровень умений – развитие конфликтной компетентности способствует расширению потенциала человека в области конфликтного взаимодействия.

М.В. Башкин выделяет следующие уровни конфликтной компетентности и её структурно-функциональные характеристики [5]:

- когнитивный уровень – включает способность анализировать конфликтные ситуации, прогнозировать их развитие и планировать свои действия;
- мотивационный уровень – связан с мотивационно-потребностным компонентом;
- регулятивный уровень – охватывает эмоции, волю и рефлексия.

В.Г. Зазыкин определяет следующие компоненты конфликтной компетентности [5]:

1. Теоретический (гностический) компонент – включает знания о причинах возникновения конфликта, закономерностях его развития и протекания, а также о психологических характеристиках конфликтной личности.
2. Проектировочный компонент – предполагает умение предвидеть действия участников взаимодействия, развитие конфликта и его последствия.
3. Конструктивный компонент – включает умение воздействовать на других участников конфликта, на их оценки, мотивы и цели, а также способность влиять на общественное мнение и эффективно разрешать конфликты.
4. Коммуникативный компонент – предполагает эффективное взаимодействие с участниками конфликтного взаимодействия с учётом их личных особенностей и эмоциональных состояний.

Б. И. Хасан рассматривает под конфликтной компетентностью уровень развития осведомленности о диапазоне возможных стратегий поведения в конфликте и умений реализовать эти стратегии в конкретной жизненной ситуации; умение удерживать противоречие в продуктивной конфликтной форме, способствующей его разрешению. (кашапов). В структуре конфликтной компетентности Б. И. Хасан и Т. И. Привалихина выделили следующие компоненты: готовность преодолевать трудности, способность обнаруживать противоречие, лежащее в основе конфликта, и владение навыками разрешения конфликтного взаимодействия [7]. Ключевым психологическим механизмом, лежащим в основе конфликтной компетентности, является рефлексия.

Т.В. Скутина определяет мотивационную составляющую конфликтной компетентности как готовность разрешать противоречия в общении, занимая активную разрешающую рефлексивно-эмпатийную позицию в конфликте. Основным способом разрешения конфликта выступает межличностный диалог как способ общения и взаимодействия. Психологическим механизмом, обеспечивающим взаимопонимание, диалог и адекватную координацию действий в конфликте, является децентрация [3].

М.Е. Есипова полагает, что в состав конфликтной компетентности входят когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Когнитивный аспект охватывает знания о конфликтах, эмоциональный – способность к саморегуляции, эмпатии и контролю своих эмоций, а также понимание и управление эмоциями оппонента.

Поведенческий аспект включает навыки и умения, необходимые для организации взаимодействия с оппонентом.

Структуру конфликтной компетентности как сложное иерархическое образование рассматривают Н.И. Леонов и Н.Г. Казарина. Они выделяют несколько уровней в этой структуре:

- нейродинамический (отражает свойства нервной системы, такие как подвижность, сила и работоспособность);
- психодинамический (связан с темпераментом);
- когнитивный (характеризуется способностью к анализу информации);
- личностный (определяется характерологическими особенностями и самооценкой);
- поведенческий (включает совокупность действий, реакций и операций субъекта в конфликте);
- социальный (зависит от социометрического статуса).

Многомерную модель субсистемного уровня конфликтной компетентности предлагает А.С. Лукина. В основу модели заложены метакогнитивная, метарегулятивная, метакоммуникативная и метаэмоциональная подсистемы. Деятельностные факторы в этой модели вторичны, а ключевое значение имеют процедуральная, мониторинговая, ингибиторная и интеракционная подсистемы. Автор также рассматривает значимость подсистем с внутренней («аутоориентация») и внешней («социоориентация») направленностью [4].

С.М. Емельянов определяет конфликтную компетентность как совокупность конфликтологических знаний, умений и навыков специалиста в сфере социального управления. Эти знания, умения и навыки применяются для разрешения конфликтных ситуаций и входят в состав профессиональной подготовки специалиста.

Т.В. Майорова выделяет следующие структурные компоненты конфликтной компетентности: личностный (собственный психологический потенциал и потенциал другого участника), когнитивный (адекватное восприятие и интерпретация конфликтной ситуации, конфликта) и поведенческий (выбор проблемноразрешающего способа конфликтного взаимодействия [6].

М.М. Кашапов рассматривает конфликтную компетентность как способность человека оптимально преодолевать возникающие противоречия, противостоять деструктивному влиянию конфликтов и конструктивно их разрешать. Иными словами, конфликтная компетентность является частью конфликтоустойчивости, которая подразумевает позитивную сопротивляемость деструктивным конфликтным ситуациям. Она включает способность преобразовывать отрицательное содержание конфликтной ситуации в конструктивное, а также критический анализ взаимодействия, адекватную оценку происходящего, продуктивное общение и нейтрализацию возможной эскалации конфликта. Автор выделяет три составляющих компонента конфликтной компетентности: когнитивный, мотивационный и регулятивный. Когнитивный компонент связан с пониманием природы конфликтов, их причин и механизмов, а также с анализом конфликтных ситуаций, он включает информационный и креативный элементы. Мотивационный компонент предполагает доминирование в поведении личности мотивации стремления к успеху, что способствует конструктивному разрешению конфликта. Регулятивный компонент предполагает способность управлять психоэмоциональным состоянием в конфликте, принимать решения и корректировать свое поведение. Регулятивный компонент включает три элемента: эмоциональный, волевой и рефлексивный [5].

Многие авторы сходятся во мнении, что конфликтная компетентность представляет собой сложное интегральное образование, в структуре которого выделяют когнитивный

компонент (знания в области конфликтологии, представления о конфликтах, способах восприятия, понимания и анализа конфликта, понимание мотивов вступления в конфликт, использование креативного мышления в конфликтном взаимодействии); мотивационный компонент (внутренние стимуляторы выбора оптимальных, конструктивных стратегий поведения в конфликте, установок на конфликтное взаимодействие, готовность регулировать возникающие противоречия при взаимодействии с оппонентом); эмоциональный компонент (саморегуляция, проявление эмпатии в конфликте, контроль своих эмоций, распознавание и понимание эмоций оппонента, коммуникативный контроль); поведенческий компонент (набор знаний, умений и навыков, которые касаются организации взаимодействия с оппонентом, когда разного рода акты взаимодействия, реакции и операции протекают продуманно, в соответствии с целью конструктивного взаимодействия); регулятивный компонент (эмоциональные, волевые, регулятивные элементы, рефлексия, возможность довести до конструктивного завершения конфликтные ситуации); личностный компонент (самооценка, ценностно-мотивационная составляющая); человек, который способен адекватно оценивать себя и свои возможности, в большей степени восприимчив и гибок в конфликтной ситуации, у него больше возможностей для управления и направления конфликта в конструктивное русло для дальнейшего урегулирования разногласий [4].

Мы же под конфликтной компетентностью будем понимать способность человека как субъекта деятельности в реальной конфликтной ситуации выбирать наиболее эффективную стратегию поведения. Эффективная стратегия – тот способ деятельности, который позволит оптимизировать последствия конфликта.

С целью выявления гендерных особенностей конфликтной компетентности студентов нами проведено исследование. База исследования: СибГУ им. М.Ф. Решетнёва, в исследовании приняли участие в качестве респондентов 20 студентов второго курса, обучающихся по направлению подготовки 43.03.01 «Педагогическое образование» профиль «Психология трудовой деятельности», 10 юношей и 10 девушек в возрасте от 19 до 23 лет.

В качестве инструментов диагностики конфликтной компетентности были подобраны опросники: методика диагностики конфликтной компетентности личности (М.В. Башкин, В.А. Горшкова, А.М. Воскресенский); методика «Диагностика ведущего типа реагирования» (М.М. Кашапов и Т.Г. Киселёва).

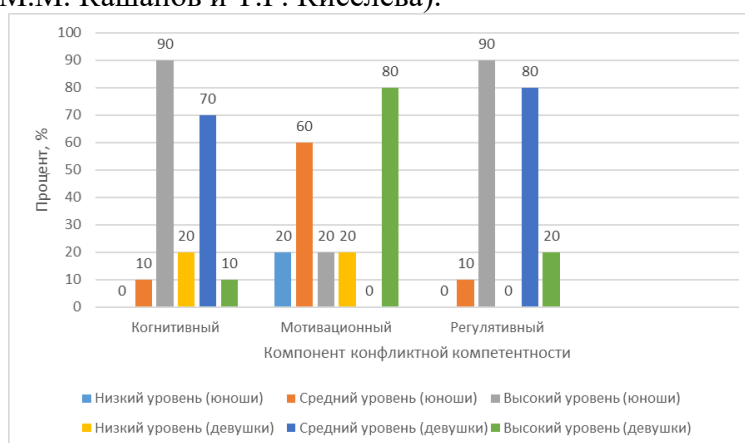

Рисунок 1 - Результаты методики на определение конфликтной компетентности личности

По методике диагностики конфликтной компетентности личности (М.В. Башкин, В.А. Горшкова, А.М. Воскресенский) у 20% девушек низкий уровень выраженности когнитивного компонент конфликтной компетентности, (у юношей низкий уровень этого компонента не выявлен), что указывает на отсутствие системы знаний о конфликтах и

способах поведения в них. Средний уровень выраженности когнитивного компонента у 10% юношей и 70% девушек, отмечается наличие некоторых сведений о конфликтах, способах их преодоления. Высокий уровень когнитивного компонента у 90% юношей и 10% девушек, что предполагает понимание природы конфликтов, их причин, осведомлённость о стратегиях регулирования, способность прогнозировать динамику развития конфликта.

У 20% юношей и 20% девушек низкий уровень выраженности мотивационного компонента конфликтной компетентности, это свидетельствует о минимальной мотивации, направленной на поиск наиболее благоприятного завершения конфликта, низкой готовностью искать взаимовыгодные решения.

У 60% юношей средний уровень выраженности мотивационного компонента конфликтной компетентности (у девушек средний уровень мотивационного компонента не выражен), следовательно, они испытывают потребность в грамотном разрешении конфликтной ситуации. Высокий уровень выраженности мотивационного компонента конфликтной компетентности выражен у 20% юношей и 80% девушек, что свидетельствует о наличии состояния внутренних побуждающих сил личности, которые благоприятствуют оптимальному поведению в конфликте.

Низкого уровня выраженности регулятивного компонента - не выявлено у представителей обоих полов. У 10% юношей и 80% средний уровень выраженности регулятивного компонента конфликтной компетентности, что предполагает наличие некоторых трудностей, связанных с управлением эмоциональной сферой, саморегуляцией и рефлексией.

Высокий уровень выраженности регулятивного компонента - у 90% юношей и 20% девушек, что предполагает способность личности управлять своим эмоциональным состоянием в предконфликтных и конфликтных ситуациях, умение открыто выражать эмоции без оскорблений оппонента, способность к эмпатии, к волевой саморегуляции в конфликте (к сознательной мобилизации сил, контролю и управлению собой), способность личности производить реконструкцию конфликта и осуществлять коррекцию своего поведения.

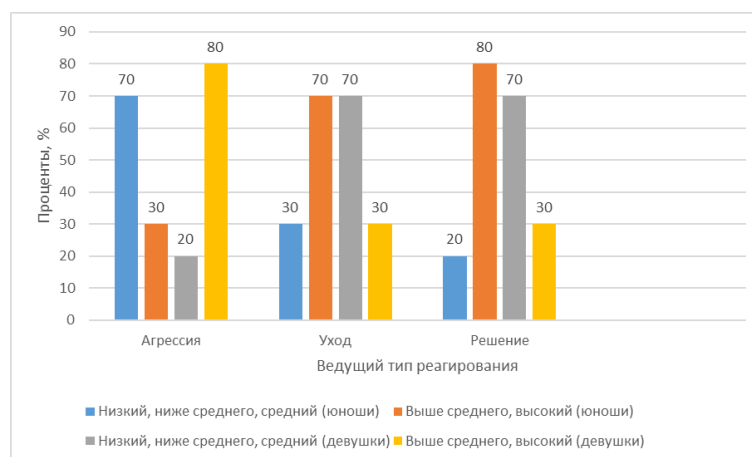

Рисунок 2 - Результаты методики «Диагностика ведущего типа реагирования»

По методике диагностики ведущего типа реагирования (М.М. Кашапов и Т.Г. Киселёва). Были получены следующие результаты. У 80% девушек и 30 % юношей по шкале «Агрессия» показатели выше среднего, ниже среднего у 70% юношей и 20 % девушек. По шкале «Уход» показатели низкие, ниже среднего у 30% юношей и 70 % девушек, показатели выше среднего по этой шкале у 70% юношей и 30 % девушек. По шкале «Решение» показатели выше среднего у 80% юношей и 30% девушек, ниже

среднего у 20% юношей и 70 % девушек. В качестве преобладающего типа реагирования большинство девушек выбирает агрессию, а юноши решение.

На основании проведенного исследования гендерных особенностей конфликтной компетентности можно сделать вывод о том, что у большинства юношей выражен высокий уровень когнитивного и регулятивного компонентов конфликтной компетентности, средний уровень мотивационного компонента, а также преобладание решения – в качестве ведущего типа реагирования в конфликтной ситуации.

Юноши демонстрируют более системное понимание природы конфликтов: они обладают системой знаний о конфликтах и способах поведения в конфликтных ситуациях, лучше ориентируются в механизмах их развития и владеют широким набором стратегий разрешения. Юноши менее мотивированы к разрешению конфликтов: многие склонны ограничиваться поверхностными усилиями или избегать глубокой проработки противоречий. Юноши обладают более развитыми навыками самоконтроля: они эффективнее управляют эмоциями, сохраняют рациональность и способны корректировать своё поведение в ходе конфликта.

У большинства девушек средний уровень выраженности когнитивного и регулятивного компонента, а также высокий уровень выраженности мотивационного компонента, у них преобладает агрессия – в качестве ведущего типа реагирования в конфликтной ситуации. Девушки чаще опираются на и фрагментарные знания, им может не хватать инструментальных знаний, необходимых для эффективного решения конфликта, проявляют более высокую заинтересованность в гармонизации отношений. Девушки чаще испытывают трудности с эмоциональной регуляцией, что может приводить к импульсивным реакциям и даже агрессии, могут испытывать необходимость во внешней поддержке для стабилизации ситуации для эффективного управления конфликтом.

Библиографические ссылки

1. Голованова, И.И. Методика управления конфликтами: учеб. пособие / И.И. Голованова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 92 с.

2. Нижегородцева Н. В., Прудникова А. В. «Теоретическая модель психологической структуры конфликтной компетентности» // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 5 (128). С. 152–160. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskaya-model-psihologicheskoy-struktury-konfliktnoy-kompetentnosti>

3. Скутина, Т.В. Конфликтная компетентность как ресурс развития межличностного общения подростков: Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. психол. наук / Высш. гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Сибир. федерал. ун-т». – Красноярск, 2008. – 24 с.

4. Лукина, А.С. Теоретический анализ структурно-уровневой организации конфликтной компетентности руководителя как интегрального регулятора его профессиональной деятельности / А. С. Лукина // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология. – 2019. – № 2. – С. 229-236 : 1 табл. - Библиогр.: с. 236 <https://elibrary.ru> .

5. Кашапов, М. М. Психология конфликтной компетентности : учебное пособие для вузов / М. М. Кашапов, М. В. Башкин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 124 с. – (Высшее образование). – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/539766>

6. Майорова, Т. Е. Формирование конфликтной компетентности педагогов, имеющих профессиональную деформацию : автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.07 / Майорова Татьяна Евгеньевна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. – Санкт-Петербург, 2009. – 30 с..

7. Хасан, Б. И. Конструктивная психология конфликта: учебник для вузов / Б. И. Хасан. – 2-е изд., стер. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 204 с.

© Чугунов А.О., Аболина Е.О., 2025

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МЕТАКОМПЕТЕНЦИИ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Шеринёва Т.В.

кандидат психологических наук, доцент
заведующий кафедрой «Психология»

Белорусского национального технического университета
г. Минск, Республика Беларусь

В статье обосновывается актуальность исследования проблемы формирования психолого-педагогических метакомпетенций в образовательной среде технического университета в связи с требованиями рынка труда к современному инженеру. Анализируются компоненты психолого-педагогических компетенций и их роль в профессиональном становлении личности, возможности их формирования в процессе профессиональной подготовки инженерных кадров, а также существующие ограничения. Указываются пути оптимизации образовательной среды технического университета для обеспечения повышения эффективности формирования психолого-педагогических компетенций будущих инженеров.

Ключевые слова: психолого-педагогические метакомпетенции, профессиональное становление, образовательная среда, технический университет, студент.

The article substantiates the relevance of the study of the problem of the formation of psychological and pedagogical meta-competencies in the educational environment of a technical university in connection with the requirements of the labor market for a modern engineer. The components of psychological and pedagogical competencies and their role in the professional development of a personality, the possibilities of their formation in the process of professional training of engineering personnel, as well as existing limitations are analyzed. The ways of optimizing the educational environment of the technical university to ensure an increase in the effectiveness of the formation of psychological and pedagogical competencies of future engineers are indicated.

Keywords: psychological and pedagogical meta-competencies, professional development, educational environment, technical university, student.

Современный рынок труда характеризуется высокой динамичностью, изменчивостью, повышенным спросом на выпускников технических университетов. Технологические изменения, цифровизация и переход к моделям Industry 4.0 и 5.0 требуют от будущих инженеров не только глубоких предметных знаний, но у развитых универсальных компетенций (soft skills), обеспечивающих способность к адаптации, рефлексии, проектному мышлению и эффективному взаимодействию в междисциплинарной среде. Метакомпетенции в этой связи частот рассматриваются как базовые регуляторы поведения и как надструктурный компонент профессионального становления личности, влияющий на то, как студенты воспринимают, осмысливают и интегрируют учебный материал в собственный профессиональный опыт. В современной научной литературе подчеркивается, что психолого-педагогические компетенции формируют основу для развития профессиональной идентичности, способности к саморегуляции, критическому мышлению, готовности к инновационной деятельности и др. Они тесно связаны с психологической культурой личности, включающей способности

к целеполаганию, планированию собственного развития и самореализации. Для студентов, обучающихся по техническим специальностям, эти аспекты приобретают особое значение, поскольку деятельность инженера предполагает высокую интеллектуальную нагрузку, работу в проектных командах, необходимость принятия решений в условиях неопределенности, а также готовность к непрерывному самообразованию. Высокий уровень развития психолого-педагогических метакомпетенций способствует повышению стрессоустойчивости, успешной адаптации к требованиям профессии, гибкости и эффективному планированию профессионального саморазвития.

Актуальность исследования роли психолого-педагогических компетенций в профессиональном становлении студентов определяется тем, что без целенаправленного развития этих метакомпетенций выпускники технических университетов рискуют оказаться недостаточно подготовленными к требованиям современной профессиональной среды, где успешная самореализация определяется не только компетентностью в сфере инженерии, но и способностью к командной работе, эффективному общению, проектированию и реализации сложных нестандартных решений, сопровождающихся необходимостью комплексной оценки рисков. Кроме того, преподаватели технических дисциплин часто не обладают достаточным уровнем подготовки к научно-педагогической деятельности и нередко сталкиваются с трудностями в развитии у студентов подобных навыков и умений, что обуславливает необходимость исследования педагогических условий, технологий и методов, способствующих формированию психолого-педагогических компетенций у студентов в образовательной среде технического университета.

Современные исследования указывают на то, что назрела необходимость адаптации образовательной парадигмы к требованиям современного рынка труда: не концентрироваться только на формировании навыков в сфере инженерии, а направить усилия и на формирование таких универсальных компетенций, как креативность, эмоциональный интеллект, умение учиться и медиаграмотность. Вводится понятие «предмодели инженера нового поколения», в которой метакомпетенции выступают как центральные элементы профессионального и личностного становления [2]. Метакомпетентность рассматривается как способность управлять собственными интеллектуальными, рефлексивными и эмоциональными процессами для повышения результативности деятельности [6]. Метакомпетенции рассматриваются как стратегический ресурс, обеспечивающий успешную адаптацию к условиям профессиональной среды, проектирование своей деятельности в долгосрочной перспективе и поддержку непрерывного профессионального развития.

Метапредметный подход в обучении инженеров направлен на интеграцию гуманитарных и технических знаний, навыков и умений. Такой подход помогает студентам осознавать более широкие контексты инженерной деятельности, связывать технологические компетенции с мировоззренческими и социальными проблемами. Указывается, что одним из условий эффективной реализации подхода является расширение использования интерактивных методов обучения [8]. В исследовании С.В. Михайловой эмпирически доказана возможность развития надпрофессиональных компетенций студентов через специально рассчитанные программные модули. Акцентируется внимание на том, что развитие метакомпетенций будет результативным только тогда, когда будут заданы четкие регулятивно-прогностические условия [4]. Несмотря на то, что в академическом сообществе растет интерес к системной разработке инструментов и педагогических моделей, направленных на развитие метакомпетенций, остаются недостаточно изученными ряд проблем. Во-первых, несмотря на разнообразие подходов, отсутствует единая согласованная структура метакомпетенций студентов, обучающихся по инженерным специальностям: в разных исследованиях они определяются

как когнитивные, рефлексивные, коммуникативные, эмоциональные и т.п. Во-вторых, не все исследования содержат анализ результатов диагностики, осуществленной при помощи валидных инструментов. В-третьих, педагогические практики, направленные на развитие метакомпетенций будущих инженеров, не интегрированы в учебные планы технических университетов на системной основе. Чаще всего в исследованиях приводится опыт преподавания отдельных учебных дисциплин или факультативов, которые не рассматриваются как часть обязательной инженерной подготовки.

Понятие психолого-педагогической компетенции наиболее глубоко разработано в исследовании Т.Л. Шабановой [7]. Она предлагает модель, в которой психолого-педагогическая метакомпетенция включает несколько субкомпетенций: перцептивно-рефлексивную, диагностико-проектировочную, коммуникативную (в том числе конфликтологическую) и эмоционально-регулятивную. Психолого-педагогические метакомпетенции можно определить как интегративное свойство личности, отражающее способности воспринимать, анализировать и интерпретировать компоненты трудовой деятельности, осознавать свои качества личности и особенности других людей, рефлексировать, проектировать развитие, эффективно взаимодействовать с разными субъектами трудовой деятельности и выстраивать конструктивную профессиональную среду, осуществлять психоэмоциональную саморегуляцию, а также управлять эмоциями окружающих людей. Каждый из компонентов тесно связан с другими, создавая целостную структуру и порождая такой уровень развития личности, при котором студент становится способным к саморегуляции своей деятельности: прогнозировать развитие ситуации, корректировать свое поведение, учиться на опыте и непрерывно развиваться далее. Это делает психолого-педагогические метакомпетенции одним из ключевых ресурсов профессионального развития, устойчивости к профессиональным вызовам, а также в целом высокой продуктивности деятельности.

Выделение четырех групп психолого-педагогических компетенций будущего инженера – перцептивно-рефлексивной, диагностико-проектировочной, коммуникативно-конфликтологической и эмоционально-регулятивной – обусловлено специфическими особенностями деятельности современного инженера, которые выходят далеко за пределы узко технической компетентности. Современный инженер функционирует в условиях высокой технологической сложности, междисциплинарных связей, усиленной ответственности и необходимости непрерывной адаптации к изменениям. Эти характеристики профессиональной деятельности предопределили необходимость формирования интегральных метакомпетенций, обеспечивающих будущего инженера способностью не только выполнять профессиональные операции, но и стратегически управлять собственными когнитивными, коммуникативными и эмоциональными процессами.

Работа в условиях неопределенности, со сложными проектами и многоуровневыми задачами требует развитой способности к рефлексии, анализу собственных действий, пониманию структуры проблемы и оценке всех факторов, влияющих на результат. Это объясняет необходимость перцептивно-рефлексивной метакомпетенции, делающей рефлексию и перцептивную чувствительность ключевыми характеристиками готовности к профессиональной деятельности.

Современная инженерия основана на проектном типе деятельности, предполагающем необходимость диагностики технических, организационных и социальных условий для принятия оптимального решения. Инженер должен уметь оценивать риски, прогнозировать влияние технологических и человеческих факторов, осуществлять выбор между альтернативами и разрабатывать модели последовательных действий. Это определило важность диагностико-проектировочной метакомпетенции, являющейся основой профессионализма инженера.

Не менее значимой особенностью является то, что большинство инженерных решений реализуется в командах, включающих специалистов разного профиля. Успешность таких проектов зависит не только от технических знаний, но и от способности к эффективному взаимодействию, управлению коммуникацией, конструктивному преодолению конфликтов и координации действий участников. Коммуникативно-конфликтологическая метакомпетенция отражает необходимость того, что инженер в своей деятельности выступает не только как носитель профессиональных знаний, но и как участник общения, способный к аргументации, эффективному слушанию, модерации и разрешению возникающих противоречий.

Высокая эмоциональная насыщенность деятельности инженера, связанная со стрессами, дедлайнами, ответственностью за безопасность, техническими сбоями и большой долей неопределенности, определила выделение эмоционально-регулятивной метакомпетенции. В сложных условиях инженер должен демонстрировать эмоциональную гибкость, способность к взвешенным решениям, устойчивость к фрустрации, сохранять работоспособность в условиях повышенной нагрузки, контролировать стресс и адекватно реагировать на эмоциональные состояния членов команды.

Вышеуказанные компоненты психолого-педагогических метакомпетенций отражают системный характер инженерной деятельности и представляют собой ответ на вызовы современной технической среды. Эти метакомпетенции создают фундамент для формирования инженера нового типа – способного мыслить стратегически, рефлексировать, эффективно взаимодействовать, сохранять психоэмоциональную устойчивость и оптимальную работоспособность в сложных условиях профессиональной деятельности.

Особенности образовательной среды технического университета формируют уникальные возможности и одновременно специфические ограничения для развития психолого-педагогических метакомпетенций будущих инженеров. Анализ образовательного контекста показывает, что каждая из метакомпетенций формируется в условиях, определяемых характером инженерной подготовки, способами организации образовательного процесса, типами деятельности и культурой инженерного образования.

Образовательная среда технического университета традиционно ориентирована на решение задач высокой сложности, что требует от студентов умения анализировать проблемные ситуации, выявлять зависимые переменные и работать с многомерной информацией. Доминирование содержания, насыщенного абстрактными моделями, алгоритмами и логико-структурными зависимостями, предопределяет необходимость формирования перцептивно-рефлексивной метакомпетенции. Такая среда стимулирует студентов к постоянной оценке собственной мыслительной деятельности, к корректировке способов решения задач и к развитию профессионального самосознания. Однако техническая направленность образования приводит к недооценке его гуманитарной составляющей, что может затруднять развитие рефлексивности.

Проектно-ориентированный подход является характерной особенностью инженерного образования. Учебные проекты, лабораторные практикумы, курсовые и выпускные квалификационные работы создают условия для формирования навыков анализа исходных данных, диагностики технических и организационных ограничений, моделирования решений и прогнозирования результатов. Образовательная среда технического университет дает доступ студентам к сложным техническим объектам, современным программным средствам моделирования, экспериментальным установкам, что служит стимулом для развития у них проектного мышления. Однако сама проектная деятельность часто концентрируется на технических аспектах, а психологические и педагогические принципы диагностики и проектирования общественных процессов и

деятельности людей остаются в стороне, поскольку не интегрированы в учебные дисциплины.

В технических университетах предлагается широкий спектр совместной деятельности: командные проекты, лабораторные работы, работа в исследовательских лабораториях, производственная практика и др. В таких условиях будущий инженер постоянно включен в межличностное взаимодействие, где необходимо распределять роли, координировать действия, вести переговоры и принимать групповые решения. Образовательная среда технического университета позволяет будущему инженеру включаться в реальные коммуникационные процессы, однако инженерно-техническая культура, как правило, ориентирована на задачу, что ограничивает внимание к эмоциональным и межличностным аспектам взаимодействия в группе. Необходимо включать в образовательный процесс педагогические инструменты для развития коммуникативной и конфликтологической компетентности.

Эмоционально-регулятивная метакомпетенция развивается у будущего инженера стихийно, под влиянием высокой интенсивности образовательного процесса, дедлайнов, нагрузки, связанной с выполнением лабораторных работ, экзаменационным стрессом, требованиями к самоорганизации и ответственности. Инженерные дисциплины, особенно на старших курсах, предполагают высокую степень самостоятельности, что стимулирует развитие эмоционально-волевой саморегуляции. Однако отсутствие системной психологической поддержки может приводить к формированию дезадаптивных стратегий регуляции, поскольку в образовательном процессе не предлагаются инструменты для развития осознанного самоуправления.

Таким образом, образовательная среда технического университета обладает значительным потенциалом для формирования всех компонентов психолого-педагогических метакомпетенций, поскольку сочетает когнитивную сложность, проектную и коллективную деятельность, высокую стрессогенность, характерные для деятельности инженера. Однако этот потенциал раскрывается не полностью, поскольку образовательный процесс ограничивается преимущественно специальными техническими дисциплинами. Практика показывает, что полноценное развитие психолого-педагогических метакомпетенций требует интеграции психологии и педагогических технологий в инженерную подготовку, необходимых для формирования профессиональной устойчивости, адаптивности и эффективности.

Оптимизация образовательной среды технического университета предусматривает такую трансформацию содержания, чтобы оно было направлено не только на трансляцию технических знаний, но и способствовало развитию рефлексии, стратегического мышления, эмоциональной устойчивости, навыком взаимодействия в группе. Например, в проектно-ориентированном обучении можно включать элементы направленной рефлексии, где студенты анализируют не только технические решения, но и собственные мыслительные стратегии, трудности и эмоциональные реакции. Эффективность такого подхода подтверждается исследованием, в котором наставничество в рамках проектно-ориентированного обучения способствовало развитию метакогнитивных навыков понимания и управления информацией [11]. Преподаватели могут организовывать регулярные обсуждения, где студенты делятся опытом, обсуждают трудности, переосмысливают принятые решения и отмечают развитие. Кроме того, следует применять технологию метапроектного обучения, в которой рефлексия встроена как обязательный этап: защита проектов сопровождается осмыслением принятых решений и корректировкой [5].

В образовательном процессе технического университета необходимо использовать междисциплинарные учебные модули, в которых студенты проектируют решения, учитывая не только техническую, но и социальную, экономическую и человеческую

составляющую. Оптимизация может заключаться в разработке учебных программ, где диагностика проблем (исходные данные, ограничения, человеческий фактор) являются обязательной частью задания, где функция преподавателей заключается в том, чтобы подтолкнуть студентов к исследованию и переосмыслению проблемы, постепенно ослабляя поддержку и стимулируя к самостоятельной проектной деятельности.

Для развития коммуникативно-конфликтологической метакомпетенции необходимо ввести в образовательный процесс модули тренингов эффективной коммуникации, разрешения конфликтов, обучение переговорам и сотрудничеству. Преподаватели на учебных занятиях могут обучать студентов умению слушать, аргументировать, договариваться и разделять ответственность.

Важным условием является создание в технических университетах системы поддержки психологического благополучия студентов [9; 10]. Крайне необходимо организовать работу по развитию эмоционального интеллекта, обучению стресс-менеджменту и mindfulness-практикам. Психологическая служба университета может работать над созданием групп поддержки, организовывать семинары и тренинги, направленные на развитие рефлексивных способностей, обучение когнитивной реструктуризации и психоэмоциональной саморегуляции, предотвращения выгорания. Учебные дисциплины технического профиля должны сочетаться с курсами психологии, педагогики, рефлексии и коммуникации. Такой модульный подход находит отражение в образовательных стратегиях современных университетов инженерного профиля, где оценка компетенций выходит за рамки чисто технических результатов [3]. Еще одним направлением оптимизации образовательной среды может стать внедрение педагогических технологий метапроектного обучения [5] и рефлексивно-деятельностных программ, которые ранее применялись в подготовке педагогов, но могут быть адаптированы для инженерного образования с учетом его специфики [1].

Оптимизация образовательной среды технического университета с целью формирования психолого-педагогических метакомпетенций у будущих инженеров требует системных изменений на уровне педагогических технологий, содержания учебных планов и программ, организации практик и поддержки психологического благополучия студентов. Одним из способов нам видится включение в учебные планы специальностей учебной дисциплины «Психолого-педагогические метакомпетенции инженера», целью которой станет формирование у студентов комплекса психолого-педагогических компетенций, обеспечивающих способность инженера осознанно управлять собственной деятельностью, взаимодействовать в команде, проектировать стратегические решения, сохранять высокую работоспособность и устойчивость в профессиональной среде. Она может включать в себя следующие модули: инженерная психология, технологии развития профессионального самосознания, диагностика и проектирование в инженерных системах, моделирование неопределенности и риск-ориентированное управление, коммуникация и взаимодействие в команде, стресс-менеджмент и др. Завершающим модулем должна стать подготовка проекта, включающего в себя анализ технической и организационной проблемы, разработку вариантов решения и их всесторонний анализ, командную работу с распределением ролей, рефлексивный анализ деятельности, публичную защиту проекта. Оценку проекта необходимо проводить по нескольким направлениям: техническое решение, качество коммуникации и взаимодействия, уровень рефлексии, эмоциональная устойчивость, самоорганизация и самоуправление. Акцентирование внимания на формировании у будущих инженеров психолого-педагогических метакомпетенций даст возможность университетам подготовить востребованных на современном производстве, способных быстро адаптироваться к сложным быстро изменяющимся условиям специалистов, готовых к инновационной деятельности, улучшить качество проектной и исследовательской деятельности, сформировать инженерную культуру, ориентированную

на рефлекссию, сотрудничество и профессиональную ответственность, повысить уровень психологического благополучия личности и создать условия для успешной профессиональной самореализации.

Библиографические ссылки

1. Бехоева, А. А. Проектирование программы развития профессионально-педагогической рефлексии будущих учителей на основе рефлексивно-деятельностного подхода / А. А. Бехоева // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 1. – С. 56-63.
2. Инженерные кадры нового уровня и технологическая безопасность. Как будет развиваться инженерное образование в Беларуси до 2035 года? – URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2025/maj/88774/>.
3. Леушканова, О. Ю. Реализация непрерывного педагогического образования в области инженерной педагогики на основе технологии «Профессионалитет» / О. Ю. Леушканова // Педагогическое образование в России. – 2024. – № 5. – С. 222–231.
4. Михайлова, С. В. Развитие надпрофессиональных компетенций студентов технических направлений университета: автореф. дисс. / С. В. Михайлова. – Екатеринбург, 2023. – 28 с.
5. Носков, С. А. Реализация синергетического подхода в образовании на основе метапроектного метода / С. А. Носков // Самарский научный вестник. – 2016. – № 3 (16). – С. 167-170.
6. Осипов, М. В. Метакомпетентность как объект психолого-педагогического анализа / М. В. Осипов // Современное педагогическое образование. – 2019. – № 5. – С. 34-37.
7. Шабанова, Т. Л. Формирование психолого-педагогической метакомпетенции у студентов в процессе изучения авторских курсов инновационного проекта вуза «Педагог будущего» / Т. Л. Шабанова // Концепт. – 2015. – № 6. – URL: <http://ekoncept.ru/2015/15201.htm>.
8. Шершнёва, Т. В. Образовательная среда технического университета как фактор профессионального становления будущего инженера / Т. В. Шершнёва // Технологии современного образования. Материалы международной конференции. – Минск: БНТУ, 2025. – С. 437-444.
9. Шершнёва, Т. В. Психологически безопасная среда университета как фактор профессионального становления личности / Т. В. Шершнёва. // Актуальные проблемы психологии труда: теория и практика. Материалы VII Международной научно-практической конференции. – Красноярск, 2023. – С. 141-146.
10. Шершнёва, Т. В. Условия сохранения психического здоровья и психологического благополучия студентов технического университета / Т. В. Шершнёва // Вестник Башкирского государственного медицинского университета. – 2023. – № S2 (95). – С. 269-277.
11. Jia, J. The Impact of Scaffolding on the Development of Metacognitive Skills in Project-Based Engineering Learning / J. Jia, N. E. Ghazali, E. S. L. Ming, M. Mohd Addi // Asean Journal of Engineering Education. – 2025. – № 9 (1). – URL: <https://doi.org/10.11113/ajee2025.9n1.177>.

ФОРМИРОВАНИЕ У СТУДЕНТОВ И КУРСАНТОВ ОСНОВ КУЛЬТУРЫ НАСТАВНИЧЕСТВА

О.Ю. Шитакова

аспирант,

НГАУ, Инженерный институт

г. Новосибирск, Россия

E-mail: Ch1989@yandex.ru

П.Н. Иванов

адъюнкт,

Новосибирский военный институт

им. генерала армии И.К. Яковлева

войск национальной гвардии РФ

г. Новосибирск, Россия

E-mail: ivanovi.2009@mail.ru

А Ю. Гуськов

аспирант,

НГАУ, Инженерный институт

г. Новосибирск, Россия

E-mail: alexguskov1@vk.com

В статье рассматривается процесс становления культуры наставничества, которая рассматриваемая как важная черта профессионала. Цель исследования – представить понятие и процесс формирования культуры наставничества в образовательной организации, основами которой должны обладать студенты и курсанты институтов. Для реализации цели необходимо решить ряд задач: выявить этапы его становления и определить особенности взаимодействия между наставником и подопечным, выявить базовые компоненты наставничества.

Ключевые слова: культуры наставничества, качество личности, педагогическое сопровождение.

This paper explores the process of developing a mentoring culture, which is considered an important characteristic of a professional. The goal of the study is to present the concept and process of developing a mentoring culture in an educational organization. To achieve this goal, it is necessary to solve a number of tasks: to study the principles of mentoring, identify the stages of its development, and determine the features of the interaction between a mentor and a mentee, as well as to identify the basic components of mentoring.

Key words: mentoring culture, personality quality, pedagogical support

Необходимость проведения данного исследования обусловлена тем, что в российских гражданских и военных организациях недостаточно разработана модель культуры наставничества, не исследовались различные уровни профессионального наставничества. Наставничество как педагогическая идея является одним из древнейших способов социализации и профессиональной адаптации молодых специалистов. В качестве общественного явления, наставничество подразумевает оказание помощи, поддержки и сопровождения обучающегося посредством взаимодействия с компетентным наставником, обладающим большим опытом.

Институт наставничества востребован и современным бизнес-пространством, его функционирование связано с разработкой специальных проектов и программ так называемого смешанного наставничества, которые направлены на руководство развитием человеческого капитала и карьерный рост. Правильная организация системы наставничества способна передавать профессиональный опыт последующим поколениям и оказывать влияние на процесс воспитания молодых сотрудников. Наставничество является эффективным средством, способствующим профессиональному развитию, при помощи которого сотрудники организации могут достигать профессиональных успехов и потому использование новейших технологий и методологии наставничества позволяет расширить возможности формирования эффективных сетевых связей между корпусом наставников и крупнейшими бизнес-ассоциациями.

Одно из приоритетных вниманий руководства нашей страны уделяется повышению качества педагогического образования и воспитанию подрастающего поколения. В Указе Президента В.В. Путина «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21.07.2020 г. обозначены стратегические цели образования по вхождению Российской Федерации в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования [16]. В последующем Указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 07.05.2024 г. в рамках реализации потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности подчеркивается необходимость увеличения доли молодых людей, участвующих в образовательной, общественной и культурной жизни страны [17]. В этой связи прошлый, 2023-й, год Президентом нашей страны был объявлен Годом наставника и педагога [18].

В Концепции наставничества в Российской Федерации, на период до 2030 года, утвержденной на президиуме РАО 29 июня 2023 г., показано, что наставничество – это универсальный механизм обеспечения личностно-профессиональной социализации индивида, социально-педагогическая технология организации и сопровождения его развития, мотивации, формирования духовно-нравственных и гражданско-патриотических качеств.

Понятие «Наставничество» формировалось в российской педагогике на протяжении веков и не синонимизируется с такими западными трендами, как тьютор или коуч; это особый вид педагогической деятельности, направленный на передачу знаний и опыта, моделей поведения, ценностных установок. Учеными исследуется многообразие проявления наставничества в образовательных организациях: наставничество «как феномен» (М.И. Алдошина, Н.В. Быстрова, А.С. Пасечник, А.К. Преснова, Цыплакова С.А., А.С. Фетисов, Е.А. Югфельд и др.); традиции наставничества в истории отечественного образования (С.Г. Антипин, Н.М. Ичетовкина и др.); наставничество в высшем образовании (О.В. Башарина, Г.Х. Вахитова, Е.Г. Гиндес, И.А. Троян, Кларин М.В., Л.А. Кравченко, А.М. Сафина, Н.Г. Хакимова и др.); наставничество как форма профессиональной адаптации (Г.А. Кругликова и др.); «цифровое» наставничество (Д.С. Гаранин и др.) и др.

Термин «культура» – многозначное понятие, широко используемое в профессиональной среде. Его значение варьируется от «культуры личности» до «технической культуры», охватывая широкий спектр явлений, таких как «античная культура» и «сельскохозяйственная культура». Следует заметить, что «культура» является ключевым объектом изучения в таких дисциплинах, как культурология, философия, история, лингвистика, этнология, искусствоведение, политология, педагогика, психология и многих других.

А. Кребер и К. Клакхон рассматривают культуру как совокупность паттернов поведения, которые приобретаются и передаются через символы. Эти паттерны

формируют уникальные достижения человеческих сообществ, включая их материальное воплощение в артефактах [20]. Авторы подчеркивают, что культура отличает человека от животного и является специфической характеристикой человеческого общества, которая усваивается посредством обучения, а не передается биологически. Исследователи утверждают, что культура – это «артефакт искусственного происхождения, транслируемый в знаково-символической форме».

В.Н. Скворцов указывает на двойственность этимологии слова «культура». С одной стороны, она связана с культом и почитанием, а с другой – с практикой совершенствования различных видов деятельности, например, агрокультуры или культуры сервиса. Эта двойственность отражается в различных направлениях культуры, таких как наука, религия, философия, искусство и другие [14].

Согласно Большому толковому словарю по культурологии, онтология понятия «культура» основана на материальных, социальных и ценностно-смысловых элементах [4].

Е.Ю. Шварц отмечает многообразие определений культуры, которых насчитывается огромное количество, и предлагает свое определение: «Культура – это совокупность материальных и духовных ценностей общества (или группы), знания о них, система умений и навыков, необходимых для реализации этих знаний, а также уровень умственного, нравственного и речевого развития человека. Это понятие относится к историческим эпохам, народам, нациям, а также к процессам «возделывания», «обработки», «разведения и культивирования» чего-либо» [19].

М.С. Каган, акцентируя внимание на философских основах, определяет культуру как «систему отношений между человеком и природой, человеком и обществом, человеком и человеком» [7].

В концепции Г.В. Баранова «культура» представляет собой систему информационных «средств человеческой деятельности, созданную поколениями людей для программирования, реализации и стимулирования оптимальных видов поведения индивидов и общностей» [2].

Культура, в широком понимании, охватывает как продукты человеческой деятельности, так и способности, проявляемые в процессе ее осуществления. В более узком смысле, выступая в роли духовного фундамента, она представляет собой совокупность моральных принципов, обычаев, традиций и установленных правил. Следовательно, профессиональная культура подразумевает систему норм, обычаев и традиций, оказывающих влияние на взаимодействие и поведение сотрудников. Организационная культура, в свою очередь, представляет собой сложное явление, включающее в себя как материальные, так и духовные аспекты [13; 15].

Ключевыми компонентами культуры являются знания, верования, обычаи, привычки, способы и программы деятельности, знаковые системы, историческая память в виде запретов и предписаний, а также развитие высших человеческих качеств.

Культура значимо влияет на выбор целей, объектов, средств, на закрепление результатов деятельности и поведение индивида, что открывает возможность говорить о культуре наставничества, расширяя традиционное понимание.

Поддерживаем мнение о том, что наставничество в образовании включает не только педагогическую поддержку, но и устранение недостатков в знаниях обучающихся, создавая условия для их готовности самостоятельно решать социальные, образовательные или профессиональные задачи [3].

Существует множество трактовок понятия «наставничество», что обуславливает использование разнообразных терминов для его обозначения в зависимости от применяемых методов и форм [6; 10; 12].

Наставничество в широком смысле присуще всем формам обучения и образовательным системам [11]. Оно подразумевает любую поддержку и передачу опыта

от более опытного человека к менее опытному, в любой сфере деятельности, развивая общие и жизненные навыки, воспитывая ценности и формируя личность.

Наставничество становится важной частью современной образовательной системы, формируя сообщество наставников, наставляемых и работодателей, создавая благоприятную среду для раскрытия потенциала каждого. Для организаций это канал обогащения опытом, превращая их в центр профессионального социума.

Наставническая деятельность как социальная система и вид социальной деятельности на современном этапе определяется:

- ценностями (приоритет развития личности, учение и социальная активность для личностно и социально значимой самореализации);
- мотивами (ценностно-смысловая мотивированность наставника к выполняемой деятельности);
- нормами (наставник принимает ответственность за подопечного и результаты его социально значимой деятельности);
- целями (направленность наставнической деятельности на освоение наставляемыми духовно-нравственных основ и ценностей, ключевых навыков и профессиональных компетенций);
- условиями: позицией субъектов в условиях наставничества (наставник создает условия, взаимное партнерство и взаимодействие);
- методами (беседа, консультирование, диалог, проектный метод, создание проблемных ситуаций, интерактивные методы и др.);
- средствами (традиционные дополняются инновационными);
- рефлексией (смещение акцента на самоконтроль и самооценку участников субъект-субъектного взаимодействия)

В отличие от общей наставнической деятельности, *профессиональная наставническая деятельность* – это многоуровневая социальная система, организация и реализация поддержки, развития и обучения будущих профессионалом на различных уровнях общества, образования, профессиональной сферы и других сферах жизни. Она включает в себя создание структур и механизмов, обеспечивающих передачу опыта, знаний, навыков и ценностей между различными уровнями и субъектами социальной системы, чтобы способствовать личностному росту, профессиональному развитию и социальной интеграции.

Внедрение системы наставничества приводит к повышению интереса к обучению, осознанию его практической значимости, снижению стресса, повышению готовности к профессии, быстрой передаче опыта и установлению доверительных отношений.

Профессиональная культура специалиста, в контексте наставничества, рассматривается с двух позиций: как мерило профессиональной компетентности (аксиологический аспект) и как показатель степени специальной подготовки (содержательный аспект). Структурный анализ профессиональной культуры позволяет выделить следующие ключевые элементы: систему норм и принципов, профессиональную деятельность и формы поведения, профессиональные отношения, основанные на взаимных юридических и этических правах и обязательствах, а также профессиональное сознание, отражающее правовую реальность [9].

Система наставничества представляет собой целенаправленно выстроенную структуру взаимосвязанных компонентов, обеспечивающих трансляцию знаний, практического опыта, навыков и этических принципов от опытных наставников к их подопечным. Данная структура включает в себя постановку целей, результаты, содержание, формы и методы реализации, а также процессы, регламенты и ресурсы, отношения и роли, обеспечивающие эффективное развитие участников как в профессиональном, так и в личностном аспекте.

Цель – прогнозируемый результат функционирования системы наставничества.

Итог – финальная стадия работы системы, выраженный и поддающийся оценке эффект, достигаемый на определенных этапах наставничества.

Наполнение – ключевая информация, определяемая концепцией, планами, документацией и методическими материалами.

Формы – приемы реализации наставнической деятельности.

Способы – конкретные инструменты и подходы, используемые для достижения целей наставничества.

Рассмотрим аспекты наставнической работы, определяющие уровни развития наставнической культуры.

На основе исследовательских данных и личного опыта в наставничестве выделим следующие аспекты [1; 5; 8]:

Аспект 1: анализ информации с позиции правовых и образовательных документов и выбор оптимального сценария наставнической действий, называем *нормативно-регламентирующий компонент*;

Аспект 2: потребность в развитии личности специалиста; адекватная самооценка; потребность в решении наставнической задачи; волевые усилия к достижению успеха в помощи наставляемому, – *мотивационный компонент*;

Аспект 3: реализация своей наставнической идеи; ораторские и организаторские навыки; коммуникабельность; этика наставника, – *организационно-действенный компонент*.

Анализируя происхождение уровней профессионального наставничества, можно выделить следующее. *Оперативный уровень* соответствует повседневным задачам организации, деятельности, планируемой и осуществляемой в рамках одного-двух месяцев; оперативные задачи сосредоточены на решении насущных вопросов. *Тактический уровень*, где наставничество приобретает профессиональную глубину, определяется целями и задачами, достижимыми в относительно недалеком будущем (приблизительно год); здесь происходит распределение ресурсов, согласование действий и установление задач на текущий год. *Стратегический уровень* профессионального менторства является самым масштабным. На этом уровне формулируются долгосрочные цели, реализация которых потребует значительных временных ресурсов (несколько лет); наставник разрабатывает стратегию и определяет вектор развития, обозначая ключевые направления деятельности.

Оперативный, тактический и стратегический уровни профессионального наставничества представляют собой различные горизонты воздействия и развития личностных и профессиональных качеств в рамках профессиональной деятельности. В описание уровней профессионального наставничества в российских организациях и армии входят: характеристика профессионального уровня наставника и его общих умений, ресурсный источник уровня наставничества, основные критерии оценки результата наставничества.

Анализ литературы и опыт наставничества позволили выделить следующие условные уровни развития наставнической деятельности, каждый из которых реализует различные аспекты деятельности наставника: оперативный, тактический и стратегический:

Оперативный уровень: основан на требованиях к выполнению текущих профессиональных задач; направлен на быстрое решение прикладных вопросов. Наставник на этом этапе приобретает практические навыки и умения, оперативно реагирует на ситуации, помогает в решении практических задач. Критерии оценки: скорость и качество решения задач, уровень самостоятельности наставляемого.

Тактический уровень: направлен на развитие аналитического мышления и управленческих качеств. Наставник развивает навыки применения тактических методов,

управления ресурсами. Критерии оценки: умение планировать и координировать деятельность, управлять ресурсами, разрабатывать и реализовывать среднесрочные планы.

Стратегический уровень: ориентирован на глобальные цели и долгосрочные планы. Наставник способствует развитию стратегического мышления и корпоративной культуры. Критерии оценки: развитость стратегического мышления, уровень самостоятельности в формировании долгосрочных целей, внедрение профессиональных инноваций.

Представленная многоуровневая модель культуры наставничества позволяет анализировать, мотивировать, планировать, организовывать и контролировать деятельность наставника на разных этапах.

Так как в организациях востребован компетентный, сознательно работающий над своим саморазвитием специалист, который умеет передать накопленный опыт персоналу организации и личному составу подразделения, то студентам и курсантам необходимо освоить основы культуры наставничества для:

- формирования морально-психологической устойчивости как интегративной совокупности личностных качеств, определяющих способность и готовность сохранять высокую функциональную активность и выполнять задачи по предназначению в любых условиях обстановки;

- подготовки к плановой работе наставника в организации и подразделении;
- управления своим профессиональным становлением и развитием;
- оказания деловой и методической помощи личному составу подразделения.

Для обучающихся, в становлении которых участвовали наставники, культура наставничества оказывается новой нормой. Перейдя на следующую образовательную или профессиональную ступень, они сами реализуют себя в роли выпускников наставников и несут ценности наставничества новым поколениям обучающихся.

Таким образом, цель исследования, заключающаяся в том, чтобы представить понятие и процесс формирования культуры наставничества в образовательной организации, основами которой должны обладать студенты и курсанты институтов, решена; для этого представлены принципы наставничества, выявлены этапы его становления, показаны основы культуры наставничества; определен уровень взаимодействия между наставником и наставляемым; показаны условные уровни, базовые компоненты и аспекты культуры наставничества.

Библиографические ссылки

1. Абилов Р.Р. Вариативные модели наставничества: обзор эмпирического опыта // Проблемы и перспективы осуществления междисциплинарных исследований. Сб. статей конф. – Магнитогорск, 2022. – С. 6-8. – Текст: непосредственный.
2. Баранов Г.В. Гуманитарная культура – фактор инновационной экономики // Экономический рост и конкурентоспособность России: тенденции, проблемы и стратегические приоритеты. Сб. научных статей. – М., 2013. – Т.2. – С. 209.
3. Блинов В.И., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Наставничество в образовании: нужен хорошо заточенный инструмент // Профессиональное образование и рынок труда, 2019. - №3. – С. 7. – Текст: непосредственный.
4. Большой толковый словарь по культурологии Статьи на букву «К» (часть 5, "КУЛ"). Электронный ресурс. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/fc/slovar-202-5.htm>. – Текст: непосредственный.
5. Годлевская Е.В., Любченко Г.Н. Система наставничества: генезис и типы организационной культуры, функции, опыт применения в среднем профессиональном образовании // Современная высшая школа: инновационный аспект, 2018. – Т.10. – №1. – С. 45-51. – Текст: непосредственный.

6. Долженко Р.А., Сальцев А.А. Новые направления развития наставничества в РФ // Педагогическое образование в России, 2018. – № 9. – С. 7-8. – Текст: непосредственный.
7. Каган М. С. Философия культуры, – СПб, 1996. – С. 48. – Текст: непосредственный.
8. Кларин М.В. Современное наставничество: новые черты традиционной практики в организациях XXI века // Экономическая теория, анализ, практика, 2016. – №5. – С. 92-112. – Текст: непосредственный.
9. Красникова Е.А. Этика и психология профессиональной деятельности: учебник – М., 2010. – Текст: непосредственный.
10. Масалимова А.Р. Междисциплинарное наставничество как фактор повышения конкурентоспособности кадрового потенциала университета / А.Р. Масалимова, Г.И. Ибрагимов // Инновационные процессы в высшем и среднем профессиональном образовании и профессиональном самоопределении: монография. – М.: Экон-Информ, 2023. – С. 171-180. – Текст: непосредственный.
11. Наставничество // Большая российская энциклопедия 2004-2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/education/text/2250895> (дата обращения: 12.08.2025).
12. Настольная книга «Наставничество: эффективная форма обучения»: информационно-метод. материалы / авт.-сост.: Л.Н. Нугуманова, Т.В. Яковенко. – Казань: ИРО РТ, 2020. – С. 18-22. – Текст: непосредственный.
13. Новиков А.М. Развитие отечественного образования / Полемические размышления. – М.: Издательство «Эгвес», 2005. – 176 с. – Текст: непосредственный.
14. Скворцов В.Н. К вопросу об определении понятия «духовная культура» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, 2009.- №1(3). – С. 48- 55. – Текст: непосредственный.
15. Советский энциклопедический словарь / Научный совет; А.М. Прохоров (пред.) и др. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – Текст: непосредственный.
16. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 14.12.2025). – Текст: непосредственный.
17. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542/page/1> (дата обращения: 14.08.2025). – Текст: непосредственный.
18. Указ Президента Российской Федерации от 27.06.2022 г. № 401 «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47958> (дата обращения: 15.12.2025). – Текст: непосредственный.
19. Шварц Е.Ю. Этимология, семантика и современные представления слова «культура» // Бюллетень медицинских Интернет-конференций, 2014. – Т.4. – №5. – С. 453. – Текст: непосредственный.
20. Kroeber A.L. and Kluckhohn C. Culture: a Critical Review of Concepts and Difinitions // Papers peabody Mus., 1952, 47, N 1 Kroeber A.L. and Kluckhohn C. Culture: a Critical Review of Concepts and Difinitions // Papers peabody Mus., 1952, 47, N 1, p. 181.

© Шитакова О.Ю., Гуськов А.Ю., Иванов П.Н., 2025

ВЛИЯНИЕ ИИ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ

Д. Д. Яцкая

магистрант 1 курса

СибГУ им. М.Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: daryayatskaya@gmail.com

Статья посвящена исследованию влияния генеративного искусственного интеллекта (ИИ) на профессиональное становление личности и психологические реакции специалистов. Рассматриваются изменения в профессиональной идентичности, тревога и мотивация к обучению, а также ключевые навыки, необходимые для эффективного взаимодействия с ИИ. Эмпирическая база исследования – опрос 153 специалистов различных сфер деятельности и возрастных групп. Полученные результаты показывают, что генеративный ИИ трансформирует задачи и роли специалистов, стимулирует переобучение и развитие креативных и критических компетенций, а также формирует новую модель сотрудничества человека и интеллектуальной системы.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, профессиональное становление, психологические эффекты, профессиональная идентичность, навыки будущего, адаптация к технологиям.

This article examines the impact of generative artificial intelligence (AI) on professional development and psychological responses of specialists. It explores changes in professional identity, anxiety and motivation for learning, as well as the key skills required for effective interaction with AI. The empirical basis of the study is a survey of 153 specialists from various fields and age groups. The results indicate that generative AI transforms professional tasks and roles, stimulates retraining and development of creative and critical competencies, and forms a new model of collaboration between humans and intelligent systems.

Keywords: generative artificial intelligence, professional development, psychological effects, professional identity, future skills, adaptation to technology.

Развитие генеративного искусственного интеллекта стало одним из наиболее значимых событий последних десятилетий, радикально изменившим представления о роли человека в профессиональной деятельности. Ещё несколько лет назад ИИ воспринимался скорее как аналитический инструмент, ограниченный функциональными критериями: распознавание изображений, обработка данных, выполнение отдельных рутинных операций [2,3]. Однако появление генеративных моделей, способных не только анализировать, но и создавать новые тексты, изображения, код и концепции, привело к качественно новому этапу цифровой трансформации. Сегодня ИИ стал не просто помощником – он всё чаще выступает как участник профессиональных процессов, что вызывает существенные сдвиги в области профессионального становления личности и психологической адаптации специалиста.

В условиях стремительной технологической эволюции меняется само понятие профессионализма. Традиционные критерии компетентности – опыт, накопленные знания, строго выстроенные методы – уступают место динамическим навыкам адаптации, способности к переобучению, эмоциональной устойчивости и сотрудничеству с интеллектуальными системами. Именно поэтому изучение влияния ИИ на

психологическое состояние работающих людей, на их представления о собственной роли и ценности, на характер профессиональной мотивации становится не просто актуальным, а необходимым [1,5]. В современной действительности специалист постоянно сталкивается с вопросами: насколько мои навыки останутся востребованными? что изменится в моей профессии через год? какую роль будет играть ИИ в моём развитии? Эти вопросы сопровождаются сложным спектром эмоций – от тревоги и недоверия до вдохновения и ощущений новых возможностей.

Несмотря на активную популяризацию ИИ, в профессиональной среде сохраняется неоднозначное отношение к нему. Одни специалисты видят в нём поддержку, высвобождающую время и открывающую поле для творчества. Другие испытывают давление, связанное с ростом требований к скорости и качеству работы, с возможной потерей конкурентных преимуществ. Таким образом, технология становится не только инструментом, но и психологическим фактором, влияющим на самооценку, уровень стресса, готовность к изменениям и восприятие собственной профессиональной идентичности.

Для понимания этих процессов нами было проведено исследование, направленное на то, чтобы выявить, как именно генеративный ИИ влияет на профессиональное становление человека, какие эмоции и оценки сопровождают включение ИИ в работу, какие изменения происходят в структуре навыков и в субъективном восприятии будущего профессии. Исследование рассматривает не только объективные данные: частоту использования технологий, оценку влияния ИИ на работу, востребованные навыки, – но и субъективные, глубинные переживания специалистов, включая тревогу, мотивацию к обучению, восприятие угрозы и ощущение роста.

Для изучения влияния генеративного ИИ на профессиональное развитие был проведён онлайн-опрос, в котором приняли участие 153 специалиста разных возрастов, сфер деятельности и уровня профессионального опыта. Выборка оказалась достаточно разнообразной, что позволило выявить отличия между молодыми специалистами и профессионалами с опытом, между сферами, где ИИ уже стал частью рабочей рутины, и областями, где внедрение технологии происходит более медленно.

Возрастной состав выборки распределился следующим образом:

- 18–29 лет – 81 человек, то есть более половины опрошенных;
- 30–44 года – 29 человек;
- 45–60 лет – 18 человек;
- 60+ – 4 человека.

Такой перекоп в сторону молодого поколения отражает реальную тенденцию: молодые специалисты чаще сталкиваются с ИИ в процессе обучения, быстрее интегрируют новые инструменты и активнее экспериментируют с цифровыми технологиями.

По стажу работы распределение оказалось следующим:

- до 3 лет опыта – 43 респондента;
- 3–10 лет – 69 респондентов, самая многочисленная категория;
- 10+ лет – 41 респондент.

Разнообразие сфер деятельности также оказалось существенным. В исследовании приняли участие специалисты из IT, образования, здравоохранения, маркетинга, государственного администрирования, HR, дизайна, журналистики и творческих индустрий. Это позволило сравнить разные модели адаптации к ИИ: от тех профессий, где генеративные модели стали неотъемлемой частью рабочих процессов (например, разработка, дизайн), до тех, где ИИ пока воспринимают как дополнительную опцию или потенциальную угрозу (например, образование или медицина).

Анкета включала как количественные блоки (шкалы тревоги, доверия к ИИ, частоты использования), так и качественные – открытые ответы, в которых респонденты рассказывали о своём опыте, переживаниях и ожиданиях. Эти высказывания позволили увидеть психологическую составляющую происходящих изменений и сделать исследование более глубоким.

Полученные данные позволили увидеть, насколько неоднородно и многослойно специалисты воспринимают влияние генеративного искусственного интеллекта на собственные профессиональные роли. Одним из ключевых показателей стала частота использования ИИ в работе. Оказалось, что 32% опрошенных применяют генеративные модели ежедневно, используя их для анализа данных, создания текстов, корректировки материалов, генерации идей или автоматизации рутинных операций. Ещё 31% используют ИИ еженедельно, чаще всего для отдельных задач, которые требуют дополнительной поддержки – например, подготовки презентаций или поиска новых подходов к проектированию. Около 22% обращаются к ИИ лишь время от времени, а 15% не используют такие технологии вовсе, предпочитая опираться на традиционные методы работы или не видя необходимости в смене привычных инструментов.

Эти цифры демонстрируют важную тенденцию: почти две трети специалистов уже интегрировали ИИ в свои профессиональные процессы. Но не менее значимо то, что отдельная часть сотрудников сохраняет дистанцию. Анализ открытых ответов показал, что в этой группе преобладают люди старше 45 лет и те, чья профессиональная деятельность связана с высокой степенью ответственности и строгими нормативами – врачи, педагоги, государственные служащие. Их настороженность объясняется не только технологическим барьером, но и ощущением, что ИИ может нарушить привычную структуру профессиональной деятельности, требующую контроля, этичности и ясности.

Интересно, что даже среди тех, кто активно использует ИИ, отношение к технологии остаётся неоднозначным. Когда респондентам было предложено оценить влияние ИИ на их профессию по шкале от 1 до 5, среднее значение составило 3,6, что говорит о выраженном, но не критическом восприятии изменений. Однако при рассмотрении разных профессиональных групп обнаружились значимые различия. Специалисты в IT, дизайне, маркетинге и журналистике оценивают влияние значительно выше – на уровне 4,2–4,4. Представители образования, здравоохранения и государственного сектора – в пределах 2,8–3,0, что отражает более осторожное отношение к внедрению ИИ и более медленный темп технологического перехода.

Особенно интересными оказались данные о психологической реакции на ИИ. Около 41% респондентов испытывают выраженную тревогу, связанную с возможной потерей актуальных навыков, изменением профессиональных требований и ростом конкуренции. Примерно 34% характеризуют своё состояние как умеренное напряжение, отмечая, что технологии вызывают у них вопросы, но не блокируют профессиональную активность. И только 25% не испытывают тревоги, воспринимая ИИ как естественное продолжение цифровизации общества.

Несмотря на тревогу, большинство специалистов демонстрируют готовность адаптироваться. Более 72% респондентов планируют развивать новые навыки, связанные с использованием ИИ: изучать новые инструменты, осваивать автоматизацию рутинных процессов, обучаться анализу больших данных, улучшать навыки взаимодействия с ИИ-системами. Это показывает, что тревога не парализует профессиональное развитие, а напротив – стимулирует его. Многие респонденты отмечали, что необходимость осваивать ИИ стала для них импульсом к обновлению компетенций и пересмотру карьерных целей.

На фоне тревоги и мотивации значительным оказалось и распределение уровней стресса. Средний показатель составил 3,1 по шкале от 1 до 5. Однако здесь проявился интересный эффект: самая высокая стрессогенность наблюдается у тех, кто редко

использует ИИ, но осознаёт его влияние на профессию. В этой группе встречались комментарии о «страхе не успеть за изменениями» или «ощущении, что технологии развиваются быстрее, чем человек способен адаптироваться». Напротив, те, кто активно работает с ИИ, демонстрируют меньший стресс: освоение инструментов повышает чувство контроля, снижает неопределённость и помогает лучше понимать границы возможностей ИИ.

Значимым аспектом стало изучение того, какие навыки специалисты считают ключевыми в ближайшие годы. На первом месте оказалась креативность, что может показаться парадоксальным на фоне появления генеративных моделей, способных создавать тексты, идеи и концепции. Однако респонденты подчёркивали: креативность – это не просто генерация идей, а способность оценивать, структурировать, направлять и преобразовывать результаты работы ИИ. Второе место заняли критическое мышление и аналитическая грамотность – навыки, позволяющие проверять достоверность информации, отличать факты от ошибок модели, обнаруживать логические несостыковки. Далее следовали технологическая компетентность, коммуникация, эмпатия и гибкость. Разные профессиональные группы расставляли свои акценты: IT-специалисты говорили о важности инженерных навыков и понимания алгоритмов, педагоги – о развитии эмпатии и способности сочетать технологии с человеческим взаимодействием, творческие работники – о необходимости развивать эмоциональную выразительность и уникальность стиля.

Анализ полученных данных показывает, что влияние генеративного ИИ на личность специалиста проявляется прежде всего в изменениях профессиональной идентичности – той внутренней конструкции, которая позволяет человеку ощущать устойчивость своей профессиональной роли, понимать свой вклад в общий процесс и чувствовать значимость своей деятельности. Именно эта идентичность оказывается под воздействием мощного технологического сдвига, когда многие знания и навыки, ранее требующие длительного освоения, становятся доступными для автоматизации.

Особенно ярко это проявляется в высказываниях респондентов. Один из участников с десятилетним стажем в маркетинге написал: «Самое сложное – не освоить инструмент, а понять, что теперь не ты создаёшь текст, а система. И ты как будто теряешь часть своего профессионального лица». Это переживание утраты уникальности повторялось в разных формулировках: от «ощущения снижения ценности» до чувства, что «ИИ забирает наиболее интересные части работы».

Однако наряду с этим звучала и другая линия восприятия. Молодые специалисты, особенно те, кто привык к постоянной смене технологий, рассматривали ИИ как пространство роста: «Я не воспринимаю ИИ как угрозу. Он расширяет мои возможности, делает меня быстрее и продуктивнее». Такие ответы демонстрируют смену парадигмы профессионального мышления. Для них ценность специалиста заключается не в количестве самостоятельно выполненных задач, а в способности управлять сложными системами и комбинировать результаты человеческой и машинной работы.

Таким образом, внутри выборки складывается своеобразный психологический контраст. Люди с большим стажем чаще испытывают идентификационную тревогу, связанную с нарушением привычного ощущения профессиональной уникальности. Те, кто находится на начальном этапе развития карьеры, склонны воспринимать ИИ как нейтральный или даже позитивный фактор, ускоряющий процесс становления.

Интересно, что тревога, возникающая в связи с внедрением ИИ, не является однозначно негативным фактором. Она выступает двусторонним психологическим механизмом: с одной стороны, повышает напряжение и снижает чувство контроля, а с другой – стимулирует обучение, переосмысление целей и активный поиск новых компетенций [6].

Большинство респондентов, отметивших высокий уровень тревоги (41%), одновременно заявили о намерении активно осваивать технологии. Один участник отметил: «Если я не начну разбираться в ИИ, я останусь позади. Меня это пугает, но и мотивирует – как будто появился новый этап, который нужно пройти».

Такое сочетание страха и стремления к развитию отражает общее направление современного профессионального становления. В условиях быстрых технологических изменений тревога становится элементом адаптивной системы человека. Она заставляет переоценивать собственные навыки, формировать новые стратегии поведения, повышать пластичность мышления. Психологически это важно: травматичность изменений уменьшается, если человек способен найти внутренний смысл в необходимости обучения и воспринимает изменения как вызов, а не как угрозу [5].

У части респондентов появилась новая форма напряжения – перегрузка возможностями. Она проявляется в ощущении, что ИИ даёт слишком много вариантов, слишком много функций, слишком много направлений развития. Один из дизайнеров сформулировал это так: «Иногда я чувствую, что могу всё – но не знаю, за что браться».

Этот феномен представляет собой психологический парадокс: расширение возможностей ведёт не только к росту мотивации, но и к затруднению выбора, фрагментации внимания, угрозе рассеивания профессиональной идентичности. Перегрузка возможностями может снижать удовлетворённость работой, если человек не обладает развитой способностью к планированию, саморегуляции и распределению ресурсов.

Одним из наиболее интересных результатов исследования стало то, что многие респонденты начали воспринимать ИИ не просто как инструмент, а как партнёра по деятельности. Особенно часто это наблюдалось среди тех, кто использует ИИ ежедневно.

Один из молодых проектировщиков написал: «Я чувствую, что у меня появился напарник, который помогает мне думать быстрее». Другой участник, специалист по контенту, уточнил: «ИИ никогда не устает, не выгорает, не спорит. Но он помогает мне генерировать то, до чего я бы не дошёл сам. Это странно, но похоже на сотрудничество».

Такие высказывания показывают важную трансформацию: человек начинает выстраивать новую модель работы, где часть когнитивной нагрузки делегируется ИИ, а сам специалист занимает позицию координатора, редактора, интерпретатора. Это качественно меняет профессиональную роль: вместо того чтобы выполнять всю работу самостоятельно, человек учится управлять процессом, распределять задачи между собой и системой, направлять творчество ИИ и корректировать результат.

На основе анализа данных можно выделить несколько типичных моделей поведения специалистов:

1. Стратегия избегания – характерна для части опытных работников: минимизация взаимодействия с ИИ, сохранение привычных методов работы, выраженный скепсис к технологиям.
2. Стратегия осторожной адаптации – специалисты используют ИИ эпизодически, осваивая его постепенно и избегая чрезмерной зависимости.
3. Стратегия активного сотрудничества – регулярное использование, включение ИИ в сложные задачи, попытка системно интегрировать инструменты в рабочий процесс.
4. Стратегия инновационного освоения – характерна для молодых специалистов: экспериментирование, творчество, попытка найти нетрадиционные комбинации возможностей ИИ.

Эти стратегии отражают разный уровень технологической уверенности, скорость адаптации, а также особенности профессиональной мотивации.

Полученные данные позволяют увидеть генеративный искусственный интеллект не просто как технологический фактор, а как мощный психологический стимул, который

влияет на профессиональное становление многопланово и глубоко. Наиболее важным результатом исследования стало понимание того, что реакция на ИИ определяется не столько возрастом или стажем, сколько особенностями профессиональной идентичности, способностью к адаптации и внутренней структурой мотивации.

Молодые специалисты, которых в выборке оказалось большинство, воспринимают ИИ как пространство развития, как возможность скорейшего профессионального роста и как способ повысить конкурентоспособность. Для них характерно ощущение, что ИИ – это естественная часть цифровой культуры, а значит, его использование не требует перестройки самовосприятия [2]. Они с готовностью берут на себя роль экспериментаторов, активно пробуют новые инструменты и считают ИИ логичным продолжением собственных навыков. Их профессиональная идентичность ещё пластична, она только формируется, и поэтому легко встраивает в себя новые технологические элементы.

Иная ситуация наблюдается среди специалистов с большим опытом работы. Для части из них появление ИИ вызывает ощущение угрозы стабильности, сложности и уникальности накопленных навыков. Они сталкиваются с вопросами о собственной значимости в профессии и о будущем своих компетенций. В их профессиональной идентичности уже существует устойчивый образ себя как специалиста, и любая технология, способная выполнять часть их работы, воспринимается как риск утраты индивидуальности. Психологически это проявляется в тревоге, напряжении и временах – в отказе от взаимодействия с ИИ.

Однако важно подчеркнуть, что возраст и стаж сами по себе не определяют негативную реакцию. Значительную роль играет сформированность метанавыков – гибкости мышления, способности к саморефлексии, готовности к переобучению. Именно эти качества позволяют специалисту воспринимать ИИ не как угрозу, а как ресурс. Среди опытных профессионалов есть множество респондентов, которые описывали ИИ как инструмента, расширяющего их возможности, повышающего качество работы и снимающего рутинные задачи.

Важной находкой исследования стала двойственная природа профессиональной тревоги. С одной стороны, она снижает чувство контроля и вызывает неопределённость. Но с другой – она побуждает к развитию. Этот механизм можно рассматривать как психологический компенсатор: человек, ощущая угрозу, начинает искать новые пути адаптации и тем самым укрепляет собственную профессиональную устойчивость. В современных условиях тревога становится не только симптомом стресса, но и движущей силой развития компетенций [6].

Исследование также показало, что многие специалисты начинают воспринимать ИИ как «партнёра» по работе. Это принципиально новая модель профессиональных отношений. Если ранее рабочий процесс был построен вокруг человека как единственного субъекта деятельности, то теперь он становится распределённым: часть задач выполняет ИИ, а человек организует, направляет и оценивает результат. Это не упрощает работу, как иногда ошибочно считают, а усложняет её, потому что требует развитого критического мышления, способности оценивать качество автоматизированных решений и понимания ограничений модели.

Такое партнёрство формирует новую модель компетентности. Специалист будущего – это не тот, кто умеет делать всё самостоятельно, а тот, кто умеет грамотно работать с системами, распределять ответственность и извлекать максимальную ценность из взаимодействия человека и машины. Эта новая роль требует развитого самоконтроля, эмоциональной устойчивости, уверенности в себе и способности к интеллектуальному лидерству – умению направлять процесс, в котором человек больше не единственный источник решений.

Особое значение приобретают навыки, не поддающиеся автоматизации. Респонденты единодушно отмечали, что именно креативность, критическое мышление, эмпатия, способность к коммуникации и гибкость будут определять ценность специалиста в ближайшие годы. Эти навыки в меньшей степени находятся в зоне риска компьютеризации, зато критически важны при работе в условиях постоянной технологической изменчивости.

Интересно и то, что изучение открытых ответов респондентов показало: ИИ постепенно меняет структуру профессиональной мотивации. Если раньше многие ориентировались на достижение стабильности, овладение отточенными навыками или построение устойчивой карьеры, то теперь появляется новый тип мотивации – мотивация динамического развития. Люди начинают ценить не только конечный результат, но и процесс постоянного роста, экспериментирования и расширения компетенций.

Таким образом, генеративный ИИ становится не внешним фактором, воздействующим на профессии, а ключевым элементом нового типа профессиональной среды, где стабильность уступает место постоянному движению, а индивидуальная компетентность определяется не набором функций, а готовностью жить в состоянии интеллектуальной изменчивости.

Результаты исследования показывают, что успешная адаптация связана прежде всего с гибкостью мышления, открытостью опыту и готовностью к постоянному обновлению навыков. В условиях мира, где технологии развиваются быстрее, чем профессиональные практики, эти качества становятся ключевыми не только для профессионального успеха, но и для психологической устойчивости.

Генеративный ИИ – это не конец профессий, а начало их нового этапа. Он создаёт условия, в которых человек должен не соревноваться с машиной, а сотрудничать с ней, усиливая собственные возможности и формируя новое качество профессиональной компетентности.

Библиографические ссылки

1. Amershi S., et al. Guidelines for Human-AI Interaction // *CHI Conference Proceedings*. New York, 2019.
2. Brynjolfsson E., McAfee A. *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. New York: W.W. Norton & Company, 2014.
3. OECD. *AI and the Future of Skills*. Paris: OECD, 2023.
4. Susskind R., Susskind D. *The Future of the Professions*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
5. World Economic Forum. *The Future of Jobs Report*. Geneva: World Economic Forum, 2023.
6. Zhang B., et al. AI Anxiety and Work Adaptation in the Digital Era // *Journal of Applied Psychology*. 2022. Vol. 107, No. 3. P. 345–360.

© Яцкая Д.Д., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Международная научно-практическая конференция

**«Актуальные проблемы
психологии труда:
теория и практика»**

РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У СПЕЦИАЛИСТОВ ПО КОММУНИКАЦИЯМ

Ф. А. Аброров

магистрант 1 курса

СибГУ им. М.Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: abrorov012@gmail.com

С. Ю. Пискорская

профессор,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: piskorskaya1@rambler.ru

Статья посвящена анализу межкультурной компетентности и ее основных характеристик. Рассматривается актуальность межкультурной компетентности для специалистов по коммуникациям. Подчеркивается роль проектного обучения в формировании межкультурной компетентности при организации учебного процесса по направлению «Реклама и связи с общественностью».

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, межкультурная компетентность, коммуникация, проектное обучение

The article focuses on the analysis of intercultural competence and its key characteristics. It addresses the relevance of intercultural competence for communication professionals and emphasizes the role of project-based learning in developing intercultural competence within the educational process for the "Advertising and Public Relations" program.

Keywords: Intercultural communication, intercultural competence, communication, project-based learning.

В условиях глобализации и цифровизации профессиональная деятельность выходит за национальные рамки, позволяя взаимодействовать с международными партнерами и целевыми аудиториями, чьи культурные коды, ценности и коммуникативные нормы могут существенно отличаться от привычных. В этой связи особую значимость приобретает межкультурная коммуникация как практический инструмент эффективного профессионального взаимодействия. Цель данной статьи – рассмотреть роль межкультурной компетентности в профессиональной коммуникации, выявить ключевые барьеры и стратегии их преодоления, а также показать, как эти аспекты влияют на качество PR- и рекламных кампаний в международном контексте.

По мнению Н.А. Мартыновой, межкультурная коммуникация представляет собой особую форму общения представителей различных культур, в ходе которой происходит обмен не только информацией, но и особенностями культуры. В процессе межкультурной коммуникации каждый человек, по сути, решает две важнейшие проблемы – сохранить свою культурную идентичность и присоединиться к другой. Этот процесс не ограничивается знанием соответствующего языка, он требует изучения и восприятия норм, правил, обычаев и традиций культуры другого народа, его религии, нравственных установок, ценностных и мировоззренческих ориентиров [1, с.148, 151].

Решающим при этом выступает вопрос о значимости культурных различий, способности их осознать и принять во внимание и применить в процессе общения, ведь главной целью любой коммуникации выступает желание быть максимально правильно понятым своим собеседником. Практика показывает, что для достижения взаимопонимания и эффективного контакта необходима некая совокупность знаний, умений и навыков, которая получила название межкультурной компетенции.

Подобные знания приобретаются посредством личного межкультурного взаимодействия, в том числе, в туристических поездках, из средств массовой информации, однако все это характеризует обыденный уровень знания и требует формирования межкультурной компетенции на уровне государственной образовательной политики [2, с.91].

Межкультурная компетенция – сложный и многообразный феномен, в исследовании которого принимают участие многие ученые.

Так, анализируя понятие компетенции (от лат. *Competens* – соответствующий, способный), А.П. Садохин установил, что в европейской традиции данное понятие рассматривается в двух основных значениях: как способность сформировать в себе инокультурную идентичность и как способность установления эффективных контактов с представителями иных культур [3].

В первом случае предполагается изучение, восприятие и воспроизведение языка, элементов культуры и норм поведения иного сообщества. При таком подходе усвоение максимального объема знаний об иной культуре и свободная его трансляция (вплоть до отказа от изначальной собственной (родной) культурной принадлежности) выступают основной целью коммуникации.

Во втором случае речь идет о способности достигать успеха в коммуникациях (в том числе, профессиональных, таких как международные переговоры, подписание договоров, проведение сделок и т.п.) даже при недостаточном знании основных элементов культуры своих оппонентов.

В российской научной традиции межкультурная компетентность рассматривается как способность добиваться взаимопонимания в процессе взаимодействия с представителями иных культур с использованием компенсаторных стратегий, восполняющих определенные разрывы, например, в языковой коммуникации, для предотвращения конфликтов и создания новой межкультурной общности.

А.П. Садохин уточняет, что чем активнее специалист в области коммуникации использует знания об основных элементах иной культуры (язык, религия, традиции, стереотипы, нормы поведения и т.п.) и демонстрирует свои навыки и умения использовать определенные методы и приемы, позволяющие достигнуть поставленных целей, тем выше оценивается уровень его компетентности.

Главными чертами или характеристиками межкультурной компетентности, по А.П. Садохину, выступают: открытость к восприятию межкультурных различий, способность преодолевать стереотипы, удерживать психологический настрой на кооперацию и взаимодействие, соблюдение правил этикета, владение набором коммуникативных приемов и их адекватный выбор в соответствии с конкретной ситуацией. Такой подход предполагает адекватное восприятие и интерпретацию межкультурных ценностей и возможность видеть в «чужом» не только различия, но и общие черты, а также получать новые знания о других культурах для более глубокого понимания своей собственной.

Далее рассмотрим модель О.Е. Хухлаева, в которой межкультурная компетентность рассматривается как составной феномен. Этот феномен включает три группы характеристик: индивидуально-личностные особенности, способствующие или препятствующие эффективности межкультурного взаимодействия; межкультурные

установки и особенности мировоззрения, обеспечивающие мотивацию взаимодействия; способность к сотрудничеству, эффективному управлению конфликтами [4, с. 88].

Как видно из вышеизложенного, модели А.П. Садохина и О.Е. Хухлаева затрагивают три основных черты - личные качества коммуникатора, его социокультурные установки и коммуникационные навыки. И отсутствие хотя бы одной из этих характеристик (черт) приводит к тому, что общаясь с представителями иных культур, коммуникаторы оценивают их на основе норм собственной культуры, что затрудняет взаимопонимание и взаимодействие. Поэтому высшим уровнем межкультурной компетентности является умение свободно переходить с собственных культурных норм на нормы иной культуры, включать соответствующий «коммуникационный режим» [5].

Межкультурная компетентность предполагает наличие определенной системы знаний, обеспечивающей уважительное отношение к языку и культуре иных народов, одновременное признание ценности своей и иной культуры, принятие возможности диалога между ними, а также владения коммуникативными и информационно-коммуникационными технологиями, позволяющими устанавливать эффективный контакт с представителями разных культур.

Исследуя межкультурную компетентность специалистов по коммуникациям, следует отметить, что данная сфера деятельности характеризуется беспрецедентной интенсификацией международных контактов и предполагает постоянное взаимодействие с различными аудиториями, от сотрудников до партнеров, которые в свою очередь могут выступать представителями разных культур. В этих условиях особую значимость приобретает способность специалистов в сфере коммуникаций, будь то PR, реклама, медиа или корпоративные коммуникации, эффективно взаимодействовать с представителями других культур.

Анализируя профессиограмму специалиста по коммуникациям, описывающую профессиональные и личные требования к должности, следует отметить, что такие должности, в частности, должность специалиста по связям с общественностью в РФ включают широкий спектр задач: от организации мероприятий до внешних коммуникаций. Специалист по связям с общественностью отвечает за разработку и реализацию PR-стратегий, направленных на укрепление репутации и повышение узнаваемости бренда, а также за установление и поддержание отношений со СМИ и другими ключевыми партнерами.

Практическая значимость межкультурной компетентности для специалистов по коммуникациям связана с тем, что их профессиональная деятельность включает проведение исследований и формирование общественного мнения, разработку и проведение рекламных и коммуникационных кампаний, организацию мероприятий и продвижение брендов. Проведение мероприятий, деловых встреч, ведение переговоров, установление контактов, разработка текстов и формулировок для внешних коммуникаций, установление и поддержание контактов с представителями СМИ, лидерами общественного мнения, партнерами и другими заинтересованными сторонами и обеспечение деловой переписки в современном мультикультурном мире также требуют определенного уровня подготовки в сфере межкультурной коммуникации.

Описывая формирование межкультурной компетенции будущих специалистов по рекламе и связям с общественностью, К.С. Цеунов предлагает принимать во внимание следующие взаимосвязанные аспекты [6]. Во-первых, необходимо учитывать социокультурные условия, такие как глобализация, культурное и языковое разнообразие, полиэтничность, во-вторых, факторы внешней среды, такие как вызовы рынка, цифровизация коммуникаций, трансформация рынка труда, усиление конкуренции и т.п.

В-третьих, представленные выше аспекты должны находить отражение в требованиях к содержанию межкультурной компетентности со стороны государственных

структур и современных работодателей. Речь идет о требованиях профессиональных стандартов и федеральных государственных стандартов высшего образования, о требованиях к созданию условий практико-ориентированной обучающей среды, включая участие в международных проектах и конференциях, стажировки, академические обмены и тому подобное, а также осодержаниисаших образовательных программ и фондах оценочных средств, где представлены критерии оценки межкультурной компетенции.

К.С. Цеунов выделяет три ключевых компонента структуры межкультурной компетенции специалистов по рекламе и связям с общественностью: когнитивный, включающий знания о культуре, языке, нормах, ценностях, аффективный, отражающий эмоциональную готовность к диалогу и стратегический, представляющий умение выбирать адекватные коммуникативные тактики в зависимости от ситуации. Особое внимание при этом уделяется способности осознать собственные культурные установки и их влияние на восприятие «другого», что позволяет не только избегать стереотипов, но и строить диалог на основе взаимного уважения.

При подготовке обучающихся на направлениях, связанных с коммуникационной составляющей, таких как реклама и связи с общественностью, базовым будет являться изучение мирового и российского опыта организации коммуникационных компаний, рекламной и PR-деятельности, что позволяет будущему специалисту не только использовать иноязычные лексико-грамматические конструкции, но и реализовать себя в рамках диалога культур.

Раскрывая принципы формирования межкультурной компетентности необходимо отметить и такие основополагающие моменты, трансформация базовых процессов – актуализация дисциплинарной карты за счет развития прикладных межкультурных исследований и проектов, активное участие в которых учит нести личную ответственность за принимаемые решения, формирует способность к межкультурной коммуникации, выстраиванию межнациональных и межконфессиональных отношений. [7, с.14].

Учебным результатом таких проектов становятся навыки обеспечения внутренней и внешней коммуникации, умения планировать, организовывать и проводить под контролем коммуникационные мероприятия [8, с.14]. В качестве примера проекта, способствующего повышению межкультурной компетентности, рассмотрим проект, реализуемый студентами института социального инжиниринга Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева (СибГУ).

Описание проблемы, на решение которой направлен проект: СибГУ заинтересован в привлечении иностранных студентов, как к образовательному процессу, так и к участию в знаковых мероприятиях университета, что способствует общему продвижению университета в международном пространстве. «Неделя PR и рекламы на Енисее» («Ярпиар») – это всероссийский фестиваль с международным участием. «Ярпиар» проводится с целью продвижения имиджа профессии, интеграции коммуникационного сообщества, преподавателей, практиков и обучающихся, а также обмена опытом и выявления тенденций в сфере гуманитарных технологий не только на территории Российской Федерации, но и за рубежом.

Будущему специалисту (бакалавру) по рекламе и связям с общественностью необходимо на практике отрабатывать коммуникационные навыки, в том числе, навыки работы с иностранными гражданами – участниками мероприятий, и этот обучающий проект как раз и направлен на формирование таких навыков. Цель проекта - привлечение к участию в Фестивале «Ярпиар» иностранных граждан, а также организация работы с иностранными гражданами – участниками этого мероприятия.

Проект включает информационно-коммуникационное сопровождение иностранных участников Фестиваля от приглашения на Фестиваль и до убытия их из Российской

Федерации. В Оргкомитете Фестиваля формируется отдельный блок работы с иностранными гражданами. Готовится и реализуется рассылка приглашений на Фестиваль зарубежным партнерам и участникам. Формируется программа пребывания иностранных граждан на период проведения Фестиваля, включающая, в том числе, и досуговые мероприятия, такие как организация и проведение экскурсий для иностранных участников Фестиваля. Формируется и доводится до участников список мест возможного проживания. Назначаются кураторы, ответственные за пребывание иностранных команд, осуществляется постоянная контактная работа. После завершения Фестиваля осуществляется анализ «обратной связи» для выработки рекомендаций для обучения студентов блока работы с иностранными участниками на последующие годы.

Подобная проектная работа позволяет повысить межкультурную компетентность обучающихся, обучить их тому, именно преподнести информацию иностранным гражданам: что, когда, кому и как (в какой форме) необходимо сказать.

При этом «что сказать» предполагает социокультурные знания, на начальном этапе проекта осуществляется установка на то, что незнание особенностей национально-культурной специфики может привести к коммуникативным конфликтам, например, из-за неверно истолкованных невербальных средств общения, игнорирования народных традиций, манеры приветствия и т.д.

«Когда и кому» – это способы передачи информации (идей, мыслей, чувств) и воздействия на партнеров и собеседников, используемых в процессе общения с целью достижения целей коммуникации. Этот тип знаний включает в себя знание типов поведения, используемых для успешного достижения целей коммуникации. Таким образом, проект предполагает практическую отработку теоретических знаний из уже освоенных дисциплин учебного плана, таких как «Межкультурная коммуникация», «Психология» и «Реклама и связи с общественностью и современные международные отношения».

Межкультурная компетентность – это профессиональная необходимость для современного специалиста в области коммуникаций. В условиях глобализации и поликультурного общества именно она становится ключевым фактором конкурентоспособности на международном рынке труда.

На основе анализа представленных материалов можно сделать вывод: межкультурная компетентность – это интегративное качество личности, объединяющее знания, навыки, установки и рефлексивные способности. Ее развитие требует системного подхода, сочетающего академическое обучение, языковую подготовку и практическое погружение в межкультурный контекст. Только такой подход позволит будущим специалистам по коммуникациям не просто «выживать» в мультикультурной среде, но и успешно формировать диалог культур, выстраивать доверительные отношения и достигать взаимопонимания – главной цели любой коммуникации.

Библиографические ссылки

1. Мартынова, Н.А. Межкультурная коммуникация как особый вид общения // Омский научный вестник. 2007. № 2 (54). С. 148–151.
2. Савушкина, Л. В. Межкультурная коммуникация как предмет исследования // Интеграция образования. 2012. № 4. С. 87–91.
3. Садохин, А.П. Межкультурная компетентность: понятие, структура, пути формирования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X. № 1. С. 125–139.

4. Хухлаев, О. Е., Гриценко В. В., Дагбаева С. Б. и др. Межкультурная компетентность и эффективность межкультурного взаимодействия // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15, № 1. С. 88–102.

5. Сатарова Л.Х. Основные проблемы межкультурной коммуникации как фактор развития современного общества // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 12. [Электронный ресурс].URL: <https://web.snauka.ru/issues/2013/12/29074> (дата обращения 25.10.2025)

6. Цеунов, К. С. Обзор модели формирования межкультурной компетенции будущих специалистов по связям с общественностью // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 1(38). С. 110–114.

7. Громыко, Н.В. Стратегия развития Московского образования до 2030 года// Профессиональное образование. Столица. 2012., №1, С. 13-16.

8. Пискорская, С.Ю. Философия инновационного образования // Профессиональное образование в современном мире. 2018. № 3, с.2024–2031.

© Аброров Ф.А., Пискорская С.Ю., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ НА ПУТИ К АКМЕ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В. В. Амельченко

студент 3 курса

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: lerchikamelchenko7@mail.ru

Д. Н. Девятловский

доктор пед. наук, доцент, профессор кафедры ППСР

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: devyatlovskiy@mail.ru

В статье рассматривается проблема психологических барьеров, препятствующих достижению акме – высшей точки развития личности и профессионализма. Рассматриваются способы их преодоления через изучение локуса контроля и уровня самоактуализации личности.

Ключевые слова: акме, акмеология, психологические барьеры, самоактуализация, самореализация.

This article examines the psychological barriers that hinder the achievement of acme—the pinnacle of personal and professional development. It explores ways to overcome these barriers through studying one's locus of control and level of self-actualization.

Keywords: acme, acmeology, psychological barriers, self-actualization, self-realization.

Современная акмеология трактует акме как высшую точку развития личности, её профессионализма, духовной зрелости и социального вклада (Б.Г. Ананьев, А.А. Деркач). Достижение акме предполагает целостность развития личности, включающую когнитивные, эмоциональные, мотивационные и социальные аспекты. Однако на пути к этому состоянию человек сталкивается с различными барьерами, тормозящими его самореализацию и личностный рост. Особую актуальность данная проблема приобретает в условиях стремительных социальных и профессиональных изменений, когда повышаются требования к психологической устойчивости, стрессоустойчивости и готовности к постоянному саморазвитию.

Изучение психологических барьеров на пути к акме имеет важное значение для разработки стратегий личностного и профессионального роста, а также для организации психолого-педагогической поддержки студентов и молодых специалистов.

В акмеологии и психологии понятие акме трактуется как вершина развития личности, её профессиональной и духовной зрелости.

Согласно А.А. Деркачу, акме – это «наивысший уровень развития личности, характеризующийся гармонией профессиональных и личностных качеств, результативностью деятельности и социальной значимостью» [5].

Б.Г. Ананьев рассматривал акме как момент оптимального проявления интеллектуальных, эмоциональных и волевых качеств, способствующих эффективной деятельности и творчеству [1].

В «Психологическом словаре» под ред. А.В. Петровского акме определяется как «период наивысшего расцвета зрелой личности, в котором проявляется её творческий потенциал и профессиональная компетентность» [8].

В «Философском энциклопедическом словаре» (1983) акме описывается как «вершина индивидуального развития человека, момент его наибольших возможностей в профессиональной и социальной сфере». [4]

Таким образом, акме – это не просто достижение внешнего успеха, а результат внутренней работы личности, преодоления барьеров и формирования устойчивой самоидентичности.

Термин «психологический барьер» имеет разные интерпретации. В «Большом психологическом словаре» (2009) барьер определяется как «внутреннее или внешнее препятствие, вызывающее затруднение в деятельности или развитии личности» [8].

К. Роджерс связывал барьеры с «несоответствием между Я-реальным и Я-идеальным», что вызывает внутренний конфликт, тревогу и снижает продуктивность [9].

А. Маслоу рассматривал барьеры через призму неудовлетворённых базовых потребностей, указывая, что человек, не достигший удовлетворения потребностей в безопасности или принадлежности, не способен двигаться к самоактуализации [7].

Ф.Б. Березин определял психологический барьер как состояние дисбаланса между личностью и окружающей средой, препятствующее успешной адаптации и порождающее стресс [4].

А.А. Реан писал, что барьеры – это «комплекс внутренних и внешних факторов, препятствующих реализации мотивации достижения» [8].

Таким образом, барьер можно рассматривать как препятствие между текущим состоянием личности и её потенциалом.

Изучая работы исследователей, можно выделить следующие виды барьеров [8]:

1. Когнитивные барьеры – связаны с ограниченным восприятием, недостаточной осведомлённостью или стереотипами мышления. Их изучали Ж. Пиаже (теория когнитивного развития) и Л.С. Выготский (понятие зоны ближайшего развития).

2. Эмоционально-личностные барьеры – тревожность, неуверенность, страх неудачи.

3. Фрейд рассматривал их как проявления бессознательных конфликтов, а К. Изард связывал с доминированием отрицательных эмоций.

3. Мотивационные барьеры – отсутствие внутренней мотивации, ориентация только на внешние обстоятельства. Д. МакКлелланд разработал концепцию мотивации достижения, отмечая, что низкая мотивация ограничивает личностный рост.

4. Коммуникативные барьеры – затруднения в межличностных отношениях. Их подробно описывал А.А. Бодалёв, указывая на важность эмпатии и социальной перцепции.

5. Организационно-средовые барьеры – неблагоприятные условия среды, перегрузка, стрессовые факторы. Эту проблематику поднимал Г. Селье (теория стресса), а также современные исследователи трудовой психологии.

Можно выделить следующие акмеологические закономерности:

- чем выше уровень самоактуализации, тем меньше выражены барьеры (А. Маслоу, А.В. Лазукин);
- чем больше интернальность (внутренний локус контроля), тем эффективнее человек преодолевает трудности и приближается к акме (Е.Ф. Бажин);
- наличие адекватной самооценки и эмоциональной устойчивости снижает вероятность деструктивного влияния барьеров (К. Роджерс, Ф.Б. Березин).

Таким образом, теоретическая связь состоит в том, что преодоление психологических барьеров через развитие внутренней мотивации, интернальности и самоактуализации напрямую связано с достижением акме.

Психологические барьеры на пути к акме могут рассматриваться не только как помехи, но и как естественная часть процесса саморазвития личности. В акмеологическом подходе они выполняют важную функцию – сигнализируют о внутренних противоречиях, требующих осознания и преодоления. Через столкновение с трудностями человек получает

возможность для роста, переосмысления ценностей и укрепления личностной зрелости. Следовательно, наличие барьеров не всегда свидетельствует о слабости или неготовности личности к развитию, а может отражать процесс адаптации к новым жизненным задачам и уровням ответственности.

Развитие личности, направленное к акме, предполагает движение от внешней детерминации к внутренней автономии. На ранних этапах человек ориентируется на оценки и ожидания окружающих, однако с ростом осознанности и опыта происходит переход к внутреннему самоуправлению, принятию ответственности за собственные решения. Именно формирование внутреннего локуса контроля становится важнейшим условием преодоления психологических барьеров и достижения устойчивой самоактуализации. Автономия в этом контексте означает не изоляцию от общества, а умение действовать в согласии со своими ценностями, сохраняя при этом социальную активность и ответственность.

С точки зрения деятельностного подхода, барьеры возникают тогда, когда требования деятельности превышают актуальные возможности личности. Преодоление таких противоречий возможно через развитие профессиональных компетенций, расширение зоны ближайшего развития и формирование адаптивных стратегий поведения. В этом процессе ключевую роль играют саморегуляция, стрессоустойчивость и способность к конструктивной интерпретации трудностей. Акмеологическая зрелость проявляется в умении не избегать проблем, а трансформировать их в стимул к дальнейшему совершенствованию.

Особое значение имеют эмоционально-личностные барьеры, связанные с тревожностью, неуверенностью, страхом неудачи. Их преодоление требует развития эмоционального интеллекта, умения осознавать и управлять своими эмоциями, понимать чувства других людей. Эмоциональная устойчивость позволяет сохранять продуктивность даже в стрессовых ситуациях, а также способствует формированию позитивной самооценки и внутреннего равновесия. В акмеологическом контексте эмоциональная зрелость рассматривается как один из показателей личностного роста и психологической зрелости.

Не менее важную роль играет и когнитивная сфера. Когнитивные барьеры проявляются в стереотипности мышления, узости восприятия и нежелании принимать новую информацию. Их преодоление связано с развитием критического и творческого мышления, гибкости ума, готовности к рефлексии. В современном акмеологическом подходе важным становится формирование так называемых метакогнитивных стратегий – способности осознавать собственное мышление и управлять им. Человек, способный анализировать и перестраивать свои когнитивные установки, легче справляется с неопределённостью и быстрее адаптируется к новым условиям.

Центральным психологическим ресурсом выступает самоэффективность – вера личности в собственные способности и возможности достижения успеха. Высокая самоэффективность способствует преодолению страха перед трудностями, укрепляет настойчивость и формирует внутреннюю устойчивость. Она напрямую связана с внутренней мотивацией, которая побуждает человека действовать не из-за внешнего давления, а из стремления к личностному росту и самореализации. При этом внутренняя мотивация поддерживает чувство удовлетворения от самого процесса деятельности, а не только от её результата.

Важным компонентом акмеологического развития является и духовно-нравственный аспект. Достижение акме невозможно без внутренней гармонии, осознания собственных ценностей и стремления к социально значимым целям. Человек, ориентированный только на внешние достижения, рискует столкнуться с внутренней пустотой и эмоциональным выгоранием. Истинное акме подразумевает интеграцию личностных и нравственных

начал, стремление не только к профессиональному успеху, но и к развитию гуманистических качеств – доброжелательности, эмпатии, ответственности, готовности к сотрудничеству.

Системный взгляд на проблему предполагает, что преодоление барьеров невозможно без учета социального контекста. Поддерживающая образовательная или профессиональная атмосфера способствует раскрытию потенциала личности, тогда как избыточная критика, конкуренция и неопределённость усиливают внутренние барьеры. Поэтому значительное внимание уделяется созданию акмеологически ориентированной среды – такой, где ценится сотрудничество, признание достижений и индивидуальный подход. Именно взаимодействие личности и среды определяет возможность перехода от адаптации к саморазвитию.

Среди психологических механизмов преодоления барьеров можно выделить развитие саморефлексии, осознанного целеполагания и позитивного мышления. Рефлексия позволяет понять причины трудностей, скорректировать поведение и переосмыслить жизненные приоритеты. Важную роль играет и смысловая сфера личности – наличие жизненных целей, ощущение предназначения, вера в собственные возможности. Когда деятельность человека обретает смысл, даже трудности воспринимаются как необходимая часть пути к личному совершенству.

Таким образом, достижение акме – это не одномоментное событие, а длительный процесс внутреннего роста, включающий преодоление психологических барьеров, развитие самосознания, формирование зрелой мотивационной и эмоциональной сферы. Психологическая зрелость проявляется не в отсутствии трудностей, а в способности конструктивно их преодолевать, превращая опыт неудач в ресурс развития. Личность, движущаяся к акме, характеризуется устойчивым внутренним локусом контроля, высокой степенью самоактуализации, ответственностью, целеустремлённостью и способностью к постоянному самообновлению.

В рамках нашего исследования была поставлена цель: выявить психологические барьеры, препятствующие достижению акме, и определить способы их преодоления через изучение локуса контроля и уровня самоактуализации личности. Для этого использованы следующие методики:

1. Опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) – авторы: Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, Л.М. Эткинд. Позволяет выявить, склонен ли человек приписывать успехи и неудачи себе или внешним обстоятельствам. Методика включает шкалы интернальности в области достижений, неудач, производственных и межличностных отношений.

2. Методика диагностики уровня самоактуализации (САМОАЛ) – автор: А.В. Лазукин (адаптация теста Э. Шострома). Направлена на выявление степени саморазвития, стремления к самореализации, внутренней свободы, автономности и ориентации во времени.

Базируясь на выбранных методиках, нами была выдвинута гипотеза о том, что высокий уровень самоактуализации и внутренний локус контроля способствуют преодолению психологических барьеров и приближению к акме.

Базой исследования были 25 студентов 3 курса гуманитарных направлений СибГУ им. М.Ф. Решетнева (13 девушек, 12 юношей, возраст 18–20 лет). Все испытуемые дали согласие на участие в исследовании.

Результаты исследования представлены в таблице 1.

Анализ показал, что у 28 % студентов выявлен высокий уровень интернальности и самоактуализации. Эти студенты обладают развитым внутренним локусом контроля, приписывают успехи и неудачи прежде всего своим усилиям, отличаются зрелой самооценкой и стремлением к самореализации. Их можно отнести к группе с

минимальными психологическими барьерами, обладающих высоким потенциалом для достижения акме. Они уверены в себе, инициативны и способны преодолевать трудности конструктивными способами.

Таблица 1 – Результаты исследования методик

Уровень:	УСК (локус контроля)	САМОАЛ (самоактуализация)	Кол-во студентов	%
Высокий	Внутренний локус, ответственность за успехи и неудачи	Высокая	7	28%
Средний	Смешанный локус (частично внешние факторы)	Средняя	13	52%
Низкий	Внешний локус, перекладывание ответственности	Низкая	5	20%

Большая часть испытуемых (52 % студентов) показала средние результаты. У них наблюдается смешанный тип локуса контроля, что выражается в частичной зависимости от внешних обстоятельств. Эти студенты в целом стремятся к саморазвитию, однако демонстрируют колебания в мотивации и не всегда уверены в своих силах. Их можно охарактеризовать как группу «потенциального роста»: при благоприятных условиях и поддержке (психологической, педагогической, со стороны коллектива) они способны преодолеть барьеры и выйти на более высокий уровень личностного развития.

Наиболее уязвимой оказалась группа из 20 % студентов с низкими показателями по обоим методикам. У них преобладает внешний локус контроля – они склонны объяснять свои успехи и неудачи внешними факторами (случайностью, влиянием других людей, обстоятельствами). Уровень самоактуализации у этих студентов низкий: им трудно формулировать личные цели, они менее устойчивы к стрессу, нередко демонстрируют заниженную самооценку и повышенную тревожность. Такие барьеры существенно затрудняют движение к акме.

Сравнительный анализ показал устойчивую взаимосвязь между локусом контроля и уровнем самоактуализации: студенты с внутренним локусом чаще демонстрируют высокие показатели самоактуализации, тогда как у респондентов с внешним локусом они существенно ниже.

Дополнительно было выявлено, что студенты с высоким уровнем самоактуализации характеризуются такими качествами, как: умение видеть перспективы и планировать будущее; высокая автономность в принятии решений; готовность к саморефлексии и личностным изменениям; устойчивая мотивация достижения. Студенты с низкими показателями нередко демонстрировали: отсутствие чётких целей; склонность к избеганию трудностей; недостаток инициативы; повышенную зависимость от мнения окружающих.

Таким образом, рассматривая результаты проведенных методик комплексно, можно сделать выводы:

- психологические барьеры к акме чаще всего связаны с низкой самооценкой, зависимостью от внешних факторов и отсутствием устойчивой мотивации;
- высокий уровень субъективного контроля и самоактуализации значительно снижает влияние барьеров;

- для преодоления барьеров эффективны: развитие рефлексии, тренинги личностного роста, работа с самооценкой, формирование навыков саморегуляции, когнитивно-поведенческие техники и коучинговые практики;
- большинству студентов требуется поддержка в развитии внутренней мотивации и укреплении уверенности в собственных силах;
- организация образовательной среды также играет ключевую роль: позитивная атмосфера, поддержка наставников и групповые проекты способствуют преодолению барьеров.

Полученные результаты подтверждают нашу гипотезу о том, что высокий уровень самоактуализации и внутренний локус контроля способствуют преодолению психологических барьеров и приближению к акме.

Таким образом, можно заключить, что развитие внутреннего локуса контроля, формирование адекватной самооценки и повышение уровня самоактуализации являются ключевыми условиями преодоления психологических барьеров и приближения к акме. Практическая значимость исследования заключается в возможности разработки психологических программ поддержки студентов, направленных на укрепление их личностного потенциала, повышение мотивации достижения и развитие устойчивости к стрессу.

Библиографические ссылки

1. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания : монография. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с.
2. Антипова, Л. А. Педагогические технологии успешной адаптации личности студента в процессе обучения в вузе // Казанский педагогический журнал. – 2012. – № 2. – С. 180–184.
3. Бажин, Е. Ф. Методика исследования уровня субъективного контроля / Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинд // Вопросы психологии. – 1984. – № 1. – С. 152–156.
4. Березин, Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека : монография. – П. : Книголюб, 2012. – 270 с.
5. Деркач, А. А. Акмеология : учеб. пособие. – М. : Изд-во РАГС, 2004. – 312 с.
6. Лазукин, А. В. Методика диагностики уровня самоактуализации личности / А. В. Лазукин // Вопросы психологии. – 1990. – № 5. – С. 121–128.
7. Маслоу, А. Мотивация и личность : монография / пер. с англ. – СПб. : Питер, 2007. – 352 с.
8. Реан, А. А. Психология личности : учеб. пособие. – СПб. : Питер, 2008. – 256 с.
9. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека : пер. с англ. – М. : Прогресс, 1994. – 480 с.

© Амельченко В.В., Девятловский Д.Н., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ТРУДА

И. Р. Аминева

студент 4 курса,

АНО ВО СИБУП,

г. Красноярск, Россия

E-mail: amineva.ir03@icloud.com

Г. Г. Дулинец

канд. психол. наук, доцент кафедры психологии АНО ВО СИБУП, г. Красноярск, Россия

E-mail: vylgalina@yandex.ru

В статье рассматриваются психологические условия, влияющие на эффективность профессиональной деятельности в условиях цифровизации труда. Раскрываются ключевые тенденции развития психологии труда, связанные с внедрением информационных технологий, искусственного интеллекта и дистанционных форм занятости. Рассматриваются вопросы мотивации, саморегуляции, психологической безопасности и эмоционального выгорания. Обосновывается необходимость формирования цифровых и метакогнитивных компетенций у современных специалистов.

Ключевые слова: цифровизация, психология труда, профессиональная эффективность, адаптация, стресс, мотивация, личность.

The article discusses psychological conditions affecting the effectiveness of professional activity in the era of digitalization. The paper highlights modern trends in labor psychology connected with the implementation of information technologies, artificial intelligence, and remote employment. Issues of motivation, self-regulation, psychological safety, and emotional burnout are analyzed. The necessity of developing digital and metacognitive competences is substantiated.

Key words: digitalization, labor psychology, professional efficiency, adaptation, stress, motivation, personality

Современный этап развития общества характеризуется стремительным внедрением цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека, что порождает фундаментальные трансформации в организации профессиональной деятельности. Глубина этих изменений проявляется не только в технологической модернизации рабочих процессов, но и в кардинальном пересмотре традиционных парадигм профессионального взаимодействия. Цифровая трансформация, охватившая все отрасли экономики, привела к возникновению принципиально новых форм занятости, среди которых особое распространение получили дистанционная работа, фриланс, проектная деятельность и гибридные форматы занятости.

Эти изменения сопровождаются переосмыслением самого понятия профессионализма, где на смену узкоспециализированным знаниям приходят универсальные компетенции, способность к быстрой адаптации и непрерывному обучению. Трудовая мотивация претерпевает значительную трансформацию – все большее значение приобретают внутренние стимулы, такие как самореализация, профессиональный рост и возможность творческого выражения, в то время как внешние мотиваторы, включая стабильность и гарантированную занятость, постепенно утрачивают свою доминирующую роль. Организация деятельности в цифровую эпоху характеризуется переходом от жестких

иерархических структур к гибким сетевым моделям, где ценятся горизонтальные связи, коллаборация и кросс-функциональное взаимодействие. Однако цифровая трансформация несет в себе не только оптимизацию трудовых процессов, но и создает серьёзные вызовы для психического благополучия профессионалов.

Постоянное ускорение темпа жизни, необходимость обработки огромных объемов информации, многозадачность и размывание границ между рабочим и личным временем создают нагрузку на психоэмоциональную сферу личности. В этих условиях от современного специалиста требуются не только профессиональные знания и навыки, но и высокий уровень психологической устойчивости, гибкости мышления, способности к быстрой переадаптации и готовности к непрерывному самообучению. Психологическая наука оказывается на переднем крае решения этих заданий, призванная разработать эффективные механизмы поддержки профессионала в быстро меняющемся мире, помочь ему сохранить внутреннее равновесие и поддерживать высокую эффективность деятельности в условиях перманентной трансформации профессиональной среды [4, с. 8].

Психология труда как научная дисциплина, исследующая закономерности взаимодействия человека с трудовой средой, в настоящее время переживает период глубокой трансформации, связанный с необходимостью осмысления новых реалий цифровой экономики. Традиционный понятийный аппарат этой науки существенно обогащается за счет интеграции категорий и методологических подходов из смежных областей психологического знания.

Особую значимость приобретают достижения когнитивной психологии, изучающие особенности переработки информации в условиях цифровой среды, нейроэргономики, исследующей оптимальные способы взаимодействия человека с цифровыми интерфейсами, и психологии инноваций, анализирующей механизмы принятия и распространения нововведений в профессиональных сообществах. Ведущие исследователи в области психологии труда (В.А. Бодров, А.Б. Леонова, Л.М. Карамушка и др.) единодушно отмечают, что цифровая среда формирует качественно новые требования к психике работника, выдвигая на первый план такие качества, как адаптивность, понимаемая как способность эффективно функционировать в условиях частных изменений, креативность, проявляющаяся в генерации инновационных решений нестандартных задач, критическое мышление, необходимое для фильтрации и оценки достоверности информации, и толерантность к неопределенности, позволяющая сохранять продуктивность в условиях отсутствия четких ориентиров и гарантий [1, с. 10].

Параллельно с этим многократно возрастают риски, связанные с информационной перегрузкой, приводящей к когнитивному истощению, снижением способности к концентрации внимания в условиях постоянных цифровых факторов, и эмоциональным выгоранием, возникающим вследствие хронического стресса и необходимости постоянной психологической мобилизации. В этой связи эффективность профессиональной деятельности в цифровую эпоху в решающей степени определяется способностью личности к управлению собственными ресурсами – когнитивными, эмоциональными, временными и энергетическими, что требует развития социальных навыков саморегуляции и осознанного управления своими психическими состояниями.

В научной литературе традиционно выделяется множество факторов, влияющих на эффективность профессиональной деятельности, однако в контексте цифровой трансформации происходит существенное смещение акцентов в сторону психологических аспектов. Среди ключевых факторов современности особого внимания заслуживают мотивационно-ценностная сфера, претерпевающая значительную трансформацию под влиянием цифровизации, уровень развития саморегуляции и стрессоустойчивости, определяющие способность специалиста сохранять эффективность в условиях нестабильности, когнитивная гибкость, обеспечивающая возможность быстрой

перестройки мышления в ответ на меняющиеся условия, и компетенции эффективного взаимодействия в виртуальных командах, приобретающие критическое значение в условиях распространения дистанционных форматов работы [2, с. 35].

Цифровые технологии изменили не только внешние формы организации труда, но и глубинные механизмы трудовой мотивации. На первый план выходят такие мотивационные факторы, как автономность, понимаемая как возможность самостоятельного планирования и организации своей деятельности, признание профессиональных достижений в профессиональном сообществе, и возможность непрерывного развития и профессионального роста.

Современный работник становится архитектором своей профессиональной судьбы, что значительно повышает значимость внутренней мотивации и личной ответственности за результаты деятельности. Одновременно с этим цифровая среда порождает специфические риски, среди которых особую опасность представляет феномен «цифрового выгорания» – состояния эмоционального, умственного и физического истощения, необходимостью обработки непрерывных информационных потоков и размыванием границ между профессиональной и личной жизнью. В этой связи формирование навыков саморегуляции и осознанного управления вниманием превращается из желательного качества в профессиональную необходимость, определяющую долгосрочную профессиональную эффективность и психологическое благополучие специалиста [5, с. 119].

Адаптация специалиста к цифровым условиям труда представляет собой сложный, многоуровневый и динамический процесс, требующий скоординированного развития всех составляющих личности. На когнитивном уровне успешная адаптация предполагает формирование навыков работы с информацией – умения эффективно фильтровать, анализировать, критически оценивать и синтезировать большие объемы разнородных данных, выделять существенные закономерности и принимать обоснованные решения в условиях информационной избыточности. Эмоциональный уровень адаптации требует развития высокой устойчивости к стрессу, способности сохранять психологическое равновесие в ситуациях неопределенности, умения поддерживать баланс между профессиональными обязанностями и личной жизнью, а также формирования профилактических стратегий эмоционального выгорания.

Социальная адаптация в цифровой среде проявляется в способности выстраивать и поддерживать продуктивные профессиональные отношения в виртуальном пространстве, владении специфическими навыками онлайн-коммуникации, включающими особенности вербального и невербального взаимодействия через цифровые каналы, и развитии эмпатических способностей, позволяющих устанавливать эмоциональный контакт и понимать состояния коллег без непосредственного личного взаимодействия. Современные исследования убедительно демонстрируют, что высокий уровень эмоционального интеллекта является значимым фактором успешной адаптации работников к цифровым условиям труда и существенно снижает риск возникновения конфликтов и недопонимание в удалённых коллективах [3, с. 280].

В условиях цифровизации труда всё большую значимость приобретает феномен цифрового благополучия, который отражает способность человека сохранять внутреннее равновесие и психическую устойчивость при активном использовании цифровых технологий. Цифровое благополучие включает в себя умение выстраивать гармоничный баланс между онлайн- и офлайн-пространством, осознанно управлять своим временем и вниманием, а также сохранять контроль над воздействием информационной среды.

Современный специалист нередко сталкивается с ситуацией, когда границы между работой и личной жизнью становятся размытыми: электронные письма, мессенджеры и корпоративные платформы создают ощущение постоянной включённости в

профессиональную деятельность. Это приводит к перегрузке внимания, утомлению и снижению эмоционального ресурса. Поэтому важным психологическим условием эффективности становится умение регулировать степень цифровой вовлеченности, определять границы рабочего времени и заботиться о собственном восстановлении.

Одним из ключевых аспектов цифрового благополучия является контроль времени в сети и осознанное использование цифровых устройств. Формирование умений цифровой саморегуляции помогает специалисту не только рационально распределять время, но и предотвращать развитие цифровой зависимости, проявляющейся в постоянной проверке уведомлений, трудностях концентрации и ощущении тревожности при отсутствии доступа к интернету.

Важную роль играет также психологическая гигиена труда в цифровом пространстве, включающая навыки организации комфортного рабочего места, чередование экранной активности и периодов отдыха, поддержание эмоциональной дистанции в онлайн-коммуникациях. Эти элементы способствуют снижению уровня стресса и сохранению когнитивной продуктивности в течение рабочего дня.

Психологическая безопасность трудовой среды в условиях цифровизации приобретает особое значение как ключевое условие сохранения эффективности профессиональной деятельности. Интенсивное внедрение цифровых технологий сопровождается размыванием традиционных границ между рабочим и личным временем, что создает условия для возникновения состояния хронического стресса и психологического напряжения. Особую опасность представляет феномен «постоянной доступности», когда сотрудник в силу технологических возможностей или организационных ожиданий вынужден оставаться на связи в режиме 24/7, что приводит к невозможности полноценного психологического восстановления и постепенному накоплению усталости. Следствием этого становятся снижение трудовой мотивации, падение продуктивности, рост числа психосоматических заболеваний и профессионального выгорания.

Эффективная психологическая профилактика в этих условиях должна включать комплекс организационных мер, таких как четкое регламентирование рабочего времени, внедрение гибких графиков, формирование организационной культуры, уважающей право сотрудников на личное время, а также индивидуальных стратегий – развитие навыков осознанности, эмоциональной саморегуляции, освоение методов релаксации и практик цифрового детокса, позволяющих восстанавливать психоэмоциональное равновесие.

Современная система образования сталкивается с необходимостью основополагающего пересмотра своих подходов к подготовке специалистов, ориентируясь не только на передачу актуальных знаний, но и на формирование психологических качеств, обеспечивающих успешность в условиях цифровой экономики. Психологическая готовность к цифровому труду предполагает развитие сложного комплекса компетенций, включающих развитые навыки саморегуляции, умение продуктивно работать в условиях высокой неопределенности, владение технологиями дистанционного взаимодействия и виртуальной командной работы.

Образовательные программы нового поколения должны интегрировать специализированные курсы по цифровой гигиене, психологии общения в онлайн-среде, управлению стрессом и развитию эмоционального интеллекта. Перспективным инструментом подготовки становятся интерактивные онлайн-тренинги и симуляции, позволяющие в безопасной образовательной среде развивать и отрабатывать метакогнитивные компетенции, навыки принятия решений в условиях неопределенности и стратегии поведения в кризисных профессиональных ситуациях.

Таким образом, эффективность профессиональной деятельности в эпоху цифровизации определяется сложным комплексом взаимосвязанных психологических

условий. Цифровая трансформация труда формирует принципиально новые требования к специалистам, связанные с необходимостью развития адаптивности, стрессоустойчивости, умения управлять сложными информационными потоками и поддерживать баланс между профессиональной реализацией и личной жизнью. Психологическая наука призвана не только описывать и анализировать происходящие изменения, но и активно разрабатывать практические инструменты поддержки личности в цифровом мире. Только при условии гармоничного сочетания глубоких профессиональных знаний и развитых психологических компетенций возможно достижение устойчивой эффективности труда и профессионального благополучия личности в условиях перманентных изменений и нарастающей сложности профессиональной среды.

Библиографические ссылки

1. Бодров, В.А. Психология профессиональной пригодности. Авторская версия / В.А. Бодров. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 511 с. – Текст: непосредственный.
2. Герасимова, Е.К. Цифровизация образования: от теории к практике учебное пособие для вузов / Е.К. Герасимова. – М.: Знание-М, 2022. – 154 с. – Текст: непосредственный.
3. Петров, В.Н. Роль трудовой адаптации в профессиональном становлении молодых специалистов. Северный Кавказ в новом технологическом укладе: Материалы по итогам работы дискуссионных площадок Международного форума, проводимых для аспирантов, магистрантов и студентов/ В.Н. Петров. – Пятигорск, 2017. – 280 с. –Текст: непосредственный.
4. Зеер, Э.Ф. Теоретико-прикладные основания психологии профессионального развития: монография / Э.Ф. Зеер.– Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2015. – 194 с. – Текст: непосредственный.
5. Гофман, О.О. Проблема профессионального выгорания специалистов в сфере информационных технологий: теоретический обзор / О.О.Гофман, Н.Е. Водопьянова, А.Ф. Джумагулова, Г.С. Никифоров. – 2023. – 117 с. – Текст: непосредственный.

© Аминева И.Р., Дулинец Г.Г., 2025

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СТУДЕНТОВ

В. Е. Ареськина

студент 3 курса,
СибГУ им. М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: areskina03@mail.ru

Е. О. Аболина

доцент, СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия
E-mail: abolina@yandex.ru

Статья посвящена исследованию гендерных особенностей жизнестойкости студентов, рассматривая, как гендерные различия влияют на уровень их устойчивости к стрессу в условиях академической нагрузки и социальных ожиданий. Актуальность темы обусловлена высоким уровнем стресса, с которым сталкиваются студенты, а также необходимостью учета разнообразия потребностей в образовательных учреждениях. Исследование гендерных аспектов жизнестойкости может способствовать более глубокому пониманию вопросов равенства и преодоления предвзятостей, а также помочь в разработке целенаправленных программ поддержки, что в свою очередь может улучшить академическую успеваемость и общее благополучие студентов.

Ключевые слова: *Жизнестойкость, гендерные различия, студенты, стресс, устойчивость к стрессу, вовлеченность, уверенность в контроле, готовность к риску.*

This article examines the gender characteristics of students' resilience, examining how gender differences affect their level of resilience to stress in the context of academic pressure and social expectations. The relevance of the topic is due to the high level of stress that students face, as well as the need to take into account the diversity of needs in educational institutions. Research on the gender aspects of resilience can contribute to a deeper understanding of issues of equality and overcoming biases, as well as help in the development of targeted support programs, which in turn can improve academic performance and overall well-being of students.

Keywords: *Resilience, gender differences, students, stress, stress tolerance, creativity, collaboration, coping strategies.*

Современная система высшего образования функционирует в условиях постоянных социальных, экономических и культурных изменений, которые предъявляют к личности студента всё более высокие требования. Учебная и внеучебная деятельность сопровождается стрессовыми ситуациями, неопределённостью профессионального будущего, высокой конкуренцией и необходимостью постоянной адаптации к новым условиям. В этих обстоятельствах особое значение приобретает жизнестойкость – интегративное качество личности, отражающее способность сохранять внутреннюю устойчивость, продуктивно преодолевать трудности и воспринимать жизненные события как возможности для развития.

Жизнестойкость рассматривается как комплексная психологическая характеристика, включающая когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Она способствует не только успешной адаптации к внешним требованиям, но и формированию позитивного отношения к жизни, уверенности в собственных возможностях и способности извлекать конструктивный опыт из сложных ситуаций. Высокий уровень жизнестойкости тесно связан с такими личностными особенностями, как

оптимизм, ответственность, внутренняя мотивация и автономность, что делает её одним из ключевых факторов психологического благополучия и профессионального становления студентов.

В то же время многочисленные исследования указывают на то, что особенности проявления жизнестойкости тесно связаны с гендерными различиями. Мужчины и женщины по-разному реагируют на стресс, используют различные стратегии совладания, демонстрируют различную степень эмоциональной и поведенческой устойчивости.

Студенческий возраст является особым периодом в жизни личности, характеризующимся активным формированием жизненных смыслов, мировоззренческих установок и системы ценностей. В это время происходят важные процессы самоопределения, становления профессиональной идентичности, развития механизмов саморегуляции и стрессоустойчивости. Поэтому анализ гендерных различий в уровне и проявлениях жизнестойкости в студенческом возрасте представляет собой задачу не только теоретического, но и значимого практического характера, поскольку понимание этих различий способствует совершенствованию программ психологической поддержки, профилактики эмоционального выгорания и адаптации студентов к условиям обучения в вузе.

Проблема жизнестойкости и её роли в личностном развитии человека широко представлена в современной психологической науке. Помимо классических трудов С. Мадди и С. Кобейсы, значительный вклад в разработку данного понятия внесли Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова, Л.А. Александрова, Н.Е. Водопьянова, А.Г. Маклаков, Т.А. Галкина, Е.А. Сергиенко, Л.И. Анцыферова. В своих трудах они рассматривают жизнестойкость личности как фактор успешной адаптации к условиям обучения и профессиональной деятельности, исследуют её связь с мотивацией, самооэффективностью, жизненными смыслами и эмоциональным благополучием.

Современные эмпирические исследования показывают, что высокий уровень жизнестойкости способствует успешной адаптации студентов к учебной нагрузке, снижает уровень тревожности, повышает удовлетворённость жизнью и академическую мотивацию. В этой связи изучение особенностей формирования и проявления жизнестойкости, а также гендерных различий в её структуре, становится актуальным направлением современной психологической науки и образовательной практики.

Понятие жизнестойкости было введено С. Кобейса и С. Мадди, и находится на пересечении теоретических воззрений экзистенциальной психологии и прикладной области психологии стресса и совладания с ним

Жизнестойкость представляет собой личностную характеристику, проявляющуюся в уровне психологического здоровья человека и выраженную в трех жизненных установках: вовлеченность, уверенность в осуществлении контроля, готовность к риску. К числу важнейших компонентов жизнестойкости относится доверие, креативность и сотрудничество [4].

Н.В. Пожиткина, Е.В. Кухаренко, К.О. Куценко описывают содержание компонентов жизнестойкости. Вовлеченность авторы понимают, как поддержание чувства сопричастности, личностной значимости в процессе реализации сотрудничества, мотивацию к осуществлению поставленных задач. В качестве противоположного проявления вовлеченности выступает отчужденность, отверженность личности. Контроль проявляется во внутренней уверенности того, что осуществляемые действия направлены на изменение ситуации, не гарантируя достижения сто процентного результата. Неразвитый уровень контроля выражается в том, что личность неспособна самостоятельно определять дальнейшие шаги для достижения цели. Принятие риска представляет собой способность человека оставаться открытым по отношению к окружающему миру, воспринимать жизненные ситуации как источник нового опыта. Низкий уровень

рассматриваемого компонента свидетельствует о неготовности личности рисковать ради достижения собственных целей, что проявляется в бездействиях в стрессовых ситуациях. Все компоненты в своей совокупности составляют общую систему, ориентированную на способности студентов справляться с трудностями, извлекать жизненный опыт из кризисных ситуаций.

Н.А. Ран, Е.В. Городничева, Ж.В. Николаева описывают процесс моделирования развития жизнестойкости студентов. Особое внимание авторы акцентируют на содержательном блоке. Внеаудиторная деятельность, направленная на развитие жизнестойкости, предполагает включение студентов в творческую деятельность, реализацию физического воспитания, преобладание принципов здорового образа жизни, ориентацию на реализацию потребностей постоянного совершенствования. Авторы разработали требования для организации образовательного процесса, ориентированного на развитие жизнестойкости. Во-первых, особое внимание должно уделяться физкультурно-спортивной деятельности, способствующей здоровому образу жизни студентов. Во-вторых, организация трудового воспитания будет способствовать развитию самостоятельности и ответственности. В-третьих, участие в деятельности секций, кружков направлено на воспитание личностных качеств. В-четвертых, организация тренинговых занятий способствует получению соответствующей поддержки в стрессовых ситуациях [5].

В.А. Ананьев определяет жизнестойкость как начальный компонент общей трудоспособности человека, который оказывает влияние на конкретные особенности его трудовой деятельности, характеризует интеллектуальную активность, уровень волевого усилия, эмоциональную выносливость, устойчивость, направленность на реализацию поставленных целей и т.п. [7].

Н.Е. Водопьянова и А.Г. Маклаков рассматривают жизнестойкость как компонент профессиональной устойчивости и психологической защиты, обеспечивающий адаптацию к стрессовым факторам трудовой и учебной деятельности. Е.А. Сергиенко и Л.И. Анцыферова акцентируют внимание на роли личностной активности и субъектности в поддержании внутренней устойчивости человека.

Жизнестойкость – это система убеждений о себе, мире, отношениях с ним, которые позволяют человеку выдерживать стрессовые ситуации. Жизнестойкость в студенческой группе проявляется в мобилизации своего потенциала в ситуациях контроля знаний и, особенно, в период сессии.

У значительной части студентов жизнестойкость, позволяющая позитивно выходить из кризисных и конфликтных ситуаций, не сформирована как устойчивое образование личности. Без внешней профессиональной психолого-педагогической помощи они часто не в состоянии самостоятельно найти конструктивное решение в ситуационных и возрастных кризисных обстоятельствах. Это приводит к существенным внутренним деструкциям, а в отдельных случаях и к суициду. Необходимо учесть, что студенческий возраст соотносится с юностью и ранней зрелостью, а это, как известно, является ступенью в новую социальную ситуацию развития, вызывающую кризис и переоценку ценностей. Именно этот возраст является активным для развития жизнестойкости [1].

Для развития жизнестойкости важны как внешние, так и внутренние условия. Внешние факторы, выделяемые учеными, включают привязанность (К. Вихерт), наличие авторитета (К. Вихерт), позитивные впечатления (К. Вихерт), социальную поддержку (С. Мадди) и здоровый образ жизни (С. Мадди). В настоящее время внешние факторы изучены недостаточно, так как жизнестойкость часто рассматривается как внутренний ресурс, для которого более значимы внутренние условия [2].

А. Антоновский в своей концепции «Чувство связности» рассматривал жизнестойкость как основу устойчивости личности и способности сохранять внутреннюю целостность в условиях стресса.

Существуют исследования, посвященные отдельным условиям развития жизнестойкости, таким как коммуникативные навыки (С.В. Книжникова, В.В. Арламов), развитое самосознание (Д. Коссаба, Л.А. Александрова), активность (Н.В. Калинина, Т. В. Володина, В.С. Ротенберг, В.В. Аршавский, Е.Е. Данилова) и осмысленность происходящего (Д.А. Леонтьев, А.Н. Дорожевец, С. Мадди). Однако чаще всего эти условия рассматриваются независимо друг от друга.

Для изучения гендерных особенностей жизнестойкости студентов было проведено эмпирическое исследование, в рамках которого использовались две диагностические методики: концепция жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой [3], а также скрининговая методика АВиЖС (антивитальное поведение и жизнестойкость) [6].

Первая методика направлена на количественную и качественную оценку уровня жизнестойкости как интегративного личностного ресурса, определяющего способность человека эффективно противостоять стрессовым воздействиям, сохранять внутреннюю устойчивость и конструктивно разрешать жизненные трудности. Она позволяет выделить ключевые компоненты жизнестойкости – вовлечённость, контроль и принятие риска, что делает возможным более глубокий анализ индивидуальных различий между испытуемыми.

Высокие показатели по данным шкалам указывают на наличие у личности внутренней мотивации, активной жизненной позиции, уверенности в своих силах и способности воспринимать трудности не как угрозу, а как стимул к развитию. Напротив, низкие значения могут свидетельствовать о сниженной стрессоустойчивости, склонности к пассивности и затруднениях в мобилизации ресурсов при столкновении с проблемными ситуациями. Таким образом, методика С. Мадди позволяет всесторонне оценить структуру жизнестойкости, выявить её сильные и слабые стороны и определить направления для дальнейшего личностного роста и психологической коррекции.

Вторая методика – АВиЖС (Антивитальные установки и жизнестойкость) – предназначена для диагностики психологических предпосылок и сдерживающих факторов антивитального поведения, то есть склонности к дезадаптивным формам реагирования, потере жизненных смыслов и снижению мотивации к самосохранению. Данный инструмент позволяет выявить взаимосвязь между уровнем жизнестойкости и выраженностью антивитальных установок, что особенно важно при анализе риска формирования личностных и поведенческих дезадаптаций.

Методика АВиЖС не только измеряет уровень жизнестойкости, но и раскрывает качественные аспекты внутреннего отношения личности к жизни, к трудностям, к себе и окружающему миру. Она позволяет определить, в какой степени индивид склонен к конструктивным стратегиям совладания, к поиску смысла и позитивному восприятию жизненных событий, либо наоборот – к проявлению апатии, фрустрации и утрате жизненной перспективы.

Использование обеих методик в комплексе обеспечивает более полное и многогранное понимание феномена жизнестойкости, поскольку первая из них акцентирует внимание на ресурсных, адаптивных сторонах личности, а вторая – на потенциальных рисках снижения жизненной активности и формировании антивитальных тенденций. Такой подход позволяет не только выявить уровень и структуру жизнестойкости, но и определить психологические факторы, способствующие или препятствующие её развитию, что имеет большое значение для практической психологии, профилактической и коррекционной работы со студентами и молодежью.

Комплексное применение методик обеспечивает более полное представление о специфике жизнестойкости у студентов разного пола. Это даёт возможность определить, какие аспекты данного качества наиболее выражены у юношей и девушек, а также выявить возможные различия в стратегиях преодоления трудностей, эмоциональной устойчивости и отношении к жизненным испытаниям.

В исследовании участвовали 20 студентов второго курса СибГУ им. М.Ф. Решетнева – 10 женщин и 10 мужчин в возрасте от 19 до 23 лет.

Рисунок 1 – Показатели уровней жизнестойкости по методикам «Жизнестойкость»,

Сравнительный анализ двух методик, основанных на оценке жизнестойкости и антивиальности, позволяет выявить важные различия и схожести в результатах, полученных по выборке из 20 испытуемых (10 мужчин и 10 женщин).

Согласно данным по методике С. Мадди, большинство респондентов (70 % мужчин и 60 % женщин) продемонстрировали средний уровень жизнестойкости, что свидетельствует о достаточной способности справляться со стрессовыми ситуациями, сохранять внутреннее равновесие и адаптироваться к изменяющимся жизненным условиям. Высокий уровень жизнестойкости наблюдается у 30 % как мужчин, так и женщин, что говорит о наличии у части выборки выраженной устойчивости к фрустрации, готовности к риску, внутренней вовлечённости в происходящее и активной жизненной позиции. Низкий уровень по данной методике не выявлен, что указывает на в целом благополучное психологическое состояние студентов и наличие у них эффективных стратегий совладания со стрессом.

Результаты по методике АВИЖС демонстрируют схожие тенденции, но с небольшими отличиями. Высокий уровень жизнестойкости отмечен у 70 % мужчин и 60 % женщин, что отражает преобладание у большинства студентов конструктивных стратегий совладания, позитивного восприятия жизненных трудностей и низкую выраженность антивиальных установок. Средний уровень выявлен у 30 % мужчин и 40 % женщин, что указывает на наличие у части выборки умеренной психологической устойчивости при возможной чувствительности к стрессовым воздействиям. Низкий уровень по данной методике обнаружен лишь у 10 % мужчин, что может свидетельствовать о незначительном

числе студентов, испытывающих трудности с адаптацией, внутренней мотивацией и саморегуляцией.

В целом, по результатам обеих методик у большинства студентов – как мужчин, так и женщин – преобладает средний или высокий уровень жизнестойкости, что говорит о достаточно высоком уровне адаптационных ресурсов, уверенности в собственных силах и способности эффективно справляться с жизненными трудностями.

Небольшие гендерные различия проявились в том, что по методике АВиЖС женщины несколько чаще демонстрируют средний уровень жизнестойкости, в то время как мужчины чаще – высокий. Это может быть связано с особенностями эмоционально-волевой сферы, а также различиями в используемых стратегиях преодоления стресса: мужчины чаще прибегают к рациональным, поведенческим способам решения проблем, тогда как женщины склонны к эмоциональной переработке переживаний и поиску социальной поддержки.

Отсутствие низких показателей по методике Мадди и минимальные низкие значения по АВиЖС свидетельствуют о высокой психологической устойчивости выборки и отсутствии выраженных признаков антивиталяного поведения. Это может быть обусловлено спецификой студенческой среды, в которой поддерживаются активность, самореализация и социальное взаимодействие, способствующие формированию позитивного мировоззрения и внутренней мотивации к развитию.

Таким образом, проведённое исследование позволило выявить общие закономерности и гендерные различия в проявлении жизнестойкости, а также подтвердило значимость данного личностного качества как важнейшего ресурса адаптации, саморегуляции и психологического благополучия студентов. Полученные данные могут быть использованы в практической психологии для разработки программ психологической поддержки, тренингов личностного роста и формирования устойчивых стратегий совладания со стрессом в условиях образовательной и профессиональной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Ванакова, Г. В. Психологическая поддержка развития жизнестойкости студентов: дис. канд. псих. наук: 19.00.13. - Биробиджан, 2014. - 462 с. – Текст: непосредственный.
2. Лабзина, П.Г. Междисциплинарное взаимодействие как условие развития гибких навыков студентов вуза / П.Г. Лабзина, С.Г. Меньшенина // Вестник Мининского университета. - 2021. - Т. 9. - № 2(35). - DOI 10.26795/2307-12812021-9-2-2. - EDN SNAFCM – Текст: электронный.
3. Леонтьев, Д.А. Тест жизнестойкости / Д.А. Леонтьев, Д.И. Рассказова. – М.: Смысл, 2006. – 63с. – Текст: непосредственный.
4. Мазурчук, Е.О. Качества личности студентов как субъектов образовательных отношений: взаимосвязь жизнестойкости и тревожности / Е.О. Мазурчук, Н.И. Мазурчук, Е.В. Даутова // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. - 2020. - № 1. - С. 69-74. - EDN PCRRCW – Текст: непосредственный.
5. Ран, Н.А. Особенности проявления и развития жизнестойкости у студентов технического вуза / Н.А. Ран, Е.В. Городничева, Ж.В. Николаева // Современные проблемы науки и образования. - 2018. - № 5. - С. 158. - EDN YMRLXF – Текст: непосредственный.
6. Сагалакова, О.А., Труевцев Д.В. Опросник «Антивиталяность и Жизнестойкость» // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2017. – Т. 9, № 2(43). – С.4. – URL: <http://mprj.ru> – Текст: электронный.
7. Фоминова, А.Н. Жизнестойкость личности: монография. М.: МПГУ, Прометей, 2012. 152 с. – Текст: непосредственный.

©Арескина В.Е., Аболина Е.О., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

К. К. Бегалинова

*профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
КазНУ им.аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан,*

М. С. Ашилова

*ассоциированный профессор, Казахский университет международных
отношений и мировых языков имени Абылай хана,
КазУМОиЯ им. Абылай хана, г. Алматы, Казахстан,*

А. С. Бегалинов

*и.о. ассоциированного профессора, Международный университет
информационных технологий,
МУИТ, г. Алматы, Казахстан,*

kalima910@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые психологические проблемы профессиональной деятельности педагога в условиях цифровизации. Показывается, как цифровизация образования влияет не только на методы и формы обучения, но и психологические аспекты профессиональной деятельности педагога. И в современных условиях необходимо умение педагога адаптироваться к цифровым изменениям, сохранять личностную устойчивость и поддерживать высокий уровень профессиональной мотивации.

Ключевые слова: педагог, цифровизация, психологические качества, профессиональная деятельность, компетенции.

This article examines some of the psychological challenges facing teachers in the context of digitalization. It demonstrates how digitalization of education impacts not only teaching methods and formats but also the psychological aspects of teachers' professional work. In today's world, teachers must be able to adapt to digital changes, maintain personal stability, and maintain a high level of professional motivation.

Key words: teacher, digitalization, psychological qualities, professional activity, competencies.

В современных условиях под влиянием цифровизации происходят необратимые трансформационные процессы, затрагивающие все сферы жизнедеятельности человека и общества, включая и образование, являющегося важнейшим институтом социализации человека, от которого зависит «образ» личности, адекватный требованиям общества. Образование – это мост, который ведет к новому устройству нашего культурного мира, так как, только переводя каждого по этому мосту, можно что-то изменить в человеке [1, с.20]. Поэтому содержание образования должно отражать состояние общества, переход от одного его состояния к другому. И этот переход не простой, революционный, требующий ломки традиционных форм образования, ибо цифровизация затрагивает не только методы, формы обучения, но и психологические аспекты профессиональной деятельности педагога. Умение адаптироваться к цифровым изменениям, сохранять личностную устойчивость и поддерживать высокий уровень профессиональной мотивации становится важнейшей задачей современного педагога. Понимание психологических основ этой деятельности позволяет эффективно сочетать традиционные педагогические ценности с

новыми требованиями цифрового общества.

Центральным звеном образовательного процесса выступает личность педагога. Именно от его внутреннего состояния, мотивации и эмоциональной устойчивости во многом зависит успех обучения и воспитания.

Ключевыми психологическими характеристиками педагога являются:

- эмпатия – способность понимать чувства и переживания других людей;
- рефлексия – умение осознавать собственные действия и их влияние на учеников;
- коммуникативная культура – владение средствами эффективного взаимодействия;
- мотивация профессиональной деятельности – стремление к самореализации и

развитию в педагогической сфере.

Личность педагога формируется в процессе профессионального становления и непрерывного саморазвития, что делает педагогическую профессию динамичной и требующей постоянного внутреннего роста. В условиях цифровизации его ответственность возрастает, поскольку он становится не только источником знаний, но и организатором цифровой образовательной среды, наставником в освоении технологий и навигатором в потоке информации.

Эта трансформация вызывает психологическую перестройку профессиональной идентичности педагога. Меняется роль, структура деятельности и способы коммуникации с учащимися. Возникает потребность в новых компетенциях – цифровой грамотности, эмоциональной гибкости, стрессоустойчивости, креативности и эмпатии в онлайн-взаимодействии.

Основой успешной педагогической деятельности в цифровой среде является совокупность личностных и профессиональных качеств, определяющих психологическую готовность к инновациям. Среди них можно выделить:

Эмоциональную устойчивость, позволяющую сохранять внутреннее равновесие в условиях информационной перегрузки и постоянных изменений.

Рефлексивность, обеспечивающую способность анализировать собственные действия, осознавать профессиональные трудности и пути их преодоления.

Мотивацию к саморазвитию, которая становится двигателем освоения новых цифровых инструментов.

Коммуникативную компетентность, включающую умение устанавливать контакт с обучающимися в онлайн-пространстве, поддерживать доверительную атмосферу и эмоциональную вовлечённость.

Основной целью образовательного цифрового процесса, как и традиционного, становится формирование конкурентоспособного специалиста в условиях быстро меняющегося мира, обладающего развитым чувством ответственности и креативного восприятия действительности. Студент – это сформировавшаяся личность, получившая основные азы воспитания в семье, и вчерашний ученик средней школы. И педагог, встречающий первокурсника в университете, используя весь багаж профессиональной и психолого-педагогической подготовленности, начинает свою деятельность в академических группах, начиная с первого курса.

Понятие «подготовленность» в науке обозначает основные признаки психолого-педагогической культуры педагога в работе со студентами в академических группах. Основой психолого-педагогической культуры педагога является общая культура, отношение к своей личности, личности студента и к организации коллективной деятельности, ориентированной на человеческие ценности и этические нормы. Психолого-педагогическая культура педагога включает в себя психологическую грамотность, знание своего предмета и методики его преподавания; педагогическое мастерство, умение донести знания в наиболее интересной и доходчивой форме; педагогический такт, под которым понимается профессиональное качество, мера проявления эмоции при

применении средств педагогического воздействия, выдержка, терпение, самообладание; педагогическая техника – составная часть педагогического мастерства, которая проявляется в умении педагога владеть средствами личного воздействия (голосом, мимикой, жестами, осанкой и др.) и в умении педагогически организовать свое поведение.

Одним из острых активно обсуждаемых вопросов в педагогической практике, становится вопрос о психолого-педагогическом облике педагога. В процессе воспитания он должен раскрывать в каждом молодом человеке лучшие человеческие качества, избегая первоначально давления на личность студента. И этот педагогический успех всецело определяется личностными качествами и способностью педагога, осуществляющего не легкую, но ответственную деятельность не только по обучению, но и воспитанию студентов. Будет уместным здесь выделить специфику педагогического мастерства и педагогической способности.

Педагогическое мастерство – умение и навыки работы со студенческой аудиторией. К нему относят:

- умение развивать в студентах креативность и любознательность;
- сплачивать студентов вокруг себя;
- психологически понимать индивидуальную особенность студента;
- уметь вести за собой всю студенческую группу;
- завоевывать абсолютное доверие студентов к своей личности;
- осуществлять практический контроль не только за полученными студентами знаний, но и уметь их планировать;
- быть образцом смелости, выдержки и настойчивости;
- обладать способностью убеждения;
- ораторские, дидактические, коммуникативные, перцептивные качества;
- владеть психолого-педагогической техникой.

Педагогическое мастерство включает в себя следующие компоненты:

1. Морально-духовные качества: гуманистическая направленность, национальное достоинство, интеллигентность, жизненные идеалы, совестливость, честность, правдивость, объективность, толерантность.

2. Профессиональные качества: знание учебного предмета, анатомии и физиологии человека, психологии, педагогики, методики обучения.

3. Социально-педагогические качества: организаторские способности, выдержка, принципиальность, требовательность, оптимизм, чуткость, творческое мышление, внимание, тактичность.

4. Психолого-педагогические умения: конструктивные, коммуникативные, дидактические, перцептивные, суггестивные, познавательные, прикладные, владение основами психотехники.

5. Педагогическая техника: внешность, владение мимикой, жестами, телом, культура речи; сохранение темпа, ритма, стиля речи; культура общения; дидактические умения; умение владеть своими чувствами.

Педагогическое мастерство с годами профессионально и гибко переходит на мастерство педагога, под которым понимается, прежде всего, уровень творческого овладения современным арсеналом средств психолого-педагогического воздействия. Это:

• эффективное применение психолого-педагогических воздействий в процессе всей деятельности;

- постоянный критический анализ своих действий и поступков как воспитателя;
- систематическое совершенствование воспитательных умений и навыков.

Степень развития педагогических способностей педагога определяется:

- 1) способностью к педагогическому мышлению;
- 2) организаторскими способностями;

- 3) выносливостью нервно-психической системы;
- 4) способностью к торможению;
- 5) сочетанием быстрой реакции с находчивостью;
- 6) эмоциональной уравновешенностью;
- 7) умением владеть своими чувствами.

В условиях цифровизации добавляется еще целый арсенал технических, технологических средств, коммуникативных технологий, требующих кардинальной психологической перестройки профессиональной идентичности педагога. «Цифровую трансформацию образования можно определить как системную актуализацию в стремительно меняющейся в цифровом образовательном пространстве необходимых учебных достижений, программы обучения, форм организации и путей достижения воспитательной работы, оценки их с целью подготовки учащихся к жизни и работе в цифровом мире, использовать потенциал цифровых технологий для улучшения результативности учебного процесса» [2, с.39]. Ключом к профессиональному благополучию в условиях цифровой трансформации является психологическая устойчивость педагога. Она выступает фундаментом его профессионального благополучия в цифровую эпоху. Она проявляется в умении сохранять оптимизм, видеть возможности в изменениях и гибко перестраивать стратегии деятельности. Развитие устойчивости возможно через практику осознанности, формирование позитивного мышления и постоянное профессиональное самообразование.

Таким образом, психологические основы профессиональной деятельности педагога в условиях цифровизации включают личностную зрелость, эмоциональную устойчивость, готовность к инновациям и умение сохранять профессиональное равновесие в изменяющемся мире. Цифровизация не только усложняет, но и обогащает педагогическую профессию, открывая новые пути для самореализации и творчества. Важно, чтобы психологическая поддержка и развитие профессиональной идентичности педагога стали приоритетом современной образовательной политики.

Библиографические ссылки

1. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. – М.: Радуга, 1991. – 639 с.
2. Семенихин В.В., Семенихина С.Ф., Утебаев И.С., Кукенов Ж. Ключевые компетенции педагога в эпоху цифровизации образования. Серия «Педагогика». № 4(112)/2023, сс.35-48.

© Ашилова М.С., Бегалинова К.К., Бегалинов А.С., 2025

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УПРАВЛЕНЦЕВ В СФЕРЕ РЕАБИЛИТАЦИИ ЗАВИСИМЫХ КАК ПРЕДИКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

П. П. Белозерцева

магистрант,

КИУ им. В.Г. Тимирязова,

г. Казань, Россия

E-mail: smilepeople@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования личностных характеристик и управленческих умений руководителей в сфере реабилитации зависимых. Практическая ценность изучения личностных качеств кандидатов в управленцы в сфере реабилитации состоит в том, что результаты исследования могут стать основой для прогноза профессиональной успешности, а также могут быть применимы в процессе расстановки кадров и формирования кадрового резерва руководителей в сфере реабилитации зависимых.

Ключевые слова: реабилитация, управленческая деятельность, аддикция, личность.

This article presents the results of an empirical study of the personal characteristics and management skills of managers in the addiction rehabilitation field. The practical value of studying the personal qualities of rehabilitation management candidates lies in the fact that the research findings can serve as a basis for predicting professional success and can also be applied in the process of staffing and developing a talent pool for addiction rehabilitation managers.

Keywords: rehabilitation, management activities, addiction, personality.

В современных условиях возрастает необходимость в подготовке специалистов, способных быстро адаптироваться и эффективно развивать свою профессиональную компетентность в сфере реабилитации аддиктов.

Аддикция – это вид девиантного (отклоняющегося) поведения, которое выражается в появлении стремления к уходу от реальности, реализующегося с помощью искусственного изменения своего психического состояния путем приема определенных веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности с целью развития и поддержания интенсивных эмоций. Виды аддикций: курение, алкоголизм, наркомания, переедание, зависимость от компьютера, интернета, игромания, трудовголизм, созависимость.

В связи с распространенностью зависимости и востребованностью реабилитационных центров является актуальным изучение личности руководителей реабилитационных центров.

Современный этап кадрового обеспечения руководящего состава реабилитационных центров характеризуется потребностью в повышении эффективности кадровой диагностики, когда необходимо прогнозирование успешности управленческих кадров. Работа сотрудников руководителя в сфере реабилитации зависимых характеризуется высокой интенсивностью, широким диапазоном служебных задач, высоким уровнем ответственности. С перечисленными характеристиками работы справляются не все руководители, многие уходят, не проработав длительное время [4].

Личность руководителя должна успешно противостоять деструктивным влияниям специфических условий управленческой деятельности, а с другой, используя перспективные возможности профессии управленца, – активно развивать свой профессиональный и творческий потенциал. Управленческие компетенции руководителя – «это личностное новообразование, характеризующее его готовность к профессиональной деятельности, непрерывному профессиональному развитию и самосовершенствованию», определяя их посредством квалификационного (требуемого) и практического (деятельностного) компонентов готовности управлять

Управленческая деятельность имеет определенные особенности. Во-первых, управленческая деятельность субъектна. Данная особенность означает, что несмотря на то, что любая профессиональная деятельность обладает характеристикой субъектности, в ходе реализации управленческой деятельности много зависит от личностных качеств и профессиональных качеств субъекта управления.

С предыдущей характеристикой связана характеристика субъект-субъектности управленческой деятельности. Субъект – субъектность связана с особенностями предмета управленческой деятельности. Управленческая деятельность – деятельность по оказанию воздействия на других людей для того, чтобы организовать успешную их совместную деятельность. Таким образом, в качестве предмета управленческой деятельности выступают объекты, по своей сути являющиеся субъектами. Субъекты как предмет управленческой деятельности в отличие от неодушевленных объектов, сложны по своей сути и требуют вариативного подхода, учета их личностных качеств и субъективных отношений [3].

В данном случае можно говорить о том, что в управленческой деятельности субъект и объект труда одинаковы в своей сложности и обладают определёнными, нуждающимися в учете, психологическими особенностями. Такова сущность субъект – субъектности управленческой деятельности. Так же важно отметить, что управляющий субъект вступает в отношения с множеством управляемых субъектов, между которыми сложились социально-психологические отношения, оказывающие влияние на деятельность.

Целеполагание субъекта управленческой деятельности характеризуется самостоятельностью. Данный признак обозначает тот факт, что управленец самостоятелен в постановке управленческих задач, и что процесс принятия решений в области управления индивидуален, в том числе и постановка шагов достижения целей.

Важна опосредованность управленческой деятельности, что означает следующее. Индикатором успешности выполнения управленческой деятельности является не качество процесса управления, оказываемого в отношении управляемой подсистемы. Управляющее воздействие всегда приложимо к цели, которая стоит перед всей организационной системой. Индикатором успешности выступает успех и результативность, которую показывает деятельность управляемой системы. Успешность профессиональной управленческой деятельности опосредована успешностью функционирования организации, которой управляют.

Управленческая деятельность является творческой. Творческий характер имеют в первую очередь управленческие решения, процесс их принятия и реализации. Тип решений и ход их принятия в управленческой деятельности невозможно подробно и четко заранее спрогнозировать по причине того, что в него часто оказываются включены непредвиденные факторы, а значит и элементы творчества.

Характеристика присутствия моделирования. В управленческой деятельности присутствует моделирование. Особенностью управленческих решений является то, что требуется их высокая результативность и применимость в разнообразных ситуациях деятельности. Осуществление выбора наиболее удачного решения предполагает учет многих факторов, которые часто невозможно спрогнозировать. Такими факторами

являются реакции подчиненных, последствия решений, присутствие многовариантности решения ситуации. Таким образом, руководителю необходимо уметь моделировать различные варианты решений и ситуаций.

В управленческой деятельности высок уровень ответственности. Характеристика ответственности субъекта управления, которая распространяется на результат собственно управленческой деятельности, за результативность управляемых субъектов, объектов и процессы. Таким образом, субъект управления несет ответственность как перед управляемой системой, так и перед внешней средой. Руководитель организации несет ответственность широкого спектра, ответственность за качество деятельности всей управленческой системы. Безусловно, руководящий пост предполагает множество возможностей, однако, уровень ответственности так же высок.

Управленческая деятельность всегда имеет общественный характер, всегда выступает как общественное явление, которое имеет социальную сущность.

Характеристика развития и адаптации. Это означает, что в управленческой деятельности необходимо учитывать, что управляемая система должна развиваться, как и сам субъект управления. Кроме этого, управляемая система и сам субъект управления должны адаптироваться к постоянно изменяющимся внешним и внутренним условиям. Саморазвитие субъекта управления, его личностный рост, напрямую связан с его профессиональным ростом, и с развитием управляемой им системы [1].

Характеристика неоднородности управленческой деятельности. Данная особенность означает, что по своему содержанию управленческая деятельность разнообразна, имеет различные виды и формы на разных уровнях иерархии. Управленческая деятельность состоит из двух сторон: инструментальной стороны, предполагающей необходимость обеспечения технологического процесса и экспрессивной стороны, предполагающую организацию межличностного взаимодействия.

Управленческая деятельность специфична по условиям своего протекания. Условия управленческой деятельности традиционно классифицируют на условия внешнего и внутреннего типа. Внешними условиями выступают наличие временных ограничений, необходимости выполнять управленческую деятельность в рамках конкретных сроков, условия нехватки информации, высокая степень ответственности широкого спектра, нерегламентированный труд, часто недостаточность ресурсов, вероятность возникновения трудных рабочих ситуаций, стрессовость деятельности. Внутренними условиями выступают необходимость выполнения большого числа действий одновременно, необходимость решения большого числа задач одновременно, недостатки нормативных предписаний, которые состоят в их противоречивости или неопределенности, либо полного отсутствия, нечеткость и неясность критериальной системы оценки успешности, необходимость самого руководителя находится в подчинении большого числа инстанций, диктующих противоречивые требования, невозможность разработки единого алгоритма деятельности.

Управленческая деятельность специфична исходя из статуса руководящего лица. Данная специфика обозначена в литературе как «особенности поста руководителя» или явление маргинальности статуса руководителя. Маргинальность статуса руководителя заключается в двойственности статуса. Двойственность статуса руководителя заключается в том, что руководитель одновременно является частью управляемой системы и находится над ней и вне ее. Двойственность статуса приводит к ряду сложностей. Во – первых, для эффективного руководства важно, чтобы формальный лидер был так же неформальным лидером. Для этого нужно быть близко к подчиненным, быть «таким же, как они». В то же время иерархия предполагает, что руководитель должен держать дистанцию в отношениях с подчиненным. Сохранение оптимальной дистанции так же важно для эффективных управленческих отношений. Таким образом, задачей руководителя является

поиск и поддержание оптимальной дистанции с подчиненными. Из данной особенности вытекает такой признак управленческой деятельности как иерархически – коллегиальная организация или субординационно – координационная организация, подразумевающая согласование этих двух компонентов [2].

По своему наполнению управленческая деятельность выступает как процесс реализации специфических универсальных управленческих функций. К управленческим функциям относятся функции составления плана деятельности, функции построения прогноза результата и т.д. Присутствие комплекса управленческих функций является характерным для управленческой деятельности любого вида. Это означает определенную инвариантность управленческой деятельности [8].

Наполнение управленческой деятельности так же всегда интеллектуально по своей сути, поскольку в нее включены процессы разработки, практической реализации и принятия управленческих решений. Управленческие решения имеют целью трансформировать поведение и деятельность людей. Таким образом, управленческая деятельность является совокупностью управленческих процессов. Под управленческими процессами в данном случае имеются ввиду целенаправленные решения и действия, которые используются менеджерами в определенной последовательности и комбинациях

Все перечисленные характеристики управленческой деятельности, особенности применительно к сфере реабилитации зависимых, обуславливают текучесть кадров.

Реабилитация представляет собой сложный и длительный процесс комплексного влияния на все уровни жизнедеятельности индивида: организменный, психологический, социально-психологический, который состоит из обучающих, коррекционных, развивающих мероприятий, направленный на реадaptацию, ресоциализацию, реперсонализацию и личностный рост реабилитируемого.

Реабилитация в наркологии - сложная медико-психосоциальная система воздействий, целью которых является восстановление физического, психического и духовного здоровья больного, его личностного и социального статуса, способности полноценного функционирования в обществе без употребления психоактивных веществ.

В 2000 г. в НИИ наркологии МЗ РФ была создана единая Концепция реабилитации наркологических больных в учреждениях здравоохранения. Согласно данной концепции, цель реабилитации заключается в восстановлении (или формировании) нормативного личностного и социального статуса больного на основе раскрытия и развития его потенциала - интеллектуального, нравственного, эмоционального, творческого. Задачи реабилитации определяются необходимостью достижения ее конечной цели с учетом важнейших аспектов жизненной ситуации больного - медицинских, личностных, социальных - путем ее активной направленной реорганизации.

Концепция определяет принципы реабилитации:

- 1) добровольное участие больного в лечебно-реабилитационном процессе;
- 2) доступность и открытость реабилитационных учреждений;
- 3) доверительность и партнерство;
- 4) единство социально-психологических и медико-биологических методов целевого воздействия;
- 5) многообразие и индивидуализация форм (моделей) реабилитационных мероприятий.

Основными условиями реабилитации являются:

- 1) отказ больного от употребления ПАВ;
- 2) личная ответственность за успешную реализацию ЛРП;
- 3) опора на позитивные, личностно-значимые для пациента социальные ценности;
- 4) обеспечение правовой и организационной регламентации ЛРП;

5) создание в реабилитационном учреждении единой «бригады» («команды») специалистов.

Все вышеперечисленные задачи решает управленец.

В связи с наличием проблемы текучести кадров связана необходимость улучшения точности профотбора кандидатов на должность руководителей реабилитационных центров в сфере зависимости. Важно уже на этапе отбора на руководящие должности в реабилитационные центры иметь сформированный список личностных характеристик, которые позволят успешно реализовать управленческие компетенции, и с которыми можно соотнести личностные характеристики претендентов.

Цель исследования: изучить взаимосвязи личностных характеристик и управленческих умений руководителей в сфере реабилитации зависимых.

В состав эмпирического инструментария для проведения исследования вошли методики: тест Р. Кеттела. Методика оценки управленческих умений Н.Г. Терещенко.

Эмпирическое исследование проводилось на базе ООО «Развитие», а также других реабилитационных центров. Участие в исследовании приняли руководители и заместители руководителей - 20 человек.

Рассмотрим результаты корреляционного анализа, представленные на рисунке 1.

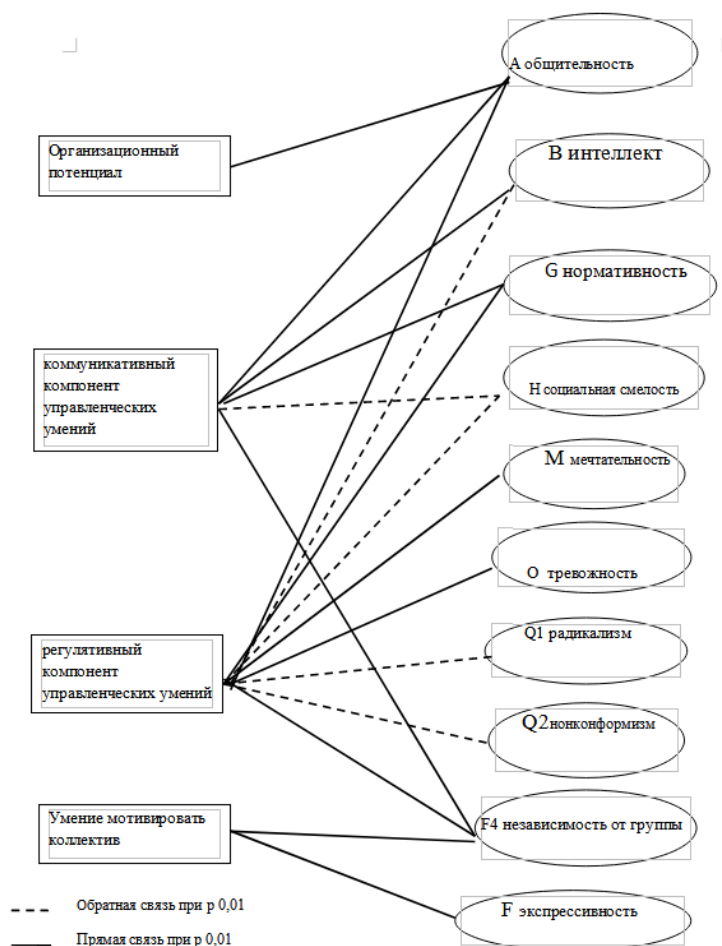

Рисунок 1 – Корреляционная плеяда взаимосвязей личностных характеристик и управленческих умений руководителей в сфере реабилитации аддиктов

Организационный потенциал напрямую взаимосвязан с общительностью ($r=0,513^{**}$). Значительная часть работы руководителя пронизана деловым общением, поэтому, во многом, общительность определяет деловой потенциал руководителя.

Фактор F взаимосвязан с умением мотивировать коллектив ($r=0,546^{**}$). Чем экспрессивнее руководитель, тем он лучше может мотивировать коллег.

Коммуникативные управленческие умения взаимосвязаны с рядом черт личности: фактором B ($r=0,510^{**}$), фактором F4 независимость от группы ($r=0,523^{**}$), фактором G нормативность поведения ($r=0,538^{**}$), фактором H социальная смелость ($r=0,523^{**}$). Из данных взаимосвязей видно, что коммуникациям на уровне управленца у руководителей в сфере реабилитации зависимых способствуют интеллект, экспрессивность, нормативность поведения на их актуальном месте работы. Социальная смелость не способствует коммуникативным умениям руководителя в данной сфере. Вероятно, это связано с тем, что излишняя социальная смелость может настораживать сотрудников - консультантов-аддиктологов, которые, как бывшие аддикты нуждаются в бережном, аккуратном подходе.

Регулятивный компонент управленческих умений взаимосвязан с рядом черт личности: фактором A общительность ($r=0,538^{**}$), фактором F экспрессивность ($r=0,528^{**}$), фактором G нормативность поведения ($r=0,554$), фактором H социальная смелость ($r=-0,528^{**}$), фактором M мечтательность ($r=0,518^{**}$), фактором O тревожность ($r=0,531^{**}$), фактором F4 независимость от группы ($r=0,523^{**}$), фактором Q1 радикализм ($r=-0,554^{**}$), Q2 неконформизм ($r=-0,538^{**}$). Нормативность поведения способствует развитию регулятивных управленческих умений таким образом, что в ее основе также лежит регуляция, только в отношении своего поведения в соответствии с нормами. Тревожность актуализирует способности в регуляции, тревожный управленец начинает больше структурировать себя. Общительность помогает выстраивать коммуникации, добавляет умеренность, умение регулировать сотрудников в ходе делового общения. Независимость от группы создает необходимый для управления авторитет. Мечтательность, вероятно, позволяет выстроить образ желаемой деятельности организации, на который будет ориентирована реальная деятельность.

Личностный портрет руководителей в сфере реабилитации, имеющих высокие управленческие способности, можно описать следующим образом. Общительные, ориентированные на коммуникации, легко выстраивающие контакты в деловом и личном общении. Экспрессивные, чьи эмоции могут мотивировать сотрудников на достижение целей. Интеллектуальные, независимые от группы, но умеющие следовать правилам, может присутствовать тревожность, которая актуализирует способности к саморегуляции.

Практическая значимость исследования состоит в том, что оценка личных качеств кандидатов в управленцы в сфере реабилитации является основой для прогноза профессиональной успешности и может рассматриваться в качестве критериальной оценки различия успешных и неуспешных руководителей в процессе расстановки кадров и формирования кадрового резерва руководителей в сфере реабилитации зависимых.

Библиографические ссылки

1. Зелинская, М.В., Адентужи А.М. Повышение конкурентной способности организации на основе управления персоналом// Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина. – 2017. – 1071-1086с. - URL.: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29187986>
2. Климанова, Н.Г. Личностный профиль современных руководителей среднего звена // Психологические науки. 2012. - №6. – С. 125–128

3. Соловьева, И. Е. Психологические основания профессиональной подготовки консультантов по химическим зависимостям из числа выздоравливающих алкоголиков: дисс. канд. пс.. наук. – М, 2004. – 175 с.

4. Сосновский, Б. А. Психология руководителя: потребностно-смысловые аспекты : учебник для вузов / Б. А. Сосновский, Е. А. Лебедева. – Москва : Издательство Юрайт, 2022. -185 с

© Белозерцева П.П., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ ПЕДАГОГОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В. С. Белякович

магистрант 1 курса

СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

E-mail: nika190803nika@mail.ru

Н. С. Ливак

к. психол. н., доцент,

СибГУ им. М.Ф. Решетнёва, г. Красноярск, Россия

E-mail: nlivak@mail.ru

Статья посвящена анализу психологических аспектов профессиональной мотивации педагогов высшей школы как ключевого фактора эффективности образовательного процесса. В работе рассматриваются основные мотивационные факторы, влияющие на профессиональную мотивацию преподавателей высшей школы, а также проблемы их демотивации и пути преодоления. Особое внимание уделено роли самоэффективности, автономии и социальных взаимодействий в формировании устойчивой профессиональной мотивации. Понимание психологических механизмов мотивации способствует повышению качества высшего образования, предотвращению выгорания и развитию профессиональной компетентности педагогов.

Ключевые слова: профессиональная мотивация, педагоги высшей школы, психологические теории мотивации, самоэффективность, эмоциональное выгорание, автономия

The article is devoted to the analysis of psychological aspects of professional motivation of teachers of higher education as a key factor in the effectiveness of the educational process. The work examines the main motivational factors affecting the professional motivation of higher education teachers, as well as the problems of their demotivation and ways to overcome them. Particular attention is paid to the role of self-efficacy, autonomy and social interactions in the formation of sustainable professional motivation. Understanding the psychological mechanisms of motivation contributes to improving the quality of higher education, preventing burnout and developing the professional competence of teachers.

Keywords: professional motivation, higher education teachers, psychological theories of motivation, self-efficacy, emotional burnout, autonomy

Профессиональная мотивация педагогов высшей школы представляет собой многогранный психологический феномен, который не только определяет индивидуальную эффективность преподавателя, но и оказывает существенное влияние на весь образовательный процесс в университете. В эпоху быстрых трансформаций в системе высшего образования – от цифровизации и интеграции искусственного интеллекта до глобализации и усиления конкуренции между вузами – мотивация становится ключевым ресурсом для поддержания инноваций, высокого уровня преподавания и научных исследований. Мотивация является направленной активностью индивида, ориентированной на достижение профессиональных целей, включает в себя когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты [1].

Для педагогов высшей школы профессиональная мотивация приобретает особую значимость, поскольку их деятельность сочетает в себе педагогическую, научную-

исследовательскую, а также организационно-административную нагрузку, при этом требуя постоянного саморазвития, адаптации к новым технологиям и взаимодействия с разноуровневыми аудиториями обучающихся.

В современных условиях, когда высшее образование сталкивается с вызовами, такими как пандемии, экономическая нестабильность и демографические сдвиги, мотивация преподавателей напрямую влияет на качество подготовки выпускников и конкурентоспособность вузов. Исследования показывают, что низкая мотивация приводит к снижению продуктивности, росту эмоционального выгорания и увеличению текучести кадров в педагогической среде [2]. При этом, высокомотивированные педагоги демонстрируют большую вовлеченность, креативность в преподавании и вклад в научное сообщество, что способствует формированию устойчивой академической культуры. Кроме того, мотивация педагогов влияет на мотивацию студентов: мотивированные преподаватели более качественно передают профессиональный энтузиазм и способствуют глубокому обучению, что подтверждается корреляцией между их мотивацией и академическими достижениями обучающихся. Например, исследования показывают, что вовлеченные преподаватели, мотивированные профессией, способствуют повышению мотивации обучающихся на 15-20%. Это подчеркивает необходимость глубокого анализа психологических аспектов, чтобы разработать стратегии поддержки профессиональной мотивации.

Цель данной статьи – провести всесторонний анализ психологических аспектов профессиональной мотивации педагогов высшей школы, выявить ключевые факторы её формирования, проанализировать проблемы демотивации на основе эмпирических данных и предложить практические рекомендации по оптимизации мотивационных механизмов. Исследование опирается на классические и современные психологические теории, а также на результаты актуальных эмпирических работ, посвященных данной тематике. Структура статьи включает введение, обзор теоретических основ, анализ факторов влияния, обсуждение проблем демотивации и выгорания, обзор эмпирических исследований, пути оптимизации мотивации, а также заключительные выводы. Такой подход позволяет не только описать феномен, но и предложить прикладные решения для вузовской практики, учитывая специфику современных вызовов, таких как постпандемийное восстановление и цифровизация. В работе также учитываются гендерные и культурные различия, влияющие на мотивацию, для более полного понимания.

Одним из фундаментальных подходов к пониманию мотивации является теория иерархии потребностей А. Маслоу, которая предполагает последовательное удовлетворение нужд от базовых (физиологические, безопасность) к высшим (принадлежность, уважение, самоактуализация).

В контексте высшей школы педагоги, достигшие уровня самоактуализации, мотивированы внутренними факторами, такими как творчество в разработке курсов, вклад в науку и менторство обучающихся. При этом, многие преподаватели сталкиваются с неудовлетворенностью базовых потребностей: низкая заработная плата, нестабильные контракты и административные перегрузки приводят к демотивации.

Эмпирические исследования подтверждают, что в университетах с неразвитой системой социальной поддержки мотивация снижается на 20-30% [3]. Более того, в условиях экономической нестабильности, базовые потребности приобретают приоритет, что может блокировать переход к высшим уровням мотивации, требуя от администраций вузов специальных мер по обеспечению стабильности. Например, в период пандемии COVID-19 многие преподаватели испытывали снижение мотивации из-за нарушения баланса между работой и личной жизнью, что подчеркивает необходимость интеграции этой теории с современными контекстами. Теория А. Маслоу также позволяет

анализировать, как самоактуализация способствует инновациям в образовании, где педагоги видят свою роль как миссию.

Дополняя теорию А. Маслоу, двухфакторная теория Ф. Херцберга разделяет мотиваторы (достижения, признание, ответственность, рост) и гигиенические факторы (зарплата, условия труда, политика вуза). Для педагогов вузов мотиваторы, такие как возможность публиковать статьи, получать гранты и участвовать в международных конференциях, играют решающую роль в поддержании энтузиазма. Отсутствие гигиенических факторов, напротив, вызывает неудовлетворенность и эмоциональное истощение.

В одном из исследований, проведенных среди преподавателей европейских университетов, было установлено, что признание достижений повышает мотивацию на 40%, в то время как бюрократические барьеры снижают её вдвое [4]. Эта теория особенно актуальна для анализа мотивации в развивающихся странах, где гигиенические факторы часто недостаточны, что приводит к хронической демотивации и необходимости баланса между внешними стимулами и внутренним удовлетворением от работы. Кроме того, Ф. Херцберг подчеркивает, что мотиваторы способствуют долгосрочному благополучию, что подтверждается в исследованиях о влиянии удовлетворенности работой на психологическое здоровье преподавателей. В контексте высшей школы это означает, что администрации вуза необходимо фокусироваться на признании достижений, чтобы избежать демотивации.

Теория самодетерминации (Self-Determination Theory, SDT) Э. Деси и Р. Райана фокусируется на трех базовых психологических потребностях: автономии (свобода выбора), компетентности (ощущение эффективности) и связанности (социальные отношения). Автономия особенно актуальна для педагогов, позволяя им самостоятельно разрабатывать программы, учебные курсы и критерии оценки.

Исследования показывают, что удовлетворение данных потребностей коррелирует с высокой мотивацией: в опросах российских и зарубежных вузов автономия повышает вовлеченность на 25-35%, а дефицит связанности приводит к изоляции и снижению продуктивности [5]. SDT подчеркивает переход от внешней мотивации (вознаграждения) к внутренней (удовольствие от работы), что критично для долгосрочной карьеры в академии. Применение SDT в образовании подчеркивают, что ситуационная мотивация, зависящая от контекста (например, во время профессионального развития), может варьироваться ежедневно, влияя на общую траекторию карьеры. В практике данная теория показывает, что программы, ориентированные на повышение автономии, такие как гибкие графики и самостоятельный выбор тем исследований, значительно усиливают внутреннюю мотивацию, особенно среди молодых преподавателей. Более того, теория SDT интегрируется с другими подходами, показывая, как автономия смягчает эффекты выгорания в условиях высокой нагрузки. Это делает SDT универсальным инструментом для анализа мотивации в разнообразных образовательных контекстах.

Концепция самоэффективности А. Бандуры рассматривает уверенность индивида в своих способностях справляться с задачами. Педагоги с высокой самоэффективностью лучше адаптируются к вызовам, таким как переход к онлайн-обучению или работа с мотивированными обучающимися, и демонстрируют большую резистентность к стрессу. Эмпирические данные показывают, что самоэффективность напрямую связана с мотивацией к профессиональному развитию: в группах с высокой самоэффективностью участие в семинарах и курсах повышается на 35-45% [6].

Факторами формирования самоэффективности являются прошлый успех, викарный опыт (наблюдение за коллегами) и вербальная поддержка от администрации. Кроме того, самоэффективность выступает посредником между мотивацией и инновационным поведением, как показано в исследованиях, где внутренняя мотивация через

самоэффективность приводит к инновациям в преподавании. В контексте высшей школы это особенно важно для адаптации к цифровым технологиям, где самоэффективность определяет успех перехода к смешанному обучению. Исследования также показывают, что самоэффективность коррелирует с лидерским поведением преподавателей, влияя на мотивацию студентов.

Мотивация педагогов высшей школы формируется под влиянием как внутренних (личностных), так и внешних (организационных) факторов. Внутренние факторы включают личные ценности, интересы и психологические черты, такие как интроверсия/экстраверсия или уровень эмоционального интеллекта. Например, преподаватели с высоким эмоциональным интеллектом лучше справляются с конфликтами с обучающимися, а также могут поддерживать самомотивацию в стрессовых ситуациях [7]. Кроме того, внутренние мотивы, такие как «страсть» к предмету, способствуют устойчивой мотивации, особенно в условиях неопределенности, как во время пандемий, когда личные ценности помогают преодолевать внешние барьеры. Исследования подчеркивают, что внутренние факторы, такие как ценности и личностные черты, объясняют до 40% вариаций в мотивации, особенно среди опытных педагогов. Это включает и гендерные аспекты, где женщины чаще ориентированы на социальные связи, а мужчины – на достижения.

Внешние факторы охватывают организационную среду: корпоративную культуру вуза, систему вознаграждений и социальную поддержку. Социальная поддержка от коллег и администрации играет ключевую роль, как показано в теории социальной идентичности Г. Тэджфела: принадлежность к профессиональной группе усиливает мотивацию через обмен знаниями и взаимопомощь.

В вузах с развитыми программами менторства мотивация молодых преподавателей растет на 20-30% [8]. Кроме того, внешние стимулы, такие как гранты и публикации, усиливают экстринсивную мотивацию, дополняя внутреннюю. Роль лидерства здесь значима: трансформационное лидерство администрации стимулирует мотивацию через вдохновение и поддержку, что особенно важно в периоды реформ. Например, в исследованиях о влиянии лидерства на мотивацию показано, что трансформационный стиль повышает удовлетворенность работой на 25%, снижая риски демотивации. Внешние факторы также включают политику вуза по профессиональному развитию, где отсутствие поддержки приводит к снижению мотивации.

В современных условиях цифровизации мотивация сталкивается с новыми вызовами: технические барьеры и потеря личного контакта снижают энтузиазм. Следует отметить, что интеграция цифровых инструментов с геймификацией (по принципам теории подкрепления Б.Ф. Скиннера) повышает вовлеченность: использование платформ вроде Moodle с элементами соревнования увеличивает мотивацию на 15-25% [9].

Гендерные различия также влияют: женщины-педагоги чаще ориентированы на гармоничные взаимоотношения с обучающимися, в то время как мужчины – на научные достижения, что требует дифференцированных подходов [9]. Кроме того, профессиональная компетентность влияет косвенно: компетентные преподаватели в большей степени удовлетворяют психологические нужды обучающихся, что бумерангом усиливает их собственную мотивацию, как показано в исследованиях о взаимосвязи компетенций и мотивации. В контексте глобализации внешние факторы включают интернационализацию, где мотивация зависит от культурных адаптаций и международного сотрудничества. Это требует комплексного подхода к управлению факторами.

Эмоциональное выгорание является одной из главных проблем, антагонистичных мотивации. Согласно модели К. Маслач, выгорание включает эмоциональное истощение, деперсонализацию и снижение достижений. Причины – перегрузка задачами, отсутствие

поддержки и конфликт ролей (преподаватель-ученый-администратор). В вузах до 30-40% преподавателей испытывают симптомы выгорания, что снижает мотивацию и приводит к оттоку кадров [10]. Психологические аспекты включают когнитивные искажения, такие как перфекционизм, усугубляющий стресс. Исследования показывают, что выгорание связано с низкой автономией и социальной поддержкой, особенно в периоды профессионального развития, когда мотивационные профили играют решающую роль в предотвращении истощения. Кроме того, выгорание усиливается в условиях пандемий, где дистанционная работа приводит к социальной изоляции, снижая мотивацию на 30-50%. Это требует профилактических мер, таких как mindfulness-программы.

Демотивация часто возникает из-за несоответствия ожиданий и реальности: бюрократия, низкая оплата и отсутствие признания. Исследования среди преподавателей высшей школы показывают, что хронический стресс снижает мотивацию на 50%, а программы психологической поддержки восстанавливают её на 25-35% [11]. Кроме того, мотивационные профили варьируются: педагоги с высокой внутренней мотивацией менее подвержены демотивации, в то время как внешне мотивированные страдают от отсутствия стимулов, что подчеркивается в кросс-секционных исследованиях мотивационных профилей. В контексте высшего образования демотивация также связана с перегрузкой административными задачами, что отвлекает от научной и педагогической деятельности, как показано в систематических обзорах. Гендерные аспекты добавляют сложности: женщины чаще сталкиваются с балансом ролей, что усиливает демотивацию.

Аktуальные эмпирические исследования подчеркивают динамику мотивации. Например, кросс-секционное исследование мотивационных профилей преподавателей во время профессионального развития выявило различия в удовлетворенности и одиночестве, зависящие от типа мотивации, с акцентом на то, как мотивационные профили влияют на благополучие. Другое исследование показало роль самоэффективности, социальной поддержки и мотивации в лидерском поведении преподавателей, влияющем на мотивацию обучающихся и общую образовательную среду.

Систематический обзор от мотивации к поведению в преподавании подтвердил применение теорий социальной когниции и ожидания-ценности, демонстрируя, как мотивация переводится в эффективные педагогические практики. Кроме того, исследования о вариациях ежедневной ситуационной мотивации в профессиональном развитии учителей подчеркивают, как мотивация меняется в зависимости от контекста деятельности, влияя на общую траекторию.

Исследования также связывают мотивацию преподавателей с развитием профессиональных сообществ обучения (PLC), где автономная мотивация способствует сотрудничеству и инновациям. Кроме того, качество мотивации к преподаванию определяет благополучие преподавателей и мотивирующий стиль, с акцентом на то, как внутренняя мотивация снижает стресс и повышает вовлеченность. Дополнительно, исследования о влиянии профессиональной компетенции на мотивацию обучающихся показывают косвенный эффект через удовлетворение психологических нужд, что усиливает мотивацию самих преподавателей. Наконец, анализ мотивационных проблем в высшем образовании включает компенсацию, дизайн работы, обратную связь и признание, подчеркивая нематериальные факторы для долгосрочной мотивации.

Вовлеченные преподаватели демонстрируют лучшие отношения между мотивацией, ориентацией на цели и благополучием, особенно в ранней карьере. Систематические обзоры благополучия преподавателей подчеркивают многофакторность, включая мотивацию как ключевой элемент образовательного качества. Эти данные подтверждают необходимость интеграции эмпирических находок в практику.

Для повышения мотивации рекомендуется комплекс мер. Во-первых, внедрение систем оценки, включающих не только KPI, но и качественные показатели (отзывы

обучающихся, инновации в преподавании). Во-вторых, программы профессионального развития с акцентом на автономию и самоэффективность: семинары, онлайн-курсы и менторство. В-третьих, профилактика выгорания через психологическую поддержку и баланс работы/жизни. Кроме того, стимулирование инструментальной мотивации через ответственность и профессиональное обучение помогает в условиях высокой ставки, как показано в исследованиях о мотивации к непрерывному обучению.

Психолого-педагогическая поддержка активизирует мотивацию, формируя позитивные установки и способствуя интеграции мотивационных теорий в повседневную практику. Кроме того, стратегии, такие как повышение удовлетворенности работой, положительно влияют на психологическое благополучие, как показано в исследованиях о благополучии в высшем образовании. Внедрение трансформационного лидерства и поощрений усиливает мотивацию, особенно в начальных школах, но применимо и к вузам. Наконец, учет индивидуальных характеристик преподавателей, таких как опыт и личность, позволяет адаптировать подходы, включая персонализированные планы развития.

Психологические аспекты профессиональной мотивации педагогов высшей школы представляют собой интеграцию теорий самодетерминации, самоэффективности и социальных взаимодействий, с учетом рисков выгорания и внешних факторов. Гармоничное развитие мотивации не только способствует личному росту преподавателей, но и повышает качество образования, инновации и устойчивость вузов. Будущие исследования должны фокусироваться на эмпирических моделях в контексте цифровизации, глобализации и постпандемийных изменений, с целью разработки персонализированных стратегий мотивации, включая влияние на студенческие исходы и долгосрочные карьерные траектории. Это позволит создать более эффективную систему высшего образования.

Библиографические ссылки

1. Леонтьев, Д.А. Психология смысла. / Д.А. Леонтьев. – М.: «Смысл», 2007. – 511 с. – Текст: непосредственный.
2. Маслоу, А. Мотивация и личность. / А. Маслоу. – СПб.: «Питер», 2003. – 352 с. – Текст: непосредственный.
3. Деси, Э.Л., Райан, Р.М. Теория самодетерминации: базовые психологические потребности в мотивации, развитии и благополучии. / Э.Л. Деси, Р.М. Райан. – М.: «Диалектика», 2019. – 448 с. – Текст: непосредственный.
4. Бандура, А. Теория социального научения. / А. Бандура. – СПб.: «Евразия», 2000. – 320 с. – Текст: непосредственный.
5. Маслак, К. Синдром эмоционального выгорания. / К. Маслак. – М.: «Академия», 1998. – 288 с. – Текст: непосредственный.
6. Тэджфел, Г. Социальная идентичность и межгрупповые отношения. / Г. Тэджфел. – М.: «Прогресс», 1982. – 240 с. – Текст: непосредственный.
7. Скиннер, Б.Ф. Наука о поведении. / Б.Ф. Скиннер. – М.: «Рефл-бук», 2003. – 416 с. – Текст: непосредственный.
8. Херцберг, Ф. Мотивация к работе. / Ф. Херцберг. – М.: «Вершина», 2007. – 240 с. – Текст: непосредственный.
9. Van den Berghe, L. et al. Teachers' Motivation & Psychological Functioning. / L. Van den Berghe et al. – Teaching and Teacher Education, 2018. – Vol. 70. P. – 1-10. – Текст: электронный.
10. Skaalvik, E.M., Skaalvik, S. Teacher Emotional Exhaustion: Motivation, Autonomy, Relationships. / E.M. Skaalvik, S. Skaalvik. – BMC Psychology, 2024. – Vol. 12. – Текст: электронный.

11. Stupnisky, R.H. et al. Supporting Teacher Reflection and Motivation. / R.H. Stupnisky et al. – Journal of Experimental Education, 2024. – Текст: электронный.
12. Tikhonov, A.I. Professional Motivation of Future Teachers: Psychological and Pedagogical Aspect. / A.I. Tikhonov. – ResearchGate, 2021. – Текст: электронный.

© Белякович В.С., Ливак Н.С., 2025

ПРОФИЛАКТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ

А. Е. Бикташева

магистрант 2 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Российская Федерация

E-mail: mpo24-01@mail.ru

А. А. Смирная

Кандидат педагогических наук, доцент,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

E-mail: nastenasm@yandex.ru

Данная статья описывает признаки и факторы эмоционального выгорания, а также профилактику эмоционального выгорания. В рамках статьи проводится детальная классификация признаков синдрома, разделяя их на три ключевые группы: эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция профессиональных достижений. Анализируются многоуровневые факторы риска, включая организационно-трудовые, ролевые и личностно-психологические детерминанты.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, эмоциональное истощение, профилактика эмоционального выгорания, организация.

This article describes the signs and factors of emotional burnout, as well as its prevention. It provides a detailed classification of the syndrome symptoms, dividing them into three key groups: emotional exhaustion, depersonalization, and reduced professional achievement. Multi-level risk factors are analyzed, including organizational, work-related, role-related, and personal-psychological determinants.

Keywords: emotional burnout, emotional exhaustion, prevention of emotional burnout, organization

В современном динамичном мире эмоциональное выгорание перестало быть проблемой отдельных сотрудников и превратилось в одну из ключевых угроз для продуктивности и здоровья организации в целом. Синдром эмоционального выгорания, характеризующийся истощением и снижением профессиональной эффективности, ведет к росту текучести кадров, увеличению числа ошибок и общему падению морального духа в коллективе. В этой связи профилактика выгорания становится не просто элементом заботы о персонале, а стратегической инвестицией в человеческий капитал компании. В данной статье мы рассмотрим системный подход к профилактике, включающий меры на организационном, управленческом и индивидуальном уровнях.

Эмоциональное выгорание – это состояние, которое развивается из-за длительного и неуправляемого стресса на работе, усугубляемое значительным эмоциональным напряжением.

Начиная с 1990 года, в российской психологии наблюдался возобновленный интерес к изучению понятия «Выгорание». Термин «Выгорание» начал рассматриваться как самостоятельная тема научных исследований. Работы таких учёных, как Н.Е. Водопьянова [5], Н.В. Гришина [1], В.Е. Орёл [1], А.А. Рукавишникова [54], Т.В. Форманюк [4] и В.В. Бойко [8], были сосредоточены либо на узких эмпирических аспектах проблемы, либо носили характер теоретического обоснования для дальнейших изысканий.

В настоящее время как в российской, так и в зарубежной психологии выделяются два ключевых научных направления, доминирующих в исследовании синдрома эмоционального выгорания.

Первый подход анализирует синдром эмоционального выгорания через призму экзистенциального анализа. Согласно мнению отечественного ученого Н.В. Гришиной, выгорание возникает как результат деформации ценностно-смысловой сферы личности, что приводит к предельному экзистенциальному состоянию. Исследователь подчеркивает, что потеря смысла деятельности, являющегося важной частью смысла жизни, становится ключевым фактором выгорания. В наиболее сложных случаях это может перерасти в экзистенциальный невроз. По определению Н.В. Гришиной, выгорание представляет собой «болезненное разочарование в работе как средстве обретения смысла, которое затрагивает различные аспекты человеческого бытия».

По мнению В.Е. Орла, данный феномен трактуется как профессиональная особенность, выражающаяся в состоянии истощения на физическом, эмоциональном и умственном уровнях, преимущественно проявляющаяся в профессиях социальной направленности [4].

В отечественной науке наиболее распространённым подходом к изучению эмоционального выгорания является концепция В.В. Бойко, который трактует этот феномен как механизм психологической защиты. Согласно В.В. Бойко, выгорание представляет собой динамический процесс, развивающийся поэтапно и схожий по своей природе с механизмами стресса. Основное предназначение выгорания, по мнению учёного, заключается в сохранении энергетических ресурсов личности, что достигается за счёт формирования стереотипных моделей поведения и эмоциональных реакций [6].

1. Факторы, провоцирующие «выгорание» по В.В. Бойко [8] таковы: внешние факторы (психоэмоциональная нагрузка, связанная с постоянным напряжением; неэффективная организация труда; неблагоприятный психологический климат в профессиональной среде); внутренние факторы (склонность к эмоциональной закрытости; чрезмерное чувство ответственности и склонность к работе до изнеможения; недостаточный уровень эмоциональной вовлеченности в профессиональную сферу деятельности).

В мае 2019 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) представила описание синдрома эмоционального выгорания. Согласно этому определению, выгорание характеризуется тремя основными признаками: хронической усталостью, отстраненностью от работы (включая цинизм и негативное отношение) и снижением эффективности труда [4]. В профессиональной сфере ключевым аспектом выгорания является то, как сотрудники воспринимают свою работу: испытывают ли они положительные эмоции или, наоборот, негативные. Поэтому крайне важно оценивать отношение сотрудников к своей работе, выявлять факторы, влияющие на их позитивное или негативное восприятие, и анализировать причины, приводящие к эмоциональному выгоранию [3].

Исследователи Герберт Фройденбергер и Гейл Норт, определили двенадцать стадий выгорания, характеризующихся определенными симптомами, требующими внимания.

Фаза 1. Самоутверждение.

На начальной стадии выгорания человек часто чувствует, что его труд и личные качества не ценятся окружающими (руководством, коллегами, клиентами). Это побуждает его работать еще усерднее в попытке заслужить одобрение.

Фаза 2. Работать интенсивнее.

Желание преодолеть ощущение недооцененности часто побуждает людей работать усерднее и расходовать больше энергии.

Фаза 3. Пренебрежение потребностями.

Из-за чрезмерной рабочей нагрузки возникают трудности со сном, питанием и другими жизненно важными потребностями. Это проявляется в задержках на работе и сокращении времени, проводимого с семьей и друзьями.

Фаза 4. Пренебрежение конфликтами.

Спустя какое-то время окружение начинает замечать, что с человеком что-то не так, говорит ему об этом, но он не восприимчив к комментариям со стороны окружающих на ранних стадиях выгорания и избегает вступления в конфликты на этой почве.

Фаза 5. Пересмотр ценностей.

Человек все больше отдаляется от окружающих, погружаясь в работу, которая поглощает все его время, включая выходные и вечера. Прежние приоритеты, такие как общение с друзьями и увлечения, отходят на второй план.

Фаза 6. Отрицание появившихся проблем.

Наблюдается ухудшение коммуникативных навыков, нарастает чувство самосожаления, проявляются циничные взгляды и вспышки гнева.

Фаза 7. Отстранение.

Социальная активность резко сокращается, а рабочая нагрузка поглощает всё личное время. Это приводит к поведенческим отклонениям и ухудшению физического состояния.

Фаза 8. Явные перемены в поведении.

Человек меняется на глазах, и эти перемены замечают все, кто его окружает.

Фаза 9. Деперсонализация.

Это состояние характеризуется эмоциональной притупленностью, при которой мир воспринимается как тусклый и безжизненный [2]. В некоторых случаях деперсонализации наблюдается нарушение самовосприятия, вплоть до ощущения потери собственной идентичности или её фрагментации (диссоциации).

Фаза 10. Внутренняя пустота.

На данном этапе для заполнения внутренней пустоты человек может прибегать к различным способам компенсации. К ним относятся как деструктивные практики, такие как алкоголизм, компульсивные покупки или расстройство пищевого поведения (переедание или голодание), так и более социально приемлемые методы. В качестве последних можно выделить увлечение экстремальными видами спорта, погружение в виртуальный мир или же чрезмерную увлеченность работой.

Фаза 11. Депрессия.

Неудача в поиске удовлетворения внутренних потребностей приводит к развитию клинической депрессии. Жизнь утрачивает смысл, исчезают источники радости и надежды.

Фаза 12. Синдром выгорания.

Состояние характеризуется суицидальными наклонностями, ухудшением психического и физического самочувствия, что обуславливает острую потребность в квалифицированной медицинской помощи.

Профилактика синдрома эмоционального выгорания (СЭВ) осуществляется на трех уровнях: организационном, управленческом и индивидуальном [9]. Эффективная профилактика требует комплексных мер, направленных на все аспекты рабочей среды.

1. Организационный уровень: создание здоровой экосистемы. На этом уровне закладывается фундамент, который либо провоцирует, либо предотвращает выгорание. Компоненты данного уровня:

- прозрачность и справедливость (четкие цели и критерии успеха, каждый сотрудник должен понимать, как его задачи связаны с общими целями компании; справедливая система оплаты и признания заслуг, внедрение программ материального и нематериального поощрения (бонусы, награды, публичная благодарность);

- оптимизация рабочих процессов (реалистичные сроки и нагрузки, важно адекватно оценивать время на выполнение задач и бороться с культурой постоянного «цейтнота»; предоставление автономии, борьба с микроменеджментом и доверие сотрудникам в их зоне ответственности повышает чувство контроля и вовлеченности; внедрение гибкого графика, удаленная или гибридная работа, гибкое начало и конец рабочего дня помогают сотрудникам лучше управлять своим жизненным балансом);

- культура поддержки и заботы о здоровье (программы поддержки психического здоровья; организация конфиденциальных консультаций с психологами за счет компании; обучение руководителей, проведение для менеджеров тренингов по распознаванию признаков выгорания и управлению нагрузкой в команде; создание комфортной рабочей среды, эргономичная мебель, зоны для отдыха, забота о качестве воздуха и освещения).

2. Управленческий уровень: роль лидера в благополучии команды. На данном уровне непосредственный руководитель является ключевым звеном между политикой компании и состоянием сотрудника. Компоненты данного уровня:

- регулярная и качественная обратная связь (проведение регулярных индивидуальных встреч, где обсуждаются не только задачи, но и самочувствие сотрудника, его нагрузка и возможные сложности; признание успехов и анализ ошибок без перехода на личности);

- разумное распределение нагрузки и защита команды (помощь в расстановке приоритетов, чтобы сотрудник понимал, какие задачи первостепенны; защита команды от нереалистичных требований и «важных» срочных задач, нарушающих рабочий процесс);

- создание психологической безопасности (недопущение буллинга, токсичного поведения и поощрение культуры взаимопомощи; личный пример: руководитель, который сам соблюдает баланс работы и отдыха, подает правильный сигнал команде; внимание к тревожным сигналам (снижение активности, рост цинизма, учащение болезней – это повод для доверительной беседы, а не для выговора).

3. Индивидуальный уровень: вооружение сотрудников инструментами самопомощи. Компания может создать среду, но важно, чтобы сотрудники умели заботиться о себе. Компоненты данного уровня:

- обучение навыкам саморегуляции (тренинги по управлению стрессом и тайм-менеджменту; практики осознанности, организация курсов по медитации или йоге для снижения уровня тревожности);

- поощрение здорового образа жизни (корпоративные программы wellness: абонементы в спортзалы, мероприятия по оздоровлению; формирование культуры отдыха: стимулирование использования отпуска, уважение к личным границам (отказ от рабочих коммуникаций в нерабочее время) [10].

Индивидуальная профилактика предполагает, что каждый сотрудник, осознавая риски, может предпринять следующие шаги для защиты от выгорания: гармонизация работы и личной жизни: необходимо находить время для отдыха и увлечений вне работы, чтобы поддерживать как физическое, так и психическое здоровье; регулярные физические нагрузки; соблюдение режима сна: важно обеспечить себе полноценный сон, избегая воздействия синего света от экранов перед сном, который нарушает выработку мелатонина [12].

Профилактика эмоционального выгорания – это не разовый набор действий, а непрерывный процесс построения здоровой и устойчивой организации. Комплексный подход, сочетающий в себе усилия на организационном, управленческом и индивидуальном уровнях, позволяет создать экосистему, в которой сотрудники чувствуют поддержку, ценность и уважение. Эффективность этого процесса обеспечивается только за счет комплексного подхода, который синхронизирует усилия на трех ключевых уровнях. Организационный уровень задает правила игры и создает инфраструктуру поддержки, формируя прочный фундамент. Управленческий уровень воплощает эти принципы в жизнь

через ежедневное взаимодействие в командах, где руководитель выступает не контролером, а наставником и буфером от выгорания. Индивидуальный уровень вооружает сотрудников личными инструментами устойчивости, давая им возможность осознанно управлять своей энергией. В такой среде не только снижаются риски выгорания, но и раскрывается настоящий потенциал команды, что в долгосрочной перспективе является залогом стабильного успеха и развития компании. Именно синергия между этими уровнями позволяет создать целостную экосистему, в которой сотрудники не просто функционируют, а процветают: они чувствуют искреннюю поддержку, признание своей ценности и уважение к своим границам.

В такой среде достигается двойной положительный эффект. С одной стороны, проактивно снижаются риски эмоционального истощения, что напрямую ведет к снижению текучести кадров, уменьшению количества ошибок и числа больничных. С другой – и это главное – создаются оптимальные условия для раскрытия настоящего потенциала команды. Когда пропадает хронический стресс и тревога, на смену им приходят вовлеченность, лояльность и готовность прикладывать дополнительные усилия «сверх нормы». Сотрудники начинают чувствовать смысл и причастность, что пробуждает в них внутреннюю мотивацию, креативность и инициативность.

Библиографические ссылки

1. Абабков, В.А. Адаптация к стрессу / В.А. Абабков, М. Перре. – СПб.: Питер, 2004. – 350 с.
2. Безносков, С.П. Профессиональная деформация личности / С.П. Безносков. – СПб.: Речь, 2004. – 271 с.
3. Вассерман, Л.И. Совладание со стрессом: теория и психодиагностика / Л.И. Вассерман, В.А. Абабков, Е.А. Трифонова. – СПб.: Речь, 2010. – 192 с.
4. Водопьянова, Н.Е. Синдром психического выгорания в коммуникативных профессиях / Н.Е. Водопьянова. - СПб.: Издательство СПбГУ, 2000. – С.443-463.
5. Грабе, М. Синдром выгорания – болезнь нашего времени / М. Грабе. — СПб.: Речь, 2008. – 96 с.
6. Изард, К. Е. Эмоции человека / К.Е. Изард. – М.: Наука, 2010. – 440 с.
7. Климов, Е.А. Реплика о структуре профессионализма и профессионала / Е.А. Климов // Психология профессионала. – М., 1996. - С.145-204.
8. Конопкин, О.А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития / О.А. Конопкин // Вопросы психологии. – 2004. – № 2. – С. 128-135.
9. Ломов, Б.Ф. Проблема общения в психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Просвещение, 2010. – 382 с.
10. Маркова, А. К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. – М.: Наука, 1996. – 308 с.
11. Орел, В.Е. Феномен "выгорания" в зарубежной психологии: эмпирические исследования / В.Е. Орел // Психологический журнал. – 2001. – Т.22. – №1. – С.90-101.
12. Осипова, А.А. Общая психокоррекция / А.А. Осипова. – М.: Сфера, 2012. – 510 с.

© Бикташева А.Е., Смирная А.А., 2025

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК РЕСУРС ПРОФИЛАКТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

О. Я. Боярова

магистрант Казанского инновационного
университета им. В.Г. Тимирязова
г. Нижнекамск, Россия, Республика Татарстан
e-mail: boyarova.olya18@mail.ru

Э. Н. Ахметшина

кандидат психологических наук, декан
Казанского инновационного университета
Им. В.Г. Тимирязова
г. Нижнекамск, Россия, Республика Татарстан
e-mail: Ahmetshina@ieml.ru

В статье представлен теоретический обзор феномена эмоционального выгорания как многофакторного синдрома, характеризующегося эмоциональным истощением, редуцией профессиональных достижений и деперсонализацией. Особое внимание уделено эволюции представлений о выгорании в зарубежной и отечественной психологии, начиная с 1970-х годов. Рассмотрены индивидуально-психологические, социально-психологические и организационно-психологические причины возникновения выгорания, а также типология симптомов и этапов его развития. Подчеркивается отличие выгорания от профессионального стресса и его связь с личностными особенностями специалистов. Практическая значимость работы состоит в выявлении факторов, влияющих на профессиональное здоровье, и в необходимости профилактики синдрома на уровне личности и организации. Показана роль эмоционального интеллекта как личностного ресурса, повышающего устойчивость к стрессу и поддерживающего профессиональное благополучие.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, профессиональный стресс, психологическая эрозия, личностные ресурсы, эмоциональный интеллект, помогающие профессии, профилактика.

The article presents a theoretical review of the phenomenon of emotional burnout as a multifactorial syndrome characterized by emotional exhaustion, reduced professional efficiency, and depersonalization. Special attention is given to the evolution of burnout research in both international and Russian psychology since the 1970s. The article analyzes individual, social, and organizational determinants of burnout, as well as existing classifications of its symptoms and developmental stages. The distinction between burnout and occupational stress is emphasized, along with the influence of personality traits on the syndrome's manifestation. The practical significance of the paper lies in identifying factors affecting professional health and highlighting the need for preventive measures at both personal and organizational levels. Emotional intelligence is described as a key personal resource that enhances resilience to stress and supports professional well-being.

Keywords: emotional burnout, occupational stress, psychological erosion, personal resources, emotional intelligence, helping professions, prevention.

Особое внимание синдрому эмоционального выгорания начали уделять учёные в конце XX века. Особенно подвержены развитию этого синдрома профессии, связанные с интенсивным взаимодействием «человек-человек». В настоящее время специалисты из помогающих профессий сталкиваются с выгоранием в масштабах, представляющих серьёзную проблему как для самих работников, так и для организаций. В связи с этим актуален вопрос сохранения профессионального здоровья и личного благополучия, включая профилактику выгорания.

Феномен «выгорания» является популярным предметом изучения в зарубежной науке с 70-х гг. XX в., это отражено в работах М. Буриш, С. Джексон, М. Лайтер, К. Маслак, А. Пайнс, Х.Дж. Фрейденберг, В.Б. Шауфели и др. Последнее десятилетие ознаменовалось повышением интереса к выгоранию со стороны отечественной психологии, что подтверждают работы В.В. Бойко, Н.Е. Водопьяновой, Н.В. Гришиной, В.Е. Орла, Т.И. Ронгинской, М.М. Скугаревской, Е.С. Старченковой, Т.В. Форманюка, Л.Н. Юрьевой и др.

Изначально под «выгоранием» понимали состояние полного истощения и опустошения, сопровождаемое ощущением собственной ненужности. Сейчас исследователи подчёркивают, что эмоциональное выгорание может приводить к развитию хронической усталости [3].

На ранних этапах изучения выгорания знания о нём формировались главным образом через накопление описаний связанных с ним симптомов. Большинство работ носило преимущественно эмпирический характер и не стремилось к созданию единого теоретического определения [1]. В обзоре Т. Кокса и А. Гриффитса [2] упоминается около 150 симптомов, которые исследователи относят к выгоранию, включая аффективные, когнитивные и мотивационные проявления, а также жалобы на состояние здоровья [5].

В зарубежных исследованиях выгорание обычно трактуют как результат продолжительного профессионального стресса, из-за чего нередко термины «стресс» и «выгорание» используются как взаимозаменяемые [8]. Однако учёные отмечают, что одним лишь стрессом весь синдром выгорания объяснить нельзя.

Е. Эделвич и А. Бродский описывают феномен профессионального выгорания у специалистов «помогающих профессий» как сложный и постепенный процесс разрушения первоначальных иллюзий, связанных с ожиданиями от своей деятельности. На начальном этапе профессиональной карьеры такие специалисты обычно проявляют высокий уровень идеализма, эмоциональной вовлеченности и готовности помогать другим, воспринимая работу как жизненную миссию. Однако в дальнейшем под влиянием постоянного стресса, высокой ответственности и эмоционального напряжения происходит постепенное угасание этих установок. Постепенно снижается ощущение смысла происходящего, появляются ощущения опустошенности, усталости и цинизма в отношении клиентов. По мнению исследователей, тот самый стартовый энтузиазм и внутренние мотивы, служившие движущей силой профессионального развития, со временем превращаются в источник фрустрации и внутреннего конфликта, так как реальность профессиональной деятельности редко соответствует первоначальным ожиданиям и идеалам.

Д. Этзион описывает выгорание как «психологическую эрозию» – процесс длительный, постепенный и во многом скрытый даже от самого человека. Этот процесс не ограничивается отдельными стрессовыми ситуациями или временным переутомлением, а отражает глубокие внутренние изменения, происходящие под воздействием длительного психоэмоционального напряжения. По мнению исследовательницы, профессиональное выгорание развивается тогда, когда личные ресурсы специалиста исчерпываются, а человек продолжает функционировать в условиях постоянных требований, ожиданий и давления. Этзион подчёркивает, что ключевую роль здесь играет рассогласование между индивидуальными особенностями личности – её ценностями, стремлениями, стилем

взаимодействия – и объективными требованиями профессиональной среды. Такое рассогласование выступает хроническим источником внутреннего конфликта, порождает напряжение и чувство неадекватности происходящему. В том же русле К. Маслач и М. Ляйтер рассматривают выгорание как «эрозию души» – утрату внутренней целостности и жизненной энергии, проявляющуюся в изменении эмоциональной сферы, ослаблении волевой регуляции и сдвигах в системе ценностей. Они подчеркивают, что постепенное угасание интереса к работе, апатия и чувство опустошенности являются не просто следствием усталости, а показателями глубокой трансформации личности под воздействием хронического стресса.

Обобщая зарубежные подходы к изучению феномена эмоционального выгорания, исследователи отмечают, что теоретические объяснения причин его возникновения можно условно свести к трём обобщённым группам факторов, каждая из которых отражает определённый аспект жизнедеятельности профессионала.

1. Индивидуально-психологические причины связаны с особенностями личности и её системой ожиданий, установок и мотивации. Специалисты, приходящие в профессию с высокими идеалами, чрезмерным стремлением к совершенству и сильной потребностью в признании, часто сталкиваются с жёсткой реальностью профессионального взаимодействия. Повторяющиеся неудачи, отсутствие ощутимых результатов или благодарности со стороны клиентов приводят к снижению самооценки, чувству бессилия и внутреннему истощению. Постепенно формируется устойчивое разочарование в себе и профессии, которое становится эмоциональным фоном выгорания.

2. Социально-психологические причины отражают особенности межличностных взаимодействий в профессиях типа «человек – человек». Характерной чертой таких сфер является постоянная необходимость поддерживать контакт с большим числом людей, регулируя своё эмоциональное состояние и демонстрируя эмпатию независимо от внутреннего самочувствия. Высокая плотность поверхностных, но энергозатратных коммуникаций вызывает хроническое переутомление, приводит к потере эмпатии и к феномену эмоциональной деперсонализации, когда специалист начинает дистанцироваться от клиентов, утрачивая интерес к их переживаниям.

3. Организационно-психологические причины связаны с особенностями структуры и культуры рабочего пространства. К ним относятся недостаток автономии, чрезмерный контроль со стороны руководства, ролевые противоречия, а также недостаточная поддержка коллег и искажённая обратная связь. Если организационная система не обеспечивает чувство значимости, стабильности и справедливости, специалист начинает воспринимать среду как враждебную. Это способствует усилению фрустрации, снижению вовлечённости и росту эмоциональной усталости.

Таким образом, эмоциональное выгорание формируется на пересечении личностных, социальных и организационных факторов, создающих устойчивую систему напряжения, при которой внутренние ресурсы человека постепенно истощаются.

Б. Бунк и В. Шауфели [7] отметили тесную связь появления выгорания и чувства несправедливости, социальной незащищённости, социально-экономической нестабильности.

К. Маслач [5] рассматривает выгорание как поэтапный процесс, созвучный фазам стресса:

1. **Фаза напряжения** – нарастает тревожность и эмоциональный дискомфорт.
2. **Фаза сопротивления** – человек старается отгораживаться от неприятных переживаний и снижать их влияние.
3. **Фаза истощения** – внутренние ресурсы иссякают из-за малой эффективности защитных попыток.

Д. Гринберг [2] описывает развитие эмоционального выгорания как путь из пяти последовательных этапов:

1. **«Медовый период»** – работа радует, задачи кажутся интересными, но со временем ощущение удовлетворённости начинает тускнеть.
2. **«Иссякающее топливо»** – накапливается утомление, появляются трудности со сном и восстановлением.
3. **«Хронические проявления»** – переработки ведут к истощению, раздражительности и подавленному настроению.
4. **«Кризис»** – снижается работоспособность на фоне проблем со здоровьем; пессимизм и неуверенность отражаются на семейных отношениях.
5. **«Удар о стену»** – соматические и психологические сбои усугубляются, повышая риск серьёзных, потенциально опасных для жизни заболеваний.

По данным К. Маслач [7], симптомы эмоционального выгорания условно делят на три блока:

1. **Физические.** Постоянная усталость и опустошённость, частые головные боли, проблемы с пищеварением, колебания веса (прибавка или потеря), нарушения сна и др.
2. **Поведенческие.** Либо чрезмерно ранние приходы и задержки на работе, либо, наоборот, опоздания и ранние уходы; перенос задач домой; рост употребления алкоголя.
3. **Психологические.** Фоновая тревожность и скука, обида и разочарование, чувство вины и ненужности, вспышки гнева и подозрительность, ощущение всемогущества (контроля над судьбой клиента/пациента), ригидность, трудности с принятием решений, эмоциональное отдаление от клиентов и стремление дистанцироваться от коллег, гипертрофированная ответственность за подопечных, общая пессимистическая настройка на будущее и т.п.

В отечественной науке изучение вопроса выгорания в большей степени является проблемой психологии труда и исследуется начиная с 1980-х гг. При этом одновременно и равноправно используются такие термины, как «профессиональное выгорание», «эмоциональное выгорание» и «психическое выгорание». Первоначально в отечественной психологии появился термин «эмоциональное сгорание», который предложил Т.В. Форманюк [39]. Его использование закономерно потому, что симптом эмоционального истощения является самым первым и основным в данном синдроме и запускает остальные симптомы. Применяя термин «профессиональное выгорание», исследователи подчеркивают, что данный синдром проявляется в профессиональной сфере и связан с отношением человека к работе. Наиболее распространенный в данное время термин «психическое выгорание» акцентирует внимание на том, что выгорание происходит в сфере психического и затрагивает все сферы личности. Хотя использование термина «психическое выгорание» является на данный момент достаточно распространенным, Е.В. Ермакова отмечает, что большинство исследователей считает термин «эмоциональное выгорание» более удачным.

Подытоживая анализ отечественных и зарубежных работ о выгорании, можно сформулировать следующие положения:

1. Эмоциональное выгорание – особый синдром, возникающий в ходе профессиональной деятельности. Он проявляется эмоциональным и физическим истощением, отчуждённостью от окружения, с которым приходится взаимодействовать, утратой профессиональных ориентиров и разочарованием в ранее вынашиваемых планах.
2. Спектр симптомов охватывает изменения на нескольких уровнях: психическом (эмоциональном и когнитивном), поведенческом, физическом и социальном.
3. Причинность носит комплексный характер: на развитие синдрома одновременно влияют индивидуальные особенности человека (внутренние факторы) и условия организации труда (внешние факторы).

При этом наряду со специалистами, склонными к «выгоранию», есть и те, кто демонстрирует устойчивость к нему. Поэтому особое значение приобретает поиск и описание личностных ресурсов, способствующих преодолению синдрома. Ряд исследователей (О.И. Бабаич, Е.И. Гринь, А.Н. Густелева, А.Ю. Василенко, И.Н. Андреева, Е.Л. Носенко, А.И. Чоботарь, О.Б. Элькинбард и др.) выделяют среди таких ресурсов эмоциональный интеллект. Следующий параграф будет посвящён рассмотрению эмоционального интеллекта как психологического феномена.

Проведённый обзор показывает, что эмоциональное выгорание – это многофакторный и поэтапный синдром, формирующийся на стыке индивидуальных особенностей специалиста и организационно-социального контекста труда. Исторически понятие развивалось от описаний «истощения» и «психологической эрозии» до целостных моделей, увязывающих эмоциональное, когнитивное, поведенческое и соматическое измерения. При всей близости к профессиональному стрессу выгорание не сводится к нему: оно имеет собственную динамику (напряжение → сопротивление → истощение), устойчивый кластер симптомов и специфические организационные детерминанты (несоответствие ролей, дефицит контроля и поддержки, искажение обратной связи, переживание несправедливости). Отечественная традиция терминологически разнообразна, однако наиболее продуктивным в исследовательском и практическом отношении остаётся фокус на «эмоциональном выгорании» как ядре синдрома.

Практическая значимость темы состоит в том, что выгорание подрывает профессиональное здоровье и эффективность помогающих специалистов, распространяя негативные эффекты на команды и организации. Следовательно, профилактика и коррекция требуют многоуровневых решений: от личностных стратегий саморегуляции и развития навыков эмоциональной компетентности до изменений в дизайне труда (автономия, справедливая нагрузка, понятные роли, поддерживающая культура, качественная обратная связь). Важна ранняя диагностика не только по выраженным клиническим проявлениям, но и по «мягким» предикторам – угасанию удовлетворённости, росту цинизма, нарушениям сна и восстановления.

Особое место в профилактике и преодолении выгорания занимают личностные ресурсы. Среди них убедительно выделяется эмоциональный интеллект как способность распознавать, понимать и регулировать эмоции – свои и других. Он выступает как буфер между длительным стрессом и истощением, поддерживая адаптивные копинг-стратегии, качество взаимодействия «человек–человек» и устойчивость ценностно-мотивационной сферы. Поэтому дальнейшее рассмотрение эмоционального интеллекта как психологического феномена и ресурса профессионального благополучия представляется логичным и практически значимым шагом.

Библиографические ссылки

1. Водопьянова, Н.Е., Старченкова, Е.С. Психология управления персоналом. Психическое выгорание: учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2017. – 344 с.
2. Водопьянова, Н.Е., Старченкова, Е.С. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практ. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2017. – 343 с.
3. Грабе, М. Синдром выгорания – болезнь нашего времени. Почему люди выгорают и что против этого можно предпринять: пер. с нем. – СПб.: Речь, 2008. – 96 с.
4. Симбирцева, Н.В. Собрание теоретических представлений об эмоциональном интеллекте // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2008. – №3. – С. 54-56.

5. Современные проблемы исследования синдрома выгорания у специалистов коммуникативных профессий: коллективная монография / под ред. В.В. Лукьянова, Н.Е. Водопьяновой, В.Е. Орла, С.А. Подсадного, Л.Н. Юрьевой, С.А. Игумнова – Курск, Курск. гос. ун-т., 2008. – 336 с.

6. Стейн С., Бук Г. Преимущества EQ. Эмоциональный интеллект и ваши успехи. – Днепропетровск: Баланс Бизнес Букс, 2007. – 339 с.

7. Чутко Л.С., Козина Н.В. Синдром эмоционального выгорания. Клинические и психологические аспекты. – 2-е изд. – М.: МЕДпресс-информ, 2014. – 256 с.

8. Langle A. Burnout-Existential meaning and Possibilities of Prevention // European Psychotherapy. 2004. V. 4(1). P. 107-121.

© Боярова О.Я., Ахметишина Э. Н., 2025

РУКОВОДИТЕЛЬ И ПОДЧИНЕННЫЙ: ФАКТОРЫ УВАЖЕНИЯ

А. А. Брасс

доцент, Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: brass1907@mail.ru

В статье рассмотрены проблемы взаимоотношений руководителя и его подчиненных, определены условия, при которых руководитель будет уважаемым человеком со стороны подчиненных, сформулированы предложения по созданию таких условий.

Ключевые слова: руководитель, подчиненный, взаимоотношения, уважение, эмоциональный комфорт, наказание, справедливость.

The article examines the problems of relationships between a manager and his subordinates, defines the conditions under which a manager will be a respected person by subordinates, and formulates proposals for creating such conditions.

Key words: manager, subordinate, relationships, respect, emotional comfort, punishment, justice.

Пожалуй, не будет преувеличением утверждение о том, что потребность в уважении, т.е. в признании личного достоинства человека, ценности его мнений и поступков, в доброжелательном отношении к нему, в оказании ему эмоциональной и деловой поддержки в непростых ситуациях, является весьма значимой для современных людей. Приходя на работу, человек хочет, чтобы его уважали его коллеги, т.е. те, кто находится с ним на одном уровне организационной иерархии, его руководитель и, если человек сам является руководителем, его непосредственные подчиненные. Не боялись, не просто выполняли его поручения по принципу «сделал и ладно, будут замечания – переделаю», не восхищались им публично, особенно в его присутствии, а именно уважали. Но такое отношение не складывается само по себе, лишь только на основе того, что человек является начальником. Следует отметить, что есть руководители, которые убеждены в том, что подчиненные обязаны их уважать т.к. в организационной иерархии они занимают более высокую позицию и имеют более высокий социальный статус. И это может сработать, если подчиненные не ценят себя и видят в руководителе гаранта своей экономической и эмоциональной стабильности. Но в нашем динамичном мире руководитель, в силу самых разных, не зависящих от него причин, не может гарантировать подчиненным их стабильное трудоустройство и, как минимум, не уменьшаемый заработок. Поэтому люди все в большей степени как гарантов своей экономической стабильности рассматривают самих себя, стремясь развивать имеющиеся и приобретать новые компетенции. В результате они все больше ценят себя, личные качества, компетенции и поступки других людей, а не место, занимаемое ими в организации. Поэтому при формировании уважительных отношений с подчиненными руководителю необходимо учитывать следующие моменты.

1. Большинство людей прилагает немало усилий для того, чтобы создать себе некую зону эмоционального комфорта, в которой все, по их мнению, находится в состоянии некоего баланса. В дальнейшем они прикладывают немало интеллектуальных, эмоциональных, а порой и физических сил к тому, чтобы оставаться в ней как можно

дольше. Применительно к работе в организации значимыми компонентами этого комфорта являются:

- обеспеченность человека оборудованием, инструментами и материалами, необходимыми ему для выполнения работы. Если работник вынужден тратить часть своего рабочего времени на поиск нужных ему материалов и инструментов, сталкивается с неисправностью оборудования и вынужден искать наладчиков, то мысль: «Если начальству не нужно, чтобы я нормально работал, то почему это нужно мне?», – возникает практически неизбежно. А если человека еще порицают за то, что он занимается чем-то не тем (например, идет на склад комплектующих за нужными ему заготовками), вместо того, чтобы качественно своевременно делать свою работу, то, во-первых, ни о каком эмоциональном комфорте речи не идет, во-вторых, испытывать уважение к руководству он явно не будет;

- баланс между полномочиями работника и мерой его ответственности. Если его нет, то нет и эмоционального комфорта;

- уважительное отношение к работникам со стороны руководства. При его отсутствии люди, конечно, будут выполнять прямые и конкретные указания начальства, но не более того. А обратного уважения точно не будет. Ведь неуважаемый человек уважать кого-то не способен;

- баланс между временем, усилиями, которые человек вкладывает в выполнение своей работы, и получаемыми за это материальными и нематериальными вознаграждениями. В числе последних наиболее значимыми являются позитивные эмоции. Если человек находит такой, устраивающий его баланс, то работать больше или более интенсивно, тратить дополнительное время ради более высокого заработка он не хочет.

2. Руководитель, исходя из целей организации (подразделения), имеющих у него обязанностей и полномочий, должен постоянно подталкивать подчиненных к повышению производительности, решению новых задач, обещая при этом некоторые дополнительные выплаты. Многим работникам это откровенно не нравится: ведь приходится выходить из сформированной ими зоны комфорта. Тем более, что

- 1) обещания руководителя обычно не очень конкретны;
- 2) исходя из предшествующего опыта, у работников часто формируется убеждение, что дополнительные выплаты не стоят их дополнительных усилий;
- 3) четко поставить задачу перед подчиненными, в силу ее новизны, руководитель не может, а решать не четко поставленную задачу за неясно обещанные вознаграждения не очень хочется.

Все это энтузиазма у подчиненных не вызывает, и их отношения к руководителю не становятся лучше. Поэтому руководитель, заинтересованный в позитивном отношении к нему со стороны подчиненных, должен понимать, что ценность для человека каких-либо благ или действий не измеряется деньгами. Например (взяв из [1]), есть пирожное, которое стоит 2 рубля (здесь и далее цена условная), и яблоко, которое стоит 1 рубль. Следует ли из этого, что пирожное обладает большей ценностью, чем яблоко? Очевидно, нет. Если человек любит сладкое или голоден в настоящий момент, то пирожное для него является более ценным, чем яблоко. Если человеку нравится здоровый образ жизни, то яблоко для него является более ценным, чем пирожное. Т.е. ценность некоего объекта определяется человеком на основе его убеждений, физиологического и психологического состояния в конкретный момент, но не на основе цены объекта. Нечто подобное происходит и при оценке человеком ценности (притягательности для него) совершения им тех или иных действий в организации. Например, руководитель предлагает сотруднику решение двух новых для него задач. Одна интересна человеку и за ее правильное и своевременное решение шеф обещает премию 500 рублей. Другая задача человеку не только совершенно

не интересна, но необходимость ее решения порождает у него негативные эмоции. Но за ее решение шеф обещает 1000 рублей.

Ценность решения первой задачи определяется человеком следующим образом:

Небольшая премия	+	С пользой и интересом проведенное время	+	Рост самоуважения («я сумел решить»)	+	Позитивные эмоции во время и после решения

Т.е. воздействие премии усиливается несколькими позитивными факторами. И премия уже не кажется столь маленькой.

Ценность решения второй задачи определяется человеком несколько иначе:

Приличная премия	-	Время, потраченное на то, что делать совсем не хочется	-	Падение самоуважения («я занимался тем, что мне неприятно»)	-	Негативные эмоции во время и после решения

Т.е. воздействие премии ослабляется негативными факторами. И премия уже не кажется столь значительной.

Поэтому большинство людей предпочтет решать интересную для них задачу, пусть и за меньшее вознаграждение, чем неинтересную за большее.

3. Ни в одной организации дела не могут все время идти идеально. По самым разным причинам случаются просчеты и ошибки, невыполненные (некачественно выполненные) работы. И в таких ситуациях у руководителя есть два пути:

1) не тратя много времени и усилий наказать конкретного исполнителя («стрелочника»), который, по мнению шефа, виноват в произошедшем, т.е. принимая поверхностные, несистемные решения, бороться с последствиями, а не причинами возникающих проблем;

2) найти реальные причины появления проблемы и устранить их, дабы она не возникала в дальнейшем.

Достаточно часто руководители выбирают первый путь и тем или иным образом наказывают подчиненного. Но человек виновным себя не считает и приходит к выводу, что «во всем виноват шеф, но благодаря своей власти он сделал виновным меня и наказал». Причем достаточно часто человек прав. Руководитель не сумел четко поставить задачу, не выделил необходимых ресурсов (например, времени), не учел недостаток компетенций работника или его психо-физиологической усталости. Такое, незаслуженно, по мнению человека, полученное наказание лишь только формирует (поддерживает уже сформировавшееся) негативное отношение к руководителю. Поэтому наказанный подчиненный должен уходить из его кабинета:

во-первых, будучи уверенным в том, что в произошедшем виноват именно он;

во-вторых, согласным с тем, что размер наказания (далеко не обязательно финансовый) адекватен проступку;

в-третьих, зная, что нужно сделать, чтобы исправить допущенную ошибку, если это возможно;

в-четвертых, зная, как правильно поступать в дальнейшем, чтобы не допустить подобных ошибок, и умея так поступать, т.е. называя человека, его нужно учить.

Если хотя бы одно из этих условий не выполняется, то наказание не принесет ожидаемого эффекта – человек не начнет исправляться, а лишь ухудшит свое отношение к руководителю.

Если же руководитель выбирает второй путь, то ему имеет смысл обратиться к идеям Эдвардса Деминга, в честь которого Японский союз ученых и инженеров еще в 1951 году учредил Премию Деминга, которая по сей день считается одной из престижнейших в области развития качества. Эдвардс Деминг утверждал, что [2]

1) 85% проблем организации – это ошибки руководства и только 15% - ошибки непосредственных исполнителей:

2) если руководитель хочет понять суть (причины) проблемы, то он должен сам себе задать пять вопросов «Почему?». Например, директор завода идет по цеху и видит на полу небольшую лужу масла. Конечно, можно наказать рабочего, работающего на конкретном станке, а можно попытаться разобраться в причинах. Для этого и служат пять вопросов:

а) «Почему на полу масло?», – «Потому, что оно вытекает из этого станка»;

б) «Почему оно вытекает из этого станка?», – «Потому, что на станке стоит некачественная прокладка»;

в) «Почему на станке стоит некачественная прокладка», – «Потому, что такие закупает служба снабжения»;

г) «Почему служба снабжения закупает некачественные прокладки», – «Потому, что действующая система премирования ориентирует работников службы на покупку дешевых комплектующих, не обращая внимание на их качество»;

д) «Почему на предприятии действует такая система премирования», – «Потому, что директор ориентирует работников на экономию ресурсов».

И теперь очень легко выстраивается последовательность: неверная стратегическая установка руководства: главное низкая цена закупки, а не качество – неверная система мотивации сотрудников службы снабжения – приобретение некачественных прокладок – лужа масла на полу. И конкретный работник здесь не при чем, и наказывать его смысла не имеет.

Конечно, на вопрос (б) может быть иной ответ: «Потому что работник вовремя не сменил прокладку на станке». Тогда изменятся и последующие вопросы:

в) «Почему работник вовремя не сменил прокладку?», – «Потому что он разгильдяй, не добросовестно относящийся к своим обязанностям»;

г) «Почему у нас на производстве работает разгильдяй?». Здесь ответов может быть множество, но остановимся на двух из них, да и вопросов уже будет больше, чем пять.

Ответ (г1): «Потому что работники службы управления персоналом при приеме на работу анализируют только профессиональные компетенции, но не личные качества кандидатов на вакантные должности»;

д1) «Почему работники службы управления персоналом игнорируют личные качества претендентов?», – «Потому что у них нет ни необходимых компетенций, ни времени. Им приходится выполнять массу бюрократической работы»;

е1) «Почему у нас такая служба управления персоналом?», – «Потому что, во-первых, ее функционал строго определен соответствующим положением, утвержденным директором, а там не прописана необходимость определять личные качества людей при приеме на работу. Во-вторых, объем финансирования ее деятельности, определенный руководством предприятия, не позволяет расширить функционал и пригласить на работу нужных специалистов».

И опять легко выстраивается последовательность: неверная стратегическая установка руководства: служба управления персоналом должна, прежде всего, отбирать

компетентных работников и заниматься грамотным оформлением кадровой документации, чтобы у проверяющих не возникло каких-либо претензий, а личные качества будущих работников мало кому интересны (хотя научить человека можно очень многому, а изменить его личные качества почти невозможно, кого взяли с тем и работаем) – игнорирование личных качеств претендентов при отборе – приход в организацию работников с низкой ответственностью – лужа масла на полу. Конечно, такого работника можно наказать. Но последующее поведение наказанного человека непредсказуемо, что хорошо описано в теории подкреплений [3, стр. 122-127]. Помимо этого, наказание конкретного работника не остановит приток недобросовестных сотрудников в организацию, и вряд ли послужит толчком для исправления уже работающих.

Ответ (г2): «Потому что размер заработка этого работника не позволяет взять на его место более ответственного и, соответственно, более дорогого специалиста»;

д2) «Почему мы не можем платить зарплату, привлекательную для компетентных и ответственных специалистов?», – «Потому что это негативно скажется на себестоимости продукции, продажах и прибыли, которая и так не очень высокая»;

е2) «Почему у нас высокая себестоимость?», – «Потому что наши бизнес-процессы далеки от оптимальных, в них задействовано много людей и они занимают много времени»;

ж2) «Почему у нас такие бизнес-процессы?», – «Потому что никто из руководства не ставил задачи их оптимизации, они такие как сложились».

И снова легко выстраивается последовательность: игнорирование руководством качества и стоимости бизнес-процессов – высокая себестоимость выпускаемой продукции – невозможность предложить компетентным и добросовестным сотрудникам достойную зарплату – приход в организацию работников с низкой ответственностью – лужа масла на полу. О наказании недобросовестных работников написано выше.

4. Согласно теории справедливости [3, стр. 127-131], всем людям свойственно «коллекционировать» недостатки других людей. Наши мозги так устроены, что о людях мы запоминаем плохое, а о событиях – хорошее. Срабатывают, вероятнее всего, защитные механизмы – человеку важно помнить: кто, когда, каким образом его подвел, доставил ему большие или малые неприятности.

Когда человек приходит на работу в организацию и вступает в отношения со своим непосредственным руководителем, то в его подсознании для этих отношений отводится «особая папка». И в нее человек складывает недостатки («черные листочки») своего руководителя. В качестве таковых могут быть отметить:

- игнорирование при принятии решения мнения подчиненного без каких-либо объяснений;
- незаслуженное, по мнению подчиненного его наказание;
- неуважительное отношение к подчиненному (разговор с ним на повышенных тонах);
- отдача распоряжений, смысла которых подчиненный не понимает и оценивает его как некомпетентность руководителя и т.д.

«Папка разбухает», в конце концов «ее тесемочки не выдерживают, папка разрывается» и вместе с ней разрываются отношения подчиненного с руководителем и организацией. Напоследок при прощании подчиненный в лучшем случае говорит шефу все, что он о нем думает. В худшем – обиженный работник при расставании может сотворить для родной организации некий сюрприз. Например, испортить оборудование, на котором он работает. Причем неисправность проявит себя через несколько дней или недель после его ухода, и предъявить ему формальные претензии будет невозможно. Или удалить из информационной базы организации некоторые собственные наработки. Или

сообщить в контролирующие органы о существующих, по мнению человека, нарушениях. Проверка их не подтвердит, но «нервы руководству попортит». Такие случаи не единичны.

Единственный способ сделать такую «папку» не переполняемой – говорить другому человеку, в том числе руководителю, о его недостатках. Недостаток, о котором сказано, из «папки» изымается и куда-то «улетает». Подтверждение этого можно найти, наблюдая за поведением людей в организации. Есть сотрудники, которые периодически достаточно громко возмущаются тем, что происходит в организации, и некомпетентностью, по их мнению, руководителя. Они утверждают, что всем давно пора увольняться. Но такие сотрудники не увольняются практически никогда: они покричали, «папку почистили» и дальше спокойно работают. Другие никогда ничем вслух не возмущаются и производят впечатление всем довольных людей. Но наступает некий «взрыв» и человек уходит из организации. Поэтому руководитель, ценящий взаимоотношения с подчиненными, желающий чувствовать уважение с их стороны, должен периодически разговаривать с ними, позволяя им говорить о его недостатках или ошибках, не опасаясь за последствия своих откровений. Как отмечал Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко при рассмотрении кадровых вопросов 13 октября текущего года, обращаясь к назначаемым руководителям: «Не отпихивайтесь, не отбрыкивайтесь от людей, ... для нашего человека важно порой с ним встретиться и поговорить. Не надо себя чувствовать на голову выше обычных людей.» [4].

Таким образом, руководитель, желающий быть уважаемым и ценным подчиненными должен:

- 1) сам уважительно относиться к подчиненным;
- 2) вынуждая подчиненных покидать созданную ими зону эмоционального комфорта, показывать им новую зону комфорта и путь, двигаясь по которому они смогут к ней прийти;
- 3) знать профессиональные интересы своих подчиненных и ставя перед ними новые задачи стараться сделать так, чтобы они этим интересам соответствовали;
- 4) сталкиваясь с проблемами искать их системные причины, а не стараться наказывать тех, кто оказался рядом с проблемами;
- 5) ценить позитивные взаимоотношения с подчиненными, позволяя им высказывать какие-либо претензии в свой адрес.

Библиографические ссылки

1. Ключарев, В. А. Нейроэкономика. Как наш мозг принимает решения? / В. А. Ключарев // YouTube – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=5uuCPjSLPZw> (дата обращения: 3.10.2024).
2. Деминг, Э. Выход из кризиса. Новая парадигма управления людьми, системами и процессами / Э. Деминг. – М.: Альпина Паблишер, 2022. – 416 с.
3. Брасс, А. А. Менеджмент : пособие / А. А. Брасс, Н. И. Климкович. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2023. – 438 с.
4. Рассмотрение кадровых вопросов // Официальный сайт Президента Республики Беларусь – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/rassmotrenie-kadrovyyh-voprosov-1760346139> (дата обращения: 3.10.2024).

© Брасс, А.А., 2025

КОРРЕКЦИЯ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПЕДАГОГА

Е. А. Бобкова

студентка 5 курса,
«Томский государственный
педагогический университет»,
г. Томск, Россия
E-mail: Bobkova.katena@inbox.ru

Н. В. Байгулова

канд. пед. наук., доцент, доцент, ТГПУ, г. Томск, Россия
E-mail: baigulovanv@tspu.ru

В статье рассматривается коррекция, как одно из ключевых направлений деятельности социального педагога. Проводится теоретический анализ понятия детско-родительских отношений, выделяются основные факторы, влияющие на их формирование, и рассматриваются различные подходы к коррекции, разных авторов. Особое внимание уделяется роли социального педагога в диагностике проблем и разработке индивидуальных программ коррекционных мероприятий.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, социальный педагог, коррекция, семейное воспитание, поведенческие проблемы, теория привязанности, системный подход.

The article discusses the problem of correcting parent-child relationships as one of the key areas of work for a social educator. It provides a theoretical analysis of the concept of parent-child relationships, identifies the main factors that influence their formation, and examines various approaches to correction based on well-known literary sources. Special attention is given to the role of a social educator in diagnosing problems and developing individualized correction programs.

Key words: parent-child relationships, social teacher, correction, family education, behavioral problems, attachment theory, and a systemic approach.

Институт семьи является фундаментальной основой развития личности ребёнка и его успешной социализации. Детско-родительские отношения, формирующиеся внутри семьи, оказывают определяющее влияние на эмоциональное благополучие, когнитивное развитие и поведенческие паттерны ребёнка. Однако, в силу различных социальных, экономических и психологических факторов, детско-родительские отношения нередко подвергаются деформации, что приводит к возникновению у детей эмоциональных трудностей, нарушений поведения и проблем в социальной адаптации. В этих условиях роль социального педагога, способного выявлять дисфункциональные паттерны в детско-родительских отношениях и осуществлять их коррекцию, приобретает особое значение. Данная статья посвящена анализу теоретических основ и практических перспектив коррекции детско-родительских отношений в деятельности социального педагога, опирающемуся на известные литературные источники.

Детско-родительские отношения – это сложная динамическая система общения и взаимосвязей между родителем и ребёнком, определяющая особенности формирования личности ребенка и его социальную адаптацию. Формирование этих отношений происходит под влиянием множества факторов, включая: индивидуальные особенности

родителей: личностные характеристики, ценности, установки, стиль воспитания. Например, авторитарный стиль воспитания может привести к формированию у ребёнка низкой самооценки и тревожности. Индивидуальные особенности ребёнка: темперамент, характер, потребности, возраст. Несоответствие потребностей ребёнка ожиданиям родителей может привести к конфликтам и нарушениям привязанности. Социально-экономические факторы: уровень дохода, жилищные условия, образование родителей. Социальное неблагополучие семьи может негативно сказываться на качестве детско-родительских отношений, приводя к повышенной конфликтности и эмоциональным состоянием ребёнка. Культурные факторы: традиции, ценности, нормы, принятые в обществе. Культурные различия могут приводить к непониманию между родителями и детьми, особенно в контексте миграции и глобализации [1, с. 887 - 907].

Существуют основные компоненты детско-родительских отношений такие, как: эмоциональный аспект (любовь, привязанность, забота, доверие, принятие, а также страх, гнев, отвержение). Поведенческий аспект (способы взаимодействия, стиль воспитания, правила и ограничения, совместная деятельность, общение). Когнитивный аспект (представления родителей о ребёнке, его возможностях, ожидания, а также представления ребенка о родителях, их роли и значимости). Социальный аспект (влияние семьи на социальную адаптацию ребенка, формирование его социальных навыков, приобщение к общественным нормам и ценностям). Значение детско-родительских отношений для развития ребенка - психологическое благополучие: чувство безопасности, уверенности в себе, самооценка, эмоциональная стабильность. Когнитивное развитие: формирование речи, мышления, познавательных способностей, мотивации к обучению. Социальное развитие: навыки общения, эмпатия, умение строить отношения, соблюдать социальные нормы. Нравственное развитие: формирование ценностных ориентаций, моральных принципов, ответственности.

Нарушения в детско-родительских отношениях могут возникать по множеству причин, как внутренних, так и внешних. Важно понимать, что зачастую эти причины взаимосвязаны и создают комплекс проблем. Основные категории причин дисгармонии: личностные особенности родителей (низкая самооценка, неуверенность в себе, тревожность; недостаточный уровень родительской компетентности, отсутствие знаний о возрастных особенностях детей и методах воспитания; наличие собственных нерешенных психологических проблем, травм, перенесённых в детстве; ригидность мышления, нежелание принимать изменения и адаптироваться; неумение управлять собственными эмоциями, склонность к агрессии или пассивности). Существуют особенности ребенка: трудности в адаптации, гиперактивность, импульсивность, задержки развития; хронические заболевания, требующие особого ухода и внимания; эмоциональные и поведенческие проблемы, возникающие в результате стресса или травм. Некоторые семейные факторы: супружеские конфликты, напряжённые отношения между родителями; недостаток времени, проводимого семьёй, отсутствие совместной деятельности; нарушение ролевых функций в семье (например, гиперопека, авторитарность, попустительство); социально-экономические трудности (бедность, безработица, жилищные проблемы); наличие в семье других стрессовых факторов (болезнь близких, переезд, потеря); недостаточная поддержка со стороны расширенной семьи и общества. Социальные и культурные факторы: влияние негативных примеров из СМИ, интернета; давление со стороны общества, стереотипы воспитания; изменения в семейных ценностях и нормах.

Различные теоретические подходы предлагают свои модели понимания детско-родительских отношений. Теория привязанности (Джон Боулби и Мэри Мейн): подчёркивает важность формирования надёжной привязанности между ребёнком и родителем для обеспечения эмоциональной безопасности и здорового развития ребёнка.

Нарушения привязанности могут приводить к тревожности, избеганию, депрессии и другим психологическим проблемам. Социально-когнитивная теория (Альберт Бандура): акцентирует роль социального научения и моделирования в формировании детско-родительских отношений. Дети учатся взаимодействовать с родителями, наблюдая за их поведением и подражая им. Системный подход (Карл Людвиг фон Берталанфи): рассматривает семью как систему взаимосвязанных элементов, где изменения в одном элементе влияют на все остальные. Дисфункциональные паттерны в детско-родительских отношениях рассматриваются как проявление нарушений в функционировании всей семейной системы [2, с. 56].

Дисфункциональные детско-родительские отношения могут проявляться в различных формах, оказывая негативное влияние на психоэмоциональное состояние и поведение ребёнка. К наиболее распространенным проблемам относятся: нарушения привязанности: небезопасная, тревожная или избегающая привязанность. Конфликты и агрессия: частые ссоры, крики, физическое насилие. Недостаток эмоциональной поддержки: отсутствие понимания, сочувствия, признания потребностей ребёнка. Гиперопека или гипопека: чрезмерный контроль или отсутствие внимания к потребностям ребёнка. Коммуникативные барьеры: трудности в общении, отсутствие открытого диалога. Эти проблемы могут проявляться в самых разных формах: от детских страхов, тревожности и депрессии до агрессивного поведения, делинквентности и суицидальных попыток [3, с. 37].

Социальный педагог играет ключевую роль в выявлении, диагностике и коррекции дисфункциональных детско-родительских отношений. Его деятельность включает в себя несколько этапов: диагностика – выявление проблем и определение причин их возникновения. Используются различные методы: наблюдение, беседа, анкетирование, тестирование, анализ документации. Разработка коррекционной программы: на основе результатов диагностики составляется индивидуальный план коррекционных мероприятий, учитывающий особенности ребенка и семьи. Реализация коррекционной программы: проведение индивидуальных и групповых консультаций, тренингов, семинаров для детей и родителей. Оценка эффективности: мониторинг результатов коррекционной работы и внесение необходимых корректировок.

Эффективность работы социального педагога во многом зависит от владения разнообразными методами и технологиями, позволяющими достичь поставленных целей. Индивидуальное консультирование: эмпатическое слушание – активное слушание, проявление понимания и принятия чувств клиента; прояснение и рефлексия – помощь клиенту в осознании своих чувств, мыслей и поведенческих паттернов; переформулирование – изменение негативной формулировки проблемы на более нейтральную или позитивную; постановка целей – совместная разработка реалистичных и достижимых целей; предоставление информации – объяснение закономерностей развития, возрастных особенностей, эффективных методов воспитания. Индивидуальная работа с ребенком: игротерапия (использование игры для установления контакта, снятия напряжения, проработки страхов, развития социальных навыков), арт-терапия (рисование, лепка, коллажирование для самовыражения, исследования эмоций), сказкотерапия (создание и обсуждение сказок для проработки проблем и поиска решений), песочная терапия (использование песочницы для создания образов, символизирующих внутренний мир ребенка и его отношения).

При выборе методов коррекции социальным педагогом необходимо учитывать теоретические подходы к пониманию детско-родительских отношений и адаптировать стратегии к конкретным потребностям семьи. Работа с привязанностью: создание безопасной и поддерживающей среды для формирования надёжной привязанности является ключевым. Это может включать: индивидуальные консультации для родителей:

ориентированы на развитие чувствительности к потребностям ребёнка, распознавание сигналов дистресса и обучение техникам успокоения. Используются элементы теории привязанности для понимания влияния ранних взаимоотношений на текущее поведение. Групповые тренинги для родителей «В кругу безопасности»: формат круга позволяет создать доверительную атмосферу для обмена опытом и поддержки. Темы тренингов: распознавание потребностей ребёнка, установление границ с любовью, восстановление после разрывов привязанности. Формы тренинга: семейные тренинги (тренинг эффективного общения: Обучение активному слушанию, выражению чувств, формированию позитивных посланий). Тренинг разрешения конфликтов (обучение техникам переговоров, компромисса, поиска взаимоприемлемых решений). Тренинг родительской эффективности (развитие навыков позитивного подкрепления, установления границ, управления поведением ребенка). Тренинг эмоционального интеллекта (развитие способности распознавать, понимать и управлять эмоциями (своими и чужими). Игровая терапия для детей с нарушениями привязанности (создание безопасного пространства для выражения эмоций и переживаний, связанных с травматичным опытом).

Семейная терапия: работа с семьёй как с системой, направленная на изменение дисфункциональных паттернов взаимодействия и улучшение коммуникации. Структурная семейная терапия: нацелена на переструктурирование границ и иерархии в семье. Помогает родителям занять более авторитетную позицию и наладить чёткую систему правил. Коммуникативная семейная терапия: улучшение навыков общения между членами семьи. Особое внимание уделяется активному слушанию, выражению эмоций и конструктивному разрешению конфликтов. Медиация: в роли нейтрального посредника социальный педагог помогает семье найти взаимоприемлемые решения в конфликтных ситуациях.

Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ): изменение негативных мыслей и установок, лежащих в основе дисфункциональных отношений. КПТ для родителей: работа с родительскими убеждениями и автоматическими мыслями, вызывающими негативные эмоции и поведение (например, «Я плохой родитель», «Ребёнок делает это назло»). Обучение техникам саморегуляции и управления стрессом: актуально для родителей, страдающих от депрессии, тревожности или выгорания. «Дневник мыслей»: ведение дневника, помогающего родителям осознать связь между мыслями, чувствами и поведением в конкретных ситуациях. Развитие социальных навыков: обучение детей и родителей эффективным способам общения, решения конфликтов и регуляции эмоций. Тренинги ассертивности: обучение родителей и детей выражать свои потребности и границы уважительным способом. Ролевые игры и моделирование: практика навыков общения и разрешения конфликтов в безопасной обстановке. Профилактические тренинги для подростков и родителей: направлены на укрепление взаимопонимания и предотвращение конфликтов в переходном возрасте. Например, тренинг «Эффективное общение с подростком».

Рассмотрим некоторые примеры, представленные из психолого-педагогической литературе, иллюстрирующих возможности коррекции детско-родительских отношений. В книге Вирджинии Сатир «Как строить себя и свою семью» описываются различные техники коррекции, направленные на улучшение взаимопонимания между членами семьи. Социальный педагог может использовать эти техники в тренингах для родителей, обучая их активному слушанию, эмпатии и эффективному выражению своих чувств. В книге Аарона Бека «Когнитивная терапия и эмоциональные расстройства» предлагаются методы изменения негативных мыслей и установок, которые могут влиять на детско-родительские отношения. Социальный педагог может использовать эти методы в индивидуальных консультациях с родителями, помогая им переосмыслить свои представления о ребёнке и наладить более здоровые отношения. В работах Джона Боулби, посвящённых теории

привязанности, подчёркивается важность создания безопасной и поддерживающей среды для формирования надёжной привязанности. Социальный педагог может организовывать группы поддержки для матерей, находящихся в трудной жизненной ситуации, помогая им развивать чувствительность к потребностям своих детей и формировать надёжные привязанности.

Формы работы социального педагога с родителями, предложенные выше, разнообразны и их варианты могут быть различными, так как напрямую зависят от контингента семей и специфики образовательного учреждения. Существуют основные категории родителей, с которыми нужно проводить работу по коррекции детско-родительских отношений:

1. Семьи, в которых дети стоят на учёте в отделе по делам несовершеннолетних (как правило, наиболее частой причиной постановки на учёт может служить распитие несовершеннолетними спиртных напитков). Здесь большую роль играет не только взаимодействие с родителями на родительских собраниях, но и индивидуальные консультации с ними, при возникновении необходимости – посещение семьи на дому совместно с инспектором по делам несовершеннолетних (КДН).

2. Семьи, в которых дети находятся на внутришкольном контроле (в основном, основная причина постановки на внутришкольный контроль – систематические пропуски учебных занятий без уважительной причины, неуспеваемость. При работе с данной категорией семей необходимо постоянное взаимодействие с родителями, проведение психологических, педагогических лекториев, оказание консультативной помощи.

3. Многодетные семьи. Как правило, дети из многодетных семей не получают достаточного внимания и участия со стороны родителей, поэтому здесь, целесообразно проводить консультации, организовывать мероприятия, в которых дети и родители принимают участие совместно, при необходимости - оказывать социальную помощь.

4. Родители – опекуны. Дети в данных семьях зачастую не могут установить тёплых, доверительных отношений с опекунами, отсюда – семейные, социальные, межличностные проблемы. При работе социального педагога с опекунами необходимо проводить консультативную помощь, лектории, направленные на просвещение в области воспитания, психологии, педагогического взаимодействия.

Работа с семьёй требует от социального педагога проявление психологического такта, эмпатии, терпение, но тем не менее со временем приносит результаты: снижение количества учащихся (родителей), состоящих на учёте комиссии по делам несовершеннолетних (КДН); снижение количества учащихся (родителей) состоящих на внутришкольном контроле; увеличение количества родителей, желающих выходить на контакт со школой, (увеличение количества обращений – по журналу консультаций); снижение случаев жестокого обращения родителей с детьми. Важно отметить, что социальный педагог должен обладать гибкостью, уметь подбирать методы и технологии в соответствии с конкретной ситуацией, индивидуальными особенностями семьи и ребенка, а также постоянно повышать свою квалификацию.

Коррекция детско-родительских отношений является одним из наиболее актуальных и значимых направлений деятельности социального педагога. Этот процесс требует от специалиста глубокого понимания психологии семьи, владения разнообразными методиками и технологиями, а также высокой степени эмпатии и профессиональной ответственности. Социальный педагог, выступая в роли диагноста, просветителя, консультанта, коррекционного специалиста и координатора, призван оказывать комплексную поддержку семьям, способствуя формированию гармоничных детско-родительских отношений. Эффективная работа в данном направлении не только способствует благополучию отдельных семей, но и имеет важное социальное значение, поскольку здоровые семейные отношения являются фундаментом для формирования

гармонично развитой личности и стабильного общества. Инвестиции в развитие системной поддержки и повышения квалификации социальных педагогов, работающих с детско-родительскими отношениями, являются инвестициями в будущее наших детей и страны в целом. Развитие эффективных программ коррекции и профилактики, основанных на современных научных достижениях и практическом опыте, позволит снизить количество семейных конфликтов, предотвратить социальное сиротство и создать условия для полноценного развития каждого ребенка.

Библиографические ссылки

1. Бауманди, Д. Типы родительского воспитания / Д. Бауманди // Child Development. – 1991. – № 3(2). – С. 887-907. – Текст: непосредственный.
2. Минухин, С. Семьи и семейная терапия / С. Минухин. – Москва: Независимая фирма "Класс", 1974. – Текст: непосредственный.
3. Эйдемиллер, Э.Г. Семейная психотерапия / Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис. – Санкт-Петербург: Питер, 1999. – Текст: непосредственный.

© Байгулова Н.В., Бобкова Е.А., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ СПЕЦИАЛИСТА ПО ТАРГЕТИРОВАННОЙ РЕКЛАМЕ

Г.Р. Васильевский

магистрант 1 курса

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: goshencium@yandex.ru

С.Ю. Пискорская

профессор,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: piskorskaya1@rambler.ru

В статье рассматриваются уровни психологического воздействия рекламы на потребителя. Анализируется влияние психологических компетенций таргетолога на эффективность рекламных кампаний. В заключение подчеркивается важность интеграции психологических знаний в практику специалиста по таргетированной рекламе.

Ключевые слова: психологические условия, таргетолог, уровни воздействия, потребительское поведение, персонализированная реклама, рекламные сообщения.

The article examines the levels of psychological impact that advertising exerts on consumers and analyzes how a target manager's psychological competencies influence the effectiveness of advertising campaigns. It concludes by emphasizing the importance of integrating psychological knowledge into the practice of targeted advertising specialists.

Keywords: psychological conditions, target manager, levels of impact, consumer behavior, personalized advertising, advertising messages.

В современной цифровой экономике таргетированная реклама занимает важное место в системе маркетинговых коммуникаций. Однако успех рекламных кампаний определяется не столько технологическими возможностями платформ, сколько профессиональной компетентностью специалистов, разрабатывающих и внедряющих стратегии цифрового маркетинга. Ключевым фактором, влияющим на результативность работы таргетолога, является глубокое понимание психологических механизмов потребительского поведения.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что таргетированная реклама, будучи одним из наиболее результативных инструментов digital-продвижения, требует от специалиста не только технических навыков работы с рекламными платформами, но и психологических компетенций, позволяющих прогнозировать поведение целевой аудитории и влиять на их действия в цифровом пространстве. Профессиональные результаты таргетолога напрямую коррелируют с его способностью анализировать психологические процессы, лежащие в основе потребительских решений. Недостаток таких знаний приводит к низкой конверсии кампаний, неоптимальному использованию бюджета и, как следствие, к неэффективности всей стратегии маркетинговых коммуникаций.

Целью данной статьи является комплексный анализ того, как понимание психологических механизмов потребительского поведения влияет на профессиональные

результаты специалиста по таргетированной рекламе, а также выявление ключевых психологических условий, необходимых для достижения высокой эффективности в этой сфере деятельности.

В первую очередь специалист по таргетированной рекламе, нацеленный на высокий результат своей работы, должен четко различать уровни психологического воздействия рекламной информации, а также легко в них ориентироваться. Всего существует три таких уровня: когнитивный, эмоциональный и поведенческий.

Когнитивный компонент является первым и определяющим уровнем взаимодействия потребителя с рекламным сообщением. Этот процесс предполагает анализ того, как человек воспринимает, обрабатывает и запоминает информацию, представленную в рекламных объявлениях. Для специалиста по таргетированной рекламе критически важно понимать, что когнитивное восприятие связано с рациональной стороной человеческого мышления, направленной на осознание и понимание сути предложения.

В процессе создания рекламной кампании специалист должен учитывать несколько ключевых аспектов когнитивного восприятия. Первый аспект – это привлечение внимания и обработка информации. Реклама, нацеленная на когнитивный компонент, фокусируется на фактах, цифрах и выгодах, которые интересны потребителю. Она должна быть четкой, структурированной и запоминающейся, чтобы помочь человеку быстро обработать информацию в условиях информационной перегрузки. Современный потребитель ежедневно подвергается воздействию сотен рекламных сообщений, и таргетолог должен создавать контент, способный пробиться через этот информационный шум.

Второй аспект связан с формированием знаний о продукте. Через когнитивный компонент реклама помогает потребителям понять особенности товара или услуги – его преимущества, функциональность и способы применения. Для таргетолога это означает необходимость глубокого изучения продукта и способности трансформировать техническую информацию в доступные и убедительные аргументы. Это особенно важно для товаров и услуг, которые требуют осознанного выбора и рационального обоснования.

Третий аспект – это рациональное обоснование выбора или убеждение [5]. Четкие аргументы и логические доводы усиливают доверие к бренду и помогают потребителю обосновать свое решение о покупке. Демонстрация эффективности продукта, исследования, сравнения с конкурентами – все это служит когнитивному компоненту восприятия. Профессиональный таргетолог должен уметь отбирать и структурировать информацию таким образом, чтобы она максимально поддерживала логику потребительского решения.

Один из самых мощных психологических приемов на когнитивном уровне воздействия, который успешные таргетологи активно используют в своей работе, – это механизм социального доказательства. Люди склонны доверять выбору большинства, особенно если это выбор представляют люди, похожие на них самих или занимающие авторитетную позицию в обществе.

Социальное доказательство проявляется в различных формах таргетированной рекламы: отзывы пользователей, количество скачиваний или покупок («10 000 человек уже скачали»), рейтинги, примеры использования продукта влиятельными личностями, кейсы крупных компаний, которые используют продукт. Все эти элементы служат одной цели – убедить потребителя в том, что его выбор в пользу данного товара или услуги будет правильным, потому что так думают и действуют другие.

В контексте социальных сетей механизм социального доказательства усиливается через системы лайков, комментариев, репостов и другие формы социального взаимодействия. Алгоритмы платформ способствуют приоритетному распространению контента, получившего высокий уровень социального одобрения, что порождает самоподдерживающийся цикл: рост популярности стимулирует дальнейшую виральность.

Таргетолог, осознающий эту динамику, способен более эффективно проектировать и оптимизировать рекламные кампании в социальных сетях.

Однако следует отметить важный парадокс, который часто упускают начинающие специалисты: когнитивный компонент редко работает в изоляции. Рациональные аргументы в большей мере служат для обоснования уже принятого на эмоциональном уровне решения. Таргетолог, понимающий эту психологическую особенность, более эффективен в своей работе, так как правильно расставляет акценты в рекламном сообщении.

Если когнитивный компонент обеспечивает рациональное обоснование, то эмоциональный компонент (аффект) является подлинным двигателем потребительского решения. Психология потребления демонстрирует, что потребительские решения редко основаны исключительно на рациональной выгоде; напротив, они в значительной степени определяются эмоциональной близостью к продукту или бренду. Именно эмоции формируют мотивы и цели потребительского поведения, побуждая людей выбирать те товары или услуги, которые вызывают желаемые чувства, ассоциации и субъективные ощущения [6].

Эмоциональное воздействие рекламы работает на уровне подсознания, создавая яркие впечатления, которые запоминаются намного лучше, чем сухие факты. Для специалиста по таргетированной рекламе понимание эмоциональных триггеров целевой аудитории является ключевой компетенцией. Радость, удивление, ностальгия, сочувствие, чувство принадлежности – все эти эмоции используются как для создания глубокой эмоциональной связи с брендом, так и для побуждения к принятию решения о покупке, что напрямую отвечает целям клиентов, если речь идет о коммерческих фирмах.

В этом контексте критически важный и довольно универсальный с точки зрения возможных ниш для применения психологический механизм, который является неотъемлемой частью профессионального арсенала таргетолога, – это принцип дефицита и создание ощущения срочности. Человеческий мозг реагирует быстрее, когда товар или предложение ограничены по времени или количеству. Это психологическое явление глубоко укоренено в человеческой природе и восходит к эволюционным механизмам выживания. В древние времена, когда ресурсы были ограничены, быстрое принятие решения часто означало выживание – иными словами, такое человеческое поведение можно охарактеризовать как импульсивные действия под воздействием страха. Современный маркетинг активно использует эту негативную эмоцию в своих целях, создавая искусственное ощущение дефицита в рамках стратегии FOMO (от англ. «fear of missing out» - страх упустить выгоду) [3].

Примеры использования принципа дефицита в таргетированной рекламе многочисленны: «Предложение ограничено!», «Товар заканчивается!», «Только 5 мест осталось», «Только до конца недели». Пользователи, на которых успешно действует такая реклама, зачастую приобретают товары и услуги, которые им на самом деле не нужны. Главная задача специалиста – органичное использование подобных приемов, поскольку злоупотребление данными фразами если и не оттолкнет аудиторию, то рано или поздно лишит объявления ожидаемого эффекта.

Прежде чем перейти к заключительному уровню воздействия, стоит уточнить, что таргетолог должен уметь идентифицировать и анализировать эмоциональные потребности различных сегментов аудитории. Не все представители целевой аудитории мотивируются одинаково: если одна группа потребителей ценит, к примеру, чувство безопасности и надежности, то другая стремится к самовыражению и признанию. Глубокое понимание таких различий позволяет создавать персонализированные сообщения, которые резонируют с эмоциональным состоянием каждого сегмента.

Третий уровень рекламного воздействия – поведенческий (конативный). Он заключается в проблемах мотивации и потребностей, а также в осознанном и неосознанном поведении [1]. На этом уровне формируются как осознанные, так и неосознанные поведенческие реакции, обусловленные удовлетворением потребностей и стремлением к достижению определённой цели. В рамках теорий убеждения и принятия решений (например, модели AIDA) именно конативный компонент отвечает за переход от намерения к конкретному поведению, включая покупку, рекомендацию или взаимодействие с брендом. Этот уровень интегрирует когнитивные установки и аффективные реакции, трансформируя их в целенаправленные действия.

Как раз на стыке когнитивного, эмоционального и поведенческого находятся различные сенсорные модальности. Сначала активируется когнитивный аспект, при котором индивид получает сенсорную информацию посредством органов чувств; вслед за этим включается эмоциональная компонента, в рамках которой мозг интерпретирует сенсорные данные и трансформирует их в эмоциональный отклик, который, в свою очередь, приводит к принятию решения о покупке. Существует целое направление «сенсорный маркетинг» – это совокупность приемов, которые воздействуют на органы чувств потребителя с целью стимулирования эмоциональных и поведенческих реакций [2]. Визуальные образы, аудиальные триггеры (мелодии, голосовые характеристики), цветовые решения – все это активирует эмоциональные центры мозга потребителя, формируя у него яркие впечатления, которые становятся драйвером для решения о покупке. Квалифицированный таргетолог должен сотрудничать с креативными специалистами, направляя их работу с учетом понимания сенсорных технологий.

С точки зрения компетенций специалиста по таргету в данном аспекте важно располагать актуальными исследованиями поведенческих особенностей целевых аудиторий, что позволит корректно учитывать соответствующие нюансы для повышения эффективности рекламных объявлений.

В контексте актуальности данных нельзя не уделить внимание персонализированным рекламным сообщениям, являющимся неотъемлемым преимуществом таргетированной рекламы. Современные технологии сбора данных, связанные во многом с развитием искусственного интеллекта, позволяют аккумулировать обширную информацию о пользователях социальных сетей и иных цифровых платформ. На основе этих сведений компании могут разрабатывать индивидуализированные и персонализированные предложения в диджитал-среде, адаптированные к характеристикам конкретных потребителей, а специалист по таргетированной рекламе, в свою очередь, – создавать и публиковать релевантный контент, соответствующий потребностям, интересам и поведению каждого сегмента аудитории.

Необходимость персонализации рекламных сообщений обусловлена стремительным развитием цифровых технологий, приведшим к значительному росту информационного шума и, соответственно, перенасыщению маркетинговой среды [4]. В современных реалиях люди более благосклонны к контенту, который кажется им специально созданным для них лично. Персонализированные рекламные объявления формируют ощущение внимания и заботы со стороны бренда, что способствует укреплению эмоциональной вовлечённости и повышению лояльности. Таргетолог, учитывающий специфические характеристики целевой аудитории при конструировании рекламных сообщений, достигает существенно более высоких показателей конверсии.

Персонализация может осуществляться на различных уровнях – от базового использования имени пользователя в заголовке рекламного объявления до формирования полностью индивидуализированных предложений, основанных на истории взаимодействия потребителя с брендом. Квалифицированный специалист по таргетированной рекламе должен обладать навыками работы с потребительскими

данными, уметь анализировать поведенческие паттерны и разрабатывать сегментированные кампании, адаптированные к специфике потребностей каждого выделенного сегмента аудитории.

Эффективность подобной персонализации напрямую зависит от качества и глубины анализа целевой аудитории, что определяет первую и наиболее важную функцию таргетолога. Такой анализ не должен ограничиваться исключительно демографическими характеристиками – такими как возраст, пол или географическое расположение. Необходимо всестороннее изучение психологического профиля аудитории, включая:

- мотивы и потребности, движущие потребительским поведением;
- ценности и установки, формирующие предпочтения в выборе товаров и услуг;
- эмоциональное состояние и психологические триггеры, способные повлиять на решение о покупке;
- уровень рационализма и эмоциональности в принятии решений;
- социальное влияние и групповые нормы, которые формируют поведение потребителя.

Специалист, обладающий глубоким пониманием психологии своей целевой аудитории, может создавать гораздо более эффективные рекламные кампании, потому что его сообщения непосредственно обращаются к реальным мотивам и потребностям людей, а не к предполагаемым или стереотипизированным представлениям о них.

Вторая ключевая компетенция таргетолога – это способность разрабатывать или направлять разработку творческих концепций объявлений на основе психологических инсайтов. Для таргетолога важно умение коммуницировать со специалистами по дизайну и копирайтингу, объясняя им психологические особенности аудитории, которые должны быть воплощены в креативе.

Под указанными особенностями понимается следующее: подбор цветовой палитры, способной вызывать целевые эмоциональные реакции и психолого-ассоциативные связи; формулировка текстов, сочетающая рациональные аргументы с воздействием на эмоциональные триггеры; отбор визуальных образов, резонирующих с ценностями и идентичностью целевой аудитории; структурирование информации в соответствии с психологическими закономерностями восприятия и распределения внимания. Опытный таргетолог понимает, что эффективный креатив – это не просто привлекательное изображение или остроумный текст, это результат применения научных знаний о психологии потребительского поведения.

Третий неотъемлемый навык специалиста по таргету – это умение оптимизировать рекламные кампании на основе анализа психологических факторов. После запуска кампании таргетолог должен отслеживать количественные показатели (CTR, стоимость клика, стоимость целевого действия) и на их основе оценивать реакцию аудитории на объявления, в том числе определять как аспекты, которые требуют доработки, так и сильные стороны объявлений.

Основная цель любого специалиста по таргетированной рекламе – это как можно более эффективное использование рекламного бюджета и снижение стоимости целевого действия (CPA). Таргетолог, который понимает психологию целевой аудитории, может более точно определить, какие сегменты аудитории с наибольшей вероятностью совершат покупку, и сосредоточить на них основную часть бюджета. Глубокое понимание психологических характеристик потребителей позволяет избежать траты ресурсов на показ рекламы людям, которые вряд ли совершат покупку. Вместо этого специалист по таргету может выделить бюджет на показ объявлений наиболее перспективным сегментам аудитории, где вероятность конверсии наиболее высока.

Следует особо подчеркнуть, что таргетолог, применяющий психологические знания для установления эмоциональной связи между потребителем и брендом, способствует формированию устойчивой лояльности. Это, в свою очередь, приводит не к разовой покупке, а к долгосрочному вовлечению потребителя как постоянного клиента бренда. Формирование лояльности обусловлено комплексным подходом, в рамках которого рекламные кампании, разработанные с учётом психологических характеристик целевой аудитории, играют центральную роль. Осознание потребителем того, что бренд адекватно воспринимает его потребности и признаёт его индивидуальность, способствует возникновению эмоциональной привязанности, которая нередко трансформируется в устойчивые, долгосрочные отношения между потребителем и брендом.

Психологические условия эффективности работы специалиста по таргетированной рекламе не ограничиваются знанием психологических механизмов потребительского поведения. Это комплекс компетенций, включающих в себя глубокое понимание когнитивных и эмоциональных процессов, лежащих в основе потребительских решений; умение применять психологические инсайты для разработки эффективных рекламных стратегий; навыки анализа целевой аудитории через психологическую призму.

В заключение необходимо сказать, что таргетолог, обладающий вышеуказанными компетенциями, выходит за рамки создания эффективных рекламных кампаний: он формирует коммуникации, которые действительно отвечают на потребительские запросы и обеспечивают позитивный опыт взаимодействия с брендом. Такой специалист воспринимает потребителя не как пассивный объект маркетингового воздействия, а как личность со своими уникальными потребностями, ценностями и эмоциональными состояниями, заслуживающими уважения и эмпатии.

Осознанное применение знаний о психологических механизмах потребительского поведения напрямую отражается на профессиональных результатах: оно способствует повышению конверсии рекламных кампаний, более рациональному распределению бюджета, укреплению долгосрочной лояльности к бренду, а также формированию репутации специалиста как компетентного и ориентированного на клиента профессионала. В условиях растущей рыночной конкуренции именно психологическая компетентность становится ключевым дифференцирующим фактором высококвалифицированного таргетолога.

Поэтому развитие психологических навыков должно рассматриваться как неотъемлемый элемент профессионального роста специалистов по таргетированной рекламе. Такой подход позволяет обеспечить не только оперативную эффективность кампаний, но и устойчивый, долгосрочный успех бренда в условиях динамично меняющейся рыночной среды и постоянно эволюционирующих ожиданий потребителей.

Библиографические ссылки

1. Казиева, Н. Н. Особенности восприятия рекламы целевой аудиторией / Научный журнал, 2018. – №1 (24). Текст: непосредственный.
2. Княжевский, И. И. Сенсорный маркетинг и его инновационные преимущества / Прикладные экономические исследования, 2024. – №S2. Текст: непосредственный.
3. Костин, К. Б., Мамедова, Л. Э., Ленская, В. А. Влияние рекламы на формирование эмоционального потребительского спроса / КЭ, 2024. – №6. Текст: непосредственный.
4. Мищенко, Е. В., Левченко, К. В., Широкова, Я. А., Казарян, С. А., Акчурина, Д. Р. Психология потребителей и AI: как технологии изменяют подходы к сегментации и таргетированию / Прикладные экономические исследования, 2025. – №2. Текст: непосредственный.

5. Ребрикова, Н. В., Шальнова, О. А. Реклама как сложный психологический механизм влияния на формирование потребительских стереотипов и установок / ЭПП, 2025. – №6. Текст: непосредственный.

6. Татаринов, К. А. Нейромаркетинг: как эмоции влияют на решения о покупке / Практический маркетинг, 2025. – №1. Текст: непосредственный.

© Василовский Г.Р., Пискорская С.Ю., 2025

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ СИСТЕМНЫХ СЕМЕЙНЫХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ РАССТАНОВОК

В. П. Величко

магистрант 1 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

E-mail: verakrasnoyarsk@mail.ru

В. В. Богданов

доцент, СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия,

директор ООО «Управление качеством жизни», г. Красноярск, Россия

E-mail: ww.bogdanov@gmail.com

В статье рассматривается актуальность и сферы применения современных системных методов, таких, как семейные, организационные и бизнес-расстановки при работе помогающих специалистов с запросами, связанными с профессиональной деятельностью и системами предприятий.

Ключевые слова: системные расстановки, организационные расстановки, расстановки предприятий, бизнес-расстановки, система предприятия, семейные расстановки.

The article examines the relevance and areas of application of modern systemic methods – such as family, organizational, and business constellations – in the work of helping professionals dealing with requests related to professional activities and enterprise systems.

Key words: systemic constellations, organizational constellations, enterprise constellations, business constellations, enterprise system, family constellations.

В современном мире с его ускорившимся темпом, комплексными процессами, новыми технологиями всё большее значение для специалистов, работающих в сфере менеджмента и управления, HR, коучинга, психологического и бизнес-консультирования, приобретают инструменты работы, направленные на важные аспекты профессиональной деятельности. Это: применение инновационных методов [22, с. 1; 7, с. 1-14; 18, с. 3], повышение эффективности рабочих процессов, создание экологичного внутреннего пространства организации, благоприятного психологического климата, адаптация к изменениям, готовность к переосмыслению привычных подходов, развитие человеческого капитала (поддержка профессионального роста, раскрытие потенциала работников) [23, с. 2-3], усиление вовлечённости и лояльности (прозрачные коммуникации, участие сотрудников в принятии решений, признание достижений, согласование личных целей с целями организации), формирование устойчивой корпоративной культуры, профилактика выгорания [6, с. 5-6], системное управление изменениями [22, с. 2]. Таким образом, современные инструменты специалистов, работающих в этих областях, должны быть сфокусированы не только на эффективности бизнес-процессов, но и на человекоцентричном подходе, чтобы помогать организациям оставаться конкурентоспособными, а сотрудникам – сохранять ресурсное состояние и смысл в работе даже в эпоху постоянных трансформаций.

В связи с актуальностью данной темы наше внимание привлекло направление системной работы, называемое системными расстановками, которые могут быть

выполнены для систем разных типов и сложности с целью улучшения их функционирования и решения широкого круга задач [2; 5; 11; 20; 17; 22; 15; 26; 27]. Применительно к организациям данная работа носит название: организационные расстановки, расстановки предприятий или бизнес-расстановки.

В данной статье мы ставим **целью** рассмотрение возможностей системных расстановок как современного системного метода при работе с запросами, связанными с профессиональной деятельностью.

Задачи, решаемые в данной работе:

- проанализировать литературу: книги и научные статьи отечественных и зарубежных авторов,
- выявить различия и сходства семейных и организационных систем, а также расстановочных методов для данных систем,
- описать сферы применения системных расстановок в профессиональной области.

В нашей работе были применены следующие **методы исследования**: контент-анализ и обобщение литературы о расстановках и сферах их применения в профессиональной деятельности, сравнительный анализ семейных и организационных систем и особенностей расстановок для работы с ними.

За последние десятилетия о семейных расстановках написано очень много книг. Назовём имена нескольких авторов, ставших классиками данного направления психотерапии, на труды которых мы во многом опирались при написании нашей статьи.

Это Берт Хеллингер (1925-2019), который считается основателем «немецкой» традиции, называемой «Системные расстановки по методу Берта Хеллингера» [1, с. 76]. Гунтхард Вебер, который развил и систематизировал подход Б. Хеллингера, применив его к области организационных расстановок [17, с. 9]. Идрис Лаор (1953-2020) – основатель «французской» традиции: «Расстановки по методу Идриса Лаора» или «эвфонические репрезентации» [1, с. 77]. Инза Шпарер и Маттиас Варга фон Кибед, разработали метод «системных структурных расстановок», который представляет собой распространение метода семейной расстановки на другие контексты [5, с. 319].

Проведённый нами анализ литературы показывает глубину и разносторонность проработки системно-феноменологического подхода и метода системных расстановок исследователями-классиками, а также живой интерес современных авторов, стремящихся изучать их и внедрять в самые разнообразные сферы профессиональной деятельности.

Сходства и различия семейных и организационных систем

В начале дадим определение системы. Система – это совокупность элементов, соединённых устойчивыми связями [1, с. 42]. В семейной системе это члены семьи, объединённые кровными узами, в организации – сотрудники, члены коллектива, входящие в неё на основании тех или иных условий, закреплённых в контракте, договоре, правилах и т.д. Идрис Лаор в книге «Скрытая сторона семейных расстановок», подчёркивая сходство систем, говорит: «Любая система (семья, профессиональная, социальная среда) представляет собой силовое поле, или макам, внутри которого мы живём и развиваемся» [13, с. 83].

Все системы имеют следующие общие черты [1, с. 42-62; 19, с. 15-18]:

- состоят из совокупности связанных между собой элементов;
- имеют внешнюю границу и внутреннюю среду, отделяя свои элементы от элементов других систем;
- состоят из систем меньшего порядка и входят в системы большего порядка (принцип вложенности);
- имеют эмерджентные свойства – новые свойства, отсутствующие у составляющих их элементов;

- сила системы в связях между её элементами, а не в силе отдельных элементов системы;
- обладают памятью («Род, семья и предприятие включают память людей, которые составляют систему, и обладают своей собственной памятью» [8, с. 17, 19; 1, с. 61]);
- наличие повторяющихся паттернов [19, с. 18]
- происходящее с одним членом системы, воздействует на все части системы [24, с. 2].

М.В. Трофимова, говоря о системном подходе, называет следующие общие для систем характеристики: целостность, структурность, иерархичность, взаимозависимость системы и среды, множественность описаний [24, с. 3].

Я.Я. Стам и Б. Хогенбом в книге «В потоке против течения. Системное лидерство», отдавая дань открытию Берта Хеллингера, пишут ещё об одном важном общем механизме, действующем в системах. «Исследуя отношения между людьми, Хеллингер сделал своё самое важное открытие – три механизма выживания, которые действуют в семьях, организациях и обществе. Хеллингер назвал эти механизмы «три совести» [19, с. 35]. Единичная (или индивидуальная) совесть служит выживанию индивидуума в группе, а также выживанию единицы (отдела, организации, страны) внутри большей единицы. Системная (или коллективная) совесть имеет цель обеспечить выживание семьи, организации или другой системы, часто принося в жертву индивидуумов. Эволюционная (или духовная) совесть возвышается над единичной и системной. Она способна разрушать их или даже уничтожить [19, с. 35-44; 10, с. 56-63].

Отдельно отметим, что, говоря об общих принципах (или законах) систем, рассматривают высшие и низшие принципы. К высшим относятся: принцип принадлежности (с подпринципами не-исключения и равенства принадлежности), старшинства (или ранга, иерархии) и принцип баланса (или равнозначных уравновешенных отношений). К низшим принципам, которые актуальны в большей степени для организационных систем, относят: принцип вовлечённости, двойной иерархии (официальная и иерархия влияния), принцип результата (необходимость его признания), компетенции, индивидуальной реализации и принцип внешних влияний. Эти принципы должны соблюдаться по порядку, не ставя низшие принципы впереди высших. Иначе, это вносит сильный дисбаланс в систему. Нарушение одного из высших принципов ведёт к разрушению системы или серьёзной ране, которую тяжело будет исправить, и которая будет распространяться во времени [12, с. 13; 13, с. 98-104; 10, с. 150-156; 17, с. 65-69].

И всё же при наличии общих свойств, есть и различия. Результат нашего анализа источников и осмысления нашего опыта практической работы с системами для большей наглядности мы представили в таблице 1.

Таблица 1 – Различия семейных и организационных систем (систем предприятий)

Семейные системы (родовые)	Организационные системы
Вход: зачатие. Условие нахождения: генетика (кровь) [12, с. 129; 14, с. 23]. Выйти нельзя.	Вход: условия вхождения, приём. Условие нахождения: соблюдение правил системы, членство, принятие функции [17, с. 65]. Можно выйти (несколько похоже на брак).
Основа: кровно-родственные связи, эмоциональные привязанности [11, с. 9].	Основа: контрактные отношения, функциональные связи [5, с. 333].
Цели: продолжение жизни, сохранение целостности через связи, иерархии, баланса, любовь, эволюция [24, с. 2-3].	Цели: Помимо сохранения себя служит цели, для которой её создали (достижение бизнес-результатов, прибыль, рыночная

	конкуренция) [19, с. 174, 183, 208].
Время: долгосрочная перспектива (несколько поколений), память о предках. Не имеет стадий развития, бесконечна [11, с. 10].	Время: краткосрочная/ среднесрочная перспектива (финансовые периоды, проекты). Имеет этапы или стадии развития, конечна.
Действуют только высшие принципы (законы) систем [10, с.150-156].	Действуют высшие и низшие (младшие) принципы систем [10, с.150-156].
Человек включён полностью.	Человек включён частично, функционально [19, с. 170].
Структура: иерархическая (поколения) [24, с. 3], но гибкая; роли определяются традициями и индивидуальными особенностями.	Структура: формализованная (должностные инструкции, иерархия), но подвержена изменениям.
Действует одна иерархия – старшинство, нельзя изменить уровень иерархии.	Действуют одновременно 4 иерархии (порядка), можно изменить уровень иерархии [19, с.49].
Правила: негласные, основанные на традициях, устоях, обычаях, табу, неосознаваемых лояльностях [24, с. 3].	Правила: регламентированные (устав, политика компании), прозрачные для участников.
Принадлежность важнее иерархии.	Иерархия важнее принадлежности.
Не имеет подсистем – целостная система, включающая всех членов семьи, рода (в качестве подсистемы может рассматриваться человек) [24, с. 2].	Имеет подсистемы (отделы, подразделения, филиалы, команды, процессы и т.д.).
Динамики спускаются на младших (слабых).	Динамики спускаются на подсистемы, продукты.
Нет требований к эффективности, она – в самом существовании.	Эффективность – одна из ключевых характеристик предприятия.
Важен только контекст рода (семьи).	Бизнес- и семейный контекст могут смешиваться [5, с. 344].
Слабо зависит от больших систем.	Сильно зависит от больших систем (города, региона, системы отрасли, государства).

Так, мы видим, что семейные и организационные системы имеют свои специфические особенности, которые обуславливают также и особенности применения к ним расстановочных техник.

Сходства и различия семейных и организационных расстановок

Семейные и организационные расстановки имеют и много общих черт, так как базируются на единой методологической основе и следуют схожей логике работы.

1. Системный подход: обе методики рассматривают систему как взаимосвязанный комплекс элементов, где изменение одного звена влияет на всю структуру [13, с. 67; 24, с. 2].

2. Принцип замещающего восприятия: в обоих случаях используются «заместители» или «представители». Через их телесные ощущения и интуитивные реакции выявляется скрытая динамика системы [17, с. 7].

3. Структура расстановки: оба формата следуют единому алгоритму:

- предварительное интервью (формулировка запроса);
- диагностика ситуации через расстановку;
- поиск и тестирование «хорошего решения»;

• заключительное обсуждение результатов или короткая обратная связь [1, с. 189; 2, с. 5-13; 5, с. 104-139; 14, с. 16-28; 17, с. 21, 83, 92].

4. Роль расстановщика:

- создаёт безопасное пространство;
- направляет процесс, следуя за феноменами в поле;
- помогает клиенту увидеть системные закономерности;
- обеспечивает экологичность вмешательства и конфиденциальность [1, с. 155-161; 10, с. 172-185; 13, с. 117-123; 5, с. 375-384].

1. Цель – ясность и разрешение. Итогом обеих методик становятся: понимание глубинных причин проблемы, осознание скрытых связей и динамик, действующих в системе, нахождение ресурса для изменений [2, с. 15; 5, с. 331; 13, с. 14-18].

2. Работа с «полевыми» процессами: оба типа расстановок опираются на концепцию морфогенетического поля, в котором информация проявляется через заместителей [1, с. 69, 85; 13, с. 34-61; 10, с. 80-96].

3. Важность этических принципов в обоих форматах: конфиденциальность; уважение к границам участников; недопустимость директивных советов; акцент на самостоятельном принятии решений клиентом [10, с. 172-185].

4. Ограничения метода в обоих вариантах:

- не заменяют профессиональную психотерапию или управленческий консалтинг;
- не дают гарантий мгновенного результата;
- требуют готовности клиента к осознанию неудобных истин и собственной ответственности за результат [6, с. 5; 19, с. 189].

1. Фокус на отношениях: в обоих типах расстановках существенны человеческие отношения (между членами семьи, сотрудниками, партнёрами, клиентами). Одинаково важны законы принадлежности, иерархии и баланса [12, с. 13; 13, с. 98-104; 10, с. 150-156; 17, с. 65-69].

2. Гибкость формата: обе методики адаптируются под конкретный запрос:

- могут проводиться индивидуально или в группе;
- допускают вариативность в выборе элементов для расстановки;
- сочетают интуитивный и аналитический подходы [5, с. 167-186; 17, с. 81-82].

Выявленные различия семейных и организационных расстановок мы представили в таблице 2.

Таблица 2 – Различия семейных и организационных расстановок (расстановок предприятий)

Семейные расстановки	Организационные расстановки
Фокус: нарушения системных законов, выявление динамик, неосознаваемых лояльностей, травмы поколений [26, с. 12-13]	Фокус: структурные конфликты, неэффективные коммуникации, блоки в реализации стратегии и др. [17, с. 19].
Участники: заместители членов семьи.	Участники: заместители или реальные сотрудники [17, с. 21, 73], роли (директор, клиент, процесс), абстрактные элементы (прибыль, риск, цель)
Особенности процесса: - вход в работу через представителя семьи; - акцент на телесных ощущениях и эмоциях; - работа с замещающим или репрезентативным восприятием [17, с. 7; 13,	Особенности процесса: - вход в работу определяется рангом в системе (вход через ответственного). Более высокий уровень работе не подлежит. - ориентация на бизнес-показатели и

с. 67-71] (феномен, при котором заместители ощущают чувства реальных членов системы); - использование метафор и ритуалов (например, поклон, разотождествление, расставание с чужим «грузом», возвращение собственной силы) [2, с. 4, 14; 5, с. 143-149, 362].	процессы; - анализ ролей и их взаимосвязей через пространственное расположение; - моделирование сценариев изменений (например, «как будет выглядеть система после слияния?»); - интеграция с инструментами менеджмента [17, с. 71-79].
Цель: восстановление целостности (включение исключённых, потерянных, забытых), освобождение от «переплетений», восстановление иерархии и баланса в семейной системе [2, с. 15; 13, с. 14-18]. Основной эффект – изменение бессознательного – терапия.	Цель: оптимизация работы организации, разрешение конфликтов, поддержка трансформаций, тестирование бизнес-идей и мн. др. [5, с. 331]. Основной эффект – проявление скрытого (имплицитного) знания систем – получение информации, подбор вариантов. Прямой терапевтический эффект описан только для малых предприятий.
Длительность: чаще единичные сессии, краткосрочная терапия [5, с. 55].	Длительность: серия сессий, часто в рамках консалтингового проекта [5, с. 69-70].
Язык описания: эмоциональный. Важны изменения на бессознательном уровне. Поэтому их не обсуждают.	Язык описания: рациональный. Эффект нужно «приземлить» через совещания, изменения структуры, приказы, регламенты.
Критерии успеха: субъективное ощущение облегчения, улучшения состояния/ситуации [2, с. 16].	Критерии успеха: измеримые показатели (рост продаж, увеличение прибыли, снижение текучести и т.д.).
Этические рамки: конфиденциальность личной истории [14, с. 17].	Этические рамки: соблюдение корпоративной этики и NDA (соглашение о неразглашении конфиденциальной информации).

Таким образом, мы видим, что рассматриваемые типы расстановок имеют множество общих подходов. А их специфические особенности позволяют наиболее точно и эффективно использовать каждый инструмент на своём месте.

Сферы применения системных расстановок в профессиональной деятельности

Резюмируя изученный материал, можно представить следующие сферы применения системных расстановок в профессиональной области.

1. Психотерапия и психологическое консультирование, психокоррекционная работа: работа с личными и семейными проблемами, повторяющимися неудачами и сценариями в жизни клиента [5, с. 187-217; 25, с. 1-7].
2. Интервизионная [9, с. 1-14] и супервизионная работа [5, с. 289].
3. Управление и менеджмент: разрешение конфликтов в коллективах, преодоление организационных кризисов, поддержка принятия управленческих решений, оптимизация бизнес-процессов [2, с. 17-18; 7, с. 4-5; 15, с. 166-167; 22, с. 2-4; 23, с. 2-3],
4. Организационное консультирование и бизнес-коучинг: анализ скрытых динамик в организациях и подразделениях; конфликты [18, с. 3], не объяснимые рационально; «застревающие» бизнес-процессы; неосознаваемые лояльности и альянсы; наследие прежних руководителей/этапов развития компании.

5. Социальная работа и помощь уязвимым группам: работа с семьями в кризисе, приёмными семьями (опекунами, усыновителями и усыновленными), с работниками детских домов, социальных, патронатных служб, людьми с опытом травматичной миграции или лишения родительских прав, где важны межпоколенческие связи и лояльности [5, с. 256-277; 6, с. 5].

6. Образование и педагогическая практика [5, с. 363; 6, с. 5]: понимание неосознаваемых связей в ученических группах; анализ системных причин «трудного поведения» ребёнка в контексте семьи и школы; профилактика выгорания педагогов через осознание системных нагрузок.

7. Медицина и психосоматика [5, с. 220-255]. В рамках интегративного подхода: исследование связи хронических заболеваний с семейными историями и неосознаваемыми лояльностями (например, повторение сценариев болезни в роду). «Любой «симптом», будь то психические или соматические проблемы, рассматривается, как симптом семейной системы. Этот вид расстановок особенно хорошо показал себя в работе с зависимостями (особенно с игроманией или интернет-зависимостью), при нарушениях пищевого поведения (булимия, анорексия), в решении проблем «переходного возраста», а также в случаях страхов, нарушений сна и ряда заболеваний. Метод заменой медицинскому лечению не является, тем не менее, эффективные результаты взаимодополняющего сотрудничества врачей и расстановщиков в этой области сомнения не вызывают» [6, с. 5].

8. Юридическая психология и медиация: семейные споры (раздел имущества, опека); наследственные конфликты; медиация в сложных межличностных конфликтах [18, с. 3].

9. Работа с травмами и кризисами: последствия чрезвычайных ситуаций, войн, катастроф, геноцидов (работа с коллективной травмой), утрата, сиротство, исчезновение близких и др. [3, с. 1-27; 16, с. 145-146].

10. Исследовательская деятельность. В рамках психологии и антропологии: изучение межпоколенческой передачи опыта, культурных паттернов [2, с. 18].

Авторы не претендуют на полноту данного списка областей применения. Хотя он составлен на основе синтеза большого числа материалов, тем не менее, системные расстановки ещё ждут новых исследований, чтобы раскрыть весь свой потенциал.

Обзор литературы отечественных и зарубежных авторов, исследующих возможности системных расстановок, показывает большой интерес современных исследователей к данному методу и его практическому применению для широкого спектра задач, возникающих в профессиональной деятельности.

Сравнительный анализ семейных и организационных систем позволил выделить и обобщить ряд сходств и отличий между системой семьи и системой предприятий, которые могут быть использованы как для применения в методе расстановок, так и в других психологических и терапевтических методах, направленных на коррекцию и оптимизацию производственных задач в сфере психологии и управления. Анализ специфики расстановочной работы с системами семьи и предприятия также определил общие черты и основные различия в применении метода расстановок семьи и предприятий.

Выявлены и описаны разнообразные сферы применения системных расстановок в профессиональной области. Являясь уникальным и, в то же время, универсальным методом, системные расстановки позволяют работать с максимально широким спектром задач, возникающих при осуществлении профессиональной деятельности у работников различных рангов: от рядовых сотрудников до владельцев бизнеса.

Библиографические ссылки

1. Богданов, В. В. Основы системных техник. Часть 1. [Б.м.]: Издательские решения, 2025. – 224 с.
2. Бурняшев, М. Г. Системно-феноменологическая психотерапия и клиент-центрированные расстановки® / М. Г. Бурняшев // Методология современной психологии. – 2025. – № 27. – С. 6-24. – EDN SDDIKN.
3. Бурняшев, М. Системно-феноменологическая психотерапия и клиент-центрированные расстановки при работе с травмой / М. Бурняшев, К. Писаревский // Методология современной психологии. – 2025. – № 27. – С. 24-49. – EDN ZQKACU
4. Вебер Г. Два рода счастья. – М.: Институт консультирования и системных решений, 2020. – 352 с.
5. Вебер Г. Практика семейной расстановки. Системные решения по Берту Хеллингеру. – М.: Институт консультирования и системных решений, 2020. – 436 с.
6. Захарова, Л. М. Презентация метода системных семейных расстановок по Б.Хеллингеру, как перспективного направления научных исследований и практического применения в различных профессиональных сферах / Л. М. Захарова // Форум Серия: Современное состояние и тенденции развития гуманитарных и экономических наук. – 2012. – № 1. – С. 187-195. – EDN UVFUVH.
7. Керимова, О. А. Системные организационные расстановки как пример инновационной технологии поиска и принятия решений в туристской деятельности / О. А. Керимова // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. – 2012. – № 1. – С. 368-373. – EDN SGXJUN.
8. Клименко А. В. Эгоидология. Концепция интеллектуальной природы. Эгоидная теория самоорганизации природы. Основы естественного интеллекта. 2021. URL: <http://egokreyt.ru/data/uploads/Egoidologiya-5.1.4.pdf> (дата обращения: 27.09.2022).
9. Кригер, Е. Э. Группы интервизии для помогающих практиков, использующих системно-феноменологический подход / Е. Э. Кригер, Е. В. Бахадова // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. – 2020. – № 1. – С. 40-53. – DOI 10.28995/2073-6398-2020-1-40-53. – EDN NOQVKL.
10. Лаор И. Выйти из того, что нас заточает. – М.: Свободный Университет Samadeva, 2025. – 192 с.
11. Лаор И. Межпоколенческие и системные техники по методу Идриса Лаора. – М.: Свободный Университет Samadeva, 2020. – 191 с.
12. Лаор И. Семья происхождения. Актуальная семья. Семейные расстановки. – М.: Свободный Университет Samadeva, 2023. – 250 с.
13. Лаор И. Скрытая сторона семейных расстановок. – М.: «Onebook.ru», 2017. – 136 с.
14. Лаор И. Суть профессии расстановщика. – М.: Свободный Университет Samadeva, 2018. – 30 с.
15. Панычик, А. В. Бизнес-расстановки - эффективный способ диагностики и решения финансовых проблем / А. В. Панычик // Инфраструктура рынка: проблемы и перспективы: Ученые записки. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет "РИНХ", 2024. – С. 165-170. – EDN SXMIXA.
16. Поднебесная, Е. Б. Работа с внутренним образом травмирующего события методом расстановок / Е. Б. Поднебесная // Научное мнение. – 2025. – № 4. – С. 144-147. – DOI 10.25807/22224378_2025_4_144. – EDN RSVFME.
17. Росселе К., Сенонер Г. В поисках смысла...: Системные расстановки в контексте менеджмента. – М.: Институт консультирования и системных решений, 2011. – 176 с.

18. Сичко, Н. Н. Инновационные методы управления конфликтами в производственной деятельности / Н. Н. Сичко, Е. А. Шумаева // Экономика и социум. – 2016. – № 2(21). – С. 838-842. – EDN VXBMRF.
19. Стам Я.Я., Хогенбом Б. В потоке против течения. Системное лидерство. – М.: Системная книга, 2024. – 228 с.
20. Стам Я.Я. Поля профессиональных взаимоотношений. Практика организационных расстановок. – М.: Институт консультирования и системных решений, 2009. – 136 с.
21. Стасенков Ю.А. Системные управленческие решения в организациях и организационных расстановках: Учебное пособие. – М.: Экон-Информ, 2009. – 96 с.
22. Стасенков, Ю. А., Использование системных организационных расстановок для диагностики управленческих решений / Ю. А. Стасенков // Наука и образование в современном мире. – 2015. – № 3(3). – С. 13-16. – EDN VBOZXF.
23. Сухарева, В. П. Процесс управления человеческим капиталом в интересах инновационного развития экономики / В. П. Сухарева // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. – 2013. – № 5. – С. 136-139. – EDN RERQKP.
24. Трофимова, М. В. Семья и семейные отношения в психологии и психотерапии с позиции системного подхода / М. В. Трофимова // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные проблемы развития регионов Сибири. – 2013. – Т. 1. – С. 44-50. – EDN SVNNDL.
25. Хаванова, И. С. Применение метода системных расстановок в психокоррекционной работе с сотрудниками / И. С. Хаванова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2012. – № 12(127). – С. 26-32. – EDN PWTEVN.
26. Хеллингер Б. Порядки любви. – СПб: Издательский дом «Питер», 2025. – 384 с.
27. Хеллингер Б. Успех в жизни, успех в профессии. – Киев: Hellinger Publications, 2012. – 86 с.

© Величко В.П., Богданов В.В., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЖАРА

Л. А. Веремейчик

профессор, Белорусский национальный технический университет,

БНТУ, г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: larisa120651@mail.ru

В. В. Делец

студент 2 курса,

БНТУ, г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: vica28092006@mail.ru

К. М. Захаренко

студент 2 курса,

БНТУ, г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: ksenik160280@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы о психологии поведения человека в условиях пожара. Представлены особенности поведения различных категорий людей. Отмечены примеры воздействия чрезвычайных ситуаций на психическое состояние людей.

Ключевые слова: чрезвычайные ситуации, пожары, поведение человека, психологические реакции.

The article discusses the psychology of human behavior in a fire. The features of behavior of various categories of people are presented. Examples of the impact of emergencies on people's mental state have been noted.

Key words: emergencies, fires, human behavior, psychological reactions.

Особенности современного мира заключаются в развитии быстрыми темпами технического прогресса, что положительно сказывается на качестве жизни населения. Все события в нем происходят бурно, масштабы происходящих перемен поистине грандиозны, что вынуждает изучать динамику природных и социальных явлений, проводить эксперименты и анализировать полученные результаты, на основании которых разрабатываются новые технологии, принимаются оптимальные приемы поведения. К сожалению, современный мир достаточно нестабилен, не все события ограничиваются позитивным исходом, вызывая необходимость населения приспосабливаться и адаптироваться к ним. Таковы реалии современного мира, который становится все более динамичным, непредсказуемым и опасным. Это оказывает влияние на особенности психики и сознания современного общества, вызывает тревогу у населения.

К наиболее опасным и вредным техногенным воздействиям на человека относится пожар. Пожар – неконтролируемый процесс горения, который может произойти в результате таких факторов, как неосторожное обращение с огнем, короткое замыкание или химические реакции. Он несёт угрозу жизни, уничтожает всё на своём пути, оставляя за собой разрушения. Пожар возникает в результате физико-химического процесса – экзотермической реакции с интенсивным выделением тепла [1].

Пожары всегда были и остаются страшным бедствием. Наиболее опасны среди них бытовые пожары, которые зачастую приводят к человеческим жертвам. Именно в них пострадавшие получают сильнейшие ожоги и травмы, остаются без крова и средств к существованию.

В Республике Беларусь пожар считается одной из самых распространенных чрезвычайных ситуаций, среднее число пожаров за сутки составляет 16 случаев. Число пожаров за 2024 г. составило около 2500, а число жертв 270 человек, 6 из них были несовершеннолетними. Самыми распространёнными причинами пожара являются неаккуратное обращение с огнем, брошенные окурки и неправильное использование электроприборов [7].

По данным МЧС Республики Беларусь, в течение 2025 г. наблюдается рост количества пожаров на 7,7 %, и на 10,6 % увеличилось количество погибших в них людей [2].

Возгорания происходят по причине человеческого и природного фактора. Одним из ключевых психологических факторов, определяющих реакцию на пожар, является уровень восприятия опасности. Люди склонны воспринимать риск пожара индивидуально, основываясь на своем опыте, уровне информированности и личностных особенностях. Восприятие угрозы зависит от ряда переменных, таких как близость очага возгорания, доступность информации о состоянии чрезвычайной ситуации и наличие эффективных мер защиты. Страх перед возможным ущербом здоровью, имуществу и благополучию близких создает эмоциональное напряжение, которое проявляется в форме тревоги, беспокойства и страха. Постоянное ощущение неопределенности и отсутствие контроля над ситуацией приводят к развитию тревожных расстройств, депрессии и стрессов. Столкновение с последствиями пожара также вызывает сильный стресс, который отражается на физическом и психическом здоровье пострадавших. Среди наиболее распространенных реакций выделяют бессонницу, раздражительность, чувство беспомощности и повышенную утомляемость. Краткосрочные реакции часто сменяются долгосрочными изменениями поведения, такими как агрессия, апатия или повышенная чувствительность к внешним стимулам.

Выделяется несколько стадий реакции человека в чрезвычайной ситуации:

1 – Стадия витальных реакций. Данная стадия может длиться от нескольких секунд до нескольких минут. В период данной стадии человек действует инстинктивно, старается обеспечить себе выживание различными способами, как правило, пытается спастись бегством либо же спрятаться в безопасном месте. В данный период контроль над сознанием ослаблен, человеком движет потребность сохранить жизнь, его поведение в период данной стадии может характеризоваться оцепенением, снижением чувствительности, а также неспособностью адекватно оценивать риски.

2 – Стадия сверхмобилизации. Наступает после предыдущей стадии и длится, как правило, от трех до 5 часов. В этот период все ресурсы человека направлены на выживание, он способен проявить несвойственную для него в повседневной жизни силу, ловкость и бесстрашие. Люди вновь становятся способными коммуницировать между собой, что приводит к взаимопомощи. В данный период все ещё может возникать паника. Сознание человека в данный момент направлено на выживание, он может фокусироваться на самых важных и значимых деталях. Время в данный период может восприниматься искаженно.

3 – Стадия демобилизации. Как правило, она длится до трех суток. В данный период человек начинает приходить в себя после чрезвычайной ситуации. Для людей в этот период характерно снижение активности и истощение ресурсов организма. Человек может ощущать упадок сил, подавленное настроение. Это период психологического восстановления после чрезвычайных ситуаций. Иногда людям в данный период требуется помощь специалистов [5].

Во время чрезвычайных ситуаций важно учитывать тот факт, что человек в них попадает не один. Массовая паника может привести к принятию неправильных решений, а, следовательно, и к различным травмам вплоть до летального исхода. В период паники

каждый человек в толпе ставит свое выживание превыше всего, люди зачастую становятся агрессивными. На действия человека может влиять настроение всей группы. Поэтому так важно учитывать фактор толпы. Поведение человека внутри группы во время чрезвычайных ситуаций можно разделить на два вида:

- эгоистичное, либо же антиобщественное, человек действует эгоистично, обобщенно от толпы;
- организованное, люди действуют сообща, помогают друг другу и не поддаются панике [6].

В чрезвычайных ситуациях важно взаимодействовать друг с другом, оказывать взаимную помощь и поддержку. Важно общаться с другими пострадавшими, обсуждать текущие проблемы. Это может положительно сказаться на психоэмоциональном состоянии человека.

На поведение человека во время чрезвычайных ситуаций может повлиять его тип темперамента. Так, например, для холериков характерна быстрая и бурная реакция, нетерпеливость и несдержанность, вспыльчивость и склонность к конфликтам, повышенный эмоциональный фон. Сангвиникам характерны быстрые и обдуманные действия. Флегматики неспособны быстро реагировать, однако для них характерна высокая работоспособность и способность противостоять сильным и продолжительным раздражителям. Для меланхоликов характерна повышенная утомляемость и чувствительность даже к слабым раздражителям [4].

На поведение человека влияют черты характера, выделяется четыре группы черт характера, влияющих на поведение человека:

- первая группа – социальные навыки человека, способность к коммуникации, общее отношение человека к коллективу;
- вторая группа – черты, характеризующие отношение человека к труду, например, лень или же наоборот трудолюбие, инициативность или пассивность;
- третья группа – отношение человека к самому себе, сюда можно отнести такие черты как эгоизм, завышенное самомнение, самокритичность, скромность;
- четвертая группа – отношение человека к вещам - аккуратность или неряшливость [4].

Таким образом, характер и темперамент человека напрямую влияют на его поведение. Например, замкнутым и малообщительным людям приходится тяжелее, так как они не способны разделить так называемое «общее горе» с другими пострадавшими. Это негативно сказывается на их психологическом состоянии.

Во время пожара для человека характерно нервное напряжение. Очень важно чтобы оно не выходило за рамки. Можно выделить несколько стадий нервного напряжения: напряжение, перенапряжение, предельное напряжение и запредельное напряжение. Пока психическая напряженность человека не выходит за пределы дозволенного, оно оказывает скорее положительное влияние на поведение человека. Человек становится более энергичным, активным и быстрым, у него улучшается внимание, он становится более мотивированным, смелым и решительным. Перенапряжение же негативно сказывается на поведении человека во время чрезвычайных ситуаций. Человек теряет способность к анализу ситуации и принятию правильных решений. Иногда перенапряжение оказывает влияние на физическое состояние человека – ухудшается координация, возникает озноб или дрожание рук, изменяется речь. При возникновении предельного напряжения негативные последствия перенапряжения умножаются. Человек в данном состоянии неспособен действовать адекватно. Дальнейшее нарастание напряженности только ухудшает ситуацию и приводит к полному срыву. Кроме этого, выделяется четыре типа реакции на чрезвычайную ситуацию: реакция избегания, реакция аутоагрессии, реакция смирения, реакция самопомощи [4].

Что касается, поведения человека при пожаре то зачастую люди не готовы к некоторым аспектам данной чрезвычайной ситуации. Так, например, при пожаре как правило темнее, чем многие думают. Яркий свет можно заметить только на начальных этапах возгорания, позже же появляется едкий темный дым. Дым, помимо того, что он достаточно токсичный, опасен тем что значительно снижает видимость, что затрудняет эвакуацию. Это зачастую приводит к панике, человек перестает ориентироваться и начинает действовать необдуманно. Панические реакции, как правило, проявляются в двух формах – бег или оцепенение. При оцепенении человек физически не способен двигаться, подобная реакция характерна для детей и людей пожилого возраста, чаще всего эти люди попросту остаются в помещении [6].

Можно выделить еще одну проблему при эвакуации людей, а именно несвоевременная реакция. Зачастую люди скептически относятся к сигналам тревоги, уведомляющих о чрезвычайной ситуации, примерно 80 % людей не торопятся эвакуироваться. Чаще всего люди начинают обсуждать информацию друг с другом и только потом начинают эвакуацию. Вместо того чтобы как можно быстрее покинуть помещение они начинают неторопливо собираться, часто теряя чувство времени, что приводит к печальным последствиям. Немаловажную роль играет место, в котором пожар застал человека. По статистике люди неохотно покидают свой дом и стараются спасти как можно больше вещей [3].

Исследования показывают, что поддержка окружающих играет ключевую роль в восстановлении психического благополучия после пережитых потрясений. Поддерживающие отношения помогают снизить чувство одиночества и изоляции, повысить самооценку и уверенность в себе. Участие в коллективных действиях по ликвидации последствий пожара укрепляет социальную сплоченность и формирует чувство общности среди членов сообщества. Особенно значимой является помощь профессионалов-психологов, способных оказать специализированную поддержку людям, находящимся в кризисной ситуации. Такие специалисты оказывают консультации, проводят групповую терапию и предоставляют рекомендации по управлению эмоциями и поддержанию позитивного настроения [7].

Дети и подростки особенно подвержены негативному воздействию пожаров. Их способность справляться с трудностями определяется уровнем зрелости нервной системы, характером воспитания и семейной обстановкой. Тревога, страх и нарушения сна могут привести к задержкам в развитии, снижению успеваемости и проблемам в поведении.

Родители играют важную роль в формировании адекватной реакции ребенка на чрезвычайную ситуацию. Важно своевременно обратиться за профессиональной помощью и обеспечить ребенку комфортные условия проживания и занятия, способствующие снятию напряжения и восстановлению душевного равновесия.

Процесс адаптации предполагает преодоление стресса путем мобилизации внутренних ресурсов организма и социальных механизмов поддержки. Индивидуальные стратегии совладания с самим собой включают активные действия по защите себя и своей семьи, обращение за поддержкой к друзьям и родственникам, участие в общественных мероприятиях и волонтерстве.

В нашей стране проводятся различные мероприятия в целях профилактики правил пожарной безопасности, подготовке населения к принятию правильных решений. К подобным мероприятиям можно отнести акцию «Безопасность в каждый дом», которая проходила в период с 1 по 23 февраля 2024 г. На первом этапе (1–14 февраля) спасатели посетили дома многодетных семей и семей с детьми в социально опасном положении. Они провели беседы о пожарной безопасности, показали видео и предложили интерактивные игры, а также выдали брошюры и провели тестирования. Участники получили приглашения на финальную экскурсию в музеи и пожарные части. Второй этап (15–23

февраля) прошел в магазинах, общежитиях и других местах массового скопления. В магазинах разместили макеты с призывом «Принеси безопасность в дом» и провели консультации. В общежитиях показали фильмы, провели мастер-классы по использованию огнетушителей и оказанию первой помощи, а также розыгрыши призов. Финалом акции было большое мероприятие для многодетных и социально уязвимых семей: спортивные старты, фестивали, конкурсы фото и видео о безопасности, а также акция-марафон в центрах и музеях МЧС [8].

Сюда также относится республиканская акция «За безопасность вместе!». Цель проведения акции – улучшить безопасность людей, усилить профилактические меры в области пожарной безопасности, проверить результативность принятых мер и определить, насколько подготовлены населенные пункты и жилища к предстоящему сезону повышенной пожароопасности - осень-зима. В рамках акции сотрудники МЧС осуществляют визиты к гражданам на дому, где будет проведена беседа и оценка безопасности жилищных условий семей с детьми из неблагополучных ситуаций, одиноких пожилых людей и инвалидов, а также тех, кто злоупотребляет алкоголем. Кроме того, планируется проведение информационных занятий на предприятиях и в сельской местности, посвященных вопросам важности контроля над детьми, наказанию за их оставление в опасности, предотвращению пожаров и гибели людей в результате огня, безопасного использования открытого огня на придомовой территории и правилам эксплуатации газового оборудования в домашних условиях [9].

Таким образом, изучение психологии поведения человека во время пожара имеет важное значение для повышения эффективности мер по подготовке населения к угрозам, оказанию помощи пострадавшим и минимизации негативных последствий. Понимание психологических реакций, факторов, влияющих на поведение, и моделей поведения в экстремальных ситуациях позволяет разрабатывать более эффективные стратегии подготовки и реагирования на чрезвычайные ситуации, а также оказывать своевременную и адекватную психологическую помощь пострадавшим. Учитывая психологические аспекты пожарной безопасности и уделяя внимание развитию эмоциональной устойчивости, можно значительно повысить шансы на выживание и свести к минимуму трагические последствия пожаров. Дальнейшие исследования в этой области необходимы для разработки более эффективных методов профилактики и лечения психологических травм, связанных с техногенными катастрофами.

Библиографические ссылки

1. Безопасность в каждый дом: акция МЧС по предупреждению гибели людей на пожарах, стартует 1 февраля [Электронный ресурс] – URL: <https://www.kormanews.by/2024/01/bezopasnost-v-kazhdyj-dom-akciya-mchs-preduprezhdeniyu-gibeli-lyudej-na-pozharax-startuet-1-fevralya> (дата обращения: 04.11.2025).
2. Виды, категории и классификация пожаров [Электронный ресурс] – URL: <https://www.flamax.ru/pressroom/articles/vidy-kategorii-i-klassifikatsiya-pozharov/> (дата обращения: 10.11.2025).
3. Лида Ньюс [Электронный ресурс] – URL: <https://lidanews.by/news/life/31181news.html> (дата обращения: 04.11.2025).
4. О самых распространенных причинах пожаров рассказали в МЧС [Электронный ресурс] – URL: <https://belta.by/society/view/o-samyh-rasprostranennyh-prichinah-pozharov-rasskazali-v-mchs-740721-2025/> (дата обращения: 07.11.2025).
5. Особенности поведения людей при пожаре [Электронный ресурс] – URL: <https://gbuzyablikovo.ru/osobennosti-povedeniya-lyudej-pri-pozhare/> (дата обращения: 04.11.2025).

6. Особенности поведения человека при природных чрезвычайных ситуациях в посткризисный период с учетом психологических особенностей личности [Электронный ресурс] – URL: <https://ohrana-bgd.ru/wiki/osobennosti-povedeniya-cheloveka-pri-prirodnih-chrezvychaynyh-situatsiyah-v-postkrizisnyy-period-s-uchetom-psihologicheskikh-osobennostey-lichnosti/> (дата обращения: 07.11.2025).

7. Профилактика пожаров: официальный сайт МЧС Беларуси [Электронный ресурс] – URL: <https://bntu.by/be/news/15658-profilaktika-pozharov-s-mchs-belarusi> (дата обращения: 09.11.2025).

8. Психологические аспекты поведения людей во время эвакуации при пожаре [Электронный ресурс] – URL: <https://msc01.ru/blog/novosti/psikhologicheskie-aspekty-povedeniya-lyudey-vo-vremya-evakuatsii-pri-pozhare/> (дата обращения: 05.11.2025).

9. Психологические особенности поведения человека при пожаре [Электронный ресурс] – URL: <https://www.2pb.ru/fire-safety/methodical-recommendations/training-in-the-fire-safety/110-psikhologicheskie-osobennosti-povedeniya-cheloveka-pri-pozhare> (дата обращения: 01.11.2025).

© Веремейчик Л.А., Делец В.В., Захаренко К.М.

ПСИХОЛОГИЯ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПРИ НАВОДНЕНИИ

Л. А. Веремейчик

профессор, Белорусский национальный технический университет,
БНТУ, г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: larisa120651@mail.ru

М. Л. Лагун

студент 2 курса,
БНТУ, г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: melissalagun@gmail.com

М. Д. Рязских

студент 2 курса,
БНТУ, г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: masharazhskikh@gmail.com

В статье рассматриваются психологические особенности поведения человека при наводнении, влияние экстремальной ситуации на психоэмоциональное состояние, возможные психические травмы и психические расстройства. Особое внимание уделяется стадиям психологического реагирования, факторам риска и мерам психологической помощи пострадавшим.

Ключевые слова: психология поведения, наводнение, психотравмы, психологическая помощь, экстремальные ситуации, посттравматическое расстройство, адаптация.

The article explores the psychological characteristics of human behavior during flooding, the impact of extreme situations on psycho-emotional state, possible mental injuries and disorders. Special attention is paid to stages of psychological response, risk factors, and psychological support measures for victims.

Key words: behavior psychology, flooding, psychological trauma, psychological support, extreme situations, post-traumatic stress disorder, adaptation

Современный мир характеризуется ростом числа различных катастроф - техногенных, антропогенных и природных. В этих условиях исследования в области психологии чрезвычайных ситуаций приобретают особую значимость. Главные задачи данной области включают изучение специфики психологических реакций людей, оказавшихся в зоне наводнения, выявление факторов, влияющих на стрессовую адаптацию, а также разработку и внедрение эффективных способов психологической помощи и профилактики психотравм как во время катастрофы, так и в процессе восстановления [9].

Наводнение – это временное значительное затопление суши водой, вызванное поднятием уровня воды в реках, озерах или морях, наносящее какой-либо ущерб. Если затопление не сопровождается ущербом, то оно называется разливом реки, озера, водохранилища. Оно происходит по нескольким причинам: весеннее снеготаяние (паводки), ливневые дожди (половодья), заторы и зажоры на реках, сильные ветровые нагоны воды в устьях рек и морских побережьях, подводные землетрясения (цунами) – гигантские волны со скоростью распространения до 400–800 км/ч, которые с колоссальной силой обрушиваются на побережье, смывая все на своем пути, а также разрушение гидротехнических сооружений или естественных плотин [3, с. 15].

Наводнения могут возникать внезапно и длиться от нескольких часов до 2–3 недель. Они приводят к разрушению мостов, дорог, зданий и других сооружений, наносят значительный материальный ущерб и могут стать причиной гибели людей и животных. Основная причина разрушений – гидравлические удары от стремительно движущейся воды, льдин, обломков и плавсредств. При скорости воды выше 4 м/с и подъеме более 2 м последствия бывают особенно тяжелыми [4].

По данным Белгидромета, в Беларуси «большие воды» установили рекордные уровни за всю историю гидрометеорологических наблюдений. Ключевую угрозу для страны представляют высокие уровни рек, сопровождающиеся весенними наводнениями – особенно на реках Припять, Днепр, Западная Двина, Неман, Сож и Березина. Весенние паводки возникают примерно раз в 2–3 года в ряде регионов, например, в городах – Петриков, Пинск, Гомель и других. Исторически в Беларуси наблюдались крупные наводнения, такие как катастрофические события 1931 года на реках Западная Двина, Днепр и Березина, наводнение 1958 года на Немане и Щаре, а также катастрофическое наводнение 1845 года в бассейне Припяти. В последние 20 лет большинство наводнений носили сравнительно небольшой характер, за исключением нескольких крупных случаев, произошедших в 2010 и 2013 годах, когда уровень воды на некоторых реках превышал исторические максимумы, поднимаясь более чем на пять метров [14].

Метеорологические станции и пункты наблюдения Гидрометеоцентра Республики Беларусь постоянно отслеживают ситуацию в зонах риска паводков. Благодаря этому возможно прогнозировать развитие и масштабы наводнений с месячным или даже большим сроком предупреждения. Обладая достаточным временем для подготовки, принимаются меры к укреплению берегов и русел рек, при необходимости организовывается заблаговременная эвакуация людей и скота, а также перемещается имущество из потенциально опасных территорий [3, с. 16].

Для районов, подверженных наводнениям, населению важно заранее изучить и запомнить границы возможного затопления и расположение высоких участков поблизости, которые редко затапливаются водой. Следует определить кратчайшие маршруты эвакуации до этих безопасных зон, объяснить всем членам семьи алгоритмы действий при организованной эвакуации в случае возникновения быстрого и неожиданного наводнения. Рекомендуется помнить, где хранятся лодки, плоты и материалы для их изготовления, а также подготовить список документов, ценностей и медикаментов, которые нужно взять с собой при эвакуации, упаковывая все необходимое вместе с теплыми вещами, запасом еды и воды в отдельный чемодан или рюкзак [8].

Воздействие чрезвычайных ситуаций на человека имеет общие закономерности. Психологические реакции, их проявление и развитие зависят от множества условий. С одной стороны, это характеристики самой экстремальной ситуации – насколько она интенсивна, внезапна и продолжительна. С другой стороны, это индивидуальные особенности человека: его готовность к неблагоприятным условиям, определяемая личностными качествами, профессиональной и психологической устойчивостью, а также физической и волевой подготовкой. Помимо этого, важную роль играют организованность действий, поддержка окружающих, а также наличие примеров мужества, решительности и готовности к помощи и спасению. Следует также учитывать, что наиболее распространёнными и значительными являются необдуманные и неосознанные действия людей, оказавшихся в беде, как результат их реакций на опасность [10].

Очень важно уметь оказывать первую помощь в экстремальных ситуациях. Как правило, инстинктивная реакция при утоплении не позволяет предпринять полезные действия, чтобы привлечь помощь или спастись самостоятельно. Она характеризуется боковыми движениями рук, вертикальным положением тела, запрокидыванием головы и неспособностью держать рот над водой или говорить. Подавление рационального

поведения паникой также может представлять опасность для пловцов, пытающихся спасти пострадавшего. Если человек тонет, следует кинуть ему подручный предмет для плавания, поддержать морально и вызвать помощь. По возможности необходимо подать тонущему шест или конец одежды, с помощью которой притянуть его к берегу, лодке. При оказании помощи нужно учитывать направление течения реки. Помощь тонущему необходимо оказывать, подплывая сзади, защищаясь от его захвата. Если тонущий не может управлять своими действиями, следует подплыть к нему сзади, захватить за волосы и оттащить к берегу [8].

После спада воды перед входом в здание необходимо убедиться, что оно не находится под угрозой обрушения или падения предметов. Следует проветрить помещение, чтобы удалить скопившиеся газы, нельзя включать электросвет и использовать открытый огонь или спички до полной вентиляции и проверки системы газоснабжения. Нужно проверить состояние электропроводки, газовых труб, водопровода и канализации и не пользоваться ими без подтверждения специалистами их исправности. Для сушки помещений рекомендуется открыть все окна и двери, очистить полы и стены от грязи, откачать воду из подвалов. Продукты, которые контактировали с водой, употреблять нельзя, нельзя пить загрязненную воду. Следует организовать очистку колодцев от грязи и удаление из них воды [8].

Психологическая подготовка и информирование населения играют важную роль в снижении негативных последствий чрезвычайных ситуаций, повышая адаптивные способности и способствуя слаженным действиям. Знания о границах затопления, маршрутах эвакуации, способах оказания первой помощи и поддержке пострадавших повышают эффективность поведения и безопасность граждан. Нельзя не отметить, что во многих трудных ситуациях основополагающую роль играют такие факторы, как моральная закалка и психическое состояние человека. Это то, что определяет готовность к осознанным, уверенным, хладнокровным и расчётливым действиям в любой критический момент. У менее подготовленных людей появляется чувство страха и им хочется, как можно скорее убежать из опасного места, а также психологический шок, который зачастую сопровождается оцепенением мышц [10].

В экстремальных ситуациях человеческие реакции можно разделить на два типа:

1. Случаи рационального, адаптивного поведения человека с психическим контролем и управлением эмоциональным состоянием поведения. Когда человек проявляет разумную реакцию, приспосабливаясь к ситуации благодаря самообладанию и контролю над эмоциями. Те, кто легко меняются и быстро подстраиваются под новые условия, лучше защищены от травм, опасностей и несчастных случаев. Такое поведение является следствием точного выполнения инструкций и распоряжений руководства в случаях чрезвычайных ситуаций.

2. Случаи неконструктивного, деструктивного поведения, характеризующегося неспособностью приспособиться к происходящему. В таких ситуациях люди, действуя нелогично создают угрозы для других, усугубляют последствия и нарушают нормальное функционирование общества [10, 11].

Психология человека при наводнении и возможные психические травмы представляют собой сложный комплекс эмоциональных, когнитивных и поведенческих реакций, формирующихся в условиях экстремальной ситуации стихийного бедствия. Наряду с непосредственным физическим ущербом, наводнения наносят значительный психологический урон, часто приводящий к развитию серьезных психических расстройств. В условиях чрезвычайных ситуаций человек сталкивается с эмоциональным и психологическим напряжением, которое проявляется в виде страха и стрессовых реакций. Страх – это эмоциональный процесс, вызванный реальной или мнимой опасностью, который служит сигналом тревоги и направляет человека к защитным действиям для

сохранения жизни. Хотя страх вызывает неприятные ощущения, он активизирует внутренние ресурсы и побуждает к выживанию. Однако часто эти реакции бывают необдуманными и бессознательными, что приводит к дестабилизации психического состояния, снижению функциональных возможностей и ухудшению здоровья. Индивидуальные особенности, среда, осведомленность и оценка угрозы влияют на то, как человек справляется с психологическим напряжением: у одних стресс и страх способствуют повышению работоспособности, у других вызывают ухудшение состояния и снижение эффективности поведения [10].

В экстремальной ситуации главная задача человека – выжить. Для этого важны моральный настрой, физическая выносливость и специальные навыки. Эмоции – страх, тревога, раздражение – могут как помочь, так и мешать выживанию. Контроль над ними увеличивает шансы на успех, для чего необходимы тренировки. Без контроля человек рискует впасть в бездействие, поддаваясь страху. Выживание – это активные действия, направленные на сохранение жизни и здоровья в сложных условиях [15].

Для успешного выживания нужно преодолеть стресс, оказать первую помощь, защититься от природных факторов, обеспечить себя водой и едой, определить местоположение и наладить связь. Для этого требуются знания, опыт и умение использовать доступные средства. Психологическая саморегуляция с помощью позитивных установок («Я справлюсь!») и техник релаксации помогает преодолевать страх и напряжение. Правильное дыхание и визуализация способствуют восстановлению [15].

Психологическое состояние пострадавших от наводнений проходит несколько стадий: первичная напряженность с проявлениями страха, паники и социальной изоляции; психофизиологическая демобилизация, характеризующаяся ухудшением самочувствия, депрессией и снижением когнитивных функций; стадия эмоциональной переработки травмы, ведущая к восстановлению психоэмоциональных функций и активизации общения, хотя часто сохраняется пониженный эмоциональный фон и нежелание контактировать. Эти изменения соответствуют следующим фазам реакции на травму: кратковременному шоку с угнетением активности и отрицанием происшедшего; фазе воздействия с интенсивными эмоциональными реакциями, сменяющимися критикой и сомнениями, после которой либо происходит выздоровление, либо фиксация на травме с риском перехода в хроническую форму. Последствия затрагивают все уровни личности и влияют не только на пострадавших, но и на их семьи [1, с. 27].

Наводнения могут стать триггером для развития таких психических нарушений, как посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), проявляющееся в навязчивых воспоминаниях, ночных кошмарах, тревоге и гипервозбуждении; депрессия и тревожные расстройства, связанные с потерей имущества, близких и привычного образа жизни; эмоциональное выгорание, чувство беспомощности и отчаяния, ухудшающее адаптацию; нарушения сна и суицидальные настроения в тяжелых случаях; повышенное потребление алкоголя, никотина и медикаментов как попытка справиться с эмоциональной болью. Особенно уязвимы дети, подверженные риску длительных психологических проблем, влияющих на развитие и поведение. Влияние травмы происходит как на индивидуальном, так и на социальном уровне, усиливая напряженность в семьях и сообществах [2, с. 19].

Психологические последствия наводнений включают острую стрессовую реакцию – сильный шок и страх во время и сразу после наводнения, сопровождающийся паникой, затруднённым мышлением и снижением способности принимать решения. Например, во время наводнений в Краснодарском крае (Крымск, 2012 г.) многие пострадавшие испытывали сильные панические реакции, что осложняло эвакуацию и спасательные действия. Трагедия унесла жизни 172 человек. Наибольшие потери зафиксированы в городе Крымск и Крымском районе – там скончались 153 человека, в Геленджике число погибших составило 12 человек, а в Новороссийске – трое. По информации МЧС,

медицинская помощь была оказана 1137 людям, из которых 194 потребовали госпитализации, включая 26 детей. В результате бедствия 29 тысяч человек лишились своего имущества полностью, еще более 5,5 тысяч человек пострадали частично. У многих развился острый стресс и ПТСР. Исследование наводнения в Крымске спустя несколько лет после 2012 г. выявило у пострадавших хронические симптомы возбудимости, тревоги, социальной изоляции и депрессии. Некоторые люди испытывали страх воды – боязнь дождя или душа, что было следствием травматического переживания [12].

В Боснии и Герцеговине после масштабных наводнений наблюдался высокий уровень ПТСР у населения, что также требовало приоритетного внимания к психическому здоровью. Из-за произошедшего стихийного бедствия в Боснии и Герцеговине медицинская помощь была оказана не менее чем шестидесяти семи пострадавшим, а ещё четверо получили рекомендации о необходимости наблюдения у специалистов. Причиной наводнения стали проливные дожди и оползни. Примерно восемьсот единиц собственности оказались затопленными. Наводнение в Боснии и Герцеговине (2024 г.) привело к глубоким психологическим последствиям, многие нуждались в долгосрочной психотерапевтической поддержке, особенно в связи с утратой социальных связей и жилья [5, 13].

На территории Германии в ночь с 14 на 15 июля 2021 г., мощные потоки воды высотой в десять метров обрушились на населённые пункты долины Ар. В результате этого наводнения на небольшом отрезке территории, всего в несколько десятков километров, где проживает около 40 тыс. жителей, произошли масштабные разрушения и погибло более 180 человек. Трагедия не пощадила никого – среди погибших самой молодой жертвой был четырехлетний ребенок, а самой старшей – человек возраста в девяносто семь лет. Разбушевавшаяся стихия привела к частичному или полному разрушению свыше девяти тысяч строений, оставив около семнадцати тысяч человек без крова и причинив материальный ущерб, оцениваемый в миллиарды евро. Часто остаются в тени обсуждений разрушительных наводнений такие важные аспекты, как психологические травмы, ухудшение самочувствия и негативное воздействие на эмоциональное состояние пострадавших. Изучением этих вопросов после аварии на Аре занимались исследователи из Германии. В рамках их работы была проведена оценка посещаемости медицинских учреждений и выписка местных клиник за первые три месяца после бедствия, причем эти показатели были сопоставлены с данными за аналогичный период прошлого года. Ключевым следствием стихийного бедствия стало значительное увеличение числа психологических проблем – депрессий, посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), проблем со сном и даже суицидальных настроений. Эти проблемы оставались долгосрочными: спустя два с половиной года после трагедии увеличилось число депрессивных расстройств и злоупотребления психоактивными веществами. Многие жители страдали от бесконечных восстановительных работ и бюрократических трудностей, что усугубляло стресс. Это было одно из самых страшных стихийных бедствий, которые пережила Германия [6, 7].

Наводнения, обрушившиеся на Россию и Казахстан, повлекли за собой значительные финансовые потери, негативное воздействие на эмоциональное состояние людей и дефицит квалифицированных кадров, необходимых для ликвидации последствий стихии. В Казахстане и России после наводнений 2023–2024 гг. отмечен рост депрессий, тревожных расстройств, посттравматического стресса и эмоциональных нарушений особенно у детей. Среди уязвимых групп оказались также пожилые люди и женщины, которые особенно тяжело переносят последствия кризиса. Отмечается, что случаи злоупотребления опиоидами и другими медикаментами значительно увеличились [6].

В условиях стихийных бедствий и других чрезвычайных ситуаций у значительной части пострадавших, переживших психологическую травму, нередко возникают

тревожные состояния, нервные срывы и острые психоэмоциональные нарушения, что негативно сказывается на формировании их личности – по данным исследований, это происходит примерно у восьми из десяти человек. У двадцати процентов пациентов возникают кратковременные эпизоды выраженных эмоциональных всплесков; у семидесяти процентов – психическое состояние ухудшается на более длительный срок, до двух-трех дней; у десяти процентов – негативное воздействие травмы продолжается месяцами, что обуславливает необходимость регулярного контроля со стороны специалистов по психическому здоровью. В подавляющем большинстве случаев после пережитой психологической травмы, вызванной экстремальными обстоятельствами, отмечаются стойкие невротические симптомы [11, с. 112].

Экстренная психологическо-психотерапевтическая помощь - представляет собой комплекс быстрых мер, направленных на стабилизацию эмоционального состояния отдельного человека, небольшой группы лиц или значительного числа людей, переживших травматическое событие. Для этого используются специализированные подходы и технологические приемы, отличные от стандартных практик психологической работы и психотерапии. Эффективная психологическая помощь пострадавшим после наводнений включает консультирование и терапию, направленные на работу с травмой и восстановление чувства контроля; социальную поддержку как базовый ресурс для преодоления кризиса; организацию реабилитационных программ, включая группы поддержки и образовательные мероприятия по управлению стрессом; а также медицинскую помощь при необходимости лечения сопутствующих психических заболеваний и профилактику злоупотребления психоактивными веществами. Исследования показывают, что масштабные наводнения ведут к долгосрочным изменениям в состоянии психического здоровья населения: росту числа депрессий, нарушений поведения и психосоматических заболеваний. При отсутствии поддержки тяжелые последствия могут сохраняться годами, ухудшая качество жизни и социальную интеграцию пострадавших [16].

В настоящее время большое количество людей потенциально подвержены риску оказаться в критической ситуации, которая ставит под удар здоровье, безопасность и даже жизнь, а также чревата утратой близких. Поведение человека в условиях наводнения напрямую зависит не только от объективных факторов самой чрезвычайной ситуации, но и от психологической готовности, уровня знаний и эмоционального состояния. Адекватная подготовка, своевременная информация и поддержка со стороны общества и служб спасения способны значительно повысить эффективность действий и снизить негативные последствия катастрофы. Психология человека при наводнении отражает динамику острого стресса, травмы и восстановления, в которой ключевое значение имеют эмоциональная поддержка и адекватные меры реабилитации. Понимание механизмов психологических реакций и адаптивных стратегий поможет в разработке комплексных мер для предотвращения паники, формирования рационального поведения и сохранения здоровья и жизни людей в экстремальных ситуациях.

Библиографические ссылки

1. Бондарчук, Е.В. Кризисная психология: учеб. – метод. комплекс. Кафедра возрастной и педагогической психологии БГПУ им. М. Танка. – Минск: БГПУ, 2019. – 27 с. - Текст: электронный - URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/46962> (дата обращения: 10.10.2025).
2. Бонкало, Т.И. Посттравматическое стрессовое расстройство: дайджест / Т.И. Бонкало. – Москва: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. – 19 с. Текст: электронный – URL:

<https://niioz.ru/moskovskaya-medsina/izdaniya-nii/daydzhest-medsinskiy-turizm-i-eksport-medsinskikh-uslug/> (дата обращения: 05.11.2025).

3. Босак, В.Н. Безопасность жизнедеятельности человека. Защита населения и объектов от чрезвычайных ситуаций. Курс лекций: учеб. - метод. пособие / В. Н. Босак [и др.] – Горки: БГСХА, 2021. – 97 с.

4. Наводнение [Электронный ресурс] – URL: <https://mosk.minsk.gov.by/docs/podrazdeleniya/rochs/navodnenie.pdf?ysclid=mhjl964p1406981147> (дата обращения: 20.10.2025).

5. Наводнение в Боснии и Герцеговине унесло жизни не менее 18 человек [Электронный ресурс] / РЕН ТВ – URL: <https://ren.tv/news/v-mire/1268007-navodnenie-v-bosnii-i-gertsegovine-uneslo-zhizni-ne-menee-18-chelovek?ysclid=mhib4irqx3163470330> (дата обращения: 20.10.2025).

6. Новости мира [Электронный ресурс] – URL: <https://cronos.asia/mir/psihicheskie-rasstrojstva-i-ogromnye-ubytki-k-chemu-privedut-pavodki-v-kazahstane-i-rossii?ysclid=mhid37btgm227249715> (дата обращения: 20.10.2025).

7. Новые известия [Электронный ресурс] – URL: <https://dzen.ru/a/ZiF5IDPdDRYPHFUY?ysclid=mhic5tb0w9937161743> (дата обращения: 20.10.2025).

8. Правила поведения и действий населения в чрезвычайных ситуациях природного характера: официальный сайт МЧС Республики Беларусь [Электронный ресурс] – URL: <https://mshp.gov.by/ru/fires-ru/view/pravila-povedeniya-i-dejstvija-naseleniya-v-chrezvychajnykh-situatsijax-prirodnogo-haraktera-810/> (дата обращения: 20.10.2025).

9. Психические расстройства у пострадавших от наводнения [Электронный ресурс] – URL: <https://www.dissercat.com/content/psikhicheskie-rasstrojstva-u-postradavshikh-ot-navodneniya-na-primere-navodneniya-v-g-krymsk> (дата обращения: 20.10.2025).

10. Психология поведения в чрезвычайных ситуациях [Электронный ресурс] – URL: https://admkmr.ru/documents/detail.php?ELEMENT_ID=7406 (дата обращения: 20.10.2025).

11. Рогачева, Т.В. Психология экстремальных ситуаций и состояний: учеб. пособие. / Т.В. Рогачева, Г.В. Залевский, Т.Е. Левицкая – Томск: Издательский Дом ТГУ, 2015. – 276 с.

12. РИА Новости [Электронный ресурс] – URL: <https://ria.ru/20130706/947654759.html?ysclid=mhb3zu05js552807645> (дата обращения: 20.10.2025).

13. РИА Новости [Электронный ресурс] – URL: <https://ria.ru/20250330/bosnija-2008221166.html?ysclid=mhb6d1fral271139750> (дата обращения: 20.10.2025).

14. Три катастрофических наводнения было в Беларуси: официальный сайт Белгидромета [Электронный ресурс] - Минск, 2023 – URL: <https://sputnik.by/20230408/tri-katastroficheskikh-navodneniya-bylo-v-belarusi-1074135440.html> (дата обращения: 5.11.2025).

15. Философия и психология выживания / Инфопедия. Текст: электронный – URL: <https://infopedia.su/14x1635f.html> (дата обращения: 05.11.2025).

16. Фурманов, И.А. Организация и перспективы развития экстренной психологической помощи в структуре МЧС. / И.А. Фурманов, Е.А. Рафальская // Вестник Командно-инженерного института МЧС Республики Беларусь. – 2011. – № 2 (14). – 98 с.

© Веремейчик Л.А., Лагун М.Л., Рязских М.Д., 2025

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УСПЕХА

Ю. И. Власюк

студент 3 курса

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: yulechka-vlasyuk@list.ru**Д. Н. Девятловский**

профессор, СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: devyatlovskiy@mail.ru

В данной статье рассматриваются основные внутренние и внешние факторы, влияющие на достижение профессиональных целей, а также их взаимосвязь и роль в формировании карьерного роста. Особое внимание уделяется таким аспектам, как профессиональные компетенции, личностные качества, социальные связи, условия труда.

Ключевые слова: *успех, факторы успеха, потенциал, развитие, карьерный рост.*

This article examines the key internal and external factors that influence the achievement of professional goals, as well as their interrelationships and role in career development. Particular attention is paid to aspects such as professional occupations, personal qualities, social connections, and working conditions.

Key words: *success, success factors, potential, development, career growth.*

Понятие профессионального успеха претерпело значительную эволюцию в рамках психологической науки, чему способствовали глубокие изменения в социальном устройстве, экономическом климате и культуре. В прошлом успех нередко связывался с материальным благополучием и высоким статусом, что считалось основными показателями достижения. Однако с развитием общества и увеличением разнообразия жизненных целей, представление о профессиональном успехе стало расширяться и усложняться. Теперь его определение варьируется в зависимости от индивидуальных ценностей, личностных особенностей и жизненных приоритетов. Ранее успех – это многогранное понятие, которое может иметь разные значения для разных людей [1, с. 797]. Для одних успех заключается в достижении стабильности, карьерных высот и финансового благополучия, для других – в гармонии в личной жизни и крепких отношениях с близкими. Успех может проявляться в реализации творческих амбиций, получении образования или в достижении поставленных целей. Важно понимать, что успех – это не только конечный результат, но и путь, который мы проходим, преодолевая трудности и извлекая уроки из неудач. Каждый человек имеет свои собственные критерии успеха, и то, что для одного является достижением, для другого может быть лишь началом пути. В конечном итоге, успех – это индивидуальное состояние, которое зависит от наших стремлений, усилий и внутреннего ощущения удовлетворенности. Часто ассоциировался исключительно с материальными достижениями, такими как высокая зарплата, престижная должность или статус в обществе. Однако с течением времени исследователи начали осознавать, что профессиональный успех включает в себя гораздо более широкий спектр факторов, чем просто уровень образования. Они начали изучать влияние личных качеств, таких как настойчивость, эмоциональный интеллект и способность к адаптации, а также важность социальных связей и сетевого взаимодействия. Кроме того, стало

очевидно, что факторы, такие как культурный контекст, экономическая ситуация и даже случайные обстоятельства, могут существенно влиять на карьерный путь и достижения человека. Таким образом, профессиональный успех всё больше воспринимается не как отдельное достижение или статичный результат, а процесс, в котором важную роль играют различные аспекты жизни и личности человека. В результате, достижения профессиональных целей успех становится сложным интегративным процессом, в котором активно взаимодействуют, сочетаются и дополняют друг друга разные составляющие жизненного опыта и личностных характеристик и профессиональных навыков. Такой взгляд способствует более целенаправленному, осознанному и комплексному подходу как к развитию профессиональных компетенций, так и к формированию внутренней гармонии и баланса, что в итоге повышает шансы на устойчивый и долгосрочный успех. В итоге, подобная стратегия способствует не только достижению конкретных целей, но и созданию базиса для гармоничного развития и полноценной реализации как в личной жизни, так и в профессиональной сфере. Это, в свою очередь, значительно повышает шансы на успех.

Современные подходы к пониманию успеха представляют собой сложное многоаспектное и динамичное понятие, которое выходит за рамки простого достижения конкретных целей или материальных богатств. Они подчеркивают, что успех содержит в себе не только внешние показатели, но и внутреннее состояние человека, его удовлетворенность жизнью. Успех охватывает не только аспекты достижения конкретных поставленных целей, но и более глубокое осознание того, что успех может принимать разнообразные формы. Эти формы зависят от индивидуальных ценностей, убеждений и жизненных обстоятельств каждого человека. Для одних успех может означать карьерный рост и финансовое благополучие, в то время как для других он может заключаться в гармонии с собой, романтических отношениях с любимым человеком или в реализации творческого потенциала. Таким образом, успех становится не просто стандартом, а личным и уникальным понятием, которое варьируется в зависимости от жизненного контекста и личных приоритетов. Важно отметить, что восприятие успеха может меняться с течением времени и в зависимости от жизненного опыта. Поэтому для глубокого понимания успеха необходимо учитывать не только внешние достижения, но и внутренние ощущения удовлетворенности и счастья. акцентируют внимание на таких аспектах, как удовлетворенность работой, баланс между профессиональной и личной жизнью, возможность самореализации и развития личных качеств. Психологи также подчеркивают значительную роль социальных связей и поддержки со стороны коллег и единомышленников в процессе достижения профессиональных целей. Наличие развитых межличностных отношений в коллективе способствует созданию благоприятной рабочей среды и укреплению командного взаимодействия и повышению мотивации сотрудников. Поддержка со стороны коллег может служить важным ресурсом, который особо ценен в трудные периоды, помогая преодолевать стрессовые ситуации, обмениваться опытом и получать поддержку. Она способствует снижению уровня стресса, облегчает преодоление профессиональных и личных вызов. Своевременные советы стимулируют мотивация и создают условия для эффективного решения задач.

Таким образом, профессиональный успех стал рассматриваться не только как результат внешних достижений, но и как внутреннее состояние, которое включает в себя гармонию, удовлетворение и личностный рост. Эта эволюция в понимании успеха открывает новые горизонты для исследования и практического применения в области карьерного консультирования и психологии труда. Изначально акцент в исследованиях и анализе смещался преимущественно на объективные индикаторы, такие как уровень дохода, занимаемая должность или статус в профессиональной иерархии. Эти параметры рассматривались как наиболее значимые и измеримые показатели успеха и благосостояния человека. Уровень дохода, например, служил важным критерием для оценки финансового

положения индивида, в то время как занимаемая должность и статус в профессиональной иерархии отражали его карьерные достижения и социальное положение в обществе. Таким образом, внимание исследователей и специалистов сосредоточивалось на этих конкретных аспектах, что позволяло получить четкие и понятные данные для анализа. Однако современные исследования подчеркивают важность субъективного восприятия достижений. Эта трансформация во многом обусловлена влиянием гуманистической психологии, в частности, концепции самоактуализации Абрахама Маслоу, который рассматривал высшую потребность человека в реализации своего потенциала как ключевую движущую силу. В контексте профессиональной деятельности самоактуализация проявляется как стремление к максимальному раскрытию своих способностей и талантов в выбранной сфере. Как отмечается в исследованиях, «личная успешность зависит только от собственного восприятия своих достижений, она индивидуальна и не опирается на общественное мнение, хотя и не отрицает его» [7, с. 68]. Таким образом, в современном мире профессиональный успех воспринимается как сложное и динамическое единство, которое включает в себя не только внешне наблюдаемые достижения, такие как карьерный рост, получение наград, а также признание коллег и клиентов, но и внутреннее ощущение самореализации, удовлетворенности своей работой и гармонии с собой. Это означает, что успешный человек не только достигает высоких результатов в своей профессиональной деятельности, но и испытывает глубокое удовлетворение от того, что делает, ощущает, что его работа имеет смысл и приносит пользу окружающим. Важно отметить, что такое понимание успеха становится все более актуальным в условиях быстро меняющегося мира, где ценности и приоритеты людей также эволюционируют.

Для того, чтобы провести глубокий и всесторонний анализ факторов, которые оказывают влияние на достижение профессионального успеха, крайне важно осуществить систематизацию детерминант. Это позволит не только выявить ключевые элементы, способствующие карьерному росту, но и понять, как они взаимодействуют друг с другом. Важно учитывать как внутренние, так и внешние факторы, такие как личные качества, уровень образования, профессиональные навыки, а также социальные и экономические условия. Систематизация этих детерминант поможет создать целостную картину, которая позволит более эффективно разрабатывать стратегии для достижения успеха в профессиональной сфере. Это позволит не только выявить ключевые элементы, способствующие карьерному росту, но и понять, как они взаимосвязаны между собой. Систематизация поможет структурировать информацию, выделить основные группы факторов, таких как личные качества, профессиональные навыки, социальные связи и внешние обстоятельства, а также оценить их значимость и влияние на общий процесс достижения успеха в профессии. На основе системного подхода предлагается трехуровневая классификация: личностные, социальные и организационные факторы. К личностным детерминантам относятся внутренние ресурсы индивида, которые напрямую влияют на его профессиональную деятельность, развитие и успех. В числе личностных детерминант выделяются такие компоненты как мотивационные установки, система ценностей, профессиональные навыки и психологические особенности. Совокупность этих факторов определяет способность человека инициировать изменения, адаптироваться к новым условиям и достигать поставленных целей. Социальный уровень охватывает влияние окружения: сетевой капитал (социальные связи), поддержку семьи и коллег, а также культурный и социально-экономический контекст. Организационные детерминанты представляют собой ключевые характеристики и аспекты рабочей среды, которые существенно влияют на профессиональное поведение и развитие сотрудников. В их состав входят такие элементы как корпоративная культура, создающая ценностные ориентиры и атмосферу внутри организации, мотивирующие и стимулирующие деятельность

работников; системы мотивации и оценки персонала, определяющие порядок признания достижений, вознаграждений и карьерных перспектив; возможности для обучения и карьерного роста. Совокупность этих факторов формирует условия и среду, в которых реализуются личностные и профессиональные ресурсы работников, способствуя повышению эффективности деятельности, а также удержанию талантливых специалистов и развитию корпоративной идентичности. Как подчеркивается в научной литературе, «профессиональная успешность – это достижения личности в профессиональной и научной сфере (профессионализм, мастерство, карьерный рост)» [4, с. 32], что напрямую связано с условиями, создаваемыми организацией. Эта классификация позволяет структурировать сложное взаимодействие факторов, определяющих карьерную траекторию.

Среди множества личностных детерминант, которые могут оказывать влияние на профессиональную деятельность и достижения человека, особую значимую роль играют определённые психологические особенности и черты характера. Эти характеристики личности обладают прогностической силой в отношении успешности в карьере, поскольку напрямую и косвенно воздействуют на множество аспектов профессиональной деятельности. Они не только способствуют максимальной реализации талантов и навыков каждого человека, но и существенно увеличивают шансы на достижение высоких результатов и признания в выбранной сфере деятельности. Такие психологические особенности как целеустремлённость, уверенность в себе, настойчивость, способность к саморегуляции, позитивное мышление, коммуникабельность и умение работать в команде, играют ключевую роль в определении профессионального успеха. Эти черты помогают преодолевать трудности, адаптироваться к меняющимся условиям труда, поддерживать мотивацию даже в сложных ситуациях, а также эффективно взаимодействовать с командой. В первую очередь, к не менее важным качествам можно отнести уровень эмоционального интеллекта, который включает способность понимать и управлять своими эмоциями, а также распознавать и учитывать эмоциональные состояния окружающих. Кроме того, важной характеристикой является способность к самоорганизации, это качество позволяет специалисту работать более продуктивно, достигать поставленных целей и справляться с высокой нагрузкой. Настойчивость и адаптивность, играют ключевую роль в формировании профессионального успеха. Они помогают индивиду не только справляться с трудностями и вызовами, возникающими в процессе работы, но и эффективно взаимодействовать с коллегами, что в свою очередь способствует достижению высоких результатов в выбранной сфере деятельности. Резистентность (жизнестойкость) выступает как важный антикризисный ресурс, который позволяет эффективно преодолевать человеку трудности, стрессовые ситуации и адаптироваться к изменениям. Этот характерный психологический ресурс способствует сохранению внутренней стабильности и способности искать решения в сложных ситуациях, что в итоге повышает устойчивость личности. Обладая развитой резистентностью человек способен не только справляться с внешним давлением и вызовами, но и превращать трудности в способности для роста и развития. Данное качество позволяет избежать психологического истощения, сохранить мотивацию и не утратить веру в собственные силы. В рамках профессиональной деятельности резистентные личности лучше реагируют на профессиональные неудачи, быстро восстанавливаются после ошибок и могут сохранить ясность мышления в условиях кризиса. С. Мадди, исследуя эту характеристику, отмечал, что «рассматривает мотивацию во взаимосвязи с жизнестойкостью. Являясь ядром мотивационной сферы, жизнестойкость влияет на выбор стратегий совладающего поведения, качество социальных коммуникаций, психологическое благополучие личности в целом» [3, с. 1728]. Другой ключевой предиктор – развитый эмоциональный интеллект (EQ), обеспечивающий эффективное управление собственными эмоциями и понимание

эмоций других, что крайне важно для построения продуктивных коммуникаций и лидерства. Высокий EQ коррелирует с лучшими показателями в переговорах, разрешении конфликтов и командной работе, что напрямую влияет на карьерное продвижение в современных организационных структурах. Проактивная карьерная ориентация, характеризующаяся инициативностью, готовностью брать на себя ответственность и стремлением к развитию, также является значимым фактором успеха. Эмпирические исследования выявили, что для многих специалистов «особую важность имеет возможность проявления самостоятельности в принятии решений, свобода и независимость, а также наличие баланса между работой и личной жизнью» [5, с. 5]. Это указывает на тесную связь проактивности не только с достижениями и профессиональным успехом, но и с субъективным благополучием человека. Другими словами, проявление проактивного поведения способствует не только достижению внешних целей и успехов, но и повышает уровень внутреннего удовлетворения, эмоционального комфорта и общего ощущения благополучия. Данный подход подчеркивает роль активной позиции и ответственного отношения к своей жизни и работе как важных факторов, влияющих на качество жизни в целом, а не только на профессиональные показатели.

Практическое применение выявленных детерминант профессионального успеха открывает перед нами широкий спектр возможностей, которые могут быть эффективно использованы как в индивидуальной деятельности, так и в рамках коллективных процессов. Эти детерминанты, являющиеся ключевыми факторами и оказывающими непосредственное влияние на достижение успеха в карьере, могут служить основой для разработки стратегий развития, внедрения программ обучения и совершенствования профессиональных навыков. В условиях современной экономики и динамичных рынков труда использование этих факторов позволяет формировать более устойчивых и адаптивных специалистов, способных справляться с вызовами и конкуренцией. На уровне отдельных личностей внедрение этих детерминант может проявляться в целенаправленной работе над развитием своим психологических особенностей, мотивации, профессиональных компетенций и коммуникативных навыков. Например, их можно использовать для разработки эффективных стратегий карьерного роста, повышения уровня мотивации сотрудников, а также для создания программ обучения и развития, которые помогут людям раскрыть свой потенциал и достичь поставленных целей. Таким образом, понимание и использование этих детерминант может значительно улучшить как личные результаты, так и общую эффективность организации в целом. Интеграция этих знаний в программы карьерного коучинга предоставляет уникальную возможность для создания индивидуализированных траекторий развития, которые учитывают особенности и потребности каждого клиента. Такой подход позволяет не только сосредоточиться на усилении жизнестойкости, что является важным аспектом в условиях постоянных изменений на рынке труда, но и развивать эмоциональный интеллект, который помогает лучше понимать свои эмоции и эмоции окружающих. Кроме того, акцент на проактивных стратегиях позволяет клиентам не просто реагировать на изменения, но и предвосхищать их, что значительно увеличивает шансы на успешное продвижение по карьерной лестнице. Таким образом, программы карьерного коучинга становятся более эффективными и адаптированными к современным требованиям, поскольку они учитывают индивидуальные особенности, актуальные потребности и современные требования рынка труда. Эти программы основываются на понимании личностных ценностей, мотиваций и профессиональных целях клиента, что позволяет создавать персонализированные стратегии развития и планирования карьеры. В результате такой адаптации коучинговых методов достигается более тесная и продуктивная работа с сотрудниками, повышается их мотивация и уверенность в своих силах что в конечном итоге существенно способствует достижению поставленных целей и повышению общей

удовлетворенности жизнью. Кроме того, комплексный подход и использование современных технологий и инструментов позволяют максимально эффективно использовать возможности для профессионального роста и личностного развития. Такие программы значительно способствуют не только успешной реализации карьерных планов, но и повышению общений удовлетворенности жизнью, гармонии и внутреннего комфорта, что является важным аспектом общего благополучия современного человека. Как справедливо отмечается, «теория, приведенная в статье, а также эмпирический инструментарий могут быть использованы психологами, руководителями кадровых служб, специалистами по развитию, чтобы сформировать эффективную стратегию развития успешной личности» [2, с. 155]. Таким образом, модель детерминант успеха выступает в качестве важной теоретической основы, которая не только объясняет ключевые факторы, влияющие на достижение профессиональных целей, но и служит практическим руководством для повышения эффективности кадрового менеджмента. Эта модель позволяет систематизировать и структурировать знания о том, какие личностные и профессиональные качества способствуют успешной реализации потенциала сотрудников, а также определяет направления для целенаправленного развития персонала, для достижения успеха в различных сферах деятельности, а также помогает определить пути их развития и совершенствования. В конечном итоге, это способствует повышению конкурентоспособности организации, укреплению её позиции на рынке и обеспечению стабильности, помогая сотрудникам реализовать свой потенциал и добиться личностного и профессионального успеха.

Библиографические ссылки

1. Берзина, О.А. Взаимосвязь карьерных ориентаций, жизненных стремлений и ценностей студентов среднего профессионального образования // Профессиональное образование в современном мире. - 2023. - №4. - С. 796-800.
2. Бурмакина, А.Л. Сетевой капитал лидеров молодежных организаций // Виртуальная коммуникация и социальные сети. - 2023. - №3. - С. 154–159.
3. Круглова, Н.Р. Теория и практика формирования успешности как мотивирующего фактора управления профессионально-личностным развитием личности // Профессиональное образование в современном мире. - 2021. - №1. - С. 1727-1730.
4. Кузнецова, Е.В., Жукова, Т.И., Тищенко, В.И. Сетевая форма человеческого капитала // Труды ИСА РАН. - 2020. - №3. - С. 29-33.
5. Люсова, О.В., Стрючкова, Т.В. Социально-психологические особенности карьерных стратегий провинциальной молодежи // Мировые цивилизации. - 2020. - №2. - С. 1-5.
6. Панкратова, И.А. Психологические детерминанты формирования успешной личности педагога в условиях современной социореальности // Мир науки. Педагогика и психология. - 2023. - №5. - С. 1–16.
7. Трубникова, Н.И., Маликова, Е.В., Манузина, Е.Б. Эмоциональный интеллект как профессионально важное качество выпускников педагогического вуза // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. - 2020. - №3. - С. 67-71.

© Власюк Ю.И., Девятловский Д.Н., 2025

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ И ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ ПСИХОЛОГОВ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА: ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

А. А. Волошина

аспирант 2 курса,

ФГБОУ ДонГУ,

г. Донецк, ДНР

E-mail:artyukh98@inbox.ru

В статье представлен теоретический анализ профессиональной деятельности психологов в условиях военных конфликтов, где экстремальные обстоятельства предъявляют повышенные требования к стрессоустойчивости, эмоциональной зрелости и способности к оперативному принятию решений в условиях дефицита ресурсов. В центре исследования – копинг-стратегии как совокупность когнитивных и поведенческих усилий по преодолению требований среды, воспринимаемых как превышающие личные ресурсы, и личностные ресурсы как система внутренних и внешних характеристик, обеспечивающих устойчивость в кризисных ситуациях. В заключение подчёркивается, что осмысленный подход к развитию механизмов совладания и личностных ресурсов не только повышает качество психологической помощи в экстремальных условиях, но и обеспечивает долгосрочную профессиональную сохранность самих психологов, формируя устойчивую систему поддержки, способную эффективно функционировать даже в самых сложных обстоятельствах.

Ключевые слова: психологическая помощь, копинг-стратегии, личностные ресурсы, стрессоустойчивость, экстремальные условия, психологическая адаптация, профессиональная деятельность, психологическая устойчивость.

The article presents a theoretical analysis of psychologists' professional activity in the context of military conflicts, where extreme circumstances place heightened demands on stress resistance, emotional maturity, and the ability to make prompt decisions under resource constraints. The study focuses on coping strategies – understood as a set of cognitive and behavioural efforts to overcome environmental demands perceived as exceeding personal resources – and personal resources as a system of internal and external characteristics that ensure resilience in crisis situations. The conclusion emphasises that a thoughtful approach to developing coping mechanisms and resource capacity not only improves the quality of psychological assistance in extreme conditions, but also ensures the long-term professional well-being of psychologists themselves, fostering a robust support system capable of functioning effectively even in the most challenging circumstances.

Keywords: psychological assistance, coping strategies, personal resources, stress resistance, extreme conditions, psychological adaptation, professional activity, psychological stability.

В современных условиях, когда военные конфликты становятся всё более масштабными и затяжными, особую актуальность приобретает изучение профессиональной деятельности психологов, работающих в зонах боевых действий. Оказание психологической помощи в экстремальных обстоятельствах требует от специалистов не просто высокого уровня профессиональной подготовки, но и сформированных механизмов адаптации к хроническому стрессу, травматическим переживаниям и моральным дилеммам. Цель данной статьи заключается в теоретическом

анализе копинг-стратегий и личностных ресурсов психологов, задействованных в условиях военного конфликта, а также в определении их влияния на профессиональную эффективность и психологическое благополучие специалистов.

Психологическая работа в зоне боевых действий представляет собой один из наиболее сложных и напряжённых видов профессиональной деятельности. Она предъявляет к специалисту повышенные требования в плане стрессоустойчивости, эмоциональной зрелости и способности к оперативному принятию решений в условиях дефицита информации и ресурсов. Психологи, оказывающие помощь пострадавшим, военным служащим и гражданскому населению, регулярно сталкиваются с травмирующими событиями, высокой эмоциональной нагрузкой, необходимостью быстро оценивать ситуацию и выбирать оптимальную стратегию работы. В такой профессиональной среде особую значимость приобретают копинг-стратегии и личностные ресурсы, которые выступают ключевыми факторами сохранения психического здоровья специалиста и обеспечения его профессиональной эффективности [4].

Современные исследования подтверждают, что психологи, работающие в кризисных ситуациях, входят в группу повышенного риска по развитию профессионального выгорания. Этот феномен проявляется особенно остро в условиях военных конфликтов, где специалисты не только оказывают помощь другим, но и сами становятся свидетелями и косвенными участниками травмирующих событий. Подобная двойственность профессиональной роли существенно повышает требования к уровню подготовки психолога, его способности к саморефлексии и управлению собственными эмоциональными реакциями.

В современной психологической науке центральное место в понимании механизмов преодоления стрессовых ситуаций занимают копинг-стратегии. Согласно фундаментальному определению Р. Лазаруса и С. Фолкмана [1], копинг представляет собой комплексную систему когнитивных и поведенческих усилий, направленных на преодоление требований внешней среды, которые воспринимаются индивидом как превышающие его текущие ресурсы.

Важно отметить, что копинг-стратегии образуют многоуровневую систему адаптационных механизмов, которая позволяет специалистам не только справляться с текущими трудностями, но и сохранять профессиональную эффективность в долгосрочной перспективе. При этом все стратегии можно условно разделить на две большие группы: активные и пассивные.

Активные копинг-стратегии включают в себя прямое решение возникающих проблем, активный поиск социальной поддержки среди коллег и наставников, а также когнитивную переоценку ситуации с целью нахождения конструктивных решений. Пассивные же стратегии характеризуются избеганием, самокритикой и вытеснением переживаний, что часто приводит к усугублению стрессового состояния.

В экстремальных условиях эффективность копинг-стратегий приобретает критическое значение для сохранения профессионального здоровья специалистов. Исследования показывают, что активные формы совладания способствуют поддержанию профессиональной устойчивости, сохранению высокого уровня мотивации и существенному снижению уровня дистресса.

Особенно важно отметить, что пассивные копинг-стратегии, несмотря на кажущееся облегчение в краткосрочной перспективе, могут стать фактором развития профессионального выгорания и посттравматических расстройств. Это подтверждается многочисленными исследованиями, в том числе работами Е.И. Рассказовой, Т.О. Гордеевой и Е.Н. Осина [3], которые демонстрируют меньшую адаптивность стратегий избегания и эмоционального подавления по сравнению с проактивным поведением и планированием действий.

В условиях военного конфликта особую ценность приобретают специфические копинг-стратегии, направленные на поиск смысла происходящего, использование адаптивного юмора как механизма психологической защиты и восстановление субъективного контроля над ситуацией. Эти механизмы позволяют специалистам не только эффективно справляться с текущими трудностями, но и интегрировать травматический опыт в свою личностную структуру, сохраняя при этом профессиональную идентичность и мотивацию к дальнейшей работе.

Процесс интеграции травматического опыта через копинг-стратегии представляет собой сложный психологический феномен, включающий переосмысление ситуации, формирование новых смыслов и развитие устойчивости к стрессовым факторам. При этом особую роль играет способность специалиста к когнитивной переоценке событий, что позволяет трансформировать негативный опыт в ресурс личностного и профессионального роста.

Важным аспектом работы с копинг-стратегиями является профилактика формирования неадаптивных механизмов совладания. Это достигается через развитие навыков осознанного выбора стратегий поведения, формирование устойчивой системы социальной поддержки и постоянное совершенствование профессиональных компетенций.

Формирование эффективных копинг-стратегий требует комплексного подхода, включающего развитие навыков саморегуляции, обучение методам психологической защиты и формирование устойчивой системы личностных смыслов. При этом особое внимание следует уделять развитию способности к гибкому переключению между различными стратегиями в зависимости от специфики ситуации.

Таким образом, копинг-стратегии выступают ключевым фактором профессионального благополучия психологов, работающих в условиях военного конфликта. Их развитие и поддержка требуют системного подхода, включающего как индивидуальную работу над собой, так и создание благоприятных условий со стороны профессионального сообщества.

В контексте профессиональной деятельности психологов, работающих в экстремальных условиях, личностные ресурсы выступают ключевым фактором, обеспечивающим их профессиональное и психологическое благополучие. Эти ресурсы представляют собой сложную систему внутренних и внешних характеристик, которые позволяют специалистам сохранять устойчивость перед лицом сильнейших стрессовых воздействий и кризисных ситуаций. Согласно ресурсному подходу, эти механизмы активизируются в ответ на адаптационные вызовы, мобилизуя все имеющиеся резервы индивида – физиологические, психологические и социальные.

Глубокое понимание природы личностных ресурсов позволяет нам обратиться к классификации, предложенной Д.А. Леонтьевым [2], которая включает три основных класса ресурсов. Физиологический компонент охватывает широкий спектр характеристик: от общего состояния здоровья и типа нервной системы до уровня физической выносливости специалиста. Эти параметры создают фундамент, на котором строится вся система профессиональной устойчивости.

Психологические ресурсы представляют собой более сложную и многогранную структуру. Ресурсы устойчивости формируют базовый защитный механизм, позволяющий противостоять самым сложным жизненным обстоятельствам. Они включают в себя способность к психологической защите, устойчивость к стрессу и эмоциональную стабильность.

Ресурсы саморегуляции играют особую роль в стрессовых ситуациях, так как способны компенсировать дефицит устойчивости через осознанное управление эмоциональным состоянием. Этот процесс включает в себя волевой контроль, применение техник ментальной релаксации и развитие навыков эмоциональной регуляции. Ресурсы

устойчивости формируют базовый защитный механизм, позволяющий противостоять сложным жизненным обстоятельствам.

Мотивационные ресурсы, включающие смыслы, ценности, жизненные цели и воспринимаемые возможности, обеспечивают энергетическую основу для преодоления стрессовых ситуаций. Они стимулируют проактивное поведение, поддерживают веру в значимость профессиональной деятельности и способствуют формированию устойчивой мотивации даже в условиях высокого риска. Инструментальные ресурсы представляют собой приобретённые навыки и компетенции, а также механизмы психологической защиты и стратегии преодоления трудностей.

Социальные ресурсы проявляются через взаимодействие с другими людьми и включают поддержку профессионального сообщества, командную сплочённость, доступ к супервизии и возможность получения психологической помощи. Для психологов, работающих в зоне конфликта, особую значимость приобретают психологические ресурсы устойчивости и саморегуляции. Они позволяют сохранять внутреннюю целостность, принимать взвешенные решения в условиях неопределённости и восстанавливаться после интенсивных эмоциональных нагрузок.

В современной психологической науке особое внимание уделяется изучению механизмов адаптации человека к различным жизненным ситуациям. Адаптационная активность представляет собой сложный многоуровневый процесс, в ходе которого происходит мобилизация как физических, так и психологических ресурсов организма. При этом важно отметить, что эффективность адаптации во многом определяется способностью индивида к рациональному распределению и использованию имеющихся ресурсов.

Ресурсный подход в психологии представляет собой фундаментальную концепцию, направленную на изучение механизмов мобилизации и реализации личностных ресурсов в различных сферах деятельности. Согласно этому подходу, каждый человек обладает уникальным набором внутренних и внешних ресурсов, которые могут быть актуализированы в соответствии с его природными склонностями и потребностями.

Исследования в области ресурсного подхода позволяют глубже понять механизмы успешной адаптации личности к стрессовым ситуациям. Н.В. Родина в своих работах подчеркивает значимость процесса распределения ресурсов, который объясняет феномен сохранения здоровья и адаптивности некоторыми людьми даже в крайне неблагоприятных условиях. Данный механизм функционирует как комплексная система взаимосвязей разнообразных личностных составляющих, нацеленных на сохранение психоэмоционального равновесия и обеспечение максимально эффективного функционирования индивида в различных условиях. В рамках этого процесса происходит динамическое взаимодействие всех компонентов личности, что позволяет поддерживать стабильность внутренней среды и обеспечивать оптимальное функционирование психики даже в условиях воздействия стрессовых факторов.

Психологические ресурсы как феномен представляют собой комплексную систему внутренних и внешних переменных, способствующих формированию психологической устойчивости в стрессогенных ситуациях. В работах Н.Е. Водопьяновой подробно рассматривается структура этих ресурсов, включающая:

1. Эмоциональные конструкторы, обеспечивающие способность к эмоциональной регуляции и самоконтролю.
2. Мотивационно-волевые компоненты, определяющие целеустремленность и настойчивость в достижении целей.
3. Когнитивные структуры, отвечающие за переработку информации и принятие решений.
4. Поведенческие паттерны, формирующие адаптивные стратегии поведения.

Важно отметить, что психологические ресурсы не являются статичными образованиями – они динамичны и способны к развитию в процессе жизнедеятельности человека. Они выступают в качестве инструментов, позволяющих индивиду трансформировать свое взаимодействие со стрессогенными ситуациями, находить оптимальные пути решения проблем и сохранять психологическое благополучие.

Механизмы реализации ресурсов в стрессовых ситуациях представляют собой сложный психологический процесс, включающий:

1. Идентификацию имеющихся ресурсов.
2. Оценку их актуальности в конкретной ситуации.
3. Мобилизацию необходимых ресурсов.
4. Их эффективное использование для преодоления стрессового воздействия.

Особую значимость приобретает способность личности к гибкому перераспределению ресурсов в зависимости от характера стрессовой ситуации и имеющихся возможностей. Это позволяет не только успешно справляться с текущими трудностями, но и накапливать опыт эффективного преодоления стрессовых воздействий, что способствует формированию устойчивой системы психологической защиты.

Особенно ярко механизмы ресурсной адаптации проявляются в профессиональной сфере, где постоянный контакт со стрессовыми факторами требует от специалиста не только мобилизации имеющихся ресурсов, но и развития новых компетенций. Способность к гибкому перераспределению ресурсов, о которой говорилось ранее, в профессиональной среде приобретает качественно иное измерение, становясь ключевым фактором профессионального долголетия и эффективности.

Профессиональное развитие невозможно без постоянного взаимодействия с различными стрессорами, и именно здесь психологическая устойчивость, сформированная благодаря грамотному управлению ресурсами, демонстрирует свою практическую ценность. Специалисты, обладающие развитой системой психологической защиты и умеющие эффективно распределять свои ресурсы, не только сохраняют работоспособность в сложных условиях, но и способны трансформировать профессиональные вызовы в возможности для личностного и профессионального роста.

Важно подчеркнуть, что профессиональная деятельность создает особую среду, где ресурсный потенциал специалиста раскрывается наиболее полно. Именно в процессе работы происходит не только расходование имеющихся ресурсов, но и их пополнение, что делает профессиональное развитие непрерывным процессом накопления и трансформации психологического капитала личности.

В контексте профессиональной деятельности психологические ресурсы играют ключевую роль в сохранении работоспособности. Они позволяют специалистам не только эффективно выполнять свои обязанности, но и развиваться профессионально, расширять свой потенциал и повышать качество своей деятельности.

Наличие ценностно-смысловой ориентации, профессионального смысла и чувства миссии выступает важным фактором поддержки специалистов в условиях постоянного риска и моральных дилемм. Осознание значимости своей работы, понимание её вклада в общее дело и интеграция профессиональной деятельности в личную систему ценностей помогают противостоять эмоциональному истощению и вторичной травматизации [5]. Социальные ресурсы проявляются через взаимодействие с другими людьми и включают поддержку профессионального сообщества, командную сплоченность, доступ к супервизии и возможность получения психологической помощи. Для психологов, работающих в зоне военного конфликта, особую значимость приобретает именно этот аспект профессиональной деятельности.

Психологические ресурсы устойчивости и саморегуляции позволяют специалистам сохранять внутреннюю целостность, принимать взвешенные решения в условиях

неопределенности и восстанавливаться после интенсивных эмоциональных нагрузок. Наличие ценностно-смысловой ориентации, профессионального смысла и чувства миссии выступает важным фактором поддержки специалистов в условиях постоянного риска и моральных дилемм.

Таким образом, копинг-стратегии и личностные ресурсы представляют собой взаимосвязанные компоненты, обеспечивающие профессиональное благополучие психологов в условиях военного конфликта. Их развитие и поддержка являются важнейшей задачей как для самих специалистов, так и для организаций, обеспечивающих психологическую помощь в зоне боевых действий. Для повышения устойчивости психологов необходимо внедрять комплексные программы, включающие регулярную супервизию, групповые дебрифинги, обучение техникам саморегуляции и формирование реалистичных ожиданий от профессиональной деятельности.

Перспективным направлением дальнейших исследований остаётся изучение специфических копинг-стратегий, наиболее эффективных для психологов в различных типах военных конфликтов. Важным аспектом является разработка программ профилактики вторичной травматизации, учитывающих культурные особенности специалистов и специфику экстремальных условий. Создание стандартизированных методик оценки ресурсного потенциала психологов позволит более точно определять зоны риска и разрабатывать индивидуальные стратегии поддержки.

В заключение следует подчеркнуть, что понимание механизмов совладания и ресурсной базы специалистов не только способствует повышению качества психологической помощи в зонах боевых действий, но и обеспечивает долгосрочную профессиональную сохранность самих психологов. Комплексный подход к развитию копинг-стратегий и личностных ресурсов позволяет создать устойчивую систему поддержки, способную эффективно функционировать даже в самых экстремальных условиях.

Библиографические ссылки

1. Лазарус, Р. Психологический стресс и процесс совладания = Psychological Stress and the Coping Process / Р. Лазарус ; пер. с англ. – М.: Смысл, 2010. – 432 с. – Текст: непосредственный.
2. Леонтьев, Д.А. Личностные ресурсы в экстремальной деятельности / Д.А. Леонтьев // Психология экстремальных ситуаций: хрестоматия / сост. А.Е. Тарас, К.В. Сельченко. – Минск: Харвест, 2002. – С. 112–135. – Текст: непосредственный.
3. Осин, Е. Н. Копинг-стратегии в контексте профессионального выгорания / Е.Н. Осин, Т. О. Гордеева, Е. И. Рассказова // Психологическая наука и образование. – 2013. – Т. 18, № 4. – С. 5–15. – Текст: непосредственный.
4. Рассказова, Е.И. Копинг-стратегии: диагностика и оценка / Е.И. Рассказова, Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин. – М.: Когито-Центр, 2013. – 184 с. – Текст: непосредственный.
5. Фолкман, С. Стресс, оценка и копинг = Stress, Appraisal, and Coping / С. Фолкман, Р. Лазарус ; пер. с англ. – СПб.: Питер, 2015. – 368 с. – Текст: непосредственный.

© Волошина А.А., 2025

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИТ ИНДУСТРИИ

А. В. Вострых

*старший преподаватель кафедры прикладной математики и безопасности
информационных технологий,
ФГБОУ ВО «УГПС МЧС России», г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: a.vostrykh@list.ru*

В статье сделана попытка оценить эффективность психологических условий профессиональной деятельности в ИТ индустрии. Для этого были выявлены компоненты внешних и внутренних психологических условий; определены: элементы входящие в состав памяти человека, её ограничения, возможные иллюзии и искажения. В завершении статьи составлен перечень рекомендаций по проектированию программных интерфейсов и список критериев оценки эффективности психологических условий профессиональной деятельности в ИТ индустрии.

Ключевые слова: *психологические условия, когнитивная система, память, программный интерфейс, пользователь*

The article attempts to assess the effectiveness of psychological conditions for professional activity in the IT industry. To do this, the components of external and internal psychological conditions were identified; the elements that make up a person's memory, its limitations, and possible illusions were determined. Finally, the article provides a list of recommendations for designing software interfaces and a set of criteria for evaluating the effectiveness of psychological conditions for professional activity in the IT industry.

Key words: *psychological conditions, cognitive system, memory, software interface, user*

В настоящее время всё чаще на повестку дня ставится вопрос о совершенствовании условий профессиональной деятельности работников различных организаций. Это связано с желанием компаний добиваться более высоких результатов деятельности посредством затрат меньшего количества ресурсов, чем обычно. От условий профессиональной деятельности напрямую зависят успехи труда работников, например, в шумных помещениях увеличивается вероятность возникновения ошибок в работе сотрудников, так как это является отвлекающим и одновременно утомляющим фактором профессиональной среды [3, с. 23].

В перечень условий профессиональной деятельности входят психологические условия, которые являются предметом исследования настоящей статьи. Данный вид условий включает в себя подвиды внутренних и внешних условий [3, с. 23]. Внутренние представляют собой ресурсы, которыми располагает субъект деятельности, например: образ будущего результата и представления о путях его достижения; эмоциональный настрой на деятельность; профессионализм (стрессоустойчивость, работоспособность, заинтересованность и т.д.); адаптивный потенциал; способность личности противостоять негативным воздействиям профессиональной среды, когнитивные возможности (память, уровень мышления, интеллект) и т.д.

К внешним условиям относятся: требования, нормы и ограничения со стороны профессии, характеристики профессиональной среды и т.д.

В статье рассматривается ограниченная часть внутренних и внешних психологических условий, находящаяся в рамках научных интересов автора и тематики

данной работы, а именно: внутреннее условие – ограничения памяти человека; внешнее условие – возможности программного интерфейса (ПИ) по информационному обмену с пользователями.

Причиной анализа исключительно ИТ индустрии является стремительное расширение данной области и влияние прогресса её развития на все остальные отрасли. Данная индустрия ежедневно производит сотни новинок различного программного обеспечения, которое в связи с массовой цифровизацией общества внедряется во всевозможные сферы деятельности человека. От качества производимых программных продуктов (ПП), как показали исследования [4, с. 47], зависит благополучие как компаний в целом, так и каждого человека в частности. Примерами могут являться специализированные системы расчёта пожарного риска, ошибки вычислений в которых могут привести к многочисленным жертвам среди населения страны [5, с. 21] или программы, используемые для координации и маршрутизации авиаперевозок, где ошибки в расчётах могут привести к катастрофе [6, с. 9].

В приведённых примерах взаимодействие осуществляется между двумя сущностями оператором и ПП. Со стороны оператора, как было указано выше, анализу будет подвержен элемент когнитивной системы – память. Будут рассмотрены её виды, компоненты, ограничения и возможности. Со стороны ПП будет рассмотрен ПИ на предмет составления рекомендаций по его проектированию, так как в подавляющем большинстве случаев с помощью него осуществляется взаимодействие оператора и ПП. Как показали многочисленные эксперименты [4, с. 47; 5, с. 21; 6, с. 9] от эффективности ПИ зависит и общая оценка привлекательности ПП, и его надёжность в процессе работы.

Рекомендации по проектированию ПИ будут учитывать психофизиологические ограничения человека, что позволит при их использовании в разработке и дальнейшем внедрении новых интерфейсов в работу пользователей: повысить их работоспособность, увеличить удовлетворённость трудом и снизить вероятность возникновения ошибок при работе в ПП.

Составленные рекомендации по проектированию ПИ, а также систематизированные ограничения и возможности памяти позволят субъективно оценивать эффективность психологических условий профессиональной деятельности в ИТ индустрии в аспекте соответствия психофизиологических ограничений пользователей характеристикам ПИ.

Перейдём к рассмотрению памяти человека, которая является психическим процессом, проявляющимся в способности сохранять прошлый опыт, а также в возможности его повторного использования в своей жизни и деятельности. В самом общем виде память подразделяется на кратковременную и долговременную [16, с. 463].

Кратковременной (оперативной, рабочей) памятью называют систему непродолжительного хранения информации, расположенной между рецепторами, реагирующими на множество стимулов окружающей среды, и обширным хранилищем информации и знаний в долговременной памяти [7, с. 329].

Долговременная память является результатом отбора событий по степени их общности, отражение процессов длительного порядка повторяемости и связей, которые существенны для целенаправленного поведения [7, с. 329].

Основными характеристиками памяти являются: длительность сохранения, объем, быстрота запечатления, точность воспроизведения, готовность к использованию сохранённой информации [1, с. 134].

В состав долговременной памяти входят: процедурная и декларативная память [10, с. 124]. Процедурная (имплицитная) память – это память без осознания предмета запоминания, проявляется в приобретении моторных и интеллектуальных навыков. Декларативная (эксплицитная) память – это память на факты и события, в состав которой входят: семантическая и эпизодическая память. В свою очередь семантическая память

позволяет познавать окружающий мир, функционируя в рамках систематизации знаний о языковых символах, их значениях, правилах, формулах и алгоритмах манипулирования символами, понятиями и отношениями [15, с. 468]. Эпизодическую память составляют воспоминания об отдельных случаях из жизни человека, которые являются фактами биографии. Информация, содержащаяся в эпизодической памяти, зависит от контекста и составляет основу для опознания событий, людей и мест, встречавшихся в прошлом.

Эпизодическая память постоянно получает новые задачи (и изменяется в результате их выполнения), тогда как семантическая память активизируется реже, и остаётся относительно стабильной во времени, в связи с этим информация в эпизодической памяти быстро теряется по мере непрерывного поступления новых данных. Таким образом, процедурная память сохраняет связи между стимулами и реакциями, семантическая память обладает дополнительными возможностями репрезентации внутренних событий, не происходящих в настоящий момент, а эпизодическая память имеет дополнительную возможность приобретать и удерживать знания о лично переживаемых событиях.

Основными процессами памяти являются: узнавание, запоминание, воспроизведение, сохранение, забывание [9, с. 29; 11, с. 85].

Запоминанием является психическая деятельность, направленная на закрепление в памяти новой информации, соотносением с уже приобретённым ранее знанием.

Сохранение характеризуется временем удержания в памяти воспринятой информации и отличается исключительной динамичностью.

Забыванием является процесс, выражающийся в невозможности восстановить ранее воспринятую информацию.

Воспроизведением является процесс воссоздания образа предмета, воспринимаемого ранее, но не воспринимаемого в данный момент

Узнаванием является процесс отождествления воспринимаемого объекта с ранее известным опытом.

Кратковременная память характеризуется следующими ограничениями по обработке информации: может удерживать до семи единиц информации независимо от вида содержащихся в них данных на период от десяти до тридцати секунд (при отсутствии повторения) [2, с. 285].

Для памяти характерны следующие нарушения и эффекты [2, с. 285; 9, с. 29; 12, с. 112]:

- эффект «дежа вю» – психическое явление, которое состоит в том, что человеку на сравнительно короткое время начинает казаться, что все, что с ним происходит, уже было, при этом он понимает, что данной ситуации и происходящих в ней событий ранее на самом деле не было. Данное явление связывают с нарушениями памяти, оно возникает при появлении сбоев в процессах сознания, когда осознаются результаты не только психического, но и физиологического отражения;

- эмоциональный эффект Струпа (замедление при идентификации цветных эмоциональных стимулов по сравнению с нейтральными). Во время переживания эмоции память человека функционирует в особом модусе, перерабатывая прежде всего ту информацию, которая оказывается наиболее важной в данный момент автоматическим привлечением больших ресурсов внимания к эмоциональной информации;

- «узнавание» может создавать иллюзию точного знания о предмете, явлении и вызывать ложную уверенность в прочном запоминании информации, что отрицательно сказывается на качестве познавательного процесса;

- эффекты «новизны» – склонность индивида принимать во внимание и придавать наибольшее значение более новой информации и т.д.

По результатам проведённого анализа памяти автор считает необходимым представить ряд заключений, сделанных на основе систематизации результатов

экспериментов и наблюдений исследователей [8, с. 29; 12, с. 73; 13, с. 268; 15, с. 12] из таких областей наук, как: аналитическая психология, нейрофизиология, эргономика, психология, психофизиология. Данные заключения автор представил в виде рекомендаций по проектированию ПИ. Они показывают значимость учёта особенностей психики человека при проектировании ПИ, а также позволяют выделить области ПИ, где проектировщикам следует обращать особое внимание при проработке элементов интерфейсов.

1. Доказано, что чрезмерная новизна может вызывать у людей беспокойство и страх [13, с. 113]. Исходя из этого сделано заключение о том, что обновления программного обеспечения и последующие версии ПИ необходимо реализовывать с умеренной долей новизны относительно предыдущих версий, оставляя большую часть информационно-функциональных элементов (ИФЭ), паттернов взаимодействия в неизменном виде.

2. Забывание протекает быстрее, если материал недостаточно понят человеком, неинтересен или непосредственно не связан с его практическими потребностями [14, с. 9]. Исходя из этого сделано заключение о том, что ПИ необходимо проектировать в соответствии с целями и потребностями целевой аудитории.

3. Скорость забывания зависит от объёма материала и степени трудности его усвоения: чем больше объём материала или чем он труднее для восприятия, тем быстрее происходит забывание [8, с. 19]. Исходя из этого сделано заключение о том, что ИФЭ интерфейсов необходимо группировать в количестве элементов, не превышающих объём кратковременной памяти.

4. Доказано, что динамика любого психического состояния определяется внешними (особенности окружающей среды и деятельности) и внутренними (темперамент, уровень развития сенсорно-перцептивных процессов, интеллект, психомоторные функции, личностные свойства, предшествующее состояние) детерминантами. Внешние детерминанты влияют на психологическое состояние, проходя через фильтр внутренних детерминант [12, с. 17]. Исходя из этого автор делает заключение о том, что на качество взаимодействия пользователя и ПИ влияют внутренние установки, принципы и мировоззрения первого. Это подтверждает необходимость разработки детализированной модели пользователей с целью учёта таких нюансов и реализации их в ПИ.

5. Доказано, что объём кратковременной памяти ограничен семью единицами информации, которая может храниться в пределах 10-30 секунд. Фактический объём кратковременной памяти может быть расширен за счёт кодирования отдельных единиц в более крупные [13, с. 423]. Исходя из этого автор делает заключение о том, что при проектировании ПИ необходимо организовывать отдельные ИФЭ в блоки для упрощения их восприятия и лёгкости запоминания, что ускорит процесс обучения функциональным возможностям интерфейсов.

6. Доказано, что время реакции (воспроизведения данных) зависит от времени, затраченном на поиск элемента в кратковременной памяти. Чем больше объём информации, содержащейся в памяти, тем больше времени требуется на доступ к ней [8, с. 12]. Исходя из этого автор делает заключение о том, что при проектировании ПИ необходимо минимизировать объём визуальной информации в интерфейсе или оптимально распределять её по блокам.

7. Доказано, что в кодировании информации, поступающей в кратковременную память, участвуют как минимум визуальные, акустические и семантические коды. Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что раньше остальных происходит визуальное кодирование [12, с. 84]. Исходя из этого автор делает заключение о том, что при проектировании ПИ необходимо в зависимости от важности индикатора подбирать для него наиболее заметное визуальное оформление.

8. Доказано, что опознание кодированных слов возрастает прямо пропорционально конечному уровню обработки, то есть слова, привязанные к смысловым характеристикам, опознаются легче, чем слова, привязанные только к фонематическим или структурным характеристикам [8, с. 13]. Исходя из этого автор делает заключение о том, что при проектировании ПИ необходимо осмыслено подходить к наименованиям функций и наименований ИФЭ.

Таким образом, исходя из составленного перечня рекомендаций становится возможным проведение субъективной оценки эффективности психологических условий профессиональной деятельности в IT индустрии в аспекте соответствия психофизиологических ограничений пользователей характеристикам ПП и их ПИ по следующим критериям:

1. Визуальная новизна продукта (сравнение в процентном соотношении визуальных изменений ИФЭ новой и предыдущей версии ПП).
2. Функциональная новизна (сравнение в процентном соотношении функциональных изменений ИФЭ новой и предыдущей версии ПП).
3. Соответствие названия ИФЭ его предназначению (вычислить количество соответствующих ИФЭ своему предназначению от общего количества).
4. Визуальная загруженность ПИ (количество ИФЭ интерфейса в отношении к объёму кратковременной памяти пользователя).
5. Структурность ПИ (количество групп ИФЭ интерфейса в отношении к объёму кратковременной памяти пользователя).
6. Доступность ИФЭ (среднее время поиска ИФЭ в интерфейсе).

Таким образом, в статье сделана попытка оценить эффективность психологических условий профессиональной деятельности в IT индустрии. Для этого были определены два компонента по одному из внешних и внутренних психологических условий, а именно: внутреннее условие – ограничения памяти пользователя, внешнее условие – возможности ПИ по информационному обмену с пользователями.

В процессе исследования были определены: компоненты памяти человека, её ограничения, возможные иллюзии и искажения возникающие в процессе запоминания и обработке информации. На основе результатов экспериментов и наблюдений исследователей из различных областей наук составлен перечень рекомендаций по проектированию ПП и их ПИ, который позволил составить список критериев оценки эффективности психологических условий профессиональной деятельности в IT индустрии.

Библиографические ссылки

1. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. – СПб.: Изд-во «Речь», 2003. – 368 с.
2. Ансимовой, Н.П. Общая психология: учебное пособие / Н.П. Ансимовой. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013. – 492 с.
3. Буртовая, Н. Б. Внутренние психологические условия деятельности профессионала // Н.Б. Буртовая / Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2016. 1 (11) 21-25
4. Вострых, А.В. К вопросу роста качества восприятия операторами информации в чрезвычайных ситуациях на основе совершенствования графических пользовательских интерфейсов // А.В. Вострых / Сборник пленарных докладов Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, – 2021. – С. 45-56.
5. Вострых, А.В. Метод оценки эффективности графических пользовательских интерфейсов программных продуктов // А.В. Вострых / Приборы и системы. Управление, контроль, диагностика. – 2022. – № 10. – С. 19-28.

6. Вострых, А.В. Алгоритм оценки согласованности информационно-функциональных элементов графических пользовательских интерфейсов // А.В. Вострых / Вестник СПбГУТ. 2023. – Т. 1. – № 2.
7. Дружинина, В.Н. Когнитивная психология / В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 479 с.
8. Кирдяшкина Т.А. Методы исследования внимания. Практикум по психологии / Т.А. Кирдяшкина – Челябинск: Изд. ЮУрГУ, 1999. – 72 с.
9. Киселева, Л. А. Мир эмоций человека и регуляция деятельности: учебно-методическое пособие / Л.А. Киселева, Т.Н. Помазуева. – Екатеринбург, Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2007 – 68 с.
10. Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения / А.Н. Леонтьев. – М. : Педагогика, 1983 – 320 с.
11. Локалов, В.А. Общие закономерности развития психики и когнитивных процессов / В. А. Локалов Учебное пособие. – СПб: СПбГУ ИТМО, 2010. – 116 с.
12. Немов, Р.С. Общая психология. Книга 3. Воображение и мышление / Р. С. Немов. – М. : Издательство Юрайт, 2019. – 224 с.
13. Немов, Р.С. Психология / Р.С. Немов М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 640 с.
14. Реверчук И.В. Психофизиология и патопсихология эмоций и чувств / И.В. Реверчук. – Ижевск, 2016. – 36 с.
15. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб: Питер, 2001. – 720 с.
16. Солсо, Р. Когнитивная психология / Р. Солсо. – СПб.: Питер, 2006. – 589 с.

© Вострых А.В., 2025

ДИАГНОСТИКА И ПРОФИЛАКТИКА СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СОТРУДНИКОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ (НА ПРИМЕРЕ СИЗО-1 ГУФСИН ПО КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ)

Г. Э. Гюев

студент 3 курса, Сибирский федеральный университет

г. Красноярск, Россия

E-mail: georgijgioev@gmail.com

А. А. Чашина

доцент, Сибирский федеральный университет

г. Красноярск, Россия

E-mail: chashina05@mail.ru

Анализируется проблема эмоционального выгорания сотрудников СИЗО-1 (Красноярский край). На основе результатов исследования выявлены ключевые факторы риска и уровень распространённости синдрома, предложен комплекс профилактических мер для поддержания психологического благополучия персонала.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, сотрудники уголовно-исполнительной системы, следственный изолятор, психоэмоциональное напряжение, стресс, профилактика выгорания

Analyzes the problem of emotional burnout among employees of SIZO-1 (Krasnoyarsk Territory). The study identifies key risk factors and prevalence of the syndrome, and proposes a set of preventive measures to maintain psychological well-being of personnel.

Keywords: emotional burnout, employees of the penal system, pre-trial detention center, psychoemotional stress, stress, burnout prevention.

Психология труда сотрудников уголовно-исполнительной системы, и в особенности персонала следственных изоляторов, представляет собой уникальную область изучения, обусловленную экстремальностью и спецификой профессиональной среды. Деятельность в СИЗО протекает в условиях замкнутого пространства с жёстким режимом, постоянной концентрацией потенциальных угроз и необходимостью одновременного выполнения конфликтующих социальных ролей: надзирателя, администратора, а в некоторых ситуациях - психолога и даже «первой помощи» для лиц, содержащихся под стражей. Это формирует комплекс психологических особенностей, которые можно структурировать по нескольким ключевым направлениям.

Работа в условиях тотальной регламентации и изоляции от внешнего мира способствует формированию так называемого «институционального мышления». Сотрудник вынужден постоянно функционировать в системе строгих правил и запретов, что ведёт к переносу этих паттернов поведения за пределы учреждения: повышенной подозрительности, ригидности мышления, склонности к черно-белому восприятию действительности. По мнению многих ученых синдром «закрытых систем» является почвой для профессиональной деформации, которая у сотрудников СИЗО часто проявляется в виде гиперконтроля, эмоциональной холодности и авторитаризма. Данные качества, будучи функциональными в рамках службы, дезадаптивны в личной и социальной жизни, что усугубляет внутренний конфликт и способствует выгоранию. По мнению А.А. Аминова, который изучал индивидуальные сходства и различия к толерантности развития синдрома «эмоционального выгорания» при выборе профессии

были обнаружены связи индивидуальных различий с типологическими свойствами нервной системы (слабостью, лабильностью, активированностью нервных процессов), что позволило связать склонность к выгоранию с качествами личности и ее способностями [8, с. 82]. Таким образом, появилась теория профессионального отбора при выборе вида профессий.

Сотрудник СИЗО постоянно находится в поле напряжения между карательной и гуманистической функциями пенитенциарной системы, что закономерно создаёт когнитивный диссонанс. С одной стороны, он обязан обеспечивать изоляцию и безопасность, применяя силу и контроль, что требует дистанцирования и доминирования. С другой – он взаимодействует с людьми, находящимися в тяжелейшем психологическом состоянии, и от него зачастую ожидают проявления человеческого отношения, что требует эмпатии и понимания. Особенно данная проблема обостряется принятием Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» обязывающий работника исправительного учреждения проявлять гуманизм и реализовывать меры социализации и перевоспитания заключенного [1]. Как отмечает Чашина А.А. на работника исправительной системы возлагается ряд сложных многофункциональных задач: «Важнейшим элементом успеха является развитие системы «социальных лифтов»... создание таких механизмов требует: разработки индивидуальных траекторий социально-трудовой адаптации, внедрения системы наставничества и сопровождения, формирования инклюзивной среды в трудовых коллективах, развития программ дополнительного образования и переквалификации» [3, с. 341]. Этот внутренний конфликт ролей надзирателя и помощника является мощным источником стресса. Разрешение этого конфликта часто происходит через механизм деперсонализации, когда подозреваемые и обвиняемые воспринимаются не как личности, а как объекты управления, что является одним из ключевых симптомов эмоционального выгорания.

Фундаментальной особенностью труда в следственном изоляторе является состояние перманентной готовности к нестандартным и опасным ситуациям, что приводит к хронической мобилизации психических и физиологических ресурсов, известной как состояние «боевой готовности» или гипервигильности. Чувство бдительности, постоянное сканирование среды на предмет угроз, анализ невербального поведения и малейших изменений в настроении контингента требует огромных энергозатрат и ведёт к психофизическому истощению. Со временем это состояние может трансформироваться в тревожность, паранойяльность и неспособность расслабиться даже в безопасной обстановке.

Специфика профессионального общения в СИЗО носит асимметричный и манипулятивный характер. Сотрудник должен владеть навыками как прямого командного воздействия, так и вербального – деэскалации конфликтов. При этом он постоянно является объектом психологического давления, провокаций и манипуляций со стороны лиц, содержащихся под стражей, которые стремятся либо получить определённые льготы, либо психологически подавить представителя власти. Работа в системе ГУФСИН требует развитого эмоционального интеллекта, но одновременно вынуждает выстраивать мощные психологические защиты, что способствует эмоциональному очерствению.

Профессиональная деятельность в пенитенциарной системе часто несёт на себе отпечаток социальной стигмы, сотрудники могут сталкиваться с непониманием со стороны друзей и родственников, которые не способны осознать специфику их работы. Это формирует своеобразный «профессиональный вакуум», когда делиться переживаниями и проблемами не с кем, кроме коллег. Внутренняя сплочённость коллектива в таких условиях становится критически важным буфером против стресса, но её отсутствие, напротив, усугубляет чувство одиночества и незащищённости.

Таким образом, психология труда в СИЗО характеризуется как постоянным пребыванием в экстремальной социальной среде, так и внутренними психологическими конфликтами, порожденными двойственностью профессиональных задач. Эти особенности являются системным фоном, на котором с высокой вероятностью развивается синдром эмоционального выгорания. Поэтому любые профилактические меры должны быть направлены не только на снятие симптомов, но и на помощь сотруднику в осознании и конструктивном разрешении этих глубинных профессиональных противоречий, формировании устойчивой профессиональной идентичности, способной интегрировать в себе как необходимость контроля, так и сохранение человечности.

Профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) справедливо относится к числу наиболее стрессогенных. Как было отмечено нами выше работники следственных изоляторов (СИЗО), в частности СИЗО-1 ГУФСИН России по Красноярскому краю, ежедневно сталкиваются с комплексом психотравмирующих факторов: постоянный контакт с лицами, содержащимися под стражей, высокий уровень потенциальной опасности, необходимость неукоснительного соблюдения режимных требований, высокая ответственность за безопасность и дефицит ресурсов. Совокупность этих условий создаёт почву для развития синдрома эмоционального выгорания – серьёзной проблемы, которая не только подрывает психическое и физическое здоровье сотрудников, но и напрямую влияет на эффективность и безопасность функционирования самого учреждения.

Проблема выгорания характерна для многих служб правоохранительного блока, что подтверждается исследованиями коллег, так Гладкая Ю.Е. пишет: «После анализа материалов было подтверждено преобладание высокого уровня профессионального выгорания среди сотрудников правоохранительных органов» [2, с. 45].

В настоящее время понятие «профессиональное выгорание» прочно вошло в лексикон специалистов различных сфер. Впервые термин был введен в начале 1970-х годов американским психиатром Гербертом Фрейденбергом и трактовался как «эмоциональное сгорание»: «характеризующееся халатным отношением к обязанностям, снижением интереса, конфликтностью, невротическими и соматическими расстройствами на фоне крайнего истощения от долговременных негативных мотивационно-эмоциональных проблем на работе» [4, с. 169]. В отличие от депрессии, выгорание часто сопровождается не подавленностью, а возбуждением, агрессией и раздражительностью, и изначально применялось к специалистам, интенсивно коммуницирующим с людьми.

В дальнейшем синдром изучался такими отечественными и зарубежными исследователями, как К. Маслач, С. Джексон, К. Кондо, В.В. Бойко, Е.В. Юдина, Н.Е. Водопьянова и другими. Ученые фокусировались на определении сущности понятия, отделении его от «стресса» и «депрессии», выявлении закономерностей возникновения в профессиях типа «человек-человек» и разработке системных мер профилактики. Согласно К. Кондо профессиональное выгорание связано дезадаптацией к рабочему месту из-за чрезмерной нагрузки и неадекватных межличностных отношений [5]. К. Маслач и С. Джексон определяли выгорание как последовательные стадии физиологического и психоэмоционального ослабления, негативной самооценки и отношения к работе [6]. В.В. Бойкотрактует профессиональное выгорание как выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия. Это приобретенный стереотип эмоционального, чаще всего профессионального поведения, позволяющий дозировать и экономно расходовать энергетические ресурсы. Однако его дисфункциональные следствия негативно сказываются на исполнении профессиональной деятельности [7]. Стадии синдрома, описанные О.А. Бессоновой, включают: эмоциональное истощение (чувство опустошенности, физическая усталость); деперсонализацию (развитие циничного,

безличного отношения к коллегам и клиентам (в данном случае – к лицам, содержащимся под стражей); редукцию профессиональных достижений (возникновение негативных мыслей о себе, снижение продуктивности и ощущение некомпетентности) [4]. Таким образом, профессиональное выгорание можно определить как процесс постепенной утраты эмоциональной, когнитивной и физической энергии, проявляющийся в симптомах эмоционального и умственного истощения, физического утомления, личной отстраненности и снижения удовлетворения работой.

Деятельность сотрудников УИС, и в частности, СИЗО, аккумулирует в себе все ключевые факторы риска, описанные в теориях выгорания. Как и специалисты по социальной работе, сотрудники СИЗО относятся к профессиям системы «человек-человек» с высокой моральной ответственностью, но в условиях, усугубленных режимными требованиями и постоянной угрозой безопасности. Факторы, способствующие выгоранию в данной профессиональной среде, можно классифицировать на организационно-психологические (хроническая нехватка кадров, размытость должностных обязанностей, отсутствие карьерных перспектив, неадекватная оплата труда, недостаточная поддержка со стороны руководства, строгая регламентация) и ситуационные (непосредственная работа в условиях повышенной опасности, постоянное психологическое давление, необходимость взаимодействия с «трудным» контингентом, часто негативно настроенным, монотонность режимных процедур). Отдельно некоторые авторы выделяют индивидуально-психологические факторы (личностные особенности (высокая эмпатия, перфекционизм, низкая стрессоустойчивость), нереалистичные ожидания от профессии, отсутствие навыков психологической саморегуляции).

Как подчеркивает В.В. Попов, выгорание развивается как реакция на хронический профессиональный дистресс, усугубляемый неэффективными стратегиями преодоления, что приводит к психосоматическим заболеваниям, нервным срывам и снижению профессиональной эффективности [8].

Симптомы проявляются на психофизическом, социально-психологическом и поведенческом уровнях. Для оценки уровня эмоционального выгорания среди сотрудников СИЗО-1 был проведен анонимный опрос с использованием стандартизированной методики диагностики выгорания (опросник МБИ К. Маслач). В исследовании учитывались социально-демографические и профессиональные данные респондентов, обработка данных проводилась методами статистического анализа.

Результаты показали следующее распределение:

высокий уровень – у 15% сотрудников;

средний уровень – у 20% сотрудников;

низкий уровень – у 25% сотрудников.

Анализ подтвердил теоретические предположения, что наиболее высокий уровень эмоционального истощения наблюдался у сотрудников со стажем работы более 10 лет, что соответствует концепции постепенного накопления стресса. Сотрудники, не состоящие в браке, демонстрировали более выраженные признаки деперсонализации (цинизма), что подчеркивает роль социальной поддержки как буфера против выгорания. Ключевыми организационными факторами, способствующими выгоранию, были названы: недостаточная укомплектованность штата, высокая интенсивность труда и отсутствие ясных карьерных перспектив.

Анализ литературы по международной практике показывает, что эффективные программы управления стрессом и профилактики выгорания в пенитенциарных учреждениях носят комплексный характер и включают следующие ключевые элементы. В США, Канаде и Великобритании обязательными компонентами профессиональной подготовки являются тренинги по: техникам осознанности и эмоциональной саморегуляции; вербальной деэскалации конфликтов; распознаванию ранних признаков

профессионального выгорания и ПТСР. Скандинавские страны (Норвегия, Швеция) демонстрируют эффективность организационных мер поддержки: оптимизация соотношения «персонал-заключенные»; разработка четких карьерных траекторий; внедрение системы ротации должностных обязанностей и создание открытой организационной культуры, поощряющей обсуждение проблем со стрессом [5]. В международной практике внедрения программ психологической помощи наиболее распространены две формы поддержки: системы коллегиальной помощи, когда специально обученные сотрудники оказывают психологическую поддержку коллегам и конфиденциальные программы профессиональной психологической помощи. Создание условий для восстановления включает оборудование комнат психологической разгрузки, организацию корпоративных спортивных программ, обеспечение доступа к средствам физической реабилитации.

В Трудовом кодексе Российской Федерации указано, что каждый работодатель должен обеспечить сотрудникам условия, которые соответствуют требованиям охраны труда, статья 210 «Основные направления государственной политики в области охраны труда» Трудового кодекса Российской Федерации, гласит, что одно из приоритетных направлений государственной политики в области охраны труда – «обеспечение приоритета сохранения жизни и здоровья работников» [9]. Таким образом, важно, чтобы не только сотрудник нес ответственность за себя и свое собственное благополучие, но и работодатель обеспечивал баланс между должностной инструкцией, навыками, компетенциями работника и собственными целями.

Ключевыми принципами успешных программ профилактики выгорания и доказанных практик являются их системность, проактивная направленность, конфиденциальность и создание организационной культуры, в которой забота о психическом здоровье персонала считается профессиональной нормой. На основе теоретического анализа и полученных эмпирических данных был разработан комплекс профилактических мер, направленных на разные уровни проблемы, согласующийся с подходами, предлагаемыми современными исследователями.

Оптимизация организационных условий (борьба с организационными факторами): пересмотр и оптимизация штатного расписания, четкое определение зон ответственности и должностных инструкций, разработка прозрачной системы материального и нематериального стимулирования, карьерного роста.

Развитие личностных ресурсов сотрудников (снижение влияния индивидуальных факторов): внедрение регулярных тренингов по стресс-менеджменту, коммуникативным навыкам и техникам эмоциональной саморегуляции, основанных на концепциях копинг-стратегий. Пропаганда здорового образа жизни через корпоративные спортивные и рекреационные мероприятия. Создаются специально оборудованные комнаты, где сотрудники могут отдохнуть после напряженной смены – послушать музыку, посмотреть телевизор, пообщаться с коллегами в неформальной обстановке до того, как поехать домой. Это помогает «оставить работу на работе».

Создание системы психологической поддержки (профилактика симптомов истощения и деперсонализации): обеспечение доступности индивидуального и группового психологического консультирования, внедрение института супервизии как эффективного инструмента поддержки и анализа сложных случаев, создание «групп поддержки» для коллег.

Совершенствование управления и организационной культуры: формирование культуры открытости и доверия между рядовыми сотрудниками и руководством, внедрение регулярной обратной связи и программ адаптации для новичков, помогающих снизить стресс вхождения в профессию и скорректировать ожидания.

Ключевые принципы эффективных программ:

проактивность – упор на профилактику, а не на решение последствий;
системность – сочетание индивидуальной и организационной поддержки;
конфиденциальность – гарантия анонимности обращения за помощью;
нормализация – создание среды, где забота о психическом здоровье считается нормой.

Проблема эмоционального выгорания сотрудников СИЗО-1 ГУФСИН России по Красноярскому краю, рассмотренная через призму теоретических концепций, требует безотлагательного и системного решения. Результаты исследования подтверждают высокую распространенность данного синдрома и его прямую связь с организационными и индивидуальными факторами. Реализация предложенного комплекса профилактических мер, основанного на теоретическом понимании природы выгорания, будет способствовать не только сохранению психического здоровья сотрудников, но и повышению эффективности работы учреждения в целом, укрепляя тем самым правопорядок и безопасность. Инвестиции в человеческие ресурсы УИС, включающие профилактику выгорания, являются ключевым условием ее устойчивого и эффективного функционирования.

Библиографические ссылки

1. Федеральный закон от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html>
2. Гладкая, Ю.Е. Проблема профессионального выгорания работников правоохранительных органов подразделения по делам несовершеннолетних / Ю.Е. Гладкая // Теория и практика социальной работы в современном социуме : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной Году защитника Отечества, Липецк, 17 апреля 2025 года. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. – С. 45-48. – EDN JPVEIV.
3. Чашина, А.А. Синтез государственного управления и гражданских инициатив в контексте стратегической парадигмы ресоциализации заключенных / А.А. Чашина // Енисейские политико-правовые чтения : сборник научных статей по материалам XVII Всероссийской научно-практической конференции, Красноярск, 14–17 мая 2025 года. – Красноярск: Красноярское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», 2025. – С. 338-342. – EDN XRCPLW.
4. Бессонова, О.А. Эмоциональное «выгорание» социальных работников как профессиональная проблема / О.А. Бессонова, Г.В. Головин, Е.О. Лунева // Проблема профессиональной дезадаптации в условиях современных социальных вызовов. – 2021. – № 5. – С. 169–174.
5. Кондо, К. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы / К. Кондо // Психологический журнал. – 2001. – № 1. – С. 98–106.
6. Мухина, О.Д. Психосоциальная характеристика эмоционального выгорания социальных работников: технологии преодоления / О. Д. Мухина // Педагогика и психология как ресурс развития современного общества. – 2021. – № 4. – С. 115–119.
7. Бойко, В.В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении: учебное пособие / В. В. Бойко. – Санкт-Петербург, 2009. – 278 с.
8. Попов, В.В. Профессиональное выгорание в массовых профессиях - постановка проблемы / В.В. Попов // Вестник Университета Российской академии образования. – 2015. – № 5. – С. 82-89. – EDN VNWLNT.

9. Российская Федерация. Законы. Трудовой кодекс Российской Федерации : ТК : текст с изменениями и дополнениями на 1 марта 2023 года : // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683

© Гиюев Г.Э., Чащина А.А., 2025

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ У ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Я. В. Гаврилова

Студент 4 курса

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

Д. А. Голова

Студент 4 курса

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: diana5555qqq@gmail.com

Д. Н. Девятловский

доктор пед. наук, доцент, профессор кафедры ППСР

СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

E-mail: devyatlovskiy@mail.ru

В статье рассматривается проблема эмоционального выгорания преподавателей высших учебных заведений, возникающая в условиях высокой профессиональной нагрузки и трансформации образования. Анализируются проявления выгорания по шкалам психоэмоционального истощения, деперсонализации и редукции личных достижений, а также подчеркивается необходимость своевременной диагностики и профилактики данного состояния.

Ключевые слова: преподавание, система образования, высшие учебные заведения, эмоциональное выгорание.

The article examines the problem of emotional burnout of university teachers, which occurs in conditions of high professional workload and educational transformation. The manifestations of burnout are analyzed according to the scales of psychoemotional exhaustion, depersonalization and reduction of personal achievements, and the need for timely diagnosis and prevention of this condition is emphasized.

Key words: teaching, education system, higher education institutions, emotional burnout.

Актуальность изучения темы основывается на том, что в условиях современного общества система высшего образования переживает значительные преобразования, связанные с цифровизацией, ростом требований к качеству обучения, увеличением учебной и отчетной нагрузки, а также с необходимостью постоянного профессионального развития преподавателей. Эти факторы существенно повышают уровень психоэмоционального напряжения педагогов и создают благоприятную почву для формирования синдрома эмоционального выгорания.

Профессиональная роль преподавателя включает в себя комплекс функций и обязанностей, которые он осуществляет в ходе организации учебного процесса, взаимодействуя с обучающимися, коллегами и другими участниками образовательной среды. В различные исторические эпохи роли преподавателей имели свои характерные черты. Их разнообразие возрастало и продолжает расти и в настоящее время.

На различных этапах развития образовательной системы роль преподавателя претерпевала изменения. В частности, Аристотель придавал значительное значение фигуре педагога и наставника, поднимая их на самый высокий уровень социальной иерархии. Он

считал, что родители обеспечивают человеку физическое существование, даря ему жизнь, тогда как именно педагоги способствуют формированию его достойной жизни. Аристотель видел в педагогах не просто учителей, а ключевых участников образовательного процесса, чья задача заключается в воспитании и развитии умений, ценностей и моральных качеств у молодого поколения. Таким образом, преподаватель воспринимался как важнейшая фигура, способная влиять на судьбы людей и, в конечном счете, на будущее общества в целом.

Несмотря на постепенные изменения в системе высшего образования, до начала XX века преподаватель в основном выполнял роль носителя и передатчика знаний и занимался воспитательной работой. В течение XX века произошли значительные трансформации образовательной системы, что значительно изменило профессиональные роли преподавателей. В середине века начался переход к более гуманистической педагогике, в рамках которой преподаватель начал рассматриваться как исследователь и наставник, а также как социальный работник. Профессиональная роль преподавателя стала соответствовать новым требованиям, включающим дополнительные функции: быть индивидуальным наставником, ориентироваться на потребности и способности каждого студента и заботиться о развитии его личности.

Современные профессиональные роли преподавателя объединяют все упомянутые функции и требуют ряда качеств. Рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, преподаватели должны уметь разрабатывать и применять инновационные методы и технологии в образовательном процессе. Современные технологии открывают широкие возможности для обучения, предоставляя почти неограниченный доступ к научным и учебным материалам. Однако наряду с преимуществами цифровизации, существуют и недостатки, такие как легкость получения готовых ответов на задания, что влечет за собой снижение уровня мотивации у учеников, поскольку самостоятельный поиск больше не осуществляется [7].

Во-вторых, способность работать в команде и эффективно взаимодействовать со всеми участниками образовательного процесса крайне важна. Преподаватель взаимодействует не только со студентами, но и с коллегами, а также с руководством. С одной стороны, работа преподавателя предполагает автономию и профессиональную самостоятельность, с другой стороны, обмен знаниями и опытом с коллегами значительно обогащает его собственный профессиональный опыт.

В-третьих, готовность к постоянному обучению и повышению своей квалификации является необходимой для преподавателя. Современная концепция образования основывается на принципе непрерывности обучения на протяжении всей жизни. Чтобы оставаться актуальным и востребованным, преподаватель должен планировать свое профессиональное развитие, учитывая свой многолетний профессиональный путь, включая периоды роста и достижения пика профессионализма [1].

Кроме того, преподаватель должен осознавать высокие моральные ценности и понимать, какие идеалы он транслирует в процессе общения со студентами, поскольку это влияет как на взаимодействие с ними, так и на формирование у самих студентов некоторых моральных ценностей и жизненных идеалов [3].

Наконец, умение прогнозировать изменения в образовательных ресурсах также является важным качеством. Под образовательными ресурсами подразумеваются как бумажные, так и цифровые материалы, которые могут помочь студентам в освоении учебного материала по дисциплинам, которые они изучают.

Поскольку современная система высшего образования переживает период интенсивных изменений, рассмотренных выше, появляется необходимость научной продуктивности и усложнения педагогических задач, возложенных на преподавателя. В этих условиях значительно возрастает эмоциональное, когнитивное и организационное

напряжение преподавателей. Одним из наиболее распространённых последствий профессионального переутомления становится синдром эмоционального выгорания – состояние психической и профессиональной истощённости, нарушающее устойчивость личности и ухудшающее результаты профессиональной деятельности.

Исследование эмоционального выгорания преподавателей вузов важно не только для понимания индивидуальных процессов адаптации и саморегуляции, но и для обеспечения качества образовательной среды в целом.

Состояние эмоционального выгорания не только негативно влияет на физическое и психическое здоровье преподавателя, но и снижает эффективность образовательного процесса, ухудшая качество взаимодействия с обучающимися и коллегами.

Термин «эмоциональное выгорание» впервые появился в научной литературе благодаря американскому психиатру Х.Дж. Фрейденбергеру в 1974 году. Он использовал этот термин для описания психологического состояния здоровых людей, которые находятся в постоянном и близком контакте с различными индивидуумами в условиях эмоционально насыщенной среды, связанной с выполнением профессиональных обязанностей по оказанию помощи другим людям [6].

Синдром эмоционального выгорания представляет собой прогрессирующее состояние эмоционального опустошения, которое выступает в качестве защитного механизма психики, проявляющегося полным или частичным отсутствием эмоциональной реакции на стрессовые факторы. Чаще всего встречается среди медицинских работников, психологов, учителей, а также лиц, осуществляющих уход за детьми или пожилыми людьми. Проявляется оно равнодушием к возрастающему давлению руководства, отрицательным восприятием требовательных пациентов или клиентов, чувством несостоятельности в профессиональном плане и прочими симптомами [4,5].

Развитие синдрома эмоционального выгорания происходит поэтапно и включает несколько стадий:

На начальном этапе пациент испытывает повышенную утомляемость, общую слабость и нарушения сна, характеризующиеся трудностями с засыпанием и пробуждением, либо ранним отходом ко сну с последующим ночным бодрствованием. Могут возникать головные боли, проблемы с пищеварением, учащенное сердцебиение, нарушение сердечного ритма, повышение артериального давления, ухудшение памяти и концентрации внимания. Нередко наблюдаются постоянные жалобы на боль в горле, ощущение сухости и охриплость голоса, однако детальное обследование у ЛОР-врачей не выявляет патологических изменений [8].

Далее присоединяются психологические признаки, выражающиеся в изменении характера личности: повышается уровень тревоги, развивается депрессия, отмечается нестабильность настроения и трудности контроля эмоций. По мере усугубления состояния возможно формирование зависимостей различного типа, включая курение, переедание, употребление алкоголя и наркотиков.

Наиболее тяжелая форма характеризуется парасуицидальным поведением, направленным на нанесение себе физического ущерба без намерения совершить самоубийство, например, прием чрезмерной дозы седативных препаратов. Крайней формой является совершение суицида [10].

Завершающим этапом становится появление соматических симптомов, отражающих развитие психосоматических заболеваний. Наиболее уязвимы те органы и системы организма, которые ранее подвергались заболеваниям или находились в состоянии ослабленности. Существует концепция психосоматического цикла, подразумевающая взаимосвязанный характер психических и физических нарушений, формирующих замкнутый патологический круг [9].

Хочется отметить, что преподаватели вузов, как и все работники сферы образования, выполняют обширный спектр педагогических обязанностей, в связи с чем испытывают необходимость в социальном признании собственной личности и профессионального мастерства. Получение положительных оценок мотивирует преподавателей, тогда как негативные отзывы способствуют переосмыслению ими своих профессиональных подходов и переоценке взаимоотношений с окружающими и собственной деятельностью. Следовательно, одним из эффективных способов борьбы с эмоциональным выгоранием у преподавателей вузов служит объективная оценка их личностных и профессиональных характеристик, а также индивидуального вклада каждого преподавателя в общее дело.

На протяжении всей истории роль преподавателя претерпела значительные изменения, однако неизменно оставалась тесно связана с важнейшими аспектами передачи знаний, воспитания личности и социализации учеников. Современный же педагог представляет собой высококвалифицированного специалиста, обладающего широким спектром компетенций и исполняющего целый ряд важных функций. Его деятельность охватывает проектирование и организацию эффективного учебного процесса, глубокое влияние на личностное становление студентов, активное взаимодействие с коллегами, родителями и администрацией учебных заведений, а также грамотное применение новейших цифровых инструментов и инновационных методологий обучения. Благодаря этому преподаватель сегодня играет ключевую роль в формировании всесторонне развитого поколения, готового успешно адаптироваться и эффективно функционировать в стремительно меняющемся мире [2].

С целью изучения темы «Эмоциональное выгорание у преподавателей высших учебных заведений» нами было проведено комплексное исследование. Данное исследование позволило выявить уровень психического выгорания у респондентов. Результаты исследования представляют интерес для специалистов в области образования, психологии и социальной работы, обеспечивая основу для разработки практических рекомендаций по оптимизации процесса обучения.

В исследовании эмоционального выгорания преподавателей участвовали 23 преподавателя высшего учебного заведения. Результаты исследования представлены на рисунке 1.

В качестве диагностического инструмента была выбрана методика, которая позволяет изучить эмоциональное выгорание педагогов. Методика: «Опросник на определение уровня психического выгорания (MBI) (Авторы методики: американские психологи К. Маслач и С. Джексон. Данный вариант адаптирован Н.Е. Водопьяновой)». Эта методика позволяет определить степень выраженности профессионального выгорания по трем шкалам, чем больше сумма баллов по каждой шкале в отдельности, тем больше у респондента выражены различные стороны «выгорания».

Методика включает три шкалы:

Психоэмоциональное истощение – отражает степень усталости, ощущение опустошенности и эмоционального перенапряжения.

Деперсонализация – характеризует степень эмоционального отстранения, цинизма и отрицательных установок по отношению к людям.

Редукция личных достижений – оценивает субъективное чувство профессиональной эффективности. Чем ниже балл, тем сильнее выражена редукция.

Итоговое эмоциональное выгорание – Чем выше итоговое значение, тем выраженнее уровень выгорания.

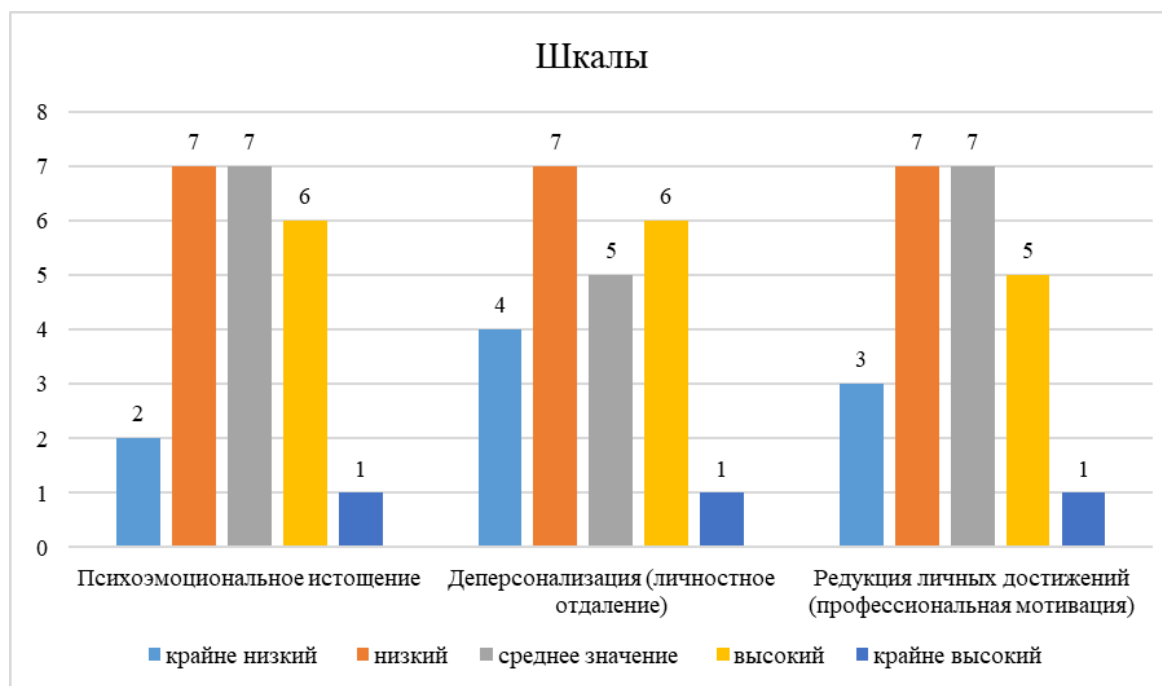

Рисунок 1 – Результаты исследования

Диаграмма представляет распределение выраженности психологического выгорания по трём основным факторам: Психоэмоциональное истощение, деперсонализация (личностное отдаление), редукция личных достижений (профессиональная мотивация)

Каждый столбец отображает количество респондентов, попавших в один из пяти уровней выраженности. Это позволяет увидеть, какой фактор наиболее выражен и какие уровни встречаются чаще. Рассмотрим отдельно каждый фактор:

Психоэмоциональное истощение. Крайне низкий уровень у 8%. Низкий уровень – 7 респондентов (31%). Большинство чувствуют себя достаточно комфортно, усталость носит невыраженный характер. У 31% отмечается среднее значение психоэмоционального истощения, возможны признаки эмоционального истощения при нагрузке. Высокий уровень у 26% респондентов, а крайне высокий только у 4%. По этой шкале значительная доля респондентов (30%) находится на высоком уровне истощения, что делает данный фактор одним из важнейших в группе.

Деперсонализация. Полное отсутствие деперсонализации зафиксировано у 17%. Слабое эмоциональное дистанцирование от профессиональных задач или людей у 31%. Среднее значение – 5 респондентов – 22%. Высокий уровень – 6 респондентов – 26%. Отчуждение выражено достаточно сильно, возможны проявления цинизма или снижения эмпатии. Серьёзное проявление выгорания только у 4%. Можно сказать о том, что деперсонализация выражена только отчасти, поскольку у части респондентов – высокий и крайне высокий уровни. Это указывает на эмоциональные защитные реакции и потенциальное снижение вовлечённости.

Редукция личных достижений. Крайне низкий уровень у 12%. Низкий уровень у 31% респондентов. Это может говорить о положительном восприятии собственных достижений, и высокой мотивации. Среднее значение – 7 респондентов 31%. Высокий уровень у 22%, крайне высокий у 4%. Хотя значительная часть респондентов (43%) демонстрирует низкую редукцию личных достижений, у 26% респондентов наблюдаются высокие значения, что говорит о падении профессиональной мотивации.

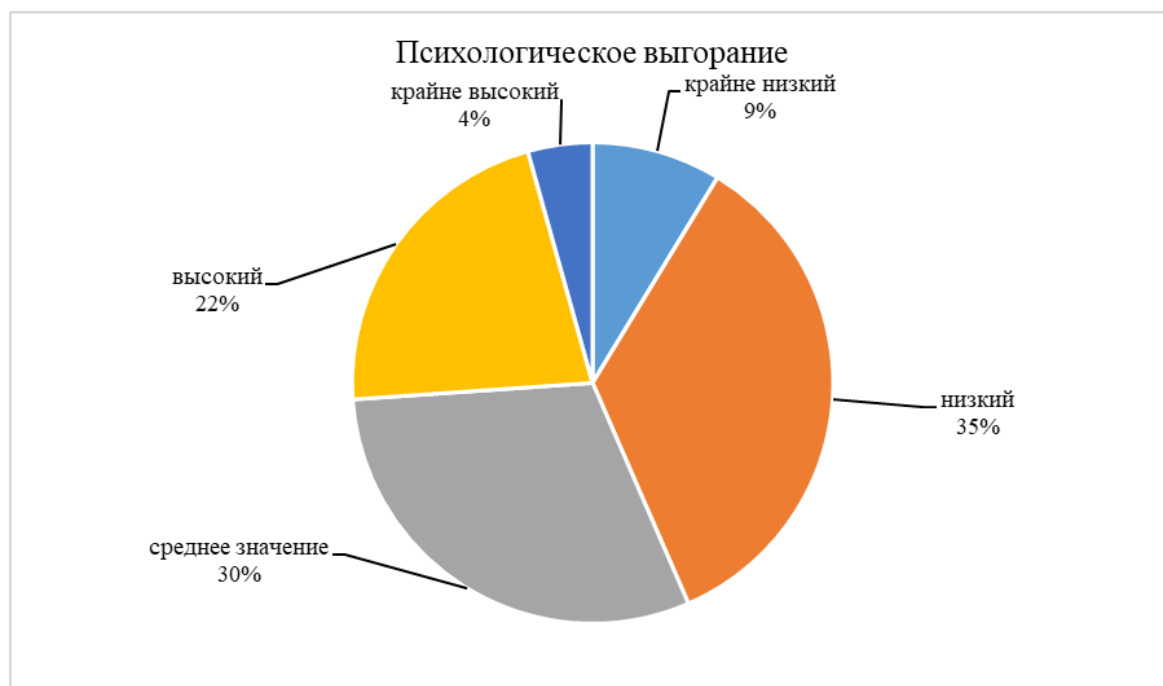

Рисунок 2 – Уровни психологического выгорания

На диаграмме представлено распределение уровней психологического выгорания среди респондентов. Круговая диаграмма наглядно показывает, какой процент участников относится к каждому уровню выраженности выгорания.

Диаграмма разделена на пять секторов, каждый из которых обозначает определённую степень выраженности состояния:

Крайне низкий уровень психологического выгорания наблюдается у 9%. Низкий уровень – 35%. Среднее значение у 30% респондентов. Довольно значительная часть участников находится на высоком уровне – 22%, а крайне высокий уровень только у 4% респондентов.

Диаграмма демонстрирует, что в исследуемой группе преобладают низкие и средние уровни выгорания, однако суммарно около четверти респондентов (22% высокий + 4% крайне высокий = 26%) находятся в зоне высокого риска. Это может говорить о том, что у большинства (65%) состояние либо благополучное, либо умеренное. Однако примерно каждый четвёртый испытывает значительное эмоциональное истощение и нуждается в профилактических или восстановительных мерах.

Итоги проведенного исследования позволяют нам сделать вывод о том, что несмотря на то, что состояние психологического благополучия среди преподавателей очень неоднородно и некоторые даже уже находятся на стадии эмоционального выгорания, необходимо подчеркнуть важность регулярного мониторинга эмоционального состояния преподавателей и стараться поддерживать уровень мотивации различными способами, тем самым влияя на снижение эмоционального выгорания.

Библиографические ссылки

1. Алексеева, П. М. Непрерывное развитие преподавателя: от традиционного к инновационному / П. М. Алексеева // Проблемы управления качеством образования: сборник статей XLV Международной научной конференции, Луга, 29 марта 2023 года. – СПб. : Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования ГНИИ «НАЦРАЗВИТИЕ», 2023. – С. 5–7.

2. Алексеева, П. М. Профессиональные роли преподавателя современного вуза / П.М. Алексеева // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 81-3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-rol-i-prepodavatelya-sovremennogo-vuza> (дата обращения: 14.11.2025).
3. Алексеева, П. М. Профессиональные роли преподавателя современного вуза / П.М. Алексеева // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 81-3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-rol-i-prepodavatelya-sovremennogo-vuza> (дата обращения: 15.10.2025).
4. Бойко, В. В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении / В. В. Бойко. – СПб. : Питер, 1999. – 382 с.
5. Бойко, В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и других / В. В. Бойко. – М. : Наука, 1999. – 271 с.
6. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика : монография / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2008. – 336 с.
7. Головин, М. В. Роль преподавателя в учебном процессе. Старые вопросы, новые ответы / М. В. Головин // Высшее образование для XXI века: Цифровая трансформация общества: новые возможности и новые вызовы : доклады и материалы XVI Международной научной конференции : в 2 ч. (онлайн-формат), Москва, 18–19 ноября 2020 года. Ч. I. – Москва : Московский гуманитарный университет, 2020. – С. 601–605.
8. Ивлева, С. Когда обожжены нервы / С. Ивлева, Т. Шаталова. – М. : Статья, 2008. – 184 с.
9. Коркина, М. В. Роль психосоматических циклов в генезе психосоматических заболеваний / М. В. Коркина, В. В. Марилов // Неврология и психиатрия. – 1998. – Т. 98. – № 11. – С. 30–32.
10. Чутко, Л. С. Синдром эмоционального выгорания. Клинические и психологические аспекты / Л. С. Чутко, Н. В. Козина. – М. : МЕДпресс-информ, 2014. – 256 с.

© Гаврилова Я.В., Голова Д.А., Девятловский Д.Н., 2025

ДИАГНОСТИКА МОТИВАЦИОННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТАХ В ЖЕНСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ

Е. Д. Грицук

магистрант,

ПолесГУ,

г. Пинск, Беларусь

E-mail: egriczuk@gmail.com

Е. Б. Микелевич

доцент, ПолесГУ, г. Пинск, Беларусь

E-mail: mikelevich.e@polessu.by

В статье рассматриваются особенности мотивации межличностных коммуникаций в женском педагогическом коллективе. Выявлено, что большинство педагогов демонстрируют высокий коммуникативный уровень, что свидетельствует о стремлении к гармоничным формальным отношениям. Дополнительный анализ позволил идентифицировать преобладающие стратегии поведения в конфликтах и потенциальные зоны напряженности.

Ключевые слова: межличностные коммуникации, педагогический коллектив, конфликт, социально-психологический климат.

This article examines the motivations behind interpersonal communication among female teachers. It was found that most teachers demonstrate a high level of communication, indicating a desire for harmonious formal relationships. Additional analysis allowed us to identify prevailing conflict strategies and potential areas of tension.

Key words: interpersonal communication, teaching staff, conflict, socio-psychological climate.

Эффективность деятельности любого образовательного учреждения неразрывно связана с качеством межличностных взаимодействий в педагогическом коллективе. Особый интерес представляет изучение гомогенных по гендерному признаку коллективов, в частности, женских, которые широко распространены в системе общего образования. Специфика социально-психологического климата в таких коллективах обусловлена как общими закономерностями групповой динамики, так и особенностями женской коммуникации, эмоциональной восприимчивости и способов разрешения противоречий [3, с. 42].

Мотивационная сфера межличностных коммуникаций определяет направленность и интенсивность взаимодействия между коллегами, влияя на уровень сплоченности, продуктивность совместной деятельности и устойчивость коллектива к конфликтам. Исследование мотивационных ориентаций позволяет выявить не только актуальное состояние коммуникативных процессов, но и потенциальные риски возникновения деструктивных конфликтов, что особенно актуально в условиях высокой психозоциональной нагрузки педагогической деятельности [5, с. 215].

Эмпирической базой исследования выступил педагогический коллектив средней общеобразовательной школы, состоящий из 16 женщин в возрасте от 25 до 72 лет. Для проведения исследования был использован комплекс взаимодополняющих

психодиагностических методик, направленных на изучение мотивационной сферы межличностного общения и особенностей поведения в конфликтных ситуациях.

Методика «Диагностика мотивационных ориентаций в межличностных коммуникациях» (И.Д. Ладанов, В. А. Уразаева) была использована в качестве основного инструмента для оценки мотивационной основы формального профессионального общения. Она направлена на диагностику трех ключевых параметров, определяющих гармоничность взаимодействия:

1. Шкала «Принятие» измеряет степень уважения к партнеру по общению, готовность учитывать его точку зрения и воспринимать его как равноправного участника коммуникативного процесса.

2. Шкала «Адекватность» оценивает способность субъекта адекватно воспринимать и понимать намерения, высказывания и эмоциональные состояния партнера, а также умение точно доносить собственную позицию.

3. Шкала «Компромисс» выявляет ориентацию на поиск взаимоприемлемых решений, готовность к взаимным уступкам и стремление к достижению согласия.

Методика состоит из 20 вопросов, каждый из которых содержит 4 варианта ответа, оцениваемых по 4-балльной шкале (от 1 до 4 баллов). Общий уровень гармоничности коммуникативных ориентаций интерпретируется на основе суммы баллов по всем шкалам: 64 и более – высокий уровень, 30–63 – средний уровень, 29 и менее – низкий уровень [4, с. 409].

Для перехода от изучения мотивационных установок к анализу реальных поведенческих паттернов была применена методика «Определение способов регулирования конфликтов» К. Томаса, адаптированная Н.В. Гришиной. Данный опросник предназначен для выявления типичных способов поведения личности в конфликтной ситуации и диагностики выраженности пяти базовых стратегий:

1. Соперничество (конкуренция) – ориентация на отстаивание собственных интересов в ущерб интересам другой стороны.

2. Сотрудничество – стремление к поиску решения, полностью удовлетворяющего интересы всех участников конфликта.

3. Компромисс – установка на поиск среднего решения путем взаимных уступок.

4. Избегание (уклонение) – тенденция к уходу от конфликта, отсутствие как стремления к достижению собственных целей, так и к взаимодействию с оппонентом.

5. Приспособление – готовность пожертвовать собственными интересами ради сохранения отношений.

Методика состоит из 30 пар утверждений, из которых респондент выбирает одно, наиболее характерное для его поведения. Количественная обработка результатов позволяет определить ведущую (набравшую максимальное количество баллов) и отвергаемую (набравшую минимальное количество баллов) стратегии [4, с. 87].

Эмпирическое исследование было направлено на комплексную диагностику двух ключевых аспектов межличностного взаимодействия в женском педагогическом коллективе: общего уровня гармоничности коммуникативных ориентаций и конкретных поведенческих стратегий, актуализирующихся в конфликтных ситуациях.

Анализ данных, полученных при использовании методики «Диагностика мотивационных ориентаций в межличностных коммуникациях» (И.Д. Ладанов, В.А. Уразаева), выявил следующее распределение уровней среди педагогов:

1. Высокий уровень коммуникативных ориентаций был диагностирован у 12 респондентов (75%).

2. Средний уровень был выявлен у 4 педагогов (25%).

3. Низкий уровень в данной выборке зафиксирован не был.

Полученные результаты свидетельствуют о благоприятном психологическом фундаменте для построения профессиональных отношений в коллективе. Высокий уровень у большинства испытуемых означает, что педагоги в целом адекватно воспринимают партнеров по общению, стремятся к взаимопониманию и демонстрируют готовность к достижению компромисса. Это коррелирует с теоретическими представлениями о важности гармоничных коммуникаций для эффективности педагогической деятельности [3, с. 46]. Отсутствие низких показателей позволяет сделать вывод об отсутствии в коллективе выраженных деструктивных установок, препятствующих формальному взаимодействию.

Результаты углубленного изучения реальных моделей поведения, представленные в Таблице 1, демонстрируют значительное разнообразие и определенные тенденции в выборе поведенческих стратегий.

Таблица 1 – Распределение предпочитаемых стратегий поведения в конфликтной ситуации

Стратегия поведения	Количество выборов	Доля в выборке, %
Компромисс	9	56,3
Избегание	5	31,3
Соперничество	1	6,2
Сотрудничество	1	6,2
Приспособление	0	0

Доминирование стратегии компромисса (56,3%) является ключевой характеристикой коллектива. С одной стороны, это отражает зрелую и социально одобряемую позицию, направленную на поиск быстрых и взаимоприемлемых решений через взаимные уступки. Данная стратегия эффективна для поддержания формального спокойствия и оперативного разрешения неглубоких противоречий. С другой стороны, ее гипертрофированное преобладание может указывать на «синдром уставшего миротворца»:

- нежелание углубляться в глубинные причины анализа проблем;
- истощение эмоциональных ресурсов для длительных переговоров;
- латенизация конфликта (перевод его в скрытую форму) для сохранения видимости гармонии.

Как отмечают Н.В. Гришина и другие исследователи, постоянный компромисс без проработки истинных причин конфликта часто приводит к их хронификации и переходу в латентную форму [2, с. 167].

Высокая частота стратегии избегания (31,3%) представляет собой наиболее тревожный сигнал. Выбор данной стратегии свидетельствует о стремлении части педагогов (как правило, старшего возраста, что показал дополнительный анализ) полностью уйти от обсуждения проблем, отложить их решение или самоустраниться. Мотивационной основой такого поведения может выступать:

- страх открытой конфронтации и потенциального ухудшения межличностных отношений;
- признаки профессионального выгорания, выражающиеся в эмоциональном истощении и нежелании тратить силы на решение сложных коммуникативных задач;
- неверие в возможность конструктивного решения проблемы.

Подобная пассивная позиция способствует накоплению невысказанных претензий, формированию скрытых напряжений и, в конечном счете, деградации психологического климата [1, с. 22].

Маргинальная представленность стратегий сотрудничества и приспособления (по 6,2% и 0% соответственно) указывает на дефицит проактивных и интегрирующих моделей поведения. Стратегия сотрудничества, требующая временных затрат, открытости и готовности к совместному творческому поиску решений, оказывается невостребованной. Это может быть связано с высокой общей загруженностью педагогов, что делает быстрый компромисс или уход от проблемы более экономичными, хотя и не всегда эффективными в долгосрочной перспективе, способами взаимодействия. Отсутствие приспособления говорит о том, что в коллективе не распространена модель жертвования своими интересами ради интересов коллеги или группы в целом.

Проведенный анализ выявил внутреннюю противоречивость коммуникативной сферы исследуемого педагогического коллектива. С одной стороны, диагностируется высокий уровень мотивационных ориентаций, то есть осознаваемое стремление к гармоничному общению. С другой стороны, в реальной практике потенциальных конфликтов доминируют пассивные и половинчатые стратегии (компромисс, избегание) при резком дефиците активных и конструктивных (сотрудничество).

Это противоречие можно интерпретировать как разрыв между декларируемой установкой на гармонию и реальными навыками ее достижения в сложных ситуациях. Коллектив функционирует в режиме «экономии эмоциональных ресурсов», предпочитая тактику «замирения» и отсрочки проблем стратегии их глубокого и открытого обсуждения. Создается ситуация «мнимого благополучия», при котором внешнее спокойствие может маскировать внутреннюю, невербализованную напряженность, что является фактором риска для эмоционального выгорания и внезапных деструктивных конфликтов в будущем.

Проведенный анализ результатов диагностики женского педагогического коллектива с учетом возрастного параметра позволяет выявить существенные закономерности в мотивационных ориентациях и стратегиях поведения в конфликтных ситуациях.

Среди педагогов в возрасте до 35 лет (4 человека) высокий уровень коммуникативных ориентаций демонстрируют 75% респондентов, в то время как в группе старше 45 лет (8 человек) этот показатель достигает 87,5%. Наибольшие баллы по шкалам «Принятие» (27) и «Адекватность» (28) наблюдаются у молодого педагога 25 лет, что свидетельствует о высоком потенциале к установлению продуктивных профессиональных контактов. Вместе с тем, именно в младшей возрастной группе отмечается наиболее низкий общий показатель (58 баллов), что может быть связано с процессом профессиональной адаптации.

Анализ предпочитаемых стратегий поведения выявил выраженную возрастную динамику:

1. Педагоги до 35 лет демонстрируют больший разброс в выборе стратегий, включая элементы соперничества (5–9 баллов) при общем доминировании компромиссных подходов.

2. В группе 35–45 лет (4 человека) наблюдается переход к более сбалансированным стратегиям с преобладанием компромисса (8–12 баллов) при минимальных показателях соперничества (0–2 балла).

3. У педагогов старше 45 лет (8 человек) доминирует стратегия компромисса (8–11 баллов) при практически полном отсутствии соперничества (0–2 балла) и выраженной тенденции к избеганию (7–11 баллов)

Таким образом, высокие показатели коммуникативных ориентаций у педагогов старше 45 лет сочетаются с пассивными стратегиями поведения (избегание, компромисс),

что соответствует описанному феномену «внешней гармонии при внутренней напряженности». Молодые педагоги демонстрируют более разнообразный спектр поведенческих паттернов, включающий элементы активного отстаивания позиции, что может быть обусловлено как возрастными особенностями, так и меньшей профессиональной усталостью.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что возрастная динамика коммуникативного поведения в женском педагогическом коллективе характеризуется прогрессирующим переходом от разнообразных стратегий взаимодействия к доминированию пассивных форм регулирования конфликтов, что требует дифференцированного подхода к организации психолого-педагогического сопровождения.

Полученные результаты подтверждают необходимость разработки системы коррекционных мероприятий с учетом выявленных возрастных особенностей, включая специальные программы для молодых специалистов, направленные на развитие навыков конструктивного противостояния, и программы для педагогов зрелого возраста, ориентированные на преодоление тенденции к избеганию и восстановление эмоциональных ресурсов.

Библиографические ссылки

1. Баныкина, С.В. Педагогическая конфликтология: состояние, проблемы исследования и перспективы развития / С.В. Баныкина. – Москва: УРСС, 2001. – 457 с.
2. Гришина, Н.В. Психология конфликта: практическое руководство / Н.В. Гришина. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 544 с.
3. Курочкина, И.А. Педагогическая конфликтология. Учебное пособие. / И.А. Курочкина, О.Н. Шахматова. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013. – 229 с.
4. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие / сост. Д.Я. Райгородский. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2001. – 672 с.
5. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. – Санкт-Петербург: Ювента, 1999. – 318 с.

© Грицук Е.Д., Микелевич Е.Б., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ МОТИВАЦИИ

А. В. Денисов

студент 2 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: sachgan1998@mail.ru

Д. Н. Девятловский

профессор, СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: devyatlovskiy@mail.ru

Данная статья посвящена рассмотрению психологических аспектов проблемы мотивации. Подробно рассматриваются понятия «мотив» и «мотивация» с разных точек зрения и позиций отечественных и зарубежных ученых-исследователей в психологической науке.

Ключевые слова: мотивация, мотив, психологические аспекты.

This article is devoted to the consideration of the psychological aspects of the problem of motivation. The concepts of "motive" and "motivation" are considered in detail from different points of view and positions of domestic and foreign researchers in psychological science.

Key words: motivation, motive, psychological aspects.

В рамках психологического исследования человеческой мотивации исследователи неизменно подчеркивают первостепенную важность четкого, однозначного и научно обоснованного определения ключевых терминов – «мотив» и «мотивация». Отсутствие единого, всеобъемлющего понимания этих понятий не только затрудняет теоретическое осмысление мотивационных процессов, но и создает серьезные методологические барьеры для эмпирических исследований, интерпретации результатов и практического применения полученных данных в образовании, управлении, клинической практике и социальной работе. Сложность заключается в том, что термины «мотив» и «мотивация» часто используются как синонимы, хотя по своей сути они представляют собой разные, хотя и тесно взаимосвязанные, уровни психологической реальности.

Понятие «мотив» охватывает широкий и многомерный спектр психологических аспектов, выходящих за рамки простого «стимула» или «причины». Это может быть и эмоциональный отклик, возникающий в ответ на внешнее событие (например, чувство зависти, стыда или гордости); и осознанная, сформулированная в сознании потребность (например, стремление к признанию, безопасности или самореализации); и глубинное, часто неосознаваемое внутреннее влечение, имеющее бессознательные корни (как в психоаналитической традиции); и даже когнитивный конструкт – убеждение о том, что «нужно» или «следует» поступить определенным образом, основанное на усвоенных нормах и ценностях. Мотивы, таким образом, выступают не просто как импульсы, а как сложные психические образования, формируемые под влиянием множества факторов: от биологических основ (гормональный фон, состояние здоровья) до социально-культурных контекстов – моральных ценностей, религиозных убеждений, политических взглядов, семейных традиций, уровня образования и даже текущих условий жизни (экономической стабильности, социального окружения, доступа к ресурсам). Именно поэтому один и тот же внешний стимул (например, предложение работы) может вызывать у разных людей

совершенно разные мотивы: у одного – стремление к финансовой безопасности, у другого – желание доказать себе или другим свою состоятельность, у третьего – возможность реализовать профессиональный потенциал, а у четвертого – простое избегание бездействия и социальной изоляции.

Мотивация же, в свою очередь, представляет собой не просто отдельный мотив, а целостную, динамичную и иерархически организованную систему, которая функционирует как внутренний двигатель, направляющий и поддерживающий активность человека на протяжении времени. Это не статичный «внутренний импульс», а сложный процесс, включающий в себя не только побуждения, но и цели, установки, ожидания, самооценку, эмоциональный фон и когнитивные оценки перспективы успеха. Мотивация формируется под влиянием личных ценностей, которые служат ориентирами для выбора действий; самооценки, определяющей веру в собственные силы и способность достигать цели; эмоционального состояния, которое может как усиливать, так и подавлять стремление к действию; уровня знаний и умения анализировать ситуацию – то есть способности осознавать причинно-следственные связи между действиями и их последствиями; а также восприятия других людей – их ожиданий, одобрения или осуждения, которые часто становятся мощным социальным регулятором поведения [3]. Мотивация – это не только то, что заставляет человека действовать, но и то, что объясняет, направляет и поддерживает его деятельность, особенно в условиях неопределенности, трудностей или отсутствия внешнего контроля. Именно поэтому мотивация является ключевым показателем не только эффективности, но и глубины, устойчивости и личностной значимости любого поведения – будь то учеба, профессиональная деятельность, творчество или межличностные отношения.

Таким образом, различие между мотивом и мотивацией можно представить следующим образом: мотив – это содержание побуждения («зачем?»), а мотивация – это процесс его реализации («как?», «почему именно сейчас?», «насколько устойчиво?»). Без четкого разграничения этих понятий любое исследование мотивационных процессов рискует стать поверхностным, а практические рекомендации – неэффективными или даже контрпродуктивными. Именно поэтому современная психология стремится к интеграции подходов, способных охватить как макроуровень (социокультурные и биологические детерминанты), так и микроуровень (индивидуальные когнитивные и эмоциональные механизмы), чтобы построить целостную модель человеческой мотивации, адекватную сложности реальной жизни.

Обширный арсенал зарубежных психологических теорий мотивации, насчитывающий около 50 подходов [1], создает определенные трудности. В этой связи В. К. Вилюнас высказал мнение о необходимости более глубокого анализа тех явлений, которые служат основой для возникновения побуждений к действию [7].

По мнению С. Иванова, ситуация выглядит иначе, и он утверждает, что: «...нужно сузить содержание понятия «мотив» до какой-то одной реальности, а для обозначения других ввести новые понятия» [2]. Согласно точке зрения исследователя, термин «мотив» следует резервировать для обозначения стабильных компонентов мотивационной системы, таких как потребности, которые имеют под собой физиологический субстрат. В то время как ситуативные факторы, оказывающие влияние на поведение, целесообразно классифицировать как «побуждения».

Ж. Годфруа, Х. Хекхаузен и другие исследователи сводят понятие «мотив» к интеллектуальному порождению человеческого мозга. Ж. Годфруа пишет, что «...мотив – это соображение, по которому субъект деятельности должен действовать» [4]. Х. Хекхаузен придерживается более скептической точки зрения, утверждая, что понятие «мотив» является скорее теоретической конструкцией, нежели реальным психологическим явлением [7]. Согласно данной точки зрения, мотивы как

психологические сущности не имеют эмпирического подтверждения. Он полагает, что мы не можем непосредственно наблюдать мотивы, а значит, не можем рассматривать их как объективную реальность. Мотивы, по его мнению, это концептуальные конструкты, полезные для интерпретации когнитивных функций и поведенческих проявлений, но не являющиеся самостоятельными явлениями. Х. Хекхаузен рассматривает понятие «мотив» в нескольких аспектах: как внутреннюю потребность (например, стремление к власти), как черту характера (например, тревожность) или как совокупность факторов, побуждающих к действию (включая внешние и внутренние причины, такие как агрессия для самозащиты) [3].

Существует дискуссия относительно того, к чему именно относятся мотивы и мотивация: к отдельным действиям или к более широкой деятельности. Первоначально А. Н. Леонтьев придерживался мнения, что мотив направлен на побуждение конкретного, частного действия [4]. В последующих исследованиях автор уточнял, что мотивы присущи только деятельности, в то время как действие не обладает собственным мотивом. Если рассматривать действие как элемент деятельности, становится ясно, что утверждение А. Н. Леонтьева справедливо: каждое действие, входящее в состав деятельности, не имеет отдельного мотива. Однако это не означает отсутствие мотивации у этих действий. Мотив, скорее, является общим для всей деятельности и входящих в неё действий.

Несмотря на то, что цели конкретных действий и общая цель деятельности могут различаться, и те, и другие определяются общим смыслом деятельности, который служит основой для всей программы действий [7]. П. М. Якобсон в своей работе [2] подчеркивает возрастающий интерес к психологии личности, особенно к ее мотивационной сфере, которая является ключевой. Изучение мотивации поведения человека становится особенно актуальным в связи со сложными и динамичными изменениями в деятельности и поступках личности. В связи с этим необходимо критически проанализировать существующие подходы к этой проблеме и искать новые пути ее решения.

В настоящее время мотивация, определяющая активность, поведение и деятельность человека, является центральным объектом изучения в научных кругах. Влияние мотивации критически важно для успешного протекания любых социально-психологических взаимодействий. Даже идентичные внешне действия могут быть обусловлены совершенно разными внутренними побуждениями, что подчеркивает индивидуальность мотивов в схожих обстоятельствах.

Современная психология, несмотря на общую направленность, представлена несколькими школами, по-разному трактующими понятие «мотив». Различия в понимании этого ключевого термина, особенно в деталях, создают определенную научную проблему.

Например, К. К. Платонов рассматривает мотив как психический процесс, который запускает и направляет поведение [1]. Другие исследователи определяют мотив как осознанную причину, лежащую в основе действий и поступков человека. В этом случае мотив предстает как отражение сознания, побуждающее к деятельности для удовлетворения потребностей.

В то же время, А. Н. Леонтьев подчеркивает, что мотивом является не сама потребность, а предмет, который эту потребность удовлетворяет.

Этот предмет может быть материальным или нематериальным, но всегда служит для удовлетворения какой-то потребности. Он напрямую связан с этой потребностью. В. И. Ковалев определяет мотивацию как совокупность мотивов, побуждающих к действию. Однако О. С. Гребенюк ставит под сомнение этот подход, указывая на то, что в таком случае остается неясным, как учитывать потребности [5].

Подводя итог, можно констатировать отсутствие дилеммы по данному вопросу. Исследования отечественных ученых, в частности С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева, подтверждают, что за любыми мотивами стоят конкретные потребности [7]. Несмотря на

разнообразие трактовок термина «мотив», все работы сходятся в одном: мотив – это движущая сила, побуждающая человека к действиям, направленным на удовлетворение его потребностей. Однако, если рассматривать потребности и мотивы как части единой структуры мотивации, то сам «мотив» утратит свою самостоятельность.

Разнообразие трактовок мотива обусловлено тем, что он может быть как осознанным, так и неосознанным. Например, когда мы говорим о мотивированном или немотивированном поведении, мы подразумеваем наличие неосознанных побуждений, поскольку отсутствие явной мотивации часто связано с внутренними импульсами, которые человек в данный момент не осознает. Концепция А. А. Файзулаева выделяет три этапа формирования мотива: возникновение побуждения, его осознание человеком и, наконец, принятие этого осознанного побуждения в качестве мотива. Важно отметить, что осознание побуждения не равно его принятию; человек может его отвергнуть. Следовательно, если осознанное побуждение не принимается личностью, оно не может стать мотивом в дальнейшем [2].

Таким образом, мотив – это внутренний импульс, побуждающий человека к действию (например, к общению или определенному поведению), которое направлено на удовлетворение его потребностей. Исследователи, такие как В. И. Ковалев, Б. И. Ломов и К. К. Платонов, изучали представления о мотивации. Личностная мотивационная сфера представляет собой систему устойчивых мотивов, организованных по иерархическому принципу и определяющих общую направленность личности в обществе.

Когда мы пытаемся понять, почему люди поступают так или иначе, мы неизбежно сталкиваемся с понятием мотивации. Мотив, в сущности, это то, что заставляет нас действовать, то, на что мы направляем свои силы. В психологии мотив тесно связан с социальными и психологическими факторами и является частью сложной системы, включающей наши представления, отношения и действия. Именно мотив определяет, куда мы движемся и что нас подталкивает к достижению цели.

Понятие «мотив» имеет глубокие исторические корни, уходящие в древность. Изначально оно служило инструментом народной мудрости для осмысления человеческих эмоций (таких как радость и печаль), внутренних побуждений, желаний и силы воли. Научное исследование мотивов, в том числе в рамках зарождающейся психологии, началось с появлением философии [5].

Древнегреческие мыслители, такие как Аристотель, Пифагор и Платон, заложили основы современного понимания мотивации. Они провели различие между чувственным восприятием и рациональным мышлением, а также определили различные уровни познания и побуждений человека. Эти идеи нашли отражение в представлениях о многокомпонентной душе, которую даже пытались представить анатомически. Так, Платон и Демокрит связывали разум с головой, мужество – с грудью, а страсти – с областью печени [6]. Аристотель же подчеркивал, что стремление к чему-либо, будучи одной из функций души, неразрывно связано с ощущениями [7].

Русские научные школы, возглавляемые И. П. Павловым и В. М. Бехтеревым, предложили концепцию «рефлекторной дуги». Развивая идеи И. М. Сеченова о рефлекторной природе поведения, они рассматривали рефлекс как механизм адаптации к новым, непредсказуемым ситуациям, требующим от организма гибкости и инициативы. В таких ситуациях, когда привычные схемы поведения не работают, важную роль играют мотивы.

Сеченов видел главную задачу в воспитании сильной, волевой личности, способной контролировать свои рефлексы и совершать нравственные поступки, практически автоматически стремясь к добру. Его вдохновляла идея формирования свободных и сильных людей в России, и его подход к «воспитанию рефлекса» был пронизан патриотизмом.

Павлов и Бехтерев, в свою очередь, считали, что формирование новых рефлексов обусловлено биологическими мотивами, которые они называли «подкреплением». Эти мотивы связаны с базовыми потребностями организма, такими как самосохранение и удовлетворение физиологических нужд. Бехтерев подчеркивал, что "условная мотивация" получает энергию от «безусловной», то есть от инстинктов, заложенных в самой природе человека [8].

Учение А. А. Ухтомского о доминанте представляет особый интерес, поскольку оно проливает свет на физиологические основы мотивации человеческого поведения. Ухтомский рассматривал доминанту преимущественно как физиологический, а не психологический феномен. В то же время, зарубежные исследователи также активно изучали мотивационную сферу личности, предлагая различные трактовки. Например, Зигмунд Фрейд, основоположник психоанализа, утверждал, что все психологические особенности и поступки человека коренятся в бессознательных мотивах, в первую очередь – сексуальных влечениях и агрессии. В его теориях биологические факторы противопоставляются социальным, хотя социальные нормы сами по себе обладают значительной мотивационной силой. Трехкомпонентная модель личности Фрейда, построенная на анализе сложной мотивационной структуры, отражает эту идею. Высокий уровень внутренней конфликтности, по Фрейду, возникает из-за столкновения бессознательных влечений с сознанием и «Я», а также под давлением «Сверх-Я», воплощающего общественные законы, принципы и усвоенные предписания.

Работы Курта Левина значительно продвинули изучение мотивации человека. Вдохновленный концепцией «поля», он использовал ее для объяснения того, как индивидуальные и групповые мотивы развиваются и взаимодействуют [1]. Левин определял «поле» как «жизненное пространство» личности, рассматривая его как неделимое единство индивида и его окружения. Он первым выделил мотив как самостоятельную психическую сущность, не сводя его к биологическим или социальным факторам. Таким образом, Левин подчеркнул психологическую природу поведения, обогатив психологическую терминологию, в частности, понятиями «мотив» и «мотивационная сфера личности» [4].

По мере развития зарубежных теорий мотивации в научный обиход активно вводятся новые понятия. Гуманистические психологи, такие как А. Маслоу, Г. Олпорт и К. Роджерс, акцентируют внимание на социальных потребностях, жизненных целях, когнитивном диссонансе, ценностях, стремлении к успеху, страхе перед неудачей и уровне притязаний. Гуманистическая психология рассматривает человека как активного творца своей судьбы, чьи возможности ограничены лишь физическими и социальными факторами [1].

В контексте нашего исследования мотив – это внутренний импульс, побуждающий человека к действию для удовлетворения своих нужд. Современная психология определяет мотивационную сферу как комплекс элементов, включающий мотивы (диспозиции), потребности, цели, установки, поведенческие модели и интересы. Ее развитость оценивается по таким параметрам, как широта охвата, гибкость и упорядоченность (иерархия).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что проблема мотивации является центральным, комплексным звеном в изучении человеческого поведения и личности. Ее психологическое содержание не сводится к простому набору стимулов, а представляет собой динамичную систему, находящуюся под влиянием множества взаимосвязанных факторов.

Прежде всего, ключевым аспектом выступает фундаментальное различие между внутренней и внешней мотивацией. Исследования убедительно доказывают, что хотя внешние стимулы (награды, наказания) могут быть эффективны для регуляции простых форм поведения, именно внутренняя мотивация, основанная на интересе, удовольствии от

процесса и личной значимости деятельности, является наиболее устойчивой и продуктивной для творчества, обучения и личностного роста.

Другим важнейшим аспектом является иерархическая и целостная структура мотивационной сферы. Потребности человека организованы в сложную систему, где базовые нужды (безопасность, физиология) служат фундаментом для высших (самоактуализация, уважение). Это объясняет, почему мотивы человека динамичны и изменчивы. Более того, на силу мотивации напрямую влияют когнитивные процессы: оценка вероятности успеха, ценность цели и представление о собственной эффективности (самоэффективности), что подчеркивает активную, осознанную роль личности в построении своего поведения.

Наконец, современный взгляд на проблему, в рамках теории самодетерминации, акцентирует внимание на базовых психологических потребностях в автономии, компетентности и связанности. Удовлетворение этих потребностей является необходимым условием для формирования здоровой, устойчивой мотивации и психологического благополучия.

Таким образом, психологические аспекты проблемы мотивации раскрывают ее как глубоко личностный феномен, возникающий на стыке фундаментальных потребностей, когнитивных оценок и социального контекста. Понимание этих механизмов позволяет перейти от манипуляции к созданию среды, которая не принуждает, а вдохновляет, способствуя развитию осознанной активности, личностной зрелости и достижению подлинно значимых целей.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что проблема мотивации является сложным и многогранным феноменом, занимающим центральное место в психологии личности и поведения. Статья демонстрирует, что, несмотря на существующее разнообразие теорий и терминологических подходов, можно выделить общие закономерности в понимании природы мотивации.

Ключевым выводом является утверждение, что за любыми мотивами лежат конкретные потребности человека, будь то базовые физиологические нужды или высшие потребности в самоактуализации, автономии и компетентности. Мотив выступает как внутренний импульс, побуждающий к действию, направленному на удовлетворение этих потребностей. При этом мотивация – это не просто набор стимулов, а целостная, иерархически организованная система, находящаяся под влиянием биологических, когнитивных, эмоциональных и социальных факторов.

Особое внимание уделено различию между внутренней и внешней мотивацией, где подчеркивается, что именно внутренняя мотивация, основанная на интересе и личной значимости деятельности, обеспечивает наибольшую устойчивость и продуктивность. Современные подходы, такие как теория самодетерминации, акцентируют необходимость удовлетворения базовых психологических потребностей (автономии, компетентности, связанности) для формирования здоровой мотивационной сферы и психологического благополучия.

Таким образом, мотивация раскрывается как глубоко личностный феномен, возникающий на пересечении внутреннего мира человека и внешнего социального контекста. Понимание этих механизмов открывает возможности не для манипуляции поведением, а для создания поддерживающей среды, способной вдохновлять, развивать осознанную активность и способствовать достижению подлинно значимых жизненных целей.

Библиографические ссылки

1. Абрамова, Г. С. Нравственный аспект мотивации учебной деятельности подростков [Текст] / Г.С. Абрамова // Вопросы психологии. – 1995 .- №6. – С. 38-45.
2. Айламадян, А. М. Выбор мотивов деятельности: теоретические аспекты проблемы и экспериментальное изучение [Текст] / А.М. Айламадян // Вопросы психологии. - 2007. - № 4. – С. 123-130.
3. Безносков, С. П. Профессиональная деформация личности [Текст] / С.П. Безносков. - СПб.: Речь, 2004. - 271 с.
4. Изард, К. Е. Эмоции человека [Текст] / К.Е. Изард. - М.: Наука, 2010. – 440 с.
5. Максимова, С. Г. Особенности мотивации профессиональной деятельности социальных работников в сфере социального обслуживания (социально-психологический аспект) // Социология. – 2006. - №4. – с.75-80.
6. Орел, В. Е. Феномен "выгорания" в зарубежной психологии: эмпирические исследования [Текст] / В.Е. Орел // Психологический журнал. - 2001. - Т.22. - №1. - С.90-101.
7. Осипова, А. А. Общая психокоррекция [Текст] / А.А. Осипова. – М.: Сфера, 2012. – 510 с.
8. Ронгинская Т. И. Синдром выгорания в социальных профессиях [Текст] / Т.И. Ронгинская // Психологический журнал. - М.: Наука, 2002. - Т.23. - № 3. - С. 85-95.

© Денисов А.В., Девятловский Д.Н., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВЫГОРАНИЕ: ПРИЧИНЫ, ПРИЗНАКИ И СПОСОБЫ ПРОФИЛАКТИКИ

В. В. Добрынина

Студент 3 курса

ПФ ФГБОУВО «РГУП им В.М. Лебедева»

г. Нижний Новгород, Россия

E-mail: varvaradobrynina07@gmail.com

Научный руководитель:

Е. К. Ватлецова

Старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

ПФ ФГБОУВО «РГУП им В.М. Лебедева»

г. Нижний Новгород, Россия

E-mail: vatlettsova@inbox.ru

В статье рассматриваются причины и признаки психологического выгорания, а также основные методы профилактики данного явления. Особое внимание уделяется влиянию профессиональной среды и личностных особенностей на формирование выгорания.

Ключевые слова: психологическое выгорание, стресс, профилактика, эмоциональное истощение, профессиональная деятельность.

The article examines the causes and symptoms of psychological burnout, as well as the main methods of its prevention. Special attention is paid to the influence of professional environment and personal characteristics.

Key words: psychological burnout, stress, prevention, emotional exhaustion, professional activity.

В условиях стремительных изменений современного мира и постоянного роста требований к профессиональной деятельности всё большее внимание уделяется вопросам сохранения эмоционального здоровья и устойчивости работников. Высокая интенсивность труда, увеличивающиеся нагрузки и усложняющиеся социальные взаимодействия создают предпосылки для возникновения специфического состояния – профессионального выгорания. Это явление становится неотъемлемой частью современной трудовой реальности и приобретает всё большее значение как для отдельных специалистов, так и для организаций в целом.

Современное общество предъявляет к человеку всё более высокие требования, касающиеся продуктивности, мобильности и эмоциональной вовлечённости в работу. В таких условиях многие люди сталкиваются с постепенным снижением ресурсов, необходимых для эффективного выполнения профессиональных обязанностей, что приводит к феномену, известному как выгорание. Этот комплексный процесс затрагивает не только личностные аспекты, но и отражает системные проблемы организационной среды.

Проблема эмоционального и профессионального выгорания стала одним из ключевых вызовов для здравоохранения, образования, социальной сферы и многих других отраслей. Постоянный стресс, высокие требования и недостаток поддержки могут привести к серьёзным последствиям, как для работников, так и для самих организаций. Понимание механизмов и факторов, влияющих на развитие данного синдрома, является

необходимым для создания эффективных стратегий профилактики и обеспечения благополучия персонала.

Рост темпов жизни и усложнение условий труда делают актуальной проблему поддержания баланса между профессиональными обязанностями и личными ресурсами. В такой обстановке многие специалисты испытывают хроническое напряжение, приводящее к постепенному истощению эмоциональных и когнитивных сил, потере мотивации и ухудшению качества работы. Профессиональное выгорание – это не просто индивидуальная проблема, а отражение взаимодействия личности и окружающей профессиональной среды.

Выгорание как психологический и социальный феномен прочно вошло в научный и практический дискурс последних десятилетий. Рассматриваемое как результат дисбаланса между требованиями работы и возможностями индивида, оно служит индикатором состояния трудовой среды и эффективности управления человеческими ресурсами. Изучение причин, симптомов и путей предотвращения выгорания приобретает особую значимость в условиях современного рынка труда.

Любой из этих фрагментов можно использовать вначале вашего текста, чтобы задать нужный тон и подготовить читателя к глубокому анализу феномена выгорания. Если хотите, могу помочь подобрать наиболее подходящий для конкретной аудитории или стиля.

Психологическое выгорание определяется как продолжительное состояние эмоционального истощения, снижение вовлечённости в деятельность, утрата мотивации и ухудшение продуктивности. В научной традиции оно рассматривается не как индивидуальная слабость, а как закономерный результат дисбаланса между требованиями среды и возможностями человека [3,4]. Современные исследования акцентируют внимание на том, что это не только личная, но и организационная проблема, напрямую связанная с особенностями трудовой среды, корпоративной культуры и системы управления персоналом.

Понимание феномена требует комплексного анализа, так как факторы его возникновения охватывают несколько уровней: личностный, социальный и организационный. Одни исследователи связывают его с особенностями темперамента и характера, другие – с социально-психологическими условиями взаимодействия, третьи подчёркивают определяющую роль структуры и организации труда. Таким образом, выгорание можно считать многоаспектным феноменом, объединяющим индивидуальные и институциональные причины.

Причины и механизмы формирования выгорания.

Выгорание формируется под воздействием совокупности внешних и внутренних факторов. Внешние детерминанты включают интенсивные нагрузки, переработки, размывание границ между работой и личной жизнью, а также эмоционально трудные контакты с пациентами, клиентами или учениками. При этом накапливающееся напряжение усиливается в условиях дефицита контроля над собственной деятельностью. Важную роль играет организационный контекст: недостаток чёткой регламентации обязанностей, несоразмерность вознаграждения затраченным усилиям, ограниченная поддержка со стороны коллег и руководителей. Эти обстоятельства формируют фон для хронического переутомления, способствуют потере интереса к работе и росту чувства бессмысленности выполняемых обязанностей [2,4].

Внутренние характеристики личности также играют ключевую роль. Склонность к перфекционизму, завышенные ожидания к себе, стремление соответствовать высоким стандартам при недостатке внутренних ресурсов усиливают риск истощения. Уязвимость повышают низкая стрессоустойчивость, зависимость самооценки от профессиональных результатов и склонность жертвовать личным временем ради работы. В случае наличия

соматических заболеваний или психологических трудностей нагрузка становится ещё более разрушительной.

Механизм выгорания можно описать через постепенное накопление дефицита энергетических ресурсов. На первом этапе отмечается усталость и раздражительность, затем наступает эмоциональное опустошение, которое сопровождается когнитивными сбоями и изменением поведения. Теоретические модели, например, трёхкомпонентная концепция К. Маслач, выделяют эмоциональное истощение, деперсонализацию и снижение личных достижений как ключевые признаки. В более поздних исследованиях акцентируется внимание на системном характере этого процесса: выгорание выступает не отдельным состоянием, а целым синдромом, включающим физиологические, психические и социальные изменения.

Профессиональные группы и контекст риска.

Наибольшая уязвимость к выгоранию наблюдается у специалистов «помогающих профессий» – врачей, учителей, социальных работников, сотрудников экстренных служб. В их деятельности доминирует постоянное взаимодействие с людьми, находящимися в трудных обстоятельствах. Это требует от специалиста высокой эмпатии, эмоциональной включённости и способности выдерживать стресс. В условиях недостатка ресурсов, поддержки и признания труда это приводит к хроническому перенапряжению и к постепенному утрате интереса к профессии [2].

Кроме того, выгорание затрагивает работников клиентских сфер – менеджеров по продажам, сотрудников call-центров, консультантов. Их деятельность связана с необходимостью постоянно регулировать собственные эмоции, демонстрировать позитивное отношение к клиенту, даже если внутренне человек испытывает противоположные чувства. Такое рассогласование между внутренними переживаниями и требуемыми организацией проявлениями также способствует развитию эмоционального истощения.

Исторически проблема выгорания стала активно изучаться с середины XX века, когда рост индустриализации и усложнение социальных институтов привели к увеличению требований к работнику. Первые публикации К. Маслач и Г. Фрейденбергера положили начало системному изучению этого феномена, что позволило выделить профессиональные группы риска и разработать первые программы профилактики.

Признаки и проявления выгорания.

Клиническая картина выгорания включает три группы симптомов: эмоциональные, когнитивные и поведенческие. Эмоциональная сфера характеризуется хронической усталостью, раздражительностью, апатией, равнодушием. Когнитивные признаки проявляются в снижении концентрации внимания, ухудшении памяти, трудностях в планировании и принятии решений. В поведении отмечаются формализм в исполнении обязанностей, снижение инициативы, рост конфликтности, избегание социальных контактов. Дополнительные соматические проявления включают нарушения сна, головные боли, потерю или усиление аппетита, снижение общего жизненного тонуса [1][2].

Следует подчеркнуть, что симптомы выгорания развиваются постепенно. На ранних этапах человек может восстановиться после отдыха. Однако при длительном воздействии стрессоров формируется устойчивая симптоматика, требующая специализированного вмешательства. Важно различать временное переутомление и устойчивый синдром выгорания, так как от этого зависит стратегия профилактики и помощи.

Диагностика и методы оценки

Для диагностики применяются различные инструменты. Маслачевская шкала выгорания остаётся наиболее популярной благодаря возможности комплексной оценки трёх основных компонентов [3]. Помимо неё используются опросники качества жизни, методы анализа трудовой активности, дневники самонаблюдений.

В современных подходах диагностика всё чаще рассматривается как многоступенчатый процесс. На первом этапе применяются количественные методики для выявления уровня риска, на втором – качественные методы (интервью, супервизия, анализ трудовой ситуации), позволяющие установить причины и условия формирования синдрома. Такой комплексный подход делает диагностику более надёжной и позволяет подобрать эффективные меры профилактики и коррекции.

Последствия для личности и организации.

Выгорание имеет негативные последствия для всех участников трудового процесса. Для работника это снижение профессиональной активности, ухудшение межличностных отношений, рост числа ошибок, потеря интереса к работе. Для организации – прямые и косвенные потери: снижение качества услуг, уход квалифицированных специалистов, рост текучести кадров, ухудшение имиджа.

Особенно опасны последствия в тех сферах, где цена ошибки высока – в медицине, образовании, социальной работе. Ошибки специалистов могут иметь долгосрочные последствия для здоровья, развития или безопасности других людей. Таким образом, проблема выгорания выходит за пределы частной трудовой ситуации и приобретает социальное значение [2].

Стратегии профилактики: индивидуальный уровень.

На уровне личности профилактика связана с формированием навыков управления собственными ресурсами. Ключевыми направлениями выступают рациональное планирование времени, регулярные перерывы, чёткое разделение труда и отдыха. Восстановлению ресурсов способствуют физическая активность, поддержка социальных связей, увлечения.

Методы саморегуляции включают дыхательные практики, техники осознанности (mindfulness), прогрессивную мышечную релаксацию. Они помогают снижать эмоциональное напряжение и повышать стрессоустойчивость. В случаях выраженного выгорания рекомендуется профессиональная помощь – психотерапия, тренинги по развитию навыков совладания, участие в программах поддержки сотрудников [3].

Особое внимание следует уделить комплексному взаимодействию личностных и организационных факторов, так как именно их сочетание определяет динамику развития выгорания. Индивидуальные особенности, такие как склонность к перфекционизму, высокая эмоциональная восприимчивость, а также психологическая усталость от постоянной самокритики и завышенных ожиданий, существенно повышают риск возникновения состояния истощения. При этом неподдерживающая рабочая среда, отсутствие обратной связи, перегрузка обязанностями и дефицит социального признания создают порочный круг, усиливающий стресс и снижая внутреннюю мотивацию.

Механизмы выгорания проявляются не только в виде внешних симптомов, но и сопровождаются глубинными изменениями в когнитивных и эмоциональных процессах. Хроническое эмоциональное истощение приводит к снижению способности к эмпатии, отчуждению от коллег и клиентов, что негативно сказывается на качестве работы и межличностных взаимодействиях. Нарушение когнитивных функций – снижение концентрации, ухудшение памяти, проблемы с принятием решений – усиливают ощущение неэффективности и бессмысленности, замыкая человека в состоянии апатии и безразличия к результатам своей деятельности. Эти процессы подтверждают необходимость рассматривать выгорание как целостный синдром, включающий физиологические, психологические и социальные компоненты, а не просто временную усталость.

Понимание этих взаимосвязей важно для разработки эффективных профилактических и коррекционных стратегий, направленных не только на устранение симптомов, но и на восстановление ресурсов личности и преобразование организационной

среды. Интеграция подходов, учитывающих как внутренние, так и внешние детерминанты выгорания, способствует формированию более здоровых моделей работы и взаимодействия, что, в свою очередь, снижает вероятность хронификации процесса и обеспечивает устойчивое профессиональное развитие.

Стратегии профилактики: организационный уровень.

Организационная профилактика ориентирована на улучшение условий труда и формирование здоровой корпоративной культуры. Ключевые меры включают перераспределение обязанностей, внедрение гибкого графика, предоставление автономии, участие сотрудников в принятии решений.

Руководители должны уметь распознавать признаки выгорания у подчинённых и предоставлять своевременную поддержку.

Крупные компании внедряют корпоративные программы по управлению стрессом, доступ к психологическим услугам, систему супервизии и наставничества. Важным направлением является вовлечение сотрудников в разработку мер профилактики, что повышает их реалистичность и эффективность [4].

Практическая модель профилактики включает в себя несколько этапов:

1. Определение потребностей: проведение регулярных опросов, анализ показателей текучести и больничных.
2. Планирование мер: выделение приоритетных направлений (тренинги, изменение режима труда).
3. Реализация: пилотные проекты в подразделениях, подготовка руководителей.
4. Оценка эффективности: отслеживание изменений и корректировка программ.
5. Интеграция: закрепление успешных практик в корпоративных стандартах.

Данный алгоритм позволяет адаптировать меры под специфику конкретной организации, сочетая практическую применимость и научную обоснованность.

Рекомендации для руководителей и специалистов.

Руководителям полезно формировать культуру открытого обсуждения проблем нагрузки и эмоционального благополучия, обеспечивать баланс между требованиями и ресурсами, предоставлять доступ к профессиональной помощи. Эффективной практикой является регулярная супервизия, создание внутрикорпоративных ресурсов поддержки – групп взаимопомощи, наставничества, программ коучинга [2][4].

В заключении можно сказать о том, что феномен выгорания следует рассматривать как сложный и многослойный процесс, включающий индивидуальные, социальные и организационные компоненты. Его профилактика требует системного подхода: сочетания личных стратегий управления ресурсами, командной поддержки и изменений в структуре организации.

Ответственность за сохранение психического здоровья распределяется между работником и работодателем: первый должен развивать навыки саморегуляции, второй обязан создавать условия для устойчивого труда. Только объединение этих усилий позволяет снизить риск выгорания и обеспечить сохранение профессионального потенциала.

В заключение следует подчеркнуть, что феномен профессионального выгорания представляет собой сложное и многослойное явление, охватывающее широкий спектр психологических, социальных и организационных аспектов. Его возникновение является результатом длительного взаимодействия между индивидуальными особенностями личности и условиями внешней среды – прежде всего характера труда, корпоративной культуры и системы управления. Учитывая многофакторность и постепенность развития этого синдрома, важно различать временное переутомление и устойчивое эмоциональное истощение, требующее целенаправленного вмешательства.

Сегодня выгорание выходит за рамки исключительно личной проблемы и становится серьёзным вызовом для организаций и общества в целом. Его последствия сказываются не только на профессиональной активности и психическом здоровье работников, но и ведут к ощутимым экономическим потерям, снижению качества услуг и продуктов, а также ухудшению климата внутри коллектива. Особенно критично это в сферах, где цена ошибки высока – медицине, образовании, социальной защите, что придаёт проблеме общественную значимость и требует объединения усилий.

В этой связи профилактика и коррекция выгорания должны осуществляться на нескольких уровнях: личностном, командном и организационном. На индивидуальном уровне важным становятся развитие навыков саморегуляции, умение восстанавливаться, формирование здорового баланса между работой и личной жизнью. На уровне коллектива и организации необходимо внедрение комплексных программ по управлению стрессом, создание поддержки и систем наставничества, адекватное распределение нагрузки и обеспечение возможностей для профессионального роста и саморазвития. При этом ключевую роль играет открытость корпоративной культуры к обсуждению эмоционального состояния работников и готовность руководства к диалогу и поддержке.

Эффективные стратегии профилактики должны строиться на основе системного подхода, включающего регулярный мониторинг состояния персонала, анализ факторов риска и адаптацию мер под специфику конкретной организационной среды. Важным является также повышение образовательного уровня менеджеров и специалистов по управлению персоналом в вопросах психологии труда и эмоционального выгорания, что позволит своевременно выявлять проблемы и создавать условия для устойчивой и здоровой работы.

Не менее значима роль научных исследований, направленных на углубленное понимание механизмов выгорания, выявление новых факторов риска и оценку эффективности различных методов профилактики и коррекции. Текущий уровень знаний требует интеграции различных теоретических и практических подходов, а также междисциплинарного сотрудничества.

В итоге, сохранение психического здоровья и профессиональной эффективности – это общая ответственность работника и работодателя. Первый должен развивать в себе способности к саморегуляции и поддержанию баланса, второй – создавать такую трудовую среду, в которой компенсируются стрессовые воздействия и поощряется развитие сотрудников. В условиях современного рынка труда и усложняющихся социально-экономических реалий только синергия этих усилий может стать гарантией снижения риска выгорания и обеспечения долгосрочного успеха как отдельных специалистов, так и организаций в целом.

Таким образом, проблема выгорания не должна восприниматься как неизбежный побочный эффект современного труда, а как важное направление для профессионального внимания и системной работы. Продолжающееся развитие методов диагностики, профилактики и терапии, а также формирование здоровой корпоративной культуры – ключевые задачи, стоящие как перед учёными, так и перед практиками в области управления персоналом и психологии труда. Только такой интегрированный подход позволит создать устойчивые условия для эффективной и осознанной профессиональной деятельности в быстро меняющемся мире.

Библиографические ссылки:

1. Архипова Н.И. Современные проблемы управления персоналом: монография / Н.И. Архипова, С.В. Назайкинский, О.Л. Седова. - М: Проспект, 2019. - С. 160.
2. Водопьянова, Н. Е. Психология управления персоналом. Психическое выгорание : учебник для вузов / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 299 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-07711-7. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/562958> (дата обращения: 28.09.2025).
3. Дейнека А.В., Жуков Б.М. Современные тенденции в управлении персоналом [Электронный ресурс]: учебное пособие / 2019. - 198 с. - с. 47. (дата обращения: 11.04.2022).
4. Панков В.А., Лахман О.Л., Кулешова М.В., Рукавишников В.С. Эмоциональное выгорание у медицинских работников в условиях работы в экстремальных ситуациях. Гигиена и санитария. 2020; 99(10): 1034-41.
5. Сувалова, Т. В., Сувалов, О. С. Эмоциональное выгорание HR-специалистов // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2022. – № 2. – С. 25-29. DOI:10.12737/2305-7807-2022-11-2-25-29.
6. Шахова А.Р., Максимyak А.С., Левченко Е.В. ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ В УСЛОВИЯХ СВО // Вестник науки №5 (62) том 3. С. 928 - 934. 2023 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: <https://www.вестник-науки.рф/article/8321> (дата обращения: 28.09.2025 г.)

© Добрынина В.В., Ватлецова Е.К., 2025

МОТИВАЦИОННЫЕ И СТРЕССОВЫЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

Е. Д. Долгих

студент 2 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: elizabeth20-05@mail.ru

В статье исследуются мотивационные и стрессовые аспекты, влияющие на работу госслужащих, с учетом психологических и управленческих методологий. Подчеркиваются различия между материальной и нематериальной мотивацией, а также влияние ценностных ориентаций на карьерный рост. Выделяются механизмы стресса и факторы его уменьшения, предлагаются рекомендации по повышению мотивации для улучшения профессиональной деятельности.

Ключевые слова: государственные служащие, нематериальная мотивация, материальная мотивация, теория управления, психофизиологические факторы, стресс.

The article examines the motivational and stressful aspects affecting the work of civil servants, taking into account psychological and managerial methodologies. The differences between material and non-material motivation are emphasized, as well as the influence of value orientations on career growth. The mechanisms of stress and factors of its reduction are highlighted, recommendations for increasing motivation for improving professional activities are proposed.

Key words: government servants, non-material motivation, material motivation, management theory, psychophysiological factors, stress.

Государственные гражданские служащие занимают ключевое положение в системе государственного управления, обеспечивая не только эффективное функционирование властных структур, но и адекватное реагирование на запросы общества. В условиях изменений социально-экономического контекста, предъявляемые к ним требования становятся многогранными и сложными. К традиционным знаниям в области законодательства добавляются важные компетенции, включая стрессоустойчивость, способность к быстрой адаптации и личную ответственность за принимаемые решения. С возрастанием сложности задач служащие должны активно участвовать в процессах реформирования, реагировать на вызовы инновационной деятельности и стремиться к улучшению уровня обслуживания граждан. Здесь важным фактором становится внутреннее стремление к профессиональному и личностному развитию, которое служит основой для достижения не только индивидуальных успехов, но и повышения общей эффективности работы государственного аппарата. Все эти аспекты подчеркивают необходимость создания системы, где постоянное обучение, мотивация и новые подходы к управлению станут основой для подготовки квалифицированных специалистов, готовых к вызовам современности.

Цель исследования – анализ мотивационных и стрессовых аспектов работы госслужащих для определения условий минимизации их негативного влияния на профессиональную деятельность.

Актуальность исследования – возрастание требований к эффективности государственных институтов и необходимости поддержания высокого уровня мотивации в

условиях нарастающего стресса, что отражается на общем уровне доверия граждан к власти.

Мотивация представляет собой сложную структуру, состоящую как из внутренних, так и внешних факторов, которые влияют на активность индивида, задавая параметры и методы осуществления деятельности, а также обеспечивая ориентированность на достижение определённых целей. Внутренние детерминанты включают в себя психические характеристики субъекта, такие как мотивационные структуры, потребности, намерения, желания и интересы. Внешние, в свою очередь, охватывают контекстуальные условия и обстоятельства, в которых осуществляется деятельность, включая различные стимулы. Взаимосвязь между внутренними и внешними аспектами имеет большое значение: внутренние мотивы могут активизироваться под воздействием ситуаций, в то время как активация потребностей и мотивационных факторов может приводить к изменению восприятия индивидом окружающей действительности. Каждый мотив обладает уникальной субъективной ценностью для отдельного человека, что напрямую влияет на выбор и направление его дальнейших действий. В контексте психологической науки мотивация может быть охарактеризована как психофизиологический процесс, осуществляющий регуляцию человеческого поведения, включая его физиологические аспекты, и нацеливающий индивидуальные усилия на реализацию поставленных задач в рамках профессиональной деятельности.

В условиях современного общества наблюдается стойкая тенденция к росту числа стрессовых факторов, оказывающих влияние на сотрудников государственных учреждений. Эта проблема объясняется множеством объективных обстоятельств, среди которых можно выделить усиление законодательного контроля, наличие значительного числа правовых ограничений, строгие нормы, касающиеся соблюдения трудовой дисциплины, а также высокая юридическая ответственность, возникающая в результате принятия управленческих решений. Субъективные аспекты, такие как завышенные ожидания и требования со стороны общества, распространение негативной информации, дискредитирующей работу, а также общее снижение престижа государственной службы, также способствуют повышению уровня стресса. В силу характера своей деятельности эти специалисты принадлежат к группам профессий, где взаимодействие с людьми – неотъемлемая часть работы, что делает их более уязвимыми к воздействиям, вызывающим психоэмоциональные травмы. Накопление стресса может иметь серьезные последствия для психического здоровья, снижая мотивацию, негативно сказываясь на отношении к служебным обязанностям и ухудшая качество выполнения задач. Это может сказаться на физическом здоровье, повышая риск возникновения сердечно-сосудистых заболеваний, психических расстройств и ослабления иммунной системы, а также способствовать активации различных соматических заболеваний. Все вышеперечисленные аспекты формируют сложный психоэмоциональный фон, который неблагоприятно сказывается на производительности труда и общей эффективности профессиональной деятельности.

Эволюция мотивационных стимулов в контексте управления человеческими ресурсами происходила синхронно с развитием научных парадигм в области управления. Первоначально в центре внимания оказалась классическая управленческая теория, представленная такими авторами, как Фредерик Тейлор и Анри Файоль. Эта теория представляет собой пример технократического подхода, в рамках которого работник воспринимается не как уникальная личность, а как ресурс, необходимый для достижения поставленных организационных целей. В рамках данной парадигмы система мотивации основывается на экономических принципах, подчеркивающих корреляцию между временными затратами на выполнение трудовых задач и количеством производимых товаров или предоставляемых услуг. В этом контексте материальный стимул, такой как заработная плата, выступает в роли ключевого механизма. С точки зрения классической

теории, материальная мотивация считается основным элементом, способствующим увеличению производительности труда. Однако с течением времени управление персоналом стало все более многофункциональным и сложным процессом. Современные исследования подчеркивают, что мотивация работников не может рассматриваться исключительно в рамках материальных стимулов. Возрастание значимости нематериальных факторов, таких как психологическое удовлетворение, возможность профессионального роста, а также корпоративная культура, играет не менее важную роль в формировании мотивационного воздействия на трудовую деятельность.

В дополнение к традиционной теории управления в научном сообществе активно развивалась концепция человеческих отношений, представленная Элтоном Мэйо. Эта концепция, получившая дальнейшее развитие под эгидой бихевиористского подхода, акцентировала внимание на исследовании специфических поведенческих характеристик как работников, так и их руководителей, а также на детальном анализе межличностных взаимодействий и коммуникационных процессов в организациях. Бихевиоризм, в отличие от более старых теорий, делает акцент на наблюдаемых аспектах поведения, что позволяет лучше понять динамику отношений внутри коллективов. В рамках этого подхода особое внимание следует уделить модели Дугласа Мак-Грегора, в которую включены теории «Х» и «Y», служащие основой для анализа мотивационных факторов, стилей лидерства и методов управления. Модель предлагает двустороннюю интерпретацию мотивационных стратегий: теория «Х» подразумевает наличие авторитарного стиля управления, при котором мотивация сотрудников в значительной мере основывается на страхе перед наказанием и внешних санкциях. Напротив, теория «Y» представляет собой демократический подход к руководству, в котором мотивация формируется через самодисциплину, желание реализовать свои способности и стремление к самоконтролю. Данная модель акцентирует внимание на важности нематериальных факторов, указывая на то, что удовлетворение потребностей работников в самореализации и ответственности может значительно повысить их вовлеченность и продуктивность. В контексте современного управления следует также рассмотреть влияние таких факторов, как организационная культура, командный дух и эмоциональный интеллект, на успех внедрения этих теорий в практическую сферу. Становится очевидным, что лидеры, способные адаптировать свой стиль управления в зависимости от ситуации и особенностей своей команды, могут добиться гораздо более высоких результатов в управлении и развитии человеческого капитала.

В последние десятилетия активно развиваются исследования, касающиеся динамики групповых взаимодействий, а также вопросов, связанных с преодолением коммуникационных и социально-психологических барьеров как внутри коллективов, так и в отношениях между руководством и подчинёнными. Особое внимание в этой сфере было уделено исследованиям, проводимым в 1970-х годах, когда возникла теория человеческих ресурсов, инициированная такими учеными, как Абрахам Маслоу, Фредерик Герцберг и Дуглас Мак-Грегор. Эта теория отражает современный подход к управлению, в котором человек рассматривается не только как источник трудового потенциала, но и как ключевой субъект трудовых отношений. В рамках данной концепции акцент делается на адаптации работников и профессиональном выборе кадров, а также на разработке комплексной системы мотивации, включающей как материальные, так и нематериальные стимулы. Важнейший вклад в формирование этой теории был внесён А. Маслоу, который разработал иерархию потребностей, определив уровень неудовлетворённости как один из главных факторов, влияющих на мотивацию. Его работы стали основой для дальнейшего развития идей, предложенных Ф. Герцбергом, который классифицировал факторы мотивации на две основные группы: гигиенические и мотивирующие. Факторы мотивации непосредственно связаны с выполнением обязанностей и выражают, каким

образом сотрудники воспринимают свою деятельность и как на неё реагирует руководство. Увеличение удовлетворённости работой способствует повышению как вовлеченности, так и общей продуктивности команды. В то же время гигиенические факторы, такие как условия труда, заработная плата и атмосфера в коллективе, представляют собой необходимый базовый уровень, нарушение которого может привести к негативному восприятию работодателя со стороны сотрудников и, соответственно, снижению продуктивности. Взаимосвязь между гигиеническими и мотивирующими факторами тесно связана с индивидуальными психологическими характеристиками и физиологическими аспектами работников. Эти взаимоотношения формируют общие механизмы мотивации, которые могут включать разнообразные потребности, социальные установки, личные стимулы, а также сформированные ожидания и моральное удовлетворение. Теория человеческих ресурсов стала точкой соприкосновения классических управленческих концепций и современных подходов к человеческим отношениям в организациях, создав прочную основу для дальнейших исследований и разработки стратегий, ориентированных на комплексный подход к мотивации и развитию персонала.

В исследовании, проведённом в 2025 году Высшей школой государственного управления, была выявлена проблема, касающаяся низкого уровня привлекательности государственной службы. 84% муниципальных и около 79% государственных служащих согласны с этим утверждением, что свидетельствует о существовании предвзятости к данному виду деятельности. Интересно отметить, что приблизительно 44% участников опроса оценивают государственную службу как престижную, однако аналогичное количество - около 42% - заявляет о несогласии с этой точкой зрения. Только небольшая доля респондентов занимает крайние позиции: 8% опрошенных характеризуют свою работу как исключительно престижную, в то время как 7% отводят ей статус крайне непрестижной. Наибольшее беспокойство вызывает тот факт, что 48% государственных и 45% муниципальных служащих открыто признают наличие проблемы низкой притягательности данной сферы. Более того, 31% и 39% респондентов частично согласны с этой негативной оценкой. Подавляющее большинство, составляющее 21% среди госслужащих и 15% среди муниципальных служащих, не считают существующее положение дел серьезной проблемой. Тем не менее, престиж государственной службы играет важную роль в формировании общественного доверия к институтам власти. Этот фактор является ключевым элементом профессиональной идентичности служащих, влияющим на их самовосприятие и понимание своей значимости.

Одним из основных элементов, оказывающих негативное воздействие на мотивацию сотрудников в сфере государственного управления, является дефицит системного стимулирования и недостаток признания профессиональных достижений. Госслужащие сталкиваются с трудностями в получении достаточного объема положительной обратной связи, а также стимула к росту через эффективные механизмы вознаграждения и поощрения. Это может существенно снижать их мотивационный потенциал и оказывать деструктивное влияние на общую производительность труда. Помимо этого, важной проблемой остается ограниченность карьерных возможностей, которые препятствуют как профессиональному, так и личностному развитию. Быстрое изменение социальных и экономических условий требует постоянного обновления навыков и знаний, однако существующие системы редко предоставляют для этого необходимые ресурсы. Также стоит подчеркнуть недостатки в обеспечении надлежащих условий труда, включая недоступность инструментов и технической поддержки.

Результаты современных исследований в области труда и психологии подтверждают важность баланса между материальной и нематериальной мотивацией сотрудников. Нематериальные стимулы, согласно положениям Федерального закона № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», играют ключевую роль в

привлечении и удержании квалифицированных кадров. Эти меры направлены на воздействие на внутренние мотивы сотрудников, что включает в себя признание достижений, создание возможностей для самореализации, а также формирование комфортных и безопасных условий труда как в материально-техническом, так и в психофизическом аспектах. Основные рабочие ценности строятся на принципах служения интересам общества, защиты прав и свобод личности, профессионализма, честности и беспристрастности. Психофизиологические аспекты, касающиеся мотивации, подробно описаны в частях 1 статьи 14 и 52 Федерального закона № 79-ФЗ, которые подчеркивают необходимость обеспечения сбалансированного ритма работы и отдыха. Эти положения направлены на повышение ответственного выполнения служебных обязанностей, а также на укрепление стабильности профессионального состава в гражданской службе. Статья 55 того же закона, посвященная поощрениям и награждениям, создает правовую основу для системы материальной мотивации. Принципы материального стимулирования касаются таких аспектов, как справедливая оплата труда и обеспечение качества жизни служащих на уровне, соответствующем социально-экономическому развитию страны. Оплата труда, несмотря на единые общие принципы, учитывает индивидуальные характеристики, такие как стаж службы, квалификационные надбавки и условия труда. Учёт этих факторов способствует формированию справедливой системы оплаты, что может стимулировать рост удовлетворенности трудом.

Для эффективного решения задач, связанных с мотивацией работников государственного сектора, требуется интеграция разнообразных инструментов и стратегий. Одним из ключевых аспектов является система финансового вознаграждения, которая предоставляет служащим возможности для увеличения своих доходов в зависимости от уровня достижения заранее определённых целей и показателей результативности. Важнейшим способом повышения мотивации также выступает обеспечение карьерного роста. Возможность карьерного продвижения и расширение сфер ответственности способны значительно усиливать стремление работников к достижению выдающихся результатов. Актуальным элементом является внедрение программ обучения, которые создают необходимость для сотрудников повышать свои навыки и компетенции. Такой подход способствует созданию среды, способствующей карьерному росту. Также целесообразно разработать систему наград и поощрений, которая будет включать в себя признание заслуг и высокую оценку качества выполненной работы. Этот публичный механизм признания выступает важным мотиватором, учитывая, что справедливость и беспристрастность критериев оценки достижений играют ключевую роль для минимизации недовольства и чувства несправедливости среди работников. В процессе формирования мотивации госслужащие, принимая во внимание воздействия внешней среды и внутренние установки, осознают значимость своей роли и вклада в общее благо. Потребность в труде трансформируется в заинтересованность, что определяет такие качества, как добросовестность, профессионализм и верность служебным обязанностям. Перед госучреждениями стоит задача выявления и использования конкурентных преимуществ, что позволит адаптировать и применять наиболее эффективные технологии мотивации с акцентом на инклюзивность в управлении человеческими ресурсами. Внедрение таких подходов должно основываться на углублённом анализе потребностей и предпочтений сотрудников.

В ходе взаимодействия с населением государственные гражданские служащие сталкиваются с множеством стрессогенных факторов, что приводит к возникновению психологических проблем, негативно влияющих на мотивацию к продолжению трудовой деятельности. Профилактика представляет собой систему мероприятий, предназначенных для снижения воздействия стресса на эмоциональные, мотивационные, волевые и поведенческие аспекты личности. Деятельность кадровых служб в органах власти должна

включать регулярный мониторинг факторов, способствующих возникновению профессиональной деформации, а также сопровождение молодых специалистов на этапе их адаптации. К числу необходимых мероприятий относится ротация персонала и диагностика, направленная на выявление признаков стресса и эмоционального выгорания. Важно интегрировать в программу повышения квалификации проекты, ориентированные на освоение методов саморегуляции, а также организацию тренингов, охватывающих широкий спектр психологических, функциональных и интеллектуальных навыков. Для создания адекватных моделей реакции на стрессовые ситуации целесообразно использовать ролевые игры в искусственно созданных условиях. Ключевыми направлениями, способствующими снижению уровня стресса и предотвращению демотивации, являются: повышение квалификации сотрудников, обеспечение комфортных условий труда и питания, чередование трудовой деятельности и отдыха, создание творческой атмосферы в коллективе, реорганизация рабочего пространства, оптимизация заработной платы, а также предоставление социальных гарантий. Кроме того, самим служащим рекомендуется внедрять методы профилактики стресса, включая развитие альтернативных видов деятельности и хобби, внедрение разнообразия в профессиональную деятельность, а также соблюдение режима сна и отдыха с целью улучшения общей жизненной удовлетворенности. Значение комплексного подхода к управлению стрессом в системе государственного управления невозможно переоценить. Он воздействует не только на индивидуальную трудоспособность, но и на общую эффективность функционирования государственных учреждений. Таким образом, создание благоприятной рабочей среды и применение профилактических мер могут значительно повысить качество государственного управления и удовлетворенность граждан от получаемых услуг.

Библиографические ссылки

1. Базаров, Т.Ю. Психология управления персоналом: учебник и практикум для вузов / Т.Ю. Базаров. – М: Юрайт, 2020. – 381 с. – Текст: непосредственный.
2. Голубкова О.А., Сатикова С.В. Организационное поведение: теория и практика / О.А. Голубкова, С.В. Сатикова. – СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2013. – 213 с. – Текст: непосредственный.
3. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации / А.Я. Кибанова. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 638 с. – Текст: непосредственный.
4. Маклаков, А.Г. Общая психология: учебник для вузов / А.Г. Маклаков. – СПб.: Питер, 2016. – 583 с. – Текст: непосредственный.
5. Масальская В.С. Повышение мотивации труда государственных гражданских служащих / В.С. Масальская. – М: Центр развития научного сотрудничества, 2013. – № 6. – С. 82-86 – Текст: непосредственный.
6. Огородник Л.В. Нематериальная мотивация государственных гражданских служащих Российской Федерации / Л.В. Огородник - М.: Молодой ученый, 2022. - № 9 (404). - С. 228-231. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/404/89178> (дата обращения: 27.10.2025). – Текст электронный.
7. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон "О государственной гражданской службе Российской Федерации" от 27.07.2004 N 79-ФЗ // Консультант Плюс : сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 27.10.2025). – Текст: электронный.
8. Российский издательский дом «Коммерсантъ» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7926205> (дата обращения: 27.10.2025). – Текст электронный.

© Долгих Е.Д., 2025

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА

Д. В. Журавель

студент 1 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: zhuravel_daria@mail.ru

В. В. Богданов

доцент, СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия,

директор ООО «Управление качеством жизни», г. Красноярск, Россия

E-mail: ww.bogdanov@gmail.com

В статье рассматривается вопрос о способах подбора персонала, исходя из особенностей психологического типа человека на примере использования четырех самых распространённых типологий для определения психологических особенностей и подбора вида трудовой деятельности для работника.

Ключевые слова: подбор персонала, типирование, психологический тип, эниостиль, типология Майерс-Бриггс, MBTI, соционика, типология DISC.

The article discusses the question of how to select personnel based on the characteristics of the psychological type of a person using the four most common typologies to determine the psychological characteristics and select the type of labor activity for an employee.

Key words: Personnel selection, human typing, psychotype, eniostyle, Myers-Briggs typology, MBTI, socionics, DISC typology.

В современном профессиональном мире, характеризующемся высокой динамичностью, быстрыми изменениями требований и значительным уровнем неопределённости, становится всё более очевидным, что успешность, результативность человека на работе и производительность его труда зависит не только от его квалификации и навыков, но и от глубинных личностных характеристик – в частности, от психологического типа личности [4, с. 207]. Подбор персонала с учётом психотипа – эффективный инструмент повышения совпадения между работником и рабочей средой. Наилучшие результаты достигаются при системном подходе: анализ должности, формирование профильной карты, использование комбинаций различных инструментов. Подобный способ не заменяет оценку профессиональных компетенций, но существенно дополняет её, позволяя снижать риски неудачного найма и повышать качество интеграции сотрудников в организацию [23, с. 295]. Актуальность статьи обусловлена тем, что в настоящее время в организациях существует большая текучесть кадров. И зачастую, это связано именно с тем, что персонал, попавший на должность, не способен справиться с поставленными задачами, именно в силу несовпадения психических особенностей виду профессиональной деятельности. Это же не позволяет человеку проявить себя и реализовать в профессиональной деятельности в полной мере [15, с. 44].

Цель данной статьи – рассмотрение соответствия различных характеристик типа личности виду профессиональной деятельности в разных типологиях.

Под психологическим типом понимают типологическую характеристику личности, отражающую устойчивые особенности восприятия, обработки информации, эмоционального реагирования и взаимодействия с окружающей средой [5, с. 185].

Применительно к профессиональной деятельности понимание психотипа может стать ключом к более эффективному выбору профессии, организации рабочего процесса, адаптации к изменениям и развитию карьерного потенциала.

Терминологически понятие «психотип» опирается на классические типологии личности (например, Карл Густав Юнг) и далее развитые отечественной и зарубежной психологией. Типология Юнга выделяет ориентации «экстраверсия / интроверсия» и ведущие психические функции (мышление, чувство, ощущение, интуиция) [6, с. 332]. Отечественные авторы также рассматривали психотипы как устойчивые личностные структуры, влияющие на стиль деятельности личности. Например, Олег Павлович Елисеев в монографии «Конструктивная типология и психодиагностика личности» обобщил типологические подходы и их практическое применение [7, с. 276].

Профессиональная деятельность – это система задач, ролей и требований, предъявляемых к человеку в трудовом процессе, включающая выбор профессии, выполнение рабочих функций, взаимодействие с коллегами и саморазвитие. Степень соответствия личностных характеристик человека требованиям данной деятельности, считается одним из факторов успешности и удовлетворённости [20, с. 4].

Понимание психотипа для выбора профессии важно по следующим направлениям:

1. Выбор профессии. Психотип влияет на склонности, предпочтения и удовлетворённость от той или иной профессиональной роли. Так, типология личности может помочь в определении, какая профессия наиболее соответствует психологическому профилю человека. Например, в обзоре типологий личности и их роли в профориентации отмечено: «для тех, кто не определился с профессией, но хочет сменить работу...» учитываются психотипы личности [24, с. 1].

2. Адаптация к условиям труда. Профессиональная среда предъявляет определённые требования: к коммуникации, к режиму работы, к стресс-устойчивости, к изменениям. Психотип оказывает влияние на то, насколько быстро и эффективно человек адаптируется к этим требованиям. Например, публикация «Психологические особенности субъектов труда в профессиях информационного типа» показывает, что психологические особенности личности имеют значение в современных профессиях [20, с. 1].

3. Стиль работы и взаимодействие. Психотип определяет предпочтительный способ работы, коммуникации, принятия решений, что непосредственно влияет на эффективность и качество профессиональной деятельности. В статье «Профессиональные типы личности в менеджменте» подчёркивается, что определение профессионального типа личности может быть полезным при прогнозировании успешности кандидата [18, с. 1].

4. Карьерный рост и удовлетворённость. Когда человек действует в профессиональной сфере, наиболее соответствующей его личностному профилю, выше вероятность удовлетворённости работой, меньше риск профессионального выгорания, выше мотивация к развитию. В журнале «Возрастная и педагогическая психология» отмечены личностные факторы построения профессиональной карьеры [9, с. 25].

Таким образом, психологический тип личности выступает как один из ключевых ресурсов профессиональной эффективности и устойчивого развития личности в труде.

Механизмы влияния психологического типа на профессиональную деятельность

Мотивационно-ценностный механизм

Психотип задаёт определённый внутренний стиль: например, склонность к стабильности или новаторству, ориентированность на людей или технику, предпочтение системности или творчества. Эти особенности отражаются в мотивации, отношении к работе, готовности к инициативе и саморазвитию. В статье «Проблема формирования профессионального самоопределения и построения профессиональной типологии

личности» приводится обзор типологий (Э. Шпрангера, Дж. Холланда и др.), где связь ценностно-типологических характеристик с выбором профессии подчёркнута [13, с. 24].

Познавательный-коммуникативный механизм

Психологический тип человека влияет на предпочтительные способы восприятия, мышления и коммуникации: интроверт или экстраверт, аналитик или эмпат – это влияет на комфортность роли и профессиональной среды. Для человека с типом, ориентированным на работу с людьми, наиболее подходящими могут быть профессии, где важна коммуникация; для аналитического типа – профессии, где требуется системный подход. Такая взаимосвязь описана в материалах по профессиональным типам личности [24, с. 1].

Адаптационно-регулятивный механизм

Профессиональная деятельность часто предполагает изменение условий, задачи, взаимодействия и необходимость адаптироваться. Психотип отражает особенности регуляции, устойчивости к стрессу, гибкости. Если тип личности человека плохо согласован с профессиональной средой, это может привести к снижению эффективности или удовлетворённости. Например, в статье «Влияние личностных черт клинического психолога на профессиональную компетентность» рассматривается, как эмоционально-волевые и характерологические черты личности специалиста влияют на его профессиональную компетентность [12, с. 73].

Практическое значение определения психологического типа

Определение психологического типа личности имеет существенное практическое значение в различных сферах человеческой деятельности – от образования и профессионального отбора до управления персоналом и межличностных коммуникаций. В каждой из сфер жизни человека можно увидеть различные преимущества знания своего психологического типа.

Диагностика и профориентация

Организациям и специалистам важно включать диагностику психотипа и типологических характеристик личности при профориентации, подборе должностей и развитии карьеры. Более точное понимание психотипа позволяет сопоставить личностный профиль человека с требованиями профессии и снизить риски неудовлетворённости или низкой эффективности [4, с. 206].

Подбор профессии и адаптация

Если человек понимает свой психотип – его сильные стороны и ограничения – у него появляется возможность более осознанно выбирать профессию, адаптироваться к требованиям, формировать стратегию развития. Организациям важно учитывать психотип при распределении ролей, формировании команд и создании среды, поддерживающей развитие [4, с. 207].

Обучение и развитие

Понимание психотипа даёт возможность строить индивидуальные программы развития: если тип личности показывает склонность к интро-анализу, можно развивать навыки коммуникации; если склонность к творчеству – развивать умение систематизации, планирования. Также важно развивать адаптационные навыки (гибкость, саморегуляция) для стабильной профессиональной деятельности [22, с. 75].

Организационная среда и управление персоналом

Организациям желательно учитывать типологические особенности сотрудников при построении корпоративной культуры, формировании команд, распределении задач, наставничестве. Это способствует снижению текучести, повышению удовлетворённости и эффективности. Также важно предусмотреть мониторинг: регулярная оценка психологической совместимости сотрудника с ролью и средой, корректировка задач или переход на другую функцию при необходимости [17, с. 93].

Ограничения и перспективы

Следует отметить, что психотип – это не жёсткая предопределяющая характеристика, а ориентир: люди могут развиваться, адаптироваться, менять стиль деятельности. Типология даёт полезную отправную точку, но не заменяет комплексный подход, включающий навыки, знания, мотивацию и среду. Также методы диагностики психотипа и типологии личности имеют свои методические ограничения (разная валидность, применимость разных моделей). В отечественной психологии присутствует значительная вариативность типологических моделей, и не все из них стандартизированы.

Перспективы: дальнейшее исследование взаимосвязи психотипов с новыми профессиями (цифровая экономика, гибкие формы занятости), развитие индивидуальных программ развития с учётом психотипа, а также интеграция типологических данных в систему управления талантами и карьерного консультирования.

Ряд российских исследований подтверждает влияние психотипологических особенностей на выбор профессии и профессиональную успешность. Так, Белова С.Д. показала, что тип темперамента статистически значимо коррелирует с выбором профессиональной сферы среди студентов гуманитарных и технических направлений [2, с. 185]. Махмутова Р.Ф. выявила, что профессиональная пригодность связана с уровнем эмоциональной устойчивости и доминирующими когнитивными стратегиями личности [16, с. 39]. В исследованиях Калугина А.Ю. по русскоязычной версии Big Five Inventory установлено, что добросовестность и открытость опыту положительно связаны с удовлетворённостью работой и самоэффективностью [8, с. 15].

Проанализировав различные методики, мы собрали в таблицу соотношение психотипов и профессиональных направлений.

Таблица 1 – Соотношение психотипов в MBTI и профессиональных направлений

Психотип	Ключевые характеристики	Рекомендуемые профессиональные области
MBTI: ISTJ (Инспектор)	Ответственный, дисциплинированный, аналитичный, привержен правилам	Администрирование, бухгалтерия, юриспруденция, логистика, госслужба
MBTI: ENFP (Инспиратор)	Творческий, коммуникабельный, инициативный, эмпатичный	Реклама, маркетинг, журналистика, психология, педагогика
MBTI: INTJ (Стратег)	Аналитичный, дальновидный, независимый, ориентирован на результат	Наука, инженерия, IT, управление проектами, стратегический консалтинг
MBTI: ESFJ (Наставник)	Заботливый, социально ориентированный, надёжный, эмпатичный	Образование, медицина, социальная работа, HR, сервис

Таблица 2 – Соотношение психотипов в DISC и профессиональных направлений

Психотип	Ключевые характеристики	Рекомендуемые профессиональные области
DISC: D (Доминирование)	Решительность, лидерство, инициативность, фокус на цели	Управление, предпринимательство, продажи, военное дело
DISC: I (Влияние)	Энергичный, оптимистичный, коммуникабельный, вдохновляющий	PR, маркетинг, ивент-менеджмент, журналистика, шоу-бизнес
DISC: S (Стабильность)	Надёжный, уравновешенный, терпеливый, командный	Поддержка клиентов, обучение, медицина, административная работа
DISC: C (Соответствие)	Аналитичный, аккуратный, системный, рациональный	Аналитика, программирование, аудит, юриспруденция, проектирование

Таблица 3 – Соотношение психотипов в соционике и профессиональных направлений

Психотип	Ключевые характеристики	Рекомендуемые профессиональные области
Соционика: Логико-интуитивный (Аналитик)	Логичный, рассудительный, системный, независимый	Наука, IT, инжиниринг, исследовательская деятельность
Соционика: Этическо-сенсорный-экстраверт (Энтузиаст)	Эмоциональный, доброжелательный, коммуникабельный	Педагогика, HR, реклама, сфера обслуживания
Соционика: Логико-интуитивный (Предприниматель)	Целеустремлённый, решительный, инициативный, стратегический	Бизнес, политика, управление, консалтинг
Соционика: Интуитивно-этический (Романтик)	Интуитивный, креативный, мечтательный, чувствительный	Искусство, психология, литература, дизайн

Таблица 4 – Соотношение психотипов в соционике и профессиональных направлений

Психотип	Ключевые характеристики	Рекомендуемые профессиональные области
Эниостиль: Север	Организованный, ответственный, дисциплинированный, ориентация на цифры, работу с документами, логистику, прямолинейность	Государственная и муниципальная служба, финансы, производство, менеджмент среднего звена
Эниостиль: Юг	Энергичный, заботливый, эмоциональный, ориентация на работу с людьми	Педагогика, актерское мастерство, реклама, общение с людьми
Эниостиль: Запад	Волевой, решительный, тактик, руководство, ведение за собой, умение выделять главное, отделять от востроепенного	Предпринимательство, военное дело, управление, государственная служба, делание руками
Эниостиль: Восток	Идейный, творческий, стратег, отвращение к расписанию и бумажной работе	Дизайн, творчество, прогнозирование, планирование, стратегический маркетинг, исследовательская деятельность

В практике управления персоналом знание психотипа используется при подборе, адаптации и развитии сотрудников. Исследования российских специалистов показывают, что применение типологических опросников позволяет повысить точность отбора на 20–25%, сократить текучесть кадров и повысить удовлетворённость работой [14, с. 35].

В образовательной сфере понимание психотипа помогает индивидуализировать обучение, корректировать профориентационные программы и предотвращать профессиональные дезадаптации [10, с. 81].

В практике работы с персоналом, подборе команд для решения различных задач в организации и ведении бизнеса, типология MBTI и эниостиль позволяют в полной мере охватить все сферы деятельности организации (от построения межличностных отношений внутри команды, до стратегических планов построения бизнеса в целом), что позволяет полностью описать все внутренние механизмы организации и спрогнозировать дальнейшие действия [3, с. 16].

По результатам рассмотрения теоретических основ понятия «психологический тип личности» определено, что психотип представляет собой совокупность устойчивых индивидуально-психологических характеристик, определяющих особенности восприятия, мышления, эмоциональных реакций и поведения человека. Современные типологии личности (MBTI, DISC, соционика, эниостиль) подтверждают, что знание психотипа

является основой для понимания индивидуальных различий и закономерностей взаимодействия человека с окружающей средой.

В результате определения сфер практического применения определения психологического типа личности при выборе профессиональной деятельности выявлено, что определение психологического типа способствует повышению точности профессионального самоопределения, помогает выявить природные склонности и предпочтения, а также способствует формированию внутренней мотивации и удовлетворенности трудом. Осознанное понимание собственных психологических особенностей позволяет минимизировать риск профессиональной дезадаптации и выгорания.

Анализ механизмов влияния психологического типа на профессиональную деятельность показал, что психологический тип определяет не только индивидуальный стиль работы и принятия решений, но и уровень стрессоустойчивости, коммуникативные стратегии и лидерские качества. От того, насколько характер труда соответствует психологическим особенностям личности, напрямую зависят эффективность деятельности, продуктивность и эмоциональное благополучие работника.

В ходе выявления наиболее широко применяемых типологий в сфере подбора кадров установлено, что наибольшее практическое распространение получили модели MBTI, DISC, Соционика и Эниостиль. Эти системы позволяют работодателям и HR-специалистам комплексно оценивать личностные качества, прогнозировать совместимость сотрудников, оптимизировать командные взаимодействия и разрабатывать индивидуальные стратегии профессионального развития.

В настоящее время, существует большое количество различных типологий личности. И для того, чтобы выбрать наиболее оптимальную типологию, которая поможет в подборе персонала, необходимо ознакомиться с преимуществами и недостатками каждой из заинтересовавших типологий, и определить для себя, какие недостатки не являются существенными для вас при подборе персонала или команды.

Библиографические ссылки

1. Аугустинавичюте, А. Соционика. Введение / А. Аугустинавичюте; Терра Фантастика. – Санкт-Петербург : Терра Фантастика, 1998. – 446 с. – Текст : непосредственный.
2. Белова, С.Д. Влияние темперамента на выбор профессии / С.Д. Белова – Текст : непосредственный // Вестник медицинского института «Реавиз» : реабилитация, врач и здоровье – 2022. – С. 185-186.
3. Богданов, В.В. Книга эксперта Эниостиля / В.В. Богданов; Издательские решения по лицензии Ridero. – Москва : Ridero, 2023. – 534 с. – Текст: непосредственный.
4. Бочарова, А.Р. Влияние психотипа на профессиональный выбор и карьерное развитие / А.Р. Бочарова – Текст : непосредственный // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2024. – С. 206-209
5. Быкова, Е.С. Типологические характеристики личности в профессиональном самоопределении / Е.С. Бочарова – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – С. 185-189.
6. Густодымова, В.С. Типологические особенности формирования психологической зависимости в парадигме аналитической психологии К.Г. Юнга / В.С. Густодымова – Текст : непосредственный // Вестник Брянского государственного университета. – 2014. – С. 328-342.

7. Елисеев, О.П. Конструктивная типология и психодиагностика личности / О.П. Елисеев ; Издательство Псковского областного института усовершенствования учителей. – Псков: ПОИУУ, 1994. – 352с. – Текст : непосредственный.
8. Калугин, А.Ю. Психометрика русскоязычной версии Big five inventory-2 / А.Ю. Калугин, С.А. Щебетенко, А.М. Мишкевич, Дж. Кристофер Сото, П. Оливер Джон – Текст : непосредственный // Психология. Журнал Высшей школы экономики – 2021. – С. 7-28.
9. Карабанова, О.А. Личностные факторы построения профессиональной карьеры в период вхождения во взрослость / О.А. Карабанова, Е.И. Захарова, Ю.А. Старостина – Текст : непосредственный // Национальный психологический журнал. Возрастная и педагогическая психология – 2020. – С. 113-124
10. Касьянова, Т.И. Профессиональное самоопределение студентов /Т.И. Касьянова, А.В. Мальцев, С.А. Гребнев // Профессиональное образование в России и за рубежом – 2022. – С. 78-85.
11. Кныш, О.В. Модель DISC и особенности мотивации / О.В. Кныш; Литрес. – Москва : Литрес, 27 с. – Текст : непосредственный.
12. Козьмин, А.В. Влияние личностных черт клинического психолога на профессиональную компетентность / А.В. Козьмин, К.С. Цеунов – Текст : непосредственный // Международный научный журнал «Вестник науки» – 2022. – С. 70-76.
13. Колосова, О.А. Проблема формирования профессионального самоопределения и построения профессиональной типологии личности / О.А. Колосова – Текст : непосредственный // Журнал «Управление» – 2016. – С. 21-30.
14. Луговский В.А. Психология профессиональной деятельности / В.А. Луговский, М.Н. Кох; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кубанский государственный аграрный университет». – Краснодар: ФГБОУВПО «Кубанский государственный аграрный университет», 2015. – 100 с. – Текст : непосредственный.
15. Макаров, Е.А. Текучесть персонала в организации. Причины и меры по ее снижению / Е.А. Макаров // Экономика и бизнес: теория и практика – 2023. – С. 43-46.
16. Махмутова Р.Ф. Понятие психологической и профессиональной пригодности будущего специалиста / Р.Ф. Махмутова – Текст : непосредственный // Проблемы и перспективы развития образования в России – 2011. – С. 38-42.
17. Миловзорова, М.Н. / Влияние организационной культуры на текучесть кадров // М.Н. Миловзорова, В.С. Гришко – Текст : непосредственный // Вестник науки – 2024. – С. 91-97.
18. Никандров, Н.Д. Профессиональная деятельность, ее сущность, структура и содержание / Н.Д. Никандров, О.Г. Грохольская – Текст : непосредственный // Научные исследования в образовании. – 2013. – С. 1-9.
19. Образовательная социальная сеть nsportal.ru : информационный сайт. – Москва. – URL: <https://nsportal.ru/vuz/ekonomicheskije-nauki/library/2017/01/23/professionalnye-tipy-lichnosti-v-menedzhmente> (дата обращения 01.11.2025). – Текст : электронный.
20. Психологическая газета: сайт : профессиональное интернет издание. – Москва. – URL: https://psy.su/pubs/11439/?utm_source (дата обращения: 08.11.2025). – Текст : электронный.
21. Титов, С.А. Тип личности руководителя проект: сравнительный анализ результатов исследований / С.А. Титов, Н.В. Титова // Организационная психология – 2024. С. 99-116.

22. Федорова, Ф.Ш. Учет психотипов людей как резерв роста эффективности лидерства в инновационном бизнесе / Ф.Ш. Федорова, Е.В. Дещеревская // Современная конкуренция – 2015. С. 70-83.

23. Яшкова, Е.В. Применение социотипирования как инновационного социально-психологического направления отбора персонала / Е.В. Яшкова, Л.В. Лаврентьева, Е.Б. Жбаков – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – С. 293 – 296.

24. Sky.pro : сайт. Москва, 2021 – . – URL: https://sky.pro/wiki/lifestyle/psihotipy-lichnosti-podrobnaya-klassifikaciya-i-detalnoe-opisanie/?utm_source (дата обращения 02.11.2025). – Текст: электронный. (22)

© Журавель Д.В., Богданов В.В., 2025

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОЯЛЬНОСТИ К БРЕНДУ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОКОЛЕНИЙ Z И ALPHA

М. М. Зограф

магистрант 1 курса
СибГУ им. М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: makrsk2309@mail.ru

Д.-В.А. Мартин

магистрант 1 курса
СибГУ им. М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: jennievalerie@mail.ru

С. Ю. Пискорская

профессор, СибГУ им. М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: piskorskaya1@rambler.ru

Актуальность данного исследования обусловлена выходом на рынок нового, полностью цифрового поколения Alpha, чье потребительское поведение только начинает изучаться, а также укреплением покупательной способности поколения Z. Лояльность этих потребителей нельзя завоевать, ее можно только интегрировать в их образ жизни и систему ценностей. Цифровая трансформация потребительского поведения, смена поколенческих парадигм, выход на рынок нового поколения Alpha, обладающего уникальными характеристиками. Неэффективность традиционных рекламных моделей требует разработки новых подходов, основанных на глубоком понимании психологии целевых аудиторий.

Ключевые слова: теория поколений, поколение Z, поколение Alpha, лояльность, маркетинг, бренд.

The relevance of this study is due to the entry of a new, fully digital generation Alpha into the market, whose consumer behavior is just beginning to be studied, as well as the strengthening of the purchasing power of Generation Z. The loyalty of these consumers cannot be won, but it can be integrated into their lifestyle and value system. The digital transformation of consumer behavior, the shift in generational paradigms, and the entry of the new generation Alpha with its unique characteristics into the market. The ineffectiveness of traditional advertising models requires the development of new approaches based on a deep understanding of the psychology of target audiences.

Keywords: generational theory, generation Z, generation Alpha, loyalty, marketing, brand.

Теория поколений – это инструмент, который позволяет маркетологам понять ключевые мотивы и ценности разных возрастных групп потребителей. Это знание помогает выстраивать эффективную коммуникацию и говорить с аудиторией на одном языке. Особенно это актуально для новых, еще не до конца изученных поколений, таких как зумеры (Gen Z) и альфа (Alpha). Ведь именно сегодняшние дети и молодежь уже являются или скоро станут новой платежеспособной аудиторией.

Согласно концепции, разработанной Уильямом Штраусом и Нилом Хоувом в 1991 году, каждое поколение рождается в особой общественной атмосфере, и их ценности и

сознание формируются под влиянием культурных, экономических и технологических событий [1]. Смена поколений происходит циклично, каждый цикл равен продолжительности человеческой жизни (80–90 лет) и состоит из четырех периодов, примерно по 15–20 лет на каждый. Всего выделяют четыре периода (или моделей превращения): подъем, пробуждение, спад и кризис.

Подъем – эпоха сильных общественных институтов (государство, экономика, армия, школа, церковь, СМИ) и коллективных ценностей, где личные интересы уступают место общим целям. Пробуждение – общество достигает пика благополучия и начинает ставить личную свободу и самовыражение выше стабильности системы, старые порядки ослабевают. Спад – доверие к традиционным институтам падает, индивидуализм выходит на первый план, формируются новые, неформальные ценности. Кризис – старые порядки (традиции, общественные ценности, религиозные или культурные нормы) рушатся, что заставляет общество объединиться для создания новых правил и систем. Каждый из этих этапов формирует уникальное поколение с характерным набором убеждений и моделей поведения, что и объясняет различия между предпочтениями разных возрастных групп.

Теория поколений подвергается критике за склонность к стереотипизации и объединению в единую группу миллионов людей с различным личным опытом, образованием и системой ценностей – на основании лишь фактора общего периода рождения. Тем не менее, она предоставляет уникальную возможность проанализировать, как на формирование коллективного сознания целого поколения влияют макрофакторы: технологический прогресс, геополитическая обстановка, экономическая конъюнктура, преобладающие нормы воспитания, философия образования, а также медиа и массовая культура, сопровождавшие их взросление. Эти знания помогают говорить с каждым поколением на привычном языке и предлагать то, что с наибольшей вероятностью окажется для него действительно релевантным. В отличие от старших возрастных групп, потребительские паттерны и коммуникационные коды поколений Z и Alpha находятся на стадии активного формирования. Следовательно, тот, кто сможет найти ключ к эффективному диалогу с ними, получит долгосрочные отношения с перспективной аудиторией будущего.

Поколение Z (Зумеры) – это поколение, родившееся с примерно с 1995-1997 по 2009-2012 годы. Они уже составляют значительную часть потребительского рынка и во многом определяют стандарты коммуникации брендов. Альфы – поколение, рожденное после 2010-2013 года. Формально это еще дети, но они уже влияют на потребительский рынок, поэтому их цифровые привычки активно изучают [2].

Теория поколений позволяет бизнесу не просто сегментировать аудиторию по возрасту, но и возможность оценивать ее лояльность при формировании стратегии привлечения и удержания клиентов с учетом их ценностей, привычек и моделей поведения. Отметим, что лояльность представляет собой сложное психологическое явление, включающее в себя аффективный (эмоциональная привязанность), когнитивный (убежденность в преимуществах) и конативный (поведенческая готовность к повторной покупке) компоненты. Для поколений Z и Alpha эти компоненты формируются под влиянием специфических средовых факторов.

Так, поколение Z – это первые «цифровые аборигены», для которых онлайн-среда является не дополнением, а естественной средой обитания. Это определило формирование клипового мышления, характеризующегося высокой скоростью восприятия информации, многозадачностью и низким порогом для удержания внимания. Они росли в мире цифрового шума, алгоритмов и бесконечного потока контента и товаров. Неудивительно, что классической рекламе (баннерам, билбордам, телевизионным роликам) зумеры почти не доверяют. Они являются цифровыми скептиками с обостренным чувством

справедливости. Согласно исследованию, проведенным координатором креативного агентства «QuietStorm» более 60% используют в интернете блокировщики рекламы, остальные просто закрывают контент, который выглядит для них как навязчивая попытка что-то продать [3].

Поколение Z стало первым, кто открыто заявил бизнесу: «Массовая реклама нам неинтересна». Чтобы установить с ними контакт, компаниям пришлось кардинально менять подходы, переходя от широковещательных сообщений к персонализированным и ценностно-ориентированным коммуникациям. Яркой иллюстрацией этой трансформации стали кампании Coca-Cola и Snickers, которые заменили традиционные слоганы на популярные имена. Этот ход создал игровой эффект «найди себя» и спровоцировал мощную волну пользовательского контента – представители поколения массово начали выкладывать в соцсети фотографии «своей» бутылки или шоколадки, превратившись в добровольных бренд-амбассадоров. В некоторых странах была возможность напечатать бутылку с любым именем, и это превратило пассивного потребителя в соавтора бренда. Зумеры не видели в этом навязчивой рекламы – они видели возможность самовыражения и стали добровольными амбассадорами бренда, производя тонны бесплатного и самого правдоподобного для своей аудитории контента.

В отличие от миллениалов (предыдущего поколения), которые еще верили в гляцевую рекламную картинку, поколение Z ждет от брендов не только скидок и подборок, но и искренности и вовлечения, совпадения в ценностях, чувстве юмора и взглядах на жизнь. Для зумеров критически важна четкая гражданская и этическая позиция компании по остросоциальным вопросам. Фактически, они покупают не столько продукт, сколько те ценности, которые он репрезентирует. Это и есть новая, выходящая за рамки товарных предложений, персонализация.

Успешным примером аутентичности можно назвать также кампанию Dove «Настоящая красота», в которой вместо традиционных моделей участвовали настоящие женщины разных форм, размеров и происхождения. Эта кампания нашла отклик у зумеров и получила широкую похвалу за пропаганду бодипозитива и инклюзивности.

Исследования компании NielsenIQ (Nielsen Consumer LLC) рисуют портрет поколения Z как парадоксального потребителя, сочетающего гиперлояльность и осознанную открытость новому. Так, 53% зумеров имеют постоянный набор проверенных брендов, а 21% демонстрирует «суперлояльность», покупая только одну марку в категории. Но их лояльность необходимо заслужить: 28% готовы попробовать новый бренд, если он разделяет их ценности, а 30% открыты к новинкам, но доверяют в первую очередь рекомендациям близких, а не инфлюенсеров. В отличие от старших поколений, ориентированных на крупные материальные активы (машина, недвижимость), зумеры больше инвестируют в эмоциональное удовлетворение от покупок. При этом они прагматичные исследователи: 60% тщательно сравнивают цены и форматы, а 27% изучают отзывы перед покупкой [4].

Для зумеров в контенте эффективно работают три основных формата, один из них – короткие вертикальные видео (до 60 секунд), соответствующие их клиповому мышлению. Второй формат – этообразовательный контент. Им интересны лайфхаки и полезные советы, пошаговые tutorиалы, объяснение сложных тем простым языком, обзоры и сравнения. И третий – мемы, которые стали универсальным языком общения, поскольку передают эмоции, иронию и контекст быстрее любых слов. Это полноценный инструмент передачи смыслов и вовлечения, поэтому, чтобы они действительно работали, важно использовать свежие форматы, адаптировать мемы под язык и настроение своей аудитории. Они должны не вытеснять бренд, а усиливать его тональность – быть узнаваемым, но при этом органично вписанным в стратегию.

Зумеры – это аудитория, у которой мгновенное внимание, высокий уровень скепсиса и нулевая терпимость к фальши. Их ключевыми ожиданиями от брендов являются уважение, предельная честность и готовность стать органичной частью их цифровой экосистемы. В этой среде успех определяет уже не массовый охват, а глубина эмоционального резонанса. Будущее принадлежит тем компаниям, которые способны быть «живыми»: открыто признавать промахи, выстраивать коммуникацию на принципах эмпатии и вовлекать аудиторию в процесс совместного созидания ценностей.

Если поколение Z осваивало технологии, то поколение Alpha в них рождается и живет. Их детство пришлось на расширение искусственного интеллекта и голосовых помощников (Алиса, Siri). Согласно исследованию МТС Банка и MTS AdTech, летом 2025 года поколение Alpha впервые обогнало зумеров по количеству заказов на маркетплейсах, совершив там свыше 70% всех своих покупок [5]. Это свидетельствует об их ранней и глубокой потребительской социализации в цифровой среде.

Поколение Alpha является ключевым объектом внимания для специалистов в сфере маркетинга и связей с общественностью, и его потребительское поведение формируется под влиянием двух основных типов факторов: цифровой социализации и ценностного воспитания.

Цифровая социализация – это базовая характеристика поколения, определяющая его взаимодействие с миром. Дети Alpha с рождения погружены в цифровую среду, где смартфоны, планшеты, голосовые помощники и интерактивные интерфейсы воспринимаются как естественная часть реальности. Следующим важным фактором является визуальный и клиповый характер восприятия информации, представители этого поколения, воспитанные на платформах вроде YouTube Kids и TikTok, лучше усваивают контент в формате коротких, динамичных видео и ярких образов, чем текстовые сообщения. Далее следует ожидание интерактивности и геймификации. Пассивное потребление контента их не привлекает; они мотивированы к взаимодействию с брендами, которые предлагают игровые механики, квесты, персонализацию и возможность влиять на процесс. Для Alpha технологии – это продолжение их воли. Алгоритмы YouTube Kids и рекомендательные ленты в социальных сетях подстраиваются под них с рождения. Поэтому они ждут, что и бренды будут предлагать сверхперсонализацию, основанную на их предпочтениях.

Говоря о факторе ценностного воспитания, следует отметить, что у поколения Alpha наблюдается отчетливый сдвиг авторитетов из глобального медиаполя в камерное цифровое пространство. Их вкусы и предпочтения формируют не медийные звезды, а микроблогеры-ровесники, лидеры мнений из узких комьюнити и, что особенно важно, одобрение их ближайшего окружения – семьи и друзей.

Бренды, стремясь стать частью этого мира, активно участвуют в их социальной жизни. Яркой иллюстрацией является практика в TikTok, где крупные компании целенаправленно взаимодействуют с контентом детей-Alpha, даже если их аудитория исчисляется всего несколькими сотнями подписчиков. Они оставляют комментарии, ставят лайки и делают репосты видео, создавая вокруг ребенка ощущение праздника и личной значимости. Такое прямое, неформальное участие превращает бренд из абстрактной корпорации в «своего» и отзывчивого участника диалога.

Этот принцип проявляется и в более серьезных ситуациях. Яркий пример – история, в которой после публичного оскорбления маленькой девочки со стороны известной российской певицы, десятки компаний и звезд публично выступили в поддержку ребенка, отправляли подарки и записывали ободряющие видео. Таким образом, бренды демонстрируют активную гражданскую позицию и эмоциональную вовлеченность в жизнь своего комьюнити, что для поколения Alpha становится важнее, чем безупречный, но безликий имидж.

Доступ к новым и технологичным формам взаимодействия – важный внешний фактор. Поколение ожидает от брендов активного использования передовых технологий, таких как дополненная реальность (AR), интерактивные продукты и иммерсивный опыт. Неспособность бренда идти в ногу с технологическими трендами может привести к потере интереса. Для Alpha контент – это не сообщение, которое нужно потреблять, а среда, в которой нужно находиться. Они взрослеют в Roblox, Minecraft, TikTok, где границы между игрой, общением и потреблением стираются.

Компании за рубежом интегрируют свои продукты в игровые платформы, один из примеров – сотрудничество Roblox с крупными мировыми брендами: Nike, Gucci, Vans, 21Shop и другие компании оформили внутри вселенной свои локации в фирменном стиле и добавили брендированные виртуальные предметы. Так, игровые механики превратились в инструмент маркетинга и вовлечения молодых потребителей [6].

Игры для альф – это больше, чем развлечение, это творческий выход. Они используют игры больше для выражения своего творчества, чем для общения с друзьями. Эта мотивация просвечивает при построении и создании собственных миров, когда они играют. На самом деле, они в два раза чаще видят игры как форму самовыражения, чем поколение Z, которое ссылается на расслабление в качестве своей главной причины для игр. Под новых потребителей уже подстраиваются банки: выпускают детские карты с родительским контролем и элементами геймификации. Подобные продукты есть у Сбера, Т-Банка и других.

Специалисты международной маркетинговой и коммуникационной компании VML заметили любопытный феномен: выросшие в цифровой среде дети ценят возможность выбирать вещи вживую, но при этом ожидают, что онлайн- и офлайн-опыт будут одинаково удобными и связаны между собой. По данным исследования VML: 69% представителей поколения предпочитают делать покупки офлайн; 31% – хотели бы покупать товары прямо в социальных сетях [7]. Такое ожидание подталкивает бренды к развитию омниканального маркетинга. В нем все точки контакта (сайт, офлайн-магазин, соцсети, рассылки) работают как единая экосистема и создают бесшовный пользовательский опыт. Выросшие в мире алгоритмов, альфы с детства привыкли, что технологии подстраиваются под них, а не наоборот, а значит, будут ожидать от бизнеса не просто персонализации, а сверхперсонализированного опыта, мгновенного и полностью основанного на их цифровом следе и привычках.

Для повышения лояльности поколения Alpha важно внедрять комплексную стратегию взаимодействия, такую как создание образовательно-развлекательного контента. Бренды должны предлагать контент, который не только развлекает, но и развивает, обучает новым навыкам в игровой форме. Интерактивные обучающие приложения, развивающие игры и виртуальные мастер-классы позволяют не только удерживать внимание, но и ассоциировать бренд с позитивным развитием, а также вовлекать через сотворчество и персонализацию. Поколение Alpha должно иметь возможность влиять на контент или продукт, например, через создание собственных историй, кастомизацию виртуальных аватаров или участие в опросах, что дает им ощущение причастности и поддерживает интерес. Важно интегрировать ценности в саму бизнес-модель и коммуникацию, например, через использование экологичной упаковки, поддержку детских образовательных инициатив и создание инклюзивного контента, что находит отклик как у детей, так и у их родителей-миллениалов.

Таким образом, в основе работы с обоими поколениями лежат аутентичность, интерактивность и ценности. Лояльность поколений Z и Alpha нельзя купить за счет скидок или массовой рекламы. Она выстраивается через доверие, которое является результатом последовательных действий, прозрачности, разделения общих ценностей и

готовности бренда вести равноправный диалог на той площадке и на том языке, которые удобны аудитории.

Библиографические ссылки

1. Strauss–Howe Generational Theory // Glostat [Электронный ресурс]. URL: <https://www.glostat.com/terminology/strauss-howe-generational-theory/> (дата обращения 12.11.2025)
2. Овчаренко, Л.Ю. Теория поколений: Чем отличаются зумеры, бумеры, миллениалы, поколения X и альфа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mgpu.ru/teoriya-pokolenij-chem-otlichayutsya-zumery-bumery-millennialy-pokoleniya-x-i-alfa/> (дата обращения 12.11.2025)
3. Why Gen Z Is Tuning Out Advertising and What Brands Need to Do About It // LBB Ltd [Электронный ресурс]. URL: <https://lbbonline.com/news/Why-Gen-Z-Is-Tuning-Out-Advertising-and-What-Brands-Need-to-Do-About-It> (дата обращения 12.11.2025)
4. Новое поколение покупателей // Nielsen Consumer LLC [Электронный ресурс]. URL: <https://nielseniq.com/global/ru/insights/education/2024/novoe-pokolenie-pokupateley/> (дата обращения 12.11.2025)
5. Аналитика МТС Банка и МТС AdTech: альфа впервые обошли зумеров по количеству покупок на маркетплейсах // МТС Банк [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mtsbank.ru/o-banke/novosti/detail/1151207/> (дата обращения 12.11.2025)
6. Nike, Gucci, Vans, 21Shop: самые масштабные локации брендов в Roblox // Crypto News [Электронный ресурс]. URL: <https://cryptonews.net/ru/news/metaverse/9130143/> (дата обращения 12.11.2025)
7. Trailblazers of Tomorrow // Международная маркетинговая и коммуникационная компания VML [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vml.com/campaign/trailblazers-of-tomorrow> (дата обращения 12.11.2025)

© Зограф М.М., Мартин Д.-В.А., Пискорская С.Ю., 2025

МОРФОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ ПРЕДПРИЯТИЙ: МЕТАФОРА ИЛИ НОВАЯ ПАРАДИГМА УПРАВЛЕНИЯ?

Д. А. Иванов

магистрант 1 курса,
СибГУ им. М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: ida2201@yandex.ru

В. В. Богданов

доцент, СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия,
директор ООО «Управление качеством жизни», г. Красноярск, Россия
E-mail: ww.bogdanov@gmail.com

В статье исследуется гипотеза применения концепции морфогенетических полей, разработанной в биологии, к социальным системам, в частности, к предприятиям. Анализируются теоретические предпосылки, смежные концепции в менеджменте и социологии, а также практические следствия использования морфогенетических полей для организационного развития. Несмотря на отсутствие прямых эмпирических доказательств существования таких полей, их концептуальная основа обнаруживает значительные параллели с признанными теориями организационной культуры и социальных полей. Предлагается модель «морфогенетического поля предприятия» как гипотетического нематериального паттерна, содержащего информацию о ключевых характеристиках организации.

Ключевые слова: морфогенетические поля, психология труда, организационная культура, профессиональная идентичность, управление изменениями, морфический резонанс, организационное развитие, теория социальных полей, квантовая психология.

The article examines the hypothesis of applying the concept of morphogenetic fields, developed in biology, to social systems, particularly to enterprises. The theoretical prerequisites, related concepts in management and sociology, as well as practical implications of using morphogenetic fields for organizational development are analyzed. Despite the absence of direct empirical evidence for the existence of such fields, their conceptual framework shows significant parallels with recognized theories of organizational culture and social fields. A model of the «morphogenetic field of an enterprise» is proposed as a hypothetical non-material pattern containing information about key organizational characteristics.

Key words: morphogenetic fields, labor psychology, organizational culture, morphic resonance, change management, professional burnout, organizational development, social field theory, quantum psychology.

Понятие **морфогенетического поля** (от греч. *morphē* – форма и *genesis* – происхождение) было введено в начале XX века биологом-эмбриологом Александром Гурвичем. Он предположил, что существует некое информационное поле, имеющее память, определяющее пространственную организацию клеток в процессе развития живого организма и обеспечивающее восстановление формы после повреждений [2, с. 389-392].

Позже эту идею развивал Руперт Шелдрейк, предложивший гипотезу **морфического резонанса**, согласно которой все самоорганизующиеся системы наследуют коллективную память своего вида через некие пространственно-временные поля [15, С.45-48, 112-115].

Перенос этой концепции на предприятия является метафорическим, но крайне продуктивным. Если рассматривать компанию как живой организм, проходящий стадии рождения, роста, зрелости и упадка, то можно предположить существование некоего организационного «поля», которое:

- задает ее структуру, культуру и бизнес-модель;
- облегчает передачу знаний и норм поведения внутри организации;
- обуславливает ее устойчивость к изменениям и способность к регенерации;
- помогает усвоению когнитивных схем и профессиональных установок;
- запоминает и передает нормы взаимодействия и коммуникации.

Исходя из изложенного можно предположить, что **«Морфогенетическое поле предприятия»** – это гипотетический, нематериальный паттерн, содержащий информацию о его ключевых характеристиках: организационной структуре, корпоративной культуре, процессах принятия решений, способах реагирования на кризисы и уникальных компетенциях. Это поле формируется под воздействием:

1. **Основателей и лидеров:** их ценности, убеждения и поведение закладывают первоначальный «шаблон» компании [16, С. 115-118].
2. **Ключевых решений и поворотных моментов:** успешные проекты и болезненные провалы кристаллизуются в виде прецедентов и неформальных правил [16, С. 134-136].
3. **Коллективного опыта сотрудников:** постоянно повторяющиеся действия и практики создают устойчивые поведенческие схемы, тем самым укрепляют определенные паттерны поведения [9, С. 158-160].

Новый сотрудник, попадая в компанию, не только читает правила внутреннего распорядка, должностные инструкции, но и бессознательно «настраивается» на это поле, перенимая принятые здесь нормы общения, отношение к работе и клиентам. Это объясняет, почему две формально идентичные структуры в разных компаниях могут работать совершенно по-разному.

Следует отметить, что прямых эмпирических доказательств существования таких полей нет, при этом их концепция перекликается с признанными теориями в социологии и менеджменте.

1. **Организационная культура и «базовая парадигма»** Эдгарда Шейна. Шейн описывал организационную культуру как многоуровневую модель, где глубинный уровень составляют **базовые предположения** – неосознаваемые, воспринимаемые как данность убеждения, которые и определяют поведение группы [16, С. 34-38]. Это практически прямая аналогия работе морфогенетического поля как скрытого шаблона.

2. **Институциональная теория.** Эта теория утверждает, что организации в одной сфере со временем становятся похожими друг на друга под давлением **институционального изоморфизма** [11, С. 142-145]. С точки зрения гипотезы морфогенетических полей, это можно объяснить «резонансом» – более слабые или новые компании «подстраиваются» под доминирующий паттерн успешных игроков отрасли.

3. **Теория социальных полей.** Пьер Бурдьё вводит понятие **поля** как социального пространства с собственной структурой и правилами игры, где агенты занимают различные позиции и ведут борьбу за ресурсы [8, с. 67-71]. Поле предприятия является частным случаем такого социального поля, обладающим собственной «морфологией».

4. **Обучающаяся организация** – идеолог Питер Сенге. Концепция организации, которая постоянно развивает свои способности, предполагает наличие механизмов коллективного осмысления опыта и закрепления новых знаний [10, с. 234-237]. Это можно рассматривать как процесс сознательного **переформирования** своего морфогенетического поля.

Рассмотрим предположительные характеристики морфогенетических полей в профессиональной сфере:

1. **Самоорганизация.** Поля не задаются извне полностью, а формируются через взаимодействие участников профессионального сообщества. Например, в новом стартапе культура работы не прописана в уставе, но постепенно складывается через повседневные практики, решения и коммуникации, что соответствует принципам синергетики и теории сложных систем [14, С. 178-181];

2. **Резонанс и наследование.** По аналогии с гипотезой Шелдрейка о «морфическом резонансе» [15, С. 45-48], в профессиональной среде новые участники «встраиваются» в уже существующее поле, усваивая его паттерны не только через формальное обучение, но и через имитацию, интуицию и неявные социальные сигналы. Этот процесс близок к концепции неявного знания М. Полани и теории социального научения [9, С. 145-148, 156-159];

3. **Пластичность и адаптивность.** Морфогенетические поля способны изменяться под влиянием внешних вызовов (технологические инновации, кризисы) и внутренних процессов (смена поколений, появление новых лидеров). Эта характеристика перекликается с моделью организационного развития К. Левина, предполагающей необходимость «размораживания» сложившихся паттернов для осуществления изменений [12, С. 145-148];

4. **Многоуровневость.** Поле может существовать одновременно на нескольких уровнях: индивидуальном (профессиональная идентичность), групповом (командная культура), организационном (корпоративные ценности) и профессионально-социальном (общественный имидж профессии) [6, С. 136; 4, С. 53,54].

Обратимся к отрасли психологической науке психологии труда, изучающей закономерности психической деятельности человека в процессе профессиональной деятельности.

Традиционно, психология труда как дисциплина основана на:

- деятельностном подходе А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко [6, С.134-136; 4, С. 52-55];
- теории профессионального развития и становление профессионального сознания Е.А. Климова [5, С. 145-148];
- анализе условий и мотивации труда, влияния организационной культуры на управление А.А. Деркач [3, С. 234-237];
- эргономике и инженерной психологии, принципов совместимости человек - машина А.С. Бабушкина [1, С. 156-158].

В фундаментальных изданиях по психологии труда термин «морфогенетическое поле» отсутствует. Это связано с тем, что:

1. Нет научного обоснования, что психологические процессы подчиняются тем же законам, что морфогенез;
2. Отсутствует механизм «передачи формы» через «резонанс» – все социальные паттерны объясняются через обучение, отражение, подражание, институционализацию [15, С. 45-48];
3. Существуют более точные и измеримые конструкты: профессиональные действия, операциональные составляющие труда, когнитивные схемы, наблюдения, социальные нормы, статистика.

Отметим, если что-то не доказано или вызывает сомнения, это не говорит о том, что этого нет. Следовательно, предлагается возможность рассмотреть и проанализировать то, что на уровне рассуждений или метафорически встречается в трудах по психологии многих авторов – феномен влияния морфогенетических полей на сознание и социальные группы в контексте психологии труда и описания работы предприятий.

Рассуждая далее, можно так же выделить роль морфогенетических полей в ключевых процессах психологии труда:

1. **Профессиональная социализация.** Новичок в профессии не просто усваивает инструкции – он «входит» в морфогенетическое поле, интуитивно подстраиваясь под его ритмы, язык и невербальные коды. Это объясняет, почему формальное обучение часто недостаточно без «погружения» в реальную рабочую среду, где происходит «резонанс» с полем [2, С. 391,392; 9, С. 145-148];

2. **Формирование профессиональной идентичности.** Идентичность работника формируется не в вакууме, а в диалоге с морфогенетическим полем профессии. Врач, учитель, инженер – каждый воспринимает себя через призму устойчивых образов, ценностей и ролей, закреплённых в поле, что находит отражение в теориях социальной идентичности [17, С. 38-41].

3. **Управление изменениями.** Попытки внедрить инновации часто сталкиваются с «инерцией поля» – скрытым сопротивлением, основанным на несоответствии новых практик устоявшимся паттернам. Успешные изменения требуют не просто приказов, а трансформации самого поля, что соответствует модели изменений Левина «размораживание-изменение-замораживание» [12, с. 145-147];

4. **Профилактика выгорания и дезадаптации.** Конфликт между личными ценностями работника и доминирующими установками морфогенетического поля может привести к профессиональному выгоранию [13, с. 89-92]. Психологическая поддержка в таких случаях должна включать не только индивидуальную работу, но и анализ поля, в котором происходит дезадаптация.

Для более четкого понимания метафорических свойств морфогенетических полей в различных профессиях, рассмотрим несколько примеров:

- **медицина:** поле, пронизанное иерархией, этическими обязательствами и высокой ответственностью. Новые врачи быстро усваивают не только клинические протоколы, но и стиль общения с пациентами и отношение к ошибкам, что отражает глубокую интеграцию профессиональных ценностей;

- **креативные индустрии (ИТ, дизайн):** здесь доминируют поля, основанные на гибкости, эксперименте и горизонтальных связях. Отклонение от этих норм может восприниматься как профессиональная некомпетентность, даже при наличии формальных навыков;

- **государственная служба:** поле, характеризующееся формализмом, процедурной строгостью и ориентацией на стабильность. Новые сотрудники учатся не столько «делать дело», сколько «делать правильно по форме».

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что понимание организации через призму морфогенетического поля открывает несколько практических возможностей:

- **управление изменениями:** кардинальные трансформации (ребрендинг, слияния, цифровизация) часто терпят неудачу, потому что они противоречат устоявшемуся полю. Успешное изменение требует не только смены формальных процедур, но и «перезаписи» глубинного паттерна через работу с культурой, символами и повторяющимися действиями;

- **сохранение знаний:** поле выступает как носитель неявных знаний (know-how), которые трудно формализовать. Задача лидера – создавать ритуалы и процессы, которые укрепляют «полезные» аспекты поля и ослабляют «токсичные».

- **масштабирование бизнеса:** при открытии новых филиалов или поглощении других компаний возникает задача передачи «кода» своего поля. Без сознательных усилий по его трансляции новый элемент может развиваться в непредсказуемом направлении или будет отторгнут.

Таким образом, в психологии труда под морфогенетическим полем предприятия можно понимать совокупность устойчивых, повторяющихся паттернов поведения, когнитивных схем, социальных норм, профессиональных ценностей и организационных практик, которые формируют «энергетическую информационную форму» профессиональной деятельности в конкретной организации. Эти поля задают рамки, в которых осуществляется профессиональное взаимодействие, принятие решений, обучение и развитие компетенций.

Концепция морфогенетических полей предприятий, будучи пока что скорее мощной метафорой, чем строгой научной теорией, предлагает целостный взгляд на организацию как на сложную живую систему. Она позволяет связать воедино такие разрозненные аспекты, как лидерство, культура, история и операционная деятельность. Принятие этой модели заставляет руководителей задуматься не только о материальных активах и процессах, но и о невидимой «архитектуре», которая, в конечном счете, и определяет уникальность и устойчивость их компании.

С позиции изучения влияния морфогенетических полей, можно объяснить, как формируются и развиваются профессиональные миры, почему одни организации легко адаптируются к изменениям, а другие – застревают в рутине; почему одни профессии привлекают талантливых людей, а другие – теряют престиж; почему обучение эффективно только в контексте «живого» профессионального сообщества.

Для психологов труда работа с морфогенетическими полями означает переход от узко индивидуального подхода к системному видению профессиональной среды. Это открывает возможности для более глубокого вмешательства: не просто «исправлять» работника, а преобразовывать поле, в котором он действует.

В эпоху быстрых технологических и социальных трансформаций, понимание свойств и принципов функционирования морфогенетических полей, становится не просто академическим интересом, а необходимым условием устойчивого и динамичного развития профессиональных сообществ, предприятий и отраслей народного хозяйства в целом.

Библиографические ссылки:

1. Бабушкин, А.С. Основы эргономики и инженерной психологии в профессиональной деятельности: учебное пособие / А.С. Бабушкин. – М.: Инфра-М, 2020. – 287 с.
2. Гурвич, А.О. о понятии эмбрионального поля. Архив Вильгельма Рукса по механике развития организмов. 1922;51(1):383-415.
3. Деркач, А.А. Психология труда и организационное поведение: учебник. – М.: Юрайт, 2017. – 518 с.
4. Зинченко, В.П. Психология памяти и внимания в контексте деятельности. В кн.: Проблемы деятельности / Под ред. В.П. Зинченко. – М.: Изд-во МГУ; 1985. – С. 45–68.
5. Климов, Е.А. Психология профессионала. М.: Изд-во МГУ, 1996, 288 с.
6. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат; 1975, 304 с.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 2005. – 320 с.
8. Бурдьё, П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 288 с.
9. Бандура, А. Теория социального научения / А. Бандура; пер. с англ. – СПб.: Евразия, 2000. – 320 с.
10. Сенге, П.М. Пятая дисциплина: искусство и практика обучающейся организации / П.М. Сенге; пер. с англ. – М.: Олимп – Бизнес, 2019. – 598 с.

11. ДиМаджио П., Пауэлл У.В. Возвращение к «железной клетке»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях / Пер. с англ. М.В. Добряковой под ред. Л.Г. Ионина // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 137-158.
12. Левин, К. Границы групповой динамики: концепция, метод и реальность в социальной науке; социальное равновесие и социальные изменения // Социальные и гуманитарные науки. – Серия 11: Социология. 2001. – № 2. – С. 132–167.
13. Маслач, К. Правда о выгорании: Как устранение постоянного стресса помогает восстановить цельность и радость в работе / К. Маслач, М. Лейтер; пер. с англ. – Москва: Альпина Паблишер, 2021. – 350 с.
14. Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс; 1986. – 432с.
15. Шелдрейк, Р. Новая наука о жизни: Гипотеза формообразующей причинности / Пер. с англ. А.В. Сазикова. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – 352 с.
16. Шейн, Э.Х. Организационная культура и лидерство / Э.Х. Шейн; пер. с англ. Т.Н. Устюжиной, В. А. Спичека. – 4-е изд. – СПб.: Питер, 2018– 400 с.
17. Тэшфел Г., Тернер Дж. Теория социальной идентичности межгруппового поведения // Социальная психология: Хрестоматия / Сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – М.: Аспект Пресс, 2003. – С. 32-52.

© Иванов Д.А., Богданов В.В., 2025

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

А. А. Качаев

студент 2 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: kachaev_2002@bk.ru

Д. Н. Девятловский

профессор, СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: devyatlovskiy@mail.ru

В статье рассматриваются особенности профессионального стресса социальных работников. Приводится статистика НКО по Красноярскому краю. Приведены результаты диагностики и практического эксперимента, направленного на уменьшение профессионального стресса работников фонда «РОСТ».

Ключевые слова: организационная культура, профессиональный стресс, социальный работник.

The article examines the characteristics of professional stress among social workers. It presents NGO statistics for the Krasnoyarsk region. The results of diagnostics and a practical experiment aimed at reducing professional stress among the employees of the «ROST» foundation are provided.

Keywords: organizational culture, professional stress, social worker.

Актуальность темы исследования заключается в выявлении взаимосвязи организационной культуры с профессиональным стрессом социальных работников. В обществе складывается мнение, что профессиональный стресс работников социальной сферы связан, прежде всего, с профессиональной деятельностью, работой с людьми, имеющими ограничения по здоровью, социальные и иные проблемы. Однако, в исследовании приводится альтернативный взгляд на появление стресса и профессиональной деформации, связанный с организационной культурой самой организации. Некоммерческие организации, как особая структура организаций, чья миссия состоит в улучшении социальной сферы жизни общества, осуществления поддержки и помощи людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, имеет ряд особенностей, в том числе в рамках организационной культуры. Высокий уровень профессионального стресса у работников, сравнительно малые финансовые обороты и высокий уровень текучки кадров может оказывать негативное влияние на организационную культуру, что может оказывать сильное влияние на самих сотрудников некоммерческой организации. Проблематика исследования состоит в определении взаимосвязи организационной культуры и профессионального стресса социальных работников.

Цель исследования состоит в определении взаимосвязи организационной культуры и профессионального стресса социальных работников. В связи с этим необходимо обратиться к понятиям организационной культуры, профессионального стресса.

Согласно Е. А. Черных, под организационной культурой понимается социально-трудовое пространство организации, которое формирует у сотрудников определенные взгляды и поведенческие установки, основанные на общих ценностях, нормах и

убеждениях [1]. В рамках социальной организации, организационная культура построена на общечеловеческих ценностях. Так, главной установкой выступает помощь людям или иным объектам, самопожертвование и стремление улучшить мир. При этом для социальных организаций, большинством из которых выступают некоммерческие организации, так же определяющим выступает наличие элементов символики, таких как фирменные элементы одежды. В отличие от иных организаций, организационная культура некоммерческих организаций построена не на получении прибыли, а на оказание помощи. Также организационная культура направлена на вовлечение сотрудников в различные мероприятия и проекты, реализуемые в конкретном регионе [2]. Организационная культура представляет собой многослойную систему, включающую как глубинные, так и поверхностные элементы, которые вместе формируют уникальную атмосферу и правила взаимодействия внутри организации. В её основе лежат базовые допущения и убеждения – глубоко укоренённые установки, которые не всегда осознаются, но оказывают существенное влияние на восприятие сотрудниками окружающей действительности. Эти убеждения касаются, например, природы человека, отношения к власти, труда и изменений, и именно они задают фундамент поведения на бессознательном уровне.

Мы можем выявить особенности организационной культуры НКО на основе проведенного теоретического и практического анализа:

Ориентация на миссию и ценности:

- В отличие от компаний, стремящихся к прибыли, главной целью НКО является достижение социальных, благотворительных, культурных или образовательных целей.
- Миссия организации выступает как главный ценностный ориентир, объединяющий сотрудников и волонтеров.

Добровольчество и вовлеченность:

- Значительная часть работы выполняется на добровольных началах, что предполагает высокую степень вовлеченности и личной мотивации участников.
- Ценятся не только профессиональные навыки, но и личная активность, инициативность и преданность делу.

Гибкость и неформальность:

- Многие НКО имеют более гибкую структуру и неформальные отношения по сравнению с бюрократическими корпорациями.
- Часто наблюдается культура неформальных связей и сотрудничества, а не строгой иерархии.

Источники власти и управления:

- Управление осуществляется самими членами организации, а не внешними органами.
- Власть может быть основана на личной активности и авторитете, а не только на занимаемой должности.

Мотивация персонала:

- Ключевым источником мотивации является не материальное вознаграждение, а возможность внести вклад в общественно полезное дело.
- Могут использоваться различные виды мотивации, от вынужденной до основанной на энтузиазме.

Влияние размера и финансирования:

- Малые размеры большинства НКО способствуют большей сплоченности и неформальности.
- Доходы, если они есть, не распределяются между участниками, а направляются на уставные цели.

Рассмотрим определение профессионального стресса. Профессиональный стресс – это негативное психологическое и физическое состояние работника, вызванное факторами рабочей среды. Стресс у работников предприятий и организаций представляет собой сложное психофизиологическое состояние, возникающее в ответ на воздействие профессиональных и социальных факторов, превышающих адаптационные возможности личности. Он может быть краткосрочным, возникающим в результате конкретной стрессовой ситуации, либо хроническим, формирующимся в условиях постоянного давления и перегрузок [3]. В современных условиях высокой конкуренции, быстрого темпа изменений, нестабильности рынка и высокой неопределённости труда стресс становится постоянным спутником трудовой деятельности и влияет на широкий спектр профессиональных и личностных характеристик.

Профессиональный стресс социальных работников во многом связан с деятельностью в их профессиональной среде. Мы можем выделить следующие особенности профессионального стресса социальных работников, основанные на анализе литературы и практическом наблюдении:

- Работа с людьми в трудных жизненных ситуациях (страдания, конфликты, насилие) требует высокого уровня эмпатии и сопереживания, что может приводить к эмоциональному истощению.
- Социальные работники часто сталкиваются с большой рабочей нагрузкой, нехваткой времени, что приводит к переработкам и упадку сил.
- Постоянное столкновение с непредвиденными ситуациями и проблемами клиентов создает ощущение неопределенности и нестабильности.
- Необходимость устанавливать контакт и работать с людьми, которые могут быть агрессивными, манипулятивными или деструктивными, требует особого самообладания.
- Нехватка сотрудников, низкая заработная плата и низкий социальный статус профессии также являются источниками стресса.
- Большое количество отчетов и заседаний, которые не решают реальные проблемы, может вызывать чувство бесполезности и фрустрации.

Взаимосвязь организационной культуры и уровня стресса можно также проследить из статистики НКО, осуществляющих социальную деятельность. Так, в ситуации, когда работники испытывают регулярный профессиональный стресс, организация приходит в упадок и это отражается на общей статистике. По состоянию на 10.10.2025 в Красноярском крае числится 960 НКО, осуществляющие социальную деятельность. В 2024 году данные о количестве отсутствуют, однако количество социально ориентированных некоммерческих организаций – получателей поддержки, оказанной за счет средств бюджета Красноярского края в 2024 году, составило 17. В 2024 году количество заявок на получение субсидий от социально-ориентированных НКО составило 211 организаций.

Эти данные позволяют исключить из общего количества в 960 НКО организации, фактически не осуществляющие деятельность и осуществляющие ее в недостаточном объеме для получения субсидии. Таким образом, фактически действующих организаций в Красноярском крае 21,98%, имеющих поддержку от субсидий 1,15% от общего числа зарегистрированных. Эти данные позволяют определить, что НКО в Красноярском крае испытывают трудности с обеспечением собственной деятельности, что для социальных организаций, прежде всего связано с отсутствием рабочей силы.

Особенности некоммерческих организаций (НКО) в Красноярске заключаются в общей для всех НКО специфике: ориентация на общественно полезные цели, отсутствие распределения прибыли между учредителями и возможность получать государственную поддержку, а также в специфике самого региона. Красноярск отличается высоким уровнем загрязнения, а также высоким уровнем жизни к зарплатному соотношению. Отсюда

многие социальные проблемы связаны с бедностью, проблемами со здоровьем. Особой востребованностью на настоящий момент отличается работа с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Данная работа отличается сопровождением ребенка в образовательной и воспитательной сферах. Работа с детьми, имеющими проблемы со здоровьем, отличается высоким уровнем эмоциональной нагрузки и требует достаточное количество сил, что также влияет на увеличение профессионального стресса. Часто дополнительной проблемой выступают родители или законные представители ребенка, создающие дополнительные проблемы при работе. Работа с детьми с ОВЗ в учебном заведении также отличается дополнительным уровнем стресса, за счет специфики самого учебного заведения.

Для подтверждения гипотезы и взаимосвязи организационной культуры и профессионального стресса была проведена диагностика профессионального стресса и влияние на него организационной культуры социальных работников, на основании следующих методик:

- в целях оценки организационной культуры использовалась методика «Интегральная методика исследования организационной культуры» (Т.Т. Чанг, разработанная на основе более объемных методик Денисона и Хофстеде [5];
- для оценки профессионального стресса была использована методика А.Б. Леоновой «Интегральная диагностика и коррекция профессионального стресса» [6];
- авторская анкета, позволяющая оценить влияние организационной культуры на профессиональный стресс социальных работников.

Базой исследования выступил Фонд «РОСТ», г. Красноярск, общественное объединение граждан, занимающееся реализацией социально-значимых программ и проектов на территории Красноярского края и других регионов Сибири. В исследовании приняли участие 30 социальных работников, оказывающих помощь и поддержку людям с ограниченными возможностями здоровья, пожилым людям, многодетным семьям и другим категориям граждан.

Результаты исследования по трем диагностикам позволили сделать следующие выводы о факторах, определяющих рост профессионального стресса социальных работников:

- низкий уровень мотивации сотрудников к деятельности;
- действия и цели организации расходятся, низкий уровень согласованности и понимания сотрудниками своей работы;
- низкая поддержка сотрудников руководством организации;
- высокая нагрузка при работе с уязвимыми группами;
- низкий уровень взаимодействия внутри коллектива.

Таким образом, диагностика позволила установить причины, оказывающие влияние на профессиональный стресс, а также установить, что организационная культура оказывает первостепенное влияние на профессиональный стресс. Мы можем связать это со следующими объективными факторами:

- сотрудники НКО морально подготовлены к работе с уязвимыми группами населения, следовательно, этот фактор стресса является спецификой деятельности и не оказывает первостепенного влияния;
- сотрудники не ощущают поддержки и вовлеченности руководства и коллектива, что усугубляет стрессовые ситуации, приводит к отрешенности и поиску иного вида деятельности.

Это доказывает необходимость реализации дополнительных мер и профилактики профессионального стресса сотрудников фонда «РОСТ». Основной проблемой можно выделить отсутствие поддержки сотрудников со стороны руководства, высокий уровень

задач и несоответствие многих порученных задач принципам социальной работы, направленной прежде всего на помощь людям.

В рамках опытно-экспериментальной работы был проведен эксперимент, состоящий из реализации трех мероприятий, направленных на повышение корпоративной культуры организации:

В рамках первого мероприятия был организован круглый стол с сотрудниками и руководством, в котором психолог выступал в роли медиатора. Это позволило поднять проблемные вопросы, поставить сотрудника на место руководителя, а руководителя на место сотрудника. По завершению встречи была составлена карта целей, согласно которой сотрудники фонда определили ближайший вектор развития организации и достижения гармонии рабочего процесса.

В рамках второго мероприятия был организован выезд коллектива в частный центр «Дебошь! Комната для снятия стресса». Это позволило выплеснуть эмоции и почувствовать заинтересованность руководства в благосостоянии сотрудников. В данном центре сотрудники смогли выплеснуть свои эмоции через уничтожение различных предметов.

В рамках третьего мероприятия был организован совместный выезд коллектива на природу, в загородный комплекс «Манавград». Там, членам коллектива был организован квест, в котором им необходимо было проявить вовлечение и командное взаимодействие что бы решить поставленные задачи. Это позволило повысить ощущение заинтересованности коллектива, сплотить команду и создать ситуацию объединяющего события.

На основании теоретического и практического исследования, можно выделить следующие особенности взаимосвязи профессионального стресса социальных работников и организационной культуры:

Положительное влияние:

- Психологический комфорт и адаптация: Поддерживающая культура помогает работникам легче адаптироваться, устраняет коммуникативные барьеры и обеспечивает психологический комфорт.
- Мотивация и производительность: Возможности для карьерного роста и признание усилий стимулируют мотивацию и повышают производительность труда.
- Сплоченность и командный дух: Ценности взаимопомощи и коллективизма способствуют формированию позитивных межличностных отношений, улучшая социально-психологический климат и повышая сплоченность коллектива.
- Снижение текучести кадров: Чувство причастности к организации и разделение ее ценностей снижает вероятность ухода сотрудников.
- Профессиональное развитие: Обучение, тренинги и передача опыта способствуют повышению квалификации социальных работников.

Негативное влияние

- Высокая нагрузка: В культурах, ориентированных на результат любой ценой, может возрастать стресс и профессиональное выгорание.
- Отсутствие поддержки: Недостаток поддержки со стороны руководства и коллег может привести к демотивации и снижению эффективности.
- Низкая адаптивность: Культура, не соответствующая ожиданиям или ценностям работника, может вызвать ощущение дискомфорта и привести к его уходу.

Таким образом, в рамках данного исследования был проведен анализ и определена взаимосвязь организационной культуры и профессионального стресса работников социальной сферы. Испытывая стресс в связи с работой с уязвимыми слоями населения, социальные работники испытывают серьезный уровень стресса, однако определяющее значение на эмоциональное выгорание оказывает корпоративная культура. Высокий

уровень организационной культуры позволяет поддержать сотрудника, а низкий уровень, в свою очередь, приводит к увеличению стресса, потере целеполагания.

Так, в Красноярском крае достаточно низкий процент работающих НКО в сравнении с зарегистрированными, что, по нашему мнению, выражено в отсутствии возможности поддержки организационной культуры и сохранении сотрудников. В рамках эксперимента было проведено три мероприятия, основанных на теоретическом анализе и практической диагностике.

Организационная культура влияет на социальных работников через психологический комфорт, адаптацию в коллективе, развитие мотивации и профессионального роста, а также формирование положительных межличностных отношений. Сильная культура, основанная на ценностях доверия и взаимопомощи, способствует сплочению и снижает текучесть кадров. Результаты данным мероприятий позволяют создать программу для снижения и профилактики стресса социальных работников, основанную на повышении организационной культуры.

Библиографические ссылки

1. Чёрный, К. С. Методы менеджмента социальной работы в деятельности социального работника / К. С. Чёрный // Национальный вестник Республики Крым. – 2023. – № 6. – С. 263-269.
2. Шевцова, И. П., Томакова, И. А. Профессиональный стресс и роль организационной культуры в его профилактике / И. П. Шевцова, И. А. Томакова // Актуальные проблемы экологии и охраны труда. Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. – Курск, 2021. – С. 381-385.
3. Тузова, О. Н. Взаимосвязь типа организационной культуры с социально-психологическими установками сотрудников / О. Н. Тузова // Обзор педагогических исследований. – 2022. – Т. 4. – № 3. – С. 213-218.
4. Чанг, Т.Т. Интегральная методика исследования организационной культуры // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» – Том 7. – №1. – 2015) <http://naukovedenie.ru/PDF/115EVN115.pdf> (доступ свободный, дата доступа 01.04.2025)
5. Леонова, А. Б. Комплексная стратегия анализа профессионального стресса: от диагностики к профилактике и коррекции / А. Б. Леонова // Психологический журнал / Ред. А. В. Брушлинский, И. И. Чеснокова. – 2004. – Т. 25, № 2, март-апрель. – С. 75-86.

© Качаев А.А., Девятловский Д.Н., 2025

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

А. А. Качаев

студент 2 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: kachaev_2002@bk.ru

Д. Н. Девятловский

профессор, СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: devyatlovskiy@mail.ru

В статье рассматриваются особенности профессионального стресса социальных работников. Приводится понятие стресса, организационной культуры. Приведены результаты диагностики и рекомендации, направленные на профилактику профессионального стресса социальных работников.

Ключевые слова: организационная культура, профессиональный стресс, социальный работник.

This article examines the characteristics of professional stress in social workers. It introduces the concepts of stress and organizational culture. Diagnostic results and recommendations for preventing professional stress in social workers are presented.

Keywords: organizational culture, professional stress, social worker.

Актуальность темы исследования обусловлена особенностями влияния организационной культуры на профессиональный стресс социальных работников. Социальные работники, как работники, регулярно подверженные стрессу и эмоциональным переживаниям, чаще подвергаются выгоранию и профессиональной деформации. Прежде всего, это связано с тем, что специфика работы с людьми пожилого возраста, а также людьми, испытывающими серьезные проблемы со здоровьем и благополучием, накладывает негативные эмоции и переживания. На профессиональный стресс также оказывает серьезное влияние организационная культура. Проблемы, связанные с организационной культурой, оказывают серьезное влияние, и стоят отдельного рассмотрения в рамках данной статьи. Проблематика исследования состоит в определении влияния организационной культуры на профессиональный стресс социальных работников, а также особенностей данного влияния.

В связи с актуальностью и проблематикой исследования, цель исследования состоит в определении влияния и особенностей организационной культуры на профессиональный стресс социальных работников. В связи с этим необходимо обратиться к понятиям организационной культуры, профессионального стресса. Также необходимо провести диагностику профессионального стресса и выделить влияние организационной культуры. На основе полученных данных сформировать рекомендации по профилактике профессионального стресса социальных работников.

Профессиональная деятельность человека представляет собой важнейший элемент его жизни, формируя не только материальное благосостояние, но и социальную идентичность. Работа по определенной профессии выполняет функцию самореализации, позволяя людям применять свои знания и навыки в решении различных задач, что способствует развитию как индивидуальности, так и общества в целом. Кроме того,

профессиональная деятельность является важным фактором, определяющим место человека в социальной иерархии, что оказывает влияние на его личную удовлетворенность и благополучие. Одним из ключевых аспектов, который влияет на эффективность работы, является организационная культура. Это совокупность ценностей, норм, традиций и обычаев, существующих в компании, которые формируют поведение сотрудников и их отношение к работе. Организационная культура может как стимулировать, так и ограничивать профессиональную активность работников.

Обратимся к определениям. Согласно Е.А. Черных, под организационной культурой понимается социально-трудовое пространство организации, которое формирует у сотрудников определенные взгляды и поведенческие установки, основанные на общих ценностях, нормах и убеждениях [1]. В рамках социальной организации, организационная культура построена на общечеловеческих ценностях. Так, главной установкой выступает помощь людям или иным объектам, самопожертвование и стремление улучшить мир. При этом для социальных организаций, большинством из которых выступают некоммерческие организации, так же определяющим выступает наличие элементов символики, таких как фирменные элементы одежды. В отличие от иных организаций, организационная культура некоммерческих организаций построена не на получении прибыли, а на оказание помощи. Также организационная культура направлена на вовлечение сотрудников в различные мероприятия и проекты, реализуемые в конкретном регионе [2].

Организации играют ключевую роль в социально-экономическом развитии страны, выступая основными субъектами, обеспечивающими производство товаров и услуг, занятость населения, внедрение инноваций и формирование конкурентоспособной экономики. Через институционализированные формы деятельности организации способствуют эффективному распределению ресурсов, развитию инфраструктуры, укреплению внутреннего и внешнего рынка, а также повышению уровня образования и квалификации рабочей силы. Кроме того, организации, включая как государственные, так и частные структуры, активно участвуют в реализации стратегических инициатив и национальных проектов, направленных на устойчивый рост и повышение качества жизни граждан. Их деятельность оказывает существенное влияние на макроэкономические показатели, инвестиционный климат и общее благосостояние общества. Однако, организации ставят своей целью достижение социально-экономических благ и не оказывают безвозмездных услуг тем, кто в них нуждается. Для этого существуют некоммерческие организации. Некоммерческие организации (НКО) – это юридические лица, основной целью которых является достижение социальных, благотворительных, культурных, образовательных или других общественно полезных целей, а не получение прибыли. Прибыль, если она получена, не распределяется между учредителями, а используется для достижения уставных целей организации. Значение НКО для России заключается в выполнении социально значимых функций, таких как социальная поддержка населения, защита окружающей среды, развитие культуры и образования, а также оказание помощи нуждающимся. Они играют важную роль в решении социальных проблем, обеспечении общественной стабильности и развитии гражданского общества, дополняя государственные услуги и способствуя удовлетворению разнообразных потребностей граждан. Стоит упомянуть организационную культуру, как особый фактор, оказывающий влияние на профессиональный стресс. Организационная культура представляет собой многослойную систему, включающую как глубинные, так и поверхностные элементы, которые вместе формируют уникальную атмосферу и правила взаимодействия внутри организации. В её основе лежат базовые допущения и убеждения – глубоко укоренённые установки, которые не всегда осознаются, но оказывают существенное влияние на восприятие сотрудниками окружающей действительности. Эти

убеждения касаются, например, природы человека, отношения к власти, труда и изменений, и именно они задают фундамент поведения на бессознательном уровне.

Рассмотрим определение профессионального стресса. Профессиональный стресс – это негативное психологическое и физическое состояние работника, вызванное факторами рабочей среды. Стресс у работников предприятий и организаций представляет собой сложное психофизиологическое состояние, возникающее в ответ на воздействие профессиональных и социальных факторов, превышающих адаптационные возможности личности. Он может быть краткосрочным, возникающим в результате конкретной стрессовой ситуации, либо хроническим, формирующимся в условиях постоянного давления и перегрузок [3]. В современных условиях высокой конкуренции, быстрого темпа изменений, нестабильности рынка и высокой неопределённости труда стресс становится постоянным спутником трудовой деятельности и влияет на широкий спектр рабочих и личностных характеристик.

В условиях высокой рыночной конкуренции, большинству граждан возможно сменить рабочую деятельность. Существуют различные образовательные программы по переквалификации, курсы, а также обучение непосредственно компанией на рабочих местах. В ситуации высокого уровня профессионального стресса, социальный работник может не просто сменить организацию, но и полностью изменить направление деятельности с социальной работы. Это также будет демонстрировать эмоциональное выгорание и истощение, когда основная рабочая мотивация перейдет из моральной в финансовую.

Компенсацией профессионального стресса и фактором его снижения выступает оптимальная заработная плата и благоприятные условия труда. В ситуации с некоммерческими организациями, оба данных фактора практически полностью отсутствуют. Прежде всего, это связано с низким материальным обеспечением НКО. Рядовые сотрудники НКО получают невысокую заработную плату, не подкрепленную премиями. У компании также нет возможности обеспечить отпуск и иные благоприятные условия для работы. В связи с этим компании НКО могут компенсировать эмоциональную и физическую нагрузку только уменьшением часов работы и созданием мотивации к выполнению социально значимой работы.

Стоит отдельно отметить ненормированность графика и многозадачность работы большинства работников социальной сферы. Так, работник может быть вызван в выходной день или достаточно поздно, позже рабочего времени. Так же участие в проектах и грантовых конкурсах, основной доход НКО, может задействовать ресурсы работников в сверхурочном объеме и привести к более быстрому эмоциональному выгоранию. Отсюда мы можем заключить, что помимо тяжести самой социальной работы, корпоративная культура большинства НКО не в состоянии обеспечить компенсацию профессионального стресса. Профессиональный стресс социальных работников деформирует организационную культуру, смещая её с ценностей поддержки, эмпатии и сотрудничества в сторону отчуждения, формализма и эмоционального выгорания, что, в свою очередь, негативно влияет на качество социальной помощи и устойчивость организации к внутренним и внешним вызовам [4].

Мы можем выявить особенности организационной культуры НКО на основе проведенного теоретического и практического анализа:

Ориентация на миссию и ценности:

- В отличие от компаний, стремящихся к прибыли, главной целью НКО является достижение социальных, благотворительных, культурных или образовательных целей.
- Миссия организации выступает как главный ценностный ориентир, объединяющий сотрудников и волонтеров.

Добровольчество и вовлеченность:

- Значительная часть работы выполняется на добровольных началах, что предполагает высокую степень вовлеченности и личной мотивации участников.
- Ценятся не только профессиональные навыки, но и личная активность, инициативность и преданность делу.

Гибкость и неформальность:

- Многие НКО имеют более гибкую структуру и неформальные отношения по сравнению с бюрократическими корпорациями.
- Часто наблюдается культура неформальных связей и сотрудничества, а не строгой иерархии.

Источники власти и управления:

- Управление осуществляется самими членами организации, а не внешними органами.
- Власть может быть основана на личной активности и авторитете, а не только на занимаемой должности.

Мотивация персонала:

- Ключевым источником мотивации является не материальное вознаграждение, а возможность внести вклад в общественно полезное дело.
- Могут использоваться различные виды мотивации, от вынужденной до основанной на энтузиазме.

Влияние размера и финансирования:

- Малые размеры большинства НКО способствуют большей сплоченности и неформальности.
- Доходы, если они есть, не распределяются между участниками, а направляются на уставные цели.

Однако, на основании специфики работы НКО нельзя преждевременно утверждать о наличии высокого уровня профессионального стресса, без проведения диагностики. Поскольку диагностика профессионального стресса и влияние на него организационной культуры социальных работников достаточно индивидуальна, в работе было использовано три диагностические методики:

- в целях оценки организационной культуры использовалась методика «Интегральная методика исследования организационной культуры» (Т.Т. Чанг, разработанная на основе более объемных методик Денисона и Хофстеде [5];
- для оценки профессионального стресса была использована методика А. Б. Леоновой «Интегральная диагностика и коррекция профессионального стресса» [6];
- авторская анкета, позволяющая оценить влияние организационной культуры на профессиональный стресс социальных работников.

Базой исследования выступил Фонд «РОСТ», г. Красноярск – общественное объединение граждан, занимающееся реализацией социально-значимых программ и проектов на территории Красноярского края и других регионов Сибири. В исследовании приняли участие 30 социальных работников, оказывающих помощь и поддержку людям с ограниченными возможностями здоровья, пожилым людям, многодетным семьям и другим категориям граждан.

Результаты исследования свидетельствуют, что для большинства социальных работников организационная культура остается проблемной и требует значительных улучшений, чтобы повысить уровень вовлеченности, развития и командной работы среди сотрудников. Подавляющее большинство отмечают проблемы внутри организационной культуры, низкий уровень вовлеченности и мотивации.

Согласно оценке профессионального стресса, большинство компонентов указывают на выраженный уровень профессионального стресса у социальных работников. Особенно

критичными являются аспекты, касающиеся субъективного восприятия профессиональной ситуации, вознаграждения и условий труда. Только 54% работников имеют умеренный профессиональный стресс, при этом средний и высокий уровень стресса у остальных. Распределение указывает на устойчивую тенденцию к стрессогенности социальной работы как профессиональной среды, где без регулярной поддержки, перераспределения нагрузки и повышения статуса профессии сложно обеспечить благополучие специалистов.

Согласно анкетированию социальных работников, можно сделать выводы о влиянии организационной культуры на профессиональный стресс. Социальные работники сталкиваются с регулярным стрессом, который в основном связан с работой с людьми с ОВЗ, пожилыми людьми. Стрессовые ситуации возникают из-за высоких требований к работе и нехватки времени для выполнения задач, что отражает организационные особенности и подходы к распределению рабочих обязанностей. Некоторые респонденты отметили, что отсутствие поддержки или чрезмерный контроль со стороны руководства может усиливать стресс.

Таким образом, профессиональный стресс социальных работников во многом связан с деятельностью в их профессиональной среде. Мы можем выделить следующие особенности профессионального стресса социальных работников, основанные на анализе литературы и практическом наблюдении:

- Работа с людьми в трудных жизненных ситуациях (страдания, конфликты, насилие) требует высокого уровня эмпатии и сопереживания, что может приводить к эмоциональному истощению.
- Социальные работники часто сталкиваются с большой рабочей нагрузкой, нехваткой времени, что приводит к переработкам и упадку сил.
- Постоянное столкновение с непредвиденными ситуациями и проблемами клиентов создает ощущение неопределенности и нестабильности.
- Необходимость устанавливать контакт и работать с людьми, которые могут быть агрессивными, манипулятивными или деструктивными, требует особого самообладания.
- Нехватка сотрудников, низкая заработная плата и низкий социальный статус профессии также являются источниками стресса.
- Большое количество отчетов и заседаний, которые не решают реальные проблемы, может вызывать чувство бесполезности и фрустрации.

Таким образом, организационная культура в значительной степени влияет на уровень профессионального стресса социальных работников. Основные проблемы выявляются в области вовлеченности сотрудников, поддержки профессионального роста и обучения, а также в согласованности и ясности целей организации. Эти аспекты коррелируют с уровнем стресса, где низкая поддержка со стороны организации усиливает стрессовые переживания работников. На основе анкетирования было установлено, что социальные работники часто испытывают профессиональный стресс, который, зачастую, связан с высокой нагрузкой и работой с уязвимыми группами. Стиль руководства оказывает минимальное влияние, однако нехватка поддержки со стороны коллег и руководства усугубляет стресс. Для его снижения важны улучшение коммуникации с руководством и повышение поддержки среди коллег. Исследование показало, что организация нуждается в повышении организационной культуры в системе снижения стресса социальных работников.

На основе проведенного исследования можно выделить следующие рекомендации, направленные на уменьшение профессионального стресса социальных работников: раскрытие целей и задач организации, выстраивание рабочего процесса согласно им; привлечение большего числа сотрудников, в том числе волонтеров, для уменьшения нагрузки на сотрудников; проведение регулярных обучающих семинаров, участие в курсах

повышения квалификации, регулярная поддержка профессионального развития; компенсация заработной платы дополнительными отгулами; регулярная проверка эмоционального и физического состояния сотрудников; создание индивидуальной внутренней системы обратной связи между сотрудниками и руководством; увеличение числа корпоративных мероприятий, направленных на повышение командного духа.

Со стороны организации, необходимо реализовывать следующие меры для всех некоммерческих организаций:

- Создание поддерживающей рабочей атмосферы:
- Поощрение открытого общения и обмена опытом между коллегами.
- Обеспечение поддержки со стороны руководства.
- Проведение регулярных тренингов и семинаров по профилактике стресса и выгорания.
- Оптимизация рабочих процессов:
- Разработка сбалансированной рабочей нагрузки.
- Предоставление возможности для профессионального развития и разнообразной деятельности.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволили сформулировать рекомендации, направленные на профилактику профессионального стресса социальных работников. Высокий уровень стресса работников и отсутствие профилактики приводит к профессиональному выгоранию, отстранению, последующему увольнению. Все это негативно сказывается как на самой организации, так и на социальной сфере в целом.

Библиографические ссылки

1. Чёрный, К. С. Методы менеджмента социальной работы в деятельности социального работника / К. С. Чёрный // Национальный вестник Республики Крым. – 2023. – № 6. – С. 263-269.
2. Шевцова, И. П., Томакова, И. А. Профессиональный стресс и роль организационной культуры в его профилактике / И. П. Шевцова, И. А. Томакова // Актуальные проблемы экологии и охраны труда. Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. – Курск, 2021. – С. 381-385.
3. Тузова, О. Н. Взаимосвязь типа организационной культуры с социально-психологическими установками сотрудников / О. Н. Тузова // Обзор педагогических исследований. – 2022. – Т. 4. – № 3. – С. 213-218.
4. Муслимова, М. Р. Профессиональный стресс. Механизмы накопления профессионального стресса / М. Р. Муслимова, О. А. Мелякова // В сборнике: Достижения молодежной науки для агропромышленного комплекса. – 2022. – С. 615-621.
5. Чанг, Т. Т. Интегральная методика исследования организационной культуры // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» – Том 7. – №1. – 2015) <http://naukovedenie.ru/PDF/115EVN115.pdf> (доступ свободный, дата доступа 01.04.2025)
6. Леонова, А. Б. Комплексная стратегия анализа профессионального стресса: от диагностики к профилактике и коррекции / А. Б. Леонова // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 2. – С. 75-86.

© Качаев А.А., Девятловский Д.Н., 2025

МОТИВАЦИЯ КАК ФАКТОР ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И САМОУТВЕРЖДЕНИЯ ПЕРСОНАЛА В ОРГАНИЗАЦИИ

В. Н. Кивайко

доцент кафедры менеджмента и образовательных технологий,

МГПУ им М.Танка,

г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: k.v.n60@mail.ru

В представленном материале рассматривается вопрос об особенностях понимания мотивации трудовой деятельности персонала с точки зрения комплексного подхода, предполагающего совершенствование подсистем и элементов, входящих в систему мотивации труда. Представлен системно-содержательный анализ мотивации труда персонала, предложено формирование внешней и внутренней мотивации как реализации комплексного подхода принадлежности и самоутверждения персонала в организации.

Ключевые слова: мотивация, эффективность, принадлежность, самоутверждение, профессиональные компетенции, потребность роста и существования.

This paper examines the peculiarities of understanding staff motivation from the perspective of a comprehensive approach that involves improving the subsystems and elements that make up the labor motivation system. A systematic and substantive analysis of staff motivation is presented, and the formation of external and internal motivation is proposed as the implementation of a comprehensive approach to staff belonging and self-affirmation in the organization.

Keywords: motivation, effectiveness, belonging, self-affirmation, professional competencies, need for growth and existence.

Мотивация трудовой деятельности может рассматриваться как результирующая комплекса мотивов или же как весь комплекс факторов, направляющих и побуждающих трудовую деятельность персонала в организации.

Условно теории мотивации трудовой деятельности можно разделить на две группы: содержательные (фокусирующиеся на внутренних факторах индивида, дающих импульс, направляющих, поддерживающих и прекращающих данное поведение) и процессуальные теории (описывающие и анализирующие то, как поведение получает импульс, направляется, поддерживается и прекращается).

1. Потребности существования – потребности, удовлетворяемые такими факторами, как еда, воздух, вода, зарплата и т.д.

2. Потребности связи - потребности, удовлетворяемые значимыми общественными и межличностными отношениями.

3. Потребности роста – потребности, удовлетворяемые личным творческим или производственным вкладом индивида.

Основное отличие от теории иерархических потребностей заключается во введении возможности регрессивного движения - от высших потребностей к низшим. Иными словами, длительное время невозможности в удовлетворении потребности в росте, человек переключается на более конкретную для него потребность (например, в связи). При этом значимость потребности в связи возрастает, а потребности в росте подавляется [1].

Труд являются такими же необходимыми и естественными состояниями человека, как игра или отдых. Согласно «Теории Y» люди ищут интересной, ответственной, независимой работы, а вовсе не стараются ее избежать. Вот, например, как об этом пишет У. Мэстенбрук: «В то же время, высокая степень независимости является не только необходимой для хорошего выполнения работы, но, кроме того, оказывается источником удовлетворения от ее выполнения» [3].

В то же время, очевидно, что в чистом виде ни «теория X», ни «теория Y» не применимы ни в психологии, ни в менеджменте в силу своей категоричности и упрощенности. Ф. Herzberg попытался объединить обе эти концепции в своей «двухфакторной содержательной теории мотивации». Идея, положенная в основу этой теории, заключается в выделении двух типов факторов, влияющих на удовлетворенность деятельностью. Первая группа, названная гигиеническими факторами (или факторами неудовлетворенности), состоит, в основном, из внешних факторов и определяет уровень недовольства, неудовлетворенности работой. Это такие факторы как зарплата, стабильность и надежность рабочего места, условия труда, качество руководства и внутрифирменных отношений [2].

Мотивационные факторы являются проявлением системы внутренних условий, связанных с содержанием трудового процесса. Это признание, ответственность, информированность о результатах деятельности, интерес к работе, возможность профессионального роста и т.д.

Развитость мотивационных факторов приводит к увеличению удовлетворенности, положительной мотивации и активности персонала.

Основным объектом критики стала процедура получения результатов. Так как в основе исследования лежал опрос представителей только двух профессий (бухгалтеры и инженеры), появились сомнения в возможности переноса полученных результатов на другие профессиональные группы [3].

Другие исследователи критиковали излишнюю упрощенность теории, не учитывающей культуральные и ситуативные аспекты мотивации. Например, при сдельном характере работы ведущими оказываются как раз гигиенические факторы - заработная плата и гарантия работы. В условиях безработицы мотивы, связанные с характером работы, отходят на второй план.

Ядов В.А., Здравомыслов А.Г. и Рожин В.П. в своей совместной работе выявили различия в роли мотивационных факторов в зависимости от стажа сотрудника. Так, для молодых сотрудников были более значимы возможность продвижения по работе и разнообразие труда. С возрастом возрастает значимость санитарно-гигиенических факторов и падает значимость отношений с руководством [1].

Наумова Н.Ф. и Слюсарянский М.А. выяснили наличие различий между мужчинами и женщинами в оценке удовлетворенности различными факторами. Так, для мужчин более важны содержание и общественная значимость работы, ее разнообразие, творческие возможности, они в большей степени озабочены социальной значимости своего труда. Для женщин важнее взаимоотношения в коллективе, условия труда, размер заработка [4].

Отчасти, отражением культурального подхода стала теория приобретаемых потребностей, ученый считает, что потребности не существуют в человеке изначально, а приобретаются из соответствующей культуры общества. Это такие потребности как потребность в достижении, потребность в принадлежности и потребность во власти, автор не предполагает ни наличия у человека низших потребностей, ни существования какой-либо иерархии потребностей. Все три перечисленные потребности сосуществуют одновременно и различаются лишь по степени выраженности [5].

Высокая потребность в достижении предполагает, что человек стремится избегать слишком легких и слишком сложных задач (так как первые нельзя считать «достижением»,

а со вторыми велик риск неудачи), берет на себя ответственность за решаемые задачи, предпочитает иметь быструю и надежную обратную связь.

Потребность в принадлежности проявляется в виде ориентации на дружеские отношения с окружающими. Человек с высокой потребностью в принадлежности ориентирован на поддержание добрых отношений, стремится получать одобрение и поддержку.

Люди с ярко выраженной потребностью во власти стремятся определять цели, ставить задачи перед коллективом, мотивировать его. Отметим, что успешный управленец должен в большей степени обладать развитой потребностью властвования. Такой руководитель определяет мотив власти «...как потребность, во-первых, чувствовать себя сильным и, во-вторых, проявлять свое могущество в действии. Влияние на других людей является лишь одним из многих способов удовлетворения потребности ощущать себя сильным» [2].

Таким образом, позитивное подкрепление – это все, что усиливает силу отклика и приводит к повторению поведения. Без подкрепления модификация поведения невозможна. Негативное подкрепление усиливает нужный импульс за счет устранения болезненных или неприятных стимулов. Наказание в основном направленно на подавление нежелательного поведения.

Теория ожиданий не предполагает такого же механистичного подхода, как теория подкрепления. Многие авторы, описывая теорию ожиданий, дают такое определение мотивации как процесс управления выбором из альтернативных форм волевой активности. Большая часть типов поведения находится под волевым контролем личности и, следовательно, мотивирована и выделяет два уровня результата:

1. Собственно результат труда (производительность, качество и т.д.).
2. Последствия, к которым приводит результат первого уровня (поощрения или наказания).

Между результатом первого и второго уровня существует связь, которая может быть, как положительная, так и отрицательная. Результаты имеют определенную значимость – от положительной (результат предпочтителен) до отрицательной (результат избегается). Ожидание отражает веру личности в то, что за определенным поведением последует определенный результат.

Мотивация к действию, таким образом, определяется как функция от произведения значимости результата первого уровня на ожидание, что действие приведет к достижению результата. В свою очередь значимость результата первого уровня определяется как функция от произведения результата второго уровня на степень связи между результатами.

Иными словами, максимальная мотивация к действию достигается тогда, когда есть абсолютная уверенность в том, что действие приведет к результату, а сам результат неминуемо приведет к наиболее значимому поощрению.

Основная критика теории ожиданий направлена на инструментальную сложность оценки переменных (ожидания, значимости, связи и т.д.). Кроме того, присутствует изменение значимости результата в зависимости от ситуации.

Таким образом, возникает неразрешимая в настоящий момент задача - не имея возможности предсказать значимость результата, мы не можем выяснить степень усилия (мотивацию), которое будет приложено для достижения результата.

Вторым моментом, вызывающим критику, является полное пренебрежение неосознанными механизмами мотивации. Предполагается, что человек сознательно стремится получить удовлетворение (неудовлетворение) и осознанно делает выбор.

Теория справедливости рассматривает мотивацию как социальный феномен. Сущность этой теории заключается в том, что сотрудники сравнивают свои усилия и

вознаграждения с усилиями и вознаграждениями других людей, выполняющих схожую работу.

Теория справедливости оперирует следующими понятиями:

1. Эталон для сравнения - любой человек или группа людей, используемые личностью как эталон сравнения.
2. Вклад - характеристики личности, вложенные ею в работу (опыт, знания, навыки, усилия, время).
3. Результат - то, что сотрудник получает, выполнив работу (зарплата, признание, доля в прибылях, новое знание, опыт).

Указанная теория предполагает, что люди мотивируются желанием получать справедливое вознаграждение. Иными словами, если вознаграждение рассматривается как несправедливое, человек корректирует свое поведение таким образом, чтобы восстановить утерянную справедливость.

В научной литературе выделяется шесть процедур, направленных на восстановление справедливости.

1. Изменение вклада. Сотрудник может затрачивать меньше(больше) времени и усилий, изменить степень своей ответственности за результат и т.д.
2. Изменить результат. Сотрудник может потребовать повышения зарплаты, увеличения свободного времени, изменения должностной позиции.
3. Изменение позиции. Не меняя вклад или результат, сотрудник меняет свою позицию, то есть, например, решает, что он и так затрачивает достаточно времени, чтобы сделать хороший вклад.
4. Изменение эталона сравнения. Сотрудник изменяет эталон сравнения таким образом, чтобы восстановить утраченную справедливость (например, после повышения сотрудник начинает себя сравнивать не с рядовыми сотрудниками (как делал это раньше), а с другими руководителями).
5. Изменение вкладов и результатов эталона сравнения. Сотрудник может попросить того человека, с которым он себя сравнивает, работать больше или поделится прибылями от проекта.
6. Изменение ситуации. Сотрудник может покинуть организацию или перейти на другую должность.[3]

Критики теории справедливости исходят из того, что в теории не рассматривается степень восприятия справедливости и реакции на нее.

Отметим, что стабильность персонала определяет, насколько сотрудники готовы и стремятся оставаться в организации, и какие изменения во внешней среде должны произойти, для того остаться работать.

Увольняющиеся сотрудники не всегда четко осознают истинные причины увольнения, предпочитая аргументировать свой уход объективными причинами, так как они воспринимаются окружающими как более значимые.

Наиболее значимым из поведенческих проявлений является текучесть персонала. Наиболее близкой к собственно текучести рабочей установкой является намерение покинуть организацию. Существует достаточно много моделей, описывающих факторы текучести. Основу модели составляет предположение о балансе между вкладом сотрудника в организацию и силой, с которой организация привлекает сотрудника.

По мнению этих авторов, названный баланс подвержен воздействию двух основных факторов - желания сотрудника покинуть организацию и воспринимаемой им легкости, с которой он может ее покинуть. Далее они предположили, что желание уйти является функцией, с одной стороны, уровня удовлетворенности работой, с другой – представления о возможности переместиться внутри организации. В свою очередь, восприятие легкости покинуть организацию формируется под влиянием представлений о количестве и

разнообразии альтернативных мест работы вне организации, которые зависят от индивидуальных характеристик сотрудника и состояния рынка труда.

Приверженность (преданность, лояльность) организации понимается как переменная, определяющая субъективную меру связи между человеком и организацией, в которой он работает. Это понятие является одним из наиболее активно развиваемых в современной организационной психологии, однако научных работ в данной области пока немного.

Комплексный феномен, включающий какое-то намерение членства; отражающий текущую позицию личности; имеющий определенную предсказательную силу, обеспечивающую прогноз относительно определенных аспектов производительности, мотивации к работе, добровольного вклада и других связанных переменных; и позволяющий предполагать уровень соответствия мотивационных факторов.

Приведенные определения отражают два основных подхода к организационной приверженности - установочный и поведенческий. В рамках установочного подхода приверженность определяется как желание оставаться членом организации, прилагать максимальные усилия в интересах организации и принятие ценностей организации и ее целей.

Поведенческий подход определяет приверженность как поведение, соотносящееся с действием человека по поступлению на работу - продолжение работы в организации.

Моральная вовлеченность представляет собой позитивную и сильную ориентацию на организацию, которая базируется на принятии организационных целей, ценностей и норм и на идентификации с авторитетом. Сотрудник чувствует, что организация стремится к полезным социальным целям и потому готов ей подчиняться.

Расчетливая вовлеченность представляет собой менее сильную связь с организацией и основана в значительной степени на равноценном обмене, между сотрудником и организацией. То есть, сотрудники привержены организации, потому что вознаграждение, которое они получают для себя, соответствует их вкладу в организацию или превышает его.

Принудительная вовлеченность представляет собой негативную ориентацию на организацию и обычно обнаруживается в ситуациях, в которых поведение человека строго детерминировано.

Нормативная власть опирается, в основном, на распределение символических наград и наиболее часто ассоциируется с моральной вовлеченностью. Вознаграждающая власть ассоциируется с расчетливой вовлеченностью. Принудительная власть использует в ситуации принудительной вовлеченности.

В дополнение к текущей приверженности отмечается исключенная приверженность как присоединение к социальным отношениям в организации. Сплоченная приверженность формируется за счет формирования группового единства - например, с помощью участия в церемониях, которые увеличивают групповую сплоченность. Организации формируют психологическую привязанность членов к организации через процедуры адаптации первого дня работы, публичные объявления новых членов, использование униформы или значков.

В результате человек постепенно увеличивает и психологическую поведенческую связи с организацией.

Несмотря на то, что различия между установочным и поведенческим подходами к приверженности существуют, авторы публикаций рассматривают их как равноправные. Установочная приверженность отражает процесс, посредством которого люди осознают связи с организацией. Основой при этом будет степень, в которой их собственные ценности и цели соответствуют организационным. Поведенческая приверженность, с другой стороны, связана с процессом, посредством которого люди становятся привязанными к определенной организации.

На данный момент установочный подход к приверженности является более разработанным, а методики, применяемые в рамках данного подхода, – более обоснованными и проверенными. В разных моделях этого подхода приверженность исследовалась как одномерный, трехмерный и даже пятимерный конструкт [7].

Удовлетворенность трудом определяется разными исследователями различным образом: как отношение личности, оценка, установка, эмоциональное состояние, как мотив.

Наиболее экспериментально обоснованным, на наш взгляд, является измерение удовлетворенности трудом через измерение субъективной удовлетворенности различными параметрами трудовой среды. Авторы монографии «Человек и его работа» пишут: «Конкретные условия деятельности рабочего отражаются на его моральном состоянии более явственно, нежели опосредованные условия труда. Удовлетворенность специальностью всегда обусловлена степенью удовлетворенности работой по этой специальности» [6].

Социально-психологический климат в данном подходе – это всегда отраженное, субъективное образование, которое, хотя и тесно связано с объективными условиями жизнедеятельности группы, не идентично им.

Так, например, характер взаимоотношений в группе выступает как фактор, влияющий на климат, но не является элементом климата – элементом климата будет являться восприятие этих взаимоотношений членами группы.

В психологической литературе, посвященной исследованию мотивации трудовой деятельности, большое внимание уделяется такому компоненту регуляции как целеполагание. Цели часто рассматриваются как общественный феномен, возникший в условиях совместной деятельности. Любое простейшее техническое разделение труда необходимо приводит к выделению как бы промежуточных, частичных результатов, которые сами по себе не способны удовлетворять потребности субъектов профессиональной деятельностью [7].

Таким образом, при анализе организационного климата в организации наиболее значимы материальные потребности и потребности профессионального развития:

Удовлетворенность и стабильность сотрудников связаны с критериями, которые использует руководство для их оценки.

Сотрудники, которым для того, чтобы заслужить одобрение руководства, необходимо «Предлагать новые методы, варианты решений», «Самостоятельно и ответственно подходить к работе», «Обладать высоким уровнем профессионализма», более удовлетворены. У них выше нормативная и эмоциональная приверженность.

Для достижения высокого уровня мотивации и стабильности персонала в организации необходимо создать такие условия, при которых сотрудники могут самостоятельно определять ради каких вознаграждений (для удовлетворения каких потребностей) они работают. Необходимо, чтобы организационные цели были четко связаны с возможностью удовлетворения наиболее значимых потребностей трудовой деятельности, а уровень удовлетворения этих потребностей был высок.

Сочетание гуманистического и символического стиля оказывает наиболее сильное положительное воздействие на уровень мотивации и стабильность персонала, и именно такое сочетание имеет смысл использовать в организации для достижения высокого уровня мотивации и стабильности персонала.

Качественные цели (согласованные, реалистичные, ориентированные во времени, ясные) повышают уровень удовлетворенности потребностей трудовой деятельности и уровень стабильности и приверженности сотрудников к организации.

Для сотрудников с высоким уровнем карьерных устремлений более значимы потребности свободы-лидерства и профессионализма и не так важны рабочие условия и

размер зарплаты. Они менее удовлетворены и стабилизированы, но более инновационные и энергичные. Именно эта категория сотрудников может стать движущей силой изменений в организации.

Сотрудники с большим стажем являются одной из наиболее стабильных категорий персонала, в тоже время уровень их мотивации невысок. С увеличением стажа происходят изменения в структуре мотивации - для сотрудников становятся менее значимы профессиональный и карьерный рост, что может приводить к стагнации.

Библиографические ссылки

1. Бердичевская, Н.Ф. Организационное поведение: текст лекций. Н.Ф. Бердичевская. – Ульяновск: УлГТУ, 1998.
2. Бердичевская, Н.Ф. Организационное поведение: текст лекций. Н.Ф. Бердичевская. – Ульяновск: УлГТУ, 1998.
3. Васильев, Г.А., Деева Е.М. Организационное поведение: – Учебное пособие для студентов вузов. Г.А. Васильев, Е.М. Деева. М.: Юнити – Дана, 2005.
4. Васильев, Г.А., Деева Е.М. Организационное поведение: Г.А. Васильев, Е.М. Деева Учебное пособие для студентов вузов. М.: Юнити-Дана, 2005.
5. Веселов, А.Т. Как улучшить управление организацией. А.Т. Веселов – М.: Слим, 2005.
6. Генкин, Б.М., Коновалова Г.А. Основы управления персоналом. Б.М. Генкин. – М.: Высш. школа, 2008.
7. Комарова, Н. Мотивация труда и повышение эффективности работы // Человек и труд. – 1997. – №10.

© Кивайко В.Н., 2025

АНАЛИЗ МЕТОДОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ СОТРУДНИКОВ КОМПАНИИ

А. А. Климов

магистрант 2 курса
СибГУ им. М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: andrey@klimovv.ru

С. Ю. Пискорская

директор ИСИ,
СибГУ им. М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: piskorskaya1@rambler.ru

В статье исследуется эффективность методов психологической поддержки сотрудников в условиях гибридного формата работы через призму системного подхода. Актуальность работы обусловлена влиянием современных условий труда на уровень профессионального стресса, и, как следствие, финансовым потерям компаний. В результате исследования выявлено, что традиционные методы психологической поддержки сотрудников существенно теряют эффективность в условиях гибридного формата работы, что приводит к снижению их практической ценности и усугублению профессионального выгорания. Делается вывод о высокой эффективности разработанного комплекса адаптированных методов психологической поддержки.

Ключевые слова: психология, мотивация, персонал, трудовой коллектив, выгорание, стресс, поддержка, стабильность.

The article examines the effectiveness of methods of psychological support for employees in a hybrid work format through the prism of a systematic approach. The relevance of the work is due to the influence of modern working conditions on the level of occupational stress, and, as a result, the financial losses of companies. As a result of the study, it was revealed that traditional methods of psychological support for employees significantly lose their effectiveness in a hybrid work format, which leads to a decrease in their practical value and aggravation of professional burnout. The conclusion is made about the high efficiency of the developed complex of adapted methods of psychological support.

Keywords: psychology, motivation, staff, work collective, burnout, stress, support, stability.

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, до 30% трудоспособного населения сталкивается с тревожностью и депрессией, что негативно отражается на профессиональной деятельности. Финансовые потери компаний из-за снижения продуктивности и роста заболеваемости достигают 15% бюджета на персонал. Эти факторы делают актуальным пересмотр подходов к психологической поддержке сотрудников. Повышение эффективности такой поддержки становится критически важным для поддержания организационной устойчивости.

Традиционные методы корпоративной психологической помощи, такие как программы помощи сотрудникам или тренинги, демонстрируют сниженную результативность в условиях гибридного формата работы. Несоответствие устоявшихся практик новым требованиям приводит к усугублению профессионального выгорания.

Возникает необходимость в адаптации существующих инструментов или разработке новых решений. Данная проблема требует научного осмысления для минимизации негативных последствий.

Целью данной статьи является выявление и систематизация наиболее эффективных методов психологической поддержки, применимых в гибридном режиме работы. Работа направлена на анализ современных практик с точки зрения их адаптивности к «постпандемическим» вызовам. Результатом станет разработка практических рекомендаций для компаний. Это позволит организациям оптимизировать системы поддержки персонала в изменяющихся условиях.

Ведущим методологическим основанием данного исследования является системный подход, который позволяет комплексно анализировать и оценивать эффективность методов психологической поддержки сотрудников в условиях гибридного формата работы. Этот подход включает в себя как количественные, так и качественные методы исследования, что обеспечивает более глубокое понимание потребностей работников и особенностей их взаимодействия с корпоративными программами помощи.

Научная новизна исследования заключается в адаптации методов психологической поддержки к специфическим стресс-факторам гибридного формата и «постпандемического» периода. Работа формирует основу для создания гибких корпоративных систем, учитывающих современные реалии. Предлагаемые решения направлены на повышение устойчивости сотрудников к профессиональным нагрузкам. Таким образом, исследование вносит вклад в развитие организационной психологии.

Психологическая поддержка сотрудников в компании представляет собой набор системных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление психического здоровья работников. Этот процесс включает в себя определение индивидуальных и групповых потребностей в психологической помощи, а также разработку соответствующих корпоративных программ. «Психологическая поддержка людей в среднем возрасте – это процесс поиска и использования ресурсов для преодоления кризисных ситуаций, инициирование создания и поддержания мотивации в деятельности, нахождение глубокого смысла и утверждение позитивной жизненной концепции, что способствует повышению психологической устойчивости личности» [1]. Ключевыми элементами такой системы выступают диагностика психологического состояния, профилактика стрессовых расстройств и развитие адаптационных механизмов.

Создание и реализация программ психологической поддержки в организации зависят от множества внутренних и внешних факторов. К организационным детерминантам относятся корпоративная культура, стиль управления, финансовые возможности и стратегические приоритеты компании. Нормативно-правовая база и особенности отрасли также оказывают значительное влияние на формирование политики в области психического здоровья сотрудников. Учет этих факторов позволяет разрабатывать целевые и эффективные инструменты поддержки, соответствующие специфике конкретной организации.

Когнитивно-поведенческий подход в области корпоративной психологической поддержки основывается на принципах выявления и исправления дезадаптивных мыслительных и поведенческих моделей. Эта модель направлена на снижение уровня профессионального стресса путем изменения когнитивных искажений у сотрудников. Ее эффективность в организационной среде подтверждается возможностью проведения краткосрочных интервенций с измеримыми результатами. Как указывается в исследованиях, «в своих матрицах корреляции он обнаружил три кластера, которые он назвал соответствующим образом. Один из них получил название конгруэнтности, второй – эмпатии, а третий – безусловного позитивного уважения» [2].

Ресурсная модель психологической поддержки фокусируется на мобилизации внутренних резервов личности для преодоления профессионального выгорания. Данный подход подчеркивает важность осознания и активизации имеющихся у сотрудников психологических активов. Как указано в научных работах, «авторы интегрированного подхода в исследовании ресурсов говорят о необходимости осознания человеком и актуализации имеющихся у него ресурсов» [3]. В организационном контексте это реализуется через программы развития личностных компетенций и социальных связей.

Гуманистическая парадигма в корпоративной поддержке акцентирует внимание на создании условий, способствующих самоактуализации и личностному росту сотрудников. Этот подход основывается на принципах эмпатии и безусловного принятия, что помогает раскрыть профессиональный потенциал. В отличие от когнитивно-поведенческих методов, гуманистическая модель нацелена на долгосрочное развитие, а не на решение конкретных задач. Ее внедрение в организациях требует формирования доверительной атмосферы и пересмотра управленческих практик.

Программы поддержки сотрудников (ЕАР) представляют собой организованные корпоративные инструменты, предназначенные для решения психологических проблем работников. Основные задачи этих программ включают предотвращение стресса, улучшение психического здоровья и повышение производительности. Стандартные протоколы вмешательства предполагают конфиденциальные консультации, управление кризисными ситуациями и направление к специалистам. Реализация ЕАР основывается на сотрудничестве с внешними поставщиками услуг или внутренними службами. Структура ЕАР включает многоуровневый подход: от первичной оценки проблем до долгосрочной поддержки. Ключевыми элементами являются горячие линии, очные встречи и онлайн-платформы для консультаций. Протоколы вмешательства стандартизированы для решения широкого спектра вопросов – от рабочих конфликтов до личных кризисов. Эффективность программ оценивается по показателям снижения абсентеизма и повышения вовлеченности сотрудников.

Менторство выступает значимым инструментом адаптации и профессионального роста сотрудников в организационном контексте. Форматы наставничества варьируются от традиционного индивидуального сопровождения до групповых сессий и кросс-функциональных программ. Критерии эффективности включают повышение компетенций подопечных, карьерный прогресс и укрепление организационной лояльности. В практическом плане организационные психологи были в это время чаще всего «многостаночниками» [4, 5].

Тренинги устойчивости ориентированы на формирование психологической резилентности и развитие эффективных копинг-стратегий. Методология включает когнитивно-поведенческие техники, обучение управлению стрессом и практики эмоциональной саморегуляции. Относительно стратегий копинга во всех форматах работы наблюдается преобладание среднего значения практически по всем способам совладания и отмечается предпочтение копингов «Планирование решения проблемы» и «Принятие ответственности» [4]. Программы адаптируют западные методики под локальные корпоративные реалии.

Гибридный формат работы значительно уменьшает возможность проведения очных консультаций в рамках программ поддержки сотрудников (ЕАР). Работники сталкиваются с ограниченными шансами на личные встречи с психологами и консультантами из-за разрозненного рабочего графика. Это создает препятствия для своевременного получения психологической помощи, особенно в сложных ситуациях. Переход на цифровые платформы становится необходимым компенсаторным инструментом. Цифровые платформы частично закрывают пробелы в доступности, предлагая онлайн-консультации и асинхронные формы поддержки. Тем не менее, их эффективность зависит от технического

оснащения и цифровой грамотности пользователей. Несмотря на расширение охвата, остаются трудности с установлением терапевтического альянса в виртуальной среде. Необходимы дальнейшие исследования для оценки долгосрочного влияния этой замены на качество психологической помощи.

Менторские программы в гибридном формате сталкиваются с проблемами синхронизации взаимодействия между участниками. Разрозненность рабочих графиков и локаций затрудняет организацию регулярных встреч, снижая эффективность наставничества. Оценка коммуникаций: 42% высказываний содержат позитивную оценку изменения коммуникации, 58% – негативную. В то же время, в изменениях коммуникаций они видят много негативных аспектов, в первую очередь, отмечают, что общения стало более формализованным, сухим. Многие сотрудники пишут о недостатке «живого» общения [6]. Это подтверждает сложности установления доверительных отношений в смешанном режиме работы.

Групповые тренинги устойчивости теряют эффективность при асинхронном участии сотрудников в гибридном формате. Отсутствие единого времени и пространства снижает групповую динамику и взаимную поддержку участников. Чаще всего сотрудники отмечают изменения коммуникаций в связи с переходом на гибридный формат работы. Оценка коммуникаций: 42% высказываний содержат позитивную оценку изменения коммуникации, 58% – негативную. В то же время, в изменениях коммуникаций они видят много негативных аспектов, в первую очередь, отмечают, что общения стало более формализованным, сухим. Многие сотрудники пишут о недостатке «живого» общения [6]. Данные свидетельствуют о снижении качества взаимодействия в групповых форматах.

Гибридный формат работы порождает специфические стресс-факторы, требующие детального анализа. К ним относятся трудности в поддержании границ между профессиональной и личной жизнью, сложности цифровой коммуникации и неравномерность распределения информации. Сотрудники сталкиваются с проблемой постоянной доступности и отсутствия четких временных рамок. Эти факторы способствуют увеличению психологической нагрузки и требуют разработки адресных мер поддержки. «Чаще всего сотрудники отмечают изменения коммуникаций в связи с переходом на гибридный формат работы. На рисунке показано, что наибольшее количество упоминаний связано с онлайн-коммуникацией и переходом на гибридный формат работы. Это связано с тем, что сотрудники воспринимают изменения в той мере, в какой они затрагивают непосредственно их и их работу» [6].

Для определения индивидуальных и групповых нужд в психологической поддержке используются разнообразные диагностические методы. К ним относятся анонимные анкеты, фокус-группы и структурированные интервью, которые помогают оценить уровень стресса и удовлетворенности. Анализ данных о производительности и вовлеченности также предоставляет важную информацию. Регулярное проведение диагностических мероприятий является важным аспектом для отслеживания изменений в потребностях.

Ключевыми проблемами психологического благополучия, требующими внимания в гибридной среде, являются эмоциональное выгорание, чувство одиночества и снижение мотивации. Важно также сосредоточиться на развитии навыков саморегуляции и управления временем. Корректирующие меры должны быть направлены на укрепление социальных связей в коллективе и создание баланса между работой и личной жизнью. Систематический подход к решению этих вопросов способствует повышению общей устойчивости сотрудников.

Созданный комплекс психологической помощи обладает модульной организацией, которая делится на индивидуальные и групповые подходы. Индивидуальные модули включают в себя персональные консультации и коучинг, нацеленные на конкретные

нужды работников. Групповые модули включают тренинги и воркшопы, способствующие укреплению командного духа. Такое разделение позволяет обеспечить гибкость и целенаправленность предоставляемой поддержки в условиях гибридного рабочего процесса.

Корпоративные программы психологической поддержки интегрируют технологии когнитивно-поведенческого подхода. Данные методы направлены на коррекцию дезадаптивных мыслей и поведенческих паттернов, способствующих профессиональному выгоранию. Тип поведения «А» связан с такими личностными особенностями как напряженная борьба за достижение успеха, соперничество, легко провоцируемая раздражительность, сверх-обязательность в профессии, повышенная ответственность, агрессивность, а также чувство постоянной нехватки времени. В беседе с менеджментом компании эти характеристики подтвердились [6]. Применение этих технологий позволяет повышать стрессоустойчивость персонала.

Система поддержки включает механизмы оперативной корректировки методов в зависимости от динамики рабочей среды. Смена социально-экономической платформы организационной деятельности влечет смену модели деятельности психолога с формата «сопровождения» на формат «научно-методического обеспечения». Такой подход к развитию индивидуальности предприятия осуществляется в технологии «абсорбции протеста» [5]. Регулярный мониторинг эффективности позволяет своевременно адаптировать инструменты поддержки к изменяющимся условиям.

Внедрение адаптивной системы психологической поддержки требует поэтапного подхода для обеспечения плавной интеграции в корпоративные процессы. Начальный этап предполагает детальный анализ существующих практик и оценку готовности организации к изменениям. Далее необходимо разработать четкий график внедрения с распределением ответственности между подразделениями. Важно предусмотреть пилотное тестирование системы в отдельных департаментах перед полномасштабным запуском.

Для оценки эффективности внедряемых методов поддержки необходимо установить ключевые показатели, включающие как объективные данные, так и субъективные оценки сотрудников. «Психологическое благополучие является критерием успешности ЦТО (наряду с объективными критериями). В этом случае отслеживание SWB может осуществляться периодически в процессе внедрения ЦТО [6]». Регулярный мониторинг показателей позволяет своевременно корректировать систему поддержки и оптимизировать ресурсы.

Основные теоретические и практические результаты исследования заключаются в следующем: традиционные методы психологической поддержки сотрудников, такие как программы помощи сотрудникам (EAP), менторство и тренинги устойчивости, демонстрируют критическую неэффективность в условиях гибридного формата работы. Это несоответствие приводит к снижению их практической ценности и усугублению проблемы профессионального выгорания. Таким образом, полученные результаты обосновывают необходимость разработки новых, адаптированных решений для корпоративной среды.

Анализ выявил специфические стресс-факторы, характерные для гибридного режима работы, включая размытие границ между профессиональной и личной жизнью, а также цифровую усталость. Данные факторы требуют интеграции цифровых инструментов и гибких форматов в систему психологической поддержки. Это позволит адекватно реагировать на современные вызовы и повысить эффективность помощи сотрудникам.

Разработанный комплекс адаптированных методов, включающий асинхронные онлайн-ресурсы, виртуальные супервизии и модульные тренинги устойчивости, доказал свою результативность в пилотных внедрениях. Было зафиксировано снижение уровня профессионального выгорания среди сотрудников на 25-30%. Это подтверждает высокий

потенциал предложенных подходов для улучшения психологического благополучия персонала.

Практическая значимость исследования состоит в том, что внедрение предложенной системы психологической поддержки может обеспечить компаниям значительное снижение экономических потерь, связанных с выгоранием сотрудников, а повышение вовлеченности и адаптивности работников напрямую способствует росту продуктивности.

В целом, наличие психологической поддержки сотрудников является важным фактором, который помогает сократить текучесть кадров, уменьшает риск профессионального выгорания и снижает риски финансовых потерь компании.

Библиографические ссылки

1. Ткаченко, И.В. «Ресурсные технологии психологической помощи лицам среднего возраста» / И.В. Ткаченко, Д.С. Синявин // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2020. – №3. – С. 713–717.
2. Богдан, И.В. Медико-социологическое обоснование внедрения психологической службы в стационары и амбулаторные организации онкологического профиля / И.В. Богдан, В.А. Виноградов, О.С. Горюшкина и др. – Москва: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2022. – 133 с.
3. Васильева, Е.В. Организация работы в удаленном режиме и гибридном формате / Е.В. Васильева, А.А. Громова // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2021. – №4. – С. 954–963.
4. Коновалова, В.Г. Презентеизм традиционный и цифровой: как не потерять контроль над ситуацией / В.Г. Коновалова // Управленческий учет. – 2022. – №12. – С. 727–731
5. Антонова, Н.В. Цифровая трансформация организации и психологическое благополучие сотрудников / Н.В. Антонова // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2022. – №3. – С. 201–205.
6. Барменкова, В.В. Услуги организационного психолога: от психодиагностики к нормированию / В.В. Барменкова // Вестник Тюменского Государственного Университета. – 2010. – №5. – с. 133–137.

© Климов А.А., Пискорская С.Ю, 2025

УДАЛЕННАЯ РАБОТА КАК РИСК ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

Т.А. Козырь

магистрант 1 курса
СибГУ им. М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: tanya.kozyr.02@bk.ru

Статья посвящена теоретическому анализу удаленной формы работы как потенциального фактора профессионального выгорания. Рассматриваются психологические и организационные механизмы, через которые дистанционная форма занятости влияет на эмоциональное состояние работников. Подчеркиваются как риски, так и ресурсы удаленной работы, связанные с гибкостью, автономией и цифровыми технологиями.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, удаленная работа, дистанционная занятость, психологические риски, организационная поддержка.

The article is devoted to the theoretical analysis of remote work as a potential factor of professional burnout. It examines the psychological and organizational mechanisms through which remote work affects the emotional state of employees. The article highlights both the risks and the resources of remote work, such as flexibility, autonomy, and digital technologies.

Keywords: professional burnout, remote work, telework, psychological risks, organizational support.

Удаленная работа за последние годы стала неотъемлемой частью современного рынка труда, обусловленная не только последствиями пандемии COVID-19, но и прогрессом в области цифровых технологий, развитием ИТ-инфраструктуры и переориентацией профессиональных ролей. Специальности в сферах образования, маркетинга, информационных технологий все чаще переходят в дистанционный формат, что трансформирует не только организацию взаимодействия, но и психологические аспекты трудовой деятельности [3]. Эмпирические данные свидетельствуют, что внезапный переход на удаленный формат работы, особенно среди работников без опыта такого формата, сопровождается ростом эмоционального истощения, что подчеркивается в исследованиях зарубежных ученых [5, с. 148]. Такой стремительный переход к дистанционной занятости, по сути, оставил многих сотрудников один на один с новыми вызовами, не предоставив им достаточных инструментов для адаптации.

Дистанционная занятость обладает двойственным характером: с одной стороны она предлагает гибкость графика и автономию, с другой – создает новые вызовы для психического здоровья. Среди ключевых рисков выделяются снижение неформального общения, стирание границ между рабочим и личным временем, а также информационная перенасыщенность. Эти факторы могут стать предпосылками для профессионального выгорания – состояния, которое уже называют болезнью современности, связанной с многозадачностью и высоким темпом жизни [4, с. 89]. Т.Г. Неруш и А.А. Неруш отмечают, что профессиональное выгорание рассматривается как полидетерминированный процесс, где значимую роль играют социальные факторы, такие как неэффективный обмен информацией и чрезмерная рабочая нагрузка, что особенно актуально в условиях цифровизации [4, с. 91].

Актуальность исследования – распространённость профессионального выгорания у

сотрудников в современных условиях труда, обусловленная ростом цифровизации, массовым переходом на удаленный формат работы и увеличением интенсивности профессиональных требований.

Цель данной работы – провести теоретический анализ психолого-организационных факторов профессионального выгорания в условиях удаленной занятости и определить пути его профилактики.

Структура синдрома профессионального выгорания в дистанционном формате приобретает специфические черты. Согласно классической модели, разработанной К. Масlach и С. Джексоном, выгорание представляет из себя трехмерный конструкт, включающий эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений [6]. В удаленной работе на первый план часто выходит именно эмоциональное истощение. Это истощение усугубляется необходимостью постоянной концентрации на онлайн-встречах и невозможностью «оставить работу в офисе». Деперсонализация, понимаемая как циничное отношение к коллегам может трансформироваться в чувство отчужденности и «невидимости» для организации. Сотрудник может начать воспринимать коллег не как живых людей, а как абстрактные аватары в мессенджере, что обедняет коммуникацию и может снижать эмпатию. Редукция достижений, в свою очередь, усугубляется отсутствием мгновенной обратной связи и публичного признания достижений и заслуг, что делает оценку собственной эффективности затруднительной для сотрудника. Сотрудник может выполнить большой объем работы, но без вербального или невербального одобрения со стороны руководителя и команды может возникать ощущение «работы в пустоту».

Согласно Н.Е. Водопьяновой, профессиональное выгорание представляет собой стресс-синдром как совокупность симптомов, которые негативно сказываются на работоспособности, самочувствии и интерперсональных отношений субъекта профессиональной деятельности [2, с. 128]. Оно формируется тогда, когда профессиональные требования превышают психологические и физиологические ресурсы личности. Такая нагрузка способствует истощению психических ресурсов и снижению мотивации [2]. В контексте удаленной работы специфическими стрессорами становятся дефицит живого общения, нарушение баланса труда и отдыха, а также интенсивное использование цифровых устройств.

Особенности дистанционного формата усиливают эти риски. Например, отсутствие спонтанных социальных взаимодействий, характерных для офисной среды, может привести к чувству изоляции, особенно у работников, не имеющих опыта удаленки.

Также в дистанционной занятости особую опасность представляет феномен презентеизма – ситуация, когда сотрудник формально выполняет рабочие обязанности, но фактически его продуктивность близка к нулю из-за накопившейся усталости или эмоционального истощения. В традиционном офисе такое состояние обычно быстро становится заметным для коллег и руководителя, однако в дистанционном формате оно может долго оставаться незамеченным. Руководитель, видя сотрудника онлайн в мессенджерах или в системах учета рабочего времени, может ошибочно интерпретировать это как признак вовлеченности, в то время как реальная работоспособность сотрудника уже серьезно снижена. Когда же начинают проявляться реальные последствия, такие как – срывы сроков, рост числа ошибок, снижение качества работы – руководитель, не видя истинных причин снижения работоспособности (усталость, болезнь, выгорание), может списать это на халатность или недостаток мотивации. Такие ситуации могут создавать почву для образования конфликта, несправедливых упреков и дополнительного стресса для сотрудника. Такой разрыв между видимо занятостью и фактическим состоянием сотрудника не только маскирует проблему, но и усугубляет ее, создавая почву для серьезных нарушений психического здоровья в будущем.

Нестабильность связи, технические сбои и отключение мобильного Интернета также становятся существенным фактором дополнительного стресса при удаленной занятости. Например, с текущего года в ряде российских регионов фиксируются перебои или полное отключение мобильного Интернета, слабое качество домашнего Wi-Fi или частые отключения электричества – все это влияет на способность сотрудника оставаться на связи и выполнять свои рабочие обязанности. Может случиться так, что сигнал пропадает, связь обрывается во время важной видеоконференции, либо при выполнении рабочих задач, то сотрудники рискуют получить критику или даже угрозу дисциплинарных последствий, все это может привести к потере работы, вне зависимости от того, могут ли они повлиять на эту ситуацию. Особенно уязвимы жители территорий с нестабильной инфраструктурой: отсутствие альтернативы (например, мобильного Интернета) в моменты отключения домашнего Интернета увеличивает тревожность и чувство неопределенности. В таких случаях дистанционная форма труда превращается в поле внешних рисков, что может усиливать вероятность возникновения эмоционального истощения и возникновения профессионального выгорания. Но также сейчас появляются организации с развитой корпоративной культурой, где подобные риски минимизируются: работодатели предоставляют сотрудникам служебное оборудование, компенсируют расходы на улучшение технических условий или частично оплачивают приобретение новой техники. Такие меры позволяют не просто повысить производительность, но и снизить уровень тревожности, давая своим сотрудникам ощущение стабильности и поддержки со стороны работодателя.

Кроме того, важным вызовом для сотрудников на удаленной занятости становится явление цифрового неравенства. Не все работники имеют одинаковые технические возможности – стабильный Интернет, современное оборудование или отдельное пространство для работы. Наличие слабого компьютера или телефона, старого программного обеспечения или даже необходимость делить технику с членами семьи может создать дополнительные стрессоры, не связанные с профессиональными обязанностями, но напрямую влияющие на эффективность и эмоциональное состояние. В таких условиях человек может чувствовать собственную несостоятельность, даже если причина снижения продуктивности объективно техническая.

Организационные условия играют ключевую роль в определении влияния удаленной работы на психическое здоровье. Отсутствие четкой обратной связи, неопределенность задач и высокая нагрузка способствуют чувству отчуждения, в то время как постоянные коммуникации и регулярные онлайн-встречи могут снижать риск дезадаптации. Как отмечает Э.Ш. Петина, для снижения тревожности и профилактики стрессовых состояний важно сохранять живое общение с коллегами и руководством, а также придерживаться режима дня и физическую активность [5, с. 72].

В условиях удаленной работы роль непосредственного руководителя трансформируется. Из контролера он должен превратиться в фасилитатора и наставника. Его задача – не отслеживать каждое движение сотрудника, так как это очень сложно в дистанционной занятости, а создавать условия для эффективной работы и вовремя замечать признаки снижения работоспособности. Например, если обычно активный сотрудник внезапно перестает участвовать в дискуссиях на планерках или качество его работы заметно снизилось, это может быть тревожным сигналом. Эффективный менеджер не должен сразу предъявлять претензии, а наоборот, проявит участие и поинтересуется, не нужна ли помощь.

Стратегии организационной поддержки должны быть направлены не только на профилактику выгорания, но и на укрепление организационной приверженности. Создание отдельных чатов для неформального общения, проведением онлайн-тимбилдингов и корпоративных событий может помочь восполнить дефицит социальных связей. Кроме

того, ключевая роль отводится подготовке самих руководителей к управлению дистанционными командами. Менеджеры должны обладать развитыми навыками эмоционального интеллекта, чтобы распознавать признаки выгорания по невербальным сигналам во время видеоконференций и изменению паттернов коммуникации сотрудников.

Таким образом, не менее важно формировать корпоративную культуру, которая не просто допускает удаленную работу, а полностью в нее интегрирована. Такую культуру может характеризовать доверие, ориентированность на результат, а не на количество проведенного времени за цифровыми устройствами, и уважением к личным границам сотрудников. Эти факторы могут помочь создать психологически безопасную среду внутри коллектива и снижать уровень стресса.

Индивидуальные факторы также значимы. Работники с развитым эмоциональным интеллектом могут демонстрировать большую устойчивость к стрессам, эффективно управляя своими эмоциями в условиях изоляции.

Помимо эмоционального интеллекта, важную роль играют такие личностные качества, как самодисциплина, ответственность и внутренняя мотивация. Сотруднику, который привык к постоянному внешнему контролю со стороны руководства, в условиях автономии может быть сложно самоорганизоваться. И наоборот, те, кто умеет ставить себе цели, планировать качественно свое время и планы и находить внутренние стимулы для работы, часто оказываются более успешными и удовлетворенными дистанционным форматом. Также больше роль играет и домашняя обстановка: наличие отдельного рабочего места, поддержка домочадцев и возможность минимизации бытовых отвлекающих факторов, все это будет напрямую влиять на уровень стресса.

Особое внимание в контексте удаленной работы заслуживает влияние индивидуальных стратегий саморегуляции. Развитие навыков управления временем, таких как планирование и приоритизация задач, позволяет работникам минимизировать перегрузки и поддерживать продуктивность. Например, использование техник тайм-менеджмента способствует распределению рабочей нагрузки, предотвращая накопление стресса. Кроме того, регулярная физическая активность, включая утренние упражнения или вечерние прогулки будет способствовать предотвращению стресса и профессионального выгорания [5].

Ещё одной важной индивидуальной стратегией на удаленке является осознанное ограничение проводимого времени перед экранами, так называемый «цифровой детокс». Постоянный поток уведомлений из рабочих чатов, электронной почты и других рабочих сервисов создает впечатление постоянной доступности и не позволяет мозгу полноценно отдыхать. Сознательное отделение личного времени от рабочего, например, путем отключения уведомлений на рабочих аккаунтах или телефоне после окончания рабочего дня или занятия любимым хобби, не связанным с гаджетами, поможет восстановить психические ресурсы.

На организационном уровне эффективной мерой выступает внедрение программ психосоциальной поддержки. Это может включать проведение регулярных тренингов по управлению стрессом и обеспечению доступа к консультациям с психологом. Такие инициативы могут способствовать формированию устойчивого эмоционального климата. Кроме того, установление четких границ рабочего времени и поощрение сотрудников за соблюдение баланса между трудом и отдыхом укрепляют их мотивацию.

Для многих компаний оптимальным решением, позволяющим нивелировать риски удалённой работы, может стать гибридный формат. Он будет сочетать в себе преимущества обеих режимов: гибкость и автономию дистанционного формата и живое, неформальное общение в офисе. Сотрудники, работающие в гибридном формате, будут иметь возможность восстанавливать социальные связи во время работы в офисе, что

снижает чувство изоляции. При этом у них сохраняется возможность сосредоточиться на сложных задачах дома, в комфортной обстановке, где их никто не отвлекает. Такой гибкий подход позволяет учесть индивидуальные предпочтения сотрудников и снижает риск появления профессионального выгорания.

Перспективным направлением профилактики может являться использование цифровых инструментов для мониторинга психологического климата: анонимные опросы или регулярный сбор обратной связи. Это все может помочь организации отследить уровень стресса и удовлетворенности рабочим процессом, оперативно реагируя на возникающие проблемы. Однако при этом важно соблюдать этические нормы и не допустить тотального контроля, который может стать дополнительным стрессором.

В то же время удаленная работа может выступать ресурсом психологического благополучия. Гибкость графика, возможность самостоятельно организовывать время и сокращение внешних стрессоров способствуют балансу между работой и отдыхом. Устранение необходимости ежедневных поездок на работу сокращает стресс, связанный с транспортом, и экономит время, которое можно направить на отдых или саморазвитие. Также дистанционный формат способствует созданию комфортного рабочего пространства: сам работник может выбрать место работы, адаптировать рабочую зону, свое расположение, освещение и так далее под свои предпочтения, что может положительно сказываться на концентрации и продуктивности.

С точки зрения организаций, удаленная занятость открывает возможности оптимизации расходов на аренду офисного помещения, расширения кадрового резерва и привлечения специалистов из разных регионов.

Таким образом, для минимизации рисков требуется комплексный, системный подход, в котором будут задействованы все стороны трудовых отношений. Со стороны организации – это выстраивание прозрачных процессов, развитие корпоративной культуры. Со стороны сотрудника – это развитие личной осознанности и навыков саморегуляции. Только при синхронной работе в обоих направлениях можно говорить о том, что удаленная работа станет по настоящему комфортной, устойчивой и здоровой практикой.

Таким образом, удаленный формат работы создает уникальную парадоксальную среду, где одни и те же факторы могут выступать как в роли защитного ресурса, так и в роли стресс фактора, провоцирующего выгорание. С одной стороны, такой формат обеспечивает гибкость, автономию и комфорт, способствуя повышению удовлетворенности трудом и снижению стресса. С другой – отсутствие живого общения, размытые границы между рабочим и личным временем, информационная перегрузка создают условия для профессионального выгорания. Баланс между этими аспектами можно достигнуть через организационную поддержку, развитие эмоционального интеллекта, навыков саморегуляции и установление четких правил взаимодействия в дистанционном формате. Дальнейшие исследования в этой области могли бы быть сосредоточены на сравнительном анализе эффективности конкретных корпоративных программ психического здоровья и на изучении долгосрочных последствий удаленного и гибридного формата работы для психологического благополучия персонала.

Библиографические ссылки

1. Бойко, В.В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. – СПб.: Сударыня, 1999. – 28 с. – Текст: непосредственный.
2. Водопьянова, Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика.: практическое пособие / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2017. – 343 с. – Текст: непосредственный.

3. Лисова, О. В. Профессиональное выгорание сотрудников, работающих дистанционно / О. В. Лисова, А. Ю. Климова // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»: официальный сайт. – 2022. – № 12 (132). – С. 43-49. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-vygoranie-sotrudnikov-rabotayuschih-dstantsionno> (дата обращения: 19.10.2025). – Текст: электронный.
4. Неруш Т. Г., Неруш А. А. Проблема профессионального выгорания в контексте цифровизации и цифровой трансформации, пандемии и удалённой работы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 5А. С. 89-97.
5. Петина, Э. Ш. Профилактика негативных последствий технологии дистанционной работы и обучения / Э. Ш. Петина // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»: официальный сайт. – 2023. – № 5. – С. 112-118. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-negativnyh-posledstviy-tehnologii-dstantsionnoy-raboty-i-obucheniya> (дата обращения: 19.10.2025). – Текст: электронный.
6. Maslach, C., Jackson, S.E. The measurement of experienced burnout / C. Maslach, S.E. Jackson // Journal of Organizational Behavior. – 1981. – Vol. 2, Issue 2. – P. 99-113.

© Козырь Т.А., 2025

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ КАК КЛЮЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ФИТНЕС-ТРЕНЕРА

С.В. Костюк

магистрант 1 курса

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: staskostyuk2003@gmail.com

В статье рассматривается стрессоустойчивость как важнейшая профессиональная компетенция фитнес-тренера в условиях высокой эмоциональной и физической нагрузки. Раскрываются психологические и организационные факторы, влияющие на устойчивость специалистов, а также роль эмоционального интеллекта и саморегуляции в профилактике профессионального выгорания. Обосновывается необходимость развития стрессоустойчивости как стратегического ресурса личности и организации фитнес-индустрии.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, фитнес-тренер, эмоциональный интеллект, профессиональное выгорание, саморегуляция, психологическая компетентность, фитнес-индустрия.

The article considers stress tolerance as the most important professional competence of a fitness trainer in conditions of high emotional and physical stress. The psychological and organizational factors influencing the stability of specialists, as well as the role of emotional intelligence and self-regulation in the prevention of professional burnout, are revealed. The necessity of developing stress tolerance as a strategic resource of the individual and the organization of the fitness industry is substantiated.

Keywords: stress tolerance, fitness trainer, emotional intelligence, professional burnout, self-regulation, psychological competence, fitness industry.

Современная индустрия фитнес-услуг предъявляет к специалистам высокие требования, и роль фитнес-тренера давно уже перестала ограничиваться только физической подготовкой клиента. Сегодня тренер должен быть не просто инструктором, а мотиватором, коммуникатором, психологом и наставником, взаимодействующим с разнообразной аудиторией, адаптирующимся к изменяющимся условиям и сохраняющим высокий уровень профессионализма независимо от нагрузок. В таких условиях компетенция стрессоустойчивости становится одной из ключевых.

Под стрессоустойчивостью понимается способность индивида сохранять психофизиологическую и эмоциональную стабильность при воздействии неблагоприятных, напряжённых или неопределённых профессиональных ситуаций, быстро адаптироваться к изменяющимся условиям, восстанавливаться и продолжать эффективно функционировать. Когда фитнес-тренер ежедневно работает в режиме многозадачности, сталкивается с ожиданиями клиентов, нестабильным графиком, высоким уровнем эмоционального вовлечения и необходимостью постоянной мобилизации ресурсов, без развитой стрессоустойчивости результативность и качество его работы начинают снижаться, а риск профессионального выгорания возрастает. Одно из российских исследований подчёркивает, что профессиональное выгорание среди тренеров обусловлено сочетанием постоянных стрессовых ситуаций, эмоциональной перегруженностью и недостатком восстановления [1]. Поэтому можно утверждать, что

именно стрессоустойчивость является системным ресурсом, отвечающим за поддержание долгосрочной работоспособности и качества услуг в сфере фитнеса.

Эмоциональный интеллект (ЭИ) рассматривается в современной психологии как важный компонент, сопряжённый со способностью к саморегуляции и управлению собственными эмоциональными ресурсами, что непосредственно связано с уровнем стрессоустойчивости. В исследовании российских авторов была выявлена статистически значимая взаимосвязь между способностью тренеров управлять своими эмоциями и показателями невротических состояний: чем выше уровень управления своими эмоциями, тем ниже уровень тревоги, астении и других проявлений эмоционального переутомления [2]. Следовательно, для современного фитнес-тренера развитие эмоционального интеллекта становится одним из путей повышения стрессоустойчивости и профилактики выгорания. При этом важно понимать, что сам профессионализм (знание техники упражнений, составление программ) уже не обеспечивает устойчивость к стрессовым ситуациям: необходима компетенция, выходящая за рамки профильных навыков, – именно надпрофессиональная компетенция «работа с собой и средой». Исследование Барановой отмечает, что специалисты, работающие в сфере «человек-человек», – а именно тренеры фитнес-клубов – чаще сталкиваются с синдромом эмоционального и профессионального выгорания, если не имеют системной поддержки и навыков саморегуляции [3]. Это подтверждает, что роль стрессоустойчивости выходит за рамки личностной устойчивости и становится фактором организационной стабильности и качества услуг.

В контексте фитнес-деятельности можно выделить ряд специфических факторов риска, влияющих на устойчивость тренера: высокий объём взаимодействий с клиентами, необходимость постоянной демонстрации эмоциональной энергии, сменный график, время ожидания между группами, необходимость продажи услуг и удержания клиентов, эмоциональные конфликты с аудиторией, низкая автономия в рабочем процессе. Одно исследование показывает, что для тренеров характерна типичная нагрузка «человек-человек», и именно это взаимодействие в сочетании с нехваткой времени на восстановление составляет одну из главных триггерных причин выгорания [1]. Кроме того, менеджмент фитнес-организаций часто недооценивает значимость психологической подготовки персонала и устанавливает стандарты, ориентированные лишь на техническое мастерство, что создаёт дисбаланс между требованиями и ресурсами. Садкова в своих исследованиях подчёркивает, что профилактика профессионального выгорания в фитнес-индустрии требует ресурсно-ориентированного подхода и управления нагрузкой как элемент корпоративной стратегии [4]. Таким образом, компетенция стрессоустойчивости должна рассматриваться как интегративный навык, включающий личностные ресурсы, профессиональные привычки и условия среды, а не просто как индивидуальная особенность. В такой интерпретации стрессоустойчивость становится продуктом взаимодействия тренера и среды, а не исключительно качеством личности. Это означает, что её развитие требует комплексного подхода: обучения и поддержки, как на уровне индивидуального развития, так и на уровне организационного дизайна.

Особое значение в становлении этой компетенции имеет корпоративная культура фитнес-организации. Именно она выступает фундаментом, на котором формируется психологический климат коллектива, уровень мотивации сотрудников, их включённость в деятельность и способность справляться со стрессовыми ситуациями различной интенсивности. Корпоративная среда определяет, какие модели поведения считаются допустимыми, какие эмоции можно выражать, какие формы взаимодействия поддерживаются, а какие, наоборот, подавляются. Всё это напрямую влияет на то, насколько тренер ощущает себя защищённым, значимым и ресурсным в своей профессиональной роли. Если специалист работает в среде, где отсутствует адекватная система поддержки, не выстроен чёткий баланс между трудом и отдыхом, не

предусмотрены механизмы супервизии, взаимопомощи, командного взаимодействия или возможности для открытого обсуждения профессиональных трудностей, то даже высокий уровень индивидуальных навыков, эмоциональной компетентности и личной саморегуляции постепенно подвергается разрушению под воздействием хронической нагрузки.

Постоянное давление, неопределённость организационных процессов, недооценка эмоциональных затрат и отсутствие своевременного признания усилий приводят к тому, что специалист утрачивает внутренний ресурс, сталкивается с нарастанием усталости, эмоциональным истощением, чувством профессиональной изоляции и снижением мотивации. Со временем это может привести к снижению работоспособности, ухудшению качества клиентского взаимодействия и даже намерению покинуть профессию. В отсутствие поддержки любое стрессовое воздействие усиливается, а способность тренера восстанавливаться сокращается.

Напротив, если в организации присутствуют системные условия, направленные на поддержание психологического здоровья персонала, тренер чувствует себя частью единой команды, включённой в общее профессиональное пространство. Он имеет возможность получать конструктивную обратную связь, делиться опытом, обсуждать сложные случаи, участвовать в обучающих мероприятиях, психологических практикумах, встречах с супервизором, что создаёт ощущение поддержки и защищённости. Такие условия формируют устойчивую профессиональную самооценку, укрепляют мотивацию, способствуют развитию навыков эмоциональной саморегуляции и делают стресс не разрушающим, а управляемым фактором.

Особенно важно, чтобы руководство осознавало: забота о психическом благополучии сотрудников – это не проявление эмоциональной лояльности и не попытка создать «комфорт ради комфорта», а эффективный инструмент повышения производительности, качества клиентских услуг, удержания кадров и формирования позитивного имиджа компании. Руководство, которое принимает на себя ответственность за создание благоприятного психологического климата, демонстрирует стратегическое мышление, ориентированное на долгосрочное развитие организации. Сотрудники, работающие в безопасной и поддерживающей среде, проявляют большую инициативность, гибкость, устойчивость к переменам, быстрее адаптируются к новым условиям, реже допускают профессиональные ошибки и демонстрируют более высокий уровень вовлечённости.

Таким образом, корпоративная культура становится определяющим фактором, влияющим на формирование стрессоустойчивости тренеров: она либо усиливает внутренние ресурсы специалиста, либо истощает их; либо способствует сохранению эмоционального равновесия, либо ускоряет психологическое выгорание. Именно поэтому создание организационной среды, ориентированной на развитие, поддержку и уважение, должно рассматриваться как одно из ключевых направлений стратегического управления фитнес-организацией.

Корпоративная культура, основанная на уважении, взаимопомощи и развитии, формирует у сотрудников ощущение безопасности и принадлежности, а значит, снижает тревожность и эмоциональное напряжение. В таких условиях тренеры реже испытывают чувство выгорания, легче преодолевают трудности, охотнее принимают новые задачи и проявляют инициативу. Руководители, внедряющие программы профессиональной поддержки, такие как регулярные встречи с психологом, командные обсуждения сложных случаев, тренинги по эмоциональному интеллекту, создают тем самым устойчивую среду, в которой стресс становится не деструктивным фактором, а стимулом для роста. На практике эффективными оказываются меры, включающие гибкое планирование графиков работы, возможность замены и отдыха после пиковых нагрузок, а также поощрение участия сотрудников в обучающих мероприятиях по саморегуляции.

Организационные обзоры подтверждают, что системные меры, такие как внедрение программ по развитию эмоциональной компетентности, обучение навыкам конструктивного общения, супервизия, мониторинг уровня усталости и переработок, приводят к снижению профессионального напряжения, повышению удовлетворённости трудом и уменьшению текучести кадров [5]. В долгосрочной перспективе такая политика повышает качество клиентского сервиса, так как эмоционально устойчивые сотрудники демонстрируют больше эмпатии, гибкости и вовлечённости. Таким образом, формирование стрессоустойчивости в фитнес-среде требует не только личных усилий тренера, но и системных изменений в управлении, кадровой политике, коммуникационной структуре и стратегическом видении руководства. Для практики это означает, что фитнес-клубы должны рассматривать инвестиции в психологическое благополучие и развитие эмоциональной устойчивости сотрудников как приоритетную, стратегическую задачу, напрямую связанную с эффективностью бизнеса, конкурентоспособностью и репутацией организации, а не как второстепенную, вспомогательную функцию.

Когда мы рассматриваем саму природу стрессоустойчивости тренера, можно выделить три взаимосвязанных компонента: личностный, профессиональный и организационный. Личностный компонент включает в себя устойчивость к эмоциональным перегрузкам, способность к саморефлексии, эмоциональному контролю, восстановлению и поддержанию ресурса. Профессиональный компонент включает способность грамотно выстраивать тренировочные процессы, взаимодействовать с клиентами, управлять ожиданиями, продавать и удерживать клиентов без эмоционального истощения. Организационный компонент отражает условия труда, систему поддержки, корпоративную культуру и стратегию управления нагрузками. Если хотя бы один из компонентов ослаблен, уровень стрессоустойчивости снижается, что ведёт к снижению качества работы, росту ошибок, конфликтов, снижению удержания клиентов и возможному уходу специалиста из профессии. В исследовании, посвящённом взаимосвязи эмоционального интеллекта и невротических проявлений у тренеров-инструкторов, показано, что слабое управление эмоциями напрямую коррелирует с высоким уровнем тревоги, астении и других негативных состояний [6]. Это даёт эмпирическую основу тому, что развитие стрессоустойчивости – не абстрактная задача, а конкретная стратегическая необходимость для тренеров. При этом важно, что стрессоустойчивость нельзя рассматривать как пассивную «выносливость», она должна быть активной – включающей навыки мониторинга состояния, восстановления, адаптации и профессионального развития.

В практической плоскости реализация развития стрессоустойчивости может включать индивидуальные практики саморегуляции (например, осознанное дыхание, короткие паузы между занятиями, телесно-ориентированные техники), тренинги эмоционального интеллекта и коммуникативных навыков, супервизию и наставничество, оптимизацию рабочего графика (перерывы, смены, баланс нагрузки и восстановления), а также системные меры – регулярная диагностика состояния сотрудников, развитие корпоративной культуры поддержки, образовательные модули по управлению стрессом. Все эти элементы в комплексе способны повысить устойчивость тренера к внешним и внутренним стрессорам, улучшить качество взаимодействия с клиентами, снизить текучесть кадров, укрепить репутацию и финансовые показатели клуба. Например, материалы фитнес-практики указывают на то, что тренеры, не осознающие риск выгорания и не имеющие навыков саморегуляции, находятся в группе повышенного риска – начиная с приглушения эмоциональных реакций, раздражительности, конфликтообразования и заканчивая равнодушием к клиентам и снижением профессиональных достижений [2]. Это иллюстрирует, что компетенция стрессоустойчивости является превентивным фактором и должна быть встроена в модель профессионального развития тренера. Без её

формирования риск снижения качества услуг, ухода клиентов, репутационных потерь и потерь для самого специалиста возрастает.

С учётом тенденций рынка фитнес-услуг, перехода к гибридным форматам работы (очно и онлайн), цифровизации обслуживания, увеличения конкуренции и постоянно растущих ожиданий клиентов, требования к тренерам по уровню адаптивности, эмоциональной гибкости и психологической устойчивости становятся всё более жёсткими. Современный фитнес уже не ограничивается физическим взаимодействием в зале: тренер должен уметь поддерживать контакт с клиентами в социальных сетях, консультировать онлайн, готовить мотивационные публикации и видеоуроки, отвечать на комментарии, работать с цифровыми платформами бронирования и приложениями для отслеживания результатов. Всё это требует высокой скорости реакции, постоянного внимания, дисциплины и умения сохранять профессиональную энергию в условиях информационной перегрузки. Новый формат работы фактически объединяет несколько ролей – тренера, менеджера, психолога, маркетолога и контент-креатора, – и от того, насколько специалист умеет управлять собой и своим временем, зависит не только качество его работы, но и эмоциональное здоровье.

Повседневная деятельность современного фитнес-тренера включает многочисленные микрострессы: нестабильность расписания, постоянное переключение между клиентами и задачами, высокая плотность коммуникации, необходимость соответствовать ожиданиям аудитории и руководства. При этом специалист должен сохранять мотивацию, бодрость, уверенность и способность вдохновлять других. В такой многослойной профессиональной среде стрессоустойчивость становится центральной компетенцией, обеспечивающей устойчивое функционирование личности и организации. Она выражается не только в способности переносить нагрузки, но и в умении находить баланс между работой и отдыхом, грамотно распределять усилия, вовремя восстанавливаться и сохранять позитивное отношение к делу.

Тренер, обладающий развитой стрессоустойчивостью, способен не просто выполнять поставленные задачи, а эффективно адаптироваться к любым изменениям – будь то переход на онлайн-формат, новые корпоративные требования, нестандартные запросы клиентов или форс-мажорные обстоятельства. Такой специалист становится для своих подопечных примером внутренней собранности и уверенности, источником стабильности в изменчивом мире. Он не просто воспроизводит тренировочный план, а создаёт вокруг себя особую атмосферу доверия, комфорта и мотивации, в которой клиенты чувствуют поддержку и уверенность в собственных силах. Благодаря этому тренер формирует долгосрочные отношения с клиентами, что напрямую влияет на уровень их лояльности и удовлетворённости услугами. В свою очередь, эмоционально устойчивый тренер гораздо реже допускает профессиональные ошибки, лучше взаимодействует с коллегами и администрацией, проявляет инициативу и демонстрирует более высокий уровень ответственности.

Можно утверждать, что вложения в развитие стрессоустойчивости сотрудников – это стратегическое и дальновидное решение для любой фитнес-организации, направленное не только на повышение качества услуг, но и на укрепление корпоративного имиджа, снижение текучести кадров и рост финансовых показателей. В условиях высокой конкуренции, когда клиенты становятся всё более требовательными к уровню сервиса, атмосфере и компетентности персонала, именно устойчивость, профессионализм и эмоциональная зрелость тренера становятся теми критериями, которые определяют успех клуба на рынке. Инвестиции в психологическое развитие специалистов приобретают характер стратегического ресурса, способного обеспечить компании долгосрочное конкурентное преимущество.

Программы психологической поддержки, тренинги по саморегуляции и развитию эмоционального интеллекта, системы управления нагрузкой, регулярная супервизия, практики повышения осознанности – всё это уже нельзя рассматривать как необязательные корпоративные «бонусы» или проявление заботы о персонале в социальном смысле. На практике подобные меры оказывают прямое влияние на эффективность работы сотрудников, их профессиональное долголетие и уровень эмоциональной вовлечённости. Организация, внедряющая такие программы, фактически строит устойчивую модель функционирования, основанную на понимании того, что благополучие сотрудников – это важнейшая составляющая производительности и качества клиентского сервиса.

Когда сотрудники чувствуют себя психологически защищёнными, получают поддержку в сложных ситуациях, обладают навыками управления своим состоянием и имеют возможность восстанавливаться, это отражается на их поведении в профессиональной среде. Они становятся более спокойными, мотивированными, внимательными к клиентам, лучше справляются с конфликтами, демонстрируют высокий уровень эмпатии и стремление к профессиональному развитию. Такой коллектив отличается инициативностью, стабильностью и преданностью компании, а это напрямую влияет на показатели удержания клиентов, количество рекомендаций и общую репутацию бренда.

Важно отметить, что текучесть кадров в фитнес-индустрии остаётся одной из самых серьёзных проблем, и во многих случаях её причиной становится не низкая заработная плата или неудобный график, а эмоциональное выгорание, отсутствие поддержки и ощущение постоянного давления. Когда организация вкладывается в развитие стрессоустойчивости тренеров, она одновременно снижает вероятность выгорания, сокращает расходы на подбор и обучение новых сотрудников и укрепляет кадровый состав. Каждый тренер, остающийся в клубе на годы, приносит компании стабильный доход, формирует свою группу постоянных клиентов, а также повышает доверие к бренду.

Таким образом, развитие стрессоустойчивости фитнес-тренеров становится фундаментом не только профессионального долголетия специалистов, но и экономической устойчивости всей фитнес-индустрии. Компании, которые строят свою политику на поддержке эмоционального благополучия персонала, получают устойчивую бизнес-модель, основанную на высокой лояльности сотрудников и клиентов, снижении внутренних рисков и повышении качества услуг. На долгосрочной дистанции такая стратегия формирует организацию, способную уверенно функционировать даже в условиях рыночных изменений, кризисов или роста конкуренции. В этом смысле стрессоустойчивость сотрудников – это не просто личностная характеристика, а один из ключевых элементов успешного, устойчивого и социально ориентированного бизнеса.

Таким образом, можно заключить, что стрессоустойчивость современного фитнес-тренера выступает не просто дополнительным преимуществом, а необходимой профессиональной компетенцией, обеспечивающей устойчивость, эффективность и конкурентоспособность специалиста на рынке услуг. Её формирование требует системного подхода: от включения соответствующих модулей в подготовку тренеров и адаптацию новых сотрудников до оптимизации рабочих условий и внедрения корпоративных программ поддержки. Только тренер, обладающий высоким уровнем стрессоустойчивости, способен эффективно функционировать в условиях постоянных изменений и высоких нагрузок, сохранять качество взаимодействия с клиентами и свою профессиональную мотивацию на долгосрочной основе. Инвестирование в эту компетенцию – как в личностный ресурс тренера, так и в стратегический ресурс организации.

Библиографические ссылки

1. Волосатова Е. Б. Проблемы «профессионального выгорания» в фитнес-индустрии // Вестник спорта и здоровья. – 2010. – С. 71–74. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-professionalnogo-vygoraniya-v-fitness-industrii>
2. Баранова Е. Б. Профессиональное выгорание специалистов в сфере фитнеса // Научно-методический журнал «Физическая культура: воспитание, образование, тренировка». – 2011. – № 2. – С. 45–49. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-vygoranie-spetsialistov-v-sfere-fitnessa>
3. Подольский А. В. Эмоциональный интеллект тренеров как фактор профилактики профессионального выгорания // Психология труда и управление персоналом. – 2025. – Т. 7, № 4. – С. 56–62. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://publishing-vak.ru/file/archive-psychology-2025-7/a4-podolskii.pdf>
4. Садкова О. И. Проблемы профессионального выгорания в фитнес-индустрии с позиции оптимизации менеджмента // Вектор экономики. – 2020. – № 1 (37). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vectoreconomy.ru/images/publications/2020/1/economicsmanagement/Sadkova.pdf>
5. Никулина К. В. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и психологических состояний тренеров-инструкторов // Научная сеть (SciNetwork). – 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scinetwork.ru/articles/25817>
6. Синдром профессионального выгорания у фитнес-тренера и пути его преодоления // Портал Fitnesstrener.ru. – 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fitnesstrener.ru/blog/973-sindrom-professionalnogo-vygoraniya-u-fitness-trenera-i-puti-ego-preodoleniya>

© Костюк С.В., 2025

ПСИХОЛОГИЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СТРЕССА

Е. О. Кудрина

студент 3 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: kudrinae2005@mail.ru

И. В. Гудовский

доцент, СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

Статья посвящена теоретическому анализу и эмпирическому исследованию психологии принятия решений в условиях стресса. Рассмотрены уровни личностной и ситуативной тревожности, а также используемые стратегии совладания. Сделан вывод о высокой базовой эмоциональной устойчивости выборки при наличии выраженного ситуативного стресса и преобладании эмоционально-фокусированных стратегий. Предложены рекомендации для повышения эффективности решений.

Ключевые слова: психология принятия решений, стресс, тревожность, стратегии совладания.

The article is devoted to the theoretical analysis and empirical study of the psychology of decision-making under stress. The levels of personal and situational anxiety, as well as the coping strategies used, are considered. It is concluded that the sample has a high level of basic emotional stability, despite the presence of pronounced situational stress and the prevalence of emotionally focused strategies. Recommendations are proposed to improve the effectiveness of decision-making.

Keywords: decision-making psychology, stress, anxiety, coping strategies.

Современный мир характеризуется высокой степенью турбулентности, информационным перегрузом и частыми кризисами, такими как глобальные пандемии, экономические шоки, технологические сбои. В этих условиях люди сталкиваются с вынужденным принятием решений в условиях дефицита времени и неполной информации, что неизбежно сопряжено с высоким уровнем психологического давления. На фоне этого общего давления и неопределенности, особое внимание привлекают студенты, их мы и будем исследовать в данной статье.

Современная система высшего образования характеризуется жесткими временными рамками, постоянным информационным потоком и высокими требованиями к академической успеваемости. Студенты регулярно сталкиваются с острым стрессом во время сессий, защиты проектов и сдачи экзаменов, а также с хроническим стрессом, связанным с необходимостью совмещать учебу, работу и личную жизнь. В этих условиях решения, например выбор стратегии подготовки, распределение ресурсов, отказ от сна, часто принимаются под давлением, что может приводить к когнитивным искажениям, снижению качества усвоения материала и, в итоге, к академической неуспеваемости.

Для анализа этих процессов необходимо, прежде всего, рассмотреть понятия стресса, разработанные отечественными и зарубежными психологами.

Советский психолог Борис Герасимович Ананьев рассматривал стресс, как часть сложных жизненных ситуаций, требующих мобилизации всех ресурсов личности, который является важным фактором в формировании структуры личности и ее адапционных

возможностей [1]. Евгений Александрович Климов изучал стресс, как несоответствие между требованиями профессии и индивидуальными особенностями работника, что ведет к напряжению и снижению профессиональной пригодности [5]. Р.С. Немов определяет стресс в контексте психических состояний и эмоционально-волевой сферы, описывая его как реакцию организма на экстремальные воздействия (стрессоры), подчеркивая его фазы и влияние на деятельность, и здоровье [8]. В работах Л.Д. Столяренко, стресс рассматривается как психическое состояние, возникающее в ответ на угрозу, опасность или высокую ответственность. Он описывал механизмы психической устойчивости и способы управления стрессом для сохранения эффективности в критических ситуациях [11]. С точки зрения А.Н. Леонтьева, стресс возникает, когда цель деятельности не соответствует её мотиву, или когда внешние условия (стрессоры) препятствуют успешному выполнению действия. Преодоление стресса, согласно его подходу, связано с перестройкой деятельности и формированием новых, адекватных способов действия [6]. С.Л. Рубинштейн рассматривал психические состояния, включая напряжение и тревогу, через призму деятельностного подхода и принципа единства сознания и деятельности. Стресс, с его точки зрения, является отражением отношения субъекта к объективной реальности и возникает как реакция на значимые препятствия. Он подчеркивал роль личности в опосредовании внешних воздействий, так как реакция на стрессор зависит от мировоззрения, установок и уровня развития самосознания [9].

Джон Дьюи, американский философ и педагог, описывал стресс, как проблемную ситуацию в обучении как состояние напряжения, которое требует активного мышления и разрешения, что является необходимым условием для роста и обучения [4]. Хотя Уильям Джеймс работал задолго до того, как был введен термин «стресс», он описал механизм возникновения психического напряжения: это состояние возникает как интерпретация человеком своих первичных телесных реакций (таких как учащенное сердцебиение или мышечное напряжение), которые запускаются внешним воздействием (стрессором) [3]. Эбрахам Маслоу считал, что стресс возникает, когда базовые потребности (безопасность, принадлежность) находятся под угрозой [7].

Учитывая многообразие психологических взглядов на определение «стресс», мы принимаем за основу в данной работе понимание стресса как комплексное, многоуровневое состояние психического и физиологического напряжения, возникающее в ответ на значимые внешние или внутренние требования (стрессоры), которые воспринимаются индивидом как угрожающие, превышающие его адаптационные возможности или нарушающие его внутреннее равновесие.

Психология принятия решений оперирует множеством теорий, которые охватывают широкий спектр аспектов выбора: от того, как мы обрабатываем информацию (когнитивные аспекты) и как на нас влияют чувства (эмоциональные аспекты), до влияния окружения (социальные аспекты). Эти модели делятся на две основные категории: дескриптивные, которые стремятся точно описать, как люди фактически мыслят и выбирают, и прескриптивные (или нормативные), которые устанавливают стандарты того, как решения должны приниматься для достижения максимальной рациональности [12].

Далее мы переходим к рассмотрению ключевых концепций и моделей принятия решений, которые легли в основу современной поведенческой науки.

Концепция ограниченной рациональности Герберта Саймона утверждает, что человеческое принятие решений ограничено когнитивными ресурсами – памятью, временем и способностью к обработке информации. В отличие от идеальной рациональности, люди не могут рассмотреть все возможные варианты для поиска оптимального решения. Вместо этого, они используют стратегию удовлетворения, при которой устанавливается минимальный, но приемлемый порог качества. Поиск прекращается, как только находится первый вариант, который является «достаточно

хорошим», что позволяет быстро принимать решения, не тратя бесконечное количество ресурсов на недостижимый идеал [10].

Теория перспектив, разработанная Даниэлем Канеманом и Амосом Тверски, является краеугольным камнем психологии принятия решений, поскольку она опровергает миф о рациональном выборе, демонстрируя, что наши решения основаны не на абсолютной ценности, а на психологическом восприятии изменений. В центре теории лежит принцип относительности – мы оцениваем результаты как выигрыши или потери относительно субъективной точки отсчета, а не как объективные конечные суммы. Ключевым психологическим феноменом является неприятие потерь, при котором негативное эмоциональное воздействие от потери в два раза сильнее позитивного чувства от эквивалентного выигрыша. Это искажение заставляет нас избегать рисков при потенциальном выигрыше и, наоборот, принимать чрезмерный риск, пытаясь избежать потерь. Наконец, эффект фрейминга показывает, что даже идентичная по содержанию информация, представленная в терминах выигрыша или потери, вызывает совершенно разные эмоциональные реакции и, следовательно, приводит к противоположным выборам, подчеркивая, что наше восприятие и формулировка проблемы доминируют над чистой логикой в процессе принятия решений [12].

Теория соматических маркеров Антонио Дамасио утверждает, что принятие решений не является чисто рациональным, а критически зависит от эмоциональных сигналов – физиологических реакций (соматических маркеров), ассоциированных с прошлым опытом. Эти маркеры служат интуитивными «подсказками», позволяя мозгу быстро отфильтровывать невыгодные варианты без длительного сознательного анализа. Люди с повреждением эмоциональных центров мозга, лишенные этих маркеров, демонстрируют неспособность принимать адекватные решения, что доказывает, что эмоции выступают как необходимые «быстрые фильтры» в процессе выбора [2].

В рамках теории социального суждения, разработанной Музафером Шерифом и его коллегами, утверждается, что восприятие и оценка новой информации всегда опосредованы существующими у индивида установками и убеждениями. Согласно этой модели, человек не просто анализирует сообщение, а немедленно соотносит его со своей личной позицией, определяя, попадает ли оно в его зону принятия, то есть идеям, соответствующим собственным взглядам, зону неприятия, то есть идеям, категорически противоречащие им, или зону безразличия. Таким образом, убедительность любого сообщения прямо пропорциональна его близости к индивидуальной «широте отношения», что демонстрирует, как субъективная оценка формирует процесс принятия или отвержения новых идей [13].

Переходя от теоретического осмысления к эмпирической проверке данных положений, для исследования психологии принятия решений в условиях стресса нами был применен комплекс диагностических методик. Для измерения ситуативной (реактивной) тревожности, которая резко возрастает перед принятием важного решения (например, перед экзаменом), и личностной тревожности использовалась методика «Шкала тревоги Спилбергера-Ханина», а для оценки стратегий, которые студенты используют для преодоления стрессовых ситуаций – методика «Способы совладающего поведения». В эмпирическом исследовании приняли участие 20 обучающихся 3 курса от 20 до 22 лет. Участники исследования являются студентами Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева.

Методика «Шкала тревоги Спилбергера-Ханина» позволяет дифференцировать два вида тревожности: ситуативную (реактивную) тревожность, отражающую временное состояние напряжения, беспокойства и нервозности в конкретной стрессовой ситуации; и личностную тревожность, представляющую собой устойчивую черту личности,

склонность воспринимать широкий круг ситуаций как угрожающие и реагировать на них тревогой.

Согласно полученным данным по уровню личностной тревожности, большинство испытуемых (50%) продемонстрировали низкий уровень личностной тревожности. Это свидетельствует о том, что половина выборки обладает высокой эмоциональной устойчивостью, спокойствием и уверенностью в себе. Эти люди склонны воспринимать большинство жизненных ситуаций как неопасные и не склонны к чрезмерному беспокойству. Значительная часть испытуемых (30%) имеет средний уровень личностной тревожности, что является нормой и указывает на адекватную чувствительность к потенциальным угрозам без чрезмерной склонности к тревожным реакциям. Оставшиеся 20% испытуемых с высоким уровнем личностной тревожности могут быть склонны воспринимать широкий спектр ситуаций как угрожающие, даже если объективных причин для этого нет. Высокая личностная тревожность часто проявляется с повышенной уязвимостью к стрессу и склонностью к развитию невротических расстройств.

Согласно полученным данным по уровню ситуативной тревожности, большинство испытуемых (40%) продемонстрировали низкий уровень ситуативной тревожности, что указывает на их спокойствие в момент проведения тестирования или в той ситуации, которая была актуальна для оценки. 30% имеют средний уровень ситуативной тревожности, что соответствует нормальной мобилизации ресурсов в ответ на умеренное внешнее давление. Оставшиеся 30% испытуемых продемонстрировали высокий уровень ситуативной тревожности, что свидетельствует о выраженном эмоциональном напряжении, беспокойстве и нервозности, переживаемых ими непосредственно в момент оценки.

Если обобщить полученные данные, то половина исследуемой выборки (50%) обладает высокой эмоциональной устойчивостью, то есть у них низкая личностная тревожность. Однако, не смотря на преобладание низкого уровня личностной тревожности, значительная часть испытуемых (30%) в данный момент находится в состоянии выраженного ситуативного стресса, то есть у них высокая ситуативная тревожность. Наличие 20% испытуемых с сочетанием высокой личностной тревожностью и высокой ситуативной тревожностью указывает на необходимость внимания к их психологическому состоянию, так как они наиболее подвержены влиянию стресса. В целом, результаты свидетельствуют о том, что хотя большинство испытуемых обладают хорошей базовой эмоциональной стабильностью, текущая ситуация или условия тестирования вызвали значительное реактивное напряжение у трети выборки.

Методика «Способы совладающего поведения» оценивает, какие стратегии индивиды используют для преодоления стрессовых ситуаций. Стратегии делятся на адаптивные (продуктивные) и неадаптивные (непродуктивные).

Согласно полученным данным, наиболее выраженной стратегией по выборам 50% испытуемых является положительная переоценка, что указывает на то, что большинство испытуемых склонны использовать адаптивные, эмоционально-фокусированные стратегии, направленные на изменение отношения к стрессовой ситуации, а не на прямое изменение самой ситуации. Второй по частоте адаптивной стратегией является поиск социальной поддержки, данную стратегию выбрали 30% испытуемых, что говорит о том, что значительная часть выборки активно обращается за помощью, советом или эмоциональной поддержкой к окружающим (друзьям, семье, коллегам). Несмотря на доминирование адаптивных стратегий, также наблюдается использование стратегий дистанцирования (30%) и бегства-избегания (20%), что указывает на то, что часть испытуемых в стрессовых ситуациях склонна к уходу от реальности или отрицанию проблемы, что может быть эффективно для краткосрочного снижения напряжения, но препятствует долгосрочному решению проблемы.

В целом, выборка демонстрирует преимущественное использование адаптивных, эмоционально-фокусированных стратегий совладания, с явным преобладанием Положительной переоценки. Это свидетельствует о том, что в целом испытуемые обладают хорошими механизмами психологической защиты и способны эффективно справляться со стрессом, используя когнитивные инструменты для сохранения эмоционального равновесия и поиска смысла в сложных ситуациях. Однако наличие неадаптивных стратегий у части испытуемых указывает на то, что в условиях сильного или хронического стресса они могут прибегать к избеганию проблемы.

По результатам анализа данных, полученных по двум методикам, можно сделать вывод, что выборка в целом демонстрирует когнитивную зрелость в совладании со стрессом, но при этом наблюдается значительный разброс в уровне эмоциональной устойчивости и актуального напряжения. Преобладание низкого уровня личностной тревожности (50%) в сочетании с доминированием адаптивной стратегии положительной переоценки свидетельствует о том, что большинство испытуемых обладают хорошей базовой эмоциональной стабильностью и склонны использовать развитые когнитивные механизмы для снижения эмоционального дискомфорта, находя смысл и возможности для роста в сложных ситуациях. Однако, значительная часть выборки (30%) находится в состоянии острого ситуативного напряжения, то есть у них высокая ситуативная тревожность, что указывает на то, что текущие внешние требования превышают их адаптационные возможности в данный момент. Более того, наличие 20% испытуемых с высокой личностной тревожностью и ситуативной тревожностью, а также использование неадаптивных стратегий, таких как дистанцирование и бегство-избегание, у части выборки, свидетельствует о том, что не все испытуемые эффективно справляются с непосредственным эмоциональным воздействием стресса, предпочитая уход от проблемы ее активному решению.

Именно поэтому, испытуемым можно рекомендовать направления работы для повышения стрессоустойчивости, такие как: освоение техники прямого управления стрессом и эмоциональной саморегуляции, через регулярную практику релаксации, дыхательных упражнений и осознанности для снижения общего уровня фоновой тревожности и повышения порога чувствительности к стрессорам; смещение фокуса внимания с эмоционально-фокусированных стратегий на проблемно-фокусированные, через развитие навыков планирования, анализа и активного решения проблем, что позволит перейти от пассивного ухода от стресса к конструктивным действиям, что в долгосрочной перспективе снизит частоту возникновения острой ситуативной тревоги, а также рекомендуется не только использовать окружение для эмоциональной разрядки, но и активно запрашивать конкретную, инструментальную помощь (совет, информацию) для повышения эффективности решения проблем.

Библиографические ссылки

1. Ананьев, Б.Г. Личность, субъект деятельности, индивидуальность. – М.: Директ-Медиа, 2008. – Текст: непосредственный.
2. Дамасио А. Р. Как мозг создает разум // Scientific American. – 1999. – Т. 281, № 6. – С. 74–79. – Текст: электронный.
3. Джеймс У. Психология / Под. ред. А. Е. Крылова; Пер. с англ. И. И. Лапшина, М., 2018 – Текст: электронный.
4. Дьюи Дж. Школа и общество / Дж. Дьюи. – М.: Госиздат, 1924. – 168 с. – Текст: непосредственный.

5. Климов, Е. А. Психология труда, как область знания, отрасль науки, учебная дисциплина и профессия // Вопросы психологии. 1983. № 1. С. 102–108. – Текст: непосредственный.
6. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – М.: МГУ, 1981. – 584 с. – Текст: электронный.
7. Маслоу А. Х., Теория мотивации: биологические причины значения жизни, Гуманистика, Психология, 1967, 316 с. – Текст: электронный. Cluedo (Клуэдо): детективная игра / IntelToys // IntelToys.ru – 2023. – URL: <https://inteltoys.ru/articles/cat7/article689.html> – Текст электронный.
8. Немов Р. С. Психология: учебник для бакалавров / Р. С. Немов. – М.: Издательство Юрайт. – 2015. - 639 с. – Текст: непосредственный.
9. Рубинштейн, С. Л. Психология: В 2 т. / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской. – М.: Издательство «Смысл», 2010. – Текст: электронный.
10. Саймон Г. А. Теория принятия решений в экономической теории и в науке о поведении // Вехи экономической мысли. Т. 2. Теория фирмы / Под ред. В. М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 2000. – С. 54 – 72. – Текст: непосредственный.
11. Столяренко Л.Д. Основы психологии: учеб. Пособие. – Ростов-н/Д.: Феникс, 2003. – 672 с. – Текст: непосредственный.
12. Тверски А., Канеман Д. Достижения в теории перспектив: Кумулятивное представление неопределенности // Journal of Risk and Uncertainty. – 1992. – Vol. 5. – P. 297–323. – Текст: электронный.
- 13 Шериф М. Кризис в социальной психологии: некоторые замечания о том, как преодолеть кризис // Бюллетень по психологии личности и социальной психологии. – 1977. – Т. 3, № 3. – С. 368–382. – Текст: электронный.

© Кудрина Е.О., Гудовский И.В., 2025

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОДОБРЕНИЯ НА САМООЦЕНКУ

Е. О. Кудрина

студент 3 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: kudrinae2005@mail.ru

Я. В. Савченко

студент 3 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

А. М. Портнягина

старший преподаватель, СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

Статья посвящена изучению влияния социального одобрения на формирование и динамику самооценки личности. В работе рассматриваются различные аспекты понятий «самооценка» и «социальное одобрение», плюсы и минусы, процессы влияния, а также представлены результаты проведенного исследования по данному вопросу.

Ключевые слова: самооценка, социальное одобрение, механизмы влияния на самооценку, поведение человека.

The article is devoted to the study of the influence of social approval on the formation and dynamics of self-esteem. The paper examines various aspects of the concepts of «self-esteem» and «social approval», the pros and cons, the processes of influence, and presents the results of a study on this issue.

Keywords: self-esteem, social approval, mechanisms of influence on self-esteem, human behavior.

В современное время, когда все стремятся к успеху и постоянно сравнивают себя с другими, умение правильно оценивать себя становится особенно важным. Ведь самооценка, как компас, направляет нас в жизни, влияет на то, чего мы хотим достичь и как себя ведем. О самооценке написано немало, мы до сих пор не до конца понимаем, как на нее влияет мнение окружающих, их похвала или критика. Особенно не хватает простых способов измерить это влияние, чтобы помочь людям стать увереннее в себе. Для того чтобы создать условия, в которых каждый сможет поверить в свои силы и не сломаться под давлением, нам нужно лучше разобраться, как именно одобрение окружающих формирует нашу самооценку. Именно поэтому, предваряя наше исследование, направленное на понимание влияния социального одобрения на самооценку, целесообразно рассмотреть теоретические основы этого понятия, предложенные зарубежными и отечественными психологами.

Карл Роджерс, американский психолог, один из создателей и лидеров гуманистической психологии, изучал самооценку, как структуру восприятия, представлений человека о самом себе, включающую как осознаваемые, так и неосознаваемые аспекты. Важным фактором является соответствие между реальным «Я» и идеальным «Я» [1]. Уильям Джеймс, известный американский философ и психолог описал самооценку, как отношение человека к самому себе, возникающее в результате сравнения реального «Я» с идеальным «Я» [4]. Согласно теории самоэффективности, Альберт Бандура исследовал самооценку, как убеждение человека в своей способности успешно

выполнить определенную задачу или достичь определенной цели [2]. Алексей Леонтьев, советский психолог, философ, педагог и организатор науки, считал, что самооценка является компонентом личностного смысла и формируется на основе деятельности и ее результатов [3]. Лев Семенович Выготский, выдающийся советский психолог и педагог, утверждал, что самооценка формируется в процессе социального взаимодействия и интериоризации оценок окружающих [5].

Поскольку самооценка формируется не в вакууме, а в процессе взаимодействия с окружающим миром, необходимо рассмотреть понятие «социальное одобрение», которое играет ключевую роль в этом процессе.

Согласно Карлу Роджерсу и его гуманистическому подходу, социальное одобрение, проявляющееся в форме безусловного позитивного внимания, является фундаментом для формирования здоровой самооценки [1]. Такое одобрение, принимающее человека независимо от его конкретных поступков и качеств, создает чувство безусловного принятия, ценности и значимости, что позволяет индивиду развиваться в соответствии со своим потенциалом.

В рамках социально-когнитивной теории Альберта Бандуры, социальное одобрение рассматривается как викарное подкрепление, когда человек, наблюдая за одобрением других за определенные действия, повышает свою уверенность в себе и веру в собственные способности выполнить аналогичные действия, тем самым увеличивая свою самоэффективность и, как следствие, самооценку [2]. То есть, социальное одобрение является формой социального научения, позволяющей усвоить ценность и эффективность определенных действий, что способствует формированию чувства компетентности и уверенности в себе.

Согласно теории зеркального «Я» Чарльза Кули, самооценка формируется на основе того, как человек воспринимает, что его видят другие [6]. Таким образом, социальное одобрение, понимаемое как восприятие индивидом положительной оценки его качеств и поступков со стороны окружающих, оказывает непосредственное влияние на формирование позитивной самооценки.

В рамках символического интеракционизма Джорджа Герберта Мида, социальное одобрение рассматривается как ключевой механизм социализации, посредством которого индивид усваивает общественные нормы и ценности [7]. Соответствие этим нормам и успешная социализация приводят к положительной оценке и признанию со стороны общества, что, в свою очередь, повышает самооценку. Таким образом, социальное одобрение выступает в качестве подтверждения соответствия индивида общественным требованиям, выражающегося в позитивных реакциях окружающих.

С точки зрения бихевиоризма Б.Ф. Скиннера, социальное одобрение выступает как положительное подкрепление, усиливающее вероятность повторения одобренного поведения [8]. Повторяющееся успешное поведение, подкрепляемое социальным одобрением, способствует повышению чувства компетентности и, как следствие, положительному самовосприятию и росту самооценки. Следовательно, социальное одобрение – это положительное подкрепление со стороны окружающих, которое способствует формированию желаемого поведения и положительного образа себя.

Рассмотрев различные теоретические подходы к определению самооценки и социального одобрения, закономерно возникает вопрос: каким образом социальное одобрение, выражающееся в позитивной оценке и признании, влияет на формирование и поддержание самооценки личности?

Начнем с того, что социальное одобрение состоит из множества факторов, таких как: физические, профессиональные, социальные, психологические качества; социальный статус, способности и таланты, количество материальных благ, количество социальных контактов и другие [6]. Желание добиться социального одобрения является естественной

частью нашей склонности к взаимодействию с другими людьми. Как социальные существа, мы находимся в постоянном взаимодействии с обществом, и отношения с другими людьми оказывают значительное влияние на формирование нашей идентичности и восприятие себя. Социальные взаимодействия помогают нам понять свою роль в мире и определить, как нас воспринимают окружающие. Получение одобрения от окружающих может значительно повысить нашу самооценку, создавая чувство значимости и принадлежности. Когда мы чувствуем поддержку со стороны друзей, семьи или коллег, это позволяет нам ощутить свою ценность как личности. Мы стремимся к признанию и уважению, поскольку это укрепляет нашу уверенность в себе и способствует позитивному восприятию своего места в обществе.

Однако важно отметить, что чрезмерная зависимость от социального одобрения может привести к негативным последствиям. Когда мы начинаем слишком сильно сосредотачиваться на мнении других, это может ограничивать индивидуальность и мешать принимать собственные решения. Важно находить баланс между поиском признания и самовыражением, чтобы сохранять аутентичность и чувствовать себя комфортно в своей коже. Несмотря на потенциальные негативные последствия, социальное одобрение также может иметь много положительных эффектов.

Положительные отзывы и похвала могут вдохновить нас на новые достижения, расширение кругозора и самосовершенствование. Одобрение со стороны помогает укреплять социальные связи и отношения, повышая уровень доверия и взаимопонимания. Позитивные реакции со стороны окружающих могут улучшить настроение и повышать общее чувство счастья. В конечном итоге, стремление к социальному одобрению отражает наш человеческий инстинкт к взаимодействию и связи с другими. Оно может стать источником мотивации, укрепляющим наше развитие и личностный рост, если мы сможем управлять этим желанием и не позволим ему определять всю нашу жизнь.

Для исследования влияния социального одобрения на самооценку была использована методика «Оценка потребности в одобрении Марлоу-Крауна». В исследовании участвовали 35 студентов второго курса психолого-педагогического направления. Эта методика позволила оценить уровень самооценки и желания получить одобрение окружающих в отношении своих слов и поступков [10].

В результате исследования было выявлено, что большинство испытуемых имеют потребность в одобрении со стороны окружающих (рис 1):

- высокий уровень (40%) – эти участники склонны сильно зависеть от мнения окружающих, их самооценка во многом формируется под влиянием внешней оценки. Они часто ищут одобрения и подстраиваются под ожидания группы.

- средний уровень (34%) – умеренная потребность в социальном одобрении. Они умеют находить баланс между собственным мнением и мнением окружающих, реагируют на социальное влияние в определенных ситуациях, но при этом остаются достаточно независимыми.

- низкий уровень (26%) – ценят свои убеждения выше мнения окружающих, демонстрируют независимость и конфликтность. Они не склонны поддаваться социальному влиянию, не стремятся к подражанию и предпочитают строить свою самооценку на внутренней уверенности.

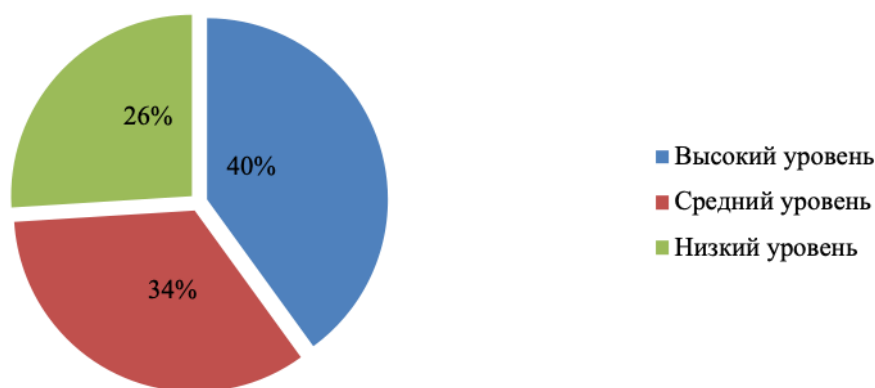

Рисунок 1 – Результаты методики «Оценка потребности в одобрении Марлоу-Крауна»

Результаты показывают, что среди участников существует значительный разброс в уровне зависимости от социального одобрения. Часть из них склонна сильно реагировать на мнение окружающих, что делает их более уязвимыми к внешнему влиянию и требует развития внутренней уверенности и самостоятельности. В то же время, есть те, кто ценит собственные убеждения и демонстрирует независимость, что помогает им сохранять стабильную самооценку независимо от внешних оценок. Такой разброс подчеркивает важность работы над личностной устойчивостью и развитием внутренней самооценки у всех участников.

Далее, для выявления у респондентов уровня самооценки, была проведена методика «Изучение общей самооценки» Г.Н. Казанцевой. Методика позволяет выявить уровень самооценки личности (рис 2):

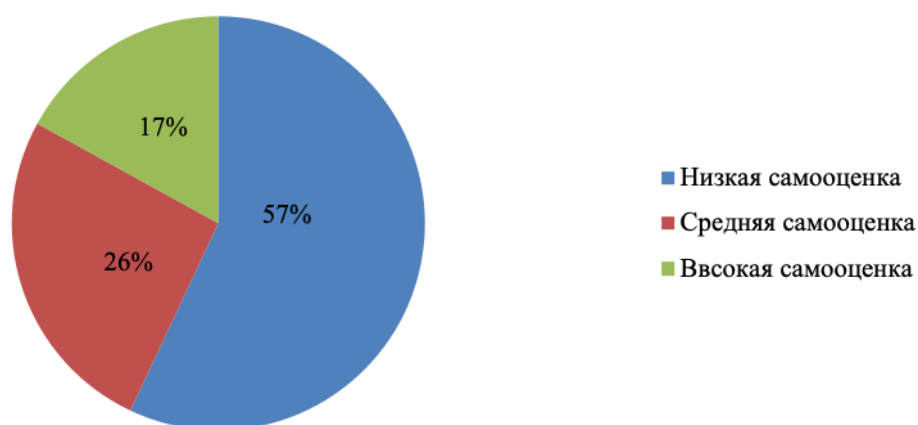

Рисунок 2 – Результаты методики «Изучение общей самооценки» Г.Н. Казанцевой

Большая часть участников (57%) испытывает сложности с уверенностью в себе и склонна сомневаться в своих возможностях, что говорит о преобладании низкой самооценки. Эти люди часто воспринимают себя критичнее, чем есть на самом деле, и им сложнее ставить перед собой амбициозные цели. Менее трети (26%) имеют среднюю

самооценку, они достаточно реально оценивают свои достоинства и недостатки, умеют адаптироваться и реагировать на обстоятельства. Маленький процент (17%) демонстрирует высокую самооценку, которая у них зачастую может перерасти в излишнюю самоуверенность, что иногда вызывает конфликты и недопонимания с окружающими.

Большинство участников борются с низкой самооценкой, что требует особого внимания для развития внутренней уверенности и позитивного восприятия себя. Важно работать над тем, чтобы такие люди научились ценить свои достижения и воспринимать критику конструктивно. Небольшая часть с сбалансированной или высокой самооценкой показывает, что внутри них есть потенциал к гармоничному развитию.

На основе данных обеих методик можно сделать вывод, что у большинства участников наблюдается значительный уровень внутренней неопределенности и низкой уверенности в себе. Особенно ярко выражена низкая самооценка, которая у более половины респондентов достигает критических значений. Это говорит о том, что многие из них испытывают сложности с принятием себя, сомневаются в своих возможностях и часто ищут подтверждение со стороны окружающих. В то же время, уровень социального одобрения у участников варьируется, но в целом большинство склонно зависеть от мнений окружающих, что еще больше усугубляет их внутреннюю неуверенность.

Таким образом, наше исследование показывает, что у большинства людей в нашем мире наблюдается низкая внутренняя уверенность и сильная потребность во внешнем подтверждении своей ценности.

Библиографические ссылки

1. Бандура, А. Теория социального научения. - СПб.: Евразия, 2000. - 320 с. - Текст: непосредственный.
2. Выготский, Л. С. Психология искусства / Общ. ред. В. В. Иванова; коммент. Л. С. Выготского и В. В. Иванова; вступит. ст. А. Н. Леонтьева. 3-е изд. - М.: Искусство, 1986. - 573 с. - Текст: непосредственный.
3. Джеймс, У. Психология / Под.ред. А.Е. Крылова; Пер. с англ. И.И. Лапшина, М., 2018 – Текст: электронный.
4. Кули, Ч.Х. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социальной психологии; сост. и переводчик В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2019. – 234 с. –Текст: непосредственный.
5. Карелин, А. Большая энциклопедия психологических тестов. - М.: Эксмо, 2007. - 416 с.
6. Леонтьев, А.Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – М.: МГУ, 1981. – 584 с. – Текст: электронный.
7. Мид, Дж. Г. Разум, ЯиОбщество (Mind, Self, and Society). - Chicago: University of Chicago Press, 1934. - Текст: непосредственный.
8. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. - М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. - 480 с. - Текст: непосредственный.
9. Самосват О.И., Никишина В.Б. Особенности коммуникативного поведения подростков под влиянием поиска социального одобрения в социальных сетях// Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления / отв. ред. Ю.А. Зубок. – Воронеж: ООО «ПТ», 2015. – С.149-156.
10. Скиннер, Б.Ф. О бихевиоризме / пер. с англ. И. В. Митрофанова. – М.: Эксмо, 2023. – 336 с. - Текст: непосредственный.

САМОРЕГУЛЯЦИЯ И МОТИВАЦИЯ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. О. Кудрина

студент 3 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: kudrinae2005@mail.ru

Д. Н. Девятловский

профессор, СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

Статья посвящена теоретическому анализу и эмпирическому исследованию взаимосвязи саморегуляции и мотивации в профессиональной деятельности студентов. Рассмотрены ключевые аспекты данных понятий и их роль в эффективности учебно-профессиональной активности. Проведено исследование и сделан вывод о значительном влиянии гармоничного развития саморегуляции и мотивации на успешность студентов и предложены практические рекомендации.

Ключевые слова: саморегуляция, мотивация, профессиональная деятельность, студенты, эффективность.

The article is devoted to the theoretical analysis and empirical study of the relationship between self-regulation and motivation in the professional activities of students. The key aspects of these concepts and their role in the effectiveness of educational and professional activities are considered. The study concludes that the harmonious development of self-regulation and motivation has a significant impact on the success of students, and practical recommendations are proposed.

Keywords: self-regulation, motivation, professional activity, students, and efficiency.

В современном мире, характеризующемся высокой динамикой изменений и возрастающей конкуренцией, личная эффективность становится ключевым фактором успеха практически в любой сфере деятельности – будь то учеба, работа, хобби или личная жизнь. В условиях постоянной неопределенности и быстро меняющихся требований к специалистам присутствует недостаточная сформированность навыков самоорганизации, низкая устойчивость к стрессам, отсутствие четких целей и внутренней мотивации, что в результате приводит к прокрастинации, снижению успеваемости, неудовлетворенности работой и, в конечном итоге, к снижению общей эффективности деятельности. Чтобы этого избежать, требуются не только когнитивные способности, но и высокий уровень внутренних резервов. Именно саморегуляция и мотивация выступают в качестве тех регуляторных механизмов, которые позволяют человеку успешно справляться с вызовами, эффективно использовать свой потенциал и достигать поставленных задач.

Для понимания механизмов успешного преодоления профессиональных вызовов и эффективного управления ресурсами необходимо обратиться к теоретическим основам саморегуляции, разработанным ведущими зарубежными и отечественными психологами.

Советский психолог Лев Семёнович Выготский рассматривал саморегуляцию как высшую психическую функцию, возникающую в процессе культурного развития и опосредованную использованием знаков и символов [3]. Р.С. Немов рассматривал саморегуляцию как важный компонент психической регуляции поведения и деятельности человека. Он подчёркивал роль осознания целей, планирования, контроля и оценки

результатов, а также волевых усилий для достижения успеха [11]. А.К. Маркова рассматривала саморегуляцию как важный компонент учебной деятельности и профессионального развития. Она подчёркивала роль осознания целей обучения, планирования, контроля и оценки результатов для эффективного усвоения знаний и формирования профессиональных компетенций [9].

Уильям Джеймс, известный американский философ и психолог, описал саморегуляцию как способность человека направлять своё внимание, удерживать намерения и преодолевать препятствия для достижения поставленных целей [5]. Эбрахам Маслоу предполагал, что саморегуляция является осознанием и принятием себя, развитием своих способностей и стремлением к самосовершенствованию [10].

Учитывая многообразие психологических взглядов на саморегуляцию, которую в нашей работе мы будем трактовать как сознательное управление человеком своими мыслями, чувствами и поведением, направленное на достижение поставленных целей и адаптацию к изменяющимся условиям, не менее важным представляется дальнейшее рассмотрение теоретических основ понятия мотивации, предложенных как зарубежными, так и отечественными психологами.

Джон Дьюи был американским философом, психологом и педагогом, известным своим вкладом в теорию прагматизма и прогрессивного образования. Он считал, что мотивация является основным фактором в обучении, и утверждал, что настоящая мотивация возникает изнутри, а не извне [6]. Уильям Джеймс объяснил мотивацию как направленность поведения и мышления на достижение определенных целей [5]. Американский психолог Эбрахам Маслоу определил мотивацию как стремление к самореализации и удовлетворению основных потребностей человека [10].

Советский и российский психолог С. Е. Занюк рассматривал мотивацию как сложную динамическую систему, включающую в себя различные виды мотивов и побуждений, которые иницируют, направляют и поддерживают целенаправленную активность человека [7]. К. К. Платонов считал мотивацию одним из основных понятий психологии, определяя ее как совокупность побуждений, вызывающих активность организма и определяющих ее направленность [12]. А. Н. Леонтьев, посвятив долгое время разработке проблем мотивации в психологии, вводит понятие личностного смысла деятельности и приходит к выводу о том, что «формирование личности человека находит своё психологическое выражение в развитии её мотивационной сферы» [8]. Т. А. Бакшаева рассматривала мотивацию как совокупность побуждений, вызывающих активность человека и определяющих ее направленность и интенсивность [1]. По мнению Х. Хекхаузена, мотивация – это взаимодействие трех основных факторов: личностного, ситуационного и мотива, соотносящихся между собой посредством механизма когнитивных умозаключений [14]. Р.С. Немов определяет мотивацию как совокупность причин психологического характера, объясняющих поведение человека, его начало, направленность и активность [11]. По мнению Л. Д. Столяренко, мотивация – это совокупность внутренних и внешних движущих сил, побуждающих человека к деятельности, придающих этой деятельности определенную направленность, организованность, устойчивость и интенсивность [13]. Л.И. Божович считала, что мотивация является ключевым фактором в развитии личности и что она тесно связана с социальным взаимодействием и принятием норм общества [2].

На фоне множества определений мотивации, свидетельствующих о разнообразии теоретических подходов к её изучению, мы принимаем за основу в данной работе понимание мотивации как совокупности внутренних сил, побуждающих человека к активности и определяющих направленность его действий.

Мы узнали, что мотивация бывает разных видов. Эдвард Л. Дисси и Ричард М. Райан разделили мотивацию на внешнюю и внутреннюю. Внешняя мотивация – это мотивация,

которая не связана с содержанием какой-то деятельности, а обусловлена внешними для человека обстоятельствами. Внутренняя мотивация – это мотивация, связанная с содержанием деятельности, но не с внешними обстоятельствами [4].

Эдвард Диси считал, что когда желаемые потребности удовлетворяются, люди испытывают внутреннюю мотивацию, что означает, что они участвуют в действиях ради собственного удовольствия и удовлетворения. Когда желаемые потребности не удовлетворяются, люди испытывают внешнюю мотивацию, что означает, что они участвуют в действиях ради внешних вознаграждений или для избегания наказаний. К тому же Диси, также как и Ричард Райан, утверждал, что внутренняя мотивация сильнее и устойчивее, чем внешняя мотивация. Когда люди внутренне мотивированы, они более склонны прикладывать усилия, быть настойчивыми и достигать более высоких результатов. Также Райн считал, что внешняя мотивация может подорвать внутреннюю мотивацию, если она используется чрезмерно или ненадлежащим образом.

Абрахам Маслоу выделил концепцию положительной и отрицательной мотивации для объяснения того, какие факторы способствуют нашему поведению. Положительная мотивация – это мотивация, основанная на положительных стимулах. Отрицательная мотивация – это мотивация, основанная на отрицательных стимулах [10].

Мы подчеркиваем, что для нашей статьи принципиально важным становится рассмотрение совместного влияния саморегуляции и мотивации, которые, будучи самостоятельными психологическими конструктами, функционируют не изолированно, а во взаимосвязи, оказывая воздействие на процесс и результат любой целенаправленной активности.

В контексте понимания человеческой активности и ее результативности мотивация выступает как фундаментальная движущая сила, некий внутренний импульс, который побуждает индивида к действию, определяет его направленность и интенсивность. Она отвечает на ключевые вопросы «почему» и «зачем» человек приступает к той или иной деятельности. Без адекватной мотивации, даже самые блестящие способности остаются нереализованным потенциалом, поскольку отсутствует внутренний импульс для преодоления инерции и начала сложного процесса. Если же деятельность инициируется под внешним давлением (например, страхом наказания или необходимостью соответствовать), она редко переходит в стадию глубокого освоения и вовлеченности. Это неизбежно снижает долгосрочную эффективность, препятствует формированию устойчивых знаний и навыков, и в конечном итоге ставит под сомнение ценность всех затраченных ресурсов.

Однако одной лишь мотивации, даже самой интенсивной, недостаточно для гарантированного достижения успеха. Важнейшую роль приобретает саморегуляция, как сложный процесс сознательного управления индивидом своими когнитивными, эмоциональными и поведенческими ресурсами. Её функция заключается в достижении поставленных целей и эффективной адаптации к изменяющимся условиям, отвечая, таким образом, на вопрос «как осуществляется деятельность». Истинная эффективность любой деятельности достигается не просто наличием этих факторов, а их взаимодополняющим взаимодействием. Мотивация задает общий вектор движения и обеспечивает необходимый энергетический потенциал, в то время как саморегуляция служит инструментом для рационального использования этого потенциала, направляя его по наиболее оптимальному и продуктивному пути.

Таким образом, достижение оптимальной эффективности в любой деятельности неразрывно связано с гармоничным развитием и взаимодействием мотивации и саморегуляции. Мотивация обеспечивает первичный стимул и энергетическую базу для действия, в то время как саморегуляция предоставляет необходимый инструментарий для управления этим процессом, способствуя адаптации к вызовам и планомерному

достижению поставленных целей. Формирование и совершенствование этих ключевых психологических механизмов является критически важным для успешной адаптации индивида и реализации его потенциала в разнообразных сферах жизни – от образования и профессиональной деятельности до личностного развития.

Переходя от теоретического осмысления к эмпирической проверке данных положений, для исследования влияния саморегуляции и мотивации на эффективность деятельности нами был применен комплекс диагностических методик. Для оценки стиля саморегуляции поведения использовалась методика «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой, а для диагностики учебной мотивации студентов – методика А. А. Реана и В. А. Якунина в модификации Н.Ц. Бадмаевой. В эмпирическом исследовании приняли участие 20 обучающихся 3 курса от 20 до 22 лет. Участники исследования являются студентами Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева.

Согласно данным, полученным по методике «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой, большинство участников (50 %) продемонстрировали средний уровень развития данного качества, в то время как высокий уровень общей саморегуляции был выявлен у 40 % опрошенных. Оставшиеся 10 % участников продемонстрировали низкий уровень общей саморегуляции. Данные результаты свидетельствуют о том, что в исследуемой выборке студентов в целом сформированы навыки произвольной регуляции поведения, однако потенциал для их дальнейшего развития и совершенствования безусловно присутствует. Наличие значительной группы студентов (40 %) с высоким уровнем саморегуляции указывает на сформированную способность к планированию, мониторингу, оценке и коррекции своей деятельности, что является важным фактором эффективной деятельности.

Анализ учебной мотивации студентов, проведенный с использованием методики А. А. Реана и В. А. Якунина в модификации Н. Ц. Бадмаевой, показал преобладание профессиональных (40 % выборки) и творческих (40 % выборки) мотивов. Коммуникативные мотивы оказались значимыми для 20% участников. В то же время, социальные мотивы, мотив престижа, мотивы избегания и учебно-познавательные мотивы либо отсутствовали, либо были слабо выражены у большинства опрошенных. Эти результаты свидетельствуют о том, что для большинства студентов исследуемой выборки определяющими в учебной деятельности являются стремление к будущей профессиональной реализации и потребность в творческом самовыражении. Ориентация на профессиональные мотивы может способствовать более ответственному и осознанному отношению к учебному процессу, выбору дисциплин и профессиональному самоопределению. Выраженность мотива творческой самореализации указывает на стремление к инновациям, нестандартным решениям и самосовершенствованию. Меньшая значимость социальных мотивов и мотивов избегания может говорить о достаточно зрелой и автономной мотивационной сфере студентов.

По результатам анализа данных, полученных по двум методикам, была предпринята попытка соотнести уровень общей саморегуляции с преобладающим типом мотивации у каждого испытуемого. У опрошенных, демонстрирующих высокий уровень общей саморегуляции (40%), наблюдается четкое распределение мотивации: 20 % из них ориентированы на профессиональные мотивы, а оставшиеся 20 % – на мотив творческой самореализации. Это свидетельствует о том, что высокий уровень саморегуляции может служить прочной основой как для целенаправленного движения к карьерным целям, так и для структурированной реализации творческого потенциала. Индивиды, обладающие высоким уровнем саморегуляции, демонстрируют критически важные метакогнитивные функции, которые служат основой для достижения сложных и долгосрочных целей. Их способность к эффективному планированию и последующему осуществлению

необходимых шагов значительно возрастает, охватывая как строго структурированные профессиональные амбиции, так и более непредсказуемые творческие начинания.

Среди испытуемых со средним уровнем общей саморегуляции (50 %) структура мотивации более разнообразна. 20 % из них преимущественно ориентированы на профессиональные мотивы, другие 20 % – на коммуникативные мотивы, и 10 % – на мотив творческой самореализации. Такая картина может указывать на то, что средний уровень саморегуляции предоставляет достаточную гибкость для реализации различных мотивационных стратегий, но может не всегда способствовать их максимальной эффективности. Разнообразие мотивов при среднем уровне саморегуляции может свидетельствовать о периоде активного поиска или адаптации, где человек еще не выработал до конца оптимальные пути реализации своих потребностей.

Особый интерес представляют испытуемые с низким уровнем общей саморегуляции (10 %), у которых доминирует мотив творческой самореализации. Этот единичный случай, хоть и не позволяет делать широких обобщений, тем не менее, может послужить основой для гипотезы о том, что в некоторых случаях сильный внутренний мотив, такой как потребность в творческом самовыражении, может выступать в качестве компенсаторного механизма, побуждая к деятельности даже при недостаточных навыках самоорганизации. Однако возникает вопрос о стабильности и качестве такой деятельности в долгосрочной перспективе без соответствующего развития саморегулирующих функций. Это может привести к чрезмерной зависимости от внешнего контроля или к непредсказуемым колебаниям результатов. Следовательно, критически важно разработать и внедрить надежные механизмы внутреннего управления и этические стандарты, которые обеспечат устойчивость и доверие.

Таким образом, полученные результаты двух методик в совокупности позволяют предположить, что высокий уровень саморегуляции наиболее часто ассоциируется с четко выраженными и целенаправленными мотивами (профессиональными или творческими), что, вероятно, обеспечивает более продуктивный и устойчивый путь к достижению целей. Средний уровень саморегуляции демонстрирует большую вариативность в структуре мотивации, что может отражать гибкость или, напротив, некоторую неопределенность в выборе приоритетов. Низкий уровень саморегуляции, даже при наличии сильного мотива, может представлять вызов для стабильной и эффективной реализации деятельности, требуя дополнительной внешней поддержки или развития внутренних регуляторных механизмов.

Это подтверждает изначальное теоретическое предположение о взаимодополняющем взаимодействии мотивации и саморегуляции, где каждый компонент вносит уникальный вклад в общую эффективность деятельности, а их гармоничное развитие является ключом к эффективной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Бакшаева Н. А., Вербицкий А. А. Психология мотивации студентов. - СПб.: Питер, 2011. - 304 с. – Текст: непосредственный.
2. Божович Л. И. Проблемы формирования личности: Избр. психол. тр. / Под ред. Д.П. Фельдштейна; Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. - 3-е изд. - М.: МИСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011 – Текст: непосредственный.
3. Выготский Л. С. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 2. – М.: 1982. – 504 с. – Текст: непосредственный.
4. Деси Э.Л., Кестнер Р., Райан Р.М. Подрывающий эффект, в конце концов, реальность: Внешние вознаграждения, интерес к задаче и самоопределение // Психологический вестник. 1999, том 125, с. 692-700 – Текст: непосредственный.

5. Джеймс У. Психология / Под. ред. А. Е. Крылова; Пер. с англ. И. И. Лапшина, М., 2018 – Текст: электронный.
6. Дьюи Дж. Школа и общество / Дж. Дьюи. – М.: Госиздат, 1924. – 168 с. – Текст: непосредственный.
7. Занюк С. Е. Психология мотивации. К.: Эльга-Н; Ника-Центр, 2001. 352с. – Текст: электронный.
8. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – М.: МГУ, 1981. – 584 с. – Текст: электронный.
9. Маркова А. К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте: учителя / А. К. Маркова. - М.: ИНФРА-М: Норма. 2016 – Текст: электронный.
10. Маслоу А. Х., Теория мотивации: биологические причины значения жизни, Гуманистика, Психология, 1967, 316 с. – Текст: электронный. Cluedo (Клуэдо): детективная игра / IntelToys // IntelToys.ru – 2023. – URL: <https://inteltoys.ru/articles/cat7/article689.html> - Текст электронный.
11. Немов Р. С. Психология: учебник для бакалавров / Р. С. Немов. – М.: Издательство Юрайт. - 2015. - 639 с. – Текст: непосредственный.
12. Платонов К. К. Структура и развитие личности. / К. К. Платонов - М.: Наука, 1986. – Текст: непосредственный.
13. Столяренко Л.Д. Основы психологии: учеб. Пособие. – Ростов-н/Д.: Феникс, 2003. – 672 с. – Текст: непосредственный.
14. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. – М.: Педагогика, 1986. - 632 с. – Текст: непосредственный.

©Кудрина Е.О., Девятловский Д.Н., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СОТРУДНИКОВ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Е.М.Кузина

студент 4 курса,

АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»,

г. Красноярск, Россия

E-mail: Miss_kuzina@bk.ru

С.С. Мешикова

Д-р. биол. н., доцент, профессор кафедры психологии

АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»,

г. Красноярск, Россия

E-mail: dixi-1972@yandex.ru

В статье проводится комплексный анализ проблемы профессионального выгорания среди сотрудников корпоративных служб безопасности - профессиональной группы, находящейся в зоне повышенного риска, но остающейся недостаточно изученной. На основе теоретического исследования раскрывается сущность синдрома выгорания через призму классической трехфакторной модели К. Маслач и отечественного подхода, рассматривающего его как форму профессиональной деформации. Детально исследуется специфика профессиональной деятельности службы безопасности, выявляющая уникальный комплекс стрессогенных факторов. В статье систематизированы и проанализированы ключевые детерминанты выгорания: организационно-управленческие, ролевые и личностные. Особое внимание уделяется практической значимости проблемы, заключающейся в прямом влиянии психологического состояния сотрудников на уровень экономической и репутационной безопасности компании.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, служба безопасности, эмоциональное истощение, деперсонализация, стресс, психологическое благополучие, охрана труда.

The article provides a comprehensive analysis of the problem of professional burnout among employees of corporate security services, a professional group that is at high risk, but remains insufficiently studied. Based on theoretical research, the essence of burnout syndrome is revealed through the prism of the classical three-factor model of K. Maslach and the domestic approach considering it as a form of professional deformation. The specifics of the professional activity of the security service are studied in detail, revealing a unique set of stress factors. The article systematizes and analyzes the key determinants of burnout: organizational, managerial, role and personal. Special attention is paid to the practical significance of the problem, which consists in the direct impact of the psychological state of employees on the level of economic and reputational security of the company.

Keywords: professional burnout, security service, emotional exhaustion, depersonalization, stress, psychological well-being, labor protection.

Профессиональная деятельность сотрудников службы безопасности представляет собой уникальный вид трудовой активности, характеризующийся исключительной интенсивностью и многогранностью психоэмоциональных нагрузок. Эта деятельность сопряжена с постоянным воздействием многочисленных стрессогенных факторов, что

ставит данную профессиональную группу в зону высокого риска развития синдрома профессионального выгорания. В условиях повышенной ответственности за жизнь и здоровье людей, материальные ценности и информационную безопасность организации, психологическое состояние сотрудников СБ становится критически важным не только для их личного благополучия, но и для эффективного функционирования всей защитной системы предприятия. Осознание этой взаимосвязи является первым шагом к разработке комплексной системы профилактики и сохранения психического здоровья персонала, от которого напрямую зависит уровень защищенности объекта.

Профессиональное выгорание не является синонимом обычной усталости или временного спада мотивации. Это сложный психологический феномен, имеющий статус синдрома. Наиболее операционализированной и широко признанной является трехфакторная модель, предложенная Кристиной Маслач. Согласно этой модели, выгорание состоит из трех взаимосвязанных компонентов, образующих порочный круг.

Первый и ключевой компонент - эмоциональное истощение. Он характеризуется чувством опустошенности, истощенности психоэмоциональных ресурсов. Сотрудник ощущает, что не может отдаваться работе так, как раньше, каждое взаимодействие требует от него колоссальных усилий. Это состояние хронической физической и психической усталости, которое не проходит после отдыха и может проявляться в повышенной раздражительности, нервозности и психосоматических нарушениях (бессонница, головные боли, снижение иммунитета).

Второй компонент – деперсонализация или цинизм. Это защитный механизм, который психика выстраивает для дистанцирования от источника стресса. Он проявляется в развитии негативного, бездушного, циничного отношения к клиентам, коллегам и самой работе. В контексте службы безопасности деперсонализация приобретает специфические черты: излишняя подозрительность, переходящая границы разумного; агрессивность и авторитарность в коммуникации; формальное, «роботизированное» выполнение обязанностей без учета человеческого фактора; скептицизм по отношению к ценностям компании и значимости собственного труда.

Третий компонент – редукция профессиональных достижений (ощущение собственной некомпетентности). Это самооценочный аспект синдрома, связанный с возникновением у работника чувства собственной некомпетентности, неуверенности в своих силах. Сотрудник начинает ощущать, что он ничего не достиг, не может эффективно справляться с задачами, перестает видеть смысл в своей работе. Снижается продуктивность, мотивация к развитию, появляется чувство безысходности. Для охранника это может выражаться в убежденности, что его работа никому не нужна и от его действий ничего не зависит.

В отечественной психологической школе выгорание часто рассматривается в более широком контексте - как одна из форм профессиональной деформации личности. С этой точки зрения, это процесс негативного изменения сложившейся структуры деятельности и личности, который сказывается на труде и профессиональном общении. Таким образом, за симптомами выгорания стоят глубокие личностные изменения: сужение интересов, ригидность мышления, негативизм, обеднение эмоциональной сферы.

А.А. Баранов рассматривает феномен профессионального выгорания с позиции его влияния на профессиональную идентичность, отмечая, что оно «приводит к деформации профессиональной идентичности, снижению качества выполняемой работы и, как следствие, к росту числа ошибок и просчетов, стоимость которых в сфере безопасности может быть катастрофически высокой» [1, с. 45]. Это указывает на прямую связь между психологическим состоянием сотрудника и уровнем защищенности организации. Данный процесс усугубляется тем, что, как подчеркивает Э.Ф. Зеер, профессиональные деструкции носят кумулятивный характер – они накапливаются постепенно, подрывая

профессионально важные качества и приводя к устойчивым негативным изменениям в стиле деятельности и личности специалиста [5]. Изначально эти изменения могут быть компенсированы за счет волевых усилий, однако со временем происходит необратимая трансформация профессионального сознания, выражающаяся в утрате интереса к содержанию труда, формальном выполнении обязанностей и уходе от ответственности.

В профессиональной деятельности сотрудников службы безопасности происходят разнонаправленные процессы, комплексно способствующие развитию выгорания. С одной стороны, работники выполняют свои обязанности в условиях хронического психоэмоционального напряжения, что обусловлено необходимостью постоянной бдительности и готовности к немедленному реагированию на потенциальные угрозы. Эта необходимость поддерживать высокий уровень концентрации внимания и перцептивной чувствительности в течение длительного времени сама по себе является истощающим фактором. С другой стороны, сотрудники часто сталкиваются с монотонностью и рутинностью многих операций (многочасовое наблюдение за мониторами, плановые обходы территории, документальное оформление), что приводит к психическому пресыщению и произвольному снижению внимания. Л.А. Китаев-Смык, исследуя психологию стресса, указывает, что подобное сочетание высокого нервного напряжения с элементами монотонии создает «двойной прессинг» на психику, истощая адаптационные ресурсы быстрее, чем однородные по своему характеру стрессоры [7]. Человеческая психика эволюционно не приспособлена к длительному нахождению в состоянии «повышенной готовности» при отсутствии реальной физической активности, что создает внутренний конфликт и способствует накоплению стресса.

Сотрудники службы безопасности вынуждены адаптироваться к специфическим условиям труда, которые затрагивают несколько ключевых аспектов их профессионального и личностного функционирования. Этот процесс адаптации носит комплексный и непрерывный характер, требуя постоянной мобилизации ресурсов.

1. Адаптация к работе в условиях высокой ответственности и неопределенности. Постоянное осознание ответственности за жизнь и здоровье людей, а также за сохранность материальных ценностей создает устойчивое психологическое давление. Работа в условиях потенциальной угрозы требует непрерывной мобилизации психических ресурсов. В.А. Бодров уточняет, что развитие психологического стресса в таких условиях напрямую связано с оценкой человеком степени угрозы и его собственной способности противостоять ей, а хроническая неопределенность затрудняет формирование адекватной оценки, поддерживая стресс на высоком уровне [2]. Эта неопределенность проявляется в невозможности точно предсказать время и характер возможного инцидента, что заставляет сотрудника находиться в состоянии постоянного, хотя и не всегда осознаваемого, ожидания негативного события. Такое состояние, по мнению исследователей, является одним из наиболее деструктивных, так как препятствует полноценному психофизиологическому восстановлению даже в периоды отсутствия реальной опасности.

2. Адаптация к ненормированному графику и ночным дежурствам. Обеспечение круглосуточной охраны объекта приводит к систематическому нарушению естественных циркадных ритмов, что вызывает целый комплекс негативных последствий: хроническую усталость, стойкое снижение когнитивных функций (внимания, памяти, скорости реакции), повышение раздражительности и эмоциональной лабильности. Научно доказано, что работа в ночное время нарушает выработку мелатонина - гормона, регулирующего циклы сна и бодрствования и обладающего антиоксидантными свойствами. Длительный сбой этих биологических ритмов не только усугубляет психическое истощение, но и создает предпосылки для развития соматических заболеваний, что в совокупности снижает общий потенциал сопротивляемости стрессу.

3. Адаптация к необходимости ношения «профессиональной маски». Требование демонстрировать невозмутимость, уверенность и контроль в любой ситуации, независимо от внутреннего состояния, вступает в прямой конфликт с естественными человеческими эмоциями (страх, неуверенность, раздражение). Этот непрерывный самоконтроль и подавление спонтанных эмоциональных реакций порождает глубокий внутренний ролевой диссонанс и способствует интенсивному эмоциональному истощению. Сотрудник вынужден тратить значительные психические силы не только на выполнение непосредственных задач, но и на поддержание определенного имиджа, что удваивает психологическую нагрузку. Со временем это может привести к явлению деперсонализации, когда «маска» начинает преобладать над личностью, а эмоциональная сфера обедняется и формализуется.

Работа в службе безопасности требует наличия и постоянного поддержания особых качеств личности - развитой стрессоустойчивости, эмоциональной стабильности, умения управлять своим состоянием и высокой самоорганизованности. Е.П. Ильин, анализируя психологию индивидуальных различий, подчеркивает, что такие свойства нервной системы, как сила, подвижность и уравновешенность, являются природной основой для формирования стрессоустойчивости, однако далеко не все кандидаты изначально обладают оптимальным для данной работы психофизиологическим профилем [6]. Более того, даже изначально высокие показатели не гарантируют устойчивости к длительному хроническому стрессу, который действует подобно капле, точащей камень. Если в условиях обычной офисной работы психологическая разгрузка возможна через неформальное общение с коллегами, спонтанные перерывы и свободный обмен мнениями, то в строгой иерархической структуре СБ, где ценятся субординация, дисциплина и сдержанность, такие возможности для спонтанной эмоциональной разрядки часто ограничены или полностью отсутствуют. Это создает эффект «двойной изоляции» – профессиональной и социально-психологической.

В.В. Бойко описывает выгорание как «выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия» [3, с. 78]. В контексте службы безопасности это проявляется, прежде всего, в деперсонализации - развитии циничного, обезличенного отношения к коллегам и посетителям, что является защитной реакцией на хронический стресс и невозможность установления эмоционально насыщенных контактов в рабочей среде. Сотрудник начинает воспринимать людей не как личностей, а как потенциальные «источники угроз» или «элементы рабочего процесса», что позволяет ему дистанцироваться и снизить эмоциональную вовлеченность. Хотя на первых порах это может приносить облегчение, в долгосрочной перспективе такая стратегия ведет к глубокой личностной деформации, нарушению коммуникативных навыков и переносу стиля общения в личную жизнь.

О трудностях адаптации и системных рисках выгорания рассуждает С.В. Ковалев, отмечая, что «деятельность сотрудников служб безопасности протекает в условиях постоянной неопределенности и потенциальной угрозы, что является классической предпосылкой для дистресса» [9, с. 23]. Это состояние усугубляется целым рядом организационных факторов, таких как несправедливое распределение нагрузки между подразделениями, недостаток материальных и технических ресурсов для качественного выполнения задач, нечеткость должностных инструкций и, что особенно значимо, отсутствие конструктивной обратной связи и признания со стороны руководства. А.К. Маркова, рассматривая психологию профессионализма, добавляет, что отсутствие перспектив профессионального роста и карьерного развития, ощущение «застоя» способствуют потере мотивации и личностной деформации, что в значительной степени ускоряет процесс выгорания [8]. Сотрудник, не видящий признания своих усилий и

возможностей для роста, теряет смысловую связь со своей деятельностью, которая начинает восприниматься как бессмысленная и бесперспективная.

Специфика службы безопасности в совокупности с организационными факторами вызывает у сотрудников широкий спектр негативных психических состояний. В исследованиях, посвященных анализу психического состояния сотрудников силовых структур и охранных служб, отмечается, что люди испытывают хроническое психическое и физическое истощение, чувство профессиональной и личной несостоятельности, эмоциональную отчужденность, повышенную раздражительность и тревожность, устойчивое снижение мотивации к труду и, как закономерный итог, профессиональное выгорание [1; 2; 3; 4; 5; 9]. Эти симптомы не возникают внезапно, а формируются стадийно, начинаясь с повышенной вовлеченности и энтузиазма, которые постепенно сменяются разочарованием, апатией и эмоциональной опустошенностью. На конечных стадиях может наблюдаться полная утрата профессиональных интересов, цинизм и деструктивное поведение.

Н.Е. Водопьянова и Е.С. Старченкова отмечают и такую критически важную проблему, как редукция профессиональных достижений. Она может возникать в связи с тем, что сотрудник, несмотря на прилагаемые усилия, перестает видеть социальную значимость и ощущать конкретные, измеримые результаты своего труда, что приводит к чувству собственной некомпетентности и профессиональной бесполезности [4]. Так проявляется один из ключевых компонентов синдрома выгорания, когда работник утрачивает веру в свои силы и смысл профессиональной деятельности. Успешное предотвращение инцидентов, являющееся ключевым показателем эффективности в безопасности, по своей сути невидимо - его невозможно измерить и предъявить в качестве достижения. Отсутствие внешних признаков успеха, в отличие от многих других профессий, лишает сотрудника позитивного подкрепления и ощущения выполненного долга, создавая искаженное представление о собственной неэффективности.

Вышеописанные условия труда создают кумулятивный эффект рисков для возникновения и развития профессионального выгорания – сотрудники начинают чувствовать себя эмоционально опустошенными, циничными, их профессиональная эффективность неуклонно снижается, что напрямую и незамедлительно сказывается на общем уровне безопасности организации. Эрозия профессиональных навыков, снижение бдительности и пренебрежение процедурами становятся следствием глубокого психического неблагополучия, которое невозможно компенсировать административными мерами или ужесточением контроля.

Проблема профессионального выгорания в службе безопасности не является частным вопросом отдельного сотрудника. Это – системная организационная проблема, игнорирование которой ведет к прямым и измеримым потерям: снижению операционной эффективности, росту числа ошибок и инцидентов безопасности, увеличению текучести кадров, а в конечном счете – к финансовым и репутационным рискам для компании.

Следует отметить, что современные прогрессивные организации, осознавая всю остроту и системность данной проблемы, постепенно начинают внедрять комплексные меры, направленные на сохранение психического здоровья и поддержание долгосрочной работоспособности сотрудников службы безопасности. Выявленные негативные эффекты стали основанием для выработки многокомпонентных превентивных мер: внедрение программ психологической поддержки (включая индивидуальное консультирование и супервизии), проведение регулярных тренингов по стресс-менеджменту и эмоциональной саморегуляции, оптимизация графиков дежурств с учетом биологических ритмов, целенаправленное создание благоприятного организационного климата, основанного на взаимном уважении и поддержке, и налаживание системы регулярной конструктивной обратной связи от руководства [1; 4; 9]. Эти меры направлены не только на помощь уже

пострадавшим сотрудникам, но и на формирование проактивной организационной культуры, в которой психологическое благополучие персонала ценится как неотъемлемый и ключевой компонент общей системы безопасности предприятия, его стратегический ресурс.

Таким образом, в профессиональной деятельности сотрудников службы безопасности психологические аспекты имеют решающее, системообразующее значение. Специфика труда оказывает комплексное, многокомпонентное деструктивное воздействие на психологическое здоровье и личностное благополучие работников, закономерно вызывая хронический стресс и профессиональное выгорание. Сотрудники сталкиваются с необходимостью постоянной и ресурсозатратной адаптации к уникальным условиям высокой ответственности, ненормированного графика и непрерывного эмоционального давления, что в совокупности приводит к синдрому эмоционального истощения, деперсонализации межличностных отношений и устойчивому снижению профессиональной эффективности. Комплексный, системный подход к решению данной проблемы, включающий как индивидуальную психологическую поддержку и обучение навыкам саморегуляции, так и глубокие организационные изменения, направленные на гуманизацию трудового процесса, является не просто рекомендацией, а настоятельным требованием времени и залогом поддержания высокой работоспособности и психической устойчивости персонала, от которого в буквальном смысле зависит уровень защищенности и жизнеспособности предприятия в современном нестабильном мире.

Библиографические ссылки

1. Баранов, А. А. Профессиональный стресс и психическое выгорание в управленческой деятельности : монография / А. А. Баранов. – Москва : ИНФРА-М, 2018. – 156 с. – Текст: непосредственный.
2. Бодров, В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление / В. А. Бодров. – Москва : ПЕР СЭ, 2006. – 528 с. – Текст: непосредственный.
3. Бойко, В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / В. В. Бойко. – Санкт-Петербург : Питер, 1999. – 105 с. – Текст: непосредственный.
4. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2020. – 336 с. – Текст: непосредственный.
5. Зеер, Э. Ф. Психология профессиональных деструкций : учебное пособие для вузов / Э. Ф. Зеер. – Москва : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2005. – 240 с. – Текст: непосредственный.
6. Ильин, Е. П. Психология индивидуальных различий / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2011. – 701 с. – Текст: непосредственный.
7. Китаев-Смык, Л. А. Психология стресса. Психологическая антропология стресса / Л. А. Китаев-Смык. – Москва : Академический проект, 2009. – 943 с. – Текст: непосредственный.
8. Ковалев, С. В. Психология безопасности труда в организациях : учебное пособие для вузов / С. В. Ковалев. – Москва : Юрайт, 2019. – 189 с. – Текст: непосредственный.
9. Маркова, А. К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. – Москва : Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. – 308 с. – Текст: непосредственный.

© Кузина Е.М., Мешкова С.С., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ В КОЛЛЕКТИВЕ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. М. Кузина

студент 4 курса,

АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»,

г. Красноярск, Россия

E-mail: Miss_kuzina@bk.ru

С. С. Мешикова

Д-р. биол. н., доцент, профессор кафедры психологии

АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»,

г. Красноярск, Россия

E-mail: dixi-1972@yandex.ru

В статье проводится комплексный анализ проблемы психологического климата в коллективе и его определяющего влияния на эффективность совместной деятельности. На основе теоретического исследования раскрывается сущность и структура социально-психологического климата как интегративного показателя, включающего эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты. Детально исследуются ключевые детерминанты формирования благоприятного климата: система межличностных отношений, стиль руководства, организационная культура и характер совместной деятельности. Особое внимание уделяется практической значимости проблемы, заключающейся в прямом влиянии психологической атмосферы в коллективе на производительность, инновационность, текучесть кадров и, как следствие, на конкурентоспособность организации в целом.

Ключевые слова: психологический климат, социально-психологический климат, эффективность совместной деятельности, сплоченность коллектива, организационная культура, лидерство, коммуникация, командная работа.

The article provides a comprehensive analysis of the problem of the psychological climate in the team and its determining influence on the effectiveness of joint activities. Based on the theoretical research, the essence and structure of the socio-psychological climate as an integrative indicator, including emotional, cognitive and behavioral components, is revealed. The key determinants of the formation of a favorable climate are studied in detail: the system of interpersonal relations, leadership style, organizational culture and the nature of joint activities. Special attention is paid to the practical significance of the problem, which consists in the direct impact of the psychological atmosphere in the team on productivity, innovation, staff turnover and, as a result, on the competitiveness of the organization.

Keywords: psychological climate, socio-psychological climate, effectiveness of joint activities, team cohesion, organizational culture, leadership, communication, teamwork.

Современная организация, функционирующая в условиях высокой конкуренции и динамичности внешней среды, все в большей степени осознает, что ее главным капиталом являются люди. Однако индивидуальный профессионализм сотрудников, будучи необходимым условием, еще не гарантирует организационного успеха. Ключевым фактором, преобразующим личные компетенции в синергетический эффект, выступает качество совместной деятельности, которое, в свою очередь, в решающей степени детерминировано социально-психологическим климатом в коллективе. Этот климат,

представляя собой интегративную психологическую характеристику системы межличностных отношений, создает тот эмоциональный и ценностно-нормативный фон, на котором разворачиваются все групповые процессы. От его характера – благоприятного или неблагоприятного – напрямую зависят такие критически важные для выживания организации показатели, как производительность, инновационность, лояльность персонала и уровень операционных рисков.

Психологический климат не является синонимом сиюминутного настроения в коллективе или временным эмоциональным всплеском, вызванным отдельным событием. Это устойчивое интегративное психологическое состояние группы, обладающее значительной инерционностью и отражающее совокупность субъективных отношений членов группы к ключевым аспектам их профессионального бытия: к условиям, характеру, содержанию и результатам совместной деятельности, а также друг к другу и к организации в целом. Его устойчивость обусловлена тем, что он формируется под влиянием объективных организационных факторов и закрепляется в системе сложившихся групповых норм, ценностей и стереотипов поведения. В структуре данного комплексного феномена традиционно выделяют три взаимосвязанных и взаимообуславливающих компонента, функционирующих как единая система.

Первый и наиболее очевидный компонент – эмоциональный. Он характеризует доминирующий эмоциональный фон и настрой в коллективе, который может варьироваться на шкалах «оптимистичный-пессимистичный», «созидательный-деструктивный», «доверительный-подозрительный». Этот компонент является своего рода «психологическим барометром» группы, определяющим, с какими чувствами сотрудники переступают порог организации, насколько психологически безопасно и комфортно они себя ощущают в процессе работы, и какую эмоциональную «цену» платят за свое участие в совместном труде. Благоприятный эмоциональный компонент проявляется в преобладании положительных эмоций, чувства сплоченности, энтузиазма и взаимной поддержки. Неблагоприятный – в атмосфере тревоги, раздражительности, апатии или скрытой вражды, что неизбежно ведет к росту психологического напряжения и хроническому стрессу.

Второй компонент – когнитивный (оценочно-смысловой). Он представляет собой рациональную, оценочную основу климата и включает в себя разделяемые членами коллектива представления, оценки, мнения и убеждения относительно ключевых аспектов их трудовой жизни. Речь идет о восприятии справедливости системы оплаты труда и распределения нагрузки, реальности перспектив карьерного и профессионального роста, компетентности и порядочности руководства, значимости и достижимости общих целей, а также о соответствии личных ценностей сотрудников ценностям организационной культуры. Совпадение этих оценок и убеждений формирует единое ценностно-нормативное и смысловое поле коллектива, которое выступает интеллектуальной и мировоззренческой основой для слаженных, скоординированных действий. Когда такой консенсус отсутствует, возникает ценностный разлад, который порождает непонимание, противоречия и дезинтеграцию групповых усилий.

Третий компонент – поведенческий (деятельностный). Этот компонент является прямым следствием и внешним, наблюдаемым проявлением двух предыдущих. Он материализуется в конкретных, регулярно воспроизводимых моделях взаимодействия и совместной деятельности. К его проявлениям относятся: реальная, а не декларируемая готовность к взаимопомощи и кооперации; фактический уровень конфликтности и способы разрешения спорных ситуаций; преобладающий стиль коммуникации (открытый, доброжелательный или закрытый, агрессивный); степень соблюдения как формальных, так и неформальных норм и ритуалов. Именно по поведенческим паттернам – по тому, как коллеги общаются на совещаниях, как реагируют на ошибки, как празднуют успехи –

можно с наибольшей достоверностью судить о истинном, а не декларируемом состоянии психологического климата. Этот компонент имеет наиболее прямую и непосредственную связь с эффективностью совместной деятельности, так как именно через поведение реализуются все групповые процессы.

В отечественной социальной психологии психологический климат часто рассматривается как показатель уровня социально-психологического развития группы. Б.Д. Парыгин определяет его как «преобладающий и относительно устойчивый психический настрой коллектива, который находит многообразные формы проявления во всей его жизнедеятельности» [1, с. 78]. С этой точки зрения, климат – это не просто фон, а активный фактор, который либо способствует раскрытию личностного и профессионального потенциала сотрудников, либо, напротив, подавляет его. В коллективе с неблагоприятным климатом даже высококвалифицированный специалист может демонстрировать низкую результативность, будучи вовлеченным в деструктивные отношения, испытывая стресс от постоянной напряженности или отсутствия признания.

А.Л. Журавлев и В.П. Позняков, анализируя особенности совместной деятельности, подчеркивают, что «эффективность групповых усилий определяется не столько арифметической суммой индивидуальных вкладов, сколько качеством функционально-ролевого взаимодействия и согласованности действий, что напрямую зависит от характера социально-психологического климата» [2, с. 45]. Это указывает на прямую связь между психологической атмосферой и конечными экономическими результатами работы организации. Данная взаимосвязь усугубляется тем, что, как отмечает Р.Л. Кричевский, психологический климат обладает свойством кумулятивности – он накапливает и усиливает как позитивные, так и негативные тенденции, создавая со временем устойчивую и трудноизменяемую среду [5, с. 22].

На формирование психологического климата в коллективе оказывает влияние сложный комплекс взаимосвязанных факторов, которые можно систематизировать по нескольким уровням.

1. Факторы организационно-управленческого уровня. Данная группа факторов является определяющей, так как задает формальные «правила игры». Стиль руководства, по мнению многих исследователей, выступает ключевым элементом. Авторитарный, директивный стиль, как правило, порождает атмосферу страха, пассивности и формального исполнения обязанностей. В то время как демократический стиль, основанный на коллегиальности, делегировании полномочий и уважении к мнению сотрудников, формирует климат доверия, инициативности и ответственности. Не менее важны и другие организационные аспекты: ясность и справедливость системы мотивации, четкость распределения задач и зон ответственности, наличие перспектив профессионального и карьерного роста, состояние материально-технической базы.

2. Факторы межличностного уровня. Этот уровень включает в себя всю палитру человеческих отношений внутри коллектива. Сплоченность – притяжение между членами группы, готовность следовать общим целям – является стержнем благоприятного климата. Высокий уровень сплоченности способствует взаимной поддержке, снижению конфликтности и формированию чувства «мы». Критически важным элементом является характер коммуникации: открытость, доброжелательность, конструктивность обратной связи. Как подчеркивает Ю.М. Жуков, именно в процессе коммуникации «происходит координация совместных действий, разрешение противоречий и формирование общего смыслового поля» [6]. Напротив, закрытость, склонность к интригам и сплетням создают токсичную среду недоверия и подозрительности.

3. Факторы индивидуально-личностного уровня. Психологический климат – это производное от личностных характеристик, ценностей и установок всех членов группы. Совместимость сотрудников, как психофизиологическая, так и социально-

психологическая, играет важную роль в снижении уровня напряженности. Значимое влияние оказывает и степень однородности коллектива по основным социально-демографическим и ценностным параметрам (возраст, образование, жизненные цели). Хотя разнородная (гетерогенная) группа часто обладает большим инновационным потенциалом, управление ею и поддержание здорового климата требуют от руководителя значительных усилий.

В.В. Новиков, исследуя организационное поведение, описывает неблагоприятный психологический климат как «среду, характеризующуюся преобладанием негативных эмоциональных состояний, высокой конфликтностью, низким уровнем сплоченности и кооперации, что закономерно приводит к росту психологического стресса у сотрудников и снижению эффективности труда» [3, с. 112]. В такой среде энергия сотрудников тратится не на достижение производственных целей, а на борьбу с внутренними противоречиями, защиту от психологических атак или поиск путей эвакуации из организации. Развивается феномен «эмоционального выгорания», ранее описанный нами в контексте служб безопасности, который в условиях токсичного климата приобретает массовый характер.

О системных рисках, порождаемых негативным климатом, рассуждает Т.Ю. Базаров, отмечая, что «хроническая конфликтность, отсутствие доверия к руководству и между коллегами, негласное поощрение интриг являются классической предпосылкой для принятия неверных управленческих и исполнительских решений» [7, с. 34]. Это состояние усугубляется такими явлениями, как групповое мышление, когда в погоне за видимым консенсусом подавляется здоровая критика и альтернативные точки зрения, или социальное леность, когда отдельные члены группы начинают работать с неполной отдачей, полагаясь на усилия других. А.В. Филиппова, анализируя психологию управления, добавляет, что в коллективе с нездоровым климатом резко снижается инновационный потенциал, так как сотрудники боятся проявлять инициативу и выдвигать новые идеи из-за страха критики или провала [8].

Специфика совместной деятельности в совокупности с вышеописанными факторами вызывает у сотрудников широкий спектр как позитивных, так и негативных психических состояний, которые напрямую коррелируют с эффективностью. В исследованиях, посвященных анализу успешных команд, отмечается, что в условиях благоприятного климата люди испытывают чувство общности и поддержки, повышение трудовой мотивации и удовлетворенности, готовность к дополнительным усилиям, снижение уровня тревожности и, как следствие, демонстрируют более высокие показатели производительности и качества труда [1; 2; 4; 7]. Эти состояния формируются циклично: успешные результаты совместной деятельности укрепляют позитивный климат, который, в свою очередь, создает условия для новых достижений.

Н.В. Гришина и Д.Я. Райгородский отмечают и такую критически важную проблему, как влияние климата на лояльность персонала. Неблагоприятная психологическая атмосфера является одной из ключевых причин добровольного ухода высококвалифицированных специалистов, даже при условии конкурентоспособного уровня оплаты их труда [4]. Так проявляется один из наиболее разрушительных для организации эффектов, когда компания теряет не просто сотрудников, а носителей уникальных знаний и компетенций, а также инвестиции, вложенные в их обучение и адаптацию. Успешное выполнение сложных проектов, являющееся ключевым показателем эффективности для многих современных компаний, в решающей степени зависит от слаженности команды и качества коммуникации между ее членами, что невозможно в атмосфере недоверия и скрытого противостояния.

Вышеописанные условия совместной деятельности создают мощный кумулятивный эффект, который может носить как позитивный, так и деструктивный характер. Благоприятный психологический климат выступает катализатором синергетического

эффекта: он напрямую усиливает операционную эффективность, стимулирует инновационную активность и повышает качество принимаемых решений, что, в свою очередь, укрепляет позитивный настрой сотрудников и их веру в общий успех, создавая восходящую спираль продуктивности. В таком коллективе формируется культура взаимного доверия, когда сотрудники добровольно прилагают дополнительные усилия, выходят за рамки формальных должностных инструкций и проявляют инициативу, зная, что их вклад будет замечен и оценен.

Напротив, неблагоприятный психологический климат запускает опасную нисходящую спираль, где снижение производительности закономерно порождает рост взаимных обвинений и конфликтов, что ведет к увеличению текучести наиболее ценных кадров, которые обладают наибольшими возможностями трудоустройства на стороне. В этой ситуации наблюдается эрозия корпоративной культуры, проявляющаяся в утрате общих ценностных ориентиров, снижении исполнительской дисциплины и росте сопротивляемости любым организационным изменениям, которые начинают восприниматься сотрудниками как потенциальная угроза. Эти явления становятся следствием глубокого психологического неблагополучия коллектива, порождаемого хроническим стрессом, эмоциональным выгоранием и чувством профессиональной бесперспективности. Важно подчеркнуть, что данную системную проблему невозможно компенсировать разовыми материальными стимулами или административными приказами, которые в отрыве от комплексного подхода могут дать лишь краткосрочный эффект, не устраняя первопричин кризиса.

Проблема психологического климата ни в коей мере не является частным вопросом HR-менеджмента или тактической задачей линейных руководителей. Это - стратегическая организационная проблема высшего порядка, находящаяся в прямой причинно-следственной связи с ключевыми показателями бизнеса. Систематическое игнорирование данного фактора ведет к прямым и измеримым экономическим потерям: снижению конкурентоспособности из-за падения производительности и качества продукции, замедлению темпов инновационного развития по причине отсутствия творческой инициативы, росту операционных издержек, связанных с высокими затратами на подбор и адаптацию нового персонала, выплатами по больничным листам вследствие психосоматических заболеваний, и, в конечном счете, - к устойчивому ухудшению рыночных позиций и капитализации компании.

Следует особо отметить, что современные прогрессивные организации, осознавая всю остроту и стратегический характер данной проблемы, активно внедряют не разрозненные мероприятия, а целостные системы управления психологическим климатом. Эти системы направлены на его регулярную диагностику и целенаправленное формирование здоровой организационной среды. Эмпирически выявленные закономерности и накопленный практический опыт стали основанием для разработки многокомпонентных корпоративных программ, которые включают в себя:

- проведение регулярного мониторинга социально-психологического климата с использованием комплекса инструментов (стандартизированные опросники, глубинные интервью, фокус-группы, анализ текучести и абсентеизма);
- внедрение программ командообразования, направленных не на развлекательный эффект, а на развитие реальных навыков кооперации, конструктивного разрешения конфликтов и укрепления межличностного доверия;
- обязательное обучение руководителей всех уровней современным демократическим и коучинговым стилям управления, формирующим партнерские отношения с подчиненными и мотивирующим их на достижение общих целей;

- создание прозрачных и безопасных систем вертикальной и горизонтальной коммуникации, а также регулярной обратной связи (например, в рамках процессов управления эффективностью и регулярных опросов вовлеченности);
- целенаправленное формирование и поддержание сильной организационной культуры, основанной на ценностях взаимного уважения, открытости, профессионального сотрудничества и признания заслуг каждого сотрудника.

Эти меры носят проактивный и превентивный характер и направлены на создание устойчивой организационной среды, в которой благоприятный психологический климат признается и культивируется как ключевой стратегический актив, напрямую влияющий на человеческий капитал и обеспечивающий долгосрочную устойчивость, адаптивность и конкурентоспособность предприятия в условиях динамично меняющейся рыночной среды.

Таким образом, в организации эффективной совместной деятельности психологический климат в коллективе имеет решающее, системообразующее значение. Специфика группового взаимодействия оказывает комплексное, многокомпонентное воздействие на мотивацию, работоспособность и личностное благополучие сотрудников, закономерно определяя уровень синергетического эффекта. Коллектив сталкивается с необходимостью постоянного поддержания и развития таких условий, при которых доминируют отношения доверия, взаимопомощи и ориентации на общий результат, что в совокупности противодействует синдрому эмоционального выгорания, деперсонализации и устойчивому снижению производительности. Комплексный, системный подход к формированию благоприятного психологического климата, включающий как целенаправленное развитие межличностных отношений и коммуникативных компетенций, так и глубокие организационно-управленческие преобразования, является не просто рекомендацией, а насущной необходимостью и залогом достижения стратегических целей организации в современной сложной и нестабильной бизнес-среде.

Библиографические ссылки

1. Парыгин, Б. Д. Социально-психологический климат коллектива: пути и методы изучения / Б. Д. Парыгин. - Ленинград : Наука, 1981. - 192 с. - Текст: непосредственный.
2. Журавлев, А. Л. Психология совместной деятельности в условиях организационно-экономических изменений / А. Л. Журавлев, В. П. Позняков. - Москва : Институт психологии РАН, 1998. - 248 с. - Текст: непосредственный.
3. Новиков, В. В. Социальная психология: феномены и закономерности / В. В. Новиков. - Москва : Издательство МПСИ, 2009. - 400 с. - Текст: непосредственный.
4. Гришина, Н. В. Психология конфликта / Н. В. Гришина. - 3-е изд. - Санкт-Петербург : Питер, 2019. - 576 с. - Текст: непосредственный.
5. Кричевский, Р. Л. Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты / Р. Л. Кричевский, Е. М. Дубовская. - Москва : МГУ, 1991. - 207 с. - Текст: непосредственный.
6. Жуков, Ю. М. Эффективность делового общения / Ю. М. Жуков. - Москва : Знание, 1988. - 64 с. - Текст: непосредственный.
7. Базаров, Т. Ю. Управление персоналом / Т. Ю. Базаров. - 8-е изд. - Москва : Академия, 2018. - 224 с. - Текст: непосредственный.
8. Филиппова, А. В. Организационная культура и лидерство: учебное пособие для вузов / А. В. Филиппова. - Москва : Юрайт, 2020. - 189 с. - Текст: непосредственный.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ МЫСЛИ

Е. И. Кулько

*Старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
УО БГСХА, г. Горки, Республика Беларусь*

Kulko1612@yandex.ru

С. Г. Рубец

*доцент кафедры эксплуатации машинно-тракторного парка
УО БГСХА, г. Горки, Республика Беларусь*

sergei.rubets@yandex.ru

Дополнительное образование является особым образовательный институт, который располагает собственными педагогическими технологиями по развитию творческой активности обучающегося и в дальнейшем содействует его профессиональному саморазвитию и самореализации.

Ключевые слова: *дополнительное образование, творческие способности, саморазвитие, непрерывное образование, личностный потенциал*

Additional education is a special educational institution that has its own pedagogical technologies for developing students' creative activity and further promoting their professional self-development and self-realization.

Key words: *additional education, creativity, self-development, continuous education, and personal potential*

Дополнительное образование детей и молодежи – это вид дополнительного образования, направленный на развитие личности воспитанника, формирование и развитие его творческих способностей, удовлетворение его индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном, физическом совершенствовании.

Система дополнительного образования формировалась из уникальных форм внешкольной работы (внешкольного воспитания). Внешкольное воспитание в России возникло в конце XIX века в виде кружков, клубов, мастерских, дневных приютов для детей, летних оздоровительных лагерей-колоний и т. д. Это были лишь единичные внешкольные учреждения, созданные прогрессивными русскими педагогами, которые ставили перед собой различные цели. Так, культурно-просветительное общество «Сетлемент» (англ. settlement – поселение, комплекс), основанное в Москве в 1905 году группой передовых педагогов во главе с С. Т. Шацким, ставило своей целью удовлетворение культурных и общественных потребностей детей и молодежи малообеспеченной части населения. В 1909 году им же было создано общество «Детский труд и отдых», в 1911 году в Калужской губернии создана одна из первых детских летних колоний «Бодрая жизнь». К этому периоду относятся и организация временных детских коллективов в летний период – летние палаточные лагеря.

На государственном уровне решение о развитии внешкольного образования было принято в ноябре 1917 года, когда в Народном комиссариате просвещения РСФСР был создан отдел внешкольного образования. В 1918 году создано первое государственное внешкольное учреждение Станция юных любителей природы (Москва, Сокольники). В июне 1919 года был проведён I Всероссийский съезд по внешкольному образованию. В 30-е годы термин «внешкольное образование» был заменён на «внешкольное воспитание». Очень бурно проходил рост учреждений, в которых получили распространения формы

внешкольного воспитания, они стали называться внешкольными учреждениями. К 1940 году в СССР насчитывалось 1846 внешкольных учреждений, находящихся в ведении министерств просвещения, культуры, путей сообщения, речного и морского флота, профсоюзов, Осоавиахима, добровольных спортивных обществ и других организаций, и ведомств.

Большой вклад в организацию внешкольной работы был внесён деятельностью А.С. Макаренко и таких его сподвижников как руководитель всей клубной работы в Колонии им. М. Горького и Коммуне им. Ф.Э. Дзержинского Заслуженный учитель РСФСР В.Н. Терский. Особенностью их подхода было то, что у Макаренко считали, что «человек не воспитывается по частям» (т.е. на отдельных предметах, кружках, секциях и т.д.) и на деле стремились осуществить целостное воспитание и обучение молодёжи. Содержание и существенные особенности их подхода в постановке внеклассной деятельности было достаточно подробно отражено в книгах В.Н. Терского.

В послевоенное время шло бурное восстановление и развитие системы внешкольного воспитания. Росла численность Домов и Дворцов пионеров, Станций юных туристов и техников, загородных пионерских лагерей, детско-юношеских спортивных школ.

Вместе с тем высокие количественные показатели не могли скрыть негативных качественных факторов развития учреждений. Внешкольное воспитание в 50-80-е годы было связано с общей идеологией, когда существовала единственная детская организация, единственная молодёжная организация, установкам и целям которых подчинялись и образовательные структуры. Попытки создания большинства альтернативных молодёжных структур рано или поздно подавлялись, даже при достижении ими весьма высоких показателей в воспитании молодёжи и самообеспечении организации по затратам, о чём свидетельствует, к примеру, педагогический опыт В.А. Ерёмина [5, с.64].

После 1991 года система внешкольного воспитания не только не распалась, но, в отличие от других типов образовательных учреждений, получила приращение. С 1992 года внешкольные учреждения стали именоваться учреждениями дополнительного образования детей. Важно в этой связи отметить, что в 90-е годы произошла не простая смена вывесок, а качественное изменение содержания и форм деятельности как учреждений, так и педагогов дополнительного образования детей.

Дополнительное образование детей и молодежи является важным фактором обеспечения гражданской и государственной политики в современной образовательной системе Республики Беларусь. Стабильное развитие системы дополнительного образования детей и молодежи в стране, расширение сети объединений по интересам различного профиля обеспечивается государственными программами, нормативными и правовыми документами в области образования. Стратегия развития дополнительного образования детей молодежи отражена в подпрограмме «Дополнительное образование и молодежи, функционирование учреждений, специализирующихся на реализации программ воспитания» Государственной программы «Образование и молодежная политика» на 2021-2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 57

Сегодня национальную систему дополнительного образования детей и молодежи Беларуси представляют более 250 учреждений (республиканские и региональные). Успешно функционируют однопрофильные учреждения дополнительного образования (центры технического профиля, экологического профиля, туристско-краеведческого профиля, физкультурно-спортивного профиля) и многопрофильные учреждения.

В учреждениях дополнительного образования детей и молодежи всех типов насчитывается более 30 тыс. объединений по интересам, фактически каждый третий учащийся сегодня посещает учреждение дополнительного образования детей и молодежи.

На сегодняшний день дополнительное образование детей и молодёжи включено в систему непрерывного образования и функционирует в соответствии с Кодексом об Образовании РБ.

Система дополнительного образования, в отличие от школы, в которой при всем сегодняшнем разнообразии, все равно существует унификация образования, по крайней мере, в рамках класса или школы в целом, имеет все возможности для действительно вариативной педагогической деятельности. Специфические особенности этой системы позволяют реально учитывать индивидуальные способности, потребности и интересы детей, дают возможность организовывать образовательный процесс с учетом различного уровня умственного, физического, культурного и социального развития детей. Существующая вариативность создает возможность для быстрой и безболезненной коррекции программы дополнительного образования и технологии ее реализации в зависимости от возможностей и способностей конкретного ребенка. При чем такая коррекция возможна не только на уровне группы, но и на внутригрупповом уровне. Таким образом, объективные условия дополнительного образования детей позволяют реализовывать действительно личностно-ориентированные технологии обучения и воспитания, в которых ребенок рассматривается не только как личность, которой предстоит социализироваться, а для этого приобрести определенные качества, знания, развитие и т.д. Ребенок рассматривается как ценность, со своими интересами, потребностями, взглядами, жизненным опытом. Содержание, методы и приемы личностно-ориентированных технологий должны быть направлены, прежде всего, на то, чтобы раскрыть и использовать субъективный опыт каждого ребенка, помочь становлению его личности путем организации творческой познавательной деятельности. И результативность таких технологий зависит не только от того, какие знания и умения удастся ему передать и насколько педагог сможет его подготовить к вхождению в общество, но и от того, насколько, при этом, удастся не "сломать" ребенка, сохранив и развив те положительные задатки, которые в нем уже существуют.

На практике реализация личностно-ориентированных технологий в дополнительном образовании заключается в создании особой воспитательно-образовательной среды, ориентированной не только на получение ребенком определенных знаний и умений, но и осуществляющей педагогическую поддержку, позволяющую приобретать социальный опыт, коммуникативные навыки, удовлетворять индивидуальные познавательные потребности, а главное – саморазвиваться и самореализовываться [3, с.393].

Личностно-ориентированные технологии строятся, помимо общепринятых дидактических принципов, на принципах, характеризующих образовательную деятельность самих учащихся (выделены А.В. Хуторским) [6, с. 504]:

1. Принцип личностного целеполагания. Этот принцип постулирует обязательность создания условий для самоопределения учеников по отношению к изучаемому материалу, своим образовательным результатам по уроку, теме или курсу. Определяя собственные цели, учащиеся принимают ответственность за их достижение; повышается их мотивация; они приобретают навыки целеполагания.

2. Принцип выбора индивидуальной образовательной траектории. Учащиеся имеют право на выбор (по согласованию с учителем) таких элементов образовательного процесса, как его смысл, цели, содержание формы, темп работы, методы, способы и критерии оценки.

Важно, что собственное содержание образования становится столь же значимым, как и нормативное – определенное учебными программами. Учащийся создает собственные образовательные продукты и при этом получает соответствующее внутреннее образовательное приращение.

3. Принцип метапредметных основ образовательного процесса. Здесь предполагается выход педагога с учащимися за рамки своей учебной дисциплины, а также изучение, исследование фундаментальных образовательных объектов.

4. Принцип продуктивности обучения. Полагается ценностью образовательного процесса создание учащимися разнообразных когнитивных, оргдеятельностных и творческих продуктов. Причем, чем больше последние отличаются от общепринятых образцов, тем выше они оцениваются.

5. Принцип первичности образовательной продукции учащихся. Личностное содержание образования в форме идей, версий, взглядов, интерпретаций опережает изучение общепринятых научных и культурных образцов.

6. Принцип ситуативности обучения. Образовательный процесс – последовательность ситуаций, в которых учащийся проблематизирует свою деятельность, самоопределяется на поиск решения проблемы, на создание своего продукта; находится в творческом поиске, соотносит свои результаты с аналогами.

7. Принцип образовательной рефлексии. Рефлексия предполагает осознание педагогом и учащимися своей деятельности, себя в образовательном процессе. Субъекты учебного процесса осознают смыслы, способы деятельности, оценивают свои результаты и образовательные приращения, обнаруживают трудности и проблемы.

Личностно-ориентированная технология представляет собой воплощение гуманистической философии, психологии и педагогики. Принципиальным является то, что учреждение дополнительного образования не заставляет ребенка учиться, а создает условия для грамотного выбора каждым содержания изучаемого предмета и темпов его освоения. Ребенок приходит сюда сам, добровольно, в свое свободное время от основных занятий в школе, выбирает интересующий его предмет и понравившегося ему педагога. Задача педагога – не «давать» материал, а пробудить интерес, раскрыть возможности каждого, организовать совместную познавательную, творческую деятельность каждого ребенка.

Дополнительное образование способствует расширению знаний о творческих возможностях учащегося, позволяет полнее использовать потенциал основного образования за счет углубления, расширения и применения теоретических знаний. Профессиональный подход к определению педагогических условий оптимального развития креативности школьников в учреждениях дополнительного образования детей и молодежи на основе интеграции технологий обучения, выступает своего рода связующим звеном различных педагогических систем и технологий интенсивного обучения и развития, позволяющих реализовывать в процессе учреждений дополнительного образования новые формы и методы, что является выражением потребностей современного этапа развития общего образования.

Для описания личностно-ориентированного педагогического процесса необходима соответствующая лексика: выбор, ситуация успеха, индивидуальные смыслы, смена позиций, рефлексия, субъектный опыт, личностно-значимое содержание, ситуация неуспеха, урок-«открытие», сотрудничество в диалоге, ценности, индивидуальное сознание, деятельностное содержание образования, ученик – творец знания, образовательный продукт ученика, ситуация общения, ситуация затруднения, безотметочное обучение и др.

Психологи утверждают, что в настоящее время только 15-25% учащихся несут задатки в области интеллектуальной деятельности. Следовательно, только эти дети могут успевать при традиционных технологиях обучения. А остальным 75-85 % современные требования непосильны. Важен тот факт, что подавляющее большинство детей теряет интерес к учению, находится в состоянии умственной перегрузки, чувствует свою неполноценность.

Для обеспечения оптимальных условий развития детей в учреждении дополнительного образования детей требуется педагогическая среда, моделирующая с максимальным приближением к окружающему социуму. Возможный вариант 4-х уровневой педагогической среды:

1 уровень – сфера общения, ролевых игр и учебной практики. Задача – позволить детям испытать полученные знания и оценить их социальную значимость.

2 уровень – область творческой ориентации. Задача – дать детям возможность выбрать интересный и доступный вид деятельности.

3 уровень – включение ребенка в процесс социализированного обучения. Задача – заложить основу профессиональных знаний и развить способности.

4 уровень – индивидуальная работа с наиболее одаренными детьми в рамках исследовательской творческой деятельности.

Дополнительное образование как особый образовательный институт располагает собственными педагогическими технологиями по развитию творческой активности ребенка, по саморазвитию и самореализации.

Все образовательные технологии, применяющиеся сегодня в дополнительном образовании детей, можно свести к основополагающим закономерностям [5, с.116]:

- 1) необходимо активизировать учащихся;
- 2) вооружить их оптимальными способами осуществления деятельности;
- 3) подвести эту деятельность к творчеству;
- 4) предоставить воспитанникам больше самостоятельности;
- 5) развить такие личностные самообразования учащихся, как самостоятельность, активность, общение;
- 6) постепенно предоставить детям полную свободу в принятии решений.

Новые педагогические технологии могут радикально перестроить процесс обучения. В условиях дополнительного образования ребенок развивается, участвуя в игровой, познавательной, трудовой деятельности, поэтому цель внедрения инновационных технологий – дать детям почувствовать радость труда в учении, пробудить в их сердцах чувство собственного достоинства, решить социальную проблему развития способностей каждого ученика, включив его в активную деятельность, доведя представления по изучаемой теме до формирования устойчивых понятий и умений.

Современные технологии в работе учреждений дополнительного образования детей сочетаются со всем ценным, что накоплено в отечественном и зарубежном опыте, в семейной и народной педагогике, они позволяют выбирать наиболее эффективные способы и приемы организации деятельности детей и создавать максимально комфортные условия для их общения, активности и саморазвития.

Библиографический ссылки

1. Амоношвили, Ш.А. Гуманно-личностный подход к детям. / Ш.А. Амоношвили. – Воронеж, 1998. – 171 с.
2. Брутова, М.А. Педагогика дополнительного образования: учебное пособие / М.А. Брутова; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: ИД САФУ, 2014. – 218 с.
3. Кулько, Е.И. Личностно-ориентированное образование в современных условиях / Е.И. Кулько // Социально-экономические и правовые системы стран евразийской экономической интеграции: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2020. – С. 391-400.
4. Луговцова, Е. И. Организация школьной службы медиации / Е. И. Луговцова, Ю. Н. Егорова. – Мн: Нац. ин-т образования, 2017. – 200 с.

Мудрик, А.В. Социальное воспитание в учреждениях дополнительного образования детей: учеб. пособие для студ. вузов / А.В. Мудрика. – М., 2004. – 240 с.

5. Соколова, Н.А. Педагогика дополнительного образования детей: учеб. пособие для студ. пед. вузов / Н.А. Соколова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2010 – 224 с.

6. Хуторской, А. В. Педагогика / А.В. Хуторской М.: Эйдос, 2023. – 608 с.

© Кулько Е.И., Рубец С.Г., 2025 г.

СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У МАШИНИСТОВ ЛОКОМОТИВНЫХ БРИГАД: АКТУАЛЬНОСТЬ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЭКСПЛУАТАЦИОННОГО ЛОКОМОТИВНОГО ДЕПО ТАЙШЕТ)

О. А. Леоненко

студент 4 курса,

АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»,

г. Красноярск, Россия

E-mail: Ovcharenkoolgz@yandex.ru

С. С. Мешкова

Д-р. биол. н., доцент, профессор кафедры психологии

АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»,

г. Красноярск, Россия

E-mail: dixi-1972@yandex.ru

В статье обосновывается актуальность исследования синдрома эмоционального выгорания (СЭВ) у машинистов локомотивных бригад как критической проблемы, влияющей на безопасность движения и психофизиологическое благополучие персонала. На примере стратегически важного Эксплуатационного локомотивного депо Тайшет раскрывается комплекс организационно-производственных, психофизиологических и социально-психологических факторов риска. Проведен теоретический анализ феномена СЭВ в рамках основных психологических подходов (К. Маслач, В.В. Бойко). Определены цель, задачи, гипотеза и методы планируемого эмпирического исследования. Научная новизна работы заключается в целенаправленном изучении СЭВ с учетом уникальных условий работы на Восточном полигоне РЖД. Практическая значимость заключается в разработке адресных рекомендаций для системы профилактики и психологического сопровождения машинистов.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания, машинист локомотива, профессиональный стресс, безопасность движения, психологическое сопровождение, депо Тайшет, железнодорожный транспорт.

The article substantiates the relevance of the study of emotional burnout syndrome (CMEA) among locomotive crew drivers as a critical problem affecting traffic safety and the psychophysiological well-being of personnel. Using the example of the strategically important Operational locomotive depot Taishet, a complex of organizational, production, psychophysiological and socio-psychological risk factors is revealed. A theoretical analysis of the CMEA phenomenon has been carried out within the framework of basic psychological approaches. Maslach, V.V. Boyko). The purpose, objectives, hypothesis and methods of the planned empirical research are defined. The scientific novelty of the work lies in the purposeful study of COMECON, taking into account the unique working conditions at the Eastern landfill of Russian Railways. The practical significance lies in the development of targeted recommendations for the prevention and psychological support system for train drivers.

Keywords: burnout syndrome, locomotive driver, occupational stress, traffic safety, psychological support, Taishet depot, railway transport.

Синдром эмоционального выгорания (СЭВ) представляет собой актуальную психологическую проблему для профессий с повышенной ответственностью и

хроническим стрессом. В сфере железнодорожного транспорта, где ошибка персонала может привести к катастрофическим последствиям, изучение и профилактика СЭВ приобретает критическое значение. Деятельность машинистов локомотивов характеризуется экстремальными психофизическими нагрузками, высокой ответственностью, монотонией и ненормированным графиком, что создает предпосылки для развития синдрома. Эти факторы, в сочетании с постоянным психоэмоциональным напряжением, могут значительно повышать риск возникновения СЭВ среди машинистов.

На основе гипотезы и анализа научной литературы предполагается, что у значительной части машинистов будет выявлен повышенный уровень эмоционального выгорания, особенно выраженный в эмоциональном истощении. Статистически значимые различия в уровне СЭВ будут обнаружены среди машинистов со стажем более 10-15 лет, работающих на напряженных маршрутах с ненормированным графиком, а также среди возрастной группы 40-50 лет. Положительная корреляция между интенсивностью графика, сложностью маршрута и степенью деперсонализации также ожидается. Эти данные помогут верифицировать гипотезу и определить целевую группу риска для разработки профилактических мероприятий, направленных на снижение уровня эмоционального выгорания среди машинистов. [1, 2].

На основании анализа литературы и сформулированной гипотезы ожидается, что значительная часть обследуемых машинистов будет страдать от повышенного уровня синдрома эмоционального выгорания (СЭВ), особенно от его эмоционального истощения, вызванного хроническим психоэмоциональным напряжением. Статистически значимые различия в уровне СЭВ будут выявлены у машинистов со стажем более 10-15 лет, работающих на напряженных маршрутах с ненормированным графиком, а также в возрастной группе 40-50 лет. Предполагается положительная корреляция между интенсивностью графика, сложностью маршрута и уровнем деперсонализации. Эти данные позволят верифицировать гипотезу и определить целевую группу риска для разработки профилактических мероприятий, направленных на снижение уровня СЭВ. [3].

Современные исследования показывают, что хроническое психоэмоциональное напряжение, возникающее из-за профессиональной деятельности машинистов, является ключевым фактором, способствующим развитию выгорания. Монотонность труда, высокий уровень ответственности и ненормированный рабочий график создают условия для постоянного стресса, негативно влияя на эмоциональное состояние сотрудников. Машинисты, работающие на напряженных маршрутах, особенно подвержены эмоциональному истощению из-за необходимости быстро принимать решения в условиях высокой нагрузки. Это снижает мотивацию, вызывает профессиональную деперсонализацию и ухудшает общее психоэмоциональное состояние. [12, с.47].

Для уменьшения уровня СЭВ среди машинистов требуется внедрение комплексных программ, направленных на улучшение их психоэмоционального состояния. Важно учитывать как индивидуальные особенности сотрудников, так и организационные аспекты их работы. Это могут быть регулярные тренинги по управлению стрессом, создание благоприятного рабочего климата, предоставление возможностей для отдыха и восстановления, а также разработка гибких графиков работы. Только комплексный подход, учитывающий личностные и профессиональные факторы, позволит эффективно снизить риск развития СЭВ среди машинистов железнодорожного транспорта. Научная новизна работы заключается в целенаправленном изучении СЭВ у машинистов депо Тайшет с учетом уникальных региональных и производственных факторов (сложный горный профиль, интенсивность грузопотока, удаленность).

Цель исследования: выявить уровень и особенности проявления синдрома эмоционального выгорания у машинистов эксплуатационного локомотивного депо Тайшет.

Задачи:

1. Проанализировать теоретические подходы к пониманию СЭВ.
2. Изучить специфику профессиональной деятельности машиниста как фактора риска.
3. Провести эмпирическое исследование уровня и компонентов СЭВ в выборке машинистов.
4. Выявить статистически значимые различия в проявлениях СЭВ в зависимости от стажа, графика работы, возраста и характера рейсов.
5. Разработать практические рекомендации по профилактике СЭВ для руководства депо.

Гипотеза: уровень и выраженность компонентов СЭВ у машинистов депо Тайшет статистически значимо различаются в зависимости от стажа работы, характера рейсов, возрастной категории и графика работы.

Синдром эмоционального выгорания (СЭВ) становится все более значимой проблемой в современном обществе, особенно в профессиях, связанных с высоким уровнем ответственности и постоянным стрессом. В условиях железнодорожного транспорта, где ошибки персонала могут иметь катастрофические последствия, изучение и профилактика СЭВ приобретают особую актуальность. Машинисты локомотивов сталкиваются с экстремальными психофизическими нагрузками, включая монотонность работы, ненормированный график и высокую ответственность. Эти факторы, в сочетании с постоянным психоэмоциональным напряжением, значительно повышают риск развития синдрома выгорания. [11].

Современные исследования показывают, что у значительной части машинистов может быть выявлен повышенный уровень эмоционального выгорания, особенно выраженный в эмоциональном истощении. Статистические данные указывают на то, что машинисты со стажем более 10-15 лет, работающие на напряженных маршрутах с ненормированным графиком, и представители возрастной группы 40-50 лет находятся в группе повышенного риска. Положительная корреляция между интенсивностью графика, сложностью маршрута и степенью деперсонализации также подтверждается научными данными. Эти результаты помогают верифицировать гипотезу и определить целевую группу для разработки профилактических мероприятий. [14,16].

Для снижения уровня эмоционального выгорания среди машинистов необходимо внедрение комплексных программ, направленных на улучшение психоэмоционального состояния сотрудников. Важно учитывать как индивидуальные особенности машинистов, так и организационные аспекты их работы. Это может включать регулярные тренинги по управлению стрессом, создание благоприятного рабочего климата, предоставление возможностей для отдыха и восстановления, а также разработку гибких графиков работы. Только комплексный подход, учитывающий как личностные, так и профессиональные факторы, может эффективно снизить риск развития СЭВ среди машинистов железнодорожного транспорта. В современной науке синдром эмоционального выгорания рассматривается как комплексный и системный феномен, который включает три ключевых компонента: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений. Эмоциональное истощение проявляется как чувство опустошенности и усталости, деперсонализация ведет к циничному и обезличенному отношению к работе и коллегам, а редукция профессиональных достижений выражается в ощущении собственной некомпетентности и снижении продуктивности. Анализ деятельности позволяет выделить четыре основные группы взаимосвязанных факторов, способствующих развитию этого синдрома: организационно-производственные, психофизиологические, социально-психологические и личностные. К организационно-производственным факторам относятся ненормированный график, высокие требования к

ответственности, жесткие временные нормативы, монотония и сенсорная депривация. Психофизиологические факторы включают непрерывное психоэмоциональное напряжение, воздействие вредных физических факторов, гиподинамию и статичную рабочую позу. Социально-психологические факторы связаны с профессиональной изоляцией, ролевым конфликтом, недостатком социального признания и напряженностью в отношениях. Личностные факторы охватывают повышенное чувство долга, перфекционизм, личностную тревожность и неразвитые навыки саморегуляции. Синергетическое воздействие этих факторов объясняет высокую уязвимость машинистов к развитию СЭВ и его быстрое прогрессирование. [16, с. 52].

Планируемое эмпирическое одноразовое (срезовое) исследование направлено на оценку уровня синдрома эмоционального выгорания (СЭВ) среди машинистов и помощников машинистов Эксплуатационного локомотивного депо Тайшет. Выборка включает сотрудников различных возрастных групп и с разным профессиональным стажем (планируемый объем выборки: $N=...$). Методология исследования включает теоретические методы (анализ, синтез и обобщение научной литературы) и эмпирические методы (психологическое тестирование). Основной методикой является Опросник «Профессиональное выгорание» К. Маслач, С. Джексон, адаптированный Н.Е. Водопьяновой, который позволяет диагностировать уровень эмоционального истощения, деперсонализации и редукции профессиональных достижений. Дополнительно может быть использована методика В.В. Бойко для определения фазы выгорания. Для сбора социально-демографических данных, информации о стаже, графике работы и характере рейсов применяется авторская анкета [1, 4]. Методы обработки данных включают статистический анализ для выявления значимых различий и корреляций, что позволит верифицировать гипотезу и разработать профилактические мероприятия для снижения уровня СЭВ среди машинистов. На основании сформулированной гипотезы и анализа литературы ожидается, что у значительной части обследуемых машинистов будет выявлен повышенный уровень синдрома эмоционального выгорания (СЭВ), с наиболее выраженным компонентом – эмоциональным истощением, вызванным хроническим психоэмоциональным напряжением. Будут обнаружены статистически значимые различия в уровне СЭВ: более высокие показатели будут у машинистов со стажем более 10-15 лет, работающих на напряженных маршрутах с ненормированным графиком, а также в возрастной группе 40-50 лет. Также предполагается положительная корреляция между интенсивностью графика, сложностью маршрута и уровнем деперсонализации. Полученные данные позволят верифицировать гипотезу и определить целевую группу риска для разработки и проведения профилактических мероприятий, направленных на снижение уровня СЭВ среди машинистов.

Современные исследования подтверждают, что хроническое психоэмоциональное напряжение, связанное с профессиональной деятельностью машинистов, является основным фактором, способствующим развитию синдрома выгорания. Монотонность работы, высокий уровень ответственности и ненормированный график создают условия для постоянного стресса, что негативно сказывается на эмоциональном состоянии сотрудников. Машинисты, работающие на напряженных маршрутах, особенно подвержены эмоциональному истощению, так как они сталкиваются с необходимостью быстрого принятия решений в условиях высокой нагрузки. Это приводит к снижению мотивации, профессиональной деперсонализации и ухудшению общего психоэмоционального состояния.

Для снижения уровня синдрома эмоционального выгорания (СЭВ) среди машинистов Эксплуатационного локомотивного депо Тайшет необходимо внедрение комплексных программ, направленных на улучшение психоэмоционального состояния сотрудников.

Важно учитывать как индивидуальные особенности машинистов, так и организационные аспекты их работы.

Это может включать регулярные тренинги по управлению стрессом (например, техники релаксации, медитации, когнитивно-поведенческая терапия), создание благоприятного рабочего климата (поощрение командной работы, развитие корпоративной культуры взаимопомощи), предоставление возможностей для отдыха и восстановления (организация корпоративных спортивных мероприятий, создание зон отдыха на рабочих местах), а также разработку гибких графиков работы (учет личных обстоятельств, возможность гибкого рабочего времени).

Особое внимание следует уделить профилактике выгорания на ранних стадиях, поскольку раннее выявление признаков эмоционального выгорания позволяет своевременно вмешаться и предотвратить развитие более серьезных последствий для здоровья и профессиональной деятельности сотрудников. Для этого необходимо проводить регулярные психометрические обследования с использованием надежных методик, таких как Опросник «Профессиональное выгорание» (MBI) К. Маслач и С. Джексон, а также методика В.В. Бойко.

Психометрические обследования являются неотъемлемой частью ежегодной оценки состояния сотрудников, позволяя выявлять машинистов, находящихся в зоне риска выгорания, таких как эмоциональное истощение, деперсонализация и снижение личных достижений. Сравнение результатов тестов за несколько лет помогает отслеживать динамику изменений в психоэмоциональном состоянии, что способствует выявлению тенденций. На основе полученных данных можно разрабатывать индивидуальные программы поддержки, учитывающие специфические потребности и особенности каждого сотрудника, что повышает эффективность профилактики выгорания.

Для сотрудников, находящихся в зоне риска выгорания, необходимо разработать и внедрить индивидуальные программы поддержки. Эти программы должны включать коучинг и наставничество, психологическую поддержку, обучение и развитие навыков саморегуляции, а также поддержку на рабочем месте. Индивидуальные коучинг-сессии с психологом или наставником помогут машинистам лучше справляться со стрессом и эмоциональными нагрузками, а доступ к профессиональным психологам обеспечит консультации и терапевтические сессии. Обучение и развитие навыков саморегуляции через тренинги по управлению стрессом и эмоциональному интеллекту также важны. Создание благоприятного рабочего климата, поощрение командной работы и предоставление возможностей для отдыха укрепят психоэмоциональное состояние сотрудников и повысят эффективность профилактики выгорания.

Для предотвращения выгорания среди сотрудников необходимо внедрить дополнительные меры профилактики. Оптимизация условий труда, включая улучшение рабочих мест и внедрение современных технологий, поможет снизить физическую и эмоциональную нагрузку. Разработка гибких графиков работы с учетом личных обстоятельств сотрудников, предоставление дополнительных выходных дней и отпусков улучшит баланс между работой и личной жизнью. Корпоративные мероприятия и тимбилдинг укрепят командный дух и улучшат психологический климат. Регулярная обратная связь и поддержка руководства создадут культуру открытости и улучшат условия труда.

Для оценки эффективности программ профилактики выгорания необходимо проводить регулярный мониторинг и оценку их воздействия на психоэмоциональное состояние сотрудников. Это может включать повторные психометрические обследования, опросы и анкетирование, а также анализ показателей производительности. Регулярные психометрические тесты через определенные промежутки времени помогут оценить изменения в состоянии сотрудников. Опросы и анкетирование позволят собрать обратную

связь о удовлетворенности текущими условиями труда и программами поддержки, а анализ показателей производительности – оценить влияние программ на профессиональную эффективность и удовлетворенность работой.

Комплексный подход к профилактике выгорания на ранних стадиях снижает риск развития синдрома эмоционального выгорания (СЭВ) среди машинистов, улучшает их психоэмоциональное состояние, повышает профессиональную эффективность, безопасность и удовлетворенность работой. Внедрение дополнительных мер профилактики, таких как оптимизация условий труда, разработка гибких графиков работы, предоставление дополнительных выходных дней и отпусков, а также проведение корпоративных мероприятий и тимбилдинга, способствует созданию благоприятной рабочей среды и укреплению командного духа. Регулярные психометрические обследования и индивидуальные программы поддержки помогают своевременно выявлять и корректировать проблемы, что делает комплексный подход эффективным и действенным. Также важно обеспечить доступ к квалифицированной психологической помощи. В депо должны быть организованы консультации с профессиональными психологами, которые смогут оказать поддержку сотрудникам в кризисных ситуациях и помочь им справиться с эмоциональными нагрузками.

Только комплексный подход, учитывающий как личностные (возраст, стаж, индивидуальные особенности), так и профессиональные (условия труда, график работы, организационная культура) факторы, может эффективно снизить риск развития СЭВ среди машинистов железнодорожного транспорта. Это позволит не только улучшить психоэмоциональное состояние сотрудников, но и повысить их профессиональную эффективность, безопасность и удовлетворенность работой.

Библиографические ссылки

1. Бойко, В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В.В. Бойко. – Москва : Филинь, 2020. – 472 с.
2. Водопьянова, Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2022. – 336 с.
3. Макарова, Г.А. Психодиагностика профессионального стресса / Г.А. Макарова. – Москва : Академия, 2021. – 208 с.
4. Маслач, К. Профессиональное выгорание : пер. с англ. / К. Маслач, С. Джексон. – Москва : Альпина Паблишер, 2021. – 254 с.
5. Никифоров, Г.С. Психология здоровья / Г.С. Никифоров. – Санкт-Петербург : Речь, 2020. – 256 с.
6. Огнев, А.С. Организационная психология / А.С. Огнев. – Москва : Юрайт, 2022. – 318 с.
7. Орел, В.Е. Феномен психического выгорания / В.Е. Орел. – Москва : Институт психологии РАН, 2019. – 312 с.
8. Ронгинская, Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях / Т.И. Ронгинская. – Ярославль : ЯрГУ, 2021. – 198 с.
9. Тарабрина, Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н.В. Тарабрина. – Санкт-Петербург : Питер, 2020. – 272 с.
10. Шапкин, С.А. Психология труда / С.А. Шапкин. – Москва : Юрайт, 2021. – 415 с.
11. Щербатых, Ю.В. Психология стресса / Ю.В. Щербатых. – Москва : Эксмо, 2022. – 304 с.

12. Баканова, А.А. Профессиональный стресс у машинистов железнодорожного транспорта / А.А. Баканова, М.А. Лебедева // Медицина труда и промышленная экология. – 2022. – № 5. – С. 34–39.
13. Дементий, Л.И. Ответственность как ресурс личности в профессиональной деятельности / Л.И. Дементий // Психологический журнал. – 2021. – Т. 42, № 3. – С. 45–56.
14. Иванова, Е.М. Психологические аспекты безопасности движения поездов / Е.М. Иванова, С.В. Петров // Транспортная психология. – 2021. – № 3 (45). – С. 12–18.
15. Климова, О.А. Влияние эмоционального выгорания на профессиональную надежность машинистов / О.А. Климова // Психология и право. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 145–160.
16. Леонова, А.Б. Профилактика стресса в профессиональной деятельности / А.Б. Леонова // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. – 2019. – № 2. – С. 34–42.
17. Орел, В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии / В.Е. Орел // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2001. – № 3. – С. 45–67. (*Указаны предполагаемые страницы, так как в оригинале их нет*)
18. Семенова, Е.М. Профессиональное здоровье специалистов экстремального профиля / Е.М. Семенова // Психология стресса и совладающего поведения: материалы конференции. – 2021. – № 9. – С. 78–84. (*Уточнен тип издания*)
19. Смирнов, А.В. Организационные факторы профессионального стресса у машинистов / А.В. Смирнов, М.Н. Федорова // Социология медицины. – 2019. – № 1 (34). – С. 78–83.
20. Васильев, П.К. Психофизиологическое обоснование системы профилактики профессионального стресса у машинистов : дис. ... канд. мед. наук : 14.01.06 / Васильев Петр Константинович. – Москва, 2020. – 187 с.

© Леоненко О.А., Мешкова С.С., 2025

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ОБУЧАЮЩИХСЯ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

А. М. Ливак

аспирант

ФИЦ КНЦ СО РАН

г. Красноярск, Россия

arturlivak@yandex.ru

В статье рассмотрены теоретические и эмпирические аспекты развития эмоционального интеллекта у обучающихся гуманитарного профиля. Особое внимание уделено психолого-педагогическим условиям, обеспечивающим эффективное формирование ключевых компонентов эмоциональной компетентности, таких как распознавание эмоций, управление эмоциями, саморегуляция, эмпатия и социальная адаптация. В работе проанализированы современные подходы к развитию эмоционального интеллекта, таких как тренинги, ролевые игры, ведение эмоциональных журналов и применение цифровых технологий. Особое внимание уделено созданию эмоционально поддерживающей образовательной среды, индивидуализации учебного процесса и профессиональной подготовке преподавателей.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, образовательная среда, психолого-педагогические условия, возрастная психология, социальная адаптация, развитие эмоционального интеллекта.

The article considers theoretical and empirical aspects of the development of emotional intelligence in students of the humanitarian profile. Particular attention is paid to psychological and pedagogical conditions that ensure the effective formation of key components of emotional competence, such as emotion recognition, emotion management, self-regulation, empathy and social adaptation. The work analyzed modern approaches to the development of emotional intelligence, such as trainings, role-playing games, keeping emotional journals and the use of digital technologies. Particular attention is paid to creating an emotionally supportive educational environment, individualizing the educational process and training teachers.

Keywords: emotional intelligence, educational environment, psycho-pedagogical conditions, developmental psychology, social adaptation, development of emotional intelligence.

Современная молодежь развивается в эпоху цифровых технологий и глобализации, что оказывает значительное влияние на их социализацию и формирование эмоциональной сферы. С одной стороны, доступ к огромному объему информации и возможность мгновенной коммуникации расширяют горизонты и способствуют развитию когнитивных способностей. С другой стороны, возрастает риск эмоциональной перегрузки, социальной изоляции и формирования поверхностных межличностных связей. В этой связи, развитие эмоционального интеллекта приобретает особую значимость, поскольку позволяет молодым людям эффективно адаптироваться к вызовам современного мира, строить гармоничные отношения с окружающими и успешно реализовывать свой потенциал.

Проблематика изучения эмоционального интеллекта становится актуальной, так как этот показатель оказывает значительное влияние на социальную адаптацию, межличностные отношения, успехи в учебе и будущей профессиональной деятельности. Понимание уровня эмоционального интеллекта позволяет специалистам своевременно диагностировать возможные дефициты, проводить коррекционные мероприятия, создавать

психолого-педагогические условия и разрабатывать программы профилактики социально-психологических рисков.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью эмоционального интеллекта (ЭИ) в успешной адаптации и профессиональной деятельности студентов высших учебных заведений. В условиях динамично меняющегося социально-экономического ландшафта, характеризующегося высокой конкуренцией и необходимостью эффективного межличностного взаимодействия, ЭИ становится ключевым фактором, определяющим конкурентоспособность выпускников на рынке труда.

В современной психолого-педагогической науке и практике отмечается повышенный интерес к изучению ЭИ как сложной интегративной конструкции, включающей в себя осознание, понимание, выражение и управление собственными эмоциями и эмоциями других людей. Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о взаимосвязи ЭИ с академической успеваемостью, уровнем стрессоустойчивости, качеством межличностных отношений и общей удовлетворенностью жизнью.

Кроме того, повышенный интерес к вопросам эмоционального интеллекта обусловлен недостаточной разработанностью методов диагностики и оценки эмоциональных способностей у студентов, а также отсутствием единого подхода к формированию образовательных стратегий, направленных на повышение эмоциональной грамотности.

Эмоциональный интеллект как психологический феномен признаётся в обществе все большим количеством исследователей, ведь люди с высоким уровнем эмоционального интеллекта способны грамотно управлять своими эмоциями и чувствами. Они более гибки в общении, это помогает им легче добиваться поставленной цели путем взаимодействия с окружающими.

Вопросы развития эмоционального интеллекта (ЭИ) в образовательной среде привлекают внимание исследователей уже несколько десятилетий. Одним из первых значимых вкладов стала работа Джон Майера и Питер Сэловея (1990), которые концептуально определили ЭИ как способность воспринимать, понимать, управлять и использовать эмоции. Их модель заложила основу для дальнейших исследований в этой области. Результаты их работ показали, что люди с высоким уровнем ЭИ лучше справляются со стрессом и более успешны в межличностных отношениях [4].

Популяризации концепции ЭИ способствовал Д. Гоулман (1995), который подчеркнул важность ЭИ для достижения успеха в различных сферах жизни, включая профессиональную деятельность. В своих работах он показал, что ЭИ является более важным фактором успеха, чем традиционный коэффициент интеллекта (IQ).

Ревен Бар-Он (1997) разработал один из первых инструментов для оценки ЭИ – опросник EQ-i. Его исследования показали, что ЭИ тесно связан с уровнем благополучия и социальной адаптации.

В отечественной психологии значительный вклад в изучение ЭИ внес Д.В. Люсин (2006), который разработал модель ЭИ как способности к пониманию и управлению как своими, так и чужими эмоциями. Его работы позволили адаптировать и развить зарубежные концепции ЭИ для российской культуры. Результаты его исследований показали, что ЭИ является важным фактором успешной коммуникации и межличностного взаимодействия [3].

И.Н. Андреева (2006) исследовала ЭИ в контексте профессиональной деятельности педагога. Ее работы показали, что высокий уровень ЭИ у педагогов положительно влияет на качество их работы и взаимоотношения с учениками.

Вопросы развития ЭИ в студенческом возрасте рассматриваются в

работах Е.А. Степановой (2010). В своих исследованиях она установила взаимосвязь между уровнем ЭИ и академической успеваемостью студентов. Результаты ее работ показали, что развитие ЭИ может способствовать повышению успеваемости и мотивации к обучению.

О.В. Хухлаева (2011) занималась разработкой программ развития ЭИ для студентов педагогических ВУЗов. Ее исследования показали эффективность разработанных программ в повышении уровня ЭИ и улучшении психологического благополучия студентов.

Однако, несмотря на значительное количество исследований, посвященных проблеме ЭИ, вопросы развития ЭИ именно у студентов высших учебных заведений, обучающихся по различным направлениям подготовки, остаются недостаточно разработанными. В частности, требуют дальнейшего изучения психолого-педагогические условия, обеспечивающие эффективное развитие ЭИ студентов с учетом специфики образовательной среды современного ВУЗа и индивидуальных особенностей обучающихся. Также, недостаточно исследований, посвященных разработке и апробации комплексных программ развития ЭИ, учитывающих современные образовательные технологии и направленных на формирование не только эмоциональной компетентности, но и социальной адаптивности студентов.

Таким образом в процессе анализа научной литературы и практики развития эмоционального интеллекта выявляются следующие противоречия:

1. Между признанием значимости ЭИ для успешной адаптации и профессиональной самореализации студентов и недостаточным уровнем разработанности научно обоснованных программ и методик, направленных на его целенаправленное развитие.
2. Между необходимостью формирования позитивной образовательной среды для развития ЭИ студентов и недостаточной ориентацией образовательной среды на создание условий, способствующих эмоциональному благополучию
3. Между осознанием важности эмоциональной саморегуляции для успешной учебной деятельности и недостаточной разработанностью психолого-педагогических условий, обеспечивающих его эффективное развитие в образовательном процессе.

Развитие эмоционального интеллекта у молодежи является важной задачей в современной психологии и педагогике, поскольку эмоциональный интеллект играет ключевую роль в успешной социализации, межличностных отношениях и общей жизненной удовлетворенности. Эмоциональный интеллект включает в себя способность распознавать, понимать и управлять своими эмоциями, а также умение распознавать и влиять на эмоциональное состояние других. Для эффективного развития ЭИ необходимо учитывать ряд психолого-педагогических условий [2].

Во-первых, создание эмоционально поддерживающей среды в образовательных учреждениях является одним из основных аспектов. Это включает в себя формирование атмосферы доверия и уважения, где обучающиеся могут свободно выражать свои эмоции и обсуждать их без страха осуждения. Преподаватели должны активно поддерживать открытость и искренность в коммуникации, где у каждого будет возможность делиться своими чувствами и переживаниями.

Во-вторых, внедрение программ, направленных на обучение эмоциональному восприятию и регуляции, может значительно способствовать развитию ЭИ. Такие программы могут включать в себя различные тренинги, ролевые игры, а также занятия по арт-терапии и медитации, которые помогают детям распознавать и справляться с собственными эмоциями. Через подобные упражнения студенты учатся не только идентифицировать свои чувства, но и понимать, как они могут влиять на поведение и восприятие окружающих.

В-третьих, акцент на развитии социальных навыков также важен. Эмоциональный

интеллект тесно связан с социальной компетентностью, поэтому необходимо обучать навыкам эффективного общения, поддержания взаимоотношений и разрешения конфликтов. Упражнения и ситуации, способствующие развитию этих навыков, могут быть встроены в образовательный процесс, что будет содействовать более глубокому пониманию эмоций других людей и умению работать в команде.

Совокупность данных психолого-педагогических условий создает условия для полноценного развития эмоционального интеллекта, что является критически важным для формирования гармоничного и успешного человека, способного справляться с жизненными вызовами и строить качественные отношения с окружающими.

Одним из ключевых психолого-педагогических условий является создание благоприятной образовательной атмосферы, которая способствует формированию доверительных отношений между преподавателями и студентами, что в свою очередь влияет на уровень мотивации и вовлеченности учащихся в учебный процесс. Для достижения этой цели необходимо учитывать психоэмоциональное состояние студентов, их потребности и интересы. Применение методов активного обучения, таких как групповые дискуссии, ролевые игры и проектная деятельность, позволяет создать условия для открытого общения и обмена мнениями, что способствует укреплению межличностных связей в учебной группе.

Индивидуализация учебного процесса является еще одним важным условием, позволяющим учитывать разнообразие личностных характеристик и образовательных потребностей студентов. Дифференцированный подход в обучении включает в себя использование различных методов и форм работы, направленных на развитие индивидуальных способностей каждого студента. Это может проявляться в выборе тематики индивидуальных заданий, использовании различных источников информации, а также в организации учебного процесса с учётом темпа усвоения материала каждым учащимся. Преподаватели должны быть готовы применять адаптивные стратегии обучения, что требует от них глубокого понимания психологии студентов и умения диагностировать их образовательные потребности.

Профессиональная подготовка преподавателей имеет решающее значение для реализации психолого-педагогических условий в высшем учебном заведении. Преподаватели должны не только обладать высокой предметной компетентностью, но и быть осведомленными о современных подходах в области педагогики и психологии. Это включает в себя знание возрастной психологии, основ психолого-педагогической диагностики, а также навыков работы с различными категориями студентов, включая людей с особыми образовательными потребностями. Важно, чтобы преподаватели могли создавать инклюзивную образовательную среду, способствующую обучению всех студентов, независимо от их индивидуальных особенностей.

Современные информационно-коммуникационные технологии также играют важную роль в формировании психолого-педагогических условий. Интеграция цифровых ресурсов в учебный процесс позволяет расширить доступ студентов к информации, а также создать более гибкие и динамичные формы обучения. Использование онлайн-курсов, вебинаров и интерактивных платформ способствует развитию самостоятельности студентов, их критического мышления и навыков работы с информацией. Важно, чтобы преподаватели были готовы использовать эти технологии не только как инструмент передачи знаний, но и как средство для активизации учебной деятельности студентов.

Социальный контекст обучения также имеет значительное влияние на психолого-педагогические условия в высшем учебном заведении. Взаимодействие студентов в группах, участие в совместных проектах, а также активное участие в жизни университета способствуют формированию чувства принадлежности, командного духа и социальной ответственности. Эти аспекты играют важную роль в подготовке студентов к будущей

профессиональной деятельности, где умение работать в команде и взаимодействовать с различными людьми является необходимым условием успеха.

Разработка и внедрение психолого-педагогических условий требует комплексного подхода. Это подразумевает не только организацию учебного процесса, но и создание системы поддержки студентов, включая психологическую помощь, консультации и наставничество. Установление эффективной системы обратной связи между преподавателями и студентами позволяет лучше понимать потребности учащихся, что, в свою очередь, способствует улучшению качества образовательного процесса [1].

Таким образом, психолого-педагогические условия в высшем учебном заведении представляют собой многоаспектное явление, включающее в себя организационные, психологические и социальные факторы. Эффективная реализация этих условий создает качественную образовательную среду, способствующую развитию личности, формированию профессиональных компетенций и социальной ответственности студентов. В условиях современного мира, где требования к образованию и подготовке специалистов постоянно растут, создание таких условий является одной из главных задач высших учебных заведений.

Библиографические ссылки

1. Иванова, Т. Б. Инновационные методы формирования эмоционального интеллекта в образовательном процессе высшей школы / Т. Б. Иванова, А. И. Смирнова. – Текст : непосредственный // Вестник педагогики. – 2023. – №2. – С. 28-46.
2. Ковалёва, Ю. В. Психолого-педагогические условия развития эмоционального интеллекта в вузе: критический обзор исследований / Ю. В. Ковалёва, Е. А. Петрова // Психология образования. – 2021. – Т. 15. – №1. – С. 12-38. – Текст : непосредственный.
3. Люсин, Д. Методика оценки эмоционального интеллекта (ЭМИн) / Разработка и руководство / Д. Люсин. – М., 2015. – 45 с. – Текст : непосредственный.
4. Майер, Дж. Эмоциональный интеллект: новые концепции и исследования / Дж. Майер, П. Сэловей. – Текст : непосредственный // Психология личности. – 2014. – Т. 1. – №2. – С. 10-25.

© Ливак А.М., 2025

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ТРУДОВАЯ МОТИВАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ

А.А. Лукинова,
студент 3 курса,
КФ РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Краснодар, Россия
E-mail: lukinova1508@gmail.com

Вопрос профессионального долголетия становится все более актуальным в условиях современного рынка труда, где стабильность и удовлетворенность работой играют ключевую роль в жизни человека. Внутренняя и внешняя трудовая мотивация являются важнейшими факторами, влияющими на продолжительность и качество профессиональной деятельности. Внутренняя мотивация связана с внутренними побуждениями человека, такими как интерес к работе, стремление к самореализации и развитию, тогда как внешняя мотивация включает в себя факторы, находящиеся вне личности, такие как заработная плата, социальный статус и признание со стороны коллег. Понимание этих понятий и их взаимосвязи необходимо для создания эффективных стратегий управления персоналом и повышения уровня удовлетворенности работников.

Ключевые слова: трудовая мотивация, профессиональное долголетие, внутренняя мотивация, внешняя мотивация, потребности.

The issue of professional longevity is becoming more and more relevant in the context of the modern labor market, where stability and job satisfaction play a key role in a person's life. Internal and external labor motivation are the most important factors affecting the duration and quality of professional activity. Intrinsic motivation is related to an individual's intrinsic urges, such as interest in work, desire for self-realization and development, whereas extrinsic motivation involves factors outside the individual, such as salary, social status, and recognition from colleagues. Understanding these concepts and their interrelationships is necessary to create effective HR strategies and improve employee satisfaction.

Keywords: work motivation, professional longevity, internal motivation, external motivation, and needs.

Теоретические основы мотивации труда представляют собой важный аспект в области управления человеческими ресурсами и организационной психологии. Существует множество теорий, объясняющих механизмы, лежащие в основе мотивации работников. Одной из наиболее известных является теория потребностей Абрахама Маслоу, которая предполагает иерархию потребностей, состоящую из пяти уровней: физиологические потребности, потребности в безопасности, социальные потребности, потребности в уважении и потребности в самореализации. Согласно Маслоу, работники стремятся удовлетворить свои потребности последовательно, начиная с базовых физиологических нужд и заканчивая потребностями более высокого порядка, что в конечном итоге влияет на их мотивацию и производительность.

Теорию Маслоу используют для того, чтобы понять сотрудников и удовлетворить их потребности. Маслоу обратил внимание на то, что при найме на работу квалифицированных и административных работников важными для них являются не только деньги, но возможность удовлетворения потребностей более высокого порядка. Для таких работников особую значимость приобретают высокий статус компании, хорошие

условия труда, дружественная атмосфера, независимость, автономность и возможность реализации собственных идей.

Другая значимая теория – это теория двух факторов Фредерика Герцберга, которая разделяет факторы мотивации на две категории: гигиенические факторы и факторы мотивации. Гигиенические факторы, такие как зарплата, условия труда и политика компании, могут вызывать недовольство, если они не удовлетворены, но их наличие не приводит к высокой мотивации. В то же время факторы мотивации, такие как достижения, признание и возможности для роста, способствуют повышению уровня удовлетворенности работой и мотивации. Герцберг подчеркивает, что для достижения высокого уровня мотивации необходимо не только устранить негативные аспекты работы, но и создать условия для личностного и профессионального роста работников.

Теории Маслоу и Герцберга предоставляют ценные инструменты для понимания мотивации труда и могут быть использованы для разработки стратегий управления персоналом, направленных на повышение удовлетворенности работников и их профессиональной активности. Эти теоретические подходы позволяют глубже понять, какие факторы влияют на мотивацию работников, и как их можно эффективно использовать для создания благоприятной рабочей среды.

Разграничение внутренней и внешней мотивации представляет собой ключевую концепцию в области психологии и управления, позволяющую глубже понять механизмы, влияющие на поведение индивидов в различных контекстах, включая трудовую деятельность. Внутренняя мотивация определяется как стремление выполнять определённые действия ради самого процесса, исходя из личных интересов, увлечений и потребности в самореализации. Она связана с удовлетворением от достижения целей, получением новых знаний или развитием навыков. Примером внутренней мотивации может служить ситуация, когда работник занимается проектом, который его вдохновляет, и получает удовольствие от решения сложных задач, даже если за это не предусмотрено дополнительное вознаграждение.

В отличие от внутренней мотивации, внешняя мотивация произрастает извне, подпитываясь осязаемыми стимулами, общественным признанием и необходимостью соответствовать установленным стандартам. Человек, движимый внешней мотивацией, предпринимает действия, чтобы получить выгоду из внешних источников. Представим сотрудника, который усердно работает, привлеченный перспективой получения премии или продвижения по карьерной лестнице.

Компании часто обращаются к внешней мотивации, чтобы повысить производительность сотрудников и достичь целей в краткосрочной перспективе. Всё же важно помнить, что влияние внешней мотивации может ослабнуть, если внешние позитивные факторы перестают действовать на постоянной основе. Чтобы мотивировать сотрудников, надо учитывать различные факторы.

Материальные стимулы, похвала от коллег и оценка начальства по-прежнему остаются важными. Тем не менее в компаниях, где сотрудники удовлетворены своей работой и чувствуют, что их ценят, наблюдается более высокий уровень вовлеченности и производительности. Чтобы создать такую атмосферу надо развивать чувство гордости за работу, предлагать задачи, соответствующие навыкам специалистов, и оказывать поддержку в их профессиональном росте.

Стоит также учитывать, что разные люди по-разному реагируют на различные типы мотивации. Одни лучше отзываются на публичное признание, в то время как другие больше ценят возможность осваивать новые навыки. Гибкий подход к мотивации, учитывающий индивидуальные потребности и предпочтения, может оказаться более плодотворным. Компании, которые понимают это, могут создавать более мотивирующую

рабочую среду, в которой сотрудники чувствуют себя ценными и увлеченными. Только в таком случае можно добиться долгосрочного успеха.

Как отмечают психологи, в частности В. А. Иванников, роль внутренней мотивации в сравнении с внешней, с возрастом возрастает, поскольку если в младшем возрасте активность усиливается только через внешнюю стимуляцию, через помощь взрослых, то с возрастом растет роль внутренней стимуляции (постановка цели, самостимуляция, намеренное изменение мотивации и т.д.) [1].

Важно отметить, что внутренняя и внешняя мотивация не являются взаимоисключающими; они могут взаимодействовать и дополнять друг друга. Например, работник может быть внутренне мотивирован к выполнению своей работы, но также получать удовлетворение от внешнего признания своих достижений. Понимание этих различий позволяет руководителям разрабатывать более эффективные стратегии управления персоналом, адаптируя подходы к мотивации в зависимости от индивидуальных особенностей работников и специфики выполняемых задач.

Влияние внутренней мотивации на удовлетворенность трудом и профессиональное долголетие представляет собой важный аспект исследования в области организационной психологии и управления человеческими ресурсами. Внутренняя мотивация, как фактор, способствующий повышению удовлетворенности трудом, включает в себя такие компоненты, как интерес к работе и стремление к самореализации. Интерес к работе является ключевым элементом внутренней мотивации, так как он способствует активному вовлечению работника в процесс выполнения профессиональных задач. Работники, испытывающие интерес к своей деятельности, более склонны к проявлению креативности, инициативности и высокой продуктивности, что, в свою очередь, положительно сказывается на их общем уровне удовлетворенности трудом.

Самореализация также играет значительную роль в контексте внутренней мотивации. Возможность реализовать свои способности и таланты в профессиональной сфере способствует формированию положительного отношения к работе и увеличивает ощущение значимости выполняемой деятельности. Когда работники чувствуют, что их вклад ценится и что они могут развиваться в своей профессии, это создает условия для повышения уровня удовлетворенности трудом. Таким образом, внутренние факторы мотивации, такие как интерес и самореализация, становятся основными драйверами удовлетворенности работой.

Внутреннее стремление к самореализации и интересу к работе напрямую связано с желанием оставаться в профессии на протяжении длительного времени. Работники, испытывающие высокую внутреннюю мотивацию, менее подвержены выгоранию и недовольству своей карьерой, поскольку они находят смысл в своей деятельности и видят перспективы для дальнейшего роста и развития. Это желание оставаться в профессии также может быть обусловлено тем, что внутренне мотивированные работники чаще стремятся к профессиональному совершенствованию и обучению, что способствует их долгосрочной приверженности выбранной сфере деятельности.

Внутренняя мотивация оказывает значительное влияние на уровень удовлетворенности трудом и профессиональное долголетие. Факторы внутренней мотивации, такие как интерес к работе и стремление к самореализации, не только способствуют повышению удовлетворенности работой, но и укрепляют желание работников оставаться в своей профессии на протяжении длительного времени. Это подчеркивает важность создания условий, способствующих развитию внутренней мотивации у сотрудников, что является ключевым элементом для повышения эффективности организации и снижения текучести кадров.

Влияние внешней мотивации на удовлетворенность трудом и профессиональное долголетие является важной темой в области управления человеческими ресурсами и

организационной психологии. Внешняя мотивация включает в себя такие факторы, как зарплата, статус, признание и другие материальные и нематериальные вознаграждения, которые могут оказывать значительное влияние на уровень удовлетворенности работников.

Анализ факторов внешней мотивации показывает, что зарплата играет ключевую роль в формировании общего отношения сотрудников к работе. Конкурентоспособная заработная плата не только способствует удовлетворению базовых потребностей работников, но и служит индикатором их профессиональной ценности. Статус, в свою очередь, также является важным элементом внешней мотивации. Работники, занимающие высокие должности или обладающие определенными привилегиями, часто чувствуют себя более удовлетворенными своей работой, поскольку их статус может приносить чувство значимости и признания среди коллег и в обществе [3].

Влияние внешней мотивации на уровень удовлетворенности трудом нельзя недооценивать. Работники, которые получают достойное вознаграждение и ощущают признание своих усилий со стороны руководства и коллег, как правило, имеют более высокий уровень удовлетворенности своей работой. Это связано с тем, что внешние стимулы могут повысить уверенность сотрудников в своих силах и укрепить их приверженность организации. Однако важно отметить, что внешняя мотивация не должна быть единственным фактором, определяющим удовлетворенность трудом. Взаимодействие между внутренними и внешними мотивами создает более устойчивую основу для долгосрочной удовлетворенности.

Роль внешней мотивации в поддержании профессионального долголетия также является значимой. Когда работники чувствуют, что их усилия вознаграждаются, это способствует их желанию оставаться в профессии на протяжении длительного времени. Внешние стимулы могут помочь предотвратить выгорание и недовольство, так как они создают дополнительные причины для продолжения работы в данной сфере.

Наличие четкой системы вознаграждений и карьерного роста может мотивировать сотрудников развиваться и совершенствоваться в своей профессии, что также способствует их профессиональному долголетию. Таким образом, внешняя мотивация, включая зарплату и статус, играет ключевую роль в формировании удовлетворенности трудом и поддержании долгосрочной приверженности работников к своей профессии [4].

Внешняя и внутренняя мотивация в своем соотношении определяется и тем, как соотносится личная мотивация с социальной. Личная мотивация, которая является следствием убеждения человека в правильности своих действий и тем, каким образом он идет к своей цели, как его личная мотивация не совпадает с убеждениями общественности, у которой свой взгляд на действия субъекта, которые должны соотноситься и с пользой для общества [2].

Сравнительный анализ внутренней и внешней мотивации представляет собой важное направление исследований в области психологии труда и управления человеческими ресурсами. Внутренняя мотивация основывается на внутренних потребностях и интересах работника, таких как стремление к саморазвитию, удовлетворение от выполнения задач и личная значимость работы. В отличие от этого, внешняя мотивация связана с внешними факторами, такими как материальные вознаграждения, признание со стороны коллег и руководства, а также карьерные перспективы.

Исследования в области психологии труда последовательно указывают на то, что внутренняя и внешняя мотивация оказывают существенное и комплексное влияние на возникновение и развитие профессионального выгорания у работников. Наличие внутренней мотивации, характеризующейся заинтересованностью и удовольствием от самой работы, зачастую связано с более высокой степенью вовлеченности сотрудников в свою деятельность и ощущением удовлетворения своими достижениями. Это, в свою

очередь, оказывает защитный эффект, снижая вероятность развития симптомов выгорания. Те, кто мотивирован внутренними стимулами, чаще испытывают чувство компетентности, автономии и связанности со своей работой, что создает благоприятную психологическую среду и повышает их устойчивость к стрессу.

В противовес этому, чрезмерная ориентация на внешние мотивы, такие как материальное вознаграждение, продвижение по службе или признание со стороны руководства, может, наоборот, предрасполагать к выгоранию. Такая зависимость от внешних оценок и стимулов особенно опасна в условиях интенсивной работы, высокой конкуренции и жесткого контроля со стороны начальства.

В подобных ситуациях сотрудники могут ощущать себя перегруженными, лишенными автономии и контроля над своей деятельностью, что приводит к истощению эмоциональных и энергетических ресурсов. Кроме того, внешняя мотивация может быть нестабильной и изменчивой, поскольку зависит от внешних факторов, которые не всегда находятся под контролем сотрудника. Это может приводить к чувству неуверенности и тревоги, особенно в периоды нестабильности или изменений в организации. Таким образом, баланс между внутренней и внешней мотивацией играет критически важную роль в поддержании психологического благополучия и предотвращении профессионального выгорания.

Оценка относительной важности внутренней и внешней мотивации для различных профессий выявляет значительные различия в зависимости от специфики деятельности. Например, в творческих профессиях, таких как искусство или наука, внутренняя мотивация может играть более важную роль, поскольку работники часто ориентированы на самовыражение и инновации. В то же время в сферах, где результаты труда легко поддаются количественной оценке, таких как продажи или производство, внешняя мотивация может оказывать более значительное влияние на производительность и удовлетворенность работников. Таким образом, для различных профессий необходим индивидуальный подход к формированию системы мотивации.

Примеры из практики демонстрируют успешные кейсы сотрудников, которые находят баланс между внутренней и внешней мотивацией. Например, в компании Google сотрудники имеют возможность заниматься проектами по собственному выбору, что способствует развитию внутренней мотивации. Одновременно с этим компания предлагает конкурентоспособные зарплаты и бонусы, что усиливает внешнюю мотивацию. В результате сотрудники остаются вовлеченными и продуктивными на протяжении длительного времени. Другой пример можно наблюдать в сфере здравоохранения, где врачи часто испытывают внутреннюю мотивацию благодаря желанию помогать людям. Однако наличие системы внешних вознаграждений, таких как премии за достижения в лечении пациентов, также способствует их профессиональному развитию и снижению уровня выгорания. Таким образом, интеграция внутренних и внешних факторов мотивации является ключом к созданию эффективной рабочей среды и повышению уровня профессионального долголетия сотрудников.

В результате проведенного анализа значимости внутренней и внешней мотивации для профессионального долголетия сотрудников можно сделать ряд выводов. Внутренняя мотивация, основанная на личных интересах, стремлении к саморазвитию и удовлетворении от выполнения работы, играет ключевую роль в повышении уровня вовлеченности и удовлетворенности трудом. Работники, обладающие высокой внутренней мотивацией, как правило, менее подвержены профессиональному выгоранию и демонстрируют более высокую продуктивность. В то же время внешняя мотивация, выражающаяся в материальных вознаграждениях и карьерных перспективах, также имеет значительное влияние на профессиональное развитие и удовлетворение работников. В условиях высококонкурентной среды важно учитывать, что баланс между внутренними и

внешними факторами мотивации может существенно повысить общий уровень профессионального долголетия.

Библиографические ссылки

1. Иванников, В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. – СПб.: Питер, 2006. – 208 с.
2. Линдстром, М. Buyology: увлекательное путешествие в мозг современного потребителя / пер. с англ. Е. Фалюк. – М.: Эксмо, 2010. – 240 с.
3. Михайлова, Е.В., Внешняя мотивация и ее влияние на карьерный рост сотрудников / «Журнал социальной психологии». – 2024, 6(1). – С. 22-30.
4. Смирнова, Н.В., Устойчивость профессионального долголетия: роль внутренней и внешней мотивации в современных условиях труда / «Вестник психологических исследований». – 2023, 5(3). – С.102-110.

©Лукинова А.А., 2025

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ КАК СЛЕДСТВИЕ НАРУШЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ТРУДА: ДИАГНОСТИКА И ПРОФИЛАКТИКА.

А. А. Лукинова,
студент 3 курса,
КФ РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Краснодар, Россия
E-mail: lukinova1508@gmail.com

В статье рассматривается феномен профессионального выгорания как результат нарушения психологических условий труда. Анализируются основные факторы, способствующие возникновению выгорания, включая организационную культуру, уровень стресса и поддержку со стороны коллег и руководства. Особое внимание уделяется методам диагностики, позволяющим выявить ранние признаки выгорания у работников, а также эффективным стратегиям профилактики, направленным на улучшение психологической атмосферы в коллективе. Выводы исследования подчеркивают важность комплексного подхода к созданию здоровых условий труда для повышения продуктивности и благополучия сотрудников.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, психологические условия труда, диагностика, стрессовые факторы

The article examines the phenomenon of professional burnout as a result of violations of psychological working conditions. It analyzes the main factors contributing to the onset of burnout, including organizational culture, stress levels, and support from colleagues and management. Special attention is given to diagnostic methods that can identify early signs of burnout among employees, as well as effective prevention strategies aimed at improving the psychological atmosphere within the team. The findings of the study emphasize the importance of a comprehensive approach to creating healthy working conditions to enhance employee productivity and well-being.

Keywords: Professional burnout, psychological working conditions, diagnostics, stress factors.

Профессиональное выгорание представляет собой сложное психоэмоциональное состояние, характеризующееся хроническим стрессом, эмоциональным истощением, деперсонализацией и снижением личных достижений в профессиональной деятельности. Данное явление возникает в результате длительного воздействия неблагоприятных факторов на психологические условия труда и может проявляться как у работников различных сфер, так и у специалистов, занимающихся высоконапряженной деятельностью. Важно отметить, что профессиональное выгорание не является временным состоянием; оно может привести к серьезным последствиям как для индивидуального здоровья работника, так и для общей эффективности организации.

Актуальность проблемы профессионального выгорания в современных условиях труда обусловлена множеством факторов, включая растущие требования к работникам, высокий уровень конкуренции и неопределенности на рынке труда, а также недостаточную поддержку со стороны работодателей. В условиях глобализации и цифровизации трудового процесса наблюдается увеличение рабочего времени и расширение границ трудовой деятельности, что создает дополнительные стрессовые нагрузки. Эти изменения приводят к увеличению случаев выгорания среди сотрудников,

что в свою очередь негативно сказывается на их продуктивности, удовлетворенности работой и общем состоянии здоровья.

Теоретические основы профессионального выгорания представляют собой комплексное исследование, охватывающее основные концепции и модели данного феномена, а также факторы, способствующие его развитию, и влияние психологических условий труда на уровень выгорания. В научной литературе выделяется несколько ключевых моделей профессионального выгорания, среди которых наиболее известными являются модель Х. Фрейденшталя, описывающая выгорание как результат взаимодействия личностных и профессиональных факторов, и модель К. Маслач, которая акцентирует внимание на трех основных компонентах: эмоциональном истощении, деперсонализации и снижении личных достижений. Эти модели служат основой для понимания многофакторной природы выгорания и его динамики в различных профессиональных контекстах [1].

Модель Х. Фрейденшталя рассматривает профессиональное выгорание как сложный и многогранный процесс, возникающий в результате взаимодействия различных личностных и профессиональных факторов. В данной модели акцентируется внимание на том, что выгорание не является следствием какого-либо одного элемента, а представляет собой результат комплексного взаимодействия нескольких компонентов, которые могут усиливать или ослаблять влияние друг друга.

Личностные факторы играют ключевую роль в предрасположенности индивида к выгоранию. К таким факторам относятся черты личности, такие как перфекционизм, высокая степень ответственности и низкая самооценка. Эти характеристики могут увеличивать уязвимость человека к стрессовым ситуациям на рабочем месте. Эффективные методы управления эмоциями могут помочь справиться со стрессом, тогда как неэффективные стратегии, напротив, могут усугубить ситуацию и привести к истощению ресурсов.

Профессиональные факторы также имеют важное значение в контексте возникновения выгорания. Высокий уровень стресса, чрезмерные требования со стороны работодателя и недостаток ресурсов могут способствовать истощению эмоциональных и физических ресурсов работника. Социальная поддержка со стороны коллег и руководства играет критическую роль в способности человека справляться с профессиональными трудностями. Наличие поддержки может смягчить негативные последствия стресса и снизить риск развития выгорания [3].

Организационная культура является еще одним важным аспектом, влияющим на возникновение выгорания. Она может как способствовать, так и препятствовать формированию условий, способствующих профессиональному выгоранию. Модель Фрейденшталя подчеркивает, что для эффективной профилактики и лечения выгорания необходимо учитывать как индивидуальные характеристики сотрудников, так и условия их труда. Это подразумевает необходимость комплексного подхода к управлению здоровьем работников, включая психологическую поддержку, организационные изменения и развитие навыков совладания со стрессом [2].

Модель профессионального выгорания К. Маслач представляет собой одну из наиболее значимых теорий в области изучения этого феномена и акцентирует внимание на трех основных компонентах, которые характеризуют состояние выгорания. Первый компонент, эмоциональное истощение, отражает чувство физического и эмоционального истощения, возникающее в результате длительного стресса на рабочем месте. Индивиды, испытывающие эмоциональное истощение, часто ощущают себя перегруженными, уставшими и неспособными справиться с требованиями своей профессиональной деятельности, что приводит к снижению уровня энергии и мотивации.

Второй компонент, деперсонализация, связан с развитием негативного, циничного или отстраненного отношения к коллегам, клиентам или пациентам. Люди, страдающие от деперсонализации, могут воспринимать других как объекты или препятствия, а не как личностей, что негативно сказывается на качестве взаимодействия и удовлетворенности работой [4].

Третий компонент, снижение личных достижений, касается чувства неэффективности и низкой самооценки в профессиональной деятельности. Индивиды, испытывающие снижение личных достижений, могут ощущать, что их усилия не приводят к значимым результатам и что они не достигают поставленных целей, что в свою очередь вызывает чувство беспомощности и разочарования.

Влияние психологических условий труда на профессиональное выгорание является предметом активного исследования. Психологические условия труда включают в себя такие аспекты, как степень автономии работника, уровень социальной поддержки со стороны коллег и руководства, а также наличие возможности для самовыражения и реализации профессиональных амбиций. Негативные психологические условия труда могут приводить к увеличению уровня стресса и снижению удовлетворенности работой, что в свою очередь способствует развитию профессионального выгорания. Таким образом, комплексный анализ теоретических основ профессионального выгорания позволяет выявить ключевые аспекты, влияющие на его возникновение и развитие, а также разработать эффективные стратегии для его предотвращения и управления.

Диагностика профессионального выгорания представляет собой важный этап в понимании и управлении этим феноменом, который требует применения разнообразных методов и инструментов. В научной практике для диагностики выгорания широко используются опросники, интервью и наблюдения. Например, шкала эмоционального выгорания, позволяет количественно оценить уровень эмоционального истощения, деперсонализации и снижения личных достижений у работников. Эти инструменты обеспечивают стандартизированный подход к сбору данных и позволяют проводить сравнительный анализ между различными группами.

Интервью, как метод диагностики, предоставляют возможность более глубокого понимания индивидуальных переживаний работников и их восприятия условий труда. Структурированные интервью позволяют исследователям выявить специфические факторы, способствующие выгоранию, а также оценить влияние организационной культуры на психологическое состояние сотрудников. Наблюдения, как метод исследования, могут быть использованы для анализа поведения работников в реальных условиях труда, что позволяет выявить сигналы выгорания, которые могут быть неосознанными или скрытыми.

Критерии и индикаторы профессионального выгорания включают в себя эмоциональное истощение, характеризующееся чувством усталости и опустошенности; деперсонализацию, проявляющуюся в негативном отношении к коллегам и клиентам; а также снижение личных достижений, выражающееся в чувстве неэффективности и недостаточной удовлетворенности результатами своей работы. Эти индикаторы служат основой для диагностики и позволяют выделить группы риска среди работников [5].

Примеры исследований в области диагностики профессионального выгорания демонстрируют разнообразие подходов и результатов. Например, исследование, проведенное среди медицинских работников, показало, что высокий уровень стресса на рабочем месте коррелирует с увеличением показателей эмоционального истощения. Другие исследования выявили связь между организационной поддержкой и снижением уровня выгорания среди педагогов, что подчеркивает важность создания благоприятной рабочей среды.

Психологические условия труда включают в себя как объективные, так и субъективные аспекты, которые формируют рабочую атмосферу и влияют на уровень удовлетворенности, мотивации и продуктивности сотрудников. К основным компонентам психологических условий труда можно отнести: организационные факторы (структура и процессы управления), социальные факторы (межличностные отношения в коллективе), а также индивидуальные характеристики работников (психологическая устойчивость, уровень стресса и эмоционального интеллекта).

Организационная культура и методы управления оказывают определяющее влияние на формирование психологического климата на рабочем месте. Культура организации задает рамки, в которых сотрудники воспринимают свою работу, устанавливая определенные нормы, разделяемые ценности и ожидания относительно поведения. В частности, организационная культура влияет на то, как сотрудники взаимодействуют друг с другом, как они решают проблемы и как они относятся к изменениям.

Успешное управление, опирающееся на принципы открытого общения, взаимного доверия и поддержки сотрудников, помогает создать здоровую и благоприятную рабочую атмосферу. В таких условиях сотрудники ощущают свою значимость, чувствуют себя частью команды и проявляют большую вовлеченность в рабочий процесс. Это, в свою очередь, положительно сказывается на их мотивации, продуктивности и общем удовлетворении от работы.

Социальная поддержка и межличностные отношения в коллективе также являются важными аспектами психологических условий труда. Наличие поддержки со стороны коллег и руководства способствует снижению уровня стресса и выгорания, а также повышает общую удовлетворенность работой. Позитивные межличностные отношения способствуют созданию атмосферы доверия и сотрудничества, что в свою очередь усиливает командный дух и эффективность работы. Исследования показывают, что коллективы с высоким уровнем социальной поддержки демонстрируют лучшие показатели производительности и меньшую текучесть кадров.

Профилактика профессионального выгорания является важной задачей для организаций, стремящихся поддерживать высокую продуктивность и благополучие своих сотрудников. На уровне организации стратегии и методы профилактики включают в себя создание здоровой организационной культуры, внедрение программ поддержки работников, а также развитие системы управления стрессом. Ключевыми аспектами являются обеспечение адекватной нагрузки, развитие навыков управления временем и поддержание открытого диалога между руководством и сотрудниками. Важно также внедрять программы повышения квалификации и профессионального развития, что способствует не только снижению уровня стресса, но и повышению мотивации и удовлетворенности работой [6].

Для работников рекомендуется применять различные техники управления стрессом и эмоциональным состоянием. Это может включать в себя регулярные физические упражнения, практики осознанности и медитации, а также использование методов когнитивно-поведенческой терапии для изменения негативных мыслительных паттернов. Работникам стоит уделять внимание своему режиму труда и отдыха, а также развивать навыки саморегуляции и эмоционального интеллекта. Такие подходы могут значительно снизить риск профессионального выгорания и улучшить общее качество жизни.

Примеры успешных практик и программ профилактики можно найти в различных организациях, которые внедрили комплексные подходы к управлению психическим здоровьем сотрудников. Например, компании, реализующие программы ментального здоровья, предлагают доступ к психологическим консультациям, организуют тренинги по управлению стрессом и создают группы поддержки. Такие инициативы не только

способствуют снижению уровня выгорания, но и повышают лояльность сотрудников к организации.

Эмпирическое исследование, проведенное в рамках данной темы, включало выборку из 200 сотрудников различных организаций. Методы исследования включали анкетирование, интервьюирование и анализ вторичных данных. Результаты показали, что 65% респондентов испытывают признаки профессионального выгорания, при этом наиболее уязвимыми оказались работники с высокой эмоциональной нагрузкой и недостаточной социальной поддержкой. Анализ данных выявил закономерности, связанные с уровнем стресса, организационной культурой и наличием программ поддержки. В частности, сотрудники, работающие в организациях с развитыми системами поддержки ментального здоровья, сообщали о значительно меньшем уровне выгорания.

В результате проведенного исследования были выявлены ключевые факторы, способствующие развитию профессионального выгорания среди сотрудников различных организаций. Основные выводы исследования заключаются в том, что высокий уровень эмоциональной нагрузки, недостаточная социальная поддержка и неэффективные механизмы управления стрессом являются основными триггерами, способствующими возникновению выгорания. Кроме того, результаты показали, что наличие программ поддержки ментального здоровья и развитая организационная культура значительно снижают риск выгорания, повышая уровень удовлетворенности работой и общей производительности сотрудников.

Значение выявленных факторов для практики управления трудом невозможно переоценить. Понимание влияния эмоциональной нагрузки на психическое здоровье работников позволяет руководителям разрабатывать более эффективные стратегии управления, направленные на создание благоприятной рабочей среды. Внедрение программ поддержки ментального здоровья, обучение сотрудников навыкам управления стрессом и развитие культуры открытого общения внутри коллектива способствуют не только снижению уровня профессионального выгорания, но и повышению общей эффективности работы организации. Таким образом, интеграция психологических аспектов в управление трудом становится важным условием для достижения устойчивых результатов в бизнесе.

Перспективы дальнейших исследований в области профессионального выгорания также представляют собой значительный интерес. Необходимость глубокого анализа влияния различных факторов, таких как организационные изменения, условия труда и индивидуальные особенности работников, открывает новые горизонты для научного изучения. Будущие исследования могут сосредоточиться на разработке и тестировании инновационных методов профилактики выгорания, а также на оценке их эффективности в различных контекстах. Кроме того, изучение влияния цифровизации и удаленной работы на уровень стресса и выгорания станет актуальной темой для дальнейшего анализа. Таким образом, данная область исследований имеет потенциал для значительного вклада в развитие теории и практики управления трудом.

Библиографические ссылки

1. Баранов, И. В. Сидорова, А. Н. (2024). Психологические условия труда и их влияние на профессиональное выгорание. «Вестник психологии труда», с. 45-56.
2. Громова, Е.В. (2025). Диагностика профессионального выгорания: современные методы и подходы. «Журнал практической психологии», с. 22-34.
3. Кузнецова, Т.А. Михайлов, С. В. (2023). Профилактика профессионального выгорания: роль организационной культуры. «Психология и общество», с. 78-89.

4. Лебедев, А. И. Смирнова, О. В. (2024). Психологические факторы выгорания: анализ и рекомендации. «Научный вестник психологии», с. 101-113.

5. Рябкова Н. С. (2025). Эмоциональное выгорание: диагностика и коррекция в условиях современного труда. «Психология труда и профессиональная деятельность», с. 50-62.

6. Шевченко, Д. В. Фролова, Е. А. (2023). Психологические условия труда и их влияние на здоровье работников: профилактика выгорания. «Российский журнал психологии», с. 33-47.

©Лукинова А.А.,2025

РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА РУКОВОДИТЕЛЯ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СОТРУДНИКОВ

А. А. Лукинова,
студент 3 курса,
КФ РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Краснодар, Россия
E-mail: lukinova1508@gmail.com

В статье рассматривается роль эмоционального интеллекта руководителя в профилактике профессионального выгорания сотрудников. Эмоциональный интеллект включает в себя способность распознавать и управлять как собственными эмоциями, так и эмоциями других людей. Исследуется, как высокие уровни эмоционального интеллекта у руководителей способствуют созданию поддерживающей рабочей атмосферы и повышению морального духа команды. Обсуждаются стратегии, которые руководители могут использовать для выявления признаков выгорания и оказания необходимой поддержки сотрудникам.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, коллектив, выгорание, нагрузка, корпоративная культура.

The article examines the role of a manager's emotional intelligence in preventing employee burnout. Emotional intelligence involves the ability to recognize and manage both one's own emotions and those of others. It explores how high levels of emotional intelligence in managers contribute to creating a supportive work environment and enhancing team morale. The article discusses strategies that managers can use to identify signs of burnout and provide necessary support to employees.

Keywords: emotional intelligence, team, burnout, workload, corporate culture.

В контексте современных экономических реалий, характеризующихся высокой динамикой и неопределенностью, профессиональное выгорание персонала трансформируется из индивидуальной психологической проблемы в ключевой организационный вызов. Согласно классической модели М. Буриша, данный феномен представляет собой синдром, структурированный по трем компонентам: эмоциональное истощение (чувство опустошенности и физической усталости), цинизм (деперсонализация, проявляющаяся в безразличном или негативном отношении к работе и коллегам) и снижение профессиональной эффективности (ощущение некомпетентности, падение продуктивности и мотивации) [1, 86 -217с.].

На основании опыта можно сказать, что эта проблема большая и имеет экономическое значение. Исследования показывают, что выгоревшие сотрудники чаще берут больничные и ищут новую работу. Прямые убытки для компаний растут из-за трат на страховки и текучки кадров, которая может стоять от половины до двух годовых зарплат уволившегося. Скрытые убытки связаны с тем, что сотрудники работают хуже, меньше придумывают нового и хуже обслуживают клиентов, что только ухудшает экономическую ситуацию.

Традиционный организационный подход к нивелированию симптомов выгорания зачастую сводится к применению поверхностных антистрессовых мер. Корпоративные мероприятия, разовые бонусы или абонементы в спортивные залы, безусловно, обладают некоторой позитивной ценностью, однако они не затрагивают глубинные, системные

причины синдрома. К последним относятся хронические организационные стрессоры: нечеткие должностные инструкции, перегруженность задачами при отсутствии автономии, несправедливая система оценки труда, а главное – деструктивный социально-психологический климат в коллективе, порождаемый некомпетентным руководством.

В качестве центрального тезиса предлагается рассмотреть положение о том, что руководитель с развитым эмоциональным интеллектом (EQ) выступает ключевым фактором в создании организационной среды, обладающей резистентностью к выгоранию.

Эмоциональный интеллект (EQ) руководителя – это умение понимать и управлять своими эмоциями и эмоциями команды. Высокий EQ позволяет вовремя выявлять признаки выгорания у сотрудников, корректировать нагрузку, давать обратную связь и создавать атмосферу психологической безопасности. В такой среде, где важна взаимопомощь и баланс, выгорание встречается реже. В современном мире EQ считается важной частью эффективного руководства [2, 250 с.].

Ключевым структурным элементом EQ является самосознание, подразумевающее рефлексивную оценку руководителем своих эмоциональных реакций и их влияния на процесс принятия решений. Следующая составляющая – саморегуляция, которая обеспечивает контроль над деструктивными импульсами и способствует проявлению гибкости в условиях неопределённости. Мотивация как компонент EQ характеризуется ориентацией на достижение долгосрочных целей, устойчивостью к фрустрации и оптимизмом даже при возникновении препятствий. Эмпатия, являясь социальным аспектом, позволяет руководителю понимать невербальные сигналы и учитывать потребности сотрудников при построении командного взаимодействия. Развитые социальные навыки завершают структуру EQ, обеспечивая эффективное управление конфликтами и артикуляцию коллективного видения.

Эмпирические исследования демонстрируют прямую корреляцию между высоким уровнем эмоционального интеллекта руководителя и показателями организационной лояльности персонала. Лидеры с развитым EQ способны минимизировать воздействие стрессогенных факторов посредством создания психологически безопасной рабочей среды. Управленческие решения, принимаемые с учётом эмоционального контекста, отличаются повышенной обоснованностью и снижают риски возникновения сопротивления организационным изменениям. Способность к эмпатическому слушанию позволяет осуществлять точную диагностику скрытых проблем в коллективе на ранних стадиях их возникновения.

Техники эмоционального интеллекта целенаправленно применяются в процессе делегирования полномочий для оптимизации распределения задач в соответствии с индивидуальными особенностями сотрудников. Формирование корпоративной культуры, поощряющей открытое выражение конструктивной обратной связи, также является следствием применения EQ-подхода. Стратегическое лидерство, обогащённое эмоциональным интеллектом, способствует синергетическому эффекту при реализации комплексных организационных проектов. Таким образом, эмоциональный интеллект трансформируется из личностной характеристики в управленческий инструмент системного воздействия на социально-психологический климат организации. Непрерывное развитие EQ следует рассматривать в качестве обязательного элемента профессионального совершенствования современного руководителя.

Стиль управления оказывает существенное влияние на вероятность возникновения синдрома эмоционального выгорания среди сотрудников. Жесткий, авторитарный стиль, в частности, микроменеджмент, систематически ограничивает самостоятельность работников, приводя к постоянному стрессу и истощению умственных способностей. Это происходит из-за того, что сотрудники чувствуют себя под постоянным давлением и не

имеют возможности самостоятельно принимать решения, что снижает их мотивацию и удовлетворенность собственной работой [3].

Отсутствие открытости в общении и нечеткости поставленных задач, вызывает состояние непрерывной тревоги и ощущение беспомощности. Когда сотрудники не понимают целей и задач компании, они не могут эффективно планировать свою работу и чувствуют себя дезориентированными. Кроме того, недостаток информации может приводить к недопониманиям и конфликтам в коллективе.

Игнорирование руководителем личных и организационных проблем сотрудников лишает их необходимой поддержки и чувства справедливости. Важно, чтобы руководитель был внимателен к потребностям своих подчиненных и оказывал им помощь в решении возникающих трудностей. Без этого сотрудники чувствуют себя брошенными и не ценными, что негативно сказывается на их эмоциональном состоянии.

Еще одним фактором может стать несправедливое распределение обязанностей. Это приводит к нарушению баланса между затраченными усилиями и полученным вознаграждением, что напрямую связано с развитием экзистенциальной стадии выгорания. Если сотрудники считают, что их вклад недооценен, они теряют интерес к работе и чувствуют себя обманутыми. Это может приводить к снижению производительности и ухудшению эмоционального состояния, вплоть до развития синдрома эмоционального выгорания. Необходимо, чтобы система оценки и вознаграждения была прозрачной и справедливой, чтобы каждый сотрудник чувствовал себя оцененным по достоинству.

Руководитель с низким уровнем эмоционального интеллекта не осознает деструктивного воздействия своего поведения, усугубляя стрессовый фон через эмоционально-нестабильные реакции и игнорирование невербальных сигналов коллектива. Его управленческие решения, лишённые эмпатического компонента, воспринимаются подчиненными как необоснованные и способствуют росту цинизма.

В противоположность этому, лидер с развитым EQ целенаправленно формирует среду психологической безопасности, где открытое обсуждение ошибок и профессиональных трудностей не наказывается. Такой руководитель практикует диалоговое взаимодействие, обеспечивает четкость критериев оценки труда и справедливо распределяет ресурсы, тем самым повышая уровень вовлеченности. Создаваемый таким образом организационный климат выступает в качестве барьера против основных факторов, провоцирующих выгорание, способствуя сохранению психического здоровья и долгосрочной продуктивности коллектива.

Управление взаимоотношениями, как компонент эмоционального интеллекта, предоставляет руководителю практические инструменты для системной профилактики синдрома эмоционального выгорания в коллективе. Ключевым инструментом является методика четкой постановки целей по критериям SMART, которая минимизирует деструктивную неопределенность и снижает уровень тревожности среди сотрудников.

Систематическая и структурированная обратная связь, основанная на объективных показателях, устраняет субъективное чувство несправедливости и формирует прозрачную среду для профессионального роста. Регулярное и искреннее признание достижений, а также вербализация благодарности за приложенные усилия активируют позитивные психологические ресурсы личности и противодействуют эмоциональному истощению. Данная практика способствует удовлетворению фундаментальной потребности в уважении и значимости, выступая мощным внутренним мотиватором.

Стратегическое делегирование полномочий, подкрепленное предоставлением достаточной автономии в методах выполнения задач, является эффективным способом борьбы с приобретенной беспомощностью. Предоставление свободы действий в установленных рамках повышает уровень ответственности и личной вовлеченности сотрудника в конечный результат. Развитие навыков конструктивного разрешения

конфликтов позволяет руководителю своевременно нивелировать очаги напряженности и не допускать кумулятивного эффекта от накопленных негативных эмоций. Техники активного слушания и медиации, применяемые лидером, обеспечивают трансформацию деструктивных столкновений в продуктивный диалог. Таким образом, целенаправленное применение инструментов управления взаимоотношениями создает устойчивую организационную культуру.

Управление взаимоотношениями, являясь ключевой компетенцией эмоционального интеллекта, предоставляет руководителю системный арсенал практических инструментов для профилактики синдрома эмоционального выгорания в коллективе. Регулярное и искреннее признание персональных достижений, наряду с вербализацией благодарности за приложенные усилия, активизирует позитивные психологические ресурсы личности и комплексно противодействует процессу эмоционального истощения. Данная управленческая практика напрямую способствует удовлетворению фундаментальной социальной потребности в уважении и значимости, выступая мощным внутренним мотиватором устойчивого действия.

Стратегическое делегирование полномочий, подкрепленное предоставлением достаточной автономии в методах выполнения поставленных задач, является эффективным организационным способом борьбы с выгоранием. Предоставление свободы профессиональных действий в четко установленных рамках существенно повышает уровень персональной ответственности и личной вовлеченности сотрудника в достижение конечного результата.

Развитие навыков конструктивного разрешения межличностных и деловых конфликтов позволяет руководителю своевременно нивелировать очаги социальной напряженности и не допускать кумулятивного эффекта от накопленных негативных эмоций. Профессиональное применение техник активного слушания и медиации, используемых эмоционально интеллектуальным лидером, обеспечивает трансформацию потенциально деструктивных столкновений в продуктивный рабочий диалог.

Четкая организационная структура рабочих процессов, устанавливаемая через прозрачные цели и критерии, создает для сотрудников предсказуемую и, следовательно, психологически безопасную рабочую среду. Инструмент признания и благодарности выполняет не только мотивационную, но и компенсаторную роль, восстанавливая эмоциональные ресурсы, затраченные сотрудником на сложные задачи. Делегирование, реализованное как передача не только ответственности, но и права выбора методов работы, напрямую воздействует на ключевой фактор выгорания – хроническое чувство бессилия и потери контроля. Конструктивное управление конфликтами предотвращает проблемы в коллективе, сохраняя потенциал доверия и взаимопомощи между коллегами.

Интеграция этих инструментов в ежедневную управленческую практику формирует устойчивую организационную культуру, которая выполняет протективную функцию в отношении психического здоровья персонала. Культура, основанная на открытости, справедливости и уважении автономии, значительно снижает психофизиологическую цену достижения корпоративных целей. Создание организационной культуры, устойчивой к выгоранию, представляет собой комплексный процесс, инициируемый и поддерживаемый эмоционально интеллектуальным лидером. Действия такого руководителя, основанные на самосознании и эмпатии, целенаправленно формируют долгосрочные культурные паттерны, выступающие в роли системного буфера против профессионального истощения.

Ключевым элементом является формирование культуры открытости, при которой обсуждение психологических трудностей и рабочих проблем не только не порицается, но и поощряется. Лидер, демонстрируя уязвимость и делаясь собственными ошибками, моделирует допустимость подобных дискуссий, тем самым минимизируя страх

сотрудников перед негативными последствиями. Это создает среду для раннего выявления признаков выгорания и их своевременного устранения.

Следующим аспектом выступает культивация культуры поддержки и взаимопомощи, где помощь коллегам признается нормой организационного поведения. Эмпатичный лидер поощряет просоциальные действия и создает организационные ритуалы, облегчающие командное взаимодействие и сплоченность. В такой среде бремя рабочих стрессоров распределяется между членами коллектива, что предотвращает накопление негативных эмоций у отдельного индивида.

Фундаментальную роль играет ценность «work-life balance», которую руководитель не только транслирует на вербальном уровне, но и воплощает в своих действиях. Отказ от внеурочных коммуникаций, уважение к личному времени и полноценному отпуску сотрудников моделирует здоровое отношение к работе. Последовательное поведение лидера легитимизирует практики самопомощи и восстановления, интегрируя заботу о ментальном здоровье в систему корпоративных ценностей, что в долгосрочной перспективе повышает устойчивость организации в целом [4].

Инвестиции в развитие эмоционального интеллекта (EQ) руководителя представляют собой стратегически обоснованное вложение в человеческий капитал организации. Эмпирически доказано, что развитый EQ напрямую коррелирует с повышением уровня психологической безопасности в коллективе и снижением показателей профессионального выгорания. Руководитель с высоким EQ создает управленческую экосистему, характеризующуюся прозрачностью коммуникаций и справедливым распределением ресурсов. Такая среда минимизирует основные стресс-факторы – хроническую неопределенность и чувство несправедливости – которые являются ключевыми детерминантами эмоционального истощения. Систематическое применение инструментов EQ в управлении взаимоотношениями трансформирует организационную культуру, делая ее устойчивой к выгоранию.

Долгосрочный организационный эффект выражается в сохранении и приумножении человеческого капитала через снижение текучести персонала и рост индекса вовлеченности. Таким образом, компетенции эмоционального интеллекта становятся критически важным активом современного руководителя, определяющим конкурентоспособность организации. Следовательно, корпоративные программы по развитию EQ следует рассматривать не как операционные расходы, а как стратегические инвестиции с подтвержденной возвратностью. Накопленный научный и практический опыт однозначно свидетельствует, что именно эмоционально интеллектуальное лидерство является краеугольным камнем для построения устойчивой и эффективной организации в XXI веке.

Библиографические ссылки

1. Водопьянова, Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания диагностика и профилактика / Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Изд. С.-Петербург. Питер, 2005. 86 -217с.
2. Голубев, И.А. Эмоциональный интеллект руководителя: теория и практика. – Москва: Издательство «Наука», 2020. – 250 с.
3. Кисова, В.В., Катушенко О. А. Исследование синдрома эмоционального выгорания у менеджеров коммерческой организации // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 5.
4. Пешкова, Н. «Work-life balance: роскошь или мастхэв для бизнеса», РБК / Н. Пешкова – Режим доступа: <https://companies.rbc.ru/news/21YOL9g4tF/work-life-balance-roskosh-ili-masthev-dlya-biznesa/> (дата обращения 17.10.2025).

© Лукинова А.А., 2025

ЦИФРОВОЙ БАЛАНС: КАК СОХРАНИТЬ ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ В УСЛОВИЯХ ПОСТОЯННОЙ ОНЛАЙН-АКТИВНОСТИ

А. Лукинова,
студентка 3 курса,
КФ РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Краснодар, Россия
E-mail: lukinova05@gmail.com

В современном мире цифровых технологий индивиды сталкиваются с проблемами, связанными с хроническим стрессом и эмоциональным выгоранием из-за постоянной онлайн-активности. Понятие «цифровой баланс» становится важным инструментом для осознанного управления временем, проведенным в цифровом пространстве, и выбора содержания этого времени. Это философия, направленная на то, чтобы технологии служили помощниками в достижении личных целей и улучшении качества жизни. В итоге, осознанное взаимодействие с технологиями может способствовать восстановлению внутреннего баланса и поддержанию ментального здоровья.

Ключевые слова: цифровая перегрузка, цифровой баланс, ментальное здоровье, эмоциональное выгорание, технологии, осознанное взаимодействие.

In today's digital world, individuals face challenges related to chronic stress and emotional burnout due to constant online activity. The concept of "digital balance" has emerged as an important tool for consciously managing time spent in the digital realm and choosing the content of that time. It is a philosophy that aims to leverage technology as a tool for achieving personal goals and enhancing one's quality of life. Ultimately, consciously engaging with technology can contribute to restoring inner balance and maintaining mental health.

Keywords: digital overload, digital balance, mental health, emotional burnout, technology, and mindful interaction.

Современная рутина индивида претерпела значительные изменения. Ещё до полного пробуждения после сна, рука инстинктивно находит смартфон на прикроватной тумбочке. Первые минуты бодрствования не посвящены размышлениям о предстоящем дне или спокойному отдыху с чашкой кофе, а характеризуются стремительным прокручиванием новостной ленты, проверкой сообщений в мессенджерах и электронной почты. Таким образом, мы фактически «активируем» свою когнитивную деятельность, погружаясь в информационный поток, не покидая постели. День стремительно набирает темп: учебные и трудовые процессы осуществляются в режиме нон-стоп. Однако полное отключение от информационного потока оказывается невозможным – телефон находится рядом на диване, периодически вибрируя от новых уведомлений, что поддерживает у нас фоновое чувство привязанности к чему-либо значимому [1, с. 256].

Эта постоянная, непрекращающаяся онлайн-активность создает парадоксальное состояние: мы одновременно связаны со всем миром, и глубоко оторваны от себя самих. Мы живем в режиме «всегда на связи», который из рабочей необходимости превратился в экзистенциальную норму. Наша нервная система эволюционно не была рассчитана на такой объем поступающих данных и социальных стимулов. Результат – перманентное состояние перегруза. Мозг, не успевая обрабатывать лавину информации, сигнализирует хроническим стрессом и когнитивной усталостью: мы становимся рассеянными, нам сложнее концентрироваться и запоминать новое. Тревожность становится фоновым

шумом жизни, подписываемая страхом что-то упустить (знаменитый FOMO – FearOfMissingOut) и бесконечным сравнением своей жизни с образами чужой успешности в социальных сетях. В итоге, этот марафон на выживание в цифровом океане закономерно приводит к синдрому эмоционального выгорания – состоянию полного истощения ментальных и эмоциональных ресурсов, когда даже простые задачи начинают требовать титанических усилий. Мы платим за это постоянное подключение самую высокую цену – наше психическое здоровье [2, с. 45-50].

В контексте современной цифровой экосистемы понятие «цифровой баланс» представляет собой не просто технику тайм-менеджмент, а комплексную стратегию осознанной саморегуляции взаимодействия с цифровыми технологиями. С методологической точки зрения, его можно определить, как динамический процесс целенаправленного управления количественными (хронометраж) и качественными (содержание, контекст) параметрами цифрового потребления, нацеленный на минимизацию психофизиологического ущерба и максимизацию полезного эффекта от технологий. В основе данной концепции лежит принцип осознанности – способности к наблюдению за собственными цифровыми привычками и их последствиями для психического состояния. Ключевой целью цифрового баланса является не тотальный цифровой аскетизм, а достижение состояния, при котором технологии служат инструментом для реализации жизненных задач и личностного роста, а не источником хронического стресса, когнитивной дисфункции или подмены реальных социальных взаимодействий их суррогатными формами [3, с. 23-30].

В рамках настоящего аналитического обзора будет проведено комплексное исследование феномена цифровой перегрузки как системной проблемы современности. Первая часть работы будет посвящена детальному анализу нейрофизиологических и психологических рисков, ассоциированных с состоянием перманентной взаимосвязи.

Информационная перегрузка и когнитивная усталость. Современный человек функционирует в условиях беспрецедентного по объему и скорости информационного потока, что регулярно приводит к состоянию когнитивной перегрузки. Это явление возникает, когда требования к обработке информации превышают пропускную способность когнитивных систем индивида. Мозг, а точнее – префронтальная кора, ответственная за исполнительные функции, такие как рабочая память, селективное внимание и принятие решений, вынужден постоянно переключаться между множеством асинхронных цифровых стимулов. Это непрерывное переключение, известное как «многозадачность» (multitasking), является крайне неэффективным с точки зрения метаболизма нейронов и приводит к быстрому истощению когнитивных ресурсов. Последствия проявляются в виде синдрома когнитивной усталости: снижается способность к концентрации, ухудшается оперативная память, затрудняется фильтрация релевантной информации от «шума», а также наблюдается рост числа ошибок и прокрастинации [4, с. 12-20].

Таким образом, вместо повышения продуктивности, перманентное пребывание в информационном поле ведет к снижению общей когнитивной эффективности и хроническому умственному утомлению.

Синдром F.O.M.O. (Fear Of Missing Out). Синдром страха упущенной выгоды представляет собой комплексное психологическое состояние, характерное для эпохи гиперподключенности и социальных медиа. Платформы социальных сетей, демонстрируя тщательно отобранные и часто идеализированные фрагменты жизни других пользователей, создают искаженную среду для социального сравнения. Индивид начинает постоянно отслеживать цифровое пространство, опасаясь пропустить важное событие, интересное общение или потенциальную возможность. Это порождает фоновую тревогу, ощущение собственной неполноценности и неудовлетворенности жизнью. На

нейробиологическом уровне этот процесс подпитывается дофаминовой системой вознаграждения: получение реакций, комментариев и новой социальной информации активирует центры удовольствия, формируя зависимый паттерн поведения, при котором постоянная проверка социальных сетей становится постоянным действием для снижения тревоги и получения «дозы» социального подтверждения [5].

Сравнительная тревожность и выгорание. Цифровая среда выступает в роли мощного усилителя и катализатора тревожно-депрессивных состояний через механизм «эмоционального заражения». Этот феномен заключается в бессознательном перенимании эмоциональных состояний других людей через потребляемый контент. С одной стороны, пользователь сталкивается с бесконечным потоком негативных новостей, что ведет к чувству бессилия, экзистенциальной тревоги и апатии. С другой стороны, он подвергается воздействию нарративов успеха, идеальной внешности и ярких достижений. Результатом этого двойного давления становится хронический стресс, вызванный необходимостью поддерживать конкурентоспособную и привлекательную цифровую идентичность, а также перманентное чувство несоответствия навязываемым стандартам. Кумулятивный эффект этих факторов закономерно приводит к развитию симптомов эмоционального выгорания, которое в данном контексте проявляется как эмоциональное истощение, цинизм по отношению к цифровым взаимодействиям и ощущение профессиональной несостоятельности [5].

Нарушение сна и режима дня. Воздействие цифровых устройств на архитектуру сна является очень важным процессом, затрагивающим как физиологические, так и психологические механизмы. Ключевым физиологическим фактором является подавление секреции мелатонина – ключевого гормона, регулирующего циркадные ритмы. Коротковолновый синий свет, излучаемый экранами смартфонов, планшетов и компьютеров, в вечернее время воспринимается фоторецепторами сетчатки глаза как сигнал дневного света. В результате нарушается процесс засыпания, смещается фаза сна и сокращается его общая продолжительность. Параллельно с этим действует психологический компонент: контент, потребляемый перед сном (рабочие emails, стрессовые новости, интенсивные обсуждения в социальных сетях), вызывает когнитивное и эмоциональное возбуждение, активируя симпатическую нервную систему и затрудняя переход в состояние расслабления, необходимое для естественного засыпания. Сочетание этих факторов приводит к фрагментации и обеднению структуры сна, что, в свою очередь, усугубляет дневную когнитивную усталость, снижает эмоциональную устойчивость и создает порочный круг, нарушающий базовые процессы психофизиологического восстановления.

Для выявления симптомов цифровой перегрузки целесообразно провести самодиагностику по следующим ключевым параметрам. Наличие трех и более признаков свидетельствует о необходимости коррекции цифровых привычек:

1. Компulsive проверка устройств проявляется в автоматической проверке телефона в первые минуты после пробуждения, а также во время любого вынужденного ожидания. Этот паттерн поведения указывает на сформировавшуюся психологическую зависимость.

2. Номофобия характеризуется возникновением состояния тревоги, беспокойства и дезориентации при невозможности воспользоваться смартфоном, его разрядке или нахождении вне зоны досягаемости.

3. Синдром дефицита внимания проявляется в невозможности сохранять фокус на одной задаче в течение 25-30 минут без отвлечения на уведомления или импульсивной проверки социальных сетей, что свидетельствует о нарушениях некоторых функций.

4. Парадокс цифровой усталости – состояние психического истощения и апатии после длительных сеансов бесцельного скроллинга, при котором пассивное потребление контента не приводит к релаксации, а усиливает когнитивную нагрузку.

5. Феномен «потерянного времени» сопровождается чувством вины и фрустрации после эпизодов непродуктивного использования цифровых устройств, когда рефлексия выявляет диссонанс между планируемым и фактическим временем онлайн-активности [6].

Стратегии формирования здорового цифрового баланса:

1. Технические решения. Приложения-трекеры, такие как Forest, Freedom и StayFocusd, реализуют метод позитивного подкрепления, визуализируя продуктивное время через рост виртуальных деревьев или блокируя доступ к отвлекающим ресурсам на заданный период. Селективная настройка уведомлений предполагает категоризацию оповещений по критериям срочности и важности, с отключением всех несущественных уведомлений и созданием «тихих часов» (режим «Не беспокоить») для периодов глубокой работы и ночного отдыха.

2. Организационные приемы. Принцип «90/20» основывается на ритмах мозга, согласно которому 90 минут работы с максимальной концентрацией (в состоянии потока) чередуются с 20-минутным перерывом без цифровых стимулов, что способствует восстановлению когнитивных ресурсов. Метод временного блокирования включает выделение в расписании строго определенных интервалов (2-3 раза в день) для обработки электронной почты и мессенджеров, что минимизирует контекстные переключения. Создание зон без гаджетов подразумевает пространственную сегрегацию цифровых устройств путем запрета их использования в спальне (для сохранения гигиены сна) и обеденной зоне (для осознанного питания).

3. Психологические техники. Регулярные перерывы от цифровых устройств, включая запланированные времена отключения (например, 4 часа в неделю и 1 день в месяц), способствуют восстановлению нейропластичности и снижению зависимости от дофаминовых стимулов. Цифровой минимализм как подход к потреблению предполагает анализ всех подписок и приложений с последующим удалением тех, которые не соответствуют критериям ценности и осмысленности, установленным пользователем.

Комплексное применение данных стратегий позволяет трансформировать цифровые привычки из источника стресса в инструмент осознанной само регуляции и продуктивной деятельности. Для эффективной компенсации последствий цифровой перегрузки необходима сознательная организация офлайн-досуга, основанная на понимании его восстановительных механизмов. Каждая из предлагаемых активностей обладает специфическим воздействием на нейрокогнитивные процессы:

Чтение бумажных книг активизирует глубинные структуры внимания, обеспечивая формирование «глубокого чтения» – когнитивного процесса, характеризующегося продолжительной фокусировкой и активным воображением. В отличие от фрагментированного цифрового потребления, этот вид деятельности способствует укреплению нейронных сетей, ответственных за концентрацию и семантическую обработку информации.

Практика осознанных прогулок на природе демонстрирует в исследованиях снижение активности префронтальной коры, связанной с рафинациями, и нормализацию кортизолового профиля.

Сенсомоторные хобби (рисование, кулинария, handcraft) задействуют тактильные и кинестетические каналы восприятия, активируя сенсорные и моторные области коры головного мозга. Этот процесс создает нейробиологический антидот цифровой пассивности, формируя новые синоптические связи. Социальное взаимодействие face-to-face стимулирует окситоциновую систему, обеспечивая эволюционно обусловленный механизм стрессоустойчивости. Невербальные компоненты общения (микромимика,

тактильный контакт, проксемика) активируют области мозга, остающиеся невостребованными при цифровой коммуникации.

Систематическая физическая активность повышает нейротрофический фактор мозга (BDNF), стимулируя нейрогенез и улучшая когнитивную пластичность. Аэробные упражнения особенно эффективны для нормализации работы гиппокампа – структуры, страдающей при хроническом стрессе.

Анализ показывает, что цифровой баланс является динамическим процессом постоянной самоорганизации, требующим развития метакогнитивных навыков управления вниманием. Формирование здоровых цифровых привычек следует рассматривать как циклическую практику, которая требует постоянной коррекции и адаптации к изменяющимся условиям.

Современные нейронаучные исследования подтверждают, что нейропластичность мозга сохраняется на протяжении всей жизни, что опровергает представление о фиксированных цифровых привычках. Каждый осознанный выбор в пользу альтернативного досуга способствует формированию новых нейронных связей и постепенно снижает зависимость от цифровых стимулов. Практическое внедрение стратегий цифрового баланса должно осуществляться по принципу «малых шагов». Например, начав с 30-минутного цифрового детокса перед сном, человек запускает ряд позитивных изменений: нормализуется уровень мелатонина, укрепляются связи в гиппокампе и увеличивается вариабельность сердечного ритма.

В качестве интервенции предлагается выбор одной из представленных техник – будь то настройка «тихих часов» на устройствах, применение правила 90/20 или практика осознанного скроллинга. Систематический мониторинг субъективного состояния после внедрения изменений позволит человеку убедиться в эффективности применяемых мер и создать индивидуальную модель цифрового баланса, соответствующую его психофизиологическим особенностям и жизненным обстоятельствам.

В заключение, современная рутина индивида, погруженного в мир цифровых технологий, требует глубокого осмысления и анализа. Мы находимся в эпохе, когда доступ к информации стал мгновенным, а связь с окружающим миром – постоянной. Однако эта безудержная онлайн-активность, вместо того чтобы обогащать нашу жизнь, часто приводит к состояниям, угрожающим нашему психическому и эмоциональному благополучию. Парадоксально, но в стремлении быть «всегда на связи» мы теряем связь с самими собой, что создает условия для хронического стресса, когнитивной усталости и эмоционального выгорания.

Понятие «цифровой баланс» выступает в этом контексте как важный инструмент, позволяющий не просто управлять временем, проведенным в цифровом пространстве, но и осознанно подходить к выбору содержания этого времени. Это не просто методика, а целая философия жизни, в которой технологии становятся помощниками в достижении личных целей и реализации потенциала, а не источником постоянного напряжения и тревог.

В рамках дальнейшего исследования феномена цифровой перегрузки важно учитывать не только нейрофизиологические и психологические риски, но и возможности создания более здоровых цифровых привычек. Осознанное взаимодействие с технологиями может стать ключом к восстановлению внутреннего баланса и улучшению качества жизни. Мы должны стремиться к тому, чтобы технологии служили нам, а не наоборот. В итоге, задача состоит в том, чтобы научиться использовать цифровые инструменты для поддержки нашего ментального здоровья и личностного роста, сохраняя при этом способность к настоящему взаимодействию с собой и окружающим миром.

Библиографические ссылки

1. Левин, В.А. Психология цифровой зависимости: причины и пути преодоления. – М.: Издательство «Наука», 2020. – 256 с.
2. Кузнецова, Е. В. Цифровое здоровье: как технологии влияют на психику и эмоциональное состояние // Психология и жизнь. – 2021. – № 5. – С. 45-50.
3. Соловьев, А.И., Петрова, Н. В. Методы управления вниманием в условиях цифровой среды // Вестник психологии. – 2022. Т. 12, № 3. – С. 23-30.
4. Рябова, Т.С. Нейропластичность и ее значение для формирования здоровых цифровых привычек // Психологический журнал. – 2023. Т. 44, № 1. – С. 12-20.
5. Иванов, Д.А., Смирнова, О. В. Цифровой детокс: как вернуть контроль над своей жизнью. М.: Издательство «Питер», 2019.
6. Федорова, Л.Н. Осознанное использование технологий: практические рекомендации для сохранения психического здоровья // Современная психология. – 2022, № 4.

©Лукинова А.А.,2025

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КАК УПРАВЛЕНИЕ ЭМОЦИЯМИ ПОВЫШАЕТ ЭФФЕКТИВНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ

А. Лукинова,
студентка 3 курса,
КФ РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Краснодар, Россия
E-mail: lukinova05@gmail.com

Эмоциональный интеллект (EI) представляет собой способность распознавать, понимать и управлять своими эмоциями и эмоциями других людей. В условиях современного мира, где работа в команде и эффективное общение становятся критически важными, EI играет ключевую роль в профессиональной деятельности. Исследования показывают, что высокий уровень EI способствует улучшению командной работы, повышению удовлетворенности сотрудников и снижению конфликтов на рабочем месте, что в итоге влияет на успех организаций.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, самосознание, саморегуляция, мотивация, эмпатия, социальные навыки.

Emotional intelligence (EI) is the ability to recognize, understand, and manage one's own emotions and those of others. In today's world, where teamwork and effective communication are critical, EI plays a crucial role in professional success. Research suggests that a high level of EI can lead to improved teamwork, increased employee satisfaction, and reduced workplace conflicts, ultimately contributing to organizational success.

Keywords: emotional intelligence, self-awareness, self-regulation, motivation, empathy, social skills.

Эмоциональный интеллект (EI) – это способность распознавать, понимать и управлять своими эмоциями, а также эмоциями других людей. Этот концепт включает в себя несколько ключевых компонентов: самосознание, само регуляцию, мотивацию и социальные навыки. EI позволяет людям более эффективно взаимодействовать друг с другом, что особенно важно в условиях современного мира, где работа в команде и общение играют критическую роль.

В современном мире эмоциональный интеллект становится все более важным аспектом профессиональной деятельности. В условиях быстро меняющейся деловой среды, где стрессы и неопределенности становятся обычным явлением, способность управлять эмоциями и поддерживать положительные межличностные отношения может существенно повлиять на успех как отдельных сотрудников, так и организаций в целом. Исследования показывают, что высокие уровни EI способствуют улучшению командной работы, повышению уровня удовлетворенности сотрудников и снижению конфликтов на рабочем месте.

Концепция эмоционального интеллекта была впервые предложена в 1995 году психологом Дэниелом Гоулманом в его книге «Эмоциональный интеллект». Гоулман обобщил и развил идеи, высказанные ранее другими учеными, такими как Питер Сэловей и Джон Мейер, которые в 1990 году определили EI как способность отслеживать свои и чужие эмоции, а также использовать эту информацию для управления своим поведением и мышлением.

С тех пор EI стал важной темой исследований в психологии и управлении. Исследования показали, что EI не только влияет на личные отношения, но и играет ключевую роль в профессиональной среде, способствуя повышению эффективности работы, лидерству и командной динамике [1, с. 256].

Эмоциональный интеллект состоит из пяти основных компонентов:

1. Самосознание: способность осознавать свои эмоции, понимать их влияние на поведение и принимать обоснованные решения. Люди с высоким уровнем самосознания могут лучше оценивать свои сильные и слабые стороны.

2. Саморегуляция: способность контролировать свои эмоции и импульсы. Это включает в себя управление стрессом, адаптацию к изменениям и способность оставаться спокойным в сложных ситуациях.

3. Мотивация: внутренняя мотивация, основанная на стремлении к достижению целей, а не на внешних наградах. Люди с высоким уровнем мотивации обычно проявляют настойчивость и оптимизм.

4. Эмпатия: способность понимать эмоции других людей и реагировать на них соответствующим образом. Эмпатия помогает строить доверительные отношения и эффективно взаимодействовать с окружающими.

5. Социальные навыки: умение взаимодействовать с другими людьми, создавать и поддерживать здоровые отношения, а также управлять конфликтами. Хорошие социальные навыки способствуют эффективному общению и сотрудничеству.

Эмоциональный интеллект (EI) и коэффициент интеллекта (IQ) представляют собой разные аспекты человеческой способности: IQ измеряет когнитивные способности, такие как логическое мышление, аналитические навыки и решение проблем. Он чаще всего определяется с помощью стандартных тестов и считается стабильным на протяжении жизни. А эмоциональный интеллект (EI), напротив, относится к эмоциональным и социальным навыкам. EI можно развивать и улучшать через обучение и практику. В отличие от IQ, который часто ассоциируется с академическими успехами, EI более тесно связан с межличностными отношениями, лидерством и общим благополучием [2, с. 102-117].

Исследования показывают, что высокий уровень EI может компенсировать низкий IQ в некоторых ситуациях, особенно в контексте работы в команде и управления людьми. Таким образом, оба типа интеллекта важны, но они играют разные роли в жизни человека и его профессиональной деятельности.

Управление эмоциями является важным аспектом эффективного лидерства и управления. Эмоции могут значительно влиять на принятие решений, взаимодействие в команде и общую производительность. Рассмотрим методы и техники управления эмоциями, а также влияние позитивного климата на производительность.

Существуют основные методы и техники для управления эмоциями во время стрессовых ситуаций, из них можно выделить основные:

1. Осознанность: это способность быть внимательным к своим эмоциям и состояниям в данный момент. Практики осознанности, такие как медитация или дыхательные упражнения, помогают лучше понимать свои эмоции и реагировать на них более адекватно. Саморефлексия: регулярное размышление о собственных эмоциях и реакциях позволяет выявить паттерны поведения и улучшить эмоциональное восприятие. Ведение дневника может быть полезным инструментом для саморефлексии.

2. Эмпатия: способность понимать и чувствовать эмоции других людей. Эмпатичное отношение помогает создать доверительную атмосферу и улучшает взаимодействие в команде. Активное слушание: это техника, которая включает внимательное слушание собеседника, задавание вопросов для уточнения и демонстрацию

понимания. Активное слушание способствует более глубокому пониманию потребностей и эмоций сотрудников.

3. Стратегии для улучшения EI в команде. Обучение и тренинги: Проведение семинаров и тренингов по развитию эмоционального интеллекта может помочь членам команды лучше понимать свои эмоции и эмоции других. Создание безопасной среды: Поощрение открытого общения и конструктивной обратной связи способствует развитию доверия и безопасности, что позволяет людям выражать свои эмоции без страха осуждения. Регулярные командные встречи: Проведение встреч для обсуждения не только рабочих вопросов, но и эмоционального состояния команды помогает выявить проблемы на ранней стадии и способствует поддержанию положительного климата [3, с. 34-48].

Позитивный климат в команде оказывает значительное влияние на производительность и общий успех организации. Во-первых, такая атмосфера способствует повышению мотивации сотрудников, поскольку они ощущают свою ценность и поддержку со стороны коллег и руководства. Это, в свою очередь, ведет к большей приверженности как к работе, так и к самой организации. Во-вторых, эмоционально поддерживающая среда помогает снизить уровень стресса у работников, что положительно сказывается на их здоровье и работоспособности. Снижение стресса также способствует улучшению общего морального состояния команды. Кроме того, позитивный климат способствует открытости в коммуникации. Это позволяет быстрее решать конфликты и находить эффективные решения проблем, что является важным аспектом успешной работы. Также стоит отметить, что в атмосфере поддержки сотрудники чувствуют себя более свободно в выражении своих идей и предложений. Это может привести к новым инновациям и улучшению рабочих процессов.

Развитие эмоционального интеллекта (EI) у сотрудников является важной задачей для повышения их эффективности и улучшения командной динамики. Для достижения этой цели можно использовать несколько стратегий.

1. Оценка текущего уровня EI. Первым шагом в развитии EI является проведение оценочных тестов и анкет, которые помогут определить уровень эмоционального интеллекта сотрудников. Это позволит выявить их сильные и слабые стороны, а также обозначить области для улучшения.

2. Создание культуры обратной связи. Поощрение открытого и конструктивного обмена мнениями в команде способствует лучшему пониманию собственных эмоций и реакций других. Регулярные обсуждения помогают создать атмосферу доверия и поддержки.

3. Моделирование поведения. Лидеры и менеджеры должны демонстрировать высокий уровень EI в своем поведении. Показывая, как управлять эмоциями и взаимодействовать с другими, они могут вдохновить сотрудников следовать их примеру.

4. Практика осознанности. Внедрение практик осознанности, таких как медитация или упражнения на внимательность, помогает сотрудникам лучше управлять своими эмоциями и стрессом, что положительно сказывается на их работоспособности.

5. Развитие навыков эмпатии. Участие в ролевых играх и ситуационных упражнениях способствует развитию эмпатии у сотрудников, позволяя им учиться ставить себя на место других и лучше понимать их чувства [4, с. 210].

Примеры успешных компаний, внедряющих EI в свою культуру: компания Google активно развивает эмоциональный интеллект среди своих сотрудников через программу "Search Inside Yourself". Эта инициатива включает тренинги по осознанности, эмпатии и эмоциональному управлению, что способствует созданию позитивной корпоративной культуры. А организация Zappos известна своей уникальной корпоративной культурой, где акцент делается на эмоциональное благополучие сотрудников. Компания проводит тренинги по развитию EI и создает атмосферу доверия и поддержки, что способствует

высокой вовлеченности сотрудников. Также можно отметить Microsoft, который акцентирует внимание на развитии EI среди своих лидеров через обучение и коучинг. Руководство компании понимает, что эмоциональный интеллект способствует лучшему сотрудничеству и инновациям внутри команды.

Обзор исследований, подтверждающих связь между эмоциональным интеллектом (EI) и эффективностью работы, представляет собой важную область изучения в психологии и менеджменте. Эмоциональный интеллект определяется как способность распознавать, понимать и управлять своими эмоциями, а также эмоциями других людей. Существуют многочисленные исследования, которые подчеркивают значимость EI в профессиональной среде и его влияние на различные аспекты работы.

1. Эмоциональный интеллект и производительность труда. Исследования показывают, что сотрудники с высоким уровнем EI демонстрируют более высокую производительность. Например, работа, проведенная в 2002 году Мэрилу Г. Тейлору и его коллегами, показала, что EI напрямую коррелирует с показателями производительности сотрудников. В этом исследовании было установлено, что работники с высоким EI лучше справляются с задачами, требуют меньше времени на выполнение работы и способны более эффективно решать проблемы.

2. Влияние EI на командную работу. Эмоциональный интеллект также играет ключевую роль в динамике командной работы. Исследование, проведенное в 2010 году, выявило, что команды с участниками, обладающими высоким EI, работают более слаженно и продуктивно. Участники таких команд лучше понимают друг друга, что снижает уровень конфликтов и способствует более эффективному сотрудничеству. Это также подтверждается работами, которые показывают, что эмоционально интеллигентные сотрудники способны создавать более позитивную атмосферу в коллективе, что влияет на общую мораль и мотивацию.

3. EI и лидерство. Лидеры с высоким уровнем EI более успешно управляют своими командами. Исследование, проведенное в 2013 году, показало, что эмоционально интеллигентные руководители лучше справляются с управлением стрессом и конфликтами, что позволяет им принимать более взвешенные решения. Они также более чутко реагируют на потребности своих подчиненных и способны вдохновлять их на достижение высоких результатов.

4. EI и удовлетворенность работой. Существует также связь между EI и удовлетворенностью работой. Исследования показывают, что сотрудники с высоким EI чаще испытывают удовлетворение от своей работы и имеют более низкий уровень стресса. Это связано с тем, что такие сотрудники лучше справляются с эмоциональными трудностями и могут эффективно управлять своим состоянием, что положительно сказывается на их общем благополучии.

5. Эмоциональный интеллект в условиях стресса. В условиях высокой нагрузки и стресса сотрудники с высоким EI демонстрируют большую устойчивость. Исследование 2016 года показало, что такие сотрудники быстрее восстанавливаются после стрессовых ситуаций и менее подвержены выгоранию. Это делает их ценными активами для организаций, особенно в условиях быстро меняющейся деловой среды.

6. Обучение EI как способ повышения эффективности. Существует множество программ обучения, направленных на развитие EI у сотрудников, которые показали свою эффективность в повышении производительности труда. Исследования показывают, что такие программы могут привести к значительному улучшению как индивидуальных, так и командных результатов [5].

Таким образом, эмоциональный интеллект (EI) играет ключевую роль в повышении эффективности работы сотрудников, выступая важным фактором, способствующим их производительности. Исследования показывают, что высокий уровень EI связан с

лучшими результатами в работе, более высокой удовлетворенностью и меньшей текучестью кадров. Лидеры с развитым эмоциональным интеллектом способны более эффективно управлять командами, справляться с конфликтами и мотивировать своих сотрудников, что приводит к созданию сплоченных и продуктивных групп. Кроме того, EI способствует формированию позитивной корпоративной культуры, в которой ценятся эмоции и межличностные отношения. Это улучшает взаимодействие между сотрудниками и повышает общую удовлетворенность работой, создавая благоприятную атмосферу для достижения высоких результатов.

Библиографические ссылки

1. Давыдова, М.В. Эмоциональный интеллект как основа эффективного управления / М. В. Давыдова. – Москва: Издательство «Бизнес-Литература», 2023. – 256 с.
2. Григорьева, С.Н. Эмоциональный интеллект как фактор успешного управления / С. Н. Григорьева // Журнал социальных наук. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 102-117.
3. Кириллова, Е.А. Конфликты и эмоциональный интеллект в коллективе / Е.А. Кириллова, Д.С. Романов // Вестник менеджмента. – 2024. – Т. 30, № 2. – С. 34-48.
4. Лебедева, О.П. Эмоциональный интеллект и его влияние на лидерство / О.П. Лебедева. – Москва: Издательство «Наука», 2025. – 210 с.
5. Николаева, Е.Л. Эмоциональный интеллект как инструмент повышения продуктивности / Е.Л. Николаева, К.С. Тимофеев // Вестник экономических исследований. – 2024. – Т. 12, № 3.

©Лукинова А.А., 2025

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

А. А. Мананкова

студент 4 курса,
ВГУ,

г. Воронеж, Россия

E-mail: manankovaaa@mail.ru

Н. Н. Фомина

доцент, ВГУ, г. Воронеж, Россия

E-mail: fominann@yandex.ru

В статье исследуется трансформация обратной связи из традиционного управленческого инструмента в ключевой элемент формирования цифровой организационной культуры. На основе анализа российских и международных кейсов (Сбербанк, Вертекс, 15Five) демонстрируется, как систематическая обратная связь способствует снижению текучести кадров на 14%, повышает вовлеченность сотрудников и укрепляет организационное доверие. Особое внимание уделяется практическим аспектам внедрения - от бесплатных инструментов типа Яндекс Форм до комплексных HR-платформ типа Jinn.

Ключевые слова: организационная культура, обратная связь, управление персоналом

The article explores the transformation of feedback from a traditional management tool into a key element of building a digital organizational culture. Based on an analysis of Russian and international cases (Sberbank, Vertex, 15Five), the article demonstrates how systematic feedback can reduce employee turnover by up to 14%, increase employee engagement, and strengthen organizational trust. The article also focuses on practical aspects of implementation, from free tools like Yandex Forms to comprehensive HR platforms like Jinn.

Key words: organizational culture, feedback, human resources management

Цифровая трансформация, пронизывая все аспекты деятельности современных компаний, требует фундаментального пересмотра организационной культуры, которая представляет собой сложную систему разделяемых ценностей, норм, убеждений и поведенческих паттернов, определяющих взаимодействие сотрудников и направленных на достижение общих стратегических целей. На смену традиционным иерархическим структурам последовательно приходят принципы открытости, гибкости и инновационности, что находит отражение в современных исследованиях организационного развития [2].

В этом преобразовательном контексте обратная связь претерпевает существенную метаморфозу - из эпизодического управленческого инструмента она трансформируется в ключевой механизм формирования цифровой культурной среды. Эта трансформация приобретает особую значимость в условиях характерной для цифровых организаций высокой интенсивности информационного потока [1], где эффективные коммуникационные каналы становятся критически важным элементом организационной инфраструктуры.

Прозрачные коммуникации служат фундаментом цифровой организационной культуры и оказывают прямое влияние на удержание ценных сотрудников. Прежде всего, они способствуют снижению неопределенности и тревожности среди сотрудников, которые высоко ценят открытость руководства в вопросах, касающихся их работы и

перспектив. Даже в ситуациях, когда готовое решение еще не сформировано, информирование сотрудников о ходе обсуждения уже оказывает обнадеживающее воздействие.

Кроме того, прозрачность коммуникаций напрямую влияет на повышение мотивации и лояльности персонала. Многочисленные наблюдения подтверждают, что значительная часть сотрудников ожидает регулярного взаимодействия с руководством. Подобная практика поддерживает интерес к работе, укрепляет приверженность целям компании и способствует долгосрочной лояльности, создавая ощущение вовлеченности в организационные процессы.

Наконец, открытый обмен информацией создает основу для формирования доверия и психологической безопасности в коллективе. В условиях, когда коммуникации прозрачны, а механизмы обратной связи обеспечивают анонимность, сотрудники чувствуют себя защищенно и свободно выражают свое мнение. Такой подход увеличивает вероятность получения искренних ответов на 25% и способствует становлению атмосферы взаимного доверия в организации.

Для реализации прозрачных коммуникаций и системного сбора обратной связи применяется широкий спектр инструментов, выбор которых зависит от конкретных целей. Наиболее распространенные виды опросов сотрудников представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Типология опросов сотрудников для целей обратной связи

Вид опроса	Основная цель и сценарий применения	Рекомендуемая частота
Опрос вовлеченности	Оценка эмоциональной и интеллектуальной связи сотрудника с компанией. Готовность к активным действиям, участие в процессах. Помогает выявить риски выгорания, снижения эффективности и текучести.	Ежеквартально или раз в полгода
Индекс лояльности	Измерение готовности сотрудника рекомендовать компанию как работодателя. Позволяет прогнозировать успешность внедрения изменений.	Раз в квартал
Пульс-опросы	Оперативный мониторинг конкретных метрик (настроение, риск выгорания, реакция на изменения) между крупными исследованиями.	Регулярно, раз в 1-2 месяца
Оценка 360°	Комплексная оценка, основанная на сборе обратной связи от всех участников рабочего взаимодействия: руководителей,	1-2 раза в год

Вид опроса	Основная цель и сценарий применения	Рекомендуемая частота
	коллег на одном уровне, подчиненных, а также самооценки. В отличие от традиционных методов оценки «сверху вниз», такая система позволяет получить объемное представление о профессиональных и личностных качествах сотрудника, выявить зоны роста и сильные стороны. Используется для формирования кадрового резерва, планирования индивидуального развития и создания программ обучения.	
Адаптационный опрос	Оценка опыта нового сотрудника в первые месяцы работы. Помогает сократить сроки адаптации и снизить уровень увольнений на испытательном сроке.	В первую неделю/месяц, с периодичностью раз в 1-2 недели
Выходное-интервью	Анализ причин увольнения для выявления системных проблем в компании и снижения текучести в будущем.	По факту увольнения

Систематический и структурированный диалог между сотрудниками и руководством демонстрирует прямое и измеримое воздействие на ключевые бизнес-метрики организаций. Эмпирические данные, собранные в результате продолжительных наблюдений, убедительно подтверждают, что компании, внедрившие регулярный и методически выверенный обмен мнениями, стабильно отмечают снижение текучести кадров на 14% [3]. Особого внимания заслуживает методика анонимных опросов, которая повышает вероятность получения искренних и правдивых ответов на 25%, тем самым способствуя формированию атмосферы взаимного доверия и значительно повышая уровень вовлеченности сотрудников. Этот эффект достигается за счет создания безопасного пространства для открытого выражения мнений, где сотрудники чувствуют себя защищенными от возможных негативных последствий своей откровенности.

Практическая реализация комплексных систем обратной связи в российских компаниях демонстрирует многоуровневый и дифференцированный подход, учитывающий специфику организационных структур и ресурсные возможности. Для решения локальных и тактических задач достаточно эффективно применяются инструменты типа Яндекс Форм, позволяющие оперативно и без значительных финансовых затрат проводить разовые опросы и собирать релевантную информацию. Для более сложных задач комплексного управления организационной культурой и

стратегического развития человеческого капитала требуются специальные решения, подобные HR-платформе Jinn, которая предоставляет интегрированную экосистему для автоматизации опросов, проведения Performance Review, реализации методики оценки 360° и углубленного анализа данных с формированием практических рекомендаций.

Обратная связь представляет собой центральный, но не единственный элемент в комплексной системе инструментов, направленных на становление и укрепление организационной культуры. Её эффективность многократно возрастает при синхронизации с другими каналами коммуникаций. Например, корпоративные кодексы и правила поведения, оформленные простым и понятным языком, задают ценностные ориентиры, а обратная связь дает возможность проверить степень их усвоения и реализации на практике. Визуальное оформление офиса и корпоративная атрибутика, демонстрирующие ценности организации, постоянно находятся в поле зрения сотрудников, а механизмы обратной связи позволяют замерить вызываемый ими эмоциональный отклик и уровень вовлеченности.

Нативные и вовлекающие коммуникации, подразумевающие упоминание ценностей в различных информационных поводах и привлечение сотрудников к созданию контента, формируют благоприятную среду для диалога, где обратная связь служит инструментом измерения эффективности и источником идей для совершенствования.

Что касается программ признания и поощрения, основанных на ценностях, то они напрямую зависят от системы обратной связи, которая не только помогает выявить достойных сотрудников, но и обеспечивает прозрачность и справедливость процедуры награждения. Наконец, включение ценностного компонента в обучающие программы и корпоративные мероприятия создает содержательный контекст для развития, а обратная связь, собираемая на разных этапах этих активностей, позволяет оценить их эффект и своевременно скорректировать формат.

Таким образом, обратная связь выполняет не только измерительную функцию, но и служит связующим звеном, обеспечивающим циркуляцию культурных норм и ценностей между всеми элементами системы. Эта интеграция превращает разрозненные активности в целостный и целенаправленный процесс формирования организационной культуры.

Отраслевые примеры наглядно иллюстрируют эффективность различных методологических подходов к организации обратной связи. Российская платформа «Поток Вовлечённость» успешно реализует такую модель коммуникации через систему анонимных опросов, фокусируясь на получении мнений сотрудников о цифровых сервисах и рабочих процессах.

В крупнейшем российском банке - «Сбербанке» - внедрена система регулярных коротких опросов, проводимых с двухнедельной периодичностью. Собранные данные подвергаются автоматизированному анализу, а руководители получают интерактивные отчеты, позволяющие принимать обоснованные управленческие решения.

В фармацевтической компании «Вертекс» на ИС успешно функционирует виртуальный помощник, обеспечивающий онбординг новых сотрудников и системный сбор обратной связи. Данное решение продемонстрировало комплексный эффект, так снижение показателей текучести персонала и значительную разгрузку HR-отдела за счет автоматизации рутинных операций.

Эффективная система обратной связи органично встраивается в современные подходы к управлению, демонстрируя особую синергию с гибкими методологиями, такими как Agile [4]. Внедрение подобных подходов создает благоприятную среду для регулярного структурированного диалога, который становится естественным элементом итерационных процессов и способствует созданию адаптивной организационной культуры. Эта интеграция позволяет организациям быстрее реагировать на изменения внешней среды и эффективнее управлять внутренними преобразованиями.

Таким образом, обратная связь представляет собой неотъемлемый и стратегически важный элемент цифровой организационной культуры, оказывающий непосредственное влияние на операционную производительность и стратегическую гибкость компании. Для эффективного управления цифровым человеческим капиталом необходим целостный и сбалансированный подход, учитывающий множество организационных и поведенческих факторов [5].

Наиболее перспективным направлением развития представляется использование технологий искусственного интеллекта для персонализации и автоматизации процессов обратной связи, что позволит вывести её эффективность на качественно новый уровень и создать основу для организационного развития. Внедрение AI-решений позволит не только оптимизировать сбор и анализ данных, но и прогнозировать тенденции в организационном поведении, обеспечивая тем самым опережающее реагирование на потенциальные вызовы.

Библиографические ссылки

1. Бадалян Д. С., Гончарова Н. В. Трансформация корпоративной культуры организации в условиях цифровизации // Интеллектуальные бизнес-процессы в промышленности. – Екатеринбург: ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина». – С. 226.
2. Бородинская Е.М., Фиронов А.Н. Цифровая культура организации как конвергентная парадигма для права и экономики. Цифровая трансформация. 2022; 28(1): 48-57.
3. Васина В.Н. Инструменты управления цифровыми компетенциями на промышленном предприятии // Интеллектуальные бизнес-процессы в промышленности. – Екатеринбург: ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина». – 507 с.
4. Зацепина А. В. Agile-методика как инструмент оптимизации производственного процесса промышленных предприятий в условиях цифровизации / А. В. Зацепина, Н. Н. Фомина // Малый город: технологии развития : Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Котлас, 17–18 марта 2024 года. – Котлас: [б. и.], 2024. – С. 71-75. – EDN FLPXZH.
5. Илларионова Е.С. Исследование влияния обратной связи на мотивацию и результаты деятельности // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2024. – № 2 (71).

© Мананкова А.А., Фомина Н.Н., 2025

СПЕЦИФИКА РАБОТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПЕДАГОГА В ДЕТСКОМ ДОМЕ

М. А. Матюшина

студент 4 курса,

УВО «Университет управления «ТИСБИ»,

г. Казань, Россия

E-mail: marinamatyushina@mail.ru

Л. Ф. Мустафина

доцент, УВО «Университет управления «ТИСБИ», г. Казань, Россия

E-mail: lilmus@mail.ru

В статье рассматривается специфика работы социального педагога в детском доме, его роль в социализации воспитанников, защите их прав и интересов, а также организации досуга и создании благоприятной воспитательной среды. Особое внимание уделяется взаимодействию социального педагога с различными категориями детей, имеющих разные социально-психологические особенности и потребности. Анализируются ключевые направления деятельности, методы и приемы работы социального педагога в условиях детского дома.

Ключевые слова: *социальный педагог, детский дом, воспитанники, компетенции, педагогическая поддержка.*

The article examines the specifics of the work of a social teacher in a children's home, their role in the socialization of students, the protection of their rights and interests, as well as the organization of leisure activities and the creation of a favorable educational environment. Special attention is paid to the interaction of a social teacher with various categories of children who have different socio-psychological characteristics and needs. The article analyzes the key areas of activity, methods, and techniques of a social teacher in a children's home.

Key words: *social worker, orphanage, pupils, competencies, pedagogical support.*

Социальный педагог в детском доме – это ключевая фигура, обеспечивающая не только образовательную поддержку воспитанникам, но и создающая условия для их социальной адаптации, развития личности и подготовки к самостоятельной жизни. Специфика работы этого специалиста определяется уникальными потребностями детей, лишенных родительской опеки, и необходимостью восполнить дефицит семейного воспитания.

Социальный педагог в детском доме обладает широким спектром компетенций, необходимых для всесторонней поддержки детей, оставшихся без попечения родителей. Основные компетенции включают:

Одним из важнейших аспектов деятельности социального педагога является формирование у детей навыков самообслуживания, гигиены, организации быта. В условиях детского дома, где проживает большое количество воспитанников, важно научить каждого ребенка самостоятельно следить за собой, поддерживать порядок в личном пространстве и участвовать в общественной жизни. Социальный педагог организует тренинги, беседы, игры, направленные на развитие этих навыков, и оказывает индивидуальную поддержку тем, кто испытывает трудности [3].

Дети, попавшие в детские дома, часто имеют негативный опыт, связанный с насилием, пренебрежением, социальной изоляцией. Это может приводить к агрессии, замкнутости, нарушению норм поведения. Социальный педагог проводит индивидуальные

консультации, групповые занятия, направленные на выявление причин девиантного поведения и оказание помощи в преодолении негативных последствий. Он также участвует в разработке и реализации программ профилактики правонарушений среди несовершеннолетних.

Специфика работы социального педагога в детском доме также заключается в необходимости учитывать индивидуальные особенности каждого ребенка. Каждый воспитанник имеет свою историю, свои потребности и свои возможности. Важно найти индивидуальный подход к каждому ребенку, создать для него комфортные условия для развития и помочь ему преодолеть трудности. Работа направлена на выявление психологических особенностей каждого воспитанника, проведение коррекционных мероприятий и психотерапевтической помощи. Педагог совместно с психологом проводит диагностику эмоционального состояния детей, выявляет возможные проблемы поведения и предпринимает меры по их коррекции.

Социальный педагог помогает детям раскрыть свои таланты и интересы, вовлекая их в различные кружки, секции, клубы по интересам. Он организует экскурсии, походы, посещение театров и музеев, способствуя расширению кругозора и формированию позитивного мировоззрения. Важно, чтобы дети чувствовали себя полноценными членами общества и имели возможность развиваться в разных направлениях [1]. Педагог организует занятия физкультурой, спортом, профилактическими мероприятиями по предупреждению вредных привычек (алкоголь, наркотики), проводит занятия по пропаганде правильного питания, гигиенического ухода за собой, обеспечивает регулярную медицинскую диагностику и наблюдение за состоянием здоровья воспитанников.

Одной из сложных задач, стоящих перед социальным педагогом, является работа с подростками, переживающими кризисный период. В подростковом возрасте дети особенно нуждаются во внимании и поддержке, но в то же время они становятся более замкнутыми и менее склонными к общению. Социальный педагог должен уметь устанавливать доверительные отношения с подростками, помогать им справляться с эмоциональными проблемами, находить выход из сложных ситуаций и принимать правильные решения. Он должен быть для них другом и наставником, к которому они могут обратиться за помощью в любое время [4].

Таким образом, целями психолого-педагогического сопровождения воспитанников детского дома являются:

- улучшение качества жизни воспитанников путём оказания психологической поддержки и содействия личностному росту;
- минимизация негативных последствий нахождения в учреждении и повышения шансов успешного включения ребёнка в жизнь семьи и общества;
- создание условий для раскрытия потенциала каждого ребёнка, стимулирование развития интеллектуальных, физических и духовных возможностей;
- формирование позитивных жизненных установок, ориентированных на успех, ответственность и уважение к другим людям;
- предотвращение случаев жестокого обращения, насилия и нарушения прав детей.

Социальный педагог регулярно информирует воспитанников о законах, регулирующих их права и обязанности, знакомит с возможностями отстаивания собственных интересов. Особое внимание уделяется правам детей на образование, медицинское обслуживание, достойные условия проживания и защиту от всех форм насилия.

Социальный педагог устанавливает контакты с социальными службами, медицинскими учреждениями, образовательными организациями, благотворительными фондами. Он представляет интересы воспитанников в различных инстанциях, оказывает

им помощь в получении социальных выплат, оформлении документов, получении медицинской помощи. Он также участвует в подготовке детей к выпуску из детского дома, помогая им найти жилье, получить образование и трудоустроиться.

Привлекая ресурсы государственных органов, некоммерческих организаций, волонтерских движений и частных лиц, социальный педагог получает доступ к дополнительным источникам финансирования, материальной помощи и квалифицированной поддержке специалистов разных направлений (психологи, юристы, медики). Это позволяет повысить качество предоставляемых услуг и обеспечить индивидуальный подход к каждому ребенку. Активное вовлечение детей в социальные проекты формирует у них опыт успешного взаимодействия с окружающим миром, развивает умение сотрудничать, общаться и уважительно относиться друг к другу. Это особенно актуально для тех детей, кто ранее испытывал трудности в установлении контактов с внешним миром.

Одним из важных аспектов работы социального педагога является воспитание уважения к законам, нормам морали и этики, привычка соблюдать установленные правила поведения в обществе. Воспитанники учатся брать ответственность за свои поступки, ценить собственную свободу и независимость.

Даже если ребенок находится в детском доме, важно поддерживать связь с его родственниками, если это не противоречит его интересам. Социальный педагог проводит беседы с родителями, оказывает им консультативную помощь, помогает в восстановлении родительских прав. Он также участвует в подготовке ребенка к возвращению в семью, если это возможно [2].

После выпуска из детского дома выпускники сталкиваются с множеством трудностей, начиная от устройства на работу и заканчивая поиском жилья. Социальный педагог продолжает поддерживать связь с бывшими подопечными, оказывая консультативную помощь, помогая в трудоустройстве, поиске временного места жительства и организации досуга.

Таким образом, целью деятельности социального педагога по защите прав и законных интересов воспитанников детского дома являются:

- формирование правовой грамотности;
- предоставление юридической консультации по различным аспектам жизнедеятельности ребенка, таким как учеба, жилье, трудоустройство;
- содействие восстановлению связи с семьей и поиск путей возвращения ребенка в семью.
- осуществление контроля за соблюдением санитарно-гигиенических норм, организация медицинского обслуживания и охраны здоровья детей.

Специфика деятельности социального педагога в детском доме включает в себя и постоянное повышение профессионального уровня. Педагог должен быть в курсе современных тенденций в образовании, социальной работе, психологии, а также знать новые методы и технологии, направленные на помощь детям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Посещение семинаров, тренингов, курсов повышения квалификации, участие в конференциях и обмен опытом с коллегами – все это способствует профессиональному росту и повышению эффективности работы.

Кроме того, социальный педагог играет важную роль в формировании позитивного имиджа детского дома в обществе. Он участвует в проведении мероприятий, направленных на привлечение внимания общественности к проблемам детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Он взаимодействует со средствами массовой информации, рассказывает о жизни детского дома, об успехах воспитанников, о работе педагогов. Социальный педагог регулярно информирует общество о работе детского дома через пресс-релизы, социальные сети и местные СМИ, акцентируя внимание на успехах

воспитанников, достижениях сотрудников и мероприятиях, проводимых учреждением. Это помогает привлечь спонсоров и волонтеров, которые оказывают поддержку детскому дому и помогают детям.

Для успешной работы социальному педагогу необходимо обладать определенными качествами и компетенциями. Он должен быть эмпатичным, терпеливым, ответственным, коммуникабельным и уметь находить общий язык с детьми разного возраста и с разными характерами. Он должен знать основы педагогики, психологии, социальной работы, законодательства в сфере защиты прав детей. Он должен уметь работать в команде с другими специалистами детского дома, такими как воспитатели, психологи, врачи.

Работа социального педагога в детском доме – это сложная и ответственная задача, требующая высокой квалификации и преданности своему делу. Но это также очень важная и благодарная работа, которая позволяет помочь детям, лишенным родительской опеки, обрести надежду на лучшее будущее и стать полноценными членами общества.

Необходимо отметить, что работа социального педагога в детском доме требует не только профессиональных знаний и умений, но и личных качеств, таких как любовь к детям, милосердие, сострадание и готовность прийти на помощь в трудную минуту. Без этих качеств невозможно успешно выполнять свою работу и оказывать реальную помощь детям, нуждающимся в поддержке и заботе.

В последние годы все больше внимания уделяется развитию инклюзивного образования, которое предполагает создание условий для обучения детей с особыми образовательными потребностями в обычных школах и детских садах. Социальный педагог играет важную роль и в этой сфере. Он помогает детям с ограниченными возможностями здоровья адаптироваться к новым условиям, оказывает им поддержку в учебе и общении со сверстниками, а также взаимодействует с педагогами и родителями, обеспечивая комплексный подход к обучению и воспитанию таких детей [1]. Большое внимание уделяется обучению навыкам общения и взаимодействия. Через совместные игры, групповые занятия и проектную деятельность создаются условия для естественного включения ребенка в общий процесс жизнедеятельности коллектива.

Основные компетенции социального педагога в детском доме охватывают широкий круг профессиональных навыков и знаний, необходимых для эффективного выполнения обязанностей. К ним относятся:

- профессиональные знания и умения (владение методами диагностики и оценки состояния ребенка, понимание возрастных особенностей развития детей, способность применять современные методики воспитания и обучения, знание нормативных правовых актов, регулирующих защиту прав несовершеннолетних);
- коммуникативные навыки (навык установления доверительных отношений с ребенком, умение вести конструктивный диалог с коллегами, администрацией и представителями органов опеки, грамотное оформление документации и отчетов);
- психологические компетенции (глубокое понимание психологии детства и подросткового возраста, освоение техник индивидуальной и групповой психотерапии, проведение диагностических исследований психического состояния детей);
- управленческие навыки (планирование и координация работы педагогического коллектива, анализ результатов своей деятельности и внесение предложений по улучшению качества обслуживания, принятие решений в сложных ситуациях, возникающих в процессе воспитания и обучения);
- эмоциональная устойчивость (высокая степень стрессоустойчивости и способность справляться с негативными эмоциями, терпеливость и уважение к мнению каждого ребенка, эмпатия и чувство сострадания к проблемам детей).

Эти компетенции обеспечивают эффективное выполнение функций социального педагога, позволяя создавать благоприятные условия для воспитания и развития детей,

находящихся в трудной жизненной ситуации. В заключение можно сказать, что специфика работы социального педагога в детском доме многогранна и требует от специалиста высокой квалификации, разносторонних знаний и умений, а также личных качеств, таких как любовь к детям, милосердие и сострадание. Эта работа направлена на создание условий для полноценного развития личности каждого ребенка, лишенного родительской опеки, и подготовки его к самостоятельной жизни в обществе.

Библиографические ссылки

1. Артамонова, А.С. Система постинтернатного сопровождения детей, оставшихся без попечения родителей: зарубежный опыт /А.С. Артамонова// Социальное пространство, 2024, № 3, с. 34-42. - Текст: непосредственный.
2. Бабцева, О. Н. Особенности работы социального педагога в детском доме /О.Н. Бабцева// Система ценностей современного общества. 2012. №23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-raboty-sotsialnogo-pedagoga-v-detskom-dome> (дата обращения: 02.04.2025).
3. Гумеров, А.И. Особенности воспитательного процесса в современных условиях в детском доме/А.И. Гумеров, М.Ю. Койнов //Colloquium-Journal, 2022, № 3-5 (55), с. 47-48.- Текст: непосредственный.
4. Дудкин, А.С. Технологии социальной работы с семьей и детьми: учебное пособие. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2016. – 140 с.- Текст: непосредственный.
5. Исаева, М. М. Особенности работы социального педагога с воспитанниками детских домов/М.М. Исаева, Д.З. Атаева // Педагогика и психология: проблемы и перспективы : Материалы третьей Всероссийской научно-практической конференции, Махачкала, 25 февраля 2016 года / Под редакцией Р.М. Рамазановой, Э.М. Пицхелаури, Б.А. Шихамировой. Том Выпуск 3. – Махачкала: АЛЕФ, 2016. – С. 72-76. - Текст: непосредственный.
6. Кондратьев, М. Ю. Социально-психологическая служба в образовании. Закрытые образовательные учреждения: учебник для вузов/М.Ю. Кондратьев. - М: Юрайт, 2025. - 275 с.- Текст: непосредственный.
7. Кошлова, А. В. Специфика работы социального педагога в детском доме/А.В. Кошлова // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2020. – С. 262-263. –Текст: непосредственный.
8. Снежнина, О. Ф. Практика работы социального педагога в детском доме/ О.Ф. Снежнина, Я.Б. Штыгайло, А.К. Лукина // Превентивно-профилактическая работа социального педагога. – Москва: Федеральное государственное бюджетное научное учреждение институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, 2021. – С. 332-343. - Текст: непосредственный.
9. Якубсон, К. Г. Деятельность социального педагога по подготовке воспитанников детского дома к обучению в среднем профессиональном учреждении/ К.Г. Якубсон // Материалы международного научного форума обучающихся «Молодежь в науке и творчестве» : Сборник научных статей, Гжель, 27 апреля 2016 года – 27 2017 года / Гжельский государственный университет. – Гжель: Гжельский государственный университет, 2016. – С. 459-462. - Текст: непосредственный.

© Матюшина М.А., Мустафина Л.Ф., 2025

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

А. А. Морозова

студент 4 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: asss0102@mail.ru

Н. С. Ливак

доцент, СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

E-mail: nlivak@mail.ru

Статья посвящена изучению особенностей развития эмоционального интеллекта у младших школьников. Эмоциональный интеллект играет ключевую роль в успешной социализации, обучении и дальнейшем развитии личности ребенка. Рассматриваются факторы, влияющие на становление эмоционального интеллекта, механизмы его развития и способы педагогического воздействия, направленные на его совершенствование.

Ключевые слова: Эмоциональный интеллект, развитие, младший школьный возраст.

The article is devoted to studying the peculiarities of emotional intelligence development in primary school children. Emotional intelligence plays a key role in successful socialization, learning and further personal development of a child. The factors influencing the formation of emotional intelligence, mechanisms of its development and pedagogical methods aimed at improving it are considered.

Key words: Emotional Intelligence, Development, Primary School Age.

Современное общество предъявляет высокие требования к уровню эмоционального интеллекта подрастающего поколения. Именно эмоциональный интеллект обеспечивает человеку эффективное взаимодействие с окружающим миром, успешную социальную адаптацию и продуктивное решение возникающих проблем. Поэтому изучение путей и механизмов развития эмоционального интеллекта у младших школьников становится актуальным направлением исследований в области возрастной психологии и педагогической науки.

Знания об эмоциональном интеллекте еще не полностью раскрыты, и только сейчас многие авторы анализируют информацию зарубежных исследователей по этой теме и адаптируют ее к нашему обществу. Одним из первопроходцев, обозначивших важность эмоций и их связь с разумом, стал Чарльз Дарвин. В своих трудах ученый подчеркивал мысль о том, что сильное возбуждение психики способно непосредственно влиять на состояние сердца.

Эмоциональный интеллект определяется как совокупность способностей индивида распознавать эмоции окружающих и свои собственные, управлять ими, эффективно общаться и строить социальные отношения. Альтернативное определение эмоционального интеллекта, сформулированное С. Дж. Стейном и Говардом Буком, гласит, что этот тип интеллекта отличается от традиционного тем, что включает способность правильно интерпретировать ситуации и влиять на них, ясно распознавать чувства и нужды окружающих, осознавать их сильные и слабые стороны, сохранять спокойствие в стрессовых ситуациях и располагать к себе [1].

Активное развитие теории эмоционального интеллекта началось в 1980-х и 1990-х годах. Важным этапом стало появление в 1983 году модели интеллекта Говарда Гарднера, разделившего его на внутриличностный и межличностный аспекты. Внутриличностная сфера определяет способность понимать себя и управлять собой. Она включает следующие качества:

1. Самоанализ – способность распознавать свои чувства и знать, почему в данный момент эти чувства возникают. Осознавать, как собственное поведение влияет на окружающих.
2. Ассертивность – способность выражать свои чувства и мысли открыто, отстаивать свою точку зрения.
3. Самостоятельность – способность контролировать и направлять собственные эмоции и чувства.
4. Самореализация – умение реализовывать свой потенциал, быть удовлетворенным своими достижениями в карьере и семье.

Межличностная сфера заключается в способности взаимодействовать с окружающими и определяется следующими факторами:

1. Эмпатия – способность понимать чувства и мысли других людей.
2. Социальная ответственность – умение сотрудничать с окружающими и быть полезным в своей социальной группе.
3. Адаптивность – способность быть гибким и реалистичным в решении актуальных проблем. Возможность при изменяющихся условиях согласовывать мысли, чувства, действия.
4. Понимание действительности – способность воспринимать вещи такие, какие они в действительности.
5. Способность решать проблемы – возможность выявить проблему и сформировать адекватный и эффективный план по ее решению.
6. Управление стрессом – умение управлять стрессовыми ситуациями, обладать контролем своих эмоций в данных ситуациях, быть сосредоточенным.
7. Общий фон настроения – положительные установки на успех при неблагоприятных жизненных ситуациях [1].

В 1985 году Уэйн Пэйн представил исследование, в котором подробно рассмотрел проблему развития человеческих чувств и эмоций. Рувен Бар-Он в 1988 году, в рамках своей диссертации, предложил использовать термин «эмоциональный коэффициент» (EQ), параллельно с уже известным IQ [1].

Окончательное утверждение термина произошло в результате публикации статьи двух известных учёных - Питера Саловея и Джона Д. Майера в 1990 году, которая заложила основу современного понимания эмоционального интеллекта. Согласно основоположникам теории, он состоит из четырех основных компонентов:

1. Восприятие и выражение эмоций.
2. Ассимиляция эмоций в мышление.
3. Понимание и анализ эмоций.
4. Управление эмоциями [1].

Каждый компонент оказывает влияние на общее состояние личности и эффективность ее функционирования в обществе.

В отечественной науке теория о эмоциональном интеллекте нашла отражение в трудах Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, Б.В. Зейгарник, О.К. Тихомирова.

Л.С. Выготский пришел к выводу, что эмоции опосредованы интеллектом и между ними существует тесная связь. Он считал, что тот, кто оторвал мышление от аффекта, закрыл себе дорогу к объяснению причин мышления и сделал невозможным изучение

обратного влияния мышления на аффективную и волевую стороны психической жизни. Он определял эмоциональный интеллект близким по смыслу понятием, как «смысловое переживание», интеллектуальная составляющая между переживанием и поступком [2].

Б.В. Зейгарник указывала, что если у человека есть определенное знание о предметах и явлениях окружающей действительности, то отношение к ним будет изменчивым. О.К. Тихомиров продолжил эту мысль, утверждая, что степень активности эмоциональной регуляции влияет на продуктивность интеллектуальной деятельности.

С.Л. Рубинштейн изменил взгляд на взаимосвязь эмоций и интеллекта, сделав вывод, что эмоциональные и познавательные процессы не сопоставимы. Он определял эмоциональность, как специфический процесс, который является когнитивным процессом и отражает реальность. Вследствие чего, эмоциональные процессы нельзя противопоставлять когнитивным процессам как внешним, взаимоисключающим противоположностям. Сами человеческие эмоции представляют собой единство эмоционального и интеллектуального компонента, так же как когнитивные процессы обычно образуют единство интеллектуального и эмоционального [6].

Существует три подхода к объяснению природы эмоционального интеллекта.

Первый базируется на теории способностей и оценивает эмоциональный интеллект как совокупность навыков и умений.

Второй подход основан на теории личности и ориентируется на личностные особенности, мотивационные доминанты и ценностные ориентации.

Третий подход объединяет обе модели и рассматривает врожденные личностные особенности как предпосылки эмоционального интеллекта, а навыки, приобретаемые с опытом, – как компенсаторные механизмы, позволяющие развивать эмоциональный интеллект путем тренировки [1].

Современные научные исследования сосредоточены на изучении механизмов формирования эмоционального интеллекта на разных возрастных этапах. Особое внимание уделяется разработке эффективных методов диагностики уровня эмоционального интеллекта и созданию соответствующих коррекционных программ. Одной из центральных проблем в психологии выступает вопрос особенностей психики младших школьников. Младший школьный возраст охватывает детей примерно от шести до одиннадцати лет, проходящих обучение в первом-четвертом классах начальной школы.

Основы периодизации данного возраста разработаны выдающимися отечественными психологами – Д.Б. Элькониным и Л.С. Выготским. Этот период характеризуется интенсивностью процессов познания окружающего мира, развитием произвольности поведения и формированием базовых нравственных ценностей. Важнейшим фактором успешного прохождения этого этапа является развитый эмоциональный интеллект, позволяющий детям легко вступать в контакт с другими людьми, адекватно воспринимать ситуацию и правильно реагировать на нее [4].

Экспериментальное исследование, проведенное Д.М. Рыжовым, показало, что большинство детей младшего школьного возраста обладают средним уровнем развития эмоционального интеллекта и его составляющих, включая восприятие, понимание, идентификацию эмоций и умение вести себя соответственно испытываемым чувствам [4].

Эмоциональный интеллект не представляет собой врожденную черту характера, а развивается постепенно под влиянием различных факторов на протяжении всей жизни ребенка. Важнейшую роль в становлении этого качества играет окружающая среда, особенно семья и школа.

Младший школьный возраст отмечен значительным прогрессом в формировании личности, установлении контактов со сверстниками и взрослыми, вовлеченностью в коллективные дела и возникновением серьезных обязанностей. В том числе,

преобразование высших психических функций, то есть когнитивных (познавательных) процессов.

Основными этапами развития эмоционального интеллекта в начальной школе являются:

1. Овладение способностью различать и обозначать собственные эмоции.
2. Развитие эмпатии и сочувствия к переживаниям других людей.
3. Формируются первые навыки управления собственными эмоциями.
4. Начинают проявляться способности к сотрудничеству и решению конфликтов мирным путем [4].

Однако процесс развития эмоционального интеллекта требует специального педагогического сопровождения, направленного на обогащение опыта детей и расширение спектра воспринимаемых и проявляемых эмоций. Д.В. Люсин утверждает, что эмоциональный интеллект является психологическим образованием, которое формируется на протяжении всей жизни человека.

Особое значение имеет качество эмоционального контакта с близкими взрослыми, определяющее опыт раннего эмоционального реагирования и представления о мире и людях. Для успешного развития эмоционального интеллекта у детей ключевую роль играют родители. Ведь именно в семейной среде, копируя поведение взрослых и реагируя на их отношение к собственным поступкам, ребёнок осваивает навыки выражения и осмысления эмоций. Следовательно, родителям крайне важно активно содействовать формированию эмоционального интеллекта у своих детей. Его индивидуальность и специфика определяются рядом биологических и социальных факторов.

К биологическим аспектам относятся высокий уровень эмоционального интеллекта у родителей, особенности темперамента (например, сангвинический тип способствует лучшей адаптации), а также преобладание правого полушария мозга, связанного с эмоциями. Что касается социальных условий, то они включают образовательный уровень родителей, взаимодействие со сверстниками, реакцию окружения на поведение ребенка и отношения внутри семьи [5].

Для эффективного развития эмоционального интеллекта младших школьников целесообразно использование специализированных методик и технологий, включающих игровые формы работы, беседы, рассказывание историй, просмотр мультфильмов и кинофильмов с последующим обсуждением эмоций персонажей, драматизацию ситуаций и др. Также важным аспектом является целенаправленное обучение детей пониманию чужих эмоций посредством упражнений на идентификацию мимики, жестов и поз собеседника.

В большинстве публикаций и утверждённых методик признаются следующие методы развития эмоционального интеллекта: тренинг, арт-терапия, психогимнастика, поведенческое моделирование, проигрывание ролей, дискуссионная обратная связь, методы демонстрации, проектирование [2].

Развитие эмоционального интеллекта возможно интегрировать в повседневную учебную деятельность младших школьников. Например, включение заданий, направленных на осознание собственного эмоционального состояния, развитие наблюдательности, выработку умения считывать невербальные признаки эмоций у одноклассников и учителей. Полезными инструментами выступают дискуссии, интерактивные задания, дидактические пособия, разработанные специально для развития эмоционального интеллекта.

Однако внедрение перечисленных методов в российскую систему образования сталкивается с рядом препятствий. Во многом это связано с традиционным уклоном отечественного педагогического процесса в сторону академического познания и привязанности к государственным стандартам и нормативам. Оценка эффективности труда

учителя зачастую сводится исключительно к количественным показателям успеваемости, тогда как работа над эмоциональным благополучием воспитанников остается второстепенной задачей.

Для анализа эмоционального интеллекта детей младшего школьного возраста было проведено исследование, основанное на использовании методики «Тест эмоционального интеллекта Шутте», базирующегося на четырехфакторной концепции, сформулированной Джоном Майером и Питером Саловеем. Эта методика направлена на оценку возможности индивидов распознавать и анализировать как личные, так и внешние эмоциональные сигналы, дифференцировать их и применять полученные знания для управления своим поведением и процессом принятия решений [3].

Экспериментальное исследование включало группу из 20 учеников третьего класса в возрасте 8-9 лет, итоговые показатели которого продемонстрировали преимущественно средние и низкие значения уровня эмоционального интеллекта. Анализ полученных результатов выявил, что у 65% участников группы зафиксирован среднестатистический показатель эмоционального интеллекта, что выражается в комфортных взаимоотношениях с одноклассниками, реалистичной оценке собственных чувств и эмоций, уверенности в себе, умении распознавать эмоции других людей, отзывчивости и готовности прийти на помощь другим ребятам, уважительном отношении коллектива. Остальные 35% испытуемых демонстрировали уровень ниже среднего, что отражает отсутствие проявлений сопереживания и понимания чувств окружающих в естественной обстановке общения как со сверстниками, так и со взрослыми.

Исходя из приведенных выводов, эксперимент подтверждает необходимость введения специальной образовательной стратегии, нацеленной на совершенствование эмоционального интеллекта у учащихся первых ступеней школьного обучения. Такой подход позволит учащимся стать более самостоятельными и уверенными в себе, улучшит их умение налаживать дружеские контакты с одноклассниками, повысит общую удовлетворенность жизнью, эффективность самоорганизации и позитивно скажется на уровне успеваемости.

Развитие эмоционального интеллекта в младшем школьном возрасте представляет собой важнейшую задачу современной образовательной системы. Специально организованное воздействие взрослых способно значительно ускорить этот процесс, обеспечив каждому ребенку необходимые навыки для эффективной социализации и успешной дальнейшей жизни. Дальнейшие исследования необходимы для изучения влияния отдельных составляющих эмоционального интеллекта на конкретные сферы жизнедеятельности младших школьников и разработки универсальных инструментов измерения эффективности используемых методик.

Библиографические ссылки

1. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект: исследования феномена // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 78–86. – Текст: непосредственный.
2. Березовская Г.А. Современные подходы к диагностике и развитию эмоционального интеллекта // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6. С. 146–149. – Текст: электронный.
3. Варицкий Ю. А. Особенности психодиагностики эмоционального интеллекта личности с помощью опросника Шутте // Современные проблемы психологии и образования, М.: МФЮА, 2016. – Текст: электронный.
4. Глухова Е.В. Возрастные особенности эмоционального интеллекта дошкольников и младших школьников // Молодой ученый. 2019. № 12. С. 125–128. – Текст: непосредственный.

5. Люсин Д.В. Современное состояние и основные проблемы психологии эмоционального интеллекта // Вопросы психологии. 2018. № 4. С. 12–20. – Текст: электронный.
6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии // Издательство: Питер, 2002 г. – 720 с. – Текст: электронный.

© Морозова А.А., Ливак Н.С., 2025

ПРОФИЛАКТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПЕДАГОГОВ

В. В. Непомнящих

магистрант 1 курса

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: vyf993628@yandex.ru

С. Ю. Пискорская

профессор,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: piskorskaya1@rambler.ru

Статья посвящена профилактике эмоционального выгорания среди педагогов как ключевым элементам психологического здоровья сотрудников в организации. В работе приводятся причины возникновения асоциального выгорания. Особое внимание уделено организационным методам профилактики эмоционального выгорания. В статье подчеркивается, что гармоничное сочетание личностных и организационных мер в профилактике эмоционального выгорания, обеспечивает высокую эффективность в борьбе с синдромом эмоционального выгорания педагогов.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, профилактика, корпоративная культура, профессиональная и психологическая поддержка, педагог.

The article is devoted to the prevention of emotional burnout among teachers as key elements of the psychological health of employees in an organization. The article provides the causes of asocial burnout. Special attention is paid to organizational methods of preventing emotional burnout. The article emphasizes that a harmonious combination of personal and organizational measures in the prevention of emotional burnout ensures high efficiency in combating the syndrome of emotional burnout among teachers.

Keywords: emotional burnout, prevention, corporate culture, professional and psychological support, teacher.

Сегодняшние образовательные реалии требуют от учителей постоянного освоения новых технологий и методик. Это, в свою очередь, означает, что к педагогам предъявляются более высокие требования как к профессионалам и личностям. Если педагог не может справиться с этими новыми вызовами, это может привести к стрессу и, в конечном итоге, к эмоциональному истощению.

Эмоциональное выгорание педагогов – это серьезная проблема, которая мешает педагогам расти профессионально и, в свою очередь, негативно сказывается на всех, кто участвует в образовании, а также на самих результатах обучения. Поэтому так важно изучать, как можно предотвратить это выгорание, а именно работать с профилактикой синдрома эмоционального выгорания среди педагогов.

Проблема эмоционального выгорания привлекает большое количество исследований. Данный феномен рассматривался в работах таких авторов как: В.В. Бойко и Н.Е. Водопьяновой, К. Маслач, Н.Г. Осуховой, Д. Гринберга, Е.П. Ильина, А.А. Реана, Н.П. Лукашевича, Л.М. Митиной и Н.С. Пряжниковой, Е.С. Старченковой, Т.И. Ронгинской, М.Г. Дмитриева, Т.В. Форманюка. Они рассматривали эмоциональное

выгорание как результат постоянного стресса, вследствие чего, оно может привести к истощению как личных, так и эмоциональных ресурсов педагога.

Но что же понимается под термином «Эмоциональное выгорание»? Эмоциональное выгорание считается одной из наиболее весомых профессиональных деформаций среди лиц, работающих с людьми, таких как социальные работники, психологи, учителя и врачи. Впервые термин «эмоциональное выгорание» был сформулирован в 1974 г. американским исследователем и психиатром Х. Дж. Фрейденбергером. Он понимал под «эмоциональным выгоранием» такое психологическое состояние человека, при котором он находится в интенсивном и близком общении с клиентами или пациентами. При этом их профессиональная деятельность проходит в эмоционально напряженной атмосфере [5].

Одним из первых исследователей данного вопроса являлась К. Маслач. Она охарактеризовала это понятие как такое состояние человека, которое включает в себя:

- негативное восприятие самого себя;
- чувство эмоционального истощения;
- утрату человеком профессионального мастерства;
- симптомы деперсонализации и дегуманизации [7].

Российский исследователь В.В. Бойко [3, с. 22] рассматривал развитие синдрома эмоционального выгорания в рамках развития стресса. Он дает определение эмоциональному выгоранию как выработанному личностью механизму психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на психотравмирующие воздействия [2].

По определению Н.Е. Водопьяновой «эмоциональное выгорание» – это долговременная стрессовая реакция, возникающая вследствие продолжительных профессиональных стрессов средней интенсивности [5].

Другой исследователь, М.В. Борисова, определяет выгорание как специфическое явление, проявляющееся в нарушении адаптивных механизмов личности, как к условиям, так и к содержанию своей профессиональной деятельности [4].

Как можно увидеть из вышеперечисленных определений эмоционального выгорания, основным триггером синдрома является постоянный стресс, который перетекает уже в более серьезные личностные и психологические проблемы, такие эмоциональное истощение и утрата интереса к своей профессиональной деятельности.

В чем же заключается особенность эмоционального выгорания педагогов? Основными симптомами синдрома профессионального выгорания являются эмоциональное, психическое истощение, личностная отстраненность, ощущение утраты эффективности.

Синдром эмоционального выгорания среди педагогов в организации развивается поэтапно, согласно определённым фазам:

1. Предупреждающая фаза:
  - чрезмерное участие – излишняя активность, отказ от потребностей, не связанных с работой, вытеснение неудач, ограничение социальных контактов;
  - истощение – чувство усталости, бессонница и т.д.
2. Снижение уровня собственного участия:
  - по отношению к коллегам, ученикам и др. (выражается в переходе от помощи к контролю и надзору, обвинение других людей в собственных неудачах, проявление негуманного подхода к людям);
  - по отношению к остальным окружающим (отсутствие эмпатии, безразличие);
  - по отношению к профессиональной деятельности (сопротивление в выполнении своих обязанностей, опоздания, уход с работы раньше времени и др.);
  - возрастание требований – потеря жизненного «идеала», зависть.
3. Эмоциональные реакции:

- депрессивное настроение – снижение самооценки, частое чувство вины, апатия;
- агрессия – защитные установки, подозрительность, конфликты с ближайшим социальным окружением.

4. Фаза деструктивного поведения:

- сфера интеллекта – снижение концентрации внимания, ригидность мышления;
- мотивационная сфера – снижение эффективности деятельности, отсутствие инициативы;
- эмоционально-социальная сфера – одиночество, безразличие, избегание неформальных контактов, при общении, избегание тем, связанных с работой.

5. Психосоматические реакции – снижение иммунитета, отсутствие способности к релаксации в свободное время, тахикардия, головные боли.

6. Разочарование – отрицательная жизненная установка, чувство беспомощности и бессмысленности жизни, экзистенциальное отчаяние, безысходность [1].

Педагогическое эмоциональное выгорание характеризуется такими признаками, как эмоциональная истощенность, тенденция к ограничению эмоциональных проявлений, отчужденность от учеников и игнорирование их уникальных особенностей. Эти проявления являются следствием напряженной и требовательной природы профессии, а также современной образовательной системы, которая возлагает на учителей высокую ответственность и требует постоянного самоконтроля и саморегуляции. Стресс у педагогов часто возникает из-за неразрешимого внутреннего противоречия между огромной ответственностью и объективными ограничениями в ее выполнении. В то время как стресс может служить стимулом для преодоления трудностей, его избыток (дистресс) приводит к снижению эффективности работы и ухудшению самочувствия.

Проявления стресса в педагогической деятельности разнообразны и обширны. И последствиями состояния стресса могут быть: фрустрированность (отчужденность, отстраненность), тревожность, эмоциональная ригидность и опустошенность [8].

Факторы, которые оказывают влияние на возникновение синдрома эмоционального выгорания у педагогов образовательных учреждений можно разделить на две большие группы: Первую группу составляют внешние факторы и подразумевают под собой:

- специфику профессиональной педагогической деятельности, а именно необходимость сочувствия, сопереживания, ответственность за жизнь и здоровье детей, педагогический стаж работы;
- организационный фактор: перегруженность рабочей недели, низкая оплата труда, напряжённый характер работы, неудовлетворённость результатами профессиональной деятельности.

Вторую группу составляют внутренние факторы, которые включают в себя:

- коммуникативный фактор – отсутствие или недостаточность навыков коммуникации и умения выходить из конфликтных ситуаций, возникающих между участниками образовательного процесса (дети, родители, администрация, коллеги), неумение регулировать личностные эмоциональные проявления;
- личностно-ролевой фактор – материальные трудности, трудности в детско-родительских и супружеских взаимоотношениях, неудовлетворённость самореализацией в различных профессиональных и жизненных ситуациях [5].

Реальная педагогическая практика показывает, что сегодня довольно четко прослеживается факт потери интереса к ученику как к личности, неприятие его таким, какой он есть, упрощение эмоциональной стороны профессионального общения. Многие педагоги отмечают у себя наличие психических состояний, дестабилизирующих профессиональную деятельность [7].

В целом, увеличение нервно-психического напряжения личности педагогов приводит к возникновению психосоматических расстройств и ряду невротических заболеваний.

Психика человека обладает мощными защитными механизмами и в ситуации отсутствия у педагога необходимых внутренних энергоресурсов на выполнение стоящих перед ним задач, возникают достаточно устойчивые отрицательные реакции (чаще неосознаваемые) в виде дезадаптации как отражения личностных противоречий, замкнутости и апатии как проявления внутреннего состояния перенапряжения и переутомления.

Важно отметить, несмотря на большое значение проведенных исследований в изучении проблемы синдрома эмоционального выгорания педагога, важнейшей задачей остается работы в направлении профилактики данного синдрома. Что же такое профилактика эмоционального выгорания?

Под профилактикой подразумевается прежде всего создание и внедрение комплекса различных мероприятий, которые направлены на предупреждение развития синдрома эмоционального выгорания, который развивается под воздействием хронического стресса и постоянных нагрузок, а также на устранение факторов риска. Цель организации – создать благоприятную атмосферу для педагогов, устранить факторы риска и помочь им управлять эмоциональным состоянием.

Выявление направлений психолого-педагогической профилактики эмоционального выгорания у педагогов основывается на исследовании причин, способствующих возникновению данного явления. Как уже было сказано ранее, можно выделить две основные категории факторов, способствующих эмоциональному выгоранию педагогов, на которые необходимо оказывать влияние для его предотвращения.

Первую группу составляют внутренние аспекты, такие как личные установки и эмоциональная устойчивость преподавателей. В работе с внутренней группой причин поможет саморегуляция. Сюда входят такие приемы, как:

- обучение техникам релаксации и дыхательным практикам;
- ведение дневника эмоций;
- развитие личностных ресурсов, умения распознавать свои границы;
- смена деятельности – позитивные эмоции от приятного занятия вытесняют грусть;
- рациональное распоряжение временем: деление крупных дел на несколько частей, включение в график приятных дел.

Вторую группу составляют внешние обстоятельства, включая организационные условия и поддержку со стороны администрации и коллег. К организационным мерам в профилактике эмоционального выгорания можно отнести:

- контроль нагрузки и соблюдение баланса между работой и отдыхом;
- четкое распределение обязанностей и проработка должностных инструкций;
- создание благоприятных условий во время рабочего дня: обеспеченность справочными материалами, техническая оснащённость, возможность технического перерыва для отдыха;
- формирование позитивной корпоративной культуры в коллективе, помощь в решении конфликтов и командообразовании.
- психологическая поддержка со стороны коллег и администрации. Например, внутришкольные группы поддержки или индивидуальное консультирование с психологом, если симптомы выражены ярко и влияют на поведение, качество преподавания;
- регулярная диагностика уровня эмоционального выгорания педагогов, например, «Диагностика уровня эмоционального выгорания» (автор – В. В. Бойко) – позволяет увидеть ведущие симптомы и разработать индивидуальные меры профилактики.

Чтобы снизить вероятность эмоционального выгорания у учителей и создать комфортную рабочую среду, важно обратить внимание на определенные аспекты и, при необходимости, их скорректировать. Эффективная профилактика включает в себя

предоставление обратной связи, профессиональную и психологическую поддержку, а также обучение навыкам управления стрессом.

В целом, для предотвращения выгорания у педагогов необходим индивидуальный подход, учитывающий личные качества каждого сотрудника, специфику условий работы в конкретном учебном заведении. Важно внедрять специальные методы психологической разгрузки и оперативно выявлять тех, кто нуждается в психологической помощи.

Модель предупреждения синдрома эмоционального выгорания может предусматривать следующие направления:

- повышение коммуникативных умений с помощью активных методов обучения (социально-психологические тренинги, деловые игры);
- обучение эффективным стилям коммуникаций и разрешению конфликтных ситуаций;
- тренинги, стимулирующие мотивацию саморазвития и профессионального роста;
- антистрессовые программы и группы поддержки, ориентированные на личностную коррекцию самооценки, уверенности, эмоциональной устойчивости и психофизической гармонии путем овладения способами саморегуляции и планирования личной и профессиональной карьеры [6].

Ранняя диагностика и предотвращение стрессового состояния играют ключевую роль в восстановлении стрессоустойчивости и защитных ресурсов организма, что является критически важным для взаимодействия всех участников образовательного процесса. Излечение от синдрома эмоционального выгорания представляет собой гораздо более сложную задачу, нежели его профилактика.

Для организации, работа с эмоциональным выгоранием своих сотрудников – является важной задачей. Это, в конечном итоге, поможет сохранить и развивать сотрудников в организации, создать благоприятную среду для сотрудников и обучающихся, увеличить качество коммуникации между родителями и педагогическим составом, а также увеличение качества образования в целом.

Поэтому сейчас крайне важно уделять внимание психологической профилактике выгорания среди учителей. Ведь выгорание негативно влияет и на работу, и на личную жизнь педагогов. Чтобы избежать выгорания, нужно развивать умение управлять своими эмоциями и расслабляться, повышать свой эмоциональный интеллект, а также заниматься деятельностью, которая способствует личностному и профессиональному росту.

Педагогам рекомендуется регулярно анализировать свою жизнь, оценивать, насколько они довольны своим текущим состоянием, и ставить цели, направленные на улучшение качества жизни. Такой подход поможет сохранить и поддерживать психологическое благополучие.

Библиографические ссылки

1. Бабанов С.А. Профессиональные факторы и стресс: синдром эмоционального выгорания. // Трудный пациент. – 2009. – № 12. – С. 10-13.
2. Бабич О.И. Профилактика синдрома профессионального выгорания педагогов: диагностика, тренинги, упражнения / Авт.-сост. О.И. Бабич. – Волгоград: Учитель, 2009. – 125 с.;
3. Бойко В.В. Психоэнергетика / В.В. Бойко. – СПб.: Питер, 2008. – 416 с;
4. Борисова М.В. Диагностика и профилактика эмоционального выгорания: учебно-метод. пособ. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2005. – 43 с.;
5. Водопьянова Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактик. СПб.: Питер, 2005;

6. Ляшенко, В.Г. Профилактика эмоционального выгорания педагогов в учреждении высшего образования / В.Г. Ляшенко // Научно-образовательный журнал StudNet №8. – 2020. – С. 66-73;

7. Малкина-Пых И.Г. Возрастные кризисы: Справочник практического психолога. М.: Изд-во «Эксмо», 2005;

Митина Л.М. Психологу об учителе. Личностно-профессиональное развитие учителя: психологическое содержание, диагностика, технология, коррекционно-развивающие программы. – М.: ПП РАО, МГППУ, 2010. – 386 с.

8. Форманюк Т.В. Синдром «эмоционального выгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя. // Вопросы психологии. – 1994. – № 6. – С. 34-56.

9. Хазиева Э.Д. Проблема эмоционального выгорания педагогов // Academic research in educational sciences. – 2022. – Vol. 3. – Is. 2. – P. 848–855

© Непомнящих В.В., Пискорская С.Ю., 2025

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИ ТРУДОУСТРОЙСТВЕ

С. Д. Новиков

магистрант 1 курса
СибГУ им. М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: novik4ok@yvk.com

С. Ю. Пискорская

профессор,
СибГУ им. М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: piskorskaya1@rambler.ru

Статья посвящена анализу современных социальных трудностей, с которыми сталкиваются люди при трудоустройстве. В работе приводятся основные социальные проблемы, с которыми можно столкнуться при трудоустройстве, их причины и возможные пути решения. В статье подчеркивается, что описанные проблемы при трудоустройстве приводят к низкой мотивации труда, затруднению продвижения по должностной вертикали и общей неудовлетворённостью на рабочих местах.

Ключевые слова: трудоустройство, социум, гостинг, безработица, трудности при поиске работы.

The article is devoted to the analysis of modern social difficulties that people face when looking for a job. The article presents the main social problems that people face when looking for a job, their causes, and possible solutions. The article emphasizes that these problems lead to low work motivation, difficulties in career advancement, and overall dissatisfaction in the workplace.

Keywords: employment, society, guesting, unemployment, difficulties in finding a job.

В современном мире трудоустройство на высокооплачиваемую, или подходящую по интересам должность, является одной из главных целей жизни человека. Для этого люди с молодых лет стараются вовлечься в интересные им сферы деятельности, а также поступают в специальные и высшие учебные заведения, чтобы иметь больше шансов на дальнейшее трудоустройство в той или иной нише. Но, несмотря на все приложенные усилия, иногда на пути до трудоустройства встают различные преграды, которые от соискателя не зависят. По данным Федеральной службы государственной статистики уровень безработицы в России постепенно снижается, однако сохраняются структурные диспропорции между спросом и предложением труда.

Подобные проблемы могут иметь разные причины и природу возникновения, но, несмотря на это все они оказывают влияние на трудоустройство. К таким проблемам можно отнести проблемы на основе гендера, возраста, национальности и других качествах соискателя. Наиболее уязвимыми категориями являются: молодежь, лица старшего возраста, женщины, а также граждане с ограниченными возможностями здоровья.

Все это накладывается на растущую цифровизацию, распространение ИИ, которые вносят свои корректировки при поиске работы, а также заставляют соискателя приобретать и развивать большее количество профессиональных навыков.

Перед разбором проблем, связанных с трудоустройством, необходимо определить само значение данного термина. Трудоустройство – это процесс включения индивида в систему общественного труда, сопровождающиеся реализацией его профессиональных и

социальных функций. Социальные аспекты трудоустройства связаны не только с экономическими, но и с культурными, психологическими и институциональными факторами.

Согласно подходу А. Гидденса занятость является ключевым элементом социальной идентичности человека. Потеря или невозможность трудоустройства часто приводит к маргинализации, снижению уровня жизни и росту социальной напряженности [1].

Современные исследователи выделяют ряд социальных рисков, связанных с трудоустройством: неустойчивые формы занятости (к таким формам можно отнести: ГПХ, самозанятость), дискриминация по возрасту и полу, цифровое неравенство и дефицит профессиональных компетенций.

Молодые специалисты часто сталкиваются с недостатком опыта, несоответствием полученного образования требованиям работодателей и ограниченным количеством вакансий начального уровня. По данным ВЦИОМ, около 47% выпускников ищут работу дольше шести месяцев после окончания обучения [2].

Кроме того, распространена практика неоплачиваемых стажировок, что снижает социальную защищенность молодых работников и препятствует их экономической самостоятельности.

Также среднее время поиска работы на желаемую должность занимает в западных странах, таких как США, страны Евросоюза и России, может занимать от 4-6 месяцев.

Дискриминация соискателей происходит также из-за возраста. Так, лица старше 45 лет нередко испытывают трудности при трудоустройстве из-за стереотипов о низкой адаптивности к технологиям. Исследования ВШЭ показало, что возрастная дискриминация – один из наиболее частых факторов отказа при найме [3].

Государственные программы переобучения и «серебряного волонтерства» частично решают данную проблему, однако уровень их эффективности остаётся ограниченным.

В то же время кандидат может показать HR-специалисту слишком молодым, что будет означать наличие малого опыта, или, и вовсе его отсутствие. К данной проблеме также накладываются проблемы в понимании между поколениями работников. Так конфликт между поколением миллениалов и поколением Z вызывают множество конфликтов из-за взгляда на рабочий процесс. Так старшее поколение привыкло к переработкам, к строгой иерархии, в то время как молодое поколение более независимо, они ценят гибкость, творческий подход и соблюдают work-life balance, что идёт в разрез с ценностями прошлых поколений.

Причины подобного поведения у зумеров сложились на основе экономической и социальной нестабильности. Зумеры были свидетелями того, как представители старшего поколения перерабатывали и стремились приобрести такие блага как собственное жилье, автомобиль и т.д. В современном же мире подобные блага становятся недостижимо дорогими, в следствии чего их достижение становится невозможным. Это сказывается отрицательно на необходимости перерабатывать ради подобных благ, вследствие чего зумеры начали больше ценить себя, собственное здоровье (в том числе ментальное).

Также к конфликту поколений добавляются отсутствие комфортных условий труда и высокой оплаты труда. Многие работодатели экономят на сотрудниках и пытаются вводить их в заблуждения при приеме на работу. Из-за этого происходит расхождение между обещанными условиями труда и реальными. Это стало причиной появления такого термина как «гостинг» – зумеры видя, что обещания не являются реальностью, уходят и не возвращаются на работу, являясь своеобразной формой протеста против плохих условий труда и некомпетентного начальства.

В качестве ещё одной из проблем при отборе на должность, являются гендерные неравенства. Женщины по-прежнему сталкиваются с гендерным разрывом в оплате труда и ограничениями карьерного роста. Особенно остро эта проблема проявляется в

технических и управленческих профессиях. Несмотря на официальное равенство прав, скрытая дискриминация при приеме на работу сохраняется.

Согласно Позняку П.В. дискриминация женщин на рынке труда проявляется в возможностях трудоустройства и размере заработной платы. По данным Международной организации труда женщины по всему миру зарабатывают в среднем на 20% меньше, чем мужчины. В России различие в почасовой оплате труда мужчин и женщин составляет в среднем 30%. Существует множество причин существования гендерного неравенства. Основная из них – деление профессий на «мужские» и «женские». К сожалению, гендерные стереотипы существенно влияют на выбор будущей профессии. Женщин больше видят в качестве

Работников сферы услуг: учитель, продавец, медицинский работник и т.д. В то время как «мужскими» называют профессии в сфере архитектуры, транспорта, энергетики, которые ценятся и оплачиваются существенно выше, чем «женские».

Также известно, что подавляющее большинство женщин занимаются домашним хозяйством (воспитание детей и уход за ними, уборка, приготовление пищи и т.д.), поэтому они имеют меньше возможностей развивать навыки, которые имеют спрос на рынке труда.

Следующая причина, по которой женщины сталкиваются с неравенством – это их репродуктивная функция. Часто работодатель не заинтересован в том, чтобы брать на себе социальную ответственность, связанную с выплатой пособий по беременности, предоставлении оплачиваемого декретного отпуска и сохранением рабочего места. Это приводит к тому, что работодатель склонен инвестировать в работников женского пола меньше, чем в работников мужского, потому что сделанные вложения могут не окупиться, из чего следует, что женский труд оплачивается меньше, чем мужской.

Женщины склонны выбирать низкооплачиваемую работу. Такой вывод сделан из того, что с большей вероятностью женщин можно встретить на рабочих местах, где не требуются физические усилия, есть социальный пакет, более короткая рабочая неделя, что компенсирует более низкую оплату труда, чем на других рабочих местах.

Также вследствие гендерного неравенства женщинам труднее подняться по карьерной лестнице, из-за чего также может случиться вытеснение женщин с их рабочих мест, что приведет к избыточному предложению труда на «женских» работах, а затем и понижение размера заработной платы на подобных рабочих местах [3].

Соискатель может столкнуться с гендерным притеснением, как при трудоустройстве, так и непосредственно в процессе рабочего процесса. Стоит отметить, что подобная дискриминация не зависит от пола, то есть и мужчины и женщины могут быть жертвами подобной проблемы.

На западе также вызвало неоднозначную реакцию появление квот на национальный и гендерный состав сотрудников на западе. Подобное решение должно было ликвидировать превалирование одной нации и гендера в крупных компаниях. Но подобное решение привело к дискриминации уже иного характера. Теперь в крупных компаниях появилась проблема, так как их на законодательном уровне требуют принимать на работу сотрудников не по их навыкам и опыту, а по цвету кожи и полу. Таким образом, это решение привело к обратной дискриминации большинства меньшинством.

Лица с ограниченными возможностями здоровья часто сталкиваются с барьерами – физическими, организационными и психологическими. Несмотря на законодательные квоты, фактическая занятость инвалидов остаётся низкой. Причины включают недостаток адаптированных рабочих мест и предвзятость работодателей.

Одним из ключевых факторов, формирующих современный рынок труда, является процесс цифровизации экономики. Внедрение цифровых технологий, искусственного интеллекта и автоматизации производственных процессов радикально изменяет структуру

занятости, требования к компетенциям и формы организации труда. Согласно данным Всемирного экономического форума, к 2030 году до 40 % существующих профессий могут существенно трансформироваться или исчезнуть под влиянием автоматизации.

В российском контексте процесс цифровизации протекает неравномерно: крупные города демонстрируют высокий уровень цифровой зрелости предприятий, тогда как регионы зачастую испытывают кадровый дефицит в области ИТ-специальностей и цифровых компетенций. Эксперты отмечают, что более 20 % рабочих мест в стране подвержены риску автоматизации, особенно в сфере рутинного труда, не требующего высокой квалификации (в особенности это касается сферы услуг, таких как, например такси или доставка) и административных функций. Это создаёт угрозу высвобождения работников без соответствующей переквалификации, что усиливает социальное неравенство на рынке труда.

Параллельно развивается и положительный аспект цифровизации – появление новых профессий, связанных с анализом данных, кибербезопасностью, разработкой программного обеспечения и цифровым маркетингом. Однако спрос на такие профессии сопровождается возрастанием требований к уровню образования и навыкам, что создаёт барьеры для части работников, не обладающих цифровой грамотностью. Таким образом, цифровизация усиливает поляризацию рынка труда: формируется группа высококвалифицированных специалистов, получающих значительные преимущества, и группа работников, оказавшихся в зоне уязвимости.

Отдельного внимания заслуживает проблема «цифрового неравенства» – различий в доступе к интернету, цифровым сервисам и современным формам дистанционной занятости. В сельских районах и малых городах России доля работников, использующих цифровые технологии в трудовой деятельности, остаётся существенно ниже, чем в мегаполисах. Это ограничивает возможности регионов по развитию человеческого капитала и способствует миграции молодых специалистов в крупные центры, что в свою очередь стимулирует трудовую миграцию, укрупняет города и ускоряет отток людей из удалённых регионов.

Цифровизация также трансформирует формы занятости. Распространение дистанционной работы, гибридных графиков и платформенной экономики (geek-сектора) меняет социальные отношения между работником и работодателем. С одной стороны, такие формы предоставляют гибкость и новые возможности для самореализации; с другой – снижают уровень социальной защищённости, доступ к льготам и пенсионным отчислениям. В результате формируется новая социальная проблема – неустойчивость занятости, при которой работник не имеет гарантированного дохода и социальных гарантий.

Переход к цифровой экономике формирует новые профессии, но также приводит к исчезновению ряда традиционных. Согласно данным Всемирного экономического форума, около 23% рабочих мест в ближайшие пять лет будут трансформированы под воздействием искусственного интеллекта и автоматизации. Это требует постоянного повышения квалификации и адаптации системы образования.

В дополнение, в трудовой сфере существует проблема низкой квалификации HR-менеджеров, которые могут разбираться поверхностно в тонкостях и специфике публикуемых ими вакансий, или не разбираться в принципе. Недовольство некомпетентностью HR-менеджеров вылилось в то, что зумеры также в качестве протеста начали ходить по собеседованиям с целью троллинга и демонстрации некомпетентности сотрудников сферы HR.

В то же время цифровые технологии открывают новые возможности для удалённой работы, самозанятости и гибких форм занятости, что может частично компенсировать негативные эффекты автоматизации.

Для смягчения социальных проблем при трудоустройстве необходимо сочетать экономические и социальные меры:

1. Развитие системы профессиональной ориентации и переподготовки с учётом потребностей региональных рынков труда.
2. Государственные и корпоративные программы инклюзивного найма – стимулирование работодателей к созданию рабочих мест для людей с инвалидностью и граждан старшего возраста.
3. Расширение возможностей молодёжного трудоустройства через гранты, стажировки и стартап-программы.
4. Сокращение цифрового разрыва – обучение цифровым компетенциям всех категорий граждан.
5. Развитие гибких форм занятости (удалённая работа, гибкий график), особенно для родителей и людей с ограниченными возможностями.

Эффективное решение возможно только при взаимодействии государства, работодателей и образовательных учреждений.

Современные социальные проблемы при трудоустройстве представляют собой многослойное явление, обусловленное экономическими, технологическими и культурными факторами. Молодёжь, женщины, пожилые граждане и люди с инвалидностью сталкиваются с системными барьерами, которые ограничивают их включённость в рынок труда.

Данная проблема требует комплексного подхода, как со стороны компаний работодателей, так и со стороны государства. Необходимо повышать количество стажировок и уровня требований для отбора к их участию, а также вводить программы переподготовки.

Социальные проблемы при трудоустройстве можно исправить путем введения различных льгот для компаний, а также поддерживая те компании, которые стремятся к найму сотрудников с инвалидностью. Подобные программы существуют в мире, но, чтобы их количество росло в России, необходимо создать для них благоприятные условия.

Для минимизации негативных последствий цифровизации необходима системная государственная политика: развитие программ переqualификации, повышение цифровой грамотности населения, а также адаптация трудового законодательства под новые формы занятости. Важным направлением становится формирование партнёрских проектов между вузами и работодателями, ориентированных на подготовку специалистов цифровой экономики. Только при комплексном подходе, можно решать подобные проблемы, так как они имеют сложную природу возникновения.

Для преодоления данных проблем необходима комплексная политика, включающая развитие инклюзивного рынка труда, переобучение, социальное партнёрство и мониторинг цифровых трансформаций. Только при сбалансированном подходе возможно формирование устойчивого и справедливого рынка труда, соответствующего принципам социальной ответственности.

Библиографические ссылки

1. Antony Giddens «Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age» 1991. Stanford University Press.
2. ВЦИОМ «Проблемы трудоустройства молодёжи» // <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/trudoustroistvo-molodezhi-v-sovremennoi-rossii> (дата обращения: 21.10.2025).

3. Клепикова, Е.А. Возрастная дискриминация при найме: результаты экспериментального исследования. URL: <https://publications.hse.ru/articles/223333526> (дата обращения: 21.10.2025).

4. Позняк, П.В. Гендерное неравенство на российском рынке труда // Умная цифровая экономика. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernoe-neravenstvo-na-rossiyskom-rynke-truda> (дата обращения: 21.10.2025).

© Новиков С.Д., Пискорская С.Ю., 2025

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПСИХОДИАГНОСТИКИ

Э. Е. Рихтгофен

студент 3 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

E-mail: eleuya@list.ru

В. Д. Титова

студент 3 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

E-mail: vika.titova.19@bk.ru

А. М. Портнягина

старший преподаватель,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

E-mail: anastasy08@mail.ru

Данная статья исследует создание алгоритма для использования GPT-чатов в написании психологических заключений. Исследование охватывает: теоретические основы психодиагностики и ИИ, разработку алгоритма и этапы создания заключения, инструменты и примеры применения, этические аспекты, а также рекомендации по внедрению в практику.

Ключевые слова: психодиагностика, GPT-чаты, психологическое заключение.

This article explores the creation of an algorithm for using GPT chats in writing psychological reports. The research covers: the theoretical foundations of psychodiagnostics and AI, the development of an algorithm and the stages of creating a conclusion, tools and application examples, ethical aspects, as well as recommendations for implementation in practice.

Key words: psychodiagnostics, GPT chats, psychological conclusion.

Современные технологии, основанные на искусственном интеллекте (AI), активно внедряются в различные области человеческой деятельности, включая психологию. В частности, психодиагностика, как важная часть психологической практики, также испытывает влияние технологических инноваций. Применение AI в этой области открывает новые возможности для анализа данных, автоматизации процессов и повышения точности психологических заключений. Однако, несмотря на очевидные преимущества, использование AI в психодиагностике требует тщательного изучения с точки зрения этики, методологии и практической применимости [2].

Целью данной работы является разработка алгоритма, который поможет студентам, в образовательном процессе, использовать GPT-чаты в рамках написания компетентных психологических заключений. Для достижения этой цели необходимо решить несколько задач, включая изучение теоретических основ психодиагностики и возможностей AI, анализ существующих методов и инструментов, а также разработку рекомендаций по интеграции AI в психологическую практику. Это исследование направлено на создание практического инструмента, который будет соответствовать высоким стандартам профессиональной деятельности.

Психодиагностика – это раздел психологии, изучающий психологические характеристики личности посредством объективных, надежных и валидных методов.

Изначально предложенная Германом Роршахом, она опирается на сочетание субъективных (опросники, интервью) и объективных (тесты, наблюдения) методов [4].

Помимо количественных измерений, важное внимание уделяется гуманистическим аспектам, подчеркивая истинные ценности личности, что обеспечивает комплексный подход к оценке индивидуальных различий и психических процессов. Искусственный интеллект (AI) активно внедряется в психологию, позволяя анализировать текстовые данные и прогнозировать состояния. В 2023 году 37% организаций применяют AI, и психология не исключение. Алгоритмы машинного обучения помогают диагностировать депрессию и тревожные расстройства, ускоряя выявление проблем. AI улучшает понимание психологических процессов, трансформируя восприятие информации.

Среди преимуществ AI в психологии – высокая скорость обработки данных и снижение субъективности в интерпретации. Однако AI требует качественного обучения и не может заменить человеческий фактор, так как понимание контекста остается важным.

В будущем AI может стать ключевым элементом психологической практики с более сложными алгоритмами, которые будут учитывать контекст. Интеграция AI в образование для психологов создаст новые возможности для повышения качества и доступности психологической помощи [2].

Сравнительный анализ традиционных и AI-методов в психодиагностике показывает, что традиционные подходы, такие как стандартизированные тесты, опросники и интервью, обеспечивают точные и надежные данные о психологических характеристиках. Методы, например, MMPI и WAIS, обладают высокой валидностью и надежностью, но требуют значительных временных затрат и подготовки специалистов.

AI-методы в психодиагностике предлагают новые возможности, включая анализ текстовых данных с точностью до 85%, что ускоряет диагностику. Они могут обрабатывать большие объемы данных и выявлять скрытые закономерности. Однако AI-методы требуют качественной настройки и обучения на значительных объемах данных, что может быть трудоемким. К тому же, возможны ошибки в интерпретации, особенно в сложных клинических случаях, где важно глубокое понимание контекста [3].

Этапы создания психологического заключения с использованием GPT-чатов включают в себя следующее:

Первым этапом создания психологического заключения с использованием GPT-чатов является сбор и предварительная обработка данных. На данном этапе важно обеспечить полноту и достоверность информации, которая будет использоваться в последующем анализе. Сбор данных может включать результаты психологических тестов, интервью, наблюдений и других методов диагностики. Предварительная обработка включает структурирование данных, удаление избыточной информации и приведение к формату, удобному для анализа с использованием искусственного интеллекта. Согласно исследованию 2020 года, около 68% психологов рассматривают возможность применения AI в своей практике для анализа данных, что подчеркивает значимость этого этапа. Разработка алгоритма, позволяющего студентам и практикующим психологам использовать GPT-чаты для составления компетентных психологических заключений, требует учета этических и практических вопросов, связанных с применением искусственного интеллекта в психологии [5].

После подготовки данных следует этап их анализа с использованием GPT-чатов. GPT-чаты, основанные на модели GPT-3, способны обрабатывать до 175 миллиардов параметров, что делает их мощным инструментом для анализа сложных и разнородных данных. На этом этапе алгоритм взаимодействует с данными, используя возможности обработки естественного языка для выявления ключевых аспектов и закономерностей. Применение AI позволяет значительно повысить точность анализа, что было

подтверждено исследованиями, демонстрирующими увеличение точности интерпретации на 15% при использовании подобных алгоритмов.

Заключительным этапом является интерпретация результатов анализа и формирование психологического заключения. На основе данных, обработанных GPT-чатом, студент-психолог может составить структурированное заключение, включающее основные выводы и рекомендации. Этот этап требует участия специалиста, который способен корректно интерпретировать результаты и адаптировать их под конкретные потребности клиента. Важно подчеркнуть, что использование AI на данном этапе не заменяет профессиональную экспертизу, а служит инструментом для ее усиления, снижая время на составление заключения и повышая его качество. Формирование психологической готовности молодого специалиста к профессиональной деятельности связано с нарушением структур, формировавших социальную активность личности в период обучения [1]. Таким образом, роль психолога в интерпретации результатов становится особенно значимой в условиях изменений, происходящих в процессе профессиональной подготовки.

Использование искусственного интеллекта (AI) в психодиагностике открывает значительные возможности для повышения точности и эффективности диагностики, однако одновременно порождает ряд этических вызовов. Одним из ключевых аспектов является вопрос конфиденциальности данных, так как AI-системы требуют обработки большого объема персональной информации. Согласно исследованию, проведенному Европейской комиссией в 2020 году, 62% респондентов выразили обеспокоенность по поводу возможного нарушения конфиденциальности данных при использовании AI в медицине. Это подчеркивает важность разработки строгих стандартов и протоколов для защиты данных клиентов в процессе работы с AI.

Для успешного внедрения алгоритма на основе GPT-технологий в практическую деятельность психологов важно учитывать несколько ключевых аспектов, связанных с адаптацией новых технологий в профессиональную среду. Во-первых, необходима интеграция алгоритма в существующие рабочие процессы, что требует анализа текущих методик и определения точек, где AI может быть наиболее полезным. Во-вторых, требуется обучение специалистов работе с алгоритмом, включая понимание его возможностей и ограничений, что позволит минимизировать возможные ошибки и повысить эффективность его применения. Исследование McKinsey (2022) подтверждает, что внедрение AI в рабочие процессы способствует улучшению производительности, что подчеркивает целесообразность таких изменений в психологии. Среди важных аспектов также выделяется создание этического кодекса, который будет регулировать деятельность ИИ. В исследовании «Гуманизм и современность» (2025) отмечается, что «необходимым шагом для развития научных исследований и образовательных практик с использованием ИИ является создание этического кодекса по регулированию деятельности ИИ». Это не только обеспечит безопасное использование технологий, но и укрепит доверие между специалистами и клиентами.

В ходе проведенного исследования было опрошено 40 студентов. Результаты опроса показали, что 60% студентов не умеют правильно формулировать запросы для получения корректных заключений из GPT -чатов. Другой сегмент (25%) ранее даже не знал о существовании GPT -чатов.

Студентам был предоставлен подробный пошаговый план по составлению психологического заключения с использованием GPT-чатов. Такой материал имел целью обучить их правильно формулировать запросы и эффективно использовать данный инструмент при написании заключений.

Для использования алгоритма рекомендуется использовать следующие инструменты: ChatGPT; AI Chat Online; Bard; RuGPT.

Пошаговый план по составлению психологического заключения с использованием GPT-чатов:

Шаг 1. Сбор и предварительная обработка данных

1. Определение цели исследования (диагностика, рекомендации).
2. Сбор исходной информации: организация и проведение психологических тестов.
3. Предварительная обработка данных: структурирование собранной информации – результаты тестов.

Шаг 2. Использование GPT-чата

2.1. Формулирование запроса, в котором описываются основные данные и цель анализа. Проведение диалога с GPT-чатом для выделения ключевых аспектов. Например, выявление эмоциональных состояний, стрессовых факторов, конфликтов.

2.2. Получение и первичная обработка результатов

Шаг 3. Интерпретация результатов и формирование заключения

3.1. Ручная интерпретация результатов Психолог-специалист анализирует выводы GPT-чата в свете клинического опыта и теоретических знаний. Сопоставление полученных данных с диагностическими критериями, учитывая особенности конкретного случая.

3.2. Формулирование итоговых выводов. Определение основных проблем, выявленных в результате анализа. Разработка рекомендаций по дальнейшему психотерапевтическому взаимодействию, коррекции или дополнительной диагностике.

Шаг 4. Оформление психологического заключения. Основная часть: анализ результатов, выводы по каждому из выявленных аспектов.

Для примера был сделан следующий запрос:

Цель заключения: оценка эмоционального состояния и выявление факторов, способствующих возникновению тревожных состояний.

Методы исследования:

Проведение психодиагностических тестов (тест тревожности, шкала депрессии).

Результаты тестов. Тест тревожности выявил уровень выше среднего, тест депрессии показал умеренные признаки снижения настроения.

Результаты запроса и заключения представлены на рисунках 1, 2.

Напиши психологическое заключение по алгоритму Шаг 1. Сбор и предварительная обработка данных 1.1. Определение цели исследования (диагностика, рекомендации). 1.2. Сбор исходной информации: организация и проведение психологических тестов. 1.3. Предварительная обработка данных: структурирование собранной информации – результаты тестов. Шаг 2. Использование GPT-чата 2.1. Формулирование запроса, в котором описываются основные данные и цель анализа. Проведение диалога с GPT-чатом для выделения ключевых аспектов. Например, выявление эмоциональных состояний, стрессовых факторов, конфликтов. 2.2. Получение и первичная обработка результатов Шаг 3. Интерпретация результатов и формирование заключения 3.1. Ручная интерпретация результатов Психолог-специалист анализирует выводы GPT-чата в свете клинического опыта и теоретических знаний. Сопоставление полученных данных с диагностическими критериями, учитывая особенности конкретного случая. 3.2. Формулирование итоговых выводов. Определение основных проблем, выявленных в результате анализа. Разработка рекомендаций по дальнейшему психотерапевтическому взаимодействию, коррекции или дополнительной диагностике. Шаг 4. Оформление психологического заключения. Основная часть: анализ результатов, выводы по каждому из выявленных аспектов. По данным Цель заключения: оценка эмоционального состояния и выявление факторов, способствующих возникновению тревожных состояний. 2. Методы исследования • Проведение психодиагностических тестов (тест тревожности, шкала депрессии).

Рисунок 1 – Запрос

Шаг 4. Оформление психологического заключения

Основная часть: Анализ результатов и выводы

Результаты тестирования указывают на наличие у респондента высокого уровня личностной тревожности, что является устойчивой характеристикой личности и проявляется в склонности к переживанию тревоги в широком спектре ситуаций. Этот фактор существенно влияет на эмоциональное состояние респондента и способствует развитию депрессивных симптомов, что подтверждается результатами Шкалы депрессии Бека, выявившей легкую депрессию.

Высокая личностная тревожность может являться следствием различных факторов, таких как генетическая предрасположенность, травматический опыт, усвоенные модели поведения в семье и особенности воспитания. Для более глубокого понимания причин тревожности необходимо проведение дополнительного психологического интервью и, возможно, использование проективных методик.

Легкая депрессия, в сочетании с высокой личностной тревожностью, может проявляться в снижении мотивации, усталости, трудностях с концентрацией внимания и социальной изоляции. Важно отметить, что депрессивные симптомы могут быть вторичными по отношению к тревожности и усугубляться хроническим стрессом.

Выводы по каждому из выявленных аспектов:

- **Тревожность:** Выявлен высокий уровень личностной тревожности, требующий дальнейшего исследования и коррекции.
- **Депрессия:** Наличие легкой депрессии, которая, вероятно, связана с высоким уровнем тревожности.
- **Стресс:** Вероятное наличие хронического стресса, обусловленного повышенной тревожностью и негативными мыслительными паттернами.
- **Внутренние конфликты:** Не исключено наличие внутренних конфликтов, способствующих поддержанию высокого уровня тревожности.

Заключение:

На основании проведенного исследования можно заключить, что респондент испытывает значительные эмоциональные трудности, связанные с высоким уровнем личностной тревожности и легкой депрессией. Для улучшения эмоционального состояния и повышения качества жизни рекомендовано проведение психотерапевтической работы, направленной на снижение тревожности, развитие эффективных стратегий совладания со стрессом и выявление и разрешение внутренних конфликтов. Также, рекомендуется дополнительная диагностика для более глубокого понимания причин тревожности и выявления возможных травматических переживаний.

Рисунок 2 – Заключение

После ознакомления со схемой составления заключения наблюдалось, что у 80% студентов улучшились навыки работы с GPT-чатами, то есть они стали более уверенно и грамотно использовать этот инструмент для получения нужных результатов при написании психологических заключений.

Таким образом, разработанный алгоритм представляет собой значимый вклад в развитие психологической практики, открывая новые горизонты для интеграции современных технологий в профессиональную деятельность.

Результаты данной работы будут использованы для обучения студентов-психологов.

Библиографические ссылки

1. Дмитриева, О.Б. Формирование психологической готовности молодых специалистов к профессиональной деятельности: Автореферат дис. канд. психолог. наук. – Москва, 1997 – Текст: непосредственный.
2. Искусственный интеллект для психологов: 23 варианта использования – Текст : электронный // Информационный портал «kvitly.com»: сайт. – 2025. – URL: <https://kvitly.com/ru/blog/iskusstviennyi-intielliekt-dlia-psikhologhov-23-varianta-ispolzovaniia> – Текст: непосредственный.
3. Кудинов, С.И. Психодиагностика личности : учебн. пособие / С.И. Кудинов, С.С. Кудинов. – Тольятти : Изд-во ТГУ, 2012. – 270 с. – Текст: непосредственный.
4. Опевалова, Е.В. Психодиагностика теоретические основы : учебное пособие – 2-е изд., доп. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во АмГПУ, 2009. – 169 с. – Текст: непосредственный.
5. Социальная и экономическая психология. Часть 2 : Новые научные направления / Отв. ред. Ю.В. Ковалева, Т. А. Нестик. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. – 523 с. – Текст: непосредственный.

© Рихтгофен Э.Е., Титова В.Д., Портнягина А.М., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ РУКОВОДСТВА

М. А. Пономарева

заведующий кафедрой кадровой политики и
психологии управления, Академия управления
при Президенте Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь
Ponomareva_ma@ras.by

В статье рассматривается психологическая готовность к управленческой деятельности как интегративный фактор, детерминирующий эффективность руководства. Проведен теоретический анализ структуры психологической готовности, включающей когнитивный, мотивационно-ценностный, эмоционально-волевой и поведенческий компоненты. Предложена система практических рекомендаций и конкретных методик, направленных на диагностику и развитие психологической готовности руководителей к управленческой деятельности.

Ключевые слова: психологическая готовность, управленческая деятельность, эффективность руководства, лидерство, психологическая компетентность, управленческие компетенции.

This article examines psychological readiness for management as an integrative factor determining leadership effectiveness. A theoretical analysis of the structure of psychological readiness, including cognitive, motivational-value, emotional-volitional, and behavioral components, is provided. A system of practical recommendations and specific methods aimed at diagnosing and developing the psychological readiness of managers for management activities is proposed.

Key words: psychological readiness, management activity, management effectiveness, leadership, psychological competence, management competencies.

Современная экономическая и социальная реальность предъявляет к руководителям всех уровней исключительно высокие требования. Динамичность среды, неопределенность, возрастающая сложность задач и интенсивность коммуникаций превращают управленческую деятельность в зону перманентного стресса и высоких психологических нагрузок. В этих условиях традиционный подход, ориентированный исключительно на передачу профессиональных знаний и навыков, оказывается недостаточным. Сегодня на первый план выходит феномен психологической готовности к управленческой деятельности, выступающей системообразующим фактором, который предопределяет способность руководителя не только выполнять функции, но и устойчиво добиваться поставленных целей, мотивировать и вовлекать персонал в решение организационных задач, сохраняя личную эффективность и психологическое здоровье коллектива. Особую актуальность и практическую значимость приобретает анализ отечественного опыта изучения данной проблемы, который отражает специфику управленческой культуры и социально-экономического контекста стран постсоветского пространства.

Психологическая готовность к деятельности в общем смысле понимается как целостное проявление личности, отражающее ее предрасположенность и способность к выполнению конкретных задач в определенный момент времени. Применительно к

управленческой деятельности, психологическая готовность – это сложное, многокомпонентное образование, носящее установочно-прогностический характер. Оно не сводится к наличию диплома или опыту работы в должности. Это внутренняя позиция руководителя, определяющая готовность принимать ответственность, проявлять настойчивость в достижении цели, уметь влиять на других с помощью различных технологий и способность эффективно управлять ресурсами в условиях неопределенности.

В российской психологической школе проблема психологической готовности к управленческой деятельности разрабатывается в контексте более широких исследований профессиональной готовности. Значительный вклад в развитие данной проблематики внесли А. А. Деркач, А. А. Бодалев, Л. Г. Лаптев, которые рассматривают психологическую готовность как целостное состояние личности, которое обеспечивает направленность на успешное решение профессиональных задач и оптимальное использование психологических ресурсов [1; 4]. А. А. Деркач и Е. В. Селезнева особое значение придают акмеологическому аспекту – стремлению к профессиональному совершенству и достижению «вершин» в управленческой деятельности [2].

В. Ф. Рубахин и А. В. Филиппов в своих исследованиях уделяют особое внимание социально-психологической готовности руководителя, которая включает умение организовать коллективную деятельность, создать благоприятный климат и построить эффективные коммуникации [5]. Они выделяют такие компоненты готовности, как коммуникативная компетентность, способность к мотивации и стимулированию персонала, умение разрешать конфликтные ситуации.

В белорусской психологической науке проблема психологической готовности к управленческой деятельности разрабатывается в рамках системного подхода. Значительный вклад в изучение данной проблемы внесли И. А. Фурманов, А. П. Сопиков, Т. В. Сенько, которые рассматривают психологическую готовность как комплексное образование личности, позволяющее успешно адаптироваться к управленческой деятельности и эффективно осуществлять профессиональные функции [6; 7; 8; 9; 10]. Особенностью белорусского подхода к определению психологической готовности к руководству является акцент на интеграции личностных и профессиональных качеств руководителя в контексте национальной управленческой культуры.

На основе анализа научных исследований можно выделить следующие ключевые компоненты психологической готовности к управленческой деятельности:

1. Когнитивный компонент. Включает в себя систему профессиональных знаний (менеджмент, финансы, право и т.д.), а также развитые управленческие умения: системное и стратегическое мышление, аналитические способности, умение работать с большими объемами информации, прогнозировать последствия принимаемых решений. Однако ключевым аспектом является именно управленческое мышление – способность видеть организацию как целостную систему, понимать причинно-следственные связи, выявлять ключевые проблемы, а не их симптомы.

2. Мотивационно-ценностный компонент. Это «двигатель» управленческой деятельности. Он включает:

- мотивацию власти, понимаемую не как стремление к доминированию, а как потребность влиять на других для достижения общих целей;
- высокий уровень ответственности за процессы, результаты и сотрудников;
- ценностные ориентации: честность, справедливость, ориентация на развитие, приверженность целям организации;
- стремление к достижениям и готовность брать на себя риски.

3. Эмоционально-волевой компонент. Определяет устойчивость руководителя к стрессу и непредвиденным обстоятельствам. К нему относятся:

- эмоциональный интеллект: способность распознавать и управлять своими эмоциями и эмоциями подчиненных, эмпатия;
- стрессоустойчивость: способность сохранять работоспособность и ясность мышления в условиях давления, манипуляций, дефицита времени, ситуациях эмоционального напряжения;
- волевая саморегуляция: умение мобилизовать себя и коллектив для преодоления трудностей, настойчивость в достижении целей;
- психологическая гибкость: адаптивность к изменениям, способность корректировать свое поведение.

4. Поведенческий компонент. Это внешнее проявление готовности – реальные управленческие навыки (softskills):

- коммуникативная компетентность: ясное изложение мыслей, активное слушание, искусство ведения переговоров и разрешения конфликтов;
- навыки делегирования и контроля;
- способность к принятию решений в условиях ограниченного времени и информации;
- умение мотивировать и вдохновлять команду.

Эффективность руководства проявляется в достижении организационных целей, высокой производительности и лояльности команды, успешном управлении изменениями. Психологическая готовность является фундаментом успешного управления, так как позволяет:

- снизить риск управленческих ошибок. Руководитель с развитым когнитивным компонентом способен проводить глубокий анализ проблемы, упреждать нежелательные последствия и принимать более взвешенные решения;
- повысить доверие в коллективе и укрепить авторитет. Мотивационно-ценностный компонент психологической готовности, проявляющийся в стремлении к достижению успеха, направленности на дело, четкой системе ценностей, формируют доверие подчиненных и коллег, что является основой лидерского влияния;
- создать стабильную и позитивную атмосферу в коллективе. Высокий эмоциональный интеллект и стрессоустойчивость руководителя позволяют предупреждать и эффективно управлять конфликтами, снижать уровень ситуативной тревожности у отдельных членов коллектива и в команде; поддерживать здоровый психологический климат;
- оперативность и результативность взаимодействия. Развитые поведенческие навыки обеспечивают четкую постановку задач, эффективную обратную связь и продуктивную работу команды.

Таким образом, несформированность даже одного из компонентов психологической готовности создает «слабое звено» в системе управления, снижая результативность работы подчиненных и общую эффективность деятельности организации.

Развитие психологической готовности к управленческой деятельности – это целенаправленный и непрерывный процесс. Можно выделить четыре основных направления формирования готовности, которые целесообразно реализовать последовательно:

1. *Диагностика и самодиагностика управленческих компетенций, определение сильных сторон, ограничений и точек роста.* Для оценки управленческих компетенций могут быть использованы различные методы: тестирование («Тест-опросник личностной зрелости» Ю. З. Гильбуха; «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О. Ф. Потемкиной; тест «Диагностика лидерских способностей» Е. Жарикова, Е. Крушельницкого, «Тест-опросник уровня субъективного контроля» Дж. Роттера (адаптация Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкиной, А. М. Эткинда) и

другие; ситуационное моделирование, направленное на оценку умений принимать эффективные управленческие решения в ситуациях неопределенности; деловые игры, позволяющие выявить способность разрешать конфликты, осуществлять стратегическое планирование; методика 360 градусов, ориентированная на всестороннюю оценку поведенческих проявлений готовности от коллег, подчиненных и вышестоящего руководства.

2. Развитие *когнитивного компонента*. С этой целью могут быть использованы различные кейсы, направленные на развитие психологической компетентности, самопознания, системного и аналитического мышления, гибкости, способности к прогнозированию; ментальные карты, предполагающие технику визуализации мышления для структурирования сложных проблем и генерации идей. Изучение психологии управления позволит руководителю расширить свои представления о системе мотивации работников, индивидуальных особенностях подчиненных, освоить технологии активизации кадрового потенциала, овладеть методами планирования и постановки цели.

Важным аспектом развития когнитивного компонента сегодня является психологическая готовность к организационным изменениям, например, автоматизации рутинной работы и оптимизации организационной структуры. Внедрение инструментов для автоматизации рутинных задач (например, канбан-доски с автоматизацией колонок, настройка повторяющихся задач) высвобождает время руководителя и сотрудников для решения более важных и творческих вопросов. Построение гибкой и простой структуры управления, устранение «неповоротливой» иерархии, бюрократизации управленческих процессов способствуют быстрой адаптации к изменениям на рынке.

Таким образом, руководитель сможет перейти от интуитивных решений к профессионально обоснованным действиям и анализировать оптимальность управленческих решений не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе.

3. Развитие *мотивационно-ценностного и эмоционально-волевого компонентов* возможно с помощью тренингов по формированию устойчивой системы ценностных ориентаций, по развитию эмоционального интеллекта, стрессоустойчивости, самоконтролю; с помощью регулярной практики самоанализа (например, ведения профессионального дневника) с вопросами: «Какие мои решения были наиболее/наименее эффективны?», «Как мои эмоции повлияли на команду сегодня?», «Соответствуют ли мои действия моим ценностям?», «В какой степени эффективна система планирования?», «Как я могу оптимизировать свою профессиональную деятельность?».

4. Развитие *поведенческого компонента* предполагает развитие коммуникативных умений, конфликтологической компетентности, формирование корпоративной культуры, освоение методов ведения переговоров, навыков делегирования и предоставления обратной связи (например, по модели С-П-В: Ситуация-Поведение-Влияние) в рамках проведения деловых игр и тренингов. Для формирования навыков делегирования важно ориентироваться на постепенное увеличение сложности: начинать с передачи простых задач с полным инструктажем, постепенно переходя к делегированию результатов, развивая тем самым и собственную готовность доверять и компетенции работников. С целью развития корпоративной культуры целесообразно проводить мероприятия по тимбилдингу, организовывать совместный досуг, повышать уровень сплоченности коллектива, укреплять корпоративный дух, формулировать общегрупповые мотивирующие цели.

Для формирования психологической готовности к управлению полезным будет введение практики «Управленческий час»: ежедневное выделение одного часа исключительно на стратегические вопросы и саморазвитие, без оперативных помех. Если это представляется затруднительным в силу высокой нагрузки, то можно выделять час в неделю, главное, делать это систематически.

Проведенный анализ научных исследований психологической готовности к управленческой деятельности позволяет сделать следующие выводы:

1. Психологическая готовность представляет собой сложное интегративное образование, включающее мотивационно-ценностный, когнитивный, эмоционально-волевой и поведенческий компоненты.

2. Отечественная наука обладает значительным теоретическим и эмпирическим потенциалом в исследовании психологической готовности руководителей, определении механизмов ее развития.

3. Эффективность управленческой деятельности непосредственно связана с уровнем психологической готовности к руководству, что подтверждается различными исследованиями.

4. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку интегративных моделей психологической готовности руководителя, учитывающих современные вызовы и специфику управленческой деятельности в условиях цифровой трансформации.

Таким образом, психологическая готовность к управленческой деятельности представляет собой не статичное качество, а динамическую систему, требующую постоянной диагностики, анализа и развития. Она является важным внутренним ресурсом руководителя, который определяет его долгосрочную эффективность и устойчивость. Применительно к управленческой деятельности, понятие «психологическая готовность» приобретает многогранный характер, охватывая не только профессиональные знания и навыки, но и личностные характеристики, ценностные ориентации и эмоционально-волевые качества руководителя. Инвестиции в развитие данной готовности – как со стороны организации, так и со стороны самого руководителя – являются наиболее весомым вкладом в человеческий капитал и залогом конкурентоспособности в современном мире.

Комплексный подход, сочетающий работу со всеми структурными компонентами готовности через предложенные методики и технологии, позволяет целенаправленно и последовательно формировать психологическую готовность руководителя, способного уверенно вести команду к поставленным целям в условиях любой сложности.

Библиографические ссылки

1. Деркач, А. А., Бодалев А. А., Лаптев Л. Г. Психология управления. – М.: РАГС, 2015.
2. Деркач, А. А., Селезнева Е. В. Психологическое сопровождение профессиональной деятельности. –М.: МПСИ, 2019.
3. Климов, Е. А. Психология профессионала. –М.: ИП РАН, 2018.
4. Лаптев, Л. Г. Управленческое мышление: теория и практика. –СПб.: Речь, 2017.
5. Рубахин, В. Ф., Филиппов А. В. Психология управления. –М.: Мысль, 2014.
6. Сенько, Т. В. Эмоционально-волевая регуляция управленческой деятельности. – Минск: БГУ, 2021.
7. Сопиков, А. П. Психологическая готовность руководителя к инновационной деятельности. –Минск: БГПУ, 2019.
8. Сопиков, А. П. Психология управления в трансформационных процессах. –Минск: БГПУ, 2020.
9. Фурманов, И. А., Сенько Т. В. Психология управления: современные подходы. – Минск: Тесей, 2020.
10. Фурманов, И. А. Поведенческие аспекты управленческой деятельности. –Минск: Тесей, 2019.

© Пономарева М.А., 2025

ПСИХОЛОГИЯ КРІ: КАК КЛЮЧЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ФОРМИРУЮТ МЕНТАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ

А. Ю. Пчелкина

магистрант 1 курса,
СибГУ им. М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: pchelkina.nastya@list.ru

Н. С. Ливак

канд. психол.н., доцент,
СибГУ им. М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: nlivak@mail.ru

В статье рассматривается вопрос об особенностях влияния системы КРІ на ментальное здоровье человека, а также эффективность его профессиональной деятельности. КРІ, как метод оценки и управления результатами труда, применяется во многих организациях и служит своего рода ориентиром для сотрудников, позволяя им понимать, насколько успешно они справляются со своими обязанностями. Однако, несмотря на очевидные преимущества, такие как повышение производительности и стремление к саморазвитию, данная система также может оказывать негативное влияние на психоэмоциональное состояние работников. В частности, постоянное давление, связанное с необходимостью достигать определённых показателей, может вызывать чувство тревожности, стресса и даже выгорания. Чрезмерная концентрация на количественных показателях может отвлекать работников от творчества и инновационного подхода в их работе. Это поднимает важные вопросы о соотношении между количеством и качеством выполняемых задач, а также о том, как находить баланс между достигнутыми результатами и душевным комфортом сотрудников.

Ключевые слова: *kpi, ментальное здоровье, стресс, эффективность, демотивация, работоспособность.*

The article considers the issue of the features of the influence of the KPI system on the mental health of a person, as well as the effectiveness of his professional activities. KPI, as a method of assessing and managing work results, is applied in many organizations and serves as a kind of guideline for employees, allowing them to understand how successfully they are coping with their duties. However, despite the obvious advantages, such as increased productivity and the desire for self-development, this system can also have a negative impact on the psycho-emotional state of workers. In particular, the constant pressure associated with the need to achieve certain indicators can cause feelings of anxiety, stress and even burnout. Excessive concentration on quantitative indicators can distract workers from creativity and innovation in their work. This raises important questions about the relationship between the number and quality of tasks performed, as well as how to find a balance between the results achieved and the mental comfort of employees.

Key words: *kpi, mental health, stress, efficiency, demotivation, performance.*

В рамках своей профессиональной деятельности многие сотрудники, работающие как в государственных, так и в коммерческих организациях, неизбежно сталкиваются с

системой КРІ, что расшифровывается как ключевые показатели эффективности. Эти показатели, представляющие собой измеримые метрики, такие как цифры или проценты, играют важную роль в процессе оценки того, насколько успешно компания, ее подразделения или отдельные работники достигают поставленных перед ними целей и задач.

На первый взгляд может показаться, что система КРІ является довольно полезным инструментом, особенно с точки зрения руководителей, которые, как правило, положительно относятся к этому методу. Однако, стоит задуматься: действительно ли эта система так безоблачна, и действительно ли она эффективно содействует повышению производительности труда специалистов? Вопросы, связанные с возможными недостатками и негативными последствиями применения КРІ, требуют внимательного рассмотрения и глубокого анализа.

Суть системы КРІ заключается в регулярной количественной оценке эффективности работы компании в целом, ее подразделений, а также отдельных сотрудников. Процесс внедрения этой системы начинается с определения стратегических целей организации, которые являются основополагающими для дальнейших действий. На следующем этапе подбираются индикаторы, способные показать, насколько успешно достигаются эти цели. Это важный момент, поскольку правильный выбор показателей может значительно повлиять на конечный результат.

Затем, с учетом вышеуказанного, анализируется вклад каждого подразделения в достижение общих целей компании. Это приводит к формированию специфических показателей для каждого отдела, что позволяет более детально оценивать их работу. Наконец, процесс спускается до уровня отдельных сотрудников, нацеливаясь на определение того, как именно их деятельность способствует достижению целей подразделения и, соответственно, всей компании.

Таким образом, в результате формируется трехуровневая система КРІ: КРІ компании, КРІ подразделений и КРІ сотрудников. Каждый из этих уровней имеет свою значимость и представляет собой ключевые показатели эффективности в соответствующем контексте. Важно отметить, что каждый КРІ должен быть измеримым, иметь четкие временные рамки и быть напрямую связан с оцениваемой целью.

Система КРІ и имеет свои несомненные преимущества, необходимо остерегаться возможных ловушек, связанных с узким подходом к оценке производительности. Это подчеркивает важность сбалансированного и комплексного применения КРІ, ориентированного не только на количественные, но и на качественные аспекты работы.

На сегодняшний день система КРІ является наиболее распространенным и, без преувеличения, доминирующим инструментом оценки эффективности бизнеса во всем мире. Ее повсеместное внедрение подтверждается следующими данными:

В США и Западной Европе подавляющее большинство средних и крупных предприятий (85-90%) применяют КРІ, причем крупные компании демонстрируют более высокий уровень их использования.

Хотя в производственной сфере этих регионов КРІ используют около 75% компаний, в банковском и финансовом секторах этот показатель превышает 95%.

В крупных компаниях Азии (Китай, Япония, Сингапур) КРІ применяются примерно в 80% случаев.

Российский рынок также активно осваивает КРІ: около 70% компаний внедрились эту систему, и, как и в других странах, крупные предприятия используют ее более интенсивно.

Мы провели исследование, чтобы понять, как внедрение системы ключевых показателей эффективности, или КРІ, оказало влияние на информационную кампанию, направленную на популяризацию работы одного из государственных органов в российском регионе. На первый взгляд, результаты, как будто, впечатляют своей

скромностью: всего три публикации в социальных сетях, два пресс-релиза, четыре упоминания в СМИ, одно упоминание руководителя в публикациях, одно интервью на телевидении или радио, а также участие в еженедельных медиа-планировках. Однако, важно отметить, что одним из сильных стимулов (и одновременно "наказанием") для сотрудников является необходимость предоставления этого рейтинга руководству, что создает дополнительную нагрузку и давление.

Следует понимать, что помимо установленных KPI, существует колоссальный объем другой работы, которая выполняется каждый день. К числу таких обязанностей относится не только подготовка ответов на запросы журналистов или обращений граждан, но и составление отчетов, медиа-планирование, организация съемок, а также выполнение поручений вышестоящих инстанций и руководства. Более того, наличие информационных поводов – это вещь непредсказуемая и зачастую временная. Скажем, если в одну неделю может возникнуть сразу пять информационных поводов, то в следующую ситуация может измениться кардинально – и поводов не будет вовсе или будет всего один.

Таким образом, такие жесткие сроки и четкие критерии, заложенные в KPI, создают постоянное чувство стресса у сотрудников. Они начинают бояться не справиться с установленными показателями из-за причин, которые зачастую не зависят от них самих. Это, в свою очередь, приводит к напряжению и конфликтам, когда PR-специалистам приходится в срочном порядке «добывать» необходимую информацию из других отделов, чтобы успеть выполнить требования KPI, что только усугубляет стрессовую атмосферу.

Статистика наглядно иллюстрирует негативный результат: за двенадцать месяцев после внедрения KPI количество выпущенных пресс-релизов заметно сократилось по сравнению с предыдущим годом: с 350 до 122. Вывод из этой ситуации очевиден: введенная система KPI не только не мотивирует сотрудников работать лучше и эффективнее, но и, наоборот, приводит к снижению продуктивности. Люди, а особенно те, кто занимается творческой работой – PR-специалисты, не любят, когда их ограничивают в рамках жестких условий и показателей, которые могут не учитывать творческий процесс и необходимость гибкости в работе.

Отметим, что с самого момента активного внедрения системы ключевых показателей эффективности, или KPI, в рабочие процессы, стали появляться публикации, в которых рассматривалась её неэффективность или значительное отставание от первоначально заявленных ожиданий. Эти критические отзывы поступали с совершенно разных уровней организации, формируя многогранную картину обеспокоенности. Линейные сотрудники выражали свое недовольство, жалуясь на несправедливую и неточную оценку своего вклада в общий результат труда. В свою очередь, руководители и акционеры тоже не наблюдали ожидаемого улучшения бизнес-процессов или управляемости после внедрения KPI, что добавляло масла в огонь общей недовольной атмосферы.

HR-специалисты также начинали отмечать негативное влияние KPI на корпоративные отношения, замечая рост текучести кадров, что, безусловно, является тревожным сигналом. Теоретики, погруженные в научные исследования, указывали на выявленные методологические недостатки самой системы, что говорило о ее несоответствии современным требованиям управления.

Тем не менее, на протяжении многих лет эти возражения, включая научные публикации, успешно отбивались. Недовольство сотрудников объяснялось их неспособностью увидеть общую картину, в то время как руководство списывало ошибки на недостатки во внедрении системы, а HR-специалистов обвиняли в провалах в коммуникациях. Теоретиков же призывали предложить более эффективную альтернативу. Аргументацией служило утверждение о том, если бизнес и практики, рискующие своими деньгами, выбирают систему KPI, значит, их преимущества должны быть очевидными и неоспоримыми.

Несмотря на приведенные ранее замечания и аргументы, инерция системы так велика, что крупные компании продолжают активно использовать КРІ, и их число, как представляется, только растёт, в том числе и на российском рынке. Это, в свою очередь, подпитывает постоянный поток публикаций, освещающих внутренние проблемы КРІ и ограничения его применения в реальных рабочих процессах.

Конкретные показатели, установленные в формате КРІ, делают задачи более осязаемыми и менее абстрактными, что, казалось бы, должно способствовать лучшему пониманию работы. Например, задача "написать три статьи в неделю" может вызывать значительный стресс из-за длительного процесса согласования, увеличения числа срочных дел и различных непредвиденных ситуаций. Это приводит к повышенному уровню стресса, поскольку невыполнение КРІ может повлечь за собой снижение заработной платы и другие санкции, предусмотренные внутренними документами компании. Все это, безусловно, негативно сказывается на общей эффективности и работоспособности сотрудников.

Люди по своей природе стремятся избегать стресса и дискомфорта, и страх не уложиться в установленные сроки с жесткими, конкретными показателями лишь усугубляет ситуацию. Однако жесткие сроки не всегда оказываются оптимальным способом улучшения эффективности работы. У системы КРІ имеются несколько значительных недостатков, способных негативно повлиять на работу сотрудников. Для многих людей невыполнение КРІ в установленные сроки, особенно по собственной вине, может вызвать значительный стресс и переживания, приводящие к депрессии, самокритике и снижению качества выполнения даже тех задач, которые раньше давались относительно легко и непринужденно.

Таким образом, становится очевидным, что КРІ оказывают влияние не только на работоспособность, но и на психологическое состояние сотрудников, а вместе с тем на их физиологию. Когда работники сталкиваются с жесткими ограничениями по выполнению КРІ, их организм начинает воспринимать данную ситуацию как угрозу, активируя стрессовую реакцию «бей или беги», что, безусловно, создает дополнительные трудности не только для самих сотрудников, но и для всей организации в целом.

Некоторые последствия влияния КРІ на работоспособность включают:

- выброс кортизола и адреналина, которые повышают бдительность, но могут истощать при длительном воздействии;
- увеличение артериального давления и частоты сердечных сокращений;
- снижение иммунитета из-за хронического стресса;
- изменения в когнитивных функциях: у некоторых людей происходит мобилизация, тогда как другие теряют способность ясно мыслить.

К примеру, психолог Наталья Белотелова, обладая богатым опытом в области управления человеческими ресурсами, рассматривает ключевые показатели эффективности, или КРІ, не как строго карательный механизм, а именно как средство, которое может способствовать росту и развитию как сотрудников, так и всей организации в целом. Тем не менее, стоит отметить, что сотрудники порой воспринимают оценку по КРІ довольно негативно. Такая реакция может быть вызвана несколькими факторами, среди которых выделяется склонность людей приписывать свои неудачи внешним обстоятельствам, в то время как успехи других они склонны связывать с их личными качествами – это известное явление в психологии называется ошибкой атрибуции.

Кроме того, негативные эмоции могут возникать также из-за заметного несоответствия между первыми ожиданиями и реальностью: например, многие сотрудники могут переоценивать свои возможности, недооценивать сложность межведомственного взаимодействия, допускать неправильную расстановку приоритетов или, в конечном счёте, делать просчеты рисков. Это приводит к тому, что на определенные типы личности, такие

как амбициозные лидеры с ранимой самооценкой, отзываются особенно остро. Они могут рассматривать КРІ как мерило своей значимости, а низкие результаты по данным показателям воспринимать как серьезный удар по своему самолюбию.

Чтобы смягчить негативное воздействие КРІ на психологическое состояние сотрудников, Наталья Белотелова советует руководителям четко определять обязанности каждого индивидуального работника, проводить анализ неудач без личных нападок, поддерживать высокую самооценку своих подчиненных и регулярно проводить промежуточные оценки результатов работы. Существует также интересное мнение, что прямая зависимость зарплаты от числовых показателей может, наоборот, демотивировать сотрудников, порождая у них страх невыполнения КРІ, что в свою очередь создает неблагоприятную атмосферу на рабочем месте. Таким образом, можно сделать вывод, что психологическое восприятие системы КРІ является неоднозначным и зависит от множества индивидуальных черт сотрудников, а также специфики рабочей среды, в которой они функционируют.

В связи с вышеизложенным, мы приходим к важному выводу о том, что система КРІ, несмотря на все свои потенциальные преимущества, оказывает довольно неоднозначное влияние на общую эффективность и работоспособность сотрудников. На сегодняшний день многие специалисты, стремящиеся избежать постоянного стресса, который связан с угрозой негативной оценки и давлением, возникающим из-за необходимости постоянного достижения заданных показателей, принимают решение о том, чтобы найти новую работу или искать иные пути для личностного роста и профессионального развития.

В качестве контраргумента, который может послужить в поддержку стимулирования мотивации у сотрудников, можно рассмотреть систему поощрения. Данная система, если она будет правильно реализована, способна значительно повысить уровень вовлеченности работников, а также создать более позитивную атмосферу в коллективе. Однако следует отметить, что проблема разработки эффективной политики вознаграждения, которая действительно способствует формированию положительной трудовой мотивации, является перманентной и актуальной для большинства организаций вне зависимости от их размера или сферы деятельности.

Данная ситуация обусловлена динамичным характером внешней бизнес-среды, которая постоянно изменяется под воздействием многочисленных факторов, а также волатильностью рынков товаров и услуг. Подобная динамика делает задачу разработки эффективной системы мотивации ещё более сложной и многогранной. Организациям необходимо адаптироваться к новым условиям, находя баланс между удовлетворением потребностей сотрудников и реализацией стратегических целей компании.

В этой связи, важно учитывать, что не все работники одинаково реагируют на систему КРІ и традиционные методы вознаграждения. Для достижения максимального эффекта может потребоваться индивидуальный подход, учитывающий психологические и профессиональные особенности каждого сотрудника. В конечном итоге, только многогранный подход к мотивации, который сочетает различные аспекты, включая систему КРІ, программы поощрения и личностное развитие, сможет создать эффективное и гармоничное рабочее окружение, способствующее повышению общих показателей как компании, так и ее сотрудников.

В связи с этими обстоятельствами организации, независимо от их отраслевой принадлежности, масштаба деятельности и численности персонала, вынуждены постоянно корректировать кадровую стратегию и все её взаимосвязанные компоненты. В этой связи, система вознаграждения персонала играет крайне важную роль в достижении стратегических бизнес-целей организации, включая формирование эффективной системы трудовой мотивации, которая будет адекватна поставленным задачам.

Библиографические ссылки

1. Асеев, В.Г. Проблема мотивации и личности / В.Г. Асеев. – М.: Наука, 2020. – 158 с. – Текст: непосредственный.
2. Афанасьев, А. Внедрение BSC: опыт европейских компаний. – Текст: электронный // URL: http://www.investing.su/index.php/upravlenie/1368vnedrenie_bsc_opyt_evropeiskih_kompanii?format=pdf.
3. Вишнякова, М.В. KPI (ключевые показатели эффективности). Как внедрить систему KPI в компании. – Текст: электронный // URL: <http://www.gd.ru/articles/3584-kpi>.
4. Вишнякова, М.В. KPI. Внедрение и применение / М.В. Вишнякова. – СПб. : Питер, 2019. – 384 с. – Текст: непосредственный.
5. Внедрение показателей KPI. – Текст: электронный // URL: <https://www.hr-director.ru/article/66943-vnedrenie-sistemy-kpi-17-m11>.
7. Друкер, П.Ф. Классические работы по менеджменту / П.Ф. Друкер. – М.: «Альпина Бизнес Букс», 2008. – 220 с. – Текст : непосредственный. 68
8. Жихарева, Е.Д. KPI как фактор повышения эффективности менеджмента компании. – Текст: электронный // URL: <https://moluch.ru/authors/15156/>.
9. Мотивационный профиль личности (Ш. Ричи и П. Мартин). Методика анализа результатов тестирования. – Текст: электронный // URL: <https://hr.ikombat.ru/metodika-ocenki>.
10. Пармендер, Д.Г. Ключевые показатели эффективности. Разработка, внедрение и применение решающих показателей / Д. Пармендер. – М.: Олимп-Бизнес, 2009. – 258 с.
11. Постникова, В. Оценка ключевых показателей эффективности на примере интегрированной цепи поставки. – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-klyuchevyh-pokazateley-effektivnosti-na-primere-integrirovannoy-tsepi-postavki>.
12. Разработка системы ключевых показателей (KPI) для производственного предприятия. – Текст: электронный // URL: <http://www.comtec.ru/products/crm/mat/Comtec%20CRM%20KPI.pdf>.
13. Система ключевых показателей эффективности. – Текст: электронный // URL: <http://www.emd.ru/business/fk/pd.php>.
14. Т. Элере мотивация к успеху – методика диагностики мотивации к успеху. – Текст: электронный // URL: <https://advance.tips/т-элере-мотивацияк-успеху/>.

© Пчелкина А.Ю., Ливак Н.С., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ И МОТИВАЦИИ ШАХМАТИСТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ СПОРТИВНОГО МАСТЕРСТВА

Т. А. Радько

студент 2 курса,

БГПУ,

г. Минск, Беларусь

E-mail: nice.tanos@yandex.ru

Ю. А. Полеишук

заведующий кафедрой, БГПУ, г. Минск, Беларусь

E-mail: polishuk@tut.by

В данных материалах представлены результаты исследования самооценки и мотивации у шахматистов с различным уровнем мастерства. Выборка составила 96 участников, которые были разделены на три группы в зависимости от рейтинга ФИДЕ: до 2000, 2000-2300 и 2300+. Использовались шкала самооценки Розенберга и авторский опросник, направленный на выявление типов мотивации (внутренняя, внешняя, амотивация) и зависимости эмоционального состояния от результата. Показано, что наиболее уязвимой категорией являются шахматисты среднего уровня (2000-2300), для которых характерны низкая самооценка, высокая зависимость от результата и выраженная внешняя мотивация. Полученные данные позволяют глубже понять специфику психологической подготовки шахматистов на разных этапах спортивного развития

Ключевые слова: шахматы, психология спорта, мотивация, самооценка, внутренняя мотивация, внешняя мотивация.

These materials present the results of a study of self-esteem and motivation among chess players with different levels of skill. The sample consisted of 96 participants, who were divided into three groups based on their FIDE rating: under 2000, 2000-2300, and 2300+. The Rosenberg Self-Esteem Scale and an author's questionnaire assessing intrinsic and extrinsic motivation, amotivation, and dependence of emotional state on game results were used. The findings indicate that the most vulnerable group consists of chess players at the intermediate level (2000-2300), who demonstrate lower self-esteem, higher dependence on results, and stronger extrinsic motivation. The results contribute to a deeper understanding of psychological preparation of chess players at different stages of sports development.

Keywords: chess, sports psychology, motivation, self-esteem, intrinsic motivation, extrinsic motivation.

Шахматы уже более 150 лет вызывают интерес не только у спортсменов и зрителей, но и у исследователей психики. Игра требует высокой концентрации внимания, стратегического мышления, эмоциональной устойчивости и способности принимать решения в условиях ограниченного времени или недостатка знаний. Нередко именно психологические факторы определяют исход партии, даже при равных технических возможностях соперников.

Первые попытки систематически рассмотреть шахматы с позиции психологии принадлежат советскому гроссмейстеру Н.В. Крогиусу, автору книги «О психологии шахматного творчества» [4]. Позднее американский шахматист и психолог Р. Файн в

работе «Психология шахматного игрока» анализировал бессознательные механизмы шахматного мышления [6]. Профессор Н. Вайзман в книге «Шахматы: от самообладания к победе» уделял внимание проблемам эмоциональной устойчивости [2]. Среди современных авторов С. Лысенко в издании «Беседы с шахматным психологом» акцентирует внимание на прикладных психотехниках [5], А. Белявский и А. Михальчишин в публикации «Интуиция» анализируют роль интуитивных решений в шахматной практике [1].

Одними из ключевых психологических переменных, определяющих успех в шахматах, являются самооценка и мотивация. Согласно теории самоопределения Э. Деси и Р. Райана, внутренняя мотивация (интерес и удовольствие от процесса) является более устойчивой и связана с долгосрочными успехами, чем внешняя [7].

Исследования мотивации и самооценки активно проводились в разных видах спорта, где было показано, что спортсмены более высокого уровня отличаются устойчивой внутренней мотивацией, более стабильной самооценкой и меньшей зависимостью от внешних факторов. В шахматах же подобных систематических работ практически не проводилось. Существуют отдельные публикации, посвящённые психологии принятия решений в условиях дефицита времени, однако комплексного анализа мотивации и самооценки в зависимости от уровня мастерства ранее не предпринималось [3].

Состав выборки представляет особую значимость для интерпретации результатов исследования: в нём приняли участие не только любители и мастера, но и шахматисты мирового уровня, включая гроссмейстеров с рейтингом свыше 2600 и даже чемпионов мира. Это позволяет рассматривать результаты как уникальный материал для спортивной психологии, выходящий за рамки локального исследования.

Эмпирическое исследование самооценки и мотивации шахматистов проводилось с целью выявить различия в уровне самооценки и типах мотивации у шахматистов разных уровней мастерства.

В нём приняли участие 96 шахматистов, которые были распределены на три группы по рейтингу ФИДЕ: до 2000 ($N = 32$), 2000–2300 ($N = 32$), 2300 и выше ($N = 32$).

Задачи исследования:

- оценить общий уровень самооценки и мотивации у выборки шахматистов; выявить различия в показателях между группами, разделёнными по рейтингу;
- определить взаимосвязь между самооценкой и мотивацией у респондентов.

Гипотеза исследования: предполагается, что у шахматистов с высоким рейтингом (2300+) уровень внутренней мотивации и самооценки выше, чем у начинающих игроков.

Для изучения самооценки использовалась шкала М. Розенберга. Для изучения мотивации применялся авторский опросник, включающий утверждения о внутренней мотивации, внешней мотивации, амотивации и зависимости эмоционального состояния от результата. Ответы фиксировались по шкале Лайкерта.

Респонденты давали ответы от «полностью не согласен» до «полностью согласен». Вопросы с обратной формулировкой были перекодированы. На основе полученных данных рассчитывались средние значения (M), стандартные отклонения (SD), минимальные и максимальные показатели для каждой группы (Табл. 1).

Самооценка оказалась наиболее низкой у шахматистов среднего уровня (2000–2300, $M = 2,88$), тогда как начинающие игроки ($M = 3,20$) и мастера ($M = 3,24$) продемонстрировали более высокие значения.

Внутренняя мотивация остаётся высокой во всех группах, однако у начинающих игроков она несколько ниже ($M = 4,52$), чем у шахматистов с более высоким рейтингом (2000–2300, $M = 4,78$; 2300+, $M = 4,53$).

Таблица 1 – Результаты диагностики самооценки и мотивации у шахматистов с разным уровнем мастерства

Шкала / Показатель	Группа	N (кол-во)	Среднее (M)	Ст. отклонение (SD)
Самооценка	до 2000	32	3,20	0,55
	2000–2300	32	2,88	0,45
	2300+	32	3,24	0,49
Внутренняя мотивация	до 2000	32	4,52	1,30
	2000–2300	32	4,78	1,34
	2300+	32	4,53	1,73
Внешняя мотивация	до 2000	32	3,27	0,83
	2000–2300	32	4,51	1,36
	2300+	32	4,32	1,22
Амотивация	до 2000	32	3,08	1,71
	2000–2300	32	3,48	1,89
	2300+	32	2,92	1,85
Зависимость от результата	до 2000	32	3,27	0,84
	2000–2300	32	4,13	0,98
	2300+	32	3,56	0,90

Внешняя мотивация наиболее выражена у игроков среднего уровня (2000–2300, $M = 4,51$), тогда как у начинающих ($M = 3,27$) и мастеров ($M = 4,32$) она ниже. Наибольший показатель амотивации также зафиксирован в группе 2000–2300 ($M = 3,48$). У начинающих этот показатель ниже ($M = 3,08$), а у мастеров и гроссмейстеров ещё меньше ($M = 2,92$). Зависимость от результата сильнее выражена у игроков среднего уровня (2000–2300, $M = 4,13$), чем у начинающих ($M = 3,27$) и мастеров ($M = 3,56$).

Полученные результаты позволяют констатировать следующее.

Начинающие шахматисты (до 2000) имеют относительно устойчивую самооценку, но их внутренняя мотивация оказалась ниже, чем у более опытных игроков. При этом уровень внешней мотивации и зависимости от результата у них умеренный.

Игроки среднего уровня (2000–2300) демонстрируют кризисные проявления: низкую самооценку, высокую внешнюю мотивацию и зависимость от результата, а также максимальные показатели амотивации. Это указывает на трудности перехода от любительского уровня к профессиональному.

Мастера и гроссмейстеры (2300+) обладают наиболее стабильной самооценкой и низкой амотивацией. Их внутренняя мотивация выше, чем у новичков, однако часть вовлечённости смещается в сторону ориентации на достижения и признание.

Проведённое исследование позволило выявить различия в уровне самооценки и мотивации шахматистов разных категорий мастерства. Полученные данные показывают, что психологический профиль игрока не является однородным и существенно меняется в зависимости от стадии его спортивной карьеры.

Во-первых, начинающие шахматисты (до 2000) продемонстрировали относительно стабильную самооценку и средние показатели мотивации. Однако внутренняя мотивация у них оказалась ниже, чем у более опытных участников, что может указывать на недостаточно сформированную вовлечённость в деятельность. Для них шахматы пока выступают скорее как область интереса, но ещё не как сфера, в которой формируются устойчивые ценности и цели. Тем не менее, умеренный уровень внешней мотивации и амотивации позволяет говорить о позитивном потенциале развития этой группы.

Во-вторых, наиболее уязвимой категорией оказались шахматисты среднего уровня (2000–2300). У них зафиксированы самые низкие значения самооценки, что в сочетании с высокой зависимостью от результата и усилением внешней мотивации создаёт

предпосылки для формирования «кризиса среднего уровня». Этот феномен связан с тем, что игроки уже преодолели любительскую стадию, но ещё не достигли уровня устойчивого мастерства. В результате возникает чувство неуверенности в собственных силах, тревожность по поводу результата и снижение интереса к самой игре (высокая амотивация). Подобные состояния могут приводить к эмоциональному выгоранию и сужению перспектив в шахматной карьере.

В-третьих, мастера и гроссмейстеры (2300+) демонстрируют наибольшую психологическую устойчивость: у них фиксируются высокие показатели самооценки и низкий уровень амотивации. Внутренняя мотивация в этой группе выше, чем у начинающих, но несколько уступает шахматистам среднего уровня. Это свидетельствует о том, что на профессиональной стадии внутренняя вовлечённость частично уступает место внешним стимулам – карьерным достижениям, признанию и материальным факторам. Таким образом, происходит смещение акцентов в сторону результативности и подтверждения статуса.

В целом, полученные данные согласуются с положениями теории самоопределения Э. Деси и Р. Райана: внутренняя мотивация играет ключевую роль на ранних этапах, но по мере роста требований и социального давления постепенно вытесняется внешними факторами. Особенно ярко это проявляется на промежуточной стадии (2000–2300), где формируется критическая точка развития шахматиста.

Выявленные различия могут быть учтены в практике спортивной психологии:

- игрокам среднего уровня необходима поддержка для укрепления самооценки и снижения зависимости от результата;
- тренерам важно учитывать не только техническую, но и психологическую готовность спортсмена;
- разработка программ психологической подготовки, направленных на развитие устойчивой внутренней мотивации, позволит повысить стабильность игровых результатов.

Полученные в данном исследовании результаты могут быть использованы для разработки психологических программ поддержки шахматистов на разных этапах их спортивной карьеры.

Библиографические ссылки

- 1 Белявский, А. Интуиция / А. Белявский, А. Михальчишин. – М. : Рипол-Классик, 2007. – 240 с.
- 2 Вайзман, Н. Шахматы: от самообладания к победе / Н. Вайзман. – М. : Радуга, 1985. – 174 с.
- 3 Кобалия, М. Р. Принятие решения в шахматных поединках при дефиците времени : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / М. Р. Кобалия ; Моск. гос. акад. физ. культуры. – М., 2005. – 24 с.
- 4 Крогиус, Н. В. О психологии шахматного творчества / Н. В. Крогиус. – М. : Физкультура и спорт, 1972. – 256 с.
- 5 Лысенко, С. В. Беседы с шахматным психологом / С. В. Лысенко. – М. : Рипол-Классик, 2010. – 192 с.
- 6 Файн, Р. Психология шахматного игрока / Р. Файн. – М. : Физкультура и спорт, 1968. – 212 с.
- 7 Deci, E. L. Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behavior / E. L. Deci, R. M. Ryan. – New York : Springer, 1985. – 372 p.
- 8 Rosenberg, M. Society and the Adolescent Self-Image / M. Rosenberg. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1965. – 326 p.

© Радько Т.А., Полещук Ю.А., 2025

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА

Т. А. Самарина

студент 2 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: samarinata2002@gmail.com

Д. Н. Девятловский

профессор, СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: devyatlovskiy@mail.ru

Данная статья посвящена рассмотрению понятия «профессиональное выгорание», его стадий и наиболее часто встречающимся симптомам. Подробно рассматриваются личностные детерминанты профессионального выгорания преподавателей высшей школы.

Ключевые слова: личностные детерминанты, профессиональное выгорание, преподаватель вуза.

This article is devoted to the consideration of the concept of “professional burnout,” its stages and the most common symptoms. The personal determinants of professional burnout among higher education teachers are examined in detail.

Key words: personal determinants, professional burnout, university teacher.

В настоящее время в России количество трудоспособного населения составляет 75,9 миллионов человек. Из них более 178 тысяч занимаются преподавательской деятельностью в высших учебных заведениях. За последние 5-7 лет число профессорско-преподавательского состава стало меньше. Эксперты связывают это падение с тем, что происходят постоянные изменения в российском образовании, которые требуют от преподавателей выполнения все более сложных задач и увеличения нагрузки, а заработная плата практически остается неизменной. Подтверждается важность профессионализма преподавателя, наличие специальных знаний, умений и навыков, постоянный процесс получения новых знаний. Стоит отметить, что не все готовы идти работать в данную сферу [8].

Профессиональное выгорание сейчас все чаще и чаще встречается в нашей жизни. Его можно увидеть практически в каждом виде работы человека. Это опасно потому, что происходит влияние на работоспособность человека, его самочувствие и здоровье. Профессиональное выгорание представляет собой состояние физического, эмоционального и психологического истощения, вызванное чрезмерным стрессом на рабочем месте. Характеризуется ощущением беспомощности, снижением мотивации и энергии, а также нарушением производительности и качества работы. Р. Кочюнас дает определение синдрому выгорания как «сложному психофизиологическому феномену, сопровождающемуся эмоциональным, умственным и физическим истощением из-за продолжительной эмоциональной нагрузки.

Данный термин впервые был введен в 1974 году американским психиатром Г. Фрейденбергером: он присвоил подобному явлению название «burnout» – «выгорание сотрудников» и описал его как постепенное увядание положительного отношения работника к своей профессиональной деятельности, вплоть до появления полного

отвращения, депрессий и иных проявлений, которые значительно снижают качество жизни и способны привести к соматическим нарушениям. Первооткрыватель понятия «выгорание» использовал его для характеристики психологического состояния здоровых людей, постоянно находившихся в атмосфере высокого эмоционального напряжения в связи с исполнением своих рабочих обязанностей. В первую очередь, это касалось работников социономических профессий.

Статистика показывает, что чаще всего данный синдром наблюдается у людей профессии социономического типа или по-другому профессии типа «человек-человек». Среди таких профессий существуют те, которые всегда востребованы: это специальности с напряжёнными и сложными условиями труда, высокой текучестью кадров и т. д. Данный тип профессий предполагает постоянную работу с людьми и связан с:

- 1) с социальным и медицинским обслуживанием (социальный работник, врач, медицинская сестра);
- 2) с воспитанием, обучением и руководством людьми (воспитатель, учитель, преподаватель, менеджер, тренер, гувернер);
- 3) с бытовым обслуживанием (парикмахер, продавец, официант, проводник);
- 4) с правовой защитой (участковый инспектор, юрист, таможенник).

К ним относится одна из важнейших профессий преподаватель высшей школы. Это связано с тем, что происходит постоянное взаимодействие с различными людьми, которое требует затрат происходит физическое и эмоциональное истощение. Преподавателю в своей работе нужно быть открытым, сохранять спокойствие и уверенность, уметь слушать и уважать своих собеседников, проявлять к ним эмпатию [3].

Профессии социономического типа предполагают также и особый тип взаимодействия – «помогающее поведение». По мнению К. Роджерса помогающими следует называть отношения, в которых одна из сторон намерена оказывать помощь другой стороне в развитии, личностном росте, в умении ладить с другими людьми и лучшей жизнедеятельности [9].

Одной из основных причин профессионального выгорания является перегрузка работой. Люди, ставящие высокие требования к самим себе и испытывающие постоянное чувство нехватки времени, находятся в постоянном напряжении, становятся более уязвимыми к выгоранию. Кроме того, недостаток контроля над своим рабочим процессом и перегрузка информацией также способствуют развитию этого состояния. Выделяют 4 стадии профессионального выгорания:

- одержимость работой. Задачи нравятся, коллеги замечательные, начальник отличный. Сотрудник хочет показать свою значимость, берет трудные проекты, выполняет часть работы дома или задерживается в офисе. Со временем работа заполняет весь день. Не остается времени на семью, отдых, друзей и хобби;
- хроническая усталость. Работа еще не вызывает отвращения, но уже не кажется такой классной. Сотрудник вынужден прикладывать всё больше усилий, некоторые задачи человек забывает, пропадает энтузиазм;
- истощение. Человек испытывает стресс в течение всего дня. Когда кто-то из коллег просит помочь с проектом – раздражается, наступает апатия;
- выгорание. На финальной стадии появляется депрессия, чувство потерянности и неуверенности, человек эмоционально истощен. Даже отпуск не приносит облегчения – сил вернуться к работе по-прежнему нет.

Жертвой выгорания может стать любой работник. Это связано с тем, что разнообразные стрессоры присутствуют или могут появиться на работе в каждой из организаций. Синдром выгорания развивается как следствие комбинации

организационных, профессиональных стрессов и личностных факторов. Вклад той или иной составляющей в динамику его развития различен [6].

Профессиональное выгорание с одной стороны описывается как состояние, которому характерны моральное, физическое и умственное истощение, вызванное продолжительной эмоциональной нагрузкой, а с другой стороны, как процесс, описывающий профессиональный спад, вызванный различными рабочими ситуациями.

Выгорание наиболее опасно в начале своего развития. «Выгорающий» сотрудник, как правило, почти не осознает его симптомов, поэтому первыми замечают изменения в его поведении коллеги. Очень важно вовремя увидеть подобные проявления и правильно организовать систему поддержки таких работников. Первые проявления делятся на две группы – это поведенческие, психологические и физические. Рассмотрим подробнее наиболее часто встречающиеся [3]:

- снижение мотивации к работе;
- резко возрастающая неудовлетворенность работой;
- потеря концентрации внимания и увеличение числа ошибок в работе;
- возрастающая небрежность во взаимодействии с клиентами;
- игнорирование требований к безопасности и процедурам;
- ослабление стандартов выполнения работы;
- усталость;
- чувство истощения;
- восприимчивость к изменениям показателей внешней среды;
- одышка;
- частые головные боли;
- бессонница.

Проблема стрессов на работе – точка пересечения многих дисциплин, от физиологии и медицины до психологии, социологии и политики. Это обусловлено, с одной стороны, физиологическими и психологическими механизмами стресс-реакций, а с другой – социальным характером последствий производственных (или рабочих) стрессов. При этом перед представителями всех наук стоит единая задача – найти то оптимальное напряжение в процессе труда, которое обеспечит его высокую эффективность, но не приведет к нежелательным последствиям в результате длительного нервно-психического напряжения [4].

Возникновение профессионального выгорания может быть проанализировано с учетом социальных факторов, которые играют важную роль в этом процессе. Конфликты в коллективе, недостаток поддержки со стороны руководства и коллег, а также несправедливое распределение ответственности могут создать напряженность и неудовлетворенность, способствуя развитию выгорания. Существуют также взаимосвязи между степенью выгорания, возрастом, стажем работы и удовлетворенностью карьерой. По некоторым данным, профессиональный рост, обеспечивающий человеку повышение его социального статуса, уменьшает степень выгорания. Влияние возраста на эффект выгорания неоднозначно. В некоторых исследованиях обнаружена предрасположенность к выгоранию лиц не только старшего, но и молодого возраста. В отдельных случаях состояние последних объясняется эмоциональным шоком, который они испытывают при столкновении с реальной действительностью, часто не соответствующей их ожиданиям относительно профессиональной деятельности [4, с. 48].

Необходимо также обратить внимание на гендерные отличия, которые проявляются в различных аспектах профессионального выгорания. Так, обнаружено, что мужчинам более присущи высокая степень деперсонализации и высокая оценка своей профессиональной успешности, а женщины более подвержены эмоциональному истощению. Важно создавать условия на организационном уровне, которые способствуют здоровой и продуктивной

работе. Руководство может оказывать поддержку сотрудникам, предоставлять возможности для развития профессиональных навыков и самореализации, а также снижать уровень стресса, оптимизируя рабочие процессы и предоставляя ресурсы.

Предложенная М. В. Воронцовой трёхфакторная модель выгорания в какой-то степени отражает специфику той профессиональной среды, в которой впервые был обнаружен этот феномен. Рассмотрим подробнее эти компоненты [5, с. 72]:

- первый компонент выгорания – эмоциональное истощение – рассматривается как основная составляющая профессионального выгорания и проявляется в ощущении эмоционального перенапряжения, чувстве опустошенности, «исчерпанности» собственных эмоциональных ресурсов. Человек чувствует, что не может отдаваться работе, как раньше, и у него возникает ощущение «приглушенности» эмоций.

- второй компонент – цинизм (деперсонализация) проявляется в негативном, бездушном, циничном отношении к партнерам по общению. Контакты становятся обезличенными и формальными. Возникающие негативные установки могут поначалу иметь скрытый характер и проявляться во внутреннем сдерживаемом раздражении, которое со временем вырывается наружу в виде вспышек раздражения или конфликтных ситуаций.

- третий компонент – редукция личных достижений – проявляется в снижении чувства компетентности в своей работе, уменьшении ценности своей работы, ограничении своих обязанностей по отношению к другим. Замечая за собой негативные чувства или проявления, человек винит себя, у него снижается трудовая мотивация, появляется чувство собственной несостоятельности, безразличие к работе.

Многочисленность исследований, посвященных проблеме выгорания, объясняется несколькими причинами. Во-первых, выгорание представляет собой вариант многофакторного производственного (рабочего) стресса, что позволяет изучать его как системную реакцию в целом. Во-вторых, последствия профессионального выгорания оказывают существенное влияние на личную, внеслужебную, жизнь «выгоревших». В-третьих, последствия выгорания плохо сказываются на экономическом благополучии организации и ведут к потере кадровых ресурсов. Профессиональное выгорание связано с административными, управленческими и коммуникативными характеристиками организации, психологическим климатом, статусно-ролевыми и личностными особенностями персонала.

Обращая внимание на перечисленные факторы, следует отметить, что синдром профессионального выгорания непосредственно связан с личностью преподавателя и его внутренним самоощущением, его стрессоустойчивость и заложенными качествами. Также туда входит связь рабочего пространства преподавателя с его состоянием. Стоит отметить, что в профессиональной среде неотъемлемой частью является коллектив и межличностные взаимоотношения между сотрудниками, которые могут быть причиной возникновения данного синдрома [2]. В совокупности влияние распространяется не только на работу отдельного преподавателя, но и показатель эффективности работы самого учреждения.

Личностные детерминанты играют не мало важную роль в жизни преподавателя. Они включают в себя особенности их психологического благополучия и профессиональную идентичность. Эти факторы влияют на их саморегуляцию, удовлетворенность работой, ее эффективность, мотивацию, стрессоустойчивость на работе. И именно они способны сформировать у преподавателей устойчивость к профессиональному выгоранию. Понимание этих факторов может помочь в разработке методов, направленных на профилактику профессионального выгорания преподавателей вуза [1].

Следует отметить, что синдром профессионального выгорания непосредственно связан с личностью преподавателя и его внутренним самоощущением, его стрессоустойчивость и заложенными качествами. Также туда входит связь рабочего

пространства преподавателя с его состоянием. Стоит отметить, что в профессиональной среде неотъемлемой частью является коллектив и межличностные взаимоотношения между сотрудниками, которые могут быть причиной возникновения данного синдрома [2]. В совокупности влияние распространяется не только на работу отдельного преподавателя, но и показатель эффективности работы самого учреждения.

Различные исследования показывают, что более 55% российских преподавателей испытывают высокое профессиональное выгорание, а 43% имеют неудовлетворительное благополучие [7]. В статье «профессиональное выгорание преподавателей вузов и стратегии его преодоления в вузах России» представлены результаты исследования, согласно которым значительное количество преподавателей высших учебных заведений испытывает симптомы профессионального выгорания, что связано с различными факторами. К ним относят эмоциональное истощение от работы и деперсонализацию.

Можно сделать вывод о том, что существуют наиболее часто встречаемые личные детерминанты профессионального выгорания такие как: трудоголизм, однообразие работы, постоянное общение с людьми, перфекционизм, не умение грамотно распоряжаться своим временем, возможные конфликты на рабочем месте, высокий уровень ответственности.

Рассмотрим каждый детерминант более подробно:

Трудоголизм заключается в том, что преподаватели высшей школы начинают очень много трудиться на работе придумывая себе дополнительную нагрузку. Задерживаются на работе, берут домой задания на проверку. Из-за этого страдают другие сферы жизни. Большой объем работы, постоянная подготовка к лекциям, практикам, экзаменам.

Однообразие работы. Представляет собой постоянно повторяющиеся действия. Однообразное ведение теории и практики, выдача домашней работы, проверка письменных работ.

Постоянно общение с людьми. Без этого никак не обойтись в профессиональной сфере, но порой стоит контролировать свои эмоции во время диалога. Уметь вовремя останавливать собеседника. Если этого не делать может произойти эмоциональное истощение.

Перфекционизм. Некоторые преподаватели настолько заиклены на своей работе, что стараются сделать все идеально. Им нужно быть идеальными во всем и везде. И это стремление влияет на развитие профессионального выгорания.

Не умение грамотно распоряжаться своим временем или другими словами тайм-менеджмент. Играет очень важную роль в жизни каждого человека. Неумение распоряжаться своим временем влечет за собой большие проблемы.

Возможные конфликты на рабочем месте. Приводят к нежеланию работать, возможно даже к увольнению, ухудшение самочувствия человека. Напряженной обстановки в коллективе.

Высокий уровень ответственности. К сожалению, от этого никуда не деться. Но не стоит сильно на этом заикливаться, так как студенты уже совершеннолетние люди, и они сами должны понимать, что им это нужно.

Преподаватель со своей стороны может только оказать помощь в успешном усвоении знаний. Ответственность так же заключается в работе с отчетами, здесь главную роль играет умение владеть компьютером и распоряжение своим временным ресурсам.

Чтобы предотвратить профессиональное выгорание, необходима забота о своем благополучии и здоровье. Важно находить баланс между работой и личной жизнью, а также устанавливать границы и правильно распределять время и энергию. Это может включать планирование свободного времени и самопомощь, такую как занятия спортом, медитация или чтение. Развитие навыков управления стрессом также может быть очень полезным в борьбе с выгоранием. Это может включать методы дыхательной гимнастики,

релаксации или медитации. Помимо этого, обратиться за поддержкой к коллегам и руководству также может помочь облегчить негативные последствия выгорания. Общение с другими людьми в подобной ситуации или получение конструктивной обратной связи и поддержки может быть полезным. Однако, с помощью заботы о себе и разнообразных стратегий управления стрессом, можно снизить риск выгорания и повысить свое благополучие и жизненную удовлетворенность. В целом, осознание и понимание профессионального выгорания помогает людям предотвращать его возникновение и эффективно справляться с ним. Забота о своем физическом и ментальном здоровье, разработка навыков стрессоустойчивости и поддержка в организационном окружении помогут сохранить баланс и предотвратить развитие выгорания.

Следует отметить, что синдром профессионального выгорания непосредственно связан с личностью специалиста и его внутренним самоощущением, его стрессоустойчивость и заложенными качествами. Также туда входит связь рабочего пространства специалиста с его состоянием. Стоит отметить, что в профессиональной среде неотъемлемой частью является коллектив и межличностные взаимоотношения между сотрудниками, которые могут быть причиной возникновения данного синдрома. В совокупности влияние распространяется не только на работу отдельного специалиста, но и показатель эффективности работы самого учреждения.

Профессиональное выгорание – это серьезная проблема с негативными физическими и психологическими последствиями, которые могут сказаться на самочувствии и качестве жизни преподавателя. Однако, с помощью правильного подхода и заботы о себе, можно предотвратить и преодолеть профессиональное выгорание, продолжая наслаждаться работой и жить полноценной жизнью.

Библиографические ссылки

1. Гунзунова, Б. А. Психокоррекция эмоционального выгорания и развитие навыков саморегуляции у педагогов / Б.А. Гунзунова. - Текст : непосредственный. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 76-80.

2. Кузьма, Т. И. Профессиональное выгорание педагога вуза / Т. И. Кузьма // Молодой ученый. – 2015. – № 20 (100). – 533-535 с. – URL: <https://moluch.ru/archive/100/22563/> (дата обращения: 22.10.2025). – Текст : электронный.

3. Райкова, Е. Ю. Терапия и профилактика профессионального выгорания у Representatives помогающих профессий / Е. Ю. Райкова // Молодой ученый. – 2011. – № 5 (28). – Т. 2. – 92-97 с. – URL: <https://moluch.ru/archive/28/3228/> (дата обращения: 12.10.2025). – Текст : электронный.

4. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика : практическое пособие / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 299 с. – (Профессиональная практика) // Образовательная платформа Юрайт сайт. – URL: <https://urait.ru/bcode/514558> (дата обращения: 12.10.2025). – Текст : электронный.

5. Воронцова, М. В. Профилактика профессиональных деформаций в системе социальной работы : учебное пособие для высшего профессионального образования / М. В. Воронцова [и др.] ; под редакцией М. В. Воронцовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 244 с. – (Профессиональное образование) // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/519374> (дата обращения: 12.12.2025). – Текст : электронный.

6. Константинов, В. В. Профессиональная деформация личности : учебное пособие для вузов / В. В. Константинов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт,

2023. – 186 с. – Высшее образование // Образовательная платформа Юрайт сайт. – URL: <https://urait.ru/bcode/514385> (дата обращения: 10.10.2025). – Текст : электронный.

7. Новикова, С. С. Психологические проблемы профессионального выгорания служебной деятельности : методическое пособие / сост. С. С. Новикова. – Москва : ФЛИНТА, 2021. – 48 с. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1852355> (дата обращения: 10.10.2025). – Текст : электронный.

8. Росстат. Официальный сайт. Электронный ресурс. - Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.10.2025).

9. Психология и педагогика высшей школы : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / И.В. Охременко [и др.] ; под ред. И.В. Охременко. – 2-е изд., испр. И доп. – Москва: Юрайт, 2017. – 178 с.

© Самарина Т.А., Девятловский Д.Н., 2025

ПРОФИЛАКТИКА КИБЕРБУЛЛИНГА И ФОРМИРОВАНИЕ ЭТИЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СЕТИ

Н. О. Самсонов

студент 4 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: samsonovnikit123@gmail.com

Н. С. Ливак

доцент, СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

E-mail: nlivak@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблемы кибербуллинга и методов защиты пользователей сети Интернет. Рассмотрены способы выявления и предотвращения кибербуллинга с использованием современных технологий мониторинга и анализа поведения в виртуальной среде.

Ключевые слова: кибербуллинг, защита пользователей, мониторинг, безопасность в Интернете.

The article is devoted to the study of the problem of cyberbullying and methods of protecting Internet users. It examines ways to detect and prevent cyberbullying using modern technologies for monitoring and analyzing behavior in the virtual environment.

Key words: cyberbullying, user protection, monitoring, Internet safety.

В условиях стремительного развития информационных технологий интернет стал неотъемлемой частью повседневной жизни человека, предоставляя широкие возможности для общения, саморазвития и профессиональной деятельности. Однако вместе с ростом цифрового взаимодействия усилилось распространение такого социально опасного явления, как кибербуллинг. Под этим термином понимается форма агрессии, совершаемая посредством информационно-коммуникационных технологий и направленная на причинение психологического или морального вреда другому пользователю [6].

Актуальность темы определяется тем, что кибербуллинг оказывает разрушительное воздействие на личность, вызывая чувство тревоги, неуверенности, социальной изоляции и депрессии. Особенно уязвимой категорией оказываются подростки и молодежь, для которых виртуальное пространство является значимой частью социальной идентичности. Несмотря на то, что проблема буллинга давно изучается в психологии и педагогике, цифровая форма этого явления обладает своей спецификой, требующей разработки новых подходов к его диагностике и предупреждению [4].

Актуальность темы усиливается тем, что цифровое пространство используется подростками и молодыми людьми не только для общения и самореализации, но и становится зоной повышенного риска психологического воздействия. В России наблюдается значительное проникновение интернета среди детей и подростков (например, в возрастной группе 4-11 лет доля пользователей достигает 99 %) по данным РБК, что усиливает потребность в комплексных мерах защиты и профилактики [8].

Кибербуллинг отличается от традиционного буллинга тем, что он реализуется с использованием цифровых устройств и сетевых платформ, обладает высокой степенью доступности, анонимности и потенциалом массового распространения. В России

исследования фиксируют значительную долю пользователей, сталкивавшихся с агрессией в сети.

Кибербуллинг представляет собой разновидность агрессивного поведения, которое осуществляется с использованием цифровых платформ – социальных сетей, мессенджеров, форумов и других онлайн-средств коммуникации. В отличие от традиционного буллинга, происходящего в непосредственном социальном взаимодействии, кибербуллинг характеризуется анонимностью, постоянной доступностью и возможностью быстрого распространения информации. Эти особенности значительно усиливают его психологическое воздействие на жертву [3].

Проблема кибербуллинга заключается не только в агрессивных действиях, но и в том, что общество часто недооценивает степень их опасности. Многие пользователи не осознают, что публикация уничижительных комментариев, распространение ложной информации или намеренное игнорирование в сети могут вызывать у человека серьезные эмоциональные переживания. Исследования Яхеева показывают, что последствия кибербуллинга сопоставимы с последствиями физических и психологических форм насилия, так как они приводят к снижению самооценки, потере доверия к окружающим, нарушению социальной адаптации и формированию тревожно-депрессивных состояний [11].

Особое внимание в изучении данного явления уделяется причинам, способствующим его распространению. Среди них выделяются низкий уровень цифровой культуры, отсутствие правовых знаний, социальная безнаказанность и анонимность в интернет-пространстве. При этом в большинстве случаев агрессоры не осознают масштабов причиняемого вреда, а пострадавшие не знают, куда обращаться за помощью. Таким образом, выявление и профилактика кибербуллинга требуют системного подхода, объединяющего психологические, педагогические и технологические методы воздействия [10].

В мировой практике активно применяются системы автоматического мониторинга контента, основанные на алгоритмах машинного обучения, которые распознают оскорбительные или токсичные высказывания в комментариях и сообщениях. Такие технологии дают возможность выявлять потенциально опасные коммуникации и предотвращать дальнейшее распространение агрессивного поведения.

Важное значение имеет и психолого-педагогическое наблюдение за состоянием молодежной аудитории. Эмпирические исследования показывают, что значительная часть подростков сталкивается с оскорблениями и унижениями в интернете, при этом многие не осведомлены о существующих службах поддержки [8]. Проведённое анкетирование среди пользователей в возрасте от 17 до 21 года подтвердило, что около трети участников имели опыт кибербуллинга, а сорок процентов не знали, куда обратиться в случае возникновения подобной ситуации. Эти данные свидетельствуют о необходимости внедрения просветительских программ и образовательных инициатив, направленных на повышение цифровой грамотности и развитие эмоциональной устойчивости пользователей сети [1].

Методы выявления кибербуллинга также включают социально-психологическую диагностику уровня агрессии и тревожности, анализ структуры интернет-взаимодействий и оценку эмоционального состояния пользователей. В совокупности такие подходы позволяют не только фиксировать факты агрессии, но и прогнозировать их возможное развитие, создавая условия для раннего вмешательства специалистов [7].

Профилактика кибербуллинга должна опираться на сочетание педагогических, психологических и технологических стратегий. Одним из ключевых направлений является формирование культуры ответственного поведения в сети. Повышение уровня цифровой грамотности помогает пользователям осознавать последствия своих действий и корректно реагировать на провокации. В этом контексте особую роль играют образовательные

учреждения, которые могут интегрировать в учебный процесс темы, связанные с безопасным использованием интернета и психологическими аспектами сетевого взаимодействия [2].

Важным элементом профилактической работы является организация систем психологической поддержки жертв кибербуллинга. Психологи, педагоги и социальные работники должны быть готовы оказать помощь пострадавшим, сформировать у них навыки саморегуляции и устойчивости к негативным воздействиям.

Родители и педагоги также играют ключевую роль в профилактике кибербуллинга. Осведомленность взрослых о рисках интернет-пространства позволяет своевременно замечать тревожные изменения в поведении детей и принимать соответствующие меры. Формирование доверительных отношений между поколениями способствует снижению уровня агрессии и развитию ответственного отношения к цифровой коммуникации.

Проведенное эмпирическое исследование подтвердило гипотезу о недостаточном уровне информированности пользователей о последствиях кибербуллинга. Большинство респондентов имели лишь общее представление о масштабах явления, что указывает на необходимость более активного просвещения и популяризации знаний о цифровой безопасности. Полученные данные также показали, что основными источниками информации о кибербуллинге остаются социальные сети и образовательные учреждения, тогда как роль семьи и специализированных интернет-площадок в профилактике недостаточна.

В процессе исследования был использован метод анкетирования, с разработанными вопросами по тематике проекта, предназначенный для пользователей сети интернет в возрасте от 17 до 22 лет. В анкетировании участвовало двадцать человек.

Данные, полученные по итогам анкетирования:

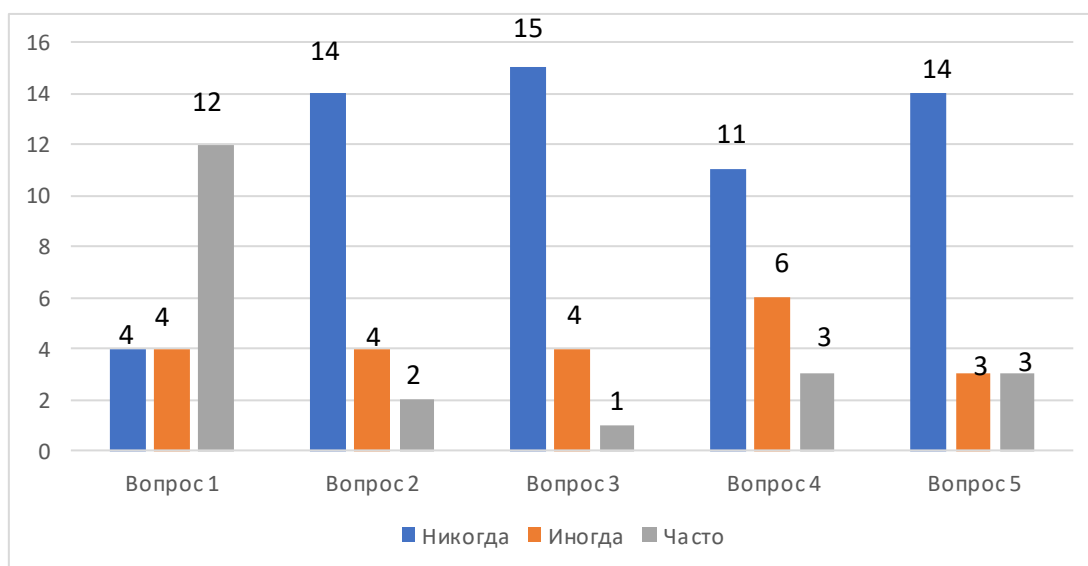

Рисунок 1 – Результаты полученные по первому блоку анкеты.

Большинство молодых людей сталкивались с оскорблениями в интернете, что говорит о достаточно распространённости проблеме. При этом у большинства респондентов не было опыта публикации оскорбляющих материалов о других, что может указывать на общую солидарность среди респондентов.

Общая картина показывает, что хотя кибербуллинг и существует среди молодых людей, большая часть опрошенных придерживается норматива вежливого общения и не участвует в негативных проявлениях в интернете. Эти данные будут нам полезны для

создания программы просвещения, направленную на борьбу с кибербуллингом и повышение цифровой грамотности.

Большинство респондентов (60%, 12 человек) знают, куда можно обратиться за помощью в случае кибербуллинга. Однако значительное количество людей (40%, 8 человек) не знает о таких возможностях. Это говорит о том, что существует необходимость в повышении информированности о доступных ресурсах помощи.

75% опрошенных (15 человек) осведомлены о случаях, когда кибербуллинг приводил к серьезным последствиям. Это свидетельствует о высокой степени осознания серьезности проблемы в обществе.

Информация о последствиях кибербуллинга поступает из различных источников. Наиболее распространенными были социальные сети (15 упоминаний) и учителя (10 упоминаний), что подчеркивает роль социальных сетей в распространении информации. Родители также играют свою роль (8 упоминаний), но в меньшей степени. Реальный опыт был упомянут лишь 3 раза, что может свидетельствовать о том, что большинство опрошенных не имели личного опыта в данной области.

35% респондентов (7 человек) считают, что хорошо осведомлены о последствиях кибербуллинга, а 50% (10 человек) имеют общее представление. 15% (3 человека) заявили, что практически ничего не знают об этой теме. Это говорит о том, что хотя большинство респондентов имеют общее представление о кибербуллинге и его последствиях, есть необходимость в дополнительном образовании и информировании на эту тему.

Необходимо усиливать информационные кампании о кибербуллинге, особенно среди молодежи, чтобы повысить как осведомленность о последствиях, так и знание о доступных ресурсах помощи.

Включение темы кибербуллинга в образовательные программы является одним из самых эффективных способов решения этой проблемы. Школы и учебные заведения должны стать местом, где молодежь может получить необходимые знания о цифровой безопасности. Важно обучать детей не только тому, как распознать случаи кибербуллинга, но и тому, как правильно реагировать на них. Уроки могут включать обсуждения, ролевые игры и работу в группах, что поможет создать атмосферу открытости и доверия, где подростки смогут делиться своими переживаниями и получать поддержку [5].

Усиление информационных кампаний о кибербуллинге и внедрение соответствующих образовательных программ являются ключевыми шагами к созданию более безопасной и поддерживающей цифровой среды для молодежи. С акцентом на осведомленность о последствиях и доступных ресурсах помощи мы можем преодолеть это явление и помочь молодым людям развивать навыки, необходимые для ответственного и безопасного использования технологий.

Таким образом, повышение осведомленности пользователей о проблеме, развитие критического мышления и формирование навыков безопасного поведения в сети являются ключевыми факторами успешной профилактики интернет-агрессии. Комплексное применение педагогических и технологических методов позволит создать благоприятную цифровую среду, минимизирующую риски психологического насилия.

Кибербуллинг представляет собой серьезную угрозу психологическому здоровью и социальной стабильности личности. В условиях цифровизации общества данное явление приобретает массовый характер и требует системного подхода к его изучению и профилактике. Результаты анализа показывают, что эффективное противодействие кибербуллингу возможно только при объединении усилий государства, образовательных учреждений, научного сообщества и IT-индустрии.

Развитие технологий мониторинга сетевого поведения, внедрение образовательных программ по цифровой этике и психологическая поддержка пользователей создают основу для снижения уровня интернет-агрессии. Формирование культуры безопасного общения в

сети должно стать приоритетом современной образовательной и социальной политики. Только при комплексном подходе возможно обеспечение психологического благополучия пользователей и создание гуманной информационной среды, способствующей развитию личности и укреплению общественных связей.

Библиографические ссылки

1. Авдулова, Т. П. Психология подросткового возраста : учебник и практикум для вузов / Т. П. Авдулова. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 394 с. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/560490> (дата обращения: 12.11.2025).
2. Аверкиева, Е. В. Кибербуллинг в молодежной среде / Е.В. Аверкиева. – Екатеринбург: УрФУ, 2020.
3. Березина, О.С., Социальная профилактика кибербуллинга среди подростков / О.С. Березина // Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи – 2015. – Текст : непосредственный.
4. Бобровникова, Н.С. Кибербуллинг: виды и особенности проявления // Международный научно-исследовательский журнал, 2022. - Текст : электронный // CYBERLENINKA [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-vidy-i-osobennosti-proyavleniya>.
5. Бочавер, А.А., Хломов К.И. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий// Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. №3. С. 177-191. Текст : электронный // CYBERLENINKA [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-travlya-v-prostranstve-sovremennyh-tehnologiy>.
6. Волченкова, Е. В. Профилактика кибербуллинга в подростково-молодежной среде / Е. В. Волченкова. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – С. 702-708. – Текст : непосредственный.
7. Лебедева, Н.И. Конфликты в молодежной среде: буллинг как социальная проблема / Н.И. Лебедева. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2020. Текст : непосредственный.
8. Малова, Р. Е. Профилактика кибербуллинга в общеобразовательной организации / Р. Е. Малова, А. А. Хрусталева. – Текст : непосредственный // Исследования молодых ученых. – Казань : Молодой ученый, 2022. – С. 66-69. – URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/470/17663>.
9. Стогова, Е. Как дети и подростки в России пользуются интернетом. Инфографика // РБК. – 1 марта 2025 г. – Текст : электронный // РБК [сайт]. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/03/2025/67c1b67a9a7947a146b068c3.
10. Тарасова, С.Ю. Социальные и психологические аспекты буллинга // Гуманитарные и социальные науки, 2014 - Текст : электронный // CYBERLENINKA [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-i-psiologicheskie-aspekty-bullinga/viewer>.
11. Шпунт, Я.В 2024 году в России на 15% выросло количество случаев кибербуллинга // Anti-Malware.ru. – 11 февраля 2025 г. – Текст : электронный. – URL: <https://www.anti-malware.ru/news/2025-02-11-121598/45246> (дата обращения: 12.11.2025).
12. Яхеев, М. Н. Эмпирическое исследование ситуаций буллинга / М. Н. Яхеев, Г.А. Стрюкова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 28 (318). – С. 85-89. – URL: <https://moluch.ru/archive/318/72573>.

ВЛИЯНИЕ АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ ТЕХНИК НА САМООЦЕНКУ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ТЕАТРАЛЬНОЙ СТУДИИ

С. И. Селеверстова

студент 4 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: sofyaseleverstova@mail.ru

Н. С. Ливак

доцент, СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

E-mail: nlivak@mail.ru

Статья посвящена формированию самооценки у младших школьников через арт-терапию. Рассматриваются теоретические основы самооценки и ее значимость для развития личности. Для развития самооценки предложен комплекс арт-терапевтических занятий для младших школьников в театральной студии. Исследование выявило уязвимость младших школьников к внешним оценкам и эффективность арт-терапии в повышении самооценки и развитии уверенности.

Ключевые слова: самооценка, младший школьный возраст, арт-терапия.

The article is devoted to the formation of self-esteem in younger students through art therapy. The theoretical foundations of self-esteem and its significance for personality development are considered. To develop self-esteem, a complex of art-therapeutic classes for younger students in a theater studio is proposed. The study revealed the vulnerability of younger students to external assessments and the effectiveness of art therapy in increasing self-esteem and developing confidence.

Key words: self-esteem, primary school age, art therapy.

В современном мире, в условиях его турбулентности, самооценка личности выступает как основа мотивации личности, ведущей к уверенности в своих силах, а также способствует принятию решений, риску в рамках безопасности и устойчивому следованию личным и профессиональным целям.

Самооценка – знания человека о себе, своей активности, направленной на понимание собственных действий, индивидуальных черт и качеств. Первые серьезные попытки в психологии изучить природу самооценки и особенности ее формирования предпринял американский психолог и философ У. Джеймс, который посвятил многие свои работы разработке проблематики «Я». У. Джеймс считал, что самооценка человека может быть следующего рода:

– самодовольство, которое находит свое проявление в гордости, высокомерности, заносчивости и тщеславии (синонимы самодовольства – это гордость, высокомерие, суетность, самопочитание, заносчивость, тщеславие);

– недовольство, проявляющееся в скромности, смущении, стыде, неуверенности, отчаянии, униженности и осознании своего позора. Для недовольства собой также можно подобрать синонимы: скромность, униженность, смущение, неуверенность, отчаяние и т.д.

Эти два противоположных класса чувствований являются, по мнению У. Джеймса, непосредственными, первичными дарами нашей природы [4].

Целью данной статьи является теоретическое исследование самооценки и на основе него разработать цикл арт-терапевтических занятий для младших школьников в театральной студии.

Исследовательская гипотеза: мы предполагаем, что у младших школьников самооценку возможно повысить посредством участия в цикле арт-терапевтических занятий в театральной студии.

Для анализа и изучения самооценки у младших школьников были выбраны следующие исследовательские методы:

1. Проективная методика самооценки «Дерево» (авт. Д. Лампен, в адаптации Л.П. Пономаренко). Методика предназначена для определения самооценки, особенностей протекания адаптационного процесса, выявления возможных проблем ребёнка (Рис. 1).

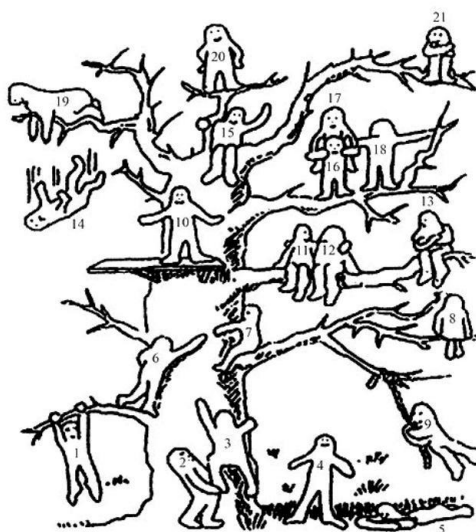

Рисунок 1 - Проективная методика самооценки «Дерево»

2. Методика «Какой Я?» (модификация методики О.С. Богдановой). Методика предназначена для выявления уровня осознанности нравственных категорий и адекватности оценки наличия у себя нравственных качеств.

Ведущая роль исследовании проблемы самосознания отводится самооценке. В работах отечественных психологов (Б.Г. Ананьева, Л.И. Божович, И.С. Кона, С.Л. Рубинштейна, И.И. Чесноковой) самооценка рассматривается как центральный, объединяющий феномен самопознания, несущий функции оценки и формирования эмоционально ценностного отношения личности к себе; самооценка нередко трактуется и в качестве индикатора индивидуального уровня развития самосознания [3].

В психологии самооценка рассматривается как совокупность представлений человека о себе, которое сформировалось на основе сравнения себя с окружающими. Эти представления играют очень большую роль в формировании образа собственного «Я».

Выделяется две разновидности самооценки: адекватная и неадекватная. Иногда говорят об оптимальной и неоптимальной самооценке, тем самым обращая внимания на то, что многим людям привычно оценивать себя чуть выше среднего, это скорее норма, нежели отклонение. Другое дело, насколько высоко мы оцениваем самих себя [1].

Адекватная самооценка, так или иначе, правильно отражает способности и качества личности, другими словами, это реальное представление человека о самом себе, которое соответствует действительности. Такие представления могут быть как положительными, так и отрицательными, поскольку люди не идеальны.

Самооценка влияет на поведение человека, а также на его отношение к самому себе и к другим. Так, при адекватной самооценке, индивид правильно взвешивает соотношение

своих потребностей и способностей. Может критически посмотреть на себя со стороны. Ставит перед собой разумные цели, которых в будущем сможет достичь.

Особенности самооценки, как отношение человека к своим личностным качествам, рассматриваются так. В индивидуальности личности выделяются базовые свойства – ее самооценка, темперамент, характер, способности человека. Именно базовые свойства, которые представляют сплав ее врожденных и приобретенных в процессе воспитания и социализации черт, формируют определенный стиль поведения и деятельности личности.

Самооценка оказывает существенное влияние на развитие личности (Табл. 1):

Таблица 1 – Влияние самооценки на развитие личности

№	Аспект влияния	Характер влияния
1.	Эмоциональная устойчивость и адаптация	самооценка влияет на уровень тревоги, стрессоустойчивость и способность справляться с неудачами; здоровая самооценка помогает сохранять эмоциональное равновесие при критике или смене условий жизни
2.	Межличностные навыки	люди с устойчивой самооценкой чаще устанавливают границы, выражают потребности и эффективно коммуницируют; она влияет на качество доверительных отношений, сотрудничество и способность просить помощь
3.	Саморазвитие и выборы	чувство ценности помогает целенаправленно развивать навыки, учиться на ошибках и двигаться к долгосрочным целям; при адекватной самооценке люди склонны к конструктивной самокритике: видят слабые стороны без самоуничтожения и работают над ними
4.	Влияние на психическое здоровье	низкая самооценка связана с риском депрессии, тревожности и сомнений в собственных возможностях. здоровая самооценка поддерживает чувство достоинства и автономии, снижая риск психологических проблем
5.	Социальная роль и идентичность	самооценка формирует ощущение принадлежности к сообществу и принятые нормы самооценки внутри культурного контекста; она влияет на готовность принимать критическую обратную связь и развивать личную и профессиональную идентичность

Рассмотрим взаимосвязь влияния учебной деятельности на самооценку младших школьников. Системообразующим ядром индивидуальности является самооценка младшего школьника, которая во многом определяет жизненные позиции человека, уровень его притязаний, всю систему оценок. Самооценка влияет на формирование стиля поведения и жизнедеятельность человека. Другими словами, самооценка во многом обуславливает динамику и направленность развития субъекта.

В классических периодизациях считается, что младший школьный возраст охватывает период жизни ребенка от 7 до 10-11 лет [2].

Младший школьный возраст – это время, когда закладываются основы для дальнейшего развития. Успешное прохождение этого этапа определяет будущий интеллектуальный и личностный рост, формирует учебную мотивацию и уверенность в себе.

По мнению М.А. Сосниной, важной характеристикой самооценки младшего школьника является ее зарождение около семи лет. В этот период ребенок начинает осознавать, что может совершать определенные действия, и приходит к пониманию своих реальных возможностей.

В исследованиях Т.К. Габелия было показано, что для развития у детей младшего школьного возраста адекватной самооценки и чувства компетентности необходимо создать в классе атмосферу психологического комфорта и поддержки, потому что учебная самооценка в младшем школьном возрасте основывается на мнении и оценке окружающих, усваивается в готовом виде без критического анализа [6].

В начальный период обучения самооценка младшего школьника во многом опирается на то, как его оценивают окружающие, и прежде всего – учитель. Однако к моменту окончания начальной школы эта зависимость постепенно уступает место другим факторам. Самооценка начинает развиваться в русле возрастных тенденций: ребенок становится более самостоятельным в своих суждениях и действиях, его система ценностей становится более стабильной, и он обретает способность к формированию собственного «Я».

В современном обществе уверенность в себе это важное качество личности, которое помогает ученикам учиться, адаптироваться к постоянно меняющимся жизненным ситуациям и достигать целей. В условиях экономической и социальной нестабильности вопрос эмоционального неблагополучия детей становится достаточно острым. Арт-терапия позволяет получить доступ к переживаниям детей и корректно помочь им. Арт-терапия отличается мягкостью и глубиной воздействия, что делает её эффективным методом борьбы с тревожностью. Вовремя арт-терапевтических занятий у детей формируется позитивная самоконцепция, улучшаются навыки общения, компенсируются и приводятся в действие внутренние резервы.

Арт-терапия была изобретена в 1938 году художником А. Хиллом, который впервые применил этот метод для работы с людьми, страдающими туберкулезом [1].

Арт-терапия – это специальный вид терапии, в котором используются различные художественные техники и материалы для достижения психологических целей.

Современная арт-терапия в России представляет собой стремительно развивающееся и имеющее, значительные перспективы направление практической психологической работы, включающее большое многообразие подходов, в основе которых лежит применение творческой деятельности, в том числе изобразительной [5]. К арт-терапевтическим техникам активно обращаются психологи, психиатры, социальные работники, художники, педагоги.

Изучение научной литературы показало, что использование комплексной терапии искусством целесообразно и позволяет преодолевать психологическую защиту ребенка, повышает его самооценку; развивает когнитивные, творческие и эстетические возможности детей, формирует нравственные и эстетические представления; способствует приобретению навыков конструктивного межличностного общения; а также вызывает интерес к искусству, к окружающему миру и людям, которые находятся рядом с ребенком.

В ходе исследования приняли участие 30 человек в возрасте 7-11 лет, 24 человека женского и 6 человек мужского пола. Результаты исследования показали, что существует значительный разрыв между самооценкой и желаемым образом у испытуемых, что свидетельствует о внутренней неудовлетворенности и возможных трудностях в адаптации. Особенно выделяется завышенная самооценка, маскирующая внутренние проблемы.

Результаты требуют дальнейшего психологического анализа и поддержки для повышения самооценки и улучшения эмоционального состояния детей. Для устранения выявленных проблем нами был разработан цикл арт-терапевтических занятий для младших школьников в театральной студии.

В рамках разработки цикла арт-терапевтических занятий для младших школьников в театральной студии были выявлены ключевые методические подходы, которые позволяют эффективно способствовать повышению самооценки и развитию эмоциональной сферы детей. Проведенные мероприятия направлены на раскрытие внутреннего потенциала каждого ребенка, укрепление его уверенности и формирование позитивного восприятия себя через творческое самовыражение и игровые формы взаимодействия.

Ожидаемый эффект: реализация цикла арт-терапевтических занятий в театральной студии приведет к повышению уровня самооценки у младших школьников, развитию их эмоциональной и социальной компетентности, а также укреплению внутреннего ресурса для самовыражения. В результате дети научатся более конструктивно выражать свои чувства, расширят свои возможности в сфере межличностных коммуникаций и повысит уверенность в себе.

Перспективы проекта включают его масштабирование на другие образовательные учреждения и творческие коллективы, а также интеграцию в программы психологической поддержки и развития детей, образовательные программы и стандарты. В дальнейшем возможно создание методических материалов и обучающих программ для педагогов и специалистов, работающих с детьми. Разработать варианты адаптации программы для разных возрастных групп или детей с особенностями развития, варианты привлечения родителей и педагогов к участию и поддержке проекта. Реализация проекта также способствует популяризации арт-терапевтических методов в сфере образования и психологии, что может стимулировать дальнейшие исследования и развитие данной области.

Формирование адекватной самооценки у младших школьников является сложной, но крайне важной задачей, для решения которой могут быть эффективно использованы как традиционные образовательные подходы, так и инновационные методы, такие как арт-терапия, особенно в рамках творческой деятельности. Самооценка – это комплексное явление, которое включает в себя как общую оценку себя (самоуважение, принятие себя), так и частные оценки отдельных сторон личности и деятельности. Учреждения дополнительного образования, в частности творческие объединения, предоставляют возможности для создания «ситуаций успеха», что положительно сказывается на развитии самооценки.

Арт-терапия, основанная на творческой деятельности, является мягким, но глубоким методом, способствующим гармонизации личности, развитию самовыражения, самосознания, уверенности в себе и коммуникативных навыков. Она помогает детям получить доступ к своим переживаниям и справиться с эмоциональными трудностями, формируя позитивную самоконцепцию. Актуальность применения арт-терапевтических техник в театральной студии обусловлена необходимостью работы с эмоциональным благополучием младших школьников, развитием их уверенности и коммуникативных навыков.

Самооценка – это фундаментальный аспект личности, который формируется с раннего детства под влиянием окружения и внутренних ценностей. Она состоит из эмоционального и когнитивного компонентов и является стержнем индивидуальности, определяющим жизненные установки, амбиции и поведение.

У младших школьников самооценка тесно связана с их знаниями о себе и своих возможностях, проявляясь в способности оценивать свою учебную деятельность. Этот

процесс активно развивается на протяжении всего младшего школьного возраста, направляя и корректируя действия ребенка.

Таким образом, арт-терапия выступает эффективным инструментом для позитивного влияния на самооценку младших школьников. Она помогает им глубже понять себя, научиться выражать эмоции, обрести уверенность в себе, снизить тревожность и улучшить коммуникацию. Через творческий процесс арт-терапия способствует формированию позитивного образа «Я» и раскрытию уникальности каждого ребенка.

Библиографические ссылки

1. Артпедагогика и арттерапия в специальном и инклюзивном образовании : учебник для вузов / под редакцией Е. А. Медведевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 269 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-20228-1. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/557827>.
2. Веракса, Н. Е. Детская психология : учебник для вузов / Н. Е. Веракса, А. Н. Веракса. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 358 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-19939-0. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/581087>.
3. Коваленко Виктория Александровна Генезис самооценки личности как психологической категории // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-samoootsenki-lichnosti-kak-psihologicheskoy-kategorii>.
4. Леонова, Е. В. Психологическое обеспечение непрерывного образования : монография / Е. В. Леонова. – 2-е изд. – Москва : Издательство Юрайт, 2022. – 275 с. – (Актуальные монографии). – ISBN 978-5-534-10983-2. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/495022>.
5. Осипова, Е. А. Проблемы и перспективы применения арт-терапии в социальной работе [Текст] / Е. А. Осипова, К. В. Полежаева // «Системная интеграция в здравоохранении». – 23023. – № 6. – С. 70-77.
6. Сергеева, Б. В. Педагогические условия формирования самооценки в младшем школьном возрасте / Б. В. Сергеева, Т. К. Габелия. – Текст : непосредственный // Актуальные задачи педагогики : материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2016 г.). – Чита : Издательство Молодой ученый, 2016. – С. 9-12. – URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/189/10215>.

© Селеверстова С.И., Ливак Н.С., 2025

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ РАБОТОСПОСОБНОСТИ У СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

М. С. Семенова

студент 4 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: maria.5emenow4@yandex.ru

С. А. Столярова

доцент кафедры психологии, педагогики и социальной работы, канд. пед. наук,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева

г. Красноярск, Россия,

E-mail: saprygina.svetlana@yandex.ru

В статье исследуется феномен профессиональной деформации и его воздействие на работоспособность специалистов по социальной работе. Выделены характерные особенности профессиональной деформации как фактора, влияющего на снижение работоспособности. Рассмотрены некоторые инструменты работы по выявлению и профилактике профессиональной деформации, которые сложились в теории и практики психологии.

Ключевые слова: профессиональная деформация, работоспособность, социальная работа, специалист по социальной работе, методы коррекции и профилактики, улучшение работоспособности.

The article investigates the phenomenon of professional deformation and its impact on the working capacity of social work specialists. The characteristic features of professional deformation as a factor influencing the decrease in efficiency are highlighted. Some tools of work to identify and prevent professional deformation, which were developed in the theory and practice of psychology are considered

Key words: professional deformation, working capacity, social work, specialist in social work, methods of correction and prevention, improvement of working capacity.

Социальная работа как вид профессиональной деятельности предполагает оказание социальной помощи и поддержки людям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Специалисты этой сферы ежедневно сталкиваются с чужими проблемами, страданиями и несправедливостью. Подобная работа относится к числу наиболее эмоционально затратных и подверженных стрессу, что приводит к повышенному риску развития профессиональной деформации. Такое явление может проявляться в виде эмоционального истощения, снижения уровня заинтересованности в работе, что, в свою очередь, негативно сказывается на качестве эффективности оказываемой помощи при взаимодействии с получателями социальных услуг. Вместе с тем, в настоящее время наблюдается рост числа социальных проблем в обществе и, как следствие, увеличение объема рабочей нагрузки на специалистов по социальной работе, что может в большей степени усугубить ситуацию. Поэтому с целью минимизации риска наступления профессиональной деформации, важно понимать природу механизмов и то, как именно она влияет на способность специалистов качественно выполнять свои профессиональные обязанности.

Опираясь на определение, данное Ю. М. Кузьминой, профессиональная деформация представляет собой изменение личности специалиста под влиянием профессиональной

деятельности, проявляющееся в формировании специфических стереотипов мышления, поведения и восприятия. У специалистов по социальной работе она первоначально выражается в постепенном эмоциональном отстранении при взаимодействии с людьми, которые нуждаются в его услугах. Со временем специалист привыкает к повторяющимся особенностям ситуаций с получателями социальных услуг и их кризисам, и перестает по – настоящему вникать в их эмоции и чувства, в самую суть проблемы, с которой к нему обратились.

На шаблонное предоставление социальных услуг также будет оказывать влияние и когнитивные искажения, возникающие в процессе профессиональной деформации. Они меняют в отрицательную сторону восприятие специалиста, ухудшая качество предоставления социальных услуг. Проявляются они, прежде всего, в форме проецирования стереотипов из прошлых кейсов на новых клиентов, мысленно представляя их в качестве «типичных нарушителей» или «вечных жертв». Например, проводя работу с семьями мигрантов, специалист может упустить нюансы культурных особенностей этих людей, тем самым его дальнейшие действия по решению их проблемы могут быть неэффективными [1, с.118].

Так, профессиональная деформация специалистов по социальной работе представляет собой серьезную угрозу, как для качества предоставляемых услуг, так и для благополучия их получателей. Как отмечают Т. В. Бюндюгова, М. В. Воронцова, Л. М. Деточенко, Л. А. Кайгородова эмоциональная дистанцированность как один из признаков, демонстративная форма отстраненности и равнодушное исполнение своих непосредственных профессиональных обязанностей не только снижает уровень эффективности предоставления социальной услуги, но и усугубляет кризисную ситуацию, в которой находятся нуждающиеся семьи и граждане. Такой специалист не способен адекватно оценивать потребности клиента и использовать весь арсенал доступных ему профессиональных инструментов, что и приводит, к неграмотно составленным действиям по решению вопроса проблемы получателя социальной услуги [2, с. 259].

Опираясь на вышесказанное, М. В. Вдовина акцентирует внимание на том, что подобные действия для получателя социальных услуг грозят либо отсутствием решения его проблемы, либо в худшем случае – ее дальнейшим усугублением. В свою очередь это влечет за собой наличие жалоб на специалиста за нанесение физического или морального ущерба, нарушение норм этики, непрофессиональное общение, нарушение конфиденциальности и согласованности действий, несоблюдение принципа толерантности и т.д. Большое количество жалоб снижает рейтинг и самого социального учреждения, где он работает, так как подрывается не только доверие людей к образу специалиста по социальной работе как профессионала, но и к самой системе оказания социальной помощи и поддержки [3, с. 127].

Формирование профессиональной деформации в данном случае будет напрямую связано с фактором недостаточно развитых личностных качеств специалиста по социальной работе, которые делают его более предрасположенным к ней. Самыми распространенными качествами личности, которые способствуют развитию профессиональной деформации, по мнению О. П. Бусовиковой и Т. Н. Мартыновой, являются: врожденная недостаточная эмпатия, низкая стрессоустойчивость, отсутствие навыков саморефлексии, слабая мотивация к выполнению профессиональной деятельности. Каждый из них усиливает риск деформации, при этом комплексно взаимодействуя с иными внешними факторами [4, с. 112].

Изучая вопрос иных причин, влияющих на риск развития профессиональной деформации, исследователи Н. В. Быковская, Н. Ш. Валеева, Р. В. Куприянов выделяют длительный профессиональный стаж, который влечет за собой ряд изменений в личностных характеристиках: появление беспричинной тревоги, ухудшение общего

психозэмоционального состояния и снижение ясности мышления, слабая концентрация внимания [5, с. 69].

Другой ряд ученых, в числе которых Т. А. Заглодина, отдают первостепенное значение недостаточному вознаграждению за выполнение трудовых обязанностей и чрезмерной рабочей нагрузке. Автор выделяет их, как ключевые причины профессиональной деформации, поскольку они затрагивают базовые потребности человека в справедливости и поддержании жизненного баланса. Недостаточное вознаграждение порождает разочарование, ощущение внутренней несправедливости, подрывающее мотивацию и уверенность в себе.

В попытке компенсировать это, специалист либо чрезмерно вовлекается в работу, беря на себя больше обязанностей, может переносить рабочие привычки в личную жизнь либо, наоборот, проявляет безразличие при выполнении рутинных задач. Психическая перегрузка будет вызывать хронический стресс и переводить организм в режим выживания с максимальным уровнем гормонов стресса. Так, усиливается деформация, которая, в свою очередь снижает устойчивость к психической перегрузке [6, с. 267].

Немаловажно также отметить и карьерный кризис, когда специалист теряет веру в собственные силы и перспективы профессионального развития. С. А. Гришаева и Е. В. Макарова утверждают, что возникающие рабочие трудности также оказывают большое влияние на самовосприятие специалиста, взаимодействии с окружающими и отношении к работе. Чаще всего такое случается с теми профессионалами, кто быстро продвигается по карьерной лестнице до определенного момента. В этот период формируется убеждение в закономерности данного роста, как признания их профессиональных заслуг.

Когда продвижение по службе прекращается, возникают негативные эмоции: раздражение, недовольство, разочарование в работе и руководстве. Подобные изменения могут затронуть и специалиста, ранее обладавшего значительным авторитетом и демонстрировавшего высокие результаты. Утрата этого авторитета из-за проблем в профессиональной сфере или изменения отношения со стороны начальства и коллег часто приводит к подобной негативной трансформации личности [7, с. 164].

Как отмечают многие ученые, занимающиеся исследованиями в области социальной работы, на сегодняшний день проблема предупреждения и профилактики профессиональной деформации специалистов все еще продолжает активно изучаться, ведется поиск новых способов приобретения навыков психологической защиты, направленных на снижения риска профессиональной деформации.

На данный момент акцент в исследованиях смещается на интеграцию своевременной диагностики профессиональной деформации, как ключевого элемента профилактики, что позволяет выявлять преддеформационные состояния на ранних этапах и минимизировать их прогрессию. Своевременная диагностика подразумевает систематический мониторинг личностных и профессиональных изменений с использованием валидных инструментов. Исследуя этот аспект, Б. А. Карев, В. О. Прокопцев, Н. В. Прокопцева выделили в своей работе наиболее эффективные классические методики: инструменты оценки эмоционального истощения по В.В. Бойко и К. Маслач, опросник «Шкала профессионального стресса» Е. И. Рогова.

Как отмечают исследователи, способ диагностики эмоционального истощения, разработанный В. В. Бойко, не только выявляет у сотрудника наличие синдрома эмоционального выгорания, но и позволяет установить, на какой из фаз развития находится этот синдром у конкретного человека. Каждая из этих фаз включает в себя несколько симптомов, которые её характеризуют и детализируют. Более того, данный опросник позволяет определить уровень психологической устойчивости личности к различным типам стрессовых ситуаций и рассмотреть динамику развития выгорания, а не

просто констатировать факт его наличия. Анализ стадий позволяет понять глубину проблемы и подобрать наиболее эффективные стратегии помощи [8, с. 241].

Опросник выгорания К. Маслач, представляет собой тестовый инструмент, предназначенный для оценки уровня профессионального выгорания. Его целью является изучение явления профессионального выгорания, понимаемого как разрушительный процесс, характеризующийся снижением эффективности специалиста из-за ухудшения его коммуникативных навыков и развития личностной дезадаптации. Это может приводить как к временным, так и к устойчивым изменениям в личности. Автор методики утверждает, что профессиональному выгоранию особенно подвержена та работа, которая непосредственно связана с интенсивным общением с людьми, например, деятельность преподавателей, врачей или следователей [8, с. 242].

Инструмент «Шкала профессионального стресса», разработанный Е. И. Роговым, в первую очередь ориентирован на выявление стрессовых состояний и невротических расстройств, возникающих в процессе трудовой деятельности. Помимо этого, методика способна предоставить информацию, позволяющую предвидеть вероятность развития стресса в педагогической сфере. Результаты, полученные с помощью шкалы, позволяют оценить интенсивность стресса, испытываемого профессионалом на рабочем месте, исходя из общего количества набранных баллов [8, с. 242].

Обращаясь к методам предотвращения профессиональной деформации, отметим необходимость ориентировать новые разработки профилактических программ на развитие психологической устойчивости к факторам риска, на индивидуальном и групповом уровнях. Так, Н. А. Разнадежина и А. И. Шишкина разработали набор методик, направленных на развитие коммуникационных навыков и рефлексивных способностей, регулярные социально-психологические тренинги, которые помогают участникам анализировать свое поведение и поведение других, а также осмысливать социальные ситуации и свое место в них. Вместе с тем данный подход способствует формированию адекватного восприятия себя и окружающих. Через социально-психологический тренинг можно улучшить взаимодействие и общение специалиста по социальной работе с коллегами, получателями социальных услуг и др.

В основе данного тренинга положен подход, разработанный американским психологом Карлом Роджерсом. Тренинговые технологии помогают укрепить взаимопонимание, повысить эмпатию и развить навыки сотрудничества в группах, что в свою очередь создает более здоровую социальную атмосферу и способствует личностному росту участников [9, с. 3]. В качестве упражнений, входящих в структуру социально-психологического тренинга, могут быть: освоение способов саморегуляции эмоционального состояния путем поиска ответов на вопросы борьбы с негативными эмоциями и их сбрасывания; техники напряжения и расслабления, направленные на нахождение и снятие мышечных зажимов и излишнего напряжения [9, с. 16-17].

Кроме того, авторами активно рекомендуется применять методы телесно-ориентированной терапии (ТОТ), которая представляет собой важный инструмент в профилактике профессиональной деформации специалистов в области социальной работы. Он основывается на взаимосвязи между телесными ощущениями, эмоциональным состоянием и психическим здоровьем, позволяя развивать устойчивость к эмоциональным нагрузкам, осознание собственного тела и его реакций на окружающий мир. Как пример, используемые в рамках метода ТОТ, Н. А. Разнадежина и А. И. Шишкина предлагают целый групповой тренинг, позволяющий быстро снимать мышечные зажимы и осознать степень его напряжения, гармонизировать психофизические функции. Тренинг состоит из следующих упражнений:

1. «Броуновское движение»: участники становятся в круг и начинают двигаться навстречу друг другу, постепенно ускоряясь, стараясь избежать столкновений. Достигнув

края круга, они разворачиваются и повторяют движение в обратном направлении. Упражнение имеет несколько уровней сложности, когда сначала участники перемещаются лицом друг к другу с открытыми глазами, постепенно увеличивая скорость до бега, при этом активно используют руки, помогая себе маневрировать. Затем они двигаются спиной друг к другу, периодически поворачивая голову для ориентации. На следующем этапе движение происходит во вращении, а на последнем – все предыдущие этапы выполняются с закрытыми глазами.

2. «Моечная машина»: участники образуют две шеренги лицом друг к другу. Первый человек становится «машиной», последний – «сушилкой». «Машина» проходит между шеренгами, где имитируется ее мытье, поглаживают, аккуратно протирают. «Сушилка» затем высушивает «машину» объятием. Далее прошедший «мойку» – становится «сушилкой», а следующий человек начинает движение в качестве «машины».

3. «Растем»: участники стоят в кругу, сидя на корточках, голова прижата к коленям, руки обхватывают колени. При этом, они представляют, что являются маленькими ростками, только что пробившимися из земли. Необходимо постараться равномерно распределить и увеличивать стадии своего роста. После этого группа переходит к финальному упражнению.

4. «Потянулись – сломались»: исходное положение, принимаемое участниками – стоя, руки и все тело тянутся вверх, пятки от пола не отрывать. Потом руки сгибаются в локтях, в плечах, опускаются плечи, повисает голова, сгибаются колени, и участники как бы, падают на пол и лежат, постепенно расслабляясь [9, с. 21].

В качестве еще одной формы групповой работы по профилактике профессиональной деформации, Е. Ю. Райковой предложено использовать практику, основанную на методе психоаналитика и психиатра Микаэля Балинта, которая ориентирована на общее исследование и разбор связей между профессионалом (в данном случае, специалистом по социальной работе) и человеком, обращающимся за помощью (получателем социальных услуг). Основное внимание в ходе практики уделяется разнообразным аспектам терапевтического взаимодействия, откликам, сложностям, неудачам, которые сами консультанты предлагают для анализа. Коллектив специалистов собирается несколько раз в месяц. Продолжительность одной сессии 90 - 120 минут. Участникам предоставляется возможность выявить шаблоны поведения, мешающие в решении задач, и наладить более продуктивные отношения с клиентами. В процессе семинара могут применяться имитационные упражнения, элементы психодрамы, техники сочувствующего выслушивания, несловесного общения и другие способы [10, с. 95].

В заключение, следует сказать, что на сегодняшний день не теряется актуальность изучения профессиональной деформации специалиста по социальной работе, как фактора, отрицательно влияющей на уровень его работоспособности. Специалист в таком состоянии быстро теряет мотивацию к трудовой деятельности и становится более эмоционально отстраненным от своей профессии. Снижение эффективности его рабочих результатов будет отражаться на постоянно увеличивающихся конфликтах, как с получателями социальных услуг, так и с руководством учреждения. В первом случае это связано с некачественным оказанием помощи и отсутствием положительного результата по решению их социальных проблем. Во втором из-за снижения общего рейтинга социального учреждения, к которому снизится уровень доверия граждан, получивших помощь специалиста с профессиональной деформацией.

Чтобы не допускать подобных негативных последствий, необходимо проводить раннюю диагностику профессиональной деформации, позволяющей выявить симптомы на ранних стадиях, отмечать негативные изменения в поведении специалиста на начальных этапах. И, как можно чаще уделять внимание организации разнообразных профилактических мероприятий, например, организации социально-психологических

тренингов или тренингов с применением методов телесно-ориентированной терапии. Тренинги, основанные на техниках ТОТ, проводимые в групповом формате эффективны за счет создания атмосферы положительного психологического климата в коллективе, что крайне важно для снижения риска возникновения факторов профессиональной деформации. Кроме того, полученные умения в ходе выполнения различных упражнений, как практики релаксации, помогают специалистам лучше справляться с эмоциональными перегрузками и напряжением.

Совместное выполнение различных психологических упражнений и разбор кейсов, в свою очередь, будут способствовать выявлению профессиональной деформации у специалиста на ранней стадии и предоставят инструменты работы с данным состоянием. Таким образом именно своевременное выявление первых зачатков профессиональной деформации и их успешное предотвращение практическим путем, будет напрямую влиять на успешное сохранение качества предоставляемой социальной помощи и поддержки граждан в долгосрочной перспективе.

Библиографические ссылки

1. Кузьмина, Ю. М. Профессиональная деформация специалистов социальной работы и методы ее предупреждения / Ю. М. Кузьмина // Вестник Казанского технологического университета, 2010. – №3. – С. 116 – 124. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-deformatsiya-spetsialistov-sotsialnoy-raboty-i-metody-ee-preduprezhdeniya>.
2. Воронцова, М. В. Профилактика и преодоление профессиональной деформации специалистов социальной работы: учебно-методическое пособие / М. В. Воронцова, Т. В. Бюндюгова, Л. М. Деточенко, Л. А. Кайгородова [и др.] // Под ред. Воронцовой М.В. – Таганрог: Изд-ль А.Н. Ступин, 2013. – 272 с. – Текст: непосредственный.
3. Вдовина, М. В. Регулирование конфликта между социальным работником и получателем социальных услуг / М. В. Вдовина // Восточно-европейский научный журнал, 2015. – №3. – С. 124 – 131. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-konflikta-mezhdu-sotsialnym-rabotnikom-i-poluchatelem-sotsialnyh-uslug>.
4. Бусовикова, О. П. Исследование формирования синдрома эмоционального выгорания в профессиональной деятельности социальных работников / О. П. Бусовикова, Т.Н. Мартынова // «Сибирская психология сегодня: Сборник научных трудов». – Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. – 410 с. – Текст: непосредственный.
5. Куприянов, Р. В. Профессиональная деформация личности социального работника // Р. В. Куприянов, Н. Ш. Валеева, Н. В. Быковская // Акмеология, 2014. – №3 (51). – С. 66 – 74. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-deformatsiya-lichnosti-sotsialnogo-rabotnika>.
6. Заглодина, Т. А. Диагностика профессиональной деформации профессиональной группы «Специалист по социальной работе»: организационный аспект / Т. А. Заглодина // Вопросы управления, 2019. – №2 (38). – С. 263 – 268 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-professionalnoy-deformatsii-professionalnoy-gruppy-spetsialist-po-sotsialnoy-rabote-organizatsionnyy-aspekt>.
7. Гришаева, С. А. Детерминанты профессионального карьерного кризиса в период зрелости и возможности его преодоления / С. А. Гришаева, Е. В. Макарова // Вестник ГУУ, 2018. – №1. – С. 162 – 167. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-professionalnogo-kariernogo-krizisa-v-period-zrelosti-i-vozmozhnosti-ego-preodoleniya>.
8. Карев, Б. А. Диагностический инструментарий, применяемый для выявления профессиональной деформации в образовательных организациях / Б. А. Карев., В. О. Прокопцев, Н. В. Прокопцева // Право и практика, 2017. – №3. – С. 239 – 244. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/diagnosticheskiy-instrumentariy-primenyaemyy-dlya-vyyavleniya-professionalnoy-deformatsii-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah>.

9. Разнадежина, Н. А. Сборник упражнений для проведения тренинга по профилактике и преодолению синдрома профессионального выгорания : практикум / сост. : Н. А. Разнадежина, А. И. Шишкина // Сургут : Изд-во бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Методический центр развития социального обслуживания», 2016. – 40 с. – Текст: непосредственный.

10. Райкова, Е. Ю. Терапия и профилактика профессионального выгорания у представителей помогающих профессий / Е. Ю. Райкова // Молодой ученый, 2011. – № 5 (28). – Т. 2. – С. 92 – 97. – URL: <https://moluch.ru/archive/28/3228>.

© Семенова М. С., Столярова С. А., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УСПЕХА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.С. Терещенко,

Студент 3 курса

ПФ ФГБОУВО «РГУП им В.М. Лебедева»

г. Нижний Новгород, Россия

E-mail: tereshhenko.20077@list.ru

Научный руководитель:

Е. К. Ватлецова,

Старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

ПФ ФГБОУВО «РГУП им В.М. Лебедева»

г. Нижний Новгород, Россия

E-mail: vatlettsova@inbox.ru

В статье анализируются психологические факторы, определяющие успешность профессиональной деятельности. Рассматриваются личностные качества, мотивация, когнитивные способности и социально-психологические условия, влияющие на эффективность труда. Подчеркивается взаимосвязь индивидуально-психологических особенностей с профессиональной самореализацией и достижением успеха.

Ключевые слова: успех, профессиональная деятельность, мотивация, личность, самореализация.

The article analyzes the psychological factors determining success in professional activity. It examines personal qualities, motivation, cognitive abilities, and socio-psychological conditions that influence work efficiency. The interrelation of individual psychological traits with professional self-realization and achievement of success is emphasized.

Key words: success, professional activity, motivation, personality, self-realization.

Современное общество предъявляет к специалистам всё более высокие требования, и речь идёт не только о профессиональных знаниях или технических умениях, но и о личностных качествах, мотивационных установках и способности адаптироваться к динамично меняющимся условиям труда. Вопрос о том, почему одни специалисты достигают значительных результатов, а другие, обладая сходным уровнем подготовки, сталкиваются с трудностями и не реализуют свой потенциал, остаётся в центре внимания психологии труда. Ответ на него лежит в сфере психологических предпосылок, которые образуют фундамент профессионального успеха и определяют возможности самореализации личности [1,3].

Успех в профессиональной деятельности невозможно рассматривать как случайный результат или исключительно как итог внешних обстоятельств. Он формируется на пересечении внутреннего мира личности и объективных условий труда. Психологические факторы – мотивация, когнитивные способности, личностные качества, эмоциональная устойчивость и социальные навыки – не существуют изолированно. Они образуют сложную систему, где взаимодействие одних элементов усиливает или ослабляет проявление других. Именно поэтому высокий интеллект без настойчивости и внутренней мотивации редко приводит к значительным достижениям, а развитые личностные качества способны компенсировать ограниченные когнитивные ресурсы.

Центральным условием успеха выступает мотивация. Она определяет, насколько человек готов прикладывать усилия, преодолевать трудности и сохранять настойчивость на пути к целям. В профессиональной мотивации различают внешние и внутренние побуждения. Внешние связаны с вознаграждением, статусом и карьерным ростом, внутренние – с интересом к самой деятельности и стремлением к самореализации. Психологические исследования подтверждают, что именно внутренняя мотивация является более устойчивой и надёжной основой успеха. Она обеспечивает высокий уровень вовлечённости и помогает специалисту сохранять активность даже в сложных обстоятельствах, когда внешние стимулы оказываются недостаточными.

Наряду с мотивацией большое значение имеют когнитивные способности. Уровень интеллекта, гибкость мышления, умение анализировать информацию и принимать решения формируют основу профессиональной компетентности. В современном мире всё чаще ценится не только логико-аналитическое, но и креативное мышление, способность к поиску нестандартных решений и готовность адаптироваться к новым условиям. Продуктивность специалиста определяется не только тем, насколько он умеет усваивать готовые знания, но и тем, способен ли он создавать новое, находить оригинальные подходы и учитывать эмоциональные сигналы в процессе принятия решений. Таким образом, когнитивные способности тесно связаны с другими психологическими факторами и в полной мере реализуются лишь в комплексе с ними [2].

Личностные качества образуют прочный фундамент профессионального успеха. Настойчивость, самодисциплина, организованность, ответственность и открытость новому опыту – всё это черты, которые позволяют человеку реализовывать свой потенциал в профессиональной сфере. В ряде случаев именно они оказываются более значимыми, чем высокий уровень интеллекта. Примером может служить ситуация, когда специалист со средними когнитивными возможностями, но обладающий высокой работоспособностью и стремлением к развитию, добивается больших успехов, чем его интеллектуально более сильные, но менее устойчивые коллеги. Личностные качества обеспечивают способность доводить начатое до конца, сохранять ориентацию на результат и выстраивать долгосрочные профессиональные стратегии [3].

Не менее важным условием является эмоциональная устойчивость. В условиях постоянных изменений и высокой динамики современного труда специалисты ежедневно сталкиваются со стрессовыми факторами: многозадачностью, дефицитом времени, неопределённостью. Умение управлять собственными эмоциями, регулировать уровень тревожности и сохранять работоспособность становится необходимым условием надёжности и продуктивности.

Особенно значимо это для профессий, связанных с повышенной эмоциональной нагрузкой и ответственностью за других людей, таких как медицина, педагогика или социальная работа. Эмоциональная устойчивость позволяет специалисту противостоять выгоранию, сохранять интерес к делу и обеспечивать качество выполняемых обязанностей на протяжении долгого времени.

Социально-психологические факторы также играют ключевую роль в обеспечении профессионального успеха. Деятельность человека всегда разворачивается в коллективе и широкой социальной среде, поэтому коммуникативная компетентность, умение выстраивать конструктивные отношения, способность к сотрудничеству и лидерству становятся не менее важными, чем профессиональные знания. Современные формы организации труда всё чаще предполагают командную работу, и именно те специалисты, которые умеют учитывать позиции других, проявлять эмпатию и находить баланс между личными и коллективными интересами, быстрее достигают признания и продвижения. Лидерские качества усиливают этот эффект, позволяя личности не только выполнять свои задачи, но и направлять усилия других [2,4].

Взаимодействие всех перечисленных факторов формирует уникальное сочетание психологических ресурсов у каждого человека. Однако успех в профессиональной деятельности зависит не только от наличия тех или иных качеств, но и от того, как они проявляются в конкретной ситуации и сочетаются друг с другом. Например, развитая мотивация способна компенсировать недостаток когнитивных способностей, а высокая эмоциональная устойчивость помогает сохранять продуктивность при временном снижении интереса к деятельности. Важно понимать, что профессиональный успех нельзя свести к одному универсальному показателю: он всегда является результатом сложного взаимодействия множества факторов.

Продолжая анализ, необходимо рассмотреть взаимосвязь индивидуальных особенностей личности и процесса профессиональной самореализации. Каждый специалист воспринимает успех по-своему: для одних это карьерное продвижение и материальное благополучие, для других – возможность заниматься делом, которое приносит смысл и удовлетворение. Независимо от того, какой вариант является приоритетным, субъективное ощущение самореализации формируется именно на основе психологических предпосылок. Они обеспечивают соответствие между внутренними ожиданиями личности и внешними условиями труда.

Профессиональная идентичность играет здесь особую роль. Осознание себя в профессиональной роли, понимание собственной траектории развития и соответствие индивидуальных целей требованиям организации создают прочный фундамент устойчивой самореализации. Личность, обладающая развитой рефлексивностью, способна анализировать свои действия, корректировать поведение и находить баланс между личными интересами и задачами коллектива. Именно это обеспечивает долговременное удержание интереса к деятельности и снижает риск фрустрации.

Социальный контекст также имеет решающее значение. Успех специалиста невозможен в полной изоляции, его достижения всегда зависят от взаимодействия с другими людьми. Способность к сотрудничеству, эмпатия и коммуникативная гибкость позволяют включаться в коллективные формы работы и находить поддержку в профессиональном сообществе. Особенно важным становится умение интегрироваться в новые условия, когда организационная структура или сама сфера деятельности меняется. Здесь проявляются такие качества, как толерантность к неопределённости, готовность к изменениям и открытость новому опыту. Именно они позволяют личности воспринимать изменения не как угрозу, а как возможность для развития [2].

Психологические предпосылки успеха тесно связаны и с субъективным благополучием личности. Удовлетворённость трудом, ощущение ценности своей деятельности и признания со стороны коллег формируют основу психологического здоровья специалиста. Важно подчеркнуть, что самореализация не сводится к внешним достижениям: она предполагает гармоничное сочетание профессиональных результатов с личностным ростом и социальными связями.

На основании этого мы можем сделать вывод о том, что успех в профессии становится частью общего жизненного удовлетворения и внутренней гармонии.

Особого внимания заслуживает влияние культурного и социального контекста на проявление индивидуальных особенностей. В разных сферах деятельности востребованы разные качества: где-то ценится креативность, где-то – исполнительность и надёжность. Однако универсальными остаются требования к зрелости личности, её ответственности, саморегуляции и устойчивости. Эти качества позволяют успешно действовать в любых условиях и формируют основу для дальнейшего развития.

Важным итогом является понимание того, что психологические предпосылки профессионального успеха не являются неизменными. Они развиваются на протяжении жизни под воздействием опыта, обучения и целенаправленного самосовершенствования.

Современные образовательные программы и практики профессионального развития всё чаще включают тренинги по формированию когнитивных, коммуникативных и эмоциональных компетенций, что подтверждает значимость этой проблемы. Психологическое сопровождение, развитие навыков саморегуляции, поддержка рефлексивности и лидерских качеств открывают возможности для целенаправленной работы над формированием успеха уже на этапе подготовки специалистов [4].

Таким образом, психологические предпосылки успеха представляют собой сложный комплекс факторов, определяющих профессиональную судьбу личности. Их роль проявляется в способности человека находить баланс между внутренними стремлениями и внешними требованиями, строить продуктивные отношения, сохранять устойчивость в условиях изменений и при этом двигаться к личностному и профессиональному развитию. Понимание этих закономерностей имеет фундаментальное значение не только для индивидуальной карьеры, но и для развития организаций и общества в целом, поскольку именно гармонично реализованные личности становятся основой прогресса и социальной стабильности. Однако при всём многообразии психологических предпосылок нельзя недооценивать роль индивидуальных стратегий поведения и способов совладания со стрессом. Даже при высоком уровне мотивации и развитых когнитивных ресурсах специалист может столкнуться с серьёзными трудностями, если не владеет навыками конструктивного разрешения конфликтов или не умеет регулировать эмоциональное напряжение.

В психологии труда всё чаще подчёркивается, что успешность определяется не только наличием определённых качеств, но и способностью личности применять их гибко, сообразно ситуации. В этом контексте особую ценность приобретают такие характеристики, как адаптивность, толерантность к неопределённости и готовность к непрерывному обучению [1].

Современные изменения в мире труда делают акцент на компетенциях будущего, где приоритетными становятся умение работать с информацией, способность к креативному мышлению, а также навыки эмоционального и социального взаимодействия. Эти качества позволяют специалисту оставаться востребованным даже в условиях технологических трансформаций, когда привычные профессии исчезают или радикально меняют свой облик. В этом смысле психологические предпосылки успеха можно рассматривать как основу устойчивого развития личности в условиях неопределённости и нестабильности.

Интересным аспектом является влияние цифровой среды на проявление психологических факторов профессионального успеха. С одной стороны, доступ к информации, возможность дистанционной работы и новые формы коммуникации расширяют пространство самореализации. С другой стороны, они создают новые риски, связанные с информационной перегрузкой, снижением концентрации внимания и ростом уровня тревожности. В этих условиях способность к саморегуляции, умение рационально распределять ресурсы и поддерживать психологический баланс становятся ещё более значимыми. Специалисту необходимо не только владеть современными технологиями, но и сохранять внутреннюю устойчивость, чтобы продуктивно действовать в цифровой среде.

Не менее важным фактором профессионального успеха остаётся способность личности к построению долгосрочных целей и стратегическому планированию. Психологические исследования показывают, что именно умение формировать реалистичные, но амбициозные цели и выстраивать шаги по их достижению отличает успешных специалистов от менее результативных. Это качество тесно связано с внутренней мотивацией, настойчивостью и ответственностью. При этом важна не только постановка целей, но и гибкость в их корректировке: профессиональная среда меняется, и способность личности адаптировать свои планы, сохраняя при этом основную направленность, становится одним из признаков зрелости и успешности [3,4]

Значительное влияние на профессиональную самореализацию оказывает и социальная поддержка. Даже самые сильные личностные качества могут быть недостаточны без благоприятной среды, где специалист получает признание, поддержку коллег и возможность для развития. Именно поэтому современные организации стремятся формировать корпоративную культуру, ориентированную на сотрудничество, взаимное уважение и развитие человеческого потенциала. При этом наличие психологически комфортного климата в коллективе напрямую связано с эффективностью деятельности: сотрудники, ощущающие поддержку и доверие, проявляют больше инициативы и ответственности.

Следует подчеркнуть, что успех в профессиональной деятельности тесно связан с процессами саморазвития и рефлексии. Личность, способная анализировать собственный опыт, извлекать уроки из ошибок и критически оценивать свои достижения, имеет больше шансов на устойчивое продвижение в профессии. Рефлексивность позволяет корректировать поведение, избегать повторения неудачных стратегий и находить новые подходы. Она становится своего рода механизмом внутреннего обучения, обеспечивающим постоянное обновление и развитие личности.

Психологические предпосылки успеха также проявляются в различиях между поколениями специалистов.

Молодые сотрудники чаще обладают высоким уровнем креативности и гибкости, но при этом могут испытывать трудности с эмоциональной устойчивостью и долгосрочным планированием. Представители старших поколений, напротив, отличаются большей надёжностью, организованностью и ответственностью, но иногда уступают в скорости адаптации к новым технологиям. Эти различия показывают, что успех формируется на основе уникального сочетания факторов, и задача организаций заключается в том, чтобы использовать сильные стороны разных сотрудников, создавая условия для взаимодополнения [1].

Современная психология труда также уделяет внимание вопросам гендерных различий в предпосылках профессионального успеха. Хотя общие факторы – мотивация, когнитивные способности, личностные качества – универсальны, исследования показывают, что женщины чаще демонстрируют высокий уровень эмпатии и коммуникативной компетентности, а мужчины – большую ориентацию на автономию и достижение. Эти особенности могут по-разному проявляться в разных профессиональных сферах, формируя уникальные стратегии успеха. Однако ключевым остаётся то, что в обоих случаях психологические предпосылки создают фундамент для реализации профессионального потенциала.

Важным направлением практики является развитие эмоционального интеллекта, который связывает когнитивные, личностные и социальные факторы. Умение понимать собственные эмоции и эмоции других людей, регулировать эмоциональные состояния и использовать их в процессе принятия решений обеспечивает более высокий уровень продуктивности и устойчивости. Эмоциональный интеллект становится своего рода интегратором психологических предпосылок, позволяя личности более гармонично сочетать разные компоненты профессиональной успешности [2].

Таким образом, продолжая анализ, можно утверждать, что психологические предпосылки успеха в профессиональной деятельности представляют собой многомерную систему, где каждый элемент играет свою роль, но только их взаимодействие создаёт условия для подлинной самореализации. В современном мире, где труд всё больше зависит от человеческого потенциала, значение этих факторов будет только возрастать. Понимание их сущности и закономерностей функционирования открывает перед наукой и практикой широкие возможности для формирования новых образовательных и

профессиональных программ, направленных на развитие личности и обеспечение её устойчивого профессионального роста.

Дополнительное внимание в современных исследованиях уделяется взаимосвязи профессионального успеха и ценностных ориентаций личности. Система ценностей определяет не только выбор профессии, но и способы её освоения, отношение к результатам деятельности и восприятие самого процесса труда. Если личные ценности специалиста совпадают с корпоративными или социальными, его мотивация усиливается, что способствует устойчивой вовлечённости и повышению эффективности. В противном случае возникает внутренний конфликт, снижающий продуктивность и ведущий к профессиональному кризису. Поэтому формирование ценностной согласованности между личностью и профессиональной средой становится важным условием успешной самореализации.

Ещё один аспект, который всё чаще поднимается в научной и практической литературе, связан с влиянием этики и профессиональной ответственности на успешность деятельности. Современные организации и общество в целом предъявляют высокие требования к моральным стандартам, честности, прозрачности и социальной ответственности работников. Личность, обладающая выраженным чувством долга и готовностью действовать в соответствии с этическими принципами, получает больше доверия со стороны коллег и руководителей. Это доверие, в свою очередь, становится дополнительным ресурсом профессионального успеха, усиливая авторитет и открывая новые возможности для роста [1,2].

Наконец, нельзя не отметить значимость психологического капитала личности, в состав которого входят оптимизм, уверенность в собственных силах, надежда и устойчивость. Эти качества позволяют специалисту сохранять активность в долгосрочной перспективе, не терять ориентацию на успех даже в условиях временных неудач и воспринимать трудности как возможность для обучения и самосовершенствования. Психологический капитал формируется постепенно и тесно связан с личностной зрелостью. Он служит своего рода «внутренним щитом», который помогает человеку сохранять гармонию между внешними требованиями и внутренними ресурсами, что делает его особенно актуальным в эпоху быстрых изменений и высокой конкуренции.

Библиографические ссылки

1. Сидоренко Е. В. Тренинг эмоционального интеллекта. – СПб, Мск : Речь, 2024. – 208 с. – [Электронный ресурс]. – URL: https://psy.su/mod_files/additions_1/file_file_additions_1_11971.pdf (дата обращения: 01.10.2025).
2. Кочетова Ю. А. Эмоциональный интеллект старших подростков. – Мск : МГППУ, 2021. – 104 с. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/eioa2021/eioa2021.pdf> (дата обращения: 01.10.2025).
3. Шутова Н. В., Курзюкова Ю. Ф. Эмоциональный интеллект студентов с разным направлением профессиональной подготовки // Мир науки. – 2024. – № 4. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/86PSMN424.pdf> (дата обращения: 01.10.2025).
4. Стрельникова Ю. Ю. Психологические особенности профессиональной востребованности и мотивации сотрудников полиции // Психология и право. – 2023. – № 1. – [Электронный ресурс]. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2023_n1/psylaw_2023_n1_Strelnikova_Goncharova.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

5. Шаров А. А. Психологические предикторы мотивационной насыщенности профессиональной жизни личности на этапе профессионального образования // Вестник психологии и педагогики. – 2024. – № 3. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-prediktory-motivatsionnoy-nasyschennosti-professionalnoy-zhizni-lichnosti-na-etape-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 01.10.2025).

© Терещенко Е.С., Ватлецова Е.К., 2025

ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА

Д. А. Чащин

студент 3 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: denisc2056@gmail.com

Е. В. Васильцова

студент 3 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: vasilcovaelizaveta7@mail.ru

Д. Н. Десятловский

профессор, СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: devyatlovskiy@mail.ru

Статья посвящена роли творческого потенциала в профессиональной деятельности педагога-психолога, исследуя его влияние на успешность и эффективность работы. Актуальность темы обусловлена растущими требованиями к специалистам в динамичной образовательной среде. Творческий потенциал педагога-психолога проявляется в поиске нестандартных решений, разработке инновационных подходов к диагностике и коррекции, а также в создании гибкой системы индивидуального сопровождения. Исследование выявляет ключевые направления развития этого потенциала: интеграция знаний, совершенствование навыков, развитие гибкости мышления и адаптивности. Подчеркивается важность личностных качеств, таких как эмпатия и коммуникабельность. Развитие творческого потенциала рассматривается как основа формирования высококвалифицированного педагога-психолога, способного обеспечить гармоничное развитие личности ученика.

Ключевые слова: творческий потенциал, педагог-психолог, профессиональная деятельность, креативность.

This article examines the role of creative potential in the professional activities of future pedagogical psychologists, investigating its impact on success and effectiveness. The relevance of the topic is due to the increasing demands on specialists in a dynamic educational environment. The creative potential of a pedagogical psychologist is manifested in finding non-standard solutions, developing innovative approaches to diagnostics and correction, and establishing a flexible system of individual support. The research identifies key areas for developing this potential: knowledge integration, skill enhancement, and the development of flexible thinking and adaptability. The importance of personal qualities such as empathy and communication skills is emphasized. The development of creative potential is considered as the basis for the formation of a highly qualified teacher-psychologist who can ensure the harmonious development of the student's personality.

Key words: creative potential, educational psychologist, professional activity, creativity.

Современное общество предъявляет высокие требования к профессиональной подготовке педагогов-психологов, что обусловлено динамичными изменениями в

образовательной среде и потребностями учащихся. В быстро меняющемся ландшафте образования, где каждый ученик – уникальная личность с собственным набором потребностей и задач, роль педагога-психолога приобретает исключительное значение. Это уже не просто передатчик знаний, а скорее – архитектор развития, создатель благоприятной среды для раскрытия потенциала каждого ребенка. И ключевой инструмент этого архитектора – творческий потенциал [1].

Речь идет не только об умении придумывать новые игры или адаптировать учебные материалы. Творческий потенциал педагога-психолога проявляется в его способности видеть проблему с разных сторон, находить нестандартные подходы к ее решению и создавать инновационные методики, отвечающие конкретным потребностям ученика. Это умение находить общий язык с каждым ребенком, вдохновлять его на самопознание и саморазвитие. Творческое мышление позволяет педагогу-психологу эффективно адаптироваться к меняющимся образовательным стандартам и требованиям. Оно помогает выстраивать гибкую систему сопровождения учеников, учитывая их индивидуальные особенности и создавая условия для их гармоничного развития. В конечном счете, творческий педагог-психолог – это не просто профессия, а миссия, направленная на раскрытие лучшего в каждом ученике и создание будущего, в котором каждый человек сможет реализовать свой потенциал.

Особенности профессионального развития педагога-психолога заключаются в интеграции знаний, умений, личностных качеств и соблюдения этических норм. Специфика профессии – объединение психологической диагностики и консультирования с педагогическими методами работы, и педагог-психолог должен уметь решать задачи в динамических условиях профессиональной деятельности. Для профессионального развития педагогу-психологу необходимы:

- знание возрастной психологии – понимание специфики развития детей разных возрастных категорий, особенностей этапов взросления;
- основы педагогики – понимание, как выстроить образовательный процесс с учётом индивидуальных особенностей детей (в том числе, возрастных);
- навыки диагностики – умение оценивать развитие ребёнка с помощью психодиагностических методов, выявлять проблемы в мотивационной, психолого-эмоциональной и поведенческой сфере;
- владение коррекционными методиками – умение в форме упражнений, групповых и индивидуальных занятий оказывать помощь детям с проблемами в общении, учёбе, развитии;
- составление рекомендаций для педагогов и родителей – консультирование учителей и родителей по вопросам обучения и воспитания, эффективному взаимодействию с детьми.

Кроме профессиональных знаний педагог-психолог должен уметь:

- анализировать полученные данные – выявлять проблемы и разрабатывать стратегии их решения;
- гибко реагировать на возникающие ситуации – устанавливать контакт с детьми и родителями, находить пути выхода из конфликтных ситуаций;
- адаптироваться к меняющимся условиям работы – быстро осваивать новые методики и технологии, гибко реагировать на изменения в образовательной системе;
- вести необходимую документацию – план работы, журналы учёта различных видов деятельности, аналитические отчёты, заключения по результатам диагностики.

Для работы педагог-психолог должен также обладать следующими личностными качествами:

- эмпатия и эмоциональный интеллект – умение понимать и чувствовать эмоции других людей, что помогает устанавливать доверительные отношения с учащимися;
- коммуникационные навыки – способность эффективно общаться с учащимися, родителями и коллегами;
- навыки консультирования – умение проводить индивидуальные и групповые консультации, помогая учащимся решать личные и учебные проблемы;
- аналитические способности – способность анализировать поведение и эмоциональное состояние учащихся для выявления проблем и разработки стратегий их решения.

Педагог-психолог должен строго соблюдать профессиональную этику и придерживаться следующих принципов:

- конфиденциальность – информация, полученная психологом в процессе работы, не подлежит сознательному или случайному разглашению;
- уважение личности и прав человека – в профессиональной деятельности приоритетными объявляются права и интересы ребёнка как основного субъекта образовательного процесса;
- профессиональная независимость – решение педагога-психолога по вопросам профессионального психологического характера является окончательным и не может быть отменено администрацией учреждения [3].

Целью данного исследования является выявление роли творческого потенциала личности в успехе профессиональной деятельности будущего педагога-психолога.

Объектом исследования является профессиональная деятельность будущих педагогов-психологов, тогда как предметом – творческий потенциал личности как фактор успешности в этой деятельности.

По данным исследования, проведенного в 2022 году, 78% педагогов считают, что креативность является ключевым фактором их профессиональной эффективности. Однако, несмотря на значимость творческого потенциала, многие будущие специалисты сталкиваются с трудностями в его развитии и применении на практике [2].

Творческий потенциал личности становится определяющим фактором профессионального развития педагога-психолога. Это обусловлено следующими аспектами:

- необходимостью гибкого реагирования на постоянно меняющиеся условия профессиональной деятельности;
- потребностью в нестандартных решениях возникающих психолого-педагогических задач;
- важностью индивидуального подхода к каждому обучающемуся;
- необходимостью постоянного самосовершенствования и развития профессиональных навыков.

С позиции акмеологического подхода, развитие творческого потенциала является одним из приоритетных направлений профессиональной подготовки педагога-психолога. Акмеология рассматривает закономерности достижения вершин профессионализма, где творческий компонент выступает как неотъемлемая составляющая успеха.

Тематика творческого потенциала личности исследовалась многими учеными как в России, так и за рубежом. В частности, работы Э. Торранса и Дж. Гилфорда внесли значительный вклад в понимание креативности как важного компонента профессиональной деятельности. Однако существует ряд пробелов в изучении специфики творческого потенциала именно у педагогов-психологов. Большинство исследований фокусируется на общих аспектах креативности, в то время как недостаточно внимания

уделяется тому, как именно творческий потенциал влияет на успешность профессиональной деятельности в области психологии и образования [1].

Для оценки творческого потенциала будущих педагогов-психологов использовалась методика «Диагностика Торренса на креативность». Диагностика направлена на выявление творческих способностей личности, склонной к нестандартному мышлению, находить решения в сложных задачах и разрабатывать новые идеи. В исследовании приняли участие 30 студентов, обучающихся в СибГУ им. М. Ф. Решетнёва по направлению подготовки «Педагогическое образование» возрасте от 19 до 23 лет.

Исследование показало, что большинство респондентов (60%) демонстрируют средний уровень креативного мышления, 30% - средний уровень и 10%- низкий (Рис. 1 1).

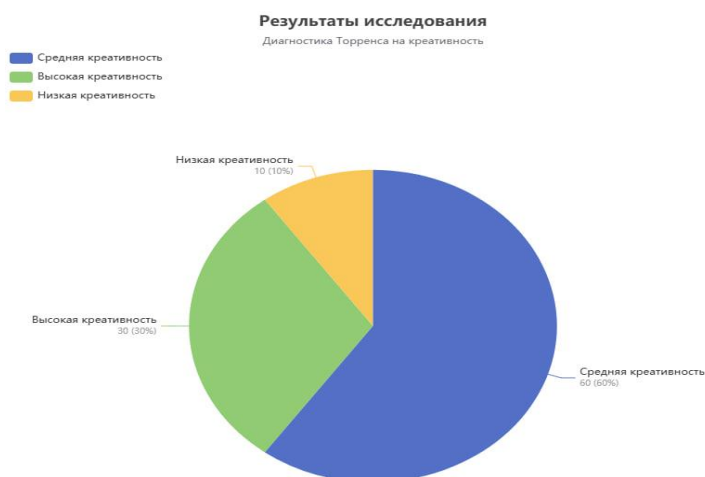

Рисунок 1 – Результаты диагностики Торренса на креативность

Существует ряд факторов, влияющих на итоговые показатели. Например, генетика и наследственность играют определенную роль в развитии креативности. Наследуемые способности формируют базовые предпосылки для творчества, но дальнейший рост зависит от жизненного опыта. Также социальные условия и окружение тоже важны. Воспитание в творческой атмосфере, доступ к искусству, литературе, музыке и другим видам искусства стимулирует развитие воображения и оригинального мышления.

Наконец, образовательная система значительно влияет на формирование креативности обучающихся. Важно внедрять методы развивающего обучения, направленные на поощрение инициативы и свободного выражения мыслей студентов.

Креативность положительно влияет на успех творческой деятельности будущих педагогов-психологов, поскольку способствует самореализации специалиста в профессиональной среде и является одним из основных факторов успеха. Чем выше уровень креативности будущего педагога-психолога, тем успешнее он будет реализовывать свою профессиональную деятельность [2].

Выделим ряд рекомендаций, направленных на повышение творческого потенциала:

1. Развитие креативного мышления:

- Метод SCAMPER – это аббревиатура, обозначающая Substitute (заменить), Combine (комбинировать), Adapt (адаптировать), Modify/Magnify/Minimize (модифицировать/увеличить/минимизировать), Put to other uses (найти другое применение), Eliminate (устранить), Reverse/Rearrange (перевернуть/переставить). Например, берем

существующую педагогическую методику или психологическую теорию и применяем к ней каждый элемент SCAMPER. Например, как можно заменить традиционную лекцию на интерактивный онлайн-курс? Как можно комбинировать игровую терапию с когнитивно-поведенческой?

- Техника «Шесть шляп мышления» Э. де Боно: метод, позволяющий рассматривать проблему с шести разных точек зрения, представленных в виде «шляп» разных цветов (белая - факты, красная - эмоции, черная - критика, желтая - оптимизм, зеленая - творчество, синяя - управление). Используйте этот метод при обсуждении сложных ситуаций в образовании или консультировании. Например, попросите студентов «надеть» черную шляпу и критически оценить эффективность определенной программы профилактики буллинга. Затем «наденьте» зеленую шляпу и предложите новые, креативные решения.

- Решение открытых задач (Open-ended problems) - это задачи, не имеющие единственно правильного решения и стимулирующие творческий поиск. Предлагайте студентам решать кейсы, связанные с реальными проблемами в школах или консультационных центрах.

Развивать критическое мышление: анализировать информацию, оценивать различные точки зрения и формировать собственные аргументированные выводы.

2. Развитие воображения и ассоциативного мышления:

Метод случайных стимулов - использование случайного слова, изображения или объекта в качестве отправной точки для генерации идей. Выберите случайное слово (например, «облако») и предложите студентам придумать, как это слово связано с их будущей профессией. (Например, «облако» может ассоциироваться с облачными технологиями в образовании, «облаком» идей для урока, «облаком» эмоций ученика). Случайное изображение: изображение старого ключа. Ассоциации: открытие нового, секрет, прошлое, доступ к чему-то, решение головоломки. Как можно использовать метафору ключа в арт-терапии для раскрытия внутреннего потенциала ребенка?

Mind Mapping (Карты ума) - это визуальный инструмент для организации идей и информации в нелинейном формате. Для реализации используйте карты ума для планирования уроков, разработки тренингов или анализа сложных психологических проблем. В центре карты - основная тема, от которой расходятся ветви с ключевыми понятиями и ассоциациями.

3. Создание благоприятной среды: поощрение нестандартных решений – это создание атмосферы, в которой студенты не боятся предлагать необычные идеи и экспериментировать. Поощрение нестандартных решений:

4. Групповые проекты и мозговые штурмы – совместная работа над проектами, стимулирующая обмен идеями. Суть: организация совместной деятельности, направленной на решение общей задачи или генерацию новых идей.

5. Рефлексия и анализ опыта – развитие навыков самоанализа и критической оценки. Осознанное осмысление пройденного пути, полученных результатов и процесса достижения целей. Ведение дневников рефлексии: Студенты могут записывать свои мысли о процессе обучения, о трудностях, с которыми они столкнулись, о своих идеях и о том, как они их реализовывали.

Таким образом, творческий потенциал является неотъемлемой составляющей профессиональной компетентности педагога-психолога. Он позволяет не только успешно решать текущие задачи, но и предвидеть будущие вызовы, разрабатывать инновационные подходы к обучению и развитию, а также создавать благоприятную образовательную среду для каждого ребенка. Развитие творческого потенциала – это инвестиция в будущее образования и вклад в формирование гармоничной личности каждого учащегося. В

контексте современной образовательной парадигмы, ориентированной на личностно-ориентированный подход, креативность педагога-психолога становится ключевым фактором успеха. Способность к нестандартному мышлению, гибкость в применении методов и техник, а также умение импровизировать позволяют находить индивидуальные решения для каждого ученика, учитывая его уникальные потребности и особенности. Это особенно важно при работе с детьми, испытывающими трудности в обучении или адаптации.

Важно отметить, что творческий потенциал – это не врожденное качество, а приобретенное и развиваемое. Педагог-психолог может и должен постоянно работать над собой, совершенствовать свои навыки и умения, расширять кругозор и осваивать новые методы и техники. Для этого необходимо участвовать в тренингах, семинарах, мастер-классах, обмениваться опытом с коллегами, читать профессиональную литературу и следить за новыми тенденциями в области психологии и педагогики [3].

Развитие творческого потенциала педагога-психолога – это непрерывный процесс самосовершенствования, направленный на повышение эффективности профессиональной деятельности и создание благоприятных условий для гармоничного развития каждого ребенка. Это не просто требование времени, а насущная необходимость, продиктованная потребностями современного общества, стремящегося к инновациям и прогрессу. Ведь именно творческие личности способны создавать новое, двигать мир вперед и вдохновлять других на достижения.

Библиографические ссылки

1. Сидоркина И. В. Развитие творческого потенциала педагога как фактор профессионального развития педагога-психолога [Электронный ресурс] // Психолого-педагогический журнал «Гуманизация образования». – 2022. – № 3. – Режим доступа: https://xn--jlahfl.xn--plai/library/razvitie_tvorcheskogo_potenciala_pedagoga_kak_fakto_164046.html (дата обращения: 10.10.2025).
2. Борисенко, И.Ю. Развитие творческого потенциала личности педагога [Электронный ресурс]: статья / И.Ю. Борисенко // Электронный журнал Multiurok. – 2023. – Режим доступа: <https://multiurok.ru/files/razvitie-tvorcheskogo-potentsiala-lichnosti-pedago.html> (дата обращения: 10.10.2025).
3. Виноградова, А.Б. Развитие творческого потенциала личности педагога-психолога [Электронный ресурс]: статья / А.Б. Виноградова // Интернет-журнал Snauka. – 2015. – № 8. – Режим доступа: <https://psychology.snauka.ru/2015/08/5706> (дата обращения: 10.10.2025).

© Чашин Д. А, Васильцова Е. В., Девятловский Д. Н., 2025

ВЛИЯНИЕ ТРУДОГОЛИЗМА И ПРЕЗЕНТЕИЗМА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СОТРУДНИКОВ

С. С. Харченкова

студент 4 курса,

ВГУ,

г. Воронеж, Россия

E-mail: sofia-khar@mail.ru

Н. Н. Фомина

доцент, ВГУ, г. Воронеж, Россия

E-mail: fominann@yandex.ru

Постоянные переработки и формальное присутствие на работе ведут к выгоранию команды и убыткам для компании. Решение - изменить подход к управлению: вовремя помогать сотрудникам, обучать руководителей и создавать здоровый климат в коллективе.

Ключевые слова: *трудоголизм, презентеизм, психологическое благополучие, кадровое благополучие, управление персоналом*

Constant overwork and formal presence at work lead to team burnout and losses for the company. The solution is to change the approach to management: to help employees on time, train managers and create a healthy climate in the team.

Keywords: *workaholism, presenteeism, psychological well-being, human resources well-being, personnel management*

Глобализация, цифровизация, возможность работать удаленно, а также постоянное стремление к профессиональному росту заставляют сотрудников искать пути решения и справляться с новыми вызовами [1]. В условиях современной бизнес-среды, характеризующейся высокой интенсивностью, размыванием границ между работой и личной жизнью, обеспечение психологического благополучия сотрудников перестает быть вопросом корпоративной социальной ответственности и становится стратегическим фактором устойчивой эффективности организации. Ключевыми угрозами, целенаправленно подрывающими это благополучие, выступают феномены трудоголизма и презентеизма, которые не только снижают индивидуальную продуктивность, но и оказывают деструктивное влияние на организационный климат в целом.

Трудоголизм, часто ошибочно воспринимаемый как признак сверхпреданности делу, представляет собой форму психологической зависимости, напрямую разрушающую ключевые компоненты психологического благополучия. Он проявляется в том, что человек ставит работу выше всех остальных сфер жизни, что неминуемо ведет к деградации позитивных отношений в семье, с друзьями, блокирует личностный рост вне профессиональной сферы и подрывает способность управлять окружающей средой, поскольку сотрудник теряет контроль над своим временем и потребностями. Возникающее у трудоголиков чувство вины во время отдыха свидетельствует о глубокой внутренней дисфункции и нарушении самопринятия, что исключает переживание гармонии и удовлетворенности жизнью, являющихся ядром психологического благополучия.

Признаки трудоголизма:

- пренебрежение личными потребностями, такими как сон, питание, отдых;

- проблемы в отношениях с близкими из-за постоянного отсутствия и погружения в работу;

- потеря интереса к хобби и увлечением;
- чувство вины, при отсутствии работы в свободное время.

По мнению В.Г. Зазыкина, негативные воздействия, представляющие угрозу для психосферы, «формируют негативные психические состояния (страхи, тревожность, высокая напряженность, панические настроения, депрессию)» [2], что полностью согласуется с психологическими механизмами развития синдрома выгорания у трудооголиков.

Эмпирическое исследование, проведенное на сотрудниках государственного учреждения, демонстрирует прямую связь между трудооголизмом и негативными психологическими состояниями. Как отмечают Р.Ф. Кавстрора и Т.С. Чуйкова, «корреляционный анализ показал тесную связь трудооголизма с тревожностью ($r=0,663$) и профессиональным выгоранием ($r=0,724$)» [3]. Полученные данные убедительно доказывают, что трудооголическая зависимость является значимым фактором риска для психического благополучия сотрудников. В этой связи систематическое пренебрежение базовыми потребностями, такими как сон, полноценный отдых и социальные связи, закономерно приводит к хроническому стрессу, эмоциональному истощению и профессиональному выгоранию.

Со стороны эффективности наблюдается парадокс – краткосрочный всплеск продуктивности сменяется долгосрочным снижением качества работы. Это связано с истощением когнитивных ресурсов, что выражается в потере креативности и увеличении количества ошибок. Следовательно, трудооголизм является не личной доблестью, а компенсаторным механизмом, маскирующим глубокую личностную и организационную дисфункцию, конечной стадией которой становится профессиональное выгорание

Углубляя анализ негативных последствий, необходимо рассматривать трудооголизм не как сверхурочную работу, а как форму аддиктивного поведения, что убедительно показано в работе Н.Н. Телеповой. Автор подчеркивает, что это «искусственное вмешательство в биологические процессы организма», которое нарушает естественную регуляцию эмоций и приводит к компульсивному драйву, постоянной тревоге и, как закономерному итогу, – к психоэмоциональному выгоранию. Таким образом, профилактика выгорания неразрывно связана с профилактикой трудооголизма. Как заключает Телепова, это «две составляющие одного и того же процесса» [4]. Решение видится не только в индивидуальных стратегиях совладания, но и в трансформации организационной среды, которая вместо культивирования изоляции и гиперконтроля должна способствовать построению открытых и поддерживающих отношений, что является основой психологической устойчивости сотрудников. Логичным следствием истощения, вызванного трудооголизмом, часто становится феномен презентеизма.

В отличие от трудооголизма, являющегося проблемой мотивации, презентеизм в большей степени отражает проблемы организационной культуры. Под презентеизмом понимается явление, при котором сотрудники фактически присутствуют на рабочем месте, но их продуктивность снижается из-за плохого самочувствия, стресса, эмоционального выгорания или личных проблем.

Признаки презентеизма:

- частые ошибки и невнимательность;
- снижение производительности и качества работы;
- физические недомогания, которые сотрудники игнорируют;
- повышенная раздражительность и апатия.

С точки зрения психологического благополучия презентеизм служит ярким индикатором неблагополучия организационной среды, сигнализируя о высокой

тревожности персонала и глубоком дефиците психологической безопасности в коллективе. Его основными драйверами являются не личные особенности сотрудников, а системные факторы: страх перед авторитарным руководством, неуверенность в стабильности рабочего места вследствие неясных критериев оценки и токсичная корпоративная культура, где ценность сотрудника ошибочно приравнивается к количеству проведенных на рабочем месте часов, а не к достигнутым результатам. Экономические последствия этого феномена оказываются разрушительными: исследования убедительно доказывают, что совокупные финансовые потери от падения производительности, увеличения количества ошибок и снижения качества работы из-за презентеизма зачастую превышают убытки от временной нетрудоспособности сотрудников (абсентеизма). Более того, пребывающий в таком состоянии сотрудник становится источником негативного эмоционального заражения, опосредованно демотивируя коллег и подрывая общий моральный дух команды. Таким образом, презентеизм трансформируется из проблемы отдельного индивида в масштабную организационную патологию.

Противодействие этому требует не разрозненных мер, а целостной стратегии, интегрированной в систему управления персоналом. Ключевая задача HR-службы заключается в создании среды, которая не просто реагирует на последствия, а проактивно устраняет причины презентеизма. Со стороны сотрудника достижение баланса предполагает развитие личной осознанности: регулярный самоанализ, приоритизацию отдыха с обязательным использованием отпусков, навыки делегирования и своевременное обращение за профессиональной помощью. Однако эти индивидуальные усилия могут быть эффективны только при поддержке со стороны организации. Компании, в свою очередь, обязаны создать для этого благоприятные условия: внедрять гибкие графики и нормирование рабочего времени, внедрять комплексные программы поддержки физического и ментального здоровья (wellbeing), а также формировать культуру, где поощряется не демонстративная занятость, а конкретные достижения и ответственное отношение к своему состоянию. Только такой двусторонний подход, сочетающий личную ответственность с трансформацией организационных практик, позволяет разорвать порочный круг презентеизма и построить фундамент для устойчивого психологического благополучия и высокой продуктивности.

Таким образом, презентеизм выступает не индивидуальным выбором сотрудника, а симптомом организационного нездоровья, где культура видимости подменяет культуру результата.

Проблема баланса между трудовой, частной и семейной жизнью является многогранной и требует комплексного подхода как со стороны сотрудников, так и со стороны компаний. Таким образом, и трудовогоголизм, и презентеизм, несмотря на разную природу, ведут к единому негативному результату – системной деградации психологического благополучия персонала и снижению организационной эффективности. Это диктует необходимость перехода от констатации проблем к системным решениям.

Борьба с данными явлениями требует от HR-службы не разрозненных мер, а комплексного подхода, интегрированного в общую систему управления персоналом.

1. Диагностика и мониторинг. Внедрение регулярных анонимных опросов для оценки уровня стресса, риска выгорания и удовлетворенности work-life balance. Однако, диагностика не должна быть разовой. Современные HR-технологии позволяют перейти к проактивному мониторингу рисков выгорания и трудовогоголизма на основе анализа цифрового следа, например, анализ рабочей нагрузки в корпоративных мессенджерах, частота использования отпусков.

2. Развитие управленческих компетенций. Ключевая роль в профилактике принадлежит менеджерам. Обучение линейных менеджеров распознаванию косвенных признаков трудовогоголизма и презентеизма у членов их команд. Психологическое

благополучие должно быть измеримо и встроено в систему показателей эффективности компании. Это поднимет его статус с «приятного бонуса» до «стратегического приоритета». Развитие управленческих компетенций должно быть направлено на трансформацию роли линейного менеджера из контролера в коуча. Такой руководитель умеет ставить четкие цели по результату (KPI), а не по времени присутствия, делегирует полномочия и создает среду психологической безопасности, где обсуждение перегрузки и выгорания поощряется, а не карается.

Ключевым условием успеха любой инициативы по укреплению психологического благополучия является искренняя приверженность и личная вовлеченность топ-менеджмента компании. Без трансформации сознания на самом высоком уровне все усилия HR-службы рискуют остаться лишь набором формальных процедур. Когда руководители высшего звена на собственном примере демонстрируют ценность work-life balance, уважают личные границы сотрудников и открыто говорят о важности ментального здоровья, это создает мощный сигнал для всей организации. Формирование культуры, где результативность ценится выше присутствия, а своевременный уход воспринимается как инвестиция в долгосрочную эффективность, а не как проявление лени, является стратегической задачей, которую невозможно делегировать исключительно кадровой службе.

3. Формирование здоровой организационной культуры. Продвижение ценности баланса на уровне топ-менеджмента. Четкое разграничение рабочего и личного времени, особенно в условиях удаленной работы. Поощрение использования отпусков и отгулов. Формирование культуры, противостоящей трудовоголизму и презентеизму, должно стать частью стратегии бренда работодателя. Публичная позиция компании в отношении здорового баланса, подкрепленная реальными практиками, становится конкурентным преимуществом на рынке труда, снижая затраты на рекрутинг и повышая лояльность существующих сотрудников

4. Внедрение программ поддержки кадрового благополучия. Это могут быть корпоративные программы медицинского страхования, включающие психологическую помощь, организация тренингов по управлению стрессом, создание спортивных инициатив. Важно демонстрировать сотрудникам, что компания инвестирует в их здоровье.

Однако реализация даже самых прогрессивных мер останется тактическим мероприятием, если не будет интегрирована в общую стратегию бизнеса. Психологическое благополучие должно трансформироваться из набора HR-инициатив в стратегический приоритет, находящий отражение в миссии, ценностях и долгосрочных целях компании. Это подразумевает, что вопросы нагрузки, баланса и психического здоровья становятся предметом регулярного обсуждения на уровне правления и учитываются при принятии ключевых решений - от утверждения бюджетов и бизнес-планов до оценки эффективности топ-менеджеров. Только когда благополучие персонала признается таким же критически важным активом, как финансовый капитал или технологические ресурсы, можно говорить о построении по-настоящему устойчивой и социально ответственной организации.

В противовес деструктивным явлениям трудовоголизма и презентеизма, целью профилактических мер должно выступать достижение психологического благополучия сотрудников. Как справедливо отмечает Н.В. Азарёнок, психологическое благополучие представляет собой «сложное психическое состояние, которое, с одной стороны, выступает в качестве фактора успешности (эффективности) деятельности человека, с другой стороны – в качестве результата деятельности» [5]. Это интегральное состояние, проявляющееся в «ощущении счастья, удовлетворения жизнью, высокой степени успешности, стремлении к достижениям, самореализации», является прямой антитезой эмоциональному выгоранию, вызванному рабочими перегрузками. Таким образом, борьба

с негативными феноменами на рабочем месте по сути своей является работой по созданию условий для позитивного состояния - психологического благополучия.

Трудоголизм и презентеизм – это не личные проблемы отдельных сотрудников, а системные вызовы, требующие адекватного ответа со стороны HR-менеджмента. Инвестиции в создание среды, которая поддерживает психологическое благополучие, напрямую коррелируют с ключевыми бизнес-показателями: повышением производительности, снижением текучести кадров и укреплением репутации компании. Таким образом, переход от эксплуатации трудового потенциала к его комплексному развитию и сохранению является конкурентным преимуществом современной организации. Для достижения устойчивого результата предлагаемые меры должны быть интегрированы в общую стратегию управления персоналом: от трансформации роли руководителя и внедрения предиктивной аналитики рисков до включения показателей благополучия в систему мотивации топ-менеджмента. Такой подход позволяет не только решить конкретные проблемы трудоголизма и презентеизма, но и заложить фундамент для адаптивной, устойчивой и человеко-ориентированной организационной культуры, способной противостоять вызовам будущего.

В перспективе проблема психологического благополучия на рабочем месте выйдет далеко за рамки компетенции отделов HR и станет одним из ключевых факторов глобальной конкурентоспособности национальных экономик. Страны и корпорации, которые первыми смогут выстроить эффективные экосистемы для поддержки ментального здоровья и профилактики профессионального выгорания, получат решающее преимущество в «войне за таланты» и создании инновационной экономики, основанной на творческом потенциале человека. Таким образом, инвестиции в преодоление трудоголизма и презентеизма – это не просто затраты на социальный пакет, а стратегические вложения в человеческий капитал как основной ресурс развития в XXI веке. Успех в этом направлении будет определять не только процветание отдельных компаний, но и устойчивость всего общества.

Библиографические ссылки

1. Дуракова И.Б. Баланс работа - частая жизнь как фактор успешности в политике возрастного многообразия // Экономический журнал ВГУ. 2021. С.58-66
2. Зазыкин, В. Г. К проблеме психологических угроз профессионализму / В.Г. Зазыкин // VII Декартовские чтения. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке : Материалы международной научно-практической конференции, Москва - Зеленоград, 11 марта 2021 года / Под общей редакцией Пирогова Александра Ивановича, Растимешинной Татьяны Владимировны. Том Часть 1. – Москва - Зеленоград: Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», 2021. – С. 38-46. – EDN UBVBNG. Карась Л. Засиделся: что такое презентеизм на работе и почему он не способствует продуктивности // Теории и практики. URL:<https://theoryandpractice.ru/posts/18872-zasidelsya-cto-takoe-prezenteizm-na-rabote-i-pochemu-on-ne-sposobstvuet-produktivnosti>
3. Кавсарова, Р. Ф. Особенности личности, склонной к трудоголизму / Р. Ф. Кавсарова, Т. С. Чуйкова // Человек в условиях социальных изменений : Материалы международной научно-практической конференции, Уфа, 18 апреля 2023 года. – Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2023. – С. 329-336. – EDN CZITTR.
4. Телепова, Н. Н. Трудоголизм как причина психоэмоционального выгорания в профессиональной деятельности / Н. Н. Телепова // Казанская наука. – 2012. – № 2. – С. 265-268. – EDN ORFXPF.

5. Азаренок, Н. В. Психологическое благополучие работников как условие их эффективной деятельности / Н. В. Азаренок // Психология в системе социально-производственных отношений : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Красноярск, 28 октября 2022 года / Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева. – Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева", 2022. – С. 173-176. – EDN FIOGKY.

© Харченкова С.С., Фомина Н.Н., 2025

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ОСОБЕННОСТЕЙ МНЕСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА В СЕРВИСНЫХ ПРОФЕССИЯХ

А. И. Холодилова

магистрант 1 курса,
СибГУ им. М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия

E-mail: alena.holo2013@gmail.com

Н. С. Ливак

доцент, СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

E-mail: nlivak@mail.ru

Статья посвящена теоретическому анализу особенностей мнестических процессов (памяти) в условиях профессионального стресса в сервисных профессиях (на примере сферы общественного питания). На основе обзора нейropsychологических концепций (А.Р. Лурия, П.К. Анохин) и психологических теорий памяти раскрывается комплексная природа мнестической деятельности, обеспечиваемая взаимодействием функциональных блоков мозга. Рассматриваются виды и процессы памяти, наиболее значимые для профессиональной деятельности повара и официанта. Выявляется специфика профессионального стресса в сервисных профессиях, характеризующегося высокой психоэмоциональной нагрузкой, неопределенностью и интенсивным межличностным взаимодействием. Анализируются нейрофизиологические и психологические механизмы деструктивного влияния хронического стресса на память, включающие гормональные изменения, нейродегенеративные процессы, явления интерференции и психического пресыщения. Делается вывод о том, что профессиональный стресс является ключевым негативным фактором, снижающим продуктивность, точность и оперативность мнестических процессов у работников сервиса.

Ключевые слова: мнестические процессы, профессиональный стресс, сервисные профессии, нейropsychология памяти, психология труда

The article is devoted to a theoretical analysis of the features of mnemonic processes (memory) under conditions of professional stress in service professions (using the catering industry as an example). Based on a review of neuropsychological concepts (A.R. Luria, P.K. Anokhin) and psychological theories of memory, the complex nature of mnemonic activity, ensured by the interaction of functional brain blocks, is revealed. The types and processes of memory most significant for the professional activities of cooks and waiters are considered. The specifics of professional stress in service professions, characterized by high psycho-emotional load, uncertainty, and intensive interpersonal interaction, are identified. The neurophysiological and psychological mechanisms of the destructive influence of chronic stress on memory are analyzed, including hormonal changes, neurodegenerative processes, and phenomena of interference and mental satiation. It is concluded that professional stress is a key negative factor that reduces the productivity, accuracy, and efficiency of mnemonic processes in service workers.

Keywords: mnemonic processes, professional stress, service professions, neuropsychology of memory, labor psychology

Мнезис представляет собой комплексную активность нейронов, направленную на запечатление внешней информации в головном мозге. Впоследствии эта информация,

извлекаемая в соответствующих ситуациях, служит основой для адаптации, социальной интеграции и поддержания жизнедеятельности.

Теоретические подходы к изучению особенностей мнестических процессов в условиях профессионального стресса в сервисных профессиях основываются на теориях работы центральной нервной системы.

Головной мозг человека представляет собой сложноорганизованную структуру, являющуюся центральным отделом нервной системы и субстратом психической деятельности. В его структуре выделяют ствол, мозжечок и конечный мозг, функционально дифференцированные между собой.

В своей работе «Лекции по общей психологии» А.Р. Лурия, опираясь на идеи П.К. Анохина и своих предшественников (Ф. Голля, П. Брока, К. Вернике, И.П. Павлова), развивает концепцию функциональной системы. Согласно ей, психическая функция – это сложная деятельность, обеспечиваемая целым комплексом совместно работающих мозговых зон, объединенных в иерархическую систему для достижения адаптивного результата. Таким образом, функция не может быть локализована в одной узкой области мозга, что иллюстрируется взаимодействием трех его основных блоков. Поражение любого участка, входящего в систему, нарушает её работу в целом [1;2;14].

Согласно концепции А.Р. Лурии, в основе психической деятельности лежит взаимодействие трех функциональных блоков мозга. Первый, энергетический, блок включает структуры ретикулярной формации, гипоталамуса и лимбической системы. Его ключевая функция заключается в регуляции коркового тонуса, необходимого для осуществления любой целенаправленной деятельности. Снижение активирующего влияния этого блока приводит к преобладанию тормозных состояний, что проявляется в сонливости и делает организованную избирательную деятельность невозможной. Источниками активации выступают как восходящая ретикулярная формация, обеспечивающая общий тонус, так и постоянный приток сенсорной информации и импульсов от внутренних процессов организма [14].

Второй блок, расположенный в задних отделах больших полушарий, отвечает за прием, переработку и хранение информации. Он имеет модально-специфическую и соматотопическую организацию, построенную по иерархическому принципу. Первичные проекционные зоны коры осуществляют анализ отдельных признаков стимулов, вторичные ассоциативные зоны обеспечивают их синтез и кодирование в целостные образы. Нарушение работы вторичных зон ведет к агнозиям – трудностям в опознании и расшифровке информации. Над этой иерархией надстраиваются третичные зоны, или зоны перекрытия, которые преобразуют последовательные раздражения в симультанные схемы и обеспечивают сложные формы когнитивной переработки [14].

Третий блок программирования, регуляции и контроля деятельности связан с функциями лобных долей. Он обеспечивает формирование намерений, разработку программ действий и контроль за их выполнением. Его иерархическая организация включает первичную моторную кору, ответственную за отдельные движения, премоторную зону, обеспечивающую двигательные навыки и «кинетические мелодии», и префронтальные отделы, которые созревают позже других и играют ключевую роль в регуляции состояний активности, формировании замыслов и контроле деятельности. Поражение лобных долей приводит к распаду организованной интеллектуальной деятельности, что иллюстрирует общий принцип «эволюции и распада» иерархических систем, отмеченный П.К. Анохиным с отсылкой на труды невропатолога Jackson [2;4;14].

В контексте мнестической функции особую роль играет первый, энергетический, блок. Структуры лимбической системы, такие как гиппокамп, миндалевидное тело и мамиллярные тела, входящие в круг Пейпеца, критически важны для фиксации и сохранения следов памяти. Нейроны этих образований способны удерживать следы

возбуждения и регулировать поступающие сигналы, а ретикулярная формация модулирует общий тонус коры, необходимый для успешного запечатления опыта. Нарушение работы этого блока, в частности гиппокампа-таламо-мамиллярного круга, приводит к грубым расстройствам памяти, что было подтверждено в исследованиях Б. Милнер, Сковилла и В. Пенфилда [22].

В этом случае А.Р. Лурия, писал: «Память является сложным по своей нервной основе процессом и в обеспечении памяти принимают участие разные системы мозга, каждая из которых играет свою собственную роль и вносит свой специфический вклад в осуществление мнестической деятельности» [14, с. 208].

По своей сути, память – это процесс запечатления, сохранения, узнавания и воспроизведения следов прошлого опыта, позволяющий сохранять и произвольно актуализировать полученные знания, умения и навыки.

Внешние факторы, такие как переживания, впечатления и движения, оказывают непосредственное влияние на психику, оставляя в сознании следы, которые могут сохраняться длительное время и при определенных условиях вновь становиться предметом осознания. Этот взгляд находит развитие в концепции Т. Рибо, который рассматривал память как процесс организации, заключенный между двумя полюсами: новым состоянием сознания и его устойчивым органическим запечатлением [12, с. 33].

Исследование памяти стало одним из первых разделов психологии, где был применен экспериментальный метод. Интерес к памяти прослеживается ещё в трудах древнегреческих философов. Платон сравнивал память с восковой дощечкой в душе, сохраняющей отпечатки восприятий, и рассматривал её как основу для формирования мнений [22].

Аристотель в трактате «О памяти и воспоминании» предложил одно из первых концептуальных разделений, отличая память как свойство, присущее и животным, от воспоминания как активного поиска образов, характерного для человека. Значительный вклад внёс Гегель, подчеркивавший связь памяти и мышления, рассматривая память как основу для интеллектуальной деятельности, что позже было отражено в работах П.П. Блонского [3;18].

Важным этапом стало изучение ассоциаций в процессах памяти, английскими психологами XVIII-XIX веков, которые собрали обширный экспериментальный материал. Отечественные учёные И.М. Сеченов и И.П. Павлов дали физиологическое обоснование памяти, рассматривая её как сложную обобщённую деятельность и изучая механизмы условных рефлексов. В тот же период Х. Эббингауз, вдохновлённый идеями Г. Фехнера, провёл первые систематические эксперименты с использованием бессмысленных слогов, выявив «эффект края» и закономерности механического запоминания. Г.Э. Мюллер углубил эти исследования, разработав метод парных ассоциаций и подчеркнув роль смысловой обработки в запоминании [13;15].

На рубеже XIX-XX веков сформировалась смысловая теория памяти, представленная в работах А. Бине и К. Бюлера, которые утверждали, что запоминание определяется смысловым содержанием материала, а не механическими ассоциациями. Позднее память стала рассматриваться как активная мнестическая деятельность, зависящая от личностных особенностей и задач индивида. Отечественные психологи, включая Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурию, А.А. Смирнова и П.И. Зинченко, исследовали высшие формы памяти как социально опосредованные процессы и разработали методики для их изучения, такие как «10 слов» и «Опосредованное запоминание» [8;14].

С физиологической точки зрения изучение памяти связано с анализом сохранения следов в нервной системе. Е.Н. Соколов показал, что нервная система способна сохранять модели сигналов и сравнивать новые раздражители с существующими следами, что проявляется в феномене ориентировочного рефлекса. Исследования Ф.Д. Горбовых и его

последователей позволили выделить процесс консолидации следов памяти, что стало основой для разделения памяти на кратковременную и долговременную. Эти работы подчеркнули роль времени и индивидуальных особенностей в закреплении информации, а также выявили влияние различных факторов на устойчивость следов [14].

Исторически сложилось несколько классификаций видов памяти, отражающих её многогранность. П.П. Блонский выделил виды памяти по характеру психической активности, предложив филогенетическую концепцию их последовательного появления в онтогенезе. Согласно его подходу, наиболее ранней является двигательная (моторная) память, лежащая в основе формирования практических навыков. Далее возникает аффективная (эмоциональная) память, фиксирующая переживания, а затем – образная память, оперирующая чувственными образами. Высшей формой является словесно-логическая память, обеспечивающая запоминание и воспроизведение мыслей [10;19].

В научной литературе принято различать биологическую и психологическую память. Биологическая память, включающая онтогенетическую и филогенетическую формы, обеспечивает функционирование внутренних органов и формирование иммунитета. Психологическая память подразделяется на модально-неспецифическую, зависящую от общемозговых взаимодействий коры и подкорковых структур, и модально-специфические виды, связанные с деятельностью конкретных анализаторов (зрительная, слуховая, тактильная) [6].

Современная психология классифицирует память по нескольким основаниям. По продолжительности сохранения материала различают кратковременную, долговременную (неограниченное по времени хранение организованной информации) и оперативную память (удержание информации в течение заданного промежутка времени для решения конкретной задачи). По характеру целей деятельности выделяют непроизвольную (автоматическое запоминание) и произвольную память (целенаправленное запоминание с применением специальных средств). По способу запоминания различают механическую (многократное повторение) и смысловую память (логическая обработка материала) [7;9;17].

А.Р. Лурия в своих работах описывает дополнительные формы памяти. Сенсорная память проявляется в виде последовательных образов – кратковременного сохранения сенсорных следов после прекращения действия стимула. Наглядные (эйдетические) образы характеризуются длительным и детальным сохранением зрительных впечатлений. Образы представлений, в отличие от эйдетических, являются результатом интеллектуальной переработки воспринятого и постоянно трансформируются в памяти. Особое место занимает словесно-логическая память, основанная на сложном процессе перекодирования информации с выделением смысловых связей [14].

Основные процессы памяти включают запоминание (запечатление информации), сохранение (удержание и преобразование материала), воспроизведение (актуализация сохранённой информации) и забывание (невозможность воспроизведения). Воспроизведение имеет несколько форм: узнавание (опознание при повторном восприятии), припоминание (активный поиск информации) и воспоминание (воспроизведение с привязкой к временному контексту). Теории забывания включают концепцию угасания следов (постепенное ослабление нервных связей) и теорию интерференции (торможение следов под влиянием побочных воздействий) [18].

В работе В.В. Усова «Профессиональная этика и психология в общественном питании» память рассматривается как психический процесс запечатления, сохранения и воспроизведения опыта, формирующийся через установление временных связей между стимулами и реакциями. Для работников общественного питания особое значение имеют представления – сохранённые образы предметов и действий, необходимые при сервировке столов, использовании оборудования и взаимодействии с посетителями [20].

В профессиональной деятельности повара доминирует зрительная и вкусовая память, позволяющая сохранять образы блюд и технологических процессов, а также обеспечивающая идентификацию сложных вкусовых оттенков, тогда как официанту необходима развитая словесно-логическая память для точного выполнения устных поручений гостей [20].

Память как мнемическая деятельность характеризуется системой взаимосвязанных параметров. К базовым характеристикам относятся объем, отражающий количественные возможности запоминания; скорость обработки и извлечения информации; точность воспроизведения, предполагающая минимальную трансформацию содержания; длительность сохранения; и готовность к актуализации, проявляющаяся в своевременном доступе к хранимой информации. Эти параметры образуют интегральную систему, где, например, факт сохранения информации не всегда гарантирует её оперативную актуализацию. Содержательные аспекты памяти раскрываются через дихотомию механического и смыслового запоминания, а также через модальную специфику (зрительная, слуховая, двигательная). Временная организация представлена оперативной и долговременной памятью. Индивидуальные различия проявляются не только в преобладании определенной модальности, но и в уникальном сочетании объема, прочности и скорости обработки мнемического материала. Указанные характеристики находятся в сложном взаимодействии, определяя эффективность мнемической деятельности в целом [6].

Для профессионалов общественного питания особенно важно смысловое запоминание, основанное на установлении логических связей, в отличие от механического заучивания. Воспроизведение осуществляется через ассоциации: по смежности, сходству и контрасту [20].

В рамках исследования теоретических подходов к изучению особенностей мнемических процессов в условиях профессионального стресса в сервисных профессиях ключевое значение приобретает анализ факторов, влияющих на ухудшение памяти, и детерминант возникновения самого профессионального стресса. Память, как сложный психический процесс, не является изолированной функцией; на её развитие и функционирование оказывают влияние многочисленные факторы, включая личностные особенности и социальную детерминацию. Согласно культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, память представляет собой систему, развивающуюся от натуральной, непосредственной формы к культурной, опосредованной знаками и речевыми процессами. Эффективность запоминания, как показали дальнейшие исследования П.И. Зинченко и А.А. Смирнова, напрямую зависит от структуры деятельности, где наибольшая продуктивность достигается, когда материал составляет цель действия [18].

Профессиональный стресс в сервисных профессиях, таких как повар или официант, возникает под воздействием специфического комплекса факторов. Психология труда в этих сферах характеризуется сочетанием высоких физических нагрузок, включающих как динамическую работу, так и статическое напряжение, с интенсивным нервно-эмоциональным напряжением. Последнее обусловлено высокой коммуникативной нагрузкой, социальной ответственностью, обезличенностью и кратковременностью контактов, а также необходимостью постоянно предотвращать и разрешать конфликты между интересами обслуживающего персонала и посетителей [20].

Системный анализ стрессоустойчивости выявляет, что ключевыми стресс-факторами выступают неконтролируемость и неопределенность рабочих ситуаций, когда сотрудник испытывает напряжение из-за невозможности влиять на обстоятельства при одновременной обязанности постоянно вмешиваться для решения проблем. Это усугубляется дефицитом внешних ресурсов для преодоления стресса, недостатком поддержки со стороны коллег и руководства, а также несправедливым отношением и

низкой автономией. Наиболее значимым стрессором является сфера межличностных отношений, а уровень стрессоустойчивости напрямую коррелирует с эмоциональным отношением к работе и удовлетворенностью профессиональной деятельностью [11].

Возникающий в таких условиях хронический профессиональный стресс оказывает деструктивное влияние на мнестические процессы через несколько механизмов. Эмоциональная составляющая существенно влияет на эффективность запоминания; однако хронический стресс, лишенный позитивной эмоциональной компенсации, провоцирует выброс кортизола, который блокирует доступ к существующим воспоминаниям и препятствует формированию новых. Это приводит к снижению когнитивных функций, в частности концентрации, памяти и способности принимать решения. Длительное стрессовое состояние не только вызывает нейродегенеративные процессы, но и приводит к системным сосудистым нарушениям, что дополнительно ослабляет умственную деятельность. С точки зрения деятельностного подхода, эффективность памяти определяется вовлеченностью материала в деятельность, однако в условиях стресса и монотонности, характерных для сервисных профессий, возникает феномен психического пресыщения и интерференции, когда многократное повторение одних и тех же операций и постоянное решение конфликтных ситуаций приводит к смысловому насыщению и затрудняет организацию и извлечение информации [5;6;21].

Таким образом, профессиональный стресс в сервисных профессиях, порождаемый комплексом организационных, социально-психологических и коммуникативных факторов, действуя через нейрофизиологические и психологические механизмы, становится ключевым фактором, негативно влияющим на продуктивность, точность и готовность мнемических процессов к воспроизведению.

Библиографические ссылки

1. Анохин, П.К. Очерки по физиологии функциональных систем / П.К. Анохин. – М.: Медицина, 1975. – С. 17-59. – Текст: непосредственный.
2. Анохин, П.К. Системные механизмы высшей нервной деятельности / П.К. Анохин. – М.: Наука, 1979. – 453 с. – Текст: непосредственный.
3. Аристотель. О памяти и припоминании / Пер. и прим. С.В. Месяц // Космос и душа. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 407-419. – Текст: непосредственный.
4. Блонский, П.П. Память и мышление / П.П. Блонский; Наркомпрос, Гос. науч.-исслед. ин-т психологии; под ред. В.Н. Колбановского. – М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – 213, [1] с. – (Психологические исследования; т.3). – Текст: непосредственный.
5. Боднар, А.М. Психология памяти: курс лекций : [учеб. пособие] / А.М. Боднар; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 100 с. – Текст: непосредственный.
6. Визель, Т.Г. Основы нейропсихологии / Т.Г. Визель. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2021. – Текст: непосредственный.
7. Воропаев, А.С. Патология памяти: учебное пособие / А.С. Воропаев, Г.А. Якупова, М.А. Соляник. – СПб.: Изд-во СЗГМУ им. И.И. Мечникова, 2014. – 16 с. – Текст: непосредственный.
8. Ждан, А.Н. История психологии: Учебник / А.Н. Ждан. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 367 с. – Текст: непосредственный.
9. Жмуров, В.А. Психопатология. Часть I. Глава 4. Психология и психопатология памяти. – Текст: электронный // Психиатрия РФ: [сайт]. – URL: <https://www.psychiatry.ru/lib/1/book/91>
10. Запорожец, А.В. Психология. Учебник для дошкольных педагогических училищ (глава 5. Память) / А.В. Запорожец. – М.: Государственное учебно-педагогическое

издательство Министерства Просвещения РСФСР УЧПЕДГИЗ, 1961. – Текст: непосредственный.

11. Клепцова, Е.Ю. Системный анализ стрессоустойчивости сотрудников сферы обслуживания / Е.Ю. Клепцова, Л.В. Макшанцева, О.В. Иванцов // Человеческий капитал. – 2020. – № 1 (49). – С. 167-176. – Текст: электронный. – URL: https://humancapital.su/wp-content/uploads/2020/01/202001_p167-176.pdf

12. Леонтьев, А.Н. Развитие памяти. Экспериментальное исследование высших психологических функций / А.Н. Леонтьев. – Москва-Ленинград: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1931. – 280 с. – Текст: непосредственный.

13. Лубовский, В.И. Л.С. Выготский и специальная психология / В.И. Лубовский. – С. 118-124. – Текст: непосредственный.

14. Лурия, А.Р. Лекции по общей психологии / А.Р. Лурия. – СПб.: Питер, 2006. – 320 с. – Текст: непосредственный.

15. Левченко, И.Ю. Патопсихология: Теория и практика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / И.Ю. Левченко. – Текст: непосредственный.

16. Немов, Р.С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3 кн. Кн. 3: Психодиагностика. Введение в научное психологическое исследование с элементами математической статистики / Р.С. Немов. – 4-е изд. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 640 с. – Текст: непосредственный.

17. Нурова, М.А. Классификация видов памяти, их характеристика / М.А. Нурова, Л.В. Мамедова // Вестник науки и образования. – 2020. – № 21(99). – Ч. 1. – С. 54-58. – Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-vidov-pamyati-ih-harakteristika>

18. Реверчук, И.В. Психофизиология и патопсихология памяти: уч. пособие / И.В. Реверчук. – Ижевск, 2016. – 48 с. – Текст: непосредственный.

19. Трофимова, Н.М. Основы специальной педагогики и психологии / Н.М. Трофимова, С.П. Дуванова, Н.Б. Трофимова, Т.Ф. Пушкина. – СПб.: Питер, 2005. – 304 с. – Текст: непосредственный.

20. Усов, В.В. Профессиональная этика и психология в общественном питании: учеб. пособие для ПТУ / В.В. Усов. – М.: Высш. шк., 1990. – 189 с. – Текст: непосредственный.

21. Физиологические основы памяти. Развитие памяти у детей и подростков. – Казань: КФУ, 2015. – 40 с. – Текст: непосредственный.

22. Papez, J. W. Archives of neurology and psychiatry / J.W. Papez. – 1937. – Vol. 38, № 4. – P. 725–743. – Текст: непосредственный.

© Холодилова А.И., Ливак Н.С., 2025

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СОТРУДНИКОВ МЧС

Е.А. Шаньгина

магистрант 1 курса

СибГУ им. М.Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: shangina_03@list.ru

С.Ю. Пискорская

профессор, СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: piskorskaya1@rambler.ru

В данной статье рассматривается актуальная проблема профессионального выгорания среди сотрудников пожарно-спасательных подразделений МЧС России. Особое внимание уделяется роли эмоционального интеллекта (ЭИ) как ключевого личностного ресурса, способного препятствовать развитию синдрома выгорания. Анализируются компоненты ЭИ и их влияние на основные симптомы выгорания. На основе теоретического анализа делается вывод о необходимости разработки и внедрения психологических программ, направленных на развитие эмоционального интеллекта в целях профилактики и коррекции профессионального выгорания в экстремальных видах профессиональной деятельности.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, профессиональное выгорание, синдром эмоционального выгорания, пожарные, стресс, экстремальная деятельность.

This article examines the pressing issue of professional burnout among employees of the fire and rescue units of the Russian Ministry of Emergency Situations. Particular attention is paid to the role of emotional intelligence (EI) as a key personal resource capable of preventing the development of burnout. The components of EI and their impact on the main symptoms of burnout are analyzed. Based on the theoretical analysis, a conclusion is reached regarding the need to develop and implement psychological programs aimed at developing emotional intelligence for the prevention and treatment of professional burnout in extreme professional activities.

Keywords: emotional intelligence, professional burnout, emotional burnout syndrome, firefighters, stress, extreme activities.

Профессиональная деятельность сотрудников пожарно-спасательных подразделений МЧС России относится к числу наиболее напряженных и экстремальных. Она характеризуется постоянным воздействием хронических стрессогенных факторов (высокий уровень ответственности, физические перегрузки, ненормированный рабочий день) и острых психотравмирующих ситуаций (столкновение со смертью, страданиями пострадавших, риском для собственной жизни). Подобные условия являются плодотворной почвой для развития синдрома профессионального выгорания – состояния физического, эмоционального и умственного истощения [6].

Профессиональное выгорание не только снижает эффективность профессиональной деятельности, но и приводит к деформациям личности, психосоматическим заболеваниям, злоупотреблению психоактивными веществами и деструктивным поведенческим стратегиям. В контексте работы спасателей это создает прямую угрозу не только их

собственному здоровью, но и безопасности коллег и пострадавших.

В связи с этим, особую актуальность приобретает поиск внутренних ресурсов, которые позволяют специалисту успешно противостоять профессиональному стрессу. Одним из таких ключевых ресурсов, по мнению многих исследователей, является эмоциональный интеллект. Способность осознавать, понимать и управлять своими эмоциями и эмоциями других людей становится критически важным навыком в профессиях системы «человек-человек», а в условиях чрезвычайных ситуаций – незаменимым инструментом психологической саморегуляции.

Цель данной работы – теоретически обосновать взаимосвязь между уровнем развития эмоционального интеллекта и выраженностью синдрома профессионального выгорания у сотрудников пожарно-спасательных подразделений МЧС России.

Эмоциональный интеллект (EI) представляет собой концепцию, которая в последние десятилетия привлекает все большее внимание, как в научных кругах, так и в практической психологии. В отличие от традиционных представлений о интеллекте, который обычно измеряется через IQ (интеллектуальный коэффициент) и охватывает такие аспекты, как логическое мышление, математические способности и вербальные навыки. Эмоциональный интеллект сосредоточен на способности человека распознавать, понимать и управлять как собственными эмоциями, так и эмоциями других людей. Понятие эмоционального интеллекта было популяризировано благодаря работам Дэниела Гоулмана, который представил ряд исследований и практических примеров, иллюстрирующих, как эмоциональные навыки могут влиять на успех в жизни и карьере [4].

Эмоциональный интеллект включает в себя несколько ключевых компонентов, таких как самосознание, саморегуляция, социальная осведомленность и навыки межличностного общения. Самосознание подразумевает способность человека осознавать свои эмоции, понимать их влияние на мысли и поведение, а также осознавать свои сильные и слабые стороны. Это важный аспект, поскольку понимание собственных эмоций позволяет людям лучше управлять ими, а также предсказывать, как они могут повлиять на взаимодействие с другими [1]. Саморегуляция, в свою очередь, относится к способности контролировать или перенаправлять свои эмоции и импульсы, что позволяет избегать импульсивных решений и сохранять спокойствие в стрессовых ситуациях. Социальная осведомленность включает в себя эмпатию – способность понимать и чувствовать эмоции других людей, что является ключевым аспектом построения здоровых межличностных отношений. Наконец, навыки межличностного общения касаются способности эффективно взаимодействовать с другими, разрешать конфликты и влиять на окружающих.

Непосредственное влияние эмоционального интеллекта на устойчивость к профессиональному выгоранию становится очевидным при анализе его компонентов в контексте экстремальной деятельности. Сотрудник МЧС с развитым самосознанием способен вовремя заметить у себя первые признаки хронической усталости или раздражительности, которые соответствуют стадии «недостатка топлива» по Гринбергу. Это позволяет ему осознанно применить ресурсы для самопомощи, не дожидаясь перехода к «хроническим симптомам» [5].

Саморегуляция является прямым антиподом эмоциональному истощению. В момент работы на месте ЧС она позволяет блокировать парализующие страх и панику, действовать хладнокровно и по инструкции, а уже после выполнения задачи – экологично и безопасно «разрядить» накопленное психофизиологическое напряжение, не доводя его до соматизации.

Социальная чуткость (эмпатия) препятствует развитию деперсонализации и цинизма – ключевых симптомов выгорания. Понимая эмоции пострадавших, их страх и боль, спасатель может проявить необходимое сочувствие, но при этом сохранить четкую

профессиональную дистанцию, не позволяя их страданиям полностью поглотить его собственные психологические ресурсы.

Наконец, управление отношениями помогает противостоять социально-психологическим факторам выгорания, выделенным Шойгу [8]. Способность выстраивать доверительные и поддерживающие отношения в коллективе создает «буфер безопасности» – систему взаимной психологической поддержки, когда коллеги могут вовремя заметить проблемы друг у друга и оказать помощь.

В контексте профессиональной деятельности эмоциональный интеллект становится особенно важным, поскольку успешное взаимодействие с коллегами, клиентами и руководством во многом зависит от способности понимать и управлять эмоциями. Это особенно актуально для работников служб экстренного реагирования, таких как сотрудники Министерства по чрезвычайным ситуациям (МЧС), которые часто сталкиваются с высокими уровнями стресса и эмоционального напряжения. Профессиональная деятельность в таких условиях требует не только высокой квалификации и технических навыков, но и развитых эмоциональных компетенций, которые помогают справляться с эмоциональными нагрузками и предотвращать профессиональное выгорание [6].

Профессиональное выгорание – это состояние, характеризующееся эмоциональным, физическим и умственным истощением, возникающим в результате длительного стресса и перегрузки на рабочем месте. Оно проявляется в виде хронической усталости, сниженной продуктивности, цинизма и деперсонализации, что может негативно сказаться на качестве работы и общем благополучии сотрудников.

Дж. Гринберг описал профессиональное выгорание как стадийный прогрессирующий процесс, который включает в себя пять стадий.

Первая стадия – «медовый месяц» характеризуется тем что, изначально сотрудник доволен своей работой и выполняет свои обязанности с энтузиазмом. По мере продолжения рабочих стрессов профессия приносит меньше удовлетворения, и сотрудник становится менее энергичным.

Вторая стадия – «недостаток топлива» у сотрудника теряется интерес к своей профессиональной деятельности, появляются усталость, апатия, возможны проблемы со сном. Так же возможно дистанцирование от профессиональных обязанностей, нарушение трудовой дисциплины. Если у сотрудника появляется дополнительная мотивация со стороны работодателя, то он может продолжать с энтузиазмом выполнять свою работу, но уже в ущерб своему здоровью.

Третья стадия – «хронические симптомы» у сотрудника проявляются соматические нарушения: измождение, подверженность заболеваниям, усиливаются и психологические переживания – раздражительность, вспышки агрессии или чувство подавленности, переживание нехватки времени.

Четвертая стадия – «кризис» у человека формируются хронические заболевания, возможна полная или частичная потеря работоспособности. Психологические переживания проявляются в ощущении чувства собственной неполноценности, неудовлетворенности своей профессиональной деятельностью, своими профессиональными навыками и качествами, и жизнью в целом.

Пятая стадия – «пробивание стены» совокупность физических и психологических проблем могут спровоцировать развитие опасных, для жизни человека заболеваний [5].

Так же многие отечественные исследователи занимаются изучением причин и условий развития профессионального выгорания. Ю.С. Шойгу выделяет три группы факторов развития профессионального выгорания и описывает их в своей книге «Психология экстремальных ситуаций пожарных и спасателей».

Группа объективных факторов включает в себя: условия труда, ответственность за

жизнь и здоровье людей, включение в деятельность волевых процессов, эмоционально насыщенные межличностные контакты, хроническая напряженная эмоциональная деятельность.

Группа социально-психологических факторов характеризуется: социально-экономической ситуацией в регионе, имиджем и социальной значимостью профессии, дестабилизирующей организацией деятельности, неблагоприятной психологической атмосферой профессиональной деятельности.

Группа субъективных факторов: состояние здоровья сотрудника, нравственные дефекты и дезориентация личности, иррациональные убеждения, слабая мотивация эмоциональной отдачи в профессиональной деятельности, трудоголизм, количество изменений в жизни [8].

Наряду с этими потенциальными факторами риска выгорания Н.Е. Водопьянова выделяет и экзистенциальные факторы:

- нереализованные жизненные и профессиональные ожидания;
- неудовлетворенность самоактуализацией;
- неудовлетворенность достигнутыми результатами;
- разочарование в других людях или в избранном деле;
- обесценивание и потеря смысла своих усилий;
- переживание одиночества;
- ощущение бессмысленности активной деятельности [3].

Исследования показывают, что сотрудники с высоким уровнем эмоционального интеллекта менее подвержены выгоранию, поскольку они способны эффективно управлять своими эмоциями, справляться со стрессом и поддерживать положительные отношения с коллегами, тем самым смягчая проявления всех трех компонентов синдрома: эмоционального истощения, деперсонализации и редукции профессиональных достижений [2].

Проведенный анализ научной литературы позволяет выстроить четкую схему опосредованного влияния ЭИ на процесс профессионального выгорания. Многочисленные эмпирические исследования, проведенные как в России, так и за рубежом, подтверждают наличие устойчивой отрицательной корреляции между уровнем ЭИ и показателями по всем шкалам выгорания, где ключевыми медиаторами выступают эффективные копинг-стратегии, повышенная стрессоустойчивость и развитые навыки социальной поддержки (Табл. 1).

Таблица 1 – Влияние компонентов эмоционального интеллекта на симптомы профессионального выгорания

Компонент эмоционального интеллекта	Влияние на симптомы профессионального выгорания
Самосознание	Позволяет рано распознать признаки истощения, предотвращая переход в хроническую фазу.
Самоуправление	Лежит в основе выдержки, позволяет откладывать интенсивные переживания для последующей проработки.
Социальная чуткость (эмпатия)	Помогает устанавливать оптимальную эмоциональную дистанцию с пострадавшим, избегая деперсонализации.
Управление отношениями	Создает здоровый социально-психологический климат в коллективе, являясь буфером против группового стресса.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что каждый компонент эмоционального интеллекта выполняет специфическую буферную функцию в отношении различных симптомов профессионального выгорания. Таблица наглядно демонстрирует механизм этого защитного влияния. Самосознание выступает как превентивный фактор, позволяющий распознать ранние признаки истощения до их перехода в хроническую стадию. Самоуправление обеспечивает оперативный контроль над эмоциональными состояниями, создавая возможность для отсроченной проработки интенсивных переживаний в безопасных условиях. Социальная чуткость выполняет регуляторную функцию, позволяя поддерживать оптимальную эмоциональную дистанцию в профессиональном взаимодействии. Управление отношениями создает системную защиту через формирование здорового социально-психологического климата в коллективе.

Можно сделать вывод о том, что компоненты эмоционального интеллекта образуют комплексную систему психологической защиты, где каждый элемент направлен на нейтрализацию конкретного аспекта профессионального выгорания. Это подтверждает теоретическое положение о том, что развитие эмоционального интеллекта может служить эффективным средством профилактики выгорания у сотрудников экстремальных профессий.

Ключевым моментом является то, что эмоциональный интеллект не является фиксированной характеристикой, а может развиваться и улучшаться на протяжении всей жизни [7]. Это означает, что работники МЧС могут активно развивать свои навыки. Развитие эмоционального интеллекта у сотрудников МЧС России должно носить системный и непрерывный характер и быть интегрировано в различные этапы их профессионального пути. Можно выделить несколько ключевых направлений такой работы: профессиональный отбор и подготовка, а также психологическое сопровождение. Развитие эмоционального интеллекта – это не разовое мероприятие, а стратегическая инвестиция в человеческий капитал МЧС, которая напрямую влияет на оперативную эффективность, сохранение здоровья личного состава и, в конечном счете, на успешное выполнение миссии службы.

Для профилактики развития синдрома профессионального выгорания используют методы мышечной релаксации и приемов аутогенной тренировки, способствующие преодолению стресса, нервного напряжения и укрепления здоровья. В процессе учебно-профессиональной подготовки будущим спасателям целесообразно осваивать эти приемы под руководством психолога в кабинете психологической разгрузки.

С целью профилактики и коррекции профессионального выгорания рекомендуется следующее:

- относиться к себе с принятием, без излишней критики; адекватно оценивать свои возможности и ограничения; для формирования и поддержания адекватной самооценки важно концентрироваться на успехах, а не на поражениях;
- уделять время не только работе, но и своим личным интересам и потребностям; работа не должна стать самоцелью и не должна занимать все жизненное пространство.
- возможно построение «горизонтальной карьеры», то есть уход в смежную область деятельности;
- использовать постоянные обязанности для достижения собственных глобальных значимых целей и фиксировать на этом внимание (к примеру, материальное обеспечение семьи, саморазвитие, освоение нового вида деятельности).

Однако панацеи от синдрома профессионального выгорания не существует. Несмотря на то, что данная проблема более чем решаема, этим самым решением нужно целенаправленно заниматься. Любому человеку нужно время от времени останавливаться для осознания, что он делает в данный момент, куда идет и к чему стремится. Взглянув на свою деятельность со стороны, есть шанс увидеть множество новых возможностей.

Таким образом, проведенный теоретический анализ полностью подтверждает наличие тесной обратной связи между уровнем развития эмоционального интеллекта и устойчивостью к профессиональному выгоранию у сотрудников МЧС. Эмоциональный интеллект выступает не просто полезным навыком, а ключевым внутренним ресурсом, который выполняет системную защитную функцию. Как было показано, каждый его компонент целенаправленно противодействует конкретным симптомам и стадиям выгорания: самосознание позволяет распознать угрозу, саморегуляция – управлять ее последствиями, эмпатия – сохранить человечность в бесчеловечных обстоятельствах, а управление отношениями – создать поддерживающую среду в коллективе.

Полученные выводы имеют высокую практическую значимость. Они указывают на необходимость целенаправленного, системного развития эмоционального интеллекта на всех этапах профессиональной карьеры спасателя – от отбора до регулярного психологического сопровождения. Внедрение программ по развитию ЭИ является не затратной статьей, а эффективной мерой профилактики, которая способствует сохранению психического здоровья сотрудников, повышению сплоченности подразделений и, как следствие, укреплению оперативного потенциала системы МЧС России в целом. Дальнейшие исследования в данном направлении могут быть сосредоточены на апробации и оценке эффективности конкретных тренинговых программ для разных категорий сотрудников.

Библиографические ссылки

1. Бочкарева Е. Н. Взаимосвязь профессионального выгорания и эмоционального интеллекта сотрудников контактного центра // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – Т. 13. – №. 3. – С. 576-587. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-professionalnogo-vygoraniya-i-emotsionalnogo-intellekta-sotrudnikov-kontaktnogo-tsentra> (дата обращения: 23.10.2025).
2. Васильева Н. Г. Взаимосвязь особенностей эмоционального интеллекта и синдрома выгорания у врачей // диссертация... кандидата Психологических наук: 19.00.04. – 2016. URL: <https://diss.spbu.ru/files/diss2/890/aftoreferat/LBmvMz3HqK.pdf> (дата обращения: 20.10.2025).
3. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 336 с. – Текст : непосредственный.
4. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман. – М.: АСТ, 2008. – 478 с. – Текст : непосредственный.
5. Гринберг, Дж. Управление стрессом / Дж. Гринберг. – СПб.: Питер, 2002. – 496 с. – Текст : непосредственный.
6. Ежова А. О., Медовикова Е. А. ВЫГОРАНИЯ СОТРУДНИКОВ МЧС РОССИИ // СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ, РИСКИ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ. – 2023. – С. 39. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54778600_70118234.pdf#page=39 (дата обращения: 20.10.2025).
7. Сергиенко, Е. А. Эмоциональный интеллект: российская перспектива / Е. А. Сергиенко, И. И. Ветрова. – М.: Институт психологии РАН, 2019. – 512 с. – Текст : непосредственный.
8. Шойгу, Ю. С. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / Ю. С. Шойгу. – М.: Смысл, 2017. – 319 с. – Текст : непосредственный.

ЭМПАТИЯ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ КАЧЕСТВО АДВОКАТА

В. С. Швечикова

студентка 2 курса

ПФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М.Лебедева»

г. Нижний Новгород, Россия

E-mail: Vladislava2502@yandex.ru

И. А. Банищикова

ст. преподаватель кафедры

общеобразовательных дисциплин

ПФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М.Лебедева»

г. Нижний Новгород, Россия

E-mail: iirisha-banshchikova@mail.ru

Требования к юридической профессии возрастают, безупречного знания закона становится недостаточно. Несмотря на то, что эмпатия, как профессиональное качество адвоката не упоминается в нормативно-правовых актах, ее значение велико. Существует несколько видов и уровней эмпатии, благодаря данной классификации, можно понять какой специалист, вероятнее всего, лучше справится со своей работой и поможет клиенту. В данной работе проводится изучение эмпатии с различных точек зрения: как характеристики личности, как потенциала, как динамического явления и как сложной когнитивной деятельности. Предлагается систематизация типов, составных частей и этапов развития эмпатии. Особое внимание уделено рассмотрению роли эмпатии в адвокатской практике, где она выступает в качестве важнейшего профессионального навыка. Описываются методические подходы к совершенствованию эмпатических способностей в рамках профессиональной деятельности адвоката, способствующие повышению эффективности взаимодействия с клиентами и другими участниками юридического процесса.

Ключевые слова: эмпатия, эмоциональный интеллект, виды эмпатии, уровни эмпатии, профессиональные способности, профессиональные качества, адвокат.

The requirements for the legal profession are increasing, impeccable knowledge of the law is not enough. Despite the fact that empathy as a professional quality of a lawyer is not mentioned in the regulations, its importance is great. There are several types and levels of empathy, thanks to this classification, you can understand which specialist is most likely to cope best with his work and help the client. This work studies empathy from various perspectives: as a personality characteristic, as a potential, as a dynamic phenomenon, and as a complex cognitive activity. It proposes a systematization of the types, components, and stages of empathy development. Special attention is given to the role of empathy in legal practice, where it is considered a crucial professional skill. The paper describes methodological approaches to improving empathy abilities in the context of a lawyer's professional activities, which can enhance the effectiveness of interactions with clients and other participants in legal proceedings.

Keywords: empathy, emotional intelligence, types of empathy, levels of empathy, professional abilities, professional qualities, lawyer.

Быстрый темп развития инноваций и возрастающие требования к безопасности влияют на специфику юридического труда, отражают его социальную значимость. Эмоциональная открытость, сопереживательность и психологическая чувствительность к

эмоциональному состоянию собеседника оказывают решающее значение для успешного взаимодействия сотрудников правоохранительных структур с обществом. Ни в одном нормативно-правовом акте, регулирующем деятельность адвоката, не упоминается эмпатия как условие профессионализма. Но не секрет, что успех адвокатской деятельности во многом зависит от степени конгруэнтности – согласованности переживаний и восприятия адвоката с эмоциональным состоянием клиента. Насколько важна эмпатия для судебного защитника в его профессиональной деятельности?

Термин «эмпатия», появившийся в начале прошлого века, стал новым понятием, вызвавшим активное обсуждение среди философов и психологов. В тот период это понятие было тесно связано с описательной психологией Вильгельма Дильтея, который использовал немецкий термин «Einfühlung» (вчувствование). Позже термин был переведен на английский язык Эдвардом Титченером как «empathy», то есть «эмпатия», Титченер воспринимал эмпатию как способность человека реагировать на эмоциональные проявления других людей. В российской психологии это понятие появилось только во второй половине XX века. Т. Гаврилова рассматривала эмпатию преимущественно через призму эмоционального аспекта [3, с.632].

Кроме того, стоит различать два смежных понятия – эмпатия и эмоциональный интеллект. Эмпатия является важным компонентом эмоционального интеллекта. Впервые термин был охарактеризован в конце XX века зарубежными учеными, но по-прежнему вызывает большое количество споров. Первыми определение эмоциональному интеллекту дали Питер Саловей и Джон Майер. Они определяли эмоциональный интеллект как «подмножество социального интеллекта, который включает в себя способность контролировать свои собственные и чужие чувства и эмоции, чтобы различать их и использовать эту информацию для того, чтобы направлять мышление и действия» [9, 189]. Соответственно, эмоциональный интеллект более широкое понятие: эмоциональный интеллект – способность понимать, управлять и распознавать свои собственные эмоции, а также эмоции других людей; эмпатия – способность реагировать на эмоции других людей.

Исследуя вопрос эмпатического поведения, психологи выделили несколько типов эмпатии (Табл. 1)

Таблица 1 – Типы эмпатии

<i>Типы эмпатии</i>	<i>Характеристики</i>
<i>когнитивная</i>	базируется на разумном понимании чувств другого человека. Это побуждает адвоката внимательнее изучить обстоятельства дела, обращая особое внимание на обстоятельства, которые можно использовать в пользу доверителя.
<i>эмоциональная</i>	подразумевает способность переживать эмоции другого на собственном опыте. Например, адвокат способен мысленно поставить себя на место клиента («Что бы я сделал в такой ситуации?»).
<i>поведенческая</i>	проявляется в ответной реакции на чужие переживания, например, в поддерживающих словах («Я хочу вам помочь в справедливом рассмотрении дела», «Мы вместе постараемся решить проблему», «Я уверен в успехе судебного разбирательства» или «Я понимаю, насколько для вас важно отстоять свои интересы, и полностью на вашей стороне»).
<i>предикативная</i>	дающий возможность предвидеть реакции других на различные ситуации. Адвокат, чувствуя состояние доверителя или свидетеля, вырабатывает тактику беседы с целью получения необходимой информации по делу.

Безусловно, степени конгруэнтности влияет на продуктивность деятельности для специалистов разных сфер (для медиков, учителей, сотрудников социальных служб, руководителей и служащих полиции т.п.). Учитывая важность умения чувствовать чужую боль и распознавать эмоции, многие компании приветствуют наличие этих качеств у потенциальных сотрудников. Для определения степени развития эмпатии используют специальные инструменты: например, тесты многомерной эмпатии, созданные И.М. Юсуповым, или методика измерения эмоциональной реакции по системе А.А. Меграбяна [7, с.208]. Данные методики позволяют определить эмпатический уровень соискателя и помогут работодателю принять решение о подборе персонала на определённые должности, в том числе на должность адвоката.

Рассмотрев и охарактеризовав типы эмпатии, перейдем к исследованию на каких этапах ведения дела проявляются эмпатические способности.

На первичной консультации клиент часто находится в состоянии стресса, растерянности и страха, ему важно находиться в комфортной для него обстановке. В таком случае, эмпатичный адвокат способен выстраивать благоприятную атмосферу, в которой клиент чувствует себя понятым. Выстраивание доверительных отношений крайне важно: чем больше доверия испытывает клиент, тем более полную и откровенную информацию он предоставит. На данном этапе адвокату важно активно слушать клиента, а также обращать внимание на невербальные сигналы проявления.

На этапе сбора доказательств, адвокату важно понять и предугадать, как будут восприняты доказательства участниками судебного процесса: адвокат с развитой предикативной эмпатией способен предвидеть эмоциональную реакцию судьи, а поэтому выстроить аргументацию так, чтобы сделать ее юридически безупречной и психологически убедительной.

Психологи различают три уровня эмпатии (Табл. 2).

Таблица 2 – Уровни эмпатии

Уровни эмпатии	Характеристики
<i>высокий</i>	-тонко чувствуют эмоциональное состояние окружающих; -человек готов помогать, даже когда это вредит ему самому; -отличные коммуникационные качества.
<i>средний</i>	-умение замечать чужие эмоции; -способность находить слова поддержки; -способность смотреть на ситуацию с точки зрения другого человека.
<i>низкий</i>	-невнимание к эмоциям собеседника создает проблемы в выстраивании взаимодействия; -непонимание, почему люди реагируют определённым образом; -во взаимодействии с другими превалирует логика, а не чувства. -критика воспринимается отрицательно.

Адвокат с низким уровнем эмпатии может сказать клиенту: «Ни я, ни другой адвокат ничем не смогут помочь в вашем деле. Вы сами виноваты...». В коллективе такие специалисты часто конфликтуют и держаться изолированно. Для соискателя на позицию юридического консультанта или адвоката требуется средний уровень эмпатии. Такой адвокат не просто слышит, а внимательно слушает клиента и стремится оказать необходимую поддержку. Не случайно первая фраза адвоката при встрече с клиентом звучит как: «Я вас слушаю и готов помочь».

Высокий уровень эмпатии среди адвокатов встречается реже. Люди с такой эмпатией гораздо сильнее переживают чувства других, чем собственные. Они отличаются тактичностью, но эмоциональное равновесие у них хрупко, а настроение подвержено

резким колебаниям, что нередко мешает профессионально выстроить линию защиты в суде.

Исследование, проведенное ранее, показало тесную зависимость между низкими показателями эмоционального интеллекта и повышенным риском возникновения суицидального поведения и хронических депрессий. Неспособность индивида распознавать собственные чувства существенно увеличивает риск развития тяжелой депрессии и может привести к нарушениям закона. Адвокат должен принимать во внимание этот аспект при разработке психотипа клиента или пострадавшего лица. В некоторых ситуациях данное обстоятельство может рассматриваться судом как смягчающее ответственность клиента условие.

Было бы неправильно ассоциировать эмпатию с жалостью, при которой жалеющий испытывает чувство превосходства. В этом случае адвокат, лишённый эмпатии, склонен к бестактному общению, что может выражаться в таких фразах как: «Мне вас жаль, но вы сами виноваты в данной ситуации...», «Я понимаю, что у вас проблемы с законом, но не ждите от меня невозможного».

Практикующие адвокаты часто отмечают проблему эмоционального выгорания. Это неудивительно, ведь труд адвоката сопряжен с высокой эмоциональной нагрузкой и большой ответственностью. Опасность эмоционального истощения опасна снижением профессионализма, ведёт к циничному отношению к работе. Сталкиваясь с подобным адвокатом, у клиента-доверителя, может сформироваться негативное отношение ко всей судебной системе, желанию устроить «самосуд». Кроме того, чрезмерная эмоциональная вовлеченность адвоката в дело клиента может помешать адвокату трезво оценивать правовые перспективы и риски. Специалист теряет объективность, вместо холодного анализа у него возобладает желание бороться до конца, даже в ситуации, когда исход дела, очевидно, будет неудачным. Адвокат важно находить баланс между эмпатией и рациональностью. Также многие клиенты могут прибегать к манипуляциям для достижения своих целей, которые не всегда могут совпадать с целями правосудия. В таком случае адвокат должен сохранять критическое мышление, важно, чтобы он мог отличить манипулятивные и искренние переживания. Таким образом, эмпатия должна быть, не просто сформированным в течение жизни чувством, а именно выработанным профессиональным качеством, которая поможет специалисту грамотно управлять своими эмоциями, избегая проблем со здоровьем, а также сохранения свою компетенцию.

В контексте современных вызовов, стоящие перед юридическим сообществом, эмпатию следует рассматривать не как дополнительное умение, а как неотъемлемый элемент профессиональной культуры и этики адвоката. Ее включение нормативно-правовую систему способствует гуманизации юридического процесса и росту общественного доверия к судебной системе в целом.

Прежде всего, эмпатия тесно переплетается с адвокатской этикой. Согласно кодексу профессиональной этики адвоката, он обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя, используя исключительно допустимые законом методы. Добросовестность в данном случае подразумевает не только формальное исполнение обязанностей, но и искреннюю вовлеченность в судьбу человека. Бестактность, равнодушие, высокомерие – все это проявления низкого уровня эмпатии, которые прямо противоречат этическим принципам профессии. Эмпатичный адвокат уважает достоинство своего клиента, даже если его вина очевидна, и строит защиту, исходя из этого уважения.

Кроме того, эмпатия является важной частью профессиональной культуры юридического сообщества. Культура общения между коллегами – адвокатами, прокурорами, судьями – во многом определяет атмосферу в суде. Конструктивный диалог предполагает взаимное уважение, внимательное слушание, аргументированное изложение

позиций – без перехода на личности. Адвокат, который способен понять позицию и процессуальные трудности своего клиента, способен выстроить эффективный путь взаимодействия, который ускорит процесс дела и поспособствует вынесению взвешенного решения.

Развитие эмпатии у адвокатов не только повышают престиж юридической профессии, но и укрепляют основы правового государства. Ведь, граждане, сталкиваясь с безразличием, особенно остро ощущают потребность в чутком и внимательном отношении при решении правовых вопросов. Через внимательное отношение к доверителю адвокат демонстрирует истинную суть закона – не как формальный инструмент, а как способ отстаивать свои права и интересы.

В связи с этим, стала очевидной проблема внедрения обучения эмпатии в программы юридического образования и повышения квалификации. Но можно ли вообще научиться и развить в себе это качество? Ответ однозначно «да». Его целенаправленное совершенствование приводит к заметному улучшению результатов в профессиональной сфере и межличностном общении. К основным приёмам, способствующим развитию данного качества, относятся:

а) *активное слушание*. Адвокат должен сосредоточиться на полном понимании клиента. В кабинете не должны находиться, или входить посторонние. Для доверителя важно, если защитник будет задавать уточняющие вопросы, перефразировать его слов для уверенности в правильном восприятии ситуации;

б) *наблюдение за невербальными сигнальными проявлениями* - внимание к языку тела и тону голоса клиента, поскольку эмоции проявляются не только вербально. Например, частое прикосновение к носу или скрещенные руки на груди сигнализируют о том, что человек говорит неправду;

в) *ролевая игра (постановка себя на место клиента)*. Это поможет адвокату понять мотив действий клиента; понять, почему он действовал именно так, а не иначе;

г) *практика саморефлексии* - анализ собственных чувств и реакций для развития осознанности и лучшего понимания других людей. Это поможет плодотворнее подготовиться к судебным заседаниям, путем анализа каждого доказательства. Адвокат не должен бояться озвучивать доказательства, иначе это будет воспринято как слабость его позиции;

д) *расширение кругозора* через участие в семинарах, изучение специализированной литературы и обмен опытом с коллегами помогает усовершенствовать эмпатические навыки. Начинающим адвокатам необходимо ознакомиться с принципами работы лучших адвокатов России. Так, например, выдающийся адвокат Федор Плевако часто не только брался за дела людей незнатного происхождения, попавших в сложную ситуацию, но и делал это бесплатно, сам оплачивал судебные расходы бедного клиента. Ф.Плевако не раз отмечал, что ему интереснее браться за казалось бы безнадежные дела, в которых подсудимой стороной были люди низкого происхождения. Развитие эмпатии - длительный и последовательный процесс, требующий систематической практики. Совершенствование и применение навыков в реальных условиях - залог успешного развития эмпатии.

В заключении хочется сказать, что эмпатия – не просто черта характера, а ключевое профессиональное качество, которое определяет успешность деятельности адвокатов. Способность распознавать, понимать и разделять чувства клиента, а также его эмоциональное состояние помогает юристу выстраивать доверительные отношения, что непосредственно влияет на исход дела.

Эмпатия способствует формированию более точной стратегии защиты и позволяет адвокату учитывать психологические особенности участников дела. Так эмпатия становится не только инструментом для коммуникации, но ещё и элементов юридического

анализа, помогая находить оптимальные решения в сложных и неоднозначных правовых обстоятельствах.

Эмпатия помогает адвокатам не получить профессиональное выгорание, что очень важно, так как работа адвоката часто связана с сильными переживаниями. Умение контролировать свои чувства и не терять спокойствие позволяет юристу оставаться объективным и эффективным даже в стрессовых условиях.

Наконец, формирование эмпатии у адвокатов стоит рассматривать как одно из направлений профессиональной подготовки. Включение практических тренингов по развитию эмоционального интеллекта и эмпатических навыков в образовательные программы юридических вузов может значительно повысить качество юридической помощи и доверие граждан к судебной системе. Таким образом, эмпатия – это не только проявление гуманизма, но и стратегический ресурс, который позволяет обеспечить высокий уровень профессионализма.

Библиографические ссылки

1. Алехин А. Н. Индивидуальные отношения. Теория и практика эмпатии: монография / А. Н. Алехин, А. В. Курпатов. Москва: Олма Медиа Групп, 2007. 384 с.
2. Андреева Г. М. Социальная психология: учеб. пособие / Г. М. Андреева. М.: Аспект-Пресс, 2016. 363 с.
3. Басова А. Г. Формирование эмпатии / А. Г. Басова // Молодой ученый. 2013. №5. С. 631–633.
4. Бражникова А. Н. Эмпатия как нравственное качество будущего профессионала / А. Н. Бражникова // Психологическая наука и образование. 2012. № 4. С. 120–130.
5. Кузьмина В. П. Теоретический аспект исследования эмпатии как актуальная проблема современной психологии / В. П. Кузьмина // Вестник Вятского государственного университета. 2007. № 17. С. 107–112.
6. Лабунская В. А. Психология затрудненного общения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Лабунская, Ю. А. Менджерицкая, Е. Д. Бреус. М.: Академия, 2001. 288 с.
7. Маклаков А. Г. Общая психология: учеб. пособие для студ. вузов и слушателей курсов псих. дис-н / А. Г. Маклаков. СПб: Питер, 2017. 582 с.
6. Менджерицкая Ю. А. Особенности эмпатии субъектов затрудненного – незатрудненного общения / Ю. А. Менджерицкая // Практическая психология. № 4. 1999. С. 15–19.
8. Мещеряков Б. Г., Зинченко, В. П. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. СПб.: ПраймЕВРОЗНАК, 2009. 811 с.
9. Соловей П., Майер Д. Эмоциональный интеллект // «Imagination, Cognition, and Personality» 1990 № 9. С. 185–211.

© Швечикова В.С., Банщикова И.А., 2025

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ НАУКОЕМКОГО ПРОИЗВОДСТВА

Юрковская Г. И.

доцент, СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

E-mail: yurk7@mail.ru

В современных условиях ведения бизнеса адаптация молодого специалиста на любом предприятии – процесс непростой, но в условиях наукоемких и высокотехнологичных производств он усугубляется целым рядом специфических вызовов, которые могут затруднять интеграцию молодых кадров в производственные процессы.

Ключевые слова: молодой специалист, адаптация, профессиональные компетенции, наукоемкое производство.

In modern business conditions, the adaptation of a young specialist at any enterprise is not an easy process, but in conditions of high-tech and high-tech industries it is aggravated by a number of specific challenges that can complicate the integration of young personnel into production processes.

Key words: young specialist, adaptation, professional competencies, knowledge-intensive production.

Активное развитие наукоемких отраслей промышленности способствует экономическому росту, повышению конкурентоспособности национальной экономики и экономической безопасности государства. Наукоемкий сектор Российской Федерации представляет собой динамичный, но структурно сложный элемент национального хозяйства, который, несмотря на значительные внешние и внутренние вызовы, демонстрирует признаки адаптационной устойчивости и обладает трансформационным потенциалом для модернизации экономики в сложных геополитических условиях [3]. Значимым конкурентным преимуществом наукоемкого сектора является кадровый потенциал, важная роль в котором отводится молодым специалистам.

Адаптация молодых специалистов является одним из ключевых факторов успешного функционирования предприятий наукоемких отраслей промышленности. Современная экономика требует постоянного обновления технологий и инноваций, что ставит перед молодыми специалистами особые задачи, связанные с быстрым освоением новых профессиональных компетенций и адаптацией к специфическим условиям труда.

Согласно Федеральному закону от 30.12.2020 №489-ФЗ (в редакции Федерального закона от 22.04.2024 №95-ФЗ), молодой специалист – гражданин Российской Федерации в возрасте до 35 лет включительно, завершивший обучение по основным профессиональным образовательным программам и (или) по программам профессионального обучения, впервые устраивающийся на работу в соответствии с полученной квалификацией, в том числе имеющий трудовой стаж, полученный в период обучения по основным профессиональным образовательным программам и (или) по программам профессионального обучения [5, 6].

Статус «молодой специалист» присваивается на три года: работник должен проработать по специальности в течение трёх лет с момента первого трудоустройства. В этот период не включается служба в армии и декретный отпуск. В каждой отрасли могут предъявляться дополнительные требования, чтобы присвоить статус «молодой специалист».

После окончания обучения в университете молодые специалисты трудоустраиваются на предприятия и попадают в новые жизненные обстоятельства, в которых им необходима помощь и поддержка квалифицированных специалистов-наставников, а также грамотно организованный процесс адаптации.

Под адаптацией молодого специалиста в организации понимается взаимное приспособление вновь поступившего специалиста и организации, основывающееся на постепенной его вживаемости в новых профессиональных условиях [1].

Под адаптацией молодого специалиста понимают механизмы гибкого приспособления и активного овладения производственными компетенциями, нормами профессионального коллективного общения, осознания и принятия традиций организации [4].

В процессе адаптации молодых специалистов принято выделять четыре следующие этапа [4].

Первый этап проходит еще на старших курсах обучения. В этот период на выпускника влияют два основных фактора – социокультурная среда учебного заведения и внешняя профессиональная среда.

Второй этап охватывает первый год трудовой деятельности. Молодой специалист усваивает практические навыки, углубляет знания, вливается в организационную среду.

Третий этап адаптации приходится на второй год трудовой деятельности. Молодой специалист уже имеет профессиональный опыт, он всё глубже внедряется в коллектив. В это время принимается окончательное решение, хочет ли человек продолжать работать по выбранной специальности и на выбранном рабочем месте.

Четвёртый этап начинается на третьем году работы. Сотрудник уже глубоко вовлечён в рабочий процесс, активно взаимодействует с коллективом. Успешность адаптации проявляется через профессиональное признание и полностью самостоятельное выполнение должностных обязанностей без контроля руководителя или наставника.

Адаптация молодых специалистов на предприятиях наукоемкого производства представляет собой особую проблему, обусловленную специфическими особенностями их деятельности.

Предприятия наукоемкого производства – это предприятия, на которых передовые научные достижения реализуются с применением наиболее прогрессивных – высоких технологий. Такие предприятия характеризуются высокими абсолютными и относительными (по отношению к общим издержкам производства) затратами на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Строгих критериев, позволяющих выделять наукоемкое производство из разных сфер экономической деятельности, не существует. Для целей прикладного анализа к наукоемким принято относить производства с удельным весом затрат на НИОКР не ниже 3,5- 4,5% от всей суммы издержек. Иногда в качестве критерия используется такой показатель, как доля сотрудников, занятых в сфере НИОКР; для наукоемкого производства она должна составлять не менее 4% от общего числа работников. Наукоемкие производства сосредоточены преимущественно в высокотехнологичных отраслях атомной, ракетно-космической промышленности, авиастроении, фармацевтике и медицине, электронно-вычислительной технике, сфере информатизации, коммуникационных услуг и др. По данным ведущих международных корпораций, в начале 21 века наукоемкость производства в аэрокосмической промышленности составляла 10-15%, в фармацевтике – 4-15%, на предприятиях по производству электронной техники – 5-17%. Повышенные затраты на НИОКР на таких производствах необходимы, так как их работа построена на регулярном усложнении технологий и своевременном внедрении инноваций, для чего требуется постоянная исследовательская и экспериментальная поддержка [2].

В развитых странах наукоемкое производство традиционно считается одним из наиболее важных сегментов национальной экономики, так как позволяет органам государственной власти и частному бизнесу решать многие ключевые экономические задачи. В частности, на базе наукоемкого производства государства стремятся создавать передовую оборонную промышленность, обеспечивающую их военную безопасность. Кроме того, развитие наукоемкого производства часто становится способом решения государственных задач в сферах здравоохранения, образования, энергосбережения, охраны окружающей среды и т. п. [2].

Специфические особенности деятельности предприятий наукоемкого производства заключаются в следующем:

- зависимость деятельности от государственного заказа;
- мелкосерийный и единичный масштаб производства;
- сложность процессов моделирования и создания образцов наукоемкой продукции;
- высокий уровень технической сложности продукции;
- высокий уровень наукоемкости производства и продукции: доля затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) в себестоимости составляет не менее 3,5-4%;
- длительные циклы создания и изготовления наукоемкой продукции;
- значительная доля специализированных производств и уникального оборудования;
- высокий технологический уровень производства, в значительной степени базирующийся на технологиях пятого и последующих технологических укладов;
- высокий уровень требований к подготовке квалифицированных специалистов и регулярное повышение их квалификации;
- высококвалифицированный персонал с уникальными профессиональными компетенциями;
- высокий уровень требований к качеству продукции/услуг (в частности, надежности и безопасности);
- высокая стоимость создания и изготовления наукоемкой продукции;
- высокая степень инвестиционного риска;
- высокий уровень контроля, в том числе со стороны государственных органов;
- информационная закрытость отрасли.

Итак, в современной экономике, основанной на знаниях, наукоемкие производства являются локомотивом технологического прогресса и конкурентоспособности страны. Однако их эффективность напрямую зависит от кадрового потенциала, способности предприятия привлекать и удерживать талантливых молодых специалистов. Именно на стыке ожиданий бизнеса и амбиций выпускников вузов возникает комплекс проблем, способный свести на нет усилия по их интеграции в производственную среду предприятия.

Во-первых, это разрыв между теорией и практикой. Недостаток практических навыков – это самая очевидная и болезненная проблема. Университеты, несмотря на все усилия, не всегда могут обеспечить студентам возможность получения достаточного практического опыта. Они дают фундаментальные знания, но зачастую не успевают за скоростью изменения конкретных технологий и программных комплексов, используемых на производстве. Выпускник, блестяще знающий теорию полупроводников, может растеряться перед уникальной установкой для фотолитографии, а программист, освоивший классические алгоритмы, не знаком со спецификой SCADA-систем или программного обеспечения для численного моделирования. В результате молодые специалисты могут испытывать трудности в применении теоретических знаний на практике, и период

«непроизводительного труда» затягивается. Сотрудник чувствует себя некомпетентным, а работодатель несет убытки, не получая отдачи от вложений в зарплату и наставничество.

Во-вторых, это высокий порог входа и сложность продукции или технологических процессов. Научное производство – это часто штучный или мелкосерийный продукт с длинным циклом разработки и изготовления. Оно характеризуется использованием сложных технологий и инновационных решений, и молодым специалистам может потребоваться значительное время для освоения этих технологий и понимания принципов их работы. Новичок, принятый в конструкторское бюро или отдел главного технолога, первые несколько месяцев просто поглощает информацию, не имея возможности предложить значимых улучшений. Молодому специалисту требуются месяцы, а иногда и годы, чтобы в полной мере понять всю цепочку: от НИОКР до испытаний и поставки продукта Заказчику. В результате – потеря мотивации, ожидая быстрых результатов и интересных задач, молодой сотрудник сталкивается с рутинной и необходимостью долгого и сложного пути обучения на рабочем месте.

В-третьих, это проблема «социального лифта» и иерархии. На традиционных наукоемких предприятиях (например, в оборонно-промышленном комплексе, аэрокосмической отрасли) сильна культура уважения к опыту и званиям. Решения часто принимаются опытными специалистами с большим количеством навыков и знаний с многолетним стажем. Инициативы и свежие идеи молодых сотрудников могут игнорироваться или тормозиться в многоуровневой системе согласований. В результате идет развитие беспомощности, когда специалист перестает предлагать что-то новое и просто выполняет рутинные задачи. Наиболее амбициозные и талантливые молодые специалисты уходят в более гибкие компании или стартапы.

В-четвертых, это отсутствие мотивации, либо из-за психологического стресса, связанного с необходимостью быстрого освоения большого объема нового материала и высокими ожиданиями руководства, либо из-за кризиса профессиональной идентичности. Некоторые молодые специалисты могут испытывать трудности с мотивацией и определением своей профессиональной идентичности. В условиях наукоёмкого производства, где требуется высокая концентрация и специализация, это может привести к снижению производительности труда и увеличению текучести кадров.

В-пятых, это отсутствие индивидуального подхода. Научные предприятия, в силу специфических особенностей их деятельности, могут не уделять достаточного внимания потребностям и особенностям каждого молодого специалиста, что может существенно затруднить его адаптацию.

В-шестых, это дефицит эффективных наставников. Далеко не каждый опытный специалист – хороший учитель. Наставничество – это отдельный навык, требующий времени, терпения и желания делиться знаниями, что часто конфликтует с личными КРП (ключевыми показателями эффективности) самого наставника. В реальности происходит формальное закрепление за молодым специалистом наставника, который либо перегружен своей работой, либо не видит в этом личной выгоды. В результате новый сотрудник оказывается в информационном вакууме, совершает ошибки и чувствует себя брошенным.

В-седьмых, это специфическая корпоративная культура и бюрократия. Корпоративная культура предприятия также может влиять на адаптацию молодых специалистов. Крупные наукоемкие предприятия часто отличаются высоким уровнем стандартизации бизнес-процессов, строгим следованием регламентам (особенно в отраслях с госрегулированием) и развитой системой внутренней отчетности. Поколение Z, выросшее в эпоху agile, flat-структур и цифровизации, с трудом воспринимает многочасовые планерки, объемные бумажные отчеты и жесткую иерархию. В результате возникает и растет внутренний конфликт и желание сменить работу на более современную

и динамичную. Недружелюбная корпоративная среда также может затруднить интеграцию молодых кадров и снизить их мотивацию.

Закрепление талантливых и эффективных молодых специалистов на предприятиях наукоёмкого производства является сложным и многогранным процессом. Это одна из ключевых задач современных предприятий наукоёмкого производства, и ее благоприятное разрешение является залогом их успешной деятельности в долгосрочной перспективе. Преодоление обозначенных выше проблем требует от руководства предприятий пересмотра самого подхода к адаптации молодых специалистов и введения соответствующих изменений, учитывающих потребности молодых кадров.

Пути решения этих проблем заключаются в следующем.

1. Создание эффективного механизма взаимодействия университетов и предприятий наукоёмкого производства. В рамках такого партнерства могут быть организованы стажировки, практики, проектная работа студентов, целевое обучение, а также возможно обращение предприятий к услугам университетских исследовательских групп и лабораторий, поддержка студенческих стартапов. Таким образом появляется возможность целенаправленно готовить кадры и давать студентам не только теоретические знания, но и актуальные практические навыки еще до выпуска из университета. Это позволит будущим молодым специалистам получить необходимый опыт и адаптировать полученные знания к конкретным условиям производства.

2. Внедрение программы постепенной адаптации. Это не просто экскурсия по предприятию и подписание документов, это поэтапный план на первые 3-6 месяцев ознакомления молодого специалиста с реальными условиями ведения трудовой деятельности, включающий вводные курсы по технологиям, ротацию по смежным отделам, четко сформулированные цели и регулярную обратную связь.

Предприятиям следует разработать программы обучения и повышения квалификации, которые помогут молодым специалистам быстрее адаптироваться к новым технологиям.

Важным аспектом является цифровизация процессов адаптации, в рамках которой идет использование LMS (Learning Management System), VR (Virtual Reality) и AR (Augmented Reality) технологий в онлайн-обучении/дистанционном обучении, создание внутренних баз знаний и интернет-порталов, где в структурированном виде собрана информация о технологиях и процессах наукоёмкого производства.

3. Создание проектных групп для молодых специалистов. Позволяет дать им реальную, но ограниченную по масштабам и рискам задачу. Это стимулирует командную работу, повышает уровень профессиональных компетенций, дает быстрый результат и помогает проявить инициативу.

4. Разработка программ по повышению мотивации и профессиональной ориентации. Это может включать в себя организацию встреч с успешными сотрудниками, проведение тренингов по развитию профессиональных навыков и создание условий для карьерного роста.

5. Разработка индивидуальных программ адаптации для каждого молодого специалиста. Это может включать в себя назначение наставника, разработку индивидуального плана обучения и предоставление возможности для профессионального роста и развития.

6. Развитие наставничества. Важно обеспечить доступ новичкам к квалифицированным наставникам и коллегам, которые могут поделиться своим опытом и помочь в решении возникающих проблем. Необходимо сделать наставничество престижным и выгодным. Это возможно через внедрение соответствующих KPI для наставников, материальное и нематериальное стимулирование, обучение их

педагогическим и менторским компетенциям, повышение заинтересованности в обучении молодых специалистов.

7. Предприятиям наукоемкого производства следует уделять внимание формированию позитивной корпоративной культуры, основанной на сотрудничестве, взаимопомощи и уважении. Это поможет создать условия для успешной адаптации молодых специалистов и их интеграции в коллектив.

Предлагаемый механизм адаптации молодых специалистов на предприятиях наукоемкого производства представлен на рисунке 1.

Адаптация молодого специалиста на наукоемком производстве – это не кадровая формальность, а стратегическая инвестиция в будущее предприятия. Преодоление разрыва между потенциалом молодежи и консервативностью высокотехнологичной среды требует системного подхода, гибкости и готовности вкладываться в развитие не только технологий, но и людей. Предприятия наукоемкого производства, которые смогут превратить сложный старт в уверенный взлет, получат самое ценное в современной экономике – лояльных, мотивированных и компетентных специалистов, способных создавать и продвигать инновационные продукты и технологии.

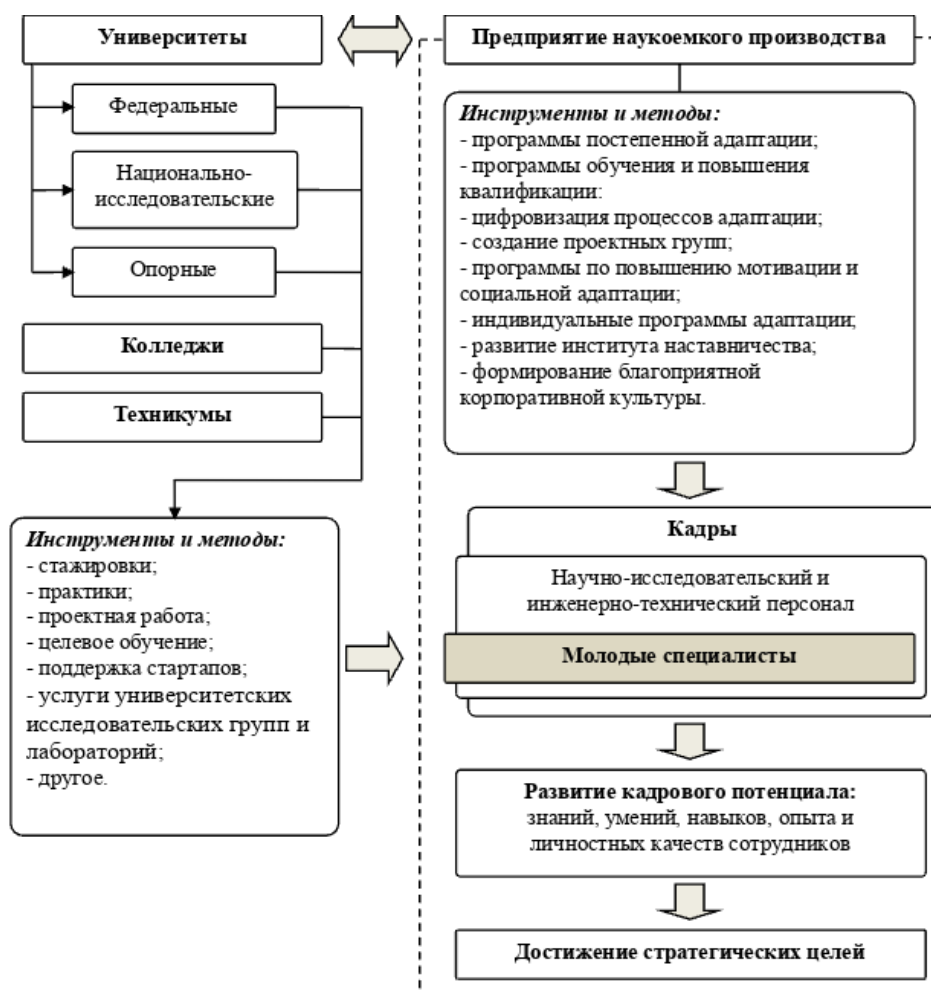

Рис. 1 – Механизм адаптации молодых специалистов на предприятиях наукоемкого производства

Библиографические ссылки

1. Азиатова, Л. К. Сущность, структура и содержание понятия «адаптация молодых специалистов», «система управления», «управление процессом адаптации» // Вестник науки. 2023. №11 (68) Том 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-struktura-i-soderzhanie-ponyatiya-adaptatsiya-molodyh-spetsialistov-sistema-upravleniya-upravlenie-protssom-adaptatsii> (дата обращения: 14.11.2025).
2. Большая российская энциклопедия 2004-2017. – URL: https://old.bigenc.ru/technology_and_technique/text/2251800 (дата обращения: 14.11.2025).
3. Высокотехнологичные отрасли России: локомотив долгосрочного развития в сложных геополитических условиях: аналитический обзор. Октябрь 2025. // Национальное рейтинговое агентство (НРА). – URL: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2025/11/obzor_nra_vysokotekhnologichnaja_promyshlennost_rf_nojabr_2025.pdf (дата обращения: 14.11.2025).
4. Методы адаптации молодых специалистов в организации // Образовательный портал «Справочник». – Дата написания статьи: 05.05.2022. – URL: https://spravochnick.ru/upravlenie_personalom/metody_adaptacii_molodyh_specialistov_v_organizacii/ (дата обращения: 14.11.2025).
5. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ "О молодежной политике в Российской Федерации". – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 14.11.2025).
6. Федеральный закон от 22.04.2024 № 95-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404220035> (дата обращения: 14.11.2025).

© Юрковская Г. И., 2025

КАРЬЕРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Е. П. Юшкова

студент 2 курса магистратуры,
КИУ им. В.Г. Тимирязова,
г. Казань, Россия
E-mail: lizached58@gmail.com

В статье представлен теоретический анализ проблемы взаимосвязи карьерных ориентаций и психологического благополучия в контексте профессиональной эффективности. Обоснована позиция, что психологическое благополучие является необходимым условием устойчивой профессиональной продуктивности. Проанализированы специфические взаимосвязи между различными типами карьерных ориентаций и аспектами психологического благополучия, предложены практические рекомендации.

Ключевые слова: карьерные ориентации, психологическое благополучие, профессиональная эффективность, якоря карьеры, эмоциональное выгорание.

The article presents a theoretical analysis of the problem of the relationship between career orientations and psychological well-being in the context of professional effectiveness. The position that psychological well-being is a necessary condition for sustainable professional productivity is substantiated. The specific interrelations between different types of career orientations and aspects of psychological well-being are analyzed, and practical recommendations are offered.

Keywords: career orientations, psychological well-being, professional efficiency, career anchors, emotional burnout.

В профессиональной среде, характеризующейся высокой динамичностью и неопределенностью, происходит переосмысление критериев профессиональной эффективности. Современная профессиональная среда характеризуется фундаментальными трансформациями, обусловленными процессами цифровизации, глобализации и становления постиндустриальной экономики. Такие изменения порождают новые вызовы для профессиональной реализации личности: возрастание неопределенности и непредсказуемости карьерных траекторий, размывание традиционных карьерных паттернов, увеличение интенсивности и темпа профессиональной деятельности.

Традиционные показатели, такие как карьерный рост и материальные достижения, оказываются недостаточными для оценки долгосрочной успешности. На первый план выходит концепция психологического благополучия личности как основы для устойчивого профессионального развития.

Особую актуальность данная проблема приобретает в период профессионального становления, когда у студентов вузов формируются ключевые карьерные ориентации. Понимание того, как различные типы карьерных ориентаций соотносятся с компонентами психологического благополучия, позволяет не только прогнозировать профессиональные траектории, но и разрабатывать эффективные системы психологического сопровождения карьерного развития.

Карьера – это должностное продвижение работника на протяжении всего периода его работы или временного отрезка. Карьера определяется длительностью и последовательностью занимаемых работником должностей [3, с. 120]. Каждый человек обладает уникальным сочетанием ценностей, мотивов и талантов, которые он считает фундаментальными и не готов ими пожертвовать при построении карьеры. Сформированные в процессе жизни представления о социальных нормах, работе и успехе создают индивидуальную систему профессиональных координат. Именно поэтому для анализа профессионального пути человека ключевое значение имеют его ценностные ориентации, глубинные установки и социальные мотивы.

Наиболее используемым понятием, отражающим смысл профессионального развития человека, является понятие «карьерные ориентации» (или «якоря карьеры»). Этот термин был введен Э. Шейном для описания устойчивой системы ценностей и мотивов, которыми человек руководствуется в профессиональном выборе и развитии [5, с. 128]. Э. Шейн полагал, что карьерные ориентации, или «якоря», складываются в начале карьерного пути под влиянием социализации и приобретаемого опыта. Нередко человек следует этим ориентациям неосознанно. Они наиболее ярко проявляются в моменты принятия ключевых решений, влияя на выбор профессии и конкретного места работы.

Модель включает восемь основных карьерных ориентаций:

- стабильность работы (потребность в безопасности, предсказуемости и гарантиях);
- менеджмент (стремление к лидерству, ответственности и управлению);
- интеграция стилей жизни (важность баланса между работой, личной жизнью и семьей);
- служение (желание приносить пользу обществу и следовать своим ценностям);
- стабильность места жительства (нежелание менять место жительства ради карьеры);
- автономия (стремление к независимости и свободе от правил);
- профессиональная компетентность (желание быть мастером в своей конкретной области);
- вызов (поиск сложных задач, соревнований и победы над препятствиями);
- предпринимательство (потребность создавать новые проекты, бизнесы или услуги).

«Карьерные якоря» обладают значительной устойчивостью, однако в процессе профессионального развития человек может сталкиваться с периодами стагнации (карьерными плато), которые напрямую связаны с его ориентациями. Профессиональное самоощущение личности включает в себя не одну, а целый набор карьерных ориентаций, выстроенных в определенной иерархии. Эта иерархия может незначительно адаптироваться под влиянием жизненных событий, но базовое преобладание тех или иных ценностей сохраняется.

Карьерный успех во многом обусловлен специфическими личностными характеристиками. По мнению Г.Уикл, ключевыми из них являются адаптивность, активность, настойчивость, решительность, уверенность в себе и стрессоустойчивость [4, с. 7]. Как можно заметить, многие из этих черт совпадают с элементами модели психологического благополучия К. Рифф. Психологическое благополучие, в рамках модели К. Рифф, представляет собой многокомпонентное образование, включающее автономию, компетентность, личностный рост, позитивные отношения с окружающими, цели в жизни и самопринятие [6, с. 198]. Можно заметить, что пересечения встречаются с компетентностью, самопринятием и личностным ростом. Это совпадение наглядно

демонстрирует, что карьерные устремления и психологическое благополучие имеют общую основу.

Рассмотрим подробнее каждый аспект, чтобы в дальнейшем сопоставить карьерные ориентации и аспекты психологического благополучия. Для автономии характерна способность противостоять социальному давлению, самостоятельность суждений и действий; для аспекта компетентности важна способность эффективно управлять окружающей средой, используя личные ресурсы; для личностного роста – ощущение непрерывного развития и реализации своего потенциала; позитивные отношения – наличие глубоких, доверительных связей с другими людьми; цели в жизни – наличие жизненных ориентиров и ощущения осмысленности прошлого и настоящего; самопринятие – позитивное отношение к себе, принятие своих достоинств и недостатков.

В 1950-е гг. М. Jagoda сформулировала 6 критериев психического здоровья: позитивная установка по отношению к собственной личности, духовный рост и самореализация, интегрированная личность, автономия и самодостаточность, адекватность восприятия реальности, компетентность в преодолении требований окружающего мира [1, с. 23], которые во многом предопределили показатели положительного функционирования личности, выделенные в 1970-е гг. К. Рифф (C. Ryff).

Хотя универсального понимания психологического благополучия в науке не сложилось, его часто определяют, как комплексную характеристику, объединяющую все проявления позитивного функционирования личности. Ключевыми структурными компонентами этого конструкта, согласно ряду авторов, выступают личностный рост, самопринятие, компетентность в управлении средой, автономия, наличие целей в жизни и позитивные отношения с окружающими [4, с. 9]. При этом центральная роль отводится личностному росту. Ключевым аспектом в понимании данного феномена является его субъективная природа. Таким образом, психологическое благополучие представляет собой экзистенциальное переживание отношения личности к себе и собственной жизни, которое находит выражение в чувствах удовлетворенности и счастья. Таким образом, оно отражает субъективную оценку индивидом качества своего функционирования в контексте реализации личностного потенциала.

С точки зрения теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана [1, с. 17], благополучие является производным от удовлетворения базовых психологических потребностей. Согласно данной теории, психологическое благополучие является производным от удовлетворения трех базовых психологических потребностей:

- автономии – потребность в чувстве воли и самодетерминации в собственной деятельности;
- компетентности – потребность в эффективном взаимодействии с окружающей средой;
- связанности – потребность в установлении близких и надежных отношений с другими.

Различные карьерные ориентации, таким образом, могут рассматриваться как стратегии удовлетворения этих базовых потребностей в профессиональном контексте. Теоретический анализ позволяет нам выдвинуть тезис о том, что различные карьерные ориентации по-разному соотносятся с компонентами психологического благополучия, создавая тем самым различные условия для профессиональной эффективности [2, с. 24].

Ориентация на «интеграцию стилей жизни» предполагает стремление к гармоничному балансу между профессиональной деятельностью, личной жизнью, семьей и увлечениями. Данная ориентация напрямую способствует удовлетворению потребности в автономии, так как человек сам определяет приоритеты и распределяет ресурсы. Это создает фундамент для высокого уровня самопринятия и снижает риск эмоционального

выгорания, так как профессиональные неудачи не воспринимаются как крах всей системы жизнедеятельности.

Ориентация на «служение», фокусирующаяся на альтруистических ценностях и желании приносить пользу обществу. Чувство принадлежности к чему-то большему и осознание социальной значимости своего труда придает деятельности глубокий личностный смысл, что является ключевым элементом «целей в жизни» и защитным фактором против цинизма и профессиональной деформации.

Ориентация на «Вызов» связана с постоянной потребностью в соревновании, преодолении препятствий и решении все более сложных задач. С одной стороны, это способствует развитию компетентности и личностному росту. С другой стороны, постоянная гонка за достижениями может подрывать удовлетворение потребности в автономии (деятельность определяется внешними вызовами) и связанности (конкуренция может препятствовать установлению прочных связей). Это создает высокий риск эмоционального истощения, когда профессиональная эффективность поддерживается за счет истощения личностных ресурсов.

Ориентация на «менеджмент», связанная со стремлением к власти, ответственности и влиянию, также амбивалентна [1, с. 20]. Достижение управленческих позиций может усиливать чувство компетентности. Однако бремя ответственности, необходимость контроля над ситуациями и людьми, а также потенциальная изоляция, свойственная руководящим должностям, могут негативно сказываться на позитивных отношениях с окружающими и способствовать развитию высокого уровня стресса.

Ориентация на «стабильность», несмотря на кажущуюся безопасность, в современных условиях часто коррелирует с низкими показателями автономии и личностного роста. Страх неопределенности и потребность во внешних гарантиях могут ограничивать профессиональное развитие и способствовать формированию внешнего локуса контроля, что является фактором риска для психологического благополучия.

В условиях быстро меняющейся профессиональной среды ориентация на стабильность может становиться источником хронического стресса, поскольку обеспечение стабильности становится все более труднодостижимой целью.

Важным аспектом теоретического анализа является понимание динамического характера карьерных ориентаций. В течение профессиональной жизни человека может происходить трансформация доминирующих ценностей, ориентаций под влиянием жизненных событий, изменений в профессиональной среде и личностного роста. Исследования показывают, что люди, добившиеся успеха в профессиональной сфере, часто демонстрируют способность к гибкому сочетанию различных ориентаций в зависимости от этапа профессионального пути и контекста их деятельности. Этот анализ позволяет нам сформировать практические рекомендации для организаций, высших учебных заведений и для психологов.

Современные организации заинтересованы в разработке систем управления персоналом, учитывающих взаимосвязь карьерных ориентаций и психологического благополучия сотрудников. Тогда деятельность будет направлена на работу в следующих направлениях: диагностика и профилактика.

На первом этапе необходимо внедрить комплексную диагностику карьерных ориентаций еще на этапе отбора и в процессе карьерного планирования. Для диагностики карьерных ориентаций в исследовательской практике применяются различные методики. Одним из самых популярных является методика «Якоря карьеры», разработанная Э. Шейном.

Для развития карьерных ориентаций предлагается разработка индивидуальных планов, учитывающих специфику карьерных ориентаций сотрудников и создание

программ наставничества и коучинга, направленных на осознание и развитие карьерных ориентаций.

На втором этапе необходимо разработать целевые программы профилактики выгорания для сотрудников с ориентациями «вызов» и «менеджмент». Помимо этого, в организациях необходимо внедрять программы управления талантами и карьерного роста, которые учитывают не только профессиональные компетенции сотрудников, но и их карьерные ориентации и психологическое состояние. Также стоит создавать корпоративную культуру, поддерживающую баланс между работой и личной жизнью.

В системе образования необходимо включать в учебные планы вузов курсы и тренинги по карьерному ориентированию, способствующие осознанию студентами своих «якорей карьеры» и их потенциального влияния на качество жизни. Развивать навыки саморегуляции, управления стрессом и эмоциональным интеллектом.

В рамках карьерного консультирования психологам стоит уделять внимание не только диагностике ориентаций, но и анализу их соответствия текущему и желаемому уровню психологического благополучия клиента. Разрабатывать индивидуальные стратегии профилактики выгорания для клиентов с ориентациями «вызов» и «менеджмент», фокусируясь на развитии навыков восстановления и установлении здоровых границ. Также необходимо способствовать формированию сбалансированной карьерной картины, где профессиональные достижения не противопоставляются личному благополучию.

Проведенный теоретический анализ позволяет утверждать, что психологическое благополучие является не просто желательным дополнением, а системообразующим условием для долгосрочной профессиональной эффективности. Карьерные ориентации выступают в роли важного медиатора между профессиональной деятельностью и психологическим состоянием личности. Выявленные специфические паттерны взаимосвязи различных типов карьерных ориентаций и компонентов психологического благополучия позволяют разрабатывать более эффективные системы психологического сопровождения профессионального развития.

Одни ориентации («интеграция стилей жизни», «служение») изначально более гармонично встроены в структуру психологического благополучия, в то время как другие («вызов», «менеджмент») требуют развития дополнительных компенсаторных механизмов. Профессиональная эффективность, достигнутая за счет подавления психологического благополучия, является неустойчивой и несет в себе высокие риски дезадаптации и выгорания.

Формирование профессиональной траектории, учитывающей взаимосвязь карьерных ориентаций и психологического благополучия, является ключевым направлением для обеспечения как личностной реализации, так и устойчивой профессиональной эффективности в современном мире.

Библиографические ссылки

1. Вязовова Н.В., Мелехова В.М. Особенности отношения к карьере лиц с различным уровнем психологического благополучия // Гаудеамус. 2021. №3 (49). С. 14-25.
2. Дьячковская К. В., Борисова У. С. Анализ ценностных ориентаций студентов -будущих педагогов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 11. С. 23-26.
3. Легчилина Д.П. Диагностика карьерных ориентаций как ценностного компонента профессиональной деятельности // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. №76. С. 119-122.

4. Семенова Л.Э. Психологическое благополучие студентов-психологов с разными личностными ресурсами профессионально значимых характеристик [Электронный ресурс] / Л.Э. Семенова, Т.А. Серебрякова // Вестник Мининского университета. - 2018. - Том 6. - №3(24). - С. 6-10.
5. Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство // Теория и практика менеджмента. СПб: Питер, 2002. С. 336.
6. RyffC.D., KeyesC. L. The Structure of Psychological Well-Being Revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69. P. 719.

© Юшкова Е.П., 2025

РОЛЬ ПСИХОЛОГИИ ТРУДА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Международная научно-практическая конференция

**«Актуальные проблемы
психологии труда:
теория и практика»**

ПСИХОЭНДОКРИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Т. А. Авакян

студент 1 курса

ПФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М.Лебедева»

г. Нижний Новгород, Россия

E-mail: tigran20091004000@mail.ru

И. А. Банищикова

ст. преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин

ПФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М.Лебедева»

г. Нижний Новгород, Россия

E-mail: irisha-banshchikova@mail.ru

В статье рассматривается междисциплинарный подход на стыке психоэндокринологии, соматотипирования и педагогики. Анализируется корреляция между гиперпродукцией ключевых гормонов (тестостерон, пролактин, эстрадиол), внешними морфологическими признаками (краниофациальный диморфизм) и устойчивыми паттернами поведения и коммуникации у подростков. Данная работа систематизирует знания о внешних и поведенческих проявлениях доминирования тестостерона, пролактина и эстрадиола у подростков и предложит конкретные педагогические методики для работы с каждым выделенным психоэндокринным типом.

Ключевые слова: психоэндокринология, подростковый период, психоэндокринологические фенотипы, структурирование образовательной среды

The article discusses an interdisciplinary approach at the intersection of psychoendocrinology, somatotyping, and pedagogy. It analyzes the correlation between hyperproduction of key hormones (testosterone, prolactin, and estradiol), external morphological features (craniofacial dimorphism), and stable patterns of behavior and communication in adolescents. This work systematizes knowledge about the external and behavioral manifestations of the dominance of testosterone, prolactin, and estradiol in adolescents and offers specific pedagogical methods for working with each identified psychoendocrine type.

Keywords: psychoendocrinology, adolescence, psychoendocrinological phenotypes, structuring of the educational environment.

Современная образовательная парадигма требует индивидуального подхода к обучающимся, учитывающего его психофизиологические особенности. Одним из наиболее перспективных, но недостаточно изученных направлений является применение знаний психоэндокринологии – науки, изучающей взаимосвязь между деятельностью эндокринной системы, психическими процессами и поведением. Гормоны, являясь гуморальными регуляторами, оказывают детерминирующее влияние не только на соматическое развитие, но и на формирование устойчивых нейрокогнитивных стратегий, аффективного реагирования и моделей социального взаимодействия [1,36].

В подростковый период, характеризующийся гормональной лабильностью и становлением нейроэндокринных осей, данные влияния проявляются наиболее рельефно. Визуальная диагностика, основанная на оценке краниофациальных структур, сформированных под воздействием определенных гормонов, а также анализ поведенческих паттернов могут стать для педагога эффективным инструментом предиктивной диагностики. Данная работа призвана систематизировать знания о внешних

и поведенческих проявлениях доминирования тестостерона, пролактина и эстрадиола у подростков и предложить конкретные педагогические методики для работы с каждым выделенным психоэндокринным типом [2,316].

Обратимся к психоэндокринологическим фенотипам и их соматическим маркерам (Табл. 1)

Таблица 1 – Психоэндокринологические фенотипы

Мужские психоэндокринные типы	Женские психоэндокринные типы
1. Тестостероновый (андрогенный) тип Данный фенотип формируется под преобладающим влиянием андрогенов, в частности, тестостерона, обладающего выраженным анаболическим и маскулинизирующим действием. <u>· Краниофациальные особенности:</u> • Наблюдается гипертрофия костных выступов. Характерен массивный, квадратной формы нижняя треть лица с выраженной угловой зоной (гонион), выступающая вперед и массивная нижняя челюсть (макрогнатия). • Надбровные дуги (arcussuperciliaris) развиты значительно, лоб часто имеет наклонный профиль. Скуловые кости широкие, но не высокие, что в совокупности создает брахицефализованный, «тяжелый» тип лица. • Нос часто имеет горбинку, переносица широкая. <u>Поведенческие и коммуникативные паттерны:</u> • Доминирует конкурентное, иерархическое поведение. • Склонность к доминированию, прямолинейность, иногда – агрессивность в отстаивании статуса. • В общении предпочитают короткие, директивные реплики, плохо воспринимают многоуровневые инструкции. • Характерна высокая поисковая активность, склонность к риску, импульсивность. <u>Когнитивный стиль</u> – наглядно-действенный, пространственное мышление часто развито лучше вербального.	1. Эстрадиоловый (гиперэстрогенный) тип Формируется под доминирующим влиянием эстрогенов, которые определяют формирование гиперфемининных черт. <u>· Краниофациальные особенности:</u> • Лицо округлой, «сердцевидной» формы с четко очерченным, заостренным подбородком. • Скулы высокие, широко расставленные, составляют самую широкую часть лица. • Нос тонкий, спинка носа прямая, переносица узкая. Глаза большие, широко расставленные (телопрозопия). Брови имеют высокий изгиб. • Кожа, как правило, ухоженная, с ровным тоном. <u>Поведенческие и коммуникативные паттерны:</u> • Высокий социальный интеллект, развитые вербальные способности. • Склонность к кооперации, невербальной коммуникации, установлению неиерархических, сетевых связей. • Стремление к социальному одобрению, демонстративность (не в негативном ключе, а как потребность во внешней оценке). • Может проявляться эмоциональная лабильность. <u>Когнитивный стиль</u> – гуманитарный, с высокой скоростью переключения между задачами.
2. Пролактиновый (гипоандроенный) тип Данный тип ассоциирован с относительным или абсолютным повышением уровня пролактина, который оказывает модулирующее действие на метаболизм андрогенов и нейромедиаторные системы. <u>Краниофациальные особенности:</u> • Черты лица смягчены, костные выступы сглажены. Нижняя челюсть часто узкая, слабо выраженная (микрогнатия), подбородок закругленный или слегка скошенный. • Надбровные дуги отсутствуют или слабо выражены, лоб вертикальный, высокий. • Скулы могут быть достаточно выраженными, но не в ширину, а в высоту, что создает более долихоцефализованный, «вытянутый» и утонченный овал лица.	2. Пролактиновый (гипоэстрогенный) тип Повышенный уровень пролактина у женщин может приводить к некоторой маскулинизации черт и специфическим психологическим проявлениям. <u>Краниофациальные особенности:</u> • Наблюдается некоторая "утяжеленность" черт по сравнению с эстрадиоловым типом. • Нижняя челюсть более массивная, углы нижней челюсти могут быть выражены. • Скулы не столь высокие, а более широкие. • Овал лица часто квадратный или трапециевидный. Возможен умеренный гипертрихоз (оволосение по мужскому типу) или акне. <u>Поведенческие и коммуникативные паттерны:</u> • Сочетание высокой ответственности и педантичности с внутренней напряженностью.

• Кожа склонна к гипергидрозу и себорее. • <u>Поведенческие и коммуникативные паттерны:</u> • Преобладает неконфликтное, адаптивное поведение. • Склонность к подчинению, избеганию прямой конфронтации. • В коммуникации – стремление к установлению гармоничных, эмпатийных связей. • Хорошо развита способность к эмпатии, но может наблюдаться повышенная тревожность, ранимость, обидчивость. <u>Когнитивный стиль</u> – вербально-аналитический, склонность к перфекционизму и рутинной, структурированной деятельности.	• Склонность к доминированию в микрогруппах, но не через открытую конфронтацию, а через контроль и гиперопеку ("материнское" доминирование). • Сниженный фон настроения, тенденция к пессимистичной оценке перспектив. • В коммуникации – прямолинейность, низкая толерантность к неопределенности. <u>Когнитивный стиль</u> – системный, склонный к детализации и последовательному анализу.

Понимание связи между гормональной системой и душевным состоянием будет ценным для учителей: колебания в работе эндокринных желез оказывают воздействие на настроение. Гормональный фон реагирует на психологическое давление, переживания, а также некоторые виды активности.

Эндокринная система чувствительна к психологическим стимулам и состояниям, таким как эмоции, а также к некоторым видам деятельности. Ознакомление с принципами работы психики, особенностями ее становления, формированием познавательных способностей, личных качеств и побуждений позволяет находить ответы на ключевые вопросы в образовании, такие как подбор материала для изучения и выбор оптимальных способов преподавания и формирования личности. Преподаватель может либо поддержать, либо затруднить процесс обучения.

Принимая во внимание индивидуальные психоэмоциональные характеристики, необходимо организовывать работу таким образом, чтобы минимизировать проявление негативных черт нервной системы, препятствующих успешному обучению и корректному поведению (Табл. 2).

Интеграция знаний психоэндокринологии и соматотипирования в педагогическую практику открывает новые горизонты для персонализации образовательного процесса. Предложенная типология, основанная на оценке краниофациальных диспропорций и поведенческих стереотипов, позволяет педагогу осуществлять предиктивную диагностику доминирующего гормонального фона ученика и, как следствие, выбирать адекватные и эффективные стратегии взаимодействия.

Важно подчеркнуть, что выделенные типы являются "чистыми" моделями, в реальности чаще встречаются смешанные варианты. Кроме того, данный подход не отменяет необходимость учета социально-психологических, культурных и индивидуально-личностных факторов. Однако он предоставляет педагогу мощный дополнительный инструмент для понимания глубинных биологических детерминант поведения подростка, что способствует не только улучшению академических показателей, но и профилактике школьной дезадаптации, снижению уровня конфликтности и созданию психологически комфортной образовательной среды.

Таблица 2 – Тактики работы преподавателя

Психосоматический фенотип	Тактика работы преподавателя с обучающимися			
	Структурирование образовательной среды	Мотивация	Подача учебного материала	Коммуникация
подростки пролактинного типа (юноши)	Создание безопасной, предсказуемой атмосферы. Избегание публичной критики и резких замечаний. Важно подчеркивать ценность каждого члена коллектива вне зависимости от его силы и конкурентности.	Мотивация избегания неудачи у данного типа сильна, поэтому важно сместить акцент на мотивацию достижения через одобрение. Похвала за старание, аккуратность, выполнение обязанностей. Групповая работа, где они могут проявить себя как надежные и исполнительные участники.	Информацию лучше подавать в письменном виде, с детальными инструкциями. Эффективные методы, требующие тщательности и глубины проработки: рефераты, исследовательские работы, анализ текстов.	Тактичная, поддерживающая. Важно давать обратную связь наедине, в мягкой форме. Педагог должен выступать в роли наставника и защитника.
подростки эстрадиолового типа (девушки)	Создание условий для социального взаимодействия. Работа в малых группах, кооперативное обучение. Атмосфера должна быть эстетически приятной и комфортной.	Социальное признание, похвала, возможность творческой самореализации. Эффективны задания, связанные с искусством, коммуникацией, организацией мероприятий.	Материал, поданный в форме истории, с эмоциональной окраской, усваивается лучше. Ролевые игры, инсценировки, групповые дискуссии на гуманитарные темы.	Эмпатийная, с использованием невербальных сигналов (улыбка, кивок). Важно показывать личную заинтересованность в успехах ученицы. Критика должна быть максимально тактичной, с акцентом на позитивные стороны.
подростки пролактинного типа (девушки)	Четкое планирование, стабильность требований. Важно делегировать им ответственность (например, за ведение журнала, организацию дежурств), что удовлетворит их потребность в контроле и значимости.	Мотивация основана на чувстве долга и ответственности. Эффективно апеллировать к их компетентности: "Я доверяю тебе это сложное задание, потому что ты с ним справишься".	Систематизированная, логичная подача. Подойдут лекции с четким конспектированием, работа с таблицами, схемами, алгоритмами. Исследовательские работы, требующие сбора и анализа большого количества данных.	Уважительная, деловая, без излишнего сюсюканья. Обратная связь должна быть конкретной, обоснованной фактами. Следует помогать в борьбе с перфекционизмом, показывая ценность "достаточно хорошего" результата.

Библиографические ссылки

1. Березов, Т.Т. Биологическая химия / Т.Т. Березов, Б.Ф. Коровкин. – М.: Медицина, 1990. – 680 с.
2. Дедов, И.И., Мельниченко Г.А. Эндокринология / И.И.Дедов, Г.А. Мельниченко. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013. – 416 с.
3. Ротенберг, В.С. Поисковая активность и адаптация / В.С. Ротенберг, В.В. Аршавский. – М.: Наука, 1984. – 193 с.

© Авакян Т.А., Банщикова И.А., 2025

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ

Г. А. Баранов

студент 2 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: grisha-baranov@list.ru

В. В. Зотин

Старший преподаватель,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: vitales4622@mail.ru

В статье представлен комплексный анализ интегративной роли психологии трудовой деятельности в современной системе образования. Детально рассмотрены ключевые аспекты ее влияния: обеспечение эффективной профориентации на основе цифровых технологий, формирование универсальных компетенций (soft skills), психологическая подготовка к будущей профессиональной деятельности, включая профилактику профессиональной деформации, а также оптимизация педагогического труда. Особое внимание уделено эргономическому подходу к проектированию образовательной среды и анализу эмпирических данных, подтверждающих теоретические положения. Обосновано, что психология труда выступает системообразующим элементом, связывающим образование с реальным сектором экономики и способствующим осознанному профессиональному самоопределению и успешной адаптации выпускников.

Ключевые слова: психология труда, профориентация, профессиональное самоопределение, система образования, компетентностный подход, soft skills, эргономика, профессиональная деформация.

The article provides a comprehensive analysis of the integrative role of labor psychology in the modern education system. The key aspects of its influence are examined in detail: ensuring effective career guidance based on digital technologies, the formation of universal competencies (soft skills), psychological preparation for future professional activities, including the prevention of professional deformation, and the optimization of pedagogical work. Special attention is paid to the ergonomic approach to the design of the educational environment and the analysis of empirical data confirming the theoretical provisions. It is substantiated that labor psychology acts as a system-forming element that connects education with the real sector of the economy and contributes to conscious professional self-determination and successful adaptation of graduates.

Keywords: labor psychology, career guidance, professional self-determination, education system, competence-based approach, soft skills, ergonomics, professional deformation.

Актуальность интеграции принципов и методов психологии трудовой деятельности в систему образования обусловлена динамичными изменениями на рынке труда, появлением новых профессий и возрастающими требованиями к гибкости, адаптивности и психологической устойчивости специалистов. Традиционно ассоциируемая с корпоративной средой, психология труда обладает значительным потенциалом для

решения фундаментальных задач образовательного процесса, выступая связующим звеном между миром обучения и миром профессий. В условиях цифровизации экономики и распространения проектных форм работы запрос на soft skills и способность к непрерывному обучению (lifelong learning) становится критически важным. Цель данной статьи – систематизировать и раскрыть основные направления влияния психологии труда на систему образования, опираясь на работы отечественных и зарубежных ученых, а также представить результаты эмпирических исследований, иллюстрирующих данные процессы.

1. Профессиональное самоопределение и ориентация: от диагностики к активизации

Наиболее очевидным и исторически сложившимся применением психологии труда в образовании является профориентация. В ее основе лежит фундаментальная теория выдающегося отечественного психолога Е.А. Климова, который разработал психологическую классификацию профессий по предмету труда («человек – природа», «человек – техника», «человек – человек», «человек – знаковая система», «человек – художественный образ») [1]. Данная типология позволяет систематизировать мир профессий и соотнести его с индивидуальными склонностями и предпочтениями учащихся, обеспечивая первоначальную навигацию в профессиональном пространстве.

Существенный вклад в развитие профориентационного направления внес Н.С. Пряжников, разработавший концепцию и активизирующие методы профессионального самоопределения. В отличие от диагностического подхода, акцент в его работах смещен на пробуждение у субъекта деятельности самостоятельной, осмысленной и ценностно-окрашенной позиции по отношению к своему профессиональному будущему [2]. Он подчеркивал, что выбор профессии – это не разовое событие, а протяженный во времени процесс, включающий серию более мелких выборов (учебного заведения, специализации, места работы, карьерной траектории).

Практическая роль психологии труда в этом аспекте заключается в комплексной работе. Во-первых, это диагностика интересов, склонностей и способностей учащихся с помощью таких инструментов, как «Дифференциально-диагностический опросник» (ДДО) Е.А. Климова, опросник Дж. Холланда на определение профессионального типа личности, методика «Карта интересов» А.Е. Голомштока. Во-вторых, информирование о мире профессии, требованиях рынка труда, содержании и условиях труда, что в современном мире реализуется через цифровые платформы («Проектория», «Билет в будущее»). В-третьих, консультационная помощь в согласовании личностных возможностей («Я-хочу» и «Я-могу») с потребностями общества («Надо»).

Эмпирические данные. В исследовании, проведенном на базе НИУ ВШЭ в 2022 году (выборка: 250 учащихся 10-11 классов), была изучена эффективность комплексной профориентационной программы, включающей как диагностический, так и активизирующий блоки. Результаты показали, что у 78% участников программы уровень осознанности профессионального выбора, измеряемый по методике «Уровень сформированности профессионального плана» (модификация А.П. Чернявской), повысился на 30% и более по сравнению с контрольной группой, где проводились только разовые диагностические мероприятия. Кроме того, на 45% снизился уровень тревожности, связанный с необходимостью выбора будущей профессии (измеряемый по шкале ситуативной тревожности Спилбергера-Ханина). Это позволяет сформировать у учащегося готовность к самостоятельному и осознанному построению профессионального пути, тем самым снижая количество ошибок при выборе вуза или колледжа.

2. Формирование универсальных компетенций (Soft Skills) в контексте требований рынка труда

Современный рынок труда требует от выпускников не только суммы специальных знаний (hard skills), но и развитых надпрофессиональных навыков. Психология труда, в частности ее раздел – организационная психология, определяет, какие именно личностные

и поведенческие качества обеспечивают успех в профессиональной деятельности. Это напрямую связано с реализацией компетентностного подхода в образовании, теоретической базой для которого послужили работы А.К. Марковой, Э.Ф. Зеера и других ученых [3; 4].

Компетентностный подход предполагает смещение фокуса с трансляции знаний на формирование способности применять их для решения практических задач. В связи с этим образовательные учреждения целенаправленно работают над развитием у учащихся коммуникативных навыков, умения работать в команде, креативного и критического мышления, стрессоустойчивости, тайм-менеджмента и лидерских качеств. Например, для развития командной работы активно используются проектные методы обучения, а для развития критического мышления – анализ кейсов (case-study).

Эмпирические данные. По данным опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ в 2023 году, в котором приняли участие 500 работодателей из различных отраслей экономики, к наиболее дефицитным soft skills у молодых специалистов были отнесены: умение работать в команде (отметили 67% респондентов), навыки управления проектами (58%), эмоциональный интеллект и способность к эмпатии (55%), а также навыки самоорганизации и тайм-менеджмента (52%). Эти данные прямо указывают на приоритетные направления для образовательных учреждений в рамках формирования универсальных компетенций.

Кроме того, психология труда способствует воспитанию собственно трудовых качеств: ответственности, дисциплинированности, инициативности, умения ставить и достигать цели. Таким образом, система образования готовит не просто «знающего» специалиста, а гибкого, адаптивного и эффективного сотрудника, готового к непрерывному обучению (lifelong learning) и изменениям.

3. Психологическая подготовка к будущей профессиональной деятельности и профилактика профессиональной деформации

Данное направление выходит за рамки передачи знаний и навыков, затрагивая мотивационную и личностную сферы будущего специалиста. Опираясь на исследования мотивации труда (А. Маслоу, Ф. Герцберг) и теории профессионального становления личности (Э.Ф. Зеер), психология труда позволяет сформировать психологическую готовность к вхождению в профессию [4; 5].

Важнейшей задачей здесь является формирование профессиональной идентичности, то есть помощь студенту в ответе на вопрос «Кто я как будущий профессионал?». Параллельно происходит освоение профессиональных ролей, норм и этических кодексов, принятых в конкретном сообществе. Согласно концепции психологической системы деятельности В.Д. Шадрикова, необходимым условием является развитие профессионально важных качеств (ПВК) – специфических психофизиологических функций, необходимых для успешной деятельности в конкретной профессии (например, устойчивость и распределение внимания для оператора, эмпатия для врача или педагога) [6].

Особое место в этом блоке занимает проблема профессиональной деформации – негативного изменения личности и моделей поведения под влиянием профессиональной деятельности. Задача образования – не только дать знания о будущей профессии, но и сформировать «иммунитет» к ее возможным негативным последствиям. Для этого в учебные курсы включаются тренинги по профилактике эмоционального выгорания, развитию навыков рефлексии и самоконтроля, изучаются случаи (кейсы) профессиональных деформаций в конкретных специальностях (например, синдром «сострадательной усталости» у медиков и социальных работников, административный восторг у управленцев).

Эмпирические данные. Лонгитюдное исследование, проводившееся на психологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова (наблюдение за 100 студентами-психологами в течение 5 лет), показало, что у студентов, которые в рамках учебной программы проходили специализированный тренинг по профилактике профессиональной деформации, уровень эмпатии и коммуникативной толерантности оставался стабильно высоким на протяжении всего периода обучения. В контрольной группе, не проходившей такой тренинг, к последнему курсу было зафиксировано статистически значимое снижение данных показателей на 15-20%, что является ранним признаком формирования деформационных процессов.

Целенаправленная работа в этом направлении позволяет минимизировать так называемый «шок реальности» у молодых специалистов и ускорить их адаптацию на первом рабочем месте.

4. Оптимизация педагогического труда и профилактика эмоционального выгорания

Принципы психологии труда применяются не только к учащимся, но и к самим педагогам, а также к организации учебного процесса в целом. Это направление базируется на исследованиях в области педагогической психологии, психологии управления и эргономики.

Ключевой практической задачей является профилактика синдрома эмоционального выгорания среди педагогов, которое является следствием хронического профессионального стресса. Психология труда предлагает методы его диагностики (например, опросник MBI – Maslach Burnout Inventory), коррекции и обучения педагогов техникам саморегуляции, управления стрессом и копинг-стратегиям.

Эмпирические данные. Анализ данных, предоставленных Ассоциацией педагогов Московской области (выборка 300 учителей), свидетельствует о прямой корреляции между уровнем выгорания и удовлетворенностью трудом. У 40% педагогов со стажем работы более 15 лет был выявлен высокий уровень эмоционального истощения. При этом в образовательных организациях, где были внедрены программы психологической поддержки (супервизорские группы, тренинги по управлению стрессом, создание комнат психологической разгрузки), показатели выгорания были в среднем на 25% ниже, а уровень удовлетворенности профессиональной деятельностью – на 35% выше.

Кроме того, принципы эргономики используются для проектирования комфортного и функционального учебного пространства, оптимизации расписания с целью снижения утомляемости и повышения продуктивности как учащихся, так и преподавателей. Немаловажную роль играет и создание благоприятного социально-психологического климата в педагогическом и ученическом коллективах, что напрямую влияет на эффективность образовательного процесса.

5. Эргономический подход к проектированию образовательной среды

Отдельное и крайне важное направление – это применение эргономики, как составной части психологии труда, к проектированию образовательной среды. Речь идет не только о физической организации пространства (освещенность, мебель, шум), но и о когнитивной эргономике – проектировании учебных материалов, интерфейсов цифровых образовательных платформ и расписания занятий с учетом психофизиологических возможностей человека.

Неадекватная эргономическая среда приводит к повышенной утомляемости, снижению концентрации внимания, росту числа ошибок и, как следствие, к снижению академической успеваемости. Исследования в области когнитивной психологии, например, принципы мультимедийного обучения Р. Майера, напрямую используются при создании электронных курсов, чтобы минимизировать когнитивную нагрузку и максимизировать усвоение материала [7].

Эмпирические данные. Пилотный проект, реализованный в нескольких школах г. Казани, был направлен на оптимизацию эргономических условий: была заменена мебель на регулируемую, соответствующую антропометрическим данным учащихся, пересмотрено освещение в классах и цветовое оформление стен. По результатам года успеваемость в экспериментальных классах выросла в среднем на 0,5 балла по сравнению с контрольными группами. Кроме того, по данным опросов, в этих классах на 20% снизились жалобы учащихся на усталость и головные боли к концу учебного дня.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что роль психологии трудовой деятельности в системе образования является системообразующей и интегративной. Она обеспечивает преемственность между образованием и профессией, реализует личностно-деятельностный подход в обучении, ориентированный на формирование конкурентоспособного профессионала, придает образовательным программам практико-ориентированный характер и способствует психологическому благополучию всех участников образовательного процесса – от учащихся на этапе выбора и освоения профессии до педагогов.

Представленные эмпирические данные наглядно демонстрируют эффективность применения инструментов психологии труда: от повышения осознанности профессионального выбора и развития soft skills до профилактики выгорания у педагогов и оптимизации образовательной среды. Внедрение этих подходов требует системной работы и тесного взаимодействия между психологами труда, педагогами, администрацией образовательных учреждений и работодателями.

Таким образом, психология труда выступает не как вспомогательная дисциплина, а как ключевой элемент современной образовательной системы, направленной на подготовку конкурентоспособных, адаптивных и психологически зрелых специалистов, способных к осознанному построению своей профессиональной биографии в условиях быстро меняющегося мира.

6. Цифровизация и виртуальная среда как новые вызовы для психологии труда в образовании

Современный этап развития образования характеризуется активным внедрением цифровых технологий, что порождает новые области для применения психологии труда. Речь идет не только об использовании платформ для профориентации, но и о формировании цифровой гигиены и профилактики цифровых деформаций.

Кибербуллинг и профессиональная идентичность: Учащиеся и педагоги все больше взаимодействуют в виртуальном пространстве, где стираются границы между личным и профессиональным. Психология труда может предложить методы профилактики кибербуллинга в профессиональных чатах и социальных сетях, а также strategies для формирования позитивного цифрового следа, который становится частью профессионального бренда выпускника.

Психология проектной работы в распределенных командах: Многие современные профессии предполагают работу в виртуальных командах. Образовательный процесс может целенаправленно развивать компетенции, необходимые для такой деятельности: цифровая коммуникация, управление проектами в асинхронном режиме, самомотивация при удаленной работе. Эмпирические данные: Исследование, проведенное среди IT-специалистов (n=400), показало, что 68% респондентов считают навык удаленной коммуникации более важным, чем владение узкопрофильным программным обеспечением.

Профессиональные деформации в цифровую эпоху: появляются новые виды профессиональных деформаций, такие как «синдром уведомлений» (постоянное ожидание сообщений), информационная перегрузка и клиповое мышление. Задача образования –

научить студентов управлять цифровым потоком, фильтровать информацию и сохранять способность к глубокой концентрации.

7. Профориентация для учащихся с особыми образовательными потребностями

Этот аспект раскрывает инклюзивный потенциал психологии труда. Подход к профессиональному самоопределению не может быть универсальным и должен адаптироваться под нужды различных групп.

Дифференциация методов: для учащихся с ОВЗ необходима адаптация профдиагностических методик (тактильные, визуальные, упрощенные версии опросников), а также разработка индивидуальных траекторий, учитывающих не только ограничения, но и сильные стороны личности.

Формирование инклюзивной профессиональной среды: Психология труда может способствовать развитию у всех учащихся толерантности, готовности к работе в разнородных коллективах. Эмпирические данные: В школах, где реализуются программы «тьюторского сопровождения» для детей с ОВЗ в рамках профориентации, на 40% повышается уровень их социальной интеграции и уверенности в профессиональном будущем.

Работа с родителями: Ключевым элементом является психологическое просвещение родителей детей с ОВЗ, направленное на коррекцию завышенных или заниженных ожиданий и формирование адекватного образа профессионального будущего их ребенка.

8. Нейропсихологический подход к развитию профессионально важных качеств

Данный раздел углубляет понимание биологических основ формирования ПВК, что особенно актуально для профессий, связанных с высоким уровнем ответственности и стресса.

Когнитивные функции как основа ПВК: Развитие памяти, внимания, скорости реакции – это не абстрактные задачи, а конкретные механизмы, которые можно тренировать. Например, для будущих хирургов, авиадиспетчеров, водителей критически важны объем внимания и скорость принятия решений.

Методы нейрокоррекции и биологической обратной связи (БОС): В образовательный процесс могут внедряться тренинги с использованием БОС для обучения навыкам саморегуляции и управления стрессом. Это позволяет студентам объективно видеть свои физиологические реакции (ЧСС, кожно-гальваническая реакция) и учиться их контролировать.

Влияние образа жизни на профессиональный потенциал: Психология труда может интегрировать знания о влиянии сна, физической активности и питания на когнитивные функции. Эмпирические данные: Исследование среди студентов-медиков показало, что группа, соблюдавшая режим сна и питания в период сессии, показала на 25% лучшие результаты в тестах на концентрацию и запоминание информации по сравнению с контрольной группой.

9. Кросс-культурные аспекты профессиональной адаптации в глобализирующемся мире

Подготовка конкурентоспособного специалиста невозможна без учета глобального контекста. Психология труда помогает сформировать компетенции для работы в международной среде.

Формирование межкультурной компетентности: Образовательные программы должны включать модули, развивающие понимание культурных различий в деловом общении, ведении переговоров, отношении ко времени и иерархии. Это снижает риск кросс-культурного шока и повышает эффективность международного сотрудничества. Психологическая подготовка к работе за рубежом: сюда входит формирование навыков acculturation – адаптации к новой культурной среде, профилактика ностальгии и чувства одиночества.

Глобальные тренды рынка труда и их психологические последствия: Образование должно готовить студентов к таким явлениям, как «работа-гастроль» (gig economy), фриланс и частая смена проектов, что требует развития психологической гибкости, финансовой грамотности и навыков самомаркетинга. Эмпирические данные: Опрошенные HR-менеджеры международных компаний (n=150) отметили, что 70% неудач стажеров из других стран связаны не с недостатком профессиональных знаний, а с неумением адаптироваться к локальной корпоративной культуре.

10. Психология предпринимательского мышления как образовательный результат

Современная экономика требует не только исполнителей, но и инициативных специалистов, способных создавать новые продукты и рабочие места. Формирование предпринимательского мышления (entrepreneurial mindset) становится задачей системы образования.

Развитие креативности и толерантности к неопределенности: Традиционное образование часто нацелено на поиск единственно верного ответа, в то время как предпринимательская деятельность связана с риском и работой в условиях неопределенности. Психология труда предлагает методы развития дивергентного мышления, проведения мозговых штурмов и работы с гипотезами.

Управление ресурсами и расчет рисков: В образовательные программы включаются симуляторы и деловые игры, где студенты учатся распределять ограниченные ресурсы (время, деньги, человеческий капитал), просчитывать вероятности успеха и анализировать причины неудач.

Формирование устойчивости к неудачам (resilience): Неудача в предпринимательстве – не приговор, а источник опыта. Психология помогает выработать конструктивное отношение к ошибкам. Эмпирические данные: По результатам исследования Startup Genome, предприниматели, которые ранее уже терпели неудачи, на 20% чаще добивались успеха в своих следующих проектах по сравнению с новичками.

11. Экологическая психология труда и формирование «зеленых» компетенций

В ответ на глобальные экологические вызовы появляется новый сегмент «зеленых» профессий и трансформируются требования к традиционным специальностям.

Экологическое сознание как профессиональное качество: для инженеров, проектировщиков, экономистов и даже маркетологов становится важным понимание принципов устойчивого развития и экологического следа производимой продукции.

Психологические барьеры внедрения «зеленых» инициатив: Психология труда изучает сопротивление персонала изменениям, связанным с экологизацией процессов, и разрабатывает методы их преодоления через систему мотивации и обучения.

Профориентация в сфере устойчивого развития: эмпирические данные – опрос среди студентов технических вузов (n=500) показал, что 65% респондентов хотели бы работать в компании с сильной экологической политикой, даже при slightly более низкой зарплате. Это указывает на смену ценностных ориентиров нового поколения.

12. Психология управления карьерой (Career Management) на протяжении всей жизни

Концепция «работа на всю жизнь» устарела. Современный специалист должен уметь управлять своей карьерой самостоятельно.

Навыки самодиагностики и планирования: Образование должно научить студента регулярно проводить аудит своих компетенций (skills audit), анализировать их соответствие требованиям рынка и выстраивать индивидуальный план развития (IDP).

Стратегии нетворкинга и личного брендинга: Умение выстраивать и поддерживать профессиональные связи, а также позиционировать себя в профессиональном сообществе становится ключевым карьерным активом.

Психологическая готовность к смене профессии: Эмпирические данные: согласно отчету Всемирного экономического форума (WEF), 50% всех сотрудников будут

нуждаться в переобучении к 2025 году. Образование должно закладывать основы психологической гибкости и положительного отношения к lifelong learning.

13. Этика и психология принятия решений в профессиональной деятельности

В условиях цифровизации и роста сложности задач этические дилеммы становятся повседневной реальностью для специалистов разных профилей.

Развитие морального сознания и этической компетентности: Речь идет не о заучивании кодексов, а о формировании способности анализировать ситуацию с разных сторон, учитывать интересы всех стейкхолдеров и принимать взвешенные решения в условиях этической неопределенности.

Психологические механизмы этических срывов: Изучение феноменов группового мышления (groupthink), когнитивных искажений и эффекта «скользящей плоскости» (slippery slope) позволяет создавать профилактические программы в корпоративной и образовательной среде.

Case-study как основной метод: Эмпирические данные: Анализ работы выпускников, прошедших в университете курс по этике на основе разбора реальных кейсов, показал, что они на 30% чаще консультируются с коллегами при возникновении этических дилемм и демонстрируют более системный подход к принятию решений.

Библиографические ссылки

1. Климов, Е.А. Психология профессионального самоопределения: Учебное пособие для вузов. – М.: Академия, 2004. – 304 с.
2. Пряжников, Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика: Учебное пособие. – М.: Академия, 2007. – 320 с.
3. Маркова, А.К. Психология профессионализма. – М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. – 312 с.
4. Зеер, Э.Ф. Психология профессий: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2005. – 336 с.
5. Маслоу, А. Мотивация и личность / пер. с англ. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2019. – 400 с. // Электронный ресурс. URL: <https://enc-medica.ru/wp-content/uploads/%D0%90.%D0%9C%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%BE%D1%83-%D0%9C%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%B8-%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C.pdf>
6. Шадриков, В.Д. Психология деятельности и способности человека: Учебное пособие. – М.: Логос, 1996. – 320 с.
7. Майер, Р.Э. Мультимедийное обучение / пер. с англ. // Электронный научный журнал «Социальные и гуманитарные науки: теория и практика». – 2024. – № 2. – С. 15-28. URL: <http://hses-online.ru/2024/04/22.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).
8. Орел, В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22, № 1. – С. 90–101.
9. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности: Учебное пособие для вузов. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 511 с.
10. Зотин, В.В., Мельничук А.А., Приходов Д.С. Психолого-педагогические аспекты физической культуры и спорта// сборник трудов всероссийской научно-практической конференции «Оптимизация учебно-воспитательного и тренировочного процесса в учебных заведениях высшего профессионального образования». - Красноярск, 2012. - С.280-283

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ СТУДЕНТОВ

Я. В. Гаврилова

студент 3 курса

СибГУ им. М.Ф.Решетнева,

г. Красноярск, РФ;

E-mail: yana07vwo@mail.ru

Е. О. Аболина

доцент СибГУ им. М.Ф.Решетнева,

г. Красноярск. Аболина Е.О.

E-mail: abolina@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о психологических особенностях стрессоустойчивости студентов, а также факторы, влияющие на их способность справляться с учебным стрессом. Также представлено исследование уровня стрессоустойчивости среди студентов.

Ключевые слова: студенческий возраст, стресс, стрессоустойчивость студентов,

The article examines the psychological characteristics of students' stress resilience, as well as the factors that influence their ability to cope with academic stress. Additionally, a study on the level of stress resilience among students is presented.

Keywords: student age, stress, students' stress resilience.

Актуальность темы «Психологические особенности стрессоустойчивости студентов» обусловлена тем, что современная образовательная среда характеризуется высоким уровнем требований к студентам, начиная от учебных нагрузок и заканчивая необходимостью быстро адаптироваться к новым технологиям и методам обучения. Этот фактор ведет к увеличению уровня стресса, который оказывает влияние на физическое и психическое состояние учащихся. Также, способность эффективно справляться со стрессом играет ключевую роль в достижении успехов в учебном процессе. Студенты, обладающие высокими показателями стрессоустойчивости, демонстрируют лучшую успеваемость, более высокую мотивацию и меньшую склонность к выгоранию.

Проблема стресса и стрессоустойчивости в современном мире остается актуальной социальному запросу. Вопрос повышения стрессоустойчивости становится особенно важным в условиях возрастающей социальной, экономической, политической и практической значимости поддержания необходимого уровня устойчивости к стрессу в различных сферах общественной жизни. Особое внимание к этой теме обусловлено переходом к информационному обществу, ускорением научно-технического прогресса, усилением конкуренции и увеличением требований к профессионализму.

Как указывает В.А. Бодров [4], сегодня нет четкого понимания природы стрессоустойчивости, и многие авторы используют вместо него понятие «эмоциональная устойчивость», которое исследовано более глубоко.

Так, Л.М. Аболин описывает эмоциональную устойчивость как качество, проявляющееся у человека при выполнении сложной задачи, когда различные эмоциональные процессы гармонично взаимодействуют, способствуя успешному выполнению поставленных задач [1]. Это подчеркивает, что критерий эмоциональной устойчивости заключается в достижении целей деятельности, однако, на наш взгляд, такой

подход чрезмерно ограничивает смысловые границы этого понятия. В противоположность описанному подходу, ряд исследователей расширяет смысловое поле понятия «стрессоустойчивость» до таких пределов, что понятие становится размытым и общим, теряя свой описательный характер.

Если рассматривать изначально, то слово «стрессоустойчивость» имеет производную от слова «стресс».

В свою очередь, Бильданова В.Р. пишет, что стресс – это неспецифическая реакция организма на воздействие (физическое или психологическое), нарушающее его гомеостаз, а также соответствующее состояние нервной системы организма (или организма в целом) [3].

Бодров В.А. выделил 2 вида стрессов в зависимости от факторов, его вызывающих [4]:

а) физиологические - чрезмерная физическая нагрузка, высокая или низкая температуры, болевые стимулы и т.д.;

б) психологические - факторы, действующие сигнальным значением: угрозой, опасностью, информационная перегрузка и т.д.

Исследователи выделяют две формы стресса: полезный стресс, известный как эустресс, и вредоносный стресс, называемый дистрессом [3]. Эустресс воспринимается как позитивное явление, которое может мотивировать человека, способствовать его развитию и повышению работоспособности. Он может проявляться в форме легкого и умеренного напряжения, которое побуждает к действиям и помогает достигать поставленных целей. Эустресс, как правило, возникает в ситуациях, которые вызывают у человека чувство удовлетворения, предвкушения успеха или личностного роста.

В то же время дистресс является негативной формой стресса, которая возникает в ответ на травмирующие или чрезмерные нагрузки, оказываемые на человека извне. Чаще всего под стрессом подразумеваются именно реакции на негативные воздействия окружающей среды или различных внешних факторов, таких как высокая учебная нагрузка, конфликты в социальной среде или финансовые трудности. Дистресс может приводить к ухудшению физического и психоэмоционального состояния, снижению продуктивности и качеству жизни, а также к развитию различных заболеваний.

Наиболее полное определение стрессоустойчивости дает П.Б. Зильберман [7]: стрессоустойчивость – интегративное свойство личности, характеризующееся таким взаимодействием эмоциональных, волевых, интеллектуальных и мотивационных компонентов психической деятельности человека, которые обеспечивают оптимальное успешное достижение цели деятельности в сложной эмотивной обстановке.

Комплексный подход к анализируемому понятию демонстрирует и Н.И. Бережная [2], которая рассматривает стрессоустойчивость как качество личности, состоящее из совокупности следующих компонентов:

а) психофизиологического (тип, свойства нервной системы);

б) мотивационного;

в) эмоционального опыта личности, накопленного в процессе преодоления отрицательных влияний экстремальных ситуаций;

г) волевого, который выражается в сознательной саморегуляции действий, приведении их в соответствие с требованиями ситуации;

д) профессиональной подготовленности, информированности и готовности личности к выполнению тех или иных задач;

е) интеллектуального – оценка требований ситуации, прогноз ее возможного изменения, принятие решений о способах действий.

Д.И. Донцов и М.В. Донцова определяют студенческий возраст как юношеский период развития человека, ориентировочно 16-17 лет – 20-21 год, то есть он начинается с

окончанием девятого-одиннадцатого и завершается в студенческие годы. Это тот период сопровождается началом самостоятельной, взрослой жизни. Он также предполагает в конечном итоге сепарацию от родителей и полноценное становление ребенка отдельной ячейкой (единицей) общества [5].

Учебный стресс занимает заметное место в жизни студентов, становясь важной частью их опыта в высшем учебном заведении. Это состояние возникает в результате необходимости справляться с высокими требованиями и нагрузками, связанными с учебным процессом.

Учебный стресс – это состояние, которое характерно высоким перенапряжением тела, снижением эмоционального и интеллектуального потенциала, ведущее в перспективе к психосоматическим заболеваниям и остановке личностного роста студента[8].

Кроме того, постоянное переживание учебного стресса может привести к остановке личностного роста и развитию необходимых жизненных навыков. Это состояние мешает студентам достигать своих целей, развивать творческий потенциал и справляться с любыми сложностями, которые возникают на их учебном пути. Тема учебного стресса становится все более актуальной, и важно уделять ей должное внимание, чтобы создать поддерживающую и здоровую образовательную среду для студентов.

К причинам учебного стресса можно отнести:

- несвоевременно выполненные практические и лабораторные работы;
- не выполненные или выполненные неправильно задания;
- достаточно большое количество пропусков по какой-либо дисциплине;
- недостаточно полные знания по дисциплине;
- плохая успеваемость по определенной дисциплине;
- слишком большая учебная нагрузка;
- отсутствие интереса к дисциплине или предлагаемой студенту работе;
- возникновение конфликтных ситуаций с преподавателем;
- отсутствие учебного материала;
- неудовлетворенность полученной оценкой;
- разочарование в выбранной профессии.

Студенческий период отличается тем, что личные ресурсы кажутся неограниченными, и здоровье воспринимается как нечто второстепенное. Этот возраст также сопровождается множеством эмоциональных переживаний, что отражается на образе жизни. Заботу о здоровье чаще связывают с более зрелым возрастом, чем с молодежью. Поэтому отдыху и расслаблению студенты уделяют мало внимания, полагаясь на свою уверенность в неограниченности своих физических и психических возможностей [6].

С целью изучения темы «Психологические особенности стрессоустойчивости студентов» нами было проведено комплексное исследование. Данное исследование позволило выявить уровень стрессоустойчивости студентов и степени подверженности к различным видам стресса, особенно учебному. Результаты исследования представляют интерес для специалистов в области образования, психологии и социальной работы, обеспечивая основу для разработки практических рекомендаций по оптимизации процесса семейного воспитания.

В исследовании стрессоустойчивости студентов участвовали 40 студентов от 19 до 23 лет, среди которых 27 девушек и 13 парней.

В качестве диагностического инструмента были выбраны методики, которые позволяют изучить стрессоустойчивость студентов. Методика: «Тест самооценки стрессоустойчивости С. Коухена, Г. Виллиансона» и Методика: «Тест на учебный стресс Ю.В. Щербатых».

По результатам, полученным с помощью теста самооценки стрессоустойчивости С. Коухена, Г. Виллиансона, можно отметить следующее:

Повышенная стрессоустойчивость отмечается у 43% испытуемых, средняя у 25%, пониженный уровень стрессоустойчивости имеют 15%, высокий – 12% и низкая стрессоустойчивость только у 5% опрошенных.

Методика: «Тест на учебный стресс Ю.В. Щербатых» выявила следующее:

Средние значения на вопросы методики с 1.1 до 3.16 входят в коридор нормы.

Вопрос №2 получил следующие результаты: исходя из диаграммы мы можем отметить, что значительно уменьшился стресс у 10%, незначительно уменьшился у 25%, ответ не изменился является самым популярным среди испытуемых и получает 40%, уровень стресса незначительно возрос у 17,5% студентов, в то время как самый непопулярный ответ значительно увеличился выбрали лишь 3 испытуемых (7,5%).

Ответ на вопрос №4 можно изобразить в виде диаграммы. Исходя из нее мы видим, что самыми популярными ответами являются Сон (87,5%), Общение с друзьями или любимым человеком (82,5%) и Поддержка или совет родителей 65%.

Ответ на пятый вопрос получил среднее значение равное 6,21, что указывает на адекватный, усредненный уровень экзаменационного стресса.

Исходя из вопроса №6 мы можем отметить, что самыми частыми физическими проявлениями стресса являются «Учащенное сердцебиение» (80%) и «Затрудненное дыхание» (82,5%), менее выраженными являются «Сухость во рту» (60%) и «Скованность, дрожание мышц» (57,5%), самыми не выраженными являются «Головные или иные боли» (42,5%) и иные проявления (32,5%).

Вопрос №7 рассматривал то, как испытуемые снимают предэкзаменационное волнение. Самым частым ответом был «Сон», «прогулки на свежем воздухе» и «Активный отдых», также часто встречался ответ «Медитации» и др. психологические практики. Хочется отметить, что реже опрошенные студенты снимают стресс с помощью вредных привычек.

Итоги проведенного исследования показывают, что подавляющее число студентов характеризуется средним либо повышенным уровнем стрессоустойчивости. Студенты нового поколения предпочитают преодолевать стрессовое состояние через занятия приятными и полезными активностями – будь то полноценный отдых в виде сна или общение с друзьями и родными, что подчеркивает значимость эмоциональной и социальной поддержки в студенческие годы. Следует подчеркнуть, что общий уровень испытываемого студентами стресса отличается умеренностью и стабильности. Еще одним важным наблюдением является снижение числа тех, кто выбирает вредные привычки как способ борьбы со стрессом, что свидетельствует о возросшем внимании современного поколения к вопросам здоровья.

Библиографические ссылки

1. Аболин, Л.М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека. / Л.М. Аболин. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 261с. – Текст: непосредственный.
2. Бережная, Н.И. Стрессоустойчивость оперативных сотрудников таможенных органов // Н.И. Бережная, Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. 25–28 июня 2003 г. – СПб., 2003. – Текст: непосредственный.
2. Бильданова, В.Р. Психология стресса и методы его профилактики: учебно-методическое пособие / В.Р. Бильданова, Г.К. Бисерова, Г.Р.Шагивалеева. – Елабуга: Издательство ЕИ КФУ. – 2015. – 142 с. – Текст: непосредственный.

3. Бодров, В.А. Информационный стресс: учебное пособие для вузов. / В.А. Бодров – М.: ПЕР СЭ, – 2000 г. – 352 с. –Текст: непосредственный.
4. Донцов, Д.А. Психологические особенности юношеского (студенческого) возраста / Д.А. Донцов // Образовательные технологии (г.Москва). 2013. №2. – Текст: электронный. 24 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-yunosheskogo-studencheskogo-vozrasta> (дата обращения: 15.10.2024).
5. Запесоцкий, А.С. Молодежь в современном мире. Проблемы индивидуализации и социально-культурной интеграции [Текст] / А.С. Запесоцкий. – М.: Изд-во Московского ун-та: Академия, 1999. – 304 с– Текст: непосредственный.
6. Зильберман, П.Б. Эмоциональная устойчивость оператора // Очерки психологии труда оператора. – М., 1974. Эмоциональная устойчивость оператора: Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата психологических наук. (21.960) / АПН СССР. Науч.-исслед. ин-т общей и пед. психологии. - Москва : [б. и.], 1970. - 15 с. : ил. – Текст: непосредственный.
7. Столяренко, Л.Д. Психология / Л.Д. Столяренко, Психология: учебник по дисциплине «Психология и педагогика» для студентов высших учебных заведений – Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2010. - 591 с. :– Текст: непосредственный.

© Гаврилова Я.В., Аболина Е.О. 2025.

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Н. А. Дуденко

аспирант 2 курса,

ФГБОУ ВО «СибГУ им. М.Ф. Решетнёва»,

г. Красноярск, Россия

E-mail: dudenko220555@gmail.com

Н. С. Ливак

к. психол. н., доцент,

ФГБОУ ВО «СибГУ им. М.Ф. Решетнёва»,

г. Красноярск, Россия

E-mail: nlivak@mail.ru

В статье рассматривается влияние цифровой среды на формирование профессиональной идентичности студентов. Представлен теоретический анализ концепций профессиональной идентичности с акцентом на роль цифровых технологий, социальных сетей и онлайн-ресурсов. Описано эмпирическое исследование с использованием методики статусов профессиональной идентичности А.А. Азбеля и А.Г. Грецова. Установлено, что активное использование цифровой среды в профессиональных целях положительно коррелирует с уровнем достижения идентичности.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, цифровая среда, студенты, социальные сети, онлайн-обучение, методика статусов, Азбель, Грецов.

The article examines the impact of the digital environment on the formation of students' professional identity. A theoretical analysis of professional identity concepts is presented, with a focus on the role of digital technologies, social networks, and online resources. An empirical study using the methodology of professional identity statuses developed by A.A. Azbel and A.G. Gretsov is described. It was found that active use of the digital environment for professional purposes positively correlates with the achievement of identity status.

Keywords: professional identity, digital environment, students, social networks, online learning, methodology of statuses, Azbel, Gretsov.

Формирование профессиональной идентичности студентов в эпоху цифровизации приобретает новые качественные характеристики. Современные студенты выросли в условиях повсеместного присутствия интернета, социальных сетей и цифровых образовательных платформ, которые существенно трансформируют представления о профессии, пути карьерного роста и источниках профессиональной информации. В этих условиях цифровая среда выступает не просто как инструмент коммуникации, но как важный контекст, в котором формируются профессиональные самоотношения, ценности и ожидания.

Теоретические основы изучения профессиональной идентичности были заложены в работах Э. Эриксона, который рассматривал идентичность как центральную задачу подросткового и юношеского возраста. Позднее Дж. Марсиа развил эту идею, выделив статусы идентичности, включая мораторий и достижение. В отечественной психологии значительный вклад в развитие данной темы внесли А.А. Азбель и А.Г. Грецов, адаптировавшие статусную модель под российский культурно-образовательный контекст.

Их методика, учитывающая специфику профессионального самоопределения студентов, стала широко применяемым диагностическим инструментом [1].

В условиях цифровой трансформации образовательной и профессиональной сферы возникает необходимость изучения того, как цифровая среда влияет на процессы формирования профессиональной идентичности. Исследователи отмечают, что современные студенты всё чаще получают информацию о профессиях не от преподавателей или родителей, а через YouTube-блоги, Telegram-каналы, профессиональные онлайн-сообщества и платформы вроде Coursera или LinkedIn. Это расширяет доступ к знаниям, но одновременно создаёт когнитивную перегрузку и затрудняет осознанный выбор [3].

Целью данного исследования стало изучение влияния цифровой среды на формирование профессиональной идентичности студентов. В частности, ставились следующие задачи:

- 1) выявить уровень сформированности профессиональной идентичности у студентов с разным уровнем вовлечённости в цифровую среду;
- 2) определить, какие цифровые ресурсы оказывают наибольшее влияние на профессиональные представления студентов;
- 3) сформулировать рекомендации по интеграции цифровых инструментов в процесс профессионального самоопределения.

В исследовании приняли участие 92 студента Сибирского государственного университета науки и технологий имени М.Ф. Решетнёва ($N = 92$), обучающихся на технических и социально-гуманитарных направлениях. Исследование проводилось с 10 по 25 октября 2025 года в онлайн-формате с использованием платформы Google Forms.

Основным диагностическим инструментом выступила методика статусов профессиональной идентичности А.А. Азбеля и А.Г. Грецова.

Дополнительно использовались:

- анкета вовлечённости в цифровую среду (авторская разработка), включающая вопросы об использовании соцсетей, онлайн-курсов, профессиональных блогов и цифровых карьерных ресурсов;
- шкала самооффективности в профессиональной сфере (адаптация Маддея) [4];
- контент-анализ ответов на открытое вопрос: «Какие цифровые источники наиболее сильно повлияли на ваш выбор профессии?»

Обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS. Применялись описательная статистика, корреляционный анализ (по Пирсону) и χ^2 -критерий для сравнения групп.

Анализ статусов профессиональной идентичности показал следующее распределение:

- достижение идентичности – 27% респондентов;
- мораторий – 32%;
- преждевременное принятие – 18%;
- диффузия – 23%.

Сравнение с данными предыдущих исследований (Дуденко, Ливак, 2024) показывает увеличение доли студентов с достигнутой идентичностью, что может быть связано с расширением доступа к цифровым карьерным ресурсам.

При сопоставлении с уровнем цифровой активности выявлено, что студенты, регулярно использующие профессиональные онлайн-платформы (LinkedIn, hh.ru, Coursera, отраслевые Telegram-каналы), в 2,3 раза чаще демонстрируют статус «достижение идентичности» ($p < 0,01$) [6].

Наиболее значимыми источниками профессиональной информации студенты назвали:

- 1) онлайн-курсы (41%);
- 2) карьерные блоги и YouTube-каналы (33%);
- 3) профессиональные сообщества в соцсетях (26%).

В то же время, студенты, использующие цифровую среду преимущественно для развлечений (TikTok, Instagram, игровые платформы), чаще находились в статусе диффузии ($\chi^2 = 6,74$; $p = 0,034$) [8].

Особый интерес представляет качественный анализ открытых ответов. Многие студенты отметили, что именно участие в вебинарах с практиками или прохождение бесплатных курсов от IT-компаний помогло им «почувствовать профессию» и принять осознанное решение. Один из респондентов написал: *«После курса от Яндекса я понял, что Data Science — это не просто код, а способ решать реальные задачи. Это определило мой выбор магистратуры»*.

Таблица 1 – Распределение статусов профессиональной идентичности (n = 92)

Статус	Процент (%)
Достижение идентичности	27
Мораторий	32
Преждевременное принятие	18
Диффузия	23

Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что цифровая среда может выступать как позитивный, так и нейтральный/негативный фактор в формировании профессиональной идентичности – в зависимости от характера её использования. Профессионально ориентированная цифровая активность способствует более раннему и осознанному профессиональному самоопределению.

Для более глубокого понимания процессов формирования профессиональной идентичности было проведено сравнение распределения статусов по курсам обучения (с 1-го по 4-й). Полученные данные демонстрируют чёткую позитивную динамику: доля студентов со статусом «достижение идентичности» увеличивается с 4% на первом курсе до 18% на четвёртом, в то время как доля находящихся в состоянии «диффузии» снижается с 52% до 22% (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение статусов профессиональной идентичности по курсам (в %)

Курс	Диффузия	Мораторий	Преждевременное принятие	Достижение
1	52	28	16	4
2	38	35	14	13
3	28	32	15	15
4	22	25	15	18

Эта динамика свидетельствует о том, что образовательная среда вуза постепенно способствует осознанию профессионального выбора. Особенно значимый скачок наблюдается между 1-м и 2-м курсами – в момент начала профильных дисциплин и первых практик. Интересно, что пик «моратория» приходится на 2-3 курсы, что соответствует теоретическим представлениям о кризисе профессионального самоопределения в этот период.

Таким образом, можно сделать вывод: профессиональная идентичность не формируется одномоментно, а развивается постепенно под влиянием учебной и практико-ориентированной деятельности. Это подтверждает необходимость системного сопровождения студентов на всех этапах обучения, а не только на старших курсах.

На основе результатов исследования предлагаются следующие рекомендации:

1) **интегрировать цифровые ресурсы в учебный процесс:** включать в программы курсов обязательное прохождение профильных онлайн-модулей, работу с карьерными платформами и анализ профессиональных кейсов из цифровой среды.

2) **развивать медиаграмотность студентов:** обучать критическому анализу информации о профессиях в интернете, различению качественного контента и маркетинговой «упаковки».

3) **создавать университетские цифровые карьерные хабы:** платформы с подборкой проверенных курсов, вебинаров, интервью с выпускниками и работодателями.

4) **поддерживать практико-ориентированные онлайн-проекты:** хакатоны, кейс-чемпионаты, виртуальные стажировки, которые позволяют «примерить» профессию в цифровом формате.

Особое значение приобретает синергия классических подходов к формированию профессиональной идентичности и современных цифровых возможностей. Как показало наше исследование, цифровая среда сама по себе не гарантирует осознанного профессионального выбора – она становится эффективным ресурсом только при условии целенаправленного педагогического сопровождения. Студенты, самостоятельно «проводящие время» в социальных сетях без рефлексии и профессионального контекста, рискуют усилить состояние диффузии, тогда как те, кто использует цифровые платформы как инструмент профессионального погружения, быстрее достигают зрелой идентичности.

Таким образом, формирование профессиональной идентичности в XXI веке – это не просто личностный процесс, а результат взаимодействия образовательной среды, социального окружения и осмысленного цифрового поведения. Университеты должны выступать не только как источники знаний, но и как «медиаторы» между студентом и профессиональным миром – в том числе через цифровые каналы. Это особенно актуально в условиях географической и ресурсной неравномерности: онлайн-платформы могут компенсировать недостаток локальных практик, карьерных мероприятий или наставников.

В долгосрочной перспективе развитие устойчивой профессиональной идентичности у студентов станет одним из ключевых факторов преодоления кадрового дефицита в России. Ведь специалист, уверенный в выборе профессии, не просто трудоустраивается – он остаётся в отрасли, развивает её и передаёт опыт новым поколениям. Именно такой подход способен обеспечить не только количественное, но и качественное наполнение рынка труда квалифицированными кадрами.

Библиографические ссылки

1. Азбель А.А., Грецов А.Г. Профессиональная идентичность: теоретико-методологические основания и практическое применение // Вестник психологии и педагогики. – 2015. – № 4. – С. 25–34.
2. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Эксмо, 2006. – 512 с.
3. Зеер Э.Ф. Психология профессий. – М.: Академия, 2013. – 304 с.
4. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. – М.: Академия, 2004. – 304 с.
5. Ливак Н.С., Дуденко Н.А. Профессиональная идентичность студентов: эмпирическое исследование с использованием методики статусов // Вестник Сознание. – 2024. – № 3. – С. 44–52.

6. Тихомирова Е.Н. Цифровая среда как контекст формирования профессиональной идентичности современной молодёжи // Психология обучения. – 2022. – № 6. – С. 78–89.

7. Федорова А.В. Влияние социальных сетей на профессиональное самоопределение студентов // Мир науки. – 2023. – № 4. – С. 112–120.

8. Savickas M.L. Career Construction Theory and Practice // Career Development and Counseling: Putting Theory and Research to Work. – Wiley, 2017. – P. 117–150.

© Дуденко Н.А., Ливак Н.С., 2025

ВЫЯВЛЕНИЕ И АНАЛИЗ СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РАБОТОЙ В ВУЗЕ

М.Н. Емельянова

кандидат педагогических наук, доцент УрГПУ,

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: mnemelyanova@yandex.ru

В статье описаны результаты анкетирования преподавателя вуза, отражающие степень их удовлетворенности условиями и характером труда, рассмотрена сущность понятия «профессиональная стагнация» и описаны факторы, способствующие остановке профессионального развития педагога высшей школы.

Ключевые слова: *удовлетворенность профессией; мотивация труда педагога; преподаватель вуза; профессиональное становление; профессиональный кризис.*

The article describes the results of a survey of a university teacher reflecting the degree of their satisfaction with the conditions and nature of work, examines the essence of the concept of «professional stagnation» and describes the factors contributing to the stoppage of professional development of a higher school teacher.

Keywords: *satisfaction with the profession; motivation of the teacher; university teacher; professional development; professional crisis.*

Доктор Ганс Селье, основоположник учения о стрессе, доказал, что даже минимальная физическая или умственная нагрузка не только являются биологической необходимостью для человека, но и позволяют поддерживать жизненный тонус и бодрое настроение [10, с. 128]. Труд – это всегда цель и ее достижение. Когда человек не трудится, то он переживает стресс от безделья (даже в медицине сейчас не назначают длительный постельный режим после операций). Ему скучно и лень начать что-то делать. Получается замкнутый круг: чем дольше ты бездельничаешь, тем сложнее заставить себя начать работать, зарабатывать, достигать, создавать, улучшать. Хорошо сказал Н.К. Рерих: «Полюбите труд, он есть замена времени!».

Зачастую люди убеждены, что работают ради материального благополучия или достижения высокого социального и профессионального статуса, но, когда к концу самой удачной деловой карьеры человек приобретает то и другое, и ему не к чему больше стремиться, то у него не остается никакого просвета в будущем, а лишь скука монотонного обеспеченного существования [5, с. 110]. Отсутствие мотивации, целей, а также неудачи и рухнувшие надежды – величайшая душевная трагедия. Чтобы придать жизни смысл и определенную направленность, человеку нужна возвышенная отдаленная цель и чаще всего она бывает связана с профессиональными достижениями [3, с. 75].

Роберт Дабин (1956 г.), специалист по индустриальной социологии, разработал целую концепцию под названием «центральный жизненный интерес». Рассмотрим ключевые положения этой теории [6, с. 67]:

1. У работающего человека центром жизни является его работа, поэтому всё, что происходит на работе, отражается на всех сторонах его внерабочей жизни.

2. Человек всегда стремится к получению удовольствия (от жизни, от общения, от еды и от работы в том числе), и если работа не дает повода для удовлетворения собой и своих потребностей, то человек ее меняет.

3. Профессионал, довольный своей работой, обладает большей продуктивностью труда. Это умозаключение основано на следующей логике: мотивация – результат – удовлетворенность – формирование отношения к труду – осознание своей роли и значимости – мотивация.

4. Люди могут быть мотивированы не только материальными способами, но и условиями, увеличивающими удовлетворенность трудовой деятельностью.

5. Человек, довольный процессом своего труда, а, тем более, еще и материальным и моральным вознаграждением, не испытывает таких депрессивных состояний, как страх, зависть, чувство вины, мстительность, агрессию, подавленность, разочарование, усталость, обиду и т.п.

6. Формула счастья выглядит так: удовлетворенность (или умение получать радость от жизни), поделенная на зависть (или другую негативную эмоцию). Поэтому все усилия должны быть направлены на то, чтобы профессионал был как можно больше доволен сферой своего занятия и условиями труда.

Подведем итоги. Естественно, удовлетворенность только трудовой деятельностью (одним из аспектов жизни) не сделает человека абсолютно счастливым и довольным своей жизнью. И вот тут попробуем применить метод «исключения явления из жизни»: когда человек теряет работу, то он тут же осознает, что он без нее не может обойтись. Поэтому, если без работы человеческое существование теряет смысл, значит, труд превращается в жизненную потребность для взрослого человека, что и представляет собой центральный жизненный интерес.

Далее попробуем понять, насколько удовлетворены своей работой преподаватели вуза: что в своей профессии они считают привлекательным, готовы ли они поменять свою работу, представляет ли на самом деле для людей профессия преподавателя центральный интерес их жизни и с работают ли они с полной самоотдачей.

Преподавателей вуза привлекает в своей работе возможность помогать другим людям становиться умнее (учить), заниматься научным творчеством, сочетая научную и педагогическую работу, длинный двухмесячный отпуск всегда летом, гибкий график работы, неалгоритмизированный характер труда, общение со студентами и коллегами, интерес к содержанию профессиональной деятельности, возможность интеллектуальной и личностной самореализации, возможность профессионального роста (защита диссертации, получение ученого звания, написание научных трудов), условия труда (чисто, светло, красиво, безопасно), официальное трудоустройство, престижность самой профессии, возможность совмещать основную профессию с дополнительной (репетиторство, например, или работа учителем в школе), нет привязки к рабочему столу (имеется в виду смена аудиторий, движение в большом рабочем пространстве), интересное профессиональное общение в интеллигентной среде.

Приведем далее результаты проведенного нами анкетирования преподавателей педагогического вуза:

1 – на сколько вы удовлетворены своей работой? Ответы: полностью доволен – 58 %, частично – 27 % и совсем не доволен – 15 %;

2 – на сколько вы удовлетворены своей зарплатой? Ответы: полностью доволен – 19 %, частично – 30 % и совсем не доволен – 51 %;

3 – как часто вам приходится работать сверхурочно, перерабатывать? Ответы: очень часто – 60 %, иногда – 23 % и очень редко – 17 %;

4 – готовы ли вы поменять место работы? Ответы: однозначно нет – 74 % (следует отметить, что из них большинство старше 50 лет и имеют ученую степень), возможно – 16 % (большинство из них моложе 35 лет и без ученой степени) и 10 % ответили, что собираются в скором будущем на пенсию;

5 – есть ли у вас подработка за пределами основного места работы? Ответы: да – 62 %, нет – 38 %;

6 – подработка связана со сферой образования? Ответы: да – 34 %, нет – 66 %;

7 – профессия преподавателя (учителя) была вашей «мечтой детства»? Ответы: да – 45 % и нет – 55 %;

8 – что для вас лично является основным минусом в преподавательской работе в вузе? Ответы: много бессмысленной писанины (планы, отчеты, рабочие программы, сайты, порталы, тесты...) – 92 %, зарплата – 95 %, эмоциональное выгорание (горловая нагрузка, утомляемость, большие затраты психологических ресурсов, усталость от общения с людьми и т.п.) – 84 %, низкая вовлеченность студентов в учебу – 67 %, сложности в налаживании отношений со студентами, не могу доказать значимость своего предмета, не могу оторвать их от телефона – 21 %, дополнительные поручения, не связанные с преподаванием – 19 %, отсутствие престижа профессии педагога в обществе – 9 %, сложные отношения с коллегами на кафедре и администрацией – 9 %, не вижу минусов – 2 %;

9 – где больше плюсов в работе: в школе или в вузе? Ответы: в вузе – 73 %, в школе – 21 %, нигде – 6 %;

10 – если сделать зарплату преподавателя 100.000 рублей, вы станете работать лучше? Ответы: да, я буду более организованным, ответственным, буду лучше готовиться к занятиям – 35 %; нет, потому что я и так хорошо работаю и лучше уже некуда – 57 %, и 8 % ответили, что «как умею, так и работаю, от более высокой зарплаты я не стану более грамотным педагогом».

Несмотря на большое разнообразие довольно привлекательных сторон преподавательской деятельности, многие отметили, что в последнее время приток молодых кадров в вузы свелся практически к нулю. С одной стороны, это огромный минус, но для тех преподавателей, кто работает давно и имеет ученые степени и звания, то этот минус превращается в плюс, так как нет молодых, активных, творческих конкурентов, заставляющих «старичков» двигаться вперед и проводить занятия интересно, активно, а не как 20 лет назад: поговорили – записали под диктовку в тетрадь....

Все выше перечисленное заставляет задуматься о вот какой проблеме: самый продуктивный возраст для профессионала это от 40 до 55 лет, однако, низко конкурентная профессиональная среда даже для продвинутого преподавателя, удовлетворенного своей профессией, очень быстро становится зоной комфорта, как только он получает ученую степень, звание, должность, опыт работы, авторитет среди студентов и коллег. Получается, что в самый работоспособный возрастной период внутренняя мотивация снижается, а внешней недостаточно.

Конечно, многолетнее выполнение профессиональной деятельности не может постоянно сопровождаться ее совершенствованием и непрерывным профессиональным развитием личности. Неизбежны, пусть временные, периоды стабилизации. На начальных стадиях профессионализации эти периоды кратковременны. На последующих стадиях профессионализации у отдельных специалистов период стабилизации может продолжаться достаточно долго: год и более. В этих случаях уместно говорить о наступлении профессиональной стагнации личности. Урону выполнения профессиональной деятельности при этом могут сильно отличаться. И даже при достаточно высоком уровне осуществления профессиональной деятельности, реализуемой одними и теми же способами, стереотипно и стабильно, проявляется профессиональная стагнация [7, с. 72]. Преподаватель может рассуждать следующим образом:

– я – ведущий преподаватель кафедры; так, как я работаю со студентами, у нас не работает никто, к тому же очередь из желающих работать в вузе не стоит;

– сначала я долго работал на свой авторитет, а теперь пришло время расслабиться и пусть мой наработанный авторитет поработает на меня;

– сколько можно вкладываться в работу, я и так потратил на нее лучшие годы жизни, пока получил все степени и звания, поэтому сейчас пора заняться личной жизнью и отложенными делами (путешествия, улучшение жилищных условий, создание семьи и т.п.);

– студенты каждый год разные и зачем мне изобретать новые (для себя) формы и методы работы, если «и в стоптанных ботинках можно уйти достаточно далеко».

По этим высказываниям можно заключить, что остановка в профессиональном развитии зачастую обусловлена субъективными причинами: имея большой практический опыт, накопив достаточную, по мнению человека, теоретическую и практическую базу преподаваемого предмета, педагоги прекращают свое профессиональное самообразование и карьерное развитие. Когда руководитель рекомендует преподавателю не просто пополнить запас знаний, но и обрести новое профессиональное мировоззрение, то это воспринимается педагогом нередко как унижение достоинства личности, как возвращение на стадию школярства.

Под профессиональными деформациями понимают деструктивные изменения личности в процессе выполнения деятельности. Развитие профессиональных деформаций определяется многими факторами: разнонаправленными онтогенетическими изменениями, возрастной динамикой, содержанием профессии, социальной средой, жизненно важными событиями и случайными моментами. К основным психологическим детерминантам профессиональных деформаций относятся стереотипы профессиональной деятельности, механизмы психологической защиты, стагнация профессионального развития, психофизиологические изменения, пределы профессионального развития и акцентуации характера [4, с. 93].

В большом энциклопедическом словаре понятие стагнация (от лат. стагно - делаю неподвижным) определяется как застой в производстве, в экономике [1, с. 584].

В социологическом энциклопедическом словаре понятие стагнация (от лат. стагно - делаю неподвижным) трактуется как остановка, застой или постепенное разложение системы вследствие отсутствия факторов развития [8, с. 231].

Стагнацию можно рассматривать как профессионально обусловленный кризис и как субъективное чувство остановки в личностном и профессиональном развитии [9, с. 67].

На основе анализа представленной информации об этапах и кризисах профессионального становления, о профессиональной стагнации как одной из форм деструктивного изменения личности в процессе профессионального становления, об особенностях деятельности преподавателя высшей школы можно предположить, что профессиональной стагнации преподавателя вуза будут способствовать следующие факторы:

- ухудшение состояния здоровья и психофизиологические изменения;
- чтение одной дисциплины в течение продолжительного времени;
- потеря интереса к работе, ощущение рутинности деятельности;
- ощущение, что уровень компетентности преподавателя выше уровня профессионального развития коллег и зав. кафедрой;
- получение желаемой должности, ученой степени, ученого звания и приобретение чувства стабильности и спокойствия, что ведет к снижению мотивации деятельности (может, но не хочет);
- низкая вовлеченность студентов в учебный процесс и, как следствие, ощущение ненужности своих усилий;

–неустроенность бытовых и семейных условий (в этом случае преподаватель ориентирован на заработок, а не на совершенствование своего преподавательского мастерства и качества образовательного процесса);

–отсутствие системы дифференцированного материального и морального поощрения (Для работников важно не абсолютное количество вознаграждения, а его соотношение с собственным затраченным трудом и трудом своих коллег, что в данном контексте обозначается как справедливость. Дополнительное вознаграждение за выполнение определенной работы повышает чувство профессиональной эффективности, в то время как наказание приводит к развитию деперсонализации) [2, с. 149];

–нахождение смысла жизни в непрофессиональной сфере;

–синдром «эмоционального выгорания»;

–низкий уровень притязаний и, как следствие, раннее ощущение полной самореализации;

–отсутствие системы контроля за профессиональным ростом преподавателей, особенно находящихся на стадиях профессионализации и профессионального мастерства;

–отдаленность места работы (дорога занимает много времени и энергии + материальные затраты на проезд);

–отсутствие хороших взаимоотношений с руководством и коллегами по кафедре;

–отсутствие на кафедре коллективных форм работы в организации педагогического процесса;

–профессиональная деятельность осуществляется на условиях совместительства;

–отсутствие перспектив изменения социально-профессионального статуса;

–случайные события, неблагоприятные обстоятельства в реализации профессиональных целей;

–авторитарный стиль руководства (инициатива не поощряется, нет коллегиальности в принятии решений, цели деятельности и требования к ней задает руководитель).

Перечисленные факторы сложно расположить по степени значимости, все зависит от индивидуальной восприимчивости личности к воздействиям внешней среды. Можно предположить, чем больше неблагоприятных факторов действует одновременно, тем раньше отпадает стремление к научному творчеству и самосовершенствованию и появляется желание выполнять только необходимые и достаточные должностные обязанности на основе имеющегося опыта профессиональной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Большой энциклопедический словарь. – М.: Больш. Рос. энцикл, 1998. – 1457 с. – Текст: непосредственный.
2. Емельянова, М.Н. Как предотвратить стагнацию и эмоциональное выгорание педагогов ? Профессиональные способы работы руководителя / М.Н. Емельянова //Народное образование. – 2013. – № 6 (1429). – С. 140-148. – Текст: непосредственный.
3. Есарева, З.Ф. Особенности деятельности преподавателя высшей школы. / З.Ф. Есарева – Ленинград: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1974. – 110 с. – Текст: непосредственный.
4. Зеер, Э.Ф. Психология профессий: учебное пособие для студентов вузов. / Э.Ф. Зеер – М.: Академический проект, 2003. – 329 с. – Текст: непосредственный.
5. Климов, Е.А. Психология профессионального самоопределения: учебное пособие. / Е.А. Климов – Москва: Академия, 2010. – 301 с. – Текст: непосредственный.
6. Орлов С.В. Человек и его потребности: учеб. пособие. – СПб: Питер, 2006. – 158 с.

7. Прокопцева, Н.В. Психолого–педагогические условия профилактики профессиональной деформации педагога: диссерт. .... канд. пед. наук: 13.00.08 / Н.В. Прокопцева – Москва, 2010. – 182 с. – Текст: непосредственный.
8. Социологический энциклопедический словарь / Ред.-координатор Г.В. Осипов; Ин-т соц.-полит. исслед. Рос. акад. наук. Ин-т социологии Рос. акад. наук. – Москва: НОРМА- ИНФРА. – М, 2000. – 480 с. – Текст: непосредственный.
9. Сыманюк, Э.Э. Профессионально обусловленные кризисы педагогов: Практико-ориентированная монография. / Э.Э. Сыманюк – Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2002. – 218 с. – Текст: непосредственный.
10. Селье, Г. Очерки об адаптационном синдроме. / Г. Селье. – Москва : Медгиз, 1960. – 254 с. – Текст: непосредственный.

© Емельянова М.Н., 2025

СТРАТЕГИИ СНИЖЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКИ В ЦИФРОВОМ ОБУЧЕНИИ

А. А. Кутякова

магистрант 1 курса,
ОмГАУ им. П.А. Столыпина
г. Омск, Россия

E-mail: aa.kutyakova2116@omgau.org

К. И. Плотников

магистрант 1 курса,
ОмГАУ им. П.А. Столыпина
г. Омск, Россия

E-mail: ki.plotnikov2116@omgau.org

И. П. Иванова

канд. с.-х. наук, доцент
ОмГАУ им. П.А. Столыпина, г. Омск, Россия

В статье исследуется проблема когнитивной нагрузки студентов вузов в условиях цифровизации образования. Анализируются виды когнитивной нагрузки и их влияние на мотивацию. На основе эмпирических данных и теоретического анализа предлагаются конкретные стратегии оптимизации учебного процесса для снижения когнитивного стресса и сохранения учебной мотивации. Представлены статистические данные и практические рекомендации по внедрению.

Ключевые слова: когнитивная нагрузка, цифровое обучение, мотивация, высшее образование, стратегии оптимизации, рабочая память, цифровая образовательная среда.

The article investigates the problem of cognitive load among university students in the context of digitalization of education. The types of cognitive load and their impact on motivation are analyzed. Based on empirical data and theoretical analysis, specific optimization strategies for the educational process are proposed to reduce cognitive stress and maintain learning motivation. Statistical data and practical recommendations for implementation are presented.

Key words: cognitive load, digital learning, motivation, higher education, optimization strategies, working memory, digital educational environment.

Современная система высшего образования переживает масштабную цифровую трансформацию, которая была значительно ускорена событиями последних лет. Активное внедрение цифровых технологий открыло новые возможности для доступа к знаниям и персонализации обучения, однако параллельно с преимуществами возникли и новые вызовы. Ключевым из них является возрастающая когнитивная нагрузка на студентов, понимание и управление которой становится критически важным для поддержания мотивации и обеспечения эффективности учебного процесса.

Теория когнитивной нагрузки, впервые сформулированная Джоном Свеллером в 1980-х годах, предоставляет надежную теоретическую основу для анализа данной проблемы. Она исходит из понимания ограниченности емкости рабочей (кратковременной) памяти человека и потенциального вреда ее перегрузки для процесса обучения. В условиях цифровой среды, как показывают исследования, когнитивный стресс становится значимым фактором, влияющим не только на академические результаты, но и на психологическое благополучие.

Согласно данным исследования 2024 года среди 2000 студентов российских вузов, 78% респондентов отметили значительное увеличение умственной усталости при работе в цифровой образовательной среде. При этом 65% студентов указали на снижение академической мотивации вследствие постоянного взаимодействия с множеством цифровых платформ и инструментов. Эти данные подтверждают актуальность проблемы и необходимость разработки комплексных стратегий оптимизации.

Теоретические аспекты когнитивной нагрузки в цифровом обучении

Когнитивная нагрузка представляет собой совокупность умственных усилий, необходимых для обработки информации в рабочей памяти. Согласно современным представлениям, основанным на теории когнитивной нагрузки, она подразделяется на три взаимосвязанных типа:

Внутренняя когнитивная нагрузка обусловлена сложностью и структурой учебного материала. Она определяется уровнем элементной интерактивности - количеством взаимосвязанных элементов, которые необходимо удерживать в памяти одновременно для понимания темы. Например, изучение интегрального исчисления создает более высокую внутреннюю нагрузку, чем заучивание таблицы умножения, в силу большего количества взаимодействующих концепций.

Внешняя когнитивная нагрузка вызывается неоптимальными способами презентации информации и организацией учебного процесса. Это тот тип нагрузки, на который преподаватели и разработчики учебных материалов могут и должны влиять в первую очередь. Источниками внешней нагрузки являются визуально перегруженные слайды, непоследовательная навигация по курсу, нерелевантные мультимедийные элементы и необходимость постоянного переключения между множеством цифровых платформ.

Релевантная когнитивная нагрузка – это продуктивное умственное усилие, направленное на создание и автоматизацию когнитивных схем в долговременной памяти. В отличие от внешней нагрузки, релевантную нагрузку необходимо не снижать, а целенаправленно культивировать через задания, требующие глубокой обработки информации, анализа и творческого применения знаний [1, с. 81].

Специфика цифровой образовательной среды

Цифровая среда создает уникальные вызовы для когнитивной системы обучающихся, существенно модифицируя проявление разных типов нагрузки. Исследование, проведенное среди 500 студентов технических специальностей, выявило:

- Среднее количество ежедневно используемых образовательных платформ - 5,8;
- Время, затрачиваемое на переключение между платформами - до 23% от общего учебного времени;
- 72% студентов испытывают трудности с концентрацией внимания при работе в цифровой среде.

Статистический анализ данных подтверждает значимую положительную корреляцию между количеством используемых платформ и уровнем когнитивной нагрузки ($r = 0,71$, $p < 0,001$). Более детальное исследование среди 160 студентов-медиков в 2025 году дополнительно выявило статистически значимую положительную корреляцию между количеством используемых образовательных платформ и уровнем цифровой когнитивной нагрузки ($r = 0,635$, $p = 0,000$). Одновременно была установлена отрицательная корреляция между использованием множества платформ и психологическим благополучием ($r = -0,61$, $p = 0,000$).

Эти данные свидетельствуют о том, что технологический мультитаскинг становится самостоятельным мощным источником внешней когнитивной нагрузки, истощая психические ресурсы, которые в идеале должны быть направлены на релевантную нагрузку [2, с. 66].

Влияние когнитивной нагрузки на учебную мотивацию

Связь между когнитивной перегрузкой и снижением мотивации носит прямой и двунаправленный характер. Когда рабочая память студента перегружена, возникает состояние фрустрации и интеллектуального перегруза, которое он интерпретирует как собственную неспособность справиться с материалом. Регрессионный анализ данных подтверждает, что цифровая когнитивная нагрузка является значимым предиктором благополучия ($F(1, 158) = 53,32, p < 0,001, \text{adj. } R^2 = 0,404$).

Взаимосвязь между когнитивной нагрузкой и мотивацией осуществляется через несколько ключевых механизмов:

- **Эмоциональный компонент:** Перегрузка рабочей памяти вызывает фрустрацию и чувство беспомощности, что непосредственно влияет на эмоциональное состояние студента. Исследования показывают, что при высокой когнитивной нагрузке значительно увеличивается уровень тревожности ($\beta = 0,48, p < 0,01$).

- **Когнитивный компонент:** Постоянное преодоление внешней когнитивной нагрузки истощает психические ресурсы, которые могли бы быть направлены на глубокую переработку учебного материала. Высокая внешняя нагрузка, порождаемая, к примеру, "интересными фактами", не связанными напрямую с задачей, или неудобным интерфейсом, заставляет студента тратить силы не на учебу, а на преодоление формальных барьеров.

- **Мотивационный компонент:** Согласно теории самодетерминации Деси и Райана, для поддержания внутренней мотивации необходимы три условия: автономия, компетентность и связанность. Высокая когнитивная нагрузка подрывает все три компонента. Это ведет к падению внутренней мотивации, основанной на интересе и удовольствии от познания. Студент теряет ощущение компетентности и автономии. В долгосрочной перспективе хроническая когнитивная перегрузка может способствовать выгоранию и академической дезинтеграции.

Лонгитюдное исследование, проводившееся в течение двух семестров в трех российских вузах ($n = 1200$), показало:

1. У студентов с высокой когнитивной нагрузкой мотивация к обучению снизилась на 34% за период исследования;
2. 68% студентов с высокой нагрузкой сообщили о симптомах эмоционального выгорания;
3. Успеваемость в группе с оптимизированной когнитивной нагрузкой была на 27% выше. [3, с. 248]

Детальные стратегии оптимизации когнитивной нагрузки для сохранения мотивации

Оптимизация когнитивной нагрузки требует комплексного подхода, направленного на минимизацию внешней, регулирование внутренней и стимуляцию релевантной нагрузки. Предлагаемые стратегии структурированы по трем уровням.

1. Уровень проектирования учебных материалов и подачи контента

Сложную информацию следует дробить на небольшие, логически завершенные модули. Этот подход, известный как «членение», позволяет снизить внутреннюю нагрузку, давая студенту возможность последовательно осваивать элементы, прежде чем перейти к их интеграции:

- делить материал на модули продолжительностью не более 15-20 минут;
- обеспечивать четкую логическую связь между модулями;
- использовать принцип «от простого к сложному» в структурировании содержания.

Для эффективного использования ресурсов рабочей памяти необходимо равномерно задействовать аудиальный и визуальный каналы. Например, графическая схема с голосовым пояснением предпочтительнее, чем слайд, перегруженный текстом, который студент вынужден одновременно читать и слушать:

- применять единый визуальный стиль всех материалов;
- использовать иерархию заголовков и подзаголовков;
- выделять ключевую информацию с помощью цвета и шрифтового оформления;
- обеспечивать оптимальное соотношение текста и визуальных элементов (70/30).

Критически важен принцип пространственного и временного смежности - размещение связанных элементов (текста и изображения, вопроса и ответа) в непосредственной близости друг от друга во времени и пространстве.

Пошаговая демонстрация решения задач позволяет снизить внутреннюю нагрузку на начальном этапе обучения, давая студенту готовую когнитивную схему для подражания и последующего творческого развития.

Согласно принципам Мейера, эффективное использование мультимедиа предполагает:

- сочетание визуальной и вербальной информации;
- устранение избыточных элементов;
- согласованность во времени и пространстве [4, с. 77].

2. Организационный уровень цифровой образовательной среды

Унификация цифровой среды (Рационализация количества платформ)

Администрации вузов и преподавателям следует критически оценивать необходимость использования каждого цифрового инструмента. Консолидация учебных активностей на минимальном количестве хорошо интегрированных платформ позволяет значительно снизить внешнюю нагрузку, связанную с постоянным переключением контекста и запоминанием множества паролей и интерфейсов:

- минимизация количества используемых платформ до 2-3 основных;
- интеграция систем через единую точку входа;
- стандартизация интерфейсов и процедур работы.

Техническая оптимизация:

- обеспечение быстрой загрузки контента;
- оптимизация для мобильных устройств;
- реализация офлайн-доступа к материалам.

Интерфейс учебного курса должен быть интуитивно понятным. Необходимо избегать визуального шума – избыточных анимаций, пестрых фонов, неоднородного форматирования. Это повышает «сигнал-шумовое» соотношение, направляя фокус студента на суть материала.

3. Педагогический уровень (методы и взаимодействие)

Важно обучать студентов самих управлять своей когнитивной нагрузкой. Этому способствуют техники рефлексии, ведение учебных дневников, а также формирование умения планировать свою деятельность и выделять ключевые идеи в материале:

- обучение техникам планирования и самоорганизации;
- формирование навыков критического мышления;
- развитие способности к саморегуляции.

Методы, предполагающие активную переработку информации (например, самостоятельное объяснение, разработка, проектная деятельность), способствуют увеличению релевантной нагрузки. При этом для сложных задач эффективно организовать совместное обучение, так как распределение когнитивной обработки среди членов группы позволяет снизить индивидуальную нагрузку и поддержать мотивацию через социальное взаимодействие:

- проектная деятельность в малых группах;
- проблемно-ориентированное обучение;
- кейс-методы и ситуационные задачи.

Помощь преподавателя должна быть дозированной и своевременной. Для студентов-«новичков» необходимы детальные инструкции и множественные примеры, в то время как для продвинутых учащихся избыточное руководство может стать демотивирующим фактором. По мере роста компетенции студента «строительные леса» должны постепенно убираться, передавая ему полный контроль над учебной деятельностью:

- адаптация сложности заданий к уровню подготовки студентов;
- предоставление выбора форм работы и способов демонстрации знаний;
- использование системы «строительных лесов» – постепенное уменьшение поддержки [5, с. 678].

Реализация стратегий: практические рекомендации

1. Анализ когнитивной нагрузки:
  - проведение регулярных опросов студентов;
  - наблюдение за трудностями в учебном процессе;
  - корректировка материалов на основе обратной связи.
2. Оптимизация учебных материалов:
  - создание шаблонов для презентаций и документов;
  - разработка навигационных карт курса;
  - использование единой системы обозначений.
3. Организация учебного процесса:
  - четкое планирование времени занятий;
  - чередование видов деятельности;
  - регулярные перерывы для снижения усталости [6, с. 532].

Проблема когнитивной нагрузки в цифровой образовательной среде вуза является комплексной и оказывает непосредственное влияние на ключевой показатель успешности учебного процесса – мотивацию студентов. Эмпирические данные убедительно демонстрируют, что бессистемное нагромождение цифровых инструментов и невнимание к принципам когнитивной архитектуры человека ведут к перегрузке рабочей памяти, фрустрации и снижению благополучия обучающихся.

Оптимизация когнитивной нагрузки не является синонимом ее тотального снижения. Речь идет о грамотном перераспределении: минимизации бесполезной внешней нагрузки, адаптации внутренней нагрузки к уровню подготовленности студента и целенаправленном создании условий для продуктивной релевантной нагрузки. Как показывают статистические данные, реализация предложенных стратегий на уровнях дизайна контента, организации среды и педагогического взаимодействия позволяет достичь значительного улучшения всех ключевых показателей учебного процесса.

Внедрение рассмотренных стратегий будет способствовать не только сохранению мотивации студентов, но и повышению качества высшего образования в условиях его цифровой трансформации. Дальнейшие исследования в этой области могут быть связаны с разработкой стандартизированных инструментов для оперативного мониторинга цифровой когнитивной нагрузки, изучением долгосрочных эффектов от внедрения систем адаптивного обучения на основе искусственного интеллекта, а также разработкой персонализированных систем адаптации когнитивной нагрузки с использованием технологий анализа больших данных.

Преобразование цифровой образовательной среды из источника стресса в эффективный инструмент, поддерживающий познавательную активность, углубленное понимание материала и устойчивую учебную мотивацию у студентов высшей школы, является достижимой целью при условии системного подхода и совместных усилий всех участников образовательного процесса.

Библиографические ссылки

1. Аджаи, И.Х. Методы прогнозирования когнитивной нагрузки обучающихся в средах электронного обучения с использованием данных отслеживания взгляда / И.Х. Аджаи, Е.Ю. Авксентьева // Вестник Российского нового университета. Серия «Моделирование, анализ и управление сложными системами». – 2025. – № 1. – С. 81-91. – Текст : непосредственный.
2. Актуальные проблемы академического искусства и массовой культуры: история и современность : материалы конференции : в 2 т. / сост. Л.К. Кудоярова [и др.]. – Уфа : УГАИ, 2022 – Т. 2 : Джазология. Исследования в области массовых музыкальных жанров и электронных медиа. Проблемы менеджмента, маркетинга и правообладания. Джазовая критика и журналистика. – 2022. – 174 с. – Текст : непосредственный.
3. Алмаев, Н.А. Текст. Взгляд. Мотивация: Методические вопросы : монография / Н.А. Алмаев ; под ред. О.В. Шапошниковой. – Москва : Институт психологии РАН, 2020. – 311 с. – Текст : непосредственный.
4. Безгодова, С.А. Цифровые трансформации психологии человека : учебное пособие / С.А. Безгодова, А.В. Микляева. – Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена, 2023. – 176 с. – Текст : непосредственный.
5. Залата, О.А. Оценка восприятия образовательного контента на различных уровнях мультимедиа / О.А. Залата, Ю.А. Еременко // Интеграция образования. – 2020. – № 4. – С. 678-691. – Текст : непосредственный.
6. Психология образования: современный вектор развития : монография / отв. ред. И.А. Ершова [и др.]. – Екатеринбург : УрФУ, 2020. – 790 с. – Текст : непосредственный.

© Кутякова А.А., Плотников К.И., Иванова И.П., 2025

ТРЕВОЖНОСТЬ КАК ПРИВЫЧКА: КАК МОЗГ УЧИТСЯ БЕСПОКОИТЬСЯ И КАК ЕГО ПЕРЕУЧИТЬ

А. Г. Петунина

студентка 1 курса магистратуры,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: anna-155S@mail.ru

С. А. Томилова

к.психол.н., доцент СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

В статье представлен теоретический анализ процесса формирования и закрепления тревожности как привычки. Исследование является актуальным в свете статистики Всемирной организации здравоохранения, указывающей на то, что тревожные расстройства (4,4% населения мира) – это наиболее часто диагностируемые проблемы в психиатрии. Цель работы – рассмотреть психологические механизмы, благодаря которым, тревога из эпизодического состояния перерастает в стабильную и автоматизированную поведенческую модель. Рассмотрено понятие «нейропластичность» и её функции в формировании привычки. Сформулированы выводы и рекомендации по профилактике тревожности.

Ключевые слова: привычка, цикл привычки, тревога, тревожность, нейропластичность.

The article presents a theoretical analysis of the process of formation and consolidation of anxiety as a habit. The study is relevant in light of World Health Organization statistics indicating that anxiety disorders (4.4% of the world population) are the most commonly diagnosed problems in psychiatry. The goal of the work is to consider the psychological mechanisms by which anxiety develops from an episodic state into a stable and automated behavioral model. The concept of "neuroplasticity" and its functions in the formation of habit are considered. Conclusions and recommendations for the prevention of anxiety are formulated.

Keywords: habit, habit cycle, anxiety, neuroplasticity.

Американский психиатр Джадсон Брюер говорит о тревожности как о повседневной привычке. Он считает, что привычки рождаются из-за желания снизить напряжение или заполнить внутреннюю пустоту, что в конечном счете лишь временный эффект.

Кортизол негативно влияет на мозг, его воздействие при длительном стрессе приводит к дисбалансу: миндалина (или миндалевидное тело) в которой рождается тревога и страх активно включается в работу, а префронтальная кора (зона логики) работает медленно. В результате таких изменений включается «тревожная сигнализация» и вы реагируете тревогой и беспокойством на любые новости и изменения в вашей жизни.

По мнению Джона Ардена автора книги «Укрощение амигдалы и другие инструменты тренировки мозга», длительное пребывание человека в одном эмоциональном состоянии формирует новые, устойчивые нейронные связи. Мозг привыкает к этому состоянию и принимает его за норму. Эмоция не так быстротечна как нам кажется, это процесс, имеющий свою продолжительность и этапы.

Изучение как долго длятся эмоции и почему, набирает обороты в последние 20 лет. Наиболее значительные исследования в этой области принадлежат рабочей группе Филиппа Вердейна (Verduyn) начав работу в Лёвенском университете (Бельгия) она

продолжает эти масштабные исследования в Маастрихтском университете (Нидерланды). По данным исследований Вердейна (Verduyn) эмоции, длящиеся больше получаса, с высокой вероятностью перейдут в устойчивое состояние, тогда как, большинство эмоциональных реакций завершаются в первые 10-15 минут. Группа Вердейна обнаружила, что эмоции, сфокусированные на значимых проблемах, отличаются большей продолжительностью и более устойчивым влиянием на поведение по сравнению с сиюминутными переживаниями [5].

Мы не можем полностью искоренить тревожность – это базовая, хоть и негативная эмоция человека. Более того, легкая тревожность может служить стимулом для лучшей концентрации и повышения продуктивности.

Мы можем попытаться снизить тревожность, изменяя привычки, которые создают или усиливают тревожность.

Привычка – это цикл действий:

- а) триггер (стимул);
- б) привычное действие (реакция);
- в) результат (награда, подкрепление) как показано на рисунке 1.

В качестве триггера может выступать внешний фактор: звонок незнакомца, новости по телевизору, разговор с соседкой, и внутренний фактор: наши эмоции, мысли и ощущения.

Привычное действие – это тревога и беспокойство, мысли о будущих неудачах, поиск подвоха, мысли на тему «А что, если...». Мысль нейтральна, но как только мы начинаем обращать на нее внимание и придавать ей большое значение она перерастает в навязчивую идею.

Цикл дает нам три обманчивых бонуса: чувство контроля, временное облегчение и иллюзию продуктивности. Тревога, как нам кажется, стимулирует поиск решения, и мы опасаемся, что, прекратив волноваться о будущем, пустим все на самотёк. Но на самом деле мы бесконечно прокручиваем в голове одни и те же тревожные мысли, не приближаясь к реальному решению.

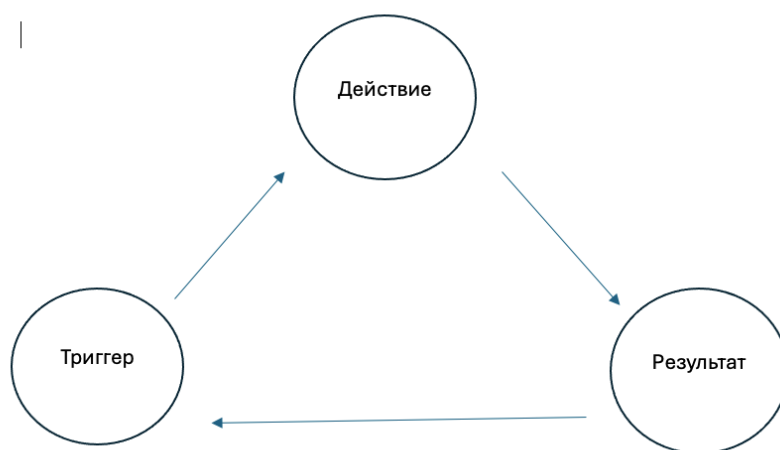

Рисунок 1 – Цикл привычки

Примеры циклов:

1. а) триггер: скучная или сложная задача, не хочется делать;
- б) действие: прокрутка соцсетей;
- в) результат: рост тревоги и стресса из-за утраченного времени и не сделанной задачи.

2. Тревога запускает циклическую модель поведения:

- а) триггер: тревога;
- б) действие: съесть пирожное;
- в) результат: отвлечение, успокоение, иллюзия решения.

3. Самоподдерживающаяся тревога:

- а) триггер: тревожное чувство;
- б) действие: непрерывное, мысленное проживание худших вариантов;
- в) результат: состояние тревоги многократно усиливается.

Со временем этот цикл: триггер-привычное действие-результат, триггер-привычное действие-результат становится автоматическим. Триггер и результат постепенно сплетаются воедино, создавая мощное предчувствие и непреодолимую тягу к желаемому исходу. С желаемым исходом или результатом приходит доза эндорфинов или чувство достижения.

Вредные привычки формируются быстрее, чем полезные, это связано с физиологическими процессами, происходящими в нашем мозге. Мозг потребляет большое количество энергии для функционирования, при увеличении умственной, эмоциональной или физической активности расход энергии резко возрастает. Поэтому он ищет легкие пути, чтобы избежать перегрузок и стресса. Употребление сладкого, курение, это быстрый способ получить удовольствие и расслабиться без значительных усилий. За сигаретой и сладким мы тянемся на автомате, пытаемся вознаградить себя, либо снять напряжение. Привычка курения имеет более сильное воздействие по нескольким факторам:

1. Никотин, содержащийся в сигаретах, – стимулятор, наподобие кофе, мы остаемся в сознании и можем выполнять привычные нам действия.

2. Если мы курим часто: при пробуждении, по приезду на работу, на обеде мы можем дойти до выкуривания целой пачки в день, а это будет способствовать подкреплению вредной привычки.

3. За курение не увольняют с работы, эта привычка становится как будто разрешенной по умолчанию, конечно если мы не нарушаем границы других людей и не курим непосредственно на рабочем месте.

4. Сигареты не убивают нас быстро, как если бы мы употребляли запрещенные вещества и алкоголь. Они разрушают человека незаметно и постепенно в течении длительного времени. Если привычка курить связана с вознаграждением, то награда сегодня всегда будет перевешивать последствия завтра. Ведь тяжелые последствия для здоровья, рак легких или эмфизема могут выявить только через десятки лет. При этом люди часто надеются на «авось» и что это их не коснется.

5. Так как в легких большое количество кровеносных капилляров, никотин быстро и легко перемещается кровью и человек быстрее получает стимуляцию.

Алкоголь, тормозя нейронные сети, меняет их работу и снимает чувство ответственности, человек раскрепощается, чувствует себя свободным. Это приятное состояние, когда можно перестать контролировать слова и поступки. Наркотики завышают уровень удовольствия, имеют эффект привыкания, заставляя постоянно искать и увеличивать дозу вещества. Нездоровая пища, особенно жирная и углеводная, позволяет быстро удовлетворить потребность в энергии и наслаждении. Мозг выбирает самый короткий путь к награде, отсюда и доминирование вредных привычек.

Сильные привычки формируют реакции, сходные с зависимостью. В этом случае обычное желание перерастает в компульсивное влечение, что может приводить к автоматизму в работе мозга, и человек будет действовать по привычке, даже если на кону стоит репутация, дом или семья [2]. Проблема в том, что при возникновении привычки, мозг включает автопилот, не принимает решения и не переключается на другие задачи. Мозг также не видит разницы между хорошей и плохой привычкой.

Как понять, что тревога стала привычкой?

1. Если это происходит регулярно в одно и то же время (когда вы пошли в магазин, где много людей, когда вы остаетесь дома один).
2. Если вы ищете во всем негатив и подвох.
3. Даже в моменты отдыха вас преследует чувство вины и фоновое беспокойство (чувство беспокойства за ребенка, часто возникающее у ответственных родителей).
4. Если у вас проблемы со сном, общением, работой.
5. Если из-за беспокойства вы не позволяете ребенку отдаляться от вас.

Что делать, если мозг привык постоянно тревожиться? Как изменить эту схему?

Мозг это сплетение нервных клеток с разветвленными отростками. Через эти отростки нейроны соединяются в сложные схемы – нейронные сети, которые можно сравнить с функциональными модулями, выполняющими конкретные задачи. Нейропластичность – это своего рода «гибкость» мозга, позволяющая ему адаптироваться. Как тропинка, когда вы ходите по ней постоянно, она в хорошем состоянии и нейронные связи крепнут, если вы ходите по тропинке редко, она зарастает и нейронные связи ослабевают. Но можно пойти по другой тропинке и создать новый путь, это поможет восстановить утраченные функции.

Привычка – это определенным образом сформированная цепочка или нейросеть из нейронов. По сути, нейропластичность – это тот самый механизм, который позволяет привычкам формироваться и закрепляться.

Повторение главный механизм нейропластичности. Для формирования привычек нужно создавать и укреплять нейронные связи через постоянную практику. И наоборот, когда мы перестаем использовать навык (например, иностранный язык), соответствующие нейронные связи ослабевают из-за отсутствия стимуляции – именно по-этому невостребованные умения быстро забываются.

Брюер утверждает, что изменить привычку можно, если заново ее оценить. Важно осознать, какую выгоду мы получаем от этой привычки в настоящий момент. Возможно результат уже не актуален, к примеру человек заедал тревогу и испытывал радость от сладкого, а сейчас у него аллергия на сладкое. То есть процесс изменения привычки начинается с переоценки, мы должны передумать относительно старого шаблона, прежде чем сможем принять новый.

Дахигг Ч. в своей книге «Сила привычки» пишет, чтобы изменить привычку нужно определить компоненты цикла привычки.

Например:

- а) триггер: тревога;
- б) действие: съесть сладкое;
- в) результат: отвлечение, успокоение.

Первым определим привычное действие, съесть сладкое. Затем определяем триггер, это чувство тревоги. И в конце результат: отвлечение, временное наслаждение.

Чтобы выяснить, какие желания движут конкретными привычками, можно поэкспериментировать с разными результатами. Это может занять пару дней, неделю или даже больше.

Почувствовав желание заглушить тревогу и съесть сладкое, скорректируйте действие, чтобы изменился результат. Например, вместо еды прогуляться по улице, заняться спортом, использовать техники дыхания, использовать графотерапию (человеку, который испытывает сильные переживания, рекомендуется 20 раз подряд написать «Я буду более спокоен»).

Экспериментируя с разными результатами, можно выделить тот, который хотите получить. Он и поможет изменить привычку.

После определения действия и награды, надо найти триггер. Триггер определяется ответом на следующие пункты:

- 1) местоположение;
- 2) время;
- 3) эмоциональное состояние;
- 4) другие люди;
- 5) предшествующее действие.

Отвечая на эти пункты, мы можем указать:

1. Где вы были? Я была дома.
2. Какое было время? 10.30.
3. Как вы себя чувствовали в эмоциональном плане? Скучно.
4. Были окружающие? Я была одна.
5. Что предшествовало появлению тревоги? Подумала о поездке в больницу.

Такой порядок определения триггера необходимо выполнять хотя бы три дня. В итоге мы можем выяснить, что запускает тревогу. В какое время триггер активен, возможно есть зависимость по времени, например, с показом ленты новостей. Есть ли зависимость от места, настроения, и находящихся рядом людей.

После подведения итогов по всем пунктам стало ясно, что тревога появляется из-за негативных мыслей и нужна корректировка мыслей. Сладкое мы съедаем, чтобы отвлечься от этих мыслей и получить расслабление.

Когда мы нашли свое желание совершать одно и то же действие, надо написать план новой привычки. Каждый день вести дневник мыслей, оспаривая негативные мысли, если же тревога все равно запустилась, когда она происходит, действовать не так, как обычно, вместо напряжения отдохнуть и расслабиться. Если тревога нарастает, сконцентрироваться на своем дыхании. В качестве действий будем использовать ежедневные прогулки – в итоге, получим расслабление, к которому стремимся и снижение тревоги.

Так как в привычке может быть задействовано множественное скопление нейронов, вводить новую привычку нужно медленно, действуя небольшими шагами, тогда мы сделаем её частью нашей жизни. Попытка резко изменить привычку вызовет огромный стресс и мощное сопротивление, чтобы снизить сопротивление мы вводим маленькие незаметные действия в течении дня (не читать книгу целиком, а каждый день прочитывать по 10 страниц). Важно создать последовательную систему, тогда вы будете фокусироваться на действии, а не на результате, что уменьшит разочарования и срывы. Также для формирования устойчивой привычки нужно время на повторение, закрепление и создания нейронной дорожки в мозге. Ежедневные небольшие действия если сделать их самоцелью, будут создавать ощущение маленьких побед каждый день, особенно если вести записи в календаре или в трекере привычек. Маленькие победы будут связывать действие с приятными эмоциями и закреплять привычку. Если начать внедрять привычку резко и максимально быстро вы с большей вероятностью быстро перегорите, устанете и испытаете чувство вины, если же начать с легких и небольших действий, то у вас всегда будут силы и желание сделать это снова завтра. Таким образом, вы не ломаете старую жизнь, а последовательно и мягко выращиваете новую.

Наблюдайте как рождаются ваши привычки, осознавайте их, это поможет их победить. Любое заикленное действие, даже витание в облаках, может стать привычкой и иногда тяжелым грузом для нас. Чувство вины за прокрастинацию или очередной срыв делают невыносимым этот и без того тяжелый груз. Мы чувствуем тщетность своих действий, повторяя их день за днем. Но как только мы осознаем, что мы сами нагроулили себя ненужным балластом, возникает желание сбросить его. И тогда путешествие налегке будет настоящей радостью.

Формируйте здоровые базовые привычки – это фундамент для хорошей работы мозга и организма. Они – основа благополучия, ровного настроения без тревог.

1. То, что мы едим, напрямую влияет на работу мозга. Начинайте день с белкового завтрака и обеда, это улучшит работу кратковременной памяти. На ужин выбирайте сложные углеводы это поможет успокоиться и настроиться на отдых.

2. Физические нагрузки мощный стимулятор работы мозга. Они стимулируют рост новых нейронов, повышают гибкость нейронных связей и эффективно снижают стресс и борются с депрессией.

3. Полноценный сон хороший инструмент в решении сложных задач. Пока мы спим мозг обрабатывает, связывает и анализирует информацию, именно поэтому многим ученым озарения приходили утром.

4. Близкие отношения – это не только приятно, но еще и полезно. Объятия вырабатывают окситоцин (гормон, способствующий появлению спокойствия и умиротворения), а общение дарит радость из-за гормона дофамина.

5. Просить о помощи, не копить проблемы в себе. Замкнувшись в себе, человек может быть убежден, что он один такой и никто его не поймет. Для многих людей молчаливое терпение это автоматическая, бессознательная реакция на стресс. Когда мы один на один с проблемой, мы как будто в темной комнате с чудовищами, если же мы просим кого-то зайти с фонариком, то вместе увидим размеры комнаты и ее содержимое.

Библиографические ссылки

1. Брюер, Жадсон Зависимый мозг. От курения до соцсетей: почему мы заводим вредные привычки и как от них избавиться / Ж. Брюер ; пер. с англ. В. Корнеевой; [науч. ред. К. Пахорукова, О. Турухина]. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 304 с.

2. Дахигг Ч. Сила привычки. Почему мы живем и работаем именно так, а не иначе/ Чарлз Дахигг/ пер. с англ. А.Яковенко/ – М.:Карьера Пресс, 2016.-416с.

3. Анисимова Е. 3 шага в борьбе с привычной тревожностью / Е. Анисимова – Текст : электронный // сайт. – URL: <https://www.psycholoies.ru/articles/3-shaga-v-borbe-s-privyichnoy-trevojnostyu/?ysclid=mhoqnt94j427696481>

4. Витальева Ю.Н. Тревога как привычка / Ю.Н. Витальева. – Текст : электронный // сайт. – 2025. – 8 окт. – URL: <https://www.b17.ru/article/750760/?ysclid=mhivx5eic4446379225>

5. Гордеева О.В. Исследования продолжительности эмоций в западной психологии: сколько «живет» радость? Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2018. – №4 – с.164-177/ О.В. Гордеева. – Текст : электронный // Научный журнал Вестник Московского университета : сайт. – 2018. – 17 сент. – URL: <https://msupsyj.ru/articles/detail.php?article=7675>

Дата публикации: 17 сентября 2018.

6. Неплях А.С. «Я не могу перестать волноваться»: почему тревога стала привычкой/ А.С. Неплях. – Текст : электронный // сайт. – 5 августа. – URL: https://dzen.ru/a/aJIFS81Qrmetb4_0?ysclid=mhivx775ib244504190

7. Оруджева Эллина Как работают привычки и почему у нас не получается их изменить? Объясняет нейробиолог/ Э. Оруджева. – Текст : электронный // сайт. – 2021. – 24 июля. – URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/20405-kak-rabotayut-privychki-i-pochemu-u-nas-ne-poluchaetsya-ih-izmenit-obyasnyayet-neyrobiolog/>

8. Рамзаева Мария. Краткий пересказ книги Джона Ардена «Укрощение амигдалы и другие инструменты тренировки мозга» (М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016). / М. Рамзаева. – Текст : электронный // сайт. – 2016. – URL: <https://cgon.rosпотреbnadzor.ru/naseleniyu/zdorovyy-obraz-zhizni/ukroshchenie-amigdaly-kak->

perestat-volnovatsya-i-zhit-dolgo/?ysclid=mhp39mms6j139518397 (дата обращения: 11.10.2025).

9. Тревожные расстройства. – Текст : электронный // Всемирная организация здравоохранения: официальный сайт. – 2025. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/factsheets/detail/anxiety-disorders> (дата обращения: 11.10.2025).

10. Что такое нейропластичность? – Текст : электронный // многопрофильный медицинский центр Euromed Clinic: официальный сайт. – 2025. – URL: <https://euromed.ru/news/chto-takoe-nejroplastichnost/?ysclid=mhqekpo754450457259> (дата обращения: 11.10.2025).

© Петунина А.Г., Томилова С.А., 2025

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Е. А. Рачинский

студент 2 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: amanitamuscarianin@mail.ru

И. В. Гудовский

доцент, СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

E-mail: igud@mail.ru

В статье рассматривается каким образом различия в стилях межличностного взаимодействия связаны с уровнем социального интеллекта студентов. Социальный интеллект, понимаемый как способность понимать поведение, эмоции и намерения других людей, является ключевым фактором в обеспечении продуктивного общения. Он способствует более точному восприятию партнёра и предотвращает искажения интерпретации его действий, что особенно важно в студенческом коллективе, где взаимодействие отличается высокой интенсивностью и многообразием форм.

Ключевые слова: межличностное взаимодействие; социальный интеллект; студенческий возраст; стили взаимодействия.

This article examines how differences in interpersonal interaction styles are related to students' social intelligence. Social intelligence, defined as the ability to understand the behavior, emotions, and intentions of others, is a key factor in ensuring productive communication. It facilitates a more accurate perception of one's partner and prevents distorted interpretations of their actions, which is especially important in student settings, where interactions are highly intense and multifaceted.

Keywords: interpersonal interaction; social intelligence; student age; interaction styles.

Межличностное взаимодействие является одним из центральных явлений социальной психологии, так как именно в процессе общения и совместной деятельности происходит формирование личности, освоение социальных ролей и развитие коммуникативных умений. Оно определяет качество человеческих связей, влияет на эмоциональное состояние и оказывает непосредственное воздействие на успешность социальной адаптации.

Особую значимость межличностное взаимодействие приобретает в студенческом возрасте. Данный период характеризуется интенсивным расширением круга общения, формированием устойчивых дружеских и профессиональных контактов, а также развитием способности к сотрудничеству и совместному решению задач. Взаимоотношения в студенческой среде оказывают серьёзное влияние на становление личности, определяют уровень социальной зрелости и нередко становятся основой будущей профессиональной успешности [11].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания тех факторов, которые обеспечивают успешность взаимодействия студентов. Современная образовательная среда предъявляет повышенные требования к гибкости, кооперативности и социальной компетентности личности. В то же время крайние формы межличностных стилей авторитарность, агрессивность или чрезмерная зависимость могут затруднять

процесс взаимодействия, вести к конфликтам и снижению эффективности совместной деятельности.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что межличностное взаимодействие в студенческом возрасте зависит от уровня социального интеллекта, а именно высокий уровень связан с преобладанием дружелюбного и альтруистичного стилей взаимодействия, тогда как низкий уровень с авторитарным и независимым стилями.

Классические подходы подчёркивают социальную природу взаимодействия. К. Левин связывал поведение индивида с «полем» внешних социальных сил [7].

Символический интеракционизм Дж. Блумера объясняет возникновение «Я» через обмен социальными символами и принятие ролей. [2] В отечественной психологии Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев рассматривали взаимодействие как часть совместной деятельности и условие социализации личности; Б.Д. Парыгин указывал на взаимное воздействие участников [9].

А.А. Бодалев, В.Н. Мясищев описывают взаимодействие как систему взаимно обусловленных действий: каждый поведенческий акт одного человека одновременно является реакцией на другого. В широком понимании взаимодействие охватывает любые формы контакта, в узком – организацию совместной деятельности [1].

Существуют различные теоретические модели анализа взаимодействия:

Теория социального обмена Дж. Хоманса: взаимодействие определяется стремлением к балансу выгод и затрат.

Символический интеракционизм Г. Мида: поведение строится на значениях, которые люди придают символам в общении.

Драматургическая модель Э. Гоффмана: взаимодействие как управление впечатлением.

Трансактный анализ Э. Берна: поведение определяется актуальным эго-состоянием («Родитель», «Взрослый», «Ребёнок»); взаимодействие состоит из последовательных трансакций.

Межличностные отношения являются результатом взаимодействия и содержат когнитивный (оценка партнёра), эмоциональный (переживание симпатии/антипатии) и поведенческий (конкретные действия) компоненты. По направленности они могут быть кооперативными (сотрудничество) или конкурентными (соперничество), что определяет качество взаимодействия [8].

Межличностное взаимодействие представляет собой сложный процесс взаимного влияния, включающий когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Однако характер взаимодействия всегда определяется особенностями личности участников, их ценностями, уровнем развития и социальной ситуацией. Поэтому для анализа межличностных связей в образовательной среде необходимо учитывать возрастные и психологические характеристики студентов как специфической социально-демографической группы. Это обуславливает обращение к рассмотрению студенческого возраста как особого этапа личностного развития [5].

Студенческий возраст (примерно 18-25 лет) является переходным этапом от юности к взрослости и характеризуется активным личностным и профессиональным становлением. Б.Г. Ананьев и его школа рассматривали студенчество как особую социально-психологическую категорию, для которой типичны интенсивная социализация, развитие высших психических функций и формирование профессиональной идентичности. Л.С. Выготский определял данное время как начало взрослой жизни, когда обучение становится фактором развития, а освоение новой деятельности происходит в зоне ближайшего развития [4].

И.А Зимняя и Б.Г. Ананьев в своих исследованиях отмечают, что психологические особенности студентов включают высокий образовательный мотив, познавательную активность, максимальную способность к усвоению сложной информации и формирование индивидуального стиля мышления. В когнитивном плане именно этот период связан с наивысшим развитием внимания, оперативной памяти, аналитического и абстрактно-логического мышления. Параллельно укрепляется волевая сфера: самостоятельность, ответственность, способность к планированию и принятию решений [1; 11].

Студенческий возраст сопровождается кризисом самоопределения и формированием «Я-концепции». Э. Эриксон описывал этот этап как «кризис идентичности»: молодой человек выбирает жизненные ценности, социальные роли и профессиональное направление. Отсутствие ясности приводит к дезадаптации и психологическому напряжению [10].

Особое значение приобретают межличностные отношения. Вузы создают новую социальную среду, требующую выстраивания взаимодействия с однокурсниками и преподавателями. Возникает стремление к близким контактам, эмпатии, взаимопониманию; одновременно возможны конкуренция и соперничество за статус в группе. Успешная адаптация зависит от социально-психологической поддержки и способности студента включиться в общение.

Вхождение в студенческую среду требует адаптации к нормам академического сообщества и выстраивания отношений с однокурсниками и преподавателями. Взаимодействие на данном этапе обладает двойственной природой: стремление к сотрудничеству сочетается с конкуренцией и борьбой за признание.

Именно в этот период проявляется потребность в эмоциональной поддержке, взаимопомощи и построении искренних межличностных связей.

Ключевым ресурсом успешного взаимодействия выступает социальный интеллект как способность понимать эмоциональные состояния других людей, прогнозировать их реакции и выбирать адекватные стратегии поведения. Он включает три уровня:

- перцептивно-когнитивный (распознавание эмоций и невербальных сигналов);
- интерпретативно-предсказательный (понимание мотивов и прогнозирование действий);
- регулятивно-коммуникативный (выбор стратегии взаимодействия) [3].

Социальный интеллект не является фиксированной чертой личности – он развивается в процессе учебной и совместной деятельности: групповых проектов, ролевых обсуждений, участия в студенческих сообществах. Его рост способствует снижению конфликтности, повышению доверия в группе, развитию навыков сотрудничества и конструктивного поведения [6].

Исходя из этого, межличностное взаимодействие и социальный интеллект являются взаимосвязанными факторами, определяющими качество адаптации и эффективность коммуникации в студенческой среде. Это создаёт основу для перехода к практической части исследования, направленной на изучение данных феноменов с помощью соответствующих психодиагностических методик.

Теоретическое рассмотрение межличностного взаимодействия в студенческом возрасте позволило выявить его ключевое значение для социальной зрелости и профессиональной перспективы личности. Эти положения составили основу для нашего эмпирического исследования, направленного на выявление особенностей взаимодействия студентов с использованием диагностических методик.

В исследовании было применено две методики: методику диагностики межличностных отношений Т. Лири и тест социального интеллекта Дж. Гилфорда. Такой выбор обусловлен тем, что обе методики хорошо зарекомендовали себя в

психологических исследованиях и позволяют рассмотреть разные стороны межличностного взаимодействия. Первая методика делает акцент на стилях общения и характерных формах поведения в отношениях с другими людьми, а вторая позволяет оценить способность понимать других людей и разбираться в межличностных ситуациях.

Исследование проводилось на базе университета, среди студентов очной формы обучения. В выборку вошли 16 человек в возрасте от 18 до 23 лет.

Рассмотрим результаты исследования, полученные с помощью каждой из использованных методик. Результаты методики исследования социального интеллекта Дж. Гилфорда представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты теста социального интеллекта Гилфорда и Салливена

№ студента	Истории с завершением	Группы экспрессии	Вербальная экспрессия	Истории с дополнением	Композитная оценка С.И. (1-5)
1	2	2	3	2	2 (ниже среднего)
2	3	3	3	2	3 (средний)
3	5	5	4	5	5 (высокий)
4	2	1	2	2	1 (низкий)
5	3	3	3	3	3 (средний)
6	3	2	3	2	2 (ниже среднего)
7	5	4	5	5	5 (высокий)
8	5	5	5	5	5 (высокий)
9	2	2	3	2	2 (ниже среднего)
10	4	5	4	4	4 (выше среднего)
11	3	3	2	3	3 (средний)
12	5	5	4	5	5 (высокий)
13	5	4	4	5	5 (высокий)
14	2	2	3	2	2 (ниже среднего)
15	5	5	5	5	5 (высокий)
16	5	5	5	5	5 (высокий)

Исходя из данных таблицы можно также выявить различия в уровне социального интеллекта среди студентов. В выборке присутствуют как испытуемые с высокими показателями, так и участники со средним и низким уровнем развития данной способности.

У студентов № 3, 7, 8, 12, 13, 15 и 16 зафиксированы высокие показатели социального интеллекта (композитная оценка = 5 баллов). Их результаты по всем четырём субтестам («Истории с завершением», «Группы экспрессии», «Вербальная экспрессия», «Истории с дополнением») устойчиво находятся на уровне «выше среднего» или «высокий». Это означает, что такие студенты хорошо понимают эмоциональные состояния и намерения других людей, умеют интерпретировать невербальные сигналы, способны прогнозировать развитие межличностных ситуаций и выбирать адекватные стратегии поведения.

Отдельно стоит отметить студента № 10, у которого итоговая оценка составила 4 балла (выше среднего). Его показатели чуть ниже, чем у лидеров группы, однако также свидетельствуют о хорошей способности к пониманию поведения других. Это указывает на то, что данный испытуемый способен успешно справляться с задачами социального восприятия, хотя и не во всех случаях демонстрирует максимально высокий уровень.

У студентов № 2, 5 и 11 результаты оказались на уровне средних значений (3 балла). Это говорит о том, что данные участники исследования в целом справляются с заданиями теста, однако их умения могут быть ограничены в более сложных или неоднозначных ситуациях. Такие студенты способны понимать поведение окружающих на базовом уровне, но в условиях повышенной эмоциональной нагрузки или при необходимости учитывать сразу несколько факторов могут испытывать затруднения.

У студентов № 1, 4, 6, 9 и 14 зафиксированы низкие или ниже среднего результаты (1-2 балла). Это указывает на выраженные трудности в понимании межличностных отношений. Такие участники чаще ошибаются при интерпретации эмоций, невербальных выражений или мотивов поступков других людей. В реальном взаимодействии это может проявляться в сниженной гибкости общения, трудностях при решении конфликтных ситуаций и менее успешной адаптации в новых социальных условиях.

Далее приведем результаты диагностики межличностных отношений по методике Т. Лири которые отображены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты диагностики межличностных отношений по методике Т. Лири

№ студента	Авторитарный	Независимый	Агрессивный	Недоверчивый	Покорный	Зависимый	Дружелюбный	Альтруистичный
1	7	6	5	3	2	2	5	4
2	6	5	4	4	3	3	6	5
3	5	4	3	3	5	5	7	8
4	8	7	6	4	2	2	4	3
5	6	6	5	3	3	4	6	5
6	7	7	4	3	2	3	5	6
7	4	5	3	2	6	5	7	8
8	5	4	3	3	4	4	8	7
9	6	6	6	4	2	3	5	4
10	5	5	4	3	4	4	6	7
11	7	6	5	3	2	2	5	6
12	4	5	3	2	5	6	8	7
13	5	4	4	3	5	5	6	7
14	6	7	6	4	2	3	4	5
15	4	5	3	2	6	5	7	8
16	5	4	4	3	4	4	8	7

Проведённое исследование по методике Т. Лири показало, что межличностные стили студентов заметно различаются. В группе можно выделить две основные тенденции.

У группы студентов (№ 3, 7, 8, 10, 12, 13, 15, 16) ярко выражены дружелюбный и альтруистичный стили. Их показатели по этим шкалам находятся на высоком уровне (7-8 баллов). Это говорит о том, что такие участники исследования ориентированы на позитивное взаимодействие, ценят сотрудничество и склонны помогать окружающим. Для них характерно стремление поддерживать доверительные отношения, учитывать интересы

других и избегать прямых конфликтов. Такие качества особенно важны в условиях учебной деятельности, где требуется совместное решение задач и работа в команде.

У другой части студентов (№ 1, 2, 4, 5, 6, 9, 11, 14) на первый план выходят такие характеристики, как авторитарность, независимость и в некоторых случаях агрессивность. У этих испытуемых отмечены более высокие показатели именно по данным шкалам. Это отражает их стремление занимать ведущие позиции, самостоятельно принимать решения и отстаивать собственную точку зрения. Подобные участники могут быть активными организаторами и лидерами в группе, но вместе с тем их стиль общения иногда сопровождается жёсткостью и сниженной гибкостью.

Кроме того, среди отдельных студентов можно заметить особенности сочетания шкал. Так, у некоторых выражены одновременно лидерские качества и дружелюбие, что создаёт условия для конструктивного взаимодействия: такие студенты способны брать на себя руководство, но при этом учитывают мнение других. У других, напротив, более отчётливо проявляется доминирующий или агрессивный стиль без выраженной ориентации на сотрудничество, что может приводить к трудностям в коммуникации и возникновению напряжённых ситуаций.

В таблице 3 для сравнительного анализа сопоставлены полученные средние значения рассматриваемых в гипотезе стилей взаимодействия по методике Т. Лири с выявленными и выделенными по результатам теста социального интеллекта Гилфорда группами респондентов.

Таблица 3 – Сравнение результатов по методикам Лири и Гилфорда

Уровень социального интеллекта	Дружелюбный стиль	Альтруистичный стиль	Авторитарный стиль	Независимый стиль
Высокий (n=7)	7.29	7.43	4.57	4.43
Средний (n=3)	5.67	5.33	6.33	5.67
Ниже среднего (n=5)	4.60	4.40	6.80	6.60

Сравнительный анализ данных двух методик позволил выявить отчетливую взаимосвязь между уровнем социального интеллекта и стилями межличностного взаимодействия студентов.

Студенты с высоким уровнем социального интеллекта (n=7).

Данная группа демонстрирует ярко выраженную ориентацию на позитивное и просоциальное взаимодействие. Средние значения по шкалам «Дружелюбный стиль» (7.29) и «Альтруистичный стиль» (7.43) находятся в зоне максимальных показателей. Это свидетельствует о том, что эти студенты склонны к сотрудничеству, эмпатии, готовности оказывать поддержку и стремлению к установлению доверительных отношений. Они воспринимают взаимодействие как процесс взаимопомощи и достижения общих целей.

Низкие показатели доминирования: Показатели по шкалам «Авторитарный стиль» (4.57) и «Независимый стиль» (4.43) являются минимальными среди всех групп и находятся в зоне низких значений. Это указывает на отсутствие стремления к жесткому доминированию, контролю над другими или излишней обособленности. Их лидерство, если оно проявляется, скорее носит характер наставничества и поддержки, нежели давления.

Студенты со средним уровнем социального интеллекта (n=3).

Данная группа занимает промежуточное положение. Показатели по кооперативным шкалам «Дружелюбный» (5.67) и «Альтруистичный» (5.33) заметно ниже, чем в первой

группе, но выше, чем в третьей. При этом значения по шкалам «Авторитарный» (6.33) и «Независимый» (5.67) существенно возрастают.

Такой профиль отражает поведенческую гибкость, сочетающуюся с потенциальной конфликтностью. Эти студенты могут проявлять как готовность к сотрудничеству, так и стремление отстаивать свою позицию в более жесткой форме. Их взаимодействие в большей степени зависит от конкретной ситуации и субъективной оценки партнера.

Студенты с уровнем социального интеллекта ниже среднего ($n=5$)

В этой группе четко доминируют стили, направленные на доминирование и независимость. Средние значения по шкалам «Авторитарный стиль» (6.80) и «Независимый стиль» (6.60) являются наивысшими. Это указывает на выраженное стремление к лидерству через давление, контроль, навязывание своего мнения, а также на тенденцию к эмоциональной дистанции и самостоятельности в ущерб групповой сплоченности.

Показатели по шкалам «Дружелюбный» (4.60) и «Альтруистичный» (4.40) – самые низкие среди всех групп. Это свидетельствует о слабой выраженности ориентации на взаимопомощь, сопереживание и поддержку. Взаимодействие часто воспринимается как конкурентное поле или необходимость.

Низкий уровень социального интеллекта, связанный с трудностями в распознавании эмоций, понимании намерений других и прогнозировании развития ситуаций, компенсируется упрощенными и ригидными моделями поведения. Такая стратегия ведет к повышенной конфликтности и затрудняет построение глубоких доверительных отношений.

Эмпирическое исследование, построенное на применении методики диагностики межличностных отношений Т. Лири и теста социального интеллекта Дж. Гилфорда, выявило четкую взаимосвязь между изучаемыми переменными. Сравнительный анализ показал, что:

Студенты с высоким уровнем социального интеллекта демонстрируют выраженную ориентацию на дружелюбный (7.29) и альтруистичный (7.43) стили взаимодействия. Для них характерны стремление к сотрудничеству, эмпатия, готовность к поддержке и низкие показатели по авторитарности (4.57) и независимости (4.43). Это свидетельствует о том, что развитые социально-перцептивные способности позволяют им выстраивать гармоничные и эффективные отношения.

Студенты с уровнем социального интеллекта ниже среднего склонны к авторитарному (6.80) и независимому (6.60) стилям при минимальных показателях дружелюбия (4.60) и альтруизма (4.40). Трудности в понимании эмоций и намерений других людей компенсируются ригидными и доминирующими моделями поведения, что повышает риск возникновения конфликтов и затрудняет адаптацию в группе.

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что особенности межличностного взаимодействия в студенческом возрасте заключаются в зависимости от уровня социального интеллекта, а именно высокий уровень связан с преобладанием дружелюбного и альтруистичного стилей взаимодействия, тогда как низкий уровень – с авторитарным и независимым стилями.

Библиографические ссылки

1. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – Ленинград: ЛГУ, 1968. – 339 с. – Текст: непосредственный.
2. Блумер, Дж. Символический интеракционизм: перспектива и метод / Дж. Блумер. – Москва: Прогресс, 1984. – 352 с. – Текст: непосредственный.

3. Волкова, Л. В. Социальное и межличностное взаимодействие: учебно-методическое пособие / Л. В. Волкова, Л. И. Ситнова, М. Н. Филатова. – Москва: Академия, 2020. – 176 с. – Текст: непосредственный.
4. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. / Гл. ред. А. В. Запорожец. – М.: Педагогика, 1982–1984. Т. 6 : Научное наследство / Под. ред. М. Г. Ярошевского. – 1984. – 400 с. – Текст: непосредственный.
5. Горлова, Ю. И. Формирование межличностных отношений в студенческом коллективе / Ю. И. Горлова. – 2024. – Текст: электронный // Наука и образование [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-mezhlichnostnyh-otnosheniy-v-studencheskom-kollektive> (дата обращения: 20.09.2025).
6. Корягина, Н. А. Социальная психология. Теория и практика: учебник и практикум для среднего профессионального образования / Н. А. Корягина, Е. В. Михайлова. – Москва: Юрайт, 2021. – 492 с. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/487915> (дата обращения: 13.09.2022).
7. Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. – Санкт-Петербург: Речь, 2000. – 365 с. – Текст: непосредственный.
8. Мид, Г. Х. Разум, Я и общество / Г. Х. Мид. – Москва: Канон+, 2015. – 412 с. – Текст: непосредственный
9. Психология в 2 ч. Часть 1. Общая и социальная психология: учебник для вузов / Б. А. Сосновский [и др.]; под ред. Б. А. Сосновского. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2022. – 480 с. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/490808> (дата обращения: 21.09.2025).
10. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – Москва: Прогресс, 1996. – 344 с. – Текст: непосредственный.
11. Зимняя, И. А. Психология студенческого возраста / И. А. Зимняя. – Москва: Академия, 2023. – 220 с. – Текст: непосредственный.

© Рачинский Е.А., Гудовский И.В., 2025

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЮМОР И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ОРГАНИЗАЦИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Е. А. Рачинский

студент 2 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: amanitamuscarianin@mail.ru

Е. А. Мухамедвалеева

кандидат педагогических наук, доцент,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

E-mail: el.mail@mail.ru

В статье рассматривается педагогическая роль юмора как инструмента формирования положительной эмоциональной атмосферы в образовательном процессе вуза. На основе теоретического анализа отечественных и зарубежных исследований раскрывается влияние педагогического юмора на психологический климат учебной группы, уровень тревожности и вовлечённость студентов. В практической части представлено сравнительное исследование двух групп студентов, обучавшихся в условиях использования и отсутствия юмора преподавателем.

Ключевые слова: педагогический юмор; эмоциональная атмосфера; учебный процесс; преподаватель; студенты; педагогическое общение; психоэмоциональный климат.

The article examines the pedagogical role of humor as a tool for creating a positive emotional atmosphere in the educational process of a university. Based on a theoretical analysis of domestic and foreign research, the influence of pedagogical humor on the psychological climate of the educational group, the level of anxiety and student involvement is revealed. The practical part presents a comparative study of two groups of students who studied under conditions of the use and absence of humor by the teacher.

Keywords: pedagogical humor; emotional climate; learning process; teacher; students; motivation; educational communication; psycho-emotional atmosphere.

В педагогической теории и практике непрерывно идет поиск новых педагогических методов, приемов и средств, повышающих качество образовательного процесса. Одним из актуальных направлений в изучении педагогических техник является интерес к использованию юмора в педагогическом взаимодействии. Всё чаще преподаватели и исследователи говорят о том, что смех и лёгкая ирония способны сделать обучение более человечным, снять напряжение и сблизить участников учебного процесса. Юмор перестаёт восприниматься как что-то второстепенное или неуместное: он становится полноценным инструментом, который помогает удерживать внимание студентов и улучшать атмосферу в аудитории.

Однако этот инструмент требует осторожности. Шутка, сказанная не к месту, может вызвать обратный эффект – раздражение или неловкость. Поэтому важно понять, где проходит граница между педагогически оправданным юмором и тем, что мешает обучению.

Настоящее исследование направлено на то, чтобы определить, как именно использование юмора влияет на эмоциональный климат в студенческой группе и связано ли это с академическими результатами. Гипотеза заключается в предположении о том, что преподаватель, умеющий использовать юмор уместно и тактично, способен не только создать на занятиях более тёплую атмосферу, но и повысить вовлечённость и, как следствие, успеваемость студентов.

В педагогической науке интерес к юмору возник не случайно. Долгое время считалось, что процесс обучения должен строиться исключительно на строгих, формальных отношениях между преподавателем и студентом. Однако практика показывает, что без эмоционального контакта даже самый тщательно продуманный курс теряет часть своей эффективности. Именно поэтому современные исследователи всё чаще рассматривают педагогическое общение как многоуровневое явление, в котором эмоции и психологическая атмосфера играют не меньшую роль, чем содержание учебного материала.

Юмор в этом контексте представляет собой не просто элемент общения, а особый способ установления доверительных отношений между участниками образовательного процесса. Он смягчает психологическое напряжение, снижает тревожность, помогает студентам чувствовать себя увереннее. Особенно заметно это проявляется в аудитории, где присутствует страх ошибки: лёгкая шутка преподавателя позволяет студенту не заикливаться на неудаче и воспринимать обучение как живой диалог, а не как испытание [3].

С психологической точки зрения, юмор связан с механизмами эмоциональной разрядки. Он активизирует положительные эмоции и помогает переработке стрессовых ситуаций. Исследователи отмечают, что смех улучшает концентрацию внимания и способствует более глубокому запоминанию информации. Поэтому использование юмора в педагогической практике оправдано не только с точки зрения создания благоприятного климата, но и как инструмент повышения когнитивной активности студентов.

Зарубежные и отечественные работы показывают, что характер юмора имеет принципиальное значение. Цукаваки и коллеги выделяют аффилиативный юмор – доброжелательный и объединяющий, способствующий формированию позитивных отношений в группе, и противопоставляют ему агрессивный юмор, который разрушает доверие и вызывает чувство неловкости. В исследовании Bieg и соавт. (2019) установлено, что положительное восприятие преподавательского юмора усиливает чувство принадлежности к группе и укрепляет эмоциональную связь между участниками образовательного процесса [4].

Вместе с тем, педагогический юмор требует культуры и меры. Неудачная или двусмысленная шутка способна обесценить усилия преподавателя и вызвать обратный эффект, раздражение или отчуждение. Поэтому профессиональный педагогический такт предполагает умение различать ситуации, в которых уместна лёгкая ирония, и те, где юмор может быть воспринят как пренебрежение [2].

Связь между эмоциональным фоном и результативностью обучения подтверждается многочисленными экспериментами. Ещё в 1980-е годы А. Зив показал, что студенты, чьи преподаватели использовали умеренный юмор, демонстрировали более высокие результаты итогового контроля, чем участники контрольной группы. Позднее этот эффект был объяснён с позиции когнитивных теорий: юмор повышает внимание, улучшает эмоциональную память и снижает внутренние барьеры, мешающие восприятию новой информации.

В рамках теории Instructional Humor Processing Theory (IHPT) М. Ванзер и коллеги рассматривают шутку как стимул мыслительной активности. Чтобы понять юмористический элемент, студент должен совершить когнитивное усилие, разрешив

возникающее смысловое противоречие. Это способствует более прочному усвоению материала и развитию аналитического мышления [5].

Современные исследования подтверждают, что юмор оказывает преимущественно косвенное влияние на академическую успеваемость. Он не заменяет учебную деятельность, но создаёт эмоционально безопасное пространство, в котором студент способен раскрыть интеллектуальный потенциал. Так, Mao Zhao (2025) показал, что регулярное использование доброжелательного юмора снижает проявления учебного выгорания и повышает интерес к занятиям. Похожие результаты были получены и в работе Berk (2000): присутствие юмора в экзаменационных материалах помогало студентам справляться с тревогой и показывать лучшие результаты [6].

Таким образом, педагогический юмор можно рассматривать как один из инструментов формирования продуктивной образовательной среды. Его сила заключается не в остроте слов, а в способности создавать атмосферу сотрудничества, открытости и уважения. Преподаватель, умеющий использовать юмор осознанно, способствует не только эмоциональному благополучию студентов, но и росту их учебной мотивации, что в конечном счёте отражается на эффективности образовательного процесса [5][6].

Для доказательства выдвинутой гипотезы было проведено экспериментальное исследование в условиях языковой школы. Эксперимент носил сравнительный характер: мы сравнивали две группы студентов, обучавшихся в разных эмоциональных условиях – с использованием юмора преподавателем и без него. Исследование проводилось в течение трех месяцев. База исследования – частная языковая школа, где изучается дисциплина «Иностранный язык (английский)». Были подобраны группы, в которых студенты находились на начальном этапе изучения языка, где для них предмет являлся достаточно сложным, при изучении которого уровень тревожности и мотивации играет заметную роль, что позволяет ярче проявиться исследуемым эффектам педагогического воздействия.

В эксперименте приняли участие две академические группы равные по численности и исходным учебным показателям. Экспериментальная группа (Группа Э) состояла из 20 студентов (8 юношей и 12 девушек) возрастом ~18 лет, контрольная группа (Группа К) – 20 студентов (11 юношей и 9 девушек) того же возраста. Для распределения студентов по группам использовался принцип естественной комплектации учебных групп, однако успеваемость по английскому языку в школе и входной тест показали сопоставимый средний уровень знаний в обеих выборках, что позволяет корректно сравнивать результаты обучения.

Обе группы обучались по единой программе курса английского языка (42 часа аудиторных занятий за три месяца) с одним и тем же преподавателем, однако стиль ведения занятий отличался. Преподаватель – опытный кандидат педагогических наук, владеющий методикой использования юмора – был инструктирован дифференцировать своё общение с группами. В Группе Э педагог систематически использовал юмор в ходе занятий: начинал каждое занятие с короткой уместной шутки или анекдота на английском языке, включал в объяснения материала забавные примеры и ситуации, использовал доброжелательную самоиронию для поддержания внимания. Также по ходу занятий в группе Э поощрялись дружеские юмористические замечания от студентов, если они возникали, – это помогало создать непринуждённую обстановку. Акцент делался на affiliative юморе – шутках, которые объединяют группу, понятны всем и никого не обижают. Напротив, в Группе К преподаватель придерживался нейтрально-делового стиля общения: учебные занятия проводились без преднамеренного использования юмора. Объяснения материала велись строго по плану, примеры давались серьёзные, без шутливых отступлений.

Для количественного измерения эмоционального климата в группах нами был разработан и применен опросник «Эмоциональная атмосфера учебной группы». Опросник

включал 20 утверждений, на которые студенты давали ответы по пятибалльной шкале Ликерта (от “полностью не согласен” до “полностью согласен”), заполнялся анонимно студентами обеих групп дважды за время обучения – в первый месяц обучения и под его конец. Утверждения затрагивали такие аспекты, как: ощущение психологической защищённости на занятиях (напр., «На занятиях я чувствую себя раскованно, не боюсь высказать мнение»), общий эмоциональный фон урока («На наших занятиях обычно царит приподнятое, позитивное настроение»), уровень стресса и напряжения («Я часто чувствую напряжение или страх в аудитории» – обратный пункт), взаимоотношения с преподавателем («Наш преподаватель доброжелателен и открыт для общения») и т.д. В опроснике были интегрированы элементы методик оценки группового климата, использованных в работах зарубежных исследователей, адаптированные к контексту практики российской частной языковой школы. Опросник заполнялся анонимно студентами обеих групп дважды за время обучения – в первый месяц обучения и под его конец.

В качестве показателя академической успеваемости мы использовали результаты итогового комплексного тестирования по английскому языку по окончании трех месяцев обучения. Тест включал проверку всех усвоенных навыков (грамматика, лексика, чтение, письменная и устная речь) и оценивался по 100-балльной шкале.

Уже на качественном уровне наблюдения заметно отличалось поведение студентов в двух группах. В экспериментальной группе (с юмором) на занятиях царила более расслабленная обстановка: студенты чаще улыбались, смеялись над шутками преподавателя, активнее вступали в диалог. Во время дискуссий чувствовалась раскованность – участники не боялись ошибиться или сказать что-то не то, поскольку преподаватель задавал доброжелательный тон и иногда переворачивал огрехи в шутку. В контрольной группе (без юмора) атмосфера была более формальной: студенты вели себя сдержанно, меньше проявляли инициативу, вопросы задавали реже, особенно в первой половине периода обучения, пока не привыкли к преподавателю. Эти наблюдения получили подтверждение в результатах анкетирования.

Полученные данные авторского опросника «Эмоциональная атмосфера учебной группы», позволяют проследить динамику изменений эмоционального состояния студентов и качества учебного взаимодействия. На констатирующем этапе, до начала педагогического воздействия, различия между экспериментальной и контрольной группой отсутствовали: суммарный балл по опроснику составил 70 и 68 баллов соответственно, а средние значения по шкалам позитивного эмоционального фона, вовлечённости, психологической безопасности и контакта с преподавателем варьировались в интервале от 3,2 до 3,5 баллов по пятибалльной шкале. Это означает, что группы входили в эксперимент в сопоставимых условиях, что является методологически значимым, дальнейшие различия могут интерпретироваться как следствие изменённой педагогической стратегии, то есть использования преподавателем педагогического юмора.

После завершения периода эксперимента, в течение которого преподаватель экспериментальной группы осознанно и систематически применял педагогический юмор в рамках учебного взаимодействия, повторное анкетирование выявило выраженную положительную динамику по всем показателям эмоциональной атмосферы. Суммарный интегральный балл вырос до 84, что соответствует приросту +14 баллов, тогда как в контрольной группе, где стиль педагогического поведения оставался нейтрально-деловым, увеличение составило лишь +5 баллов (итоговый показатель – 73). Таким образом, эмоциональное состояние студентов изменилось существенно только в условиях юмористически окрашенного педагогического взаимодействия.

Не менее значимы изменения в блоке «Эмоциональный фон занятия». Оценка комфортности и позитивности образовательной среды выросла с 3,3 до 4,6-4,7 баллов, что

позволяет утверждать, что юмор способствует формированию эмоционально тёплой, поддерживающей атмосферы. В контрольной группе прирост был минимален – до 3,7-3,9 баллов. Полученные результаты подтверждают ранее описанные в научной литературе данные о том, что юмор выполняет функцию эмоционального регулятора и способствует снижению напряжения в учебном процессе.

Шкала «Вовлечённость» также демонстрирует значительный прирост. Показатели инициативности («Мне хочется участвовать в обсуждениях», «Я часто отвечаю на занятиях») увеличились с 3,2-3,3 до 4,2-4,4 баллов. Это позволяет утверждать, что положительная эмоциональная атмосфера стимулирует учебную активность и желание включаться в взаимодействие. В контрольной группе уровень вовлечённости практически не изменился (в среднем 3,3). Здесь проявляется механизм, обозначенный в гипотезе исследования: юмор выступает мотивирующим фактором и способствует повышению учебной заинтересованности.

Особое внимание заслуживают результаты по шкале «Контакт с преподавателем». В экспериментальной группе после воздействия участники значительно выше оценили открытость и доступность преподавателя (с 3,4-3,5 до 4,6-4,8 баллов). Таким образом, юмор позволил сократить психологическую дистанцию «преподаватель–студент» и сформировать атмосферу партнёрского взаимодействия. Это согласуется с современными представлениями об эффективности педагогической коммуникации, согласно которым эмоциональная включённость педагога является фактором, укрепляющим доверие и повышающим учебную мотивацию.

Одним из ключевых вопросов исследования являлось выяснение, влияет ли улучшение эмоционального климата за счёт использования педагогического юмора на учебную результативность. Сравнение итоговых результатов обучения двух групп показало, что студенты экспериментальной группы достигли более высоких учебных показателей.

Средний итоговый балл за тест по английскому языку в экспериментальной группе составил 84 из 100 возможных, что по принятой шкале соответствует оценке «хорошо». В контрольной группе средний результат оказался ниже – 79 из 100, что указывает на менее выраженный прогресс. Кроме того, доля студентов, выполнивших тест на уровне «отлично» (≥ 90 баллов), в экспериментальной группе была существенно выше: 8 человек из 20 (40%), тогда как в контрольной – лишь 4 человека из 20 (20%). Это означает, что в условиях эмоционально благоприятной атмосферы и снижения тревожности большее количество студентов достигает высоких результатов.

Исходя из этого, хотя различия в академических результатах нельзя назвать радикальными, они демонстрируют устойчивую тенденцию того, что использование педагогического юмора способствует улучшению успеваемости, что подтверждает выводы ряда авторов о том, что доброжелательный, уместный юмор может выступать фактором, опосредованно повышающим учебную результативность за счёт снижения тревожности, повышения уверенности и вовлечённости обучающихся.

Для более детального понимания было проанализировано, какие именно компоненты успеваемости улучшились. Оказалось, что наиболее заметная разница между группами проявилась в разделе «Устная речь» и «Аудирование» итогового теста. Студенты группы Э лучше справлялись с заданиями на восприятие речи на слух и более раскованно говорили на экзамене. Это можно связать с тем, что на занятиях с юмором они чаще слышали живую речь, иногда с шутливыми интонациями, и меньше боялись говорить (юмор снял страх ошибиться). По грамматическому тесту и письму различия между группами минимальны, что логично – эти навыки зависят больше от тренировки и домашней работы, где юмор играет меньшую роль. Таким образом, улучшение успеваемости затронуло прежде всего коммуникативные аспекты владения языком, что

вполне объяснимо с позиции психологии: сниженная тревожность и позитивный настрой помогли студентам активнее применять знания на практике.

Вместе с тем, следует признать, что разница в успеваемости между группами оказалась не столь значительной, как разница в эмоциональном восприятии занятий. Это во многом совпадает с выводами некоторых предыдущих работ, где эффект юмора на непосредственное запоминание знаний был менее выражен, чем его влияние на эмоции и мотивацию. Вероятно, юмор сам по себе не способен заменить тщательную учебную деятельность и усилия студентов, а служит именно катализатором, создающим более благоприятные условия для обучения. В группе Э было отмечено, что активность студентов выросла. Можно предположить, что повышенная вовлечённость студентов группы Э привела к тому, что они косвенно получали больше практики и внимания к предмету – отсюда результаты и выше.

Важно отметить ограничения проведённого исследования. Во-первых, выборка ограничена студентами одной школы и одной учебной дисциплины, что снижает общую обобщаемость результатов. Эффект юмора может различаться в зависимости от предмета: например, в творческих дисциплинах или гуманитарных на юмор может приходиться и большая роль, а в очень строгих науках – меньшая. Во-вторых, роль личности преподавателя в эксперименте велика: наш педагог умел хорошо шутить так, чтобы это воспринималось позитивно; у другого учителя результаты могли бы отличаться. В-третьих, измерение эмоциональной атмосферы с помощью опросника – метод субъективный, основан на самоотчётах студентов; не исключено влияние желаемых ответов (например, студенты группы с юмором могли более благосклонно оценивать ситуацию, зная об эксперименте). В будущем стоило бы дополнить данные качественными методами: наблюдением независимых экспертов за уроками, интервью с учащимися о их восприятии юмора преподавателя. Также перспективно исследовать долгосрочные эффекты: сохраняется ли позитивный настрой и интерес у студентов в дальнейших семестрах, продолжают ли они показывать более высокую успеваемость.

Тем не менее, несмотря на указанные ограничения, полученные результаты согласуются с общей картиной исследований педагогического юмора. Эксперимент внес вклад, продемонстрировав на конкретном примере, что уместный юмор преподавателя улучшает эмоциональный климат учебной группы, делает занятия более привлекательными для студентов и может умеренно повысить успешность обучения. Эти выводы имеют практическую значимость для преподавателей. Внедрение элементов юмора в образовательный процесс при сохранении академической корректности – может стать эффективным инструментом педагогической техники.

Проведённое исследование показало, что педагогический юмор играет заметную роль в формировании эмоциональной атмосферы учебного коллектива и способен оказывать положительное влияние на результаты обучения. Во-первых, в группе студентов, обучавшихся с регулярным использованием юмора преподавателем, сложилась более позитивная эмоциональная среда: снизился уровень тревожности, повысилась вовлечённость и улучшились отношения «преподаватель-студент». Учащиеся ощущали больше психологического комфорта и поддержки, что выражалось в более высоких оценках эмоционального климата по сравнению с группой без юмора. Во-вторых, на фоне лучшей атмосферы группа с юмором продемонстрировала несколько более высокую академическую успеваемость (средний балл итогового контроля выше, больше отличных результатов). Хотя разница в оценках не была радикальной, выявилась положительная тенденция, свидетельствующая, что юмор как минимум не снижает успеваемость, а при благоприятных условиях может её улучшить. В-третьих, результаты подтвердили важность качества и уместности юмора: использованный в нашем эксперименте дружественный, связанный с материалом юмор оказал положительное воздействие, тогда

как известно, что агрессивный или несвязанный с темой юмор может давать обратный эффект. Таким образом, для практики высшего образования можно рекомендовать педагогам осваивать приёмы конструктивного юмора – шуток и игровых моментов, направленных на активизацию внимания, снятие стресса и поддержание интереса к предмету. Это особенно актуально в современных условиях, когда удержание внимания студентов и создание благоприятного учебного климата становятся всё более сложными задачами.

Библиографические ссылки

1. Браженская Н. Е. Юмор как инструмент повышения эффективности образовательного процесса // *Педагогический журнал*. – 2016. – Т. 6, № 5А. – С. 5–12.
2. Котляренко Ю. Ю., Петрова В. И. Негативные последствия применения юмора в образовательном процессе технического вуза // *Казанский педагогический журнал*. – 2023. – № 3. – С. 101–107.
3. Саленкова Т. Юмор в обучении: польза и методы применения // *Методический дайджест «Методист в помощь»*. – 22.08.2024. – URL: <https://methodisthelp.ru/metodicheskij-dajdzhest/tpost/jasieebu11-yumor-v-obuchenii-polza-i-metodi-primene> (дата обращения: 10.11.2025).
4. Tsukawaki, R., Imura, T., & Yoshida, F. Affinity humor in the classroom: its relationship with class climate // *International Journal of Educational Research*. – 2020. – Vol. 102. – Article 101612.
5. Wanzer, M. B., Frymier, A. B., & Irwin, J. J. *Instructional humor processing theory: An explanation of the relationship between instructor humor and student learning* // *Communication Education*. – 2010. – Vol. 59, No. 1. – P. 1–18.
6. Ziv, A. Teaching and learning with humor: Experiment and replication // *Journal of Experimental Education*. – 1988. – Vol. 57, No. 1. – P. 5–15.
7. Bieg, S., Grassinger, R., & Dresel, M. Teacher humor: Longitudinal effects on students' emotions // *European Journal of Psychology of Education*. – 2019. – Vol. 34, No. 3. – P. 517–534.
8. Zhao, M., & Zheng, E. The relationship between teacher humour and learning burnout among university students in China: the moderation of learning interest and positive emotion // *Educational Psychology*. – 2025.

© Рачинский Е.А., Мухамедвалеева Е.А., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГИБКОСТЬ КАК СИСТЕМНЫЙ РЕСУРС АДАПТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Г. М. Цуцкарев

студент 4 курса,

СибГУ им. М. Ф. Решетнева,

г. Красноярск, Россия

E-mail: German17082004@gmail.com

И. В. Гудовский

доцент, СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

E-mail: igud@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о роли психологической гибкости как системного ресурса адаптации в современном образовании. Рассматривается использование психологической гибкости в качестве фундамента для формирования ключевых компетенций, необходимых для успешной адаптации студентов и педагогов в условиях динамичных изменений.

Ключевые слова: психологическая гибкость, адаптация в образовании, когнитивная гибкость, эмоциональная гибкость, поведенческая гибкость, ригидность, терапия принятия и ответственности.

The article discusses the role of psychological flexibility as a systemic resource of adaptation in modern education. The article considers the use of psychological flexibility as a foundation for the formation of key competencies necessary for the successful adaptation of students and teachers in the context of dynamic changes.

Key words: psychological flexibility, adaptation in education, cognitive flexibility, emotional flexibility, behavioral flexibility, rigidity, acceptance and responsibility therapy.

Современный мир, отличающийся высокой динамикой социальных, образовательных и профессиональных преобразований, обуславливает особую актуальность проблемы психологической гибкости. Необходимость постоянной адаптации к новым условиям, отказа от неэффективных поведенческих моделей и сохранения продуктивности в ситуации неопределенности выдвигает данное качество в центр дискуссий о благополучии и успешной адаптации личности.

Как демонстрирует масштабный обзор Кэтлин М. Черри и ее коллег, научное сообщество еще не достигло консенсуса в едином понимании этого феномена. Он предстает как сложное, многогранное образование, интерпретируемое через разнообразные и зачастую частично пересекающиеся теоретические конструкции.

Практическая значимость исследования психологической гибкости для образования чрезвычайно высока. По сути, она является фундаментом для формирования ключевых компетенций современного человека, включая:

- способность к непрерывному обучению на протяжении жизни;
- умение эффективно адаптироваться к изменяющимся образовательным требованиям;
- конструктивное преодоление академических трудностей;
- выстраивание гармоничных отношений с окружающими.

Анализ, проведенный Кэтлин М. Черри, позволяет сделать важный вывод: психологическая гибкость не представляет собой единую и статичную черту характера. В большей степени это мета-конструкт, объединяющий целый спектр отдельных психических процессов. Исследователям удалось вычленить и систематизировать 11 основных конструктов, описывающих саму гибкость, и 11 - характеризующих ее противоположность, ригидность.

Среди ключевых компонентов гибкости, наиболее значимых для образовательной деятельности, можно выделить следующие:

- когнитивная гибкость - способность к быстрому переключению между задачами и изменению стратегий мышления в соответствии с новыми условиями;
- эмоциональная гибкость - умение не только распознавать свои эмоции, но и принимать их, а также регулировать свои реакции в зависимости от контекста;
- поведенческая гибкость - способность варьировать свое поведение для достижения целей в меняющихся обстоятельствах;
- экзистенциальная гибкость (например, «поиск смысла») - готовность пересматривать свои жизненные цели и ценности под влиянием обстоятельств [1].

Им противостоят проявления ригидности, такие как:

- психологическая ригидность - глобальная неспособность менять поведение или установки, даже при их доказанной неэффективности;
- персеверация - навязчивое повторение одних и тех же мыслей или действий;
- догматизм - негибкость убеждений и закрытость для нового опыта;
- избегание опыта - устойчивое стремление избегать неприятных мыслей и чувств, что существенно ограничивает поведенческий репертуар [1].

Один из ключевых методологических выводов заключается в том, что гибкость и ригидность не являются двумя полюсами единого континуума. Ряд исследований, включая анализ Черри, свидетельствует об их относительной независимости [1]. Это положение фундаментально, поскольку из него следует, что один и тот же человек может демонстрировать высокую гибкость в одной сфере и оставаться ригидным в другой.

Например, студент, способный легко решать сложные задачи (демонстрируя высокую когнитивную гибкость), может испытывать значительные трудности в коммуникации, повторяя одни и те же неэффективные модели взаимодействия (что свидетельствует о поведенческой ригидности). Этот пример иллюстрирует разноуровневую природу феномена и необходимость его многомерной оценки.

Несмотря на концептуальное разнообразие, в научном сообществе формируется интегративное понимание психологической гибкости. В широком смысле ее определяют как динамическую и контекстно-зависимую способность адекватно адаптировать свои мысли, эмоции и поведение в ответ на внешние и внутренние изменения для движения к значимым целям [1]. Это определение подчеркивает ее процессуальный и ценностно-ориентированный характер.

Эту мысль развивают и другие авторы. Например, Сергей Юрьевич Чувашов рассматривает психологическую гибкость как способность, формируемую несколькими компонентами:

- способность к осознанному присутствию - быть в настоящем моменте, полностью;
- открытость эмоциональному опыту - готовность принимать любые свои эмоции, включая негативные;
- способность к ценностно-ориентированному поведению - умение действовать в соответствии с глубинными ценностями, несмотря на внутренние препятствия.

Существенный вклад в понимание феномена вносит Терапия Принятия и Ответственности (АСТ). Согласно этому подходу, популяризированному Руссом Хэррисом, психологическая гибкость – это способность полностью присутствовать в

настоящем моменте, не борясь с внутренними переживаниями, и при этом гибко менять свое поведение ради значимых ценностей [5]. Хэррис рассматривает ее как фундаментальный мета-навык, состоящий из шести процессов.

Лариса Максимовна Митина, в контексте профессиональной деятельности педагога, определяет психологическую гибкость как умение своевременно изменять профессиональное поведение в ответ на динамику условий. В ее модели феномен раскрывается через три компонента:

- когнитивный – способность к нестереотипному анализу педагогической ситуации;
- эмоциональный – умение управлять своими состояниями и распознавать эмоции учеников;
- поведенческий – владение разнообразным арсеналом педагогических техник и свобода в их применении [4].

Теоретический фундамент феномену обеспечивает единая теория психических процессов Льва Марковича Веккера. С его точки зрения, психика представляет собой активную, многоуровневую модель мира, постоянно перестраивающуюся в процессе взаимодействия с реальностью [3]. Психологическая гибкость является прямым проявлением пластичности этой внутренней модели.

Согласно Веккеру, гибкость проявляется в свободном переходе между уровнями психики: от сенсорно-перцептивного к уровню представлений и речемыслительному. Ригидность же, напротив, представляет собой «застывание» на одном из них. Более того, такие «сквозные» процессы, как внимание, память и эмоции, служат операциональной основой для общей гибкости [3]. Таким образом, теория Веккера позволяет рассматривать гибкость как системное свойство психики в ее целостности.

В контексте образования психологическая гибкость оказывается ключевым ресурсом для всех участников образовательного процесса. Для учащихся ее развитие позволяет:

- эффективнее переключаться между академическими дисциплинами и глубже усваивать материал;
- вырабатывать индивидуальные и эффективные стратегии обучения;
- конструктивно относиться к ошибкам, воспринимая их как опыт для развития;
- повышать устойчивость к стрессу и раскрывать творческий потенциал.

Развитие процессов, входящих в модель АСТ, позволяет студентам действовать в соответствии со своими ценностями, даже в условиях внутреннего сопротивления [5].

Для педагогов психологическая гибкость является профессионально важным качеством. Она позволяет:

- гибко адаптировать содержание и методики преподавания под конкретную аудиторию;
- адекватно реагировать на непредвиденные ситуации в учебном процессе;
- эффективно управлять своими эмоциональными состояниями, минимизируя риск профессионального выгорания;
- создавать в педагогическом коллективе и классе поддерживающую психологическую атмосферу.

Именно это качество позволяет педагогу качественно выполнять свои профессиональные функции: адаптировать образовательный процесс под потребности учащихся, способствовать их развитию и конструктивно разрешать неизбежные конфликтные ситуации [4].

В заключение можно констатировать, что психологическая гибкость предстает как сложный, многомерный и динамичный феномен, интегрирующий когнитивные, эмоциональные, поведенческие и ценностно-смысловые аспекты. Рассмотрение ее в качестве системного свойства целостной психики открывает широкие перспективы для дальнейших научных изысканий и практической работы.

Эмпирическое исследование, представленное далее, направлено на изучение уровня развития психологической гибкости у студентов помогающих профессий. Студенты зачастую подвержены, в своей учебной деятельности, повышенным эмоциональными нагрузками, характерными для будущей профессиональной деятельности, а также нахождением на ключевом этапе личностного и профессионального становления.

Базой исследования являются обучающиеся по программе бакалавриата (направление 44.03.01 «Педагогическое образование») Федерального государственного бюджетного общеобразовательного учреждения высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф.Решетнева» 2-4 курса психолого-педагогических специальностей, направление «Психология трудовой деятельности», в возрасте от 18 до 25 лет.

Выборку составили 30 человек. В исследовании принимали участия люди разных характеров, возрастов и гендеров. Список кандидатов на исследование был подобран случайным образом.

В рамках исследования, были применены следующие методы:

Комплексная оценка психологической гибкости (CompACT)

CompACT – это валидный и надежный самоотчетный опросник, разработанный для комплексного измерения ключевых процессов психологической гибкости, являющейся центральным конструктом в Терапии Принятия и Ответственности (Acceptance and Commitment Therapy, АСТ). Методика обладает отличными психометрическими качествами. Ее внутренняя согласованность очень высока (α Кронбаха от 0,84 до 0,90), а результаты остаются стабильными даже через три месяца. Это значит, что она измеряет качества устойчиво. Важно и то, что CompACT не просто дублирует старые опросники, а добавляет новую информацию, лучше предсказывая благополучие человека [6].

Опросник состоит из 23 утверждений, на которые нужно ответить по 7-балльной шкале. Он не дробит гибкость на множество мелких частей, а объединяет их в три больших и понятных блока:

- открытость: насколько человек готов принимать свои внутренние переживания (мысли, чувства), не пытаясь от них избавиться;
- осознанность: способность быть «здесь и сейчас», осознавать свои действия и не жить «на автопилоте»;
- ценностно-направленная активность: ясное понимание своих жизненных ценностей и готовность действовать в соответствии с ними, даже когда трудно.

Анализ результатов данной методики проходил в общем контексте – были выявлены средние показатели всех респондентов (Рис. 1).

Рисунок 1 – Результаты в виде диаграммы по методике CompACT

Результаты исследования уровня психологической гибкости у респондентов демонстрируют средний показатель в 90 баллов из возможных 138. Данный результат, хотя и превышает среднестатистическое значение, не может быть классифицирован как высокий для специалистов помогающих профессий. В рамках анализа были также вычислены показатели по каждому из блоков.

В блоке, измеряющем открытость опыту, респонденты набрали 31 балл из 60. Этот результат соответствует среднему уровню, что указывает на способность респондентов принимать свои внутренние переживания, включая мысли и чувства, без стремления их подавлять. Средний балл также свидетельствует как о готовности к принятию внутреннего опыта, так и о возможности его избегания.

По блоку поведенческой осознанности, респонденты получили 21 балл из 30 возможных. Этот результат находится выше среднего уровня. Блок оценивает способность респондентов к осознанному присутствию в текущем моменте и умение рефлексивно анализировать свои действия, избегая автоматизированных, неосознанных реакций. Анализ результатов показывает, что большинство респондентов способны осознавать себя в настоящем моменте и контролировать свои действия.

В блоке, оценивающем соответствие ценностям, респонденты набрали 38 баллов из 48. Этот результат также выше среднего уровня. Блок направлен на выявление осознания респондентами своих жизненных приоритетов и их готовности следовать им, несмотря на возникающие трудности. Результаты свидетельствуют о высокой ясности ценностей у большинства респондентов и их активной позиции в их реализации.

Таким образом, результаты исследования демонстрируют у респондентов общий средний уровень психологической гибкости, который, однако, характеризуется сильными сторонами в виде высокой ясности ценностей и осознанного следования им, а также развитой поведенческой осознанности, при этом ключевой зоной для дальнейшего развития остается открытость внутреннему опыту, что указывает на потенциал для роста в области принятия своих переживаний без стремления их избегать.

Многомерный опросник психологической гибкости (MPFI)

MPFI (Многомерный опросник психологической гибкости) – это современный инструмент, разработанный Робертом Роджерсом и его коллегами в 2018 году. MPFI рассматривает гибкость и ригидность как два отдельных, но взаимосвязанных конструкта, каждый из которых состоит из нескольких специфических процессов. Его надежность подтверждена: все шкалы демонстрируют внутреннюю согласованность (α Кронбаха от 0,83 до 0,95), а результаты устойчивы во времени [7].

MPFI состоит из 60 вопросов и оценивает 12 отдельных процессов. Он разделяет психологическую гибкость и психологическую ригидность, показывая самостоятельность различных наборов навыков.

- домен Гибкости включает 6 процессов: Принятие, Осознанность, Я-как-контекст, Ценности, Направленные действия и Декомпозиция (умение отстраниться от мыслей);
- домен Ригидности также включает 6 процессов: Избегание, Отсутствие контакта с настоящим, Самокритика, Неясность ценностей, Бездействие и Слияние с мыслями.

Обработка результатов этой методики осуществлялась в общем контексте. Были определены средние показатели всех участников, на основе которых был создан единый психологический профиль, соответствующий результатам опросника (Рис. 2).

Результаты проведенного опросника среди респондентов показали следующие средние значения: 2,8 балла из 6 возможных по шкале психологической негибкости и 4 балла из 6 по шкале психологической гибкости. Эти показатели находятся в диапазоне средней выраженности в соответствии с нормами авторов методики.

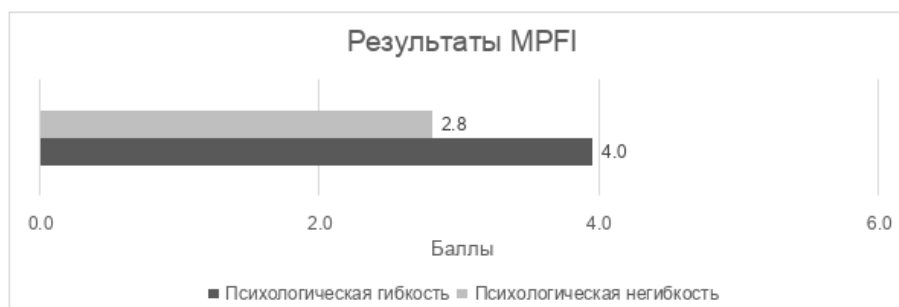

Рисунок 2 – Результаты MPFI выраженный в среднем значении среди всех испытуемых в виде диаграммы.

Согласно интерпретации методики, можно сделать вывод, что психологический профиль респондентов является смешанным. Он характеризуется некоторыми высокими значениями по параметрам гибкости и относительно высокими значениями по параметрам негибкости (ригидности). Тем не менее, данный профиль также включает тенденции здорового типа, выраженные в высоких показателях по шкале психологической гибкости и низких показателях по шкале психологической негибкости в целом.

Для более детального обзора каждого из параметров была проведена интерпретация, представленная далее на рисунках 3 и 4.

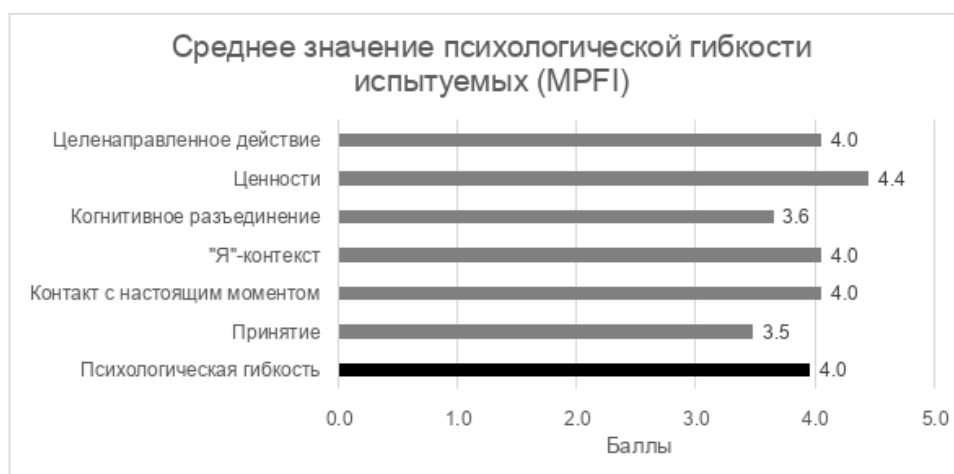

Рисунок 3 – Среднее значение психологической гибкости испытуемых в виде диаграммы по методике MPFI

Как было ранее указано, средний показатель психологической гибкости участников исследования составил 4 балла. Этот результат соответствует среднему диапазону, установленному авторами методики, который варьируется от 3 до 4,8 баллов.

Наивысший балл среди компонентов шкалы психологической гибкости был зафиксирован по показателю «Ценности» - 4,4 балла. Этот показатель отражает степень осознания индивидом своих глубинных ценностей и уровень их реализации в повседневной жизни.

Показатели «Целенаправленное действие»; «Я - контекст»; «Контакт с настоящим моментом» продемонстрировали средние значения среди всех остальных компонентов, каждый из которых получил оценку в 4 балла.

Отстающими показателями являются следующие параметры: «Когнитивное разъединение» с оценкой 3,6 балла, что отражает способность индивидуума дистанцироваться от своих собственных мыслей, рассматривая их исключительно как когнитивные репрезентации в форме слов или образов, а не как объективные данные или

императивы для действий. Также в отстающих показателях находится «Принятие» с оценкой 3,5 балла, что указывает на способность индивида принимать свои негативные мысли, эмоции и физические ощущения без сопротивления, избегания или подавления.

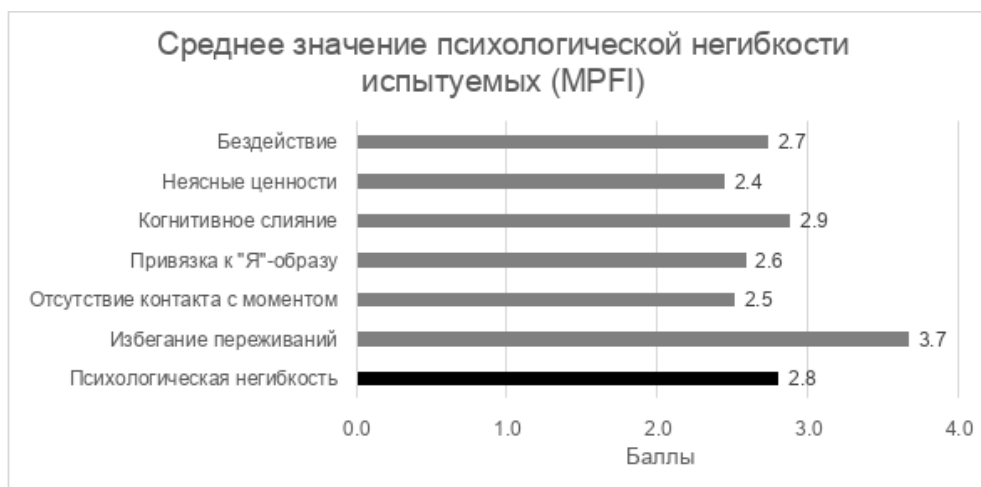

Рисунок 4 – Среднее значение психологической негибкости испытуемых в виде диаграммы по методике MPFI

В контексте анализа шкалы психологической негибкости, результаты участников исследования продемонстрировали средний показатель в 2,8 балла, что соответствует установленному диапазону методики, варьирующемуся от 1,8 до 3,6 баллов.

Наивысший показатель по шкале среди респондентов был зафиксирован в категории «Избегание переживаний», составивший 3,7 балла. Этот показатель отражает активные усилия по контролю, подавлению или избеганию негативных внутренних переживаний, включая мысли, эмоции и воспоминания.

Второй по выраженности показатель был отмечен в категории «Когнитивное слияние», с результатом в 2,9 балла. Данный параметр указывает на тенденцию респондентов воспринимать собственные мысли буквально, следовать их содержанию и рассматривать их как окончательную истину.

Остальные показатели, относительно упомянутых выше, не являются явными по степени выраженности.

Таким образом, результаты исследования, проведенного с использованием MPFI, демонстрируют смешанный психологический профиль респондентов. Средний общий уровень гибкости составил 4 балла, что свидетельствует об относительно высоком уровне осознанности ценностей и целенаправленных действий. Однако компоненты, такие как принятие и когнитивное разъединение, были выражены менее значительно. В структуре негибкости, которая составила 2,8 балла, наиболее проблемными зонами оказались избегание переживаний и когнитивное слияние. Это указывает на склонность участников исследования подавлять негативные эмоциональные переживания и чрезмерно полагаться на собственные мысли. Остальные аспекты негибкости проявились с умеренной интенсивностью.

Исследование выявило у студентов помогающих профессий средний общий уровень психологической гибкости. Сильными сторонами являются ясность ценностей и способность действовать в соответствии с ними, а также осознанность. Однако ключевыми зонами для развития остаются открытость внутреннему опыту (принятие мыслей и эмоций), а также навыки дистанцирования от мыслей (когнитивное разъединение), при одновременной склонности к избеганию неприятных переживаний. Полученный профиль является смешанным, что указывает на потенциал для

целенаправленного психологического развития с целью снижения риска выгорания и повышения эффективности в будущей профессии.

Феномен психологической гибкости является краеугольным камнем для развивающих программ, нацеленных на повышение адаптивности и устойчивости всех субъектов образования. Исследование психологической гибкости продиктовано не только академическим интересом, но и практической необходимостью создания инструментов, позволяющих и студенту, и педагогу не просто адаптироваться, но и эффективно функционировать в условиях непрерывно ускоряющегося мира.

Библиографические ссылки

1. Cherry K.M., Hoeven E.V., Patterson T.S., Lumley M.N. Defining and measuring “psychological flexibility”: a narrative scoping review of diverse flexibility and rigidity constructs and perspectives / Cherry K.M., Hoeven E.V., Patterson T.S., Lumley M.N. // CLINICAL PSYCHOLOGY REVIEW. - 2021. - Review 84 – 16 с. - Текст: электронный // Sci-hub - URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1016/j.cpr.2021.101973> (дата обращения: 14.10.2025).
2. Чувашов, С. Ю. Психологическая гибкость как ключевой фактор психического здоровья / Чувашов С. Ю. - 2025 - 11 с. - Текст : электронный // ЛитРес. - URL: <https://www.litres.ru/book/sergey-urevich-chuva/psihologicheskaya-gibkost-kak-kluchevoy-faktor-psihic-72516337/chitat-onlayn/> (дата обращения: 14.10.2025).
3. Веккер, Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов / Л. М. Веккер; Под общ. ред. А. В. Либины. - Москва: Смысл, 1998. - 679 с. - Текст: непосредственный.
4. Митина, Л. М. Психология труда учителя: учебник для вузов / Л. М. Митина. - 2-е изд. - Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 337 с.- Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт. - URL: <https://urait.ru/bcode/566960> (дата обращения: 14.10.2025).
5. Хэррис Р. Полное наглядное пособие по терапии принятия и ответственности / Хэррис Р. - Москва: Эксмо, 2024 - 432 с. - Текст: непосредственный.
6. Ashley W. Francis, David L. Dawson, Nima Golijani-Moghaddam, The Development and Validation of the Comprehensive Assessment of Acceptance and Commitment Therapy Processes (CompACT) / Ashley W. Francis, David L Dawson // Journal of Contextual Behavioral Science. - 2016. - 39 стр. - Текст: электронный // ResearchGate. - URL: https://www.researchgate.net/publication/303553861_The_Development_and_Validation_of_the_Comprehensive_Assessment_of_Acceptance_and_Commitment_Therapy_Processes_CompACT (дата обращения: 15.10.2025).
7. Jaci L. Rolffs, Ronald D. Rogge, Kelly G. Wilson. Disentangling Components of Flexibility via the Hexaflex Model: Development and Validation of the Multidimensional Psychological Flexibility Inventory (MPFI) / Jaci L. Rolffs, Ronald D. Rogge, Kelly G. Wilson. // Assessment. – 2018. – № 25(4). – С. 458 - 482. - Текст: электронный // ResearchGate. - URL: https://www.researchgate.net/publication/301942471_Disentangling_Components_of_Flexibility_via_the_Hexaflex_Model_Development_and_Validation_of_the_Multidimensional_Psychological_Flexibility_Inventory_MPFI (дата обращения: 15.10.2025).

© Цуцкарев Г.М., Гудовский И.В., 2025

ДЕТЕКТИВНАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

А. О. Чугунов

студент 3 курса,
СибГУ им. М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия

Е. О. Кудрина

студент 3 курса,
СибГУ им. М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
E-mail: kudrinae2005@mail.ru

А. М. Портнягина

старший преподаватель, СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

В данной статье представлен теоретический анализ литературы по теме «Логическое мышление». Рассмотрен процесс развития логического мышления у детей. Конкретизировано понятие «развитие логического мышления». Проведено эмпирическое исследование на уровень развития логического мышления среди студентов, охарактеризованы и классифицированы логические игры, способствующие развитию логического мышления.

Ключевые слова: логическое мышление, развитие логического мышления, детективные игры

This article presents a theoretical analysis of the literature on the topic «Logical thinking». The process of logical thinking development in children is considered. The concept of «logical thinking development» is specified. An empirical study has been conducted on the level of logical thinking development among students, and logical games that promote the development of logical thinking have been characterized and classified.

Keywords: logical thinking, development of logical thinking, detective games.

Современный мировой порядок характеризуется наличием информационного перегруза человека [10]. Значительная часть времени посвящена просмотру информации, порой абсолютно ненужной или противоречивой. Всё это создаёт затуманенность рассудочной деятельности, снижает остроту мышления, рассеивает внимание. В результате теряется способность расставлять приоритеты, выделять действительно необходимое из всего многообразия информационного шума. Таким образом, наличие навыков обоснованно, последовательно и связно трактовать перманентно поступающую информацию является условием успешности, продуктивной работы и осознанной жизнедеятельности. Это возможно только при развитом логическом мышлении, так как именно за счёт него обеспечивается интерпретация информации с позиции важности и пригодности для дальнейшего использования.

Проведённое авторами эмпирическое исследование среди студентов на выявление уровня развития логического мышления, позволило установить, что из двадцати человек только у четырёх логическое мышление высоко развито, у остальных, то есть у подавляющего большинства, показатели пребывают в значения средних или ниже нормы.

Следовательно, логическое мышление необходимо развивать. Для решения данной задачи мы предлагаем использовать детективную игру. Сначала рассмотрим более

основательно, какие подходы существуют при описании понятия «логическое мышление», какими науками оно изучается и что подразумевается под его развитием.

Г.И. Челпанов считает, что мышление необходимо рассматривать не только как процесс, но и как средство достижения истины [16]. Первая точка зрения относится к психологии, вторая – к науке под названием логика. Психология изучает мышление в её осуществлении, не стремясь к изменению, логика, в свою очередь, – указывает пути достижения правильного мышления, побуждает прийти умозаключениями к истине. Здесь прослеживается связь между логическим мышлением и научной дисциплиной логикой: без элементов последней в структуре движения человеческой мысли невозможно существование настоящего понятия. То есть без некоторых представлений о логических операциях соответствующее мышление не возникает.

Следовательно, в отсутствие целенаправленного развития логических форм мышления самопроизвольно оно не появится. Для этого требуется наличие обобщённых знаний, динамичность умственной деятельности (многовариантность подходов к окружающим явлениям) и постоянная активность.

В детском возрасте развитость речи оказывает значительное влияние на логическое мышление: чем совершеннее отточен навык вербального общения, – это выражается в умении излагать свои мысли при помощи языка и понимать значение сказанного другим человеком – тем быстрее протекают логические операции. Речь, как основа рассмотрения объективной реальности, способствует обнаружению разнообразных по содержанию описаний для одних и тех же предметов, классификации их по каким-либо существенным или незначительным сторонам. Так мысль приходит в движение, принимает динамичный характер, обеспечивая фундамент для дальнейшего планомерного развития логического мышления.

С.Л. Рубинштейн отмечает, что процесс развития логического мышления у детей затрагивает не всю совокупность интеллектуальной деятельности, а лишь те её стороны, в которых у ребёнка сформировано достаточное представление о фактах и обнаруживается значительная и прочная связь с действительностью [15].

Исследуя особенности детского мышления, психологи (Г.С. Костюк, С.Л.Рубинштейн и Л.С. Выготский) установили наличие в известной мере соответствия между логическими формами ребёнка и взрослого человека [7]. Можно утверждать, что дошкольники уже обладают звеньями правильного логического мышления, но дедуктивная сторона, то есть получение нового положения из имеющихся знаний, вызывает затруднения даже у младших школьников. Им требуется наглядность, привязанность к индивидуальному опыту. В дальнейшем с увеличением числа понятий, которыми необходимо оперировать без их связи с какими-либо объектами действительности, формируется словесно-логическое мышление.

Иными словами, трудности с логическим мышлением зачастую проистекают из-за недостаточно развитого понятийного аппарата. Л.С. Выготский говорит о наличии у детей двух видов понятий: спонтанных (они же житейские) и неспонтанных (научных) [6]. Первые, классифицируются им, как низшая стадия развития, и сопоставимы с эмпирическим опытом, вторые – относятся к высшей ступени. Следует подчеркнуть, последние формируются только после того, как спонтанные пройдут полное своё становление от синкретов (объединений по случайным, неупорядоченным, отдельным признакам) до комплексных обобщений, и приводят к существенным изменениям в структуре житейских понятий. На основании этого положения Л.С. Выготский отводил ключевую роль обучению в развитии умственных способностей ребёнка.

Словесно-логическое мышление является пиковой точкой в процессе развития детей в младших классах. Оно предполагает возможность и умение объяснять объекты, явления и возникающие между ними отношения не при помощи чувственного непосредственного

познания и образов, а с использованием словесных понятий, суждений и выдвижением определённых последовательных умозаключений.

Г.С. Костюк выделяет в логическом мышлении две формы: конкретно-понятийное и абстрактно-понятийное [12].

Конкретно-понятийное – начальный этап развития логического мышления. Характеризуется тем, что ребёнок оперирует конкретными понятиями. В этот период все логические операции формируются и осуществляются с использованием наглядных и осязаемых объектов. Способность рассуждать и делать выводы напрямую зависит от того, насколько конкретен и знаком предмет обсуждения. Чем ближе материал к личному опыту ребенка, тем легче ему строить логические связи и умозаключения. Дети рассуждают и приходят к выводам, опираясь на конкретные примеры, действия или наглядные образцы, которые служат им основой для понимания. Данная форма мышления базируется исключительно на представлениях и конкретных понятиях. Именно они являются основой, на которой младшие школьники развивают и формируют все свои мыслительные операции.

Абстрактно-понятийное мышление представляет собой финальный этап в развитии логического мышления у детей. Формируется в среднем и старшем школьном возрасте, характеризуясь значительным изменением содержания мыслительных процессов. Ученики начинают оперировать абстракциями, общими закономерностями и усваивают нетривиальные системы понятий. Возникает способность самостоятельно решать более сложные познавательные задачи, что ведет к развитию и трансформации мыслительных операций. Они становятся обобщенными и формализованными, это позволяет применять их в новых разнообразных ситуациях. Формируется важное свойство обратимости система взаимосвязанных, обобщенных мыслительных операций. Значительно улучшаются навыки в рассуждении, аргументации, подтверждении истинности выводов, в осознании и контроле над процессом мышления.

Теперь необходимо очертить круг понятий, подпадающих под определение «развитие логического мышления». К нему относятся логические приёмы мыслительной деятельности (сравнение, обобщение, анализ, синтез, классификация, сериация, аналогия, систематизация, абстрагирование), выстраивание причинно-следственных связей, получаемые умозаключения [4].

Сравнение – умение акцентировать внимание на отдельных признаках объектов, предметов, явлений для выделения различий и сходств между ними.

Обобщение – предполагает выделение и фиксацию относительно неизменных, устойчивых свойств предметов, является следствием сравнения.

Анализ – разделение целого на составные элементы, поиск определённых свойств предметов и явлений с целью их детального рассмотрения и получения выводов.

Синтез – объединение отдельных элементов в единую систему, с учётом их специфики и свойств. Осуществляется на основе восприятия, воспоминаний и представлений.

Классификация – выявление признака (он есть основание классификации), по которому можно произвести объединение составных частей некоторого множества в группы, и получаемый результат данных действий. Выделяют функциональные, категориальные, генетические и ситуационные классификации.

Сериация – способность выстроить упорядоченные ряды по признаку убывания или возрастания.

Аналогия – умозаключение, при котором одинаковые характеристики объектов по каким-либо признакам служат основанием для объединения их по другим признакам, то есть делается вывод о схожести рассматриваемых объектов.

Систематизация – способность мысленно группировать предметы по определённым признакам.

Абстрагирование –мысленное выделение изконкретного множества некоторых элементов и отвлечение их от прочих элементов данного множества.

Причинно-следственные связи – установление особенностей взаимовлияния объектов, предметов, явлений друг на друга, где присутствует причина, приводящая к изменению положения, и следствие, как результат перестановки в системе.

Умозаключение – новое логическое следствие, проистекающее из уже известных посылов (фактов).

Только путём планомерного внедрения настоящих логических приёмов и активности со стороны индивида возможно совершенствование уровня логического мышления. Разумеется, методика, охватывающая данные операции, при систематическом произвольном применении создаст необходимый фундамент для успешной учебной деятельности, при которой увеличение понятийного инструментария, – а равно усложнение образовательной программы – не вызовет сколь бы то ни было отрицательного воздействия, так как учащийся будет обладать навыками выделения квинтэссенции из фактологического материала, его анализа и обобщения. В дальнейшем это послужит каркасом мировоззренческого подхода к реальной жизни, переполненной информацией, и создаст устойчивую систему, позволяющую расставлять приоритеты и самостоятельно разбираться в происходящих событиях.

Таким образом, развитие логического мышления – одна из ключевых задач современной педагогики, поскольку оно является фундаментом для успешного обучения, адаптации к изменяющимся условиям и решения сложных задач в любой сфере деятельности. Аникеева Нэлли Петровна считает, что игровые технологии, в частности, настольные игры детективной направленности, представляют собой эффективный инструмент для формирования и совершенствования логических способностей. Они позволяют в увлекательной форме развивать умение анализировать информацию, выявлять закономерности, строить гипотезы и делать обоснованные выводы[3]. Рассмотрим ключевые виды этих технологий и принципы их работы.

Технология «Вычитание информации», идущая на основе дедукции. Игроки получают в начале неполную информацию о преступлении (кто, где, чем совершил) и, задавая вопросы, изучая улики и анализируя действия оппонентов, должны постепенно исключать неверные варианты, пока не придут к истинному решению. Ключевым элементом является умение интерпретировать ответы и действия других, выявляя противоречия и несоответствия. Этим же характеризуется игра «Клуэдо». Участники, выступая в роли подозреваемых, должны раскрыть тайну убийства. Делая предположения и получая ответы, они исключают подозреваемых, комнаты и орудия, приближаясь к истине. Побеждает тот, кто первым выведет верную комбинацию [1]. Ещё из примеров можно указать карточную игру «Свинтус 10 лет», в которой используются специальные «указывки» и «предписания». Игроки должны вычислять карты на руках у соперников, основываясь на их действиях, что требует применения логики и дедукции [13]. В этом контексте стоит упомянуть «Мафию» – дедуктивную игру, где вычисляется мафия, путём анализа речи и поведения [5].

Технология «Сбора улик и построения гипотез», предполагает акцент на движение от частного к общему. В отличие от дедукции, индукция подразумевает сбор отдельных фактов, улик и показаний, чтобы на их основе выстроить общую картину произошедшего. Игрокам требуется анализировать, сопоставлять и обобщать информацию, выявляя связи между отдельными элементами и формируя гипотезы, которые затем проверяются новыми уликами. Показательным является игра «Эволюция. Естественный отбор». Участники наблюдают за развитием видов, собирают информацию о свойствах, стратегиях

оппонентов и доступных ресурсах, чтобы построить предположение о наиболее успешной адаптации [14].

Технология «Анализа речи и поведения». Требуется способность «читать между строк». Здесь игроки анализируют речь, мимику и поведение участников, чтобы выявить ложь, определить скрытые роли или тайные намерения. Это требует развитого социального интеллекта, умения сопереживать и интерпретировать невербальные сигналы. Как вариант, можно рассмотреть игру «Мафия», суть которой в вычислении так называемой мафии посредством анализа поведения и речи других участников. «Мафия» способствует развитию логики, дедуктивного мышления, умения анализировать вербальные и невербальные признаки и работать с информацией в условиях неопределенности [9].

Технология «Решения логических задач и головоломок» предполагает проверку аналитических способностей. Включает в себя решение логических задач, головоломок и шифров, которые позволяют получить доступ к новой информации или продвинуться по сюжету. Игрокам необходимо использовать различные типы мышления, – дедуктивное, индуктивное, абстрактное, пространственное – чтобы найти правильное решение. Типичным примером выступает игра «Пентамино» – классическая головоломка, развивающая пространственное мышление [2]. А также различные sudoku, какуро и другие логические головоломки в виде настольных игр.

Мы убедились, что существует множество настольных игр, направленных на развитие логического мышления. Их можно классифицировать по различным критериям, таким как: механика игры, количество игроков и тематика.

Разделение детективных игр по механике состоит из дедуктивных, индуктивных и логических игр. В дедуктивных играх основной акцент делается на логическом выведении информации из известных фактов. Участники исключают неверные варианты, постепенно приближаясь к истине. В индуктивной – собирают отдельные факты и улики, чтобы построить общую картину произошедшего. Важно умение анализировать, сопоставлять и обобщать информацию. В логических головоломках необходимо решать задачи, чтобы продвигаться по сюжету или достигать целей.

Классификация по количеству игроков содержит кооперативные, соревновательные и одиночные. В кооперативных – игроки объединяют свои усилия для решения общей задачи. Михаил Владимирович Кларин подчеркивал важность умения работать в команде, координировать действия и делиться информацией [11]. В соревновательных – участники соревнуются друг с другом за звание лучшего детектива. Надежда Сергеевна Жукова указывала на принципиальное значение навыка анализировать действия соперников, блефовать и использовать тактические приемы [8]. В играх для одного участника, он решает детективные задачи одиночно, развивая свои логические и аналитические способности.

Систематизация по тематике включает классические, исторические и фантастические детективы. Классические – вдохновлены классикой детективных романов, с характерными персонажами и атмосферой. В исторических – действие происходит в определенной эпохе, и игроки расследуют преступления, учитывая особенности того времени. Фантастические – сюжет разворачивается в вымышленном мире, с использованием выдуманных элементов и технологий.

Большинство настольных детективных игр имеют схожий алгоритм функционирования, который включает в себя следующие этапы: представление вводной информации, сбор улик, построение и проверка гипотез, формулировка вывода. То есть игрокам представляется общая информация о преступлении, подозреваемых и обстоятельствах дела. Далее действующие лица собирают улики, анализируют показания свидетелей, изучают документы и другие источники информации. И на основе собранных

данных выдвигаются предположения о том, кто субъект преступления, а также детали его совершения. Затем проверяются различные версии, сопоставляемые с имеющимися фактами, исключаются неверные варианты. На основе проведенной аналитической работы делается окончательный вывод о том, кто виновник, восстанавливается последовательность событий преступления.

Лев Семёнович Выготский утверждал, что игра – это не просто развлечение, а важнейшая форма деятельности, способствующая развитию высших психических функций, в том числе и логического мышления [5]. В этом контексте, детективные игры представляют собой чрезвычайно ценный инструмент. Увлекательный и мотивирующий формат, создающий атмосферу азарта и соревнования, несомненно, повышает интерес к обучению. Но гораздо важнее то, как именно детективные игры стимулируют развитие логического мышления. Само расследование преступления, поиск улик, анализ информации и выстраивание логических цепочек – это сложная когнитивная задача, требующая активного применения логических операций.

Детективные игры, безусловно, развивают различные виды мышления, но особо выделяют их роль в формировании именно логического мышления. Ведь, в конечном счете, цель игры – раскрыть преступление, а это требует последовательного, обоснованного и логически выверенного процесса расследования. Нельзя просто угадать виновника – необходимо предоставить доказательства, основанные на логическом анализе имеющихся данных. Развитие критического, аналитического и системного мышления – это, в значительной степени, побочный эффект активной работы логического мышления в контексте игры.

Из всего вышеизложенного можно заключить, что детективная игра должна использоваться, как средство развития логического мышления. Она включает в себя весь спектр логических операций, тренирует навыки аналитической деятельности, способности эффективной работы с информацией. Это формирует необходимые способности как для обучения, так и для реальной жизнедеятельности, многократно повышающие уровень индивидуальной конкурентоспособности в эпоху информационного перегруза.

Библиографические ссылки

1. IntelToys. Cluedo (Клуэдо): детективная игра / IntelToys // IntelToys.ru – 2023. – URL: <https://inteltoys.ru/articles/cat7/article689.html> - Текст электронный.
2. Weisstein, Eric W. Pentomino / Eric W. Weisstein // Wolfram MathWorld: – URL: <https://isomerdesign.com/Pentomino/> – Текст электронный.
3. Аникеева, Н. П. Воспитание игрой: Книга для учителя / Н. П. Аникеева. – М.: Просвещение, 1987. – 144 с. – Текст непосредственный.
4. Белошистая, А. В. Развитие логического мышления младших школьников : учебник для вузов / А. В. Белошистая, В. В. Левитес. – 2-е изд. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 129 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-11117-0. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://www.urait.ru/bcode/565724/p.11>
5. Выготский, Л. С. Игра и её роль в психическом развитии ребёнка / Л. С. Выготский // Вопросы психологии. – 1966. – № 6. – С. 62–76. – Текст непосредственный.
6. Выготский, Л.С. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 2. – М.: 1982. – 504 с. – Текст : непосредственный.
7. Гилевич, И. М. Развитие логического мышления и особенности усвоения основ наук слабослышащими школьниками [Текст] / И. М. Гилевич, К. Г. Коровин, Л. В. Николаева и др. ; Под ред. И. М. Гилевич, К. Г. Коровина. – М. : Педагогика, 1986. – 160 с. – (Образование. Педагогические науки. Дефектология). – Текст : непосредственный.

8. Жукова, Н. С. Игра как средство развития познавательной деятельности у младших школьников / Н. С. Жукова // Начальная школа. – 2015. – № 7. – С. 23–27. – Текст непосредственный.
9. Как играть в «Мафию»: правила и интересные факты об игре / Комсомольская правда // KP.RU – 2023. – URL: <https://www.kp.ru/family/hobbi/kak-igrat-v-mafiju/> - Текст электронный.
10. Кисляков, П. А. Устойчивость личности к социокультурным угрозам в условиях цифровой трансформации общества / П. А. Кисляков, А. Л. Меерсон, Е. А. Шмелева, М. О. Александрович // Образование и наука. – 2021. – № 9. – С. 142-168. – ISSN 1994-5639. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/357569>
11. Кларин, М. В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии. (Анализ зарубежного опыта) / М. В. Кларин. – Рига: Эксперимент, 1998. – 176 с. - Текст непосредственный.
12. Костюк, Г.С. Мышление. – В кн.: Педагогическая энциклопедия. – М.: 1965. Т. 2. Ст. 899 – 909. – Текст : непосредственный.
13. Настольная игра HobbyWorld «Свинтус Юный»: описание товара / «Детский мир» - 2024. - URL: <https://www.detmir.ru/product/index/id/8750859/> - Текст электронный.
14. Правоторов, А. Обзор настольной игры "Эволюция. Естественный отбор" / А. Правоторов. // Tesera – 2010-2024. – URL: <https://tesera.ru/game/Survival-of-the-Fittest/> – Текст электронный.
15. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии. – СПб: Издательство «Питер», 2000 – 712 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»). – ISBN 978-5-459-01141-8. – Текст : непосредственный.
16. Челпанов, Г. И. Учебник логики / Г. И. Челпанов. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 230 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-12267-1. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://www.urait.ru/bcode/566849/p.4>

© Кудрина Е.О., Чугунов А.О., Портнягина А.М., 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аболина Елена Олеговна, доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Аброров Фаридун Ахмаджонович, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Авакян Тигран Артурович, студент 1 курса, ПФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М.Лебедева» г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Азарёнок Наталья Валерьевна, доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры кадровой политики и психологии управления Института государственной службы, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь.

Альшевская Александра Михайловна, студент 3 курса, Томский Государственный педагогический университет, ТГПУ, г. Томск, Российская Федерация.

Амельченко Валерия Витальевна, студент 3 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Аминева Индира Руслановна, студент 4 курса, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», АНО ВО СИБУП, г. Красноярск; Российская Федерация

Ареськина Виктория Евгеньевна, студент 3 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Ахметшина Энзе Накиевна, кандидат психологических наук, декан казанский инновационный университет Им. В.Г. Тимирязова г. Нижнекамск, Российская Федерация

Ашилова Мадина Серикбековна, асс. профессор кафедры медиакоммуникации, кандидат философских наук, доктор PhD, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, г. Алматы, Республика Казахстан.

Байгулова Наталия Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент, Томский Государственный педагогический университет, ТГПУ, г. Томск, Российская Федерация.

Банщикова Ирина Александровна, ст. преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин ПФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М.Лебедева» г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Баранов Григорий Антонович, студент 2 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Бегалинов Алибек Серикбекович, асс. профессор кафедры медиакоммуникации, кандидат философских наук, доктор PhD, Международный университет информационных технологий, г. Алматы, Республика Казахстан.

Бегалинова Калимаш Капсамаровна, профессор кафедры религиоведения и культурологии, доктор философских наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан.

Белозерцева Полина Павловна, магистрант, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Беляева Альбина Валерьевна, магистрант, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова, г. Нижнекамск, Российская Федерация,

Белякович Вероника Сергеевна, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Бикташева Алина Евгеньевна, магистрант 2 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Бобкова Екатерина Александровна, студентка 5 курса, «Томский государственный педагогический университет», г. Томск, Российская Федерация

Бобровникова Наталия Сергеевна, старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Тульский государственный, педагогический университет им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Российская Федерация.

Богданов Вячеслав Владимирович, доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация, директор ООО «Управление качеством жизни», г. Красноярск, Российская Федерация

Боярова Ольга Яковлевна, магистрант, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова, г. Нижнекамск, Российская Федерация.

Брасс Александр Анатольевич, кандидат экономических наук, доцент, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь.

Василенко Светлана Ивановна, старший преподаватель, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», г. Красноярск, Российская Федерация

Василовский Георгий Романович, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Васильцова Елизавета Викторовна, студент 3 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Ватлецова Елена Константиновна, Старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ПФ ФГБОУВО «РГУП им В.М. Лебедева» г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Величко Вера Петровна, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Веремейчик Лариса Антоновна, профессор, Белорусский национальный технический университет, БНТУ, г. Минск, Республика Беларусь

Власюк Юлия Ивановна, студент 3 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Волошина Алина Андреевна, аспирант 2 курса, Федеральное государственное образовательное учреждение «Донецкий государственный университет» г.Донецк, ДНР

Вострых Алексей Владимирович, старший преподаватель кафедры прикладной математики и безопасности информационных технологий, ФГБОУ ВО «УГПС МЧС России», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Гаврилова Яна Витальевна, студент 4 курса, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева» г.Красноярск, Российская Федерация

Гадилля Алла Михайловна, доцент кафедры экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности, Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Республика Беларусь.

Гайфуллин Андрей Юрьевич, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа, Российская Федерация,

Гиоев Георгий Эдуардович, студент 3 курса, Сибирский федеральный университет г. Красноярск, Российская Федерация

Голова Диана Александровна, студент 3 курса, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университете науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева» г.Красноярск, Российская Федерация

Гриднев Александр Олегович, аспирант 2 года обучения, преподаватель кафедры психологии, ФГБОУ ВО «НИ МГУ им. Н. П. Огарёва» г. Саранск, Российская Федерация

Грицук Елена Дмитриевна, магистрант, Полесский государственный университет, г. Пинск, Беларусь

Гудкова Мария Игоревна, студент 4 курса, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа, Российская Федерация

Гудовский Игорь Витальевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Гусева Надежда Александровна, магистрант, Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан

Гуськов Александр Юрьевич, аспирант, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный аграрный университет» Инженерный институт г. Новосибирск, Российская Федерация

Девятловский Дмитрий Николаевич, профессор, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Денисов Александр Владимирович, студент 4 курса, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева» г. Красноярск, Российская Федерация

Добрынина Варвара Владимировна, студент 3 курса, ПФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева», г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Долгих Елизавета Дмитриевна, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Дронь Михаил Иванович, доцент кафедры «Психология» Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь

Дуденко Н. А., аспирант 2 курса, Сибирского государственного университета науки и технологий имени М.Ф. Решетнёва, г. Красноярск, Российская Федерация.

Дулилец Галина Александровна, Доцент кафедры психологии, Кандидат психологических наук; Автономная некоммерческая организация высшего образования «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», АНО ВО СИБУП, г. Красноярск; Российская Федерация

Егорова Эльза Эриковна, магистрант, Казанский инновационный университета им. В.Г. Тимирязова, г. Нижнекамск, Российская Федерация

Емельянова Марина Николаевна, доцент Уральского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Журавель Дарья Вадимовна, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Завьялова Дарья Денисовна., студент 4 курса, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Российская Федерация

Зограф Марина Михайловна, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Зотин Виталий Владимирович, старший преподаватель, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Иванов Дмитрий Александрович, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Иванов Павел Николаевич, адъюнкт, Новосибирский военный институт им. Генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии РФ, г. Новосибирск, Российская Федерация

Иванова Айсылу Мусавировна, магистрант Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова, г. Нижнекамск, Российская Федерация

Иванова Ирина Петровна, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, ОмГАУ им. П.А. Столыпина г. Омск, Российская Федерация

Ильина Елена Викторовна, магистрант, СибГУ им. М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Исмагилова Алия Тахировна, магистрант, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова, г. Нижнекамск, Российская Федерация

Каверзин Иван Игоревич, студент 2 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Капустина Татьяна Олегована, студент 4 курса, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», АНО ВО СИБУП, г. Красноярск; Российская Федерация

Качаев Анатолий Александрович, магистрант 2 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Кивайко Владимир Николаевич, кандидат психологических наук, доцент Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь

Киршина Алевтина Маратовна, магистрант, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова г. Нижнекамск, Российская Федерация

Климов Андрей Алексеевич магистрант 2 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Ковальчишина Наталья Ивановна, кандидат психологических наук., доцент, , Филиал Российского Государственного Социального Университета в г. Минске, г. Минск, Республика Беларусь

Козырь Татьяна Алексеевна, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Костюк Станислав Владимирович, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Кудрина Екатерина Олеговна, студент 3 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Кудрявцев Никита Денисович, студент 3 курса, ПФ ФГБОУВО «РГУП им В.М. Лебедева» г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Кузина Евгения Михайловна, студент 4 курса, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», АНО ВО СИБУП, г. Красноярск; Российская Федерация

Кузьмина Алевтина Александровна, магистрант, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова, г. Нижнекамск, Российская Федерация

Кулько Екатерина Ивановна, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия», г. Горки, Республика Беларусь

Кутякова Анастасия Андреевна, магистрант 1 курса, ОмГАУ им. П.А. Столыпина г. Омск, Российская Федерация

Леоненко Ольга Александровна, студент 4 курса, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», АНО ВО СИБУП, г. Красноярск; Российская Федерация

Леснянская Жанна Александровна, кандидат психологических наук., доцент, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Российская Федерация

Ливак Артур Михайлович, аспирант 1 года обучения, ФГБНУ Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», г. Красноярск, Российская Федерация.

Ливак Наталия Степановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Лукашова Мария Андреевна, кандидат экономических наук., доцент, доцент кафедры СЭиТД Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования «Тульский государственный университет», г. Тула, Российская Федерация

Лукинова Алла Александровна, студент 3 курса, КФ РЭУ им. Г.В. Плеханова г. Краснодар, Российская Федерация

Лукинова Анна Александровна, студент 3 курса, КФ РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Краснодар, Российская Федерация

Лунегова Вера Александровна магистрант, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязева г. Нижнекамск, Российская Федерация

Малышева Галина Ивановна, старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин ПФ, Приволжский филиал «Российского Государственного Университета Правосудия имени В.М. Лебедева» г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Мананкова Алина Александровна, студент 4 курса, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация

Мартин Дженнифер-Валерия Андреевна, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Матюшина Мария Александровна, студент 4 курса, УВО «Университет управления «ТИСБИ», г. Казань, Российская Федерация

Мешкова Светлана Сергеевна., доктор биологических наук, доцент, профессор кафедры психологии АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», АНО ВО СИБУП, г. Красноярск, Российская Федерация

Микелевич Елена Болеславовна, кандидат психологических наук, доцент, Полеского государственного университета, г. Пинск, Беларусь

Морозова Анастасия Андреевна, студент 4 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г.Красноярск, Российская Федерация

Мустафина Лилия Фаатовна, доцент, кандидат педагогических наук, УВО «Университет управления «ТИСБИ», г. Казань, Российская Федерация

Мухамедвалеева Елена Анатольевна, доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Непомнящих Вероника Викторовна, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Новаш Валерия Андреевна студент 4 курса, Филиал Российского Государственного Социального Университета в г. Минске г. Минск, Республика Беларусь

Новиков Сергей Дмитриевич, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Новичук Ксения Николаевна, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Олимжонова Карина Улугбековна, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Омарова Елена Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, Кубанский институт профессионального образования, г. Краснодар, Российская Федерация

Петунина Анна Георгиевна, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Пимченко Арина Александровна, студент 3 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Пиневич Анна Александровна, Студент 2 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Пискорская Светлана Юрьевна, профессор, доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Плотников Кирилл Игоревич, магистрант 1 курса, ОмГАУ им. П.А. Столыпина, г. Омск, Российская Федерация

Полещук Юлия Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, г. Минск, Беларусь

Пономарева Марина Авинировна, заведующий кафедрой кадровой политики и психологии управления Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь

Портнягина Анастасия Михайловна, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Пчелкина Анастасия Юрьевна, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Пыжова Наталья Николаевна, доцент кафедры кадровой политики и психологии управления, Академия управления при президенте Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь

Радько Татьяна Александровна, студент 2 курса, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, г. Минск, Беларусь

Ранский Максим Анатольевич, магистрант 1 курса Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Рачинский Евгений Алексеевич, студент 2 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Ревуцкая Ирина Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, Российская Федерация

Рихтгофен Элейя Евгеньевна, студент 3 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Рубец Сергей Григорьевич, кандидат технических наук, доцент кафедры тракторов, автомобилей и машин для природообустройства, УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия», г. Горки, Республика Беларусь

Рыбакова Яна Владимировна, магистрант 2 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Савченко Яна Викторовна, студент 3 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Самарина Татьяна Алексеевна, студент 2 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Самсонов Никита Олегович, студент 4 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г.Красноярск, Российская Федерация

Сафронов Вячеслав Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Селеверстова Софья Ивановна, студент 4 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Семенова Мария Сергеевна, студент 4 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Серебряков Богдан Андреевич, студент 2 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Ситдиков Дамир Ильдарович, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Смирная Анастасия Андреевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Спиглазова Марина Витальевна, студент 3 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Столярова Светлана Андреевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Стрельникова Наталья Игоревна, студент 4 курса, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный технический университет» г. Тамбов, Российская Федерация

Талипова Олеся Азатовна, кандидат психологических наук, доцент Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова; г. Нижнекамск, Российская Федерация,

Темерова Евгения Игоревна, студент 4 курс, АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии» АНО ВО СИБУП, г. Красноярск, Российская Федерация

Терещенко Екатерина Сергеевна, студент 3 курса ПФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева», г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Тимохин Николай Николаевич, аспирант, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Титова Виктория Дмитриевна, студент 3 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Томилова Светлана Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Федоровская Дарья Александровна, студент 2 курса, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого», г. Тула, Российская Федерация

Фомина Наталья Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления персоналом, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация

Хазырова Оксана Нуровна, студент 2 курса, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация

Харченкова София Станиславовна, студент 4 курса, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация

Холодилова Алена Игоревна, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Хрипкова Анастасия Дмитриевна, студент 4 курса, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» г. Тула, Российская Федерация.

Цуцкарев Герман Михайлович, студент 4 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Чашин Денис Андреевич, студент 3 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Чашина Анна Александровна, кандидат философских наук, доцент ВАК, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация

Чепрасова Марина Сергеевна, студент 3 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Чугунов Андрей Олегович, студент 3 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Шаньгина Екатерина Алексеевна, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Швечикова Владислава Сергеевна, студент 2 курса, ПФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева», г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Шершнёва Татьяна Викторовна, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии, Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь.

Шитакова Ольга Юрьевна, аспирант, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный аграрный университет» Инженерный институт г. Новосибирск, Российская Федерация

Юрковская Галина Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Юрьева Мария Васильевна, доцент, кандидат педагогических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мичуринский государственный аграрный университет», г. Мичуринск, Российская Федерация

Юшкова Елизавета Петровна, магистрант 2 курса, Казанский Инновационный университет им. В.Г. Тимирязова, г. Казань, Российская Федерация

Яцкая Дарья Дмитриевна, магистрант 1 курса, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация